

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856170 5

ВЪСНУКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1884.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. ВАСИЛЕВЪ

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1884.

Стр.

I.—ЮНОШЕСКИЙ ПОРТРЕТЪ ТУРГЕНЕВА.—М. С.	5
II.—ДОВОЛЬНО!—Стихотвореніе на Тургеневскую тѣму.—С. А. Андреевскаго . . .	8
III.—НАША СЕМЬЯ И ЕЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ.—Очерки.—I-V.—В. Я. Стоюнина	16
IV.—ПО ИСПАНІИ.—Изъ путешествія.—I-V.—Д. Л. Мордовцева	73
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Як. Старостина	119
VI.—СИСТЕМА МЕТТЕРНИХА.—По его письмамъ.—I-II.—А. Д. Градовскаго . . .	125
VII.—НАРОДНИЧЕСТВО.—Статьи первая.—А. Н. Пыпина	152
VIII.—ЖИЛКА.—Изъ разсказовъ о золотѣ.—I-X.—Д. Н. Мамина	183
IX.—ОСАДА ЛОНДОНА.—Повѣсть Генри Джемса-младшаго.—Часть первая.—Съ англійскаго.—А. Э.	277
X.—МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.—Биографія, письма и пр., Ф. М. Достоевскаго.—К. К. Арсеньева	322
XI.—ХРОНИКА.—Овъ усиленіи производительности Россіи.—Одна изъ задачъ нашей интеллигенціи.—Д. Торохова	343
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—„Политическіе будни“, какъ девизъ минувшаго года.—Движеніе въ экономической сферѣ.—Полемика о государственномъ социализмѣ; отношеніе ея къ старому вопросу о либеральной партіи.—Наша консервативная печать.—Ученныя общества о вопросахъ дня.—Исполненіе росписи 1882 г.—Министерство финансовъ и его противники.—Судебная развязка буковской катастрофы	379
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общее политическое положеніе Европы въ 1883 году.—Ходъ дѣла во Франціи.—Нерѣшенные вопросы.—Жалобы на упадокъ „престижа“ и на вѣщныя неудачи.—Особенности колониальныхъ войнъ.—Критика Леруа-Болье и ея результаты.—Политическій застой въ Германіи.—Газетная полемика о войнѣ.—Ненормальное состояніе страны и возможный изъ него выходъ.—Дипломатія князя Бисмарка.—Австрійскія дѣла.—Соціальныя вопросы въ Англіи.	398
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Павла Якушкина, изд. Вл. Михневича.—Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., Перетятковича.—Матеріалы для антропологическаго описанія Россіи. I. Мордча-Эрза. В. Майнова.—Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи, И. Дмитревскаго.—Очерки Крыма, Евг. Маркова.—А. Н.—Шевскіи, въ перев. А. Л. Соколовскаго: Гамлетъ.—К. К.	415
XV.—ЗАМѢТКА.—Еще объ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, г. Карѣва.—Л. С.	430
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Разныя точки стоянія политическаго барометра.—Общественный контроль надъ приговорами присяжныхъ; пермская корреспонденція и дѣло Островлево.—Г-нъ Маркеничъ и театально-литературный комитетъ.—Гр. Л. Н. Толстой, „сознающій слабость своихъ твореній“.—Женскіе врачеваніе бурса, побиваемыя съ помощью беллетристики.—Обязательно ли исполненіе обязанности?—Новый Лермонтовскій Музей въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ	433
XVII.—ОТЪ РЕДАКЦИИ.—Подписка на памятники И. С. Тургеневу	448
XVIII.—ВИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, въ X томахъ, Посмертное изданіе Глазунова.—Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, въ VIII т. Изданіе Глазунова.—Три изъ „Записокъ Охотника“, въ силуэтахъ, Елиз. Бѣтъ.—Очерки путешествія въ Гималаи, г-на и г-жи Верещагинскихъ, ч. I.—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. III.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1884 г. см. ниже на оберткѣ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ БЕРЛИНЪ, ВЪ 1838—39 ГГ.

(ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ, ЯНВАРЬ 1884 Г.).

Digitized by Google

ВЪВЕДЕНІЕ.

Е В Р О П Е

ДЕВЯТАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — 1892 Г.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XLVIII. — ТОМЪ CCLXXIX. — 1/10 ЯНВАРЯ, 1884.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

1294

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ.
№ 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1884

131

MAY 26
1884

(652)

ЮНОШЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ ТУРГЕНЕВА.

Мы оставляемъ за собою годъ — памятный, къ сожалѣнію, по той тяжелой уtratѣ, какую понесла въ августѣ мѣсяцѣ и русская литература, и все русское общество... Первая страница нашего журнала, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, не разъ принадлежала Тургеневу, и въ прошедшемъ году она должна была принадлежать ему же, но онъ самъ отказался тогда отъ своего почти обычнаго мѣста, по слѣдующему случаю. Черезъ его посредство, редакция получила изъ Парижа, одновременно съ «Кларою Милитъ», послѣднюю рукописью Тургенева, новыя строфы изъ «Евгенія Онегина» Пушкина. По этому поводу, Тургеневъ писалъ намъ, отъ 2-го декабря ст. стила: «Надѣюсь, любезнѣйшій М. М., что вы теперь въ *малинѣ*, къ которой не примѣшивается никакой *кранисы*» (намѣкъ, понятный для одной редакціи журнала: въ предъидущихъ своихъ письмахъ Т. высказывалъ опасеніе, оказавшееся, впрочемъ, неосновательнымъ, — за удобство появленія въ свѣтъ всѣхъ его «Стихотвореній въ прозѣ», напечатанныхъ въ декабрьской книжкѣ журнала; письмо же писалъ онъ 2-го декабря, когда книжка еще не могла быть въ его рукахъ въ Парижѣ, и потому онъ только «надѣялся», что она вышла безпрепятственно)... «Стихи Пушкина, — продолжаетъ Тургеневъ, — которые вамъ послалъ О. — чистое золото; я бы искренне огорчился, еслибы вы не на первомъ мѣстѣ поставили моего великаго учителя». Желаніе Тургенева было исполнено редакціею, и послѣднее въ печати его произведеніе появилось годъ тому назадъ, имѣя во главѣ нежданная строфы изъ «Евгенія Онегина»,

за которыми непосредственно слѣдовала «Клара Милить». «Клара Милить» и изданныя нами наканунѣ этой повѣсти, въ декабрѣ 1882 г., «Стихотворенія въ прозѣ» — были, такимъ образомъ, лебединою пѣснью столь преждевременно покинушаго насъ поэта. Собранныя имъ самимъ, еще при жизни, всѣ произведенія его великаго художественнаго таланта, въ числѣ десяти томовъ, и оставленныя въ наслѣдство той родинѣ, которую онъ такъ горячо и неизмѣнно любилъ, и для которой такъ много потрудился въ теченіе почти сорока лѣтъ, — долгое время будутъ бережно передаваться изъ поколѣнья въ поколѣнье, какъ въ семьѣ переходить отъ дѣдовъ къ внукамъ фамильный драгоценный перстень. Намъ, пережившимъ Тургенева, остается теперь тщательно и съ любовью къ нему собрать все, что можетъ выяснитъ будущему его біографу тайну обаянія его таланта и характеръ самыхъ произведеній, вытекавшій, конечно, во многомъ изъ характера самого писателя и его ежедневной обстановки, какъ общественной, такъ и частной. Въ дополненіе къ такимъ ожидаемымъ пока собраніямъ переписки Тургенева съ его друзьями, воспоминаній о немъ и т. п., помещаемъ нынѣшній разъ во главѣ журнала ¹⁾ счастливымъ образомъ доставшійся намъ снимокъ съ рѣдкаго оригинальнаго портрета юноши-Тургенева; акварель сдѣлана въ Берлинѣ въ 1838 или 1839 г., когда Тургеневъ, окончивъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ, отправился за-границу для слушанія лекцій въ берлинскомъ университетѣ. Ему было въ то время 20—21 годъ отъ рожденія. Исторія этого портрета объяснена въ письмѣ къ намъ владѣтельницею оригинала, Варварою Николаевною Житовой; она подарила право копій съ портрета П. В. Анненкову, который обязательно уступилъ это право нашему журналу. Воспроизведеніе портрета, съ сохраненіемъ его масштаба, было выполнено въ здѣшней Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Вотъ, что писала намъ В. Н. Житова, при отправкѣ въ редакцію оригинала, изъ г. Егорьевска, рязанской губерніи, отъ 2-го ноября 1883 г.:

«М. М.—По желанію многоуважаемаго Павла Васильевича Анненкова, посылаю вамъ юношескій портретъ И. С. Тургенева, подаренный мною ему для воспроизведенія съ него копій, а васъ прошу, по минованіи надобности, возвратитъ мнѣ оригиналъ. Этотъ портретъ рисованъ акварелью въ Берлинѣ, въ 1838 или 39 году. Въ тотъ же годъ онъ былъ полученъ его матерью въ

¹⁾ См. особое приложеніе въ началѣ книги.

селѣ Спасскомъ и всегда помѣщался на ея письменномъ столѣ. Когда же она скончалась въ ноябрѣ 1850 года, въ декабрѣ того же года Иванъ Сергѣевичъ подарилъ его самъ лично мнѣ».

Рѣдею юношескій обликъ въ такой степени предсказываетъ черты старика, или, лучше сказать—рѣдею въ чертахъ старика въ такой степени сохраняются черты его юности, какъ-то случилось съ Тургеневымъ, и какъ о томъ можно судить, благодаря уцѣлѣвшему его портрету изъ эпохи самой ранней молодости покойнаго. Впрочемъ, Тургеневу надобно отдать справедливость: ему удалось до конца жизни счастливо сохранить не однѣ физическія черты юнаго лица, но также и лучшую сторону юношескаго характера и юношеской души.—Какъ пишетъ намъ В. Н. Житова, знавшіе и видѣвшіе Тургенева въ его юности, всегда свидѣтельствовали о чрезвычайномъ сходствѣ портрета; сама акварель весьма хорошей работы и сохраняетъ до сихъ поръ всю свѣжесть своей краски, несмотря на то, что оригиналъ долгое время, повидимому, оставался безъ стекла.

М. С.

ДОВОЛЬНО.

НА ТУРГЕНЕВСКУЮ ТЕМУ.

«Довольно» — шепталъ я, спускаясь лѣниво
По гладкому скату крутого обрыва
Къ спокойному лону рѣки.
«Довольно» — сказалъ я, въ равнинѣ лѣистой
Вдыхая прохладу и запахъ смолистый
И въ думахъ замедливъ шаги.
«Довольно» — рѣшилъ я, надъ гладью рѣчною
Слѣдя за небыстрою, темной волною,
Присѣвъ на зеленомъ бутрѣ;
А рѣка лилась въ берегахъ одинокихъ,
И тихо стволы камышей невысокихъ
Купала въ своемъ серебрѣ...
«Довольно!» — Ужъ некуда больше тянуться,
Довольно метаться, пора бы свернуться,
И сердцу велѣть замолчать!
Достаточно тѣшиться нѣгой мечтаній,
И чудную въ блескѣ своихъ трепетаній
Всю жизнь красоту догонять.
Извѣдано все — и мой духъ утомился...
И чтѣ мнѣ съ того, что такъ ярко разлился
По синему небу закатъ? —
Что рядомъ со мною въ кустарникѣ темномъ,
Въ безмолвіи вечера, сладкомъ и томномъ,
Волшебныя трели звенять:
Поетъ соловей съ несказанною силой, —
Какъ будто доселѣ съ восторгомъ о милой

Никто не пѣвалъ никогда?
О, все это было... и будетъ до вѣка
И даже досадно—и жаль человѣка,
И плакать не стоитъ труда.

* * *

Эхъ, старымъ я дѣлаюсь! Прежде бывало
Укоровъ судьбѣ никогда не звучало
Въ душѣ безмятежной моей—
Въ тѣ дни, когда самъ я зарей разгорался,
И счастью привѣтному весь отдавался,
И пѣлъ, какъ поетъ соловей!
Я долженъ сознаться: вокругъ потемнѣло,
И прежнее пламя души охладѣло,
И краски потухли на всемъ;
Погасли лучи животворнаго свѣта,
Боторыми прошлое было согрѣто,
Погасли на сердцѣ моемъ —
Иль брежжутъ, но душу не грѣютъ болъную...
И вотъ, я припомнилъ прогулку ночную
По улицамъ древней Москвы:
Въ забытой часовнѣ мерцала лампада...
Руинной стояла изъ камня ограда
Со всходами сорной травы:
Въ задумчивомъ сумракѣ ночи безлуной
Я сталъ у окна, и къ рѣшеткѣ чугунной
Прижался горячимъ лицомъ —
И было въ часовнѣ пустынно и дико,
Лишь строгія губы священнаго лика,
Подъ слабымъ лампаднымъ лучомъ,
Туманно видѣлись во тмѣ непроглядной—
И глухо терялся въ ней свѣточъ лампадный:
Такъ мрачно и въ сердцѣ моемъ!

* * *

И это пишу я тебѣ, дорогая,
Изъ грустной пустыни далекаго края,
Тебѣ, мой единственный другъ!
Ты помнишь... ты знаешь, какъ сердце любило—

О горѣ давнишнемъ, что насъ разлучило,
 Теперь вспоминать недосугъ...
 Тебя я покинулъ—но въ самомъ изгнаньи
 Мнѣ грезится прошлое въ чудномъ сіяньи,
 И весь я проникнуть тобой,
 И вновь я къ тебѣ ощущаю стремленье,
 И слышу я милой руки тяготѣнье
 Надъ скорбной моею головой!
 Прошедшее—общая наша утрата!
 Не видно надежды, и нѣту возврата,
 Но нѣтъ сожалѣнья въ груди—
 И чище, чѣмъ неба лазурные своды,
 Тѣ полные радости лучшіе годы,
 Что бросили мы позади:
 Видѣнья былого толпой не тѣснятся,
 Спокойно могу я на нихъ любоваться:
 Проходятъ они чередой,
 Какъ—помнишь—эсориѣ въ траурныхъ ризахъ,
 Которыхъ замѣтили мы на карнизѣхъ
 У стѣнъ Ватикана съ тобой...

* * *

Послушай... мнѣ сладко дѣлиться съ тобою,
 Задуматься вмѣстѣ надъ жизнью былою,
 Вернуться къ годамъ золотымъ.
 Я стану съ тобой говорить, дорогая,
 И думать, что ты предо мною живая
 Съ внимательнымъ взоромъ своимъ.
 О, чудныя очи! Куда вы глядите?
 Въ чью душу вы нынче отраду струите?
 О, взоръ, что меня озарялъ—
 И свѣтлый, и темный, какъ пѣнно-игристый
 Источникъ, сокрытый въ долинѣ тѣнистой,
 Подъ сѣнью задумчивыхъ скалъ...
 Послушай...

* * *

...То было на вербной недѣлѣ,
 Лишь разъ мы съ тобой повидаться успѣли
 И я, не гадая о томъ,

Чѣмъ станешь ты въ жизни моей одинокой,
 Уже очарованный, въ тайнѣ глубокой,
 Носилъ тебя въ сердцѣ своемъ;
 И вотъ—я невольно пишу торопливо—
 Мнѣ вдругъ переправа припомнилась живо
 По вспухшему, синему льду
 Одной изъ прославленныхъ рѣкъ на Россіи...
 Зимѣ будто близился часъ агоніи —
 Снѣгъ таялъ уже по слѣду...
 Повсюду вода протекала ручьями,
 Неслышныя вѣтры бродили струями
 Надъ вольной равниной полей;
 Въ сплошное сіянье молочнаго свѣта
 Нѣмая природа казалась одѣта —
 Тумана не видѣлось въ ней,
 Но каждый предметъ въ бѣлизнѣ полусонной
 Тонулъ, какъ въ обманчивый паръ облеченный,
 И все будто мѣло кругомъ.
 Оставивъ вибитку вдали за собою,
 Я по льду рѣчному невѣрной стопой
 Шагаль въ созерцаньи нѣмомъ —
 И кромѣ шаговъ замиравшаго стука,
 Другого подъ небомъ не слышалось звука..
 Охваченный нѣгой весны,
 Я дальше стремился въ слѣпомъ упоеньи,
 И грезилъ, и спрашивалъ я въ изумленьи:
 Откуда волшебные сны?..
 Какая-то радость меня осѣнила,
 Она увлекала, она торопила —
 Но міръ утопалъ въ тишинѣ...
 И вдругъ я увидѣлъ: летѣли станицей
 По блѣдному небу прилетныя птицы —
 И сердце забилося во мнѣ!..
 «О, здравствуй весна!» закричалъ я со страстью —
 «Привѣты природѣ и жизни и счастью —
 Привѣтъ благодатной любви!»
 И въ то же мгновенье съ невѣдомой силой
 Твой образъ разцвѣлъ лучезарный и милый
 Въ моей заплылавшей крови, —
 Разцвѣлъ онъ въ душѣ будто кактусъ пунцовый —
 И стало мнѣ ясно, что къ радости новой
 Отнынѣ я призванъ судьбой —

Что я полюбилъ въ этотъ день незабвенный
 Одну лишь тебя полюбилъ во вселенной —
 Что весь я наполненъ тобой!..

* * *

О, часто я, часто тебя вспоминаю,
 И много забытыхъ картинъ вызываю —
 И всюду встрѣчаю тебя.
 То вдругъ мнѣ является садъ одичалый,
 И свѣтъ разливая задумчиво-алый,
 Вдали потухаетъ заря.
 Недвижна вода на рѣкѣ у парома,
 Тесовая крыша господскаго дома
 Видна изъ-за темныхъ дубовъ;
 Калитка въ заборѣ раскрыта немного,
 Какъ будто кто вышелъ въ нее на дорогу —
 И я поджидаю шаговъ...
 Стою и гляжу на траву и песчинки
 Заросшей, но милой садовой тропинки,
 И все затихаетъ кругомъ —
 Стою, напряженный и легкій, какъ птица,
 Какъ будто готовый въ лазурь устремиться,
 Взмахнувъ притаеннымъ крыломъ...
 А сердце-то, сердце — горитъ и трепещетъ!..
 И близкое счастье слетаетъ и блещетъ
 Волшебнымъ и ласковымъ сномъ...

* * *

Вотъ въ древнемъ соборѣ ступени амвона...
 Намъ слышатся звуки унылаго звона
 И шопотъ молитвенныхъ словъ;
 Но холодомъ вѣетъ на насъ отъ народа,
 Отъ этихъ громадныхъ, подъ арками свода,
 Вверху развѣтвленныхъ столбовъ...
 А рядомъ со мною ты, будто нѣмая,
 Стоишь безучастная, точно чужая,
 И каждая складка виситъ
 Недвижно на длинномъ твоемъ одѣянии,
 И стрѣльчатыхъ оконъ цѣльное сіянье
 Блистаетъ на мраморѣ плитъ.

Но вотъ—потрясая струи еиміама,
 Какъ громъ, прокатились подъ куполы храма
 Органнныя звуки волной...
 Ты вдругъ поблѣднѣла и станъ разогнула,
 И взоромъ по мнѣ торопливо скользнула,
 Стремясь къ вышинѣ голубой —
 И мнѣ показалось, что чудная сила,
 Которая взоры твои освѣтила —
 Зовется безсмертной душой!..

* * *

А вотъ и другая картина мелькаетъ:
 Не храмъ позолоченный насъ подавляетъ
 Величіемъ строгимъ своимъ, —
 Въ уютную комнату тихо укрывшись,
 Отъ цѣлаго міра съ тобой отдѣлившись,
 Мы дружно за книгой сидимъ.
 Да, въ цѣлой вселенной одни мы съ тобою!
 Да чтó говорю я! За этой стѣною —
 И смерть, и пустыня, и тьма:
 Не вѣтеръ тамъ воетъ, не дождикъ струится,
 То хаосъ печальный рыдаетъ и злится —
 И ночь негодуетъ сама, —
 А намъ—и тепло, и свѣтло, и привѣтно,
 И дѣтская радость легко, незамѣтно,
 Какъ будто порхаетъ вокругъ...
 Къ моей головѣ ты вислокомъ прислонилась
 И взорами въ книгу мою погрузилась,
 И бьются, мнѣ слышныя вдругъ,
 Такъ явственно жили твои голубыя!..
 Въ затишьи блаженномъ сердца молодой
 Согласно и ровно стучать...
 Лицо мое раньше улыбку рождаетъ,
 Чѣмъ смѣхъ по устамъ у тебя пробѣгаетъ,
 И взглядъ отвѣчаетъ на взглядъ
 Взаимну рѣчей и вопросовъ ненужныхъ;
 Сливаются мысли въ мечтаніяхъ дружныхъ —
 Смѣшали дыханье уста —
 И вотъ ужъ послѣднія пали преграды —
 И сердце не требуетъ ббольшей отрады
 И дальше не рвется мечта!

* * *

Иль помнишь—осенняго утра прохладу
 И нашу прогулку по старому саду
 Съ забытымъ дворцомъ въ глубинѣ?..
 Средь зелени темной дорожки пустыя
 И близкой рѣки берега отложные,
 И свѣтъ въ голубой вышинѣ?
 О, какъ передать это счастье нѣмое!
 Безлюдность, и радость, и нѣгу покоя —
 Намъ чуждаго города видъ —
 Въ окрестной природѣ блистанье отрады —
 И тихія думы, и долгіе взгляды,
 Которыхъ ничто не мутитъ!..
 Вотъ—стаями галки на небѣ роятся
 И съ крикомъ осеннимъ на вѣтки садятся,
 Вотъ слышится лай вдалекѣ,
 Вонъ видно какъ въ полѣ солдаты обучаютъ,
 Беззвучныя лодки вблизи проплываютъ
 По гладкой и свѣтлой рѣкѣ...
 А помнишь скамейку, гдѣ мы отдыхали
 И головы тихо въ раздумьи склоняли? —
 Во вѣкъ мнѣ ее не забыть!
 Какъ выразить тѣ золотыя мгновенья!
 Ничтожны слова и бессильны сравненія —
 Къ чему же о нихъ говорить?
 Мы знали, что лучшихъ мгновений не будетъ —
 И правда: довольно!.. Все кончено... Будетъ,
 Довольно... и нѣ зачѣмъ жить...

* * *

Я съ грустью въ видѣннымъ роднымъ обращаюсь —
 И съ ними отнынѣ на вѣки прощаюсь!
 Такъ точно, надъ кладомъ скупой
 Дрожить и любитъ золотомъ милымъ,
 И съ нимъ разставаясь, въ молчаньи уныломъ,
 Его засыпаетъ землей!..
 Такъ точно фтиль истощенной лампы,
 Встрѣчая повсюду горѣнью преграды,

Сверкаетъ послѣднимъ лучомъ —
 И меркнетъ, скрываясь въ пеплѣ холодномъ!
 Такъ точно, печалась о лѣтѣ свободномъ,
 Звѣрокъ выползаетъ тайкомъ
 Изъ маленькой норки и смотритъ на воды,
 На солнце, на травку, на синіе своды
 Предъ долгимъ и тягостнымъ сномъ, —
 Взглянулъ—и свернулся, и въ норку забился...
 О, еслибъ ему хоть однажды приснился
 Тотъ лугъ, озаренный лучомъ!..

.

С. АНДРЕЕВСКІЙ.

НАША СЕМЬЯ

И

ЕЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ.

О черки.

Въ одной изъ книжекъ журнала «Женское образование» за истекшій годъ, въ статьѣ г. Куницкаго, былъ затронутъ очень важный вопросъ въ нашей современной жизни. Его если и касались прежде у насъ въ литературѣ, то урывками, мимоходомъ; а между тѣмъ онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это вопросъ о нашей семьѣ, въ которой съ давняго времени сталъ являться разладъ между двумя поколѣніями—отцами и дѣтьми, разладъ совершенно особаго рода, ставящій въ особое положеніе тѣхъ и другихъ, истощающій силы во внутренней, скрытой борьбѣ, въ которой есть жертвы, но нѣтъ ни побѣдителей, ни торжествующихъ. Г-нъ Куницкій задалъ себѣ задачу ¹⁾ прослѣдить въ нашей современной беллетристикѣ видоизмѣненія этого вопроса, начиная съ романа Тургенева: «Отцы и дѣти», гдѣ впервые, такъ сказать, обнаружено зародившееся тогда новое отношеніе дѣтей къ отцамъ—и отцовъ къ дѣтямъ, въ нашей образованной семьѣ. «Я хочу поставить вопросъ,—говоритъ г. Куницкій:—насколько считать нормальной и удовлетворяющей своему

¹⁾ Статья его: „Вопросъ о семьѣ въ нашей современной литературѣ“, была прочитана въ засѣданіи университетскаго литературно-научнаго общества.

назначенію семью, гдѣ родители смотрять направо, а дѣти на-
лѣво. Вѣдь о значеніи семьи въ исторіи человѣческаго развитія
распространяться нечего. Оно признано всѣми, и врядъ ли кто
будетъ спорить противъ того, что первыя дѣтскія впечатлѣнія
оставляютъ въ душѣ человѣка вѣчный и неизгладимый слѣдъ;
врядъ ли кто будетъ спорить противъ необходимости нравствен-
ной, внутренней связи отцовъ съ дѣтьми—и вліянія первыхъ
на послѣднихъ; врядъ ли кто, наконецъ, не сознаетъ въ наше
время, что образуетъ и формируетъ нравственного и отчасти
даже физическаго человѣка именно семья, а не что либо дру-
гое. А разъ это такъ, разъ роль семьи настолько громадна и
значительна,—настоятельной необходимостью для всякаго человѣ-
ческаго общества является желаніе имѣть нормальную, благо-
творно дѣйствующую и воспитывающую семью... Въ нормаль-
ной или, лучше сказать, въ идеальной семьѣ—разладу, непони-
манію другъ друга мѣста нѣтъ. Отношенія отцовъ и дѣтей въ
такой семьѣ должны были бы приводить не къ разладу и не-
пониманію, а напротивъ, къ полному пониманію, взаимному воз-
дѣйствію и единенію».

Изъ всего этого г. Куницкій составляетъ такой силлогизмъ:
въ нашей семьѣ царитъ разладъ; въ нормальной семьѣ его быть
не можетъ; стало быть, наша семья ненормальна. Противъ та-
кого логическаго вывода трудно что-нибудь сказать, если при-
знать за неопровержимую истину меньшую посылку, т.-е., что въ
нашей семьѣ царитъ разладъ. Авторъ не беретъ подтверждать
непосредственными наблюденіями надъ жизнью, а подтверждаетъ
лишь тѣми художественными произведеніями, въ которыхъ наи-
болѣе отразилась русская дѣйствительная жизнь за послѣднее
время. Изъ его разборовъ вытекаютъ слѣдующіе выводы:

Первое: что это ясно и опредѣленно констатируется литера-
турой—это фактъ: въ нашей семьѣ существуетъ разладъ между
отцами и дѣтьми. Это мы видимъ у Тургенева, Щедрина, Бобо-
рыкина (Еретикъ), Стахѣева (Домашній очагъ), Л. Н. (Полоса),
Михайлова (Голь), не говоря уже о братьяхъ Карамазовыхъ
Достоевскаго, о Сашѣ Некрасова и о многихъ другихъ, болѣе
мелкихъ произведеніяхъ.

Во-вторыхъ, причина этого разлада указывается литературою
главнымъ образомъ въ несоотвѣстствіи образованія двухъ поколѣ-
ній, стараго и молодого.

Въ третьихъ, указывается и другая причина—отсутствіе нрав-
ственныхъ основъ въ семьѣ, ея растлѣніе, грязь.

Наконецъ, въ четвертыхъ, дается отвѣтъ на вопросъ: чтó важ-

нѣе или что хуже — умственный, или нравственный диссонансъ между отцами и дѣтьми? Неразвитость родителей, или безнравственность семейныхъ основъ?.. Писатели выдвигаютъ на первый планъ и придаютъ особую важность нравственному элементу... Безнравственность семейнаго очага и всякая фальшь, положенная въ основѣ семьи, скажется рано или поздно въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, такъ или иначе.

Мы готовы согласиться со всѣми этими выводами г. Куницкаго, и протестуемъ только противъ одного: будто разладъ въ семью вносятъ учебныя заведенія, которыя отрываютъ дѣтей отъ непонимающихъ ихъ отцовъ; другими словами: учебныя заведенія вносятъ въ нашу жизнь зло тѣмъ, что дѣлаютъ дѣтей образованнѣе отцовъ, отчего происходитъ между тѣми и другими разладъ, и семья дѣлается ненормальною, теряющею воспитательную силу. Тутъ что-нибудь да не такъ! Учебное заведеніе, дѣлающее свое дѣло и вносящее тѣмъ въ жизнь зло — два явленія несовмѣстимыя. Въ вопросѣ о причинѣ зла, обнаружившагося въ жизни, необходимо глубже проникнуть въ ту сферу, гдѣ это зло проявляется и, можетъ быть, тогда придется винить школу совсѣмъ въ противоположномъ — въ томъ, что она не даетъ достаточно основательнаго образованія и мало разъясняетъ нравственные понятія, которыя должны руководить въ жизни.

Прежде всего намъ представляется, что и въ другія времена въ семьѣ безпрестанно являлось неравенство въ образованіи между старшими и младшими членами семьи: сынъ кончалъ курсъ въ университетѣ; отецъ, учившійся на мѣдныя гроши, много лѣтъ служилъ въ какой-нибудь маленькой канцеляріи даже безъ надежды на повышение, или доживалъ жизнь въ отставкѣ, перенесъ свои надежды и честолюбіе на сына. И между ними не происходило никакого разлада изъ-за того, что одинъ знаетъ больше наукъ, чѣмъ другой. Напротивъ, отцы часто хвалились образованіемъ своихъ дѣтей, а дѣти даже и не вносили въ семью никакихъ такихъ вопросовъ, которые могли бы измѣнить настоящія естественныя отношенія къ отцамъ. Я не говорю, что всѣ эти семьи были образцовыя, что въ нихъ всегда господствовали миръ, согласіе и тишина. Бывали случаи, что происходили ссоры, брань, даже драки, отцы выгоняли дѣтей изъ дому, но никакъ не изъ-за того, что дѣти являлись изъ школы образованнѣе, чѣмъ они. Тутъ были разныя причины, но не было такихъ молчаливыхъ недоразумѣній, такихъ *больныхъ мѣстъ*, до которыхъ боялись дотрогиваться, какъ это указываетъ г. Куницкій въ разныхъ новостяхъ нашей современной литературы. Точно

также не отличались большинство семей и особенной нравственной чистотою. Женатый помѣщикъ держалъ у себя гаремы, или на сторонѣ явно содержалъ любовницъ, оскорбляя на всякомъ шагѣ свою жену; мать семейства обманывала мужа на глазахъ у дѣтей; ссоры и брани между ними слышались дѣтьми безпрестанно. Разныя семейныя безобразія, грубая нравственная порча, вонечно, имѣли весьма дурное вліяніе на воспитаніе дѣтей. Выходили безпутныя и дѣти, если особенно счастливая натура, или какіе-нибудь благопріятныя случайности не развивали отращенія къ видѣнному безобразію. Случалось, что дѣти чуждались такихъ родителей, краснѣли за нихъ, но не становились въ такія отношенія, которыя навѣки прерывали всякую семейную нравственную связь. Разладъ бывалъ, но изъ него оставался и выходъ; оставались точки соприкосновенія, которыя дѣлали возможнымъ новое сближеніе.

Полагаю, что никто не будетъ отрицать всѣхъ этихъ фактовъ, говоря о прошломъ времени. Но спрашиваемъ еще разъ: отчего же они не вызывали тѣхъ послѣдствій, на какія указываютъ намъ въ настоящее время. Не слѣдуетъ ли предположить, что причины зла, сдѣлавшагося большимъ мѣстомъ въ нашей семьѣ, совсѣмъ другія. Такой непримиримый разладъ или, лучше, семейный разрывъ могло произвести не различіе въ степеняхъ образованія,—различіе, которое всегда было и будетъ, слѣдственно неизбежное,—а что-нибудь другое, болѣе глубокое и важное. Тутъ должно было произойти различіе въ коренныхъ, основныхъ нравственныхъ понятіяхъ о жизни, которыя обыкновенно проникаются извѣстнымъ чувствомъ, входятъ въ нашу совѣсть, управляютъ нашими поступками. Непримиримыя противорѣчія между людьми могутъ вытекать только отсюда, равно какъ и разное несогласіе въ идеалахъ. И тѣмъ скорѣе эти идеалы смѣнялись въ одномъ и томъ же лицѣ, тѣмъ страстнѣе оно будетъ относиться къ нимъ, и тѣмъ больше обострятся отношенія между лицами. Но будемъ ли мы искать причины такихъ отношеній въ школѣ или въ томъ образованіи, какое даетъ она? Нѣтъ, эти понятія перерабатываются не школьною наукою, а впечатлѣніями всей окружающей жизни, противорѣчіями дѣйствительности съ кропавшею моралью, скептическими вопросами, вызываемыми на каждомъ шагѣ тою же самою жизнію, а въ молодыхъ недорѣзанныхъ умахъ и идеями, которыя черпаются изъ книгъ и которыя принимаются на вѣру безъ всякой критики, требующей умъ зрѣлаго.

Наша семья была не приготовлена къ такому явленію. Отцы

не предвидѣли этого рокового критическаго момента и въ большинствѣ не могли стать руководителями юнаго поколѣнія. Да, наконецъ, нечего скрывать, воспитательныя силы нашей семьи давно уже ослабли. У нея не выработалось того идеала, котораго должно держаться воспитаніе, чтобы ввести человека въ широкій кругъ общественной дѣятельности. Наша семья развивалась и слагалась при самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ условіяхъ; они-то только и могутъ выяснить ея настоящее ненормальное положеніе. Не вдаваясь въ историческія подробности, которыя потребовали бы обширныхъ изслѣдованій, мы коснемся въ нашихъ очеркахъ лишь главныхъ моментовъ развитія русской семьи.

I.

Хотя трудно прослѣдить развитіе русской семьи отъ ея первоначальнаго, патриархальнаго вида, но по нѣкоторымъ даннымъ мы можемъ себѣ представить ея положеніе. Она и въ древности не составляла отдѣльной, независимой единицы, хотя отецъ семейства и былъ полнымъ властителемъ своей жены и дѣтей. Она была часть изъ цѣлаго рода, который состоялъ изъ многихъ семей, тѣсно связанныхъ между собою происхожденіемъ отъ одного прадѣда и признававшихъ власть старшаго въ родѣ. Единицею былъ этотъ родъ. Онъ долженъ былъ умѣрять неограниченную власть отца надъ семьей; отецъ не могъ не подчиняться мнѣнію и суду всѣхъ родичей, по крайней мѣрѣ, старшихъ изъ нихъ, не могъ пренебрегать тѣми изстари сложившимися обычаями и обрядами, которые наблюдались и свято сохранялись цѣлымъ родомъ. У каждой семьи, кромѣ своихъ семейныхъ интересовъ, былъ еще интересъ жизни общей, родовой, было чувство родовой чести: охранять ее былъ долгъ совѣсти каждаго, потому что каждый имѣлъ значеніе не самъ по себѣ, какъ личность, а по своему роду. Весь родъ вступался за безчестіе своего члена; за то весь родъ и возставалъ на него, еслибъ онъ вздумалъ противиться тому, что по общему мнѣнію рода было священнымъ, нравственнымъ; а нравственность слагалась изъ принятыхъ, укоренившихся отношеній между всѣми членами. Кто не хотѣлъ подчиняться этимъ общимъ требованіямъ, тотъ долженъ былъ оставить свой родъ; онъ извергался изъ его среды; онъ дѣлался сиротой, безъ рода и племени, и ни къ какому другому роду онъ не могъ пристать, потому что вездѣ оказывали честь чужому человеку

только по его роду. Такимъ образомъ, каждая семья была въ зависимости отъ своего рода, каждый членъ семьи воспитывался въ уваженіи къ роду, который составлялъ одну *общину* по отношенію къ той землѣ, какою владѣлъ. Итакъ семейю руководилъ не безграничный произволъ отца, а тотъ общественный родовый идеалъ, отступать отъ котораго нельзя было безъ наказанно. Семья была крѣпка этими идеалами и сурово относилась къ каждому непокорному. Примѣромъ намъ можетъ служить семья Θεодосія Печерскаго въ XI-мъ столѣтіи. Онъ съ дѣтства увлекся тѣмъ новымъ для русской жизни аскетическимъ идеаломъ, который не соотвѣтствовалъ семейно-родовымъ понятіямъ, былъ жестоко смирямъ въ своей семьѣ, и наконецъ, убѣжалъ изъ нея, найдя себѣ вѣчный пріютъ въ монастырской кельѣ. Но являлись и другіе, непокорные семьѣ и роду, которые укрывались не въ кельяхъ, а въ темныхъ лѣсахъ, составляли изъ себя особыя общества, и уже враждебно относились ко всѣмъ родичамъ. Это были *гулящие* люди, удалые разбойники, — съ которыми приходилось считаться людямъ стараго порядка.

Мало-по-малу родовыя связи стали слабѣть, и семья начала приобретать самостоятельное значеніе. Въ XVI столѣтіи, московская семья является уже какъ отдѣльная, независимая единица идеальная, и выразилась она въ извѣстномъ Домостроѣ. Въ ней отецъ семейства выступаетъ грознымъ властелиномъ, который уже называется *государемъ* дома. И въ самомъ дѣлѣ, онъ въ своей семьѣ былъ такимъ же государемъ, какимъ великій князь московскій — въ русской землѣ. Совѣты Домостроя клонятся къ тому, чтобы семью совершенно обособить отъ остальнаго міра, чтобы никто не зналъ, что дѣлается въ семьѣ. Полная монастырская замкнутость и полный произволъ владыки дома — вотъ какія были основанія семейной жизни. У семьи не было никакого высшаго идеала, который бы связывалъ ее съ другими семьями въ одно общество. Правда, въ нее вносился монастырскій, аскетическій идеалъ, но напрасно было бы думать, что онъ связываетъ семью съ церковью, т. е. съ христіанскимъ обществомъ, интересы котораго указываются какъ высшіе интересы семейной жизни; напрасно было бы заключать, что эти интересы принимаются въ соображеніе при воспитаніи дѣтей, чтобы приготовить ихъ къ жизни. Нѣтъ; вся жизнь тамъ ограничивается одними узкими, эгоистическими семейными интересами. О связи семьи съ какимъ-либо обществомъ нѣтъ нигдѣ и помину. Ясно, что тутъ не могло образоваться и какого-либо общественнаго идеала даже въ общехристіанскомъ смыслѣ; значить, для жизни внѣ семьи не могло развиваться и

представленіе какой-нибудь нравственности. Аскетическій идеалъ исключаетъ всякую общественность, вопреки человѣческой природѣ; онъ требуетъ только заботы о спасеніи души, что и вмѣнялось въ обязанность отцу семейства, который долженъ былъ съ плетью въ рукахъ спасать душу своей жены и дѣтей. Всѣ совѣты Домостроя о воспитаніи дѣтей имѣютъ въ виду только личные или семейные интересы: «дѣти еще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что сотворятъ, и отцомъ и матеремъ съ дѣтьми отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей срамота. Аще у богобоязливыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страхъ Божию и въ добръ наказаніи и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣдѣству, и промыслу и руководѣлю, и тѣ чада, съ родители своими, бывають отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чина благословенны, а отъ добрыхъ людей хвалими...»

Но какимъ образомъ достигать этихъ воспитательныхъ цѣлей, если ихъ и признать конечными цѣлями, — Домострой нигдѣ не указываетъ, хотя во всѣхъ другихъ совѣтахъ относительно хозяйства и охраненія семьи отъ безславія онъ не скупится на самыя мелкія подробности. Что же касается воспитанія, то имъ рекомендуются только плеть да жезлъ; даже не указывается на евангеліе, какъ на основное руководство въ нравственной жизни. Со стороны жены и дѣтей, въ Домострой требуется одно строгое повиновеніе во всемъ; а для ограниченія произвола отца семейства совѣтуется только осторожность въ побояхъ, чтобы не произошло увѣчья.

Жизни внѣ семейнаго круга Домострой очень мало касается: онъ наиболѣе заботится о томъ, чтобы не выносить изъ избы сору, и чтобы чужіе люди не могли къ чему-нибудь придраться и опорочить кого-либо изъ членовъ семьи. Связь семьи съ отечествомъ или съ родной землею нигдѣ не выражается, какъ будто бы и не существовало такого понятія; совѣтуется вѣрная служба царю, причемъ Домострой указываетъ и высшую выгоду отъ такой службы: «аще земному царю правдою служиши и боиши его; тако научиши и небеснаго царя боятися; сей времененъ, а небесный вѣченъ и судія не лицемеренъ, воздастъ комуждо по дѣломъ его». Все это согласуется съ тѣмъ укоромъ, какой дѣлалъ современникъ Домостроя, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, князю Курбскому: зачѣмъ тотъ не принималъ мученій отъ «строптиваго владыки», чтобы спасти свою душу, а предпочелъ бѣгствомъ навѣки погубить ее.

Домострой, какъ мы сказали, идеально рисуетъ намъ семью, въ основѣ которой полагались книжныя поученія прежняго времени и московскіе обычаи и порядки, слагавшіеся два столѣтія. Въ немъ сдерживающею силою въ гнѣвѣ, досадѣ и въ другихъ порывахъ страсти, предполагалась богобоязненность владыки дома, который всегда будетъ думать о своей душѣ. Но въ дѣйствительности, въ большинствѣ не оказывалось этой силы, и судьба семьи зависѣла отъ необузданнаго произвола одного. Ему легко было даже отдѣлаться отъ жены навсегда: стоило только принудить ее постричься въ монастырѣ, и онъ дѣлался свободенъ. Внѣшней, сдерживающей силы не было никакой. Стоглавый соборъ, по указанію царя, обратилъ вниманіе на то, что многіе мужья женятся по нѣскольку разъ, и пытался ограничить такое многобрачіе, допустивъ только три законные брака, да и то съ вѣнчаніемъ одинъ первый бракъ, а второй и третій безъ вѣнчанія и съ наложеніемъ церковной епитиміи, въ родѣ отлученія на нѣсколько лѣтъ отъ общенія съ церковью и отъ всякой святости. Четвертый же бракъ названъ «свинскимъ житіемъ»; за нимъ слѣдовало отлученіе отъ божественнаго причастія на восемнадцать лѣтъ ¹⁾. Но самъ же царь Иванъ Грозный въ скоромъ времени не подчинился этому уставу, и далеко перешелъ за указанное число браковъ.

Домострой хотя ничего не говоритъ о теремѣ, но замкнутость его семьи должна была перейти въ теремъ, которымъ и отличается московская семейная жизнь въ слѣдующемъ столѣтіи. Онъ, впрочемъ, не оградилъ семейной нравственности, а напротивъ, повелъ къ большей распущенности. Женщины стали на дѣлѣ оправдывать тѣ характеристики, какія дѣлали злымъ женамъ многіе византійскіе писатели, съ которыми изстари знакомились русскіе люди по переводамъ. Одна такая характеристика попала въ извѣстное слово Даниіла Заточника, грамотѣя XIII столѣтія. Въ XVII вѣкѣ, нѣкій сынъ боярскій жаловался царю Алексѣю Михайловичу на свою жену, что она кусала его, щипала щипками и драла бороду, и что когда дьякъ, свидѣтельствовавшій его раны по его жалобѣ, не обратилъ на то никакого вниманія, то она хотѣла зарубить его топоромъ и разрубила ему руку. «И она, сяди за приставы, хвалится на меня и нынѣ смертнымъ убійствомъ». Потерпѣвшій молилъ царя развести его съ женою, чтобы не пришлось ему умереть напрасною смертію. Царь приказалъ препроводить дѣло на патріаршій дворъ и «учинить по

¹⁾ Стоглавъ, гл. 23—24, издад. 1863 г.

правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, что доведется»¹⁾. По свидѣтельству Олеарія, въ теремахъ русскія женщины очень часто предавались пьянству, или заводили сношенія съ посторонними мужчинами,—двѣ главныя причины постоянныхъ несогласій и раздоровъ въ семьи. И это было, несмотря на самую строгую замкнутость терема. Для устройства любовныхъ дѣлъ и свиданій молодыхъ женъ съ чужими мужьями всегда являлись «потворенныя бабы», которыя черезъ дворовыхъ людей умѣли доходить до госпожъ. Если мужу, желавшему избавиться отъ жены, не удавалось постричь ее въ монастырѣ, то онъ прибѣгалъ къ насильственному ея постриженію тайкомъ, на дому, безъ свидѣтелей, употребивъ напередъ разныя истязанія: сажалъ въ крапиву, впрягалъ въ соху. Котошихинъ говоритъ, что отравы была обыкновеннымъ средствомъ у мужей и женъ, чтобы избавиться другъ отъ друга. Что всѣ эти случаи были не исключительные, свидѣлствуютъ рядныя записи того времени при заключеніи браковъ: въ нихъ мужъ обязывался—жены своей не бить и «не избѣчить; смирять ее, по винѣ и *помудски*». Подобныя оговорки могли быть вызваны только частыми примѣрами безчеловѣчья. Жены же, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ мужей, обвиняли ихъ въ посягательствахъ на жизнь государя²⁾, что никогда не оставалось безъ печальныхъ послѣдствій.

Русскія повѣсти XVII-го столѣтія ясно рисуютъ намъ, какъ распаталась московская семья, въ которой, при ея замкнутости и отчужденности отъ всѣхъ общихъ интересовъ жизни, не могло развиваться никакого нравственнаго идеала; для такого идеала не было и почвы за недостаткомъ общественной жизни. Обыкновенно человекъ скоро развращается тамъ, гдѣ не удовлетворяется или подавляется какое-нибудь изъ его природныхъ стремленій, къ которымъ безспорно относится и стремленіе къ общественности. Изъ него-то преимущественно и развивается нравственная сфера жизни, съ нимъ-то и связываются высшіе ея идеалы.

Извѣстная забавная повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ представляетъ, какъ проникали въ теремъ разные удалцы, которые не задумывались ни надъ какимъ обманомъ, чтобы устроить свои дѣлишки, и, конечно, считались молодцами. Другая повѣсть о Савѣ Грудцынѣ также не въ привлекательномъ свѣтѣ рисуетъ намъ своихъ героевъ, хотя и казнить ихъ. Тенденціозная повѣсть о Горѣ-Злосчастіи могла быть вызвана только частыми примѣрами

¹⁾ Русская женщина, назанутѣ реформы Петра В., Иконникова. Кіевъ. 1874 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

разрыва гулящихъ молодцовъ со своею семьею, гдѣ отъ нихъ требовалось одно повиновеніе подѣ страхомъ плетки, и не давалось никакихъ нравственныхъ идеаловъ. Повѣсть назидательно показываетъ, что такимъ людямъ, разошедшимся съ семьею, невозможны были два выхода—или въ среду разбойничью, или въ монашескую келью; это опять тотъ же выходъ, какой находили и въ старое, отдаленное время люди, не поладившіе съ укоренившимися порядками семьи. Безобразныя *братчины* того времени, которыя непривлекательно описываются въ повѣсти о «Горѣ-Злосчастіи», конечно, вызывались тѣмъ же природнымъ стремленіемъ человѣка къ общественности, которому при замкнутости семьи не было естественнаго выхода.

Уложение царя Алексѣя Михайловича краснорѣчиво подтверждаетъ всѣ тѣ описанія русской семейной жизни, какія дошли до насъ въ сказаніяхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ то время въ Москвѣ, и въ нашихъ собственныхъ литературныхъ памятникахъ. Уложение заботливо берѣтъ семью служилыхъ людей подѣ покровительство закона: оно ограждаетъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты, точно опредѣляя ихъ имущественныя права и назначая имъ «прожиточныя помѣстья»; но оно не хочетъ признавать четвертаго брака, постановляя такой законъ: «будетъ кто своруетъ—женится на четвертой женѣ и приживетъ съ нею дѣтей, и послѣ его той его четвертой женѣ и дѣтемъ, которыхъ дѣтей приживетъ онъ съ тою четвертою женою, помѣстій и вотчинъ не давать»¹⁾. Конечно, этотъ законъ имѣлъ въ виду отбить охоту отъ той жизни, которую Стоглавъ назвалъ «свинскою». Уложение старается страхомъ жестокихъ казней поддержать тѣ нравственныя отношенія въ семьѣ, которыя, по описанію современниковъ, уже теряли свои основы. Оно указываетъ на всѣ тѣ преступленія, какія, по тѣмъ же современнымъ сказаніямъ, нѣ рѣдко повторялись. Оно не одинаково относится ко всѣмъ членамъ семьи за одни и тѣ же проступки и даже преступленія. Такъ, если жена убьетъ или отравитъ мужа, то ей назначается такая страшная казнь: «живу окопати въ землю, и казнити ее такою казнію безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти или иные кто ближніе роду его того не похотятъ, что ея казнити, и ей отнюдь не дати милости, и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, пока мѣсть она умретъ»²⁾. Между тѣмъ, Уложение молчитъ о наказаніи мужа, который бы убилъ или отравилъ свою жену:

¹⁾ Улож. царя Ал. Мих., глава 16 ст. 15.

²⁾ Тамъ же, гл. 22, ст. 14.

значить, его преступленіе оно подводитъ подъ общій законъ объ убійствѣ. Если сынъ или дочь убьетъ отца или мать, то опредѣляется смертная казнь «безо всякія пощады». Если же отецъ или мать убьетъ кого-либо изъ своихъ дѣтей, «ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходитъ имъ въ церкви божіей, и у церкви божіей объявлять тотъ грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ; а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнить». За грубыя рѣчи дѣтей въ обращеніи съ родителями и за драку съ ними, Уложеніе велитъ бить кнутомъ такихъ забывателей закона христіанскаго. Если же дѣти «у отца или матери животы пограбятъ насильствомъ или непочитаючи отца и мать и избиваючи ихъ, учнутъ на нихъ извѣщать какія злыя дѣла, или который сынъ или дочь отца и мать, при старости, не учнетъ почитать и кормить и ссужать ихъ ничѣмъ не учнутъ, и въ томъ на нихъ отецъ или мать учнутъ бить челомъ государю, и такимъ дѣтемъ за такія ихъ дѣла чинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ нещадно и приказать имъ быти у отца и у матери во всякомъ послушаніи безо всякаго прекословія, а извѣту ихъ не вѣрить». Но въ то же время, Уложеніе не допускаетъ никакихъ жалобъ дѣтей на ихъ родителей, хотя бы тѣ жалобы и были справедливы: «имъ на отца и на мать ни въ чемъ суда не давать, да ихъ же за такое челобитіе бить кнутомъ и отдать отцу и матери» ¹⁾. Такимъ образомъ, со стороны закона дѣтамъ, въ какомъ бы возрастѣ они ни находились, не было защиты отъ родительскаго произвола. На судѣ свидѣтельству отца и матери придавалось рѣшающее значеніе: если бы истецъ или отвѣтчикъ сослался на отца или мать противника, то законъ требовалъ «по тѣмъ ссылкамъ отца и мать допрашивать, а никому отца и матери на судѣ не отводить, и дѣло вершить отцовою и материною сказкою». Но ссылка на жену противника не имѣла никакого значенія: «по такимъ ссылкамъ жены не допрашивать» ²⁾. Зато Уложеніе тщательно охраняетъ честь жены и дочери въ семьѣ отъ покушеній постороннихъ людей. За оскорбленіе чьей бы то ни было жены «непригожимъ» словомъ, законъ назначалъ наказаніе вдвое противъ того, что слѣдовало бы за такое же оскорбленіе мужу, а если будетъ оскорблена дочь-дѣвица, то наказаніе оскорбителю вчетверо противъ оклада отца; тогда какъ оскорбленный несовершеннолѣтній сынъ имѣлъ право полу-

¹⁾ Тамъ же, ст. 1—6.

²⁾ Тамъ же, гл. X, ст. 176, 177.

чить только половинный отцовскій окладъ ¹⁾. Если же кто забредетъ въ чужой домъ съ мыслию «надъ госпожею дурно учинить» или увезти ее, то такимъ Уложеніе назначаетъ смертную казнь, которую должны были раздѣлить съ нимъ и всѣ, кто помогалъ ему. Замѣчательно, что изъ всѣхъ оскорбленій, какія женщина могла получить на улицѣ, въ Уложеніи указывается только на одно, которое вѣроятно въ тѣ времена случалось не рѣдко: «а будетъ кто съ похвалы, или съ пьянства, или умысломъ наскочетъ на лошади на чью жену и лошадыю ее стопчетъ и повалитъ, и тѣмъ ее обезчеститъ или ее тѣмъ боемъ изувѣчитъ, и беременная будетъ жена, оттого его бою дитя родитъ мертво, а сама будетъ жива, а съ суда сыщется про то до прамы, и тому, кто такъ учинитъ, за такое его дѣло учинить жестокое наказаніе—велѣтъ его бить кнутомъ нещадно, да на немъ же доправить той женѣ безчестіе и увѣчье вдвое, да его же вкнутъ въ тюрьму на три мѣсяца». Уложеніе жестоко преслѣдуетъ и тѣхъ, кто покушается вносить въ чужую семью соблазны и развратъ: «забывъ страхъ божій и христіанскій законъ, учнутъ дѣлать своды женками и дѣвками на блудное дѣло: имъ за такое беззаконное и скверное дѣло учинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ» ²⁾.

Но несмотря на всю жестокость каръ, Уложеніе не могло улучшить семейной нравственности: теремъ насильственно разрывалъ свои оковы и вырывался изъ духоты испорченной атмосферы. Даже самъ царь Алексѣй Михайловичъ, сначала строго соблюдавшій всѣ правила теремной жизни и издававшій запрещенія народныхъ игръ, плясокъ и пѣсень, какъ дьявольскихъ потѣхъ, потомъ сталъ дѣлать уступки изъ любви ко второй своей женѣ, веселой царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Явились уже иноземныя увеселенія въ его собственномъ теремѣ. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ своею вольною, веселою жизнію стала привлекать къ себѣ молодыхъ русскихъ москвичей, даже нѣкоторыхъ бояръ: тамъ было не одно пьянство и бражничество, какъ въ братчинахъ; тамъ можно было составить себѣ понятіе объ европейской свѣтскости, объ общественности. Сравненіе между воспитанниками и воспитанницами терема и трудолюбивыми и искусными жителями Нѣмецкой слободы, умѣвшими на досугѣ въ волю повеселиться съ своими женами и дочерьми, было крайне невыгодно для первыхъ. Внѣшность, конечно, прежде всего должна

¹⁾ Тамъ же гл. X, ст. 99.

²⁾ Тамъ же, гл. XXII, ст. 17, 26.

была привлечь ихъ вниманіе. Они стали перенимать покрѣй нѣмецкаго платья, въ которомъ отваживались щеголять даже по московскимъ улицамъ ¹⁾. Теремное воспитаніе безъ всякихъ идеаловъ, безъ идеи общественности, даже и страхомъ не могло долго удерживать человѣческую природу отъ искушеній, когда рядомъ стали образцы другой жизни, которая болѣе удовлетворяла ея стремленія.

Впрочемъ, въ родовитыхъ семьяхъ сохранилось еще по преданію старое уваженіе къ роду; но родъ, какъ единица, давно потерялъ свое значеніе. Смыслъ его какъ общественной силы утратился. Поэтому и уваженіе къ нему не могло составить нравственно-воспитательной силы. Все это только развивало самое узкое понятіе о чести, которое лишь ссорило отдѣльныя семьи и не могло повести къ развитію какого-либо общаго, соединяющаго интереса; безъ него же воспитаніе остается въ полной зависимости отъ разныхъ случайностей, какъ дѣйствіе безъ цѣли, ясно сознаваемой. Уваженіе къ роду обратилось въ донкихотскую борьбу съ властью, стало силою враждебною государственнѣмъ интересамъ, и наконецъ повело къ уничтоженію мѣстничества и разрядныхъ книгъ. Слѣды его стали потомъ выказываться только въ родственныхъ связяхъ, которыя получили большую силу въ жизни, но скорѣе силу развращающую, чѣмъ нравственно-воспитывающую. Изъ подъ ея вліянія не выходили рыцари чести; но рыцари карьеры были не рѣдки.

Развращающее дѣйствіе теремной жизни наконецъ выказалось даже въ царской семьѣ, послѣ смерти Алексѣя Михайловича, когда въ ней вдругъ не оказалось отца семейства. Хотя его мѣсто замѣнилъ старшій братъ, но ясно, что вся семья, признавая его за царя, въ семейномъ быту не могла признать за родного отца, которому одному давались неограниченныя права надъ семьей. Съ другой стороны, старшею въ семьѣ осталась вдова умершаго отца, которой по закону и по совѣсти дѣти обязаны были строгимъ повиновеніемъ; но она была матерью только двухъ младшихъ дѣтей и мачихой старшихъ, уже взрослыхъ; они не могли признать ее за мать и оставаться въ полномъ подчиненіи, какъ требовали семейные законы. Откры-

¹⁾ Замѣательно, что еще царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ числѣ 87 вопросовъ, предложенныхъ Стоглавому собору (1547 г.), выставляетъ и слѣдующій: „да по грѣху слабость и небреженіе, и нерадѣніе внидѣ въ міръ въ нынѣшнее время: нарицаемъ христіанѣ, а въ тридцать лѣтъ и старые главы и браны брѣютъ, и усы подкусываютъ, и платье и одежду иностранныхъ земель носятъ, то почему познати христіанина?“

лось обширное поле для интригъ. Болѣзненный царь безъ отцовскаго авторитета не могъ сдерживать всѣхъ членовъ семьи въ надлежащихъ отношеніяхъ. Старшія царевны, не сдерживаемыя ни чьей властью, уже не хотѣли признавать не только законовъ, но и приличій терема, уступаютъ съ одной стороны требованіямъ своей природы, съ другой—увлекаются честолюбивыми стремленіями, и послѣ смерти старшаго брата, самая умная и самая страстная изъ нихъ хочетъ стать во главѣ семьи и даже протягиваетъ руку къ царскому вѣнцу. Страсть женщины, вырвавшейся изъ замкнутой жизни, осужденной гложуть въ дѣвическомъ состояніи безъ всякой надежды имѣть свою собственную семью, уже не знала границъ при открывшейся свободѣ. Она первая разрушила московскій теремъ, показавъ явно, что онъ не даетъ настоящихъ нравственныхъ основъ для жизни и можетъ держаться и воспитывать только грубой физической силою, одними постоянными угрозами и страхомъ наказанія, которые всегда были плохими нравственными воспитателями. Но такъ какъ этотъ теремъ былъ царскій, то она едва не замутила и всего царства, не разбирая средствъ для задуманной честолюбивой цѣли. Борьба, правда, не удалась, и изъ разрушеннаго терема ей пришлось перейти въ крѣпкій монастырь, откуда пока еще не было выхода.

Но вотъ наконецъ и съ патріаршаго престола послышался голосъ за нравственныя основы, которыхъ не оказывалось въ русской семьѣ, стоявшей только на одномъ отеческомъ произволѣ. Въ 1693 году, патріархъ Адріанъ издалъ такое распоряженіе: «священники, совершающіе браки, небрежно относятся къ согласію жениха и невесты при вѣчаніи и множицею совершаютъ браки между лицами, не любящими другъ друга, черезъ что остальная жизнь подобныхъ супруговъ бываетъ бѣдственна, бездѣтна и другъ для друга укоризненна. Поэтому великій господинъ патріархъ указалъ смотрѣть, чтобы впредь священники накрѣпко допрашивали у лицъ, приходящихъ къ вѣчанію, по любви ли и согласію вступаютъ они въ бракъ, а не отъ насилія или неволи, и если женское лицо, въ особенности же дѣвица, постыдится сказать, то слѣдуетъ допрашивать ея родителей, особенно мать, а если нѣтъ матери, то сестру, и если одно изъ лицъ, особенно дѣвическое, совершенно умолчитъ о томъ или выразитъ какимъ-либо знакомъ отвращеніе отъ жениха (какъ-то плеваніемъ или трясеніемъ руками), то такихъ не вѣнчать, пока не заявятъ совершенно согласія между собою»¹⁾.

¹⁾ Русская женщина накануне реформы Петра Великаго, Илюминикова.

Надо полагать, что въ это время и въ народѣ уже пѣлись пѣсни, которыя поются еще и теперь въ разныхъ захолустьяхъ русской земли, — пѣсни, высказывающія протестъ молодого поколѣнія противъ браковъ по выбору и по насилію со стороны отцовъ и матерей. Въ нихъ слышится стремленіе личности заявить свои права на счастье семейной жизни, которое основывается на взаимной любви. Но въ народѣ права семейнаго деспотизма еще долго поддерживались крѣпостнымъ правомъ, которое внесло въ крестьянскую семью еще и деспотизмъ помѣщика, т.-е. полную деморализацію.

II.

Съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія начинается сильное государственное вліяніе на русскую семью. Одно изъ первыхъ распоряженій царя Петра было какъ бы дополненіемъ распоряженія патриарха Адріана. Патриархъ запретилъ вѣнчать противъ воли жениха или невѣсты. Царь же хотѣлъ дать возможность жениху и невѣстѣ сблизиться между собою, прежде чѣмъ идти подъ вѣнецъ, взаимно узнать характеры и наклонности. Для этого, въ 1702 году, онъ установилъ обрядъ обрученія за шесть недѣль до вѣнчанія. Въ теченіе этого времени женихъ и невѣста могли ежедневно видѣться, хотя бы въ присутствіи родителей, и если бы они не сошлись въ мысляхъ или въ правахъ и чувствахъ, то ничто не мѣшало имъ добровольно разойтись и прервать всякія обязательства. Это, конечно, должно было уменьшить число несчастныхъ браковъ; но, разумѣется, не всѣ родители сразу отказывались отъ стараго обычая сводить впервые жениха и невѣсту только подъ вѣнцомъ.

Петръ Великій самъ много потерпѣлъ отъ брака, заключеннаго по старому обычаю, отъ устройства своей первой семьи на теремныхъ началахъ. Онъ испыталъ на себѣ, каково жить съ женою, у которой нѣтъ никакихъ общихъ съ мужемъ интересовъ, которая не можетъ понимать его стремленій, и какъ жена, считаетъ себя въ правѣ предъявлять ему свои требованія. Она могла быть вѣрною и любящею женою, но не могла быть другомъ, которому хочется повѣрить свою душу, не могла быть помощницей, съ которой весело идти по одному пути. Выйдя изъ терема прямо подъ вѣнецъ, она думала устроить семью въ теремномъ смыслѣ; но нашла въ мужѣ противника всѣхъ своихъ понятій. Ограниченная въ своихъ воззрѣніяхъ, она не могла удержи-

вать при себѣ мужа, у котораго толпились въ головѣ мысли, рвались высказываться и выражаться въ дѣлѣ. Понятно, что тутъ семья не могла сложиться на новыхъ началахъ. Вліяніе родни, державшейся старыхъ обычаевъ, оказалось сильнѣе вліянія мужа, который хотѣлъ повести все на новый ладъ. Лопухины настраивали царицу противъ царя, думая вернуть то время, когда родственники царицы получали при дворѣ важное значеніе. Когда же Петръ убѣдился, что его жена не можетъ быть и воспитательницей его сына, чтобы взростить его въ тѣхъ понятіяхъ, которыя онъ такъ страстно стремился проводить въ русскую жизнь, то онъ рѣшился навсегда прервать съ нею связи. Для этого онъ воспользовался старымъ средствомъ, какимъ до него нерѣдко пользовались бояре. Ему ничего не стоило отослать ее въ монастырь; но за этотъ семейный разладъ онъ все же заплатилъ очень дорого. У малолѣтняго сына его не стало матери; онъ выросъ подъ впечатлѣніями самыми неблагоприятными для нравственнаго развитія, — впечатлѣніями, которыя устранить не было никакой возможности, потому что мальчикъ былъ поставленъ въ неестественныя отношенія, какъ къ отцу, такъ и къ матери. Изъ него непременно долженъ былъ выйти слабохарактерный человѣкъ: семейный разладъ не обходится безъ печальныхъ нравственныхъ послѣдствій для дѣтей. Петру пришлось заплатить своимъ сыномъ за то, что въ семьѣ его столкнулись старыя и новыя понятія.

Въ это же время русская семья сильно потерпѣла отъ вторженія въ нее государственной власти: отцы должны были отказываться отъ права распоряжаться судьбою своихъ сыновей. Это право приносилось въ жертву интересамъ новосозданнаго государства. Ему нужны были люди, которые бы прошли какую-нибудь школу, хотя бы знали только грамоту да цифирь. И вотъ изъ семей по царскимъ указамъ стали выбывать въ раннемъ возрастѣ дѣти для школьной науки, поступать подъ чужой надзоръ и затѣмъ уже переходить на царскую службу. Кто не хотѣлъ равняться съ дѣтьми добровольно, у того отнимали ихъ и силой. Такъ, въ 1713 г., царскимъ указомъ велѣно было для инженерной школы набрать сто дѣтей преимущественно изъ дворянъ, а также и изъ всякихъ чиновъ, равно изъ царедворцовыхъ дѣтей, за которыми числятся до 50 дворовъ. Въ 1714 г., повелѣно брать въ школы во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ дѣтей и приказнаго чина дѣтей и подъяческихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, и безъ свидѣтельства учителей объ ихъ грамотности «жениться имъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать». Въ 1715 г.,

таніи и, наконецъ, приучило полагаться въ этомъ дѣлѣ на правительство, что не повело, какъ увидимъ, къ хорошимъ послѣдствіямъ. Лишеніе молодого дворянина естественнаго права жениться по существующему закону, если онъ не научился цифири и геометріи, также должно было дѣйствовать на семью развращающимъ образомъ. Потерпѣла семья и въ другомъ классѣ населенія. Въ 1722 году вышелъ указъ о раскольникахъ, которымъ предписывалось крестить ребенка, рожденнаго у раскольника, въ церкви, и за порукою брать у отца обѣщаніе, что онъ не будетъ учить сына или дочь «раскольническимъ преданіямъ и двоеперстному служенію»; а черезъ семь лѣтъ онъ обязывался представить ребенка къ исповѣданію и причастію, если же всего этого онъ не исполнитъ, то долженъ подпасть жестокому наказанію, такъ какъ «явится явнымъ раскольническимъ учителемъ». Этимъ же указомъ дозволялся бракъ раскольниковъ съ православными только въ тавомъ случаѣ, если первые присягнуть на вѣрность церкви, и совсѣмъ запрещалось вѣнчать раскольниковъ; а если бы случилось, что они стали жить безъ вѣнчанія, то ихъ, какъ явныхъ законопреступниковъ, предписывалось судить архіерейскимъ судомъ.

Такимъ образомъ, въ значительной части населенія законная семья разрушалась, а съ этимъ вмѣстѣ, конечно, подавлялась и нравственность. Послѣдствія показали, что отъ этого никто не выигралъ, а скорѣе всѣ были въ проигрышѣ.

Петръ Великій вывелъ женщину изъ уединеннаго терема прямо на шумные придворные праздники, на балы, ассамблеи. Этимъ онъ впервые вносилъ въ русскую жизнь идею общественности. Правда, эта общественность была только *сѣтская*, притомъ же состоявшаяся по царскому указу; но тѣмъ не менѣе она должна была составить хоть какую-нибудь общую связь между замкнутыми семьями, ввести въ жизнь хоть какіе-нибудь общіе интересы, безъ которыхъ нѣтъ твердой опоры и для семейной нравственности. Сначала нужны были указы съ угрозою оштрафованія, чтобы привлечь женщину во вновь сложившееся общество: робко входила она туда, одѣтая въ непривычное для нея нѣмецкое платье, она не знала ни что дѣлать, ни что говорить. Указомъ предписано было ей научиться европейскимъ танцамъ; она научилась и нашла свое веселье. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца живо рисуетъ намъ первые дебюты русскихъ женщинъ въ общественныхъ собраніяхъ. На обѣдахъ онѣ занимали особый столъ, послѣ обѣда молча усаживались рядами вдоль стѣны, пока не являлась музыка и не начинались танцы. Въ

танцахъ женщина двигалась, кружилась, разговоры никакихъ не требовалось, и она поняла свое значеніе въ этомъ обществѣ. У нея быстро сложился идеалъ свѣтской женщины, съ которымъ и соединились интересы ея жизни, и которому уже подчинилось все остальное. Вѣшній блескъ, роскошь, красота въ европейскомъ вкусѣ вошли въ ея понятіе объ образованіи и надолго исказили истинное понятіе о дѣйствительномъ образованіи. По этому идеалу перестроилась семья и направилось воспитаніе дѣтей. Разумѣется, сама мать уже не могла воспитывать по новому идеалу. Она должна была принаять къ себѣ въ сотрудницы иностранку-гувернантку, которой не предъявлялось большихъ требованій; за то и являлось ихъ не мало. Въ этомъ случаѣ для насъ имѣть значеніе та замѣтка Берхгольца, гдѣ онъ, восхищаясь маленькой княжной Черкасской, говорилъ: «ей лѣтъ восемь или девять, и она для своихъ лѣтъ такъ мила и пріятна, что можно подумать, что она наилучшимъ образомъ воспитана во Франціи. Но она здѣсь не единственный ребенокъ, о воспитаніи котораго такъ тщательно заботятся. Вообще надо отдать справедливость здѣшнимъ родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей. Вотъ почему и смотришь съ удивленіемъ на большія перемены, совершившіяся въ Россіи въ столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, такъ измѣнилась къ лучшему, что теперь мало уступаетъ нѣмкамъ и французенкамъ въ тонкости обращенія и свѣтскости, а иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже имѣетъ предъ ними преимущество».

Конечно, свѣтское воспитаніе второго поколѣнія еще болѣе усовершенствовалось, такъ какъ сущность образованія еще полнѣе опредѣлилась. Въ немъ иностранные языки стали играть первую роль, что, конечно, вызвано нашимъ сближеніемъ съ Европою. Но за то языки заслонили собою все, что требуется правильнымъ воспитаніемъ, и помѣшали нѣсколькимъ слѣдующимъ поколѣніямъ выработать истинное понятіе объ образованіи, что отзывается на многихъ матеряхъ даже въ настоящее время. Извѣстная княгиня Дашкова, воспитанная въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, замѣчаетъ о своемъ воспитаніи слѣдующее: «дядя (Воронцовъ) не щадилъ ничего, чтобы дать своей дочери и мнѣ лучшее, по мнѣнію того времени, воспитаніе. Насъ учили четыремъ разнымъ языкамъ, и по-французски мы говорили бѣгло, сдѣлали большіе успѣхи въ танцахъ и нѣсколько рисовали. Но что было сдѣлано для образованія нашего вкуса, для поученія разума? Рѣшительно ничего!»

Такимъ образомъ, русская преобразованная семья явилась прежде всего со стремленіемъ къ свѣтскости, съ искаженнымъ понятіемъ объ образованіи и съ уступкою своихъ правъ надъ дѣтьми, по крайней мѣрѣ, надъ сыновьями, государственной власти. Конечно, первые типы такой дворянской семьи образовались лишь около двора; но мы останавливаемся на нихъ потому, что они послужили образцами и для другихъ семей, которыя силою обстоятельствъ мало-по-малу должны были отказываться отъ старыхъ преданій и усваивать новый образъ жизни. Въ разныхъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ центра, долго еще повторялись въ семьяхъ сцены по обычаямъ стараго времени. Такъ еще въ 1732 году судился нѣкто Алексѣй Милютинъ за то, что хотѣлъ насильно постричь свою жену съ помощью своего духовника. За такой поступокъ онъ былъ присужденъ къ штрафу въ 500 рублей, а священникъ отосланъ на расправу въ синодъ ¹⁾. Но около этого же времени многочисленныя ссылки дворянъ въ Сибирь вызвали законъ, по которому жена могла отказываться отъ ссыльнаго мужа, ей разрѣшалась полная свобода — выдти вновь замужъ или постричься въ монахини, или просто жить въ своихъ приданныхъ деревняхъ ²⁾, «понеже мужа отлучены вѣчно, подобно яко бы умре».

Табель о рангахъ 1721 года оказала большое вліяніе на нравственное направленіе новой дворянской и чиновничьей семьи. Прежнія заботы о родовой чести, понятія о которой, какъ мы видѣли, сильно исказились, смѣнились заботами о добываніи чиновъ: каждый чинъ давалъ извѣстныя права и привилегіи; чинъ обеспечивалъ всю семью благосостояніемъ и даже стороннимъ уваженіемъ и почетомъ. Вся семья сдѣлалась заинтересованною чиномъ отца семейства, въ особенности женская ея половина: жена и дочери, по мужу и отцу, могли пользоваться правомъ на извѣстные титулы, болѣе или менѣе почетные (благородіе, высокоблагородіе и др.), занимать въ официальныхъ торжествахъ и церемоніяхъ опредѣленные мѣста, также съ разными степенями почета, наконецъ, право впрягать то или другое число лошадей въ экипажи давалось тоже извѣстными чинамъ. Все это должно было вызывать и развивать особаго рода честолюбіе, которое слѣдуетъ назвать *чиновничимъ*, — одно изъ самыхъ мелкихъ честолюбій. Съ нимъ соединилось не представленіе общихъ интересовъ, для охраны которыхъ собственно и назначается чинов-

¹⁾ Пол. собр. зак., т. VIII, № 6089.

* ²⁾ Тамъ же, т. VI, № 3628.

никъ, а напротивъ, постоянная забота о томъ, чтобы извлечь какъ можно болѣе для себя выгоды изъ своего положенія. Тутъ пошли въ ходъ пословицы: «что и честь, коли нечего ѣсть», «рука руку моетъ» и другія подобныя, съ которыми понятіе о чести не могло сдѣлаться нравственнымъ, воспитательною силою. Чувствуя свою полную зависимость отъ сильныхъ лицъ, человѣкъ не могъ развивать въ себѣ чувство чести, ему нужно было приноровливаться къ обстоятельствамъ, и онъ дѣлался раболѣпнымъ передъ сильными и высокоумнымъ передъ низшими. Явились милостивцы, которые могли проводить въ люди, явилось и благоговѣніе къ нимъ. Вотъ что замѣняло въ семьѣ идеальныя стремленія. Все это было очень практично въ жизни, и все это переходило отъ отца къ сыну. Здѣсь между ними не могло происходить никакого разлада: оба они хорошо понимали другъ друга. Табелъ о рангахъ не дала того, чего можно было ожидать отъ нея. Она не развила сознанія общихъ или государственныхъ интересовъ, въ виду которыхъ былъ составлена. Жизнь воспользовалась ею по своему и исказила идею о службѣ. Князь Щербатовъ, въ своей запискѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи, мѣтко характеризуетъ это положеніе: «Нѣтъ вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣтъ любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества, и наконецъ нѣтъ твердости духа, дабы токмо не истину передъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться... Человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожая внутри сердца своего свои стремительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіемъ, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя одного въ виду, можетъ ли онъ быть сострадательнъ къ ближнему... А какъ государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностью, каковую бы долженъ подданный къ самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, т.-е. чтобы угождать во всемъ государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія не рожаютъ твердости, ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ не достигнуть своего предмета, и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ».

Источникомъ матеріальнаго благосостоянія семьи была служба,

но не жалованье за нее, а положеніе лица, связанное съ мѣстомъ, которое давало возможность торговать закономъ, брать взятки и обирать казну въ пользу своего кармана. Иначе служба никому и не представлялась. Еслибъ даже и являлся въ видѣ исключенія такой начальникъ, который бы не протягивалъ руку къ чужой швауткѣ, то отъ этого не выигрывали ни чьи интересы: вмѣсто него наживались окружающіе его секретари. А дѣти учились у отцовъ искусству наживаться. Конечно, въ военной службѣ было менѣе случаевъ къ такой наживѣ; но тамъ служили преимущественно изъ помѣщичьихъ семей, у которыхъ источникомъ благосостоянія были помѣстья. Крѣпостное право въ это время окончательно утвердилось. Государственные земли, которыя прежде давались служилымъ людямъ во временное пользованіе за ихъ службу, теперь перешли въ наследственные вотчины; крестьяне смѣшались съ холопами и наравнѣ съ ними обратились въ личную собственность барина. Но пока дворяне сами были прикрѣплены къ службѣ безъ права выходить въ отставку, они не могли быть въ такомъ близкомъ соприкосновеніи къ своимъ крестьянамъ, въ какомъ оказались потомъ, уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда имъ разрѣшено было свободно и добровольно оставлять службу и жить въ своихъ помѣстьяхъ, воспитывая тамъ и своихъ дѣтей. Тогда крѣпостное право выказало всю свою растлѣвающую силу.

III.

Мы указали на тѣ основы, изъ которыхъ сложилась русская семья въ преобразованномъ русскомъ государствѣ. Если разсуждать только теоретически, на основаніи психическихъ законовъ, то и тогда можно сказать съ увѣренностью, что истинныхъ гражданъ не можетъ воспитывать такая семья; что въ нравственномъ отношеніи она совершенно бессильна и въ полной зависимости отъ случайностей. Но это же самое подтверждается и дѣйствительностью, съ которою мы имѣемъ возможность познакомиться по историческимъ источникамъ. Вотъ передъ нами извѣстный историкъ Татищевъ, человѣкъ весьма умный и образованнѣйшій изъ русскихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Изъ наблюдений надъ тогдашней жизнью онъ выводилъ практическія правила, которыя и передаетъ своему сыну въ наставленіяхъ, но вседѣ даетъ знать, что въ дѣйствительности живутъ не по этимъ правиламъ; да какъ видно, и самъ онъ въ своей жизни мало

могъ ими пользоваться. Въ отношеніи супружескаго согласія онъ не могъ представить себя въ примѣръ сыну, такъ какъ жилъ врозь съ своею женою. Но тѣмъ не менѣе онъ даетъ совѣты сыну въ вопросѣ о женитьбѣ: «По окончаніи наукъ, какъ только въ возрастъ осмнадцати лѣтъ придешь, хотя въ тебѣ тогда наипаче любовь къ женамъ и явится, однакожъ для будущаго благополучія, яко для приобрѣтенія чести и способности, должно тогда тебѣ въ опредѣленную государственную службу вступить, а по прошествіи 30 лѣтъ должно о бракѣ думать». Въ числѣ доводовъ противъ раннихъ браковъ, столь обыкновенныхъ въ тогдашней русской жизни, Татищевъ указываетъ на частыя отлучки мужа изъ дома, по дѣламъ службы, отъ чего «разрушается супружеская вѣрность». Этотъ доводъ, конечно, взятъ прямо изъ жизни. Хотя онъ и признаетъ взаимную любовь, какъ нравственное основаніе брака, но при этомъ прибавляетъ, что — «та любовь часто такъ помрачаетъ умъ нашъ, что мы иногда наше благополучіе, здравіе и погибель презираемъ. И для того въ такомъ дѣлѣ, какъ бы тебѣ всѣ обстоятельства пріятны ни казались, нужно употребить въ совѣтъ людей искусныхъ, а паче надежныхъ родственниковъ и свойственниковъ; ненадежныхъ же весьма въ такомъ совѣтѣ должно остерегаться, дабы по недовольному тебѣ обстоятельству вреда не принесли, какъ то мнѣ въ мою жизнь довольно такихъ коварствъ вѣдать и видѣть случилось, что по скрытной злобѣ къ жениху или неvěстѣ, невинно злорѣчатъ и разбиваютъ, или непотребное и недостойное похваляютъ и прельщаютъ, а послѣ насмѣхаются... Что до персоны супруги касается, то главныя обстоятельства — лѣтота лица, возрастъ и веселость въ компаніи, которые женамъ большую похвалу приносятъ и тѣмъ много молодые прельщаются. Но какъ извѣстно, что въ краснѣйшемъ зломѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщины продерзости находятся, для того оное бываетъ не безопасно; противно же тому, безобразныя хотя нѣкогда достаточнаго ума бываютъ и многократно въ супружествѣ любовь твердо съ удовольствіемъ супруга хранить; однако же, равно какъ старѣе себя жену взять, весьма не безопасно: ибо если хотя мало любовь нарушится, вскорѣ мысль и склонность къ младшей или милѣйшей явится, и чрезъ то брачное обязательство разрушается, а затѣмъ все состояніе въ безпорядокъ и домъ въ безпутство и разореніе приходитъ. И для того, посредственная красота и равность лѣтъ, или жена не менѣе десятию лѣтами моложе, къ сожитію есть лучше»...

Всѣ эти совѣты показываютъ какую-то безпечность новой

русской семьи. Съ одной стороны, старые обычаи и преданія, на которыхъ держалась семья, отвергнуты, съ другой—новые опыты заключенія браковъ и супружеской жизни внѣ терема представлялись неудачными. Любовь признается какъ необходимое нравственное условіе для брака; но любовь въ то же время слѣпа и можетъ привести къ гибели; въ этомъ случаѣ лучше пользоваться совѣтами близкихъ людей; но и тутъ опасность: между ними могутъ найтись ненадежные и дѣйствовать по своимъ особеннымъ скрытымъ расчетамъ. Красота, молодость и веселый нравъ привлекательны въ женѣ; но и эти качества могутъ быть не безопасны для мужа. Мысль никакъ не можетъ примирить всѣхъ противорѣчій, какія являлись въ жизни людей, поставленныхъ въ инныя отношенія между собою. Какъ будто бы васъ окружали все люди, замышлявшіе противъ вашего счастья, все враги ваши, такъ что приходилось выискивать для себя положеніе наиболѣе выгодное, гдѣ было бы менѣе опасности отъ злостнаго нападенія. Но въ такомъ случаѣ, причѣмъ же тутъ оставалась любовь, если съ такой осторожностью и опасеніемъ нужно было плыть между Сциллой и Харибдой? «Въ супружествѣ нужно не богатство искать,—продолжаетъ Татищевъ,—ищи главнаго, т. е. жены, съ кѣмъ бы можно въ веселіи вѣкъ свой препроводить... Главнѣйшее въ женѣ—доброе состояніе, разумъ и здравіе»... Но и при этихъ качествахъ жены тоже можетъ случиться опасность, и тутъ могутъ стать поперекъ дороги неприятные люди и помѣшать семейному спокойствію. «Изъ подлости (т. е. изъ простолюдыя) взятая жена хотя бываетъ довольно мила и честнаго житія; но ихъ родственники за подлость неприятны, зазрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы онны достаточны ни были: честные дворяне великое отвращеніе отъ нихъ имѣютъ. Хотя отцы ихъ по своему природному коварству иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ, однако-жъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ себѣ жилище. А великородныя иногда гордостію надменны, и супругамъ уничтожительноны являются...»

Далѣе, Татищевъ ставитъ въ обязанность мужа любовь, вѣрность и удаленіе отъ ревности и жестокости; но и тутъ является колебаніе: «несмысленные разсуждаютъ, якобы ревность отъ любви происходитъ; но я довольно искусслся, что оная любовь и вѣрность разоряетъ и на противные и коварные поступки приводитъ»... Нельзя не отнестись сочувственно къ совѣту, въ которомъ слышится голосъ европейца: «Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ

должна быть неліцемернымъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилежать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а за тѣмъ и самому нелѣбно смотрѣть»... Но факты изъ жизни и тутъ наводятъ на возраженія и опасенія: «Однако-жъ храниться надлежитъ, — спѣшить прибавитъ Татищевъ, — чтобы тебѣ у жены не быть подъ властію; сіе для мужа очень стыдно и чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъяснить. *Сихъ примпрогов нынѣ весьма уже довольно видимъ*, а особливо высокопарныя, а лучше сказать, глупыя жены, безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкою ревностью, безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такіа пустослыгя и негодницы больше всѣхъ въ томъ обращаются и, думая закрыть тѣмъ враньемъ свои пороки, непрестанно бредятъ, какъ попуганъ, что имъ на мысль придетъ; а больше онѣ подобныя соннымъ или въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ послѣ и сами не знаютъ; а за то иногда такую бѣду или несчастіе мужу своему наносятъ, что онъ, невинно получа себѣ отъ женниной глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, принужденъ будетъ страдать и несчастіе терпѣть». Съ этимъ вмѣстѣ Татищевъ предостерегаетъ сына отъ разныхъ ханжей, бродягъ и тому подобныхъ «потаскушъ и вѣстоношей», которыя всегда группируются около описанныхъ имъ женъ: ихъ беречься онъ совѣтуетъ, какъ злѣйшаго яда. «Ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и несогласія между супружествомъ, однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго не бываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги не токмо тебя, но и себя продать въ состояніи».

Изъ всѣхъ этихъ описаній мы убѣждаемся, что внезапный переходъ женщины изъ терема въ свѣтъ не послужилъ развитію семейныхъ добродѣтелей. Татищевъ, самъ не найдя счастья въ семейной жизни, опасается за то же и въ заботахъ о сынѣ. Въ своихъ колебаніяхъ онъ хочетъ найти для него и семьи лучшую внѣшнюю обстановку, придавая ей большее значеніе; но нигдѣ не касается нравственной твердости и крѣпости мужа, отъ которыхъ много зависятъ характеръ семьи и воспитаніе дѣтей. Правда, онъ указываетъ на священное писаніе, которое должно «подать достаточное наставленіе» въ вопросѣ о любви и «должности» къ женѣ, родителямъ, дѣтямъ, друзьямъ и рабамъ; но не выводитъ отсюда никакой опредѣленной морали. Вообще же онъ придавалъ больше воспитательное значеніе подробнымъ раз-

говорамъ, не предполагая, что мораль, какъ бы она ни была высока, человѣку безъ характера приноситъ мало пользы. Татищевъ признаетъ связь семьи съ государствомъ, но только въ смыслѣ служебномъ, а не политическомъ. Онъ совѣтуетъ обучать молодого дворянина тѣмъ наукамъ, которыя могутъ быть нужны на службѣ; но въ то же время предостерегаетъ отъ всякихъ политическихъ разговоровъ. Онъ выставляетъ на видъ вѣрность государю и государству, повиновеніе властямъ, храненіе правосудія, предпочтеніе общихъ интересовъ собственной пользѣ, осторожность отъ взятокъ; но все это были хорошія слова въ теоріи жизни, а не на дѣлѣ въ самой жизни. По крайней мѣрѣ онъ самъ и прежде, когда начиналъ свою службу еще при Петрѣ Великомъ, и послѣ, когда кончалъ ее при Елисаветѣ Петровнѣ, не удерживался отъ взятокъ и разныхъ незаконныхъ поборовъ¹⁾, забывая объ общихъ интересахъ, слѣдуя общему теченію своекорыстной чиновнической службы, чѣмъ и доказалъ, какъ мало нравственной силы сообщала мораль, которая высказывалась въ разговорахъ. Воспитанію негдѣ было заимствовать идеалы, и оно должно было пробавляться моралью, неподкрѣпляемою живыми примѣрами.

Мы не знаемъ, какимъ явился въ жизни сынъ Татищева, напутствуемый моралью, но не примѣрами отца. Зато можемъ указать на его младшаго современника, лицо извѣстное, передовое въ половинѣ XVIII столѣтія, наконецъ, историческое, именно—на Александра Петровича Сумарокова. До четырнадцатаго года онъ также воспитывался на отцовской морали, и затѣмъ былъ взятъ отъ семьи и на нѣсколько лѣтъ помѣщенъ въ шляхетный корпусъ, гдѣ предполагалось образовывать молодыхъ людей для военной и гражданской службы.

Сумароковъ вышелъ отсюда очень образованнымъ человѣкомъ для того времени, выказалъ литературный талантъ, прослылъ у своихъ современниковъ за русскаго Расина и Лафонтена, высказалъ въ своихъ произведеніяхъ много здравыхъ мыслей и морали, и былъ повидимому человѣкъ съ убѣжденіями и идеалами. Въ своихъ трагедіяхъ и одахъ онъ говорилъ объ обществѣ и честной службѣ этому обществу, смѣшивая впрочемъ въ одно понятіе общество и государство; въ своихъ комедіяхъ онъ каралъ пороки, представлялъ новые типы людей, которые прошли первыя цифирныя школы и въ качествѣ разныхъ чиновниковъ наполнили присутственные мѣста, явившись неумолимыми и жестоко-

¹⁾ Татищевъ и его время. Н. Попова Гл. IV.

сердими взяточниками; онъ изображалъ и русскія семьи, гдѣ уже былъ жгучій вопросъ о новыхъ воспитательныхъ принципахъ. Въ этомъ смыслѣ привлекаетъ особенное вниманіе первая его комедія «Чудовищъ». Тамъ представляется мать, которая соединила свою жизнь съ интересами свѣтскаго общества и къ нему направила всѣ свои помыслы: внѣшность, наряды, мода, получили для нея единственное и важное значеніе; свѣтскому идеалу она подчинила и самое воспитаніе. Но въ этихъ принципахъ она столкнулась съ своимъ мужемъ, которому грозило разореніе, благодаря мотовству жены. Ему хочется выдать свою дочь за подъячаго или приказнаго ябедника (какъ Сумароковъ называлъ чиновниковъ), надѣясь, что тотъ своимъ искусствомъ поможетъ ему выпутаться изъ бѣды. Но у матери въ виду есть франтъ, котораго она считаетъ идеаломъ современнаго свѣтскаго человѣка; и вотъ главныя черты этого идеала: «онъ волосы подбиваетъ хорошо, по-французски знаетъ, танцуетъ, одѣвается по шегольски, знаетъ много французскихъ пѣсень, да полно, еще не былъ ли онъ въ Парижѣ». Какъ не назвать этой женщины матерью фон-Визинской *совѣтницы* въ комедіи «Бригадиръ», написанной въ шестидесятыхъ годахъ. «Совѣтница» могла образоваться только подъ вліяніемъ такой матери. Она представляетъ зародышъ того типа, который время развило въ слѣдующемъ поколѣніи. Она является родоначальницею многихъ женъ и матерей, которыя, найдя высшіе интересы жизни въ свѣтскомъ обществѣ, внесли въ русскую семью разслабляющую и вредную силу. А вотъ тутъ же и первый продуктъ этой семьи, родоначальникъ тѣхъ франтовъ, которые со стеклышкомъ въ глазъ, настойчиво ищутъ, гдѣ бы убить время. Правда, отчасти карикатурно представленъ онъ; но точно такого же франта представилъ потомъ и фонъ-Визинъ въ «Бригадирѣ» въ лицѣ Иванушки: «Я не только не хочу знать русскія права,—говоритъ Сумароковский франтъ,—я бы и русскаго языка знать не хотѣлъ, скаредный языкъ. Для чего я родился русскимъ? о, натура! не стыдно ли тебѣ, что ты, произведя меня *прямымъ челюстькомъ*, произвела меня отъ русскаго отца. Сносно ли мнѣ, что этакій человѣкъ (подъячій) одной со мной націи, да еще онъ же и *ризалъ* мой. Кто я—объ этомъ не только русскимъ, и французамъ извѣстно... Научиться этому, какъ одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табатерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоить цѣлаго вѣку; я этому формально учился, что бы могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги».

Такія семьи и такой разладъ между мужемъ и женою въ вопросѣ о бракѣ ихъ дѣтей впоследствии сдѣлались обыкно-

венною тѣмою нашихъ комедій. Чудовища у насъ повторялись и въ жизни—въ лицѣ отцовъ, матерей и дѣтей. Сумароковъ первый сталъ выводить ихъ на свѣтъ, значить, нельзя полагать, чтобъ онъ не задумывался о нравственныхъ основахъ семьи. Но что же намъ представляетъ собственная его жизнь, его, прошедшаго свою раннюю юность вдали отъ семьи? Сколько безобразныхъ сценъ съ матерью, сестрою, затемъ! Конечно были много виноваты и они; но и его нельзя оправдывать. Въ семьѣ не оказалось никакой сдерживающей силы. Одна мораль была бессильна. Семья Сумарокова въ самомъ безобразномъ видѣ появилась даже въ его комедіи для публичнаго осмѣянія. Далѣе этого идти было нельзя. Настоящаго общества не было; не было и общественныхъ идеаловъ, не было общественнаго мнѣнія, не было общественнаго суда. Каждая семья по прежнему продолжала жить одиночно, и что тамъ дѣлалось, объ этомъ могутъ рассказать намъ многія біографіи. Соръ изъ избы выносился не однимъ Сумароковымъ.

Множество комедій и сатиръ второй половины прошедшаго столѣтія, изображающихъ распущенную семейную жизнь, подтверждаются многими фактами, рассказанными княземъ Щербатовымъ, строгимъ судьей русскихъ нравовъ того времени: «Иванъ Бутурлинъ имѣлъ жену Анну Семеновну; съ ней слюбился Иванъ Федоровичъ Ушаковъ, и она, отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника, и публично соединявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, ушли. Потомъ Анна Борисовна, графиня Апраксина, рожденная княжна Голицына, бывшая же въ супружествѣ за графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла... Разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ея якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ нѣмецкомъ поворищѣ, былъ посаженъ подъ стражу и долго содержался, и наконецъ, велѣно было дать ей указанную ея часть изъ мужня имѣнія при живомъ мужѣ; и именоваться ей по прежнему княжною Голицыной. И такъ, отложивъ имя мужа своего, приведши его до посаженія подъ стражу, наследница части его имѣнія учинилась, по тому токмо праву, что отецъ ея князь Борисъ Васильевичъ имѣлъ нѣкоторый случай у двора, а потомъ при разводѣ своемъ она сдѣлалась другомъ княгини Елены Степановны Куракиной, любовницы графа Шувалова. Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны именовать, а послѣ ихъ можно сотнями считать. Еще Петръ Великій, видя,

что законъ нашъ запрещаетъ князю Никитѣ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ, изволилъ ему имѣть метресу и дѣтей его подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Также князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣненъ шведами, имѣлъ любовницу въ Стокгольмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ вдовъ, а отъ нея имѣлъ сына, котораго именovali Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи императрицы Елизаветы в.....ъ (незаконный сынъ) князя Василья Владиміровича Долгорукова, Рукинъ, наравнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не скрывая холопеу свою, отнятую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получали. А сему подражая, толико сихъ в.....овъ (незаконныхъ) дворянъ умножилось, что повсюду толпами ихъ видно: Лицины, Ранцовы и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо не случаю, или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что, кажется, хотятъ истребить честь законнаго рожденія, и, не закрыто держа метресь, являются знатные люди насмѣхаться и святостью закона и моральнымъ правиламъ и благопристойности... При Петрѣ III весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ не закрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни отъ мужа, ни отъ родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислили я въ стыду тѣхъ женъ, которые не стыдились впадать въ такое любострастіе?.. Нѣтъ, да сокроются въ потомствѣ имена ихъ, а ради ихъ да не обезчещутся напаматованіемъ преступлений ихъ матерей и бабокъ... И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго рода роскошь и пьянство составляли отличительныя умоначертанія двора; а оттуда уже разлилися и на другія состоянія людей».

IV.

Императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія согласилась съ Бецкимъ усилить вліаніе государства на семью, которая оказывалась несостоятельною въ воспитательномъ дѣлѣ. Бецкій составилъ планъ брать у родителей пятилѣтнихъ дѣтей и воспитывать ихъ до совершеннолѣтія въ полномъ отчужденіи отъ семьи. По этому плану былъ преобразованъ шляхетный корпусъ, вновь открыта Академія художествъ, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ, коммер-

ческое училище. Задумана была грандіозная идея — воспитать новую породу людей, не зараженную суевѣріемъ, предразсудками и пороками своихъ семей, съ расчетомъ, что они, сами ставъ потомъ отцами и матерями, будутъ воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей по тому образцу, какъ сами были воспитаны. Понятно, что такая идея была только увлеченіемъ двухъ человѣкъ, въ которомъ, впрочемъ, выразилось крайнее стремленіе государственности проникнуть во всѣ сферы жизни, стремленіе послѣдовательное, начатое еще Петромъ Великимъ. Но эта идея никогда не могла быть выполнена уже по тому одному, что ея исполненіе начиналось прекращеніемъ семейной связи дѣтей въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ съ собственными ихъ семьями, слѣдственно и ослабленіемъ родственной любви. Воспитательныя инструкции, составленныя преимущественно по теоріи Локка съ большою заботою о нравственномъ развитіи дѣтей, требовали идеальныхъ воспитателей и воспитательницъ, съ чувствами отцовъ и матерей, которые могли бы нѣжно и тепло дѣйствовать на дѣтскія сердца. Понятно, что не только такихъ, но и сколько нибудь подходящихъ къ нимъ, невозможно было и найти. Нужно было довольствоваться тѣми же самими, отъ вліянія которыхъ хотѣли спасти дѣтей, отрывая ихъ отъ семьи. Кромѣ того, выписали иностранцевъ и иностранокъ, которые отучали дѣтей даже отъ родного языка и обращали ихъ въ космополитовъ. И вотъ космополитизмъ сдѣлался у насъ надолго отличительнымъ качествомъ такъ называемаго воспитаннаго человѣка, въ особенности въ высшемъ обществѣ. Этому помогало и свѣтское семейное воспитаніе дѣтей. Съ такимъ космополитизмомъ легко было принимать на себя любой внѣшній образъ: англomана, германomана, французomана и кого угодно, только трудно было сдѣлаться русскимъ человѣкомъ по незнанію русскаго языка, который стали употреблять только для передачи приказаній прислугѣ. Стадное замкнутое воспитаніе не могло развивать въ характерахъ той твердости, которой князь Щербатовъ не находилъ ни въ комъ изъ своихъ современниковъ: оно напротивъ или ломало характеры и обезличивало ихъ, или совершенно портило и ожесточало въ особенности въ мужскихъ заведеніяхъ. Правда, тамъ сообщалось то, что князь Щербатовъ называлъ *модностью*, или иначе свѣтскость, но съ нею вмѣстѣ сообщалось и ложное понятіе объ образованіи, которое воспитанницы вносили въ свои собственные семьи, разумѣя образованіе люднаго свѣтскаго человѣка, а не образованіе ума, чувства и воли. Хорошая французская рѣчь въ разговорѣ и извѣстныя манеры сдѣлались забо-

тами каждой матери и въ семейномъ воспитаніи, въ особенности, дочерей. Понятно, что тутъ не могло быть и рѣчи ни о какихъ нравственныхъ идеалахъ, связанныхъ съ высшими интересами жизни.

Нельзя сказать, что дворянамъ предоставлялось на ихъ волю помѣщать или нѣтъ своихъ дѣтей въ эти воспитательныя заведенія. Въ грамотѣ о вольности дворянства 18-го февраля 1762 въ седьмомъ пунктѣ сказано: «повелѣваемъ всѣмъ тѣмъ дворянамъ, за кои не болѣе 1,000 душъ крестьянъ, объявлять дѣтей своихъ прямо въ нашѣмъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ они всему тому, что къ знанію благороднаго дворянина принадлежитъ, съ наиприлежнѣйшимъ раченіемъ обучаемы будутъ, а по изученіи всякій по его достоинству съ награжденіемъ чиновъ выпустится» ¹⁾. Это послѣднее общеніе, конечно, было большою приманкою, хотя еще существовалъ законъ отъ прежняго времени (1737 г.) объ испытаніи всѣхъ шляхетскихъ дѣтей, достигшихъ шестнадцатилѣтняго возраста, не исключая и тѣхъ, которыя воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ, и объ опредѣленіи не успѣвшихъ въ матросы безъ выслуги ²⁾.

Впрочемъ, надо замѣтить, что для дворянскихъ дочерей такого принужденія не было, хотя губернаторамъ и предписывалось косвенно употреблять свое вліяніе.

Новая система казеннаго воспитанія при самомъ своемъ введеніи нашла строгаго судью Сумарокова, который со свойственной ему рѣзкостью въ присутствіи великаго князя Павла Петровича называлъ Бецкаго дуракомъ за то, что тотъ воспитываетъ ребятъ на французскомъ языкѣ, и настойчиво утверждалъ, что «дѣтей въ Россіи должно воспитывать на языкѣ руссійскомъ» ³⁾. Эта справедливая мысль въ то время была отнесена къ одной изъ странностей Сумарокова. А князь Щербатовъ, можетъ быть и рѣзко, такъ отзывается о первыхъ выпускахъ дѣвицъ изъ Смольнаго монастыря: «ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, по велику природа ихъ снабдила; и воспитаніе болѣе состояло—играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправлять». А о воспитанникахъ шляхетнаго корпуса онъ дѣлаетъ также замѣчаніе: «вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія; зачатые войны еще сіе свидѣтельствуютъ».

¹⁾ Полн. собр. зак. Рос. имп., т. XV, № 11.444.

²⁾ Тамъ же, т. X, № 7235.

³⁾ Записки Порошина.

⁴⁾ О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

Указъ о вольности дворянства хотя и освобождалъ дворянина отъ обязанности государственной службы, хотя и давалъ ему свободу выбирать службу, по собственному выбору, но съ этимъ вмѣстѣ, какъ мы видѣли, требовалъ, чтобы его сыновья ввѣрялись на воспитаніе государству; онъ даже не давалъ ему свободы жениться безъ позволенія начальства. Эту свободу всѣ получили въ 1775 году какъ милость, по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Семнадцатымъ пунктомъ манифеста объявлялось: «гдѣ въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго или градоначальника, и за таковое дозволеніе собирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостивѣйше отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ, и дозволяемъ всякому роду и поволю людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа ¹⁾. Въ томъ же году дворяне, дожившіе до 50 лѣтъ, но не выслужившіе оберъ-офицерскаго чина, получили право ѣздить по городамъ въ каретахъ, но не иначе какъ паркою и съ обязательствомъ ничѣмъ не выкладывать ливрею своей прислуги; то же право получили и ихъ жены, дочери и вдовы, какого бы ни были возраста ²⁾. Отсюда ясно, какое значеніе могъ имѣть чинъ для всей семьи, и какое направленіе должно было принять воспитаніе дѣтей. Конечно, далеко не всѣ дворяне рѣшались разставаться съ дѣтьми въ раннемъ возрастѣ; да для всѣхъ ихъ не нашлось бы тогда и столько воспитательныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе такое отношеніе государства къ семьѣ лишало эту послѣднюю того, что придаетъ ей особенное нравственное значеніе: большинство родителей отвыкало отъ мысли, что на ихъ совѣсти лежатъ заботы о воспитаніи дѣтей. Отсюда они и не задавались никакими воспитательными цѣлями. Въ такой семьѣ не было педагогической практики, слѣдственно ничего не могло и вырабатываться какъ руководство для слѣдующаго поколѣнія. Семья только производила дѣтей и вскармливала ихъ въ первые годы, но она не дѣлалась воспитательницею, она не получала высшаго значенія, лишалась нравственной силы, оставалась безъ идеаловъ—это ужъ не семья, а гнѣздо. Такой видъ принимала мало-по-малу семья прежняго служилаго человѣка, преобразившагося въ новаго чиновника по табели о рангахъ.

Указъ о вольности дворянства вызвалъ много отставокъ. Прежде въ помѣстьяхъ изъ многихъ братьевъ могъ оставаться

¹⁾ Полн. собр. зак. Рос. имп., т. XX, № 14.275

²⁾ Тамъ же, т. XX, 14.301.

только одинъ для веденія хозяйства и то съ платою за это право по одному рекруту со ста душъ крестьянъ¹⁾. Теперь же помѣстья стали наполняться отставными военными и гражданскими чиновниками съ ихъ семьями. Тутъ-то собственно и начинается полное нравственное разслабленіе семьи подъ растлѣвающимъ вліяніемъ крѣпостного права, что такъ вѣрно и типично выразилось въ извѣстной комедіи фонъ-Визина «Недоросль». Не даромъ авторъ направилъ всѣ силы своего таланта на изображеніе пороковъ русской дворянской семьи. Но онъ смотрѣлъ на нее слишкомъ близко, поэтому ему казалось, что для ея исправленія необходимо только усилить надъ нею правительственный надзоръ—отнять средства для безчеловѣчнаго обращенія съ подвластными людьми и отправлять испорченныхъ недорослей на службу. На самомъ же дѣлѣ причина многихъ безобразій въ семьяхъ былъ не слабый надзоръ правительства, которое и не могло брать подъ свою опеку каждую семью, а въ той нелогичности, которая вытекала изъ указа о вольности дворянства. Крѣпостное право имѣло нѣкоторый смыслъ только тогда, когда отъ дворянства требовалась поголовная обязательная служба государству: дворянинъ могъ пользоваться даровымъ трудомъ крестьянина только на томъ основаніи, что онъ самъ обязанъ былъ работать на государство. Отношенія его къ государству и къ нему крестьянина были одинакія. За всѣ вины оно точно такъ же наказывало его, не исключая и батовъ, какъ онъ могъ наказывать своихъ крестьянъ, не отвѣчая ни передъ кѣмъ. Но какъ скоро дворянство было освобождено отъ обязательной службы, то, какъ прямое логическое послѣдствіе, и крестьянство должно было освободить отъ обязательнаго труда. Вольность дворянства вызывала и вольность крестьянства. Этого требовала самая безусловная справедливость. Тогда оба сословія стали бы въ болѣе правильныя, нравственныя отношенія; безъ этого же при одной вольности дворянства, крѣпостное право должно было явиться въ самомъ отвратительномъ видѣ, какъ учрежденіе, уже потерявшее свой смыслъ и потому въ высшей степени безнравственное. Оно сдѣлалось особенно тягостно народу съ того времени, когда дана грамота о вольности дворянства. Это доказываютъ и тѣ крестьянскіе бунты, которые приходилось усмирять при Екатеринѣ II.

Князь Вяземскій, разбирая комедію «Недоросль», замѣчаетъ, что Правдинъ имѣетъ довольно странное понятіе о службѣ, говоря Митрофану въ концѣ комедіи: «съ тобою, дружекъ, знаю

¹⁾ См. указъ 1786 г. Пол. собр. зак. Рос. имп., т. IX, № 7142.

что дѣлать: пошелъ-ка служить». Ему сказать бы: «пошелъ-ка въ училище»; а то хорошій подарокъ готовить онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы¹⁾. Но въ этомъ случаѣ едва ли могъ быть примѣнимъ и совѣтъ князя Вяземскаго. Не помогали училища въ такой средѣ, гдѣ могли являться такія семьи, какъ простаковская. Фонъ-Визинъ, конечно, не зналъ, что создаваемый имъ типъ г-жи Простаковой переживетъ много поколѣній, не зналъ, что и черезъ сто лѣтъ будутъ такія же Простаковы-матери, хотя и потеряютъ возможность быть Простаковыми-помѣщицами—Простаковы въ столицахъ, въ городахъ, говорящіе по-французски, свѣтскія барыни, воспитывающія дѣтей эгностически, только для себя, и воображающія, что всѣмъ жертвуютъ для ихъ счастья. Во все это время въ семью не была введена идея общественности, безъ которой у семьи нѣтъ руководящей идеи, и все нравственное воспитаніе зависитъ отъ случайностей.

Впрочемъ, нельзя сказать, что идея общественности не входила во всѣ семьи. Она входила, но какая эта была идея? Идея свѣтской общественности, такъ какъ другого общества у насъ и не существовало. Природная потребность человѣка въ общественности находила себѣ удовлетвореніе въ свѣтскихъ увеселеніяхъ и собраніяхъ, которыя и назывались обществомъ. Каждый сколько-нибудь достаточный помѣщикъ, переселяясь хоть на время въ свое имѣніе, окружалъ себя условіями свѣтской жизни, всѣмъ тѣмъ, что могло привлекать въ нему сосѣдей и гостей, и увеселять ихъ какъ въ свѣтскомъ обществѣ. Они дѣлали изъ своихъ дворовыхъ людей артистовъ. И тѣ искусства, которыя всегда назывались свободными, обращались здѣсь въ вѣрностной трудъ. Для живой характеристики, мы воспользуемся здѣсь нѣкоторыми мѣстами изъ извѣстной книги В. И. Семевскаго: «Крестыяне въ царствованіе императрицы Елизаветы II», чтобы видѣть, какъ наша могла нравственно воспитывать семью такого рода общественности:

«У насъ многіе помѣщики составляли изъ дворовыхъ оркестры музыкантовъ, труппы актеровъ, нерѣдко наиболѣе честнымъ и способнымъ вѣряли даже воспитаніе и образованіе дѣтей; наконецъ, случалось, что изъ среды барской дворни выходили комментаторы и писатели. Въ московскомъ домѣ Суворова жили цѣлыя партіи пѣвчихъ и музыкантовъ; ихъ содержали тутъ, между прочимъ, для того, чтобы они могли совершенствоваться въ музыкѣ и пѣніи и пользоваться руководствомъ извѣстныхъ въ то

¹⁾ Фонъ-Визинъ, князь Вяземскаго: 1848 г.

время Голицынскихъ артистовъ. Но въ случаѣ переѣзда господина въ деревню и ихъ перевозили туда же. Въ имѣніи Суворова, находившемся во владимірскомъ уѣздѣ, были особня зданія для пѣвчихъ и музыкантовъ. Уѣзжая изъ этого помѣстья, Суворовъ въ наставленіе управляющему, между прочимъ, предписываетъ: «Ивановъ обучаетъ пѣвчихъ съ прилежаніемъ по моему наставленію. Николай — управитель музыкантовъ, у него подъ предводительствомъ музыка и проч. Ерофеевъ умѣетъ обучать трагедіямъ и комедіямъ свой штатъ и пр. Помни музыку нашу—вокальный и инструментальный хоры, и чтобы не уронить концертное...» Въ случаѣ надобности Суворовъ очень быстро мѣнялъ спеціальности своихъ артистовъ и безъ церемоніи сажалъ ихъ на пашню. Были и такіе господа, что посылали своего крѣпостного музыканта въ Италію и потомъ заставляли его до изнеможенія играть въ разныхъ барскихъ домахъ... По тогдашнимъ понятіямъ, весьма не трудно было сдѣлать лакея артистомъ. «Театральное нужно для упражненія и невиннаго веселія», писалъ Суворовъ своему управляющему. «Васья-комикъ хорошъ; но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію, что легко по запытнымъ, точкамъ, двоесточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ рифмахъ выйдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту—безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія, о чемъ ты все сіе подтвердительно растолкуй. Въмѣсто Максима и Веченна въ комическихъ роляхъ можно приучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того, французской грамматики заставить учиться исподоволь Алексашеу-парикмахера; ему и Николай покажетъ, только бы онъ умѣлъ читать»... Мы знаемъ, что домашніе театры были также у гр. П. Б. Шереметева, кн. П. М. Волынскаго, гр. З. Г. Чернышева и другихъ вельможъ, гдѣ давались оперные спектакли. Въ имѣніи гр. Шереметева, селѣ Кусковѣ въ особыхъ флигеляхъ помѣщались пѣвчіе, музыканты и актеры. Нижнее мѣсто среди актрисъ занимали танцовщицы: ихъ держали въ черномъ тѣлѣ, помѣщеніе было холодное, которое протапливалось лишь съ особаго разрѣшенія въ случаѣ болѣзни одной изъ нихъ. Гораздо большимъ почетомъ пользовались «комедіантки» или собственно актрисы; въ числѣ ихъ были пѣвицы и, между прочимъ, та (Прасковья Ивановна), которая сдѣлалась любовницею, а впоследствии и женою гр. Н. П. Шереметева. Актрисамъ оказывалось всего болѣе вниманія, ихъ всего лучше содержали и кормили; при нихъ состояли учитель-

ницы-француженки... Человѣческое чувство, которое могло бы развиваться подъ вліяніемъ изученія сценическаго искусства, сплошь и рядомъ попиравалось самымъ безжалостнымъ образомъ, и актрисы должны были по волѣ барина расточать свои ласки, а не то и составлять его гаремъ... По рассказамъ одного французца, долго жившаго въ Россіи, однажды во время представленія *Дидоны* помѣщику не понравилась игра главной актрисы; онъ вбѣжалъ на сцену и отвѣсилъ тяжелую оплеуху несчастной Дидонѣ, вскричавъ: «я говорилъ тебѣ, что поймаю тебя на этомъ; послѣ представленія отпирываясь на конюшню за наградой, которая тебя ждетъ». Дидона, поморщившись отъ боли, причиненной оплеухой, вновь вошла въ свою роль и продолжала арію, какъ ни въ чемъ не бывало... Распожываясь сердцами своихъ подданныхъ, владѣлецъ не забывалъ и себя, хотя законъ и за-прещалъ господамъ жить съ крестьянками. Нѣкоторые устраи-вали въ своихъ имѣніяхъ особую барщину для женщинъ. У одного помѣщика, Бахметева, въ деревнѣ по ночамъ былъ бабій караулъ; поочередно каждую ночь наряжали двухъ бабъ карау-лить село и барскія хоромы, одна баба ходила съ трещеткой оволо дома и стучала въ доску, а другая должна была поче-вать въ домѣ... Мудрено ли послѣ этого, что отъ него жена бѣ-жала... У другого, казанскаго помѣщика, Есипова, даже и го-сти угощались лобзаніями крѣпостныхъ артистовъ... Радищевъ рассказываетъ слѣдующій фактъ: «въ бывшее пугачевское воз-мущеніе нѣкоторые крестьяне, связавъ своего господина, вели на неизбѣжную казнь. Какая была тому причина? Онъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ без-опасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери: каждую ночь послан-ные его приводили къ нему на жертву ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно же въ деревнѣ было, что онъ омер-зилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности»... Мы можемъ не со-мнѣваться въ справедливости этого факта, такъ какъ императрица Екатерина, по поводу этого мѣста, замѣтила: «едвали не исто-рія Александра Васильевича Салтыкова»... Даже въ XIX столѣ-тіи у нѣкоторыхъ помѣщиковъ были цѣлые гаремы, какъ, напр., у извѣстнаго генерала Измайлова ¹⁾; а онъ былъ далеко не един-ственнымъ въ своемъ родѣ...

«Превращаясь по волѣ господина въ музыкантовъ и акте-ровъ, дворовые столь же легко могли очутиться и въ роли учи-теля, воспитателя или просто дядьки молодого барченка. По

¹⁾ См. Древн. и Новая Россія. 1876 г. № 9.

возведеніи въ ту должность, нѣкоторые изъ помѣщиковъ снабжали своихъ людей инструкцію, которую рекомендовали прочитывать, какъ можно чаще; приходилось при этомъ напоминать педагогу, чтобы онъ «избѣгалъ брани, клятвы, божбы, клеветы, лжи, сквернословія, особенно же гнуснаго порока пьянства, обхожденія съ непотребными женщинами» и совѣтовать ему заниматься въ свободное время чтеніемъ книгъ или руководствъ. Такіе доморощенные гувернеры не рѣдко оказывались ни чуть не хуже воспитателей изъ иностранцевъ, достойную характеристику которыхъ мы находимъ въ современныхъ вомедіяхъ и сатирическихъ журналахъ. Такъ, Лунинъ, отпустивъ приглашеннаго имъ гувернера, замѣстилъ его крѣпостнымъ человекомъ, о которомъ сдѣлалъ отмѣтку въ своихъ запискахъ, что онъ, «исключая только, что не умѣетъ по-нѣмецки, преимуществуетъ и разумомъ и поступками» ¹⁾.

Чтобы не показаться одностороннимъ въ своихъ выводахъ, представимъ и такую семью, куда еще не проникла идея свѣтской общественности. Воспоминанія извѣстнаго С. Т. Аксакова въ его «Семейной Хроникѣ» рисуютъ намъ семью, которая можетъ назваться лучшею сравнительно съ другими. Дѣдъ его Степанъ Михайловичъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ образцовымъ человекомъ. Изобразивъ его какъ идеальнаго хозяина-помѣщика, авторъ прибавляетъ, что «онъ былъ такъ разуменъ, такъ снисходителенъ къ просьбамъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно вѣренъ каждому своему слову, что скоро сдѣлался истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ, онъ воспитывалъ нравственно своихъ сосѣдей. Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получишь, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести. Много семейныхъ ссоръ примирилъ онъ, много тяжбныхъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всѣхъ сторонъ ѣхали къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ — и свято исполнялись они! Я зналъ внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, не забытаго еще и теперь. Много слыхалъ я простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ объ упокоеніи души его. Не удивительно, что собственные крестьяне любили горячо

¹⁾ Крестьяне въ царствованіе императр. Екат. II, В. И. Семевскаго, гл. V, IX.

такого барина; но также любили его и дворовые люди, при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неуязвимой вспыльчивости. Впослѣдствіи времени нѣкоторые изъ молодыхъ слугъ его доживали свой вѣкъ при мнѣ уже стариками, часто рассказывали они о вспыльчивомъ справедливомъ и строгомъ своемъ баринѣ и никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали».

Читатель видитъ, что мы выбрали дѣйствительно лучшаго человека, чтобы по его семьѣ судить и о другихъ. Казалось бы, что у такого отца семейства участь жены и дѣтей должна бы назваться завидною. Но на самомъ дѣлѣ для этого всѣхъ его прекрасныхъ качествъ было недостаточно. Онъ былъ хорошъ для чужихъ, а не для своей семьи. Аксаковъ не скрываетъ, что въ семьѣ онъ все же былъ дикаремъ, для котораго не существуетъ никакихъ законовъ, ни человѣческихъ, ни божескихъ въ пылу страсти. Чтобы не ослабить впечатлѣнія, воспользуемся краснорѣчивымъ и конечно правдивымъ описаніемъ его внука: «И этотъ добрый, благодѣтельный и даже снисходительный человекъ омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческой и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ моемъ дѣтствѣ, и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти. Какъ теперь гляжу на него, онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ, кажется за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ; двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку, онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости. «Подайте мнѣ ее сюда», вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братья ихъ съ молодою женою и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и прятались въ рощу, окружавшую домъ; даже тамъ ночевали; только молодая невестка воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго бушевалъ дѣдушка на просторѣ въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, оставши таскать за косы Арину Васильевну, повалился въ изнеможеніи на постель и наконецъ впалъ въ глубокой сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня».

Вы ждете, что послѣ этого старикъ проснулся съ сожалѣніемъ, съ раскаяніемъ, съ желаніемъ тѣмъ-нибудь загладить свое

звѣрство. Ни чуть не бывало: «Свѣтель, ясенъ проснулся Степанъ Михайловичъ,—поясняетъ вную его,—весело крикнулъ свою Арину, которая сейчасъ прибѣжала изъ сосѣдственной комнаты съ самымъ радостнымъ лицомъ, какъ будто вчерашняго ничего и не бывало». Для полной характеристики Аксаковъ рисуетъ добрый день Степана Михайловича, когда ему выпадалъ такой стихъ, что онъ принудилъ себя провести день почеловѣчески. Но изъ-за этого добраго дня, можетъ быть, противъ воли автора, выглядываетъ столько отвратительныхъ дней, когда человѣкъ обращался въ звѣря. И эта семья называлась христіанскою. Иные, какъ бы въ извиненіе, готовы назвать ее патріархальною. Но патріархальная семья въ своей жизни держится крѣпко извѣстныхъ преданій, которыя составляютъ для нея законы; она находится подъ надзоромъ цѣлаго рода, у нея есть своя сдерживающая сила. Нѣтъ, это—семья рабовладѣльческая, въ которой жена, и дѣти, и рабы подходятъ подъ одинъ уровень; здѣсь нѣтъ никакихъ законовъ. Какъ же воспитывались дѣти у такого примѣрнаго человѣка, которому нельзя отказать въ любви къ нимъ, равно какъ и въ женѣ? Можно безошибочно вывести теоретически, что у нихъ должны были развиваться только рабскія наклонности и качества: страхъ, обманъ, коварство, затаенная злоба, притворство, интрига, криводушіе, увертливость. Судя по описаніямъ Аксакова, всѣ эти качества дѣйствительно и выказались въ дочеряхъ Степана Михайловича. А сынъ его явился безхарактернымъ, робкимъ, съ забытымъ умомъ, и навѣрно бы сдѣлался Простаковымъ, если бы его жена была воспитана въ подобныхъ же условіяхъ. А у нея въ натурѣ было кое-что общаго съ г-жею Простаковою: такая же страстная и властолюбивая, какъ и та, она въ дѣтствѣ много вытерпѣла отъ своей матишки, что послужило ей къ добру, потому что научило ее сдерживать себя. Кромѣ того, живя въ городѣ и получивъ рано свободу распоряжаться собою, она пристрастилась къ чтенію и просвѣтила себя въ то время, когда сердце ея еще не могло испортиться. Она способна была увлекаться идеалами, и мужъ ея нисколько не пострадалъ отъ нея, хотя и не заслужилъ уваженія. Эта семья для насъ также интересна нѣкоторыми своими чертами. Страстно чадолюбивая мать легко могла воспитать своего старшаго сына не на радость себѣ, сдѣлать изъ него эгоиста, недоросля-Митрофана, если бы просвѣщенный ея умъ не навелъ ее на мысль, что нельзя воспитывать дѣтей только для себя, руководствуясь одной эгоистическою любовью матери, что жизнь не можетъ ограничиваться лишь одними семейными интересами, и что,

напротивъ, они должны подчиниться другимъ болѣе высшимъ интересамъ, отъ которыхъ и самая жизнь получить разумный смыслъ. Но эта мысль пришла въ ней нѣсколько поздно, тогда, когда мальчикъ вступилъ въ школьный возрастъ и когда пришлось подумать объ его ученѣи. Она видѣла высшій интересъ жизни для мужчины въ службѣ: «мужчинѣ надобно служить, а для службы необходимо учиться». Конечно, ни ученье, ни служба не могли ее испугать; но пугала ее мысль, что нужно разстаться съ сыномъ, такъ какъ въ деревнѣ нельзя было его научить всему тому, чего требовала служба. До того въ этой разлукѣ она не готовила ни себя, ни мальчика, а воспитывала его только въ заботахъ о настоящемъ. Внушенія страстной материнской любви только руководили ее въ воспитаніи; но если страсть не сдерживается никакой разумной мыслью, поставленною какъ цѣль стремленія, то она легко переступаетъ надлежащіе предѣлы, уже не разумно требуя для себя только удовлетворенія. Страстная любовь матери бѣтъ намѣченныхъ цѣлей воспитанія очень часто переходитъ въ самый ужасный эгоизмъ, который, впрочемъ, иногда называется или кажется безкорыстной любовью, потому что страстная мать всегда готова брать на себя слишкомъ много, готова терпѣть и страдать, лишь бы только при этомъ наслаждаться своею любовью. Но съ другой стороны, дѣлая все пріятное для своего ребенка, потому что каждое минутное его огорченіе огорчаетъ ее, она воспитываетъ въ немъ эгоизма, который потомъ скажется ей не на радость. Въ примѣръ такой матери мы можемъ поставить г-жу Простакову. Разумѣется, съ нею во всѣхъ отношеніяхъ мы не будемъ сравнивать мать автора семейной хроники; она старалась развивать въ своемъ ребенкѣ только хорошія качества; но тѣмъ не менѣе она довела свою любовь до неразумной страсти, которая вредно отозвалась не только на ней, но и на ребенкѣ. Застигнутая въ расплохъ сознаниемъ той цѣли, какую должна себѣ поставить мать, воспитывая для жизни, а не для себя, она должна была выдержать страшную борьбу со своей страстью и въ то же время сдѣлать такой быстрый переломъ въ жизни сына, что у него неостало силъ его выдержать: его здоровье страшно пострадало. Какъ бы то ни было, но соединивъ наконецъ вопросъ о будущемъ счастьи своего сына съ идеаломъ образованнаго человѣка, который въ то время у насъ находилъ себѣ дѣятельность только въ службѣ, она разумно исполнила долгъ матери и можетъ служить поучительнымъ примѣромъ многимъ матерямъ нашего времени. Конечно, на нее мы должны смотрѣть какъ на исключеніе. Большинство же матерей если и

имѣли въ виду будущую службу своихъ сыновей, то соединяли съ нею представленіе генеральскаго чина или пріобрѣтеніе сотенъ душъ крестьянъ; а какими путями будетъ пріобрѣтаться все это, онѣ и не задумывались.

Въ дополненіе характеристики русской дворянской семьи прошедшаго столѣтія возьмемъ еще одно провинціальное семейство, жившее въ тульскомъ намѣстничествѣ, въ городѣ Богородицѣ. Отецъ семейства извѣстенъ въ литературѣ многотомными записками о своей жизни, въ которыхъ разсказывается такъ много разныхъ житейскихъ мелочей, что въ выборѣ матеріала представляется большое обиліе. Это—Андрей Тимофеевичъ Болотовъ. Онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ и нравственныхъ русскихъ людей своего времени. Онъ былъ человѣкъ разумный, кроткій, хотя и не слабый, хорошо образованный, любилъ заниматься чтеніемъ и даже самъ нѣкоторое время сочинялъ для просвѣщенія своихъ согражданъ, и не безъ успѣха, журналъ «Экономическій Магазинъ», поручая его издавать извѣстному Новикову. Онъ любилъ природу и поэзію, высказывалъ стихами, хотя и плохими, свои чувствованія, былъ искренно-религіозенъ, но не ханжа,—чуждъ всякаго аскетизма. Дворянинъ, помѣщикъ и служащій чиновникъ, онъ благодарилъ Бога за свое счастливое положеніе, которое позволяло ему быть настоящимъ человѣкомъ, потому что внѣ дворянства онъ не находилъ возможности сохранить въ себѣ человѣческій образъ. Онъ даже написалъ длинную пѣсню, въ которой и высказалъ «чувствованіе рожденнаго въ дворянствѣ». Изъ нея мы воспользуемся только нѣсколькими куплетами, чтобы немного очертить эту симпатичную личность:

О, koliko я должень
Благодарностью за то,
Что въ число толико многихъ
Миліоновъ сихъ людей
Не включенъ и я судьбою
И не такъ же осужденъ
Весь свой вѣкъ влечить въ неволѣ,
Въ нуждахъ, въ горѣ и трудахъ;
Но предъ ними безконечно
Я судьбою предпочтенъ
И въ число лишь тѣхъ немногихъ
Тварей въ свѣтѣ помѣщенъ,
Къ коимъ ей было угодно
Милость и любовь явить,
И отъѣнную щедроту
Въ жизни тѣмъ имъ оказать,

Что родителей лучшайшихъ
 Избрала для нихъ она
 И родиться повелѣла
 Въ чинѣ высшемъ отъ другихъ,
 Въ чинѣ томъ, который прочихъ
 Несравненно лучше всѣхъ,
 И блаженство доставляетъ
 Въ колыбеляхъ уже имъ...
 Мнѣ велить въ томъ долгу признаться
 И всегда не забывать,
 Что изъ васъ я безъ заслугъ
 И исканья получалъ,
 И судьба что произвольно
 Одарила тѣмъ меня...

Такой взглядъ на самого себя заставляетъ предполагать въ человѣкѣ много добродушія и не допускаетъ подозрѣвать кичливости и высокомерія. беру тотъ періодъ его жизни, когда онъ ограничивалъ воспитаніе своихъ дѣтей и заботился о томъ, какъ ихъ пристроить—сына опредѣлить на службу, а дочерей выдать замужъ. Это было въ восьмидесятыхъ и отчасти въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Самому ему уже переступало за пятьдесятъ лѣтъ; въ службѣ занималъ онъ одно изъ начальственныхъ мѣстъ по управленію казенными крестьянами, и хотя служилъ ревностно и честно, но на службу смотрѣлъ, какъ на источникъ кормленія и благосостоянія своей семьи. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ тогдашнюю свою жизнь: «Жилъ я по прежнему умѣренно и не выходилъ ни въ чемъ изъ надлежащихъ предѣловъ, отчего достатокъ мой съ года на годъ и мало-по-малу увеличивался. И какъ я всего меньше помышлялъ о томъ, чтобы покупать деревни или земли, а болѣе старался сберегать излишки отъ своихъ доходовъ на непредвидимые случаи, а особливо на приданое возрастающимъ моимъ дочерямъ, то и возросъ мой капиталъ съ небольшимъ уже десять тысячъ, къ чему весьма много помогало то, что я пользовался во мно-гомъ казеннымъ содержаніемъ, не имѣлъ нужды покупать ни хлѣба, ни лошадей, ни корма на нихъ, ниже иныхъ какихъ вещей, нужныхъ для содержанія дома, ибо держалъ я при себѣ довольно и собственнаго своего скота и, птицъ и могъ ими и доставляемымъ также во мнѣ изъ деревень моихъ безъ нужды довольствоваться, слѣдовательно все лишнее въ деревняхъ моихъ обращать въ деньги...»

Такимъ образомъ, служба и здѣсь связывалась съ интересами семейными, хотя въ то же время ради нея и приходило въ упадокъ собственное помѣщичье хозяйство Болотова, какъ онъ самъ

въ томъ сознавался. Но она не вызывала никакихъ высшихъ интересовъ жизни, а напротивъ, пробуждала разные нехорошія чувства. Изъ опасенія лишиться выгоднаго мѣста, съ которымъ связывался вопросъ о благосостояніи семьи, приходилось подавлять въ себѣ чувство законности, служить уже не государству и его интересамъ, а личнымъ потребностямъ своего начальства, отъ котораго зависѣло смѣнить чиновника, ревностнаго къ правдѣ, другимъ — болѣе для себя подходящимъ. И этотъ честный, съ ясными понятіями человѣкъ, котораго, по собственнымъ его словамъ, любили и уважали добрые люди, не находилъ въ себѣ твердости постоять за высшіе интересы службы и очень легко дѣлалъ сдѣлки со своей совѣстью. Въ своихъ запискахъ онъ не разъ рассказываетъ, какъ ему приходилось переживать минуты страха въ борьбѣ совѣсти съ начальническими незаконными распоряженіями, но эта борьба всегда была кратковременна, и кончалась тѣмъ, что во всей ясности обнаруживалась слабость характера отца семейства и въ то же время честнаго, повидимому, человѣка. Въ этомъ случаѣ для насъ очень характеристичны собственныя его признанія: «Получилъ я письмо отъ Давыдова (начальника Болотова изъ Тулы), въ которомъ писано было ко мнѣ, чтобъ отпустить взаимы намѣстникову секретарю 60 четвертей хлѣба. Прочитавъ сіе и пожавъ плечами, вдохнувъ, сказалъ я: «Господи! долго ли это будетъ. Намѣстникъ повелѣваетъ ордеромъ никому не давать, а сей давать приказываетъ! Кого слушаться? Дать — бѣды отъ намѣстника; а не дать, — навлечь на себя досаду и гнѣвъ отъ Давыдова, и сдѣлаешь себѣ врагомъ и секретаря». Поговоря и погорюя симъ образомъ, долго не зналъ и не соображался я съ мыслями, что дѣлать. Къ вѣщшему смущенію можно было предвидѣть, что *хлѣбъ сей пропадетъ...* Подумалъ, подумалъ, и на стражъ весьма отпустилъ...

«Г. Давыдовъ не далъ намъ и Святую недѣлю провести всю спокоемъ и въ удовольствіи. А не успѣла настать суббота, какъ произошла новая отъ него ко мнѣ бомбардиралія. Двинулись новыя и прямо безстыднѣйшія и безпоконнѣйшія требованія. Господи! воскликнулъ я, получивъ долученное отъ него письмо, отъ досады и удивленія. Что этотъ человѣкъ думаетъ и помышляетъ! И такъ уже по уши въ бѣдѣ, и чѣмъ бы ту какъ-нибудь тушить, а онъ еще болѣе лихія болѣсти затѣваетъ, и возможно ли? и есть ли въ немъ стыдъ и совѣсть. Дай ему еще сто четвертей гречихи, а про то и позабылъ, что на немъ уже и безъ того до 2,500 четвертей всякаго хлѣба. Пришли къ нему жалованье, а

о томъ и позабыто совсѣмъ, что уже и безъ того 2,500 р. промоталъ и Богъ знаетъ на что... *Но что было дѣлать? Поговорилъ и подосадовавъ симъ образомъ, принужденъ былъ наконецъ выполнить и сіи ея требованія...*

А вотъ какъ и покрывались всѣ начальническія хищенія. «Возвратился изъ Тулы возникшій туда къ г. Давыдову наши денежныя и хлѣбныя книги мой секретарь. — Ну что наши книги, и зачѣмъ требовать ихъ Николай Сергѣичъ. — Что, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ, усмѣхнувшись: ему восхотѣлось сдѣлать какой-нибудь конецъ съ заемнымъ своимъ хлѣбомъ и нѣкоторыми деньгами, забранной имъ изъ экономической нашей суммы, и разрѣшить всѣ наши сумнительства... Нѣсколько часовъ сряду мы съ нимъ думали и гадали, какъ бы лучше, безопаснѣе и удобнѣе сдѣлать и развѣсить все по сучкамъ не примѣтно, и на силу на силу вздумали, взгадали и написали, и онъ все изволилъ для безопасности нашей впредь подписать и теперь осталось только подписать и вамъ статьи нѣкоторыя... — Покажи-ка, покажи, сказалъ я, удивившись, что такое вы тамъ придумали и сдѣлали? — Посмотрѣлъ, пожалъ плечами и сказалъ: ну, не изъ чего бы самъ не сдѣлалъ и не захотѣлъ для много кого никакъ сдѣлать, но для ея, за ея добродушіе и сожалѣя о ея разстроенномъ состояніи... быть такъ, сдѣлаю, благо, всѣ нашли такое удобное и хорошее средство. Подай мнѣ перо... И взявъ оное въ ту же минуту, идъ что нужно было, подписалъ. Симъ образомъ прикрыли мы кое-какъ естъ грѣхи и шалости г. Давыдова и потребовали ихъ въ бездну забвенія прикрытьемъ толь не примѣтно, что трудно было кому бъ то ни было до того добраться, и радовались, что удалось намъ такъ искусно и хорошо и его избавить отъ гнѣва и нареканія отъ намѣстника, и себя отъ дальнѣйшаго опасенія какого-нибудь за то себѣ незгодья...»

И хоть бы какое-нибудь сомнѣніе въ честности такого поступка, хоть бы какое-нибудь движеніе совѣсти! Здѣсь настоящій смыслъ службы уже совершенно ступневался; за то во всей своей яркости явилась служба, какъ семейное кормленіе, при которомъ рука руку моетъ. Какіе же тутъ могли развиваться высшіе интересы жизни, общественные идеалы, откуда могла явиться и твердость характера даже у лучшихъ людей?.. Ей не на что было опереться, потому что по пословицѣ одинъ въ полѣ не воинъ. Служба, какъ источникъ кормленія, развивала заботы не о служебной честности, связанной съ общественной нравственностью, а о повышеніи по табели о рангахъ или по крайней мѣрѣ о сохраненіи за собою своего служебнаго мѣста. Эти мѣста не

рѣдко терялись отъ различныхъ случайностей, которыя трудно было и предвидѣть. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ, рассказанная Болотовымъ: «Тогдашняя любовница намѣстникова, госпожа Вельяминова, возненавидѣвъ за что-то командира моего Давыдова, положила непремѣнно и старается всѣми силами столкнуть его изъ директоровъ, а на мѣсто его перевести своего мужа. И какъ на умѣ у ней расхитить и разворовать нашу волость и тѣмъ поправить разстроенное состояніе своего мужа, то для удобнѣйшаго произведенія того въ дѣйство, помышляетъ и меня отженить отъ волости прочь и на мѣсто мое опредѣлить мужа брата, имѣвшаго только двѣ способности въ свѣтѣ, а именно: ѣздить и гайкать съ собаками, да играть въ карты и мотать, а болѣе ничего. Но какая до того нужда, а надобно, чтобъ все было уже подъ стать, и что бѣдный человѣкъ намѣстникъ, любя до обожанія свою злодѣйку и повинувшася ей, о томъ и старается, а потому и хочетъ самъ и невзначай пріѣхать къ намъ въ Богородицѣ и отыскивать все, чѣмъ бы можно было и Давыдова, и меня обвинить, и обоихъ насъ лишить мѣстъ нашихъ...» А вины найти было легко при томъ безцеремонномъ отношеніи начальства къ казенному добру и при той вынужденной необходимости помогать начальству хоронить концы: подставить же при случаѣ ногу своему сослуживцу между чиновниками не считалось за безчестное дѣло — на это охотниковъ всегда было довольно. Не увѣренные въ своемъ служебномъ положеніи, не способные и на чиновничьи интриги люди, подобные Болотову, и въ то же время, подобно ему, религіозные, искали себѣ успокоенія и опоры въ религіозномъ чувствѣ: «безъ власти и созволенія божескаго, — говорилъ въ такихъ случаяхъ Болотовъ, — ничего они мнѣ сдѣлать со всѣми своими хитростями не могутъ, а ежели Богу будетъ то угодно, то и я отъ того не прочь, ибо Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и Его святая воля въ томъ и буди».

И не замѣчали они того нравственнаго противорѣчія, какое являлось въ этомъ обращеніи къ Богу: хотъ и противъ воли, въ угоду начальству, но все же они шли на неправду, и возлагали свои надежды на Бога, что онъ поможетъ имъ прикрыть ихъ беззаконіе. Такъ деморализировался русскій служилый человѣкъ, восхищавшійся въ то же время тѣмъ, что онъ родился во дворянствѣ. Понятно, что такой человѣкъ раздѣлялъ съ своей семьей всѣ свои заботы и опасенія и пропитывалъ ее чиновническимъ духомъ. Надо отдать честь Болотову, онъ былъ нѣжный мужъ и отецъ, заботился о воспитаніи своихъ дѣтей, ко-

вечно согласно съ тогдашними дворянскими понятіями, передалъ своему сыну любовь къ чтенію и разнымъ артистическимъ занятіямъ, въ особенности же къ музыкѣ и садоводству, но передалъ и свой взглядъ на чинъ и на службу. Сынъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ гвардію. Но вотъ настала тотъ возрастъ, когда нужно было вести его въ Петербургъ на дѣйствительную службу. Юноша былъ слабаго здоровья. Чадолубивому отцу было жалъ расстаться съ нимъ. Онъ долго медлил и тревожился мыслию, что «всѣ люди служатъ, всѣ сержантами, а онъ капитанармусъ или еще ничто». Въ безпокойствѣ онъ пишетъ къ разнымъ лицамъ съ просьбою похлопотать объ отсрочкѣ и выпросить чинъ сержанта. Но несмотря на всѣ хлопоты, производство въ желанный чинъ неслужившаго молодого человека, по выраженію Болотова, ни шло, ни ѣхало. Наконецъ онъ получаетъ извѣстіе, что по просьбамъ чины стало получать трудно, а за деньги всего легче, и при помощи *милостивцевъ* можно надѣяться это сдѣлать рублей за триста, но для всякаго случая нужно послать пятьсотъ рублей. Нисколько не задумавшись Болотовъ надъ вопросомъ, насколько честно покупать чины, тогда какъ давать ихъ назначено за дѣйствительную службу государству. Напротивъ, вся семья обрадовалась такому извѣстію. «Я давно желалъ,—говоритъ Болотовъ,—чтобы все сіе можно было сдѣлать за деньги, и о пожертвованіи для сего пятьсотъ рублей и слова не говорилъ; но охотно хотѣлъ ихъ потерять для сына». Вотъ какаго рода идеалы развивались въ семьѣ, и какіе интересы жизни занимали юношу, вступаваго въ жизнь. Наконецъ вожделѣнный часъ насталъ: получено было извѣстіе, что въ гвардейскихъ спискахъ явился новый молодой сержантъ, которому уже посланъ паспортъ на проживаніе въ отцовскомъ домѣ. «Съ меня тогда какъ превеликая гора съ плечъ свалилась,—говоритъ Болотовъ:—что жъ касается до сыновней радости, то была она неизобразима. Всѣ мы наперерывъ поздравляли его съ симъ чиномъ и благодарили Бога за оказанную намъ отъ Него новую милость и за избавленіе отъ трудовъ, хлопотъ и убытковъ многихъ».

И такимъ образомъ обдѣлывать всѣ свои дѣлишки чиновнику помогалъ Богъ, и съ такою вѣрою чиновникъ считалъ себя хорошимъ христіаниномъ!

Какъ ни медлил Болотовъ расставаться съ сыномъ, но наконецъ долженъ былъ отпустить его въ Петербургъ, чтобы вступить въ дѣйствительную службу. Впрочемъ, и тамъ нашлась возможность получить нѣкоторыя льготы, а затѣмъ съ помощью *милостивцевъ* черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и увольненіе отъ воен-

ной службы съ чиномъ капитана арміи для опредѣленія къ штатскимъ дѣламъ. Онова вернулся подъ родительское крылышко въ Богородицкѣ молодой капитанъ; но штатскихъ дѣлъ долго тамъ для него не находилось. Вотъ наконецъ оказалось вакантнымъ мѣсто директора народнаго училища въ Тулѣ. Что за дѣло, что оно требовало какой-нибудь педагогической опытности, что оно не соответствовало юнымъ лѣтамъ молодого капитана; ему нужно было только мѣсто, и отецъ не задумывается начать хлопоты, и навѣрное успѣлъ бы, если бы это мѣсто намѣстникъ еще прежде не обшачалъ другому.

Вотъ какъ относились къ службѣ лучшія и наиболѣе образованныя дворянскія семьи. Понятно, что съ нею у нихъ должны были соединиться только интересы личные. Общественное же чувство развивалось совершенно подъ другими вліяніями. Болотовъ былъ весьма гостепріимный хозяинъ: изъ его дома не выходили гости и городскіе чиновники, и пріѣзжавшіе помѣщики, и заѣзжіе изъ другихъ городовъ; завтраки, обѣды, вечеринки, балы, одни сѣнялись другими. Семья была въ безпрестанныхъ заботахъ объ угощеніи, что и наполняло жизнь ея. Въ особенностяхъ же, когда стали подрастать дочери Болотова и приходилось задумываться о пріисканіи для нихъ приличныхъ жениховъ, интересы свѣтской жизни сдѣлались общественными интересами всей семьи. Она уже не довольствовалась однимъ богородицкимъ обществомъ: стали придумывать разные нужды, чтобы вкусить и отъ столичной жизни. Московскій свѣтъ былъ приманкою для всѣхъ провинціальныхъ барынь и барышень. Откровенность Болотова позволяетъ намъ представить, что это были за семейныя нужды, которыя привлекали ихъ въ Москву. «Чудное нѣчто,—говорилъ онъ,—и удивительное происходило съ нами тогда въ разсужденіи ѣзды сей и намѣренія до оной относящагося. Жена моя и дочь, такъ сказать, спала и видѣла, чтобъ туда ѣхать; что же касается до сына, то желаніе его въ тому было чрезмѣрное и какъ-то совсѣмъ необыкновенное и удивительное. Наиглавнѣйшая нужда состояла въ томъ, что у насъ былъ тамъ на примѣтѣ одинъ выгодный женихъ для нашей дочери... и всѣмъ нашимъ весьма хотѣлось, чтобъ онъ дочь мою видѣлъ и сіе дѣло совершилось. Но надобно сказать, что жениха сего никогда мы еще не видали, да и сватовства формальнаго никакого еще не было, а затѣяла и клела это дѣло родственница его, а наша пріятельница, и весь нашъ домъ плѣнился однимъ только всеобщимъ слухомъ, что женихъ былъ весьма добрый человѣкъ, да и достатокъ имѣлъ порядочный... И такъ сія

была наша первая и наглавнѣйшая надобность. Вторая состояла въ томъ, чтобъ намъ при семъ случаѣ, будучи въ Москвѣ, поучить меньшихъ нашихъ дочерей Ольгу и Катерину танцовать... Третья, чтобъ отдать намъ двухъ мальчиковъ учиться убирать волосы, заготовляя ихъ въ приданое дочерямъ нашимъ. Четвертая нужда состояла въ томъ, что женѣ моей хотѣлось какъ себѣ, такъ и дочери, и сыну нашить платья. Пятая, чтобъ закупить и запасти годовую провизію и вой-какими вещами, нужными для приданого дочерняго. Шестая — чтобъ повеселиться московскими веселостями и посмотреть еще свѣта...» Это признаніе Божотова типически обрисовываетъ намъ чиновно-дворянскую семью въ ея главныхъ интересахъ жизни. При такомъ общемъ настроеніи члены ея не могли расходиться между собою въ понятіяхъ. Мы не будемъ долѣ останавливаться на ней. Но въ вопросѣ о развитіи свѣтской общественности необходимо остановиться на одномъ важномъ фактѣ. Въ 1785 году императрица Екатерина II выдала «Грамоту на право вольности и преимуществъ благороднаго російскаго дворянства». Она позволяетъ дворянамъ въ каждомъ намѣстничествѣ составлять *общество* и собираться въ той губерніи, гдѣ имѣютъ жительство. На собраніяхъ они получали право разсуждать о своихъ нуждахъ и пользахъ и заявлять о нихъ генераль-губернаторамъ или губернаторамъ. Для собранія дворянъ въ каждомъ губернскомъ городѣ предоставлялось имъ имѣть свой собственный домъ. По пункту 57, «собраніе дворянъ ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражи»; а по пункту 15, «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго» ¹⁾. Пользуясь этой грамотой, дворянство каждой губерніи дѣйствительно заводило свой домъ въ губернскомъ городѣ для своихъ собраній, на которыхъ производились выборы предводителей дворянства и на разныя другія дворянскія должности. Выборы привлекали въ городъ не только дворянъ, но и ихъ семейства, которые не понимали никакой другой общественной, кромѣ свѣтской, а она вызывала балы, обѣды, ужины, для чего собственно и сѣзжалось благородное сословіе изъ всей губерніи. Дворянскія собранія получили значеніе болѣе увеселительныхъ собраній; свѣтскіе интересы ввели перевѣсъ надъ всѣми; дворяне чувствовали себя какъ общество только на общихъ дворянскихъ обѣдахъ и балахъ; другая общественность не прививалась къ нимъ, какъ будто бы для нея не было твердой почвы. Насколько въ самомъ дѣлѣ была тверда эта почва можно

¹⁾ Полн. собр. законовъ рос. имп. т. XXII, № 16,187.

заклѣчить изъ указа императора Александра Павловича, изданнаго въ 1801 году вслѣдъ за его воцареніемъ. Въ «Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи» ¹⁾ этотъ указъ обозначенъ такимъ образомъ: «О возстановленіи статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ нѣкоторыми указами». Тамъ, между прочимъ говорится, что «въ 1797 г. генваря 3, на докладъ Сената высочайшимъ указомъ и потомъ особыми конфирмаціями благородные за содѣянные ими преступленія подвергались торговой казни». Указъ 1801 года отмѣнилъ всѣ эти конфирмаціи и подтверждалъ 15 пунктовъ дворянской грамоты: «Тѣлесное наказаніе да не вносится до благороднаго». Строгій князь Щербатовъ въ своей запискѣ отзывался о той же дворянской грамотѣ такимъ образомъ: «Испекли законы, правами дворянскими названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе...»

V.

Карамзинъ, путешествуя въ 1790 году по Англіи, прельщался англійскою сенью и, передавая свои впечатлѣнія, дѣлалъ въ то же время и характеристику русской дворянской сеньи, сложившейся въ прошедшемъ столѣтіи. Для нашего историческаго обзора намъ очень важно выставить выводы нашего писателя. Вотъ, что писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ изъ Англіи: «Здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдственно мужья счастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самыя англійскіе лорды и самыя англійскіе герцоги не знаютъ того всегдашняго разстоянія, которое можно назвать *оттискомъ нашего, такъ называемаго хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе; объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *лучше быть въ гостилахъ, или принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: *я хочу быть счастливымъ дома и только изрѣдко имѣть свидѣтелей моему счастью*. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральнхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостилахъ, а дома только спать или сидѣть за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра

¹⁾ Т. XXVI, № 19,886.

бать, красавица танцуетъ до пяти часовъ утра, и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того, англичанка, воспитываемая для домашней жизни, приобретаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и наклонностями, которыя предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другого... Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно, но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтъ, и говорю мысленно: «несчастные, что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пустоблестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ дѣла, гдѣ знаніе какой-то приличности составляетъ всю науку, гдѣ *быть нестраннымъ* есть верхъ искусства для мужчины, и гдѣ двѣ-три женщины бываютъ для того, чтобы удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ знаетъ для чего; гдѣ съ большими издержками и хлопотами люди проводятъ нѣсколько часовъ въ утомительной игрѣ ложнаго веселья... Если вы—родители, то пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ обязанностей человѣчества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпечная мать, прыгаешь въ контръ-дансъ, маленькая дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, оставленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой-нибудь дурной примѣръ, который свѣтъ въ его сердце пороку и несчастью... Говорю о женщинахъ, для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими, но главная вина, безъ всякаго сомнѣнія, на сторонѣ мужчинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго счастья и лучше хотятъ быть строптивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что сила не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о *мужѣ*, но о *мужьяхъ* никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего, и еслибы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными. Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязывать людей къ домашней жизни. *Не пустота ли душевная* вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе. Первое дѣло истинной философіи есть обратять человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ природы. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая

жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ или на большой ужинъ? Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства, всякій долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобы пустить другого на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего *нестыжества въ хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая *принужденіемъ*, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. Но пріятностью общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу, которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ, и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама натура предлагаетъ вамъ въ друзья, т.-е. между родственниками? О, милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ, и если я въ чемъ-нибудь завидую нашимъ предкамъ, то, конечно, въ привязанности ихъ къ своимъ предкамъ...

Такой протестъ противъ крайностей въ стремленіи къ свѣтской жизни высказалъ Карамзинъ, вступаясь за нравственныя основы семейной жизни, которыхъ онъ не находилъ въ русской семьѣ. Эти крайности, впрочемъ, были по необходимому историческому закону слѣдствіемъ другой крайности—замкнутой жизни, которою отличалось XVII столѣтіе. Противъ нихъ Карамзинъ находитъ средство въ старой патріархальности, не замѣчая, что ея слѣды сохранялись и въ современныхъ ему русскихъ семьяхъ; родственныя связи тамъ существовали, но онѣ вели не къ тому, чего хотѣлось Карамзину. Ими пользовались не для удовлетворенія природной потребности въ общественной, а для успешнаго прохожденія табели о рангахъ: «какъ не порадѣтъ родному человѣчку», слышалось еще въ слѣдующемъ поколѣніи при Грибоѣдовѣ; а при Карамзинѣ это радѣніе было еще сильнѣе. Иного употребленія въ то время нельзя было и сдѣлать изъ родственныхъ связей, такъ какъ высшіе интересы жизни cadaго заключались въ служебномъ повышеніи и отличіи. Но эти интересы не были въ то же время общественными интересами: они не соединяли людей въ одно общество, а скорѣе разъединяли ихъ: одни старались подкапываться подъ другихъ для своихъ личныхъ

цѣлей. Карамзинъ, признавая потребность человѣка въ общественности, не могъ считать за общество свѣтскія собранія, и думалъ подставить подъ него дружескіе и родственные кружки. Они, конечно, могли замѣнить тѣ собранія, но они не составили бы дѣйствительнаго общества, которое требуетъ какъ непремѣннаго условія одного общаго высшаго интереса, способнаго соединить всѣхъ въ одно крѣпкое единодушное цѣлое. Но такого интереса въ русской жизни не было, и общество составила публика, сходящаяся для веселья. Отъ такого смѣшенія понятій и семья была поставлена въ ложное положеніе. Карамзинъ хорошо сознавалъ это; но средство предлагалъ не дѣйствительное.

Черезъ десять лѣтъ, т.-е. въ 1802 году, въ своемъ журналѣ «Вѣстникъ Европы», Карамзинъ снова касается вопроса о русской семьѣ и опять не находитъ въ русской жизни той общественной силы, которая должна воспитывать и нравственно руководить семью. Онъ признаетъ, что патріотическое чувство могло бы всѣхъ связать въ одно крѣпкое общество, но и тутъ находитъ ложное направленіе этого чувства. «Воспитаніе дѣтей,—говоритъ онъ,—есть *долгъ граждаина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества*. Въ республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда *милый сынъ отечества*, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его... Безразсудная роскошь—слѣдствіе разсѣянной жизни, вредное для государства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ беззаконнымъ; онъ скорѣе другого можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и питая гнусную алчность ростовщиковъ, по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ. Мы не рѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства... *Хотятъ удивить иностранцевъ*, хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи... *Усердные любители отечественной славы!* Россія увольняетъ васъ отъ такихъ *патріотическихъ усилій*, отъ пятидесяти *сюрпризовъ* въ одинъ вечеръ и даже отъ французскихъ куплетовъ; она требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, однихъ *гражданскихъ* и семейственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ *удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и делахъ*: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія». Оудивъ ложное направленіе русскаго патріотизма, Карамзинъ ука-

зываетъ, въ какую сторону слѣдуетъ его направить, чтобы дать ему значеніе общественное. «Приведите крестьянъ вашихъ въ лучшее состояніе, а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что-нибудь долговременное и полезное, учредите школу, госпиталь, будьте отцами бѣдныхъ и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободрайте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ, пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки и сей каменный мостъ, благодаріе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ. Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: «Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ».

Все это ясно опредѣляетъ филантропическую сферу, которая рекомендуется для дѣятельности патріота, но нельзя не замѣтить, что тутъ смѣшиваются понятія—общество, отечество, государство, и нисколько не выясняется идея общественности, съ которою Карамзину хотѣлось бы связать жизнь семьи. То, что онъ советуетъ, требуетъ отъ человѣка пожертвованій и труда, съ которыми можно прослѣдить за филантропомъ; но все это нисколько не поможетъ развиваться семейнымъ добродѣтелямъ; все это зависитъ лишь отъ одной доброй воли человѣка и не можетъ обратиться въ общественную совѣсть, которая связываетъ съ известными общественными идеями, имѣющими вліяніе на семью. Карамзинъ хорошо подмѣтилъ, что русская дворянская семья не давала людей съ характерами, напротивъ, во всѣхъ сферахъ дѣятельности являлись люди не выдержанные, нравственно-шаткіе, распущенные. «Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ,—спрашиваетъ онъ,—слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе?.. Родители, оставляя дѣтямъ въ наслѣдство имѣніе, должны присоединить къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для счастья. Хорошо, если отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такіа права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми?—по большей части свѣтская развѣянность, дѣйствіе полупросвѣщенія въ людяхъ и государствахъ... Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а не совершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикій американецъ цѣлый день качается на вѣтвяхъ; европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому играть

въ карты... И сколь неравное право на любовь и благодарности дѣтей имѣють два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспитатель ихъ, а другой только нанималъ учителей. Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составлять для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ этомъ заранѣе...¹⁾

Съ разныхъ сторонъ подступает Карамзинъ къ русской семьѣ, чтобы найти тѣ общія нравственные правила, которыя бы сдѣлались обязательными для каждой семьи, и по которымъ бы воспитывались люди для службы отечеству: онъ рисуетъ и идеаль отца, счастливаго посреди своего семейства, и идеаль гражданина-патріота, хочеть чѣмъ-то замѣнить свѣтское общество, развращающее семью, но все сводится къ одному: будетъ нравственнымъ человѣкомъ отецъ, будетъ нравственна и семья. А какъ и чѣмъ удержатъ его въ предѣлахъ нравственности, какъ воспитать характеръ и рѣшительный образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ,—на эти вопросы не нашлось отвѣтовъ и у Карамзина.

Въ то время, какъ Карамзинъ мягко и осторожно доказывалъ, что у насъ нѣтъ настоящаго гражданскаго патріотизма²⁾, другой писатель, его литературный противникъ, Шишковъ, открыто, гнѣвно и не затрудняясь въ словахъ, нападалъ на русское семейное воспитаніе, подавляющее чувство патріотизма; по причину тому онъ видѣлъ въ пристрастіи къ иноземному образованію и винилъ французовъ, сдѣлавшихся воспитателями въ русскихъ семьяхъ: «Независть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству, и къ обычаямъ, и къ вѣрѣ, и къ отечеству) уже такъ сильно вкоренилась въ насъ, что мы видимъ множество отцовъ и матерей, радующихся и утѣшающихся, когда дѣти ихъ, не умѣя порядочно грамотѣ, лепечутъ полу-русскимъ языкомъ; когда они вмѣсто: зданія, говорятъ: *еди-фисы*: вмѣсто, меня удивило—меня фрапировало и пр. Я самъ слышалъ одного дядю, который племянника своего, называвшаго людей его слугами, училъ, чтобы онъ въпредъ отъ этого простонароднаго названія отвыкалъ, утверждая, что между знающими свѣтское обращеніе людьми никогда не говорится *слуги*, а всегда *лаксы*. Какъ нынѣ смѣшенъ и страненъ покажется тотъ прѣзжій развѣ изъ глухой деревни отецъ, который съ неосторожностью молвитъ: *у меня дѣтей моихъ грамотъ обучаетъ русскій попъ, а воспитываю ихъ я самъ*. Напротивъ, какъ благороденъ

¹⁾ „Приятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“—журнальная статья Карамзина.

²⁾ См. „О любви къ отечеству и народной гордости“.

и просвѣщенъ тотъ, который съ остроуміемъ скажетъ: *какъ я счастливъ, я отдала сегодня дѣтей моихъ на воспитаніе французскому аббату*. Я чувствую, что здѣсь въ тысячу голосовъ возопіютъ на меня: сумасшедшій! что ты бредишь! да есть ли у насъ такіе учителя, которымъ бы воспитаніе дѣтей поручить можно было? Изъ сихъ тысячи голосовъ я отвѣтаю только нѣкоторымъ: во-первыхъ, я подѣ именемъ *воспитанія* разумѣю больше *полезный отечеству духъ*, нежели *легкое тѣлодвиженіе*; во-вторыхъ, доколѣ не перестанемъ мы ненавидѣть свое и любить чужое, до тѣхъ поръ ничего у насъ не будетъ. Англичанинъ не гоняется за французскимъ воспитаніемъ и за языкомъ ихъ, не нанимаетъ кучеровъ ихъ учить себя; но онъ англичанинъ: дѣлами искусенъ, словами краснорѣчивъ, нравомъ добръ и свѣтскимъ обращеніемъ пріятенъ по своему. Народъ, который все перенимаетъ у другого, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя и теряетъ собственное свое достоинство; онъ не смѣетъ быть господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ носитъ оковы его, и оковы тѣмъ вѣрчачишія, что не гнушается ими, но почитаетъ ихъ своимъ украшеніемъ... Когда сообщеніемъ своимъ сблизились мы съ чужестранными народами, а особливо французами, тогда вмѣсто занятія отъ нихъ единныхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ, стали перенимать мелочныя ихъ обычаи, наружныя виды, тѣлесныя украшенія и часть отъ часу дѣлаться болѣе совершенными ихъ обезьянами. Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться и даже какъ сморкаться и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по-французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть русскую пѣсню. Мы влинули кличъ: кто изъ французовъ, какого бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочеть за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностью, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей. Явились ихъ престрашныя толпы; стали насъ брить, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ; презирать благочестивыя нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами... Вотъ что сами французы о насъ пишутъ. Бывшій при посольствѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны съ посломъ французскимъ Опиталемъ г. Мессальеръ, между прочимъ, описывая пребываніе свое въ Петербургѣ, говорить: «Мы обступлены были тучею всякаго рода французовъ, изъ

коихъ главная часть, поссорясь съ парижскою полиціею, пришла, заражать сѣверныя страны. Мы поражены были удивленіемъ и сожалѣніемъ, нашедъ у многихъ знатныхъ господъ бѣглецовъ, промотавшихся, распутныхъ людей и множество такого же рода женщинъ, которымъ, по предубѣжденію къ французамъ, поручено было воспитаніе дѣтей самыхъ знаменитѣйшихъ... Вообразимъ себѣ успѣхи сей заразы, столь издавна водворившейся между нами и отчасу болѣе распространяющейся. Когда и самый благо-разумный и честный чужестранецъ не можетъ безъ нѣкотораго труда воспитать чужой земли юношу, то какой же произведутъ вредъ множество такихъ воспитателей, изъ коихъ главная часть состоитъ изъ невѣждъ и развращенныхъ правилъ людей. Съ нравственностью не то дѣлается, что съ естественностью: курица, высиженная и всормленная уткою, останется курицею, а не пойдетъ за нею въ воду, но русскій, воспитанный французомъ, всегда будетъ больше французъ, нежели русскій... Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ нами; а мы ихъ возимъ съ гордостью, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не смѣшаютъ отличать себя честию возить ихъ. Не могли они истребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости, но и тотъ не защищаетъ насъ отъ нихъ: мы учителей своихъ побѣждаемъ оружіемъ; а они побѣдителей своихъ побѣждаютъ комедіями, романами, пудрою, гробенками...¹⁾

Грозно обвиняя воспитаніе русской семьи, Шишковъ въ то же время не задавался вопросомъ о причинѣ такого явленія въ нашей жизни. Подобно Карамзину онъ ставилъ русскимъ людямъ въ примѣръ англичанъ, но и тутъ не спрашивалъ себя: чѣмъ застрахованы англичане отъ тѣхъ увлеченій, которымъ съ такой страстностью отдавалась новая русская семья. Онъ не могъ замѣтить, что разница заключалась въ самой идеѣ общественности, которая давала жизни направленіе. У однихъ преобладала идея гражданской общественности, у другихъ общественности свѣтской; изъ той и другой развивались свои идеалы, проникавшіе и въ семейное воспитаніе. Какъ мало въ русской семьѣ было силы, сдерживающей отъ увлеченія свѣтскими идеалами, лучше всего можно видѣть на самомъ Шишковѣ. Онъ, повидимому, такой страстный патріотъ, такой горячій защитникъ народности, такой ненавистникъ французскихъ модъ, — самъ въ своей семьѣ не могъ направить воспитанія по иному идеалу. Судя по его статьямъ,

¹⁾ Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ россійскаго языка, Шишкова, 1803 г.

можно бы было подумать, что онъ-то и отличался тою твердостью характера, какой Карамзинъ съ сожалѣніемъ не находилъ въ русскихъ образованныхъ людяхъ. Но на самомъ дѣлѣ и въ Шишѣвъ не было этой твердости, хотя онъ и отличался значительнымъ упрямствомъ въ характерѣ. У него не было своихъ дѣтей; но онъ принялъ на воспитаніе сыновей своего брата. Можно было ожидать, что онъ на дѣлѣ оправдаетъ свои слова и не пойдетъ въ слѣдъ за тѣми семьями, на которыя онъ такъ нападалъ за ихъ обезьянство. Но на практикѣ одно отрицаніе безъ яснаго идеала оказалось безсильнымъ. У племянниковъ Шишѣва явился французъ-гувернеръ, и въ домѣ его сталъ раздаться французскій языкъ, какъ и въ другихъ русскихъ домахъ. Его супруга другого воспитанія не знала, а самъ онъ кромѣ старинныхъ славяно-русскихъ книгъ, языкомъ которыхъ восхищался, не могъ представить никакого другого воспитательнаго матеріала. По какому образцу можно было воспитывать, если образованіе прежде всего оцѣнивалось въ свѣтскомъ обществѣ? На практикѣ Шишѣвъ оказался безсильнымъ передъ своею практической супругой. Правда, и ея воспитательные труды не оправдались успѣхомъ: изъ ея воспитанниковъ ничего не вышло; но не выходило ничего и изъ большинства другихъ семей. Этимъ только и можно было утѣшаться.

В. Стодникъ.

ПО ИСПАНИИ

Nichts ist dauernd, als der Wechsel; nichts beständig, als der Tod. Jeder Schlag des Herzens schlägt uns eine Wunde, und das Leben wäre ein ewiges Verbluten, wenn nicht die Dichtkunst wäre.

Börne.

I.—ВДОЛЬ ПИРИНЕЕВЪ ДО ИРУНА.

«Часто, при закатѣ солнца, облокотясь на перилы моего балкона, засматриваюсь я на разстилающуюся передо мной обязательную картину, облитую горячимъ, южнымъ освѣщеніемъ. Какъ раскаленное до-бѣла желѣзо, горитъ снѣговая вершина Сіерры-Невады на голубомъ небѣ; розовый, волнующійся паръ прозрачной пеленой лежитъ внизу подъ городомъ и зеленою гущею равнины; далѣе, въ свѣтло-голубомъ туманѣ горныя цѣпи. Угловатая вершина Сіерры-Эльвиры, за которую спускается солнце, словно облитая пылающимъ золотомъ, бросаетъ вокругъ себя лиловыя тѣни... Все—небо и земля горятъ и таютъ въ невыразимой лучезарности... Я съ жадностью засматриваюсь на эту долину, на эти чудными цвѣтами переливающіяся горы, на эту Альамбру, — вдыхаю въ себя прохладу ея садовъ и фонтановъ, и думаю, какъ бы сдѣлать, чтобы все это навсегда живо запечатлѣлось въ моей душѣ, чтобы мнѣ всегда можно было помнить объ этомъ раѣ, который, Богъ знаетъ, приведется ли мнѣ еще увидѣть...

...«Да! ярче чѣмъ апельсиновые рощи Палермо, чѣмъ берега Неаполя, будутъ жить въ моей душѣ эта равнина Гранады, обставленная горами, эти холмы Альамбры и Хенералифе, въ густой растительности которыхъ играютъ тоны южной и сѣвер-

ной природы, и Сиерра-Невада съ своимъ снѣговымъ пологомъ и радужными переливами отлогостей. А закатъ солнца съ Хенералифе—какое солнце, и какая картина!

...Гранада!! Еслибъ это слово могло передать вамъ хоть тѣнь ея красоты, еслибъ я могъ перенести васъ въ мою маленькую комнату въ то время, когда закатывается солнце и косвенные лучи его разливаютъ по долинѣ радужные, переливающиеся тоны,—небо и земля сливаются и рдѣютъ, какъ раскаленная лава, облака пылаютъ кровавымъ пламенемъ; Сиерра-Невада съ своими скалами черного мрамора, съ своимъ снѣгомъ и зеленою отлогостью, вся облитая заходящимъ солнцемъ, кажется массой, сложенной изъ драгоценныхъ цвѣтныхъ камней... минута чудесь! Темная, влажная зелень деревьевъ проникнута золотистыми отливами; нѣтъ захолустья, нѣтъ уголка тѣни, куда не проникала бы яркость этого солнца. Вечерній паръ, разстилающійся по долинѣ, похожъ на пыль, состоящую изъ аметистовъ и рубиновъ,—и все прозрачно, все горитъ и сверкаетъ; колокольни деревень, разбѣянныхъ по долинѣ, свѣтятся какъ пурпуровые бенгальскіе огни... Но жаркіе тоны начинаютъ блѣднѣть, обозначаются очертанія горныхъ цѣпей, на ихъ синѣющихъ отлогостяхъ уже чуть-чуть отсвѣчивается лиловое мерцаніе; надъ долиной густо поднимается голубой, влажный туманъ, по которому бѣлой матовой полосой отсвѣчивается луна, выходящая изъ-за Сиерры-Невады. Солнце давно скрылось за горами Гранады; равнина лежитъ въ сѣромъ сумракѣ, а снѣговой пологъ Сиерры горитъ еще лиловымъ сіяніемъ, и чѣмъ выше, тѣмъ ярче и багровѣе; вотъ, на самой вершинѣ, сверкнуло оно послѣднимъ, алымъ лучемъ... Да нѣтъ! этой красоты нельзя передать, и все, что я здѣсь пишу, есть не болѣе, какъ пустыя фразы; да и возможно ли отчетливо описывать то, чѣмъ душа бываетъ счастлива! описывать можно только тогда, когда счастье сдѣлается воспоминаніемъ. Минута блаженства есть минута нѣмая. Представьте же себѣ, что эта минута длится для меня здѣсь вотъ уже три недѣли. Въ головѣ у меня нѣтъ ни мыслей, ни плановъ, ни желаній; словомъ, я не чувствую своей головы; я ни о чемъ таки, совершенно ни о чемъ не думаю; но еслибъ вы знали, какую полноту чувствую я въ груди, какъ мнѣ хорошо дышать... мнѣ кажется, я растеніе, которое изъ душистой, темной комнаты вынесли на солнце; я тихо, медленно вдыхаю въ себя воздухъ, часа по два сижу гдѣ-нибудь надъ ручьемъ и слушаю, какъ онъ журчитъ, или засматриваюсь, какъ струйка фонтана падаетъ въ чашу... Ну что, еслибъ вся жизнь прошла въ такомъ счастьѣ!»

Кто изъ насъ, бывшихъ юношей конца второй четверти этого столѣтія, лѣтъ 30—35 тому назадъ, не читалъ восторженныхъ строкъ, сейчасъ мною приведенныхъ, и не отдавался иногда горькому, завистливому раздумью: «а увижу ли я все это?—попадутъ ли мои ноги и мое сердце въ тотъ рай, о которомъ цѣлыя столѣтія плакали изгнанные изъ него мавры?—доведется ли мнѣ взглянуть хоть разъ на эти дивныя мѣста, на эту волшебную Гранаду и Альамбру?»

Да, многіе безъ сомнѣнія задумывались объ этомъ надъ нѣкоторыми мѣстами «Писемъ объ Испаніи» Боткина.

И вотъ мнѣ, уже отживающему, выпало на долю то, что юношѣ казалось недостижимымъ счастьемъ.—Я былъ въ Испаніи, я видѣлъ Гранаду и Альамбру.

Да развѣ же это въ самомъ дѣлѣ не счастье, какъ для юноши, такъ и для старика, видѣть возможно большую часть той планеты, на которой мы живемъ—этого лучшаго изъ міровъ, если ужъ не возможно созерцаніе всего міра, цѣлой вселенной?

Прошлую зиму, послѣ неудачнаго и гибельнаго для меня восхожденія на Араратъ, восхожденія, кончившагося жесточайшимъ плевроитомъ съ прободеніемъ легкаго, я долженъ былъ провести эту зиму на тепломъ югѣ, въ Ментонѣ, подъ защитою отъ холоднаго сѣвера Приморскихъ Альпъ, откуда, по счастливомъ выздоровленіи, я задумалъ совершить путь въ Испанію—въ страну гитары и фонданго, въ отечество альмавивы и мантильи, туда, гдѣ «бѣжить-шумить Гвадалевиваръ»;—гдѣ Сидъ и Донъ-Кихотъ совершали никому ненужные подвиги, а Мурильо рисовалъ своихъ бессмертныхъ мадоннъ;—гдѣ Санхо-Панча былъ достойнымъ губернаторомъ, а Христофора Колумба считали сумасшедшимъ;—гдѣ Филиппа II и Карла V не посадили на цѣпь только по недоразумѣнію, а Торквемаду не сожгли на кострѣ по ошибкѣ, гдѣ, наконецъ, самъ великій Цезарь схватилъ лихорадку—

И весь дрожалъ—да, этотъ богъ дрожалъ!
 Съ его трусливыхъ губъ сбѣжала краска,
 И взоръ, что дѣлалъ міръ приводитъ въ трепетъ,
 Совсѣмъ померкъ. И Кассій слышалъ, какъ онъ охалъ;
 Его уста, которыхъ изреченья
 Записывали римляне, шептали
 Такъ жалобно, какъ дѣвочка больная:
 «Титиній, дай мнѣ пить»...⁴⁾

⁴⁾ Шекспиръ: „Юлій Цезарь“.

Въ эту Испанію я направилъ свой путь изъ моего «прекраснаго далека».

Я выѣхалъ изъ Ментоны 25-го марта, какъ разъ на русское Благовѣщеніе. Соотечественники и соотечественницы, съ которыми мнѣ пришлось на чужбинѣ мучать горе въ теченіе зимы и размышлять по Ментонѣ и ея окрестностямъ наши плевроиты да бронхиты, эмфиземы да эмфиземы, а чаще всего ма-тушку-чахоткушку, любезно проводили меня до самаго вагона, который долженъ былъ унести меня въ отечество «шпанской вишни» и «шпанской мушки» — въ далекую и невѣдомую страну «кантаридъ». Когда послѣдніе махающіе мнѣ платки и зонтики скрылись изъ глазъ, сердце мое немножко сжалось, да такъ жажетъ и не разжималось все время, пока я скитался по разнымъ Сіеррамъ-Моренамъ да Сіеррамъ-Невадамъ, а ноги, глаза и тоскующая мысль вмѣстѣ съ нервами блуждали и по прошлому, и по настоящему Кастиліи и Наварры, Бургоса и Мадрита, подъ солнцемъ Андалузіи и Арагоніи, по улицамъ и садамъ Севильи и волшебнаго Алькасара, подъ высейно-узорчатыми сводами дворцовъ Альамбры, а послѣ — по нетлѣнному форуму римскому и по узенькѣ, какъ могилы, улочкамъ вырытой изъ подъ земли и лавы, двухтысячелѣтней великой могилы — Помпеи.

Что же влекло меня въ эту Испанію, гдѣ даже великаго Цезаря трепала лихорадка, а В. П. Боткинъ потерялъ голову? — Да то же, что и въ Египетъ, на пирамиду Хеопса, и въ Іерусалимъ, на Елеонскую гору, и на проклятый Араратъ: — жажда новыхъ, великихъ, подчасъ горькихъ ощущеній. Но тамъ — и на песчаной окраинѣ Сахары, и въ выжженной солнцемъ пустынѣ Іордана, и подъ ледниками Арарата у меня за спиной не стоялъ призракъ смерти, который не покидаетъ меня со дня лежанья моего въ палаткѣ персидскихъ курдовъ подъ черными скалами андезита, а по временамъ напоминаетъ о себѣ острыми ощущеніями въ груди. Вотъ почему и сжалось мое сердце, когда быстрый поѣздъ — экспрессъ — унесъ меня изъ виду милой Ментоны.

Поѣздъ вырнулъ въ туннель, пробитый въ гору Cap Martin. Какъ часто мы бродили зимой по этой живописной горѣ, укрываясь отъ солнца въ тѣни лавровъ и миртъ и любуясь моремъ и чудною береговою панорамой, на дальнемъ планѣ которой была уже Італія.

Скоро поѣздъ выскочилъ изъ мрака подземелья, и бирюзовое море снова стелется передъ глазами необозримою равниною... Тамъ, за этой синевой — Испанія. Но она еще такъ далеко!

Поѣздъ зашипѣлъ и съ дрожью остановился.

— Монте-Карло! Монте-Карло! — выкрикивают кондукторы-французы.

Изъ вагоновъ высыпала толпа, ищущая сильныхъ, но постыдныхъ ощущений. Электрическій звонокъ звонитъ неумолкаемо, нервно. Станціонный колоколъ призываетъ въ вагоны.

— Aux voitures, s'il vous plait! — вѣжливо загоняютъ кондукторы пассажировъ въ поѣздъ.

Поѣздъ тронулся и пошелъ. Мраморная скала съ мраморнымъ на ней храмомъ золотымъ богамъ — «лундору» и «наполеондору», «дублону» и «дукату», «ружу» и «нуару», «транту» и «каранту», зеленая арена для современныхъ гладиаторовъ — бѣдненькихъ голубей, отели и пальмы — все промелькнуло какъ видѣніе.

Виллафранка, Ницца, Каннъ, Тулонъ, Марсель, Арль, Монпелье, Сеттъ, — вотъ этапы до границы Испаніи.

Когда въ Ментонѣ я просилъ на станціи билетъ прямого сообщенія до Мадрита или, по крайней мѣрѣ, до Барселоны, то мнѣ могли дать билетъ только до Сетта.

Весна была во всей своей красѣ, когда нашъ поѣздъ мчался этимъ живописнымъ берегомъ Средиземнаго моря и устьями Роны, раскинувшимися на сотни верстъ.

Въ Сеттѣ предстояла перемѣна поѣздовъ. Мой поѣздъ долженъ былъ направиться на Перпиньянъ, на Серберъ, Портъ-Бу и т. д. — въ Испанію, черезъ Пиринеи. Но мнѣ захотѣлось видѣть всю цѣпь Пиринеевъ, промчаться во всю длину этихъ историческихъ и роковыхъ для Испаніи и Франціи горъ, вплоть до Атлантическаго океана. Мнѣ захотѣлось увидѣть и самый этотъ океанъ, послушать его могучаго говора.

И я направился вдоль Пиринеевъ. Путь мой лежалъ черезъ Нарбоннъ, Каркассонъ, Тулузу, Тарбъ, По — въ Байонну. Цѣлый день, съ утра до ночи, по лѣвую руку отъ меня вставали безконечныя громады горъ съ свѣжыми вершинами и отлогостями, словно свѣга эти принадлежали другому, не здѣшнему міру, ибо кругомъ меня распускалась и рдѣла ярчайшей зеленью такая полная, такая чудная весна, какую въ состояніи создать только благодатный югъ. Горные ручьи, рѣчки и рѣки, питаясь неизсякаемыми пиринейскими свѣгами и ледниками, звенѣли и сверкали по зеленымъ долинамъ, взгорьямъ и спускамъ, птицы въ запуски распѣвали свои весенніе концерты, голубое небо казалось такимъ веселымъ, радостнымъ, а тамъ, выше, стояла зима, такая холодная, непривѣтливая, словно бы для нея не

существовало ни этого теплаго солнца, ни этого голубого весеннего неба.

По — одно изъ модныхъ мѣстъ леченія, такое прелестное, живописное — показалось мнѣ скучнымъ, унылымъ. Около него нѣтъ моря, нѣтъ простора для глазъ и воображенія. Впереди только, Прирненъ съ ихъ свѣжими головами и гривами: это какая-то тюрьма съ высокою стѣною — и живая мысль невольно рвется перескочить черезъ эту стѣну, туда, на просторъ, къ еще болѣе жаркому югу, гдѣ подъ тропическимъ солнцемъ раскинулась поэтическая родина Сервантеса и Мурильо.

Утромъ, подѣзжая къ Біарицу — прежнее мѣсто свиданія коронованныхъ особъ — и прослѣдовавъ уже этотъ знаменитый морской берегъ, который видѣлъ полуголыя тѣлеса всѣхъ знаменитостей нашего вѣка, я созерцалъ океанъ. Да, его волны не то, что волны Средиземнаго моря!

Странное, тревожное чувство вставало въ душѣ при видѣ этого угрюмаго океана. Утро такое тихое и жаркое, воздухъ такой спокойный, что, кажется, свѣчи не затушить; а океанъ дуется и рошчетъ; гигантскіе валы съ свѣжими гривами, перегоняя другъ друга, точно исполинскіе звѣри съ пѣной у рта выдаются на берегъ и съ шипѣніемъ, медленно убѣгаютъ назадъ. Это океанъ дышетъ своею могучею грудью.

Поездъ гремитъ по мостамъ и туннелямъ, пробѣгая станціи Yuchary, Saint-Jean-de-Luz, Urtubie, гдѣ въ 1462 году мрачный Людовикъ XI встрѣтился съ королями Кастиліи и Арагоніи — это было такъ давно, — именно въ годъ вступленія на московскій престолъ царя Ивана Васильевича III-го — «собирателя русской земли», и за шестнадцать лѣтъ до паденія независимости Господина Великаго Новгорода, до снятія вѣчевого колокола...

Вотъ вспомнилась старина! — и гдѣ же? — на границѣ Испаніи...

А вотъ и граница. Вотъ Ирунъ.

II. Землею басковъ.

«Нечего вамъ говорить, съ какимъ любопытствомъ переѣзжалъ я границу Испаніи, — говоритъ В. Боткинъ въ своихъ извѣстныхъ «Письмахъ», — съ какимъ жаднымъ вниманіемъ встрѣтилъ я Ирунъ (Yrun), первый пограничный испанскій городъ, гдѣ diligencas нашъ остановился завтракать. Здѣсь же была и послѣдняя станція на французскихъ лошадяхъ. Въ Ирунѣ нашъ испанскій diligencas получилъ испанскую упряжь: десять красивыхъ, силь-

ныхъ муловъ. Весело смотрѣть, какъ ихъ холеть испанцы: вся задняя половина выбрита, грива въ лентахъ, на головѣ высокій букетъ изъ разноцвѣтной шерсти. Здѣсь же верхъ нашего дилижанса нагрузили дюжиной ружей и Tрависос (родъ мушкетеровъ), между которыми помѣстились двое солдатъ, чтобъ отстрѣливаться въ случаѣ нападенія разбойниковъ. Какъ ни будьте недовѣрчивы ко всѣмъ слухамъ и рассказамъ о разбойникахъ, но когда дилижансъ вооружаютъ какъ подвижную крѣпость, по-неволѣ иногда подумаешь о нихъ. Мои товарищи въ дилижансѣ совѣтовали мнѣ, путешествуя по Испаніи, имѣть при себѣ наличными деньгами столько, сколько нужно отъ одного большого города до другого, — франковъ 200 или 300, а остальные деньги въ векселяхъ; эти 300 франковъ необходимы еще и для того, чтобъ избавиться отъ *дурного обращенія* разбойниковъ, которые, если при путешественникѣ не окажется вовсе или очень мало денегъ, вымещаютъ на немъ свое неудовольствіе побоями».

Такъ вотъ каково было ѣздить по Испаніи тридцать-восемь лѣтъ назадъ. Мало того, В. Ботвинъ говоритъ, что хотя въ его время между Мадритомъ и главными городами «изрѣдка» ходили уже дилижансы, «но когда первый дилижансъ, назадъ тому лѣтъ двадцать, отправился изъ Мадрита, — за нѣсколько миль отъ Мадрита онъ былъ остановленъ толпою народа и сожженъ вмѣстѣ съ чемоданами путешественниковъ».

Ничего подобнаго теперь нѣтъ. Правда, разбойничья репутация осталась за испанцами до послѣднихъ дней и держится крѣпко: такъ, signor Рурро, содержатель отеля въ Ментонѣ, въ которомъ я прожилъ зиму, совѣтовалъ мнѣ, когда я собирался ѣхать въ Испанію, брать съ собой какъ можно меньше денегъ на томъ основаніи, что «испанцы — большіе плуты»; однако и signor Рурро говорилъ въ этомъ случаѣ съ чужого голоса и притомъ заднимъ числомъ. Теперь Испанія перерѣзана желѣзными дорогами, какъ и всякая другая страна въ Европѣ. Слѣдовательно, ѣздить въ дилижансахъ и отстрѣливаться отъ разбойниковъ, какъ было во времена Юткина, теперь уже не приходится. А что у меня нѣсколько разъ взламывали замокъ у дорожного сундука, видимо разыскивая въ немъ денегъ и другихъ драгоценностей, такъ это дѣло домашнее, обиходное: это работа багажныхъ молодцовъ, которые неоднократно взламывали мой несчастный замокъ и въ Италіи, и во Франціи, какъ взламываютъ ихъ и въ нашемъ отечествѣ, да только «горазже почище», ибо наши молодцы не только ищутъ денегъ и драгоценностей, но не гнушаются и носильнымъ платьемъ и бѣльемъ,

вмѣсто котораго, по совершеніи подвига, набиваютъ сундуки кирпичами, каменнымъ углемъ, негоднымъ картофелемъ и опилками.

Въ Ирунѣ долженъ былъ производиться погранично-таможенный досмотръ нашего багажа. Мы, путешественники, скромно обступили длинный прилавокъ, на которомъ разложены были наши сундуки, чемоданы, ручные сакъ-воажи и прочее имущество странниковъ. У каждого въ рукахъ ключи. Каждый отмыкаетъ и развязываетъ свое добро.

Досмотръ производится очень деликатно, вполне вѣжливо. Это только простая формальность. Взглянуть на раскрытый сундукъ, спросить — нѣтъ ли чего запрещеннаго — и баста: вы говорите: «нѣтъ» — и отъ васъ отходятъ съ поклономъ. Здѣсь на счетъ «запрещеннаго» совсѣмъ другія понятія: вездѣ ревниво преслѣдуется только табакъ, чай и тому подобныя человѣческія слабости, словно бы въ каждой пачкѣ папиросъ сидѣла чума, холера, филлоксера, кузъка или колорадскій жукъ съ гессенскою мухой.

Такъ какъ въ Ирунѣ предстоялъ обмѣнъ вагоновъ — французскихъ на испанскіе, а равно размѣнъ французской монеты на испанскую, между тѣмъ поѣзду полагалось стоять на станціи всего 24 минуты, то и нужно было торопиться — мѣнять деньги, брать билетъ, сдавать багажъ. Поручивъ этотъ послѣдній носильщику, я поторопился отыскать испанскаго мѣнялу. Хотя французское золото ходитъ вездѣ, но для мелкихъ расплатъ мнѣ нужна была и мелочь испанская — серебро и мѣдь. И вотъ, надавали мнѣ всякой звонкой дряни: очаво (ochavo), куарто, мараведи, медіо-реаль, медіо-дуро, дуρο, медіапесеты, просто песеты и горсть реаловъ (четверть франка). У самой уже кассы, гдѣ я долженъ былъ брать билетъ, на меня налетѣлъ какой-то господинъ. Увидавъ въ моей рукѣ стофранковую французскую бумажку, онъ предложилъ мнѣ обмѣнять ее на такую же испанскую, мотивируя свою любезность тѣмъ, что ему нужна французская бумажка для поѣздки во Францію, а мнѣ — испанская, для путешествія по Испаніи, и при этомъ пояснилъ, что такой мѣной я выигрываю разницу какую-то: однимъ словомъ — выискался благодѣтель. Я повѣрилъ этому франту и размѣнялся бумажками. Но кассиръ, которому я подалъ свое пріобрѣтеніе, повертѣлъ-повертѣлъ его въ рукахъ и любезно возвратилъ мнѣ, пробормотавъ, кажется, — «по passa». — Не ходитъ, точно русская. — Оглядываюсь — франтъ стоитъ за мною. Я возвращаю ему его сокровище, а онъ возвращаетъ мнѣ мое; но при этомъ на лицѣ своемъ изображаетъ презрѣніе — по адресу кассира.

Наконецъ, билетъ взятъ, багажъ сданъ—я сажусь въ вагонъ. По платформѣ взадъ и впередъ снуютъ разношерстная толпа—это озабоченно, торопливо, кто совершенно безопасно. Тайнственный господинъ, всунувшій было мнѣ неходящую бумажку, увидѣвъ меня въ окнѣ вагона, любезно мнѣ раскланивается. Я всматриваюсь въ толпу, въ фizioноміи, въ костюмы. Кажется—все тоже, что было еще такъ недавно—въ Біарицѣ, въ Байоннѣ, въ По, въ Тулузѣ. Но нѣтъ—есть что-то особенное, чего я еще вполнѣ не могу уловить. Чтò для меня несомнѣнно, это то, что я не вижу больше французскихъ жандармовъ съ ихъ обшитыми бѣлыми галунами, треуголками, съ бѣлыми перевезами и шнурками и съ пѣтушиной, чрезвычайно добродушной молодцоватостью. Въмѣсто нихъ я вижу двухъ донъ-Кихотовъ. Рѣшительно—это донъ-Кихоты. Та же скучающая серьезность, та же молчаливость и тотъ же «печальный образъ». Да, это несомнѣнно «рыцари печального образа». Оба они въ огромныхъ, черныхъ клеенчатыхъ треуголкахъ безъ всякой отмѣтки. Черныя треуголки, надѣтыя съ-ноля, блестятъ какъ вычищенные тазы. На донъ-Кихотахъ черныя широкіе плащи. Это знаменитыя альмавивы, которыя мы обыкновенно видимъ на театрѣ—въ «Севильскомъ цирюльникѣ» или въ «Донъ-Жуанѣ». Откидные воротники альмавивъ подняты и закрываютъ у жандармовъ шеи и подбородки, словно бы на дворѣ была стужа и пронизывалъ вѣтеръ. Но на дворѣ тихо и утреннее солнце уже палитъ изрядно. Руки ихъ облечены въ бѣлыя перчатки и держутся за поставленныя къ ногѣ ружья со штыками. Они видимо скучаютъ, тѣготятся своей ролью. Кого имъ ловить?—да и зачѣмъ ловить? Пусть, молъ, идутъ съ Богомъ...

Кромѣ скучающихъ донъ-Кихотовъ, я видѣлъ и другіе признаки, которые говорили мнѣ, что я въ Испаніи. Въ толпѣ, сновавшей по платформѣ, не замѣчалось уже ни длиннополыхъ съ суконными эполетами французскихъ солдатиковъ, ни другихъ съ пѣтушинными манерами милѣйшихъ галловъ, ни спокойныхъ итальянскихъ оборвышей съ ихъ классическими движеніями; напротивъ—господствовали жосткія, бритыя фizioноміи басковъ съ сплюснутыми блинами на головахъ, или синегато-смуглыя лица, до половины прикрытыя полами альмавивъ, словно бы они прятались отъ постороннихъ взоровъ или также боялись простудиться. Альмавива или *sara*—это вообще нѣчто въ родѣ національнаго знамени въ костюмѣ испанца, это нѣчто гораздо большее въ этомъ смыслѣ, чѣмъ лапотъ въ Россіи. Нашъ классическій лапотъ красуется только на ногѣ бѣднаго мужика, на ногѣ радимича, дреговича, вятича,

пока онъ остается таковымъ, т.-е. пока онъ бѣденъ. Разъ что онъ можетъ заработать себѣ на сапоги—онъ бросаетъ прадѣдовскій лапотъ, въ которомъ предки его ходили съ той поры, когда еще молились Перуну и Дажьбогу.—Испанецъ болѣе вѣренъ своей альмавивѣ. Въ альмавивѣ онъ собираетъ милостыню и пахнетъ землею, въ альмавивѣ онъ сидитъ на козлахъ или чиститъ вамъ сапоги на Puerta del sol, въ альмавивѣ онъ уже франтомъ гуляетъ по Prado или стоитъ съ гитарой подъ окномъ черноглазой возлюбленной, въ альмавивѣ же наконецъ онъ, въ званіи кортеса, вступаетъ въ Congreso de los diputados, чтобы рѣшать судьбы Испаніи—вездѣ альмавива. Та альмавива, которую мы видимъ на театрѣ, не совсѣмъ похожа на ту, которую вы увидите за Пиринеями. Настоящая испанская альмавива, не отличаясь ничѣмъ ни по покрою, ни по маленькому капишончику отъ театральной, существенно отличается отъ нея подкладкой. Настоящая альмавива имѣетъ подкладку непременно трехъ цвѣтовъ: правая пола ея подложена полосою, ладони въ двѣ ширины, непременно свѣтлаго цвѣта—голубого, зеленого или барсовой шкуры; слѣдующая такая же полоса—болѣе темная; наконецъ вся остальная подкладка—одного сплошного цвѣта и въ большинствѣ коричневаго. Правую полу альмавивы испанецъ перекидываетъ черезъ лѣвое плечо такъ, что правая, цвѣтная полоса его капы, отворачиваясь и складываясь на самомъ швѣ, такъ и ложится полосою вдоль спины. Оттого, когда вы смотрите на испанцевъ сзади и особенно когда ихъ идетъ много въ рядъ, то эта картина невольно вызываетъ въ васъ представленіе о шутахъ полосатыхъ—у всѣхъ спины полосатыя. Еще одна очень характерная особенность въ способѣ ношенія альмавивы:—перекидывая ее черезъ плечо, испанецъ такъ складываетъ эту полу своей капы, что она закрываетъ собою всю нижнюю часть лица—подбородокъ и губы—до самаго носа, и потому всегда кажется, что испанцу холодно, какъ бы ни палило его тропическое солнце. Можетъ быть, это дѣлается для того, чтобы защищать ротъ и дыханіе отъ простуды: климатъ въ Испаніи такой коварный, несмотря подчасъ на африканскіе жары, что малѣйшій вѣтерокъ можетъ погубить человѣка. На этотъ счетъ есть даже поговорка въ томъ смыслѣ, что вѣтерокъ этотъ не въ состояніи свѣчи загасить, но жизнь человѣческую загасить, или что онъ листочкомъ на деревѣ не шевельнется, а человѣка убьетъ. Между тѣмъ испанки ходятъ съ совершенно открытыми лицами и шеями.

Не успѣлъ я вполне осмотрѣться, какъ поѣздъ двинулся.

Мы мчались уже по Испаніи. Понятно, съ какою жадною торопливостью глаза мои перебѣгали съ правой стороны дороги на лѣвую, отъ одного окна вагона къ другому, и ловили малѣйшіе оттѣнки иной, невиданной еще мною жизни, иной обстановки и даже иной природы. Паринен все еще не сходили съ лѣваго дальняго фона картины, и картина эта была строгая, внушительная.

В. Боткинъ проѣзжалъ здѣсь почти сорокъ лѣтъ тому назадъ и притомъ далеко на востокъ отъ нынѣшняго желѣзно-дорожнаго пути, а потому тѣ, что видѣлъ онъ тогда, много разнится отъ того, что я видѣлъ теперь. Я не разъ еще буду обращаться къ этимъ «Письмамъ», какъ для провѣрки моихъ впечатлѣній, такъ и для сравненія ихъ съ впечатлѣніями, вынесенными изъ-за Паринеевъ при другихъ обстоятельствахъ жизни въ Испаніи. Притомъ же впечатлѣніе и отзывы такого человѣка, какъ Боткинъ, имѣютъ для насъ особую цѣну, и такую же, конечно, должны они имѣть и для читателя. Безспорно, Боткинъ достаточно ознакомился съ страной и съ народомъ, о которыхъ онъ говорить. И хотя покойный Щербина въ своемъ знаменитомъ «Канонѣ» или «Акаѳистѣ» русскимъ писателямъ и относить къ Боткину приблизительно слѣдующее славословіе: «радуйся, Испаніи невиданіе! радуйся, Испаніи описаніе! — радуйся преподобный отче Василіе» и т. д.; но это была только литературная шутка. «Письма объ Испаніи» Боткина и до сихъ поръ пользуются заслуженною славой, автору ихъ нельзя отказать въ талантѣ и въ умѣннѣ ярко освѣтить то, что всегда удачно помогала ему схватить его наблюдательность. Въ описаніяхъ его такъ много чувства, теплоты, изящества, и если подчасъ онъ и увлекался изображеніями красотъ испанской природы и въ особенности испанскихъ женщинъ, то это увлеченіе являлось какъ результатъ дѣйствительной яркости и увлеченности того, о чемъ онъ говорилъ. «Письма» Боткина считаются теперь библиографическою рѣдкостью. Тѣ изъ немолодыхъ уже читателей, которые познакомились съ «Письмами» Боткина еще по «Современнику» того времени, или по изданію 1867 года, они конечно, многое уже забыли изъ давно-прочитаннаго, и, надѣюсь, охотно возобновятъ въ своей памяти забытое по моимъ выдержкамъ; совершенно же незнакомые съ путешествіемъ Боткина, безъ сомнѣнія, не посѣтуютъ на меня за то, что я познакомлю ихъ съ наиболѣе выдающимися сторонами давно-забытой книги, имѣвшей когда-то большой успѣхъ, тѣмъ болѣе что объ Испаніи у насъ писано такъ мало,

какъ ни объ одной странѣ. Я не преувеличу, если, скажу, что русскимъ читателямъ болѣе извѣстенъ, по книгамъ, современный Египетъ, чѣмъ Испанія.

Относительно пути отъ Ируна до Витторіи Ботейнъ говоритъ: «Дорога до Витторіи печально-живописна: селеній мало; изрѣдка по горамъ видѣются одинокіе дома, большіе, полуразвалившіеся. Испанецъ не любитъ съѣживаться: онъ живетъ сально, бѣдно, но широко. И какъ все это заброшено, какъ всюду еще видны слѣды междоусобной войны! Въ иныхъ селеніяхъ есть дома, наскоро укрѣпленные, — на нихъ слѣды ядеръ и пуль; другіе стоятъ съ полуразрушенными крышами. Сальные, одинокіе постоянные дворы (ventas) нисколько не измѣнились со времени странствованія донъ-Кихота: та же большая комната, въ родѣ сарая, подпертая толстыми колоннами; вмѣсто стульевъ, каменная скамья, вдѣланная въ стѣну; посреди громадный каминъ, дымъ котораго выходитъ въ отверстіе, продѣланное въ коническомъ потолкѣ. Я ничего не рѣшался спрашивать тамъ, кромѣ вина, да и то нестерпимо воняло своимъ кожаннымъ мѣшкомъ... Франція только за 30 миль, — можно подумать, что она за 2,000!»

Совсѣмъ не то представляется теперь глазамъ путешественника, когда онъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ. Нынѣшній путь лежитъ западнѣе — побережьемъ Атлантическаго океана или, вѣрнѣе — Бискайскаго залива. Угрюмо-величавая, подчасъ дикія, но живописныя въ своей дикости картины бѣгутъ мимо васъ словно въ волшебномъ фонарѣ: все это ярко и строго въ своихъ очертаніяхъ; рѣзкіе изломы горъ, глубокія долины, на днѣ которыхъ гремятъ перегороженные гранитными заборами рѣчки Oyazun и Urtumea; длинные, мрачные туннели, изъ пасти которыхъ поѣздъ высказываетъ на свѣтъ божій какъ изъ тюрьмы, чтобы вновь мчаться въ зеленѣющихъ ущельяхъ подъ яркимъ солнцемъ и въ центрѣ роскошныхъ горныхъ ландшафтовъ; ютящіеся въ горахъ и на берегу бурливыхъ рѣчекъ бурги: Benteria, Lezo, Pasayes, съ мрачными старинными церквами и закопѣлыми домами въ родѣ замковъ; выглядывающая по временамъ изъ-за сѣрыхъ скалъ и горъ синева океана, словно глазъ исполина, — вотъ испанскія картины, которыя сопровождаютъ васъ до самаго Санъ-Себастіана.

Санъ-Себастьянъ — небольшой съ пятнадцати-тысячнымъ населеніемъ приморскій городъ — весь, кажется, состоитъ изъ башенъ и укрѣпленій; но это не башни, а высокіе дома, которыхъ наружность сама говоритъ о ихъ древности, о той борьбѣ, которую они выдержали изъ-за разныхъ проходивцевъ съ постыд-

нимъ и преступнымъ историческимъ прошлымъ... Въ стѣнахъ и подъ стѣнами этихъ домовъ, на вершинахъ этихъ горъ и у подножія ихъ бесполезно лилась кровь—то карлистовъ, то антикарлистовъ, то за папъ противъ Христа, то ошибкой за Христа противъ папъ... Морскія купанья въ Санъ-Себастьянѣ считаются лучшими въ Испаніи: сюда стекаются альмавивы и мантильи со всего полуострова.

Шесть франтоватыхъ альмавивъ съ шумомъ вошли въ отдѣленіе вагона, въ которомъ я находился, и шумно прощаясь съ провожавшими ихъ другими альмавивами и мантильями, заняли свои мѣста, сдержанно оглядывая меня, словно бѣлаго ворона, и любезно кланяясь мнѣ или моей сивой бородѣ.—Поѣздъ двинулся. Альмавивы заговорили всѣ разомъ, громко, торопливо, иногда со смѣхомъ, иногда «съ потрешкой по колѣну» — ну, точъ-вточъ козловскіе помѣщики, отправляющіеся въ Тамбовъ на губернское земское собраніе. Да это и были помѣщики, только не тамбовскіе и не козловскіе, а санъ-себастьянскіе; это были—какъ я могъ догадаться изъ ихъ разговора — депутаты провинціи Гипускоа (Guipuzcoa), отправлявшіеся въ свой губернский или провинціальный городъ Толосу на собраніе кортесовъ. Все это потомки тѣхъ энергическихъ гверильасовъ-басковъ, которые такъ много испортили крови Наполеону I-му и еще больше пролили ее у его храбрыхъ сподвижниковъ.

Поѣздъ продолжалъ мчаться вдоль пропастей и черезъ самыя пропасти, прячась иногда въ безконечные, повидимому, туннели и грохоча по виадукамъ и желѣзнымъ мостамъ. Иной разъ выглянешь въ окно вагона—впередѣ грохочущаго поѣзда высится гигантская гора—такъ вотъ и перегородила путь.—Какъ тутъ пройти поѣзду!—Такъ нѣтъ: локомотивъ свиснулъ и юркнулъ въ самую гору, въ узкое, мрачное окошко, а за нимъ, извиваясь исполинской змѣей, шипя и громыхая, влетѣлъ весь поѣздъ, и стучить въ самой сердцевины горы. И какъ она не обрушится на него, не расплющить какъ червя!—Цѣлую версту и иногда версты три приходится мчаться въ самомъ нѣдрѣ горъ—даже одурь возьметъ, тошно становится...

Бурги, городки, замки — Astigarraga, Hernani, Urnieta, Andoain, Javoa, Villabona, Anoeta, Hernialde — все это на пространствѣ какихъ-нибудь 25-ти верстъ — и вездѣ заводы, фабрики, водяныя мельницы, приводимыя въ движеніе стремительными горными рѣчками и потоками. — Когда же кончатся эти горы и дебри! — своею дикою красотой онѣ томятъ, вгоняютъ въ тоску... А баскамъ это и по душѣ: для нихъ ни-

чего вѣтъ дорожке и прекраснѣ ихъ горной отчизны... Все это очень напоминаетъ Кавказъ, дарьальскія и нныя ущелья:—за эти дорогія ущелья и скалы такъ отчаянно всегда дерутся всякіе горцы... Вонъ они гордо, угрюмо и величаво поглядываютъ на поѣздъ, драпируясь, словно герцоги, въ свои ободранныя альмавивы, какъ черкесы въ бурки... Какая отчужденность отъ всего міра!—Когда проѣзжаешь горными кряжами и ущельями, хотя бы черезъ кавказскій хребетъ или дикими дебрами Делижана среди малаго Кавказа, невольно чувствуешь какую-то тягостную оторванность отъ остального міра: то же было на душѣ у меня, когда я проѣзжалъ по угрюмымъ, уныло-живописнымъ дебрамъ и высотамъ Пиринеевъ и Кантабрійскихъ горъ. Скорѣй бы вырваться на просторъ, уйти изъ этого орлинаго царства!

Но вотъ и Толоза. Мои шумные кортесы разомъ оставляютъ вагонъ, и я остаюсь совершенно одинъ. Толоза — совсѣмъ маленькій городишко, съ населеніемъ въ какихъ-нибудь 8 тысячъ душъ. Но онъ кажется еще меньше, ибо многоэтажные дома, вмѣщающіе въ себѣ все это населеніе, словно жмутся одинъ къ другому въ живописномъ междугорьѣ, гдѣ сливаются Oгіа и Azpigoz, стараясь вытѣснить изъ позиціи другъ-другу и сѣсть на голову сосѣду.

Изъ Толозы, вправо отъ рельсоваго пути, извивается въ горы шоссеиная дорога, ведущая въ святилище Испаніи и всего католическаго міра. Это — Azpeitia — родина величайшаго изувѣра, Игнатія Лойолы. Только среди этихъ мрачныхъ горъ могъ воспитаться такой мрачный геній, какъ родоначальникъ іезуитовъ.

Отъ Толозы желѣзная дорога вступаетъ въ еще болѣе угрюмую горную мѣстность. Невольно преклоняешься передъ энергіей народа, пробившаго себѣ желѣзный путь сквозъ эти адскія горы: отъ Толозы до Сумарраги (Zumarraga), на разстояніи какихъ-нибудь 30 километровъ, поѣздъ поминутно исчезаетъ въ громадныхъ туннеляхъ, исчезаетъ 13 разъ, и столько же разъ перескакиваетъ съ одного берега Орні на другой. Не успѣешь опомниться по выходѣ изъ туннеля, не успѣешь окинуть глазомъ эти словно дыбомъ стоящія впереди и по бокамъ горы и скалы, какъ опять поѣздъ гремитъ подъ землею, и кажется, что это грохочутъ скалы, готовые обрушиться съ высоты и все задавить собою. А тамъ опять пропасти и горы, горы и пропасти. Снова на разстояніи 30-ти километровъ поѣздъ четырнадцать разъ поглощается туннелями, да такими громадными, что длина одного изъ нихъ—туннеля Оасурса (Oazurza) — равняется тремъ вер-

стамъ! Такъ и думаешь, что эта дорога ведетъ въ мрачныя области ада. Да и въ самомъ дѣлѣ здѣсь былъ когда-то адъ:—вправо, въ глубочайшей долинѣ, куда такъ кажется и сорвется поѣздъ съ крутого обрыва, виднѣется угрюмое квадратное зданіе безъ оконъ, словно какое-нибудь безглазое чудовище: это бывшая тюрьма инквизиціи въ Теллоріорте (Telloriorte). Сколько стонѣвъ слышала эта страшная долина! А когда я проѣзжалъ черезъ нее вѣдукомъ Otzaurte, весеннее солнце такъ ласково обливало своими золотыми лучами и эту глубокую долину, и это безглазое чудовище.

Въ этомъ мѣстѣ—высшая точка перевала черезъ Кантабрійскія горы: Отсаурте, для горъ Кантабріи тоже, что Гудауръ для горъ Кавказа.

За Отсаурте горы мгновенно мѣняютъ характеръ и очертанія. Крутые склоны, обращенные къ югу, какъ бы сдѣются; разнообразная зелень, такъ красившая угрюмыя дебри и гигантскія рытвины, словно куда убѣгаетъ; сѣрыя скалы обостряются въ исполинскія иглы; самое солнце какъ бы теряетъ силу на этой высотѣ, и пронзительный вѣтеръ начинаетъ свистать въ окна вагоновъ, какъ бы стараясь выговорить:

Холодно, странничекъ, холодно!

Голодно, родименькій, голодно!

И я дѣйствительно чувствовалъ, что мнѣ и холодно, и голодно. Въ Ирунѣ за пограничными хлопотами я не успѣлъ перекусить, а съ тѣхъ поръ по всей дорогѣ не замѣтилъ ни одного буфета на станціи. Смотрю на часы—время подходитъ къ полудню. Скоро должна быть станція Альсасуа (Alsásua), гдѣ поѣздъ раздѣляется на два пути: одни ѣдутъ къ югу, на Мадридъ, другіе—къ востоку, вдоль южныхъ Пиринеевъ, на Пампелуну, Сарагосу и Барселону. Значитъ, тутъ долженъ быть буфетъ и болѣе или менѣе продолжительная остановка. Беру испанскаго «Фрума»: «Guia oficial de los ferro-carriles de Espana, Francia y Portugal». Отыскиваю подлежащую линію и страницу. Читаю: Alsásua (F.): Lleg. (т.-е. Llegada—приходъ поѣзда)—11,10; Sal. (т.-е. salida—отходъ)—11,20. Ясно, что десять минутъ остановки—можно успѣть закусить. Но что значить таинственное F въ скобкахъ? Во всемъ мірѣ, и въ Египтѣ и въ Россіи, въ этихъ скобкахъ всегда стоятъ Buf. или Буф.—т.-е. буфетъ. Вѣроятно и F значить буфетъ.

Смѣйтесь, читатель, надъ моими размышленіями; но когда на далекой чужбинѣ, языка которой вы не понимаете, вамъ за-

хочется кушать до зарѣзу, то вы рискуете предаться еще и не такимъ размышленіямъ... Особенно когда нелегкая занесетъ въ Испанію, либо въ Египетъ.

Вдругъ поѣздъ зашипѣлъ, застучалъ, нѣсколько разъ вздрогнулъ, и медленно остановился.

— Стасіонъ Альсасуа!—синко минутосъ!—фонда!

— Фонда, сеньоресъ, фонда! — выкрикиваютъ черноглазые кондуктора.

— Кванто минутосъ?—переспрашиваю черноглазаго:—синко?

Черноглазый поправляетъ меня и говоритъ, что не «синко», не пять, а десять минутъ.

Отлично! пречудесно!—Но гдѣ же буфетъ?—Торопливо пробѣгаю надписи надъ дверями станціи: «Salida—не то... Entrada—не то!»... «хефе де стасіоне (это—французское chef)—не то, не то!»... «Retretes—senoras—caballeros—ахъ! совсѣмъ не то!»... «Fonda» —наконецъ вспоминаю и догадываюсь: fonda и есть буфетъ, и въ то же время отель, гостинница.

И я уничтожилъ отличный альмуерсо (almuerzo)—завтракъ.

Когда я воротился въ свой вагонъ, то нашелъ тамъ новую альмавиву—очень красиваго, смугло-блѣднаго испанца, щегольски одѣтаго и въ цилиндрѣ. Пока я запивалъ свой завтракъ краснымъ испанскимъ виномъ, которое всегда имѣю съ собой въ вагонѣ, чтобы не пить перемѣнной и незнакомой мнѣ воды, мой новый сосѣдъ вынулъ изъ изящной дорожной сумочки новенькую, хорошо отпечатанную книжку (повидимому романъ, только не французскій, судя по заглавію), и такъ какъ книжка была не разрѣзана, то онъ началъ-было варварски раздирать ея лѣсты указательнымъ пальцемъ, на которомъ въ перстнѣ сверкалъ большой брильянтъ... можетъ быть, изъ оставшихся отъ предковъ сокровищъ Индіи, мексиканскаго и перуанскаго царствъ, когда во всесвѣтныхъ владѣніяхъ Испаніи никогда не заходило солнце... Давно прошло это—Испанія уже не та... И хорошо, что прошло... А вотъ брильянтъ остался—можетъ быть онъ помнитъ Васко-де-Гаму.

Я не могъ вынести варварскаго обращенія съ изящной книгой. Я вынулъ изъ своего дорожнаго баульчика разрѣзной ножъ и подаль его красивому варвару... Онъ понялъ меня и вострепелъ!

— Грасіасъ, сеньоры!—мучиссима грасіа, кавальеро!—бормоталъ онъ, прикладывая руку и мой разрѣзной ножикъ къ альмавивѣ.

Книгу разрѣзалъ, и все съ тѣми же, только еще болѣе сугубыми испанскими любезностями возвратилъ мнѣ ножъ.

III. — Въ столицѣ Старой Кастиліи.

«Красота Испаніи,—говорить Боткинъ,—давно вошла въ пословицу; съ давнихъ поръ поэты воспѣваютъ ея апельсинные и лимонныя рощи... увы! это также одно изъ заблужденій, существующихъ насчетъ Испаніи. Впрочемъ, можетъ случиться, за нѣсколько сотъ лѣтъ оно было и иначе, теперь же ничего нельзя себѣ представить унылѣе этой природы. Но унылость эта необыкновенно величавая. Представьте себѣ, что нигдѣ не встрѣчаете дерева, по окраинамъ полей одни только кусты розмарина; изрѣдка маленькія деревни, безъ зелени, выкрашенныя темно-глинистою краскою,—и деревни эти такъ рѣдки, что, встрѣчая одну, давно забылъ уже о предшествовавшей. Глаза свободно пробѣгаютъ пространство въ 8, 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилья, ни одной малѣйшей рощицы оливъ, ничего, кромѣ душистыхъ кустовъ розмарина; все это обято самою прозрачною, чистѣйшею атмосферою. Вѣроятно, на этой почвѣ могли бы расти и дубъ, и липа, и каштанъ; въ Испаніи богатство лежитъ у ногъ человѣка,—стоитъ только наклониться за нимъ; но испанцы еще не любятъ наклоняться».

Извѣстно, что Боткинъ писалъ это письмо изъ Мадрита, не видавши еще южной Испаніи съ ея чарующею природою и растительностью, не побывавши въ Андалузіи, въ Севильѣ, Гранадѣ, наконецъ въ восточной Испаніи, гдѣ апельсинными, лимонными и оливковыми рощами хоть прудъ пруди. Да и что красиваго нашелъ онъ въ оливковыхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ рощахъ? Это даже не рощи, а совсѣмъ, совсѣмъ такіе некрасивые сады, гдѣ деревья торчатъ одиноко, солдатами, точно наши яблони. И что красиваго въ яблоняхъ? — развѣ одни яблоки, когда ихъ много на деревѣ и когда они розовѣютъ и сверкаютъ среди зелени. А зелень яблонь совсѣмъ ужъ не красива. Тоже и лимонныя и апельсиновые деревья: красятъ ихъ только зрѣлые плоды, словно шары червоннаго золота, развѣшенные въ темно-зеленой листвѣ. А ужъ оливковыя или масличныя деревья, съ ихъ сѣдою зеленью, только тогда и красивы, когда необыкновенно стары, тысячелѣтне стары, какъ около Ментоны и вообще на Корнишѣ Приморскихъ Альпъ. Да и вообще въ южной зелени, даже въ тропической, нѣтъ красоты, нѣжности, симпатичности. Эти грубые, колючіе кактусы совсѣмъ безобразны. Это какіе-то уроды въ растительномъ царствѣ, «чудища дѣлы, оводры, стозевны». Эти гигантскія алое съ чудовищными агавами и аракамія—все это грубо, жестко, аляповато. Да развѣ пресло-

вутые лавры и мирты можно сравнить съ нашими украинскими вербами, что шумятъ «въ кінці греблі», съ тополями—«гнуточними да высокими», съ липами, съ нашимъ богатыремъ дубомъ, съ грабомъ, ясенью, кленомъ, осокоремъ, вязомъ, съ темною ольхою?.. А «ивушка-ивушка, зеленая моя!»—А «бѣлая березынька!»—да это дѣйствительно красавица, хоть бы та, «плачущая», да и не одна, что вѣнчаетъ собою тополевою аллею въ Дѣдовцахъ... Правда—пальмы красивы, но только африканскія, эти великаны Египта, но не тѣ, что въ Европѣ, въ Ниццѣ, Санъ-Ремо, въ Испаніи, даже въ Палестинѣ. Красивы въ Египтѣ олеандровыя рощи. Красивы на югѣ эвкалипты, беломбры, перцовыя деревья, египетскія сикоморы. Красивы южныя цвѣты; но зеленъ—это зеленъ горшковая, кадушечная, что красуется въ горшкахъ и кадкахъ по оранжевымъ.

Боткинъ говоритъ, что въ этой мѣстности, о которой онъ отзывается какъ объ унылой пустынѣ (это провинція Алава—Alava),—почти нѣтъ поселеній. Можетъ быть, такъ было сорокъ лѣтъ назадъ; да и то не думаю: Испанія—не вновь заселяемая страна; это не Сибирь, не Новороссія, или наша Линія. Въ Испаніи все старо: въ той именно мѣстности, о которой говоритъ талантливый путешественникъ, онъ могъ видѣть даже *дронимское поселеніе*, доселѣ здравствующее: это Алегріа, недалеко отъ Виторіи, главнаго города Алавы. Всѣхъ же городковъ и мѣстечекъ, отъ Альсасуа до Панкорво (Pancorbo), о которомъ упоминаетъ Боткинъ, на разстояніи около 90 верстъ, насчитывается 20 поселеній ¹⁾. Это почти на каждыя 4 версты по одному поселенію. Но, быть можетъ, въ то время колесный путь лежалъ нѣсколько въ сторону отъ нынѣшняго рельсоваго, по мало населенной мѣстности. Такъ и у насъ, въ Россіи, даже въ густо населенныхъ губерніяхъ, иногда проѣзжая проселемъ, ничего кромѣ степи не видишь на цѣлыя десятки верстъ.

Но чего нельзя не раздѣлять съ нашимъ московскимъ путешественникомъ, такъ это его глубоко-симпатичныхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ, проѣзжая бывшимъ царствомъ королей Кастиліи. «Ничего,—говоритъ онъ,—не можете себѣ представить унылѣ старой Кастиліи: однообразная пустыня постоянно разстилается передъ глазами; ни одного дерева по всѣмъ этимъ нескончаемымъ полямъ,—нѣтъ даже и прежнихъ кустарниковъ

¹⁾ Какъ то: Olozagoitia, Ciorda, Eguino, Andoin, Hurguren, Albeniz, Araya Eguilaz, Mezquia, Salvatierra, Gaces, Alegria, Elorriaga, Vitoria, Nanciaras de la Osa, Puebla de Arganzon, Manzanos, Arminon, Miranda de Ebro, Pancorbo.

розмарина. Между тѣмъ, тутъ много рѣкъ, земля прекрасна. И представьте: причина такой пустынности не въ лѣности и безпечности, а въ предразсудкѣ. Кастильцы твердо убѣждены, что птицы сильно истребляютъ рожь, деревья же привлекаютъ птицъ и служатъ имъ убѣжищемъ. Отсюда ихъ непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода деревьямъ. Несмотря на степной видъ свой, поля Кастиліи, тамъ, гдѣ трудятся хотя слегка обрабатывать ихъ, необыкновенно плодородны; не боясь какъ на два фута глубины почва влажна и даже водяниста, такъ что, несмотря на постоянные жары и на страшную сухость атмосферы, хлѣбъ здѣсь постоянно въ урожаѣ. Но при дороговизнѣ и трудности сообщеній, даже при урожаяхъ, кастильцу не на что купить сапоговъ. Деревни встрѣчаются какъ рѣдкіе оазисы—и какіе унылые оазисы! Вдали по горизонту тянутся скалистые горы. Среди этой-то уныло-страстной природы и выработался типъ испанскаго характера, медленный, спокойный снаружи, раскаленный внутри, упругій и сверкающій, какъ сталь,—африканскій дикарь и рыцарь.—«Нѣтъ больше Пириней!» говорилъ Людовикъ XIV,—а эта масса высокихъ горъ, всею роскошью растительности обращенныхъ къ Франціи и показывающихъ Испаніи только свои голыя скалы; эта трудность сообщеній, поставленная природою между Франціею и Испаніею, и далѣе, эта почва, плодородная и заброшенная, эта пустыня, у самыхъ воротъ Франціи созданная безпечностью и лѣностью,—этотъ народъ столь благородный, прекрасный, исполненный достоинства, такъ роскошно надѣленный природою всѣми благами,—и нищенскій; эта страшная упрямость характера, эта страстная приверженность къ прошедшему; этотъ духъ исключительности и уединенія въ эпоху, когда все стремится къ сближенію... и наконецъ, эта такъ называемая революція, которая такъ же мало походитъ на революцію, какъ вооруженіе рыцаря на нашъ фракъ,—все это здѣсь необыкновенно дѣйствуетъ на душу, на воображеніе, а главное—возбуждаетъ самый страстный интересъ къ этой благородной странѣ, имя которой каждый сынъ ея не произноситъ, не прибавивъ: несчастная!»

Къ столицѣ этой,—если можно такъ выразиться,—страстно и пламенно-унылой Кастиліи, къ Бургосу, дорога вновь поднимается въ гору и поѣздъ проходитъ въ четыре туннеля, слѣдующіе одинъ за другимъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ длины болѣе версты.

Воображеніе давно рисовало мнѣ поэтическую столицу королей Кастиліи, родину бессмертнаго Сиды и его доньи Химены.

По улицамъ этого города, какъ и по мрачнымъ закоулкамъ Севильи, закутавшись въ черную альмавиву, бродилъ когда-то по ночамъ неугомонный самодуръ, донъ-Педро Кастильскій, ища приключеній. Тамъ бѣсновался отъ скуки и пресыщенія Филиппъ II, угрюмый продуктъ унылой Кастиліи. Тамъ обивалъ пороги у знатныхъ глупцовъ гениальный безумецъ съ своимъ безумно-гениальнымъ проектомъ, — безумецъ, подарившій Испаніи и всему міру Новый Свѣтъ — цѣлую половину нашей планеты.

Едва остановился поѣздъ и кондуктора выкрикнули — «фонда, сеньоресь, фонда!» — какъ я вышелъ изъ вагона и, оставивъ ручной багажъ въ буфетѣ, тотчасъ направился къ выходу въ городъ. Извозчики уже ждали пассажировъ, и я, взявъ «кочу» (соче — коляска), велѣлъ вести себя прямо къ собору. Уже издали онъ съ своими готическими колокольнями, яглообразными шпицами и капеллами являлъ подобіе лѣса корабельныхъ мачтъ. Казалось невѣроятнымъ, что надъ такимъ небольшимъ городомъ, съ населеніемъ въ 32,000 душъ, высится столько готическихъ иглъ — и все это какъ-то скучено, точно жметъ одно къ другому. То, что я увидѣлъ, превзошло мои ожиданія. Въ Испаніи, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, становится понятнымъ бывшее могущество католицизма, что это была за сила. Эти гигантскіе соборы съ чудовищною роскошью украшеній, эти капеллы, сооруженныя безумною, расточительною щедростію королей, коннетаблей и епископовъ — вотъ та бездна, которая поглотила и могущество, и богатство, и гениальность, и прогрессъ, и можетъ быть будущее великаго испанскаго народа. За эти соборы навѣки зашло солнце, которое когда-то совсѣмъ не заходило во владѣніяхъ этого народа. Я тихо обошелъ вокругъ этихъ чудовищныхъ зданій, и на душѣ у меня стало невыразимо тоскливо... На что потрачены такія мощныя силы народа, такое творчество! — Тотъ, которому, сооружены дивныя храмы — это чудо человѣческаго творчества, — то ли завѣщалъ онъ міру, что творилось въ этой самой Испаніи во имя его? Тому ли учили человѣчество эти вдохновенные сыны Палестины, гигантскія статуи которыхъ высятся у боковыхъ вратъ храма — эти пророки и апостолы, — развѣ не жестокость и злоба, вмѣсто любви и милосердія, пронесены по Испаніи во имя этихъ святыхъ и кроткихъ людей?.. Я вошелъ въ соборъ. Шла вечерняя служба. Кромѣ нѣсколькихъ старухъ и нищихъ — въ соборѣ не было никого! — а онъ можетъ вмѣстить въ себѣ цѣлый городъ... Того ли искали эти слѣпые и жестокіе безумцы — Лойолы, Торквемады, Филиппы, Карлы? — А чего добились! — Всѣ эти массивныя паникадила,

сверкающія золотомъ, статуи, богатя картины, барельефныя группы, вся эта роскошь—не что иное какъ кладбище великаго вѣрованія...

Я долго потомъ ѣздилъ и бродилъ по городу, особенно по роскошнымъ аллеямъ Эспалона, среди зелени, фонтановъ и статуй давно истлѣвшихъ королей и великихъ людей, пока совсѣмъ не стемнѣло,—и съ тяжелымъ, безотраднымъ чувствомъ воротился на станцію... Я чувствовалъ себя такъ далеко, такъ мучительно далеко отъ всего родного, милаго! А здѣсь все такое чужое, до того чужое, что будто я самъ очутился въ Кастиліи временъ дон-Педро, который велѣлъ самъ себя казнить—и самъ же смотрѣлъ на эту казнь... И этого палуна, жестокаго притомъ, считали великимъ королемъ.

Я не жалѣлъ, что ночь помѣшала мнѣ посѣтить лежащій за городомъ монастырь Санъ-Педро-де-Кардена, который построила королева донья-Санча еще въ VI вѣкѣ. Что я могъ тамъ видѣть?—кладбище, какимъ представляется теперь весь Бургосъ, нѣкогда сердце независимой Испаніи. Вѣдь не въ Мадридѣ исторія рыцарской Испаніи, а въ Бургосѣ, куда тяготѣли духомъ всѣ нѣкогда живыя силы Наварры, Кастиліи и Арагоніи. Оттого и короли этихъ царствъ, и рыцари, и герои не въ иномъ какомъ мѣстѣ желали покониться вѣчнымъ сномъ и ждать трубы архангела и суднаго часу, а только въ Бургосѣ или вблизи Бургоса. Оттого въ самомъ Бургосѣ поконится Сидъ съ своею доньей Хименой, а въ монастырѣ Санъ-Педро-де-Карденѣ почиваютъ: донъ-Рамиро Санчесъ, король Наварры, и его жена донья-Эльвира, дочь Сида; донъ-Санчо, король Арагоніи, и донья-Марія-Соль, его жена, тоже дочь Сида; донъ-Діего-Родригесъ, сынъ Сида, убитый маврами; донья-Тереза, мать Сида; донъ-Діего-Ланнесъ—его отецъ и др.

Въ 10 часовъ вечера проходилъ поѣздъ express, — который долженъ былъ прибыть въ Мадридъ утромъ въ восемь съ четвертью, и я, захвативъ свой ручной багажъ и доплативъ что-то въ кассу, тотчасъ улегся спать въ своемъ вагонѣ. Ночью я услышалъ, какъ кондуктора выкрикивали: «Stacion Arevalo! stacion Arevalo!»

Аревало!—значить, я проспалъ двѣ испанскія знаменитости—и Вальядолидъ, и Медину-дель-Кампо. Ну, Богъ съ ними: увижу еще что-нибудь болѣе знаменитое.

Аревало... это — то Аревало, когда-то любимая резиденція испанскихъ королей и королевъ, Изабеллы-католички, Карла V, Филиппа II, Филиппа III, Филиппа IV... Небо начинаетъ при-

нимать голубоватый оттѣнокъ—близко утро... Тамъ, вправо, Саламанка съ знаменитымъ университетомъ, не научившимъ Испанію мудрости.—Не научить ли теперь?

Утро все болѣе и болѣе начинаетъ вступать въ свои права. По бокамъ выступаютъ очертанія горъ. Это сіерра д'Авила и Сомосіерра. Противъ меня, растянувшись во весь свой кастильскій ростъ и плотно закутавшись въ альмавиву, спитъ испанецъ, похожій на Филиппа II въ молодости, но только черный, притомъ и не молодой: изъ-подъ ссунувшейся на бокъ коричневой шапочки выбиваются волосы, шибко подернутые серебромъ, а изъ-подъ альмавивы выползла борода (что необыкновенная рѣдкость у испанца). А на другой скамьѣ, вытянувъ ножки на противоположное сидѣнье, закрытая прозрачной мантилей до половины лица, спитъ хорошенькая испаночка. Я видѣлъ, какъ они сѣлились въ мой вагонъ въ Бургосъ.—О ней можно было сказать то, что Лермонтовъ говорить о демонѣ:

Ни день, ни ночь,
Ни мракъ, ни свѣтъ...

Поѣздъ все больше и больше забираетъ въ горы. Это уже сіерра-де-Гадаррама (Guadarrama). Свѣтать начинаетъ рѣшительно. Сѣдая отъ свѣтовъ вершины Гадаррамы все ярче и ярче выступаютъ на утренней синевѣ неба. Чѣмъ дальше и выше, тѣмъ панорама раскидывается величественнѣе, необъятнѣе для взора. Съ высотъ Авилы (болѣе 1,000 метровъ надъ уровнемъ моря) взоръ охватываетъ дальнія картины обѣихъ Кастилій и горные склоны Эстремадуры. Это ширь неогладная!—Снѣга все болѣе и болѣе искрятся на маковкахъ горъ. Еще выше, еще и еще,—и поѣздъ, пробуравивъ горы въ трехъ громадныхъ туннеляхъ, пыхтя и взвизгивая объ рельсы, выползаетъ къ точкѣ кульминаціи этихъ горъ—къ Каньядѣ. Даль необъятная, и высота такая, на какую не поднималась еще ни одна желѣзная дорога во всей Европѣ. На южномъ горизонтѣ какое-то дымчатое облачко—это сіерра-де-Тоledo!.. Toledo!—сколько яркихъ историческихъ воспоминаній!

При дворѣ толедскомъ—звонко
Дребезжа гремятъ фанфары,
И народъ валитъ къ турниру
Разноцвѣтными толпами...

Въ воображеніи такъ и встаетъ изъ могилы Испанія рыцарскихъ турнировъ—и донъ-Рамиро, и донъ-Діего, и донъ-Педро

съ доньей Бланкой... Не даромъ и Гейне ихъ вспомнилъ въ своемъ «турнирѣ»:

Подъ богатымъ балдахиномъ,
Гдѣ кругомъ жужжала челядь,
Самъ король и съ королевой,
Что похожа на ребенка.
Вотъ тупой французскій носикъ,
Плутовски живыя минны,
Но чаруютъ всѣхъ улыбкой
Рта прекраснаго рубины.
Чудный, ласковый цвѣточекъ—
Да хранить ее Всевышній!—
Пересаженный съ веселыхъ
Береговъ роскошной Сены
На испанскаго величья
Почву жесткую, сухую;
Blanche Bourbon ее тамъ звали,
Здѣсь зовутъ ужъ донья-Бланка;
Королемъ же былъ донъ-Педро
Съ прибавленіемъ жестокой...

Но я забѣгаю впередъ. Я еще не доѣхалъ до Мадрита. Но что же дѣлать, когда еще на школьныхъ свамьяхъ всѣ уши прожужжали эти донъ-Педры да доньи Бланки!

Между тѣмъ, мой испанецъ просыпается и пытливо оглядываетъ меня. Вѣроятно, я кажусь ему туркомъ, ибо на головѣ у меня осталась еще красная феска, которую я забылъ снять, а бѣлая борода напоминаетъ бороду Аллаха. Испанецъ вѣжливо освѣдомляется — еъ удивленію — по-французски (въ Испаніи французскій языкъ очень мало распространенъ): куда я ѣду и откуда? Я отвѣчаю. — При упоминаніи Россіи на лицѣ испанца замѣчается усиленная игра мускуловъ — онъ глубоко озадаченъ:

— Изъ Россіи! — изъ Сибири! — Россія и Сибирь у нихъ нераздѣльны.

— Да, изъ Россіи, но не изъ Сибири.

— Это такая даль — еъ полюсамъ!

— Нѣтъ, сеньоръ, до полюсовъ еще далеко отъ насъ.

Даже его хорошенькая спутница открыла свои бархатныя глаза — прелестныя! — и рассматривала меня съ удивленіемъ и наивностью дикарки. Испанецъ любезно предложилъ мнѣ сигару, пояснивъ, что это «хорошая испанская сигара». Онъ видимо хотѣлъ быть гостепріимнымъ, ласковымъ. Я благодарилъ его, какъ могъ. Но меня больше занимало то, что я видѣлъ въ окна вагоновъ.

Мадритъ не за горами, хотъ поѣздъ и мчался по горамъ и

туннелямъ. Отъ однихъ туннелей въ Испаніи голова кругомъ пойдетъ. Въдъ вся страна исполосована горами—все сьерры да сьерры—и счету имъ нѣтъ.

Вотъ Эль-Эскориаль — чудовищное зданіе съ 1,110 окнами. Вотъ Вильяльба и мостъ черезъ Гадарраму. Вотъ Ласъ-Росасъ — одна изъ королевскихъ резиденцій. Дальше Пусуэло — любимое мѣсто мадритскихъ дачниковъ и чиновниковъ, въ родѣ нашего Павловска. Вотъ Чамартинъ, гдѣ въ 1808 году останавливался Наполеонъ I во дворцѣ герцоговъ д'Осуна.

Вотъ и жалкій, грязный Мансанаресъ, а вотъ и самъ Мадридъ. Да какой же неприглядный! А еще столица такой поэтической страны! Куда-жъ ему до Кіева!..

IV.—Мадридъ.—Визитъ Сервантесу.—Санхо-Панча.

Странное, гнетущее чувство испытывать я, въѣзжая въ Мадридъ. Это была не скука, не разочарованіе, при видѣ какой-то заурядности и виѣшней неприглядности, въ общемъ, столицы повелителя «непобѣдимой армады», бывшаго сердца полувселенной и страны съ «никогда не заходящимъ солнцемъ»; это было не чувство пресыщенія человѣка, видавшаго *ничто* болѣе, чѣмъ Мадридъ, не тупое чувство душевной усталости; но что-то дѣйствительно тупое, удушливое, безотрадное. Это была *какая-то* тупая тоска, глухо грызущая душу. Я помню очень хорошо, съ какимъ чувствомъ я вступалъ когда-то на берегъ Босфора въ Константинополѣ, что перекипало въ моей душѣ, когда я въ первый разъ созерцалъ песчаный съ пальмами берегъ Африки, бродилъ по Каиру, сидѣлъ на вершинѣ пирамиды Хеопса или съ внутренней дрожью и умиленіемъ, подѣвжая къ Іерусалиму, срывалъ въ свою записную книжку «крины сельные», а потомъ плакалъ отъ счастья, переживая душой все божественное очарованіе ночи вблизи Іордана, на развалинахъ Іерихона. Я помню даже тѣ душевные страданія, которыя я испытывалъ, когда, больной и отчаянный, я лежалъ на Араратѣ подъ черными скалами андезита. Но все это было не то, — то была не тоска; а это — тоска, такая тоска, что я не зналъ куда дѣваться...

- Фонда де-лосъ Леонесъ де-оро!
- Фонда де-ласъ катро насіонесъ!
- Отель де-Мадридъ, сеньоресъ!
- Фонда дель-Оріенте, кавальеросъ!
- Гранъ фонда де-ембахадоресъ!

Это выкрикивали коммиссіонеры и портьеры разныхъ отелей, зазывая къ себѣ путешественниковъ. Вездѣ одно и то же. Это даже сучно.

Я люблю Востокъ больше чѣмъ Западъ—Востокъ грязный и сверкающій, дикій и поэтический, весь въ лохмотьяхъ и подъ пальмами, насылающій на Западъ чуму и холеру, и все же обаятельный. И я велѣлъ везти себя на «Востокъ» — въ «фонда дель-Оріенте». Впрочемъ, въ выборѣ отеля я руководствовался не одними только азіятскими и африканскими симпатіями, но и просто указаніями «Гида», съ которымъ я странствовалъ по Испаніи: «фонда дель-Оріенте» помѣщается у самой Пуэрта-дель-Соль (Puerta del Sol), которая и есть центръ и сердце Мадрита.

Въ одинъ со мной омнибусъ сѣлъ еще одинъ, такой же сѣдой какъ я, бродяга, тоже безъ сомнѣнія въ первый разъ увидавшій Мадритъ и знавшій его еще меньше, чѣмъ я, ибо я, умулренный «Гидомъ», могъ объяснить своему сосѣду бродягѣ кое-что, чего онъ не зналъ и спрашивалъ у меня на такомъ же варварскомъ гальскомъ нарѣчій, на какомъ объясняюсь и я съ варварскицивилизованною Европою. Къ удивленію моему сѣла въ нашъ омнибусъ еще какая-то цыгановатая баба, ужъ, конечно, не путешественница, а просто баба, какихъ у насъ, въ Петербургѣ, можно встрѣтить въ каждой коней по полудюжинѣ, и непременно съ узелкомъ, но только не съ такими сверкающими зубами, какъ у этой цыгановатой бабы съ узелкомъ и съ маленькою, прехорошенькою, тоже цыгановатою дѣвочкою, съ которою мы тотчасъ же и затѣяли турниръ: кто кого переглядитъ.

По широкой, прекрасной аллеѣ мы въѣзжаемъ въ «Puerta de san Vicente». Вправо высится огромное зданіе, что-то внушительное. Это «Palacio real».

Вдругъ впереди, изъ-за арки Пуэрта-де-Санъ-Висенте выскакиваетъ какая-то обдерганная фигура въ форменной фуражкѣ и съ дубинкою въ рукѣ. Онъ угрожающе машетъ дубинкою на насъ. Омнибусъ покорно останавливается... Первое нападеніе гверильсовъ среди бѣла дня!

Оборванецъ властною рукою отворяетъ дверцу омнибуса.— «Копелекъ, или живи!» думаю. Ни того, ни другого. А ему подавай бабу съ узелкомъ. На насъ альгвазилъ смотритъ благосклонно, а на бабу и въ особенности на узелокъ—угрожающе. Баба что-то бормочетъ въ свое оправданіе. Альгвазилъ требуетъ узелокъ. Баба подаетъ. Альгвазилъ пошарилъ-пошарилъ въ поданномъ, и отдаетъ узелокъ обратно. Дверца захлопывается, и мы ѣдемъ.

Но черезъ нѣсколько домовъ — второе нападеніе. Опять та-
кой же оборванецъ съ дубинкой, и опять та же исторія.

Альгвазилы съ дубинками въ столицѣ Испаніи, въ виду ко-
ролевскаго дворца — это остатокъ чего-то средневѣковаго, что
практиковалось еще при маврахъ, при донъ-Педро Жестокѣмъ и
при донъ Бланкѣ. Неудивительно послѣ этого, что солдаты и
молодые офицеры убѣгаютъ въ горы Арагоніи подъ звуки «ара-
гонской хоты». Альгвазилы съ дубинками изображаютъ изъ себя
внутреннихъ таможенныхъ фискаловъ. Это то же, что было когда-то
у насъ при существованіи откупной системы. Эта варварская
система практикуется доднесь на родинѣ Сервантеса-Сааведры.
Мало того, что осматриваютъ ваши чемоданы на границѣ Испаніи
— это принято во всѣхъ государствахъ, хотя не вездѣ одинаково
грубо и обидно; но въ Испаніи каждый городъ считается *за-гра-
ницей* по отношенію къ другому городу, конечно, испанскому же.
Когда вы ступаете на почву Мадрита, васъ досматриваютъ; въ
Севильѣ — тотъ же досмотръ, въ Гранадѣ — то же. Правда, по
отношенію къ иностранцамъ этотъ досмотръ ведется деликатно,
словно бы этимъ дѣломъ управлялъ мудрецъ Санхо-Панча. Но
испанскихъ бабъ альгвазилы преслѣдуютъ жестоко: баба можетъ
безпошлинно провезти въ городъ курицу съ яйцами, либо живого
поросенка, если только онъ благоразумно смолчить въ мѣшекъ,
хотя эта молодежь молчать не умѣетъ. Оттого сметливыя бабы
и прячутся въ омнибусы, перевозящіе иностранцевъ; но ихъ
альгвазилы и тамъ находятъ.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ («calle»), большею частью узкихъ,
и площадей, большею частью тѣсныхъ, мы остановились у подъ-
ѣзда отеля, который выходитъ на двѣ улицы. Я взялъ себѣ но-
меръ, непременно съ балкономъ, выходящій на одну изъ этихъ
улицъ, скорѣе — въ улочку. Выхожу на балконъ — хотъ руку по-
давай какой-нибудь доннѣ. Я потребовалъ себѣ кофе. Но меня
не поняли: прислуга говоритъ только по-испански. Хотя слово
«кофе», «кафѣ», «кава» — понятно безъ сомнѣнія и Мамлаевымъ
пріятелямъ папуасамъ; но бѣда въ томъ, что я потребовалъ себѣ
кофе со сливками — «кафѣ-о-лѣ». Долго бились, пока, наконецъ,
горничная — женщины всегда догадливѣе мужчинъ — не догадалась,
чего мнѣ надо.

— Кафѣ конъ-лэтти, сеньоръ кавальеро?

— Ну, да-да, голубушка — именно конъ-лэтти...

«Съ чего начать, говоря о Мадритѣ, какъ не съ «Puerta
del Sol», этого форума Мадрита и новой Испаніи» (да не по-
сѣтуетъ читатель, что я опять привожу слова Боткина: я потому

скажу и свое слово для сравненія и повѣрка впечатлѣній). «Puerta del Sol» вовсе не ворота, а небольшая площадь, называющаяся такъ отъ прежде бывшихъ тутъ городскихъ «воротъ солнца». Здѣсь центръ Мадрита, сюда сходятся всѣ его главныя улицы. На площади, съ ранняго утра до поздняго вечера, толпится масса всякаго народа, безпрестанно возобновляющаяся, ибо всякій, вышедшій зачѣмъ бы то ни было изъ дому, непременно зайдетъ послушать новостей; точно также, если пахнетъ въ воздухѣ бунтомъ, онъ непременно начнется на «Puerta del Sol». Политика здѣсь — занятіе постоянное, потому что тревога, смута, составляютъ здѣсь нормальное положеніе общества. Всѣ эти посѣтители «Puerta del Sol» важно бесѣдуютъ, завернувшись въ свои широкіе плащи. По временамъ изъ плаща выставляются руки, которыя вертятъ маленькую папироску, слышится обычное: «hagame uste del fabor», папироска закуривается, и разговоры идутъ съ тѣмъ серьезнымъ, изящнымъ достоинствомъ, съ тою «flema castellana», которыми изъ всѣхъ народовъ Европы владѣютъ одни только испанцы». — Да всѣ южныя и восточныя народы, прибавлю я.

«Puerta del Sol» потому является толкучимъ мѣстомъ, что, находясь въ сердцѣ Мадрита, она служитъ какъ бы резервуаромъ, откуда отходятъ всѣ городскіе бѣнки, и куда они снова возвращаются; сюда же, какъ радіусы въ центру, сходятся со всѣхъ окраинъ города десять главныхъ улицъ, и оттого, если въ Петербургѣ то мѣсто, гдѣ сходятся три улицы, названо Пятью Углами, то эту площадь съ удобствомъ слѣдовало бы окрестить «площадью двадцати угловъ»; тутъ же толкуются всякіе «aguadogъ» съ водою и продавцы всевозможныхъ напитковъ, конечно холодныхъ («bebidus heladas») — тоже, что наши «квасы», таскаемые на головахъ мальчишками; тутъ кричатъ продавцы газетъ, картинъ, каррикатуръ, кошелевъ; чистильщики сапоговъ свирѣпо смотрятъ на всякіе не запачканные сапоги и хватаютъ за ноги своихъ несчастныхъ кліентовъ, въ число которыхъ угодилъ и я, хоть на мнѣ были совсѣмъ чистыя ботинки; тутъ сосредоточены лучшія кофейни, «севильскіе цирюльники» и шикарные магазины; а гдѣ магазины, такъ туда неизбежно летятъ мантильи, т.-е. барыни, точно бабочки на огонь, и самымъ безсовѣстно-милымъ образомъ и безсовѣстно-красивыми глазами осматриваютъ всякаго.

Признаюсь, однако — мнѣ было не до нихъ. Первый мой визитъ въ Мадридъ я далъ себѣ слово сдѣлать безсмертному Сервантесу. Съ «Гидомъ» и планомъ Мадрита въ рукахъ, я пробирался черезъ Пуэрта къ саггера de san Geronimo, въ концѣ которой — я

зналъ — стоять памятникъ творцу донъ-Кихота; но такъ какъ этихъ карьеръ и calle (calle-улица) расходилось отъ Пуэрта десять штукъ, то въ одной изъ такихъ штукъ я и заблудился. Спрашиваю полицейскаго — не понимаетъ. Называю ему Сервантеса-Сааведру — головой качаетъ. Значить — не такъ произношу. Возвращаюсь къ Пуэрта. Ловлю полицейскаго офицера — таковой элегантенъ, красивый, вѣжливый. Спрашиваю его — не говорить по-французски.

— Plaza de las cortes, объясняю ему.

Понялъ наконецъ! — Я ему показалъ на планѣ эту площадь кортесовъ и саггега de san Geronimo. Онъ любезно проситъ меня идти за собой и вводитъ въ эту карьеру. Я благодарю его и иду дальше. Скоро конецъ улицы. Надѣво, на фронтонѣ большого зданія, написано: Congreso de los diputados. Это и есть площадь кортесовъ — маленькая треугольная площадочка.

А вотъ и памятникъ! На высокомъ пьедесталѣ стоитъ бронзовая фигура — это онъ, я узнаю его. На одной сторонѣ пьедестала начертано, такъ крупно, какъ крупно начерталось въ памяти каждаго, читавшаго «Донъ-Кихота», это великое произведение:

A Miguel de Cervantes
Saavedra
Principe de los ingenios espanoles.

На другой сторонѣ пьедестала бронзированный барельефъ. Сидя на своемъ знаменитомъ Россинантѣ, Донъ-Кихотъ энергически и задумчиво глядитъ вдаль, въ ту невѣдомую даль, куда онъ отправляется, чтобы воевать противъ всякой неправды и насилія; за нимъ на своемъ ослѣ скучно плетется толстякъ Санхо-Панча; надъ нимъ летитъ геній и перстомъ указываетъ въ ту невѣдомую даль, гдѣ зла такъ же много, какъ и вездѣ.

На третьей сторонѣ пьедестала другое начертаніе — латинское:

Michaeli de Servantes
Saavedra
Hispaniae scriptorum
Principi.

Наконецъ, на четвертой сторонѣ пьедестала барельефъ изображаетъ уже подвигъ донъ-Кихота: бѣдный мечтатель выступаетъ противъ льва въ клѣтѣ. Какъ художественно переданъ этотъ рыцарь печальнаго образа! — худой, длинный, но безстрашный...

Пока я списывалъ вышеприведенныя надписи, вокругъ меня

собралась толпа зѣвакъ. Я простился съ Сервантесомъ и донъ-Бихотомъ и пошелъ внизъ, въ Prado, мимо роскошнаго дворца Мединасели.

Я—на Prado. Это необыкновенно длинный и широкій бульваръ, обсаженный роскошными деревьями, украшенный великолѣпными фонтанами, статуями. Но я изображать его не буду, да и читатель не увидитъ его въ моемъ слабомъ описаніи такъ, какъ видѣлъ я его своими глазами. И можно ли изобразить всѣ бульвары, сады, гулянья, какіе мнѣ приходилось видѣть, начиная отъ мадритскаго Прадо и кончая тѣмъ волшебнымъ садомъ, въ которомъ я сиживалъ бывало въ Каирѣ, словно очутившійся въ нездѣшнемъ мірѣ! Могу упомянуть только о двухъ замѣчательностяхъ Прадо—о фонтанѣ Цибелы (fuente de Cibeles) и о памятникѣ испанскимъ героямъ Рунсу и Веларде. Памятникъ этотъ поставленъ въ видѣ высокой пирамиды, съ описаніемъ на ней подвига героевъ—подвига, составляющаго горькую, но славную страницу въ исторіи войнъ испанцевъ съ Наполеономъ I-мъ. Самый памятникъ называется Dos de Mayo.

Послѣ отданія поклона великому Сервантесу, меня влекло къ другому генію Испаніи—къ симпатичнѣйшему Мурильо. Я зналъ, что его домъ находится тутъ же, на Прадо, между королевскимъ музеемъ (museo reale) и ботаническимъ садомъ. Я направился туда. Въ швейцарской музея на дѣтскомъ кресельцѣ сидитъ больной ребенокъ, а около него возится сѣдой старикъ, сидя на корточкахъ. Когда я вошелъ, онъ посмотрѣлъ на меня добродушно, какъ на стараго знакомаго.

Я спрашиваю сѣдого добряка—можно-ли попасть въ музей. Онъ качаетъ головой и говоритъ что-то мнѣ непонятное.

— Почему же нельзя?—спрашиваю:—запертъ?

Онъ дѣлаетъ рукой такое движеніе, какое необходимо сдѣлать, чтобы запереть что-либо ключомъ. Я отлично понимаю этотъ испанскій языкъ и отвѣчаю на чистѣйшемъ кастильскомъ нарѣчій: я показываю рукой, что отпираю то, что онъ заперъ.

— Аля уна бра, отвѣчаетъ онъ, поднося указательный палецъ съ грязнымъ ногтемъ къ самому моему носу.

— «А! понимаю, любезный, подумалъ я:—въ аля уна бра я явлюсь неуловительно».

Мы расстались пріятелями, тѣмъ болѣе, что мнѣ удалось потрепать ребенка по головкѣ.

— О, сеньорито! любезно провожалъ меня старикъ.

— Грасіа...—але уна бра.

Постоявъ нѣсколько минутъ передъ павильономъ Мурильо,

украшеннымъ бюстомъ великаго художника, я воротился на Прадо и сѣлъ на скамью, чтобы отдохнуть. Солнце палило немилосердно. Чувство отчужденности и тоскливости продолжало скребсти душу. Невеселыя мысли уносили меня далеко-далеко отъ того, что было вокругъ меня. Если кому случалось совершенно одинокому бродить вдали отъ родины затираться и исчезать въ этомъ океанѣ чужого, невиданнаго, непохожаго ничѣмъ-ничѣмъ на свое родное и знакомое, слышать кругомъ непонятную рѣчь и чувствовать себя какою-то щепкою разбитаго корабля, занесенною въ чужое, невѣдомое море,—тотъ пойметъ меня. Даже какъ-будто становится страннымъ, какъ вотъ это самое солнце свѣтитъ и тутъ и тамъ, у насъ, далеко-далеко, хотя и не одинаковъ свѣтъ: здѣсь, въ мартѣ оно палить, а у насъ еще и грѣть не начинало.

Отдохнувъ, я направился на площадь дель-Ориенте, гдѣ —я зналъ—стоитъ великолѣпный памятникъ Филиппу IV. Прохожу опять мимо Сервантеса. У бокового барельефа, изображающаго донъ-Кихота и Санхо-Панчу съ летящимъ надъ ними геніемъ, стоятъ мальчишки съ сумочками черезъ плечо (вѣрно школьники) и хохочутъ.

— Санхо-Панча! Санхо-Панча!

Ужъ не на мой ли счетъ, думаю. Осматриваюсь—нѣтъ: по улицѣ дѣйствительно ѣдетъ Санхо-Панча на ослѣ, только безъ донъ-Кихота и безъ генія.

Добрый Санхо—это такой безсмертный типъ, что онъ до-сихъ поръ живетъ въ Испаніи. Вы вездѣ встрѣтите этого толстяка на ослѣ, драпирующагося въ свою засаленную альмавиву: я видѣлъ его и на его родинѣ—въ Аргамасильѣ, и въ окрестностяхъ Тобозы — родины красавицы Дульсиней съ бородавкою на щекѣ; я видѣлъ Санхо и въ Андалузіи, и въ Арагоніи.

Шалуны продолжали привѣтствовать Санхо, а тотъ ѣдетъ и не обернется даже.

Проходя снова черезъ Пуэрта-дель-Соль, я захожу въ табачный магазинъ и покупаю себѣ почтовыхъ марокъ съ портретомъ Альфонса и маленькихъ «сигарильосъ». Это очень вкусныя пахитоски изъ хорошаго, хотя темнаго табаку, но неудобны тѣмъ, что онѣ только свернуты въ рулетки, но незаклеены и потому изъ нихъ постоянно высыпается табакъ; да и бумага грубая, толстая, точно англійская почтовая, и какъ ее ни смачивай—не склеивается.

Въ тотъ моментъ, когда я выходилъ изъ табачнаго магазина, черезъ Пуэрта-дель-Соль двигалась погребальная процессія, съ

рѣдкою, кидающеюся въ глаза помпою. Богатый балдахинъ, везомый конями въ глубокомъ траурѣ, весь сверкалъ позолотою и свѣжими цвѣтами въ роскошной, тропической зелени. Но что особенно поражало, такъ это буквально нескончаемая вереница каретъ, слѣдовавшая въ хвостѣ шествія. Раздавалось хрипучее, строгое, хватающее за душу пѣніе: ни одной нѣжной, утѣшительной, примиряющей ноты не слышалось въ тоскливомъ гимнѣ, полномъ безнадежнаго отчаянія. Только безпощадная, грозная противъ всего живого инквизиція могла создать такіа отчаянныя мелодіи. Но это не то отчаяніе любящаго, пораненнаго сердца, которое слышится въ горькомъ и ѣдкомъ плачѣ надъ гробомъ дорогаго существа. Это даже не то пламенное, африканское отчаяніе, раздирающіе вопли котораго я слышалъ въ Каирѣ, когда трупъ какого-то знатнаго араба увозили въ Мекку для погребенія. Въ томъ, въ тропическомъ такъ-сказать отчаяніи, слышалась любовь, жалость—все же что-то нѣжное, человѣческое, нѣчто отъ жизни. А здѣсь отчаяніе холодное, безпощадное—нѣчто отъ смерти, отъ могилы. «Зачѣмъ жизнь—слышалось въ этой хриплой угрозѣ гимна—зачѣмъ земныя радости, надежды?—Вотъ онѣ—смотри!—вотъ чего желай—желай смерти, чтобъ тебя на томъ свѣтѣ не ждалъ адъ... Лучше на землѣ адъ, чѣмъ тамъ... Тамъ всѣ будете!»...

Площадь дель-Оріенте находится въ дальнемъ концѣ калле-де-Ареналь, между королевскимъ дворцомъ съ одной стороны и королевскимъ театромъ съ другой. Она хотя немного обширнѣе, чѣмъ Пуэрта-дель-Соль, однако это настоящая площадь, а не просто точечка между домами, какъ Пуэрта. Вообще европейскіе города и столицы не отличаются ширью и просторомъ своихъ площадей. То, что у насъ, положимъ, въ Петербургѣ не носятъ даже названія площадки, не то-что площади, какъ напр. полукруглое пространство у Обухова моста или у Измайловскаго, то въ Европѣ носило бы уже громкое имя—place, piazza, foga plaza. Европейскія же площади—это большею частью нѣчто тѣсное, маленькое, жалкое. А ужъ placette, piazuela, piazzetta—это совсѣмъ каменные колодцы, окруженные высокими домами. Въ Ниццѣ, въ старомъ городѣ, и въ Венеціи, исключая площади Марка и его «пьяцетты», я видѣлъ такіа «пьясетты» и «пьяцетты», что на нихъ не помѣстится лошадь съ упряжью, а развѣ только два ослика могутъ разминуться съ переметными корзинами. Да и форумъ римскій приводитъ въ недоумѣніе своими сжатými размѣрами: удивляешься даже, какъ могъ собираться народъ этого вѣчнаго города, владыки вселенной на та-

кой ничтожной площади, которая развѣ немногимъ больше нашихъ Пяти-Угловъ. Гдѣ могли развернуться тамъ народныя массы?—Поневоля приходилось шумѣть и бунтовать на Авертинскомъ холмѣ, за городомъ.

Площадь дель-Ориенте тоже, повторяю, небольшая, но эффектная площадь. Это скорѣе скверъ, въ родѣ нашего Екатерининскаго, что у Публичной библіотеки, хотя меньше его. Но за то есть что видѣть, есть надъ чѣмъ задуматься на этой площади. Тутъ — вся поэтическая, безтолковая, славная и безотрадная исторія Испаніи, ея старая гордость, и ея старыя, глубокія раны, доселѣ не зажившія. Площадь имѣетъ видъ сквера, осѣненного деревьями. По срединѣ площади, на высокомъ пьедесталѣ, возносится конная статуя Филиппа IV. Что за легкость полета этого бронзоваго коня, что за величавость и картинность въ посадкѣ бронзоваго рыцаря! Онъ точно живой — вотъ-вотъ, кажется, онъ соскочитъ съ высокаго пьедестала и понесется по городу, давя народъ бронзовыми копытами. Бронзовая одежда, шлемъ, оружіе, сѣдло лошади съ безчисленными украшениями — все это не кажется бронзовымъ: въ иныхъ мѣстахъ бронза превращается въ шелкъ, въ бархатъ, въ кружево. Лицо короля сдѣлано замѣчательно хорошо: это портретъ, только бронзовый, того Филиппа IV, который мастерски написанъ Веласкесомъ и хранится въ «Museo geale». Подъ королевемъ, на одной сторонѣ пьедестала, находится и барельефное изображеніе самого Веласкеса, которому Филиппъ IV жалуетъ орденъ Сантъ-Яго.

Что еще болѣе усиливаетъ иллюзію при видѣ этого эффектнаго памятника, такъ это то, что Филиппъ тутъ не одинъ, а съ цѣлымъ сонмомъ королей и королевъ всей Испаніи — я говорю *всей*, потому что тутъ выставлены и короли Кастиліи, и короли Леона, Арагоніи, Наварры и всей, нѣкогда разчлененной Испаніи. Колоссальныя каменныя статуи этихъ бывшихъ владыкъ испанской земли стоятъ не далеко отъ памятника, образуя своими сорока-четырьмя массивными фигурами, уже пострадавшими отъ времени, непогодъ и солнца, какой-то заволованный кругъ королей. Всѣ они въ костюмахъ своего времени, и кажется, что это — царственные мертвецы, превращенные въ камень или окаменѣлые, подобно женѣ Лота, и сошедшіеся здѣсь передъ лицомъ Филиппа IV и передъ дворцомъ Альфонса XII, чтобы требовать отъ него отвѣта: «что ты сдѣлалъ изъ нашей великой Испаніи?—куда дѣвались наши необъятныя владѣнія, въ которыхъ никогда не заходило солнце?»

Когда я осматривалъ памятникъ Филиппа IV, около него

было множество ребятнишекъ, которые играли, кричали, кувыркались и выдѣлывали все, на что только способна «младая жизнь», которая охотно играетъ и бѣснуетъ и «у гробового входа», и на церковной паперти, и въ школахъ. Я долго бродилъ около памятника, поднимая вверхъ голову, или садился гдѣ-нибудь, тутъ же, на скамьѣ, чтобы лучше рассмотреть всадника со всѣхъ сторонъ.

Взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что стрѣлка приближается къ «аля уна ора», и потому, прервавъ созерцаніе памятника и разныя свои историческія фантазіи на тему бренности всего земного и безпощадности «рѣки времени», которая...

...топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей,

я поспѣшилъ къ «Museo real», въ которомъ потомъ нашелъ столько высокихъ наслажденій и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пережилъ столько, сколько не переживается иногда цѣлыми годами.

V. — Museo real. — Мадонны Мурильо. — Московскій бояринъ. —
«Звонъ гитары».

Когда я подходилъ къ музею, то замѣтилъ, что не первымъ попаду въ это святилище искусства: кареты, ландо и коляски уже подкатывали къ входной двери и изъ нихъ цѣлыми колоніями выходили лорды и люди съ гитами, биноклями и чуть ли не съ телескопами, ихъ дѣти, болѣе похожіе на грумовъ и жокеевъ, и юныя и не юныя миссъ, непременно съ огромными ступнями и безъ каблуконъ, и большею частью бѣлокурныя — все это направлялось въ «портерію», гдѣ мой пріятель, вмѣстѣ съ другими служителями, одѣтыми въ королевскую ливрею, отбирали пледы и зонтики, выдавали входные билеты (1 песета за входъ) и продавали каталоги музея.

Я также взялъ билетъ и каталогъ. Надо замѣтить, что каталогъ этотъ отлично составленъ однимъ изъ свѣтилъ испанской литературы, членомъ испанской королевской академіи: донъ-Педро-де-Мадрасо даже въ «Гидѣ» названъ «éminent écrivain». Каталогъ этотъ громаденъ — въ немъ болѣе 500 страницъ. Онъ составленъ очень обстоятельно и описаніе картинъ расположено въ немъ по школамъ: школа итальянская, испанская, нѣмецкая, французская, которая въ свою очередь подраздѣлена, — испанская на мадритскую, севильскую и пр., итальянскую — на флорентійскую, умбрійскую, римскую, венеціанскую,

ломбардскую, болонскую, неаполитанскую и др. Кромѣ того, при описаніи картинъ прибавлены поясненія. Имена мастеровъ или художниковъ сопровождаются краткими біографическими свѣдѣніями о мѣстѣ и годѣ рожденія и смерти, о школѣ, къ которой принадлежалъ и пр.

Всѣхъ картинъ въ музеѣ болѣе 2,200. Это—рѣдкое въ Европѣ сокровище, подобнаго которому нѣтъ ни въ одной странѣ. Да и неудивительно: ни одно государство въ мірѣ не было такъ поражающе богато, какъ Испанія временъ ея—можно сказать—всемирнаго владычества, когда въ ея замкахъ томились такіе плѣнники, какъ короли Франціи, напр., Францискъ I. Золото и всѣ сокровища обѣихъ Индій, несмѣтныя богатства ея же открытаго и завоеваннаго Новаго Свѣта, все золото золотоноснаго перуанскаго и мексиканскаго царствъ—все это поглощала Испанія. Было на что созидать колоссальныя храмы и дворцы—такіе храмы, какъ соборы севильскій и бургосскій, и такіе дворцы, какъ Эскуріаль. Было на что и картины покупать, когда иная изъ нихъ приобреталась цѣною чуть ли не миллионѣ реаловъ. Неудивительно, что въ музеѣ Испаніи собрано все лучшее со всего міра: одного Мурильо насчитывается 46 картинъ, Тинторета 54, Веласкеса 64, Рибера 58, Рубенса 66, Теньера 55, Луи Джіордано 66, Брѣгеля (Breughel) 54, Ванъ-Дика 22, Рафаэля 10, Пуссэна 20, Клода Лоррена 10, Гвидо Рени 16, Тиціана 43, Поля Веронеза 25, Сурбарана (Zurbaran) —этой мрачной знаменитости Испаніи—14, не говоря уже о другихъ, почти такихъ же мировыхъ свѣтилахъ.—Боткинъ, самъ хорошій цѣнитель искусствъ, справедливо говоритъ: «Мадритъ имѣетъ въ себѣ сокровище великолѣпное, поразительное: это его картинный музей; по величинѣ, разнообразію и богатству первый изъ музеевъ Европы; онъ весь состоитъ изъ «chef-d'oeuvres». Его безчисленныя сокровища такъ еще мало знаетъ Европа!»

Хотя я, кажется, едва ли не больше люблю говорящій мраморъ, чѣмъ говорящее полотно, однако, я очень желалъ видѣть этотъ картинный кладъ Испаніи. Собственно я не скажу, чтобы скульптура въ моихъ симпатіяхъ къ изящному вытѣсняла на задній планъ живопись съ ея умѣньемъ сказать очень многое. Я хорошо сознаю, что кисть всеильнѣе рѣзца: у кисти много красокъ, тѣней, такъ много, какъ у самого солнца, которое освѣщаетъ и живетъ природу, человѣка, все, что можетъ перенести на полотно кисть, вооруженная красками и гениемъ. Въ мадритскомъ музеѣ скульптурнаго отдѣла нѣтъ почти совсѣмъ.

Я вступилъ въ музей вмѣстѣ съ толпою посѣтителей и посѣ-

тительницъ, но тотчасъ же отбился отъ нихъ, такъ какъ въ залахъ этого лабиринта, словно въ лѣсу, можно разойтись съ кѣмъ-нибудь разъ—и потомъ больше не встрѣтиться. Я дѣйствительно затерялся въ этомъ дремучемъ лѣсу картинъ. Обзорѣватели, большею частью иностранцы, какъ тѣни передвигаются изъ одной залы въ другую, или стоятъ какъ очарованные на одномъ мѣстѣ, созерцая что-нибудь выдающееся, или же сидятъ въ отдаленіи, задумчиво вглядываясь во что-либо излюбленное или непонятное.

Я, конечно, прежде всего сталъ искать мадоннъ Мурильо. Я много слышалъ о нихъ, давно и много читалъ; но все же онѣ въ моемъ воображеніи нѣсколько сливались съ мадоннами Рафаэля, которыхъ божественность мнѣ не кажется божественностью, да и отъ человѣчности онѣ какъ будто отстали. Конечно, я выражаю такія сужденія о великихъ произведеніяхъ, можетъ быть, потому, что я профанъ. Но, оставаясь тѣмъ же профаномъ, я между тѣмъ, кажется, глубоко понимаю мадоннъ Мурильо и глубоко наслаждаюсь ихъ земной красотой—небесной красоты, признаюсь, я не видалъ и не понимаю. Для меня то божественно, въ томъ я вижу небесное,—что прекрасно. А ужъ что же можетъ быть прекраснѣе этихъ дивныхъ головокъ, которыя ужъ ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ ничего общаго съ богородицею, а между тѣмъ красота ихъ—непостижима!

Вотъ хоть бы эта смущенная головка (по каталогу № 856: «La Anunciacion de Nuestra Senora»):—сколько въ ней этой земной, человѣчной невинности и красоты, когда, удивленная и испуганная, она вслушивается въ смыслъ того, что ей говорить видѣніе.

Или другая головка въ «Anunciacion», подъ № 867: въ этомъ выраженіи вы прочтаете отвѣтъ на вашу собственную мысль...

Но что за прозрачность мысли, что за глубокая передача души на полотнѣ въ четырехъ гениальныхъ картинахъ, изображающихъ «La Concepcion» (зачатіе)! Я боюсь, что моимъ языкомъ я выражусь слишкомъ грубо, слишкомъ реально, если вздумаю передать то, что мнѣ говорили эти картины. А чтобы дать читателю понятіе о красотѣ этихъ мадоннъ, я лучше прибѣгну въ помощи такого знатока женской красоты, какъ Боткинъ... «Опять Боткинъ!» скажетъ читатель. Да, опять и опять. Говоря объ Испаніи для русскихъ читателей, Боткина обойти нельзя: это маякъ, который прекрасно освѣщаетъ Испанію, и я къ сожалѣнію такимъ маякомъ быть не сумѣю.

Говоря о красотѣ испанской женщины и въ особенности андалузки (Мурильо самъ былъ андалузецъ изъ Севильи),

Боттиччи такъ живописуетъ этотъ типъ: «южная испанка (андалузка) есть существо исключительное. Поэтическую особенность ихъ породы уловилъ одинъ Мурильо: въ его картинахъ самыя яркія, тяжелыя для глазъ краски проникнуты воздушностью, и, мнѣ кажется, эту дивную красоту своего колорита взялъ онъ съ женщинъ своего родного города. Эти чудныя головки, которыя, можно сказать, гнутся подъ густою массою своихъ волосъ — самой изящной формы; какъ бѣдна и холодна кажется здѣсь эта условная, античная красота! Невыносимая яркость и блескъ этихъ черныхъ глазъ смягчены обаятельною нѣгою движеній тѣла, дерзость и энергія взгляда — наивностью и безискусственностью, которыми проникнуто все существо южной испанки. И какая прозрачность въ этихъ тонкихъ и вѣбствѣ твердыхъ чертахъ! Рука самой ослѣпительной формы, и маленькая, узкая ножка, обутая въ изящѣйшій башмачекъ, который едва охватываетъ пальцы... Только смотря на этихъ женщинъ, понимаешь колоритъ Мурильо: въ Россіи, въ Германіи, во Франціи онъ долженъ казаться изысканнымъ. Если вы сколько-нибудь любите живопись, если какая-нибудь картина хоть разъ въ жизни тронула вашу душу и дала вамъ одну изъ тѣхъ минутъ, которыя остаются навсегда въ памяти и лучше всѣхъ эстетикъ въ мірѣ вдругъ раскрываютъ для васъ значеніе искусства — поѣзжайте въ Севилью, поѣзжайте смотрѣть великаго Мурильо! — Я знаю, какъ скучно читать впечатлѣнія картинъ, которыхъ мы никогда не видали, и, зная эту скуку по опыту, я все-таки не въ силахъ удержаться, чтобъ не сказать вамъ о томъ новомъ, никогда не испытанномъ мною наслажденіи, какое доставилъ мнѣ этотъ гениальный художникъ. Не думайте, что, изучивъ мастеровъ итальянской и фламандской школы, зная Рафаэля, П. Веронеза и Рубенса, вы уже извѣдали все очарованіе кисти; если вы не знаете Мурильо, если вы не знаете его именно здѣсь, въ Севильѣ (все равно и въ Мадридѣ), вѣрьте, цѣлый міръ, исполненный невыразимаго очарованія, еще неизвѣстенъ вамъ. Этому человѣку все доступно: и самая глубокая, соврѣнная мистика души, и простая, ежедневная жизнь, и самая грязная природа; все представляетъ онъ въ поразительной истинѣ и реальности. У Мурильо сила и воздушность колорита, запечатлѣннаго африканскимъ солнцемъ, слиты со всею нѣжною и деликатною фламандскою школою. Никто въ мірѣ не выражалъ лучше его религіознаго экстаза, мистическаго стремленія души къ божеству. Это единственный религіозный живописецъ, какого только я знаю, но религіозный не въ символическомъ смыслѣ, не въ наивномъ и безхарактерномъ

смыслѣ старыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ, а въ самомъ свѣтломъ, поэтическомъ, въ самомъ страстномъ смыслѣ этого слова».

Эту-то непостижимую силу свою онъ и вложилъ въ изображение своихъ Мадоннъ: его Мадонны—севильянки, отъ нихъ вѣетъ красками Андалузіи, какъ справедливо замѣчаетъ Боткинъ.

«Въ образахъ Мурильо—говорить онъ—нѣтъ ничего сверхчеловѣческаго: это не обожествленные, а въ высшей степени облагороженные люди; въ его мадоннахъ нѣтъ той неземной, холодной святости, какими отличаются мадонны итальянскихъ мастеровъ: мадонны Мурильо—увлекательно-прелестныя севильянки, со всею живостію и выразительностію своихъ физіомій; въ нихъ нѣтъ рафаэлевской серьезной и неестественной наивности и того китаизма, каковымъ отличаются мадонны его первой манеры. Мадонны Мурильо или прекрасныя андалузки, во всей своей яркой, характеристической индивидуальности, или—воздушны, въ родѣ фантастическаго видѣнія. Но гениальность Мурильо особенно обнаруживается въ искренности выраженія, какой исполнены лица его святыхъ, въ изображеніи религіознаго экстаза: здѣсь онъ не имѣетъ себѣ соперника... Можете представить себѣ, какое наслажденіе испытываешь передъ картиною такого мастера! Въ Мурильо невообразимое отсутствіе всего условнаго, типическаго, рутиннаго, это такая свобода и смѣлость, о которыхъ итальянская школа не имѣла понятія; словомъ, эта природа во всей своей индивидуальности, яркой жизни, проникнутая поэзіею сердца, идеальностію, но не условною, не теоретическою или сверхъестественною, а глубоко-человѣческою идеальностію, понятною всякому простому неопытному глазу, идеальностію восторженнаго чувства, экстаза»...

Я бы никогда не кончилъ, если бы продолжалъ цитировать всѣ тѣ восторженные, жаркія страницы, которыя Боткинъ посвятилъ одному Мурильо; но не могу не привести еще нѣсколько строкъ, которыми онъ, мнѣ кажется, сказалъ лучшую похвалу Мурильо: «Чтобы чувствовать величіе Мурильо—говорить онъ—не нужно быть знатокомъ: этотъ художникъ дастъ откровеніе живописи и такимъ, которые не почувствовали его при Рафаэлѣ и Тиціанѣ».

Другого рода ощущенія я испытывалъ передъ портретами историческихъ людей. Видѣть не живыхъ, великими мастерами сдѣланные изображенія настоящихъ людей, не выдуманныхъ, не измышленныхъ воображеніемъ,—а тѣхъ, о которыхъ ты думалъ съ дѣтства, въ школѣ, въ гимназіи, въ университетѣ, о дѣяніяхъ которыхъ, славныхъ и постыдныхъ, ты заучивалъ цѣлыя тирады изъ Оукидида,

Плутарха, Тацита, Лоренца, Нибура, Шлоссера, *которыхъ*, выражаясь по школьному — *сдавалъ* на экзаменахъ, о которыхъ потомъ часто задумывался въ жизни, — однимъ словомъ, историческихъ дѣятелей, такъ-называемыхъ «великихъ людей», отъ одного мановенія которыхъ иногда трепетала вся Европа или именемъ которыхъ дѣлались величайшіе ужасы, — видѣть точные, мастерски сдѣланные портреты этихъ людей — что же можетъ быть заманчивѣе, обязательнѣе и поучительнѣе этого! Въ Римѣ, въ Неаполѣ, во Флоренціи я на дивныхъ античныхъ статуяхъ изучилъ до тонкости всѣ, немногія впрочемъ, человѣчныя лица (особенно милое лицо съ милыми, добрыми губами у Марка-Аврелія! — я по губамъ однимъ узнавалъ его во всѣхъ музеяхъ) и свирѣпыя лица другихъ римскихъ императоровъ — и что я переживалъ тамъ, что перечувствовалъ! Это же самое испыталъ я и здѣсь, въ Мадридѣ, въ «Museo reale». Я видѣлъ живыми, — просто живыми на полотнѣ, главныхъ дѣятелей исторіи XVI, XVII и даже XV вѣка; всѣхъ этихъ бычей человѣчества, этихъ владыкъ вселенной — и глубочайшія, тяжкія ощущенія прошли по моей душѣ. Я помню такъ-называемую «историческую выставку» въ Петербургѣ, въ 1870 году. Тамъ были выставлены портреты всѣхъ русскихъ историческихъ лицъ — царей, царицъ, бояръ... Но что это были за портреты! — это были тѣни людей, а не люди, тѣни, не рѣдко рисованныя помеломъ или квачомъ сузальца. Были, можетъ быть, и похожіе, да не живые: тайныхъ движеній души, ихъ страстей, помысловъ, ихъ человѣчности или замаскированного звѣрства я не умѣлъ читать на этихъ портретахъ, сдѣланныхъ не мастерами, или въ грубыхъ копіяхъ съ нихъ. А здѣсь, на портретахъ великихъ мастеровъ, я читалъ *все это*! По этимъ портретамъ я въ первый разъ въ жизни перечитывалъ истинную, горькую исторію Испаніи и Европы. Шопенгауеръ въ своей «Физиономикѣ» удивляется, какъ это иные люди, съ отпечатками самыхъ отвратительныхъ страстей на лицѣ, съ физиономіями звѣрей въ душѣ, съ печатью глубочайшей низости, которая для опытнаго физиономиста неизбѣжно *выходитъ* на лицѣ, какъ выходятъ прыщи, сыпь, золотуха, — какъ эти люди рѣшаются показываться на улицѣ! Тоже самое я думалъ, стоя передъ нѣкоторыми портретами историческихъ лицъ въ мадритскомъ музеѣ.

Портретовъ въ этомъ музеѣ очень много и большею частью притомъ работы великихъ мастеровъ — Тиціана, Тинторетто, Луки Джіордано, Карреньо-де-Миранда (Carreno de Miranda), Баттони. Надъ чѣмъ отдыхало мое воображеніе въ этой царственной

галлерей, такъ это надъ портретами дѣтей, еще не превратившихся въ историческихъ дѣателей и не зачумленныхъ жизнью, не испорченныхъ самовластіемъ, лестью придворныхъ лакеевъ, пресыщеніемъ, развратомъ: эти юные инфанты эти милыя личики глядѣли на меня съ полотна какъ живыя. А сколько уже столѣтій они пригвождены къ этому полотну, и все же цвѣтъ ихъ щѣчекъ остается свѣжимъ, глаза блестятъ огнемъ молодой жизни. А потомъ они мужаютъ, грубѣютъ, черствѣютъ душой — и эти метаморфозы чистой души, эту потерю человеческого образа вы видите на послѣдующихъ портретахъ.. Что за прелестное лицо молодого Филиппа II работы Тиціана! Этотъ высокій стройный блондинъ, весь въ черномъ безъ отгѣтки, съ мягкимъ выраженіемъ бѣлаго, какого-то свѣрнаго, совсѣмъ не испанскаго лица, до сихъ поръ, кажется, стоитъ передо мною. Я видѣлъ его впоследствии въ Неаполѣ, въ тамошнемъ музеѣ, и обратился къ нему, какъ къ старому, милому знакомому. И что потомъ жизнь, пресыщеніе и безуміе самовластія набороздили на этомъ миломъ лицѣ симпатичнаго блондина! Такое же именно лицо, распаханное, такъ-сказать, жизненными страстями, злое, непріятно болѣзненное вы видите на портретѣ тутъ же рядомъ. Это болѣзненное, отталкивающее лицо подозрительно глядитъ на васъ съ портрета, изображающаго владыку почти всего тогдашняго міра — императора Карла V, тоже работы Тиціана. Другой замѣчательный портретъ Карла V и также кисти Тиціана изображаетъ этого императора на конѣ, въ моментъ знаменитой побѣды при Мюльбергѣ. Глядя на хмурое, измозженное лицо этого человѣка, какъ-то невольно представлялось, что онъ долженъ былъ кончить какимъ-нибудь страннымъ безуміемъ, необыкновеннымъ помѣшательствомъ. Тамъ же есть и прекрасный портретъ жены этого страннаго человѣка, доньи Изабеллы португальской.

Лука Джіордано изобразилъ Карла II и его жену донью Марію-Анну на лошадяхъ. Это также замѣчательные портреты.

Есть портретъ, представляющій Карла V и Филиппа II, сидящими рядомъ на тронѣ. Пара эта очень внушительна.

Есть цѣлое семейство Карла IV. Кисть Карреньо обезсмертила даже шута Карла II — Франсиско Басана (Francisco Bazan).

Но чего я уже совсѣмъ не ожидалъ, такъ это встрѣчи въ мадритскомъ музеѣ съ дорогимъ соотечественникомъ! — А между тѣмъ встрѣтился...

Сначала я бродилъ по музею одинъ съ каталогомъ въ рукахъ, предаваясь разнымъ историческимъ и неисторическимъ думамъ:

Кто самъ бродилъ по свѣту, по галлереймъ, музеямъ, пинако-текамъ, глиптотекамъ, всевозможнымъ храмамъ и капелламъ, и бродилъ такимъ одиновымъ, какъ я, тотъ пойметъ состояніе души, въ которомъ я находился, слоняясь изъ одной залы въ другую. Въ одномъ мѣстѣ я долго встоялся передъ картиной мрачнаго Сурбарана и не замѣтилъ какъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ ливрейныхъ служителей музея и сталъ мнѣ что-то объяснять насчетъ этого самаго Сурбарана, о которомъ я зналъ, что онъ, какъ и Мурильо, севильянецъ, во совершенно иного пошиба мастеръ—изувѣръ католикъ, настоящій Лойола въ живописи, постоянно бичевавшій грѣшныхъ монаховъ. Я, конечно, почти ничего не понялъ, что толковалъ этотъ чичероне, можетъ быть на самомъ чистѣйшемъ языкѣ Камоненса или Сервантеса, но продолжалъ потомъ поневолѣ пользоваться его любезнымъ руководствомъ и разными комментаріями: сколько тысячъ заплачено за такую-то картину, сколько сотъ съ нея копій снято и т. п. Онъ же обращалъ мое вниманіе на лучшія стороны картинъ, на ихъ технику, выгодное освѣщеніе и пр., что отчасти мнѣ было и понятно, такъ какъ языкъ техники почти во всемъ мірѣ одинъ—много словъ романскихъ. Въ круглой залѣ Изабеллы онъ и говоритъ мнѣ, что скоро я увижу рѣдкую картину—портретъ одного «русскаго сеньора», работы Карреньо-де-Миранда. — Я удивился.—Неужели—думаю—онъ догадывается, что я самъ русскій? Скоро мы дѣйствительно подошли къ «русскому сеньору». Смотрю—бояринъ, настоящій русскій бояринъ временъ тишайшаго Алексѣя Михайловича: цвѣтной съ золотомъ кафтанъ, «жезлъ» въ рукѣ, чтобъ «учить бабу-дуру», и борода такая же сѣдая, какъ у меня, расчесана по-божески, не «скобленное рыло», какъ при батюшкѣ—не тѣмъ будь помянуть—Петръ Алексѣичъ. Воззрился таково на меня бояринъ, браду уставя. Экъ куда—думаю—затесался любезный землякъ! къ нехристамъ—къ Карлусамъ да Филиппусамъ, къ шпанскимъ королямъ, въ самую что-ни-на-есть шпанскую землю, гдѣ и куры-то все шпанскія. Вижу—номеръ подъ бояриномъ 690. Справляюсь въ каталогъ и читаю: «Retrato de Pedro Iwanowiz Potemkin, prelado de Ulech, enviado de Czar de Moscovia, Foedor II, cerca de S. M. C. el rey D. Carlos II en 1682».

Вотъ кто этотъ почтенный бояринъ—Петръ Ивановичъ Потемкинъ, посолъ царя Федора Алексѣевича къ шпанскому королю Карлосу II-му. Не знаю, извѣстенъ ли этотъ портретъ нашимъ художникамъ и описанъ ли онъ (это должны знать Д. А. Ровинскій, В. В. Стасовъ, С. Н. Шубинскій и другіе «свѣдущіе»

по сей части «люди»); В. М. Жемчужниковъ, которому я говорилъ о портретѣ сказать, что онъ видѣлъ фотографію этого портрета ¹⁾.

Портретъ сдѣланъ превосходно. Я долго стоялъ передъ нимъ, стараясь перенестись умомъ въ ту жизнь (ровно за 200 лѣтъ), изъ которой выхваченъ этотъ клочокъ старой Москвы и перенесенъ въ Испанію; но жизнь эта казалась мнѣ такою чужою, больше даже, кажется, чужою, чѣмъ жизнь Испаніи...

Того же мастера, Карреньо-де-Миранда, кисти котораго принадлежатъ портреты Петемкина, имѣются тутъ же портреты — юнаго Карла II, доньи Маріаны австрійской, второй жены Филиппа IV, доньи Маріи Луизы Бурбонъ, первой жены Карла II и даже шута королевскаго, о которомъ я упомянулъ выше.

Видѣлъ я и милого донъ-Кихота, работы Вальеро: одинъ — *Don Quijote cenando en la venta* (въ кабацкѣ), и другой — *Don Quijote armado caballero*. Что за выраженія!

Замѣчательны портреты гениальной кисти Веласкеса, о которыхъ Боткинъ говорить: «никого въ мірѣ не уловилъ природы во всей ея животрепещущей дѣйствительности, какъ Веласкесъ: портреты итальянцевъ и фламандцевъ блѣдны и мертвы передъ его портретами». Вотъ нѣкоторые изъ этихъ портретовъ, видѣнные мною въ музеѣ: Филиппъ III на конѣ и его жена королева донья Маргарита австрійская — тоже на конѣ, Филиппъ IV на конѣ, жена его донья Изабелла Бурбонъ — также; конные же портреты принца донъ-Балтазара Карлоса и графа Оливареса; портреты юности Филиппа IV, инфанты доньи Маріи, инфанта донъ-Карлоса, инфанта Фердинанда австрійскаго, инфанты доньи Маріи Терезин австрійской — что за прелестная дѣвочка! наконецъ портреты королевскихъ шутовъ, неизвѣстныхъ особъ и т. д.

Вышелъ я изъ музея усталый и разбитый. Масса вынесенныхъ впечатлѣній была слишкомъ велика, и я порѣшилъ воротиться въ музей на другой день, чтобы этотъ хаосъ первыхъ впечатлѣній привести въ порядокъ. Рюмка хорошей малаги, стаканъ ароматнаго «бебиде-де-наранжа» (*bebida de naranja* — апельсиновый квасъ) и полчасовое сидѣнье на скамьѣ въ Прадо окончательно восстановили мои силы.

Здѣсь на Прадо, я догадался, наконецъ, почему вездѣ на меня съ такимъ настоящимъ любопытствомъ оглядывали испанки.

¹⁾ Вотъ какъ онъ описанъ въ каталогѣ донъ-Педро-де-Мадраца: *Està representado en pie, con un baston en la mano derecha y la izquierda puesta en la cintura, vestido con traje talar de seda y capa de brocado. — Figura de cuerpo entero y tamaño natural. — Col. de Carlos II, R. Alc. y Pal. de Madrid. Alto, 2,04; ancho, 1,20.*

Ихъ поражало во мнѣ слѣдующее: первое—моя борода; въ Испаніи, какъ я сказалъ, бородъ не носить; а у меня же притомъ длинная и почти бѣлая борода, какъ у альбиноса; второе—я прятался отъ жгучаго испанскаго солнца подъ зонтикъ: испанцы же зонтиковъ, какъ я замѣтилъ, рѣшительно знать не хотятъ, не смотря на свое тропическое солнце; дожди же у нихъ, повидимому, бываютъ очень рѣдко; мало того, что мужчины не употребляютъ зонтиковъ, ихъ нѣтъ въ заводѣ и у испанокъ; какъ бы ни жгло солнце, испанка не только не защищается отъ него зонтикомъ, но ни одна изъ нихъ не имѣетъ даже шляпки на головѣ—шляпокъ я совсѣмъ не видалъ въ Испаніи; куда бы ни шла испанка, куда бы она ни ѣхала, она накидываетъ на волосы только черную кружевную мантилью, спускающуюся на лобъ до самыхъ глазъ, и изъ-подъ этого прикрытія стрѣляетъ въ васъ своими взглядами; но въ рукахъ у нея непременно вѣеръ, который замѣняетъ для нея и шляпку и зонтикъ, а иногда и слова и любовныя записки, какъ утверждаютъ филологи, изучившіе языкъ испанскаго вѣера; шляпки мнѣ начали попадаться, и то очень рѣдко еще, когда на возвратномъ пути я давно уже миновалъ Барселону и подѣвжалъ къ границамъ Франціи, у Пиринеевъ; третье, наконецъ, что привлекало во мнѣ взоры испанокъ (испанцы не такъ любовнательны какъ испанки)—это то, что моя шляпа, какъ я уже говорилъ, отъ зноя была обернута бѣлою восточною чадру, которая въ остальной Европѣ, конечно, нивого не удивляла, а испанокъ рѣшительно интриговала.

Борода, зонтикъ и чадра—вотъ кто мои враги, рѣшилъ я, и тотчасъ же, воротясь въ отель, чадру со шляпы сорвалъ, зонтикъ поставилъ въ уголъ и только бородой не рѣшился пожертвовать ни для кого,—точно протомонъ Аввакумъ.

Выйдя затѣмъ изъ отеля въ преобразенномъ видѣ, я отправился на «плаза майоръ» (plaza mayor), чтобы взглянуть на памятникъ Филиппа III. Это тоже бронзовая воинная статуя, но она далеко не такъ эффектна, какъ статуя Филиппа IV. Да и площадка, на которой она поставлена, несмотря на свое громкое названіе, въ сущности совсѣмъ маленькая, хотя очень хорошо декорирована красною зеленью. Сюда же, на эту площадку выходитъ и знаменитая Паладерія—огромное зданіе, принадлежащее концу XVI вѣка. Съ балкона этого зданія обыкновенно оглашаются новые королевскіе законы, преимущественно въ торжественные дни и во время *corrida de toros*—знаменитаго и варварскаго боя быковъ, котораго я, конечно, не

видѣть: въ то время, т.-е. въ тѣ мѣсяцы, когда я былъ въ Испаніи, зрѣлища этого ни разу не давали народу.

Такъ какъ до обѣда оставалось еще довольно времени, то я сѣлъ въ конку и сталъ развѣзжать изъ конца въ конецъ города. Во время этихъ экскурсій я успѣлъ видѣть домъ Сервантеса, дворцы — дюка де-Леріи, королевы Маріи Христины, маркиза Саламанки и дворецъ «лосъ-Луханесъ» (los Lujanes), въ которомъ когда-то былъ заключенъ плѣнный Францискъ I, тотъ самый «*roi qui s'amuse*»...

За обѣдомъ, за табль-д'отомъ слышалась только испанская и итальянская рѣчь, нѣрѣдка англійскія присвистыванья и пришептыванья, и среди этихъ людей я чувствовалъ себя такимъ чужимъ, такимъ одиновымъ, каковымъ я не чувствовалъ себя даже на пескахъ Сахары, на пирамидахъ Хеопса...

Но нѣтъ — я далеко не былъ одиновымъ. Я забылъ одно обстоятельство, одинъ пустякъ, который глубоко меня расстрогалъ.

Подъ вечеръ этого дня, воротясь изъ своихъ экскурсій, я сѣлъ было кое-что записать въ своей памятной книжкѣ. Вдругъ слышу подъ моимъ окномъ, подъ моимъ «балкономъ» какіе-то странные, мелодическіе звуки. Прислушиваюсь... Да это гитара! — это она, волшебная свидѣтельница всѣхъ нѣжныхъ вздоховъ влюбленныхъ, таинственныхъ ночныхъ свиданій, чарующаго шопота! — это она! — Хотя еще и не вошла луна, но мнѣ кажется, что она вошла за Мансанаресомъ... я слышу «гитары звонъ»...

Вотъ вошла луна золотая...

Тише... чу! гитары звонъ,

И испанка молодая

Оперлась на балконъ...

Оперлась ли, полно? — Я слышу пѣніе подъ балкономъ — отворяю дверь — выхожу на свой балконъ — и вижу: молодая испанка дѣйствительно оперлась на балконъ на другой сторонѣ улочки, какъ разъ противъ моего балкона, та самая быстроглазая, которую я замѣтилъ еще утромъ.

Это серенада, «звонъ гитары», раздается подъ моимъ балкономъ и подъ балкономъ моей *vis-à-vis*. На сосѣдніе балконы тоже высилали разныя черноглазые личики. Гляжу внизъ: завернувшись въ альмавивы, съ гитарами въ рукахъ, перебѣгая привычными пальцами по струнамъ, именно по «вѣщимъ струнамъ», стоятъ и поютъ два слѣпые нищіе! ¹⁾ Пѣлъ собственно одинъ, старшій, морщинистый,

¹⁾ Изъ водила маленькая съ бронзовымъ личикомъ дѣвства.

поднявъ свои слѣпые зрачки къ голубому небу, для нихъ невидимому, темному и безпросвѣтному; другой на извѣстныхъ частяхъ куплетовъ только аккомпанировалъ ему, отъѣняя своимъ густымъ, сочнымъ басомъ жалобную, плачущую мелодію перваго голоса. Что они пѣли—я не знаю, но это было что-то глубоко трогательное, глубоко-грустное. По окончаніи куплетовъ голоса мгновенно обрывались, и тогда говорила своими говорливыми струнами одна только гитара, прима, а дребезжащее треньканье секунды попеременно врывалось въ мелодичный говоръ примы, отъѣняло его, усиливало на моменты, оживляло, и снова замолкало. Тогда опять голосъ перваго пѣвца заводилъ тотъ же плачущій мотивъ, второй его и отъѣнялъ, и освѣщалъ своею профундою—и серенада, казалось, рыдала, рыдала безъ конца. Я слушалъ какъ очарованный, забывъ гдѣ я, что со мной...

Да и было отчего забыться. Представьте себѣ — я слышалъ моими возбужденными нервами не какого-нибудь слѣпца Хуана, не басистаго Родриго, а нашего украинскаго ворона — Остапа Вересая. Такъ поразительно напоминала испанская народная мелодія и въ особенности та манера, тотъ голосовой стиль, съ какимъ она пѣлась—украинскую мелодію кобзарей и лириковъ. Этотъ неуловимый перебой струнъ и голоса, эта поражающе-гибкая, треметная, вся дрожащая вибрація горла, точно захлебывающагося слезами — это вокальное чудо я слышалъ только въ Испаніи и на Украинѣ. До чего сильно впечатлѣніе такой рыдающей мелодіи, я позволю себѣ рассказать одинъ случай, необыкновенно характерный. Возвратившись въ Россію послѣ полугодового мыканья по Франціи, Испаніи и Италіи, я, по предписанію пользовавшаго меня въ Петербургѣ врача, долженъ былъ весну и часть лѣта провести гдѣ-нибудь на югѣ, въ Малороссіи. Н. И. Костомаровъ и его супруга, — совѣтникъ, секретарь и неутомимые глаза слѣпнущаго маститаго историка, — Алина Леонтьевна, по старой дружбѣ, любезно пригласили меня прожить съ ними весну на Украинѣ, недалеко отъ Прилукъ въ прелестномъ, поэтическомъ ихъ имѣніи, гдѣ соловьи и «дівчата» отъ утра до утра, поютъ не переставая, гдѣ буквально воздухъ напоенъ мелодією ихъ голосовъ, гдѣ вмѣсто того чтобы дышать — поютъ, дышутъ всю грудью, всю силою молодыхъ, мелодическихъ глотковъ. Такъ, я полагаю, жили первые люди въ раю. И вотъ въ этомъ-то морѣ мелодіи мы слышимъ вдругъ иногда пѣніе — но это не пѣніе, а раздирающія душу рыданія молодого дѣвческаго голоса. Это насъ сильно заинтересовало — кто это поетъ, и главное — что поетъ, какое содержаніе этого бичующаго душу пѣнія. Николай

Ивановичъ, какъ извѣстно, — лучший въ Россіи знатокъ украинской народной поэзіи, благодаря его, бывшей, феноменальной памяти. Покойный О. М. Бодянский даже на своихъ лекціяхъ не разъ утверждалъ, что г. Костомаровъ, какъ самъ Осипъ Максимовичъ убѣдился, знаетъ наизусть *всѣ пѣсни*. И вдругъ этой, ужасной по своей мелодіи, пѣсни онъ не знаетъ!.. Что поѣтъ эта таинственная пѣвица гдѣ-то далеко, въ лѣсу или на лавадѣ? — «Это не плачь надъ мертвыми — интересовался Николай Ивановичъ — это и не плачь надъ убитыми... Это хуже что-то, ужаснѣе: это плачь надъ повѣшенными! — Такъ плакали только при половцахъ, печенѣгахъ, при татарахъ — это мелодія того ужаснаго времени. Такая раздирающая мелодія могла создаться только въ то время, когда дикіе хищники налетали на страну, жгли, опустошали ее дотла, убивали звѣрски людей и вѣшали... И вотъ подъ повѣшенными, на пенелищахъ селъ и городовъ, надъ трупами мужей и отцовъ должны были сложиться эти мелодіи, — и вотъ одна изъ нихъ дошла до насъ... это она..» Но сколько мы ни старались отыскать таинственную пѣвицу, она всякій разъ умолкала, и никто не могъ сказать, что она поѣтъ: «такѣ щось — Бога ёго зна що воно такѣ» — вотъ и весь отвѣтъ.

Такъ вотъ гдѣ источникъ рыдающей мелодіи Украины — въ ея исторіи, въ печенѣгахъ, половцахъ, татарахъ. Испанія имѣла своихъ половцевъ, печенѣговъ и татаръ — въ маврахъ да въ инквизиціи: испанцамъ и испанкамъ приходилось слагать свои ужасныя мелодіи надъ потухшими кострами, надъ востями и пепломъ сожженныхъ. Геніальный злодѣй Торквемада, въ восемнадцать лѣтъ, что онъ былъ «великимъ инквизиторомъ», сожигаетъ на кострахъ до 36,000 жергвъ и ежегодно по 15,000 человѣкъ подвергаетъ другимъ страшнымъ мукамъ. Другой злодѣй — Деса — осуждаетъ 40,000 человѣкъ и сожигаетъ всего 2,600; кардиналъ Хименесъ осуждаетъ 52,522 испанца, и изъ нихъ 3,564 сожигаетъ какъ хворостъ, какъ солому.

И поэтическіе мавры, владѣвшіе нѣсколько вѣковъ половиною Испаніи, не могли не оставить глубокихъ слѣдовъ въ испанской народной мелодіи. Какъ наши украинскіе «бідні невольники» томились на турецкихъ галерахъ, бичуемые «червоною таволєю», а потомъ иные и убѣгали изъ земли проклятой въ «землю христіанскую» —

На тихія воды,
На ясныя зори,
Гдѣ край веселый,
Гдѣ міръ хрещеный...

— какъ у насъ «три брата» уходили изъ Азова, а другіе невольники изъ Кафы и Козлова, такъ и испанскіе бѣдные невольники, разные Хуаны и Родриги, убѣгали изъ мавританскаго плѣна—изъ Кордовы, Севилли, Гранады—черезъ эти страшныя горы Андалузіи, черезъ «чорную гору»—сіерру Люрену—въ дорожную Кастилію, на тихія воды Мансанареса, подъ ясныя зори Аррагоніи... Былъ въ Испаніи, конечно, и свой Фодоръ-безродный, и Самуило Кишва, и дядь Бутурлакъ... Была и Маруса Богуславка, какая-нибудь ясноглазая донья Химена—«бранка», что —

Помаврилась (вѣсто потурчилась), побусурманилась,
Для роскоши арабскоі,
Для лакомства несчастного...

Вотъ почему стоялъ я на балконѣ очарованный, глубоко растроганный, когда подо мной звенѣла гитара и два голоса плакали, можетъ быть, о прошломъ Испаніи, о поэтическихъ временахъ мавровъ, и подобно Вересаю, оплакивали «правду», которую давно вытѣснила изъ чудной Испаніи «щира неправда» — инквизиція... Вотъ почему, взволнованный до слезъ, я не сознавалъ—гдѣ я, что со мной... Это я стоялъ не на балконѣ «фонда дель-Оріенте» въ Мадридѣ, а гдѣ-то далеко, на милой Украинѣ, на высокой могилѣ, и прислушивался, какъ говорить «тирса» въ полѣ, какъ «шумлять вербы въ кінці греблі», а въ «лузі» на калині щебече соловейко» и «куе зовуля...»

Нѣтъ — это не кукушка кукуетъ. Это второй разъ звонять къ обѣденному табль-д'оту.

Я бросилъ на мостовую нѣсколько реаловъ, и сошелъ въ столовую.

Д. Мордовцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I *).

Опять вокругъ меня роскошныя видѣнья,
Знакомцы давніе души моей больной...
Обману сладкому, игрѣ воображенія
Отдамся ли я вновь мечтательной душой?
Межъ тѣмъ они встаютъ, былия заблужденія,
И снова властвуютъ и мыслью, и мечтой,
И я попрежнему таинственно взволнованъ,
Какъ юноша, опять я жизнью очарованъ.

И прежнихъ свѣтлыхъ дней встаетъ воспоминанье;
И тѣни милыя мнѣ грезятся, и вновь
Во мнѣ, какъ древнее, но чудное преданье,
Воскресли прежнія и дружба, и любовь,

*) Авторъ этихъ стихотвореній, скончавшійся еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Уфѣ, въ 1879 г., родился въ семьѣ крѣпостного крестьянина владимірской губерніи, ковровскаго уѣзда. Мать поэта, по смерти мужа, переселилась въ Псковъ, гдѣ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости застало мальчика на скамьѣ мѣстной гимназіи. Въ 1870 г. онъ кончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ и поступилъ въ адвокатуру; вскорѣ его перевели судебнымъ слѣдователемъ въ уфимскую губернію, гдѣ и обнаружилась въ немъ тяжелая болѣзнь—послѣдствіе той бѣдности и нужды, какую онъ испыталъ въ эпоху своей юности, и которая свела его въ могилу. Онъ отлично зналъ народную жизнь, благодаря тому, что отецъ его, будучи офеней, бралъ съ собою во время своихъ торговыхъ странствованій по селамъ и деревнямъ. При жизни покойный помѣщалъ свои опыты въ различныхъ журналахъ; мы печатаемъ теперь найденное въ его бумагахъ, и это можетъ, по нашему мнѣнію, увеличить сожалѣніе о столь ранней смерти таланта, вышедшаго изъ самой среди нашихъ темныхъ народныхъ массъ, какъ бы въ доказательство того, что распространеніе образованности въ этихъ массахъ можетъ подарить обществу много новыхъ и свѣжихъ силъ.—*Ред.*

И снова та же грусть, и тихое мечтанье,
 И снова горячѣй по жиламъ бьется кровь,
 И снова мой языкъ лепечетъ безъ сознанья
 Давно забытня, но милыя названья...

II.

П Ъ С Н Я.

Хорошо-ль порой
 Жить мнѣ, худо ли,
 Не теряю я
 Смѣлой удали.

Надъ лихой бѣдой,
 Вражьей злобою,
 Надъ невзголою —
 Силу пробую.

И все мѣрю я
 Русской мѣркою:
 Не замай меня —
 Исковеркаю.

Пусть сама судьба
 Только тронется, —
 Я не буду съ ней
 Церемониться.

Съ ней помѣрюсь я
 Юной силою:
 Коли сможется —
 Не помилюю.

А не сможется,
 Не захныкаю,
 И я буду жить
 Горемыкою.

И улягуся
Во могилушку,
Но ужь дамъ же знать
Эту силушку.

III.

Ужъ полночь. Городъ погружонъ
Въ глубокой безмятежный сонъ;
Умоленулъ дня тревожный шумъ;
Лишь я, задумчивъ и угрюмъ,
Воспоминаньями тонимъ,
Брожу по улицамъ пустынь,
И раздается въ тишинѣ
Одинъ лишь звукъ моихъ шаговъ.
Недолго ждать осталось мнѣ,
И я скажу тебѣ, мой Псковъ:
—Прости! быть можетъ навсегда!
И пережитые года
Въ воображеніи моемъ
Встаютъ, и ярко чередомъ
Картины жизни прожитой
Рисуетъ память... Боже мой!
Я и не думалъ, что въ быломъ
Такъ много пережито мной!
Какъ много вспомнилось мнѣ вдругъ
Прожитыхъ радостей и мукъ,
Былыхъ надеждъ, бывалыхъ грезъ,
Восторговъ прежнихъ, прежнихъ слезъ,
Былой любви, вражды былой,
Ошибокъ и удачъ былыхъ
И лицъ, теперь забытыхъ мной,
Но прежде сердцу дорогихъ!
И шевельнулась въ груди
Моей неясная печаль,
И стало мнѣ не то, чтобъ жаль
Того, что было повади,—

Мнѣ грустно стало... оттого,
 Что изъ прожитаго всего
 Не нахожу я ничего,
 О чемъ бы стоило жалѣть.

IV.

МОЕ НАЗНАЧЕНИЕ.

Не для меня кресты, петлички
 И долгой службы геморрой,
 Мой жребій—жребій вольной птички,
 Всегда порхающей, живой.
 Родился я въ крестьянскомъ домѣ,
 Богъ указалъ мнѣ скромный путь
 И рекъ, меня ребенка на соломѣ
 Благословивъ: «ничѣмъ не будь!»

Онъ рекъ: «Нейди путемъ порока,
 «Будь чистъ и правъ всегда душой,
 «Но въ брату, падшему глубоко,
 «Не будь безжалостнымъ судьей;
 «О, нѣтъ, его не осуждая,
 «Наставь его на правый путь»...
 И самъ Господь, меня благословляя,
 Мнѣ завѣщалъ: «ничѣмъ не будь!»

Онъ рекъ: «Была снєдріономъ
 «Въ грѣхѣ жена уличена,
 «Людей безжалостнымъ закономъ
 «Была на казнь обречена,
 «Христосъ сказалъ: кто первый камень
 «Посмѣетъ въ грѣшницу метнуть?...
 «Я дамъ тебѣ той рѣчи жгучій пламень,—
 «Но мой завѣтъ: «ничѣмъ не будь!»

Онъ рекъ: «Ученью Сына слѣдуй,
 «За мѣръ святую лиль Онъ кровь,
 «Иди ты въ мѣръ и проповѣдуй
 «Прощенье, братство и любовь».
 Любовью братской наполняя
 Мою чуть бьющуюся грудь,
 Самъ Господь Богъ, меня благословляя,
 Мнѣ завѣщалъ: «ничѣмъ не будь!»

V.

Родной языкъ, родные звуки!
 Отца и матери языкъ,
 Которымъ съ дѣтства радость, муки
 И мысль я выражать привыкъ!
 Онъ прозвучалъ мнѣ въ первой ласкѣ,
 Мой первый лепетъ былъ на немъ,
 Меня онъ тѣшилъ въ старой сказкѣ
 Старушки-нани вечеромъ.

Далѣе отъ родного края
 Я долго жилъ въ чужой странѣ,
 И долго-долго рѣчь чужая
 Терзала слухъ и сердце мнѣ.
 О, какъ я ждалъ нетерпѣливо
 Тѣхъ встрѣчъ, гдѣ слышалась мнѣ вдругъ
 Родная рѣчь, въ которой живо
 Проникнуть лаской каждый звукъ!

Родной языкъ! въ душѣ унылой,
 Въ душѣ измученной моей
 Ты воскресилъ волшебной силой
 Воспоминанья прежнихъ дней:
 Отецъ съ пріятливой улыбкой,
 Мать съ грустной думою въ очахъ,
 И нашъ языкъ, богатый, гибкій,
 Я слышу снова въ ихъ рѣчахъ.

VI.

СМѢХЪ.

Я не люблю старья, но въ старинѣ
 Я отношусь ко многому любовно:
 Не все же въ ней вѣдь гадости однѣ!...
 Нѣтъ ничего дурного безусловно,
 Нѣтъ ничего хорошаго вполнѣ.
 Люблю я смѣхъ старинный, смѣхъ радушный,
 Веселый смѣхъ, и громкій, и живой,
 Онъ, какъ вино, шипучею струей
 Билъ отъ души въ бесѣдѣ простодушной.

Безцѣленъ былъ старинный этотъ смѣхъ,
 Но хорошо смѣялись наши дѣды!
 Нашъ вѣкъ иной: чуждается потѣхъ;
 Томятъ тоской серьезныя бесѣды,
 Гдѣ хохотать считается за грѣхъ.
 Прилежно мы свою веселость прячемъ—
 Нашъ вѣкъ такой серьезный, дѣловой...
 А если смѣхъ и вырвется порой,
 Не разберешь—смѣемся мы, или плачемъ.

Нашъ смѣхъ такъ тихъ, печально такъ звучить,
 Смѣемся мы съ боязнью, какъ уградбой,
 Въ немъ зависть, злость сокрытая сивовить,
 Онъ, словно съ губъ исторгнуть лихорадкой,
 Бросаетъ въ дрожь, ничуть не веселя.
 И слушаешь, веселья не дѣля,
 Какъ человѣкъ шипитъ какимъ-то змѣемъ.
 Вотъ вѣкъ пришелъ! смѣяться не умѣемъ!

Я. К. Старостинъ.

1877—1879 гг.

СИСТЕМА МЕТТЕРНИХА.

Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. I-VII B. Wien, 1880—1883.

Сынъ князя Меттерниха оказалъ истинную услугу исторіи новѣйшаго времени. Изданныя имъ «бумаги» отдавать намъ въ кабинетъ знаменитаго дипломата. Мы можемъ по нимъ слѣдить, какъ вырабатывались тѣ мемуары и ноты, послѣдствія которыхъ отзывались во всѣхъ концахъ Европы. Для того, кто не вѣритъ искренности дипломатическихъ отношеній (а такихъ людей много въ наше свѣтское время), издатель предлагаетъ частную переписку князя съ близкими ему людьми, съ которыми онъ говоритъ на распашку, насколько вообще дипломатъ можетъ быть «растегнутымъ». Наконецъ, для крайнихъ свѣтскихъ, не довѣряющихъ даже дружеской перепискѣ, предлагается матеріалъ рѣдкой достовѣрности—дневникъ супруги Меттерниха, княгини Меланіи,—дневникъ, который она вела для себя, и гдѣ, невримо отъ мужа, записывала каждое его слово и отмѣчала каждое душевное его движеніе въ теченіе 18 лѣтъ (1831—1848).

Нужно ли говорить о томъ, какой интересъ представляетъ изученіе этихъ семи томовъ? Помѣщенные въ нихъ документы обнимаютъ обширную эпоху исторіи нашего вѣка; въ теченіе этого времени, въ особенности же въ періодъ времени съ 1815 по 1848 годъ, новѣйшая исторія тѣсно связана съ человѣкомъ, давшимъ свое имя политической системѣ, преобладавшей повсюду. «Система Меттерниха»—выраженіе очень опредѣленное и вполнѣ понятное для каждаго образованнаго человѣка. Кому не извѣстно *отъ чѣмъ она выражалась?* Но не всякому извѣстны нравственные мотивы, руководившіе ея авторомъ и побуждавшіе его держаться своей «системы» до послѣдней возможности и часто

вопреки возможности. Теперь они объясняются самимъ авторомъ системы; онъ излагаетъ предъ нами не только свои административные и политическіе взгляды, но, предлагаетъ намъ цѣлое міросозерцаніе, своего рода философію человѣческаго общества. Онъ говоритъ о призваніи государственной власти, объ условіяхъ процвѣтанія народовъ, о мировомъ порядкѣ—словомъ, о такихъ предметахъ, которые обыкновенно являются удѣломъ философіи.

Если бы эти теоріи были изложены обыкновеннымъ философомъ и представлены въ видѣ курса политики, они вѣроятно были бы своевременно разобраны безпощадной критикой. Но князь Меттернихъ, въ качествѣ первенствующаго министра австрійской имперіи, руководителя Германіи и фактическаго диктатора въ Италіи, имѣлъ такіе способы доказывать истинность своихъ воззрѣній, какими не располагали Фихте или Роттекъ. Критика его понятій могла быть сдѣлана только временемъ и событіями. Съ этой стороны они представляются особенно интересными.

Не многимъ государственнымъ людямъ дано было столько времени и столько средствъ для проведенія ихъ идей, какъ князю Меттерниху. Съ 1809 года онъ занимаетъ министерскій постъ и приобретаетъ неограниченное довѣріе императора Франца. Съ 1815, онъ дѣлается главною опорою системы, установленной вѣнскими трактатами и руководить ея примѣненіемъ во всѣхъ частяхъ европейскаго материка. Онъ сохраняетъ свое первенствующее вліяніе до 1848 года. Итакъ, 39 лѣтъ дается ему для утвержденія и упроченія «системы». Обильны были и средства. Онъ располагалъ всѣми способами обширной монархіи, довѣріемъ германскихъ правительствъ, почти постоянною поддержкою Россіи, и встрѣчалъ пассивное повиновеніе въ Италіи. Востокъ и центръ Европы принимали его указанія почти безъ разсужденій. Франція, связанная трактатами 1815 года при Бурбонахъ и обреченная на политику мира «во чтобы то ни стало» при Людовикѣ-Филиппѣ, не могла поставить серьезной преграды австрійской политикѣ. Англія, по своему географическому положенію, не могла имѣть прямого вліянія на континентъ Европы, а для образованія союза не было твердой точки опоры: знаменитая *entente cordiale* между Британніей и Франціей при Людовикѣ-Филиппѣ не привела къ плодотворнымъ результатамъ. Испанія давно уже не считалась въ ряду великихъ державъ Европы. Удивительно ли, что Меттерниху по временамъ казалось, что онъ безграниченъ—*«je finis par me croire immense»* ¹⁾).

¹⁾ Т. III, стр. 343.

Несмотря на это, «система» рушилась почти внезапно. Достаточно было нѣсколькихъ дней 1848 года, чтобы выказать всю несостоятельность плана, который проводился съ такою настойчивостью однимъ изъ самыхъ настойчивыхъ людей въ мірѣ. Реакція, послѣдовавшая за 1848 годомъ, могла только отчасти и на короткое время возстановить обрывки грандіозной системы. Окончательное ея паденіе сдѣлалось вопросомъ времени. Войны 1859 и 1866 довершили то, чего не сдѣлали революціонные дни 1848 г.

Гдѣ причина этого знаменательнаго факта? Въ недостаткѣ ли настойчивости и послѣдовательности въ главномъ руководителѣ европейской политики съ 1815—1848? Собраніе документовъ, которымъ мы располагаемъ теперь, свидѣтельствуетъ о противномъ. Князь Меттернихъ былъ человѣкъ весьма проницательный, и многія его замѣчанія являются по-истинѣ пророческими; онъ былъ послѣдователенъ, поскольку это зависѣло отъ него; онъ былъ настойчивъ, поскольку ему позволяли средства. *Ни разу* онъ не измѣнилъ своимъ принципамъ. То, что онъ писалъ въ 1848 году, наканунѣ своего паденія, тождественно съ написаннымъ въ времена полного блеска его политики. Онъ послѣдователенъ до однообразія, можно сказать, до скуки. Среди величайшихъ замѣшательствъ и усложненій онъ настойчиво повторяетъ главныя начала своей программы; среди совершенно новыхъ и неожиданныхъ обстоятельствъ, онъ твердитъ одно и то же. Время было надъ нимъ безсильно. Совершались революціи, падали династіи, новыя ученія овладѣвали умами, новыя потребности и стремленія возникали со всѣхъ сторонъ—онъ оставался вѣренъ себѣ.

При этихъ условіяхъ остается предположить, что причина катастрофы, постигшей Меттерниха, содержится въ его системѣ. Для изложенія и оцѣнки послѣдней мы имѣемъ обильныя данныя въ изданныхъ теперь матеріалахъ. Всѣ семь томовъ представляютъ для историка одинаковый интересъ. Но для насъ особенно важны послѣдніе пять—обнимающіе періодъ времени отъ вѣнскаго конгресса до 1848 года, т.-е. періодъ безраздѣльнаго почти владычества Меттерниха и его системы.

I.

ПРОГРАММА.

Былъ монархъ, расположеніемъ котораго пользовался князь Меттернихъ, но который не всегда, по мнѣнію послѣдняго, былъ твердъ «въ принципахъ». Это былъ нашъ императоръ — Александръ I. Онъ разрушилъ могущество Наполеона; онъ возстановилъ европейскій миръ и былъ главною опорою священнаго союза; онъ оказывалъ Австріи дѣятельную поддержку въ знаменитую эпоху конгрессовъ. Тѣмъ не менѣе онъ же былъ — государь, проникнутый въ началѣ своего царствованія преобразовательными идеями и навсегда оставленный въ Вѣнѣ въ извѣстномъ сомнѣніи относительно «либерализма». Поворотъ, совершившійся въ немъ съ 1815 года, также не удовлетворялъ вѣнскій дворъ. Австрійская политика, направленная въ установленію внѣшняго, будничнаго, такъ сказать, порядка, не могла съ удовольствіемъ смѣтрѣть на мистическое направленіе, овладѣвшее усталомъ и многострадавшею душою Александра. Вдохновленный, въ свое время, идеями XVIII вѣка, онъ отказался отъ нихъ не для того, чтобы успокоиться въ условіяхъ внѣшняго покоя и тишины. Его душа искала другого выхода: она нашла его въ извѣстной религіозной экзальтаціи. Это новое направленіе совершенно не нравилось Меттерниху: въ мистицизмѣ онъ усматривалъ элементъ безпокойства, извѣстнаго нравственнаго безпорядка. Поэтому покровительство, оказанное Александромъ библейскимъ обществамъ, а также масонамъ, возмутило Меттерниха. Вотъ, что докладывалъ Меттернихъ императору Францу въ 1817 году, по поводу переписки о закрытіи библейскихъ обществъ въ Австріи.

«В. в—ство безъ сомнѣнія убѣдились, что духъ императора Александра никогда не можетъ удержаться въ обыкновенномъ направленіи (*in einer gewöhnlichen Richtung*). Съ 1815 года онъ оставилъ чистый *якобинизмъ* (1), чтобы броситься въ *мистицизмъ*. Такъ какъ его направленіе всегда *революціонно*, то и религіозное его настроеніе таково же» ¹⁾.

Сверхъ того, императоръ Александръ несомнѣнно сдерживалъ во многихъ отношеніяхъ своихъ союзниковъ. Онъ не далъ унижить и разграбить въ конецъ Францію; онъ вносилъ нѣкоторые

¹⁾ № 239.—NB. Я буду цитировать документы по №№, подъ которыми они помѣщены въ собраніи.

смигченія въ мѣры, придумывавшіяся въ Вѣнѣ для Германіи и Италіи. Иначе говоря—онъ *портитъ* ясную и послѣдовательную политику Меттерниха. Вотъ, что писалъ послѣдній послѣ знаменитыхъ Карлсбадскихъ конференцій 1819 г., которыми Меттернихъ руководилъ вполне свободно, безъ участія и вліянія русскаго двора.

«Въ первый разъ явилась совокупность такихъ анти-революціонныхъ, правильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. То, что я хотѣлъ сдѣлать съ 1813 года, и что этотъ ужасный императоръ Александръ всегда портилъ (а *toujours gâté*), сдѣлано мною, потому что *его тамъ не было*» ¹⁾.

Такому опасному союзнику нужно было часто напоминать о «принципахъ», и Александръ I получалъ отъ Меттерниха въ важныя для послѣднаго минуты мемуары весьма обстоятельныя. Два изъ нихъ особенно важны. Одинъ былъ представленъ Александру, 15 декабря 1820 года ²⁾, по окончаніи конгресса въ Троицау, въ видѣ нѣкотораго напутствія и приготовленія къ Лайбахскому конгрессу 1821, по окончаніи котораго императоръ получилъ новый мемуаръ, ради подготовленія его къ конгрессу Веронскому ³⁾.

Первый мемуаръ гораздо обширнѣе второго, и не безъ основанія названъ Меттернихомъ его *profession de foi*. Сверхъ препроводительнаго письма, въ немъ содержится общій очеркъ положенія вещей, изслѣдованіе *причинъ* зла (ибо положеніе было признано плачевнымъ), путей его распространенія и, наконецъ, средствъ врачеванія. Во всякомъ препроводительномъ письмѣ трудно найти что-нибудь кромѣ обычныхъ фразъ вѣжливости и почтенія. Но въ письмѣ Меттерниха есть фраза, дающая тонъ всему мемуару.

Упомянувъ объ откровенности и свободѣ, съ коими составленъ мемуаръ, канцлеръ продолжаетъ: «В. в—ство найдете эту откровенность во всѣхъ вопросахъ, наиболѣе достойныхъ размышленія всякаго государственнаго дѣятеля, всякаго человѣка, обязаннаго важными интересами, всякаго, наконецъ, человѣка, достаточно просвѣщеннаго, чтобы чувствовать, что міру, находящемуся въ безуміи (*en folie*), долженъ быть *противупоставленъ* другой міръ, исполненный мудрости, разума, справедливости и правильности».

¹⁾ № 384.

²⁾ № 487 и 488.

³⁾ № 552. Конгрессы въ Троицау, Лайбахѣ и Веронѣ собирались, какъ извѣстно, по поводу революціонныхъ движеній въ Италіи и Испаніи.

Это мѣсто даетъ уже предчувствовать содержаніе мемуара. Онъ начинается съ слѣдующихъ словъ:

«Европа, сказалъ когда-то одинъ знаменитый писатель, составляетъ теперь предметъ сожалѣнія для человѣка умнаго, и —отвращенія для человѣка добродѣтельнаго.

«Трудно представить въ болѣе короткихъ словахъ болѣе точную картину положенія вещей въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки!

«Короли принуждены разсчитывать вѣроятности своего существованія въ самомъ ближайшемъ будущемъ; страсти разнузданы и соединились для низверженія всего, что общество уважало какъ основу своего существованія: религію, общественную нравственность, законы, обычаи, права и обязанности; все подверглось нападенію, приведено въ смятеніе, ниспровергнуто или сдѣлано сомнительнымъ. Масса народа остается спокойнымъ зрителемъ столькихъ нападеній, переворотовъ и полного отсутствія защиты. Одна часть населенія блуждаетъ въ неопредѣленности, тогда какъ огромное большинство желаетъ поддержанія покоя, уже не существующаго и первыя условія котораго, повидимому, утрачены».

Такова картина положенія вещей, установившагося (странно сказать!) чрезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ Европа, невѣроятными усиліями Вѣнскаго конгресса была приведена въ состояніе мира и спокойствія. Гдѣ же причины этого безмѣрнаго зла? Существуетъ ли средство въ его устраненію? Этимъ вопросамъ посвящены двѣ слѣдующія части мемуара, въ коихъ Меттернихъ возноситъ или старается вознести своего читателя въ область высшей политической философіи. Первая изъ нихъ озаглавлена: «Источники зла». «Природа человѣка неизмѣнна» — такъ начинается эта глава. Отсюда слѣдствіе: «основныя потребности обществъ вездѣ и всегда однѣ и тѣ же». Различія между обществами объясняются вліяніемъ естественныхъ условій: различіемъ въ климатѣ, географическимъ положеніемъ страны, свойствами почвы, и т. д. Эти *мѣстныя* условія вліяютъ не только на физическія потребности народа; они производятъ различіе и въ духовныхъ его стремленіяхъ, не исключая и религіи. Таковы два разряда условій нормальной жизни человѣческихъ обществъ; таковы и два непреходящіе элементы ихъ существованія. Если бы люди всегда сознавали силу этихъ началъ и условій, на землѣ царствовалъ бы желанный порядокъ и связанное съ нимъ благополучіе. Но какъ только люди уклоняются отъ этихъ основъ и востаютъ противъ этихъ

верховныхъ началъ, общество ощущаетъ разстройство, которое рано или поздно приведетъ его въ судорожное состояніе.

Остается узнать причины, по которымъ люди «возстаютъ» противъ такихъ ясныхъ и благодѣтельныхъ началъ. Отвѣтъ на это должна дать исторія. Князь Меттернихъ не останавливается на древней исторіи, и нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній относительно Греціи и Рима не дають намъ понятія объ его взглядахъ. Онъ спѣшитъ ко временамъ новѣйшимъ.

«Вѣка мрака послѣдовали послѣ вторженія варваровъ, разрушившихъ западную имперію; но эта часть свѣта была спасена отъ варварства христіанствомъ, положившимъ основы для новой и высшей цивилизаціи.

«За образованіемъ новыхъ государствъ послѣдовали крестовые походы, странная смѣсь добраго и худого».

«Три открытія оказали вслѣдъ затѣмъ рѣшительное вліяніе на судьбу цивилизаціи: изобрѣтеніе книгопечатанія, пороха и открытіе новаго свѣта.

«Позже явилась реформація—другое событіе, имѣвшее не-исчислимыя послѣдствія по своему вліянію на нравственный міръ. Видъ вселенной съ тѣхъ поръ измѣнился.

«Изобрѣтеніе книгопечатанія облегчило обмѣнъ мыслей; способы нападенія и защиты были измѣнены изобрѣтеніемъ пороха; условія собственности измѣнились вслѣдствіе массы драгоценныхъ металловъ, вывезенныхъ изъ Америки и пущенныхъ въ обращеніе; возможность обогащенія въ новомъ свѣтѣ возбудила духъ приключеній; всѣ эти перемѣны были увѣнчаны переворотомъ, произведеннымъ реформаціею въ мірѣ нравственномъ.

«Такимъ образомъ, продолжаетъ Меттернихъ, движеніе чело-вѣческаго ума совершалось въ послѣдніе три вѣка съ чрезвычайною быстротой. Такъ какъ это движеніе шло скорѣе, чѣмъ могло быть дѣйствіе *мудрости*—этого единственнаго противовѣса страстямъ и заблужденію, — то революція, подготовленная ложными ученіями и роковыми заблужденіями, въ которыя впали многіе изъ славнѣйшихъ государей прошлаго вѣка, вспыхнула наконецъ въ странѣ, наиболѣе подвинувшейся въ просвѣщеніи, наиболѣе ослабленной наслажденіями, — въ странѣ, обитаемой народомъ, который можетъ быть названъ наиболѣе легкомысленнымъ, принимая во вниманіе легкость, съ которою онъ понимаетъ, и трудность, которую онъ испытываетъ для спокойнаго сужденія».

Вотъ «первыя причины». Но всякій читатель, а въ томъ числѣ и императоръ Александръ I, затруднились бы, вѣроятно, свя-

зять эти «причины и содѣйствія» въ одно связанное цѣлое. Что общаго между такими вещами, какъ изобрѣтеніе пороха и открытіе Америки, изобрѣтеніе книгопечатанія и реформація съ точки зрѣнія *зла*, противъ котораго боролся Меттернихъ?

Онъ открываетъ намъ загадку.

«Бросивъ, говоритъ онъ, бѣглый взглядъ на первыя причины нынѣшняго состоянія общества, необходимо ближе указать на природу зла, грозящаго лишить это общество всѣхъ дѣйствительныхъ благъ, плодовъ истинной цивилизаціи и смутить его среди пользованія этими благами. Это зло опредѣляется однимъ словомъ: *самоувереніе* (*présomption*), — въ которомъ князь видитъ естественное послѣдствіе столь быстраго движенія человѣческаго ума къ усовершенствованію столькихъ вещей».

И такъ, въ самомъ «введеніи» къ политической философіи австрійскаго канцлера, мы видимъ не совсѣмъ понятное противуположеніе между «быстрыми» успѣхами человѣческаго ума съ одной—и «мудростію», которая должна была бы сдерживать «слишкомъ быстрые успѣхи ума», съ другой стороны. Загадка остается неразъясненной, и читатель долженъ былъ принять на вѣру, что «умъ», не сдержанный «мудростію», привелъ къ самоуверенію и къ сатанинской гордости.

Гордость одинъ изъ смертныхъ грѣховъ. Заранѣе можно предсказать ея дѣйствіе на умы и направленіе людей. Поэтому мы не будемъ воспроизводить картины бѣдственныхъ послѣдствій зла, —картины, старательно нарисованной Меттернихомъ. Самоувереніе въ источникѣ, разрушеніе въ результатѣ—такова, въ двухъ словахъ, характеристика того безумнаго міра, которому Меттернихъ хотѣлъ противупоставить міръ мудрости.

Безуміе, однако, заразительно. Почему оно распространилось столь быстро въ Европѣ; почему оно, несмотря на полную, по-видимому побѣду реставраціи надъ революціею, продолжало распространяться?

Причины этого печальнаго явленія, по мнѣнію Меттерниха, могутъ быть раздѣлены на два рода.

«Однѣ изъ нихъ такъ тѣсно связаны съ природою вещей, что никакая человѣческая предусмотрительность не въ состояніи была бы ихъ предупредить».

«Другія должны быть подраздѣлены на два класса, какъ ни сходны могутъ они показаться въ ихъ послѣдствіяхъ».

«Изъ нихъ однѣ суть причины отрицательныя, другія положительныя. Мы ставимъ въ главѣ первыхъ слабость и бездѣтельность правительствъ».

Ни одно изъ правительствъ XVIII вѣка не подозрѣвало ни болѣзни, ни кризиса, къ которому шло общество. Напротивъ, враги правительства, люди, къ сожалѣнію одаренные большими талантами, сумѣли воспользоваться своимъ вліяніемъ и слабостью противниковъ. Они приготовили революцію. Внѣшнія событія довершили остальное. Въ теченіе долгаго времени Франція находилась подъ вліяніемъ Англіи. Неблагоразумное участіе французскаго правительства въ войнѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ упрочило демократическую пропаганду. Французская революція вспыхнула и быстро совершила свой круговерть.

«Ужасныя событія, сопровождавшія первые фазисы революціи, препятствовали быстрому распространенію ея разрушительныхъ началъ за границами Франціи, и завоевательныя войны послѣдующаго времени дали общественному духу направленіе, неблагоприятное революціонному принципу. Такимъ образомъ, якобинская пропаганда потерпѣла крушеніе въ своихъ первыхъ преступныхъ надеждахъ.

«Но революціонный зародышъ проникъ, однако, во всѣ страны и болѣе или менѣе распространился въ нихъ. Онъ еще больше развился подъ дѣйствіемъ военнаго деспотизма Бонапарта.

«Его завоеванія устранили много законныхъ началъ, учрежденій и обычаевъ, разорвавъ связи, священныя для всякаго народа и удерживающіяся противъ дѣйствія времени, больше чѣмъ нѣкоторыя благодѣянія, навязываемыя иногда новаторами. Эти смуты произвели то, что революціонный духъ въ Германіи, Италіи и, позже, въ Испаніи, легко прикрывается искреннею любовью къ отечеству».

Мы сдѣлаемъ здѣсь небольшое замѣчаніе, необходимое для пониманія послѣдующихъ соображеній Меттерниха.

Въ послѣднихъ словахъ выписки содержится ясный намекъ на *національное* движеніе, начавшееся подъ игомъ Наполеона въ Италіи, Германіи и Испаніи. Послѣдняя нанесла первый ударъ могуществу завоевателя. Въ Германіи вообще и въ Пруссіи особенно послѣ Іенскаго погрома началось преобразовательное движеніе, тѣсно связанное съ возрожденіемъ національности. Имена Штейна—государственнаго человѣка, и Фихте—философа достаточно опредѣляютъ смыслъ этого поворота. Съ точки зрѣнія Меттерниха, это движеніе было вредно.

Мемуаръ обвиняетъ прусское правительство въ покровительствѣ тайнымъ обществамъ, которыми оно думало воспользоваться противъ ихъ иноземцевъ. «Пруссія, — говорятъ мемуаръ, — первая

дала сильный толчекъ революціонному духу въ своихъ областяхъ», и этотъ духъ сдѣлалъ быстрые успѣхи въ остальной Германіи.

Настала освободительная война, которую Меттернихъ называетъ союзною войною. Была ли она благомъ для Германіи? Не вполне, потому что, какъ говорить Меттернихъ, «эта война, положивъ предѣлъ преобладанію Франціи, была въ Германіи горячо поддержана тѣми самыми людьми, которыхъ ненависть къ Франціи была въ дѣйствительности ненавистью къ военному деспотизму Бонапарта, а также къ законной власти ихъ собственныхъ государей».

Несмотря на все вышеизложенное, счастливый конецъ войны 1814 года могъ бы обезпечить міру болѣе покойное и счастливое будущее, если бы у правительства было больше мудрости и твердости въ принципахъ. Но судьба рѣшила иначе. Людовикъ XVIII, давъ французамъ хартію, сдѣлалъ уступку революціоннымъ началамъ. Возвращеніе Бонапарта съ острова Эльбы причинило еще больше зла. «Въ теченіе «ста дней», онъ уничтожилъ трудъ четырнадцати лѣтъ своего правленія. Онъ разнуздалъ революцію, которую ему удалось-было подавить во Франціи; онъ возвратилъ умы не ко времени 18 брюмера, но къ принципамъ, которые учредительное собраніе 1789 года приняло въ своемъ плачевномъ ослѣпленіи».

Послѣдующія ошибки французскаго и другихъ правительствъ ухудшили положеніе вещей. Все грозитъ полнымъ крушеніемъ дѣлу реставраціи, этого плода великихъ усилій союзныхъ монарховъ. Сами правительства подкапываютъ его и какъ бы помогаютъ тайнымъ обществамъ, всюду ведущимъ свою разрушительную и преступную работу.

Отмѣтимъ еще разъ особенность взгляда, проведеннаго въ мемуарѣ Меттерниха. Революціонный духъ усилился въ Европѣ послѣ того, какъ революціонный порядокъ былъ сломенъ во Франціи—вотъ тема, на которую написанъ мемуаръ. «Мы осмѣливаемся утверждать, не опасаясь возраженій, что тщетно искали бы эпоху, когда зло распространяло свое разрушительное дѣйствіе на болѣе обширное поприще, чѣмъ въ настоящее время».

Эти слова опять способны были повергнуть читателя въ нѣкоторое недоумѣніе. Изъ предыдущихъ объясненій Меттерниха вытекаетъ, что французская революція, въ ея террористической и якобинской формѣ, не имѣла сильнаго вліянія на Европу, и что она, такъ сказать, исчерпала сама себя и была обуздана Наполеономъ. Послѣдній также палъ подъ усиліями коалиціи. И вотъ именно въ то время, когда Робеспьеръ, Маратъ, С. Жюсть

и даже Наполеонъ отходили, повидимому, въ область мифологическихъ преданій, революція начала грозить Европѣ больше, чѣмъ когда-нибудь...

Для объясненія этой загадки слѣдуетъ припомнить, что Меттернихъ подъ именемъ «революціи» разумѣлъ не только французское «якобинство», но и то, что въ 1813 году одухотворяло нѣмецкіе народы на борьбу съ Наполеономъ, т.-е. *національное* чувство, тѣсно связанное тогда съ извѣстными стремленіями къ свободѣ политической. Эти стремленія и чувства не только «остались» послѣ событій 1813—1815 гг., но они были вызваны именно борьбою съ Наполеономъ и раздражены реакціей 1815 г. Можно ли было соединять столь различныя вещи въ общее понятіе «революціи» — это другой вопросъ. Но съ своей точки зрѣнія Меттернихъ былъ правъ, утверждая, что революціонныя страсти разыгрались въ Германіи и Италіи послѣ побѣды союзниковъ надъ Наполеономъ, т.-е. послѣ того, какъ усилія народовъ были награждены трактатами вѣнскаго конгресса.

Важность зла налагаетъ серьезныя обязанности на правительство. Что должны они дѣлать? Правила, предлагаемыя Меттернихомъ, могутъ быть раздѣлены на общія и особенныя. Одни изъ нихъ опредѣляютъ основанія правительственнаго дѣйствія вообще; другія указываютъ на мѣры относительно разрушительныхъ элементовъ общества.

Сущность первыхъ выражена въ слѣдующей формулѣ: «среди движенія страстей не должно думать о *преобразованіяхъ*; мудрость требуетъ, чтобы въ такія эпохи правительства ограничивались *охраненіемъ* существующаго». Правительства должны провозглашать и установить принципъ *устойчивости* (de la stabilité) среди всеобщаго движенія въ перемѣнамъ. Эта мысль, изложенная довольно пространно, но не всегда ясно, въ первомъ мемуарѣ, съ особенною ясностью изложена во второмъ. Вотъ что говорится здѣсь:

«Ясная и опредѣленная цѣль революціонеровъ едина и однообразна: она состоитъ въ ниспроверженіи *всею*, законно существующаго»... Принципъ, который монархи должны противопоставить этому плану всеобщаго разрушенія, есть сохраненіе *всею* законно существующаго».

«*Единственное* средство для достиженія этой цѣли можетъ состоять въ томъ, чтобы *не очинять новую* (ne pas innover)».

«В. и. в-ство достаточно знакомо со мною, чтобы знать, что никто болѣе меня не удаленъ отъ узкихъ административныхъ взглядовъ. Нѣтъ того развитія истиннаго блага, котораго бы я

не желалъ пламенно, и котораго я не считалъ бы долгомъ поддерживать при всякомъ случаѣ. Но чѣмъ болѣе я раздѣляю это чувство, тѣмъ болѣе я убѣжденъ, что невозможно одновременно сохранять и преобразовывать, въ смыслѣ справедливости и разума, когда масса народа находится въ движеніи. Народъ въ это время, подобно отдѣльному человѣку, находится въ состояніи раздраженія; ему—или угрожаетъ лихорадка, или онъ уже подвергся ей пароксизмамъ».

«Пусть правительства управляютъ; пусть авторитетъ не падаетъ въ иллюзіи: онъ ничто безъ власти.

«Управляя, правительства фактически будутъ улучшать положеніе вещей. Но пусть они не измѣняютъ ничего въ основахъ, на которыхъ они покоятся; пусть они *дѣйствуютъ*, но не *уступаютъ* (не *concedent pas*); пусть они отправляютъ свои права, но не обсуждаютъ ихъ; пусть они будутъ справедливы (а для этого они должны быть сильны), и они будутъ уважать всѣ дѣйствительныя права, также какъ всѣ станутъ уважать права, имъ принадлежащія».

Такова общая основа дѣйствія. Остаются спеціальныя правила относительно разрушительныхъ элементовъ. Прежде всего должно ихъ опредѣлить.

Мы видѣли уже, что главный нравственный двигатель всѣхъ разрушительныхъ стремленій есть *самолюбіе*. Порожденное «слишкомъ быстрыми успѣхами ума», оно болѣе всего, однако, присуще полу-знанію и безмѣрному честолюбію, которое такъ легко удовлетворяется во время смутъ и переворотовъ.

Но это зло присуще главнымъ образомъ *среднимъ* классамъ общества. Народъ всегда хочетъ покоя. Изъ высшихъ классовъ въ революціонной партіи пристають не многіе честолюбцы и извращенные умы. Во всѣхъ странахъ партію движенія составляютъ капиталисты, эти настоящіе космополиты, обезпечивающіе свои выгоды въ ущербъ всякому порядку вещей; затѣмъ, чиновники, литераторы, адвокаты и учащіе.

Этотъ враждебный лагерь, въ свою очередь, можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Къ одной принадлежатъ «уравнители» (*niveleurs*; позже, Меттернихъ называетъ ихъ радикалами); къ другой доктринеры (позже, князь называетъ ихъ либералами). Соединенные въ день переворота, эти люди раздѣляются во время бездѣйствія. Правительства должны распознать и распредѣлить ихъ по достоинству.

«Въ классѣ «уравнителей» встрѣчаются люди сильные и рѣшительные; доктринеры никогда не имѣютъ таковыхъ въ

своихъ рядахъ. Первые представляютъ больше опасности въ дѣйствіи; вторые — во время обманчивой тишины, предшествующей общественнымъ бурямъ также, какъ и физическимъ. Доктринеры, постоянно преданные отвлеченнымъ идеямъ, всегда непримѣнимы къ реальнымъ потребностямъ и даже противорѣчащимъ имъ, непрерывно волнуютъ народы своими воображаемыми или притворными опасеніями и возбуждаютъ правительства, стремясь уклонить ихъ съ хорошей дороги».

Мы уже видѣли эту дорогу.

«Первое и самое важное дѣло для огромнаго большинства всякой націи есть твердость законовъ, ихъ непрерывное дѣйствіе, а никакъ не ихъ измѣненіе. Пусть правительства управляютъ, оправдаютъ основы ихъ учрежденій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ».

«Пусть правительства выкажутъ своимъ народамъ это намѣреніе и докажутъ его фактами. Пусть приведутъ они къ молчанію доктринеровъ въ своихъ государствахъ и выкажутъ презрѣніе къ доктринамъ иноземнымъ».

«Пусть во время смутенія они болѣе чѣмъ когда-нибудь *одерживаются въ своемъ стремленіи къ улучшеніямъ дѣйствительнымъ*, но не вызваннымъ неотразимыми требованіями минуты, дабы самое благо не обратилось противъ нихъ, а это случается всякій разъ какъ правительственная мѣра покажется внушенною страхомъ».

Программа, изложенная съ такою ясностью, не требуетъ продолжительныхъ объясненій. Она вся построена на томъ предположеніи, что современная Меттерниху Европа не представляла ничего, кромѣ противоположенія двухъ началъ: порядка и анархіи, и двухъ элементовъ: правительства и революціи. Начало порядка естественно призвано бороться съ началомъ анархическимъ; всякое правительство естественно должно подавлять революцію. Оставалось узнать, насколько дѣйствительная жизнь народовъ представляла противоположность элементовъ, которые могли бы быть обращены въ отвлеченныя понятія и обозначены миеологическими терминами: порядокъ, анархія, сохраненіе, разрушеніе, авторитетъ, революція и т. д.

На первый разъ важенъ тотъ фактъ, что противоположеніе «міра мудрости» и «міра безумія» утвердилось въ понятіяхъ Меттерниха и обратилось въ нѣкоторую «одерживающую идею», омадѣвшую всѣмъ существомъ этого государственнаго чловѣка. Онъ самъ раскроетъ намъ, что произвело оно въ его душѣ, и какую невѣдомую міру тоску испытывалъ блестящій, любезный и по наружному виду легкомысленный канцлеръ, какъ будто

скользившій по жизни. Другимъ казалось, что онъ идетъ по своей дорогѣ, какъ по паркету; а онъ былъ убѣжденъ, что онъ самъ и весь «мїръ мудрости» спятъ на вулканѣ, который рано или поздно разрушитъ все охраняемое имъ зданіе ¹⁾.

II.

IDEES FIXES.

«Два элемента, — писалъ Меттернихъ въ своемъ завѣщаніи, — противустоятъ и будутъ противустоятъ въ человѣческомъ обществѣ: *положительный и отрицательный*, охранительный и разрушительный».

Въ 1839 году, скорбя о положеніи *Англии*, Меттернихъ отвергалъ тотъ глубокій историческій смыслъ, который всѣ, знающие съ исторіею этой страны, видѣли въ ея двухъ великихъ партіяхъ — виговъ и торіевъ. Мало того: онъ видѣлъ въ названіяхъ этихъ партій величайшую опасность для Англіи, ибо этими названіями прикрывается то, чего нѣтъ уже въ дѣйствительности.

«То, что увеличиваетъ опасность (революція) въ Англіи, писалъ онъ, это существованіе названій партій, уже не существующихъ въ дѣйствительности. Названіе виговъ и торіевъ есть приманка, фантазмагорія. Въ Англіи, какъ и во всякой другой странѣ, есть только двѣ партіи, достойныхъ вниманія: партія *охраняющая* и партія *разрушающая* то, что существуетъ, т.-е. двѣ партіи, изъ коихъ одна желаетъ торжества *извѣстнаго*, а другая стремится къ неизвѣстному». Эти «факты» приводятъ Меттерниха къ мысли, «что Англія идетъ большими шагами къ революціи» ²⁾.

Извѣстно, что Англія подвигается къ этой цѣли до сихъ поръ. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что Меттернихъ видѣлъ только элементы охраненія и разрушенія даже въ этой странѣ, представляющей образецъ медленнаго и историческаго развитія.

Итакъ, или *охраненіе*, или *разрушеніе*; между этими двумя терминами нѣтъ ничего средняго. Пользуясь Гегелевой термино-

¹⁾ Документы, обнаруженные теперь, показываютъ, что Меттернихъ вовсе не былъ такимъ „легкомысленнымъ и лѣнивымъ“ человекомъ, каковыя его обыкновенно представляли. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться и съ г. *Надлеромъ*, отдавая полную честь его прекрасному труду („Меттернихъ и Европейская реакція“. Харьковъ, 1882 года. Сочиненіе автора доведено только до событій 1880).

²⁾ № 1857.

логіей, мы могли бы сказать, что Меттернихъ признавалъ только абстрактныя понятія Sein und Nichtsein, бытія и небытія. Но то, что составляетъ синтезъ этихъ понятій, das Werden, становленіе, было совершенно чуждо его уму. Между тѣмъ оно и есть понятіе мірового процесса вообще и историческаго процесса въ особенности. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы народъ сохранялся, не развиваясь; мы не можемъ понять развитія безъ сохраненія. Но съ точки зрѣнія Меттерниховской теоріи, которую онъ тщетно желаетъ назвать историческою, вся исторія, т. е. все развитіе, есть уклоненіе отъ неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ человѣчествомъ. Поэтому все, неподходящее подъ понятіе «неизмѣннаго», обозначается имъ однимъ словомъ — *революція*, разрушеніе.

Подобная философія рождаетъ мрачный взглядъ на вещи. Еслибы человѣкъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что тѣла *должны* быть холодны, и видѣлъ бы на каждомъ шагѣ, что они подвергаются дѣйствію тепла, онъ несомнѣнно пришелъ бы въ уныніе и предрекъ бы скорую гибель вещей. «Тѣла должны быть холодны, сказалъ бы онъ; между тѣмъ они согрѣваются, слѣдовательно идутъ къ своей гибели».

Тоже случилось и съ Меттернихомъ. Создавъ для себя опредѣленный кругъ понятій о началахъ, коими держится и долженъ держаться міръ, онъ при своей несомнѣнной проникаемости не могъ не видѣть, какъ каждый годъ и даже каждый мѣсяцъ приносятъ нѣчто новое, какъ сама жизнь стучится въ двери того искусственнаго зданія, въ которомъ обиталъ канцлеръ австрійской монархіи. Разница между тѣмъ, чѣмъ долженъ бы быть міръ по его понятіямъ, и тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, съ каждымъ годомъ становилась глубже, и засыпать эту пропасть не могли никакія человѣческія усилія. Прибавимъ къ этому, что каждое событіе, не входившее въ расчеты вѣнскаго двора, разсматривалось какъ революція и какъ угроза европейскому миру; что ни одинъ изъ государственныхъ людей, въ Европѣ и въ самой Австріи, даже наиболѣе наклонныхъ къ системѣ Меттерниха, не могли удовлетворить его вполне. Мы видѣли, какъ смотрѣлъ онъ на императора Александра; мы увидимъ, какъ смотрѣлъ онъ на императора Николая, на королей прусскихъ и на ихъ министровъ, на государей и министровъ въ остальной Европѣ. Мы не удивимся поэтому, узнавъ, что самъ Меттернихъ *не стиралъ* въ успѣхъ своего дѣла.

Въ 1830 году, подъ впечатлѣніемъ іюньской революціи въ Парижѣ, онъ писалъ къ графу Нессельроде:

«Я въ тайнѣ думаю, что старая Европа находится при началѣ конца. Рѣшившись погибнуть съ нею, я сумѣю исполнить свой долгъ; это слово не только мое, но и императора (Франца II). Новая же Европа съ другой стороны еще не начиналась: между концомъ и началомъ находится *хаосъ*» ¹⁾.

Въ 1848 году, послѣ мартовской революціи въ Вѣнѣ, извѣщая о своей отставкѣ императора Николая, онъ писалъ ему, между прочимъ:

«Европа, государь, находится въ кризисѣ, далеко превосходящемъ движеніе политическое; кризисъ совершается въ общественномъ тѣлѣ. Я предчувствовалъ событіе; я боролся противъ него постоянно въ продолженіе моего почти сорокалѣтняго министерства; остановить потокъ—не во власти людей, они могутъ только ставить ему преграды (*l'endiguer*)» ²⁾.

Такія мысли высказывались имъ и его сотрудниками не только въ минуты сильныхъ кризисовъ: въ 1818 году, сотрудникъ Меттерниха Фридрихъ Генцъ, по порученію перваго, составилъ мемуаръ, въ коемъ описывалось состояніе Европы предъ Ахенскимъ конгрессомъ.

«Всѣ европейскія государства, безъ исключенія, — писалъ Генцъ — одержимы сильной лихорадкой, спутницей или предвѣстницей жесточайшихъ потрясеній, какія только видѣлъ міръ со времени паденія римской имперіи. Это борьба, это война на жизнь и на смерть между старыми и новыми началами, между старымъ и новымъ общественнымъ порядкомъ. Въ силу рока, такъ сказать *неизбѣжнаго*, реакція 1813, пріостановившая, но не закончившая революціонное движеніе во Франціи, *требудила* его въ другихъ государствахъ. Всѣ элементы въ броженіи, всѣ власти въ опасности потерять равновѣсіе; наиболѣе прочныя учрежденія потрясены въ своихъ основахъ, какъ зданія города, пораженнаго первыми ударами землетрясенія, которое готово разрушить все чрезъ нѣсколько мгновеній» ³⁾.

Неаполитанская революція 1820 года не была событіемъ мировой важности. Между тѣмъ, подъ 1 октября 1820 года, мы находимъ слѣдующую выписку изъ писемъ Меттерниха: «Ничто не остается спокойнымъ ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ мірѣ, и общество достигло своего *зенита*. При этихъ

¹⁾ Т. V, стр. 25 прим.

²⁾ № 1692.

³⁾ № 308.

условіяхъ идти впередъ значить идти внизъ. Точно также и зло достигло высшей своей точки и потому идетъ внизъ».

Затѣмъ 6 октября онъ пишетъ:

«Мнѣ пришлось жить въ отвратительный періодъ. Я пришелъ въ свѣтъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно; теперь я не чувствую себя на что либо годнымъ. Раньше я пользовался-бы временемъ; позже я служилъ-бы для воссозданія разрушеннаго; теперь я посвящаю свою жизнь на *поддержку противника* зданій. Я долженъ былъ-бы родиться въ 1900 году и имѣть предъ собою XX столѣтіе» ¹⁾).

Вообще въ его замѣткахъ и нотахъ можно найти, въ разные годы, увѣренія, что *никогда* Европа не была такъ близка къ гибели, какъ именно въ такомъ-то году.

Такъ, въ 1821 году онъ писалъ:

«Міръ находится или наканунѣ своего спасенія, или на порогѣ пропасти, готовый его поглотить». Это по поводу Неаполитанской революціи. Послѣ того, какъ она была подавлена, Меттернихъ примѣшивалъ къ своему торжеству значительную дозу горечи:

«Величайшее благо,—писалъ онъ Стадіону,—осуществилось, оно дастъ намъ возможность *продолжать* жить. Не слѣдуетъ себя обманывать: мы не стоимъ ни на одинъ шагъ дальше *этой* возможности. При помощи благоразумія, при твердомъ и спокойномъ поведеніи, при большой правильности и послѣдовательности въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, можно будетъ сдѣлать еще много добра въ Европѣ. Но зло достигло необычайной высоты. Общественный духъ положительно гангренированъ, и если-бы было достаточно одного изолированнаго факта, чтобы не сомнѣваться въ этомъ, я указалъ-бы вамъ настроеніе умовъ въ нашей собственной столицѣ. Будьте увѣрены, что въ Вѣнѣ, также какъ въ Парижѣ, въ Берлинѣ, во всей Германіи и Италіи, въ Россіи и въ Америкѣ—наши успѣхи будутъ названы преступленіями, наши соображенія—заблужденіями, наши виды—преступными безумствами» ²⁾).

Канцлеръ имѣлъ привычку писать своего рода «новогоднія обзрѣнія», въ видѣ депешъ къ разнымъ австрійскимъ посламъ. Таковыя получалъ особенно графъ Антони, посолъ при французскомъ дворѣ, ибо лицо, находившееся въ такомъ опасномъ

¹⁾ №№ 441, 442. Ср. также № 670.

²⁾ № 551.

мѣстѣ, чаще другихъ нужно было въ соответствующихъ наставленіяхъ. Въ началѣ 1827 года, онъ писалъ въ Аппони:

«Мы считаемъ нынѣшнюю минуту сильнѣйшимъ изъ кризисовъ, бывшихъ въ послѣдніе годы. Этотъ кризисъ есть послѣдствіе и какъ-бы необходимое условіе общаго положенія дѣлъ въ Европѣ, ошибокъ всякаго рода, совершенныхъ правительствами и, наконецъ, двухъ случайныхъ обстоятельствъ, именно, призванія г. Каннинга въ министерство иностранныхъ дѣлъ ¹⁾ и перемѣны царствованія въ Россіи ²⁾».

«Революція, совершившись въ умахъ, вышла на свѣтъ во Франціи, въ 1789 году. Ея неистовство ограничило явное ея существованіе краткимъ временемъ; человекъ, одаренный необыкновенными способностями, возвысился изъ среды самого французскаго народа; крѣпкій умомъ и характеромъ и не менѣе сильный слабостью своихъ противниковъ, онъ нуждался лишь въ короткомъ времени и большомъ счастьи, чтобы обратить анархію въ военный деспотизмъ, непримѣрный въ исторіи. Но тѣ же качества и тѣ же недостатки, которые составляли его силу въ періодъ возвышенія, должны были привести его къ паденію, когда онъ достигъ своего апогея. Желая возвыситься еще, онъ палъ, и такъ какъ возстановленіе принципа легитимности (съ 1814 г.) совершилось только въ отвлеченномъ смыслѣ, — оно привело, вслѣдствіе громадныхъ ошибокъ, къ новому разнузданію революціи. Послѣдняя, такъ сказать, облагородилась и радикализмъ выкинулъ флагъ либерализма». Затѣмъ Меттернихъ описываетъ какъ англійское, французское и новыя правительства потворствуютъ злу, и какъ самъ императоръ Николай увлеченъ на ложную дорогу Каннингомъ ³⁾.

Прошелъ и 1827 годъ, оставивъ въ князѣ не лучшее впечатлѣніе. 1 января 1828 года онъ писалъ своему сыну Виктору:

.... «Что касается другихъ предположеній о моей жизни, то я нахожу ихъ очень мрачными на 1828 годъ. Ничто не улыбается мнѣ кругомъ. *Одинъ среди міра въ безуміи*, я имѣлъ-бы по крайней мѣрѣ право скучать въ моемъ уединеніи, если-бы чувство скуки было совмѣстимо съ чувствами гнѣва и презрѣнія ⁴⁾».

¹⁾ Знаменитый англійскій министръ Каннингъ возбуждалъ особенное негодованіе Меттерниха, какъ мы увидимъ ниже.

²⁾ Императоръ Николай, какъ мы увидимъ ниже, уклонился отъ пути, намѣченнаго Меттернихомъ по греческимъ и восточнымъ дѣламъ, и на которомъ австрійскій дворъ удерживалъ Александра I.

³⁾ № 853.

⁴⁾ № 881.

Это расположение духа не было аффектировано. Мы имѣемъ достовѣрнаго свидѣтеля его тоски, который самъ раздѣлялъ ее. Третья жена Меттерниха, княгиня Меланія (рожденная Зичи), вышла за него замужъ въ январѣ 1831 года. Въ мартѣ она уже настолько посвящена въ горести мужа, что пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Генцъ ¹⁾ и Климентъ ²⁾ болѣе чѣмъ обезпокоены совершающимися на свѣтѣ.... Въ Англіи дѣла, кажется, идутъ плохо, но хуже всего то, что мой бѣдный Климентъ (mein armer Klement), изготовивъ съ величайшимъ трудомъ планъ, чтобы уловить единственные остающіеся намъ средства спасенія, никѣмъ не поддерживается и вездѣ встрѣчаетъ препятствія» ³⁾.

Подъ 23-е апрѣля, она пишетъ:

«Сегодня, за завтракомъ, Климентъ и Генцъ говорили объ ошибкахъ, сдѣланныхъ во время управленія Стадіона, Кобенцеля и Коллоредо. Ядъ революціи уже тогда распространялся между нами» ⁴⁾.

Причину этой тоски понять не трудно. Далеко не всѣ дворы были согласны съ слѣдующимъ мнѣніемъ Меттерниха: «въ Европѣ имѣется только одно серьезное дѣло, и это дѣло—революція. Ее не нужно терять изъ виду, и правители не должны попадать въ ловушки, непрерывно разставляемыя имъ революціонерами, желающими отвлечь правительство отъ истинной опасности, т. е. отъ революціи» ⁵⁾.

Въ каждомъ горѣ, однако, можно найти и утѣшеніе. Оно, можно сказать, заключалось въ самихъ свойствахъ печали, овладѣвшей канцлеромъ. Когда человекъ сознаетъ, что онъ одинъ владѣетъ разсудкомъ среди міра, впавшаго въ безуміе, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ видѣть въ себѣ существо особенное и призванное на неизмѣримо великія дѣла. Это чувство, когда оно питается благоприятными обстоятельствами, можетъ доставить не малыя утѣшенія, что видно изъ нѣкоторыхъ писемъ Меттерниха.

Въ 1817 году, пожавъ нѣсколько лавровъ на германскомъ союзномъ сеймѣ, онъ писалъ къ своей женѣ:

«... Нельзя составить себѣ понятія о дѣйстви, произведенномъ моимъ появленіемъ на сеймѣ. То, что можетъ быть ни-

¹⁾ Ближайшій пріятель и сотрудникъ Меттерниха.

²⁾ Имя Меттерниха.

³⁾ т. V, стр. 98.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 96.

⁵⁾ № 1060.

когда не кончилось бы, завершилось въ три-четыре дня. Я каждый день все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что великія дѣла совершаются только лично. Все, находящееся во-вторыхъ рядахъ, волнуется, томится и не двигается. Я сдѣлался нѣкоторой нравственной силой въ Германіи, можетъ быть даже въ Европѣ, — силой, которая, исчезнувъ, оставила бы пустоту. Между тѣмъ она исчезнетъ, какъ все зависящее отъ слабой и бѣдной природы человѣка. Надѣюсь, что небо дастъ мнѣ достаточно времени, чтобы сдѣлать нѣсколько добра: это мое пламенное желаніе».

Черезъ недѣлю онъ пишетъ:

«Мое пребываніе здѣсь увѣнчалось величайшими успѣхами. Я прибылъ во Франкфуртъ какъ *Мессія* для избавленія грѣшниковъ. Сеймъ принялъ новый видъ, какъ только я вмѣшался въ дѣло» ¹⁾.

Слово «Мессія» употреблено въ этой выпискѣ только въ видѣ нѣкотораго сравненія, хотя и неумѣстнаго. Но вотъ уподобленія, болѣе существенныя.

Въ 1824 году (2-го іюля) Меттернихъ пишетъ: «Я нахожусь въ хаосѣ, подобно человѣку, который уцѣлѣлъ бы стоя на островѣ, во время всемірнаго потопа. Я твердо стою на своемъ мѣстѣ, не бросаясь въ волны, но жду, чтобы онѣ подошли ко мнѣ ближе или отошли. Однихъ я призываю стать подлѣ меня, другихъ умоляю не бросаться бесполезно въ воду. Всѣ меня слышать, но никто не хочетъ меня понять; иногда отъ меня требуютъ, чтобы я повинулъ свой постъ, но я работаю надъ тѣмъ, чтобы класть камень на камень и, гдѣ можно, стать еще выше».

Понятно, какъ при такомъ убѣжденіи Меттернихъ относился къ другимъ государственнымъ людямъ. Между ними особенное въ немъ неуваженіе вызывалъ извѣстный Каннингъ, прервавшій въ Англіи узко-торійскую политику застоя и проложившій дорогу Р. Пилю. Ненавистный Меттерниху, вслѣдствіе своихъ уступокъ «либерализму» и потворствъ возставшимъ грекамъ, Каннингъ вызвалъ въ умѣ австрійскаго министра слѣдующую параллель, очень выгодную для послѣдняго.

«Въ мірѣ есть два рода умовъ. Одинъ касается всего и не углубляется ни во что; другой опирается на факты и проникаетъ ихъ. Каннингъ въ высшей степени обладаетъ умомъ перваго рода; я, конечно, обладаю имъ въ меньшей степени, но скорѣе принадлежу, съ моими слабыми средствами, ко второй

¹⁾ № 258.

категоріи. Каннингъ летаетъ, я хожу; онъ подымается въ область, въ которой люди не живутъ, я нахожусь на уровнѣ человѣческихъ вещей. Послѣдствіемъ этого различія будетъ то, что Каннингъ будетъ имѣть за себя романтиковъ, я буду причисленъ къ обыкновеннымъ прованкамъ. Его роль блестяща какъ молнія, но столь же преходяща; моя не ослѣпляетъ, но она сохраняетъ то, что первая уничтожаетъ!

«Такова простая, но несомнѣнная истина. Она всегда открывается историкамъ, но часто ускользаетъ отъ современниковъ. Люди, подобные Каннингу, падаютъ и поднимаются по двадцати разъ; люди, подобные мнѣ, изнурены отъ труда подыматься, потому что они не подвержены столь частымъ паденіямъ. Первые занимаютъ и забавляютъ всегда партеръ; вторые часто ему надоѣдаютъ».

«Я долженъ быть очень скученъ для огромнаго большинства наблюдающихъ мою дѣятельность; но имъ придется поскучать, потому что я не перемѣнюсь» ¹⁾.

Другимъ современникамъ Меттернихъ не посвящалъ и такихъ параллелей. Его отзывы о нихъ были кратки, но выразительны. Напримѣръ, о графѣ Каподистрія онъ писалъ: «Каподистрія не дурной человѣкъ, но правильно говоря—основательный, круглый дуракъ» ²⁾.

Нельзя не сказать, что современники Меттерниха весьма содѣйствовали укрѣпленію въ немъ подобныхъ чувствъ. Люди весьма охотно нарушаютъ заповѣдь: «не сотвори себѣ кумира», и сами виноваты, если кумиръ возмнитъ себя Богомъ. Меттернихъ рассказываетъ намъ случаи такого идолопоклонства, предметомъ котораго былъ онъ.

Въ 1821 году, послѣ подавленія неаполитанской революціи австрійскими силами, Меттернихъ отправился въ поѣздку по Германіи и здѣсь принималъ поклоненіе, о которомъ повѣствуетъ весьма краснорѣчиво, причемъ въ его разсказѣ слышится та презрительная иронія, которою каждый умный кумиръ награждаетъ своихъ поклонниковъ.

Въ Ганноверѣ онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ англійскимъ и ганноверскимъ Георгомъ IV. Приѣмъ, по словамъ Меттерниха, былъ дружественный. «Я не помню,—говорилъ онъ,—чтобы меня такъ нѣжно обнимали, и сколько я живу, мнѣ не приходилось выслушивать такихъ прекрасныхъ вещей».

¹⁾ № 818. Ср. № 833—864 и 865.

²⁾ № 457.

«Послѣ настоящаго потока похвалъ—причемъ король милостиво сравнивалъ меня со всѣми великими людьми древности, среднихъ вѣковъ и новаго времени—я, наконецъ, дождался разговора о дѣлахъ, и тогда мнѣ не осталось желать ничего большаго. Я совершу великія и хорошія дѣла, не имѣя притязанія превзойти Миноса, Оемистокла, Катона, Цезаря, Густава-Адольфа, Мальборо, Питта, Веллингтона, и т. д., и т. д., имена, названные мнѣ его величествомъ такъ, какъ провозносятъ лitanію святыхъ».

Здѣсь иронія прозрачна, но все же соответствуетъ высокому положенію англійскаго и ганноверскаго короля. Какъ говорилъ бы Меттернихъ о дружескомъ приѣмѣ Георга IV, еслибы послѣдній былъ только ганноверскимъ королемъ—это видно изъ его отзывовъ о торжественныхъ приѣмахъ, сдѣланныхъ ему другими государями Германіи.

«Путешествіе,—говорилъ онъ,—ужасная вещь въ нынѣшнемъ моемъ положеніи. Я скучаю какъ монархъ при дворахъ, празднующихъ мой приѣздъ, и какъ оракулъ, ибо каждый проситъ у меня совѣта. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ счастье уничтожить карбонаріевъ, думаютъ, что мнѣ стоитъ только появиться, чтобы уничтожить все, стоящее на дорогѣ тому или другому. Всѣ правительства теперь болны, и каждое—по своей винѣ; со времени моихъ нѣмецкихъ конференцій ¹⁾ они видятъ во мнѣ высшаго законодателя Германіи, а съ 1821 года—истребителя революціонеровъ. Каждый проситъ меня истребить его революціонеровъ или, по крайней мѣрѣ, сообщить ему мой рецептъ ²⁾».

О прочихъ посѣтителяхъ и поклонникахъ Меттернихъ отзывается еще рѣзче. Одинъ изъ разрядовъ этихъ посѣтителей вызываетъ его справедливое презрѣніе. Тѣ, которыхъ онъ считалъ радикалами и яеобинцами, являлись къ усмирителю итальянскихъ карбонари съ заявленіемъ чистоты своихъ наміреній и чувствъ. Меттернихъ описываетъ эти привѣтствія съ неподдѣльнымъ юморомъ. Къ собственно народнымъ восторгамъ онъ относится снисходительно.

«Цѣлый день,—пишетъ онъ,—толпа людей стояла подъ моими окнами, и куда бы я ни шелъ, меня сопровождали дружественные клки. Когда этихъ людей спрашиваютъ, для чего они здѣсь, они отвѣчаютъ: «Мы хотимъ его видѣть». Этотъ родъ знаменитости въ Германіи доставленъ мнѣ итальянскими дѣлами. Любопытные хотятъ знать, какъ смотреть человѣкъ, который проникся убѣжденіемъ, что карбонаріи просто сволочь, и не пони-

¹⁾ Карлсбадскихъ 1819, и вѣнскихъ 1819 и 1820.

²⁾ № 543 и 544.

мавать, какъ онъ устроился рѣшеніемъ такой легкой загадки. Народъ всадѣ добръ, но—дѣтъ».

Но болѣе всего достается отъ канцлера тѣмъ людямъ, въ средѣ коихъ онъ жилъ и, конечно, болѣе всего встрѣчалъ поклоненія. Въ февралѣ 1820 года, онъ проболѣлъ недѣлю двѣ. По выздоровленіи и наканунѣ открытія своихъ пріемовъ, онъ написалъ слѣдующія строки:

«Я опять возвращенъ свѣту; завтра вечеромъ открываю я мои салоны. Уже заранѣе дрожу я по поведѣ множества скучныхъ людей, которыхъ я долженъ буду принять. Ничто не прикисаетъ подобныхъ людей, какъ смерть или возвращеніе къ жизни, т.-е. *поводъ выразить соболѣзнованіе или поздравить*. Еслибы эта проклятая порода ограничилась первымъ изъ этихъ поводовъ, по крайней мѣрѣ, относительно меня! Умереть—ничего, *но жить для этихъ людей,—хуже смерти*» ¹⁾.

Жить «для этихъ людей» приходилось, однако, по-невогѣ. Больше того: для нихъ приходилось работать.

«Мое положеніе,—писалъ онъ въ 1820 году,—представляетъ ту особенность, что всѣ взоры, всѣ ожиданія обращены туда, гдѣ я нахожусь» ²⁾.

«Моя голова утомлена, мое сердце уныло, и съ такими элементами я чувствую, что *міръ покоится на моихъ плечахъ*. Если бы я забылъ объ этомъ на одну минуту, то мнѣ напомнилъ бы о томъ каждый прибывшій курьеръ. «Что вы сдѣлаете», спрашиваютъ меня? «Мы довѣряемъ только вамъ; наша судьба въ вашихъ рукахъ—что намъ дѣлать?» Таково содержаніе всѣхъ получаемыхъ депешъ» ³⁾.

«Почему,—восклицалъ онъ въ 1819 году,—между столѣтними милліонами людей, именно я долженъ думать тамъ, гдѣ другіе не умѣютъ думать, дѣйствовать, гдѣ другіе не дѣйствуютъ, и пассивъ, потому что другіе этого не могутъ?» ⁴⁾.

Итакъ ужасъ предъ грядущимъ и неизбежнымъ крушеніемъ, гордое сознаніе своей міровой «охранительной» роли, наслажденіе отъ всеобщаго поклоненія, переходившаго иногда въ идолопоклонство и тоска отъ «привѣтствій» разныхъ «случайныхъ» людей—таковы разнообразныя и даже противорѣчивыя впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ жилъ князь Меттерникъ. Но какъ ни многочисленны и какъ ни разнообразны впечатлѣнія,

¹⁾ № 384.

²⁾ № 482.

³⁾ № 488.

⁴⁾ № 366.

все же они образуютъ въ человѣкѣ известное общее настроеніе, даютъ известный духовный *итогъ*. Меттернихъ самъ подвелъ его и выразилъ въ одномъ неожиданномъ признаніи. Съ страннымъ чувствомъ читаемъ мы его замѣтку, написанную наканунѣ новаго 1821 года.

«Счастливая минута хороша не только тѣмъ, что она счастлива (что само по себѣ хорошо), но и тѣмъ, что она укрепляетъ душу. При этомъ мнѣ живо вспомнились слова Наполеона. Во время продолжительной бесѣды, мы разговорились о недавнемъ времени; внезапно онъ воскликнулъ: «ахъ, вы не знаете какая сила — счастье! Оно одно даетъ мужество. Не смѣть (не разогнать) значитъ не дѣлать ничего достойнаго, а смѣть можно только при счастіи. Несчастье утомляетъ и ослабляетъ душу, и съ этой минуты не дѣлаешь ничего добраго»...

Почему слова падшаго императора пришли на память Меттерниху въ минуту его величайшаго могущества? Это видно изъ словъ, непосредственно слѣдующихъ за восклицаніемъ Наполеона.

«Я чувствую себя теперь одинокимъ, какъ обитатель пустыни; ничто мнѣ не улыбается и ничто меня не занимаетъ, кромѣ того, что меня утомляетъ. Пошлости мнѣ невыносимы, безсодержательныя слова ненавистны, плоское добродушіе обращается въ стоячую воду. А это образъ того, что здѣсь (въ Вѣнѣ) называется *обществомъ*. Слова и всегда слова; сколько я ихъ ни слышу — нечего отъ нихъ сохранять — стоить только забыть ихъ шумъ. Когда я, затѣмъ, спрашиваю себя, чѣмъ это кончится, и заключаю, что конецъ этого положенія будетъ, вѣроятно, обыкновеннымъ концемъ всѣхъ вещей, то я испытываю неописанный гнетъ въ душѣ и въ сердцѣ. *Не поддается сомнѣнію, что пустота у людей увеличивается пропорціонально высьи изъ положенія*. Еслибы я могъ спрятаться туда, гдѣ столь многіе чувствуютъ себя довольными, мое нравственное состояніе было бы, можетъ быть, другое...» ¹⁾

Судьба подымала, однако, другихъ людей на высоту, не меньшую той, на которой стоялъ Меттернихъ, и *пустота* не сопровождала ихъ на эту высоту. Не въ пустотѣ скончался Великій Петръ; не пустоту унесъ съ собою въ свое сельское уединеніе Вашингтонъ послѣ великихъ трудовъ по освобожденіи Америки и славнаго президентства; не пустоту ощущалъ Робертъ Пиль, и не отъ нея страдалъ Кавуръ.

Все зависѣло, конечно, отъ содержательности началъ, во имя которыхъ дѣйствовалъ Меттернихъ, и свойствъ той среды, въ ко-

¹⁾ № 546.

торой и для которой онъ долженъ былъ жить и дѣйствовать. Въ этомъ и состоитъ своеобразная трагедія Меттерниха. Онъ кончилъ свою политическую карьеру въ сознаниі полной тщетности всѣхъ своихъ многолѣтнихъ усилій. Онъ не сошелъ съ нея исполненный, подобно нашему Петру, великихъ плановъ и замысловъ: напротивъ, въ бѣгствѣ своемъ онъ ощущалъ, что онъ *весь вылезъ*, подтвердивъ лѣтъ сорокъ одни и тѣ же «принципы». Онъ удалился въ уединеніе, не имѣя возможности предвидѣть, подобно Вашингтону, будущаго величія отечества: онъ не видѣлъ вдали, подобно Кавуру, обѣтованной земли—единства и свободы родины. Пустота сопровождала его въ изгнаніе такъ же, какъ давала себя знать и во время его могущества, въ тѣ минуты, когда онъ оставался одинъ, безъ поклонниковъ и льстецовъ, безъ тѣхъ людей, которыхъ онъ такъ презиралъ, но безъ которыхъ не могъ обходиться. Впрочемъ, и «эти люди», какъ мы увидимъ ниже, показали канцлеру, что они ищутъ не однихъ поводовъ «выразить собогѣзнованіе и поздравить», но что они умѣютъ также лезть и издѣваться. У «пустоты» оказались змѣиное жало и ослиныя копыта, какъ только недавній кумиръ получилъ отставку и пробирался тайкомъ по улицамъ Вѣны, обаятой мятежомъ.

Истинная причина «пустоты» наглядно объясняется ея же жертвою. «Зло», противъ котораго боролся Меттернихъ, представлялось ему неизбѣжнымъ; ему можно было только ставить «преграды», задерживая разрушительный потокъ и охраняя, при помощи ловкихъ маневровъ, «ветхія зданія». Другими словами, министру предстояло жить изо дня въ день, отсрочивая съ минуты на минуту паденіе общественнаго порядка, который рано или поздно, по глубочайшему убѣжденію самого охранителя, долженъ былъ пасть, оставивъ послѣ себя «хаосъ». Дѣятельность, направленная по такой дорогѣ, очевидно, должна была привести къ «пустотѣ», такъ какъ въ ней не было ничего творческаго и жизненнаго. Болѣе плодотворною была бы, вѣроятно, дѣятельность, направленная къ сочетанію историческихъ началъ государствъ съ новыми потребностями, разумными и законными, иначе говоря, къ обновленію государственнаго устройства. Но тогда пришлось бы разбирать, нѣтъ ли чего разумнаго и законнаго въ новыхъ стремленіяхъ, не слѣдуетъ ли различать элементы разрушенія и элементы обновленія и не помѣщать ихъ одинаково въ «міръ безумія»? Но такая работа не могла имѣть мѣста въ системѣ, первое слово которой было: «ничего не должно мѣнять».

А. Градовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

КАПЛЯ.

Повисла капля дождевая,
Дрожа на трепетномъ листѣ
И солнца лучъ, ее лаская,
Обратно въ небо звалъ къ себѣ.
Обнявъ ее влюбленнымъ взоромъ,
Шепталъ онъ нѣжный ей упрекъ
И чудно-блещущимъ уборомъ
Свою малютку онъ облекъ...
Красой невинной сновидѣнья
Блестить ея волшебный свѣтъ,
Но кто рѣшить ея сомнѣнья,
Кто дастъ ей жизненный отвѣтъ,
Кто любовь ей будетъ, что съ ней станетъ
И въ грязь она-ли упадетъ...?
— Ее къ землѣ такъ сильно тянетъ,
Такъ небо ласково зоветъ!

ПОЭТУ.

Когда, озаренный лучами денницы,
Ты въ путь собирался, пѣвецъ молодой,
Я помню, — блестя за твоей колесницей,
Веселой и рѣзвой неслись вереницей
И счастье, и слава, и миръ, и покой.

Безумецъ! — Увлекся ты жизни теченьемъ,
И нѣтъ уже спутниковъ вѣрныхъ съ тобой, —
Смотри: окруженъ ты лишь горькимъ сомнѣньемъ,
Раскаяньемъ тщетнымъ, смѣшнымъ сожалѣньемъ
И холодомъ жизни твоей роковой.

Но духомъ не падай, — напрасна тревога:
Вѣдь отдыхъ намъ всѣмъ предназначенъ судьбой,
Не вѣчно-же длится земная дорога.
И къ цѣли ужъ близко, а тамъ у порога
Ждутъ вѣчная память и вѣчный покой.

А. А. Столыпинъ.

НАРОДНИЧЕСТВО

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Отраженія историко-этнографическихъ изученій въ литературѣ художественной.—Беллетристика изъ народнаго быта въ 1850-хъ годахъ. — Возникновеніе «народничества».

Масса труда положена была въ послѣднія десятилѣтія на изслѣдованія самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашей народной жизни—ея отдаленнѣйшихъ началъ, ея исторіи древней и новой, ея современнаго состоянія экономическаго, бытового, ея этнографическаго характера и т. д. Эти изслѣдованія сами по себѣ составляютъ въ высокой степени поучительный фактъ нашей новѣйшей общественной исторіи и, — если только дальнѣйшее ихъ развитіе не нарушится условіями, какія не одинъ разъ подрывали теченіе нашей литературы и образованія, — обобщаютъ свои благотворные результаты въ будущемъ. Какъ бы мы ни судили о безотносительномъ значеніи этихъ результатовъ, — оно иногда очень не велико, — но не подлежитъ сомнѣнію, что многія стороны и явленія народной жизни въ первый разъ были указаны теперь въ литературѣ, и въ первый разъ находили мѣсто въ общественномъ сознаніи: изслѣдованія не оставались только въ специальныхъ книгахъ, но проникали и въ широкое литературное обращеніе, въ популярную книгу и школу. — Литературные интересы къ народу — въ повѣсти, романѣ, въ теоріяхъ новѣйшаго такъ-называемаго «народничества», общественные вкусы къ «народному» въ искусствѣ и даже въ модѣ, и т. д. — одинъ изъ своихъ основныхъ источниковъ имѣли несомнѣнно въ этихъ

научныхъ изслѣдованіяхъ разнаго рода, или находили въ нихъ ошору и параллель.

Въ вопросахъ литературныхъ были особенно близки изслѣдованія историко-этнографическія.

Таковы были разнообразныя изысканія въ области народнаго обычая, старины, поэзіи. Имъ посвящено было множество труда собирателей и комментаторовъ. Съ великимъ трудомъ наши изслѣдователи, при помощи европейской науки, добивались до истиннаго смысла народной поэтической старины; много строилось для этого сложныхъ системъ, много потрачено усилій прежде, чѣмъ почувствовалась подъ ногами твердая историческая почва; а рядомъ съ научнымъ трудомъ надъ народнымъ преданіемъ, все болѣе выяснялось его нравственное значеніе и укрѣплялись сочувствія къ идеальному народному міровоззрѣнію.

Другія сосѣднія отрасли историческаго изслѣдованія различнымъ образомъ, близкимъ или далекимъ путемъ, вели къ той же цѣли объясненія народности и старины. Последняя вызвала также обширную научную дѣятельность. Правда, наша археологія до сихъ поръ весьма несовершенна. У насъ нѣтъ даже попытки цѣльнаго археологическаго взгляда, не говоря о систематическомъ и полномъ изложеніи добытаго доселѣ матеріала ¹⁾. Наша археологія состоитъ изъ отдѣльныхъ разбросанныхъ изслѣдованій, съ большими подробностями въ одномъ случаѣ, съ безпрестанными пробѣлами въ другихъ пунктахъ, съ множествомъ фактовъ и недостаткомъ объясненій. Тѣмъ не менѣе уже теперь археологическій матеріалъ очень великъ, простираясь отъ каменнаго вѣка и свайныхъ построекъ до археологіи современнаго народнаго быта. Таковы изслѣдованія о періодѣ каменнаго вѣка, предпринятые въ послѣднее время гр. А. С. Уваровымъ и Иностранцевымъ; многочисленныя раскопки, въ разныхъ концахъ Россіи, произведенныя при содѣйствіи ученыхъ обществъ — для изслѣдованія древнихъ могильниковъ, городищъ и т. п., г. Забылинымъ, Ивановскимъ, Самохвасовымъ; изслѣдованія древняго быта по старымъ историкамъ и лѣтописцамъ и бытовымъ древностямъ — Срезневскаго, Стасова, Ботларевскаго; изслѣдованія по церковной археологіи — Солицева, Прохорова, Филимонова (церковная архитектура, иконопись), Прахова (кѣвскіе фрески), Буслаева (древняя живопись); археологія ближайшаго времени, изученіе

¹⁾ Кромѣ неконченнаго опыта г. Полевого (и Замисловскаго): «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта», Сиб. 1879—80, — причежъ, относительно древнѣйшаго періода, нашихъ археологовъ предупредили нѣмецкіе ученые (Albin Kohn und Dr. C. Mahlis, Materialien etc. Jena, 1879—83).

быта и нравовъ до-Петровской Россіи — г. Забѣлина въ знаменитой книгѣ о «Домашнемъ бытѣ царей и царицъ», Костомарова — о бытѣ и нравахъ XVI—XVII столѣтія, Саввантова — о древней одеждѣ и пр.; археологія церковнаго быта, легенды — въ многочисленныхъ трудахъ, между которыми почетное мѣсто заняла книга г. Голубинскаго, начиная съ перваго критическаго объясненія древнѣйшей христіанской легенды на русской землѣ — о проповѣди и предсказаніяхъ Андрея Первозваннаго (Голубинскаго и Васильевскаго) и т. д., и т. д.

Съ пятидесятихъ годовъ чрезвычайно развились изученія языка. До тѣхъ поръ уже начаты были строго-научныя изслѣдованія древняго языка — Востоковымъ и Калайдовичемъ, народнаго языка — Надеждинымъ (работы Дала вышли позднѣе); но въ литературномъ обиходѣ все-еще господствовали понятія книжно-сухой грамматики (во вкусѣ Греча) и реторики, сначала псевдо-классической, а потомъ романтической. Геніальная поэтическая отгадка Пушкина впервые разбивала эти оковы, лежащія на языкѣ, и стихія живой народной рѣчи проникла въ литературное выраженіе: дальнѣйшій ходъ литературы все усиливалъ эту новую сторону книжнаго языка, который въ произведеніяхъ Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Тургенева, Некрасова пріобрѣталъ все новую силу. Рядомъ шла филологическая работа надъ языкомъ и защита народной рѣчи. Мы можемъ указать здѣсь только главные факты этой работы. Началомъ научной въ новѣйшемъ смыслѣ разработки языка полагается небольшое, но знаменитое въ исторіи нашей филологіи изслѣдованіе Востокова, 1820 г., замѣчательное тѣмъ, что здѣсь, въ одно время съ «Нѣмецкой Грамматикой» Я. Гримма выставленъ былъ историческій принципъ объясненія для языка. Дальнѣйшія работы Востокова заключались въ спеціальномъ описаніи и филологической критикѣ памятниковъ, въ разработкѣ грамматики и особенно въ собираніи церковно-славянскаго словаря, изданнаго уже впоследствии. Но указанный Востоковымъ путь изслѣдованія, высоко оцѣненный западно-славянскими учеными, у насъ долго оставался безъ послѣдователей, — именно до новаго повожденія славистовъ (Прейсъ, Бодявскій, Срезневскій, Григоровичъ); съ нихъ собственно и начинается послѣдовательное и разностороннее изученіе предмета ¹⁾, который понимался съ тѣхъ поръ

¹⁾ До этого времени можно назвать только труды прот. Павскаго; но онъ, при всѣхъ свѣдѣніяхъ и наблюдательности, грѣшилъ въ особенности недостаткомъ историческаго пріема и настоящей филологической школы.

уже въ исторической связи русскаго языка съ семьей языковъ и нарѣчій славянскихъ. Далѣе присоединяется изученіе сравнительное: славянскіе языки введены были въ общее изслѣдованіе индо-европейскихъ языковъ. Первые сравненія сдѣланы были уже основателемъ этой отрасли науки, знаменитымъ Боппомъ, употреблены въ дѣло Гриммомъ и, вмѣстѣ съ изученіемъ историческимъ, поведены дальше новымъ поколѣніемъ филологовъ — Шлейхеромъ, Миклошичемъ, Ягичемъ и другими; въ настоящее время этотъ предметъ привлекаетъ и русскія научныя силы. Для исторіи русскаго языка важны въ особенности труды Срезневскаго, послѣ котораго остался, между прочимъ, замѣчательный словарь древняго русскаго языка, нынѣ приготавливаемый къ изданію; изслѣдованія г. Грота; труды г. Буслаева, который, какъ мы видѣли, въ сущности первый въ нашей литературѣ указалъ на новую науку и далъ образчикъ примѣненія сравнительной филологіи къ русскому матеріалу — для исторіи самаго языка и народныхъ вѣрованій. Въ послѣднія десятилѣтія выступилъ рядъ ученыхъ филологовъ новаго поколѣнія; между ними должны быть въ особенности названы гг. Потебня, П. Житецкій, А. Будиловичъ, Колосовъ (недавно умершій) и друг. Это изученіе, сравнительное и историческое, впервые раскрывало источники и ходъ развитія русскаго языка, его историческую жизнь и, установивъ, такимъ образомъ, историческую законность явленій языка, въ первый разъ могло сознательно указывать и объяснить высокую цѣнность формъ *народной рѣчи*.

Изученія славянскія въ послѣднее двадцатипятилѣтіе впервые установились прочно. Основаніе правильной славистики было положено у насъ посылкой молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ. Первые слависты, — имена которыхъ мы выше назвали, — гораздо больше работали для своего предмета на кафедрѣ, чѣмъ въ литературѣ. Предметъ — славянская исторія, въ ея разныхъ отрасляхъ, и славянская филологія — былъ такъ обширенъ, и на самой славянской почвѣ въ то время такъ еще новъ, и матеріалъ постоянно такъ расширялся, что ни одинъ изъ нихъ не брался за цѣльный обобщающій трудъ — кромѣ того, какой требовался преподаваніемъ. Срезневскій вскорѣ отвлекся въ собственно русскую археологію и археографію; Бодянский, въ «Чтеніяхъ», занялся всего больше изданіемъ русскихъ и малорусскихъ историческихъ памятниковъ, гдѣ, между прочимъ, являлся и славянский матеріалъ; Григоровичъ много работалъ, но писалъ мало, и его лекціи, читанныя съ начала сороковыхъ годовъ, печат-

таются только теперь (1). Но преподаваніе имѣло весьма плодотворные результаты. Славистика пустила крѣпкіе корни въ нашей наукѣ; второе поколѣніе было уже довольно многочисленно и много дѣйствовало въ литературѣ. Учениками Бодянского были—Гильфердингъ, Котляревскій, Дювернуа, Н. Поповъ; Срезневскаго—П. Лавровскій, Ламанскій, Макушевъ; Григоровича—М. Петровскій, П. Ровинскій, Кочубинскій. Теперь выступает уже третье поколѣніе; о численности его даетъ наглядное свидѣтельство вышедшій недавно сборникъ трудовъ о славянствѣ, составленный учениками г. Ламанскаго въ 25-лѣтію его славянской профессуры.

Изученія историческія и этнографическія, о которыхъ мы выше говорили, все больше обращались къ разъясненію бытовой стороны жизни, какъ общества, такъ и народа. Исторіографія начинаетъ уже специализировать свои поиски—на исторію областную, племенную, сословную, исторію учреждений, біографію, различныя явленія народнаго быта (колонизаціи, общины, промысловъ и т. д.). Усиліями правительства, земствъ и частныхъ лицъ выросли (и теперь достигли громаднаго по объему матеріала) изслѣдованія промышленнаго и земледѣльческаго быта, его устройства и экономическаго характера. Въ связи съ исторіей они даютъ все болѣе полную и реальную картину народной жизни, съ ея прошедшимъ и настоящимъ.

Всѣ эти изученія, кромѣ чисто-научнаго, имѣли и значеніе общественное: оно, конечно, не всегда легко опредѣлимо, — факты литературныхъ вліяній вообще трудно поддаются наблюденію, подчиняясь въ то же время фактамъ прямой дѣйствительности, — но вліяніе это едва ли сомнительно. Эти изученія отчасти отвѣчали тому интересу къ народной жизни, который возникалъ изъ общихъ историческихъ условій государственнаго быта, и вмѣстѣ сами распространяли этотъ интересъ, открывая новыя стороны сложнаго и глубокаго вопроса. Довольно сопоставить положеніе вопроса въ литературѣ 50-хъ годовъ и теперь, чтобы видѣть громадную разницу и въ количествѣ пріобрѣтенныхъ фактовъ, и въ способѣ ихъ трактованія. Не только въ книгѣ, но и въ обыденной литературѣ, въ общественныхъ понятіяхъ дѣло ставится гораздо опредѣленнѣе, и если теперь, по всему характеру обстоятельствъ, слышится гораздо больше голосъ жельно реакціонныхъ, чѣмъ голосовъ благожелательныхъ къ народному дѣлу, — то матеріалъ во всякомъ случаѣ выросъ до громаднаго обилія и даетъ, хотя въ будущемъ, средства для гораздо болѣе многосторонняго пониманія и вывода, чѣмъ какіе

были возможны въ недавнее, — а по обстоятельствамъ — и въ настоящее время.

Спеціальныя изслѣдованія обыкновенно не проникаютъ въ массу читателей; въ популярномъ обращеніи нерѣдко долго еще остаются историческія и этнографическія понятія, въ сущности давно отвергнутыя и перерѣшенные наукой; но съ теченіемъ времени научныя приобрѣтенія все-таки пробиваютъ себѣ путь. И дѣйствительно, работы послѣднихъ десятилѣтій также нашли этотъ путь въ сумму общественныхъ понятій.

Какъ ни далека археологія и древняя исторіографія отъ текущихъ интересовъ, они имѣли свое дѣйствіе. Изученіе народной старины, по справедливому замѣчанію одного нѣмецкаго археолога, удлиняетъ на цѣлыя вѣка національную жизнь, обогащаетъ народную память и дѣлаетъ болѣе сознательнымъ пониманіе исторіи. Наша археологія и филологія вводили русскій народъ исторически въ европейскую семью, изъ которой иные рыцарские патріоты непремѣнно желали его устранить, — и чѣмъ дальше шли изысканія, тѣмъ больше указывали между ними культурно-историческихъ точекъ соприкосновенія. Мірѣ славяно-русскій уже въ его до-историческія времена примыкаетъ въ началкахъ своей цивилизаціи къ тому же античному наслѣдству, къ которому примыкалъ (хотя ближе) мірѣ романо-германскій; эта связь только продолжилась потомъ принятіемъ христіанства и византійской литературы, а въ новѣйшей исторіи — дѣятельностью Петра Великаго...

Въ результатѣ изученій славянства, отношенія къ славянскому міру, во время сербской и турецкой войны, въ первый разъ были для русскаго общества нѣсколько сознательнымъ явленіемъ (въ положительную и въ отрицательную сторону). Въ старыя войны, гдѣ замѣшана бывала Черногорія и Сербія, гдѣ большая доля военныхъ дѣйствій русскихъ армій происходила на болгарской почвѣ, присутствіе славянской стихіи едва подозрѣвалось: смутно знало о ней само правительство, а большинство даже образованнаго общества понимало въ турецкихъ войнахъ интересъ политическій — обезпеченіе южныхъ предѣловъ государства, и религіозный — защиту единовѣрцевъ, но имѣло самое туманное или никакого представленія о единоплеменникахъ. Начало этого, болѣе замѣтнаго любопытства въ славянскому міру относится къ концу 50-хъ и началу 60-хъ годовъ, къ общей эпохѣ оживленія русскаго общества: въ славянскія земли заѣзжали русскіе путешественники, въ журналахъ стали нерѣдко появляться статьи о разныхъ уголкахъ славянскаго міра, пере-

воды изъ славянскихъ литературъ. Московскій съѣздъ 1867 года, сколько ни было въ немъ странностей, послужилъ для любителей наглядной выставкой славянскаго движенія; въ 70-мъ годамъ еще размножились научныя силы, обратившіяся къ изученію славянства. Но въ это же послѣднее время высказалась и другая точка зрѣнія на славянскій вопросъ—не очень въ нему расположенная, даже рѣзко отрицательная; она исходила изъ того основанія, что племенное единство, при тысячелѣтней раздѣльности исторіи, еще не представляетъ данныхъ для такого «братскаго единенія», о которомъ такъ настойчиво проповѣдывалось и котораго (какъ это и оказывалось при ближайшемъ знакомствѣ) и нѣтъ въ дѣйствительности, и исходила также изъ того, что русское общество въ своемъ настоящемъ положеніи имѣетъ слишкомъ много домашней заботы, чтобы мечтать о славянскихъ включеніяхъ, въ которыхъ, при этой заботѣ, и не можетъ имѣть какой-нибудь дѣйствительной роли: въ концѣ-концовъ, эта точка зрѣнія находила наши славянскія увлеченія прямо вредными, потому что они на мѣсто настоятельнаго дѣла ставили безплодную фантазію...

Совершенно новое воззрѣніе на народную поэзію было внесено новыми изслѣдователями, и во главѣ ихъ г. Буслаевымъ. Интересъ былъ уже значительно возбужденъ и гораздо ранѣе, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, но ни романтическое настроеніе малорусскихъ этнографовъ, ни изысканныя теоріи Надеждина, и еще менѣе, грубое народничанье Сахарова (которое тогда не бросалось даже въ глаза!), ни, наконецъ, взглядъ Бѣлинскаго не давали ключа къ этой своеобразной отрасли народнаго творчества, — не объясняли ея ни въ историческомъ, ни въ эстетическомъ отношеніи, не могли внушить къ ней болѣе близкаго интереса. Впервые это сдѣлано было въ трудахъ г. Буслаева, который съ первымъ научнымъ приѣмомъ изученія соединилъ гуманное отношеніе къ пренебрегаемому классу, носителю этой поэзіи, и далъ въ своихъ трудахъ не только историко-этнографическій трактатъ, но и апологию нравственнаго и поэтическаго достоинства этихъ произведеній народа. Въ его комментаріи общество опять въ первый разъ дѣйствительнымъ образомъ знакоилось съ народной поэзіей, какъ съ отраженіемъ нравственнаго склада народа, и научалось правильно понимать особенности ея формы и историческія формации ея содержанія.

Правда, не обошлось безъ ошибокъ и преувеличеній; послѣдователи г. Буслаева не сумѣли сохранить его изыщнаго, и исторически, часто очень безпристрастнаго отношенія къ предмету,

которое смѣнилось у нихъ ухищренной мистической сентиментальностью,—но во всякомъ случаѣ новая точка зрѣнія была приобрѣтена для литературы, и мы видѣли, какъ широко развилась эта отрасль историческаго изслѣдованія, начатаго съ такой любовью и пониманіемъ. Народная поэзія являлась обществу въ новомъ свѣтѣ: это не были только произведенія безграмотнаго люда, съ грубой фантазіей и бѣднымъ содержаніемъ, произведенія, которыя способны представить одинъ интересъ элементарнаго зачатка, давно отиѣннаго развитіемъ просвѣщенія и литературы; напротивъ, это былъ отголосокъ юности націи, плодъ всенароднаго творчества, гдѣ велось и обновлялось исконное преданіе, гдѣ нужно только съумѣть подойти къ дѣлу—съ научнымъ приѣмомъ и съ человѣчнымъ вниманіемъ,—чтобы открыть высокія красоты содержанія и выраженія. Пониманіе этой поэзіи становилось фактомъ общественнаго значенія: когда масса крѣпостного крестьянства восстанавливалась въ своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ, это пониманіе являлось съ другой стороны уразумѣніемъ внутренней природы народа, его поэтическихъ и нравственныхъ преданій и идеаловъ. Остававшійся внѣ историческаго движенія народъ жилъ въ своемъ традиціонномъ поэтическомъ мірѣ: надо было съумѣть войти въ этотъ міръ, чтобы въ нравственной сферѣ восстановить ту связь, которая въ жизни гражданской восстанавливалась отиѣной грубаго, несправедливаго учрежденія... Народная поэзія заняла съ тѣхъ поръ большое мѣсто въ исторіяхъ литературы, въ школьномъ преподаванні и, наконецъ, въ воспроизведеніяхъ современной поэзіи...

Подобный смыслъ имѣли новыя изслѣдованія языка. Понятіе о языкѣ какъ органическомъ, исторически развивающемся явленіи; уже тѣмъ самымъ устанавливало равноправность различныхъ его формъ и образованій въ историческомъ отношеніи: языкъ народный требовалъ такого же вниманія, какъ языкъ книжный, и даже болѣе: какъ произведеніе творчества всенароднаго, онъ былъ лучшимъ выраженіемъ основныхъ свойствъ, такъ называемаго «духа», народной рѣчи, когда языкъ книжный слишкомъ подлежалъ личному произволу и, какъ дѣло незначительнаго образованнаго меньшинства, не провѣрялся массою народа. Равноправность, доказанная въ научномъ отношеніи, была признана и въ литературномъ смыслѣ: народная рѣчь—и матеріалъ, и складъ ея—встрѣчали теперь гораздо менѣе препятствій, чтобы проникнуть въ книгу и общественное употребленіе, что прежде достигалось съ трудомъ и только изрѣдка дозволялось авторитетному писателю. Грамматика языка являлась уже не сборникомъ

школьныхъ педантическихъ правилъ, а исторіей и фізіологіей живого народнаго творчества, не потерявшаго силы и по настоящую минуту. Нѣкогда Гоголь сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ нападеній со стороны блюстителей чистоты русскаго языка за нѣкоторые обороты рѣчи, не прописанные въ грамматикѣ Греча; съ тѣхъ поръ мы видѣли несравненно болѣе сильныя заимствованія изъ разговорнаго и народнаго языка, и они уже не возбуждаютъ сомнѣній, — если только не противорѣчатъ живому употребленію языка. Были и есть, конечно, преувеличенія, грубое книжное примѣненіе народной рѣчи, безвкусная поддѣлка, — но въ цѣломъ литературный языкъ несомнѣнно обогатился.

Распространеніе изученій историческихъ отразилось въ литературѣ обильнымъ размноженіемъ исторической повѣсти, романа и исторической драмы, — размноженіемъ, какого не было съ эпохи тридцатыхъ годовъ, когда этотъ романъ подобнымъ образомъ явился одновременно съ особымъ оживленіемъ историческаго интереса послѣ Карамзина и особенно подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта. Новѣйшіе романы избирали самыя разнообразныя эпохи, отъ періода удѣловъ до нынѣшняго столѣтія, и когда историческія разысканія коснулись многихъ эпизодовъ въ исторіи прошлаго столѣтія, которые до тѣхъ поръ оставались недоступны для литературы, то и романъ успѣвши воспользоваться сенсационными сюжетами, какъ событія времени Петра, какъ воцареніе Екатерины II, дѣло Мировича, исторія княжны Тарановой и пр., и пр. Правда, критика вообще мало довольна произведеніями этого новаго историческаго романа, и дѣйствительно — за двумя-тремя исключеніями — онъ не представилъ ничего первостепеннаго и еще повторяетъ старинныя приемы: или шаблонный романтизмъ, или реалистическія намѣренія, пока еще плохо прилаженные къ историческому матеріалу, — но было бы все-таки несправедливо не признать здѣсь извѣстнаго успѣха. Въ изображеніи историческихъ эпохъ — гораздо больше знанія; археологія доставила больше средствъ для передачи колорита мѣста и времени; слишкомъ грубыя ошибки тона разсказа становились невозможны. Въ общемъ обиходѣ литературы историческій романъ мало прибавилъ со стороны чистаго художества, но былъ не бесполезенъ какъ популяризація историческихъ знаній.

Но гдѣ къ историческимъ темамъ приступалъ сильный талантъ, тамъ бросался въ глаза громадный успѣхъ историко-художественнаго пониманія, матеріалъ котораго доставленъ былъ,

конечно, новѣйшей исторіографіей. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь, конечно, «Война и миръ», гр. Л. Толстого, — романъ, въ параллель которому можно привести только историческія повѣсти Пушкина и «Тараса Бульбу». Съ другой стороны явится передъ нами «Исторія одного города», историческая сатира, которая была бы единственною своего рода безъ такой же параллели въ — «Исторія села Горохина».

Припомнимъ дальше историческія драмы г. Островскаго, гдѣ онъ нерѣдко мастерски пользуется историческими мотивами, — и даже «Сябгурочку», гдѣ съ большимъ искусствомъ приведена въ дѣйствіе старая народная мифологія. Счастливыя воспроизведенія представляютъ драмы гр. А. Толстого, и нѣк. др. Не причислимъ сюда «Семейной Хроники» С. Т. Аксакова, потому что она задумана не какъ исторія, а какъ личныя воспоминанія о старинѣ. Наконецъ упомянемъ о художественной исторіографіи, замѣчательнѣйшими произведеніями которой были въ особенности первые труды г. Костомарова («Богданъ Хмельницкій», «Стенька Разинъ»).

Новѣйшая поэзія старалась воспроизвести и старинный народный эпосъ. Эти попытки кажутся намъ вообще мало удачными: онѣ остаются копіей, не схватившей смыслъ оригинала. Прежде всего, копируемая былина, въ ея новѣйшей формѣ и условіяхъ ея существованія, уже перестала быть поэзіей общенародной: большею частью, это лишь — мѣстное (сѣверное) преданіе, забытое въ остальномъ народѣ, и это преданіе воспроизводилось притомъ подъ вліяніемъ такихъ толкованій, которыя не отвѣчали исторической дѣйствительности, — поэтическое преданіе было обыкновенно моложе эпохи, куда его причисляли, и было не столь исключительно національнымъ созданіемъ, какъ думали. Наконецъ, сами поэты обыкновенно относились въ дѣлу съ тѣмъ подогрѣтымъ археологическимъ капризомъ, который еще не даетъ поэтическаго содержанія. Старая былина можетъ быть намъ повторена съ ея полнымъ значеніемъ лишь тамъ, гдѣ ея мысль будетъ обставлена не одними археологическими чертами, — такъ, напр., она понятна у г. Успенскаго¹⁾. Но вообще старина еще не внушила нашимъ поэтамъ другого произведенія, равнаго пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ.

¹⁾ Власть земли, М. 1888, стр. 26

Томъ I. — Январь, 1884.

Мы говорили до сихъ поръ о томъ, какъ отражались въ литературѣ о народѣ историко-этнографическія изученія. Но всего могущественнѣе дѣйствовала на развитіе интереса къ народному, конечно, сама жизнь, со всѣми ея сложными пружинами: возбужденія, исходившія отъ науки и успѣховъ образованія, только примыкали къ общему настроенію, какое диктовалось несознательнымъ инстинктомъ національной потребности, а затѣмъ и сознательнымъ его уразумѣніемъ. Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, основная мысль лучшихъ людей общества и литературы сводилась къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ и о какой-нибудь свободѣ общественной самостоятельности. При всей невозможности въ литературѣ правдиваго изслѣдованія и изображенія существующихъ порядковъ, жизнь дѣлала свое; впечатлѣнія ея, хотя разрозненныя, умалчиваемыя, производили свое дѣйствіе. Литература, несмотря на все ея стѣсненіе, являлась отголоскомъ этой внутренней жизни.

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай говорить о томъ, какъ складывалось понятіе о народности въ литературѣ художественной во времена Пушкина и послѣ, до «Записокъ Охотника». Послѣ Пушкинской и Лермонтовской народности особенное движеніе этой идеи относится къ послѣднимъ сороковымъ годамъ — въ обоихъ тогдашнихъ лагеряхъ, славянофильскомъ и такъ-называемомъ западническомъ. Появляются первые «Московскіе Сборники» съ одной стороны; послѣднія статьи Бѣлинскаго, первые произведенія Тургенева, Григоровича, Некрасова — съ другой, и возникаетъ извѣстная полемика. Славянофильскую исходною точкою зрѣнія былъ весьма туманный національный идеализмъ, построенный при большой помощи нѣмецкой философіи, по ея приемамъ и даже съ ея терминологіей. Западническое народное направленіе, продолжая литературную традицію Пушкина и Лермонтова, было вмѣстѣ подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя (художественный реализмъ и общественная сатира), и наконецъ подъ вліяніемъ доходившихъ къ намъ отголосковъ политическаго и соціальнаго возбужденія европейскихъ обществъ передъ 1848 годомъ (и послѣ). Оба эти теченія отразились въ литературѣ художественной. У славянофиловъ, дѣятельность которыхъ продолжалась въ 1850-хъ годахъ, уже при новомъ царствованіи, изданіемъ «Русской Бесѣды», эти художественныя произведенія были весьма немногочисленны: стихотворенія Хомякова, Ив. Аксакова, потомъ сочиненія С. Т. Аксакова (они были предметомъ гордости славянофиловъ, хотя принадлежатъ сюда весьма условно), повѣсти Кохановской, имя которой появлялось въ «Р. Бесѣдѣ» и потомъ въ газетѣ «День»,

и пр. ¹⁾ Въ другой литературной школѣ начинается дѣятельность писателей, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ Бѣлинскимъ: повѣсти изъ крестьянскаго быта, Григоровича («Деревня», «Антонъ Горемыка», повѣсти «Рыбаки» и проч.), «Разказы Охотника», въ 1850-хъ годахъ первыя стихотворенія Некрасова съ темами изъ народной жизни, и проч. Намъ уже не разъ случалось упоминать о томъ, какой общественный смыслъ заключался въ отношеніи этихъ произведеній къ народной жизни. Теперь смерть Тургенева напомнила всей массѣ литературы и образованной части общества великое гуманитарное значеніе его перваго крупнаго произведенія, и мы уже не имѣемъ надобности на немъ подробно останавливаться. Довольно сказать, что въ ближайшемъ кружкѣ «Записки Охотника» приравнивались тогда къ извѣстной книгѣ г-жи Бичеръ-Стоу (о крестьянскомъ вопросѣ говорилось какъ объ американскомъ вопросѣ освобожденія негровъ). — Къ крестьянскому дѣлу одинаково относились и въ славянофильскомъ кружкѣ, и вообще въ пониманіи тогдашняго бюрократическаго режима (говоримъ о концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ) обѣ литературныя партіи очень сходились, — одинаково чувствуя на самихъ себѣ его тяготу и одинаково понимая элементарный вопросъ народной жизни. Поэтому, несмотря на раздоръ теоретическій, художественныя произведенія различныхъ школъ или партій находили взаимно справедливую (болѣе или менѣе) оцѣнку. Въ западномъ лагерѣ принимали съ сочувствіемъ произведенія С. Т. Аксакова, считавшіяся (впрочемъ, несовершенно основательно) дѣломъ славянофильской школы и возрѣнія; отдавали справедливость повѣстямъ г-жи Кохановской; Некрасовъ (какъ извѣстно намъ) имѣлъ однажды намѣреніе быть издателемъ стихотвореній г. Ив. Аксакова. Съ другой стороны, противная партія, не весьма сочувствовавшая Тургеневу, отдала справедливость «Запискамъ Охотника».

Въ наше время много говорится о такъ-называемомъ «народничествѣ», — говорится особенно самими его адептами. Оно само считаетъ себя именно новѣйшимъ общественнымъ принципомъ, гордится собою какъ новоизобрѣтенной панацеей, — между тѣмъ его первые источники мы несомнѣнно найдемъ въ движеніи сороковыхъ годовъ — одну сторону, либерально-освободительную въ идеяхъ школы Гоголя и Бѣлинскаго; другую, мистическо-сан-

¹⁾ Въ „Русской Бесѣдѣ“ являлись и сочиненія г. Кулиша (напр., историческій романъ „Черная Рада“), — но присутствіе ихъ здѣсь было теоретическимъ недоразумѣніемъ, какъ послѣ и оказалось.

timentальную,—въ славянофильствѣ, до «хожденія въ народъ» и переодѣванья въ народный костюмъ. Мысль—окунуться въ народъ, подслушивать тайны его внутренней жизни, собрать и освѣтить плоды его поэтического творчества,—мысль, какъ мы видѣли, вообще распространявшаяся въ ту эпоху въ инстинктивномъ чаяніи освобожденія крестьянъ,—уже тогда возникала опять въ обѣихъ сторонахъ литературы, въ кругу ученыхъ изслѣдователей (какъ Буслаевъ, Афанасьевъ, оба нимаго не славянофилы) и въ кругу славянофиловъ,—и у первыхъ съ такими же цѣнными результатами для научнаго объясненія, какъ у вторыхъ были цѣнными труды собирательскіе. Тотъ же интересъ внушилъ и Тургеневу одинъ изъ самыхъ изящныхъ разсказовъ въ «Запискахъ Охотника» («Пѣвцы»). Въ дѣлѣ собиранія народныхъ пѣсенъ уже съ тридцатыхъ годовъ явился энергическій дѣятель въ лицѣ Петра Кирѣевскаго. Именно онъ и началъ, пожалуй, хожденіе въ народъ, конечно не въ томъ фатальномъ смыслѣ, какой получило это слово впоследствии,—но онъ дѣйствительно ходилъ въ народъ, самъ принималъ, какъ говорятъ, народную складку и несомнѣнно демократическіе принципы, и результатомъ его исканій въ средѣ народа было знаменитое собраніе пѣсенъ, которое г. Буслаевъ называлъ обще-національнымъ достояніемъ. Не менѣе Кирѣевскаго былъ «народникомъ» Константинъ Аксаковъ. Искренній энтузіастъ, онъ не могъ оставаться простымъ теоретикомъ своего ученія или фразистымъ резонеромъ на мистическо-консервативныя тѣмы, какъ нѣкоторые изъ его собратій; онъ поэтизировалъ свои принципы, искалъ примѣнить ихъ къ исторіи прошедшаго, а также и къ настоящему. Самымъ характернымъ образчикомъ его народничества была знаменитая въ свое время статья: «Публика и народъ»,—о которой напрасно забыли народники современные,—гдѣ «публика» (т. е. классъ чиновническій и барскій, получающіе со временъ Петра ложное противонародное воспитаніе, оба тяготящіе надъ народомъ; нынче сказали бы просто: «интеллигенція») изображалась какъ противоположность народа, какъ чуждый всему существу его и паразитный элементъ. Подразумѣвалось конечно, что эта «публика», если хочетъ исправиться, должна слиться съ народомъ,—но какъ это сдѣлать, неизвѣстно. Можно было, конечно, предполагать, что этому могло послужить какое-либо освобожденіе народа, его извѣстная самостоятельность; но это положеніе такъ и осталось неразвитымъ, а эпигоны славянофильской школы потеряли смыслъ ея ученія. — Борьбой противъ «публики» въ (мнимую) защиту народа была и полемика славянофиловъ противъ пи-

сателей круга Бѣлинскаго, — но самое движеніе литературы вскорѣ указало, что самонадѣянность школы ошиблась: вліяніе ея противниковъ оказалось гораздо сильнѣе и благотворнѣе, чѣмъ ихъ туманная проповѣдь. — Народничество этой школы высказалось наконецъ и внѣшними символами: Хомяковъ отпустилъ себѣ бороду, — но ему велѣно было ее сбрить; К. Аксаковъ одѣлся въ костюмъ мужицкаго фасона. — Ученикомъ Петра Кирѣевскаго съ сороковыхъ годовъ сталъ извѣстный потомъ этнографъ и народникъ П. И. Якушкинъ, оставившій хорошее собраніе пѣсенъ и нѣсколько этнографическихъ очерковъ. Позднѣе (въ пятидесятыхъ годахъ), къ славянофильскому кругу примкнуло нѣсколько новыхъ дѣятелей; изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ былъ извѣстный славистъ Гильфердингъ, который въ данномъ вопросѣ оказывалъ изученію народности великую услугу собраніемъ «Онежскихъ былинъ»; далѣе, Рыбниковъ и др. Такъ стояли въ первымъ 50-мъ годамъ двѣ главныя тогдашнія литературныя партіи, обѣ одинаково преданныя народному дѣлу, хотя рѣзко расходившіяся въ исходномъ пунктѣ его пониманія и защиты, — и обѣ одинаково ограниченныя въ ту минуту теоретическими препирательствами и надеждами на будущее. Въ началѣ 50-хъ годовъ къ нимъ присоединился еще одинъ отгѣнокъ, довольно замѣтный, но и не довольно яркій, чтобы занять самостоятельное положеніе. Это былъ рядъ писателей - народниковъ, соединившихся одно время около «Москвитинина», или собственно говоря, около «молодой редакціи» (Ап. Григорьевъ, Эдельсонъ, Б. Алмазовъ), которой Погодинъ предоставлялъ дѣйствовать въ своемъ журналѣ, въ то же время забавно отрекаясь отъ ея грѣховъ. Именно, около 1850 г. въ этомъ журналѣ стали появляться новыя имена, которыя тотчасъ обратили на себя вниманіе въ литературныхъ кругахъ. Островскій, Писемскій, А. Потѣхинъ, Андрей Печерскій (Мельниковъ), Коворевъ. Эти писатели не составляли солидарнаго кружка, сошлись случайно въ московскомъ журналѣ, но были однако извѣстныя черты, отдѣлавшія ихъ одно время въ особую группу. Они не принадлежали къ кругу Бѣлинскаго, не проходили того развитія понятій, которое шло въ этомъ кругѣ отъ философскихъ возбужденій тридцатыхъ годовъ и отъ слѣдовавшихъ за ними вліяній западно-европейской литературы; но, больше предоставленные самимъ себѣ, они воспитались однако въ традиціяхъ Пушкина и Гоголя, а затѣмъ вѣроятно не обошлось и безъ вліянія новой послѣ-Гоголевской литературы. Они были москвичи или прошли университетъ въ Москвѣ, близко знали московскую или провинціальную жизнь. Знаніемъ быта

они часто превосходили своихъ петербургскихъ собратій и, какъ, напр., Мельниковъ, были иногда настоящіе «бывалые» люди, видавшіе всякихъ людей и всякіе закоулки жизни. Были въ этихъ условіяхъ ихъ личнаго положенія свои выгоды и невыгоды: отсутствіе тѣхъ привычныхъ взглядовъ и пріемовъ, какіе даются кружкомъ, могло (конечно, не говоря о собственной силѣ дарованій) сохранять писателю его оригинальность, расширять условныя рамки литературнаго рода; но съ другой стороны, быть можетъ, вслѣдствіе тѣхъ же условій, являлась и неровность, и даже грубость работы, иной разъ и неполнота самаго пониманія наблюдаемой жизни. Тѣ или другія указанныя черты не трудно найти не только у второстепенныхъ талантовъ, но даже у такихъ крупныхъ писателей, какъ Островскій или Писемскій. Островскій послѣ перваго главнаго своего произведенія: «Свои люди сочтемся»¹⁾, — комедіи первостепеннаго достоинства, исполненной глубокаго пониманія изображаемой жизни, позднѣе впадалъ иногда въ сентиментальность, вслѣдствіе которой славянофилы сочли его своимъ челоукомъ; Аполлонъ Григорьевъ видѣлъ въ его произведеніяхъ «новое слово» — конечно въ смыслѣ той особой полу-славянофильской школы, которую представлялъ собою Григорьевъ (а впослѣдствіи съ нимъ вмѣстѣ Ѳ. Достоевскій, г. Страховъ, и вообще журналъ «Время» — «Эпоха»). Писемскій прекрасно, практически, зналъ бытъ, который бралъ себѣ тѣмой, далъ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, — но былъ очень неровенъ. Мельниковъ по преимуществу былъ знатокъ провинціальнаго народнаго быта. Челоуекъ, много видѣвшій, юркій, съ такъ называемой сметкой — хотя безъ особенныхъ правильно сложенныхъ свѣдѣній — онъ имѣлъ и значительный беллетристическій талантъ: его рассказы обратили на себя вниманіе именно этимъ рѣдко встрѣчающимся знаніемъ народнаго быта въ его мельчайшихъ подробностяхъ, простой и вѣрной ихъ передачей, — но ему не удалось возвыситься ни до настоящаго поэтическаго творчества, ни до твердо установившагося взгляда на условія народной жизни. «Москвитянинъ», какъ мы сказали, былъ случайно пріютомъ этихъ писателей на первое время: ихъ могла привлечь сюда наклонность «молодой редакціи» къ чему-то народному, хотя самъ издатель былъ именно одинъ изъ самыхъ усердныхъ служителей народности официальной. Вскорѣ уже эти писатели покинули свое гнѣздо, и почти всѣ перешли въ петербургскія

¹⁾ Ему предшествовали въ послѣднихъ сороковыхъ годахъ небольшіе бытовые очерки, составлявшіе пробу пера.

идація, совсѣмъ не похожія на «Москвитини». Они примкнули къ тому движенію, главнымъ представителемъ котораго былъ тогда Тургеневъ, какъ авторъ «Записокъ Охотника».

Вкладъ, сдѣланный новой повѣстью изъ народнаго быта (о ней собственно мы здѣсь говоримъ), былъ довольно значительнъ. Новые повѣствователи затрогивали много новыхъ сторонъ быта, какія до тѣхъ поръ или совсѣмъ не находили мѣста въ литературѣ, или не находили такого точнаго изображенія: старинная жизнь — до воспоминаній о прошломъ вѣкѣ; купеческіе нравы; быть крестьянскій, раскольникій и т. п.; матеріалъ литературнаго языка размножался массой новыхъ оборотовъ народнои рѣчи. — Но эта новая повѣсть изъ народнаго быта имѣла и свои очень крупныя недостатки. Дѣло въ томъ, что народъ не такъ легко поддавался изображенію. Повѣствователи такъ привыкли къ обычному складу тогдашней повѣсти и романа, что не усумнились по тому же шаблону располагать и свои новыя народныя разсказы. Форма этихъ произведеній выработалась на изображеніяхъ совсѣмъ изъ другого міра — изъ круга общественныхъ отношеній и личной жизни образованнаго класса; она требовала извѣстной завязки, обрисовки характеровъ, нравственныхъ столкновеній, психологическаго анализа, наконецъ, ландшафта, какъ фона для картины и т. п.; въ романѣ эти требованія были еще сложнѣе, нежели въ повѣсти. Новые повѣствователи все это добросовѣстно сохранили и въ своихъ повѣстяхъ на народныя сюжеты. Здѣсь было все — и характеры, и внутреннія столкновенія, и тонкій психологическій анализъ, но часто не было одного — естественности. Критика, однако, встрѣтила ихъ вообще съ большими похвалами; новыя беллетристы просили знатоками и прекрасными разсказчиками изъ народнаго быта; каждое новое произведеніе ихъ встрѣчалось съ великимъ интересомъ, разбиралось и комментировалось. Но ныне усумнились: имъ бросилось въ глаза, что въ новой повѣсти къ народному быту приложены въ сущности тѣ же самыя пружины, которыя примѣнялись совсѣмъ къ иному порядку жизни и здѣсь видимо не имѣли мѣста. Приведены были и вопіющіе примѣры ¹⁾. Они отысканы были у Григоровича, и у Писемскаго, Потѣхина, Авдѣева и т. д. Впослѣдствіи, какъ увидимъ далѣе, Добролюбовъ относился къ этому періоду нашей народнои повѣсти еще строже ²⁾.

¹⁾ Современникъ, 1864, № 2 и 3; Воспоминанія и критич. очерки, Анненкова. См. 1879, II, стр. 46—84.

²⁾ Сочин. Добролюбова, 1-е изд., т. 3, стр. 229 и д.

Фальшивая манера, указанная этими критиками, еще рѣче выступала у писателей второстепенныхъ и третьестепенныхъ. Сочувствіе, съ которымъ приняты были народныя повѣсти по ихъ благому намѣренію и отдѣльнымъ интереснымъ эпизодамъ (недостатки, по новости дѣла, не всѣми замѣчались), повело къ тому, что литература была наводнена рассказами изъ народнаго быта. Кромѣ названныхъ писателей, этимъ родомъ повѣсти занялись Данковскій (псевдонимъ очень извѣстнаго нинѣ дипломата), Лазаревскій, Михайловъ, Мартыновъ; извѣстный Авдѣевъ написалъ своего «Огненнаго Змія»; на эту дорогу вступали извѣстные поэты—Мей, Фетъ; даже г. Майковъ, покинувъ антологическую поэзію, написалъ «Дурочку-Дуню» и т. д. Погоня за вѣрностью крестьянскаго колорита доходила до того, что герои повѣстей говорили сплошь мужицкимъ языкомъ, изломаннымъ до непонятности; нѣкоторыхъ повѣствователей (напр. Мартынова, Данковского) нельзя было читать безъ «Областного Словаря» въ рукахъ—кстати онъ былъ тогда изданъ академіей.

Зрѣлище подобной повѣсти изъ народнаго быта подѣйствовало на критика удручающимъ образомъ. Отдавая справедливость талантамъ нѣкоторыхъ изъ авторовъ, прекраснымъ отдѣльнымъ частностямъ и описаніямъ *отъчасти* сторонъ быта и характеровъ, онъ указывалъ въ повѣсти рядъ неестественностей и именно «литературную выдумку», неприложимую и неидущую къ описываемому быту, и приходилъ къ заключенію о невозможности самаго предпріятія. «Многіе, и въ томъ числѣ, вѣроятно, нѣкоторые изъ писателей этого рода, думаютъ, что простонародная жизнь можетъ быть введена собственно въ литературу во всей своей подробности, безъ малѣйшаго ущерба для истины, цѣлы и значенія своего... Это — весьма важная ошибка, способная породить (и порождающая) безплодныя стремленія къ такой цѣли, которая врядъ ли можетъ быть достигнута. Литературная задача всякаго явленія имѣетъ свои неизбѣжныя правила, приемы, манеру... Что бы ни дѣлалъ авторъ для тщательнаго сохраненія истины и оригинальности въ своихъ лицахъ, онъ *принужденъ* наложить краску искусственности на нихъ, какъ только принялся за литературное описаніе. Желаніе сохранить рядомъ другъ подлѣ друга требованія искусства съ настоящимъ, жесткимъ ходомъ жизни, произвестъ эстетическій эффектъ и вмѣстѣ цѣликомъ выставить бытъ, мало подчиняющійся вообще эффекту,—желаніе это кажется намъ неисполнимымъ» и пр. ¹⁾ Этотъ при-

¹⁾ Воспом. и критич. очерки, II, стр. 47.

говоръ, какъ увидимъ, не былъ принятъ критикой слѣдующаго поколѣнія. Она еще сильнѣе почувствовала «литературную выдумку», но тѣмъ не менѣе отвергла мысль о несоединимости изображеній престопаходнаго быта съ требованіями искусства.

Слѣдя за движеніемъ понятій о роли народности въ литературѣ, мы приходимъ къ началу прошлаго царствованія.

Давняя мечта просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества стала опредѣленнымъ ожиданіемъ, наконецъ, — официальнымъ вопросомъ. Среди общественнаго броженія, надеждъ, одушевленія, вопросъ «народности» впервые становится осязательнымъ. Съ первымъ, хотя еще скромнымъ, началомъ публицистики, предметъ началъ высказывать свои реальныя, жизненныя черты, мнѣнія складывались иначе, опредѣленнѣе, и становилась заметна историческая разнида литературныхъ понятій. Упомянемъ здѣсь лишь о томъ, что имѣетъ отношеніе къ нашему предмету. Въ ряду многихъ поднятыхъ вопросовъ возникъ снова вопросъ объ искусствѣ. Въ данную минуту господствовалъ идеалистическій взглядъ на искусство, какъ на отвлеченное поэтическое творчество, служащее само себѣ цѣлью, свободное отъ «тенденціи», т. е. въ сущности отъ всякой тѣсной, кровной связи съ глубочайшими запросами непосредственной, владычущей нами жизни. Этому взгляду была теперь противопоставлена точка зрѣнія, которая, исходя изъ положенія, что искусство есть именно воспроизведеніе жизни и не можетъ оставаться чуждымъ ея стремленіямъ, что абсолютное искусство, само служащее себѣ цѣлью, невозможно такъ же, какъ невозможны абсолютныя, отвлеченныя люди. Эту точку зрѣнія тогда, и особенно послѣ, обвиняли въ томъ, что она пренебрегаетъ законами изящнаго, требуетъ грубаго реализма и тенденціозности, хочетъ превратить поэзію въ дѣловую трактатъ, въ концѣ концовъ отрицаетъ искусство. Но — оставивъ въ сторонѣ крайности въ родѣ Писарева, которыя вовсе не выражаютъ этой точки зрѣнія — не трудно увидѣть, что упомянутыя обвиненія были совершенно несправедливы. Только въ раздраженной полемикѣ, не помнящей себя, можно было говорить, что эта точка зрѣнія «отрицаетъ искусство»; по примѣненіямъ новой критики къ фактамъ литературы было очевидно, что дѣло шло совсѣмъ о другомъ. У людей школы Бѣлинскаго, — нѣсколько ими позабытой, — не было уже особенно чуткаго отношенія къ жизни (назовемъ Дружинина, В. Боткина, Дудышкина и др.), не было стремленія, — которое теперь нарождалось, — видѣть, наконецъ, въ искусствѣ ту подлинную, не закрытую «литературными выдумками» дѣйствительность, гдѣ мы сами живемъ и дви-

жемся. Привычка, — воспитанная между прочимъ и тѣмъ внѣшнимъ угнетеніемъ литературы, вліяніе котораго они переставали сознавать, — представляла имъ поэтическое произведеніе какъ нѣчто такое, что стоитъ превыше этой дѣйствительности /и если касается ея и рѣшаетъ ея вопросы, то только въ неосознанной, эфирной области идеала. Это была привычка къ своего рода художественному иносказанію и загадкѣ; вмѣстѣ съ этимъ, очень естественно развилось усиленное вниманіе къ внѣшней формѣ, къ художественному выполненію. Теперь желали, напротивъ, чтобы загадка по возможности кончилась, чтобы искусство оставило условныя тѣмы, — которыя становились, наконецъ, безразличными, — и не было только внѣшнимъ мастерствомъ, чтобы возобладалъ, наконецъ, тотъ здоровый реализмъ, который съ такимъ энтузіазмомъ привѣтствовали у Гоголя. Пусть лучше произведеніе будетъ менѣе совершенно по формѣ, но не лишено правдиваго содержанія; пусть оно перестанетъ быть ювелирной работой, очень иногда красивой, пріятной тому богачу, который можетъ ею владѣть и любоваться, — но станетъ и жизненно необходимымъ дѣломъ, нужнымъ для общества. Новая критика бывала довольно равнодушна къ произведеніямъ, достоинство которыхъ заключалось во внѣшней виртуозности исполненія, и отдавала свое сочувствіе особенно тѣмъ, гдѣ пробивалась жизненная правда. Всего больше она, конечно, и пробивалась у сильныхъ талантовъ. Добролюбовъ съ величайшимъ увлеченіемъ изучалъ выходившія тогда произведенія Тургенева, Островскаго, Гончарова, Достоевскаго, Марка Вовчка. Имъ посвящалъ онъ цѣлыя трактаты, въ которые вкладывалъ свою душу, объясняя ихъ достоинства и тѣ общественныя явленія, какія писатель провидѣлъ въ своемъ художественномъ откровеніи. Но Добролюбовъ былъ равнодушенъ или даже относился враждебно къ той литературѣ, которая, въ первые годы послѣ Бѣлинскаго, наполнялась безсодержательными повтореніями старыхъ сюжетовъ, притязаніями на художественность по мелкимъ поводамъ, сантиментально подрашенными рассказами изъ народнаго быта и т. п.

Съ того перелома, который обозначался съ началомъ прошлаго царствованія, и въ самой художественной беллетристикѣ началось нѣчто новое. Возможность исторической и публицистической критики сопровождалась распространеніемъ такъ-называемой «обличительной литературы», въ томъ числѣ повѣсти и романа. Она была весьма различнаго качества — къ ней причислялись «Губернскіе Очерки» Щедрина; но отъ нихъ она доходила до массы заурадныхъ повѣстужекъ, обличавшихъ исправ-

никовъ и становыхъ, и которыя уже скоро набили оскомину. Въ ряду этой литературы являлись произведенія, которыя оставили сильное впечатлѣніе: вспомнимъ — кромѣ «Губернскихъ Очерковъ» — «Записки изъ Мертваго Дома» Достоевскаго, «Очерки бурсы» Помяловскаго, «Откупное дѣло» Елагина, «Медвѣжій уголь» Мельникова и пр. Въ цѣломъ эта литература была шагомъ впередъ — и не въ смыслѣ «искусства для искусства»: произведенія ея были разной цѣны, но сила ихъ была въ томъ, что ихъ картины носили на себѣ свѣжую, несомнѣнную печать дѣйствительности и возбуждали мысль о характерѣ жизни, порождавшей такой складъ событій и явленій. Предшествующая литература намѣчала вопросы, теперь появлялось все больше и больше матеріала для ихъ критики.

Какъ отнеслась эта новая литература кануна реформы къ изображеніямъ народнаго быта? Поворотъ къ новому очевиденъ и здѣсь. — Къ тому времени, подъ вліяніемъ гуманныхъ сторонъ произведеній Гоголя, затѣмъ возраставшаго ожиданія освобожденія крестьянъ, наконецъ, подъ вліяніемъ социалистическаго участія къ низшимъ и бѣдствующимъ классамъ, сложилось — въ литературѣ «западнической» — то теплое отношеніе къ народу, изящѣйшимъ выраженіемъ котораго были «Записки Охотника». Подъ такимъ же настроеніемъ писалъ Григоровичъ и нѣкоторые изъ той московской группы, о которой мы выше говорили. Выросло чувство общественной справедливости къ безправному классу. Высказать это чувство въ прямой формѣ было невозможно, и повѣсть изъ народнаго быта часто служила индиректнымъ его выраженіемъ. Писатель не ставилъ себѣ, въ этомъ отношеніи, иной цѣли: онъ былъ доволенъ, когда успѣвалъ возбудить «добрыя чувства»; читатель былъ удовлетворенъ, когда находилъ ихъ высказанными или поддавался имъ, если они были ему новы. Писатель отыскивалъ и рисовалъ въ народномъ бытѣ его сочувственныя стороны, какія естественно отыскивать у несправедливо бѣдствующаго: рисовались человѣчныя, выдержанные характеры, простота быта и нравовъ, природная мягкость и великодушіе и т. п. Григоровичъ дошелъ до настоящей идилліи; Потѣхинъ — до чувствительной повѣсти; Писемскій — до сенсационной драмы и т. д.

Теперь положеніе дѣла нѣсколько измѣнилось. Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ уже не было сомнѣнія въ близости реформы. Не было надобности наставлять на прежнемъ тонѣ и внушать участіе, которое переходило уже въ дѣло. Публицистика завалась самымъ вопросомъ о способахъ освобожденія,

о хозяйственныхъ, юридическихъ, общественныхъ сторонахъ дѣла. Не сегодня-завтра крестьянинъ становился полноправнымъ (т.-е. конечно—болѣе или менѣе) гражданиномъ. Задача повѣствовательной литературы становилась глубже и серьезнѣе—надо было, наконецъ, познакомиться съ внутреннимъ міромъ крестьянскаго народа, съ содержаніемъ его понятій, съ его умственными и нравственными нуждами. Здѣсь уже не было мѣста для идилліи; требовалось простое наблюденіе и изображеніе нравственныхъ явленій народной жизни, въ параллель къ тому, что въ то же время разъяснялось публицистикою и этнографіей. Трудъ художественнаго творчества въ этой области усложнился и затруднился до чрезвычайности; прежде оно могло довольствоваться для своихъ цѣлей указаніемъ лишь немногихъ мотивовъ, теперь раскрывался передъ нимъ цѣлый бытъ, который несравненно труднѣе было свести въ художественную картину. Тургеневъ, послѣ «Записокъ Охотника», въ новомъ наступившемъ тогда періодѣ нашей жизни, уже не вознужался болѣе этой области. Недостатки другихъ упомянутыхъ повѣствователей были уже почувствованы, и эта манера уже не удовлетворяла.—Можно было предугадывать, что народной повѣсти предстояла новая пора. Повѣсть должна была ближе подойти къ народу, отбросить «литературныя выдумки», начать болѣе серьезныя изученія—какова бы ни выработалась ихъ форма, и каково бы ни было художественное достоинство новыхъ произведеній, которое было уже дѣломъ талантовъ.

Счастливая случайность, которая была, однако, въ духѣ времени и дѣйствительно была его порожденіемъ, указывала русскимъ писателямъ путь разумнаго служенія народному интересу. Мы разумѣемъ ту оригинальную экспедицію, которую задумало морское министерство въ самомъ началѣ прошлаго царствованія: цѣлый рядъ писателей (и въ томъ числѣ—лучшихъ писателей) приглашены были отправиться въ разные края Россіи для изученія и описанія быта населеній, занятыхъ морскими и рѣчными промыслами. Въ экспедиціи приняли участіе Островскій, Писемскій, Потѣхинъ, С. Максимовъ, Чужбинскій и др. Для г. Максимова этимъ опредѣлилась потомъ вся его литературная дѣятельность—этнографа-странствователя... Журналы измѣнили свою фizioномію; эстетическая критика, нѣкогда совмѣщавшая въ себѣ основной интересъ литературнаго міра, еще занимала свое мѣсто, но рядомъ съ ней шли экономическіе и юридическіе трактаты. Педагогическая статья Бема, потомъ другая—Пирогова, способна была надолго занять умы и стать предметомъ одушевленныхъ

толковъ. Въ литературныхъ кругахъ шли рѣчи о необходимости широкой народной школы, — и въ результатъ явилось вскорѣ основаніе комитета грамотности, возникли воскресныя школы; журналы были живо заинтересованы начавшимся въ тѣ же годы сильнымъ распространеніемъ обществъ трезвости (вскорѣ впрочемъ, подавленныхъ откупными управленіями)... Прибавимъ въ довершеніе, что г. В. Ламанскій, уже тогда рьяный славянофилъ, печаталъ въ «Современникѣ» (1857) прекрасный трактатъ — «О распространеніи знаній въ Россіи», который впору было бы повторить теперь; въ «Русской Бесѣдѣ» на тѣмъ русскаго просвѣщенія ревностно проповѣдывалъ г. Апфельротъ...

Мы привели эти немногіе факты, чтобы напомнить то одушевленіе, какимъ исполнялось общество во второй половинѣ 50-хъ годовъ, и довольно сравнить это время съ первыми 50-ми годами, чтобы увидать всю громадную переѣну въ настроеніи, совершившуюся въ какіе-нибудь два-три года. — Не трудно видѣть, почему народная повѣсть измѣнилась въ эти годы: она переходила съ идеально-эстетическихъ высотъ въ простую реальную жизнь и въ дѣйствительномъ прикосновеніи къ народу не стала скрывать отъ себя мрачныхъ, некрасивыхъ сторонъ его жизни, и тѣхъ, какія приносимы были тяжкими условіями его положенія, и тѣхъ, какія выростали въ его собственной средѣ. Прибавимъ еще одно обстоятельство, дѣлавшее не малую разницу въ наблюденіи, и въ самомъ исполненіи сюжета. Прежніе писатели знали народъ, большею частію, только издали, и потому, между прочимъ не шли дальше общей гуманной постановки соціального вопроса. Разработка частныхъ быта и самой внутренней жизни народа лежала внѣ ихъ задачи. Теперь писатели о народѣ стали появляться изъ такихъ слоевъ общества, гдѣ изученіе было очень близко, гдѣ писатель иногда самъ дѣлалъ этотъ бытъ и, описывая его, описывалъ вещи знакомыя по опыту. Напомнимъ Коворева, повидѣе Рѣшетникова. — Новая беллетристика на народные тѣмы уже съ этого времени начала подвергаться упреку въ недостаткѣ художественности, а иногда и упреку въ недостаткѣ деликатнаго отношенія къ народу. Дѣйствительно, за немногими исключеніями, она можетъ подвергнуться обвиненію въ недостаткѣ изящной обработки. Причины этому были разныя, и главная — что роетъ nascuntur; но другая причина лежала въ самыхъ условіяхъ новой повѣсти. Дѣло въ томъ, что происходилъ извѣстный переворотъ въ самомъ складѣ этого литературнаго рода. Онъ видимо перерождался: онъ захватывалъ все новый матеріалъ; сама народная жизнь, которая была его пред-

метомъ, потеряла устойчивость и мѣнялась на глазахъ наблюдателя такъ, какъ передъ тѣмъ не мѣнялась цѣлую сотню лѣтъ. Не явилось первостепеннаго таланта, который схватилъ бы характеръ эпохи, и пришлось медленно, разрозненными усиліями создавать новую форму. Цѣлую художественную картину, — какія затѣвали прежніе повѣствователи (при помощи «литературной выдумки»), — смѣняетъ часто миниатюра, очеркъ, наконецъ, просто фотографія, а иногда и легкая карриатура; художественный замыселъ чередуется съ этнографіей или публицистикою.

Въ объемѣ нашего очерка нѣтъ возможности перебрать все разнообразіе мнѣній, всѣ перекрестныя столкновенія взглядовъ, какими исполнена была литература конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ. Для характеристики положенія литературы о народѣ, исторически важно остановиться въ особенности на взглядахъ Добролюбова. Немного было писателей, болѣе страстно преданныхъ дѣлу преобразованія — одному изъ величайшихъ дѣлъ во внутренней исторіи русскаго народа, дѣлу, общавшему впервые установить гражданское бытіе этого народа. Въ этомъ вопросѣ у Добролюбова не было колебаній и сомнѣній; всякимъ недоумѣніямъ о томъ, какъ можетъ сложиться въ будущемъ судьба народа, слишкомъ подавленнаго старой исторіей, не приготовленнаго къ гражданской жизни, невѣжественнаго и т. д., онъ противопоставлялъ глубокую увѣренность, что въ народѣ найдется достаточный запасъ ума и нравственной силы, чтобы съ достоинствомъ занять свое новое положеніе, — лишь бы дали просторъ этимъ силамъ и возможность сложиться и развиваться. Его много упрекали, даже безповоротно обвиняли за рѣзкость его мнѣній и приговоровъ, неуваженіе къ авторитетамъ; но теперь, на разстояніи четверти столѣтія, всякому безпристрастному человеку не трудно видѣть, что источникомъ его желчной страстности было именно и только то, что въ обществѣ и литературѣ онъ видѣлъ мало силъ и явленій, которые отвѣчали бы положенію. Здѣсь и овлађвало имъ то «отрицательное направленіе», которое считали его единственной чертой; его мнѣнія и сочувствія были совершенно положительны вездѣ, гдѣ шла рѣчь о защитѣ нравственнаго права и достоинства народа.

Мы говорили о томъ, какъ несходно стала складываться новая литература о народѣ, сравнительно съ прежнею. Критика новаго направленія хорошо понимала эту разницу и въ своихъ взглядахъ на дѣло на первомъ планѣ ставила правдивость изображенія, относясь иной разъ весьма равнодушно къ пригово-

рамъ прежней исключительно эстетической критики. Приведемъ два-три примѣра.

Говоря о сочиненіяхъ И. Т. Кокорева, — молодого даровитаго писателя, автора извѣстной тогда повѣсти «Саввушка» и рано умершаго подъ гнетомъ нужды, — Добролюбовъ такъ защищалъ его отъ замѣчаній критики, упрекавшей сочиненія Кокорева въ недостаточности художественной отдѣлки. «Люди, находившіе въ Кокоревѣ зародыши сильнаго дарованія, цѣнившіе его горячую любовь къ работающимъ бѣднякамъ нашимъ, большею частію и не предполагали тѣхъ обстоятельствъ, которыя служили у него источникомъ этой любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствовали свободному развитію его дарованія. Строгіе эстетическіе цѣнители хотѣли, чтобы онъ дольше *вынашивалъ* ¹⁾ въ душѣ свои произведенія, давалъ своимъ очеркамъ больше стройности, больше *объективировалъ* ²⁾ ихъ, лучше отдѣлывалъ со стороны внѣшняго изложенія... Но цѣнители не знали, въ какомъ отношеніи находились произведенія Кокорева къ его собственной жизни. Немногимъ было извѣстно, что эти очерки, изображающіе горькую бѣдность съ честнымъ трудомъ, а подѣ-часъ и грязь, и забвеніе гора за чаркой, и невольное вліяніе изъ стороны въ сторону, что все это — воспроизведеніе того, что со всѣхъ сторонъ обхватывало и сжимало жизнь самого автора. Онъ не издали, не въ качествѣ дилеттанта народности, не въ часы досуга, не для художественнаго наслажденія наблюдалъ и изображалъ жизнь бѣдняковъ, съ горемъ, а часто и съ грѣхомъ пополамъ добывающихъ кусокъ хлѣба. Онъ самъ жилъ среди нихъ, страдалъ съ ними, былъ съ ними связанъ кровно и неразрывно. Онъ недурно изображалъ мастеровыхъ, кухарокъ и извозчиковъ; не мудрено: его трудами поддерживалось существованіе стараго, больного отца — ремесленника, изъ вольноотпущенныхъ, давалась помощь его матери — кухаркѣ, его брату — извозчику!.. Ему ли было отдѣлываться отъ героевъ своихъ произведеній и стараться объективировать ихъ! Ему ли было заботиться о *вынашиваніи* въ душѣ своихъ образовъ, объ изящности ихъ отдѣлки! Будь какая угодно артистическая натура, но трудно усадить въ живописное положеніе больного отца, чтобы съ него нарисовать изящный портретъ нищаго старика; трудно томить его голодомъ, чтобы, смотря на его страданія, *выносить* въ душѣ образъ голодной бѣдности и потомъ съ эпическимъ спокойствіемъ выставить его на показъ

¹⁾ Одно изъ любимыхъ выраженій въ терминологіи тогдашнихъ эстетиковъ.

²⁾ Также.

міру. Нищета семейная, безотрадное, насущное, сосущее горе, въ какомъ проходила жизнь Кокорева, мало благоприятствуетъ ровному и спокойному теченію мыслей» ¹⁾...

Въ другой разъ Добролюбовъ обратился къ вопросу о литературныхъ изображеніяхъ народной жизни по поводу «Повѣстей и разсказовъ» Славутинскаго ²⁾. Оспаривая упомянутыя мнѣнія прежней критики о невозможности достигать эстетическаго эффекта въ изображеніяхъ быта, мало подчиняющагося эффекту, онъ излагалъ тогдашнее положеніе этой отрасли литературы слѣдующимъ образомъ.

Въ первыхъ пятидесятихъ годахъ, наша литература, какъ мы упоминали, была наводнена разсказами изъ народнаго быта. Кромѣ той московской группы, о которой мы говорили, явился цѣлый рядъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ разсказчиковъ. Въ то же время высказалась и та точка зрѣнія, что истина простонароднаго быта непримирима съ «незыблемыми» законами искусства. Добролюбовъ одинаково несочувственно относился и къ этой литературѣ и къ этому эстетическому взгляду. Размноженіе народныхъ разсказовъ онъ объяснялъ просто тѣмъ, что въ тѣ годы усиленнаго стѣсненія литературы это была безвредная тема. Въ тѣ годы (начало 50 хъ),—говорилъ онъ (въ 1860),—«о крестьянскомъ вопросѣ не было и помину, слѣдовательно разсказы о жизни крестьянъ (разумѣется, безъ всякаго отношенія къ ихъ юридическимъ правамъ или, правильнѣе сказать, обязанностямъ) никого не могли задѣвать за живое, никому не досаждали. А все другое въ то время казалось очень сомнительнымъ и встрѣчалось съ большимъ недоброжелательствомъ извѣстной частью публики, отъ которой преимущественно зависить процвѣтаніе русской литературы» (т.-е. цензурою). Тогда обратились къ мужику. «За нѣсколькими писателями, дѣйствительно наблюдавшими народную жизнь, потянулись цѣлыя толпы такихъ сочинителей, которымъ до народа и дѣла-то никогда не было». Но по всему тогдашнему положенію литературы, «къ мужикамъ приступали тогда съ тою же манерою, какъ и ко всѣмъ другимъ членамъ общества, т.-е. заставляли ихъ постоянно прикидываться непомнящими родства. Какъ мужикъ съ своей древней связанъ, кѣмъ управляется, какія повинности несетъ, чей онъ и какъ съ бариниомъ, съ управляющимъ, съ окружнымъ или исправникомъ вѣдается—это вы могли открыть весьма въ рѣд-

¹⁾ Сочиненія Добр., 1-е изд., т. 2, стр. 504.

²⁾ Сочин. т. 8, стр. 229 и слѣд.

нихъ случаяхъ, — именно, когда попадался вамъ идеальный управляющій, какъ въ «Крестьянкѣ» ¹⁾, или какъ въ «Лѣшемъ» ²⁾, напримѣръ... Житейская сторона обыкновенно пренебрегалась тогда повѣствователями, а бралось, безъ данныхъ справокъ, сердце человеческое, а такъ какъ для него ни чиновъ, ни богатствъ не существуетъ, то и изображалась его чувствительность у крестьянъ и крестьяночекъ. Обыкновенно герои и героини простонародныхъ рассказовъ старали отъ пламенной любви, мучились сомнѣніями, разочаровывались — совершенно такъ же, какъ «Тамаринъ» г. Авдѣева или «Русскій Черкесъ» г. Дружинина. Разница вся состояла въ томъ, что вмѣсто: «я тебя страстно люблю; въ это мгновеніе я радъ отдать за тебя жизнь мою», они говорили: «я тебя страхъ — какъ люблю; я таперича за тебя жизнь готовъ отдать». А впрочемъ, все обстояло, какъ слѣдуетъ быть въ благовоспитанномъ обществѣ: у г. Писемскаго одна Мароуша даже въ монастырь ушла отъ любви, не хуже Лизы «Дворянскаго Гнѣзда».

Въ виду этого Добролюбовъ соглашался съ мнѣніемъ упомянутой критики о несоединимости истины простонароднаго быта съ требованіями искусства. «И дѣйствительно: законы искусства требуютъ, чтобы въ повѣсти или драмѣ строго и естественно развивалось содержаніе само изъ себя и представляло внутреннюю борьбу въ человѣкѣ какихъ-нибудь двухъ началъ; а жизнь нашихъ мужиковъ совершенно зависить отъ случайностей разнаго рода — отъ наѣзда становаго, отъ расположенія духа управляющаго, отъ болѣзни барской собаки или лошади, отъ нетрезвости земскаго и т. п., и кромѣ того — внутренней борьбы въ нихъ никакой нѣтъ, потому что они, видите ли, — «находятся еще въ первобытной непосредственности». Что прикажете дѣлать искусству въ такомъ затруднительномъ случаѣ?»

Но дѣло совершенно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ крестьянскій вопросъ былъ поставленъ правительствомъ и сталъ предметомъ серьезнаго вниманія общества.

«Крестьянскій вопросъ заставилъ всѣхъ обратить вниманіе на отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Литература хотѣла тотчасъ принять посильное участіе въ разрѣшеніи вопроса и, между прочимъ, принялась было за путь беллетристической обработки существующихъ фактовъ. Но вскорѣ было соображено, что въ минуту серьезнаго и мирнаго разсужденія о дѣлѣ, нецелесообразно

¹⁾ Потѣхина.

²⁾ Писемскаго.

болтать о фактахъ, выставляющихъ одну сторону въ нехорошемъ видѣ и могущихъ раздражать ее напоминаніями прошлаго, которое довольно скоро уже кончится. Итакъ, этотъ предметъ былъ беллетристическою оставленъ въ покоѣ; но не могла быть оставлена безъ вниманія жизнь крестьянъ и существующія условія ихъ быта. Разъясненіе этого дѣла стало уже не игроушкою, не литературной прихотью, а настоятельною потребностью времени. Безъ всякаго шума и грома, безъ особенныхъ новыхъ открытій, взглядъ общества на народъ сталъ серьезнѣе и осмыслился нѣсколько, просто отъ предчувствія той дѣятельной роли, которая готовится народу въ весьма недалекомъ будущемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ появились и рассказы изъ народнаго быта, совершенно уже въ другомъ родѣ, нежели какіе являлись прежде.

Эти рассказы другого рода характеризуются книгой Славутинскаго. Въ этомъ авторъ Добролюбовъ не видѣлъ особенной силы художественнаго таланта: многимъ изъ прежнихъ писателей онъ очень уступаетъ въ этомъ, но имѣетъ передъ ними другое преимущество. «Онъ имѣетъ ту особенность, что говорить постоянно такъ, какъ взрослый человѣкъ долженъ говорить съ взрослыми людьми о серьезномъ дѣлѣ. Онъ не подлаживается ни къ читателямъ, ни къ народу, не старается, примѣняясь къ нашимъ понятіямъ, смягчить передъ нами грубый колоритъ крестьянской жизни, не усиливается непременно создавать идеальныя лица изъ простого быта. Онъ не считаетъ нужнымъ и щегольнуть сочувствіемъ къ простому классу, которое съ такимъ самодовольствомъ старались выставить на показъ нѣкоторые изъ прежнихъ, даже талантливыхъ писателей»... Напротивъ, новый авторъ «обходится съ крестьянскимъ міромъ довольно строго: онъ не падаетъ красокъ для изображенія дурныхъ сторонъ его, не прячетъ подробностей, свидѣтельствующихъ о томъ, какія грубыя и сильныя препятствія часто встрѣчаетъ въ немъ доброе намѣреніе или полезное предпріятіе. Но не смотря на то, признаемся, эти рассказы гораздо болѣе возбуждаютъ въ насъ уваженіе и сочувствіе къ народу, нежели всѣ притворныя идилліи прежнихъ рассказчиковъ. Тѣ, бывало, смотря на народъ съ высоты своего величія, великодушно старались обойти его недостатки и выставить только хорошія стороны; они рассчитывали возбудить въ читателяхъ сожалѣніе, благосклонность къ низшему сословію, и трактовали его съ той обидной ласковостью, которая обыкновенно происходитъ отъ увѣренности въ неизмѣримомъ превосходствѣ собственномъ. Такъ обращаются иногда съ маленькими дѣтьми, больными, сумасшедшими... Такое обра-»

ше бываетъ, впрочемъ, ужасно обидно для дѣтей, начинающихъ приходить въ сознаніе, и для здоровыхъ людей, которыхъ другіе считаютъ больными или поврежденными... Не особенно пріятно было и подобное отношеніе писателей къ народу для людей, дѣйствительно сочувствовавшихъ ему и понимавшихъ его жизнь. Оттого-то и пріятно видѣть то мужественное, прямое и строгое воззрѣніе на простой народъ, какое выражается въ этихъ разсказахъ. Авторъ говоритъ о мужикѣ просто какъ о своемъ братѣ: вотъ, говоритъ, онъ каковъ, вотъ къ чему способенъ, а вотъ чего въ немъ нѣтъ, и вотъ что съ нимъ случается, и почему. Читая такой разсказъ, и дѣйствительно становись въ уровень съ этими людьми, входишь въ ихъ обстоятельства, начинаешь жить ихъ жизнью, понимать естественность и законность тѣхъ или другихъ поступковъ, разсказываемыхъ авторомъ. И не смотря на то, что многое признаешь въ нихъ грубымъ и неправильнымъ, все-таки начинаешь болѣе цѣнить этихъ людей, нежели по прежнимъ, сахарнымъ разсказамъ: тамъ было высоко-мѣрное снисхожденіе, а здѣсь *отра въ народѣ*.

Эта «отра въ народѣ» и была именно тѣмъ господствующимъ началомъ, которое лежало въ основѣ общественныхъ и литературныхъ взглядовъ новой критики. Относительно прежней литературы о народѣ, Добролюбовъ прибавляетъ еще одно замѣчаніе: «Впрочемъ, — говоритъ онъ вслѣдъ за этимъ, — приторное любезничанье съ народомъ и насильная идеализація происходили у прежнихъ писателей часто и не отъ пренебреженія къ народу, а просто отъ незнанія или непониманія его. Внѣшняя обстановка быта, формальныя, обрядовыя проявленія нравовъ, обороты языка доступны были этимъ писателямъ, и многимъ давались довольно легко. Но внутренній смыслъ и строй всей крестьянской жизни, особый складъ мысли простолюдина, особенности его міросозерцанія — оставались для нихъ по большей части закрытыми. Вотъ отчего нерѣдко писатели, даже хорошо изучившіе народную жизнь, вдругъ переносили въ нее отвлеченную идею, зародившуюся въ ихъ головѣ и обязанную своимъ началомъ вовсе не народному быту, а тому кругу, въ которомъ жили сами писатели».

Слѣдуютъ примѣры. Выходила «народность» — въ томъ родѣ, какъ нѣкогда у Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига; въ тогдашнихъ пѣсенкахъ разсказывалось, какъ дѣвица по цѣлымъ днямъ сидитъ въ груши на бережку, ожидая милаго, а добрый молодецъ, котораго «погубили злые толки», хочетъ отъ нихъ въ лѣсъ бѣжать. «Авторы, — говоритъ Добролюбовъ, — очевидно, не

предполагали, что у красной дѣвицы есть работа дома, либо на полѣ, и что если молодецъ убѣжитъ въ лѣсъ, то его поймутъ, и съ нимъ поступлено будетъ, какъ съ бродягою». Подобнымъ образомъ въ эпоху простонародныхъ повѣстей (въ первыхъ 50-хъ годахъ) было въ ходу «постановленіе собственнаго я въ разрѣзъ съ окружающей дѣйствительностью», и подобная тема переносилась цѣликомъ въ крестьянскіе нравы—въ видѣ любви къ неровнѣ и т. п., и готова была романтическая исторія изъ народнаго быта. Талантливый рассказъ и вѣрно скопированныя бытовые черты часто скрывали отъ читателя натянутость самой темы, — но не могли все-таки дать этимъ произведеніямъ прочнаго значенія. Эта натянутость тогдашнихъ повѣстей и романовъ изъ народнаго быта, по словамъ Добролюбова, происходила отъ двухъ причинъ, — «частію отъ робости авторовъ, боявшихся выставить цѣликомъ всю жизнь простонародья, какъ она есть, частію же прямо отъ непониманія внутренняго смысла этой жизни и ея отношеній ко всѣмъ другимъ явленіямъ русскаго быта. Поэтому, только съ обращеніемъ большаго вниманія на всѣ стороны быта низшихъ классовъ и съ уясненіемъ ихъ значенія въ государственной жизни народа возможно было ожидать болѣе полного и жизненнаго, естественнаго воспроизведенія народнаго быта въ литературѣ». Возвращаясь въ заключеніи статьи къ эстетическому вопросу, Добролюбовъ находилъ, что «требованія искусства» могутъ не сходиться съ «правдой народной жизни» только по недостатку или фальшивому употребленію таланта или по недостатку чутя къ народной жизни, а вовсе не по существу самого дѣла, и что, «если ужъ выбирать между искусствомъ и дѣйствительностью, то пусть лучше будутъ неудовлетворяющіе эстетическія теоріи, но вѣрные смыслу дѣйствительности рассказы, нежели безукоризненные для отвлеченнаго искусства, но искажающіе жизнь и ея истинное значеніе».

Итакъ, *впра въ народъ*, — но и *свободное, критическое изученіе* его — былъ выводъ Добролюбова ¹⁾. Онъ замѣчателенъ исторически тѣмъ, что отмѣчаетъ дѣйствительный переломъ, который долженъ былъ начаться и въ самомъ дѣлѣ начался, какъ въ художественномъ изображеніи народа, такъ и вообще въ отношеніи къ нему литературы. Новый взглядъ развился потомъ въ цѣлое литературное явленіе. Въ тѣхъ мысляхъ, которыя особенно рельефно

¹⁾ Его понятія о народѣ изложены подробно также въ статьѣ „Черты изъ жизни русскаго простонародья“ — по поводу Марка Вовчка (Сочин., т. 3, стр. 370—411), въ статьяхъ объ Островскомъ и друг.

и сильно были высказаны Добролюбовымъ, заключались всё лучшія стороны позднѣйшаго народничества, какъ горячаго и искренняго желанія узнать народъ и служить его дѣлу, — и, конечно, не заключались худшія стороны народничества нынѣшняго, какъ, напр., нелѣпое самоувѣреніе многихъ истолкователей народной мысли (которыхъ развелось теперь такъ много) и ихъ слѣпая вражда къ европейскому просвѣщенію и гражданственности.

Обращаемся собственно къ повѣсти изъ народного быта.

Положеніе вопроса въ самомъ дѣлѣ требовало уже иныхъ приѣмовъ этого изображенія. Мы видѣли, что прежняя критика уже замѣчала, что въ тогдашнихъ повѣстяхъ народныхъ что-то неладно, и именно, что въ нихъ замѣшивалась «литературная выдумка»: рассказы изъ народного быта кроились по обычному принятому для «повѣсти» или «романа» шаблону — мѣнялась только декорація. Критика находила, однако, много достоинствъ у этихъ повѣствователей, а «литературную выдумку» объясняла тѣмъ, что простонародный бытъ и не можетъ самъ по себѣ явиться въ литературѣ и «требуетъ помощи извнѣ, мысли, взятой со стороны, для оживленія своего». Такимъ образомъ положеніе представлялось безвыходнымъ. Добролюбовъ, какъ мы видѣли, осуждалъ эти недостатки прежнихъ повѣствователей еще строже, но въ то же время рѣшительно отвергалъ мысль о невозможности чистаго и подлинно-народнаго сюжета въ художественномъ произведеніи: вопросъ былъ только въ томъ, чтобы понять внутренній смыслъ этого быта, не вносить въ его изображенія того, чего нѣтъ, и уразумѣть, что въ немъ дѣйствительно есть. Въ возможности правдиваго художественнаго выполненія народной тѣмы Добролюбовъ нисколько не сомнѣвался, хотя бы въ ту минуту было еще немного образчиковъ подобнаго рода: онъ скорѣе мирился съ недостаткомъ художественности, чѣмъ съ недостаткомъ жизненной правды, и увѣренъ былъ, что въ будущемъ все больше станетъ вырастать то знаніе народа, которое было необходимо для успѣховъ самой художественной литературы.

Послѣдующая литература вполнѣ подтвердила эти ожиданія: изученіе народа росло все болѣе; ложная манера становится рѣже, улучшалась не только внѣшняя сторона описаній и языкъ, но и пониманіе быта. И если мы сопоставимъ упомянутыя выше порыванія общества, по собственной инициативѣ, служить дѣлу народа (школой, различными трудами по крестьянскому вопросу, дѣятельностью мировыхъ посредниковъ и пр., и пр.), а затѣмъ эту вѣру въ народъ у Добролюбова, припомнимъ тѣ протесты противъ исключительнаго аристократизма литературы, въ какихъ

тогда же приходилъ ученый знатокъ и энтузіастъ народнаго преданія и поэзіи,—мы увидимъ, что все это были явленія одного порядка: исканіе гражданскаго и нравственнаго единенія съ народомъ, которое и должно было бы стать естественнымъ отвѣтомъ на великую государственную реформу...

Много надеждъ подобнаго рода было потомъ разрушено... Реформа была, наконецъ, объявлена и выполнена. Начался новый періодъ народной жизни; стали складываться новыя отношенія. Предметъ литературнаго изученія становился все болѣе сложнымъ: въ формахъ жизни совершился рѣзкій переломъ; бытовыя отношенія потеряли свою прежнюю неподвижную устойчивость. Все труднѣе было уловить мѣняющіяся явленія, народныя типы и характеры; но литература о народѣ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, стала, по объему своего содержанія, несравненно выше, чѣмъ была до реформы: она полагаетъ на его изученіе гораздо больше труда, чѣмъ когда-нибудь прежде, и при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ хранить вѣру въ лучшее будущее.

А. Пыпинъ.

ЖИЛКА.

Изъ разсказовъ о золотѣ.

I.

— Господи Ісусе Христе, помилуй насъ...

— Аминь! Кто тамъ крещеной? Никакъ ты, Михалко?

— Онъ самый... Отворяй ворота скорѣе, дядя. Наскрозъ
взяло дождемъ, — вѣ-какъ зарядилъ!

— Откуда Богъ несетъ?

— Въ Полдневскую гонялъ... Дѣмьце маленькое вышло.

Дядя Зотушка ничего не отвѣтилъ и молча принялся отодвигать тяжелый деревянный запоръ, которымъ были вѣрно заперты шатровыя крашенныя ворота. Засовъ отсырѣлъ отъ дождя, и дядя Зотушка принужденъ былъ навалиться на него всей захоточной грудью, чтобы выдвинуть его изъ вѣрныхъ желѣзныхъ скобъ. — «Ишь, вѣдь, взяло его»... — ворчалъ Зотушка, когда конецъ мокраго запора, наконецъ, поддался его усилямъ и выдвинулся настолько, что можно было отворить маленькія ворота. Въ глубинѣ темнаго двора, какъ бѣшеная металась пестрая собака Соболько; слышавъ хозяина, она радостно взвизгнула и еще неистовѣе принялась гремѣть своей желѣзной цѣпью.

— Ну, едва тебя Богъ простилъ съ запоромъ-то... — проговорилъ Михалко, вѣвжая въ ворота верхомъ.

— Ты востеръ больно... Ишь зацапѣло комариное-то сало!

Дядя Зотъ еще разъ навалился на упрямый запоръ, и зашлепалъ по досчатому мокрому полу босыми ногами. Михалко, не торопясь, спустился съ тяжело дышавшей лошади, забрызганной липкой осенней грязью по самыя уши.

— Ладно, какъ пересобачилъ лошадь-ту, — говорилъ дядя Зотѣй, оглядывая лошадь, покрытую сплошнымъ слоемъ грязи.

— За долгами отецъ посылалъ, — коротко отвѣтилъ Михалко, расправляя на себѣ смятый кожанъ, насквозь пропитанный холодною дождевой водой. — Въ два-то конца всѣ сорокъ верстъ сдѣлалъ. А ты, дядя, выводи лошадь-то, больно заморилась...

— Знамо дѣло, не такъ же ее бросить... Не нашли съ отцомъ-то другого времени, окромя распутицы, — ворчалъ добродушно Зотушка, щупая лошадь подъ потникомъ. — Эхъ, какъ пересобачилъ... Ну я ее тутъ вывожу, а ты ступай скорѣе въ избу, тамъ чай пьютъ, надо полагать. Въ самый разъ попалъ...

— Такъ ты ужъ тово, Зотушка... Сперва выводи, а потомъ къ столбу привяжи гнѣдка. Пусть хорошенько выстоится.

— Ладно, ладно... Безъ тебя знаемъ. Ступай. Ученого учить только портить.

Зотушка посмотрѣлъ на широкую спину уходившаго Михалка и, потянувъ лошадь за осклизлый поводъ, опять зашлепалъ по двору своими босыми ногами. Сутулая, коренастая фигура Михалки направилась къ дому и быстро исчезла въ темныхъ дверяхъ сѣней. Можно было разслышать, какъ онъ вытиралъ грязныя ноги о рогожу, а затѣмъ грузно началъ подниматься по ступенькамъ лѣстницы.

— «Этакой медвѣдь, этотъ Михалко!» — думалъ Зотушка, таская за собой тяжело шагавшую лошадь. — «Нѣтъ, чтобы дать дядѣ пятачокъ... А-ахъ, чтобы тебя разстрѣляло!»

Голова Зотушки съ липкими жиденькими прядями волосъ, большимъ лбомъ, большими ушами, жиденькой бородкой, длиннымъ носомъ и увѣнными черными глазами трещала со вчерашняго похмѣлья по всѣмъ швамъ. Ныла каждая восточка, каждая жилка и такъ воротило снутри, что Зотушка нѣсколько разъ начиналъ сердито отплеиваться, приговаривая: «А-ахъ, боже мой... помилуй насъ грѣшныхъ!» Вѣдь всего одинъ пятачокъ. Поправился бы и шабашъ. Ни-ни... Просилъ давѣ у старухи червячка заморить — въ шею выгнала... Нюша дала бы, да у самой денегъ нѣтъ. Эхъ, жисть!..» Въ душѣ Зотушки родилась слабая надежда, что авось, если выводить лошадь, ему вышлютъ стабанчикъ. А славный стабанчикъ есть у старухи, еще дѣдовскій, граненный съ плоскимъ донышкомъ. Не чета нынѣшнимъ, изъ которыхъ щенка не напоишь! А дождь продолжалъ частить, мѣрно обсыпая желѣзную крышу дробившимися каплями; съ потолка глухо бѣжала вода, хлюпая въ старой деревянной кадочкѣ. Осенній темный вечеръ наступилъ незамѣтно

и затануль все кругомъ безпросвѣтной мглой, — уголь навѣса, подъ которымъ стояли полѣнницы дровъ, амбары, конюшни, флигелекъ, гдѣ у старухи Татьяны Власьевны былъ устроенъ пріютъ для старухъ, и гдѣ въ отдѣльной комнатѣ ютился Зотушка. Изъ прага видѣялся темной глыбой только большой старинный домъ, глядѣвшій на дворъ своими небольшими освѣщенными окнами. Зотушка могъ видѣть въ окна, что чай ужъ отпили, когда въ комнату вошелъ Михалко, потому что старуха ушла на свою половину. «Самъ», т.-е. Гордѣй Евстратычъ, сидѣлъ еще за столомъ, слушая болтовню черноволосой Нюши, которая вертѣлась около него мелкими бѣсомъ. Старшая невестка Ариша, жена Михалки, сосредоточенно перемывала чайную посуду, взмахивая концомъ полотенца; сегодня ее очередь чаемъ всѣхъ пить.

— Нѣтъ, видно не вышлютъ... — рѣшилъ Зотушка, когда Михалко, не торопясь, выпилъ два стакана чаю и поднялся изъ-за стола. — Вотъ тебѣ и утекъ съ квасомъ!..

Противъ окна теперь стоялъ Гордѣй Евстратычъ, хозяинъ дома, и братъ Зотушки; онъ степенно разглаживалъ свою окладистую бороду, красиво исчерченную выступавшей сѣдиной. Михалко, видимо, отсчитывался ему въ своей побѣдѣ, откладывая что-то на пальцахъ. Въ тактъ цифрамъ онъ встряхивалъ своими подстриженными въ скобу волосами, а потомъ добылъ изъ кармана пиджака потертый бумажникъ и вынулъ изъ него пачку засаленныхъ кредитокъ. «Рублей тридцать будетъ», — подумалъ Зотушка про себя, и еще разъ усомнился: вынесутъ ему стаканчикъ или нѣтъ. Вѣдь если по человѣчеству-то разобрать, такъ онъ ужъ сколько времени вываживаетъ лошадей, а на дворѣ вонъ какая непогода: всего промочило до нитки.

На этотъ разъ Зотушка не дождался стаканчика и, выводя въ лошадей, привязалъ ее къ столбу выставляться, а самъ ушелъ въ свою конурку, гдѣ сейчасъ же и завалился спать.

Къ ужину въ небольшой проходной комнатѣ, выходившей окнами на дворъ, собралась вся семья: Татьяна Власьевна, Гордѣй Евстратычъ, старшій сынъ Михалко съ женой Аришей, второй сынъ Архипъ съ женой Дуней и черноволосая бойкая Нюша. Гордѣй Евстратычъ былъ вдовецъ и весь домъ веда его мать, Татьяна Власьевна, высокая, ширококостная старуха раскольниковъ склада; она строго блюла за порядкомъ въ домѣ, и смехи ходили у ней по струнѣ. Издавна эта вѣрѣнная купеческая семья могла умилить самаго завзятаго поклонника патриархальныхъ нравовъ, особенно, когда всѣ члены ея собирались за столомъ. Обѣды и ужины проходили въ торжественномъ молча-

нѣи, точно совершалось таинство. Разговаривать могли только «самъ» и «сама», а молодые должны были только отвѣчать на вопросы. Впрочемъ, для Нюши и старшей невѣстки Ариши дѣлалось исключеніе, и онѣ могли иногда ввернуть свое словечко, хотя «сама», и подбирала строго каждый разъ свои сухія, безцвѣтныя губы. Сегодняшній ужинъ походилъ на всѣ другіе. Мужчины въ однихъ ситцевыхъ рубашкахъ занимали одну половину длиннаго стола, женщины другую. Татьяна Власьева была одѣта въ свой неизмѣнный косоклиный кубовый сарафанъ съ желтыми проймами и въ бѣлую холщевую рубаху; темный старушечій платокъ съ бѣлыми горошинами былъ повязанъ на головѣ кривою, какъ носятъ старухи-кержанки. Невѣстки и Нюша въ ситцевыхъ сарафанахъ, такихъ же рубашкахъ и передникахъ, были одѣты, какъ сестры; строгая Татьяна Власьева не хотѣла ни кого обижать, показывая востомомъ, что для нея всѣ равны. Только бабы повязки невѣстокъ выдѣляли ихъ положеніе въ семьѣ; непокрытая голова Нюши съ черной длинной косой говорила о ея непокрытой дѣвичьей вольной волюшкѣ.

Обѣденный столъ былъ накрытъ синей пестрадовой скатертью; всѣ ѣли изъ одной чашки деревянными ложками. День былъ постный, и стряпца Маланья, кривая старая дѣвка въ кубовомъ синемъ сарафанѣ, подала на столъ только постныя щи съ поземинной да гречневую кашу съ коноплянымъ масломъ. Больше ничего не полагалось, а Татьяна Власьева для постнаго дня даже въ поземинѣ не прикоснулась, потому что это была все-таки рыба, хотя и сушеная. Маланья была свой человекъ въ домѣ, потому что жила въ немъ четвертый десятокъ; такая прислуга встрѣчается въ хорошихъ раскольниковыхъ семьяхъ, гдѣ вообще въ прислугѣ относятся особенно гуманно, хотя по внѣшнему виду и строго.

Сегодня Гордѣй Евстратычъ былъ особенно въ духѣ, потому что Михалко привезъ ему изъ Подневской одинъ старый долгъ, который онъ уже считалъ пропавшимъ. Нѣсколько разъ онъ начиналъ подшучивать надъ младшей невѣсткой Дуней, которая всего еще полгода была замужемъ; красивая, свѣжая, съ русымъ волосомъ и лѣнивыми карими глазами, она только рдѣла и стыдливо опускала лицо. Красавецъ Архипъ, мужъ Дуни, любовался этимъ смущеніемъ своей молодой и, встрахивая своими черными подстриженными въ скобу волосами, смѣялся довольной улыбкой.

— Будетъ вамъ ласкѣ-то точить, — строго замѣтила Татьяна Власьева, останавливая эту сцену. — Вѣдь за столомъ сидимъ,

Гордѣй Евстратычъ. Тебѣ бы другихъ удержать отъ лишняго слова, а ты самъ первый затѣйщикъ...

— Ну, не буду, маминька, — оправдывался Гордѣй Евстратычъ, разглаживая свою бороду. — Попутилъ, и кончено...

— Ужъ баушка всегда у насъ такая... — прибавила Нюша.

— Какая такая? — сердито заговорила Татьяна Власьева. — Ну, говори, верчѣная?..

— Да такая... слова сказать нельзя.

— Охъ, ты-ты — не витое сѣно!.. У тебя и на умѣ-то все одни хи-хи да смѣхи. Погоди вотъ...

Татьяна Власьева не досказала конца фразы, хотя всѣ хорошо поняли, что она хотѣла сказать: «Погоди, вотъ выдешь замужъ-то, такъ не до смѣху будетъ... Востра больно!» Это была стереотипная угроза, которая слишкомъ часто повторялась, чтобы испугать бойкую и неугомонную Нюшу. На ворчанье бабушки у нея былъ отличный отвѣтъ, который она, къ сожалѣнію, могла говорить только про себя: «Нашла чѣмъ пугать... У меня женихъ давно приготовленъ, только дорогу перейти — тутъ и женихъ. А зовутъ его Алешкой Пазухинимъ!..» Невѣстки хотя и дружили съ Нюшей, особенно Ариша, но внутренне были противъ нея, потому что Нюша все-таки была «отецкая», балованная дочка, и Татьяна Власьева ворчала на нее только для видимости. Существованіе Алешки Пазухина не было тайной ни для кого въ семьѣ, хотя объ этомъ никто не говорилъ ни слова: парень былъ подходящій, хорошей «природы», какъ говорила про себя степенная Татьяна Власьева.

Послѣ ужина всѣ, по старинному прадѣдовскому обычаю, прощались съ бабушкой, т.е. кланялись ей въ землю, приговаривая: «Прости и благослови, баушка...» Степенная, важеватая старуха отвѣчала пояснымъ поклономъ и приговаривала: «Господь тебя простить, милушка». Гордѣю Евстратычу полагались такіе же поклоны отъ дѣтей, а самъ онъ кланялся въ землю своей маминькѣ. Въ старинныхъ раскольничьихъ семьяхъ еще не вышелъ этотъ обычай, заимствованный изъ скитскихъ «метаній».

Когда всѣ начали расходиться по своимъ угламъ, молчавшій до послѣдней минуты Михайло проговорилъ:

— А у меня, тятинька, до тебя дѣльце есть небольшое...

Онъ замаялся и почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ въ горницу, — проговорилъ Гордѣй Евстратычъ, удивленный «дѣльцемъ» Михайли.

Домъ, хотя былъ и одноэтажный, но дѣлился на много комнатъ: въ двухъ жила Татьяна Власьева съ Нюшей; Михайло

съ женой и Архипъ съ Дуней спали въ темныхъ чуланчикахъ; самъ Гордѣй Евстратычъ занималъ узкую угловую комнату въ одно окно, гдѣ у него стояла двуспальная кровать краснаго дерева, березовый шкафъ и конторка съ бумагами. Лучшія комнаты, какъ во всѣхъ купеческихъ домахъ, стояли совсѣмъ пустыми, потому что служили парадными пріемными при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Вся семья жалась по крошечнымъ клѣтушкамъ цѣлый годъ, чтобы два или три раза въ годъ принять гостей по настоящему, какъ принимали всѣ другіе. Эти «другіе», «какъ у другихъ» — являлось желѣзнымъ закономъ.

— Ну, что, Миша?.. — спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ, приотворяя за собой дверь.

— Да вотъ, тятинька... я тебѣ привезъ гостинецъ отъ старателя Маркушки, — неторопливо говорилъ Михалко, добывая изъ кармана штановъ что-то завернутое въ сматую сѣрую бумагу.

— Это изъ Полдневской?

— Да. Отъ Маркушки... Онъ сильно скудается здоровьемъ-то. Вотъ, говоритъ, увидишь отца, отдай ему, пусть поглядитъ, а ежели, говоритъ, ему поглянется, пусть пріѣзжаетъ въ Полдневскую, пока я не умру. У Маркушки водянка, сказываютъ. Весь распухъ, точно восковой.

Гордѣй Евстратычъ осторожно развернулъ бумагу и вынулъ изъ нея угловатый кусокъ бѣлаго кварца съ желтыми прожилками. Въ его трещинахъ и новдринкахъ блестяло желтоватыми искорками вкрапленное въ камень золото. Въ одномъ мѣстѣ изъ бѣлой массы вылѣзали два золотыхъ усика, въ другомъ нѣсколько широкихъ блестокъ были точно приклеены въ гладкому камню. Повертывая кусокъ кварца передъ лампой, Гордѣй Евстратычъ рассмотрѣлъ въ одномъ углубленіи, гдѣ желтѣла засохшая глина, цѣлый самородокъ, походившій на небольшой бобъ; одинъ край самородка былъ точно обгрызенъ. Да, это было золото, настоящее червонное золото. Одинъ самородокъ вѣсилъ не меньше ползолотника... Гордѣй Евстратычъ не могъ оторвать глазъ отъ звѣтнаго камешка, который точно приковалъ его къ себѣ.

— Жилка... — въ раздумьѣ проговорилъ Гордѣй Евстратычъ, чувствуя, какъ у него на лбу выступилъ холодный потъ. — Видишь, Миша?

Михалко хотѣлъ взять въ руки кусокъ кварца, но Гордѣй Евстратычъ отстранилъ его и опять внимательно принялся разсматривать его передъ огнемъ. Но теперь онъ уже любовался кускомъ золотоносной руды, позабывъ совсѣмъ о Михалкѣ, который выглядывалъ изъ-за его плеча.

— Такъ Маркушка-то зачѣмъ послалъ съ тобой жилку-то? — спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ приходя въ себя. — За долгъ?

— Нѣтъ, про долгъ онъ ничего не говорилъ, а только наказывалъ, чтобы ты пріѣхалъ въ Полдневскую. «Надо, говоритъ, мнѣ съ Гордѣемъ Евстратычемъ переговорить»... Крѣпко наказывалъ.

— А про жилку-то, что, онъ тебѣ говорилъ или нѣтъ?

— Только всего и сказалъ: «Покажи, говоритъ, тятиньѣ скварецъ, ежели поглянется, пусть пріѣзжаетъ скорѣе»... А когда сталъ жилку въ бумагу завертывать, прибавилъ еще: «Охъ, хороша штучка!»

— Такъ онъ, Маркушка-то, сильно, говоришь, боленъ? — спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ, соображая совсѣмъ о другомъ.

— Да, совсѣмъ въ худыхъ душахъ ¹⁾... Того гляди, душу Богу отдастъ. Кашель его одолѣлъ. Старухи пользуют чѣмъ-то, да только легче все нѣтъ.

Гордѣй Евстратычъ не слышалъ послѣднихъ словъ, а, схватившись за голову, что-то обдумывалъ про себя. Чтобы не выдать овладѣвшаго имъ волненія, онъ сухо проговорилъ, завертывая кварцъ въ бумагу:

— Все это вздоръ, Миша... Ступай, спи съ Богомъ. Маркушка не насъ первыхъ съ тобой обманываетъ на своемъ вѣку.

II.

Къ девяти часамъ вечера всѣ въ домѣ были на своихъ мѣстахъ, потому что утромъ нужно рано вставать. Татьяна Власьева всѣхъ подниметъ на ноги чѣмъ-свѣтъ, и только одной Аришѣ позволяла понѣжиться въ своей коморѣ лишній часокъ, потому что Ариша ночью водится съ своимъ двухмѣсячнымъ Степушкой.

Двѣ комнаты, въ которыхъ жила Татьяна Власьева, напоминали скорѣе монастырскую келью. Низкіе потолки, оклеенные дешевыми обоями стѣны, выкрашенные синей краской дверные косяки и шпоровія лавки около стѣнъ, большой иконостасъ въ углу съ неугасимой лампадой, нѣсколько окованныхъ мороженымъ желѣзомъ сундуковъ, сложенныхъ по угламъ въ пирамиду — вотъ и все. На полу были постланы чистые половики, тканые изъ пестрой ветоши, на окнахъ бѣжали кисейныя занавѣски; около кровати, гдѣ спала Нюша, красовался старинный туалетъ съ

¹⁾ Т.-е., при смерти.

вычурной рѣзбой. Въ этихъ двухъ комнатахъ всегда пахло роснымъ ладаномъ, горѣлымъ деревяннымъ масломъ, геранью, желтыми восковыми свѣчами, которые хранились въ длинномъ деревянномъ ящикѣ подъ иконостасомъ, и тѣмъ специфическимъ, благочестивымъ по преимуществу запахомъ, какимъ всегда пахнетъ отъ старыхъ церковныхъ книгъ въ кожаныхъ переплетахъ, съ мѣдными застѣжками и съ запаханными воскомъ, точно вылощенными страницами. До старинныхъ книгъ Татьяна Власьева была великая охотница, хотя и считалась давно уже единовѣркой; она никогда не упускала случая приобрести такую книгу, чтобы имѣть возможность почитать ее наединѣ. Изъ этихъ книгъ составила у ней маленькая библіотека, которая и хранилась въ особомъ шкафикѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ рядомъ съ иконостасомъ. Къ старинѣ Татьяна Власьева питала почти болѣзненную слабость, все равно, въ какихъ бы формахъ ни проявлялась эта старина: она хранила, какъ зѣницу ока, всѣ сарафаны, полученные ей въ приданое, старинные мѣха, шубы, крытыя излежавшейся матеріей, даже изъѣденные молюю москути и разное тряпье.

Послѣ ужина Татьяна Власьева молилась безконечной старинной молитвой съ лѣстовкой въ рукахъ. Поклоны откладывались по уставу, какъ выучили Татьяну Власьеву съ дѣтства раскольниковъ «исправницы». Засыпая въ своей кровати крѣпкимъ молодымъ сномъ, Нюша каждый вечеръ наблюдала одну и ту же картину: въ переднемъ углу, накрывшись большимъ темнымъ шелковымъ платкомъ, пущеннымъ на спину въ два конца, какъ носить всѣ кержанки, бабушка молится цѣлые часы на пролетъ; откладываются широкіе кресты, а по лѣстовкѣ отсчитываются большіе и малые поклоны. Глядя на высохшее желтое лицо бабушки, съ строгими сѣрыми глазами и прямымъ носомъ, Нюша часто думала о томъ, зачѣмъ бабушка такъ долго молится. Неужели у ней ужъ такъ много грѣховъ, что и замолить нельзя? Дѣвушка иногда сердилась на упрямую старуху, особенно, когда та принималась ворчать на нее, но когда бабушка вставала на молитву — это была совсѣмъ другая женщина, въ родѣ тѣхъ подвижницъ, какія глядятъ строгими-строгими глазами съ иконъ стариннаго письма. Конца бабушкиной молитвы Нюша не могла никогда дожидаться и засыпала сладкимъ сномъ подъ мѣрный шопотъ безвонечныхъ кануновъ. На этотъ разъ дѣвушка особенно долго болтала, мѣшая старухѣ молиться.

— А ты, баушка, на меня не сердись? — спрашивала Нюша въ просонѣ.

— Отстань!.. — съ фальшивой строгостью отвѣчала бабушка, путаясь въ счетѣ поклоновъ.

— Въ то воскресенье мы въ Пятовымъ пойдемъ, баушка... Пойдемъ? Тебѣ новое платье спили, называется бордо, то-есть это краска называется, баушка, бордо, а не матерія и не мода. Понимаешь?

— Отстань!..

— Оня такая счастливая... — съ подавленнымъ вздохомъ проговорила Нюша, ворочаясь подъ ситцевымъ стеганнымъ одѣломъ. — У ней столько однихъ шелковыхъ платьевъ, и все по модному... Только у насъ у однихъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ и остались сарафаны. Ходимъ, какъ чучелы гороховыя.

— Ты у меня помели еще, безголовая! О, Господи, согрѣшила я, грѣшная, съ этой дѣвкой... Охъ, ужъ повѣсать тебя на томъ свѣтѣ прямо за языки!

Молчаніе. Опять поклоны. Неугасимая лампада горитъ неровнымъ пламенемъ, разливая кругомъ колеблющійся невѣрный свѣтъ. Желтыя полосы свѣта бродятъ по выбѣленному потолку, на мгновеніе выхватываютъ изъ темноты уголь старинной печи и, скользя по полу, исчезаютъ. Нюша долго наблюдаетъ эту игру свѣта, глаза у ней слипаются, начинаетъ клонить ко сну, но она еще борется съ нимъ, чтобы чуточку подразнить строгую бабушку.

— Баушка, Вуколь-то Логиничъ, сказывалъ давѣ Архипъ, зонтикъ себѣ въ городѣ купилъ, — начинаетъ Нюша, сладко позывая. — А знаешь, сколько онъ за него заплатилъ?

— Отстань...

— Шелковый зонтикъ-то, баушка? А ручка точеная изъ слоновой кости. Только Архипъ сказываетъ, что выточена такая фигура, что дѣвушкамъ и смотрѣть совѣстно.

— Тѣфу!.. тѣфу!.. — отплевывалась старуха. — Провались ты съ своимъ Вуколомъ Логиничемъ... Нашла важное кушанье!.. Срамникъ онъ Вуколь-то Логиничъ... Тѣфу!..

— Баушка, да вѣдь онъ за зонтикъ-то заплатилъ семьдесятъ цѣлковыхъ... Ей-Богу! Хоть сама спроси у Архипа.

— Какъ семьдесятъ?

— Право, баушка: семьдесятъ цѣлковыхъ за одинъ зонтикъ...

— Охъ, дуракъ, дуракъ, этотъ Вуколь... Ничего у нихъ въ природѣ-то такихъ дураковъ не было. Вѣдь Шабалины-то по нашимъ мѣстамъ завсегда въ первыхъ были, особливо дѣдушка-то Логинъ. Богатые были, а чтобы такихъ глупостей...

семьдесятъ цѣлковыхъ! Это на ассигнаціи-то считать, такъ чуть не триста рубликовъ... Охъ-хо-хо!.. Уже правду сказать, что дикая-то копеечка не улезить на мѣстѣ.

Взволнованная семидесяти-рублевымъ зонтикомъ, Татьяна Власьева позабыла свои кануны и принялась рассказывать поучительныя исторіи о Шабалиныхъ, Патовыхъ, Колобовыхъ, Савиныхъ и Пазухиныхъ. Вонъ какой народъ-то, всѣ какъ на подборъ! Такихъ съ огнемъ поискать и не въ Бѣлоглинскомъ заводѣ. Крѣпкій народъ, по всему Уралу знаютъ бѣлоглинскихъ-то. Даже изъ Москвы выѣзжаютъ за нашими невѣстами. Вотъ оно что значить природа-то... Теперь взять хоть Настю Шабалину — вышла за сарапульскаго купца; Груня Патова въ Москву вышла; у Савиныхъ дочь была замужемъ за рыбинскимъ купцомъ да умерла, сердечная, третій годокъ пойдетъ съ зимняго Никола. А Вуколь Логиничъ што? Онъ только свою природу срамить... Семьдесятъ рублей зонтикъ! Да и другіе-то, глядя на него, особливо, которые помоложе — тоже пошаливаютъ. Вонъ у Патовыхъ сынокъ-то въ Ирбитской что настрепалъ! Легкое мѣсто сказать.. А всему заводчикъ Вуколь, чтобы ему ни дна, ни покрышки. Въ допрежнія времена такихъ дураковъ и не бывало. Такъ, дурачили про между себя, только чтобы зонтика покупать въ семьдесятъ цѣлковыхъ — нѣтъ, этого не бывало.

Послѣднія фразы Татьяна Власьева говорила въ безвоздушное пространство, потому что Нюша, довольная своей выходкой съ зонтикомъ, уже спала крѣпкимъ молодымъ сномъ. Ея красивая черноволосая головка, улыбавшаяся даже во снѣ, всегда была набита самыми земными мыслями, что особенно оторчало Татьяну Власьевну, таготѣвшую своими помыслами къ небу. Прочитавъ еще два кануна и перекрестивъ спавшую Нюшу, Татьяна Власьева осмотрѣла, заперты-ли обоими на болты, надѣла на себя пестрадевый понитокъ и вышла изъ комнаты. Не торопясь, вышла она и заперла за собой тяжелую дверь на висачій замокъ, притворила осторожно сѣни и заглянула на дворъ. Дождь пересталъ, по небу мутной грядой ползли низкія облака, въ двухъ шагахъ трудно было что нибудь отличить; подъ ногами булькала вода. Перекрестивъ домъ и дворъ, старуха въ потѣмахъ побрела къ воротамъ. Чтобы не упасть, ей приходилось нащупывать рукой бревенчатую стѣну. Отворивъ калитку, Татьяна Власьева еще разъ благословила спавшій крѣпкимъ сномъ весь домъ, а потомъ заперла калитку на тяжелый висачій замокъ и осторожно принялась переходить черезъ улицу. Въ

одномъ мѣстѣ она черпнула воды своимъ низкимъ башмакомъ безъ каблука, въ другомъ обѣими ногами попала въ грязь; ноги скоро были совсѣмъ мокры, и вода хлопала въ самыхъ башмакахъ. Но старуха продолжала идти впередъ; Старая-Кедровская улица была ей знакома, какъ свои пять пальцевъ, и она прошла бы по ней съ завязанными глазами. Не даромъ она выжила въ этой улицѣ пятьдесятъ лѣтъ. Вотъ черезъ дорогу домъ Пазухинныхъ; у нихъ недавно крышу перекрывали, такъ подъ самыми окнами бревно оставили плотники—какъ бы за него не запнуться. Отъ дома Пазухинныхъ вплоть до Гнилого переулка идетъ одно прясло, а повернешь въ переулокъ—тутъ тебѣ сейчасъ домикъ о. Крискента. Славный домикъ съ палисадникомъ и желѣзной крышей; въ третьемъ годѣ, когда у о. Крискента родился мертвенькій младенецъ, домъ опалубили и зеленой краской выкрасили. Татьяна Власьева по Гнилому переулку вышла на большую заводскую площадь, по срединѣ которой неправильной глыбой темнѣла выступавшая углами вновь строившаяся единовѣрческая церковь. Когда старуха взяла площадь наискось, прямо къ церкви, небо точно прояснилось, и она на мгновеніе увидѣла лѣса и переходы постройки. Гдѣ-то брехнула собака. Рѣдкія капли дождя еще падали съ неба, точно сѣрыя нависшія тучи отряхивались, роняя на землю послѣдніе остатки дождя.

— Слава Тебѣ, Господи!—прошептала Татьяна Власьева, когда переступила за черту постройки.

Помолившись на востокъ, она отыскала спрятанную подъ тесомъ носилку для кирпичей, надѣла ее себѣ на плечи, какъ дѣлаютъ каменщики, и отправилась съ ней къ правильнымъ стопочкамъ кирпича, до котораго добралась только ощупью. Сложивъ на свою носилку шесть кирпичей, Татьяна Власьева надѣла ее себѣ на спину и, пошатываясь подъ этой тяжестью, начала съ ней подниматься по лѣсамъ. Кругомъ было по прежнему темно, но она хорошо знала дорогу, потому что вотъ уже третью недѣлю каждую ночь таскала по этимъ сходнямъ кирпичи. Раньше ночи были свѣтлыя, и старуха знала каждую доску.

— Господи Ісусе Христе, Сыне Божій...—шептала Татьяна Власьева, поднимаясь по сходнямъ вверху.

Доски были мокры отъ недавняго дождя, и нога скользила по нимъ; прикованныя гвоздями поперечныя дощечки, замѣнявшія ступеньки, кое-гдѣ оборвались съ своихъ мѣстъ и приходилось ощупывать ногой каждый шагъ впередъ, чтобы не слетѣть внизъ вмѣстѣ съ своей тридцатифунтовой ношей. Но эта опас-

ность и придавала силу работавшей старухѣ, потому что этимъ она выполняла данное обѣщаніе поработать Богу въ потѣ лица. Давно было дано это обѣщаніе, еще въ молодые годы, а исполнять его приходилось теперь, когда за спиной висѣли семьдесятъ лѣтъ, точно семьдесятъ тяжелыхъ кирпичей. Да, много было прожито и пережито, и суровая старуха, сгибаясь подъ ношей, тащила за собой свои воспоминанія, какъ преступникъ, который перебираетъ съ мучительнымъ чувствомъ сосущей тоски мельчайшія подробности сдѣланнаго преступленія и въ сотый разъ терзаетъ себя мыслью, что было-бы, если-бы онъ не сдѣлалъ такъ-то и такъ-то. «Господи, помилуй!.. Господи помилуй!» — шептала Татьяна Власьева отъ сознанія своей человѣческой немощи. Но вотъ первая ноша поднята, вотъ и варнизъ стѣны, который выводятъ каменщики; старуха складываетъ свои кирпичи тамъ, гдѣ завтра должна продолжаться кладка. Небо все еще обложено темными тучами, но въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ уже пробиваются неясныя свѣтлыя пятна, точно небо обтянуто сѣрой матеріей, кое-гдѣ сильно проношенной, такъ-что сквозозъ образовавшіяся рѣдины пробивается свѣтъ. Послѣ двухъ подъёмовъ на лѣса, западная часть неба изъ сѣрой превратилась въ темно-синюю — сверкнула звѣздочка, пахнуло вѣтромъ, который торопливо гналъ тяжелыя тучи. Татьяна Власьева присѣла въ изнеможеніи на стопу принесенныхъ кирпичей, голова у ней кружилась, ноги подкашивались, но она не чувствовала ни холоднаго вѣтра, глухо гудѣвшаго въ пустыхъ стѣнахъ, ни своихъ мокрыхъ ногъ, ни надсаженныхъ плечъ. Вонъ изъ осенней мглы выступаютъ знакомыя очертанія окрестностей Бѣлоглинскаго завода, вонъ Старая-Кедровская улица, вонъ новенькая православная церковь, вонъ прудъ и заводская фабрика... Выглянувшій изъ-за тучъ мѣсяцъ ярко освѣтилъ всю картину спавшаго завода, — ряды почернѣвшихъ отъ недавняго дождя крышъ, дымившіяся на фабрикѣ трубы, домикъ о. Крискента, хоромы Шабалиныхъ. Все это были нѣмые свидѣтели долгой, долгой жизни, свидѣтели, которые не могли обличить словомъ, но по нимъ, какъ по отдѣльнымъ ступенькамъ лѣстницы, неутомимая мысль переходила черезъ длинный рядъ пережитыхъ годовъ. Все это было, и Татьяна Власьева переживаетъ свою жизнь во второй разъ, переживаетъ вотъ здѣсь на верху постройки, откуда до неба кажется, всего одинъ шагъ... Но именно этотъ шагъ и пугаетъ ее; она хватается за голову и со слезами на глазахъ начинаетъ читать вырвавшійся изъ больной души согрѣшившаго царя крикъ: — «Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей!»

Но нужно носить кирпичи, до утра осталось часа три; Татьяна Власьева спускается вниз и поднимается съ тяжелой ношей почти машинально, какъ заведенная машина. Именно такой трудъ, доводящій старое тѣло почти до полного безчувствія— именно такой трудъ дастъ ей душѣ тотъ покой, какого она страстно домогается и не находитъ въ обыкновенныхъ христіанскихъ подвигахъ, какъ постъ, молитва и безконечные поклоны. Да, по мѣрѣ того какъ тѣло дѣлается лишней тягостью, на душѣ все свѣтлѣе и свѣтлѣе... Татьяна Власьева видитъ себя пятнадцатилѣтней дѣвушкой,—она такая высокая, рослая, съ румянцемъ во всю щеку. Всѣ на нее заглядываются, даже старики. Ей никто не нравится, хотя она не прочь поглазѣть на молодыхъ парней. Охъ-хо-хо!.. Никѣмъ-то никого не осталось изъ бывшихъ молодцевъ, точно они уплыли одинъ за другимъ. Да, никого не осталось въ живыхъ, только она одна, чтобы замаливать свои и чужіе грѣхи. На шестнадцатомъ году Таню выдали замужъ за вдовца-купца, по фамиліи Брагина; до вѣнца они не видали другъ друга. Ей крѣпко не понравился старый мужъ, но стерпѣла и помирилась съ своей судьбой, благо вышла въ достаточную семью, на свое хозяйство, не знала свекровушкиной науки, а потомъ пошли дѣтки-ангелочки... Все дѣвичье глупое горе износилось само-собою, и подумала Татьяна Власьева, что такъ она и вѣкъ свой изживетъ со старымъ нелюбимъ мужемъ. Конечно, завидно иногда было, глядя на чужихъ молодыхъ мужей, но ужъ кому какое счастье на роду написано. Вѣнецъ—судъ Божій, не намъ его пересуживать. Такъ думала Татьяна Власьева да не такъ вышло. Ужъ прожила она замужемъ лѣтъ десять, своихъ дѣтей растила, а тутъ и подвернись случай... И какой случай!.. Господи, прости меня окаянную... Да, были и раньше случаи, засматривались на красавицу-молодеку добрые молодцы, женатые и холостые, красивые были, только никому ничего не досталось: вздохнуть Татьяна Власьева, опустить глаза въ землю—и только всего. Одинъ особенно тосковалъ по ней и даже чуть рукъ на себя не наложилъ... Прости и его согрѣшенія, Господи... А горе пришло неожиданно, не гадало, какъ воръ, когда Татьяна Власьева совѣмъ о томъ и не думала. Пріѣхалъ въ Бѣлоглинскій заводъ управитель Пятовъ, отецъ Нила Поликарпича. Ну, познакомился со всѣми, сталъ бывать. И изъ себя-то человѣкъ глядѣть не на кого: тощій, больной, все кашлялъ, да еще женатый и дѣтишекъ полный домъ. Познакомился этотъ Пятовъ съ мужемъ Татьяны Власьевны такъ, что и водой не разольешь: полюбились они другъ другу. На именинахъ, по празд-

никамъ, другъ къ другу въ гости всегда ѣздили. Жена у Пятова была тоже славная такая, хоть и постарше много Татьяны Власьевны. Вотъ однажды пріѣхалъ Пятовъ на масланицѣ въ гости къ Брагинимъ, хозяина не случилось дома, и къ гостю вышла сама Татьяна Власьева. Посидѣли, поговорили. А Пятовъ нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ на нее, таково ласково да пріятливо взглянетъ; веселый онъ былъ человѣкъ часомъ, когда въ компаніи...

— Что это ты на меня такъ глядишь, Поликарпъ Семенычъ?—спросила Татьяна Власьева.—Точно сказать что-то хочешь...

— Хочу сказать, Татьяна Власьева, давно хочу...—отвѣтилъ Пятовъ и какъ будто изъ себя немного замѣшался.

— Ну, такъ говори...

— А вотъ что я скажу тебѣ, Татьяна Власьева: погубила ты меня, засушила... Господь тебѣ судья!..

Тихо таково вымолвилъ послѣднее слово, а самъ все на хозяйку смотреть и смѣется. У Татьяны Власьевны отъ этихъ словъ морозъ по кожѣ пошелъ, она хотѣла убѣжать, крикнуть, но онъ все смотрѣлъ на нее и улыбался, а у самого такъ слезы и сыплются по лицу.

— Гоните меня, Татьяна Власьева...—тихо заговорилъ Пятовъ, не вытирая слезъ.—Гоните...

Отъ этихъ словъ у Татьяны Власьевны точно что оборвалось въ груди: и жаль ей стало Поликарпа Семеныча, и какъ-то страшно, точно она боялась самой себя. А Пятовъ все смотреть на нее... Красивая она была тогда да молодая, — кровь съ молокомъ бабенка! А въ своемъ синемъ сарафанѣ и въ кисейной рубашкѣ съ узкими рукавами она была просто красавица писаная. Помутилось въ глазахъ Пятова отъ этой красоты, отъ ясныхъ ласковыхъ очей, отъ соболиныхъ бровей, отъ бѣлой лебазьей груди — бросился онъ къ Татьянѣ Власьевнѣ и обнялъ ее, а самъ плачетъ, плачетъ и цѣлуетъ руки, шею, лицо, плечи цѣлуетъ. Онѣмѣла Татьяна Власьева, жаромъ и холодомъ ее обдало, и сама она тихо, тихо поцѣловала Поликарпа Семеныча, всего одинъ разъ поцѣловала, а сама стоитъ предъ нимъ, какъ виноватая.

— Насмѣялся ты надо мной, Поликарпъ Семенычъ, — заговорила она, когда немного пришла въ себя. — Опозорилъ мою головушку... Какъ я теперь на мужа буду глядѣть?

— Голубушка, Татьяна Власьева... Мой грѣхъ—мой отвѣтъ. Я отвѣчу за тебя и передъ мужемъ, и передъ людьми, и пе-

редъ Богомъ, только не дай погибнуть христіанской душѣ... Прогонишь меня—одинъ мнѣ конецъ. Пересушила ты меня, злая моя разлучница... Прости меня, Татьяна Власьева, да прикажи мнѣ уйти, а своей воли у меня нѣтъ. Что скажешь мнѣ, то и буду дѣлать.

— Уходи, Поликарпъ Семенычъ... Богъ тебѣ судья!..

Побѣлѣлъ весь отъ этихъ словъ Поликарпъ Семенычъ, за-
трясся.

— Прощай чужая жена—моя погибелюшка, — проговорилъ онъ, поклонился низко-низко и пошелъ къ дверямъ.

Опять сдѣлалось страшно Татьянѣ Власьевнѣ, страшнѣе дѣвшняго, а онъ идетъ къ дверямъ и не оглянется... Подкосились рѣзвыя ноги у красавицы-погибелюшки и языкъ самъ сказалъ:

— Поликарпъ Семенычъ... воротись!

Охъ, вышелъ грѣхъ, большой грѣхъ... Пожалѣла Татьяна Власьева грѣшнаго человѣка Поликарпа Семеныча и погубила свою голову, навсегда погубила. Сдѣлалось съ ней страшное, небывалое... Сама она теперь не могла жить безъ Поликарпа Семеныча, безъ его грѣшной ласки, точно кто ее привязалъ къ нему. Позабыла и мужа, и дѣтокъ, и свою спобѣдную головушку для одного ласковаго слова, для приворотнаго злого взгляда.

Такъ они и зажили, а на мужа точно слѣпота какая нашла: души нечасть въ Поликарпѣ Семенычѣ, а Поликарпъ Семенычъ, когда Татьяна Власьева растужится да расплачется, все одно приговариваетъ: «милушка моя, не согрѣшишь—не спасешься, а было бы послѣ въ чемъ ваяться!» Никогда не любившая своего стараго мужа, за котораго вышла по родительскому приказанію, Татьяна Власьева теперь отдалась новому чувству со всѣмъ жаромъ проснувшейся первой любви. Въ качествѣ запретнаго плода, эта любовь удесатерила прелесть тайныхъ наслажденій, и каждый украденный у судьбы и людей часъ счастья являлся настоящимъ раемъ. Плодомъ этой преступной связи и былъ Зотушка, нисколько не походившій на своего старшаго брата, Гордѣя, и на сестру Алену.

Мужъ Татьяны Власьевны промышлялъ на Бѣлоглинскомъ заводѣ торговлей «панскимъ» товаромъ, т.-е. ситцами, сукномъ и т. д. Дѣло онъ велъ хорошо, и трудовое богатство наливалось въ домъ какъ вода. А тутъ старшій сынъ началъ подростать и отцу въ помощь пошелъ: все же кошку въ лавку не посадишь или не пошлешь куда-нибудь. Изъ Гордѣя выработывался не по лѣтамъ серьезный мальчикъ, который въ тринадцать лѣтъ могъ править дѣло за большого. Все шло какъ по маслу. Бра-

гини начали подниматься въ гору и просили за большихъ тысячниковъ, но въ одинъ годъ все это благополучіе чуть не пошло прахомъ: самъ Брагинъ простудился и умеръ, оставивъ Татьяну Власьевну съ тремя дѣтьми на рукахъ. Этотъ неожиданный ударъ совсѣмъ ошеломилъ молодую вдову, какъ божеское наказаніе за ея грѣхи. Постылый старый мужъ, который умеръ съ спокойной совѣстью за свое семейное счастье, теперь всталъ предъ ней нѣмымъ неотступнымъ укоромъ. Послѣ девятилѣтъ, Татьяна Власьева пригласила къ себѣ въ домъ Поликарпа Семеныча и сказала ему, опустивъ глаза:

— Ну, Поликарпъ Семенычъ, теперь ужъ прощай... Будетъ намъ грѣшнить. Если не умѣла по своему малодушію при мужѣ жить, такъ надо теперь доучиваться одной.

— Какъ же это, Таня...

— Я тебѣ не Таня больше, а Татьяна Власьева, такъ и знай. Мое слово будетъ свято, а ты какъ знаешь... Надо грѣхи замаливать, Поликарпъ Семенычъ. Прощай, голубчикъ... не поминай лихомъ...

Голосъ у Татьяны Власьевны дрогнулъ, въ глазахъ все смѣшалось, но она пересилила себя и не поддавалась на «преlestныя рѣчи» Поликарпа Семеныча, который рвалъ на себѣ волосы и божился на чемъ свѣтъ стоитъ, что сейчасъ же наложить на себя руки.

— А я буду молиться за тебя Богу, — уже спокойно отвѣтила Татьяна Власьева, точно она замерла на одной мысли.

Этимъ все и кончилось.

Татьяна Власьева какъ ножомъ обрѣзала свою старую жизнь и зажила по новому, «честной матерной вдовой», крѣпко соблюдая взятую на себя задачу. Въ это время ей всего было еще тридцать лѣтъ, и она, какъ одна изъ первыхъ красавицъ, могла выйти замужъ во второй разъ; но мысли Татьяны Власьевны тяготѣли въ другому идеалу—ей хотѣлось искупить грѣхъ юности настоящимъ подвигомъ, а прежде всего поднять дѣтей на ноги. Время бѣжало быстро, дѣти выросли. Старшій Гордѣй былъ вылитый отецъ—строгій, обстоятельный, дѣлая; второй, Зотѣй, являлся полной противоположностью, и какъ Татьяна Власьева ни строжила его, ни начинала—изъ Зотѣя ничего не вышло, а подъ конецъ онъ началъ крѣпко «зашибать водкой», такъ что пришлось на него совсѣмъ махнуть рукой. Татьяна Власьева должна была примириться съ этимъ, какъ съ божескимъ наказаніемъ за свой грѣхъ и утѣшалась старшимъ сыномъ, котораго скоро женила. Внулата на время заставила Татьяну Власьевну

отложить мысль о подвигѣ, тѣмъ болѣе, что жена Гордѣя умерла рано, и ей пришлось самой воспитывать внучатъ.

Вотъ тѣ мысли, которыя мучительно повертывались живымъ клубкомъ въ головѣ Татьяны Власьевны, когда она семидесятилѣтней старухой таскала кирпичи на строящуюся церковь. Этотъ подвигъ былъ только приготовленіемъ къ болѣе трудному дѣлу, о которомъ Татьяна Власьева думала въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, это—путешествіе въ Іерусалимъ и по другимъ святымъ мѣстамъ. Теперь задерживала только одна Нюша, которая, того гляди, выскочитъ замужъ—благо и жениховъ есть на примѣтѣ.

— Вотъ бы только Нюшу пристроить, — думала Татьяна Власьева, поднимаясь въ десятый разъ къ кирпичамъ. — Алексѣй у Пазухинныхъ паренъ хорошій, смирѣный, да и природа пазухинская по здѣшнимъ мѣстамъ не послѣдняя. Отецъ-то Сила Андроничъ, вонъ какой паренъ, подъ стать какразъ нашему-то Гордѣю Евстратычу.

Старуха проработала до четырехъ часовъ, когда на фабрикѣ отдали первый свистокъ на работу. Она набожно помолилась въ послѣдній разъ и поплелась домой, разбитая тѣломъ, но бодрая и точно просвѣтлѣнная духомъ. Кругомъ было все темно, но въ избахъ уже мелькали яркіе огоньки: это топились печки у заботливыхъ хозяевъ. Вонъ у о. Крискента тоже искры сыплются изъ трубы, — значитъ, стряпка Асина въ рано управляетъ. У Пазухинныхъ темно, у нихъ по долгу спать. Подходя къ своему дому, Татьяна Власьева замѣтила въ окнѣ горницы Гордѣя Евстратыча огонь.

«Ужъ не боленъ-ли?» подумала старуха и торопливо зашагала черезъ улицу. «Куда ему эку ранъ подниматься... Можетъ, надо малиной или мятой его напоить».

Гордѣй Евстратычъ дѣйствительно не спалъ, но только не по нездоровью, а отъ одолевшихъ его мыслей, которыя колесомъ вертѣлись кругомъ привезенной Михалкомъ жилки. Сначала онъ пытался заснуть и лежалъ съ закрытыми глазами часа два, но все было напрасно—сонъ бѣжалъ отъ Гордѣя Евстратыча, оставляя въ душѣ мучительно-сосавшую пустоту. Зачѣмъ старатель Маркушка желаетъ видѣть его, и зачѣмъ онъ послалъ съ Михалкомъ эту проклятую жилку? А жилка богатѣйшая... Можетъ быть, Маркушка нашелъ эту жилку и хочетъ продать ему... Все можетъ быть, только не нужно упускать случая. Мало ли бывало такихъ случаевъ. Эти старатели все знаютъ, а Маркушка совсѣмъ прозбѣнный.

Занятый этими мыслями, онъ не обратилъ вниманія даже на то, какъ осторожно отворилась калитка, а затѣмъ заскрипѣла дверь въ сѣняхъ.

— Ты што это, Гордѣй?—спрашивала Татьяна Власьева, появляясь въ дверяхъ его комнаты. — Ужъ не попритчилась ли какая немочь?

— Нѣтъ, мамынька... Такъ, не поспалось што-то, клопы, надо полагать. Скажи-ка страпѣй на счетъ самоварчику, а потомъ мнѣ надо будетъ ѣхать въ Полдневскую.

— Да вѣдь Михалко вчера въ Полдневскую гонялъ?

— Гонялъ, да безъ толку... Самому надо съѣздить.

III.

Напившись чаю, Гордѣй Евстратычъ самъ сходилъ во дворъ, отдохнула ли лошадь послѣ вчерашней ѣзды, и велѣлъ Зотушкѣ сѣдлать ее.

— Я самъ поѣду,—прибавилъ Гордѣй Евстратычъ, похлопывая гнѣдка по шеѣ.

Послѣднее настолько удивило Зотушку, что онъ даже раскрылъ ротъ отъ удивленія. Гордѣй Евстратычъ такъ рѣдко выѣзжалъ изъ дома—разъ или два въ годъ, что составляло цѣлое событіе, а тутъ вдругъ, точно съ печи упалъ: «сѣдай, самъ поѣду...» Верхомъ Гордѣй Евстратычъ не ѣздилъ лѣтъ десять, а тутъ вдругъ въ такую распутицу, да еще на измороженной лошади, которая еще со вчерашняго не успѣла отдышаться. Дѣйствительно, Гордѣй Евстратычъ былъ замѣчательный домо-сѣдъ и ѣхать куда-нибудь для него было истиннымъ наказаніемъ, притомъ, онъ ѣздилъ только зимой по удобному санному пути,—въ Ирбитъ на ярмарку и въ Верхотурье, въ гости къ сестрѣ Алѣнѣ. Сборовъ на такую поѣздку хватало на цѣлую недѣлю, а тутъ, нѣкося, свернулся въ часъ мѣста... Всѣ эти мысли промелькнули въ маленькой головкѣ Зотушки во мгновеніе ока, и онъ перебиралъ ихъ все время, пока сѣдлалъ гнѣдка. Куда могъ ѣхать Гордѣй Евстратычъ въ такую непогоду?

— Значить, какое-нибудь дѣло завелось,—рѣшилъ, наконецъ, Зотушка съ глубокомысленнымъ видомъ, когда лошадь была готова.

Татьяна Власьева была удивлена этой поѣздкой не менѣе Зотушки и ждала, что Гордѣй Евстратычъ самъ ей скажетъ, зачѣмъ ѣдетъ въ Полдневскую, но онъ ничего не говорилъ.

— Затѣмъ въ Полдневскую-то наклеялся?—спросила старуха, когда Гордѣй Евстратычъ началъ прощаться.

— Дѣльце есть маленькое... Послѣ, мамынька, все обскажу. Благослови въ добрый часъ съѣздить.

— Ну, Богъ тебя благословить, милушка. А послалъ бы ты лучше Архи́па, тѣмъ самому трястись по этакой грязищѣ.

— Нельзя, мамынька. Стороной можно проѣхать... Миха́лко сегодня въ лавкѣ будетъ сидѣть, а Архи́па пошли въ Вятковы́мъ, должно́ тамъ за ними быть. Надо бы книгу еще подсчитать...

— Подождите съ книгой-то, Гордѣй Евстратычъ. У насъ теперь своя работа стоитъ. Нюшѣ къ зимѣ шубку пошобную справляемъ...

— Обождемъ, ничего. Да пошли еще, мамынька, Зотушку къ Шабалинымъ.

— Охъ, нельзя, милушка! Вѣдь только онъ едва успѣлъ выправиться, а какъ попадетъ къ Шабалинымъ — непременно Вуко́лъ Логиннычъ его водкой понтъ станетъ. Ужъ это сколько разовъ бывало, и не пересчитаешь!.. Лучше я Архи́па спосылаю... По пути и забѣжать отъ Пятовыхъ-то.

— Какъ знаешь.

Гордѣй Евстратычъ сѣлъ въ мягкое пастушье сѣдло и, перекрестившись, выѣхалъ за ворота. Утро было свѣтлое; въ воздухѣ чувствовалась осенняя вѣпкая свѣжесть, которая заставляетъ барина застегиваться на всѣ пуговицы, а мужика ту же подпоясываться. Гордѣй Евстратычъ поверхъ толстаго драповаго пальто надѣлъ татарскій а́зямъ, перехваченный гарусной опояской, и теперь сидѣлъ въ сѣдлѣ молодцомъ. Выглянувшая въ окно Нюша невольно полюбовалась, какъ татенька ѣхалъ по улицѣ.

Нужно было ѣхать по Старой-Кедровской улицѣ, но Гордѣй Евстратычъ повернулъ лошадь за уголъ и поѣхалъ по Стекольной. Онъ не хотѣлъ, чтобы Пазухины видѣли его. Точно такъ же объѣхалъ онъ рынокъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ торговцевъ. Только на плотинѣ онъ попалъ, какъ куръ во щи: прямо къ нему на-встрѣчу катился въ лакированныхъ дрожжахъ самъ Вуко́лъ Логиннычъ.

«Охъ, не легкая бы тебя взяла!» — подумалъ про себя Гордѣй Евстратычъ, приподнимая свою суко́нную фуражку съ захватаннымъ козырькомъ.

Сѣрая въ яблокахъ громадная лошадь, съ невѣроятно выгнутой шеей и съ хвостомъ трубой, торжественно подкатила Шабалина, который сидѣлъ на дрожжахъ настоящимъ чортомъ: въ

мохнатою дипломатѣ, въ какой-то шапочкѣ, сдвинутой на затылокъ, и съ семидесятирублевымъ зонтикомъ въ рукахъ. Скуластое, красное лицо Вукола Логинныча, съ узкими хитрыми глазами и съ мясистымъ носомъ, все лоснилось отъ жира, а когда онъ улыбался, изъ-за толстыхъ губъ показывались два ряда гнилыхъ зубовъ.

— Куда Богъ несетъ, Гордѣй Евстратычъ?—издали кричалъ Шабалинъ, высоко поднимая свою круглую шапочку.—Я не зналъ, что ты такимъ молодцомъ умѣешь верхомъ ѣздить... Ужъ не на охоту ли собрался?

— Какая у насъ охота, Вуколъ Логиннычъ...—отвѣтилъ Брагинъ недовольнымъ тономъ; онъ обидѣлся глупымъ вопросомъ Шабалина, который всегда смелеть что-нибудь самое несуразное.

Эта встрѣча очень не понравилась Гордѣю Евстратычу, и онъ, поднимаясь съ плотины въ гору, на которой красовалась пятиглавая православная церковь, даже подумалъ, ужъ не воротиться ли назадъ. Оглянувшись, Брагинъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ «за рѣку», т.-е. по ту сторону пруда, гдѣ тянулася Старая-Кедровая улица. Съ горки отлично можно было разсмотрѣть старый Брагинскій домъ, который стоялъ на углу; изъ одной трубы винтомъ поднимался синій дымъ, значить, старуха затѣяла какую-нибудь страпню. «На охоту поѣхалъ»... припоминалъ Брагинъ со злостью слова Шабалина—«Тѣфу ты, грѣховодникъ... Нашелъ охотника!...» Съ другой стороны, Брагину показалось, что дѣйствительно у него сегодня такой глупый видъ, точно онъ «ангела потерялъ», какъ говорила Татьяна Власѣвна про ротозѣевъ. Приосанившись въ сѣдлѣ и подтянувъ поводья, Брагинъ пустилъ своего гнѣдка ходомъ, чтобы скорѣе выѣхать за «жило». Ему пришлось проѣхать мимо Шабалинскаго дома, и онъ невольно полюбовался на него. Домъ стоялъ на горѣ, надъ прудомъ, и ярко бѣлѣлъ своими пятью колоннами. Эти палаты особенно нравились Брагину, потому что придавали дому настоящій городской видъ: какъ рисуютъ на картинкахъ. Зеркальные стекла въ окнахъ, золоченая рѣшотка у балкона между колоннами, мраморныя вазы на воротахъ, усыпанный мелкимъ песочкомъ дворъ—все было хорошо, форменно, какъ говорилъ Зотушка про Шабалинскій домъ.

«А все золото поднимается...» подумалъ невольно Брагинъ, шупая лежавшую за пазухой жилку. «Вуколу-то Логиннычу красная цѣна расколотый грошъ да и того напросишься, а вонъ какую хорошину наладилъ! Кабы такое богатство да въ настоящимъ рукамъ... Сказываютъ, въ одно поутѣнее лѣто заро-

билъ онъ на золотѣ-то тысячъ семьдесятъ... Вонъ лошадь-то ка-
кая—звѣрь-звѣремъ.

Бѣлоглинскій заводъ, совсѣмъ затерявшійся въ глуши Ураль-
скихъ горъ, принадлежалъ въ самымъ стариннымъ уральскимъ
поселеніямъ, что можно было даже замѣтить по его наружному
виду, т.-е. по почернѣвшимъ стариннымъ домамъ съ высокими
коньками, и особенно по старой заводской фабрикѣ, поставлен-
ной еще въ 1736 году. Мѣсто подъ заводъ было выбрано самое
глухое, настоящій медвѣжьій уголь: горы, болота, лѣса; до офи-
ціального основанія заводского дѣйствія, здѣсь, съ разнымъ лѣс-
нымъ звѣремъ, хоровились одни раскольники, уходившіе въ
уральскую глушь отъ Петровскихъ новшествъ. Между прочимъ,
свили они себѣ гнѣздо и на берегу глухой горной рѣчонки,
Бѣлой-Глинки, пока ихъ не отыскали подъячье и заводскіе при-
казчики. Рѣка была перехвачена плотиною, разлился прудъ и
задымилась фабрика. Около пруда разсажались заводскіе домики,
вытянувшись «по плану» въ широкія правильныя улицы. Те-
перь Бѣлоглинскій заводъ представлялъ изъ себя такую картину:
во-первыхъ, «зарѣчная» низкая сторона, гдѣ собственно находи-
лось первоначальное раскольниковъ поселеніе и гдѣ теперь про-
ходила Старая-Кедровская улица; дома здѣсь старинныя и люди
въ нихъ старинныя—отчасти раскольники, отчасти единовѣрцы;
во-вторыхъ—«нагорная» сторона, гдѣ красовалась православная
церковь и хоромы Шабалина. Въ нагорной жили большею
частью православные, позднѣйшее этнографическое населеніе.
Это дѣленіе на «нагорную» и «зарѣчную» стороны продолжа-
лось и ниже заводской фабрики, гдѣ Бѣлая-Глинка разливалась
въ низкихъ глинистыхъ берегахъ. Въ этой части завода стоялъ
деревянный господскій домъ съ желѣзной крышей, въ которомъ
жили Пятовы, и нѣсколько домиковъ «на городскую руку», вы-
строенныхъ заводскими служащими. Въ зарѣчной находилась
единственная заводская площадь, въ одномъ концѣ которой сби-
лись въ кучу деревянные лавки, а въ другомъ строилась едино-
вѣрческая церковь. Старинныя семьи, въ родѣ Колобовыхъ, Са-
винныхъ, Пазухиныхъ и др., всѣ жили въ зарѣчной, въ крѣп-
кихъ старинныхъ домахъ, въ которыхъ на вышкахъ еще сохра-
нились рамы со слюдой, вмѣсто стеколъ. Шабалины жили тоже
тамъ, пока Вуколь Логиничъ не облюбовалъ себѣ мѣстечко на
нагорной сторонѣ. Это ренегатство очень огорчило всѣхъ блюсти-
телей старины, въ родѣ Татьяны Власьевны, но Вуколь Лог-
иничъ былъ отпѣтая башка,—и взять съ него было нечего.

Въ солнечный день видъ на заводъ представлялъ собой до-

вольно пеструю картину, и пожалуй красивую, еслибы не тѣснѣйшія со всѣхъ сторонъ лѣсъ и подымавшіяся кругомъ лѣсистыя горы, придававшія всей картинѣ непривѣтливый траурный характеръ. Впрочемъ, такъ казалось только постороннимъ людямъ, а бѣлоглинцы, конечно, не могли даже себѣ представить что-нибудь лучше и красивѣе Бѣлоглинскаго завода. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и Гордѣй Брагинъ, бывавшій не только въ Ирбити и въ Верхотурѣ, но и въ Нижнемѣ.

Дорога въ Полдневскую походила на тѣ прямоѣзжія дороги, о которыхъ поется въ былинахъ: горы, болота, гати и зыбули точно были нарочно нагромождены, чтобы отбить у всякаго охоту пробѣжаться по этой дорогѣ во второй разъ, особенно осенью, когда лошадь заступаетъ въ грязь по колѣно, вымогаясь изъ послѣднихъ силъ. Верхомъ на лошади эти двадцать верстъ едва можно было пробѣжать въ четыре часа. Съ непривычки къ верховой ѣздѣ, Гордѣй Евстратычъ на половинѣ пути почувствовалъ, какъ у него отнимается поясница, и ноги въ стремянахъ начинаютъ деревенѣть. А впереди косогоръ за косогоромъ, гора за горой... Лѣсъ стоитъ кругомъ темный, настоящій дремучій ельникъ, которому, кажется, не было конца-краю. Около самой дороги, гдѣ лѣсъ былъ не много прочищенъ, лѣпились кусты жимолости и малины да молоденькія березки, точно заблудившіяся въ этой лѣсной трущобѣ; теперь листья уже давно пожелтѣли и шелестѣли мертвымъ шопотомъ, когда по нимъ пробѣгалъ осенній порывистый вѣтеръ. Земля была покрыта шуршавшей подъ ногой лиственной шелухой, и только кой-гдѣ изъ-подъ нея пробивались зеленые кустики сохранившейся еще травы, да на опушкѣ лѣса ярко блестяла горькая осина, точно обрызганная золотомъ и кровью.

Верстъ не полагалось, и версты отсчитывались по разнымъ примѣтамъ: отъ Бѣлоглинскаго до Пугиной горы—восемь верстъ; двѣ версты подался—ключикъ изъ косогора бѣжить, значитъ, половина дороги, а тамъ черезъ пять верстъ гарь на лѣвой рукѣ. Брагинъ почти все время ѣхалъ шагомъ, раздумывая безконечную дорожную думу, которая блуждала по своимъ горамъ и косогорамъ, тонула въ грязи и пробиралась по узкимъ тропинкамъ. То онъ видѣлъ предъ собой Шабалина въ его круглой шапочкѣ и начиналъ ему завидовать; то припоминалъ разные случаи быстрого обогащенія «черезъ это самое золото», какъ говорилъ Зотушка; то принимался «сумѣваться», зачѣмъ онъ тащится такую даль; то строилъ тѣ воздушные замки, безъ которыхъ не обходятся даже самыя прозаическія натуры. Что онъ

такое теперь, ежели разобрать? Купецъ, который торгуетъ панскимъ товаромъ—и только. Сытъ, одѣтъ, ну копѣечки про черныи день отложены, а чтобы супротивъ прочихъ другихъ изъ купечества, какъ въ Ирбити, напримѣръ, собираются, ему, Брагину, далеко не въ плоть. А между тѣмъ, чѣмъ онъ хуже другихъ? Недалеко ходить, хоть взять того же Вукула Логинича... А съ чего человѣкъ жить пошелъ? Отъ пустяковъ. Отъ такой же жилички, какую онъ сейчасъ везетъ у себя за пазухой. Да... Въ воображеніи Брагина уже рисовалась глубокая шахта, изъ которой бадьями поднимають золотиносный кварцъ, толкутъ его и промываютъ. Въ результатъ получилось чистое золото, которое превращается въ громадный домъ съ колоннами, въ сѣрыхъ съ аблоками лошадей, въ лакированные дрожки, въ дорогое платье и сладкое привольное житье. Первымъ дѣломъ онъ, конечно, пожертвуетъ въ церковь, тайно пожертвуетъ... Тото удивится о. Крискентъ, когда изъ кружки добудетъ нѣсколько радужныхъ. Потомъ старухъ на бѣдныхъ да на увѣчныхъ, потомъ... Всѣ будутъ ухаживать за Гордѣемъ Евстратычемъ, какъ теперь ухаживаютъ за Шабалинымъ или за другими богатыми золотопромышленниками.

— Прежде гремѣли на Панютинскихъ заводахъ золотопромышленники Сиговы да Кутневы,—раздумывалъ Гордѣй Евстратычъ, припоминая исторію уральскихъ богачей.

Сиговымъ принесъ жилику одинъ вогулъ, а Кутневы сами нашли золото, хотя и не совсѣмъ чисто. Сказывали, что Кутневы оттягали золотую россыпь у какого-то бѣднаго старателя, который не поживился ничѣмъ отъ своей находки, кромѣ того, развѣ, что высидѣлъ въ острогѣ полгода за свои жалобы на разбогатѣвшихъ Кутневыхъ. Да, много неправды съ этимъ золотомъ... Вонъ про Шабалина рассказываютъ какія штуки: народъ морить работой на своихъ прискахъ, не рассчитываетъ, а попробуй судиться съ нимъ, кому угодно ротъ затенеть. Мировой судья Липачекъ ему первый другъ и пріятель, становой Плигусовъ даже спитъ съ нимъ на одной постели... Отъ этого богатства просто одинъ грѣхъ, точно люди всякаго «ума рѣшаются». Но вѣдь это другіе, а ужъ онъ, Гордѣй Евстратычъ, никогда бы такъ не сдѣлалъ. Да... Вонъ, Ньюша на возрастъ—ее надо пристраивать за хорошаго человѣка, вонъ сыновей надо отдѣлять, пока не разворились. Теперь, конечно, все есть, всего въ мѣру, а ежели раздѣлиться—и пойдутъ кругомъ недостатки.

Прибодрившаяся лошадь дала знать, что скоро и Полднеская. Въ теченіе четырехчасоваго пути Брагинъ не встрѣтилъ

ни одной живой души, и теперь радъ былъ добратся до мѣста, гдѣ бы можно было хоть чаю напиться. Поднявшись на послѣдній косогоръ, онъ съ удовольствіемъ взглянулъ на Полдневскую, совсѣмъ почти спрятавшуюся на самомъ днѣ глубокой горной котловины. Издали едва можно было рассмотреть нѣсколько крышъ да двѣ-три избышки, торчавшія особнякомъ, точно онѣ отпоязли отъ деревни.

«Настоящее воронье гнѣздо эта Полдневская», — невольно подумалъ Брагинъ, привставая въ стременахъ.

Полдневская пользовалась, дѣйствительно, неособенно завидной репутаціей, какъ притонъ присковыхъ рабочихъ. Не проходило года, чтобы въ Полдневской не случилось какой-нибудь оказіи: то мертвое тѣло объявится, то крупное воровство, то событъ краденаго золота, то бѣглецы начнутъ пошаливать. Становой Плинтусовъ говорилъ прямо, что Полдневская для него, какъ сухая мозоль — шагу не дастъ ступить спокойно. Чѣмъ существовали обитатели этой деревушки — трудно сказать, и единственнымъ мотивомъ, могшимъ нѣсколько оправдать ихъ существованіе, служили разбросанные около Полдневской приски, но дѣло въ томъ, что полдневскіе не любили работать, предпочитая всему на свѣтѣ свою свободу. А между тѣмъ полдневскіе мужики не только существовали, но исправно каждое воскресенье являлись въ Бѣлоглинскій заводъ, гдѣ мѣняли лошадыми, пьянствовали по кабакамъ и даже кое-что покупали на рынкѣ, конечно, большею частью въ долгъ. Къ такимъ птицамъ небеснымъ принадлежалъ и старатель Маркушка, давнишній должникъ Брагина.

Спустившись по глинистому косогору, Гордѣй Евстратычъ въ бродѣ переѣхалъ мутную рѣчонку Полубенку и, проѣхавъ съ полверсты мелкимъ осинникомъ, очутился въ центрѣ Полдневской, которая состояла всего на всего изъ какого-нибудь десятка повосившихся и гнилыхъ избъ, поставленныхъ на небольшой полянѣ въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. На встрѣчу Брагину выбѣжало нѣсколько пестрыхъ собакъ съ стоячими ушами, которыя набросились на него съ такимъ оглушительнымъ лаемъ, точно стерегли какія несмѣтныя сокровища. Въ одномъ окошкѣ мелькнуло женское испитое лицо и быстро скрылось.

— Въ которой избѣ живетъ Маркушка старатель? — спросилъ Гордѣй Евстратычъ, постукивая черенкомъ нагайки въ окно ближайшей избы.

Въ окнѣ показалась бородатая голова въ шапкѣ; два тусклыхъ глаза безучастно взглянули на Брагина и остановились. Не выпуская изо-рта дымившейся трубки съ мѣдной цѣпочкой,

голова безмолвно показала глазами направо, гдѣ стояла совсѣмъ вросшая въ землю избенка, точно старый грибокъ, на который наступили ногой.

— Ну, народецъ!..—проворчалъ Гордѣй Евстратычъ, слѣзая съ лошади у Маркушкиной избы.

Архитектурной особенностью Полдневскихъ избъ было то, что онѣ совсѣмъ обходились безъ воротъ, дворовъ и надворныхъ построекъ. Ходъ въ избу шелъ прямо съ улицы. Только въ видѣ роскоши кое-гдѣ лѣпились сколоченные на живую нитку врылечки; гдѣ держали полдневцы лошадей,—составляло загадку, какъ и то, чѣмъ они кормили этихъ лошадей и чѣмъ топили свои избы. Гордѣй Евстратычъ окинулъ строгимъ хозяйскимъ взглядомъ всю деревню и нигдѣ не нашелъ ничего похожего на конюшни или поленницу дровъ. У нѣкоторыхъ избъ валялось по бревну, отъ которыхъ бабы по утрамъ отгрызали на подтопку дровъ—вотъ и все. «Ну, народецъ!» еще разъ подумалъ Брагинъ: «Въ-лѣсу живутъ, и ни одного полѣна не отрубать мужики»...

— Господи Ісусе Христе...—помолитвовался Гордѣй Евстратычъ, отворяя низкую дверь, которая вела куда-то въ яму.

— Аминь...—отдалъ изъ темноты чей-то хриплый голосъ.— Это ты Гордѣй Евстратычъ?

— Я, Маркушко...

Послышалось тяжелое хрипѣнье, затѣмъ удушливый кашель. Гордѣй Евстратычъ кое-какъ оглядѣлся: кругомъ было темно, какъ въ трубѣ, потому что изба у Маркушки была черная, т. е. безъ трубы, съ одной каменной вмѣсто печи. Вѣрнѣе такую избу назвать балаганомъ, какіе иногда ставятся охотниками въ глухихъ лѣсныхъ мѣстахъ на всякій случай. На каменкѣ тлѣло суховатое полѣно, наполнявшее избу удушливымъ ѣдкимъ дымомъ. Самъ хозяинъ лежалъ у стѣны, на деревянныхъ подмосткахъ, прикрытый сверху доскучами овчинъ, когда-то составлявшихъ тулупъ или полушубокъ. На гостя изъ подъ кучи этой рвани глядѣло восковое отекавшее лицо съ мутнымъ остановившимся взглядомъ, въ которомъ едва теплилась послѣдняя искра сознанія. Мочального цвѣта бороденка, рыжіе щетинистые усы и прилипшіе къ широкому лбу русые волосы дополняли портретъ старателя Маркушки.

— Ну, что, плохо тебѣ? — спрашивалъ Брагинъ, напрасно отыскивая глазами что-нибудь, на что можно было бы сѣсть.

Куча трепья зашевелилась, раздался тотъ же кашель.

— Надо... надо... больно мнѣ тебя надо, Гордѣй Евстра-

тычъ,—отозвалась голова Маркушки.—Думалъ, не доживу... спасибо послѣ скажешь Маркушкѣ... Охъ, смерть моя пришла, Гордѣй Евстратычъ!

— Надо за попомъ послать?

— Гдѣ ужъ... нѣтъ... вотъ ужъ я тебѣ все обскажу...

Гордѣй Евстратычъ подкатилъ къ дымившейся каменнѣ какой-то чурбанъ и приготовился выслушать предсмертную исповѣдь старателя Маркушки, самаго отчаяннаго изъ всѣхъ обитателей Полдневской.

— Видѣлъ жилку-то? — глухо спросилъ Маркушка, удерживая душившій его кашель.

— Видѣлъ...

— Вѣдь пятнадцать лѣтъ ее берёгъ, Гордѣй Евстратычъ... да... пуще глазу своего берегъ... Ну, да что объ этомъ толковать!.. Вотъ что я тебѣ скажу... человекъ я порѣшилъ... штегера, давно это было... Вотъ онъ, штегеръ-то, и стоитъ теперь надъ моею душой... да... думалъ отомолить, а тутъ смерть пришла... ну, я тебя и вспомнилъ... Видѣлъ жилку? ну, богатство... озолочу тебя, только по гробъ своей жизни отмаливай мой грѣхъ... и старуху свою заставь... въ скиты посылай...

Опять приступъ отчаяннаго кашля, точно Маркушка откашливалъ всю душу, вмѣстѣ съ своими грѣхами.

— Такъ ты поклянешься мнѣ, Гордѣй Евстратычъ, и я тебѣ жилку укажу и научу, што съ ней дѣлать... Мнѣ только и надо, штобы мою душу отомолить.

— А ежели ты обманешь, Маркушка?

— Нѣтъ, Гордѣй Евстратычъ... Охъ, тошнехонько!.. нѣтъ, не обману... Не для тебя соблюдалъ мѣстечко, а для себя... Ну, такъ поклянешься?

Брагинъ на минуту задумался. Его брало сомнѣніе, притомъ, онъ не ожидалъ именно такого оборота дѣла. Съ другой стороны, въ этой клятвѣ ничего худого нѣтъ.

— Ладно, поклянусь...

— Иисусовой молитвой поклянись!

— Нѣтъ, Иисусовой молитвой не буду, а такъ поклянусь... Мы за всѣхъ обязаны молиться, а если ты мнѣ добро сдѣлаешь—такъ о тебѣ особая и молитва.

— Думалъ я про Шабалина...—заговорилъ Маркушка послѣ тяжелой паузы.—Онъ бы икону снялъ со стѣны... да я-то ему, кровопивцу, не повѣрю... тоже вотъ и другимъ... А тебя я давно знаю, Гордѣй Евстратычъ... особливо твою маминьку, Татьяну

Власьевну... ея-то молитва доходитъ къ Богу... да. Такъ ты не хочешь Иусовой молитвой себя обязать.

— Нѣтъ, Маркушка, это грѣшно... Хоть у кого спроси.

Больной недоувѣрчиво посмотрѣлъ на своего собесѣдника, потому что всѣ его богословскія познанія ограничивались одной Иусовой молитвой, запавшей въ эту грѣшную душу, какъ падаетъ зерно на каменистую почву. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, Маркушка согласился на простую клятву и жадными глазами смотрѣлъ на Гордѣя Евстратыча, который, поднявъ кверху два пальца, «общивался» передъ Богомъ отмаливать всѣ грѣхи раба Божіа Марка вплоть до своей кончины и далѣе, если у него останутся въ живыхъ дѣти. Восковое лицо покрывось пятнами пота отъ напряженного вниманія, и онъ долго лежалъ съ закрытыми глазами, прежде, чѣмъ получилъ возможность говорить.

— Ну, слушай, Гордѣй Евстратычъ... Робыли мы пятнадцать годовъ тому назадъ у купцовъ Девяткиныхъ... шахту били... много они денегъ просадили на нее... я ходилъ у нихъ за штегера... на восемнадцатомъ аршинѣ напали на жилку... а я сказалъ, што дальше не затѣмъ рыть... Отъ всѣхъ скрылъ... ну, повѣрили, шахту и бросили... Изъ нея я тебѣ жилку съ Михалкомъ послалъ...

— Отчего же ты самъ не разрабатывалъ эту шахту, вѣдь Девяткины давно вымерли?

— Нельзя было... по малости ковырялъ, а чтобы настоящимъ дѣломъ—сила не брала, Гордѣй Евстратычъ. Нашему брату не сподручное дѣло съ такой жилкой возиться... надо капиталъ... съ начальствомъ надо ладить... А кто мнѣ повѣритъ? Продать не хотѣлось, потому я по малости все-таки выковыривалъ изъ нея, а что мнѣ за нее дали бы... пустякъ... Шабалинъ общалъ двадцать цѣлковыхъ.

— Да вѣдь и мнѣ настоящую жилку не дадутъ разрабатывать? — замѣтилъ Брасинъ, слушавшій эту исповѣдь съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Не надо объявлять настоящей жилки, Гордѣй Евстратычъ... а какъ Шабалинъ дѣлаетъ... россыпью объяви... а въ кварцѣ, мольтъ, золото попадаетъ только гнѣздами... это можно... на это и закона нѣтъ... ужъ я это знаю... ну, надо замазать рты левизорамъ да инженерамъ... подъ Шабалина подражай...

— Хорошо, тамъ увидимъ... Ты расскажи, гдѣ жилку-то искать?

— А вотъ какъ ее искать... ступай по нашей Полуденкѣ

вверху... верстахъ въ пяти въ нее падаетъ рѣчка Смородинка... по Смородинкѣ подашься тоже вверху, а въ самой верхотинѣ стоитъ гора Заразная... отъ Смородинки возьми на Заразную... тутъ пойдешь уваль... два ведра увидишь... тутъ тебѣ и жилища...

Гордый Евстратычъ былъ блѣденъ, какъ полотно; онъ смотрѣлъ на отекавшее лицо Маркушки страшными, дикими глазами, выжидаая, не вырвется ли еще какое-нибудь признаніе изъ этихъ посинѣвшихъ и растрескавшихся губъ. Но Маркушка умолкъ и лежалъ съ закрытыми глазами, какъ мертвый, только тряпье на подмосткахъ продолжало съ хрипомъ подниматься неровными взмахами, точно подъ нимъ судорожно билась ослабѣвшими крыльями смертельно раненая птица.

— Все?—спрашивалъ Брагинъ, наклоняясь къ самому изголовью больного.

— Все... ахъ еще вотъ что, Гордый Евстратычъ... угости, ради Христа, водочкой нашихъ-то... пусть погуляютъ...

Черезъ полчаса въ ямѣ Маркушки собралось почти все населеніе Поддневской, состоявшее изъ трехъ мужиковъ, двухъ бабъ и нѣсколькихъ ребятишекъ. Знакомый уже намъ мужикъ въ шапкѣ, потомъ высокій рыжій дѣтина съ оловянными глазами, потомъ кривой на лѣвый глазъ и хромой на правую ногу низенькій мужичонко; остальные представители мужского населенія находились въ отсутствіи. Двѣ женщины, одѣтыя въ полинялые ситцевые сарафаны, походили на тѣ монеты, которыя вслѣдствіе долгаго употребленія утратили всякіе слѣды своего чекана. Испитыя, желтыя, съ одичавшимъ взглядомъ, фізіономіи были украшены одними синяками; у одной такой синякъ сидѣлъ подъ глазомъ, у другой на вискѣ. Очевидно, эти украшенія были сдѣланы опытной рукой, не знавшей промаха. Вообще фізіономіи обѣихъ женщинъ были покрыты массой бѣлыхъ царапинъ и шрамовъ самой причудливой формы, точно онѣ были татуированы или росписаны какими-то неразгаданными еще наукой іероглифами.

— Славныя ребята...—умилялся Маркушка, любуясь собравшейся компаніей.—Ты, Гордый Евстратычъ, когда угости ихъ водочкой... пусть не доминаютъ лихомъ Маркушку... Такъ, вѣдь, Окся?

Окся застѣнчиво посмотрѣла на свои громадныя красныя руки и хрипло проговорила:

— Тебѣ бы выпить самому-то, Маркушка... Можетъ, облегчить...

Маркушка болѣзненно мотнула головой на эту ласку... Вѣдь

эта шельма-Окся всегда была настоящим яблоком раздора для Полдневских старателей и изъ-за нея происходили самыя жесто- ченныя побоища: Маркушку тузили за Оксю и рыжий дѣтина съ оловянными глазами, и молчаливый мужикъ въ шапкѣ, и хромоу мужичонку; точно такъ же какъ и онъ, Маркушка, тузили ихъ всѣхъ при удобномъ случаѣ, а всѣ они вмѣстѣ коло- тили Оксю за ея измѣнчивое сердце и неискоренимую страсть къ краснымъ платкамъ и козловымъ ботинкамъ. Эта коварная женщина была замѣчательно непостоянное существо и какъ-то всегда была на сторонѣ того, кому везло счастье. Теперь она отъ души жалѣла умиравшаго Маркушку, потому что онъ уно- сить съ собой въ могилу не одни ботинки...

— Какъ же это вы живете здѣсь, — удивлялся Брагинъ, угощая собравшуюся компанію: — хлѣба у васъ нѣтъ, дровъ нѣтъ, а вода всегда есть...

— Намъ невозможно безъ воды... — отрывалъ кривой мужи- чонко. — Такъ, вѣдь, Кайло. Вотъ и Пестерь то же самое скажетъ...

Кайло — рыжий дѣтина съ оловянными глазами, и Пестерь — мужикъ въ шапкѣ — въ знакъ своего согласія только поникли своими головами. Окся поощрительно улыбнулась оратору и толкнула локтемъ другую женщину, которая была извѣстна на прискахъ подъ именемъ Лапухи, сокращенное отъ Олимпіады: онѣ очень любили другъ друга, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда козловые ботинки и кумачные платки настолько быстро охлаждали эту дружбу, что бѣднымъ женщинамъ ничего не оставалось, какъ только вцѣпиться другъ въ друга и зубами, и ногтями, и съ визгомъ кататься по землѣ до тѣхъ поръ, пока чья-нибудь благодѣтельная рука не отрезвляла ихъ обѣихъ хо- рошимъ подзатыльникомъ или артистической встряской за во- лосы. Около Лапухи жалось странное существо: на видъ это была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, еще съ несложившимися дѣт- скими формами, съ угловатой спиной и тонкими босыми ногами, но желтое усталое лицо съ карими глазами смотрѣло не по дѣтски откровенно, какъ смотреть только отвѣдавшія отъ древа познанія добра и зла.

— На, пей, Домашка... — говорила Лапуха, передавая До- машкѣ недопитый стаканъ воды.

— Зачѣмъ ты ее поишь? — спросилъ Гордѣй Евстратычъ.

— Да, вѣдь, Домашка-то мнѣ, поди, дочь! — удивленно отвѣ- тила въ свою очередь чадолюбивая Лапуха.

— Домашка у насъ молодецъ... — отозвался съ своего ложа

Маркушка. — Налей и ей стаканчикъ, — Гордѣй Евстратычъ... ей тоже безъ водки-то невозможно...

Пестерь и Кайло покосились на разнѣжившагося Маркушку, но промолчали, потому что водка была Гордѣя Евстратыча, а право собственности въ этой жидкой формѣ для нихъ было всегда священнымъ. Домашка вынула налитый стаканчикъ и кокетливо вытерла свои дѣтскія губы худой голой рукой съ грязнымъ локтемъ, выглядывавшимъ въ прорѣху заношенной ситцевой рубахи. Роспитая четверть водки скоро замѣтно оживила все общество, особенно бабъ, которыя сидѣли съ ословѣлыми глазами и замѣтно были расположены затанцевать какую-нибудь безшабашную прѣисковую пѣсню; Домашка хихикала безъ всякой видимой причины и тутъ же закрывала свое лицо порваннымъ рукавомъ рубахи. Кайло и кривой мужичонко, котораго звали Потапычемъ, тоже повесѣли и все упрашивали благодѣтеля Маркушку, въ качествѣ всеисцѣляющаго средства, выпить хоть стаканчикъ, но груда тряпья, изображавшая теперь знаменитаго питуха, только отрицательно вздрагивала всѣми своими лоскутьями. Одинъ Пестерь дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе, а когда бабы не вытерпѣли и заголосили какую-то безобразную пьяную пѣсню, онъ, не выпуская изо рта своей трубки съ мѣдной цѣпочкой, процѣдилъ только одно слово: «У... язвы!..» Кто бы могъ подумать, что этотъ свирѣпый субъектъ являлся самымъ живымъ источникомъ козловыхъ ботинокъ и кумачныхъ платковъ, въ чемъ убѣдилась личнымъ опытомъ даже Домашка, всего третьяго дня получившая отъ Пестеря зеленныя стеклянныя бусы.

— Такъ ужъ ты тово... не забывай ихъ... — хрипѣлъ Маркушка, показывая глазами на пьяныхъ старателей, когда Брагинъ началъ прощаться.

О себѣ Маркушка не заботился: ему больше ничего было не нужно, кромѣ «доходной къ Богу» молитвы Татьяны Власевны.

IV.

Вернувшись домой, Гордѣй Евстратычъ послѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ чаепитія, позвалъ Татьяну Власевну за собой въ горницу. Старуха по лицу сына замѣтила, что случилось что-то важное, но что именно — она никакъ не могла разгадать.

— Ты спрашивала меня, мамынька, зачѣмъ я поѣхалъ въ Полдневскую, — заговорилъ Гордѣй Евстратычъ, припирая за собой дверь. — Вотъ, погляди, какую игрушку добылъ...

Съ послѣдними словами онъ подалъ матери кусокъ кварца, который привезъ еще Михалко. Старуха нерѣшительно взяла въ руки «игрушку» и, отнеся далеко отъ глазъ, долго и внимательно рассматривала ее въ свѣту.

— Нивагъ золото...—недовольнымъ голосомъ замѣтила она, осторожно передавая кусокъ кварца обратно.

— Да, мамынька... настоящее червонное золото,—уже шопотомъ проговорилъ Гордѣй Евстратычъ, оглядываясь кругомъ,—Богъ его намъ послалъ... видно, за родительскія молитвы.

— Что-то не въ домекъ мнѣ будетъ, милушка.

Гордѣй Евстратычъ рассказалъ всю исторію лежавшаго на столѣ «кварца»: какъ его привезъ Михалко, какъ онъ не давалъ спать цѣлую ночь Гордѣю Евстратычу, и какъ Гордѣй Евстратычъ гонялъ въ Полдневскую и что тамъ видѣлъ.

— Вотъ поклялся-то ты напрасно, милушка...—строго проговорила старуха, подбирая губы.—Этакое дѣло начинать бы да не съ клятвы, а съ молитвы.

— Ахъ, мамынька, мамынька! Ну, ежели бы я не поклялся Маркушкѣ, тогда что бы вышло? Умеръ бы онъ съ своей жилкой или рассказалъ о ней кому-нибудь другому.., Вонъ Вукуль-то Логиничъ ужъ прослышалъ о ней и подсылалъ къ Маркушкѣ, да только Маркушка не захотѣлъ ему продавать.

— Ишь, вѣдь, какой дошлый, этотъ Вукуль! — со злостью заговорила Татьяна Власьевна, припоминая семидесятирублевый зонтикъ Шабалина. — Ужъ успѣлъ пронюхать... Да ты вѣрно знаешь, милушка, что Маркушка ничего не говорилъ Вуколу.

— Вѣрнѣе смерти, потому—Маркушка самъ мнѣ говорилъ...

— А вотъ ты самъ-то, не бойсь, не догадался заставить Маркушку тоже клятву на себя наложить? Какъ онъ вдругъ да кому-нибудь другому перепродать жилку... тому же Вуколу.

— Нѣтъ, мамынька... Маркушка-то въ лежку лежитъ, того гляди, Богу душу отдастъ. Надо только скорѣе заявку сдѣлать на эту самую жилку и кончено...

— Какъ же это такъ вдругъ, милушка... — опять нерѣшительно заговорила Татьяна Власьевна.—Какъ будто даже страшно: все торговали, какъ другіе, а тутъ золото искать... Сволько на этомъ золотѣ народичку разорилось, хоть тѣхъ же Кутневыхъ взять!

— А у Вукола вонъ какой домина склопанъ—не бойсь не отъ бѣдности! Я ѣхалъ мимо-то, такъ заглядѣнье, а не домъ. Чѣмъ мы хуже другихъ, мамынька, ежели намъ Господь за родительскія молитвы счастья посылаетъ... Тоже и на счетъ Маркушки мы все справимъ по настоящему, неугасимую въ

скиты закажемъ, сорокоусты по единоовѣрческимъ церквамъ, милостыню нищей братіи, ну, и ты кануны будешь говорить. Грѣшнѣйшій человѣкъ, а душа-то въ немъ христіанская. Вотъ и будемъ замалчивать его грѣхи...

— Ужъ это што говорить, милушка... Вуколю-то не сталъ бы молиться за него. Только все-таки страшно... И молитва тамъ, и милостыня, и сорокоустъ—все бы ничего, а какъ подумаю объ золотѣ, точно што у меня оборвется. Вдругъ-то страшно очень...

— Ну, тогда пусть Вуколу достается наша жилка, — съ сдержанной обидой въ голосѣ заговорилъ Гордѣй Евстратычъ, начиная ходить по своей горницѣ неровными шагами. — Ему, не бойсь, ничего не страшно... Все слопаешь. Вонъ лошадь у него какая: звѣрина, а не лошадь. Ну, ему и наша жилка къ рукамъ подойдетъ.

— Да развѣ я говорю, что жилку Вуколу отдать? — тоже съ раздраженіемъ въ голосѣ заговорила старуха, выпрямляясь. — Надо подумать, посоветоваться.

— Съ кѣмъ же это, мамынѣа, совѣтоваться-то будемъ? Сами не маленькіе, слава Богу, не двухъ по третьему...

— Съ о. Крискентомъ надо поговорить, потомъ съ Савинными, съ Колобовыми...

— Ну, ужъ, мамынѣа, этого не будетъ, чтобы я съ Савинными да съ Колобовыми сталъ совѣтоваться въ такомъ дѣлѣ. Съ о. Крискентомъ можно побесѣдовать, только онъ по этой части не ходокъ...

Старшая невѣстка Ариша была Колобовской «перроды», а младшая Дуня — Савиновской, поэтому Татьяну Власьевну немного задѣло за живое то пренебреженіе, съ какимъ Гордѣй Евстратычъ отнесся къ своей богоданной роднѣ, точно онъ боялся, что Колобовы и Савины отнимутъ у него проклятую жилку. Взаимное раздраженіе мѣшало сторонамъ понимать другъ друга, и каждый думалъ только о томъ, что онъ правъ. «Старикъ-то Колобовъ, Самойло-то Микѣичъ, вонъ какой голова, — разсуждала про себя Татьяна Власьева. — Не даромъ два раза въ волостныхъ старшинахъ сидѣлъ... Тоже и Кондратъ Гаврилычъ Савинъ уважительный человѣкъ, а про старуху Матрену Ильинишну и говорить нечего: съ пресвященнымъ владыкой въ третьемъ годѣ какъ пошла отчитывать по писанію, только нѣ, слушай. Чѣмъ не родня». Гордѣй Евстратычъ ходилъ изъ угла въ уголъ по горницѣ съ недовольнымъ, надутымъ лицомъ; ему не нравилось, что старуха отнеслась какъ будто съ недовѣріемъ къ его жилкѣ,

хотя, съ другой стороны, ему было бы такъ же непріятно, если бы она сразу согласилась съ нимъ, не обсудивъ дѣла со всѣхъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ результатъ получалось какое-то тяжелое недоразумѣніе, благодаря которому Гордѣй Евстратычъ ни за что, ни про что обидѣлъ своихъ сватовъ-бѣвъ, Савиновыхъ и Колобовыхъ, и теперь сердился еще больше, потому что самъ былъ виноватъ кругомъ. Татьяна Власьева пришла въ себя скорѣ сына и, взглянувъ на него пылливо, рѣшительно проговорила:

— А я вотъ что тебѣ скажу, милушка... Жили мы, благодареніе Господу, въ достаткѣ, все у насъ есть, люди насъ не обзгаютъ: чего еще намъ нужно? Вотъ ты еще только успѣлъ привести эту жилку въ домъ, какъ сейчасъ и началъ вздорить... Разъ это порядокъ? Мать я тебѣ, али нѣтъ? Какія ты слова съ матерью началъ разговаривать?.. А все это отъ твоей жилки... Погляди-ко, ты остребенился на сватьевъ-то... Я своимъ умомъ такъ разумѣю, что твой Маркуша колдунъ, и больше ничего. Осиновымъ коломъ его надо отмаливать, а не сорокоуствомъ...

— Мамынька, ради Христа, прости меня дурака... — взмолился опомнившійся Гордѣй Евстратычъ, кланяясь старухѣ въ ноги. — Это я такъ... дурусь нашла.

— Надо повременить, Гордѣй Евстратычъ.

— Какъ знаешь, мамынька. И Маркуша про тебя говоришь, что на твою молитву надѣется...

— Ну, это ужъ онъ напрасно: какія наши молитвы. Сами по козѣно бродимъ въ своихъ-то грѣхахъ.

Обдумывая все случившееся наединѣ, Татьяна Власьева то рѣшала про себя бросить эту тревлятую жилку, то опять жалѣла ее, представляя себѣ Шабалина съ семидесятирублевымъ зонтикомъ въ рукахъ. Въ ея старой, крѣпкой душѣ боролись самыя противоположныя чувства и мысли, которыя утомляли ее больше, чѣмъ ночная работа съ кирпичами, потому что отъ нихъ не было блаженного отдыха, не было того покоя, какой она испытывала послѣ ночного подвига. Вечеромъ Татьяна Власьева напрасно молилась въ своей комнатѣ съ особеннымъ усердіемъ, чтобы отогнать отъ себя тревожное настроеніе. Она чувствовала только, что съ ней самой творится что-то странное, точно она сама не своя сдѣлалась и теряла всякую волю надъ собой. Такое состояніе продолжалось дня два, такъ что удрученная неожиданно свалившейся на ея плечи заботой Татьяна Власьева чуть не заблѣла, пока не догадалась сходить къ о. Крискенту, къ своему главному совѣтнику во всѣхъ особенно трудныхъ

случаяхъ жизни. Въ качествѣ духовника, о. Крискентъ пользовался неограниченной довѣренностью Татьяны Власевны, у которой отъ него не было тайнъ.

Славный домикъ былъ у о. Крискента. Онъ выходилъ въ Гнилой переулокъ, какъ уже мы знаемъ изъ предыдущаго, и отъ Брагинскаго дома до него было рукой подать. Наружный видъ поповскаго дома невольно манилъ къ себѣ своей патриархальной простотой; его небольшія окна глядѣли на Гнилой переулокъ съ такимъ добродушнымъ видомъ, точно приглашали всякаго непременно зайти къ милому старичку о. Крискенту, у котораго всегда были въ запасѣ такія отличныя наливки. Калитка вела на маленькій дворъ съ деревяннымъ поломъ и уютно поставленными службами; выкрашенное зеленой краской крыльцо вело въ сѣни, гдѣ всегда были насланы чистые половики. Въ маленькой передней уже обдавало тѣмъ специально благочестивымъ запахомъ, какой священники уносятъ съ собою изъ церкви въ складкахъ платья; пахло смѣшаннымъ запахомъ ладона и воска и, можетъ быть, къ этому запаху примѣшивался ароматъ княженичной наливки, которою о. Крискентъ гордился въ особенности.

— А... дорогая гостыя! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались,—привѣтствовалъ радостно о. Крискентъ, встрѣчая гостю въ уютной чистенькой гостиной, походившей на приемную какой-нибудь настоятельницы монастыря.

Стѣны были выкрашены зеленымъ еупоросомъ; съ потолка спускалась бронзовая люстра съ гранеными стеклышками. На полу лежали мягкія тропинки. Вѣнскіе стулья, два ломберныхъ стола, нѣсколько благочестивыхъ гравюръ на стѣнахъ и китайскій розанъ въ зеленой кадужкѣ у окна дополняли картину. Самъ о. Крискентъ—низенькій, юркій старичекъ, съ жиденькими косицами и тоненькимъ разбитымъ тенорикомъ—принадлежалъ къ симпатичнѣйшимъ представителямъ того типа батюшекъ, который специально выработался на уральскихъ горныхъ заводахъ, гдѣ священники обезпечены извѣстнымъ жалованьемъ, а потомъ возвращаются въ болѣе развитой средѣ, чѣмъ простые деревенскіе попы. Ходилъ о. Крискентъ маленькими торопливыми шажками, неожиданно повертывался на каблучкахъ и имѣлъ странную привычку постоянно разстегивать и застегивать пуговицы своего подрясника, отчего петли обнаживались вдвое скорѣе, чѣмъ бы это слѣдовало. Маленькая головка о. Крискента, украшенная рѣдкими волосиками съ просѣдью и таковой же бородкой, глядѣла кругомъ пронизательными темными глазками, которые постоянно улыбались, особенно когда изъ гортани о. Крискента вырывался

короткій неопредѣленный смѣшокъ. Самъ по себѣ батюшка былъ ни толстъ, ни тонокъ, а такъ себѣ—середка на половинѣ. Жилъ онъ въ своемъ домикѣ старымъ бездѣтнымъ вдовцомъ, какихъ не мало попадаетъ среди нашего духовенства. Тотъ запасъ семейныхъ инстинктовъ, которыми природа снабдила о. Крискента, онъ всецѣло посвятилъ своей паствѣ, ея семейнымъ дѣламъ, разнымъ напастьмъ и невзгодамъ интимнаго характера. Благочестивыя старушки, въ родѣ Татьяны Власьевны, очень любили иногда завернуть къ о. Крискенту и показывать со старикомъ отъ свободности о разныхъ сомнительныхъ предметахъ, тѣмъ болѣе, что о. Крискентъ въ совершенствѣ владѣлъ даромъ разговаривать съ женщинами. Онъ никогда не употреблялъ рѣзкихъ выраженій, какъ это иногда дѣлаютъ слишкомъ горячіе ревнители священники, когда дѣло коснется большого грѣха, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и не умалялъ проступка; вѣдѣлъ онъ всегда умѣлъ во-время согласиться—это тоже не маловажное достоинство. Наконецъ, вообще въ о. Крискентѣ привлекалъ неотразимо къ себѣ тотъ духъ общаго примиренія и незлобія, какой такъ обяательно дѣйствуетъ на женщинъ; онѣ уходили изъ его дома успокоенныя и довольныя, хотя собственно о. Крискентъ никогда ничего не говорилъ новаго, а только соглашался и успокаивалъ уже однимъ своимъ видомъ. Роль этого добродушнаго человѣчка въ сущности сводилась къ тому, что онъ, какъ нѣкоторые механическія приспособленія, собственной особой устранялъ и смягчалъ разные неизбежныя житейскія столкновенія, углы и диссонансы.

— Садитесь, Татьяна Власьевна... Ну какъ вы поживаете?—говорилъ о. Крискентъ, усаживая свою гостью на маленький диванчикъ, обитый зеленымъ репсомъ.—Все къ вамъ собираюсь, да какъ-то руки не доходятъ... Гордѣя-то Евстратыча частенько вижу въ церкви.

— А я пришла къ вамъ по дѣлу, о. Крискентъ...—заговорила Татьяна Власьевна, поправляя около ногъ свой кубовый сарафанъ.—И такое дѣло, такое дѣло вышло—дня два сама не своя ходила. Просто мѣста не могу себѣ найти нигдѣ...

— Такъ, такъ... Конечно, бываютъ случаи, Татьяна Власьевна,—мягко соглашался о. Крискентъ, расправляя свою бородку вѣеромъ.—Человѣкъ предполагаетъ—Богъ располагаетъ. Это ужъ не отъ насъ, а свыше. Мы съ своей стороны должны претерпѣвать и претерпѣвать... Какъ сказалъ апостолъ: «претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ»... Именно!

Помѣстившись въ другомъ углу дивана, о. Крискентъ внимательно выслушалъ все, что ему рассказала Татьяна Власьевна,

выкладывавшая свои сомнѣнія въ этой маленькой комнатѣ всегда съ особенной охотой, испытывая пріятное чувство облегченія, какъ человѣкъ, который сбрасываетъ съ плечъ тяжелую ношу.

— Чего же вы хотите, т.-е. собственно, что васъ смущаетъ? — спрашивалъ о. Крискентъ, когда Татьяна Власьева рассказала все, что сама знала о жилѣ и о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ сыномъ.

— Я боюсь, о. Крискентъ... Сама не знаю, чего боюсь, а такъ страшно сдѣлается, такъ страшно. Какъ-то оно вдругъ все вышло...

— Такъ, такъ... Конечно, богатство источникъ многихъ злоключеній, особенно при нашихъ слабостяхъ, но, съ другой стороны, Татьяна Власьева, на богатство можно смотрѣть съ евангельской точки зрѣнія. Припомните евангельскую притчу о рабѣ, получившемъ десять талантовъ и приумножившемъ оныя? Не такъ ли мы должны поступать? Если даже человѣкъ, который «алѣ приобрѣтохъ, но добре расточи», — приметь свою часть въ царствіи небесномъ, тѣмъ паче войдутъ въ него добре потрудившіеся на нивѣ Господней... Я лично смотрю на богатство, какъ на испытаніе.

Добрый старикъ говорилъ битый часъ на эту благодарную тему, причемъ опровергалъ нѣсколько разъ свои же доводы, повторялся, объяснялъ и снова запутывался въ благочестивыхъ дебряхъ краснорѣчія. Такіе душеспасительные разговоры, уснащенные текстами священнаго писанія, производили на слушательницъ о. Крискента необыкновенно успокаивающее дѣйствіе, объясняя имъ непонятное и точно преисполняя ихъ той благодарью, носителемъ которой въ ихъ глазахъ являлся о. Крискентъ.

— А зачѣмъ Гордѣи-то Евстратычъ такъ остеребился на меня, какъ только мы заговорили объ этой жилѣ? — спрашивала Татьяна Власьева, по своей женской слабости постоянно возвращавшаяся отъ самыхъ возвышенныхъ умозрѣній въ заботамъ и мелочамъ моря житейскаго. — Вѣдь это отъ одного разговору, о. Крискентъ, а что будетъ, ежели и въ самомъ-то дѣлѣ эта жилка богатая окажется... Сумлѣваюсь я очень на счетъ этихъ Полдневскихъ, и на счетъ Маркушки особливо сумлѣваюсь. Самый былъ потерянный человѣкъ и вдругъ накиннулъ на себя такое благочестіе... Можетъ, на жилѣ-то закладъ какое наложено, о. Крискентъ?

— Ахъ, ужъ это вы даже совсѣмъ напрасно, Татьяна Власьева: на золотъ не можетъ быть никакого закладъ, потому что это плодъ земли, а Богъ велѣлъ землѣ служить человѣку

на пользу... Вот она и служить, Татьяна Власьевна! Только каждому своя часть, и всякій долженъ быть доволенъ своей частью... Да!

Спеціально въ денежныхъ дѣлахъ о. Крискентъ отличался особенной мягкостью и податливостью, а тутъ выпадало такое рѣдкое, единственное въ своемъ родѣ счастье. Рядомъ съ теоретическими построениями, въ головѣ о. Крискента выросли самыя практическія соображенія: разбогатѣть Гордѣй Евстратычъ, тогда его можно будетъ выбрать церковнымъ старостой, и онъ, конечно, отъ щедротъ своихъ и послужить. Вотъ, кончатъ стѣны въ новой церкви, нужно будетъ иконостасъ заводить, ризницу подновлять—да мало ли расходовъ найдется!.. Эти мысли подкрѣпляли о. Крискента все больше и больше, и онъ возвысился до настоящаго краснорѣчія, когда принялся доказывать Татьянѣ Власьевнѣ, что она даже не въ правѣ отказываться отъ посылаемаго самимъ Богомъ богатства.

— Пути Божіи неисповѣдны, Татьяна Власьевна.

— Мнѣ опять-то въ голову приходитъ, о. Крискентъ,—говорила въ раздумьѣ Татьяна Власьевна: —если это богатство, дѣйствительно, посылаетъ Богъ, то неужели не нашлось людей лучше насъ?.. Мало ли бѣдныхъ, милостивцевъ, отшельниковъ...

— Татьяна Власьевна, Татьяна Власьевна... Такъ нельзя разсуждать. Развѣ мы можемъ своимъ слабымъ умомъ проникать въ планы и намѣренія Божіи? Что такое человѣкъ? — персть, прахъ... Да. Еще разъ повторяю: нужно покоряться и претерпѣвать, а не мудрствовать и возвышаться прегордымъ умомъ.

Впрочемъ, на прощаньѣ, когда о. Крискентъ провожалъ Татьяну Власьевну въ переднюю, онъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ о тлѣнности всего земного и человѣческой гордости, объ искушеніяхъ врага человѣческаго рода и слабости человѣка.

— Такъ по вашему, о. Крискентъ, лучше отказываться отъ жилища?—переводила на свой языкъ Татьяна Власьевна высокоумствованія батюшки.

— О, нѣтъ, я этого не сказалъ, какъ не сказалъ и того, что нужно брать жилищу...

— Что же намъ теперь дѣлать?

О. Крискентъ только развелъ руками, что можно было истолковать, какъ угодно. Но именно послѣднія-то тирады батюшки, которыя какъ будто клонились въ тому, чтобы отказаться отъ жилища, собственно и убѣдили Татьяну Власьевну въ необходимости «покориться неисповѣднымъ судьбамъ промысла», т.-е. въ

данномъ случаѣ взять на себя Марушкину жилку, пока Вуколь Логиничъ или кто другой не перехватилъ ее.

— Замѣйте, Татьяна Власьевна, я не говорилъ: берите жилку, и не говорилъ—откажитесь...—ораторствовалъ батюшка, въ послѣдній разъ съ необыкновенной быстротой растегивая и застегивая аметистовыя пуговицы своего камлотоваго подрясника. — Ужъ какъ-нибудь пошлите ко мнѣ Гордѣя-то Евстратыча, такъ мы показываемъ съ нимъ по малости. Ну, а какъ ваша молодайка Дуна?

— Слава Богу, о. Крискентъ, слава Богу... Скромная да тихая, воды не замутишь, только, кажется, лѣнивенькая, Христосъ съ ней Богородица. Ну, да обойдется по маленьку. Ариша, та ужъ очень бойка была, а тоже уходилась, какъ Степушку Богъ послалъ.

— Слава Богу, слава Богу... — повторялъ о. Крискентъ, какъ эхо.

Но Гордѣй Евстратычъ не пошелъ въ о. Крискенту, какъ его ни упранивала объ этомъ Татьяна Власьевна. Для окончательнаго рѣшенія вопроса о жилѣ былъ составленъ небольшой семейный совѣтъ, въ которомъ пригласили принять участіе и Зотушку. Въ исключительныхъ случаяхъ это всегда дѣлалось, потому что такой порядокъ былъ заведенъ изстари. Зотушка являлся въ «горницы» съ смиреннымъ видомъ, садился въ уголокъ и смиренно выслушивалъ, какъ наибольшіе умныя рѣчи разговариваютъ. Настоящій совѣтъ состоялъ изъ трехъ лицъ: Татьяна Власьевна, Гордѣй Евстратычъ и Зотѣй Евстратычъ. Зотушка хотя и былъ пьяница, но и у него умъ-то не телята отжевали, притомъ своя кровь.

— Такъ вотъ, Зотѣй, какое дѣло-то выходитъ, — говорилъ Гордѣй Евстратычъ, рассказавъ всѣ обстоятельства по порядку. — Какъ ты думаешь, брать жилку или не брать?

Зотушка разгладилъ свои косицы на макушѣ, вытянулъ шею и отвѣтилъ:

— А по моему глупому разуму, Гордѣй Евстратычъ, неладное вы дѣло затѣяли... Вотъ что!.. Жили слава Богу и безъ жилки, проживемъ и теперь... Отъ этого золота одинъ грѣхъ...

Никто не ожидалъ такого протеста со стороны Зотушки, и большаки совсѣмъ онѣмѣли отъ изумленія. Какъ, какой-нибудь пропоецъ Зотушка и вдругъ начинаетъ выговаривать поперечныя слова... Этотъ совѣтъ закончился поворнымъ изгнаніемъ Зотушки, потому что онъ рѣшительно ничего не понималъ въ важныхъ дѣлахъ, и рѣшеніе состоялось безъ него. Татьяна Власьевна

больше не сумлѣвалась, потому что о. Крискентъ прямо сказалъ и т. д.

— Только поскорѣе...—торопила теперь старуха:—какъ бы Вуколы-то не заграбасталъ нашу жилку...

V.

На Уралѣ заводъ Бѣлоглинскій славился, какъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ заводовъ, на которомъ еще уцѣлѣли такія фамиліи, какъ Колобовы, Савины, Шабалины и т. д. Это были крѣпкія семьи стариннаго покроя; онѣ могли сохраниться въ полной неприкосновенности только въ такой уральской глуши, куда былъ заброшенъ Бѣлоглинскій заводъ. Расколъ здѣсь свилъ себѣ теплое гнѣздо, и австрійскіе архіереи особенно любили Бѣлую-Глинку, гдѣ всегда находили самый радушный пріемъ и могли скрываться отъ «ревности» полиціи и православныхъ миссіонеровъ. Отсюда вышли всѣ эти Кутневы, Ситовы и Девяткины, которые прославились своимъ богатствомъ и широкой жизнью; отсюда же брали невѣсты, чтобы освѣжить вырождавшіяся семьи столичныхъ купеческихъ фирмъ. Слава Бѣлоглинскихъ красавицъ-старовѣрокъ гремѣла далеко и гремѣла не даромъ: невѣсты были на подборъ — высокія, бѣлыя, толстыя, глазастыя, какъ тѣ племенные тельки, которыя «идутъ только на охотника». У Колобовыхъ было двѣ дочери, кромѣ Ариши, и обѣ вышли за купцовъ въ Нижній; у Савиныхъ, кромѣ Дуни, была дочь за рыбннскимъ купцомъ миллионеромъ; Груня Пятова въ Москву вышла, Настя Шабалина въ Сарануль... У этихъ Шабалиныхъ былъ настоящій кусть изъ невѣстъ да изъ какихъ невѣстъ — все купечество о нихъ говорило на Ирбитской, въ Нижнемъ, въ Крестахъ. Всѣ разошлись по рукамъ, а дома не осталось никого даже на поглядочку. Савины да Колобовы, тѣ догадались, — по одной дочкѣ оставили на своихъ глазахъ, т. е. выдали за Брагинскихъ ребятъ. Брагинская семья тоже была настоящая семья, хотя и не изъ богатыхъ. Но важно было то, что хоть одна дочь на глазахъ, не ровнѣ часъ, попричилось что старикамъ, такъ есть кому глаза закрыть. Ни Михаилъ Брагину, ни Архипу въ жизнь свою не видать бы, какъ своихъ ушей, такихъ красавицъ-женъ, ежели бы не былъ такой стариковскій расчетъ, да не пользовалась бы Татьяна Власьевна всеобщимъ почетомъ за свою чисто иноческую жизнь.

— Мы этихъ на племя оставили, — шутили старики Колобовы

и Савины:—а то растимъ-растимъ дѣвокъ, глядишь, всѣхъ и расхватали въ разныя стороны... Этакъ, пожалуй, всю нашу бѣлоглинскую природу переведутъ до конца!

Теперь изъ завидныхъ бѣлоглинскихъ невѣстъ оставались только Оеия Пятова да Ньюша Брагина, да еще у Шабалиныхъ; у брата Вукола Логинныча подростала разная дѣтвора, такъ какъ тамъ начинали выравниваться три дѣвчонки.

Таковъ былъ Бѣлоглинскій заводъ и не даромъ гордились имъ бѣлоглинцы, крѣпко держась за свои стародавніе уставы и житейскіе «свичан». Жили крѣпко, по старинному, до новшествъ было мало охотниковъ, а на такихъ отщепенцовъ, какъ Вуколъ Логиннычъ, смотрѣли, какъ на людей совсѣмъ пропащихъ. Были и такіе примѣры: завертятся человѣкъ — глядишь, и пропасть. Хоть взять тѣхъ же Кутневыхъ и Десятинныхъ—весь родъ пошелъ на переводъ, потому что захотѣли жить по новому, по модному. Бѣлоглинцы были глубоко предубѣждены противъ «прелестей» новой модной жизни, которая уже поглотила многихъ.

Мы уже сказали, что семья Брагинныхъ была не изъ богатыхъ, потому что торговля «панскимъ товаромъ» особенно большихъ выгодъ не могла доставить, сравнительно съ другими отраслями торговли. Слабое мѣсто заключалось въ извѣстной модѣ на извѣстные товары, которая проникла и въ Бѣлоглинскій заводъ. Бѣлоглинскія бабы разбирали на расхватъ то кумачи, то кубовые ситцы, то какой-то «нѣмецкій узоръ», и ни за что не хотѣли покупать никакихъ другихъ; являлись остатки и цѣлыя штуки, вышедшія совсѣмъ изъ моды, которыя и гнили на верхнихъ полкахъ, терпѣливо ожидая моды на себя или неприхотливыхъ покупателей. Впрочемъ, и на эту «браковку» былъ сбытъ, хотя довольно рискованный, именно, этотъ завалавшійся товаръ пускали въ долгъ по деревнямъ, гдѣ вліяніе моды чувствовалось не въ такой степени, какъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ. Такими покупателями, между прочимъ, являлись всѣ присковые и въ томъ числѣ, конечно, обитатели Полдневской на первомъ планѣ.

— Ужъ брошу же я эти панскіе товары!—въ сотый разъ говорилъ Гордѣй Евстратычъ, когда въ концѣ торговаго года съ Ньюшей «сводилъ книгу», т.е. подсчитывалъ общій ходъ своихъ торговыхъ операцій.—Просто житья не стало... Эти проклятыя бабенки точно бѣлены объѣдятся: подавай имъ желтаго да еще не желтаго, а «ранжеваго». А куда я съ другимъ товаромъ дѣнусь? Вѣдь за него не щепки, а деньги давали? Ничего не сообразивъ съ этими бабами. То ли дѣло хлѣбомъ или желѣ-

зомъ торговать: всегда одна мода, и остатковъ да обрѣзковъ не полагается. Вотъ ужъ, брошу эту панскую торговлю да займусь хлѣбомъ... Вонъ Пазухины живутъ себѣ, какъ у Христа за пазухой, не принимаютъ отъ бабъ муки-мученической.

— То же и съ хлѣбомъ всяко бываетъ, — степенно замѣтитъ иногда Татьяна Власевна:—одинъ годъ мучба-то ржаная стоять полтина за пудъ, а въ другой и полтора цѣлковыхъ отдашь... Не вдругъ приноровишься. Пазухины-то въ томъ году купили этакъ же дорого хлѣба, а цѣна-то и спала... Четыреста рубликовъ изъ карману вонъ.

— А все-таки, маминька, я брошу этотъ панскій товаръ.

Но всѣ въ Брагинскомъ домѣ отлично знали, что Гордѣю Евстратычу не разстаться съ панской торговлей, потому что эта торговля батюшкомъ Евстратомъ Евстратычемъ ставилась, а противъ батюшки Гордѣй Евстратычъ не могъ ни въ чемъ идти. «Батюшко говорилъ», «батюшко велѣлъ», «батюшко наказывалъ»—это было своего рода закономъ для всего Брагинскаго дома, а Гордѣй Евстратычъ резюмировалъ все это одной фразой—«поколю живъ, изъ батюшковой воли не выйду». И дѣйствительно, все въ Брагинскомъ домѣ творилось въ томъ самомъ видѣ, какъ было при батюшкѣ Евстратѣ Евстратычѣ. Покрой платья, кушанья, взаимныя отношенія, семейные праздники, торговля, привычка, повѣрья—все оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ осталось отъ батюшки. Это былъ цѣлый культъ предкамъ въ лицѣ одного батюшки. Такъ, по срединѣ дома стояла громадная «батюшкова печь», величиной съ цѣлую комнату; ее топили особенными полуторааршинными дровами, причемъ она страшно накаливалась и грозила въ одно прекрасное утро «пустить на вѣтеръ весь батюшковъ домъ». Всѣ уговаривали Гордѣя Евстратыча передѣлать эту печь и поставить на ея мѣсто обыкновенную кухонную, а затѣмъ другую «голанку» — и мѣста бы много очистилось да и дровъ пошло бы вдвое меньше.

— Въ самомъ дѣлѣ, Гордѣй Евстратычъ, — уговаривалъ упрямаго старика даже о. Крискеитъ:—вонъ у меня на цѣлый домъ всего двѣ маленькяя печи—и тепло какъ въ банѣ. Вотъ бы вамъ...

— Эта батюшкову-то печь ломать?—изумлялся каждый разъ Гордѣй Евстратычъ. — Что вы, что вы, о. Крискеитъ... Нѣтъ этому не бывать, потому это какая печь — батюшка-то самъ ее ставилъ. Теперь мнѣ пятьдесятъ-три года, а я еще ни одного кирпича въ ней не поправлялъ. Развѣ нынче умѣютъ такіе кирпичи дѣлать? Вонъ, у васъ на церковъ дѣлаютъ кирпичи: вѣсу

въ немъ четыре фунта, а пальцемъ до него дотронулся — онъ самъ и крошится, какъ сухарь. А батюшенины кирпичи по двѣнадцати фунтиковъ каждый и точно вылитые изъ чугуна... Нѣтъ, я батюшкой печи не потрону, о. Крисентъ. Вотъ умру, тогда дѣти, ежели захотятъ умнѣе отца быть, пусть ломаютъ батюшкова печь...

— Да, оно конечно... пожалуй... нынѣшніе кирпичи ничего не стоятъ, — соглашался о. Крисентъ.

Самъ Гордѣй Евстратычъ походилъ на двѣнадцати-фунтовый кирпичъ изъ батюшковой печи: онъ такъ же крѣпко выдерживалъ всѣ житейскія передраги, соблазны и напасти. Это былъ замѣчательно выдержанный, ровный и сосредоточенный характеръ, умѣвшій дѣлать уступки только для другихъ, а не для себя. Все, что ни дѣлалъ Гордѣй Евстратычъ, онъ дѣлалъ съ тѣмъ особеннымъ достоинствомъ, съ какимъ дѣлали свои дѣла старинные люди. Повидимому самыя ничтожныя дѣйствія ежедневнаго обихода для него были преисполнены великаго внутренняго смысла. Напримѣръ, чего проще напиться чаю? А между тѣмъ у Гордѣя Евстратыча изъ этого зауряднаго проявленія всенедневной жизни составлялась настоящая церемонія; во-первыхъ, дѣвка Маланья была обязана подавать самоваръ изъ секунды въ секунду въ извѣстное время—утромъ въ шесть часовъ и вечеромъ въ пять; во-вторыхъ, всѣ члены семьи должны были собираться за чайнымъ столомъ; въ третьихъ, каждый пилъ изъ своей чашки, а Гордѣй Евстратычъ изъ батюшкова стакана; въ четвертыхъ, порядокъ разливанія чая, количество выпитыхъ чашекъ, смотря по временамъ года и по значеніямъ постныхъ или скоромныхъ дней, крѣпость и температура чая—все было разъ и навсегда установлено, и никто не смѣлъ выходить изъ батюшкова устава. Въ будни это чаеванье имѣло дѣловой сосредоточенный характеръ, а въ праздники, особенно въ разговѣнья, превращалось въ настоящее торжество. Пить чай Гордѣй Евстратычъ любилъ до страсти и выпивалъ прямо изъ-подъ крану десять стакановъ самаго крѣпкаго чая, иначе не садился за столъ, даже въ гостяхъ, потому что не любилъ не доканчивать начатаго дѣла. «Чай разбиваетъ кровь», — говорилъ Гордѣй Евстратычъ, вытирая катившійся съ лица потъ особымъ полотенцемъ. Обѣды и ужины проходили еще торжественнѣе чаеванья, какъ и вообще весь домашній распорядокъ. Больше всего ненавидѣлъ въ людяхъ Гордѣй Евстратычъ торопливость, потому что кто торопится, тотъ, по его мнѣнію, всегда плохо сдѣлаетъ свое дѣло, и потомъ непременно обманетъ. Какимъ путемъ вяза-

лось последнее заключеніе съ торопливостью — оставимъ на совѣсти самого Гордѣя Евстратыча, который всегда говорилъ, что торопливаго отъ плута не различить. По всей вѣроятности, это наблюденіе было унаслѣдовано отъ батюшкиныхъ завѣтовъ.

Какъ семьянинъ, Гордѣй Евстратычъ былъ безупречный чужбѣ; онъ ко всѣмъ относился одинаково - ровно, судилъ только послѣ основательнаго разсмотрѣнія проступка, не любилъ дразгъ и ссоръ и во всемъ прежде всего домогался спокойнаго порядка. Овдовѣвъ рано, онъ не женился во второй разъ для дѣтей, которыхъ и воспитывалъ по батюшкинымъ строгимъ завѣтамъ, не давая потачки въ важномъ и не притѣсная напрасно въ мелочахъ. Крику и шуму онъ не выносилъ вообще, а все дѣлалъ съ повадкою, степенно, почему и не долюбливалъ нынѣшнихъ модныхъ людей, которые суются въ дѣла какъ угорѣлые. Но за то съ старинными людьми Гордѣй Евстратычъ обращался такъ важно, что удивлялъ даже самыхъ древнихъ стариковъ. Особенно хорошъ бывалъ Гордѣй Евстратычъ по праздникамъ, когда являлся въ свою единовѣрческую церковь, степенно клалъ установленный «началь» съ подрушникомъ въ рукахъ, потомъ разманивался на обѣ стороны, выдерживалъ всю длинную службу по ниточкѣ и часто поправлялъ дѣяковъ, когда тѣ что-нибудь хотѣли пропустить или просто забалтывались. Въ двенадцатые праздники онъ становился на крыльяхъ и пѣлъ свѣжимъ теноромъ по крестамъ, которыя постигъ въ совершенствѣ еще подъ батюшковымъ руководствомъ. Такъ же себя держали Колобовы, Савины и Пазухины, перешедшіе въ единовѣріе, когда австрійскіе архіереи были переловлены и рассажены по православнымъ монастырямъ, а безъ нихъ въ раскольничьемъ мірѣ, имѣвшемъ во главѣ старцевъ и старицъ, начались безконечныя междоусобія, свары и распри. Только Шабалины продолжали упорно держаться древляго благочестія, несмотря на всевозможныя внѣшнія и внутреннія запинанія, хотя и не избѣгали благословленныхъ церковниковъ, какъ они называли единовѣрцевъ.

Но какъ строго ни соблюдалъ себя и свою жизнь Гордѣй Евстратычъ — онъ являлся только выразителемъ ея внѣшней стороны, а самый духъ въ домѣ поддерживался Татьяной Власьевной, которая являлась значительной величиной въ своемъ кругу. Никто лучше ея не зналъ распорядковъ, свѣчаевъ и обычаевъ стариннаго жита-бытья, которое изобрѣло тысячи церемоній на всякій житейскій случай, не говоря уже о такихъ важныхъ событіяхъ, какъ свадьбы, похороны, родины, разныя семейныя несчастія и радости. Къ Татьянѣ Власьевнѣ шли за совѣтомъ и

уважаніемъ по всякому поводу, и она никому не умѣла отвѣзывать, даже самому Вуколу Логиничу, если бы онъ пришелъ къ ней. Кромѣ этого, она славилась, какъ великая постница, богомолка и начетчица, а затѣмъ какъ тайная благодѣтельница. Конечно, подѣ началомъ такого человѣка жизнь въ Брагинскомъ домѣ текла самымъ образцовымъ порядкомъ, на поученье всѣмъ остальнымъ. Несмотря на свои малые достатки, Татьяна Власьева всегда ухитрялась проваривать у себя во флигельѣ пять-шесть безпріютныхъ старушекъ. Вообще это была типичная представительница раскольниковъ-старухи, заправлявшей всѣмъ домомъ, какъ улитка своей раковиной. Быть въ мѣру строгой и въ мѣру милостивой, умѣть болѣть чужими напастями и не выдавать своихъ, выдерживать характеръ даже въ микроскопическихъ пустякахъ, вообще задавать твердый и рѣшительный тонъ не только своему дому, но и другимъ — это великая наука, которая вырабатывалась въ раскольниковъ-семьяхъ вѣками.

Къ снохамъ Татьяна Власьева относилась, какъ къ роднымъ дочерямъ, и онѣ походили подѣ ея началомъ на двухъ сестеръ, потому что всегда одѣвались одинаково, чѣмъ приводили въ глубокое умиленіе истинныхъ почитателей старины. Бѣлокурая красавица Ариша и высокая полная Дуня, когда шли въ церковь въ одинаковыхъ шелковыхъ платочкахъ и въ такихъ же сарафанахъ съ настоящимъ золотымъ позументомъ, дѣйствительно представляли умиленное зрѣлище. И мужья у нихъ были славные. Конечно, Михаилъ немного былъ тяжелъ характеромъ, лишку не разговаривалъ, но паренъ основательный и всѣмъ дѣломъ могъ одинъ заправлять; Архипу всего еще минуло девятнадцать лѣтъ, и онъ, хотя былъ женатый человѣкъ, но въ своей семьѣ находился на положеніи подростка. Съ него большой работы и не спрашивалось: лишь бы присматривался около отца да около старшаго брата, а тамъ въ годы войдетъ, такъ и самъ другихъ поучить. Только вотъ характеромъ Архипъ издался не въ мать, ни въ отца, ни въ бабушку, а какъ-то былъ самъ по себѣ: все ему ни почемъ, вездѣ по колѣно море. Чтобы малый не избаловался, Татьяна Власьева нарочно и женила его раньше, да и жену ему выбрала тихую, чтобы мужа удерживала. Снохи втягивались въ порядки Брагинскаго дома исподволь и незамѣтно дѣлались его неотъемлемой составной частью, какъ члены одного живого организма.

Вообще невѣстками своими, какъ и внуками, Татьяна Власьева была очень довольна и въ случаѣ какихъ недоразумѣній, всегда говорила: «Ну, милушка, часъ терпѣть, а вѣкъ жить...» Но она

не могла того же сказать о невитомъ сѣнѣ, Ньюшѣ, характеръ которой вообще очень сильно беспокоилъ Татьяну Власьевну, потому что напоминалъ собой нелюбимую дочь-модницу Алену Евстратовну. Конечно, послѣднюю осторожная старуха никому не высказывала, но тѣмъ сильнѣе мучилась внутренно, хотя Ньюша сама по себѣ была дѣвка шелкъ шелкомъ, и изъ нея подѣ-часъ можно было веревки вить.

— Охъ, мудреная ты моя головушка, — иногда говорила Татьяна Власьева, когда Ньюша съ чѣмъ нибудь приставала къ ней. — Какъ-то ты жить-то на бѣломъ свѣтѣ будешь?

— А такъ и буду... Если бранить будешь, въ скиты уйду къ Шабалинымъ.

— Ахъ, ну, тебя совсѣмъ... Вотъ ужъ, услышитъ отецъ-то, такъ онъ тебя за косу.

Вообще Брагинская семья была самой образцовой, какъ полная чаша, и даже модница Алена Евстратовна и пьяница Зотушка не ставились въ укоръ Татьянѣ Власьевнѣ, потому что въ семьѣ не безъ урода.

Судьба Зотушки любимаго сына Татьяны Власьевны повторяла собой судьбу многихъ другихъ любимыхъ дѣтей—онъ погибъ именно потому, что мать не могла выдержать съ нимъ характера и часто строжила безъ пути, а еще чаще миловала. Способный живой ребенокъ скоро понялъ мать, а потомъ забралъ и свою волю, которая и привела его къ роковой первой рюмочкѣ. Приспосабливали Зотушку къ разнымъ занятіямъ, но изъ этого ничего не вышло, и Зотушка остался просто «при домашности», говоря про себя, что безъ него, какъ безъ поганаго ведра, тоже не обойдешься... Въмѣсто настоящаго дѣла Зотушка научился разнымъ художествамъ: отлично стряпалъ пряники, еще лучше умѣлъ гонять голубей, зналъ секреты разныхъ мазей, имѣлъ, вообще, «легкую руку на скота», почему и завѣдывалъ всей домашней скотиной, когда былъ «въ себѣ», обладалъ искусствомъ ругаться съ стряпкой Маланьей по цѣлымъ днямъ и т. д., и т. д.

VI.

Съ угла на уголъ отъ Брагинскаго дома стоялъ пятистѣнный домъ Пазухинныхъ, семья которыхъ состояла всего изъ трехъ членовъ—самого хозяина Силы Андронича, его жены Пелагеи Миневны и сына Алексѣя. Въ ихнемъ же домѣ проживала ста-

рая родственница съ мужней стороны, дѣвица Марфа Петровна; эта особа давно потеряла всякую надежду на личное счастье, поэтому занималась исключительно чужими дѣлами и въ этомъ достигла замѣчательнаго искусства, такъ что попасть на ея острый язычокъ считалось въ Бѣлоглинскомъ заводѣ большимъ несчастьемъ, въ родѣ того, еслибы кого продернули въ газетахъ.

— А у Брагиныхъ-то не тово...—замѣтила однажды Марфа Петровна, когда они вмѣстѣ съ Пелагеей Миневной перекладывали на погребѣ приготовленные въ засолъ огурцы вишневымъ и смородиновымъ листомъ.

— А чтó, Марфа Петровна?—освѣдомилась Пелагея Миневна, шустрая старушка съ бойкими черными глазами.

— Да такъ... не ладно,—нарочно тянула Марфа Петровна, опрокидываясь въ большую кадочку своимъ полнымъ корпусомъ по поясъ; въ противоположность общепринятому типу высохшей, поблекшей и изможденной неудовлетворенными мечтаніями дѣвственницы, Марфа Петровна цвѣла въ сорокъ лѣтъ, какъ макъ цвѣтъ, и походила по своимъ полнымъ жизни формамъ скорѣе на счастливую мать семейства, чѣмъ на бесплодную смоковницу.

— Ужъ не боленъ ли кто?—сдѣлала догадку Пелагея Миневна, осторожно опуская на полъ рѣшотку съ вымытыми въ двухъ водахъ и вытертыми на-сухо кунгурскими огурцами.

Въ Бѣлоглинскомъ заводѣ климатъ былъ настолько суровъ, что огурцы росли только въ тепличкахъ и парникахъ, какъ это было у Пятовыхъ и Шабалиныхъ; а всѣ остальные должны были покупать привозный товаръ. Обыкновенно огурцы привозили изъ кунгурскаго уѣзда, какъ арбузы изъ оренбургской губерніи, а яблоки изъ Перми.

Пробойная и дошлая на всѣ руки Марфа Петровна, кажется, знала изъ своего угла рѣшительно все на свѣтѣ и, какъ какой-нибудь астрономъ или метеорологъ, дѣлала ежедневно самыя тщательныя наблюденія надъ состояніемъ бѣлоглинскаго небосклона и заносила въ свою памятную книжку малѣйшія измѣненія въ общемъ положеніи отдѣльныхъ совѣздій, въ состояніи барометра и колебаніи магнитной стрѣлки. На своемъ наблюдательномъ посту Марфа Петровна изобрѣла замѣчательно точныя методы изслѣдованія, такъ что, какъ другіе великіе астрономы, могла предугадывать событія и даже предчувствовать, чего астрономы еще не могутъ добиться. Такъ и въ данномъ случаѣ, для Марфы Петровны было совершенно достаточно замѣтить, что въ Брагинскомъ домѣ явились нѣкоторые тревожные признаки, какъ

она сейчас же рѣшила, что тамъ неладно. Опытный пчеловодъ по гуденью пчелъ узнаетъ состояніе улья. Эти признаки были слѣдующіе: въ горницѣ Гордѣя Евстратыча по ночамъ горитъ огонь до второго и до третьяго часу, невѣстки о чемъ-то перешептываются и перебѣгаютъ по комнатамъ безъ всякой видимой причины, наконецъ, сама Татьяна Власѣвна ходила къ о. Крискенту, что Марфа Петровна видѣла собственными глазами. Кажется, достаточно...

— Въ самъ дѣлѣ, не прихворнулъ ли у нихъ кто?—спрашивала во второй разъ Пелагея Миневна, напрасно стараясь замаскировать свое неукротимое бабье любопытство равнодушнымъ тономъ.

— Нѣтъ, всѣ здоровы, а только что-то неладно... Вонъ въ горницѣ-то у Гордѣя Евстратыча до которой поры по ночамъ огонь свѣтится. Потомъ сама-то старуха къ о. Крискенту ходила третѣва-дни...

— Неужели?.. Какъ же это я-то ничего не замѣтила, Марфа Петровна...

Въ умѣ обѣ женщины сейчасъ же перебрали всѣ подходящіе мотивы, но ничего не объяснялось ими. Ужъ не сватаютъ ли Нюшу или, можетъ, письмо откуда получили... Вообще это неожиданное открытіе встревожило обѣихъ женщинъ, и Марфа Петровна сейчасъ послѣ обѣда, накинувъ какое-то задѣлье, отправилась сначала къ Савинымъ, а потомъ къ Колобовымъ. Эта наблюдательная и въ сущности очень добрая особа работала на Пазухинныхъ какъ мельничное колесо, но когда на горизонтѣ всплывало тревожившее ее облако, она бросала всякую работу, надѣвала на голову черную шерстяную шаль и отправлялась по гостямъ, гдѣ ей всегда были рады. Извѣстный запасъ новостей мучилъ Марфу Петровну, какъ мучить картежника каждый свободный рубль или какъ мучить насъ самая маленькая песчинка, попавшая въ глазъ; эта дѣвица не могла успокоиться и войти въ свою рабочую колею до тѣхъ поръ, пока не выбалтывала гдѣ-нибудь у Савинныхъ или Колобовыхъ рѣшительно все, что у ней лежало на душѣ.

— Пошла наша кума со сплетней, какъ курица съ яйцомъ, — подумала Пелагея Миневна про Марфу Петровну, но сказать это вслухъ, конечно, побоялась.

А Марфа Петровна, торопливо переходя дорогу, думала о томъ, что авось она что-нибудь узнаетъ у Савинныхъ или Колобовыхъ, а если отъ нихъ ничего не вывѣдается, тогда можно будетъ завернуть къ Пятовымъ и даже къ Шабалинымъ. Давно

она у нихъ не бывала и даже немножко сердилась, потому что ее не пригласили на капустникъ въ Шабалинныи. Ну, да ужъ, какъ быть, на всякій чохъ не наздравствуешься.

Савины жили на самомъ рынкѣ, въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ; второй этажъ у нихъ всегда стоялъ пустой, въ качествѣ парадной половины «на случай гостей». Сами старики съ женатыи сыномъ жили въ нижнемъ этажѣ, гдѣ лѣтомъ было сыро, а зимой холодно. Крытый на глухо, по-раскольникови, широкій дворъ и всегда запертые на щеколду ворота Савинскаго дома точно говорили о томъ, что въ немъ живутъ очень плотно. Старикъ Кондрать Гаврилычъ немножко «скудася глазами» и рѣдко куда выходилъ; всей торговлей заправлялъ женатый сынъ. Собственно изъ этой семьи славилась сама Савиха или Матрена Ильинична, высокая дородная старуха, всегда щеголявшая въ расшитой шелками и канителью кичкѣ. Красавица была въ свое время и великая щеголиха, а теперь пользовалась большой популярностью, какъ говоруха. Сама Марфа Петровна побавлялась бойкой на языкъ Савихи и выучилась у ней многимъ ораторскимъ приемамъ.

— Ахъ, кумушка, наконецъ-то ты завернула къ намъ, — ласково встрѣтила Матрена Ильинична гостью. — А мы тутъ совсѣмъ мохомъ обросли безъ тебя...

— То-то, поди соскучились? — отшучивалась Марфа Петровна, стараясь попасть въ спокойно-добродушный тонъ важной старухи. — Авдотья-то Кондратьевна давненько у васъ была?

— На той недѣлѣ забѣгала подѣ вечерамъ. Рубахи приходила кроить своему мужику. Дѣло-то непривычное, ну, и посумѣвалась какъ бы ошибочку не сдѣлать, а то Татьяна-то Власьева, пожалуй, осудить... А что?

— Да я такъ сказала... живемъ изъ окна въ окно, а я что-то давно не видала Авдотьи-то Кондратьевны. Цѣтегъ она у васъ какъ макъ, и Гордѣй-то Евстратычъ не посмотрится на нее.

Марфа Петровна побоилась развязать языкъ передъ Матреной Ильиничной, потому что старуха была нравная, съ характеромъ, да и милую дочку Дунюшку недавно еще выдала въ Брагинскій домъ, пожалуй, неровенъ часъ, обидится чѣмъ-нибудь.

— А какъ Кондрать Гаврилычъ? — тараторила Марфа Петровна, заминая разговоръ.

— Чего ему дѣлается... — нехота отвѣтила Матрена Ильинична. — Работа у него больно не велика: съ печи на палаты,

да съ палатей на печь... А ты вотъ что, Лиса Патрикѣевна, не замечай, хвостомъ слѣдовъ-то!

— Я ничего, Матрена Ильинична... ей Богу... Я такъ сказала...

— Не заговаривай зубовъ-то, матушка, я немножко пораньше тебя родилась...

Дѣлать нечего, Марфа Петровна рассказывала все, что сама знала, и даже испугалась, потому что совсѣмъ перетревожила старуху, которая во всемъ этомъ «неладно» видѣла только одну свою ненаглядную Дунышку, какъ бы ей чего не сдѣлали въ чужомъ дому, при чужомъ родѣ-племени.

— А я еще зайду къ Колобовымъ, можетъ, у нихъ не узнаю ли что, — успокоивала Марфа Петровна: — а отъ нихъ если ничего не узнаю, дойду до Пятовыхъ... Тамъ ужъ навѣрно все знаютъ. Овца-то Пятова съ Нюшой Брагиной — водой не разлить...

— Охъ, боюсь я за Дунышку-то свою, — стонала Матрена Ильинична. — Вновь ее дѣло, долго ли до новой напасти...

— Такъ ужъ я зайду къ вамъ, Матрена Ильинична, какъ пойдю обратно, и все выложу какъ на духу.

— Ну, ступай, ступай, таранта.

Марфа Петровна полетѣла въ Колобовскій домъ, который стоялъ на берегу рѣки, недалеко отъ господскаго дома, въ которомъ жили Пятовы. По своей архитектурѣ онъ принадлежалъ къ тѣмъ стариннымъ деревяннымъ постройкамъ, съ свѣтелками и переходами, какіе сохранились только въ лѣсной сѣверной полосѣ Россіи и только отчасти на Уралѣ. Въ Колобовскомъ домѣ могло помѣститься свободно цѣлыхъ пять семействъ и, кромѣ того, въ подвалѣ была устроена довольно просторная моленная. Старики Колобовы были только на половину единовѣрцами и при случаѣ принимали австрійскихъ поповъ, хотя и скрывали это отъ непосвященныхъ. Самойло Михѣичъ велъ довольно большую желѣзную торговлю; это былъ крѣпкій сѣдой старикъ съ большой лысой головой и сѣрыми свѣтлыми улыбающимися глазами, — Ариша унаслѣдовала отъ отца его глаза. Жена Самойла Михѣича была какъ разъ ему подъ стать, и старики жили какъ два голубя; Агнесъ Герасимовна славилась, какъ большая затѣйница на всѣ руки, особенно, когда случалось праздничное дѣло — она и стряпать первая, и гостей принимать, и первая хороводъ заводить съ молодыми, и даже сказала соромой съ малыми ребятишками, хотя самой было подъ шестьдесятъ лѣтъ. Вообще веселая была старушка, гостепріимная, ласковая.

Въ большомъ Колобовскомъ домѣ съ старинной вычурной мебелью, и какими-то невѣроятными картинами въ золоченыхъ облупившихся рамахъ всѣ чувствовали себя какъ-то особенно свободно, точно у себя дома. Марфа Петровна особенно любила завернуть къ Агнѣ Герасимовнѣ и показывать съ ней отъ души; добрая, хлѣбосольная старушка не прочь была и посплетничать, хотя и сознавала, что это не хорошо. Да и какъ удержаться, когда подвернется такая сорока, какъ Марфа Петровна.

— Милости прошу, Марфа Петровна, давненько не видались, — встрѣчала свою гостью Агнѣ Герасимовна.

— Новенькаго чего нѣтъ ли? Больше нашего людей-то видите, — продолжала хозяйка, впередъ зная, что не даромъ гостя тащилась такую даль.

Марфа Петровна вылила свои наблюденія о Брагинскомъ домѣ, прибавивъ для краснаго словца самую чуточку. Въ оправданіе послѣдняго Марфа Петровна могла сказать только то, что сама первая вѣрила своимъ прибавкамъ. Принесенное ей извѣстіе заставило задуматься Агнѣю Герасимовну, которая долго припоминала что-то и, наконецъ, проговорила:

— Чуть-чуть не захлестнуло... И вѣдь какая штука вышла! На недѣлѣ какъ-то наша пестрянка двѣ ночи заночевала въ лѣсу, ну, Самойло Михѣичъ и послалъ кучера искать ее. Только вучеръ цѣлый день проѣздивъ на вершней, а потомъ и пріѣхалъ съ пустыми руками. Стала я его расспрашивать, гдѣ и какъ онъ искалъ — грѣшный человѣкъ, подумала еще, что гдѣ нибудь въ кабацѣ онъ просидѣлъ! — ну кучеръ мнѣ и говоритъ, што будто встрѣтилъ онъ на дорогѣ въ Полдневскую Гордѣю Евстратыча. Я еще и посмѣялась про себя, думаю, и совратъ-то не умѣетъ мужикъ... А оно выходитъ, пожалуй, и правда!..

Это открытіе дало неистощимый матеріалъ для новыхъ предположеній и догадокъ. Теперь уже не могло быть никакого сомнѣнія, что, дѣйствительно, въ Брагинскомъ домѣ что-то не ладно. Куда ѣздивъ Гордѣй Евстратычъ? Кромѣ Полдневской, некуда. Зачѣмъ? Если бы онъ ѣздивъ собирать долги съ полдневскихъ мужиковъ, такъ, во-первыхъ, Михалею недавно туда ѣздивъ, какъ знала Агнѣя Герасимовна отъ своей Ариши, а во-вторыхъ, зачѣмъ тогда Татьянѣ Власевнѣ было ходить къ о. Крискенту. И т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, Марфа Петровна возвратилась домой съ богатымъ запасомъ новостей, который еще увеличился дорогой, какъ катившійся подъ гору комъ снѣга. Пелагея Миневна такъ и ахнула, когда услышала, что Гордѣй Евстратычъ самъ гонялъ

въ Полдневскую. Теперь дѣло было уже яснѣе дня! Брагинны хотѣтъ заняться прінсками... Да! И, главное, потихоньку отъ другихъ. Хороши, нечего сказать, а еще сусѣды. Если бы не Марфа Петровна, да тутъ Богъ знаетъ что вышло бы. Пелагея Миневна и Марфа Петровна такъ разгорячились отъ этихъ разговоровъ, что открыто начали завидовать несмѣтнымъ богатствамъ Брагинныхъ, позабывъ совсѣмъ, что эти богатства пока еще существовали только въ ихъ воображеніи.

— И вотъ, попомните мое слово, Пелагея Миневна, — выкрикивала Марфа Петровна, страшно размахивая руками: — непременно всѣ они возгордятся и насъ за сосѣдей не будутъ считать. Ужъ это вѣрно! Потому, какъ мы крестьянскимъ товаромъ торгуемъ, а они золотомъ, — компанію будутъ водить только съ становымъ, да съ мировымъ...

— Ну, про молодыхъ не знаю, а что до Татьяны Власьевны, такъ она не такая старуха.

— Охъ, не говорите, Пелагея Миневна: врагъ горани качаетъ, а на золото онъ и падохъ... Я давеча ничего не сказала Агнѣ Герасимовнѣ и Матрѣ Ильяничѣ, ну, родня, свои люди, а вамъ скажу. Вотъ сами увидите... Гордый-то Евстратычъ и такъ ютъ какъ себя держать высоко; а съ тысячами-то его и рукой не достанешь. Домъ новый выстроить, платья всякаго нашьютъ...

Объ женщины пожалѣли вмѣстѣ, что вотъ имъ не достался же до сихъ поръ никакой прінскъ.

Кромѣ этого, Пелагея Миневна лелѣла въ душѣ завѣтную мысль породниться съ Брагинными, а теперь это проклятое золото могло разрушить однимъ ударомъ всѣ ея надежды. Старушка знала, что Алешѣ нравится Нюша Брагина, а такъ же то, что и онъ ей нравится.

— Ужъ какъ бы хорошо-то было, — думала Пелагея Миневна. — Еще когда Алеша да Нюша ребятами маленькими были и на улицѣ играли постоянно вмѣстѣ, такъ я еще тогда держала это на умѣ. И лучше бы не надо...

Дѣйствительно, между Алексѣемъ Пазухиннымъ и Нюшей незамѣтно образовались тѣ хорошія дружескія отношенія, подъ которыми тлѣла настоящая любовь. Собственно стороны не давали отчета въ своихъ чувствахъ, а пока довольствовались тѣмъ, что имъ было хорошо вмѣстѣ. Дѣтская дружба принимала форму болѣе сильнаго чувства, и только не доставало у Алеши смѣлости, чтобы взять свое. Онъ былъ скромный и совѣстливый перень, а Нюша такая бойкая и красивая. Въ ея присутствіи онъ каждый разъ сильно робѣлъ и безпрекословно переносилъ

всевозможныя шалости, когда Нюша, улучивъ свободную минутку, встрѣчалась съ своимъ обожателемъ гдѣ-нибудь у воротъ. Эти свиданія происходили въ сумерки. Нюша, нависнувъ на плечи занчю шубейку, выскакивала за ворота и, по странной случайности, какъ-то всегда попадала на Алешу, который только и жилъ сумерками.

— Вотъ чему не потеряться-то...— смѣлась Нюша, кутаясь въ шубейку. — Носу нельзя показать безъ тебя, Алеша. Ты никакъ въ сторожа нанялся въ нашу Старую-Кедровскую?

— У васъ, Анна Гордѣвна, всегда такія слова... какъ ножомъ по сердцу рѣжете...

— Какая я тебѣ, Анна Гордѣвна?.. Придумалъ тоже... А я такъ про себя всегда тебя Алешкой навеличиваю: Алешка Пазухинъ—и вся тутъ. Выѣсть въ свѣжьи, бывало, играли, на салазкахъ катались... Позабылъ видно?

— Мало ли, что прежде-то было... И теперь можно бы когда вечеромъ по улицѣ на саночкахъ прокатиться,—эхъ, лихо бы я васъ прокатилъ, Анна Гордѣвна.

— А баушка-то?.. Да она тебѣ глаза всѣ выцарапаетъ, а меня на поклонны поставитъ. Вотъ тебѣ и на саночкахъ прокатиться... Ужъ и жить только наша! Вонъ Оеия Пятова хотъ на ярмарку съѣздила въ Ирбитъ, а мы все сиди да посади... Только вѣдь нашему брату и погулять, что въ дѣвкахъ, а тутъ вотъ погуляй, какъ цѣпная собака. Хотъ бы ты меня увезъ, Алешка, что ли... Ей-Богу! Устроили бы свадьбу-самокрутку, и вся тутъ. Въ Шабалинскихъ скитахъ старики кого угодно сводомъ свѣнчаютъ.

Иногда Нюшѣ доставляло громадное удовольствіе хорошенько помучить своего обожателя, особенно въ святки, гдѣ-нибудь на вечеринкѣ. У Алешки былъ и соперникъ въ лицѣ Володьки Пятова, избалованнаго барчука, который учился въ гимназіи до третьяго класса и успѣлъ отвѣдать всякихъ благовъ городской цивилизаціи. Съ бѣлоглинскими дѣвицами въ качествѣ управительскаго сына онъ обращался совсѣмъ свободно и открыто ухаживалъ за Нюшей, которая дурачилась съ нимъ на пропалую, чтобы побѣсить Алешку. На то и святки, чтобы дурачиться. По старинному обычаю, на бѣлоглинскихъ вечеринкахъ молодые люди открыто цѣловались между собой безчисленное количество разъ, какъ того требовала игра или пѣсня. Даже сама строгая Татьяна Власѣвна, разъ, когда Нюша ни за что не хотѣла цѣловаться съ какимъ-то не понравившимся ей кавалеромъ, заставила ее исполнить все по правилу и прибавила наставительно:

«Этого, матушка, нельзя чтобы не по правилу—изъ игры да изъ пѣсни слова не выкинешь... За угломъ съ парнями цѣловаться не хорошо, а по игрѣ на глазахъ у отца съ матерью и Богъ проститъ!» Увертливый, смѣлый, научившійся всякимъ художествамъ около арфистокъ и другихъ городскихъ дѣвицъ, Володька Пятовъ являлся для застѣнчиваго Алешки Пазухина истиннымъ наказаніемъ и вѣчнымъ предметомъ зависти. Въ обществѣ этого сорванца Нюша дѣлалась совсѣмъ другой дѣвушкой и точно сама удивлялась, какъ она могла по вечерамъ выбѣгать за ворота для этого пустоголоваго Алешки, который былъ просто смѣшнѣе гдѣ-нибудь на вечеринкахъ или вообще въ компаніи.

— Неужели онъ тебѣ нравится, этотъ чурбанъ Алешка? — иногда спрашивала Нюшу бойкая Оня Пятова.—Онъ и слова-то по человѣчески не можетъ сказать, я думаю... Къ такому-то чуду ты и выбѣгаешь за ворота? Ха-ха...

— А что же мнѣ дѣлать, если никого другого нѣтъ... Хоть доколѣ въ дѣвкахъ-то сиди. Ты вонъ, небойсь, и на ярмаркѣ была, и въ другіе заводы ѣздишь, а я все сиди да посиди. Радъ будешь и Алешкѣ, когда отъ тоски сама себя стѣсть готова... Притомъ, меня непременно выдадутъ за Алешку замужъ. Это ужъ рѣшено. Хоть поиграю да потѣшусь надъ нимъ, а то послѣ онъ же будетъ величаться надо мной да колотить.

— Ужъ и нашли же вы сокровище... Гдѣ у вашихъ-то глаза, если такъ? Да я бы удавилась, а не пошла за твоего Алешку...

— Это все баушка, Оня... А у ней извѣстная пѣсня: «Пазухинская природа хорошая, выйдешь за единственного сына, значить, сама большая въ домѣ—сама и маленькая... Ни тебѣ золовокъ, ни другихъ снохъ, да деверьевъ!» Потолеуй съ ней ступай... А, да мнѣ все равно! Выйду за Алешку, такъ онъ у меня козыремъ заходить.

— Вотъ еслибы онъ въ отца, въ Силу Андронича уродился, тогда бы другое дѣло...

Сила Андроничъ Пазухинъ былъ знаменитый человѣкъ въ своемъ родѣ, хотя и не изъ богатыхъ; красавецъ, силачъ, краснобай—онъ былъ мастеръ на всѣ руки и былъ не послѣднимъ человѣкомъ въ средѣ бѣлоглинскаго купечества, даромъ-что торговалъ только крестьянскимъ товаромъ. Въ свое время объ Силѣ Андроничѣ сохнули да вздыхали всѣ бѣлоглинскія красавицы, и даже сама Матрена Ильинична, какъ говорила молва, была неравнодушна къ нему. Въ Николинъ день, 9 мая, когда въ Бѣлоглинскомъ заводѣ праздновали престольный праздникъ и со

всѣхъ сторонъ набирались гости, на площади устраивалась старинная русская потѣха—борьба. Это была настоящая церемонія, въ которой изъ года въ годъ заводы соперничали между собой своими борцами. Приѣзжали изъ завода Курмыша, изъ Вязловскаго, изъ Плотицинскаго; со всѣхъ сторонъ набирался разный народъ. И каждый разъ въ теченіе двадцати лѣтъ Сила Пазухинъ «уносилъ кругъ», т.-е. оставался побѣдителемъ. Въ сорокъ лѣтъ Пазухинъ кончилъ эту молодецкую забаву и только подъ веселую руку иногда любилъ тннуться на палѣ, причемъ обыкновенно перетягивалъ всѣхъ. Теперь Силѣ Андроничу было подъ шестьдесятъ лѣтъ. Это былъ приземистый толстый старикъ съ обрюзгшимъ лицомъ и кудрявыми волосами; прежняя красота запыла жиромъ, а сила износилась. Не имѣя возможности тѣшиться прежними молодецкими забавами, какъ борьба и кулачный бой, Сила Андроничъ пристрастился къ лошадямъ и выкармливалъ замѣчательныхъ бѣгуновъ киргизской крови. Купеческихъ лошадей съ выгнутыми, какъ триумфальная арка, шеями онъ просто ненавидѣлъ. Къ недостаткамъ этого старика принадлежала, между прочимъ, его необыкновенная «скорость на руку», за что онъ платился самъ первый. Семейныхъ своихъ онъ не шевелилъ пальцемъ, впрочемъ, не изъ какихъ-нибудь гуманныхъ побужденій, а просто изъ боязни порѣшить однимъ ударомъ. За то прислугѣ, особенно подручнымъ по лавѣ и кучерамъ, крѣпко доставалось отъ его скорости, поэтому у него кучера славились, какъ самый отпѣтый народъ, особенно одинъ, по прозванію Воронъ, любимецъ Силы Андронича. Ихъ сближеніе произошло довольно оригинально. Купилъ Сила Андроничъ съ оренбургской линіи гнѣденкаго иноходчика и сталъ его выѣзжать, а потомъ замѣтилъ, что иноходчикъ съ тѣла спадаетъ. Отыскавъ какую-то ссадину на лопатѣ, несомнѣнное доказательство жестокаго обращенія Ворона—Сила Андроничъ захотѣлъ немножко поучить послѣдняго, а наука короткая: положилъ нагайку въ карманъ и въ конюшню къ Ворону. Воронъ что-то прибиралъ въ конюшнѣ, когда хозяинъ вошелъ къ нему. Это былъ мрачный субъектъ, черный, какъ цыганъ, и съ однимъ глазомъ. Сила Андроничъ, прочитавъ приличное наставленіе своему любимцу на тему, что «блаженъ иже и скоты милуетъ», для большей убѣдительности своихъ словъ принялся опытной рукой полировать Ворона. Но Воронъ не потерялся, а, схвативъ запорку отъ конюшни, быстро изъ оборонительнаго положенія перешелъ въ наступательное, загналъ хозяина въ уголъ и въ свою очередь такъ его поучилъ, что тотъ едва уползъ ноги въ горницу.

— Молодецъ, если умѣлъ Силу Пазухина поучить...—говорилъ на другой день Сила Андроничъ, подавая Ворону стаканъ водки изъ собственныхъ рукъ. — Есть сноровка... молодецъ!.. Только подъ ребро никогда не бей: порѣшишь грѣшнымъ дѣломъ... Я то ничего, а другому пожиже и не дохнуть. Вонъ, у тебя какіе безмѣны...

Воронъ и теперь жилъ у Пазухинныхъ и пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ хозяина все время, хотя самъ оставался туча-тучей.

Сынъ Алексѣй нисколько не походилъ на отца ни наружностью, ни характеромъ, потому что уродился ни въ мать, ни въ отца, а въ пробѣзжаго молодца. Это былъ видный парень, съ румянымъ лицомъ и добрыми глазами. Сила Андроничъ не считалъ его и за человѣка и всегда называлъ дѣвкой. Но Татьяна Власьевна думала иначе — ей всегда правился этотъ тихій мальчикъ, какъ разъ отвѣчавшій ея идеалу мужа для ненаглядной Нюши.

— И хорошо, что не въ отца пошелъ,—говорила она:—съ такимъ бойцомъ жить—безъ ребрышка ходить... А намъ не дорога его-то разгулка, а дорога домашняя потребность.

VII.

Въ Брагинскомъ домѣ было тихо, но это была самая напряженная, неестественная тишина. Самъ ходилъ по дому, какъ ночь темная; ни отъ кого приступу къ нему не было, кромѣ Татьяны Власьевны. Они запирались въ горницы Гордѣя Евстратыча и подолгу бесѣдовали о чемъ-то. Потомъ Гордѣй Евстратычъ ѣздилъ въ Полдневскую одинъ, а какъ оттуда вернулся, взялъ съ собой Михалка, нѣсколько лопатъ и кайлъ и опять уѣхалъ. Это были первые развѣдки жилки.

Стояла глубокая осень; по ночамъ земля крѣпко промерзала. Листъ на деревьяхъ опалъ; стояли холодные вѣтры, постоянно дувшіе изъ «гнилого угла», какъ зовутъ крестьяне сѣверо-востокъ. Солнце не показывалось по недѣлямъ. Все въ природѣ точно съежилось, предчувствуя наступленіе холодной зимы. Вотъ въ одинъ изъ такихъ дней Гордѣй Евстратычъ съ Михалкомъ подѣлывали верхами къ Полдневской, но, не доѣзжая деревни, они взяли влѣво, и лѣсистымъ уваломъ, по какой-то безымянной тропинкѣ, начали подниматься вверхъ по рѣкѣ. Гордѣй Евстратычъ не хотѣлъ, чтобы его видѣли въ Полдневской, гдѣ онъ недавно

былъ—провѣдать Маркушку, который все тянулся изо дня въ день, самъ тяготясь своимъ существованіемъ. Другіе старатели, кажется, начинали догадываться, зачѣмъ ѣздитъ Брагинъ къ нимъ, и теперь онъ рѣшилъ не показываться полднямъ до поры до времени, когда все дѣло будетъ сдѣлано.

— Я бы теперь же сдѣлалъ заявку жили, маминька,—говорилъ Гордѣй Евстратычъ передъ отъѣздомъ:—да все еще сумѣваюсь на счетъ Маркушки... Не надулъ ли онъ меня. Объявишь жилку, насмѣшишь весь міръ, а тамъ, можетъ, ничего и нѣтъ.

— А ты бы съѣздишь посмотрѣть шахту-то...

— Такъ и сдѣлаемъ. Одинъ-то я былъ около нея да одному ничего нельзя подѣлать. Надо Михалку прихватить. Потому, первое, въ шахту спускаться надо, а одинъ-то залѣзешь въ нее да пожалуй и не вылѣзешь.

Проѣхавъ верстъ пять по р. Полуденкѣ, путники переѣхали въ бродъ горную рѣчонку Смородинку и по ней стали подниматься къ самой верхотинѣ. Мѣсто было дикое, — косогоръ на косогорѣ. Приходилось продираться черезъ дремучую еловую заросль, гдѣ и пѣшему пройти въ добрый часъ, а не то что верхомъ на лошади. Даже не было никакой тропы, какую выбираютъ дикіе лѣсные козы. Осенью этотъ лѣсъ особенно былъ мраченъ и глухо шумѣлъ, рассказываясь мохнатыми вершинами. Трава давно поблѣкла, прибережные кусты смородины и тальника жалко топорщились своими оголенными вѣтвями. Гордѣй Евстратычъ ѣхалъ впередъ, низко наклоняясь подъ навѣсомъ еловыхъ вѣтвей, загораживавшихъ дорогу, какъ длинныя корявыя руки. Вотъ и верхотина Смородинки, гдѣ эта рѣчонка считается изъ горы Заразной небольшимъ ключикомъ. Вотъ и уваль, который идетъ отъ Заразной на полдень, а вотъ и тѣ два кедра, о которыхъ говорилъ Маркушка. Мѣсто дикое, кругомъ лѣсъ, глухо, точно въ какомъ склепѣ.

— Здѣсь...—говоритъ Евстратычъ, подѣвжая къ кедрамъ.

Они спѣшились. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кедровъ, на небольшой полянѣ, затанутой молодымъ ельникомъ, едва можно разсмотрѣть слѣды чьей-то работы, именно, два поросшихъ кустарникомъ бугра, а между ними заваленное кустарникомъ отверстіе шахты. Издали его можно даже совсѣмъ не замѣтить, и только опытный глазъ старателя сразу видѣлъ въ чемъ дѣло.

Они осмотрѣли шахту, а затѣмъ очистили ходъ въ нее. Собственно это была не шахта, а просто «дудка», какъ называютъ неправильныя шахты безъ срубовъ. Такія дудки могутъ

пробиваться только въ твердомъ грунтѣ, потому что иначе стѣнки дудки будутъ обваливаться.

— Ну, теперь нужно будетъ лѣзть туда, — проговорилъ Гордѣй Евстратычъ, вынимая изъ переметной сумы приготовленную стремянку, т.-е. веревочную лѣстницу. — Однимъ концомъ захватимъ за ведры, а другой въ яму спустимъ... Маркушка сказывалъ шахта всего восемнадцать аршинъ идетъ въ землю.

— Какъ бы, тятенька, не оборваться, — замѣтилъ Михалко, помогая привязывать конецъ стремянки къ дереву. — Я полегче васъ буду, давайте я и спущусь...

— Нѣтъ, я самъ.

На случай былъ захваченъ фонарь съ выпуклымъ стекломъ, извѣстный подъ именемъ коровьяго глаза. Предварительно на длинной веревкѣ спущены были въ дудку лопата и кирка. Перекрестившись, Гордѣй Евстратычъ началъ по стремянкѣ спускаться внизъ, гдѣ его сразу охватило затхлымъ застоявшимся воздухомъ, точно онъ спускался въ погребъ. Пахло глиной и гнилымъ деревомъ. Раскинувъ руками, онъ свободно упирался въ стѣнки дудки. Въ одномъ мѣстѣ сорвался камень и глухо шлепнулся на самое дно, гдѣ стояла вода. Верхнее отверстіе шахты съ каждымъ шагомъ внизъ дѣлалось все меньше, пока не превратилось въ небольшое окно неправильной формы. Наконецъ, Гордѣй Евстратычъ всталъ на самое дно шахты, гдѣ стояла лужа грязноватой воды. Онъ зажегъ свой коровій глазъ, перекрестился и взялся за кирку. При яркомъ освѣщеніи можно было разсмотрѣть слѣды недавней работы и самую жилку, т.-е. тотъ кварцовый прожилокъ, который проходилъ по дну шахты угломъ. Куски кварца были перемѣшаны съ глиной и охрой; преобладающую породу составлялъ отвердѣвшій глинистый сланецъ, съ слѣдами талька, желѣзнаго колчедана и красна, т.-е. ярко окрашенной красной глины. Маркушка, добывая золото, сдѣлалъ небольшой забой, т.-е. боковую шахту, но, очевидно, работа здѣсь шла только между прочимъ, тайкомъ отъ другихъ старателей, съ однимъ кайломъ въ рукахъ, какъ мыши выгрызаютъ въ погребѣхъ ковриги хлѣба. Гордѣй Евстратычъ внимательно осматривалъ все дно шахты и забой, набралъ руды цѣлый мѣшокъ и, зацѣпивъ его за веревку, свистнулъ — это былъ условный знакъ Михалкѣ поднимать руду. Такимъ образомъ мѣшокъ спустился и поднялся разъ пять, а Гордѣй Евстратычъ продолжалъ работать кайломъ, обливаясь потомъ. Его огорчало то обстоятельство, что нигдѣ не попадаются такіе куски «скварца», какой ему далъ Маркушка, хотя онъ видѣлъ крупинки золота,

вкрапленныя въ охристый красноватый и бурый кварцъ.. Но все-таки это была настоящая жилка, въ чемъ Гордѣй Евстратычъ убѣждался во-очію; оставалось только воспользоваться ей; онъ уже чувствовалъ себя хозяиномъ въ этой золотой ямѣ, которая должна его обогатить. Въ порывѣ чувства, Гордѣй Евстратычъ палъ на колѣни и горячо началъ благодарить Бога за ниспосланное ему сокровище.

— Эхъ, не вылезъ бы отсюда,—думалъ онъ, въ послѣдній разъ оглядывая свои сокровища ревнивымъ хозяйскимъ глазомъ.

Но нужно было уѣхать за свѣтло домой, и Гордѣй Евстратычъ выбрался наверхъ, гдѣ его дожидался молчаливый Михаилъ.

Итакъ, жилка оказалась форменной, какъ слѣдуетъ быть жилкѣ. Оставалось только заявить ее гдѣ слѣдуетъ — и дѣло съ концомъ. Но вотъ тутъ и представлялось первое затрудненіе. Именно, по горному уставу, во-первыхъ, прежде, чѣмъ разыскивать золото, требуется предварительное дозволеніе на развѣдки въ такой-то мѣстности, при такомъ-то составѣ развѣдочной партіи; во-вторыхъ, требуется заявка найденной россыпи по известной формѣ съ записью въ книги при полиціи и, наконецъ, самое главное — позволяется частной золотопромышленности производить развѣлки и эксплуатаціи только золота въ россыпяхъ, а не жильного. Конечно, при покупкѣ заявленныхъ приисковъ, первыя два правила не имѣютъ значенія, но вѣдь Маркушкина дудка не была нигдѣ заявлена, слѣдовательно, какъ же могъ Гордѣй Евстратычъ узнать о содержавшемся въ ней золотѣ.

— А если возьму свидѣтельство на развѣдки золота да потомъ и заявлю эту шахту?—говорилъ Гордѣй Евстратычъ, когда былъ въ послѣдній разъ у Маркушки.

— Нѣтъ... невозможно,—хрипѣлъ Маркушка, не поворачивая головы.—Ужъ тутъ пронохаютъ, Гордѣй Евстратычъ, все пронохаютъ... Только деньги да время задарма изведешь... прозженной народъ, наши приисковые... чистые варнаки... Сейчас разышутъ, чья была шахта допрежъ того, вышутся наслѣдники, по судамъ затаскаютъ... нѣтъ, это не годится. Напрасно не затѣвай развѣдокъ, а лучше прямо объявись...

— Да вѣдь мнѣ не дадутъ работать жильное золото?

— Ахъ, какой же ты, право, непонятный... Знамо дѣло што не дадутъ. Я ужъ тебѣ говорилъ, што надо подъ Шабалина подражать... онъ тоже на жилкѣ робить, а списываетъ золото россыпнымъ... Есть тутъ одинъ анжинеръ, тебѣ ужъ къ нему въ правую ногу придется...

— Да кто такой?

— А Лапшинъ, Порфиръ Порфирычъ... ты не гляди на него, что въ десять-то лѣтъ трезвымъ часу не бывалъ—онъ все обору-дуетъ лѣвой ногой... ужъ я знаю эту канитель... Эхъ, какъ бы я здоровъ-то былъ, Гордѣй Евстратычъ, я бы тебя вездѣ про-велъ. Ну, да и безъ меня пройдешь съ золотомъ-то... только одно помни: ни въ чемъ не перечь этимъ самымъ анжинуерамъ, а то какъ лягушку раздавать...

— Не люблю я этихъ чиновниковъ, Маркушка... Ножъ они мнѣ вострой!

— Кто ихъ любить, Гордѣй Евстратычъ, да ежели безъ нихъ невозможно...

— А я этого Порфира Порфирыча даже очень хорошо знаю. Не одинъ разъ у меня въ лавкѣ бывалъ... Все платки кумачные покупалъ...

— Пьяный?

— Навеселѣ...

— Ну, обнаковенно. У него зараза: платки дѣвкамъ въ хоро-водъ бросать... Прокурать онъ, Порфиръ-то Порфирычъ, любить покуражиться, а такъ — добръющая душа, — хотъ выписъ на немъ... Онъ помощникомъ левизора считается, а отъ него все идетъ по этимъ прискамъ... Не даромъ Шабалинъ-то льнетъ къ нему... Такъ ужъ ты прямо къ Порфиру Порфирычу, объявишь, што и какъ, а онъ тебя ужъ научить всему...

Брѣшко не хотѣлось Гордѣю Евстратычу связываться съ кра-пивнымъ сѣмемъ, но выбирать было не изъ чего. Надо было ковать желѣзо, пока оно горячо, а тамъ Богъ знаетъ, что еще впереди. Бывая въ Поддневской, Гордѣй Евстратычъ нѣсколько разъ предлагалъ Маркушкѣ перевести его въ Бѣлоглинскій за-водъ къ себѣ въ домъ, но Маркушка ни за что не хотѣлъ оста-влять своего логовища и не могъ даже себѣ представить, какъ онъ умретъ не въ Поддневской. Дѣлать нечего, пришлось устраи-вать Маркушку въ его теперешнемъ помѣщеніи, что было очень трудно сдѣлать. Балаганъ Маркушки промерзаль со всѣхъ че-тырехъ угловъ, въ пазы вездѣ дуло, дымъ ѣлъ глаза и, при всемъ томъ, не было никакой возможности его поправить хотя сколько-нибудь. Для перваго раза Гордѣй Евстратычъ устроилъ Маркушкѣ постель, послалъ теплое мѣховое одѣяло, бѣлье, раз-наго харчу, салныхъ свѣчъ и т. д.

— Я тебѣ доктора пошлю, онъ тебя вылечить, — нѣсколько разъ предлагалъ Брагинъ.

— Нѣтъ... какой ужъ тутъ докторъ, — съ безнадежной улыб-

кой говорилъ Маркушка, дѣлая напрасное усиліе улыбнуться.— Ваши доктора только уморять... я у старухъ пользуюсь...

— Да чѣмъ онѣ тебя лечатъ, 'старухи-то?

— Средствіе такое есть... пью настой изъ черныхъ таракановъ...

Маркушка былъ фаталистъ и философъ, вѣроятно, потому, что его жизнь являлась чѣмъ-то въ родѣ философскаго опыта на тему, что выйдетъ изъ того, если человѣка поставить въ самыя невозможныя условія существованія. Съ двѣнадцати лѣтъ Маркушка пилъ водку и курилъ табакъ: каторжная присковая работа чередовалась съ каторжнымъ бездѣльемъ. Сѣредины ни въ чемъ не было и, вѣроятно, на этомъ основаніи, Маркушка создалъ себѣ ее искусственно въ формѣ водки. Благодаря этому радикальному средству, печень Маркушки вѣсила тридцать фунтовъ, а онѣ чувствовалъ, что у него въ боку лежитъ точно цѣлый жерновъ.

— Это отъ болоней,—объяснялъ Маркушка со словъ пользовавшихся его старухъ.—Все ничего, а какъ болонь въ человѣкѣ повреждена — тутъ ужъ шабашъ... Наши полдневскіе всѣ отъ болоней умираютъ.

Гордѣю Евстратычу приходилось отыскивать инженера Лапшина, который официально жилъ въ Сосногорскомъ заводѣ, около котораго по преимуществу были разбросаны золотыя прииски. Отъ Бѣлоглинскаго завода до Сосногорскаго считалось верстъ двѣсти, но «для милаго дружка и семь верстъ не околица». Нечего дѣлать, кое-какъ управивъ свои торговныя дѣлишки и перехвативъ на всякій случай деньжонокъ, Гордѣй Евстратычъ тронулся въ путь-дорогу. Осенняя распутица была въ самомъ разгарѣ, точно природа производила опыты надъ человѣческимъ терпѣніемъ: то все подмерзнетъ денѣка на два и даже снѣжкомъ запорошитъ, то опять такую грязь разведетъ, что не смотрѣли бы глаза. Уральскія дороги вообще не отличаются удобствами, но въ распутицу онѣ превращаются въ пытку, и преступниковъ, вмѣсто каторги, можно бы наказывать тѣмъ, что заставлятъ ихъ путешествовать въ осеннюю и весеннюю распутицу по Уралу. Въ Сосногорскій заводъ Брагинъ пріѣхалъ на седьмой день, хотя ѣхалъ день и ночь, но, на его несчастье, Лапшинъ только-что уѣхалъ подѣ Верхотурье ревизовать Перемытые прииски. Передохнулъ Брагинъ денекъ въ Сосногорскѣ, дальше проживаться даромъ было нечего, а домой возвращаться съ пустыми руками было совѣстно,—онѣ рѣшилъ ѣхать вслѣдъ за Лапшинымъ, чтобы перехватить его гдѣ-нибудь на дорогѣ, благо къ Верхотурью

было ѣхать въ свою же сторону, хотя и другими дорогами. До Переминыхъ прѣсковъ было верстъ сто съ небольшимъ, но тамъ Брагинъ опять не засталъ Лапшина, который только что ука-
тилъ обратно, въ Сосногорскъ. Приходилось опять тащиться на-
задъ. Терпѣніе Гордѣя Евстратыча подвергалось настоящему
испытанію, но онъ рѣшился добиться своего и поймать Лапшина
во чтобы-то ни стало.

На этотъ разъ Порфиръ Порфирычъ былъ дома. Онъ жилъ
въ одноэтажномъ деревянномъ домишкѣ, который и снаружи, и
внутри отличался величайшимъ убожествомъ, какъ богадельня
или солдатская казарма. Въ передней деньщикъ чистилъ сапоги
и, на вопросъ Гордѣя Евстратыча, можно ли будетъ видѣть ба-
рина, молча указавъ сапожной щеткой на открытую дверь въ
слѣдующую комнату. Сотворивъ про себя приличную случаю
молитву, Гордѣй Евстратычъ перешагнулъ порогъ и очутился
въ совершенно пустой комнатѣ, въ которой, кромѣ дивана да
ломбернаго стола, рѣшительно ничего не было. На диванѣ въ
одной рубахѣ и форменныхъ штанахъ съ голубой прошивой
лежалъ низенькаго роста господинъ съ одутловатымъ прыщева-
тымъ лицомъ, воспаленными слезившимися глазами и великолѣп-
нымъ связымъ носомъ. Это и былъ самъ Порфиръ Порфирычъ.

— Порфиру Порфирычу-съ... — нерѣшительно заговорилъ
Брагинъ, отвѣщая купеческій поклонъ.

— Такъ-съ... Порфиру Порфирычу сорокъ одно съ кисточ-
кой, патілѣтанный съ дырочкой... Такъ? Изъ бѣлоглинскихъ?
Такъ... помню. Платки еще дѣвкамъ покупалъ...

— Точно такъ-съ, Порфиръ Порфирычъ.

— Садись, чего стоять-то. Ноги еще, можетъ, пригодятся...
Сенька!

— Сейчасъ вашескородіе...—послышалось изъ передней.

— Давай стулъ, чо-орты!..

— Сейчасъ, вашескородіе...

— Ну, садись не то во мѣ на диванъ, пока тамъ что...

— Ничего-съ, постояимъ-съ...

— Да ты садись; знаешь мой характеръ?

Гордѣй Евстратычъ осторожно присѣлъ на самый кончикъ
дивана, въ самыхъ ногахъ у Порфира Порфирыча, отъ котораго
такъ и разлило перегорѣлой водкой. Порфиръ Порфирычъ на-
билъ глиняную трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ Жуковымъ
и исчезъ на время въ клубкахъ дыма.

— Ну, что, золото напелъ?—заговорилъ Порфиръ Порфи-
рычъ послѣ небольшой паузы.

— Точно такъ-съ... есть такой грѣхъ.

— Всѣ грѣшны да Божьи, и дѣвать насъ некуда. Богатое?

— Еще не знаю, Порфиръ Порфирычъ...

— Ой, врешь, по рождѣ твоей вижу, что врешь... Вѣдь ты обмануть меня хочешь? А потомъ хвастаться будешь, левизора, дескать, облапошилъ... Ну, голубчикъ, распоясывайся, что и какъ. Я человѣкъ простой, рубаха-парень. Семень!

— Сичасъ, вашескородіе...

— Что ты, завязъ, что ли, тамъ?

— Сичасъ вашескородіе...

— Дуракъ!.. Ну-съ, такъ какъ это у васъ все случилось, расскажите. — А предварительно, мы для разговору по единой пропустимъ. У меня ужъ такое правило, и ты не думай вочевряжиться. Сенька двухголовый!! Подать намъ графинъ водки и закусить балычка или икорки, или рыжичковъ солененькихъ...

Семень на этотъ разъ не заставилъ себя ждать, и на ломберномъ столѣ скоро появилась водка въ сопровожденіи куска балыка. Выпили по первой, потомъ по другой. Гордый Евстратычъ рассказалъ свое дѣло; Порфиръ Порфирычъ выслушалъ его и съ улыбкой спросилъ:

— Все?

— Точно такъ-съ, Порфиръ Порфирычъ.

— Своимъ умомъ дошелъ, или добрые люди научили всю подноготную выложить.

— Былъ такой грѣхъ, Порфиръ Порфирычъ...

— То-то былъ грѣхъ. Знаю я васъ всѣхъ, насквозь знаю! — загремѣлъ Порфиръ Порфирычъ, вскакивая съ дивана и принимаясь неистово бѣгать по комнатѣ. — Всѣ вы боитесь меня какъ огня, потому что я честный человѣкъ и взятокъ не беру... Да!! Десять лѣтъ выслужилъ, у другого сундуки ломились бы отъ денегъ, а у меня кромѣ сиваго носа да затвердѣнія печенки ничего нѣтъ... А отъ чего? Вотъ, ты и подумай.

— Ужъ не оставьте, Порфиръ Порфирычъ. На васъ вся надежда, какъ, значить, вы все можете...

— Женатъ?

— Вдовъ.

— Дѣти есть?

— Два сына женатыхъ, дочь...

— Замужемъ?

— Нѣтъ.

— Молоденькая?

— Заневѣстилась недавно...

— Хорошенькая?

— Не знаю ужъ, какъ кому покажется...

— Ну, отлично. Я люблю молоденькихъ, которые поласковѣе... Знаешь по себѣ, что всякая живая душа балачника хочетъ!.. Ты хоть и вдовецъ, а все-таки живой человекъ...

— Я ужъ старикъ, Порфиръ Порфирычъ, у меня и мысли такія въ головѣ.

— Опять врешь... Знаешь пословицу: старъ да пѣтухъ, молодъ да протухъ. Вотъ, посмотри на меня... Э! я еще ничего... Хе-хе-хе!.. Да ты вотъ что, кажется, не пьешь? Нѣ-етъ, это дудки... Золота захотѣлъ, такъ сначала учись пить.

— Увольте, Порфиръ Порфирычъ. Ей-Богу, больше натура не принимаетъ.

— Враки... Пей!.. Вонъ Вуколко вашъ, такъ тотъ самъ напрашивается. Ну, такъ жилку нашелъ порядочную, Гордѣй Евстратычъ? Отлично... Мы устроимъ тебя съ твоей жилкой въ лучшемъ видѣ: копай себѣ на здорье, если лишнія деньги есть.

— Ужъ какъ Господь пошлетъ...

Эта дѣловая бесѣда кончилась тѣмъ, что послѣ четырехъ графинчиковъ Порфиръ Порфирычъ захрапѣлъ мертвую на своемъ диванѣ, а Гордѣй Евстратычъ едва нашелъ дверь въ переднюю, откуда вышелъ на улицу уже при помощи Семена. Мысли въ головѣ будущаго золотопромышленника путались, и онъ почти не помнилъ, какъ добрался до постоялаго двора, гдѣ всѣхъ удивилъ своимъ отчаяннымъ видомъ.

— Ну, я приѣду къ вамъ въ Бѣлоглинскій,—говорилъ на другой день Лапшинъ: — тогда все твое дѣло устрою, а ты, смотри, хорошенько меня угощай...

На прощаньѣ, Порфиръ Порфирычъ опять напоилъ Гордѣя Евстратыча до положенія ризъ, такъ что на этотъ разъ его замѣртво снесли въ экипажъ и въ такомъ видѣ повезли обратно въ Бѣлоглинскій заводъ.

VIII.

Порфиръ Порфирычъ не заставилъ себя ждать и по первопутку прикатилъ въ Бѣлоглинскій заводъ. Онъ, какъ всегда, остановился у Шабалина и сейчасъ же послалъ за Брагинымъ. Гордѣй Евстратычъ приодѣлся въ свой длиннополый сюртукъ, повязалъ шею атласной черной косынкой, надѣлъ новенькіе козловые сапоги «со скрипомъ», и въ этомъ старинномъ костюмѣ

отправился въ гости, хотя у самого кошки скребли на душѣ. Онъ еще не успѣлъ забыть своей первой встрѣчи съ Порфиромъ Порфирычемъ, послѣ которой онъ домой пріѣхалъ совсѣмъ больной. Татьяна Власевна видѣла по лицу сына, что что-то не ладно, но что — онъ ей не говорилъ; провожая его теперь въ Шабалинскій домъ, она пылко заглядывала ему въ глаза.

— Устрой, Господи, все на пользу!.. — молилась она про себя, высматривая въ окно, какъ повезъ отца Архипъ.

Кучера Брагинны не держали, потому что въ домѣ съ Зотушкой было четверо мужиковъ, а ѣзда была не велика: до лавки доѣхать да иногда въ гости. Въ новомъ Шабалинскомъ домѣ Гордѣй Евстратычъ еще не бывалъ и теперь невольно удивлялся необыкновенной роскоши, съ которой все было отдѣлано въ домѣ. По мраморной великолѣпной лѣстницѣ, устланной дорогимъ мягкимъ ковромъ, онъ поднялся во второй этажъ; у подъѣзда и въ передней двери были дубовыя съ тонкой рѣзбой и ярко горѣвшими бронзовыми ручками. Въ передней швейцаръ изъ отставныхъ солдатъ помогъ Гордѣю Евстратычу снять шубу. Пахло какими-то духами и сигарами; изъ гостиной доносились громкіе голоса и чей-то неистовый хохотъ. Гордѣй Евстратычъ еще разъ пріосанился, расправилъ бороду и вошелъ въ пустой громадный залъ, который просто ошеломилъ его своей обстановкой: зеркала во всю стѣну, орѣховая дорогая мебель съ синей бархатной обивкой, такія же драпировки, малахитовыя вазы передъ окнами, рояль у одной стѣны, громадная картина въ рѣзной черной массивной рамѣ, синіе бархатные обои съ золотыми разводами, навощенный паркетъ — все такъ и запрыгало въ глазахъ у Гордѣя Евстратыча. Онъ тяжело перевелъ духъ, прежде, чѣмъ вошелъ въ красную гостиную, гдѣ на диванѣ и около стола размѣстилась въ самыхъ непринужденныхъ позахъ веселая компанія, состоявшая изъ Порфира Порфирыча, мирового Липачка, станового Плинтусова и самого Вукола Логинича, одѣтаго въ синюю шелковую пару. Центромъ общества служила любовница Шабалина, ех-арфистка Варвара Тихоновна; это была красивая дѣвушка съ смѣлымъ лицомъ и непріятнымъ выраженіемъ широкаго чувственнаго рта и выпуклыхъ темныхъ глазъ. Только когда она смѣялась, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ, лицо дѣлалось весьма добродушнымъ и необыкновенно симпатичнымъ!

— Наконецъ-то... — закричалъ Шабалинъ, поднимаясь на встрѣчу остановившемуся въ дверяхъ гостю. — Ну, Гордѣй Евстратычъ, признаюсь, выкинулъ ты отчаянную штуку... Вотъ отъ

кого не ожидалъ-то! Господа, рекомендую, будущій нашъ золото-промышленникъ, Гордѣй Евстратычъ Брагинъ.

Скуластое красное лицо Шабалина совсѣмъ расплылось отъ улыбки; обхвативъ гостя за талію, онъ потащилъ его къ столу. Липачекъ и Плинтусовъ загребѣли стульями, Варвара Тихоновна уставилась на гостя прищуренными глазами, Порфиръ Порфирычъ соскочилъ съ дивана обнять и даже облобызавъ его. Все это случилось такъ вдругъ, неожиданно, что Гордѣй Евстратычъ растерялся и совсѣмъ не зналъ, что ему говорить и дѣлать.

— Садись, Гордѣй Евстратычъ, — усаживалъ гостя Шабалинъ. — Народъ все знакомый, свой... А ты любю насъ всѣхъ поддѣлъ, ежели разобрать. А? Думалъ-думалъ, да и надумалъ... Ну, теперь, братъ, признавайся во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ! Хорошо, что я не догадался раньше, а то не видать бы тебѣ твоей жилки, какъ своихъ ушей...

Порфиръ Порфирычъ былъ такъ же хорошъ, какъ всегда, и только моргалъ своими слезившимися глазами; сегодня онъ былъ въ форменномъ мундирѣ горнаго вѣдомства, но весь мундиръ былъ въ пуху и покрытъ жирными пятнами. Изъ-за растегнутаго сюртука выглядывала грязная смятая сорочка съ золотой запонкой. Липачекъ, толстый опухшій субъектъ съ соннымъ взглядомъ, и Плинтусовъ, высокій вихлястый армеецъ съ вздернутымъ носомъ и какими-то необыкновенными сорочьими глазами, служили естественнымъ продолженіемъ Порфира Порфирыча. Гордѣй Евстратычъ поздоровался со всѣми и съ Варварой Тихоновной, которая, въ качествѣ блудницы и наложницы Шабалина, пользовалась въ Бѣлоглинскомъ заводѣ самой незавидной репутаціей, но какъ съ ней не поздороваться, когда ужъ такая компанія подошла!

— Вотъ мы его сейчасъ же и вспрыснемъ, господа... — предложилъ Шабалинъ, трогая пуговку электрическаго звонка. — Подюжины холодненькаго, — коротко приказалъ онъ оторопѣло вбѣжавшему лакею во фракъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Чобы не разохся... — прибавилъ Липачекъ хриплымъ, перепитымъ басомъ. — Такъ вѣдь, Варвара Тихоновна?

— У васъ только и на умѣ, что вино, — жеманно отозвалась Варвара Тихоновна, искося взглядывая на бережно садившагося на бархатный стулъ Брагина.

На десертномъ столѣ, около котораго сидѣла компанія, стояли пустые стаканы изъ-подъ пунша и какія-то необыкновенныя рюмки — точно блюдечки на тонкой высокой ножкѣ, какихъ Гордѣй Евстратычъ отродясь не видывалъ. Въ серебряной кор-

винѣ горькой былъ наложенъ виноградъ и дюшесы, въ хрустальныхъ вазочкахъ свѣжая пастила и шоколатныя конфеты.

— Вотъ, господа, человѣку счастье прямо съ неба свалилось,—докладывалъ Порфиръ Порфиръичъ, указывая дрожащей отъ перепоя рукой на Брагина. — Такую россыпь облюбовалъ, такую...

— Антикъ съ гвоздикой, или англійскій съ мыломъ?—добавилъ Плинтусовъ и захохоталъ какимъ-то скрипучимъ смѣхомъ, точно кто скребъ глинянымъ черепкомъ у васъ въ ухѣ.

— Именно—и съ мыломъ, и съ гвоздикой!..

— А вотъ мы его сейчасъ вспрыснемъ... — провозгласилъ Шабалинъ, направляя лакея съ подносомъ къ гостю. — Гордѣй Евстратычъ, пожалуйста...

— Время-то, Вуколь Логинъичъ, какъ будто не совсѣмъ подходящее для выпивки... — нерѣшительно говорилъ Брагинъ, принимая бокаль съ шампанскимъ. — Не за этимъ я шелъ, признаться сказать.

— Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, — обрѣзала Варвара Тихоновна. — Я здѣсь за игуменью иду, а это братія...

— Што же, дѣло хорошее...—согласился Гордѣй Евстратычъ, откладывая широкій единовѣрческій крестъ, прежде, чѣмъ выпить бокаль.

— Невинно вино, а укоровенно піанство, Гордѣй Евстратычъ,—замѣтилъ Плинтусовъ и опять захохоталъ.

«Ну и компанія», думалъ Гордѣй Евстратычъ, вытирая губы платкомъ, «только бы пособилъ Господь подобру, поздорову отсюда выбратся»...

Но выбратся подобру, по здорову изъ Шабалинскаго дома Гордѣю Евстратычу не удалось. Сначала все пили шампанское, потомъ сѣли играть въ стуколку, потомъ обѣдали, потомъ Варвара Тихоновна съ гитарой въ рукахъ пѣла цыганскія пѣсни, а Липачекъ и Порфиръ Порфиръичъ плясали въ присядку. Все это въ головѣ Брагина подъ вліяніемъ выпитаго вина перемѣшалось въ какой-то одинъ безобразный сонъ; онъ видѣлъ, какъ въ туманѣ, ярезеленое платье Варвары Тихоновны, сизый носъ Порфира Порфиръича и широкую, какъ подушка, спину плясавшаго Липачека. Потомъ пѣли пѣсни всѣ, потомъ играли опять въ карты... Гордѣй Евстратычъ тоже пѣлъ, и ему дѣлалось очень весело въ этой чиновной компаніи, потому что люди оказались самые простые.

— Ужъ я тебя пропаведу...—кричалъ Порфиръ Порфиръичъ,

подставляя свой сизый носъ къ самому лицу Гордѣя Евстратыча. — Только ты мнѣ никогда не смѣй перечить ни въ чемъ... Вѣдь я бы тебя въ шею по первому разу прогналъ, ежели бы ты, шельма этакая, не рассказаль мнѣ всего по чистой совѣсти... Вотъ за это за самое я тебя и произведу! Будешь помнить Порфира Порфирыча Лапшина, у котораго, кромѣ рубахи да портовъ, никогда ничего не было... А взятки я брать не беру!.. Натурой еще кое-что принимаю... вонъ Варвара Тихоновна иногда меня цѣлуетъ, когда Вукола дома нѣтъ. Такъ, Варенька?

— Стала я цѣловать тебя, — выкрикивала Варвара Тихоновна, мотая осовѣвшей головой. — Велико кушанье!..

— А мы сейчасъ, господа, поѣдемъ кататься, — говорилъ Шабалинъ, который держался на ногахъ крѣпче всѣхъ. — А потомъ завернемъ погрѣться къ Гордѣю Евстратычу... Такъ, Гордѣй Евстратычъ?

— Обнаженно, — пролепеталъ Брагинъ, плохо понимая о чемъ его спрашивали.

Къ подъѣзду были поданы двѣ тройки, и вся пьяная компанія отправилась на нихъ въ Брагинскій домъ. Гордѣй Евстратычъ ѣхалъ на своихъ пошевенкахъ; на свѣжемъ воздухѣ онъ еще сильнѣе опьянѣлъ и точно весь распустился. Архипъ никогда еще не видалъ отца въ такомъ видѣ и легонько поддерживалъ его одной рукой.

— Ты... што это меня держишь? — закричалъ Гордѣй Евстратычъ, едва удерживаясь на мѣстѣ. — Ра-азъ я... пья-анъ... а?..

— Я, татенька, ничево, — оправдывался Архипъ.

— Ты оманывать меня... а?? смѣяться... а?.. надъ отцомъ смѣяться... я тебѣ п-покажу-у!..

Гордѣй Евстратычъ, не помня себя отъ ярости, ударилъ Архипа со всего размаха прямо по лицу, такъ что тотъ даже вскрикнулъ отъ боли и схватился за разбитый носъ. Сквозь пальцы закапала кровь, но это еще сильнѣе разсердило пьянаго отца, и онъ, сбивъ шапку, принялся таскать Архипа за волосы, сбиль его съ сидѣнья и топталъ ногами все время, пока испуганная крикомъ и возней лошадь не ударилась запрягомъ въ ворота Брагинскаго дома. Выскочившая на шумъ Татьяна Власьевна едва отняла облитаго кровью Архипа отъ расходившагося Гордѣя Евстратыча; старуха вся тряслась какъ въ лихорадкѣ.

— А ты мнѣ что за указъ? — кричалъ, почти не стоявшій на ногахъ Гордѣй Евстратычъ, приступая, къ матери. — Кто здѣсь хозяинъ... а?.. Всѣхъ расшибу...

— Гордѣй Евстратычъ... голубчикъ... Христось съ тобой, опомнись!—умоляла Татьяна Власьева.— Вонъ сосѣди-то всѣ смотрятъ на насъ... Вѣдь отродясь такого страму не видывали...

— А мнѣ плевать на всѣхъ сосѣдей... въ намъ сейчасъ гости ѣдутъ... Понимаешь: гости!..

Перепуганныя невѣстки смотрѣли въ окно на происходившую во дворѣ сцену; Дуня тихо плакала. Нюша выскочила было во дворъ, но Татьяна Власьева велѣла ей сидѣть на своей половникѣ. На бѣду и Михалка не было даже, онъ сидѣлъ сегодня въ лавкѣ. Окровавленный, сконфуженный Архипъ стоялъ по срединѣ двора и вытиралъ кровь на лицѣ полонъ своего полубка.

— Пойдемте, братецъ, въ горницы,—хлопоталъ около Гордѣя Евстратыча выскочившій изъ флигелька Зотушка.— Право, пойдемте...

Въ этотъ моментъ, заливаясь колокольчиками, вѣхали двѣ тройки съ гостями.

— А, спасеная душенька, Татьяна Власьева,—оралъ пьяный Шабалинъ, размахивая своей собольей шапкой.—Принимай гостей, спасеная душа!

— Милости просимъ, дорогіе гости!—низко кланялась Татьяна Власьева съ привѣтливой улыбкой.—Прошу пожаловать въ горницы...

Татьяна Власьева забѣжала впередъ и спрятала всѣхъ женщинъ на своей половникѣ, а затѣмъ встрѣтила гостей съ низкими поклонами въ сѣняхъ. Гости для нея были священны, хотя на душѣ теперь у нея было совсѣмъ не до нихъ; она узнала и Липачка, и Плинтуса, и Порфира Порфирьча, которыхъ встрѣчала иногда у Пятовыхъ.

— Вонъ мы какіе,—лепеталъ Порфиръ Порфирьчъ, бросая свою шубу во дворъ.—Матушка, Татьяна Власьева, поцѣлуемся... голубушка ты моя! Всѣ спастись въ тебѣ пріѣхали...

— Пожалуйте, Порфиръ Порфирьчъ, въ горницы-то,—упрашивала Татьяна Власьева.—Еще грѣшнѣе дѣломъ простудитесь безъ шубы-то... Милости просимъ, дорогіе гости! Вуюль Логиньчъ, пожалуйста...

— Лѣземъ, лѣземъ, спасеная душа.

Горницы Брагинскаго дома огласились пьяными криками, смѣхомъ и неприличными восклицаніями. Татьяна Власьева хлопотала въ кухнѣ съ закусками. Нюша совалась съ бутылками не откупореннаго вина. Зотушка накрывалъ въ горницѣ столы и вмѣстѣ съ Маланьей уставлялъ ихъ сѣдями и брашно;

Ариша ставила въ сѣняхъ самоваръ; Дуня вынимала изъ стеклянаго шкафа праздничную чайную посуду. Словомъ, всѣмъ работы было по горло, и Брагинскій домъ теперь походилъ на муравьиную кучу, которую разворачиваютъ палкой.

— Такъ вотъ гдѣ ты поживаешь, Гордѣй Евстратычъ! — заплетавшимся языкомъ говорилъ Порфиръ Порфирычъ. — Ничего, славный домище... Лучше, чѣмъ у меня въ Сосногорскомъ. Только вотъ печка очень велика...

— Батюшкова печка, Порфиръ Порфирычъ...

Брагинъ, взглянувъ на батюшкову печку, точно пришелъ въ себя и съ изумленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, на своихъ гостей, на суетившагося Зотушку, на строгопривѣтливое лицо маменьки... Что такое? зачѣмъ? Правая рука у него ныла до самого плеча, а въ головѣ стояла такая дрянь... Онъ теперь же припомнилъ, какъ онъ давеча билъ Архипа. Ему сдѣлалось гадко и совѣстно, хотѣлось выгнать всю эту пьяную ораву изъ своего дома, но вѣдь тутъ былъ Порфиръ Порфирычъ, а не уважать Порфира Порфирыча, значить, прощай и жилка. Вонъ и мамынька ходитъ съ такимъ покорнымъ убитымъ лицомъ... Вѣдь онъ давеча обидѣлъ ее во дворѣ, когда кричалъ на нее и даже топалъ ногами. У Гордѣя Евстратыча заскребло на душѣ отъ своего собственнаго безобразія, и онъ готовъ былъ провалиться отъ стыда, но гости созваны, надо ихъ угощать.

— А гдѣ же остальные? — спрашивалъ Порфиръ Порфирычъ хозяйку.

— Какія остальные? — удивилась Татьяна Власьева.

— Ну, вѣдь, есть у васъ въ домѣ кто-нибудь помоложе тебя, бабушка?..

— Какъ не быть, ваше высочествоблагородіе, да только не случились на этотъ разъ: внучка зубами скудается, а невѣстки ушли въ гости къ своимъ.

— Такъ, такъ...

— А у ней всѣ прехорошенькія, — поощрялъ Шабалинъ, толкая Порфира Порфирыча локтемъ. — Особенно внучка Нюша...

— Нюша? Славное имя... Анна Гордѣевна, значить, — соображалъ вслухъ Лапининъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. — А я побесѣдовалъ бы съ этой Нюшой, еслибы не зубы... Да я пожалуй и средство отличное отъ зубовъ знаю, бабушка. А?

— Она спитъ теперь, Порфиръ Порфирычъ, — отдѣлывалась Татьяна Власьева отъ хорошаго средства. — Вы бы выкушали лучше, Порфиръ Порфирычъ, чѣмъ о пустякахъ-то разговаривать... Вотъ тутъ смородинная наливочка, а тамъ на сорока травахъ...

— Отлично... Только, бабушка, я одинъ не пью.

— Охъ, милушка, а я ни одна, ни съ другими не пью... И прежде была не мастерица, а подъ старость оно совсѣмъ не пригоже. Вонъ хозяинъ съ тобой выпьетъ. А меня уволь, Порфиръ Порфирычъ.

— Ага, испугалась, спасеная душа!..—потѣшался довольный Лапшинъ.—А какъ, бабушка, ты думаешь, попадетъ изъ насъ кто-нибудь въ царствіе небесное? А я тебѣ прямо скажу—всѣхъ насъ на одно лыко свяжутъ да въ самое пекло. Вуколка первого, а потомъ Липочка, Плинтусова... Компанія! Охъ, бабушка, бабушка, бить-то насъ некому, по-правдѣ сказать!

Началась попойка. Всѣ пили и заставляли пить хозяина. Шабалинъ специально занялся тѣмъ, что спавшая Зотушка, который улыбался блаженной улыбкой и дико вскрикивалъ:

— В-вокулъ Л-лог-гынчъ... вѣдь мы съ тобой кругомъ шестнадцатъ!.. Б-благодѣ-тель...

— То-то, Зотушка... Мы съ тобой заодно. Что ко мнѣ въ гости-то не ходишь?

Старуха не велитъ... Она тебя крѣпко не любитъ, Вуколь Логиничъ,—шопотомъ сообщалъ Зотушка.

— Знаю, знаю... Да я-то не больно ее испугался... Вотъ мы ее сегодня утѣшимъ, будетъ насъ долго поминуть! Ха-ха... Мы сегодня второй напой дѣлаемъ. Вонъ Гордѣй-то Евстратычъ скоро рога въ землю...

— Братецъ не могутъ много принимать этого самого вина, Вуколь Логиничъ. Они такъ самую малость церковнаго иногда испиваютъ, а чтобы настоящимъ манеромъ—ни, Боже мой!..

— Нѣтъ, это дудки, Зотушка: сказался груздемъ—полѣзай въ кузовъ. Захотѣлъ золото искать, такъ ужъ тутъ тебѣ одна дорога... Вона какая насъ-то артель: угодники!

Зотушка только покачалъ своей птичьей головой отъ умиленія, онъ былъ совсѣмъ пьянъ и точно плылъ въ какомъ-то блаженномъ туманѣ. Вездѣ было по колѣно море. Теперь онъ не боялся больше ни грозной старухи, ни брата. «Наплевать... на все наплевать»,—шепталъ онъ, дѣлая такое движеніе руками, точно хотѣлъ вспорхнуть со стула.—«Золото, жила... плевать!.. Кругомъ шестнадцатъ вышло, вотъ тебѣ и жила... Ха-ха!.. А старуха-то, старуха-то какъ похаживаетъ». Закрывъ ротъ ладонью, Зотушка хихикалъ съ злорадствомъ идиота.

Татьяна Власьева угощала незваныхъ и неожиданныхъ гостей, а у самой въ горлѣ стояли слезы, точно она потеряла или разбила что-то такое дорогое, что нельзя было воротить. Этотъ кутежъ

походилъ на поминки, которыя справляли о погибшемъ прошломъ. Вонъ Липачекъ и Плинтусовъ орутъ какую-то безобразную пѣсню, вонъ Гордѣй Евстратычъ смотритъ на нихъ какими-то остановившимися глазами и хлопаетъ одну рюмку за другой. «Господи, да что же это такое?» думаетъ со страхомъ Татьяна Власьева. И у нихъ бывали гости, и кучивали на пропалю, особенно на Аришиной свадьбѣ, но такого безобразія не бывало... Вонъ Липачекъ снялъ съ себя скюртукъ и жилетъ и легъ головой на столъ, Вуколко щелкаетъ его по носу. А вина, вина сколько вытрескали и еще просятъ.

— Ты что же это, Гордѣй Евстратычъ, кошачьими-то глазами насъ угощаешь?—смѣется Шабалинъ, приглядывая пустыя бутылки къ свѣту.

— Мам-мынька... ишд...—мычитъ Гордѣй Евстратычъ, напрасно стараясь подняться со стула.

Старуха послала Архина за виномъ къ Савиннымъ, а сама все смотреть за своими гостями и чего-то такъ боится ея старое семидесятилѣтнее сердце. Вонъ и сумерки наступили, и Татьяна Власьева рада темнотѣ, покрывшей ихъ безобразіе отъ чужихъ людей. Вонъ у Пазухиныхъ давеча всѣ къ окнамъ и бросились, какъ отецъ-то пригналъ отъ Шабалина... Охъ, Господи, Господи! Все видѣли, рѣшительно все: и какъ отецъ Архина ругалъ, и какъ къ ней подступалъ, и какъ гости на тройкахъ подѣхали, и какъ они въ пошевняхъ головами мотали, точно чумные телата. У старухи сжимается сердце при мысли, что о нихъ другіе-то скажутъ, особливо Савины да Колобовы.

Эти горькія размышленія Татьяны Власьевны были прерваны какимъ-то подозрительнымъ шумомъ, который донесся изъ ея половины. Она быстро побѣжала туда и нашла спратавшихся женщинъ въ страшномъ смятеніи, потому что Порфиръ Порфирычъ, воспользовавшись общей суматохой, незамѣтно прокрался на женскую половину и началъ рекомендоваться дамамъ съ изысканной любезностью. Именно въ этотъ трагическій моментъ онъ и былъ накрытъ Татьяной Власьевной.

— Ахъ, матушки вы мои... голубушки...—умильно лепеталъ Порфиръ Порфирычъ, не твердой походкой направляясь къ Нюшѣ.—У кого зубы болятъ? У меня есть хорошенькое словечко на запасѣ... А-ахъ, красавицы, что это вы отъ меня горохомъ разсыпались!

— Порфиръ Порфирычъ, ваше высокоблагородіе,—говорила Татьяна Власьева, схватывая его благородіе въ тотъ самый моментъ, когда онъ только что хотѣлъ обнять Нюшу за талію.—

Такъ нельзя, ваше высокоблагородіе... У насъ не такіе порядки, чтобы чужимъ мужчинамъ на дѣвчью половину ходить...

Порфира Порфирыча кое-какъ выдворили изъ комнаты, и женщины затворились въ ней на ключъ. Этотъ эпизодъ окончательно разстроилъ Татьяну Власьевну, и она, забравшись въ темный чуланчикъ, гдѣ спалъ Михаилъ съ женой, горько заплакала. Въ этомъ старинномъ домѣ не осталось ни одного неприкосновеннаго уголка, даже ея половина подверглась напествию пьянаго ревизора, у котораго Богъ знаетъ что было на умѣ. Вѣдь сноси еще совсѣмъ молодыя бабенки, и Нюша еще дѣвчонка-дѣвчонкой, а люди развѣ пожалѣютъ ихъ — о всѣхъ наговарять, Богъ знаетъ что, только слушай.

«И все это изъ-за жили», думала Татьяна Власьевна, хватаясь за голову.

Безобразный кутежъ въ Брагинскомъ домѣ продолжался вплоть до утра, такъ что Татьяна Власьевна до самаго утра не смыкала глазъ и все время караулила спавшихъ въ ея комнатѣ трехъ молодыхъ женщинъ, которыя сначала испугались, а потомъ точно привыкли къ доносившимся изъ горницъ крикамъ и даже, къ немалому удивленію Татьяны Власьевны, пересмѣивались между собой.

— А ты, баушка, зачѣмъ Порфира Порфирыча прогнала отъ насъ?—приставала Нюша.—Вѣдь онъ не съѣлъ бы насъ, баушка?

— Ежели бы съѣлъ—одинъ конецъ, милушка, а то хуже бываетъ...

Старуха была такъ огорчена сегодняшнимъ днемъ, что даже не могла сердиться на болтовню Нюши, которая забавлялась, какъ котенокъ въ затопленной печкѣ. Михаилъ и Архипъ продежурили всю ночь въ кухнѣ, въ ожиданіи татиньинныхъ приказаній. Пьяный Зотушка распѣвалъ, приложивши руку къ щекѣ, раскольничій стихъ:

И-идеть ста-арецъ пооо-хороо-оогъ...

Чер-норизецъ пооо-ши-роокооой...

О чемъ, ста-арче, горько плаа-чешь,

Черно-ризецъ, возры-дааа-ешь?..

Утромъ, когда прогудѣлъ свистокъ на работу, Шабалинъ и Плинтусовъ уѣхали домой, а Порфиръ Порфирычъ и Липачекъ остались распростертыми въ горницахъ Брагинскаго дома. Одна нога Липачка покоилась на животѣ Порфира Порфирыча,

а голова послѣднего упиралась въ батюшкову печь. Самъ хозяинъ лежалъ на полу у себя въ горницѣ и тяжело храпѣлъ съ налитымъ опухшимъ лицомъ, раскинувъ руки съ напряжѣнными жилами. Татьяна Власьева осторожно прокралась въ горницы, чтобы посмотрѣть на гостей, а затѣмъ прошла въ горницу въ «самому» и долго смотрѣла на спавшаго Гордѣя Евстратыча, которому и подложила подъ голову подушку. Въ комнатахъ все было перевернуто вверхъ дномъ, валялись пробки, окурки сигаръ, объѣдки балыка и т. п.

— Хорошо, мамынька?.. Хи-хи-хи!.. Кругомъ шестнадцать!

Татьяна Власьева вздрогнула. Она только теперь замѣтила скорчившагося въ углу Зотушку, который хихикалъ съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываньемъ.

— А ты чему обрадовался, дуракъ?—грозно спросила Татьяна Власьева, взбѣшенная этой выходкой.

— Я? Хи-хи-хи... Вотъ она жилка-то, мамынька!.. Хи-хи-хи...

— Тыфу, дуракъ!..—отплевывалась Татьяна Власьева.

— Золота захотѣла... денегъ... Хи-хи-хи!.. Богатые будемъ, милый сынъ Гордѣй Евстратычъ... Мамынька, рюмочку!..

IX.

Дѣло разработки найденнаго золота, подъ крылышкомъ Порфира Порфирыча, быстро пошло въ ходъ. Гордѣй Евстратычъ и слышать ничего не хотѣлъ о томъ, чтобы отложить открытіе пріиска до весны. Какъ только были исполнены необходимыя формальности и получены нужные документы, Гордѣй Евстратычъ приступилъ сейчасъ же къ подготовительнымъ работамъ. Пріискъ былъ названъ по рѣчкѣ Смородинскимъ или просто Смородинкой. Ставили на-черно пріисковую контору и теплый корпусъ для промывки золота; тутъ же устраивалась дробильная машина съ коннымъ приводомъ, и золотая дудка превращалась въ настоящую шахту. Стѣнки прежней дудки значительно были расширены и выровнены, а потомъ былъ спущенъ лиственный срубъ; пустую землю и руду поднимали на верхъ въ громадныхъ бадьяхъ, приводимыхъ въ движеніе коннымъ воротомъ. Человѣкъ пятьдесятъ рабочихъ «робили на жилѣ» короткій зимній день весь на-пролѣтъ, а Кайло, Лапотъ и Потапычъ, въ качествѣ привилегированныхъ рабочихъ, «налаживали» шахту. Овся, Лапуха и Домашка тоже готовились принять самое дѣятельное участіе въ этой работѣ, когда поспѣетъ теплый корпусъ,

гдѣ будутъ на станкахъ промывать превращенный въ дробильнѣ кварцъ въ песокъ. Полдневскіе держались на особицу и задавали нѣкоторый тонъ, потому что, какъ-никакъ, а жилку открылъ ихній же Маркушка и на ихней землѣ.

Одно было не хорошо на новомъ пріискѣ: р. Смородинка была очень не велика и притомъ сильно промерзала, такъ что въ водѣ предвидѣлось большое затрудненіе.

— А ты налаживай прудокъ скорѣе, — поучалъ Маркушка, когда Гордѣй Евстратычъ завертывалъ въ нему. — Ночью-то вода даромъ уходитъ, а тутъ она вся у тебя въ прудѣ, какъ въ чашѣ... А потомъ эти всѣ конные приводы безпремѣнно брось, Гордѣй Евстратычъ, а налаживай паровую машину: она тебѣ и воду будетъ откачивать изъ шахты, и руду поднимать, и толочь скварецъ... не слугу себѣ поставишь, а угодицу.

Маркушка точно ожилъ съ открытіемъ пріиска на Смородинѣ. Кашель меньше мучилъ его по ночамъ, и даже отекъ начиналъ сходить, а на лицѣ онъ почти совсѣмъ опалъ, оставивъ мѣшки сухой лоснившейся кожи. Только одно продолжало мучить Маркушку: онъ никакъ не могъ подняться съ своей постели, потому что сейчасъ же начиналась ломота въ поясницѣ и въ ногахъ. Болѣзнь крѣпко держала его на одномъ мѣстѣ.

— Кабы мнѣ ноги Господь далъ, да я бы на четверенкахъ на Смородинку уползъ, — часто говорилъ Маркушка, и его тусклые глаза начинали теплится загоравшимся огнемъ. Я и по ночамъ вижу эту жилку... какъ срубы спускаютъ, какъ Кайло съ Пестеремъ забой дѣлаютъ... Охъ, хоть бы однимъ глазкомъ привелъ Господь взглянуть на Смородинку!..

Мысли и заботы обыденной жизни, а особенно хлопоты съ пріисковой работой какъ-то странно были переплетены въ головѣ Маркушки съ твердой увѣренностью, что онъ ужъ больше не живець. Можно было удивляться тому напряженному вниманію, съ которымъ Маркушка слѣдилъ за всѣми подробностями работы на Смородинскомъ пріискѣ, точно отъ этого зависѣла вся его участь. Пестерь и Кайло приходили въ лачугу Маркушки каждый день по вечерамъ и, потягивая свои трубочки передъ горѣвшимъ на камenkѣ огонькомъ, рассказывали обо всемъ, что было сдѣлано на пріискѣ за день, т. е. собственно говорилъ одинъ Кайло, а Пестерь только сосалъ свою трубочку. Этимъ путемъ Маркушка зналъ размѣры опускаемаго въ шахту сруба, мѣсто, гдѣ ставили теплый ворпуть, планъ дробилки, устройство конныхъ приводовъ и т. д. Эти разговоры точно подливали масла въ потухавшую лампу Маркушки и въ послѣдній разъ освѣ-

щали яркимъ лучемъ его холодѣвшую душу. Онъ еще жилъ; хотя жилъ слабой, отраженной жизнью, если можно такъ выразиться—жизнью изъ вторыхъ рукъ.

— Охъ, дотянуть бы мнѣ только до весны,—иногда говорилъ Маркушка съ страннымъ дрожаніемъ голоса.—Доживу я Кайло? Какъ ты думаешь?..

— Можешь, доживешь, а можешь, нѣтъ,—отвѣчалъ Кайло съ спокойствіемъ и непроницаемой дальновидностью истиннаго философа.

— Нѣтъ, помрешь, Маркушка,—отрѣзывалъ грубо Пестерь.

— Помру?..

— Ужъ это вѣрно, вчера собака выла ночью, значитъ, чуетъ покойника.

Маркушка задумывался и тяжело вздыхалъ. Ему хотѣлось жить, какъ живутъ другіе, т.-е. «робить» въ шахтѣ, пить, драться съ Пестеремъ, дарить возловны ботинки Лапухѣ или Оксѣ, смотря по расположенію духа. Пріисковны бабы часто проводывали Маркушку и каждый разъ успѣвали у него что-нибудь выпросить, потому что въ лачугѣ Маркушки теперь было всего вдолѣ—и одежды всякой, и харчу, даже стояла бутылка съ виномъ. Все это, конечно, привезено было Брагиннымъ, который старался обставить Маркушку со всѣмъ возможнымъ комфортомъ. Когда установился санный путь, въ Полдневскую пріѣхала сама Татьяна Власьева, чтобы окончательно устроить больного Маркушку. Женскія руки дохѣвали то, что не умѣлъ устроить Гордѣй Евстратычъ, при всемъ желаніи угодить больному; женскій глазъ увидѣлъ десятки такихъ мелочей, какія совсѣмъ ускользаютъ отъ мужчины. На полу была постлана сѣрая кошма, у постели поставленъ столикъ съ выдвижнымъ ящичкомъ, въ переднемъ углу, гдѣ чернѣлъ совсѣмъ покрытый сажей образъ, затеплилась лампадка, появился самоваръ и т. д. Маркушка сначала ужасно стѣснялся производимыми перемѣнами въ его логовищѣ, но потомъ примирился съ ними, потому что такъ хотѣла Татьяна Власьева, а ея слово для больного было закономъ.

— Только вотъ эта твоя печь—ножъ мнѣ вострый,—говорила Татьяна Власьева, протирая глаза отъ дыма.

— Это каменка-то?.. Отличная печь, Татьяна Власьева...

— А копотъ?.. И прибирать по настоящему ничего у тебя нельзя, потому сейчасъ копотъ насадеть—и все тутъ. Вонъ рубашка на тебѣ какая грязная, одѣяло...

— Охъ, голубушка ты моя...

Сначала Маркушка сильно побаивался строгой старухи, кото-

рая двигалась по его лачужкѣ съ какою-то необыкновенной важностью и ужъ совсѣмъ не такъ, какъ суются по избѣ оглашенныя принсковыя бабы. Даже запахъ роснаго ладона и восковыхъ свѣчъ, который сопровождалъ Татьяну Власьевну, — даже этотъ запахъ какъ-то пугалъ Маркушку, напоминая ему о чемъ-то великомъ и неизвѣстномъ, что теперь такъ грозно и неотвратно приближалось къ нему. Мысль о будущемъ начинала точить и грызть Маркушку, какъ червь.

Татьяна Власьевна замѣтила на себѣ болѣзненно-пристальный взглядъ Маркушки и спросила:

— Ты чего это глядишь на меня больно востро?

— Такъ, родимая моя, такъ гляжу... Гляжу и думаю: умолишь ты за меня или нѣтъ. Много на моей душѣ грѣховъ, голубушка...

— Всѣ грѣшныя люди, одинъ Господь безъ грѣха.

— Вотъ умру скоро, Татьяна Власьевна... Тяжело... давить... А ты еще, святая душенька, ухаживаешь за мной...

— Чѣмъ ты, чѣмъ ты, Христосъ съ тобой?! Какія ты слова выговариваешь?

— Душу я загубилъ... душу человѣческую... Онъ вѣдь надо мной постоянно стоитъ, какъ живой. Это онъ моей души дожидается...

— Перестань болтать-то пустое... Не согрѣшишь — не спасешься!..

Татьяна Власьевна заговорила о силѣ покаянія и молитвы, которыя спасаютъ закоснѣлыхъ въ грѣхѣ грѣшниковъ. Это было чисто раскольникове богословіе, исходной точкой котораго являлся тезисъ: «большой грѣхъ прощается скорѣе малаго, потому что человѣкъ скорѣе покается». А потомъ, что одинъ раскаявшійся грѣшникъ всегда милѣе Господу десятка никогда не согрѣшившихъ праведниковъ... Противъ такой богословской теоріи былъ безсиленъ даже авторитетъ о. Крисента, который не переваривалъ крайностей даже въ вопросахъ о спасеніи души. Этотъ благочестивый человѣкъ видѣлъ рай слишкомъ въ богословски отвлеченныхъ формахъ, тогда какъ паства тяготѣла къ самымъ жестокимъ представленіямъ, которыя были для нея понятнѣе. Маркушка былъ слишкомъ реалистъ, чтобы усвоить себѣ отвлеченныя богословскія понятія; между тѣмъ онъ считалъ себя очень грѣшнымъ человѣкомъ, значить, тамъ, вверху, въ надзвѣздномъ мірѣ ожидала его карающая беспощадная рука, которая водаетъ сторицей за всѣ земныя неправды. Степенная, душевная рѣчь Татьяны Власьевны затронула въ душѣ этого отчаяннаго

человѣка неизвѣстныя даже ему самому струны. Вѣдь съ нимъ никто и никогда такъ не говорилъ, да онъ и не въ состояніи былъ слушать такіе благочестивые разговоры, потому что представлялъ собой одинъ сплошной грѣхъ. Теперь другое дѣло, теперь онъ жадно ловилъ каждое слово богобоязливой старухи, какъ умирающій отъ жажды глотаетъ капли падающаго дождя и подъ ласковымъ сочувствующимъ взглядомъ другого человѣка эта ледяная глыба грѣха подалась... У Маркушки въ глазахъ стояли слезы, когда Татьяна Власьева кончила ему свое первое утѣшительное и напутственное слово; онъ самъ не зналъ, о чемъ онъ плакалъ, но на душѣ у него точно просвѣтлѣло. Мракъ и сомнѣнія уступили мѣсто радостному свѣтлому чувству.

— А Байло и Пестерь, если покаются, тоже могутъ войти въ царство небесное? — спрашивалъ Маркушка, чувствовавшій себя отдѣленнымъ отъ своихъ друзей цѣлою пропастью.

— И они войдутъ, если покаются.

Маркушка усомнился, но, взглянувъ на строгое лицо Татьяны Власьевны, не могъ не повѣрить ей.

— А Лапуха съ Оксей?

— Всѣ люди — всѣ человѣки...

Душевное просвѣтлѣніе Маркушки не въ силахъ было переступить черезъ эту грань: еще допустить въ царство небесное Байло и Пестеря, пожалуй, можно, но чтобы впустить туда Оксю съ Лапухой... Нѣтъ, этого не могло быть! Въ Маркушкѣ протестовало какое-то физическое чувство противъ такого примѣненія христіанскаго принципа всепрощенія. Онъ, готовъ былъ поручиться чѣмъ угодно, что Окся и Лапуха не попадутъ въ селенія праведныхъ...

Послѣ этого перваго визита къ Маркушкѣ прошло не больше недѣли, какъ Татьяна Власьева отправилась въ Полдневскую во второй разъ. Обстановка Маркушкиной лачужки не показалась ей теперь таюю жалкой, какъ въ первый разъ, какъ и самъ больной, который смотрѣлъ такъ спокойно и довольно. Даже дымъ отъ Маркушкиной камени не такъ ѣлъ глаза, какъ раньше. Татьяна Власьева съ удовольствіемъ видѣла, что Маркушка заглядываетъ ей въ лицо и ловитъ каждый ея взглядъ. Очевидно, Маркушка былъ на пути къ спасенію.

— Лучше тебѣ? — спрашивала его Татьяна Власьева.

— Лучше, голубушка...

— Вотъ что, Маркъ, — заговорила серьезно Татьяна Власьева: — все я думаю, отчего ты отказалъ свою жилку Гордѣю Евстратѣчу, а не кому другому?.. Развѣ мало стало народу хоть

у насъ въ Вѣлголинскомъ заводѣ или въ другихъ прочихъ мѣстахъ? Все меня сумѣннѣ беретъ... Только ты ужъ по совѣсти расскажи...

— А что я сказывалъ Гордѣю Евстратычу, то и тебѣ скажу... Больше ничего не знаю. Плохо тогда мнѣ пришлось, больно плохо, а тутъ Михалею въ Полдневскую прѣхалъ, ну, ко мнѣ зашелъ... Думалъ, думалъ, чѣмъ пропадать жилкѣ задарма — пусть ужъ ей владѣетъ хоть хорошій человѣкъ.

— Отчего же ты раньше Гордѣю Евстратычу о жилкѣ не объявился? Вѣдь пятнадцать лѣтъ, какъ нашелъ ее...

— Ахъ, Татьяна Власьева, голубушка... ахъ, какая ты право! ну, ужъ и слово сказала... а?.. Вѣдь въ этомъ золотѣ настоящій бѣсъ сидитъ, ей-Богу, особливо для бѣднаго человѣка... Такъ и я: такъ думалъ, и этакъ думалъ. Даже отъ этихъ самыхъ мыслей совсѣмъ было уже рѣшился, да еще Господь спасъ... Смѣшно и вспомнить... Перво-на-перво страхъ на меня напалъ, потомъ сталъ я отъ всѣхъ прятаться... мучить вѣдь оно, золото-то! Думалъ потомъ продать жилку кому-нибудь. Кутневы были живы еще, суды завели бы... А когда умерли Кутневы, зачалъ я ходить по богатымъ мужикамъ, которые золотомъ занимаются: кто десять рублей посулитъ, кто двадцать, кто просто въ шею выгонитъ... всячины было, родимая... Жаль было этакое богатство за четвертной билетъ губить: вѣдь тутъ тыщи... Одно слово — богатство!.. А самому заняться тоже невозможно: первое, нечѣмъ мнѣ взяться за работу, а второе... Охъ, да што тутъ говорить, Татьяна Власьева, сама, голубушка, знаешь: только пикни бы Маркушка съ своей жилкой, его сейчасъ бы и подъ лапу сгребли... Маленькій человѣкъ, еще въ острогѣ бы до сыта насидѣлся! Тотъ же Порфиръ Порфиръчъ али Плинтусовъ съ Шабалинымъ... Не я первой! Вотъ я и подыскивалъ все подходящаго человѣка... Ну, которые лучше, не вѣрили мнѣ, а другіе просто за страхъ считали говорить съ Маркушкой... Да... Извѣстные вѣдь мы люди на всю округу!.. Такъ годъ за годъ и тянулось дѣло, а я поковыривалъ свою жилку, што нешто, пока не доковырялся вотъ до чего... Мудреное это дѣло, Татьяна Власьева, золото! Тоже оно къ рукамъ идетъ; руку знаетъ... Вотъ я и порѣшилъ, штобы оно досталось Гордѣю Евстратычу да тебѣ, штобы вы грѣхъ мой замаливали...

Глаза Маркушки горѣли лихорадочнымъ огнемъ, точно онъ переживалъ во второй разъ свою золотую лихорадку, которая его мучила цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Татьяна Власьева молчала, потому что ей передавалось взволнованное состояніе боль-

ного Маркуша: она тоже боялась съ одной стороны этой жилки, а съ другой — не могла оторваться от нея. Теперь ужъ жилка начинала владѣть ея мыслями и желаніями, и съ каждымъ часомъ эта власть дѣлалась все сильнѣе.

Захватывающее вліяніе золота уже успѣло отразиться на всей Брагинской семьѣ. Первое появленіе Порфира Порфирыча съ компаніей въ этомъ домѣ было для всѣхъ истиннымъ наказаніемъ, а когда Гордѣй Евстратычъ проспался на другой день — онъ не зналъ, какъ глаза показать. Второе нашествіе Порфира Порфирыча уже не показалось никому такимъ дивнымъ, и Татьяна Власьевна первая нашла, что онъ хотя пьяница и любить покуражиться, но въ дунѣ добрый человекъ. Въ сущности это послѣднее заключеніе двоилось, потому что Татьяна Власьевна какъ-то инстинктивно боялась Порфира Порфирыча, въ чемъ не хотѣла сознаться даже самой себѣ.

— Велико кушанье... — говорила она даже вслухъ. — Ужъ Липачка и Плинтусовыхъ не боюсь, а Порфира Порфирыча и недавно... Ну, не дать золота мыть — проживемъ и безъ золота, какъ раньше жили.

Но этотъ страхъ предъ ревизоромъ былъ каплей, которая тонула въ морѣ другихъ ощущеній, мыслей и чувствъ. Пока въ Брагинской семьѣ переживалось напряженное состояніе, было промѣно официально первое золото. Жилка оказалась чрезвычайно богатой, потому что на сто пудовъ надало цѣлыхъ тридцать золотниковъ, тогда какъ считается выгоднымъ разрабатывать коренное золото при 50 — 60 доляхъ, а въ Америкѣ находятъ возможнымъ эксплуатировать даже 5 долевое содержаніе. Однимъ словомъ, результатъ получился блестящій, точно награда за всѣ пережитыя Брагинской семьей тревоженія.

— Теперь Михалка и Архипа посадимъ на принскъ, мамынька, — рѣшилъ Гордѣй Евстратычъ, пересыпая въ бумажкѣ золотой песочекъ.

— А въ лавкѣ кто будетъ сидѣть?

— Пусть Арша съ Дуней сидятъ...

— Молоды онѣ, Гордѣй Евстратычъ. Пожалуй не управятся...

— Тогда лавку завроемъ, а мыѣ безъ ребятъ одному на принскѣ не разорваться. Надо смотрѣть за всѣми, того гляди золото-то рабочіе растащатъ...

Все это, было конечно, справедливо, но закрыть батюшкову торговлю пансиномъ товаромъ Гордѣй Евстратычъ никогда не рѣшился бы, а говорилъ все это только для того, чтобы заста-

вить маминьку убѣдиться въ невозможности другого образа дѣйствія. А Татьяна Власевнѣ крѣпко не по душѣ это пришлось, потому что отъ нужды отъ чего же и женщинѣ не посадить въ лавкѣ, особливо, когда несчастный случай какой подвернется въ семьѣ, а теперь дѣло совсѣмъ другое: раньше небогато жили да снохи дома сидѣли, а теперь съ богатой жинкой вдругъ снохъ посадятъ въ лавку... Это было противорѣчіе, съ которымъ Татьяна Власевна никакъ немогла примириться теоретически, хотя практически видѣла его полную неизбежность.

— Можно бы приказчика въ лавку посадить, Гордѣй Евстратычъ, — пробовала она замолвить словечко, хотя сейчасъ же убѣдилась въ его полной несостоятельности.

— Нѣтъ, ужъ этому не бывать, маминька! — рѣшительно заявилъ Гордѣй Евстратычъ. — Потому какъ намъ приказчикъ совсѣмъ не подходящее дѣло — день онъ въ лавкѣ, а ночью куда мы его денемъ? То-то вотъ и есть... Мужики всѣ на приискѣ, а дома снохи молодыя, дочь на возрастѣ.

— Штой-то ужъ, Гордѣй Евстратычъ, какія ты рѣчи говоришь... А я то на што?..

— А я не къ тому рѣчь веду, что опасаюсь самъ, — нѣтъ, разговоровъ, маминька, много лишнихъ пойдетъ. Теперь и безъ того всѣ про насъ въ трубу трубятъ, а тутъ и не оберешься разговоромъ...

Передъ Рождествомъ Гордѣй Евстратычъ сдалъ первое золото въ Екатеринбургѣ и получилъ за него около шести тысячъ — это былъ цѣлый капиталъ, хотя собственно первоначальные расходы на приискѣ были вдвое больше. Но вѣдь это былъ только первый мѣсяцъ, а затѣмъ пойдетъ чистый доходъ. Чтобы начать дѣло, Гордѣю Евстратычу пришлось затратить не только весь свой наличный капиталъ, но и перехватить деньжонокъ у Пятова, Нила Поликарпыча. Къ своимъ роднымъ Савиннымъ и Колобовымъ Гордѣй Евстратычъ ни за что не хотѣлъ обращаться, не смотря на совѣты Татьяны Власевны: вообще имъ овладѣлъ какой-то бѣсъ гордости по отношенію къ роднымъ. Раньше не хотѣлъ посоветоваться съ ними на счетъ жилки, а теперь пошелъ за деньгами къ Пятову. вмѣстѣ съ тѣмъ, Татьяна Власевна замѣтила, что Гордѣй Евстратычъ ужасно сталъ расчитывать каждую копѣйку, чего раньше не было за нимъ, особенно, когда расходы шли въ домъ.

— Мнѣ паровую машину ставить надо къ веснѣ, — говорилъ онъ вмѣсто оправданія. — А тамъ Ирбитская ярмарка на носу. Надо товаръ добыть, а деньги всѣ въ приискѣ усажены...

Конечно, это были только временныя стѣсненія, которыя пройдутъ въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ.

Первыя дикія деньги породили въ Брагинской семьѣ и первую семейную ссору, хотя она и была самая небольшая. Когда Гордѣй Евстратычъ ѣхалъ сдавать золото, онъ привезъ обѣимъ снохамъ по подарку. Обыкновенно такіе подарки дѣлались всегда одинаковыя, а тутъ Гордѣй Евстратычъ точно обѣ съ толкнулъ подъ руку купить разныя, — Аришѣ серьги, Дунѣ брошку. Вотъ эта-то брошка и послужила яблокомъ раздора, потому что Аришѣ показалось, что свекоръ больше любитъ Дуню и привезъ ей лучше подарокъ. Сначала Ариша надулась и замолчала, а потомъ принялась плакать въ своей коморкѣ, пока это горе не перешло въ открытую ссору съ Дуней. Невѣстки перессорились между собой, перессорили мужей и довели дѣло до Гордѣя Евстратыча. Судъ и рѣшеніе были самаго короткаго свойства.

— Не умѣли носить моихъ подарковъ, такъ пусть они у меня полежатъ, пока вы будете умѣть, — рѣшилъ Гордѣй Евстратычъ, запирая и брошку, и серьги къ себѣ въ шкапулку.

Невѣстки жили раньше душа въ душу, но тутъ даже суровое рѣшеніе Гордѣя Евстратыча и всѣ увѣщанія Татьяны Власѣвны не могли ихъ примирить. Если бы еще дѣло было важное, тогда примиреніе не замедлило бы, вѣроятно, состояться, но извѣстно, что пустяковъ люди не забываютъ и не прощаютъ другъ другу...

Х.

Отецъ Крисентъ былъ «удивленъ»... Именно, когда онъ распечаталъ братскую кружку, тамъ оказалась туго сложенная и завязанная сторублевая бумажка, въ другихъ кружкахъ тоже, и въ той, которая специально служила для сборовъ на постройку храма, лежало цѣлыхъ пять сложенныхъ бумажекъ. Однимъ словомъ, въ теченіе всего «прохожденія церковной службы» о. Крисентомъ — это былъ первый примѣръ такой щедрости добродѣтельнаго дателя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Ясное дѣло, что о. Крисенту стояло только кое-что припомнить, чтобы узнать сейчасъ неизвѣстнаго дателя, которымъ, конечно, былъ не кто иной, какъ Гордѣй Евстратычъ.

— Доброе дѣло, доброе дѣло... — говорилъ о. Крисентъ и сейчасъ же прибавилъ: — Воздадите божіе богу, а кесарево кесарю. Непремѣнно нужно будетъ Брагина въ церковныя старосты выбрать, а то Нилъ Поликарпычу трудно справиться.

Объ этихъ крупныхъ пожертвованіяхъ вечеромъ же зналъ весь Бѣлоглинскій заводъ и всѣ хвалили «благое начинаніе и ревность» Гордѣя Евстратыча. А къ этому присоединились другія извѣстія: одной старушкѣ ночью въ окно чья-то рука подавала десять рублей, тремъ бѣднымъ семьямъ та же рука дала по пяти, и т. д. Милостыня была вполнѣ тайная, хотя никакая тайна не остается тайной. Скоро молва разнесла самыя точныя подробности о положеніи дѣлъ у Брагинныхъ, причемъ количество золота росло по часамъ, а вмѣстѣ съ нимъ росли и Брагинскія «тысячи».

Нужно ли говорить о томъ, что эти слухи и самыя вѣрныя извѣстія, вмѣстѣ съ количествомъ добытаго Брагиннымъ золота, поднимали и зависть къ ихъ неожиданному богатству. Последнее чувство росло и увеличивалось, какъ катившійся подъ гору комъ снѣга, такъ что люди самыя близкіе къ этой семьѣ начали теперь относиться къ ней какъ-то подозрительно, хотя къ этому не было подано ни малѣйшаго повода. Савины и Колобовы были обижены тѣмъ, что Гордѣй Евстратычъ возгордился и не только не хотѣлъ посоветоваться съ ними о такомъ важномъ дѣлѣ, а даже за деньгами пошелъ къ Пятову. Ужъ кому бы ближе, какъ не имъ, покутиться съ деньгами, вѣдь не чужіе, слава Богу...

— Ну, ежели онъ не хочетъ, такъ Богъ съ нимъ, — говорили старики Колобовы, когда сидѣли у Пятовыхъ. — Погордиться захотѣлъ передъ роденъей-то.

Ссора Брагинскихъ невѣстокъ подлила масла въ огонь: теперь Колобовы и Савины не только надулись на всю Брагинскую семью, но разошлись и между собой. Брагинское золото достало и ихъ... Даже потайная милостыня была выставлена въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ ловкая шутка Татьяны Власьевны. Безъ сомнѣнія, Гордѣй Евстратычъ дѣйствовалъ по ея наущенію во всемъ: вотъ тебѣ и спасеная душа... Противъ Брагинныхъ изъ прежнихъ знакомыхъ не были восстановлены только Пятовъ и Пазухины, но, можетъ быть, это была простая случайность, какъ многое другое на свѣтѣ: стоило бросить малѣйшій поводъ, и Пазухины, и Пятовъ точно такъ же восстали бы противъ Брагинныхъ.

А золото шло все богаче и богаче... Жилка дала побочную вѣточку, на которой заложили другую шахту. Особенно богато золото шло въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ «жилка вылинивалась», т. е. сходилось въ одинъ узелъ нѣсколько вѣтвей. Теперь на Смородинѣ работало больше ста человѣкъ. Гордѣй Евстратычъ во

второй разъ съезъ добытое золото и привезъ съ собой больше десяти тысячъ. Работы были приостановлены только наступившими праздниками, а затѣмъ снова были открыты на третій день Рождества. Несмотря на самое блестящее положеніе дѣлъ святки въ Брагинскомъ домѣ прошли скучнѣе обыкновеннаго, потому что Савины и Колобовы даже не заглянули къ Брагиннымъ. Невѣстки ходили съ опухшими красными глазами, Татьяна Власьева тяжело вздыхала, и даже беззаботная Нюша приуныла: одинъ Гордѣй Есфратичъ точно ничего не видѣлъ и не слышалъ, что дѣлалось кругомъ: онъ точно приросъ къ своему приску и ни о чемъ больше не могъ думать.

— Ну, и пусть дуются, — говорилъ онъ матери. — Я имъ ничего не сдѣлалъ...

— Я тебѣ говорила тогда, милушка...—пробовала уговаривать Татьяна Власьева.—Вотъ онѣ и обидѣлись!

— Мнѣ наплевать на нихъ... И безъ нихъ проживемъ.

— Охъ, не гордись, не гордись, милушка! Гордымъ Господь противится...

— Что же по твоему, мнѣ самому идти да кланяться имъ?.. Жирно будетъ, пожалуй подавятся.

Дѣло было дрянъ, какъ его ни поверни, и Татьяна Власьева напрасно ломала свою голову, чтобы выйти изъ затрудненія, т. е. помириться съ родней, не умаляя своей чести. «Вѣдь вины-то нѣтъ никакой,—раздумывала она про себя:—Гордѣй-то и правъ выходить: на духу показаться не въ чемъ. Что мы имъ сдѣлали? Взять хоть Савинныхъ, хоть Колобовыхъ»... Нужно въ этомъ отдать полную справедливость генію Марфы Петровны, которая съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла «подпустить бѣска» вездѣ, и теперь «переплескивала» самыми невѣроятными извѣстіями отъ Брагинныхъ къ Колобовымъ и Савиннымъ, и наоборотъ. Ослабленіе сторонъ дошло до того, что онѣ, зная много дѣтъ Марфу Петровну, какъ завязтую сплетницу, сдѣлали ее теперь своей новѣрженной. Въ результатъ получилось такое положеніе дѣлъ, что о примиреніи не могло быть и рѣчи, Марфа Петровна торжествовала, сама не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Особенно ловко она сумѣла посорить между собой старуху Савиху съ безобидной Агней Герасимовной Колобовой. Старухи жали душа въ душу цѣлый вѣкъ, а тутъ чуть не разодрались изъ-за пустяковъ — это было настоящее похмѣлье въ чужомъ пиру. Даже Татьяна Власьева поддавалась хитросплетеннымъ навѣтамъ Марфы Петровны и, наконецъ, убѣдилась, что Савины и Колобовы сами виноваты во всемъ.

— А старухи-то, старухи — настоящіе злыя, такъ и шипятъ! — подсказывала Марфа Петровна. — Вышь имъ поперегъ горла встало ваше-то золото... Зависть одолѣла!

— Штой-то, Марфушка, за люди за такіе конѣ пошли? — съ тоской спрашивала Татьяна Власьева.

— Охъ, и не говори Татьяна Власьева... Не кормя, не поя, ворога не назывешь, голубушка!..

— А вѣдь ты вѣрно сказала, Марфуша. Жили мы никому не мѣшали и теперь не мѣшаемъ, а тутъ накоса, какая притча страшась. Съ чужими-то всегда легче жить, чѣмъ со своими.

— Такъ, Татьяна Власьева... Съ чужими дѣлать нечего — вотъ и миръ да гладь, да божья благодать.

Всѣхъ чаще теперь бывали въ Брагинскомъ домѣ Пятовъ, т. е. Нилъ Поликарпычъ и Оня. Самъ Пятовъ, высокій тощій брюнетъ съ лысой головой, отличался своей молчаливостью и необыкновеннымъ пристрастіемъ къ разнымъ домашнимъ средствамъ: онъ всегда считалъ себя чѣмъ-нибудь больнымъ и вѣчно лечился разными настоями и необыкновенно мудренными мазями. Все это составлялось по самымъ таинственнымъ рецептамъ, и каждое средство помогло по крайней мѣрѣ сотнѣ людей, хотя Нилу Поликарпычу не дѣлалось легче, и онъ съ новымъ терпѣніемъ изыскивалъ что-нибудь неиспробованное. Овдовѣвъ въ молодыхъ годахъ, онъ теперь находился на полномъ попеченіи дочери, которая не чувствовала никакого расположенія къ лекарствамъ и леченію. Единственная дочь, избалованная съ дѣтства, Оня не знала запрета ни въ чемъ и дѣлала все, что хотѣла. Бойкая и красивая съ свѣтлорусой головкой и могучей грудью, эта дѣвушка изнывала подъ напоромъ жизненныхъ силъ; она дурачилась и бѣсилась, какъ говорила Татьяна Власьева, не зная усталости, хотя сердце у ней было доброе и отходчивое. У Пятова былъ еще сынъ Володька, но тотъ сбился давно спанталмку и теперь жилъ гдѣ-то на присахъ, подальше отъ родительскихъ глазъ. Оня и Нюша росли вмѣстѣ и были почти погодеи; онѣ подходили и по характеру другъ къ другу и по тому, что выросли безъ матери. Оня рассказывала безконечную исторію о своихъ женихахъ, которые являлись съ самыми фантастическими достоинствами, какъ мифологическія божества.

— Ужъ не стала бы я по твоему возиться съ какимъ-нибудь Алешкой Павухиннымъ! — не разъ говорила Оня, встраивая своей тяжелой косой. — Нечего сказать, не наша хуже-то!..

— Онъ славный, Оня...

— Славный, славный... Нечего сказать, нашла славного: шагу не умѣетъ ступить.

— Да вѣдь мнѣ съ нимъ не танцовать?

— Танцовать не танцовать, а въ люди показаться совѣстно. Такіе у поповъ стропины бываютъ... Славный!.. Я ему вотъ когда-нибудь такъ въ шею накладу,—вотъ тебѣ и славный.

— Я и сама такъ думала, только мнѣ его жаль, Оеня, такъ жаль... Я тебѣ не умѣю сказать, какъ жаль! Недавно они у насъ всѣ въ гостяхъ были... ну, сидѣли, чай пили, а когда пошли домой, Алешка и говоритъ мнѣ: «Прощайте, Анна Гордѣевна»... А самъ такъ на меня смотреть, жалостливо смотреть. «Что, говорю я ему, умирать, что ли, собрался?»

— «Нѣтъ, говорить, а оwohl того... Теперь, говорить, вы стали богатые, а пѣшій конному не товарищъ». Вотъ этимъ онъ меня и зарѣзалъ... Стою я да смотрю на него, какъ дура какая, а потомъ какъ поцѣлую его... Такъ и сказала прямо, что либо за него, либо ни за кого!

— Ого... Такъ вы вотъ какъ?! Ну, это все пустяки. Я первая тебя не отдамъ за Алешку — и вся тутъ... Выдумала! Мало ли этакихъ пестерей на бѣломъ свѣтѣ найдется, всѣхъ не пережалѣешь... Погоди, вотъ уже налетитъ ясный соколъ и прогонитъ твою мокрую ворону.

— Нѣтъ, Оеня... я ужъ сказала и отъ своего слова не отонрюсь.

— Ну, ну... Дѣвичья память короткая: до порога!

Эти рѣчи сильно смущали Ньюшу, но она скоро одумывалась, когда Оеня уходила. Именно теперь, когда возможность разлуки съ Алешкой являлась болѣе чѣмъ вѣроятной, она почувствовала со всей силой, какъ любила этого простого, хорошаго парня, который въ ней души не чаялъ. Она ничего лучше не желала и была счастлива своимъ рѣшеніемъ.

Въ общей сумятицѣ, поднятой Брагвинской жилкой, чистой отъ всякихъ расчетовъ и соображеній корыстнаго характера оставалась пока одна Ньюша, что и проявилось въ ея отношеніяхъ къ Алешѣ. Дѣвушка любила нетронутымъ молодымъ чувствомъ, безъ всякой задней мысли, и новая обстановка, ломавшая старые батюшкины устои, еще не коснулась ея. Палагея Миневна наблюдала Ньюшу и съ радостью замѣчала, что эта дѣвушка остается прежней Ньюшей, только бы Господь пособилъ пристроить ее за Алешку. Расчетливая старушка хорошо понимала, что такого важнаго дѣла отнюдь не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ: обстоятельства быстро мѣнялись, а съ ними могли измѣ-

ниться и намѣренія большавовъ Брагинныхъ относительно судьбы Нюши. Пелагея Миневна и Марфа Петровна были увѣрены, что Брагинны отдадутъ Нюшу за Алешу, потому что одна она у нихъ, пожалуйтъ отдать куда-нибудь далеко, а тутъ рубой подать, всего черезъ дорогу перейти. Притомъ, Алеша парень смиренный, работающій, и семья у нихъ маленькая; ну, и достатокъ хватить на ихъ-то вѣкъ. Сама Татьяна Власьева давала понять нѣсколько разъ, что она съ удовольствіемъ отдастъ Нюшу за Алешу, а если Татьяна Власьева этого хотѣла, то Гордѣй Евстратичъ и подавно.

Пелагея Миневна цѣлыя сватки все выбирала удобный случай, чтобы еще поговорить по душѣ съ Татьяной Власьевной, а тамъ, заведеннымъ порядкомъ, и сватовъ можно было заслать. Но время для такого разговора все какъ-то не выдавалось: то гости у Брагинныхъ, то што. Только такъ наканунѣ новаго года Пелагея Миневна собралась-таки къ Брагиннымъ. Надѣла старинный шелковый сарафанъ, по зеленому полю съ алой травой, подпоясалась стариннымъ плетенымъ шелковымъ поясомъ, на голову надѣла расшитую золотомъ сороку, и въ такомъ видѣ, положивъ установленный началъ передъ дѣдовскимъ образомъ, отправилась въ Брагинскій домъ.

— У нихъ теперь никого и дома-то нѣтъ, кромѣ старухи, — говорила провожавшая ее Марфа Петровна. — Мужики на Смородинѣхъ, Дуня въ лавкѣхъ, Нюша у Пятовыхъ, надо полагать... Въ добрый часъ, Пелагея Миневна!.. Господи, благослови...

Торжественный видъ, съ которымъ вошла Пелагея Миневна на половину Татьяны Власьевны, даже немного испугалъ послѣднюю: она по глазамъ видѣла, зачѣмъ пришла Пелагея Миневна. Усадить гостью и заказавъ Маланѣ самоваръ, Татьяна Власьева принялась бесѣдовать о томъ и о семъ, точно не понимала, зачѣмъ явилась гостья. Показывали бабьимъ дѣломъ, посудачили, попаремывали косточки, кто подвернулся подъ руку, а сами все ни съ мѣста. Пелагея Миневна выпила двѣ чашки чаю, похвалила стряпню Маланьи и вообще довольно тонко польстила хозяйкѣ.

— Какая наша стряпня, Пелагея Миневна, — скромничала довольная Татьяна Власьева: — Маланья стара стала да упряма, все попережь хочетъ дѣлать.

— Што вы это говорите, Татьяна Власьева?.. У васъ теперь и замѣниться есть кѣмъ: двѣ снохи въ домѣ... Мастерницы — бабочки, не откуда-нибудь взяты! Особенно Ариша-то... Вѣдь Агнесъ Герасимовна первая у насъ затѣйница по всему Бѣло-

глинскому, ежели разобрать. Противъ нея разѣ только у васъ состряпаютъ, а въ другихъ-прочихъ домахъ далеко не вплотъ.

Татьяна Власьева промолчала. Гостья задѣла неловко наболѣвшее мѣсто о недавней ссорѣ съ Савинными и Колобовыми.

— Ахъ, голубушка Татьяна Власьева, а вотъ мнѣ такъ и замѣнится-то не кѣмъ...—перешла въ минорный тонъ Пелагея Миневна, дѣлая то, что въ періодахъ называется пониженіемъ. — Плоха я стала, Татьяна Власьева, здоровьемъ сильно скудаюсь, особливо къ погодѣ... Поясницу такъ ломить въ другой разъ—страсти!.. А дочерей не догадалась наростить, вотъ теперь и майся на старости лѣтъ...

Это въ діалектическомъ отношеніи былъ очень ловкій приступъ, и Татьянѣ Власьевнѣ стоило только сказать, что, молъ, «Пелагея Миневна, вашему горю и помочь можно—сынъ на возрастѣ, жените и замѣнушку въ домъ приведете»... Но важеватая старуха, конечно, ничего подобнаго не высказала, потому что это было неприлично, — съ какою стати она сама стала бы называться Пазухиннымъ...

— А Марфа Петровна? — уклончиво спросила Татьяна Власьева. — Кабы у меня были такія золотыя руки, да я бы, кажется, еще сто лѣтъ прожила...

— Это вы справедливо, Татьяна Власьева... Точно что наша Марфа Петровна цѣлый домъ ведетъ, только вѣдь все-таки она чужой человѣкъ, ежели разобрать. Ужъ ей не уважи ни въ чемъ, а Боже упаси, ежели поперешнее слово сказать. Сжалась—только ее и видѣлъ. Къ тѣмъ же Шабалинымъ уйдетъ, ей вездѣ дорога.

— Што говорить, што говорить!..—покачивая головой, согласилась Татьяна Власьева. —Тоже вотъ и язычекъ у Марфы-то Петровны...

— Охъ, и не говорите, Татьяна Власьева! Стыдно сказать, а грѣхъ утантъ: плачу я отъ ея язычка, слезно плачу... Конечно, про себя перенесешь—и молчокъ, не въ люди же нести свою сухоту. Донимаетъ она меня этимъ своимъ язычкомъ, такъ донимаетъ... А я сама-то стара становлюсь, ну, и терпю.

Гостья такъ разчувствовалась, что даже вытерла глаза уголкомъ своего кисейнаго передника, подвязаннаго, конечно, подъ самыя мышки. Старушки еще побесѣдовали, а потомъ Пелагея Миневна начала прощаться.

— Заболталась я у васъ, Татьяна Власьева... Извините ужъ на нашей простотѣ! Къ намъ-то когда вы пожелаете?

— А вотъ соберемся какъ-нибудь... Спасибо, что насъ грѣш-

ныхъ не забываете, Пелагея Миневна. Нынче какъ-то и не примѣнишься къ людямъ... Гордость всѣхъ одолѣла...

Пелагея Миневна, накидывая въ передней платокъ на голову, съ соболѣзнованіемъ покачала только головой: очевидно, Татьяна Власьева намерала на свои недоразумѣнія съ Савинными и Колобовыми. Накидывая на плечи свою бѣличью шубейку, Пелагея Миневна, чувствовала, какъ все у ней внутри точно похолодѣло — наступилъ самый критическій моментъ... Скажетъ что-нибудь Татьяна Власьева или не скажетъ? Когда гостя уже направилась къ порогу, Татьяна Власьева остановила ее вопросомъ:

— А гдѣ у васъ Алексѣй-то Силычъ? Што-то, ровно, его не видать...

— Да при лавѣ больше, Татьяна Власьева. Онъ вѣдь домосѣдъ у насъ, сами знаете, не любитъ больно-то рассказывать.

— Смиреной парень, што говорить... Надо вамъ за него Бога молить, Пелагея Миневна. Этакихъ-то кроткихъ да послушныхъ по нѣшнимъ временамъ надо съ огнемъ поискать!..

Этого было совершенно достаточно... Татьяна Власьева сама вызывала на сватовство послѣднимъ отзывомъ, и Пелагея Миневна вышла въ сѣни въ радостномъ волненіи, отъ котораго у ней кружилась голова. «Устрой, Господи, все на пользу!» шептала она про себя, спускаясь по лѣсенкѣ во дворъ. Пелагея Миневна въ своемъ радужномъ настроеніи дошла до самыхъ воротъ и только хотѣла взяться за кольцо калитки, какъ она растворилась сама, а въ калиткѣ показалась женская высокая фигура въ двухъ шубахъ съ наглухо завернутой головой въ нѣсколько шалей.

— Алѣна Евстратьевна... — проговорила Пелагея Миневна, пристально вглядываясь въ стоявшую неподвижно женскую фигуру. — Откуда Богъ несетъ?

— Изъ Верхотурья прѣехала, — какъ-то не хотя отвѣтила Алѣна Евстратьевна, оглядывая Пелагею Миневну съ ногъ до головы.

— Ахъ не узнали меня-то?

— Што-то какъ-будто запаматовала...

— Папухиныхъ-то можетъ еще не забыла, Алѣна Евстратьевна? Сусѣды въ прежнее время были съ вами...

— Да, да... помню.

Алѣна Евстратьевна даже не подала руки Пелагее Миневнѣ, а только сухо ей поклонилась, какъ настоящая заправская бабыня. Эта встрѣча разомъ разбила розовое настроеніе Пелагеи

Миневны, у которой точно что оборвалось внутри... Гордяча была эта Алена Евстратьевна, и никто ее не любилъ, даже Татьяна Власевна. Теперь Пелагея Миневна постояла-постояла, посмотрѣла, какъ въѣзжали во дворъ лошади, на которыхъ пріѣхала Алена Евстратьевна, а потомъ уныло пошла домой.

— И принесло же ее не раньше, не послѣ...—сердито думала Пазухина, подходя къ своему дому.—Пожалуй, все наше дѣло испортить. Придется погодить, видно, какъ она въ свое Верхотурье уберется...

Марфа Петровна видѣла, какъ пріѣхала Алена Евстратьевна и все поняла безъ объясненій: случай вышелъ не въ руку, ну, да всѣ подъ-Богомъ ходимъ, не вѣкъ же будетъ жить въ Бѣлоглинскомъ эта гордяча.

Появленіе Алены Евстратьевны произвело въ Брагинскомъ домѣ настоящій переворотъ, хотя тамъ ее никто особенно не жаловалъ. Раньше она рѣдко пріѣзжала въ гости и оставалась всего дня на два, на три, но на этотъ разъ по всѣмъ признакамъ готовилась прогостить вплоть до послѣдняго саннаго пути.

— На наше золото прилетѣли, Алена Евстратьевна?—извѣтельно спрашивалъ Зотушка, кутившій всѣ праздники.

— Какое золото?—удивилась Алена Евстратьевна.

— Отецъ-отъ разѣ не отписывалъ тебѣ ничего?—спрашивала Татьяна Власевна: она называла Гордѣя отцомъ, какъ большака въ "семѣ".

— Ничего мы не получали. А я прихворнула передъ Рождествомъ-то, а то бы раньше пріѣхала...

— «Вреть, все вреть наша Аленушка...»—думалъ пьяный Зотушка, улыбаясь хитрой улыбкой.—«На жизку ворона прилетѣла, только не даромъ ли крыльями, милая, махала»...

Аленѣ Евстратьевнѣ было за сорокъ; это была полная, высокая женщина, съ красивымъ лицомъ, на которомъ тѣнью лежало что-то фальшивое и хитрое. Сѣрые большіе глаза Алены Евстратьевны смотрѣли прямо и нахально, особенно, когда она улыбалась. Одѣвалась она всегда по модѣ, т.-е. носила платья, шляпки, воротнички, корсетъ и т. д. Мужъ Алены Евстратьевны хотя и занимался подрадами и числился второй гильдіи, но, попавъ въ земскіе гласные, перевелъ себя совсѣмъ на господскую руку, т.-е. онъ въ этомъ случаѣ, какъ миллионы другихъ мужей, только плясалъ подъ дудку своей жены, которая всегда была записной модницей.

Алена Евстратьевна до страсти любила распоряжаться и совать свой носъ рѣшительно вездѣ; потому, едва успѣвъ пере-

одѣться съ дороги, она начала производить строгую ревизію по всему дому, причемъ находила все не такъ, какъ тому слѣдовало бы быть. Особенно досталось отъ нея невѣствамъ; Алена Евстратьевна умѣла подносить самыя горькія пилюли съ ласковой улыбкой. Нюша попробовала-было вступить съ тетуськой зубъ за зубъ, но была разбита и уничтожена. Въ какихъ-нибудь три дня гостыя овладѣла всѣмъ домомъ и распоряжалась въ немъ, какъ побѣдитель въ завоеванной провинціи. Даже самъ Гордѣй Евстратычъ, не долюблявшій сестричку за ея характеръ, теперь какъ-то совсѣмъ поддался ей и даже замѣтно ухаживалъ за ней. Татьяна Власьева удивлялась такой перемѣнѣ и въ то же время сама начала относиться къ нелюбимой дочери съ большимъ уваженіемъ и даже раза два совѣтовалась съ ней.

— Какъ это вы и живете, Гордѣй Евстратычъ? — говорила Алена Евстратьевна. — Развѣ это порядокъ въ домѣ? Точно какіе-нибудь прасолы... Всякій какъ въ комнаты зашелъ, сейчасъ и видитъ вашу необразованность!

— Ладно намъ, Алена Евстратьевна... Куда ужъ намъ за богатыми гоняться! — отвѣчалъ Гордѣй Евстратычъ. — Вѣкъ прожили не хуже другихъ...

— Вамъ-то хорошо такъ говорить, а дѣти какъ? Тоже въ необразованности хотите оставить, на посмѣяніе всѣмъ... Или взять Нюшу теперь... Дѣвушка невѣста, а порядочному жениху стыдно въ домъ пріѣхать... Это какая-то лачуга, а не домъ. Вонъ Вуколъ Логиничъ устроилъ себѣ домикъ, такъ хоть кого не стыдно въ немъ принять. Взять эти ваши сарафаны... Кромѣ Бѣлоглинскаго завода во всемъ свѣтѣ больше не увидишь, чтобы дѣвушки или молодыя жѣнщины въ сарафанахъ ходили... Взять хоть наше Верхотурье... Нѣтъ, братецъ, по вашимъ теперешнимъ недостаткамъ такъ жить невозможно! Ужъ вы какъ тамъ хотите съ маменькой, а только это не порядокъ въ домѣ... Спросите у кого угодно, какъ по другимъ, прочимъ мѣстамъ богатые люди живутъ,

Гордѣй Евстратычъ для видимости противорѣчилъ, но внутренно былъ совершенно согласенъ съ сестрой: такъ жить дальше было невозможно, совѣстно, взять хоть супротивъ того же Вукола Логинича. У того вонъ какъ все устроено въ дому, въ родѣ какъ въ церкви.

— Вонъ, у васъ какая печка безобразная стоитъ, Гордѣй Евстратычъ, — не унималась Алена Евстратьевна. — Весь домъ портить...

— Ну, ужъ это ты напрасно... Печку не уберу! Лучше

другой домъ выстрою. Дай срокъ, вотъ золота лѣтомъ намоемъ, тогда такую музыку заведемъ.

— Въ томъ-то и дѣло, Гордѣй Евстратичъ, чтобы отъ другихъ не отстать... А то совѣстно къ вамъ пріѣхать!.. И компанія у васъ тоже самая неподходящая; какіе-то Пазухины... Вы должны себя теперь очень соблюдать, чтобы передъ другими было не совѣстно. Хорошему человѣку къ вамъ и въ гости пріидти нелегко... Изволь тутъ разговаривать съ какой-то Пелагеей Миневной да Марфой Петровной. Это не порядокъ въ домѣ...

— А я печку не буду ломать,—продолжалъ Гордѣй Евстратичъ, отвѣчая самому себѣ: вотъ полъ переслать или потолокъ раскрасить—это можно. Тамъ изъ небели что поправить, насчетъ ковровъ—это все сдѣлаемъ не хуже другихъ... А по осени можно будетъ и домъ заложить по всей формѣ.

Однимъ словомъ, Алена Евстратьевна пошла кутить и мутить, точно ее бѣсъ подмывалъ. Большаки слушали ее, потому что боялись, какъ бы не отстать отъ другихъ; молодые хоть и не долюбливали ее, но тоже слушали, потому что Алена Евстратьевна была записная модница и всегда ходила въ платьяхъ и шляпкахъ. ♦

А на Смородинѣ золото такъ и лѣзало изъ земли—что не дѣля, то и два да три фунта. Послѣ крещенья Гордѣй Евстратичъ еще сгонялъ въ городъ и еще сдалъ золота. А Алена Евстратьевна живетъ себѣ да поживаетъ у милаго братца и, видимо, желанія никакого не имѣетъ убраться въ свое Верхотурье. 12-го января Татьяна Власьева была именинница. Этотъ день праздновался въ Брагинскомъ домѣ очень скромно и по старинному: наканунѣ о. Крискентъ служилъ всенощную, утромъ женщины шли въ церковь къ обѣднѣ, потомъ къ чаю собирались кой-кто изъ знакомыхъ старушекъ, съѣдали именинный пирогъ, и тѣмъ все дѣло кончалось. И на этотъ разъ все устроилось такъ же. Только послѣ обѣдни не пришли ни отъ Савинныхъ, ни отъ Колобовыхъ, что очень огорчило Татьяну Власьевну; изъ постороннихъ были только Пелагея Миневна съ Марфой Петровной да еще стрекоза Оеня. Мужчины хотѣли пріѣхать съ принска только къ вечеру, потому работа не ждала. Прибрелъ еще о. Крискентъ въ своей фіолетовой ряскѣ. За чаемъ сидѣли и калякали о разныхъ разностяхъ, главнымъ образомъ за всѣхъ говорила модная Алена Евстратьевна, которая распространялась все на счетъ настоящихъ порядковъ въ домѣ. Отецъ Крискентъ благочестиво соглашался, склонялъ голову на бокъ и шепталъ: «Да, да!»

— Баушка, вѣдь это къ намъ! — крикнула Нюша! бросаюсь къ оену.

Къ воротамъ Брагинскаго дома лихо подкатили лакированные сани становаго, заложеныя парой на отлѣтъ; въ нихъ съ Плинтусовымъ сидѣлъ мировой Липачекъ.

— Видно, къ Гордѣю Евстратычу, — сообразила Татьяна Власьева.

Всѣ женщины поспѣшили перебраться изъ парадныхъ комнатъ на половину Татьяны Власьевны; остались на своихъ мѣстахъ только о. Крискентъ да Алена Евстратьевна.

— Милости просимъ, милости просимъ, — встрѣчала въ передней Татьяна Власьева. — Только вотъ Гордѣя-то Евстратыча нѣтъ дома, еще не прїѣзжалъ съ принска...

— А мы не къ нему, а къ вамъ, Татьяна Власьева, — говорилъ Плинтусовъ, щелкая каблучками. — Нарочно прїѣхали поздравить васъ съ днемъ вашего тезоименитства.

Плинтусовъ фатовато прищурилъ свои сорочьи глаза и еще разъ щелкнулъ каблучками; Липачекъ повторилъ то же самое. Татьяна Власьева была прїятно изумлена этой неожиданностью и не знала, какъ и чѣмъ ей принять дорогихъ гостей. На этотъ разъ Алена Евстратьевна выручила ее, потому что сдумѣла занять гостей образованнымъ разговоромъ, пока готовилась закуска и раскупоривались бутылки.

«И меня, старуху, вспомнили», думала Татьяна Власьева, польщенная этимъ вниманіемъ.

— Мы еще третьяго дня сговорились ѣхать къ вамъ вмѣстѣ, — докладывалъ Плинтусовъ, выплескивая въ свою пасть первую рюмку.

— Какъ же это вы такъ надумали... Напрасно только себя беспокоили, — точно оправдывалась Татьяна Власьева. — Мы маленькіе люди...

— Ахъ, маменька, какія вы право, — жеманно возражала Алена Евстратьевна, совсѣмъ сконфуженная незнаніемъ Татьяны Власьевны свѣтскихъ приличій. — Это вездѣ такъ принято въ порядочномъ обществѣ...

Плинтусовъ и Липачекъ не успѣли выпить по второй рюмкѣ, какъ подкатилъ на своемъ сѣромъ Шабалинѣ, а вслѣдъ за нимъ Пятковъ. Словомъ, гостей набрался полонъ домъ.

— Вотъ мы и поздравимъ старушку соборне, — кричалъ Вукозь Логиничъ, хлопая Татьяну Власьевну по плечу. — Такъ, вѣдь, о. Крискентъ?.. Я хоть и не вашей вѣры, а выпить вмѣстѣ не прочь...

Всѣ наперерывъ старались выразить свое уваженіе не только Татьянѣ Власьевнѣ, но и Алени Евстратьевнѣ. Даже неразговорчивый Липачекъ, и тотъ повторялъ каждое слово Плинтусова.

— Вѣдь ихъ надо будетъ оставить обѣдать, — соображала Татьяна Власьевна, считая гостей по пальцамъ. — Охъ, горе мое, а у насъ и страшни никакой не заведено!..

Но Алена Евстратьевна успокоила маменьку, объяснивъ, что принято только поздравить за закуской и убираться во свояси. Пирогъ будетъ — и довольно. Такъ и сдѣлали. Когда пріѣхалъ съ принска Гордѣй Евстратычъ съ сыновьями, всѣ уже были навеселѣ порядкомъ, даже Нилъ Поликарпычъ Пятовъ, бесѣдовавшій съ о. Крискентомъ о спасеніи души. Однимъ словомъ, именины Татьяны Власьевны отпраздновались самымъ торжественнымъ образомъ, и только конецъ этого пиршества былъ омраченъ ссорой Нила Поликарпыча съ о. Крискентомъ.

Дѣло вышло изъ-за церковнаго старства. О. Крискентъ политично завелъ разговоръ на тему, что Нилъ Поликарпычъ уже поработалъ въ свою долю на домъ Божій и имѣетъ полное право теперь отдохнуть.

— Надо и другимъ въ свою долю поработать, Нилъ Поликарпычъ, — пояснилъ свою мысль о. Крискентъ съ вкрадчивой улыбкой.

— Не пойму я васъ что-то, отецъ Крискентъ...

— А очень просто... Мы выберемъ въ старосты Гордѣя Евстратыча, пусть его постарается для Бога.

— А... такъ вы вотъ какъ, отецъ Крискентъ!.. Значить, вамъ не служба дорогá, а деньги...

И пошелъ, и пошелъ. Старикъ не на шутку разгорячился и даже покраснѣлъ. Бѣдный о. Крискентъ весь съежился и лепеталъ что-то такое несообразное въ свое оправданіе. Даже Липачекъ и Плинтусовъ не могли унять расходившагося старика...

— Правду, видно, старинные люди сказывали, — кричалъ Нилъ Поликарпычъ, горячась и размахивая руками: — что-молъ прежде сосуды по церквамъ были деревянные, да попы золотые, а нынче сосуды стали золотые, такъ попы деревянные...

Отецъ Крискентъ обидѣлся въ свою очередь на такое оскорбленіе; Гордѣй Евстратычъ хотѣлъ помирить своихъ гостей, но это вмѣшательство окончательно взбѣсило Нила Поликарпыча.

— Нѣтъ, Гордѣй Евстратычъ, видно, намъ не приходится

водить съ вами компанію...—заявилъ Пятковъ, хватаясь за шапку.
—Вы богатые стали, лучше насъ найдете.

— Что вы, Нилъ Поликарпычъ, батюшка... — заголосила Татьяна Власьевна, удерживая Нила Поликарпыча за руку.— Отецъ Крискенты!.. Нилъ Поликарпычъ!..

— Мамынька, оставь!..—грозно приказалъ Гордѣй Евстратычъ.

Изъ старыхъ друзей остались только о. Крискентъ да Пазухины... Вотъ тебѣ и «баушкины именины», — нечего сказать отпраздновали!..

Д. МАМИНЪ.

ОСАДА ЛОНДОНА

Повѣсть въ двухъ частяхъ, сочин. Генри Джемса-младшаго.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Почтенный занавѣсъ «Comédie-Française» упалъ послѣ перваго акта пьесы, и наши пріатели американцы, пользуясь антрактомъ для осмотра фойе, вышли вмѣстѣ со всею публикою партера. Но они раньше другихъ вернулись на свои мѣста и занялись, до поднятія занавѣса, разглядываніемъ зала, которое было только-что украшено фресками съ сюжетами, заимствованными изъ классической драмы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ публика въ парижскихъ театрахъ сравнительно немногочисленна, а въ этотъ вечеръ вдобавокъ давалась драма Эмиля Ожье: *L'Aventurière* — вещь довольно заигранная. Многія ложи были пусты, другія заняты провинціалами или иностранцами. Ложи отдалены отъ сцены, близъ которой помѣщались наши пріатели, но даже и на этомъ разстояніи Рупертъ Уотервилъ могъ разглядѣть хорошо лица. А онъ любилъ это занятіе и, когда бывалъ въ театрѣ, то всегда внимательно наблюдалъ за всѣмъ окружающимъ, съ помощью небольшого, но замѣчательно сильнаго бинокля. Онъ зналъ, что такая манера не вполне прилична, и что нежелательно направлять на дамъ орудіе, зачастую столь же убійственное какъ и двухствольный пистолетъ; но онъ былъ ужасно любопытенъ и кромѣ того рассчитывалъ, что въ настоящемъ случаѣ, когда давалась допотопная пьеса — такъ ему угодно было величать мастерское произведеніе академика — онъ не рискуетъ встрѣтить

въ театрѣ знакомыхъ. Поэтому, стоя спиною къ сценѣ, онъ оглядывалъ всѣ ложи, — занятіе, которому, впрочемъ, предавались рядомъ съ нимъ еще нѣсколько лицъ и даже съ большей безцеремонностью, нежели онъ.

— Ни одной хорошенькой женщины, — замѣтилъ онъ наконецъ своему пріятелю, на что послѣдній, — его звали Литльморъ, и онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, уставясь глазами съ скучающимъ видомъ въ подновленную занавѣсъ, — отвѣчалъ молчаніемъ. Онъ рѣдко прибѣгалъ къ биноклю; много разъ и по долгу живя въ Парижѣ, онъ пересталъ интересоваться имъ и удивляться тому, что въ немъ видѣлъ. Онъ считалъ, что французская столица больше не можетъ показать ему что-либо неожиданное, хотя въ прежнее время это случалось нерѣдко. Но Уотервилъ еще не пережилъ періода сюрпризовъ, а потому и теперь внезапно оживился.

— Клянусь Юпитеромъ! — вскричалъ онъ, — я долженъ извиниться, если не передъ вами, то передъ ней... да! въ залѣ есть одна женщина, которую можно назвать... — онъ помолчалъ съ минутою, разглядывая ее... — въ своемъ родѣ красавицей!

— Въ какомъ родѣ? — спросилъ вяло Литльморъ.

— Въ необыкновенномъ, въ неописанномъ родѣ.

Литльморъ ничего не сказалъ, но пріятель его продолжалъ:

— Знаете, я попрошу васъ объ одномъ одолженіи.

— Я уже сдѣлалъ вамъ одолженіе, пріидя сюда, — отвѣчалъ Литльморъ. — Здѣсь нестерпимо жарко, а представленіе напоминаетъ обѣдъ, изготовленный поваренкомъ. Всѣ актеры — «подставные».

— Я попрошу васъ сказать мнѣ только одно: порядочная это женщина, или нѣтъ? — продолжалъ Уотервилъ, не обращая вниманія на эпиграмму своего пріятеля.

Литльморъ проворчалъ, не оборачивая головы. — Вамъ вѣрно нужно знать, порядочны онѣ, или нѣтъ. Какое вамъ до этого дѣло?

— Мнѣ случалось такъ жестоко ошибаться... я потерялъ къ нимъ всякое довѣріе, — отвѣчалъ бѣдный Уотервилъ; для него европейская цивилизація все еще не перестала быть новинкой, и въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ онъ паланивался на загадки, дотошъ ему невѣдомыя. Когда онъ встрѣчалъ приличную на видъ женщину, то былъ увѣренъ, что въ концѣ-концовъ она окажется какъ разъ въѣ того сорта женщины, какъ и героиня драмы Ожѣ; если же его вниманіе привлекала особа нѣсколько двусмысленнаго вида, то съ большимъ вѣроятіемъ можно было предположить, что на повѣрку выйдетъ, что она графиня. Графини каза-

лись такими легкомысленными, а тѣ, другія, такими солидными. Между тѣмъ его пріятель, Литльморъ, распознавалъ ихъ по первому взгляду; онъ никогда не ошибался.

— Вѣдь отъ того, что я на нихъ гляжу, имъ ничего, я думаю, не сдѣлается, — безхитростно отвѣчалъ Уотервиль, на циническій отчасти вопросъ своего пріятеля.

— Вы глядите на всѣхъ женщинъ безразлично, — продолжалъ Литльморъ, все еще не двигаясь, — но стоитъ мнѣ только объявить, что онѣ не изъ числа порядочныхъ, какъ ваше вниманіе удесителится.

— Если вы скажете, что эта дама не порядочная, — обѣщаю вамъ, что больше ни разу не взгляну на нее. Я говорю о той, что сидитъ въ третьей ложѣ отъ прохода, въ бѣломъ платьѣ съ красными цвѣтами, — прибавилъ онъ въ то время — какъ Литльморъ вставалъ съ мѣста. — Рядомъ съ нею молодой человѣкъ. Вотъ онъ-то и заставляетъ меня усомниться въ ея порядочности. Хотите бинокль?

Литльморъ разсѣянно поглядѣлъ въ указанномъ направленіи.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я хорошо вижу и безъ бинокля. Молодой человѣкъ — вполне порядочный молодой человѣкъ, — прибавилъ онъ черезъ секунду.

— Безъ сомнѣнія, но онъ гораздо моложе ея. Подождите, пока она повернетъ голову.

И дѣйствительно сказавъ нѣсколько словъ театральной прислугѣ, она повернулась лицомъ къ публикѣ, при чемъ оказалось, что лице у нея очень красивое, съ правильными очертаніями, смѣющимися глазами, улыбающимся рѣтикомъ, и обрамлено кудрями черныхъ волосъ, низко спускавшихся на лобъ. Въ ушахъ сверкали брилліанты, на столько крупные, что ихъ можно было замѣтить съ противоположнаго конца театра. Литльморъ поглядѣлъ на нее и вдругъ проговорилъ:

— Дайте сюда бинокль.

— Вы знаете ее? — спросилъ его товарищъ, подавая ему бинокль.

Литльморъ не отвѣчалъ. Онъ молча глядѣлъ, затѣмъ возвратилъ бинокль.

— Нѣтъ, она не порядочная женщина, — сказалъ онъ, и усѣлся въ креслѣ. — А такъ какъ Уотервиль продолжалъ стоять, то онъ ему замѣтилъ:

— Пожалуйста садьте. Мнѣ кажется, она меня увидѣла.

— Развѣ вамъ нежелательно, чтобы она васъ увидѣла?

Литльморъ колебался.

— Я не хочу мѣшать ей.

Тѣмъ временемъ антрактъ уже кончился, и занавѣсъ снова поднялся.

Уотервилъ затащилъ своего пріятеля въ театръ. Литльморъ, человѣкъ тяжелый на подъемъ, находилъ, что лучше было бы провести сегодняшний теплый, чудесный вечеръ, сидя у дверей кофейни въ какой-нибудь приличной части бульвара. Между тѣмъ, и самъ Рупертъ Уотервилъ нашелъ, что второй актъ еще скучнѣе перваго, довольно утомительнаго. Онъ уже про себя раздумывалъ, неужели его товарищъ пожелаетъ оставаться до конца — дума правдая, потому что Литльморъ, разъ попавши въ театръ, благодаря своей косности, разумѣется, не захочетъ уходить. Въѣстъ съ тѣмъ Уотервилу хотѣлось знать, что такое извѣстно его пріятелю о дамѣ въ ложѣ. Разъ, другой взглянувъ на него, онъ замѣтилъ, что Литльморъ не слѣдитъ за представленіемъ. Онъ думалъ о чемъ-то другомъ; онъ думалъ объ этой женщинѣ. Когда занавѣсъ упалъ, онъ остался сидѣть въ креслахъ, подбирая свои длинныя ноги, чтобы очистить мѣсто для своихъ сосѣдей. Когда оба они остались одни въ креслахъ, Литльморъ оказалъ:

— А я, знаете ли, былъ бы не прочь опять взглянуть на нее.

Онъ говорилъ такъ, какъ еслибы Уотервилу было все о ней извѣстно. Уотервилъ же, сознавая, что онъ ровно ничего не знаетъ, но въѣстъ съ тѣмъ догадывался, что тутъ исторія должна быть прелюбопытная, считалъ, что ничего не проиграетъ, если до поры до времени удержится отъ разспросовъ.

Поэтому онъ пока придержалъ языкъ и только сказалъ:

— Вотъ бинокль.

Литльморъ поглядѣлъ на него съ добродушнымъ состраданіемъ.

— Я вовсе не хотѣлъ сказать, что желаю глазѣть на нее черезъ эту дурацкую штуку. Я хочу сказать, что желалъ бы повидаться съ нею... какъ въ былое время, когда мы съ нею часто видались.

— А гдѣ это вы съ нею видались? — спросилъ Уотервилъ, не выдержавъ характера.

— На площади въ Санъ-Діего.

И такъ какъ его собесѣдникъ только выпучилъ глаза при этомъ извѣстіи, то онъ продолжалъ:

— Пойдемте куда-нибудь, гдѣ не такъ душно, и я вамъ расскажу кое-что.

Они направились къ узкой и низкой двери, болѣе пригодной для кѣтки съ кроликами, нежели для большого театра; она вела изъ партера въ сѣни, и такъ какъ Литльморъ прошелъ впередъ, то его навзничъ другъ могъ видѣть, что онъ оглянулся на ложу, гдѣ сидѣла занимавшая ихъ парочка. Самая интересная личность изъ двухъ повернулась въ эту минуту спиной къ загѣ, выходя изъ ложи, вслѣдъ за своимъ спутникомъ. Но такъ какъ она не надѣла мантильи, то можно было заключить, что они еще не уходятъ изъ театра. Стремленіе Литльмора подышать чистымъ воздухомъ не вывело его однако на улицу. Онъ взялъ подъ руку Уотервилля и, когда они дошли до красивой лѣстницы, которая ведетъ въ фойе, онъ молча сталъ подниматься по ней. Литльморъ былъ противникъ всякаго передвиженія, и Уотервилль подумалъ, что онъ идетъ загѣмъ, чтобы увидѣть лѣди, квалифицированную имъ однимъ краткимъ словомъ. Молодой человѣкъ рѣшился воздерживаться пока отъ вопросовъ, и они вошли въ блестящій салонъ, гдѣ дѣнная статуя Вольтера, работы Гудона, отражается въ дюжины зеркала. Уотервилль зналъ, что Вольтеръ былъ остроумный человѣкъ, онъ прочиталъ *Кандида* и уже нѣсколько разъ видѣлъ статую. Въ фойе было не тѣсно; рѣдкія группы разсѣялись по блестящему паркету, другія размѣстились на балконѣ, выходящемъ на Палероньскій северъ. Окна были открыты; блестящіе огни Парижа дѣлали душной вечерній вечеръ похожимъ на канунъ революціи; шумъ голосовъ долеталъ съ улицы и даже въ самомъ фойе слышенъ былъ стукъ лошадиныхъ копытъ и колесъ натившихся по гладкому, твердому асфальту. Лѣди и джентльмены, оборотившись спиной къ нашимъ пріятелямъ, стояли передъ изображеніемъ Вольтера; лѣди были одѣты въ бѣломъ, до шляпки включительно. Литльморъ почувствовалъ, какъ и многіе другіе раньше его, что атмосфера, окружающая ихъ—особенная, парижская, и таинственно разсмѣялся.

— Какъ-то смѣшно видѣть ее здѣсь! Въ послѣдній разъ я съ ней видѣлся въ Новой-Мексикѣ.

— Въ Новой-Мексикѣ?

— Въ Санъ-Діего.

— О! это на той площади,—сообразилъ Уотервилль.

До этой минуты онъ не зналъ хорошенько, гдѣ находится Санъ-Діего. Хотя въ качествѣ недавно исеченнаго дипломата, причисленнаго къ американской миссіи въ Лондонѣ, онъ и принялся за изученіе географіи Европы, но къ отечественной относился довольно небрежно.

Они говорили не громко и стояли не близко отъ нея; но

вдругъ люди въ бѣломъ услышала ихъ и повернулась къ нимъ. Глаза ея прежде всего встрѣтились съ глазами Уотервила, и этотъ взглядъ далъ ему понять, что если она и слышала ихъ слова, то не потому, чтобы они были громко сказаны, а потому, что у нея былъ чрезвычайно тонкій слухъ. Сначала взглядъ ея былъ равнодушный, какъ у человѣка, который глядитъ на совершенно незнакомое ему лицо. Даже на Джоржа Литльмора она поглядѣла какъ на незнакомца. Но еще минута, и она узнала его; щеки ея вспыхнули, а улыбка, повидимому никогда не сходявшая съ ея лица, обозначилась еще рѣзче. Она совсѣмъ повернулась къ нимъ, вся фигура ея выражала привѣтливость, губы раскрылись, рука, въ перчаткѣ до самаго локтя, почти повелительно протянулась впередъ. Вблизи она казалась еще красивѣе, чѣмъ издали. — Вотъ удивительно! — воскликнула она такъ громко, что всѣ въ залѣ оглянулись на нее. Уотервилъ совершенно изумился: даже послѣ того, какъ ему было сообщено о свиданіи на площади, онъ не предполагалъ, что она американка. Ея спутникъ тоже повернулся, слышавъ ея возгласъ. То былъ краснощекій, худощавый молодой человѣкъ, во фракѣ; руки его были засунуты въ карманы. Уотервилъ подумалъ, что ужъ онъ-то ни въ какомъ случаѣ не американецъ. Юноша казался необыкновенно солиднымъ для такого красиваго, щеголеватаго молодого человѣка, и поглядѣлъ на Уотервила и Литльмора нѣсколько свысока, хотя и не превосходилъ ихъ ростомъ. Затѣмъ снова повернулся къ статуѣ Вольтера, показывая тѣмъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до того, что дама, которой онъ сопутствуетъ, пожелаетъ привѣтствовать людей, которыхъ онъ не знаетъ, да пожалуй и не желаетъ знать. Это тоже какъ бы подтверждало заявленіе Литльмора, что она не порядочная. Но молодой человѣкъ былъ порядочный съ головы до ногъ.

— Откуда вы взялись? — спросила дама.

— Я уже нѣсколько времени какъ живу здѣсь, — отвѣчалъ Литльморъ, рѣшительно выступая впередъ, чтобы пожать ей руку. Онъ слегка улыбался, но былъ серьезнѣе, чѣмъ она. Онъ пристально глядѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, какъ будто бы считалъ ее нѣсколько опаснымъ созданіемъ. Такъ подходитъ къ красивымъ, граціознымъ животнымъ, за которыми водится мавера порою кусаться.

— Здѣсь, въ Парижѣ, хотите вы сказать?

— Нѣтъ; и тамъ и сямъ; въ Европѣ вообще...

— Какъ странно, что я до сихъ поръ васъ нигдѣ не встрѣчала.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда! — замѣтилъ Литльморъ. Улыбка его была нѣсколько принужденная.

— Вы очень поправились, — продолжала леди.

— Да и вы тоже... или, вѣрнѣе сказать, похорошѣли, — отвѣчалъ Литльморъ, смѣясь и стараясь быть развязнымъ. — Кажется, что, встрѣтивъ ее лицомъ къ лицу, послѣ большого промежутка времени, онъ нашелъ ее болѣе привлекательной, чѣмъ она казалась ему, когда онъ глядѣлъ на нее изъ кресла и рѣшился выйти и возобновить съ ней знакомство. Пока онъ говорилъ, молодой человѣкъ, бывшій съ ней, оставилъ соверданіе Вольтера и, обернувшись, слушалъ равнодушно, не удостоивая взглядомъ ни Литльмора, ни Уотервилья.

— Позвольте познакомить васъ, — сказала она. — Сэръ Артуръ Дименъ, м-ръ Литльморъ. М-ръ Литльморъ — сэръ Артуръ Дименъ. Сэръ Артуръ Дименъ англичанинъ; м-ръ Литльморъ — мой соотечественникъ, старинный знакомый. Я много лѣтъ не видала его... Позвольте, сколько именно? Ну ужъ лучше не считать! Я удивляюсь, какъ вы меня узнали, — продолжала она, обращаясь къ Литльмору. — Я такъ страшно измѣнилась.

Все это было сказано весело и громко и звучало особенно отчетливо отъ безпечной медленности, съ какой она говорила. Мужчины, во вниманіе къ ея представленію, обмѣнялись молча взглядомъ; англичанинъ при этомъ чуть-чуть покраснѣлъ. Онъ былъ очень чопорный человѣкъ.

— Мнѣ рѣдко приходится знакомить васъ съ кѣмъ-нибудь, — замѣтила она.

— О! я ничего не имѣю противъ этого, — отвѣчалъ сэръ Артуръ Дименъ.

— Нѣтъ, но какъ право странно мнѣ видѣть васъ! — воскликнула она, снова взглянувъ на Литльмора. — Вы тоже перемѣнились, это замѣтно.

— Но только не въ отношеніи къ вамъ.

— Вотъ въ этомъ-то я и желала бы убѣдиться. Почему вы не представите мнѣ вашего пріятеля? Я вижу, что онъ спорахъ желаніемъ познакомиться со мной!

Литльморъ приступилъ къ этой церемоніи, упрощая ее до послѣдней степени, и только взглянувъ на Рунерта Уотервилья, пробормотавъ его имя.

— Но вы не сказали ему моего фамиліи, — воскликнула леди

въ то время, какъ Уотервилъ отвѣсилъ церемонный поклонъ. — Надѣюсь, что вы не забыли ее.

Литльморъ бросилъ на нее болѣе многозначительный взглядъ, чѣмъ то позволялъ себѣ до сихъ поръ; еслибы перевести его смыслъ словами, то это значило бы: — «Да, но *какую* именно фамилію назову я?»

Она отвѣчала на этотъ молчаливый вопросъ, протянувъ руку Уотервилу и говоря: — Очень рада съ вами познакомиться, м-ръ Уотервилъ. Я миссисъ Гедвей; быть можетъ, вы слышали про меня. Если вы жили въ Америкѣ, то должны были про меня слышать. Не въ Нью-Йоркѣ, конечно, но въ западныхъ городахъ. Вы американецъ? Ну, значить мы всё здѣсь соотечественники... кромѣ сэра Артура Димена. Позвольте мнѣ познакомиться васъ съ сэромъ Артуромъ. Сэръ Артуръ Дименъ — м-ръ Уотервилъ; м-ръ Уотервилъ, сэръ Артуръ Дименъ. Сэръ Артуръ Дименъ — членъ парламента; не правда ли, что онъ слишкомъ молодъ для этого?

Она подождала отвѣта на этотъ вопросъ и задала новый, поправляя браслеты на своихъ длинныхъ перчаткахъ. — М-ръ Литльморъ, о чемъ вы думаете?

Онъ думалъ о томъ, что должно быть дѣйствительно позабылъ ее фамилію, такъ какъ ему казалось, что онъ впервые слышитъ ту, которую она назвала. Но онъ, конечно, не могъ сказать ей этого.

— Я думаю о Санъ-Діего.

— О площади, на которой жила сестра. О, не думайте объ этомъ. Тамъ было такъ гадко. Сестра уже уѣхала изъ Санъ-Діего; кажется, всё оттуда уѣхали.

Сэръ Артуръ Дименъ вынулъ часы, съ видомъ человѣка, которому нѣтъ дѣла до этихъ домашнихъ воспоминаній; въ немъ повидимому постоянно боролась національная самоуверенность съ индивидуальной застенчивостью. Онъ сказалъ что-то о томъ, что пора вернуться въ ложу, но миссисъ Гедвей не обратила вниманія на это замѣчаніе. Уотервилу хотѣлось, чтобы она еще побывала съ ними. Ему думалось, когда онъ глядѣлъ на нее, что онъ видитъ прелестную картинку. Ея волосы густые и волнистые были того чернаго цвѣта, который теперь рѣдко попадается; кожа ея была нѣжна, какъ цвѣтокъ, а профиль, когда она поворачивала голову, былъ такъ же тоновъ и правильнѣе, какъ у камен.

— Вы знаете, что это самый первый театръ въ Парижѣ, —

сказала она, обращаясь къ Уотервиллю и очевидно желая быть любезной.—А это—Вольтеръ, знаменитый писатель.

— Я усердный посѣтитель «Comédie Française»,—отвѣчалъ Уотервиль, улыбаясь.

— Очень дурно устроенъ театръ, — замѣтилъ сэръ Артуръ, — мы не слышали ни одного слова.

— Ахъ, да! ложь!—пробормоталъ Уотервиль.

— Я нѣсколько разочарована, — выѣхалась миссисъ Гедвей.— Но мнѣ хочется знать, что станетъ съ этой женщиной?

— Съ доньей Клориндой? О, они, вѣроятно, застрѣлятъ ее; они вообще застрѣливаютъ женщинъ во французскихъ комедіяхъ, — сказалъ Литльморъ.

— Это напомнить мнѣ Санъ-Діего! — воскричала миссисъ Гедвей.

— Ахъ! въ Санъ-Діего наоборотъ—женщины стрѣляютъ.

— Но онѣ, кажется, не убили васъ! — замѣтила шутливо миссисъ Гедвей.

— Нѣтъ; но я весь покрытъ ранами.

— Ну, хорошо, хорошо!.. а вотъ это—замѣчательное произведеніе,—обратилась леди къ работѣ Гудона. — Статуя удивительно выѣшлена.

— Вы, быть можетъ, читаете Вольтера, — осмѣдомился Литльморъ.

— Нѣтъ; но я купила его сочиненія.

— Это не совсѣмъ приличное чтеніе для дамъ, — строго произнесъ молодой англичанинъ, подавая руку миссисъ Гедвей.

— Ахъ! вы бы сказали мнѣ объ этомъ раньше, чѣмъ я ихъ купила, — воскликнула она съ преувеличенной досадой.

— Я не могъ вообразить, что вы купите сто пятьдесятъ томовъ.

— Сто-пятьдесятъ? Я купила только два.

— Быть можетъ, два тома вамъ не повредятъ, — замѣтилъ Литльморъ съ улыбкой.

Она бросила на него укоризненный взглядъ.

— Я знаю, что вы хотите этимъ сказать, — что я уже и безъ того испорчена! Хорошо, но хоть я и испорчена, а все-таки вы должны навѣстить меня.

И она назвала гостиницу, гдѣ стояла, уходя подъ руку съ своимъ англичаниномъ. Уотервиль не безъ интереса поглядѣлъ ему вслѣдъ; онъ слышалъ о немъ въ Лондонѣ и видѣлъ его портретъ въ «Vanity Fair».

Идти въ залу было еще рано, вопреки увѣренію англича-

нина, а потому Литльморъ и его пріятель перешли на балконъ фойе.

— Гедвей! Гедвей! откуда, чортъ возьми, она добыла себѣ эту фамилію? — вопрошалъ Литльморъ, вглядываясь въ оживленную темноту.

— Отъ своего мужа, полагаю, — предположилъ Уотервиль.

— Отъ своего мужа? отъ котораго? послѣдняго звали Бекъ.

— Сколько же у ней было мужей? — освѣдомился Уотервиль, торопясь узнать, въ какомъ смыслѣ миссисъ Гедвей не порядочная женщина.

— Не имѣю объ этомъ ни малѣйшаго понятія. Но думаю, что это не трудно узнать, такъ какъ они всѣ, вѣроятно, еще живы. Ее звали миссисъ Бекъ... Нанси Бекъ... когда я зналъ ее.

Литльморъ сознавался, впрочемъ, что теперешнее ея положеніе все-таки для него совершенно не ясно. Знакомство его съ нею относилось къ той эпохѣ, когда онъ проживалъ въ западныхъ штатахъ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ ее шесть лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ коротко съ ней знакомъ во многихъ городахъ; сфера ея дѣятельности была по преимуществу на юго-западѣ. Дѣятельность эта была довольно неопредѣленнаго характера, кромѣ развѣ того пункта, что была всегда исключительно общественная; говорили, что у ней есть мужъ, нѣкто Филадельфъ Бекъ, издатель демократической газеты «Стражъ Дакоты»; но Литльморъ никогда не видѣлъ его; они жили врозь, и въ Санъ-Діего ходили слухи, что бракъ мистера и миссисъ Бекъ долженъ быть расторгнутъ. Онъ припоминаетъ теперь, что слышалъ впоследствии, будто она развелась съ мужемъ. Она легко добывала себѣ разводъ, потому что была очень краснорѣчива въ судѣ. Она уже передъ тѣмъ развелась съ однимъ мужемъ, имени котораго онъ не припомнить, и носился слухъ, что и тотъ также не былъ первымъ ея мужемъ. Она много разъ разводилась! Когда онъ впервые встрѣтился съ ней въ Калифорніи, она называлась миссисъ Гренвиль, но дала ему понять, что зовется такъ не по мужу, — что это ея дѣвическая фамилія, которую она снова приняла послѣ несчастнаго замужества, окончившагося разводомъ. Эти эпизоды часто повторялись; — всѣ ея браки были несчастливы, и она перемѣнила дюжину фамилій. Она была очаровательная женщина, въ особенности для Новой - Мексики; но слишкомъ ужъ часто разводилась.

Въ Санъ-Діего она жила съ сестрой, тогдашній мужъ которой (та тоже много разъ была разведена), держалъ банкъ (съ помощью шестиствольнаго револьвера) и не допускалъ, чтобы Нанси

оставалась безъ убѣжища въ безбрачные періоды. Нанси начала жить спозаранку; теперь ей должно было быть около тридцатисеми лѣтъ. Вотъ все, что онъ подразумѣвалъ, говоря, что она не порядочная женщина. Хронологія во всякомъ случаѣ спутанная; по крайней мѣрѣ ея сестра говорила ему однажды, что одну зиму она сама не знала, кто мужъ Нанси. Она большею частью водилась съ издателями, должно быть изъ уваженія къ журнальной дѣятельности. Всѣ они, вѣроятно, были страшные грубіяны, такъ какъ сама она, очевидно, воплощенная любезность. Само собой разумѣется, что все, что она ни дѣлала, она дѣлала изъ чувства самосохраненія. Но похощеній у нея было много—это фактъ! Она была очень хороша собой, очень мила и вполне благовоспитана для той мѣстности. Она была настоящій продуктъ дальняго запада, цвѣтокъ, выросшій на равнинахъ Тихаго океана: невѣжественная, отважная, нахальная, но не лишенная природнаго ума, даже остроумія, и нѣкотораго прирожденнаго вкуса къ изящному. Она говорила обыкновенно, что ей нужно только, чтобы случай ей поблагопріятствовалъ; очевидно, что такой случай ей теперь представился. Одно время Литльмору такъ тяжело жилось, что, кажется, не будь ее, ему бы и не выжить. Онъ занимался скотоводствомъ, и Санъ-Діего былъ ближайшимъ отъ него городомъ, куда онъ пріѣзжалъ, чтобы видѣться съ нею. Иногда онъ проживалъ съ нею по цѣлымъ недѣлямъ, и тогда ходилъ на свиданія съ нею на площадь. Она всегда была привлекательна и почти такъ же хорошо одѣта, какъ и теперь. Что касается наружности, то ее и тогда можно было во всякую минуту перенести на берега Сены, и она была бы тамъ на своемъ мѣстѣ.

— Между этими западными американками попадаются удивительные экземпляры, — продолжалъ Литльморъ. — Подобно ей, имъ нуженъ только случай.

Онъ никогда не былъ въ нее влюбленъ; о любви между ними не было и рѣчи. Не потому, чтобы этого не могло быть, но такъ какъ-то, не случалось. Гедвей былъ, вѣроятно, преемникомъ Бека. Можетъ быть, въ промежуткѣ были и другіе. Она занимала видное мѣсто въ своемъ муравейникѣ (мѣстные газеты, издатели которыхъ не были ея мужьями, называли ее обыкновенно «изящная и прелестная миссисъ Бекъ») — хотя въ этой обширной части свѣта муравейникъ былъ великъ. Она тогда ничего не знала о востокѣ и въ ту эпоху не бывала еще ни разу въ Нью-Йоркѣ. Многое могло произойти въ эти шесть лѣтъ; несомнѣнно, что она «составила карьеру». — Западъ присылаетъ намъ всѣ свои произведенія (Литльморъ говорилъ, какъ житель Нью-Йорка);

безъ сомнѣнія онъ будетъ присылать намъ наконецъ и блестящихъ женщинъ. Эта маленькая женщина уже и тогда простирала свои мечты за предѣлы Нью-Йорка. Даже въ ту пору она думала и толковала о Парижѣ, который тогда для нея казался недоступнымъ. Но у нея были свои честолюбивые планы и предчувствія. Уже находясь въ Сан-Діего, она предвидѣла сѣра Артура. По временамъ на ея горизонтѣ появлялись путешествующіе англичане. Не всѣ они были баронеты и члены парламента, но служили пріятнымъ отдыхомъ отъ издателей. — Ему любопытно поглядѣть, что она намѣрена дѣлать съ своимъ теперешнимъ пріобрѣтеніемъ. Она по всей вѣроятности дѣлаетъ его счастливымъ, если только онъ способенъ ощущать счастье, чего по виду сказать нельзя. Она, кажется, въ блестящихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Гедвей, должно быть, оставилъ ей состояніе. Она отъ постороннихъ не брала денегъ; онъ почти увѣренъ, что не брала.

Идучи въ кресла, Литльморъ, говорившій въ юмористическомъ тонѣ, но съ отбѣнкомъ той, задушевности, которая всегда неразлучна съ воспоминаніемъ о прошломъ, внезапно расхохотался.

— И подумать только, что она толкуетъ про лѣпку статуй и про Вольтера! — воскликнулъ онъ, припоминая ея слова. — Мнѣ смѣшно слышать ея разсужденія о такихъ вещахъ. Въ Новой-Мексикѣ, она и не слыхивала про лѣпку статуй.

— Она не показалась мнѣ аффектированной, — замѣтилъ Уотервилль, чувствовавшій смутное желаніе заступиться за нее.

— О, нѣтъ; она только страшно перемѣнилась, выражаясь ея словами.

Они уже усѣлись въ креслахъ, а занавѣсь все еще не поднималась, и они снова взглянули на ложу миссисъ Гедвей. Она откинулась на спинку стула и обмахивалась вѣеромъ, очевидно наблюдая за Литльморомъ и какъ будто ожидая, что онъ придетъ къ ней въ ложу. Сѣръ Артуръ Дименъ сидѣлъ возлѣ нея, нѣсколько мрачный, упираясь розовой, круглой щекой въ высокій туго накрахмаленный воротничекъ рубашки. Они другъ съ другомъ не разговаривали.

— Увѣрены ли вы въ томъ, что она дѣлаетъ его счастливымъ? — спросилъ Уотервилль.

— Да; у этихъ людей всегда такая мина, когда они счастливы.

— Но какимъ образомъ она выѣзжаетъ съ нимъ вдвоемъ? Гдѣ же ея мужъ?

— Вѣроятно, она развелась съ нимъ.

— И хочеть видти замужь за баронета?—спросилъ Уотервиль, какъ будто его товарищъ былъ всевѣдущъ.

— Онъ, думаю, желаетъ на ней жениться.

— Чтобы она развелась съ нимъ, какъ и съ другими.

— О, нѣтъ; на этотъ разъ она нашла то, что ей нужно,—сказалъ Литльморъ въ то время, какъ занавѣсъ поднялся.

Литльморъ пропустилъ три дня, прежде чѣмъ идти въ отель Мэрисъ, куда его пригласила миссисъ Гервей, и мы должны воспользоваться этимъ промежуткомъ времени, чтобы дополнить исторію, слышанную изъ его собственныхъ устъ. Пребываніе Джоржа Литльмора на дальнемъ западѣ объясняется обычнымъ въ этомъ случаѣ способомъ: онъ отправился туда, чтобы поправить свои денежные обстоятельства, разстроенныя безалаберной жизнью. Его первыя попытки были неудачны. Прошли уже тѣ дни, когда молодому человѣку легко было нажить состояніе, хотя бы даже онъ и унаслѣдовалъ отъ отца смышленную оборотливую, примѣняемую главнымъ образомъ къ ввозу чая—на чемъ старикъ Литльморъ нажилъ свое состояніе.

Литльморъ-сынъ промоталъ наслѣдство, но все же не могъ открыть въ себѣ никакихъ талантовъ, кромѣ безпредѣльной способности къ куренію табаку и выѣздѣ лошадей, а ни то, ни другое не принадлежало къ числу профессій, именуемыхъ либеральными. Его помѣстили въ Гарвардскую коллегію для развитія его способностей, но тамъ онъ принялъ такое направленіе, что потребовалось не поощреніе, а даже обузданіе ихъ,—и съ этою цѣлью онъ былъ отправленъ въ одно изъ селеній долины Коннектикута. Исключеніе изъ университета, быть можетъ, спасло его въ томъ смыслѣ, что убило въ немъ честолюбіе, которому не было предѣловъ. Въ тридцать лѣтъ Литльморъ не усвоилъ себѣ еще ни одного полезнаго искусства, если не считать въ томъ числѣ апатіи. Но его вывела изъ такой апатіи неожиданная и крупная удача. Чтобы выручить пріятеля, еще сильнѣе нуждавшагося въ деньгахъ, нежели онъ самъ, онъ купилъ за умѣренную сумму (результатъ карточного выигрыша) одинъ пай въ серебряныхъ рудникахъ, которые, по чистосердечному сознанію владѣльца, не содержали вовсе этого металла. Литльморъ заглянулъ въ свой рудникъ и убѣдился въ истинѣ этого заявленія, которая, впрочемъ, была поколеблена годами двумя позже, благодаря внезапному приливу любопытства у другого пайщика. Этотъ джентльменъ, убѣжденный, что серебряный рудникъ безъ серебра такая

же рѣдкая штука, какъ и слѣдствіе безъ причинъ, открылъ присутствіе драгоцѣннаго металла въ названныхъ рудникахъ. Это открытіе было пріятно для Литльмора и послужило началомъ богатства, котораго онъ тщетно добивался много скучныхъ лѣтъ, проведенныхъ въ разныхъ скучныхъ мѣстахъ, и чего, быть можетъ, принимая во вниманіе отсутствіе въ немъ истинной практичности и дѣловитости, не вполне заслуживалъ. Съ лѣди, остановившейся въ отелѣ Мѣрисъ, онъ познакомился прежде, нежели разбогатѣлъ. Въ настоящее время ему принадлежалъ самый значительный пай въ рудникахъ, продолжавшихъ быть безумно производительными, и благодаря этому получилъ возможность въ числѣ прочаго купить въ Монтанѣ помѣстье, несравненно болѣе доходное, чѣмъ тощія пастбища близъ Санъ-Діега. Помѣстья и рудники даютъ сознаніе своей обезпеченности, и мысль, что онъ не долженъ слишкомъ зорко слѣдить за источниками своихъ доходовъ (обязательство, которое для человѣка съ его характеромъ способно все отравить) содѣйствовало усиленію въ немъ природнаго хладнокровія. Нельзя сказать, конечно, чтобы это хладнокровіе не подвергалось испытаніямъ. Начать съ перваго и главнаго: онъ потерялъ жену, проживъ съ нею всего одинъ годъ; это случилось года за три передъ тѣмъ, какъ мы съ нимъ встрѣтились. Ему было уже за сорокъ, когда онъ познакомился съ молодой двадцати-трехъ-лѣтней дѣвушкой, которая, какъ и онъ самъ, перепробовала многое въ поискахъ за счастьемъ. Она оставила ему маленькую дочь, которую онъ ввѣрилъ попеченіямъ своей единственной сестры, жены одного англійскаго сквайра и владѣлицы скучнаго парка въ Гемпширѣ. Эта лѣди, по имени миссисъ Дольфинъ, очаровала своего землевладѣльца въ время путешествія, предпринятаго имъ въ Америку для изученія учрежденій Соединенныхъ - Штатовъ. Самымъ прекраснымъ учрежденіемъ въ нихъ показались ему хорошенькія дѣвушки въ большихъ городахъ, и онъ вернулся въ Нью-Йоркъ годъ или два спустя, чтобы жениться на миссъ Дольфинъ, которая въ противность своему брату не растратила своего наслѣдства. Ея невѣстка, вышедшая замужъ за ея брата нѣсколько лѣтъ спустя и пріѣхавшая по этому случаю въ Европу, умерла въ Лондонѣ, гдѣ доктора, по ея мнѣнію, должны были быть непогрѣшными, недѣлю спустя послѣ того, какъ произвела на свѣтъ маленькую дѣвочку. Бѣдный Литльморъ, хотя и разставшійся на время съ своимъ ребенкомъ, оставался въ этихъ немилыхъ для него мѣстахъ, чтобы быть поближе къ дѣтской въ Гемпширѣ. Онъ былъ чело-
вѣкъ замѣтный, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ его волосы

и усы посѣдѣли. Онъ былъ высокъ ростомъ и крѣпко сложенъ, съ добрымъ лицомъ и небрежными манерами, казался способнымъ, но лѣнивымъ, и вообще производилъ болѣе внушительное впечатлѣніе, чѣмъ это сознавалъ. Взглядъ его былъ и проникателенъ и спокоенъ, улыбка неопредѣленная и разсѣянная, но исполнѣ искренняя. Его главное занятіе состояло въ томъ, чтобы цѣлый день ничего не дѣлать, и онъ исполнялъ это съ артистическимъ совершенствомъ. Эта способность его возбуждала настоящую зависть въ Рупертѣ Уотервилѣ, который былъ десятью годами моложе и слишкомъ честолюбивъ и озабоченъ (заботы были не важныя, но въ общей сложности мѣшали ему быть спокойнымъ), чтобы терпѣливо ждать вдохновенія. Онъ считалъ это великимъ достоинствомъ и надѣялся современемъ достичь его. Оно сообщало большую независимость человѣку; онъ находилъ ресурсы въ самомъ себѣ. Литльморъ могъ просиживать цѣлыя вечера, не говоря ни слова и не двигаясь, куря сигары и разсѣянно разглядывая свои ногти. Такъ какъ всѣ знали, что онъ добрый малый и составилъ себѣ состояніе, то такое поведеніе его не могли приписывать угрюмому нраву или тупости. Оно, повидимому, говорило о богатствѣ воспоминаній, о житейскомъ опытѣ, благодаря которому ему было надъ чѣмъ поразмыслить. Уотервиль чувствовалъ, что если онъ съ толкомъ употребить протекающіе годы и запасется опытомъ, то и ему въ сорокъ-пять лѣтъ можно будетъ на досугѣ разглядывать свои ногти.

Уотервиль считалъ такое занятіе, конечно, не въ буквальномъ, но въ переносномъ смыслѣ, признакомъ свѣтскаго человѣка. Онъ избралъ дипломатическую карьеру и былъ младшимъ изъ двухъ секретарей, составляющихъ многочисленный персоналъ сѣверо-американскаго посольства въ Лондонѣ, и въ настоящее время считался въ отпуску. Дипломату пристало быть непроницаемымъ, и хотя Уотервиль отнюдь не избралъ себѣ въ образцы Литльмора (въ дипломатическомъ лондонскомъ корпусѣ можно было найти лучшіе образцы), однако находилъ его достаточно непроницаемымъ, когда по вечерамъ въ Парижѣ онъ, на вопросъ: что онъ намѣренъ дѣлать, — отвѣчалъ, что намѣренъ ничего не дѣлать, и просиживалъ безконечное время передъ Grand-Café на бульварѣ Мадленъ (онъ очень любилъ кофе), поглощая одну за другой demi-tasses. Вѣсьма рѣдко Литльморъ удостоивалъ ходить даже въ театръ, и описанное нами посѣщеніе «Comédie-Francaise» предпринято было по настоятельной просьбѣ Уотервиля. Онъ видѣлъ «Demi-Monde» нѣсколько дней раньше, и ему сказали, что въ «Aventurière» онъ найдетъ по-

вую постановку того же самаго вопроса, а именно: достойную кару безсовѣстной женщины, старающейся провиниться въ почтенную семью. Ему казалось, что въ обоихъ случаяхъ женщины эти заслужили постигающую ихъ участь, но онъ находилъ, что было бы желательно, чтобы представители чести въ комедіи по меньше лгали. Литльморъ и онъ, не будучи коротки, были, однако, въ пріятельскихъ отношеніяхъ и проводили много времени въ обществѣ другъ друга. При существующихъ обстоятельствахъ Литльморъ былъ очень радъ, что пошелъ въ театръ, такъ какъ его очень заинтересовала новая метаморфоза Нанси Бекъ.

II.

Отсрочка визита къ Нанси была, однако, преднамѣренная: причинъ къ тому было много, хотя и не стоитъ ихъ всѣ перечислять. Когда Литльморъ, наконецъ, отправился, онъ засталъ миссисъ Гедвей дома и нисколько не удивился, увидѣвъ въ ея гостиной сѣра Артура Димена. Что-то такое неопредѣленное, носившееся въ воздухѣ, показывало, что визитъ этого джентльмена длился уже довольно долго. Литльморъ подумалъ, что, можетъ быть, своимъ появленіемъ положить ему конецъ, такъ какъ хозяйка, вѣроятно, уже успѣла сообщить Димену, что Литльморъ ея старинный и короткий знакомый. Сѣръ Артуръ Дименъ, конечно, могъ имѣть свои права и, по всей вѣроятности, имѣлъ ихъ, но тѣмъ охотнѣе могъ бы на время ступеваться. Литльморъ размышлялъ объ этомъ въ то время, какъ сѣръ Артуръ Дименъ сидѣлъ, уставившись на него, и ничѣмъ не показывалъ, что собирается уходить. Миссисъ Гедвей была очень любезна; она имѣла обыкновеніе такъ со всѣми обращаться, какъ будто бы была сто лѣтъ знакома. Она самымъ преувеличеннымъ образомъ пеняла Литльмору за то, что онъ не пришелъ къ ней раньше; но это была лишь одна изъ формъ ея вѣжливости. При дневномъ свѣтѣ она казалась нѣсколько увядшей, но у нея было такое выраженіе, которое никогда не могло завянуть. Она занимала лучшее помѣщеніе въ отелѣ, роскошное и богатое; курьеръ сидѣлъ у ней въ передней, и она, очевидно, умѣла жить. Она пыталась втянуть сѣра Артура въ разговоръ, но хотя молодой человекъ и не уходилъ, однако не вмѣшивался въ бесѣду, улыбался молча, и, очевидно, чувствовалъ себя неловко. Разговоръ поэтому вертѣлся на пустякахъ, чего прежде не бывало, когда миссисъ Гедвей видѣлась съ хорошими пріятелями. Англичанинъ глядѣлъ на Литль-

мора съ страннымъ, непріязненнымъ выраженіемъ, которое Литльморъ сначала принялъ, внутренне забавляясь тѣмъ, за ревность.

— Дорогой сэръ Артуръ, я желала бы, чтобы вы ушли, — замѣтила миссисъ Гедвей, спустя четверть часа.

Сэръ Артуръ всталъ и взялся за шляпу.

— Я думалъ быть вамъ полезнымъ, оставаясь, — отвѣтилъ онъ.

— Чтобы защищать меня отъ м-ра Литльмора? Да вѣдь я его знаю съ дѣтскихъ лѣтъ, я знаю все худшее, что онъ можетъ мнѣ сдѣлать.

Она съ очаровательной улыбкой поглядѣла на уходившаго посѣтителя и прибавила совсѣмъ неожиданно, но вполне непри-
нужденно: — Я желаю поговорить съ нимъ о моемъ прошломъ!

— Но это какъ разъ то, чтобы мнѣ было бы интересно услы-
шать, — замѣтилъ сэръ Артуръ, держась за ручку дверей.

— Мы будемъ говорить по-американски, вы бы насъ не по-
няли. — Онъ говорить въ англійскомъ стилѣ, — объяснила она
Литльмору своимъ самоувѣреннымъ тономъ, когда баронетъ, воз-
вѣстивъ, что во всякомъ случаѣ навѣдается сегодня вечеромъ,
вышелъ за дверь.

— Ему неизвѣстно ваше прошлое? — спросилъ Литльморъ,
стараясь, чтобы его вопросъ не показался слишкомъ дерзкимъ.

— О, да; я все рассказала ему; но онъ не понимаетъ. Англи-
чане такой странный народъ; мнѣ кажется, они немного тупы.
Онъ никогда не слыхалъ, чтобы женщины... — Но тутъ миссисъ
Гедвей запнулась, а Литльморъ засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь?.. Ну, да все это пустяки, — продолжала
она; — много есть на свѣтѣ такого, о чемъ эти господа и не
слыхивали. Но какъ бы то ни было, а англичане мнѣ очень
правятся; онъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ нравится. Онъ такой джентль-
менъ; вы понимаете, что я этимъ хочу сказать? Только визиты
его бываютъ слишкомъ продолжительны, и онъ не особенно за-
бавенъ. Я очень рада видѣть васъ, для перемѣны.

— Не хотите ли вы этимъ сказать, что я не джентльменъ?
— спросилъ Литльморъ.

— О, конечно, нѣтъ; вы были джентльменомъ въ Новой-
Мексикѣ. Я думаю, что одни вы и были тамъ джентльменомъ...
надѣюсь, что такимъ и остались. Вотъ почему я узнала васъ въ
тотъ вечеръ. Я бы вѣдь могла, знаете, сдѣлать видъ, что съ
вами незнакома.

— Вы и теперь это можете; еще не поздно.

— О, нѣтъ; я вовсе не того желаю. Я желаю, чтобы вы
помогли мнѣ.

— Помочь вамъ?

Миссисъ Гедвей взглянула на дверь.

— Какъ вы думаете, онъ все еще тамъ?

— Кто? Этотъ молодой человекъ? вашъ бѣдный англичанинъ?

— Нѣтъ; я говорю про Макса. Максъ — мой курьеръ, — объяснила миссисъ Гедвей съ нѣкоторой внушительностью.

— Не имѣю объ этомъ никакого понятія. Я могу поглядѣть, если желаете.

— Нѣтъ; въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы что-нибудь приказать ему, а я, право, не придумаю, чтобы такое ему приказать. Онъ сидитъ тамъ по цѣлымъ часамъ. У меня такія простыя привычки, что ему нечего у меня дѣлать; у меня нѣтъ воображенія, чтобы придумать ему работу.

— Вы чувствуете бремя величія, — сказалъ Литльморъ.

— О, да; я стала очень важная дама; но это мнѣ нравится. Я боюсь только, что Максъ насъ услышитъ. Я говорю такъ громко. Вотъ это еще, отчего я стараюсь отдѣлаться.

— Но зачѣмъ же вамъ мѣняться?

— Затѣмъ, что все перемѣнилось, — отвѣчала миссисъ Гедвей, съ легкимъ вздохомъ. — Вы слышали, что я лишилась своего мужа? — спросила она внезапно.

— Вы говорите про... гмъ! мистера?.. — и Литльморъ умолкъ съ эффектомъ, который ей, повидимому, не понравился.

— Я говорю про м-ра Гедвей, — отвѣчала она съ достоинствомъ. — Я много пережила съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись: я была замужемъ и овдовѣла, и испытала всѣя превратности судьбы.

— Вы и прежде много разъ бывали замужемъ, — рѣшился замѣтить Литльморъ.

Она глядѣла на него съ кроткой ясностью, нисколько не мѣняясь въ лицѣ. — Не такъ много, не такъ много...

— Не такъ много, какъ всѣ думали!

— Не такъ много, какъ говорили. Я забыла: была я замужемъ, когда видѣла васъ въ послѣдній разъ?

— По крайней мѣрѣ такъ говорили, — отвѣчалъ Литльморъ; — хотя я никогда не видѣлъ м-ра Бека.

— Вы не много проиграли; онъ былъ просто негодяй! мнѣ случалось дѣлать въ жизни многое, чего я сама никакъ не могла понять; не мудрено поэтому, что и другіе меня не понимали; но все это прошло! Увѣрены ли вы, что Максъ насъ не слышитъ?

— Совсе не увѣренъ. Но если подозреваете, что онъ подслушиваетъ у дверей, то я отошлю его.

— Я не думаю, чтобы онъ подслушивалъ: я очень часто отворяю двери.

— Ну такъ онъ не можетъ насъ слышать. Я не подозрѣвалъ, что у васъ такіе секреты. Когда я съ вами разстался, м-ръ Гедвей скрывался еще въ будущемъ.

— Теперь онъ отошелъ въ прошлое. Онъ былъ милый человѣкъ—я могу понять, что вышла за него замужъ. Но онъ жилъ всего только одинъ годъ. У него была невралгія въ сердцѣ. Онъ оставилъ мнѣ очень большое состояніе.

Она сообщила всѣ эти факты такъ, какъ еслибы всѣ они были одного рода.

— Мнѣ пріятно это слышать; у васъ всегда были разорительные вкусы.

— У меня много денегъ, — продолжала миссисъ Гедвей. — У м-ра Гедвей было помѣстье въ Деньерѣ, которое очень увеличилось въ цѣнѣ. Послѣ его смерти я переехала въ Нью-Йоркъ. Но Нью-Йоркъ мнѣ не понравился.

Она произнесла это такимъ тономъ, который служилъ какъ бы гештѣ цѣлаго большого эпизода.

— Я хочу жить въ Европѣ. Мнѣ нравится Европа, — возвѣстила она, и эти слова ея звучали какимъ-то прореваніемъ и подобно тому какъ предъидущія, имѣли историческій смыслъ.

Литльморъ былъ вообще пораженъ всѣмъ этимъ, и миссисъ Гедвей очень занимала его. — Вы путешествуете съ этимъ молодымъ человѣкомъ? — спросилъ онъ съ хладнокровіемъ человѣка, желающаго продлить свою забаву.

Она сложила руки и откинулась на спинку кресла.

— Послушайте, м-ръ Литльморъ, — сказала она, — я почти такъ же добродушна, какъ была въ Америкѣ, но гораздо опытнѣе. Конечно, я не путешествую съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Онъ просто мой хорошій знакомый.

— Онъ не вашъ любовникъ? — спросилъ Литльморъ уже довольно жестоко.

— Развѣ порядочныя женщины путешествуютъ съ любовникомъ? Впрочемъ, я хочу, чтобы вы не смѣялись надо мной, а помогли бы мнѣ.

Она поглядѣла на него съ нѣкоторымъ упрекомъ, который могъ его тронуть. Она казалась такой кроткой и благоразумной.

— Какъ я уже сказала вамъ, Европа мнѣ очень понравилась; мнѣ совсѣмъ не хочется возвращаться назадъ. Но я бы желала видѣть свѣтъ. Я была бы очень рада, еслибы... мнѣ помогли войти въ общество. М-ръ Литльморъ, — прибавила она, — я

буду откровенна, потому что нисколько не стыжусь своихъ словъ. Я желаю быть введенной въ общество. Вотъ чего я желаю.

Литльморъ откинулся въ креслѣ съ видомъ человѣка, присутствующаго при весьма забавномъ зрѣлищѣ и желающаго какъ можно удобнѣе наслаждаться имъ. Онъ повторилъ не безъ поощренія въ голосъ:

— Въ общество? но мнѣ кажется, что вы уже въ него введены, когда у вашихъ ногъ сидѣютъ баронеты?

— Вотъ это-то мнѣ и нужно знать, — сказала она съ увлеченіемъ. — Что, баронетъ — важная персона?

— Кажется. Но я, право, мало въ этомъ свѣдущъ.

— Развѣ вы сами не принадлежите къ высшему обществу?

— Я? никогда въ жизни не принадлежалъ къ нему. Откуда вы это взяли? Я столько же интересуюсь высшимъ обществомъ; какъ вотъ этимъ нумеромъ «Figaro»!

Лицо миссисъ Гедвей выразило сильное разочарованіе, и Литльморъ понялъ, что она, наслушавшись про его серебряные рудники и помѣстья, и зная, что онъ живетъ въ Европѣ, воображала, что онъ вернется въ большомъ свѣтѣ. Но она скоро оправилась.

— Я не вѣрю вамъ. Вѣдь вы джентльменъ, какъ вы сами хорошо знаете.

— Можетъ быть, я и джентльменъ, но не имѣю привычекъ джентльмена.

Литльморъ колебался съ минуту и затѣмъ прибавилъ: — я слишкомъ долго жилъ на юго-западѣ.

Она мгновенно покраснѣла; она поняла значеніе этихъ словъ и, быть можетъ, даже преувеличила его. Но она хотѣла воспользоваться услугами Литльмора, а потому находила благоразумнѣе снисходительно простить жестокія слова, нежели наказывать за нихъ. Она могла къ тому же позволить себѣ легкую иронию.

— Это все равно; джентльменъ всегда остается джентльменомъ.

— Не всегда, — отвѣчалъ Литльморъ, смѣясь.

— Возможно ли, чтобы черезъ вашу сестру вы не познакомились съ европейскимъ обществомъ? — сказала миссисъ Гедвей.

При упоминовеніи его сестры, сдѣланномъ съ рассчитанной небрежностью, которая не ускользнула отъ Литльмора, послѣдній не могъ не вздрогнуть.

— «Какое вамъ дѣло до моей сестры?» — хотѣлось ему сказать. Ему было непріятно, что затронули его сестру; она принадлежала совсѣмъ къ иному порядку, и нельзя было даже и

мысли допустить, чтобы миссисъ Гедвей когда-либо познакоми-
лась съ ней, если это было именно то, чего эта леди добивалась.
Но онъ прибѣгъ къ уловкѣ.

— Что вы подразумѣваете подъ европейскимъ обществомъ?
Объ этомъ трудно толковать. Это такое неопредѣленное выра-
женіе.

— Я подразумѣваю подъ англійскимъ обществомъ... Я под-
разумѣваю то общество, въ которомъ живетъ ваша сестра, — от-
вѣчала миссисъ Гедвей, ничего лучше не желавшая, какъ го-
ворить совершенно опредѣленно. Я подразумѣваю то общество,
которое я видѣла въ Лондонѣ въ прошломъ маѣ, людей, кото-
рыхъ я видѣла въ оперѣ и въ паркѣ, — людей, приглашаемыхъ
въ салоны королевы. Когда я была въ Лондонѣ, я останавли-
валась въ той гостинницѣ, которая на углу Пиккадилли и вы-
ходитъ прямо на Сентъ-Джемсъ-стритъ; а по цѣлымъ часамъ
просиживала у оконъ, глядя на людей, проѣзжавшихъ въ каре-
тахъ. У меня была своя собственная карета; когда я не си-
дѣла у окошка, то наталась въ ней. Но я была всегда одна; я
всѣхъ видѣла, но никого не знала и никому было дать мнѣ
нужныя свѣдѣнія. Я еще тогда не была знакома съ сэромъ
Артуромъ. Я встрѣтилась съ нимъ только мѣсяцъ тому назадъ
въ Гомбургѣ. Онъ послѣдовалъ за мной въ Парижъ, и вотъ ка-
кимъ образомъ мы стали знакомы.

Спокойно, прозвучно и безъ всякаго проблеска тщеславія
сообщила миссисъ Гедвей о послѣднемъ обстоятельствѣ. Казалось,
что она привыкла къ тому, чтобы за ней слѣдовали; это въ по-
рядкѣ вещей, чтобы джентльменъ, съ которымъ познакомишься
въ Гомбургѣ, послѣдовалъ за вами въ Парижъ. Тѣмъ же тономъ
прибавила она:

— Я возбуждала большое вниманіе въ Лондонѣ, и хорошо
это замѣчала.

— Вы вездѣ, гдѣ бы ни появились, будете обращать на себя
вниманіе, — замѣтилъ Литльморъ, не достаточно восторженно, какъ
ему самому казалось.

— Я не желаю обращать на себя такъ много вниманія; я
нахожу это вульгарнымъ, — отвѣчала миссисъ Гедвей съ краткимъ
удовольствіемъ, показывавшимъ, что она радуется, высказывая
новую мысль. Она очевидно постоянно говорила новыя для себя
мысли.

— Всѣ глядѣли на васъ прошлый разъ въ театрѣ, — про-
должалъ Литльморъ, — какимъ образомъ вы надѣетесь избѣжать
всеобщаго вниманія!

— Я не желаю избѣжать вниманія; люди всегда обращали на меня вниманіе и, полагаю, всегда будутъ. Но бываетъ разнаго рода вниманіе, и я знаю какаго рода вниманіе мнѣ нужно. И добьюсь его!—воскликнула миссисъ Гедвей.

Да! она говорила очень опредѣленно.

Литльморъ сидѣлъ напротивъ нея и нѣкоторое время ничего не говорилъ. Въ немъ происходила какая-то смѣсь ощущеній, и воспоминаніе о другихъ мѣстахъ и другихъ временахъ закрывалось въ него. Въ былое время они не очень церемонились другъ съ другомъ; онъ зналъ ее вдоль и поперекъ, какъ то возможно только въ глухой провинціи. Она необыкновенно тогда нравилась ему; въ небольшомъ городѣ смѣшно было бы быть разборчивымъ на знакомство. Но сознаніе этого факта было неразрывно связано съ прежними условіями: ему нравилась Нанси Бекъ, съ которой онъ видѣлся на площади. Теперь она являлась ему въ новомъ свѣтѣ и, повидимому, требовала новой классификаціи. Литльморъ находилъ, что это слишкомъ хлопотливо; онъ привыкъ къ прежней Нанси Бекъ и не хотѣлъ, и не могъ привыкать къ новой. Онъ спрашивалъ себя, неужели ему будетъ съ ней скучно. Трудно было представить себѣ то; но все же это возможное дѣло, если она затѣяла быть другой. Онъ просто испугался, когда она заговорила объ европейскомъ обществѣ, о его сестрѣ и о томъ, что вульгарно и что не-вульгарно. Литльморъ былъ добрый малый и не лишенъ чувства справедливости, но въ его характерѣ была такая примѣсь лѣни, скептицизма и даже нѣкоторой грубости, что ему хотѣлось бы удержать прежнюю простоту ихъ отношеній. Онъ не испытывалъ особаго желанія поднять падшую женщину, какъ принято называть этотъ мистическій процессъ; по-правдѣ сказать, онъ и не вѣрилъ въ то, чтобы падшая женщина могла подняться. Онъ вѣрилъ въ одно,—что она можетъ удержаться на наклонной плоскости; считая это вполне возможнымъ и крайне желательнымъ, онъ думалъ однако, что для общества гораздо выгоднѣе, какъ говорятъ въ такомъ случаѣ французы, *ne pas mêler les genres*. Вообще онъ не брался судить о томъ, что хорошо или дурно для общества: общество, по его мнѣнію, само стоитъ на очень дурной дорогѣ, но въ этомъ частномъ случаѣ онъ дѣлалъ исключеніе. Нанси Бекъ — въ погонѣ за главнымъ призомъ—это зрѣлище можетъ быть занимательно для посторонняго зрителя; но оно станетъ скучнымъ и затруднительнымъ съ того момента, какъ отъ зрителя потребуютъ активнаго вниманія. Онъ не хотѣлъ быть грубымъ, но подумалъ, —

не мѣшаетъ показать ей, что ему вовсе не желательно, чтобы его водили за носъ.

— О! если вы чего захотите, то непременно этого достигнете,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на ея послѣднее замѣчаніе.—Вы всегда добивались того, чего хотѣли.

— Такъ! но на этотъ разъ я хочу совсѣмъ новыхъ условій. Чѣмъ, ваша сестра живетъ въ Лондонѣ?

— Дорогая лэди, зачѣмъ вамъ понадобилась моя сестра? — спросилъ Литльморъ.—Она совсѣмъ не такая женщина, какая могла бы быть для васъ интересна.

Миссисъ Гедвей съ минуту помолчала.

— Вы не уважаете меня!—воскликнула она вдругъ громко и почти весело. Если Литльморъ желалъ бы сохранить прежнюю простоту отношеній, то она, повидимому, была не прочь отъ этого.

— Ахъ! дорогая миссисъ Бекъ..!—возразилъ онъ, вяло протестуя и нечаянно употребивъ ея прежнее имя. Въ Санъ-Діего онъ никогда не думалъ о томъ: уважаетъ онъ ее или нѣтъ; объ этомъ никогда не заходило рѣчи.

— И доказательство тому,—прервала она,—что вы называете меня этимъ ненавистнымъ именемъ! Развѣ вы не вѣрите, что я была замужемъ? Мнѣ не посчастливилось съ моими мужьями,—прибавила она задумчиво.

— Вы очень смущаете меня, говоря такія странныя вещи. Моя сестра живетъ большую часть года въ провинціи; она очень проста, даже скучна и пожалуй нѣсколько ограниченна. Вы же очень умны и живы, и такъ широки во взглядахъ, какъ самъ міръ. Вотъ почему я думаю, что она вамъ не понравится.

— Вы бы постыдились такъ унижать свою сестру!—продолжала миссисъ Гедвей.—Вы говорили мнѣ однажды въ Санъ-Діего, что она милѣйшая изъ женщинъ. Вы видите, что я это запомнила. И вы говорили также, что она одникъ со мной лѣтъ. Поэтому у васъ нѣтъ никакихъ резоновъ не познакомить меня съ нею!

И миссисъ Гедвей безжалостно разсмѣялась.

— Я нисколько не боюсь скуки. Скука вещь вполне личная. Я слишкомъ, можно сказать, жива.

— Да, это правда, вы слишкомъ живы! Но нѣтъ ничего легче какъ познакомиться съ моей сестрой,—сказалъ Литльморъ, зная, что говорить чистѣйшую неправду. И зачѣмъ, чтобы уклониться отъ этой щекотливой тѣмы, внезапно спросилъ:

— Вы собираетесь выйти замужъ за сэра Артура?

— Развѣ вы не находите, что я чересчуръ часто выходила замужъ?

— Можеть быть; но на этотъ разъ это будетъ нѣчто совсѣмъ иное. Вы выйдете за англичанина, это еще неизвѣданное ощущеніе.

— Если я когда-нибудь выйду замужъ, то только за европейца,—спокойно отвѣчала миссисъ Гедвей.

— У васъ всѣ шансы къ тому; они всѣ женятся на американкахъ.

— Онъ долженъ быть очень знатнымъ человекомъ, тотъ, за кого я рѣшусь выйти замужъ. Мнѣ надо поддержку въ свѣтѣ! Вотъ почему я хотѣла бы знать про сэра Артура. А вы ничего еще не сказали мнѣ о немъ.

— Мнѣ нечего вамъ говорить; я ничего о немъ не слыхала. Развѣ самъ онъ ничего вамъ не говорилъ о себѣ?

— Ровно ничего; онъ очень скромнѣе. Онъ не хвастается, не превозноситъ самого себя. Отъ того-то онъ мнѣ и нравится. Я нахожу, что это доказываетъ его порядочность. Я обожаю порядочность!—воскликнула миссисъ Гедвей. Однако,—прибавила она,—вы все еще не сказали мнѣ, согласны ли вы помочь мнѣ.

— Какъ могу я вамъ помочь? Я совершенный нуль, у меня нѣтъ никакого значенія.

— Вы можете помочь мнѣ тѣмъ, что не будете мнѣ, ^{проти-}водѣйствовать. Я хочу, чтобы вы мнѣ общали, что не будете мнѣ ^{проти-}водѣйствовать.

Она пристально и ясно взглянула на него; ея глаза хотѣли какъ будто проникнуть въ его душу.

— Великій Боже! какъ бы я могъ вамъ ^{проти-}водѣйствовать?

— Я не увѣрена въ томъ, что вы этого не сдѣлаете. Но вы можете это сдѣлать, если захотите.

— Я слишкомъ глѣннѣ и слишкомъ глупъ,—отвѣчалъ шуточно Литльморъ.

— Да,—прибавила она, задумчиво глядя на него,—я думаю, что вы слишкомъ глупы. Но думаю также, что вы и слишкомъ для того добры,—прибавила она болѣе любезнымъ тономъ.

Она бывала почти неотразима, когда говорила такимъ образомъ.

Они побесѣдовали еще съ четверть часа. и, наконецъ, она, точно спохватившись, заговорила съ нимъ о его личныхъ дѣлахъ, о его женитьбѣ и смерти жены,—вопросы—которыхъ она касалась съ болѣею деликатностью, какъ онъ думалъ, чѣмъ нѣкоторыхъ другихъ.

— Если у васъ есть маленькая дочка, то вы должны быть очень счастливы; моя мечта имѣть дочку. Я сдѣлала бы изъ нея хорошую женщину. Не такую, какъ я. Въ другомъ родѣ!

Когда онъ всталъ, чтобы проститься съ нею, она сказала ему, что просить его почаще навѣщать ее; она проживетъ еще нѣсколько недѣль въ Парижѣ; пусть привезетъ также и м-ра Уотервилля.

— Вашему другу англичанину не понравится, если мы часто будемъ бывать у васъ, — сказалъ Литльморъ, держась за ручку дверей.

— Какое ему до этого дѣло? — спросила она, вытаращивъ на него глаза.

— Не знаю. Онъ, должно быть, влюбленъ въ васъ.

— Это не дастъ ему никакихъ правъ. Господи! еслибы я должна была заператься отъ людей для всѣхъ мужчинъ, которые бывали въ меня влюблены!!

— Безъ сомнѣнія вамъ пришлось бы вести очень скучную жизнь! Но и живя такъ, какъ вамъ было пріятно, вы прожили очень бурно! Какъ бы то ни было, а чувства вашего молодого англичанина, повидимому, дають ему право сидѣть тутъ и глазѣть на всѣхъ, кто къ вамъ пріѣзжаетъ, съ оскорбленнымъ и скучающимъ видомъ. Это, знаете, можетъ вѣдь, наконецъ, надобѣсть.

— Когда онъ надобѣсть мнѣ, я укажу ему на дверь. Можете быть въ этомъ увѣрены.

— О! — сказалъ Литльморъ, — въ сущности вѣдь это пустяки.

Онъ сообразилъ, что для него было бы очень неудобно, еслибы онъ былъ призванъ безраздѣльно наслаждаться обществомъ миссисъ Гедвей.

Она вышла съ нимъ въ переднюю. Максъ, курьеръ, по счастью не былъ тамъ. Она помялась немного. Казалось, что ей хочется еще что-то сказать.

— Напротивъ того, ему пріятно, чтобы вы бывали, — замѣтила она черезъ секунду; — онъ желаетъ изучить моихъ друзей.

— Изучить?

— Онъ желаетъ узнать меня и думаетъ, что они помогутъ ему въ этомъ. Когда-нибудь онъ прямо спроситъ васъ: «какого сорта эта женщина?»

— Развѣ онъ еще не узналъ васъ?

— Онъ меня не понимаетъ, — отвѣчала миссисъ Гедвей, оправляя свое платье. — Онъ никогда еще не встрѣчалъ такой женщины, какъ я.

— Могу себя представить.

— И поэтому спросить васъ о томъ.

— Я скажу ему, что вы самая прелестная женщина въ Европѣ.

— Это не рекомендація! Кромѣ того онъ это самъ знаетъ. Ему нужно знать, порядочная ли я женщина.

— Онъ очень любопытенъ!—вскричалъ Литльморъ со смѣхомъ.

Она слегка поблѣднѣла и впилась въ него глазами.

— Надѣюсь, что вы скажете ему, что я порядочная женщина,—произнесла она съ улыбкой, но все еще блѣдная.

— Порядочная? я скажу ему, что вы божественная женщина.

Миссисъ Гедвей стояла еще минуту.

— Ахъ! вы не хотите быть мнѣ полезны,—пробормотала она, внезапно отвернувшись отъ него и ушла въ гостиную, подбирая свой длинный шлейфъ.

III.

«Elle ne doute de rien!» говорилъ себя Литльморъ, уходя изъ гостиницы, и повторилъ эту фразу Уотервиллю.

— Она хочетъ быть порядочной,—прибавилъ онъ;—но это ей не удастся. Она слишкомъ поздно за это берется; ей нельзя уже быть ничѣмъ, кромѣ полу-порядочной.

И сталъ доказывать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она останется неисправимой: у ней нѣтъ деликатности, нѣтъ скромности, нѣтъ застѣнчивости. Она способна прямо брякнуть: «Вы меня не уважаете!» Развѣ прилично женщинѣ говорить такія вещи!

— Это зависитъ отъ того, что она этимъ хочетъ сказать.

Уотервиль любилъ вникать въ смыслъ вещей.

— Чѣмъ больше она хочетъ сказать, тѣмъ менѣе ей слѣдуетъ говорить!—объявилъ Литльморъ.

Но, однако, онъ снова навѣдался въ отель Мёрисъ и при первой же оказіи повелъ туда и Уотервиля. Секретарь посольства, не часто бывавшій въ гостяхъ у дамъ двусмысленнаго характера, приготовился встрѣтить въ миссисъ Гедвей весьма любопытный типъ. Онъ боялся, что она можетъ быть опасна; но считалъ себя, однако, застрахованнымъ. Предметомъ его поклоненія въ настоящее время была его родина, или, вѣрнѣе сказать, министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ не желалъ, чтобы его отвле-

кали отъ этого служенія. Кромѣ того у него былъ свой собственный идеалъ привлекательной женщины, болѣе простого типа, чѣмъ эта блестящая, улыбающаяся, болтливая дочь «западныхъ территорій». Женщина, которую бы онъ нашелъ въ его вкусѣ, должна была бы быть спокойнаго нрава, любить интимную жизнь, предоставлять, наконецъ, человѣка по временамъ ему самому. Миссисъ Гедвей была самолюбива, фамиллярна, навязчива; она вѣчно приставала или обвиняла, требовала объясненій или оправданій, говорила такія вещи, на которыя приходилось отвѣчать. Все это сопровождалось радужными взглядами и обворожительными улыбками и всякими другими любезностями, но въ общемъ нѣсколько утомляло. У ней была нѣкоторая своеобразная привлекательность, огромное желаніе нравиться и замѣчательная коллекція нарядовъ и драгоценныхъ украшеній; но она была слишкомъ жива и озабоченна, а невозможно же было требовать отъ другихъ людей, чтобы они раздѣляли ея озабоченность.

Она желала бывать въ свѣтѣ, прекрасно! но для ея холостыхъ посѣтителей не было никакого резона желать, чтобы она туда попала, такъ какъ ихъ привлекало въ ея гостиную какъ разъ отсутствіе обычныхъ свѣтскихъ стѣсненій. Несомнѣнно, что она одна могла замѣнить собою дюжину другихъ женщинъ и должна была бы довольствоваться такимъ триумфомъ. Литльморъ говорилъ Уотервилю, что она глупо дѣлаетъ, желая карабкаться наверхъ. Ея мѣсто какъ разъ внизу. Она, повидимому, безсознательно раздражала его; даже ея тщетныя попытки къ самообразованію—она стала вдругъ завзятымъ критикомъ, и впрямь и веривъ толковала о великихъ произведеніяхъ нашего вѣка—заключали въ себѣ смутное притязаніе на сочувствіе, которое было несносно для человѣка, не желавшаго измѣнять разъ составленныхъ понятій, освященныхъ притомъ воспоминаніями, которыя можно было даже назвать нѣжными. Но въ ней была, однако одна безспорно привлекательная черта: она была необыкновенно разнообразна. Даже Уотервиль вынужденъ былъ сознаться, что элементъ неожиданности не исключался изъ его понятія объ идеально-спокойной женщины. Само собой разумѣется, что сюрпризы бываютъ двоякаго сорта: пріятные и непріятные, а миссисъ Гедвей безпристрастно расточала и тѣ, и другіе. Она легко восторгалась, наивно восклицала, проявляла любопытство особы, выросшей въ странѣ, гдѣ все ново и многое безобразно, и которая при естественной склонности къ искусствамъ и удобствамъ жизни, въ поздней жизненной порѣ начинаетъ знакомиться съ нѣкоторыми утонченными обычаями и высшими удовольствіями.

Она была провинціалка, это сразу было видно; но одной стороной своего существа была чистѣйшей парижанкой—если быть парижанкой должно считаться мѣриломъ успѣха, — и именно, быстротой, съ какою она схватывала идеи на лету и пользовалась всѣми обстоятельствами. — Дайте срокъ, — говорила она Литльмору, наблюдавшему за ея развитіемъ съ примѣсю восхищенія и досады, — и я все узнаю, что мнѣ нужно. — Она любила говорить о себѣ какъ о бѣдной дикарѣ, которая старается подобрать крупинцы образованія, и эти выходы производили большой эффектъ, благодаря ея изящной наружности, безукоризненному костюму и блестящимъ манерамъ.

Однимъ изъ ея сюрпризовъ было то, что послѣ перваго визита Литльмора она больше не заговаривала съ нимъ про миссисъ Долфинъ. Онъ, былъ очевидно, несправедливъ къ ней, когда ожидалъ, что она станетъ говорить съ нимъ о ней при каждой встрѣчѣ. Если только она оставитъ Агнесу въ покоѣ, то можетъ дѣлать все, что ей угодно, высказался онъ Уотервилю съ чувствомъ успокоенія. — Моя сестра не захочетъ взглянуть на нее, и было бы очень непріятно высказывать ей это.

Она ждала помощи, она давала ему это чувствовать всѣми своими взглядами, но пока не требовала никакихъ опредѣленныхъ услугъ. Она держала языкъ за зубами, но выжидала, и самая терпѣливость ея была въ своемъ родѣ притязаніемъ. Что касается общества, то надо сознаться, что ресурсы ея были незначительны: сэръ Артуръ Дименъ и ея два соотечественника были единственными ея почитателями, насколько послѣдніе могли замѣтить. Она могла бы завести и другихъ знакомыхъ, но выказывала въ этомъ отношеніи большую разборчивость и предпочитала лучше ни съ кѣмъ не водиться, нежели имѣть посѣтителей не изъ самаго лучшаго общества. Очевидно, что она льстила себя надеждой, что ее сочтутъ за недотрогу, а не за обойденную. Въ Парижѣ было много американцевъ, но въ этомъ направленіи она не успѣла расширить свои знакомства; порядочные люди не поѣхали бы къ ней, а ничто въ мірѣ не могло заставить ее принимать непорядочныхъ. Она имѣла самое точное представленіе о томъ, кого она желала видѣть — и кого нѣтъ. Литльморъ ежедневно ждалъ, что она попроситъ представить ей кого-нибудь изъ его знакомыхъ и приготовилъ отвѣтъ на это. Отвѣтъ былъ не изъ особенно остроумныхъ, такъ какъ состоялъ въ томъ только, что онъ желалъ бы монополизировать ея общество для себя. Она навѣрное возразила бы на это, что это пустой предлогъ, какъ оно и было въ самомъ дѣлѣ. Но дни проходили за

днями, а она не просила его о томъ. Маленькая американская колонія въ Парижѣ богата милыми женщинами, но ни одну изъ нихъ не могъ бы рѣшиться Литльморъ просить удостоить визитомъ миссисъ Гедвей. Просить же мужчинъ бывать у нея, значило бы, только подчеркнуть тотъ фактъ, что онъ не рѣшается просить объ этомъ женщинъ. Кромѣ того справедливо было и то—въ нѣкоторой мѣрѣ, конечно—что онъ желалъ монополизировать ее; онъ былъ настолько самонадѣянъ, что воображалъ, будто бы она предпочитаетъ его своему англичанину. Конечно, ему и въ голову не могло придти жениться на ней, между тѣмъ какъ англичанинъ, очевидно, питалъ эту мысль. Она ненавидѣла свое прошлое и часто заявляла это, тоскуя о немъ, такъ-какъ будто бы это прошлое было чѣмъ-то въ родѣ несчастнаго курьера или неудачнаго платья. Поэтому, такъ какъ Литльморъ былъ частицей ея прошлаго, то можно было бы предположить, что она ненавидитъ и его также и желаетъ отъ него отдѣлаться вмѣстѣ со всѣми тѣми воспоминаніями, какія были съ нимъ связаны. Но она дѣлала исключеніе въ его пользу, и если не любила въ немъ одну изъ главъ своей собственной исторіи, то повидимому все еще любила его самого по себѣ. Онъ чувствовалъ, что она дорожитъ имъ, что она вѣритъ въ то, что онъ можетъ ей помочь и въ концѣ концовъ сдѣлаетъ это.

Она съумѣла восстановить полную гармонію между сэромъ Артуромъ Дименомъ и своими американскими гостями, которые проводили гораздо меньше времени въ ея гостиной. Она легко убѣдила его, что ему нѣтъ основанія ревновать ее, и что они, какъ она выразилась, не желаютъ переступать ему дорогу. Очевидно, что нельзя ревновать къ двоимъ разомъ, а Рупертъ Уотервилъ, послѣ того какъ узналъ дорогу къ ея гостепріимному дому, появлялся въ немъ такъ же часто, какъ и его другъ Литльморъ. Даже по большей части оба приходили въ одно время; кончилось тѣмъ, что ихъ соперникъ сталъ чувствовать даже нѣкоторое облегченіе отъ ихъ присутствія. Этотъ милый и прекрасный, но нѣсколько ограниченный и слегка претенціозный молодой человѣкъ, еще не рѣшившій какъ ему быть, по временамъ совсѣмъ сгибался подъ тяжестью задуманнаго имъ предпріятія, и когда онъ бывалъ наединѣ съ миссисъ Гедвей, то напряженіе его мыслей дѣлалось подъ часъ просто мучительно. Онъ былъ очень тонокъ и прамъ и казался выше, нежели былъ на самомъ дѣлѣ; у него были прекрасные, шелковистые волосы, обрамлявшіе большой бѣлый лобъ, и природа наградила его такъ называемымъ римскимъ носомъ. Онъ казался моложе своихъ

лѣтъ (несмотря даже на римскій носъ), частью благодаря деликатности своего сложенія, частью вслѣдствіе почти дѣтской невинности его круглыхъ, голубыхъ глазъ. Онъ былъ застѣнчивъ и самоувѣренъ; нѣкоторыхъ буквъ онъ совсѣмъ не могъ произносить. Въ то же время у него были манеры человѣка, воспитаннаго въ мысли, что ему подобаетъ занять важное мѣсто во вселенной, и для котораго приличія стали второй натурой. Хотя онъ былъ нерѣшителенъ въ мелочахъ, но навѣрное съ достоинствомъ показалъ бы себя на крупномъ дѣлѣ. Онъ былъ очень простъ и считалъ себя очень серьезнымъ; въ его жилахъ текла кровь уорвикширскихъ сквайровъ съ примѣсью болѣе блѣдной жидкости, оживлявшей дочь банкира, желавшаго себя въ зятя графскаго сына, но согласившагося помириться на баронетѣ сэрѣ Бодуинѣ Дименѣ. Единственный сынъ послѣдняго, онъ наследовалъ титулъ отца, будучи пяти лѣтъ отъ роду. Его мать, послѣ того какъ сэръ Бодуинъ сломалъ себѣ шею на охотѣ, воспитывала сына съ любовью, горѣвшей въ ней неугасимой лампадой. Она никогда бы не созналась даже самой себѣ въ томъ, что онъ не умнѣйшій изъ людей; но ей приходилось напрягать всѣ силы своего ума, значительно превосходящаго его собственный, чтобы поддерживать такое мнѣніе въ другихъ. Къ счастью онъ не былъ своенравенъ, такъ что никогда бы не женился на гувернанткѣ или на актрисѣ, подобно двумъ или тремъ другимъ молодымъ людямъ, его товарищамъ по школѣ. Этого опасенія у матери не было, а потому леди Дименъ могла съ увѣреннымъ видомъ ждать его назначенія на какую-нибудь высшую должность.

Дименъ представлялъ въ парламентѣ консервативные инстинкты и получилъ полномочіе отъ города, славившагося своими ярмарками и красными крышами своихъ домовъ; регулярно появлялся онъ въ книжный магазинъ за всѣми новыми книгами, трактовавшими объ экономическихъ вопросахъ, такъ какъ рѣшилъ, что его политическіе взгляды будутъ имѣть твердое статистическое основаніе. Онъ не былъ самолюбивъ, но только заблуждался.... заблуждался на счетъ самого себя. Онъ считалъ себя необходимымъ колесомъ въ ходѣ вселенной, не какъ личность, конечно, а какъ учрежденіе. Но это убѣжденіе было для него слишкомъ священно, чтобы проявляться въ грубыхъ претензіяхъ. Онъ былъ маленькимъ человѣкомъ въ очень большомъ мѣстѣ, и никогда не горячился и не возвышалъ голоса. Онъ просто считалъ, такъ сказать, роскошью, что имѣеть значительное положеніе въ свѣтѣ. Это можно было сравнить съ тѣмъ, какъ еслибы человѣку сред-

него роста пришлось спать на очень большой кровати. Отъ этого не станешь сильнѣе ворочаться на ней, но все-таки будешь чувствовать себя просторнѣе.

Онъ еще не встрѣчалъ въ жизни никого въ родѣ миссисъ Гедвей и не зналъ, какую мѣрку приложить къ ней. Она не была похожа на англійскую лэди, — на тѣхъ, по крайней мѣрѣ, съ которыми онъ привыкъ разговаривать; а между тѣмъ нельзя было не видѣть, что она замѣчательная въ своемъ родѣ личность. Онъ подозрѣвалъ, что она провинціалка, но такъ какъ былъ ею очарованъ, то утѣшалъ себя тѣмъ, что она иностранка. Безъ сомнѣнія, иностранка тоже провинціалка, но эту особенность она раздѣляла со множествомъ другихъ весьма порядочныхъ людей. Онъ не былъ необузданный человѣкъ, и его мать льстила себя надеждой, что въ такомъ важномъ вопросѣ какъ бракъ, онъ не будетъ неостороженъ, но все же съ его стороны было довольно рискованно заинтересоваться американкой, вдовой, на пять лѣтъ старше его, которая никого не знала и порою какъ будто бы не понимала, кто такое онъ самъ. Хотя онъ и не одобрялъ этого, но ему нравилась именно ея странность; она такъ мало походила на его соотечественницъ; въ ея персонѣ не было ничего общаго съ Уорвикширомъ. Она была похожа на венгерку или на польку, но съ тою только разницей, что онъ лучше могъ понимать ея рѣчь. Несчастный молодой человѣкъ былъ околдованъ прежде, нежели успѣлъ признаться самому себѣ, что влюбленъ. Онъ не могъ не быть весьма медлительнымъ и осмотрительнымъ въ такомъ положеніи, такъ какъ глубоко сознавалъ его важное значеніе. Онъ былъ молодой человѣкъ, заранѣе распорядившійся своей жизнью; онъ рѣшилъ, что женится, когда ему будетъ тридцать - два года. Длинный рядъ предковъ наблюдалъ за нимъ, онъ просто не зналъ, что ему думать о миссисъ Гедвей. Онъ почти не зналъ, что ему думать о самомъ себѣ; единственное, въ чемъ онъ былъ безусловно увѣренъ, это въ томъ, что съ нею время летитъ такъ, какъ никогда и ни съ кѣмъ.

А между тѣмъ время отмѣчалось только обрывками разговоровъ миссисъ Гедвей, ея оригинальнымъ акцентомъ, ея остроуміемъ, смѣлостью ея фантазій и таинственными намеками на ея прошлое. Конечно, онъ зналъ, что у нея есть прошлое; она не была молоденькой дѣвушкой; она была вдова, а вдовы несомнѣнно представляютъ собой совершившійся фактъ. Онъ не ревновалъ къ ея антецедентамъ, но желалъ только понять ихъ, а вотъ это-то ему никакъ не удавалось. Сюжетъ освѣщался передъ нимъ случайными проблесками свѣта, но никогда не вставалъ

законченной картиной. Онъ много спрашивалъ ее, но отвѣты ея бывали всегда такъ поразительны, что, подобно внезапно зажигающимся свѣтлымъ точкамъ, только сильнѣе выдавали окружающій мракъ. Она, очевидно, провела жизнь въ ничтожной провинціи ничтожной страны; но изъ этого для него не вытекало еще, чтобы сама она была ничтожна. Она была точно лилія среди крапивы, и было нѣчто романическое для человѣка въ его положеніи заинтересоваться такой женщиной. Сэру Артуру нравилась мысль, что онъ романиченъ. Многіе изъ его предковъ были тоже романичны; а это было для него прецедентомъ, безъ котораго онъ врядъ ли бы позволилъ себѣ то. Онъ былъ жертвой затрудненій, отъ которыхъ его бы могъ спасти простой здравый смыслъ. Онъ принималъ все въ буквальный смыслъ и былъ лишентъ всякаго проблеска юмора. Онъ сидѣлъ и чего-то ждалъ, не желая компрометтировать себя рѣшительнымъ объясненіемъ. Если онъ и былъ влюбленъ, то на свой собственный ладъ, молчаливо, терпѣливо, упрямо. Онъ ждалъ формулы, которая бы оправдала его поведение и всѣ странности миссисъ Гедвей. Онъ самъ не зналъ, откуда и какъ это придетъ; судя по его манерамъ, можно было подумать, что онъ надѣется найти то, что ему нужно, или въ одномъ изъ тѣхъ затѣйливыхъ «entrées», которые имъ подавались, когда миссисъ Гедвей соглашалась отобѣдать съ нимъ у Биньона, или въ «Café-Anglais», или въ одномъ изъ тѣхъ безчисленныхъ étuis, которыя приносились ей изъ Rue de la Paix, и которые она зачастую открывала въ присутствіи своего обожателя. По-временамъ это тщетное ожиданіе начинало ему надоедать, и въ такіе моменты появленіе ея американскихъ знакомыхъ (онъ часто дивился про себя, почему ихъ у нея такъ мало) какъ бы облегчало бремя таинственности, дававшее ему пищу, и позволяло вздохнуть свободнѣе. Сама она не въ состояніи была снабдить его желанной формулой, потому что не знала, чего именно ему нужно. Она говорила о своемъ прошломъ, потому что думала, — такъ лучше; у ней была хитрая увѣренность, что лучше постараться и наивыгоднѣйшимъ образомъ воспользоваться имъ, нежели пытаться его изгладить. Изгладить было невозможно, хотя то было бы для нее всего желательнѣе. Ей ничего не стоило лгать, но теперь, когда она собиралась начать новую жизнь, она желала лгать какъ можно меньше. Она была бы даже счастлива, если бы можно было совсѣмъ не лгать. Этого, однако, нельзя было, и мы не станемъ передавать хитроумныя прикрасы, посредствомъ которыхъ она водила за носъ сэра Артура. Она понимала, конечно, что не можетъ выда-

вать себя за великосвѣтскую даму, но рассчитывала завоевать всеобщее сочувствіе, какъ «дѣтя природы».

IV.

Рупертъ Уотервилъ, заводя знакомство, о которомъ всякій былъ въ правѣ сказать, что оно сомнительно, никогда не забывалъ о своемъ представительствѣ, о томъ, что онъ ответственное, официальное лицо, и часто спрашивалъ себя: въ правѣ ли онъ терпѣть претензію миссисъ Гедвей, чтобы ее считали американскою леди, хотя бы даже новаго, типическаго фазиса. Въ своемъ собственномъ родѣ, онъ былъ не менѣе битъ съ толку, чѣмъ и бѣдный сэръ Артуръ; притомъ, онъ воображалъ себя, что онъ также щекотливъ, какъ и любой англичанинъ. Подумать страшно, что послѣ такого короткаго знакомства съ миссисъ Гедвей, эта дама пріѣдетъ въ Лондонъ и явится въ посольство просить, чтобы ее представили королевы! Было бы такъ неприятно отказать ей въ этомъ — а что ей откажутъ — это несомнѣнно, — и онъ по-неволѣ опасался нечаянно возбудить въ ней надежды на его помощь. Она могла мало ли что принять за молчаливое обѣщаніе съ его стороны. Онъ вѣдь хорошо зналъ, какъ тщательно наблюдаютъ и старательно отмѣчаютъ малѣйшіе слова и жесты дипломатовъ. Поэтому все его усилія клонились въ тому, чтобы быть настоящимъ дипломатомъ въ своихъ сношеніяхъ съ этой привлекательной, но опасной женщиной. Они часто обѣдали въ четверомъ — сэръ Артуръ на столько простиралъ свое довѣріе къ нимъ — и въ этихъ случаяхъ миссисъ Гедвей, пользуясь одной изъ привилегій женщинъ, всегда вытирала салфеткой свой стаканъ, даже въ самыхъ дорогихъ ресторанахъ. Въ одинъ вечеръ, когда она, протеревъ стаканъ, поднесла его къ свѣту и, склонивъ голову на одно плечо, разглядывала: достаточно ли онъ чистъ, — онъ сказалъ себѣ, наблюдая за ней, что она похожа на современную вакханку. Онъ замѣтилъ, что баронетъ тоже глядитъ на нее въ эту минуту и подумалъ: не пришла ли и ему та же самая мысль въ голову. Онъ часто задавалъ себѣ вопросъ, что думаетъ о ней вообще баронетъ? Одинъ Литльморъ не наблюдалъ въ этотъ моментъ за миссисъ Гедвей; онъ, повидимому, никогда за ней не наблюдалъ, хотя она часто слѣдила за нимъ. Уотервилъ спрашивалъ себя между прочимъ: почему сэръ Артуръ не приводитъ къ ней своихъ собственныхъ знакомыхъ, между тѣмъ какъ Парижъ битомъ на-

бить въ настоящую минуту англичанами. Онъ спрашивалъ себя: просила ли она его объ этомъ, и неужели онъ ей отказалъ. Ему очень хотѣлось бы знать, просила ли она его объ этомъ. Онъ высказалъ о своемъ любопытствѣ Литльмору, который обратилъ на это очень мало вниманія, однако, замѣтилъ, что несомнѣвается, — она его просила. Ее не остановить ложная деликатность.

— Она была, однако, очень деликатна съ вами, — отвѣчалъ Уотервиль. — Она васъ объ этомъ не просила.

— Но это только потому, что она махнула на меня рукой; она меня считаетъ невѣжей.

— Желалъ бы я знать, что она думаетъ обо мнѣ, — спросилъ Уотервиль задумчиво.

— О, она разсчитываетъ, что вы ее представите министру. Счастье для васъ, что нашъ парижскій посолъ находится въ отсутствіи въ настоящее время.

— Министру случалось уже рѣшать многіе щекотливые вопросы. Онъ, по всей вѣроятности, не затруднится и въ настоящемъ случаѣ. Я ничего не сдѣлаю помимо приказаній начальства.

Онъ любилъ говорить о своемъ начальствѣ.

— Она несправедлива ко мнѣ, — сказалъ Литльморъ, послѣ минутнаго молчанія. — Я говорилъ о ней многимъ изъ моихъ знакомыхъ.

— А! но что же вы говорили имъ?

— Что она живетъ въ отелѣ Мёрисъ и желаетъ познакомиться съ порядочными людьми.

— Они, вѣроятно, были польщены тѣмъ, что вы ихъ считаете порядочными, однако, къ ней не поѣхали, — замѣтилъ Уотервиль.

— Я говорилъ о ней миссисъ Бэшо, и та обѣщала сдѣлать ей визитъ.

— О! — воскликнулъ Уотервиль; — вы вѣдь сами не считаете миссисъ Бэшо порядочной женщиной! Миссисъ Гедвей не приметъ ее.

— Но вѣдь ей какъ разъ это и нужно... имѣть случай кого-нибудь не принять.

Уотервиль составилъ себѣ теорію о томъ, что сэръ Артуръ прибегаетъ миссисъ Гедвей въ видѣ сюрприза: быть можетъ, онъ разсчитываетъ представить ее свѣту въ будущій лондонскій сезонъ. Самъ онъ въ настоящее время уже узналъ о ней все, что ему хотѣлось знать. Разъ онъ предложилъ сопровождать свою красивую соотечественницу въ Люксембургскій музей и по-

знакомить ее съ современной французской школой. Она еще не видѣла этой коллекціи, несмотря на свое рѣшеніе осмотрѣть всѣ достопримѣчательности (она не разставалась съ путеводителемъ Муррея даже и тогда, когда ѣздила къ знаменитому портному въ улицу de la Paix, которому, какъ она говорила, она давала много блестящихъ идей). Обычно она ѣздила осматривать все замѣчательное вмѣстѣ съ сэромъ Артуромъ, а сэръ Артуръ былъ равнодушенъ къ новѣйшей французской живописи.

— Онъ говорить, что въ Англіи имѣются болѣе талантливые живописцы, и предлагаетъ подождать выставки будущаго года въ королевской академіи. Онъ, кажется, думаетъ, что всѣ способны ждать такъ же терпѣливо, какъ и онъ. Но я не такъ терпѣлива. Я и то уже много ждала.

Въ такихъ словахъ объясняла миссисъ Гедвей свое желаніе осмотрѣть Люксембургскій музей, когда Рупертъ Уотервиль предложилъ ей свои услуги. Она намекала на англичанина такъ, какъ если бы онъ былъ ей мужемъ или братомъ, словомъ, ея естественнымъ покровителемъ и товарищемъ.

«Желалъ бы я знать, понимаетъ ли она, какое это имѣетъ значеніе? говорилъ самому себѣ Уотервиль. Не думаю, чтобы она понимала, потому что въ противномъ случаѣ врядъ ли бы она такъ говорила». И при этомъ подумалъ, что женщинѣ, пріѣхавшей изъ Санъ-Діего, приходится многому учиться, что надо много времени и труда для того, чтобы стать благовоспитанной женщиной. Какъ умная женщина, миссисъ Гедвей была, однако, права, когда говорила, что не можетъ ждать. Ей надо было поскорѣе всему научиться. Однажды она написала Уотервиллю, что предлагаетъ ему отправиться на-завтра въ музей. Мать сэра Артура пріѣхала въ Парижъ, по дорогѣ въ Каннъ, гдѣ намѣревается провести зиму. Она пробудетъ въ Парижѣ всего три дня, и онъ, само собой разумѣется, проведетъ всѣ эти три дня съ матерью. Поэтому она свободно назначала Уотервиллю часъ, когда будетъ ожидать его. Онъ явился въ назначенное время, и они отправились на тотъ берегъ Сены въ большомъ восьмирессорномъ ридванѣ, въ которомъ она постоянно каталась по Парижу, съ Максомъ на возлахъ—у курьера были громадные бакенбарды;—этотъ экипажъ имѣлъ необыкновенно респектабельный видъ, хотя сэръ Артуръ увѣрялъ ее—такъ она передавала своимъ пріятелямъ-американцамъ,—что въ Лондонѣ, на будущій годъ онъ обставитъ ее гораздо лучше. Пріятеля подумали, что, должно быть, баронетъ рѣшился быть послѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и Уотервиль ничего иного отъ него и не ожидалъ. Литльморъ

же замѣчалъ по этому поводу, что въ Санъ-Діего она каталась въ тряскомъ кабриолетѣ съ грязными колесами, запряженномъ муломъ, который часто путался въ упряжкѣ. Уотервилъ не безъ нѣкотораго волненія вопрошалъ самого себя: согласится ли мать баронета сдѣлать ей визитъ. Она, конечно, должна же была знать, что женщина удерживаетъ ея сына въ Парижѣ въ такое время года, когда англійскіе джентльмены имѣютъ обыкновеніе охотиться за куропатками.

— Она остановилась въ Hôtel du Rhin, и я дала ему понять, что онъ не долженъ оставлять ее, пока она находится въ Парижѣ, — говорила миссисъ Гедвей въ то время, какъ они проѣзжали по узкой Сенской улицѣ. Ее зовутъ леди Дименъ, но ея полный титулъ «достопочтенная леди» Дименъ, такъ какъ она дочь барона. Отецъ ея былъ банкиръ, но оказалъ какую-то услугу правительству, торіямъ, знаете, какъ ихъ называютъ, и былъ возведенъ въ персвое достоинство. Итакъ вы видите, что можно подняться изъ низшаго состоянія въ высшее! При ней находится компаньонка.

Миссисъ Гедвей сообщала всѣ эти подробности Уотервилу такъ серьезно, что онъ не могъ не улыбнуться; онъ сказалъ себѣ: неужели же она думаетъ, что онъ не знаетъ, какъ титуруется баронская дочь. Въ этомъ отношеніи она оставалась неисправимой провинціалкой и страшно преувеличивала значеніе своихъ умственныхъ приобрѣтеній, воображая что другіе такъ же невѣжественны; какъ и она. Онъ замѣтилъ также, что она теперь уже опускаетъ титулъ бѣднаго сэра Артура и обозначаетъ его тѣмъ-то въ родѣ супружескаго мѣстоименія. Она такъ много разъ и такъ легко вступала въ бракъ, что была очень склонна къ такой путаницѣ именъ и понятій.

V.

Они прошли по люксанбургской галереѣ, и если не считать того, что миссисъ Гедвей глядѣла на все рѣшительно вскользь и мелькомъ, говорила очень громко, по обыкновенію, и не умѣла отличить плохой копіи отъ хорошаго оригинала, то она была очень пріятной собесѣдницей и благодарной ученицей. Она очень легко усваивала себѣ то, что слышала, и Уотервилъ былъ увѣренъ, выходя изъ галереи, что теперь она кое-что смыслила во французской школѣ. Она была вполнѣ подготовлена для того, чтобы критически сравнивать то, что видѣла, съ тѣмъ, что увидитъ на лондонской вы-

ставке будущего года. Какъ они съ Литльморомъ не разъ за-мѣчали, она была очень оригинальнымъ созданиємъ. Ея разгово-ры, ея личность, были спиты на живую нитку изъ разныхъ кусковъ, старыхъ и новыхъ. Когда они прошли по различнымъ покоямъ дворца, миссисъ Гедвей предложила, чтобы, вмѣсто того, чтобы ѣхать немедленно домой, прогуляться по саду, который ей очень хотѣлось видѣть. Она вполне подмѣтила разницу между старымъ и новымъ Парижемъ и соображала романтическую картинность латинскаго квартала, какъ будто бы получила самое всестороннее образованіе. Осеннее солнце обдавало тепломъ и свѣтомъ аллеи и террасы Люксембурга. Цвѣтники близи дворца пестрѣли яркими желтыми и красными цвѣтами, а на зеленыхъ скамейкахъ засѣдали смуглые нянюшки въ бѣлыхъ чепчикахъ и бѣлыхъ передникахъ. Другія бродили по широкимъ дорожкамъ въ сопровожденіи смуглыхъ французскихъ дѣтишекъ. Маленькіе соломенные стулья были составлены въ груды въ иныхъ мѣстахъ, въ другихъ же разбѣяны по саду. Старая дама въ черномъ платьѣ съ бѣлыми буками на вискахъ, придерживаемыми большимъ, чернымъ гребнемъ, сидѣла на каменной скамейкѣ прямо и неподвижно, уставясь глазами въ пространство и держа на колѣняхъ большую моську; подъ деревомъ патеръ читалъ молитвенникъ; можно было разглядѣть издали, какъ шевелились его губы; молодой солдатъ, крошечнаго роста и въ красныхъ панталонахъ, прогуливался, засунувъ руки въ карманы. Уотервиль усѣлся вмѣстѣ съ миссисъ Гедвей на соломенныхъ стульяхъ и она сказала:—Мнѣ нравится здѣсь; это милѣе даже, нежели картины въ галереѣ. Дѣйствительность всегда картиннѣе.

— Все во Франціи картинно, даже и то, что некрасиво, — отвѣчалъ Уотервиль.—Все достойно кисти художника.

— Да! я люблю Францію!—замѣтила миссисъ Гедвей съ легкимъ вздохомъ. Потомъ вдругъ прибавила:—Онъ просилъ меня сдѣлать ей визитъ, но я сказала ему, что этого не сдѣлаю. Пускай она сама пріѣдетъ ко мнѣ.

Это было такъ неожиданно, что Уотервиль слегка смутился. Но онъ скоро понялъ, что она дала легкій щелчокъ сѣру Артуру Димену и его «достопочтенной» матери. Уотервиль любилъ знать все, что до другихъ касалось, но ему не нравилось такое безцеремонное приобщеніе его къ чужимъ дѣламъ; поэтому хотя ему и любопытно было знать, какимъ образомъ отнесется къ его спутницѣ старая леди, какъ онъ её называлъ, но ему стало досадно на миссисъ за ея безцеремонность. Онъ вовсе не считалъ себя такимъ короткимъ знакомымъ. Но у миссисъ Гедвей была

привычка считать всѣхъ короткими знакомыми,—привычка, которая не понравится, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, матери сэра Артура. Онъ даже прикинулся удивленнымъ и не понимающимъ, о чемъ это она говоритъ. Но она даже не удостоила объясниться. Она просто продолжала думать вслухъ:—Самое меньшее, что она можетъ сдѣлать,—это пріѣхать ко мнѣ. Я была очень любезна съ ея сыномъ. Это не резонъ для меня ѣхать къ ней. Это резонъ для нея пріѣхать ко мнѣ. Наконецъ, если ей не нравится мой образъ дѣйствій, она можетъ оставить меня въ покоѣ. Я желаю войти въ европейское общество, но желаю войти въ него такъ, какъ мнѣ хочется. Я вовсе не намѣрена навязываться людямъ, пусть они сами ищутъ моего знакомства. Я думаю, что со временемъ такъ и будетъ.

Уотервиль слушалъ, уставя глаза въ землю. Онъ чувствовалъ даже, что покраснѣлъ. Въ миссисъ Гедвей было что-то, что раздражало и скандализировало его. Литльморъ былъ правъ, говоря, что она слишкомъ беззащитна. Она была слишкомъ, слишкомъ откровенна; ея мотивы, побужденія, желанія — были въ носъ. Казалось, что она любитъ слушать свои собственные думы. Разгоряченная мысль непремѣнно выливалась въ горячихъ словахъ у Гедвей, хотя не всѣ ея слова заключали въ себѣ мысль. И теперь она вдругъ разгорячилась.—Если она пріѣдетъ ко мнѣ хоть разъ, тогда... о! тогда я буду съ ней крайне любезна, я не останусь у ней въ долгу! Но она должна сдѣлать первый шагъ, я надѣюсь, что она сообразитъ это.

— А можетъ быть и нѣтъ,—замѣтилъ Уотервиль, досадливо.

— Ну чтожъ, я не заплачу, если она этого не сдѣлаетъ. Онъ мнѣ никогда ничего не говорилъ про свою родню. Можно было бы подумать, что онъ ее стыдится.

— Не думаю, чтобы это было такъ.

— Я сама знаю, что это не такъ. Это просто отъ скромности. Онъ не желаетъ хвастаться; онъ слишкомъ большой джентльменъ для того. Онъ не желаетъ ослѣпить меня; онъ хочетъ, чтобы я его любила ради его самого. Чтожъ, я очень люблю его,—прибавила она черезъ минуту.—Но я буду любить его еще больше, если онъ привезетъ свою мать. Пусть они узнаютъ объ этомъ въ Америкѣ.

— Развѣ вы думаете, что это произведетъ сенсацию въ Америкѣ?—спросилъ Уотервиль, улыбаясь.

— Я желаю показать имъ, что со мной знакома британская аристократія. Это имъ не понравится.

— Безъ сомнѣнія, они не откажутъ вамъ въ такомъ невин-

номъ удовольствіи, — пробормоталъ Уотервиль, все еще улыбаясь.

— Они отказали мнѣ въ простой вѣжливости, когда я была въ Нью-Йоркѣ. Слышали ли вы, какъ они обошлись со мной, когда я туда пріѣхала съ запада?

Уотервиль поглядѣлъ на нее. Этотъ эпизодъ былъ для него новъ. Его спутница повернулась къ нему; ея хорошенъкая головка была откинута назадъ, точно цвѣтокъ, наклоненный вѣтромъ; щеки ея вспыхнули; въ глазахъ загорѣлось пламя.

— Не можетъ быть! — вскричалъ молодой человѣкъ; — мои милые ньюіорцы неспособны на грубость.

— Вы тоже, я вижу, ньюіорецъ. Но я говорю не про мужчинъ. Мужчины вели себя прилично, хотя и допускали все это.

— Что же такое они допускали, миссисъ Гедвей?

Уотервиль рѣшительно терялся въ догадкахъ.

Она не сразу отвѣтила. Сверкающіе глаза ея устремлены были въ пространство, точно она вперила ихъ въ отсутствующіе образы.

— Что такое вы тамъ слышали про меня? Не старайтесь увѣрить меня, будто вы ничего не слышали.

Но онъ, право, ничего не слышалъ. Въ Нью-Йоркѣ совсѣмъ не было рѣчи о миссисъ Гедвей. Онъ не могъ же выдумывать; онъ такъ и сказалъ ей:

— Но вѣдь я былъ въ отсутствіи, — прибавилъ онъ, — и притомъ въ Америкѣ я не выѣзжалъ въ свѣтъ. Въ Нью-Йоркѣ не стоитъ выѣзжать; тамъ никого не встрѣтишь, кромѣ маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Тамъ вдоволь старухъ! Онѣ рѣшили, что я неприлична. Я хорошо извѣстна на западѣ; меня знаютъ отъ Чикаго до Санъ-Франциско, если не лично, то по слуху. Вамъ тамъ про меня порасскажутъ. Въ Нью-Йоркѣ онѣ рѣшили, что я недостойна ихъ общества! Недостойна общества Нью-Йорка! Какъ вамъ это понравится?

И она расхохоталась.

Уотервиль не могъ рѣшить, сильно ли боролась она съ своей гордостью, прежде чѣмъ сдѣлать такое признаніе. Откровенность ея какъ будто говорила, что у нея нѣтъ гордости, а между тѣмъ въ ея сердцѣ была, какъ это обнаружилось въ настоящую минуту, рана, которая вдругъ заняла.

— Я наняла на зиму домъ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, но просидѣла въ немъ одна одиноконька. Онѣ не сочли меня приличной. Я сама, вотъ какъ вы меня теперь видите, я была

ими отвергнута! Говорю вамъ истинную правду. Ни одна порядочная женщина ко мнѣ не прїѣзжала!

Уотервиль былъ въ затрудненіи. Хотя и дипломатъ, а онъ не зналъ, какъ ему теперь быть. Онъ не видѣлъ никакой необходимости для такой откровенности, хотя само по себѣ сообщеніе это было очень любопытно, и онъ былъ радъ узнать объ этомъ фактѣ изъ самаго достовѣрнаго источника. Онъ впервые слышалъ, что эта замѣчательная женщина провела цѣлую зиму въ его родномъ городѣ — обстоятельство, доказывавшее несомнѣнно, что она прїѣхала и уѣхала въ безусловной неизвѣстности. Съ его стороны было пустымъ предпологомъ увѣрять, что онъ находился въ отсутствіи, такъ какъ онъ былъ назначенъ на свой лондонскій постъ всего лишь полгода тому назадъ, а свѣтская неудача миссисъ Гедвей предшествовала этому назначенію. Среди этихъ размышленій, его вдругъ осябло вдохновеніе. Онъ не пытался объяснять, оправдывать; онъ осмѣлился положить свою руку на ее руку и нѣжно проговорилъ:

— Ахъ! еслибы я тамъ былъ!

— Мужчинъ у меня было много, но мужчины не идутъ въ счетъ. Если они женщинѣ не помѣшаютъ самымъ положительнымъ образомъ, то служатъ скорѣе помѣхой, и чѣмъ больше у дамы бываетъ мужчинъ, тѣмъ хуже для нея. Женщины же просто-напросто повернулись ко мнѣ спиной.

— Онѣ васъ испугались; вы возбудили ихъ ревность, — сказалъ Уотервиль.

— Вы очень добры, пытаюсь объяснить это такимъ образомъ. Все, что я знаю, это то, что ни одна не переступила черезъ мой порогъ. Вамъ нечего замазывать и заглаживать; я хорошо понимаю въ чемъ дѣло. Въ Нью-Йоркѣ я потерпѣла фіаско.

— Тѣмъ хуже для Нью-Йорка! — вскричалъ Уотервиль, который, какъ онъ признавался впоследствии Лэтьморю, совсѣмъ пришелъ-было въ тупикъ.

— И теперь вы знаете, почему я желаю быть введенной въ здѣшнее общество!

Она поднялась со стула и остановилась передъ нимъ. Съ сухой жесткой усмѣшкой глядѣла она на него. Эта усмѣшка служила отвѣтомъ на ее слова; она выражала непреодолимое желаніе отомстить. Въ ее манерѣ проявилась рѣзкость, которая совсѣмъ смутила Уотервиля; но сидя передъ нею и отвѣтивъ на ее взглядъ, онъ, по крайней мѣрѣ, сказалъ себѣ, что, благодаря этой усмѣшкѣ, этому дерзкому объясненію, онъ, наконецъ, понялъ миссисъ Гедвей.

Она отвернулась и пошла къ воротамъ сада, и онъ послѣдовалъ за нею, неопредѣленно и принужденно улыбаясь, по поводу ея трагическаго тона. Само собой разумѣется, — она ждала, что онъ поможетъ ей отомстить; но его женская родня, его мать и сестры, безчисленныя кузины участвовали въ нанесенной ей обидѣ, и идучи за нею, онъ подумалъ, что въ сущности онъ были правы. Онъ были правы, не желая водиться съ женщиной, которая могла такъ распространяться о своихъ житейскихъ неудачахъ. Была ли миссисъ Гедвей порядочная женщина или нѣтъ, но въ одномъ отношеніи истиннѣе во всякомъ случаѣ ихъ не обманулъ: она была вульгарная женщина. Европейское общество могло принять ее; но оно будетъ не право. Нью-Йоркъ, говорилъ себѣ Уотервилъ съ чувствомъ гражданской гордости, способенъ посмотрѣть на это дѣло съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, нежели Лондонъ. Они шли нѣкоторое время молча. Наконецъ, онъ сказалъ, честно высказывая мысль, которая вертелась у него въ эту минуту въ головѣ:

— Я ненавижу эту фразу «входить въ общество». Мнѣ кажется, что человѣку не слѣдуетъ гоняться за этимъ. Каждый долженъ думать, что онъ самъ есть общество, и считать, что если у него хорошія манеры, то онъ добился главнаго. Остальное не его дѣло.

Она какъ будто не поняла его. Затѣмъ проговорила:

— Должно быть у меня нѣтъ хорошихъ манеръ, потому что я недовольна! Конечно, я не совсѣмъ безупречно говорю, я это хорошо знаю. Но дайте мнѣ только добиться того, чего я хочу, и я буду очень разборчива въ своихъ выраженіяхъ. Если только я попаду въ общество, я стану совершенствомъ, — закричала она съ внезапнымъ взрывомъ страсти. Они дошли до воротъ сада и постояли съ минуту напротивъ низкой арки Одеона въ ожиданіи кареты миссисъ Гедвей, которая стояла неподалеку. Максъ, оказалось, сѣлъ самъ въ карету и задремалъ на ея мягкихъ, упругихъ подушкахъ. Карета тронулась съ мѣста, а онъ проснулся только тогда, когда она снова остановилась. Онъ привскочилъ и оглядѣлся; затѣмъ, ни мало не смутившись, вышелъ изъ кареты.

— Я научился этому въ Италіи... У нихъ называется это «siesta», — замѣтилъ онъ съ пріятной улыбкой, открывая дверцу передъ миссисъ Гедвей.

— Вижу, что вы научились, — отвѣчала она, дружески посмѣиваясь и усаживаясь въ карету, куда за ней послѣдовалъ Уотервилъ. Онъ не удивлялся тому, что она такъ балуетъ своего

курьера. Само собой разумеется, она должна была его баловать. Цивилизація начинается у домашнего очага, заговорилъ Уотервиль, и этотъ эпизодъ пролилъ проницескій свѣтъ на ея желаніе войти въ общество. Но онъ не отвлекъ ея мыслей отъ того предмета, о которомъ она разговаривала передъ тѣмъ съ Уотервилемъ, потому что когда Максъ усѣлся на козлахъ и карета покатилась, она пустила другую стрѣлу въ томъ же направленіи.

— Если мнѣ удастся устроиться здѣсь, то мнѣ можно будетъ посмѣяться надъ Нью-Йоркомъ. Вы увидите, какую гримасу сдѣлаютъ всѣ эти женщины!

Уотервиль былъ увѣренъ, что его мать и сестры не будутъ дѣлать гримасъ; но снова подумалъ въ то время, какъ карета подъѣзжала къ отелю Мерисъ, что теперь онъ понимаетъ миссисъ Гедвей. Когда они готовились вѣхать во дворъ отеля, мимо нихъ проѣхала карета, и пока Уотервиль помогалъ своей спутницѣ выйти изъ экипажа, онъ увидѣлъ, что изъ другого—вышелъ сэръ Артуръ. Сэръ Артуръ замѣтилъ миссисъ Гедвей и немедленно подаль руку дамѣ, сидѣвшей въ купе. Лэди вышла изъ кареты съ медлительною граціей, и въ то время, какъ она стояла у дверей отеля—не старая еще и прекрасная женщина, довольно высокаго роста, изящная, спокойная, просто одѣтая, и тѣмъ не менѣе внушительная—Уотервиль понялъ, что баронетъ привезъ свою мать съ визитомъ къ Нанси Бекъ. Торжество миссисъ Гедвей начиналось; вдовствующая лэди Дименъ дѣлала первый шагъ. Уотервиль подумалъ: не искривились ли въ эту минуту лица дамъ въ Нью-Йоркѣ подъ какимъ-нибудь магнетическимъ токомъ? Миссисъ Гедвей, немедленно сообразившая въ чемъ дѣло, не торопилась признать визитъ и не пыталась отъ него. Она остановилась и улыбнулась сэру Артуру.

— Я хочу представить вамъ мою мать; она очень желаетъ съ вами познакомиться.

Онъ подошелъ къ миссисъ Гедвей. Лэди взяла его подъ руку. Она была и проста, и сдержанна; у ней были всѣ атрибуты англійской матроны.

Миссисъ Гедвей, не трогаясь съ мѣста, протянула руки, какъ бы желая притянуть къ себѣ посятительницу.

— Вы очень добры!—услышалъ Уотервиль ея отвѣтъ.

Онъ уходилъ, такъ какъ его собственное дѣло было кончено; но молодой англичанинъ, который, если можно такъ выразиться, предоставилъ свою мать въ объятія миссисъ Гедвей, остановилъ его дружескимъ жестомъ:

— Я боюсь, что не увижу васъ больше. Я уѣзжаю.

— Когда такъ, то прощайте, — отвѣчалъ Уотервиль. — Вы возвращаетесь въ Англію?

— Нѣтъ; я ѣду въ Каннъ съ моей матерью.

— Вы останетесь въ Каннѣ?

— По всей вѣроятности, до Рождества.

Объ лэди, въ сопровожденіи м-ра Макса, прошли въ отель, и Уотервиль простился съ своимъ собесѣдникомъ. Онъ улыбался дорогою, соображая, что англичанинъ цѣной одной уступки купилъ у матери другую.

На слѣдующее утро Уотервиль навѣстилъ Литльмора, который разъ навсегда пригласилъ его приходить къ нему завтракать; въ эту минуту, по обыкновенію, онъ курилъ сигару, проглядывая дюжину газетъ. У Литльмора была большая квартира и превосходный поваръ; онъ вставалъ поздно и бродилъ все утро по комнатамъ, останавливаясь время отъ времени у окошекъ и поглядывая изъ нихъ на площадь Мадленны. Они уже минутъ пять какъ просидѣли за завтракомъ, когда Уотервиль сообщилъ, что сэръ Артуръ собирается покинуть миссисъ Гедвей и ѣдетъ въ Каннъ.

— Это для меня не ново, — сказалъ Литльморъ. — Онъ пріѣзжалъ вчера вечеромъ проститься со мной.

— Проститься съ вами? онъ сталъ вдругъ очень любезенъ.

— Онъ пріѣзжалъ не изъ любезности, а изъ любопытства. Такъ какъ онъ обѣдалъ у меня, то у него былъ предлогъ для визита.

— Я надѣюсь, что его любопытство было удовлетворено, — замѣтилъ Уотервиль, тономъ человѣка, которому подобное чувство понятно.

Литльморъ колебался съ минуту.

— Нѣтъ, подозреваю, что не удовлетворено. Онъ посидѣлъ здѣсь нѣкоторое время, и мы обо всемъ поговорили, кромѣ того, что ему хотѣлось узнать.

— А что же ему хотѣлось узнать.

— Извѣстно ли мнѣ что-нибудь невыгодное о Нанси Бекъ? Уотервиль вытаращилъ глаза.

— Неужели онъ называлъ ее Нанси Бекъ?

— Мы совсѣмъ не упоминали о ней; но я видѣлъ, чего ему нужно, и чего онъ отъ меня ждетъ, но только я не хотѣлъ удовлетворить его.

— Ахъ! бѣдняга! — пробормоталъ Уотервиль.

— Я не вижу причины сожалѣть о немъ, — сказалъ Литльморъ. — Обоители м-съ Бекъ никогда не внушали состраданія.

— Конечно, онъ хочетъ жениться на ней.

— Ну и пускай его. Я ничего противъ этого не имѣю.

— Онъ думаетъ, что въ ея прошломъ есть что-то неладное.

— Пусть думаетъ.

— Какъ это онъ можетъ думать такъ, если влюбленъ? — спросилъ Уотервиль тономъ человѣка, которому и такое чувство тоже понятно.

— Ахъ, милѣйшій! онъ долженъ рѣшить это самъ. Онъ ни въ какомъ случаѣ не вправѣ спрашивать меня объ этомъ. Былъ одинъ моментъ, когда онъ уходилъ, — этотъ вопросъ вертѣлся у него на языкѣ. Онъ стоялъ какъ тѣнь въ дверяхъ и не рѣшался уйти. Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза, и я взглянулъ ему прямо въ глаза, и мы такъ постояли съ минуту. Затѣмъ онъ рѣшился придержать языкъ и ушелъ.

Уотервиль слушалъ этотъ небольшой рассказъ съ живѣйшимъ интересомъ.

— А еслибы онъ спросилъ, что бы вы ему отвѣтили?

— Какъ вы думаете?

— Я думаю, что вы бы сказали, что этотъ вопросъ не-деликатенъ.

— Но это равнялось бы признанію, что мнѣ извѣстно что-то нехорошее.

— Правда, — отвѣчалъ Уотервиль, задумчиво; — вы не могли этого сказать. Съ другой стороны, еслибы онъ по чести спросилъ васъ, можно ли на ней жениться, вы были бы въ очень затруднительномъ положеніи.

— Еще бы. Къ счастью, онъ не имѣетъ права взывать къ моей чести. Наши отношенія не таковы, чтобы уполномочивали его разспрашивать меня про м-съ Гедвей. Такъ какъ она моя хорошая знакомая, то онъ не можетъ ожидать отъ меня конфиденцій на ея счетъ.

— Однако, вы не думаете, что на ней можно жениться, — объявилъ Уотервиль. — И если человѣкъ васъ объ этомъ спроситъ, то вы можете послать его къ чорту, но вѣдь это не будетъ отвѣтомъ.

— Нѣтъ, будетъ, — возразилъ Литльморъ. И помолчавъ, прибавилъ:

— Бываютъ случаи, когда человѣкъ обязанъ соврать.

Уотервиль скорчилъ серьезное лицо.

— Соврать?

— Да! когда дѣло коснется чести женщины.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Разумѣется, если онъ самъ былъ замѣшанъ...

— Замѣшанъ или нѣтъ, это все равно.

— Я думаю, что это не все равно. Я не люблю вранья, — сказалъ Уотервиль. — Это щекотливый вопросъ.

Приходъ слуги съ блюдомъ перебилъ ихъ бесѣду, и Литльморъ засмѣялся, наглядывая себѣ кушанья.

— Забавная была бы штука видѣть ее замужемъ за этимъ чопорнымъ господиномъ!

— Это было бы очень серьезное дѣло.

— Пусть такъ, но все же это было бы забавно.

— Вы, значить, собираетесь помочь ей?

— Упаси Богъ! но я намѣренъ держать пари за ея успѣхъ, — сказалъ Литльморъ.

Уотервиль серьезно взглянулъ на своего товарища, и подумалъ, что онъ удивительно какъ легкомысленъ. Положеніе дѣла во всякомъ случаѣ было затруднительное, и онъ съ легкимъ вздохомъ положилъ вилку на столъ.

А. Э.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго.
С.-Петербургъ, 1883.

Новое изданіе сочиненій Достоевскаго, предпринятое вскорѣ послѣ его смерти, доведено до конца; мѣсяць тому назадъ вышелъ въ свѣтъ послѣдній томъ (первый по порядку нумераціи), заключающій въ себѣ, между прочимъ, матеріалы для біографіи покойнаго писателя и письма его къ разнымъ лицамъ. Письма Достоевскаго не представляютъ того интереса, который сопряженъ, на примѣръ, съ перепиской Бѣлинскаго, Прудона, Ж.-Занда; они имѣютъ, болѣею частью, чисто фактическій характеръ, рѣдко отражая въ себѣ его внутреннюю жизнь. Матеріалы для его біографіи восполняютъ этотъ пробѣлъ далеко не вполне; главнымъ источникомъ для характеристики Достоевскаго, для исторіи его взглядовъ и убѣжденій, по прежнему остаются его сочиненія, въ особенности «Дневникъ писателя». Кое-что новое и замѣчательное можно, однако, найти и въ громадномъ томѣ, лежащемъ передъ нами. Общее впечатлѣніе, имъ производимое, подтверждаетъ то представленіе о Достоевскомъ, которое невольно слагалось въ умѣ каждаго читателя его сочиненій — представленіе о человѣкѣ въ полномъ смыслѣ слова многострадальномъ.

Первая эпоха литературной дѣятельности Достоевскаго, прерванная извѣстной катастрофой, продолжалась около четырехъ лѣтъ, съ 1845 г. до 1849 г. Необычайный успѣхъ «Бѣдныхъ

людей» ослѣпилъ, поразилъ молодого автора, хотя онъ и прежде вѣрилъ въ свое произведеніе... — «Я чрезвычайно доволенъ романомъ моимъ. Не нарадуюсь», — писалъ онъ брату еще въ 1844 г., не только до напечатанія, но даже до окончанія «Бѣдныхъ людей». «Моимъ романомъ», — читаемъ мы въ письмѣ 24-го марта 1845 г., — «я серьезно доволенъ... Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочемъ, ужасные недостатки». Послѣ восторженнаго одобренія, встрѣченнаго романомъ въ литературныхъ сферахъ, о недостаткахъ его въ перепискѣ больше уже нѣтъ рѣчи. Сообщая брату хвалебные отзывы, доносящіеся до него со всѣхъ сторонъ, Достоевскій прибавляетъ къ нимъ собственное восхищеніе новыми твореніями, уже оконченными («Романъ въ девяти письмахъ») или приближающимися къ окончанію («Двойникъ»). — «Вотъ ты самъ увидишь, хуже ли это «Тяжбы» Гоголя... Голядкинъ выходитъ превосходно — это будетъ мой *chef-d'oeuvre*» (письмо отъ 16-го ноября 1845 г.). Въ концѣ письма сдѣлана приписка: «я перечелъ мое письмо и нашелъ, что я, во-первыхъ, безграмотенъ, а во-вторыхъ, самохвалъ». Самохвальство продолжается и въ позднѣйшихъ письмахъ, но уже безъ оговорокъ. — «Во мнѣ находятъ новую оригинальную струю, состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ, т. е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое; Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубоко какъ я. Прочтешь и самъ увидишь. А у меня будущность преблестательная, братъ!.. Голядкинъ (т. е. «Двойникъ») въ десять разъ выше «Бѣдныхъ людей». Наши говорятъ, что послѣ «Мертвыхъ душъ» не было ничего подобнаго, что произведеніе гениальное! Тебѣ онъ понравится даже лучше «Мертвыхъ душъ», я это знаю» (письмо, отъ 1-го февраля 1846 г.). — «Слава моя достигла до апогея. Въ два мѣсяца обо мнѣ, по моему счету, было говорено около 35-ти разъ въ различныхъ изданіяхъ... Я пишу двѣ повѣсти, обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ... Явилась цѣлая тѣма новыхъ писателей. Иные — мои соперники. Первенство остается за мной покамѣстъ, я надѣюсь, что навсегда» (1 апрѣля 1846 г.). — «Я пишу мою «Хозяйку». Уже выходитъ лучше «Бѣдныхъ людей». Перомъ моимъ водить родникъ вдохновенія, выбивающійся прямо изъ души» (1847 г.). — Наввному увлеченію автора весьма скоро перестаетъ соответствовать внѣшній успѣхъ, не только въ публикѣ, но и въ тѣхъ самыхъ литературныхъ кружкахъ, которые такъ горячо привѣтствовали «Бѣдныхъ людей». — «Вотъ что гадко и мучительно, — пишетъ Достоевскій уже 1-го апрѣля 1846 г.: — свои, наши, Бѣлинскій и всѣ мною

недовольны за Голядкина. Первое впечатлѣніе было безотчетный восторгъ, говоръ, шумъ, толки; второе—критика. Именно: всѣ, всѣ съ общаго говору, т. е. *наши* и вся публика нашли, что до того Голядкинъ скученъ и вялъ, до того растянуть, что читать нѣтъ возможности».—Правда, авторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что хулители Голядкина все-таки «читаютъ и перечитываютъ его на пропалую»; но это не мѣшаетъ ему, по собственному его признанію, «впадать въ уныніе». «—У меня есть ужасный порокъ: неограниченное самолюбіе и честолюбіе. Идея о томъ, что я обманулъ ожиданія и испортилъ вещь, которая могла бы быть великимъ дѣломъ, убивала меня. Мнѣ Голядкинъ опротивѣлъ. Многое въ немъ писано на-соро и въ утомленіи. Первая половина лучше послѣдней. Рядомъ съ блистательными страницами есть скверность, дрянъ, изъ души воротить, читать не хочется. Вотъ это-то создало мнѣ на время адъ, и я заболѣлъ отъ горя». Уже въ концѣ 1846 г. отношенія Достоевскаго къ ближайшимъ для него, за годъ передъ тѣмъ, лицамъ представляются совсѣмъ иными. — «Теперь они (т. е. Некрасовъ и его кружокъ) выпускаютъ, что я зараженъ самолюбіемъ, возмечталъ о себѣ», — пишетъ онъ въ ноябрѣ 1846 г. — «Что же касается до Бѣлинскаго, то это такой слабый человѣкъ, что даже въ литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ. Только съ нимъ я сохранилъ прежнія добрыя отношенія. Онъ человѣкъ благородный». — «Мнѣ все кажется—читаемъ мы въ письмѣ отъ 17-го декабря того же года, — что я завелъ процессъ со всею нашею литературою, журналами и критиками, и устанавливаю и за этотъ годъ мое первенство на зло недоброжелателямъ моимъ». — «Счастье Краевскаго и мое, — говоритъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, — что романъ мой печатается въ концѣ года. Онъ завершитъ годъ, пойдетъ во время подписки, и, главное, будетъ, если не ошибаюсь теперь, капитальною вещью въ году и утретъ носъ друзьямъ «Современника», которые рѣшительно стараются похоронить меня».

Къ авторскимъ разочарованіямъ, къ обиженному самолюбію рано присоединяется еще одна язва, отъ которой Достоевскій страдалъ почти всю жизнь: это—необходимость работать на срокъ, изъ-за насущнаго хлѣба. Уже въ апрѣлѣ 1846 г. онъ жалуется на то, что долженъ былъ «на 1,000 руб. асс. продать впередъ своего товару». — «Я взялъ уже у Краевскаго 100 руб. сер., — пишетъ онъ въ октябрѣ того же года, — и теперь отъ него бѣгаю... Система всегдашняго долга, которую такъ распространяетъ Краевскій, есть система моего рабства и зависимости литератур-

ной». У него нѣтъ теплой шинели, платье его, по его выраженію, «неприличное»; онъ проситъ денегъ въ займы у брата, такого же почти бѣдняка, какъ и онъ самъ, лишь бы только избѣжать журнальной кабалы. Братъ исполняетъ его просьбу, но не спасаетъ его отъ неотвратимаго зла. — «Я плачу всѣ долги моимъ посредствомъ Краевского», говоритъ онъ два мѣсяца спустя; «когда-то я выйду изъ долговъ. Бѣда работать поденщикомъ! Погубишь все — и талантъ, и юность, и надежду, омертвѣетъ работа и сдѣлаешься, наконецъ, пачкуномъ, а не писателемъ». — «Вотъ уже третій годъ моего литературнаго поприща, — я какъ въ чадѣ» — такъ оканчивается письмо, написанное весною 1847 г. — «Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходитъ за невремяемъ. Хочется установиться. Сдѣлали они мнѣ извѣстность сомнительную, и я не знаю, до которыхъ поръ пойдегъ этотъ адъ; тутъ бѣдность, срочная работа — кабы покой!» Неудивительно, что при такомъ прожиганіи жизни, при постоянной смѣнѣ унынія и надежды не могло не поколебаться и здоровье Достоевскаго, никогда, повидимому, не отличавшееся большою крѣпостью; жалобы на расстройство нервовъ встрѣчаются уже въ письмахъ 1846 г.

Въ перепискѣ Достоевскаго, теперь вышедшей въ свѣтъ, не оказывается, въ сожалѣнію, писемъ, которые относились бы къ послѣднимъ двумъ годамъ его свободной жизни; за письмомъ 9 сентября 1847 г. прямо слѣдуетъ письмо 18 іюля 1849 г., написанное уже изъ петропавловской крѣпости. Въ великомъ несчастіи, разразившемся тогда надъ Достоевскимъ, нѣкоторые готовы видѣть великое для него счастье, — или, по меньшей мѣрѣ, великую школу для его таланта. «Тѣ тяжелыя страданія, — говоритъ одинъ изъ петрашевцевъ (Біографія, стр. 127), — которыя слѣпая и глухая судьба послала Достоевскому совершенно незаслуженно, отразились и на его характерѣ. Немудрено, что онъ сдѣлался нервнѣе и раздражительнѣе въ высшей степени. Но, кажется, я не погрѣшу парадоксомъ, если скажу, что сами эти страданія послужили на пользу его таланта, развили въ немъ совершенство его психическаго анализа». Здѣсь указаны, по крайней мѣрѣ, обѣ стороны медали. Одинъ изъ біографовъ (О. Ѳ. Миллеръ) идетъ еще дальше: «захотѣвъ быть Достоевскому мачихой», говоритъ онъ, «судьба на самомъ дѣлѣ воспитала его какъ строгая, но попечительная мать». Подтвержденіе этому взгляду можно найти въ сужденіяхъ самого Достоевскаго. Припомнимъ, напримѣръ, разговоръ его съ сановникомъ, сооб-

щенный А. Н. Майковымъ въ торжественномъ засѣданіи спб. славянскаго благотворительнаго общества 14 февраля 1880 г. (Приложенія къ первому тому, стр. 56). Уже въ письмѣ 1857 г., написанномъ изъ Семипалатинска, Достоевскій говорилъ одному изъ друзей своихъ: «сильные перевероты въ жизни помогаютъ всегда; я былъ ипохондрикомъ въ высшей степени, но излечился вполне крутымъ переверотомъ, случившимся въ судьбѣ моей».

Большой ошибкой, однако, было бы останавливаться на этихъ словахъ и видѣть въ нихъ окончательное рѣшеніе вопроса. Отъ Достоевскаго, отдающаго себя все больше и больше во власть теоріи и логически примѣняющаго ее къ собственному прошедшему, можно апеллировать къ Достоевскому же, говорящему подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій. Каторжникамъ переписка была, безъ сомнѣнія, воспрещена; въ напечатанномъ теперь сборникѣ писемъ нѣтъ ни одного, относящагося къ этому періоду. Первое, за то, письмо, написанное по окончаніи каторги (отъ 30 іюля 1854 г.), показываетъ, что Достоевскій именно ей приписываетъ болѣзнь, отъ которой онъ такъ ужасно страдалъ до самой смерти. Положимъ, что онъ ошибался, что зародыши болѣзни таились въ немъ еще до суда и ссылки; несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что развила и ожесточила ее именно каторга—и никому изъ читателей «Мертваго дома» это, конечно, не покажется страннымъ. Еще знаменательнѣе, въ нашихъ глазахъ, слѣдующее мѣсто письма, помѣченнаго 6-мъ ноября 1854 г.: «вотъ уже скоро десять мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь. *А тѣ четыре года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Что за ужасное было это время, не въ силахъ я рассказать тебѣ.* Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута таготѣла какъ камень у меня на душѣ. Во всѣ четыре года не было мгновенія, въ которое бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но что рассказывать! Даже еслибы я написалъ къ тебѣ сто листовъ, то и тогда ты не имѣлъ бы понятія о тогдашней жизни моей. Это нужно, по крайней мѣрѣ, видѣть самому,—я уже не говорю испытать». Изъ того же письма мы узнаемъ, что во все время пребыванія въ каторгѣ Достоевскій не получилъ ни одной вѣсточki о своихъ: «я былъ какъ ломоть отрѣзанный», восклицаетъ онъ. Въ письмѣ къ А. Н. Майкову (18 января 1856 г.) онъ указываетъ еще на одинъ источникъ страданій, вынесенныхъ имъ въ каторгѣ: «Не могу вамъ выразить, сколько я мукъ терпѣлъ оттого, что не могъ въ каторгѣ писать—а между прочимъ

внутренняя работа кипѣла». Освобожденіемъ изъ каторги бѣдствія Достоевскаго не заключились; пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Семипалатинскѣ (до осени 1856 г.—рядовымъ), принадлежать, какъ видно изъ его переписки, къ числу самыхъ тяжелыхъ періодовъ его жизни. «О, дай Богъ вамъ счастья, — пишетъ онъ другу въ 1856 г., — а не тѣхъ ужасовъ, которые иногда могутъ быть — говорю по опыту!.. Дѣла мои ужасно плохи и я почти въ отчаяніи. Трудно перестрадать, сколько я выстрадалъ! Всего передать не могу; я одинъ совершенно съ своей безвыходной тоской». — «Не дай вамъ Богъ, — говоритъ онъ нѣсколькими мѣсяцами позже, — испытать то, что я испытываю». Одиночество, непосильный и нелюбимый трудъ, крайняя трудность добывать книги, усиливавшаяся болѣзнь, бѣдность, или, лучше сказать, нужда (тѣмъ болѣе чувствительная, что въ 1857 г. онъ женился на вдовѣ и взялъ на себя воспитаніе ея сына) — все это давить и душить его съ страшною силой. Единственная его надежда — литературный талантъ; но онъ долго не знаетъ, позволять ли ему что-либо печатать. Чтобы добиться этого позволенія, онъ пишетъ стихи по поводу восточной войны, пишетъ статью политическаго содержанія, наполненную «самыми патріотическими идеями», готовится писать письма объ искусствѣ; «лучше начать серьезной статьей и на нее просить разрѣшенія печатать, ибо на романъ до сихъ поръ смотреть какъ на пустяки» (письмо 13 апрѣля 1856 г.). «Если печатать не позволятъ еще годъ, — восклицаетъ онъ въ концѣ 1856 г., — я пропаду. Тогда лучше не жить! Никогда въ жизни моей не было для меня такой критической минуты, какъ теперь». Когда разрѣшеніе печатать, наконецъ, получено (повидимому — въ концѣ 1857 или началѣ 1858 г.), для автора сразу возобновляются прежнія терзанія, обусловливаемые необходимостью писать изъ-за денегъ. Ему напоминаютъ о старомъ долгѣ, требуютъ уплаты или отработки (см. письмо 1 марта 1858 г.); между тѣмъ обстановка его не благоприятствуетъ крупному труду, онъ отлагаетъ мысль о большомъ романѣ до возвращенія въ европейскую Россію и пишетъ двѣ повѣсти, «которые будутъ только-что свосны» (письмо отъ 31 мая 1858 г.). Условія, на которыхъ онъ пристраиваетъ ихъ въ журналахъ, кажутся ему крайне невыгодными. «Я очень хорошо знаю, — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 9 мая 1859 г., — что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ же хуже, и, наконецъ, я надѣюсь написать совсѣмъ не хуже. За что же я-то, съ моими нуждами, беру только 100 р. (съ листа), а Тургеневъ, у котораго 2.000 душъ, по 400. Отъ бѣдности я

принужденъ торопиться и писать для денегъ, слѣдовательно непремѣнно портить». Одному изъ журналовъ даже плата въ сто рублей показалась слишкомъ большою; такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ Достоевскій непринятіе «Русскимъ Вѣстникомъ» повѣсти: «Село Степанчиково» (письмо, отъ 11 октября 1859 г.).

Остановимся здѣсь на минуту и спросимъ себя: можно ли видѣть въ десяти годахъ, проведенныхъ Достоевскимъ въ тюрьмѣ, каторгѣ и ссылкѣ, «строгое, но попечительное воспитаніе, данное ему «матерью-судьбою»?—Чтобы придти къ безусловно-отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ, стоитъ только посмотрѣть на дѣло прямо и просто. Такія страданія, какія перенесъ Достоевскій, ничѣмъ не вознаградимы; они сломали его жизнь, возвратили его на свободу больнымъ и несчастнымъ человѣкомъ. Намъ хотѣть увѣрить, что Достоевскій, до 1849 г., «чуть было не сошелъ съ ума отъ различныхъ самосочиненныхъ болѣзней» (Биографія, стр. 125), что его спасла обрушившаяся на него катастрофа; но отъ ипохондріи, о которой говоритъ самъ Достоевскій, еще далеко до сумасшестія ¹⁾. Въ письмахъ, написанныхъ до ареста, Достоевскій является человѣкомъ нервнымъ, раздражительнымъ, но отнюдь не близкимъ къ умственному разстройству. Въ первыхъ сочиненіяхъ его, особенно въ «Хозяйкѣ», есть кое-что болѣзненное—но этотъ элементъ выступаетъ здѣсь на видъ далеко не такъ рельефно, какъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ романахъ («Идіотъ», «Бѣсы», «Подростокъ»). Все заставляетъ думать, что безъ насильственного перелома существованіе Достоевскаго устроилось бы несравненно нормальнѣе и лучше. Но, можетъ быть, его дарованіе не достигло бы тогда своего апогея, его міросозерцаніе осталось бы менѣе оригинальнымъ и глубокимъ? Не говоря уже о томъ, что слишкомъ эгоистично радоваться развитію таланта, купленному цѣною счастья—мы не видимъ тѣсной внутренней связи между бѣдой, постигшей Достоевскаго, и его литературной славой. Прочное основаніе этой славѣ положили «Бѣдные люди», сильная сторона которыхъ—именно сочувствіе къ униженнымъ, маленькимъ, забытымъ, умѣнье найти и показать въ нихъ *человѣка*. Это сочувствіе, это умѣнье вложено въ Достоевскаго не каторгой; оно составляетъ прирожденную или, по крайней мѣрѣ, издавна привитую черту его творчества. Дарованіе его всегда было капризно, всегда двигалось скачками, то

¹⁾ Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Достоевскаго (отъ 4 февраля 1872 г. онъ говоритъ, ипохондомъ, о душевной болѣзни, отъ которой вылетѣла въ Сибирь—но это по всей вѣроятности не что другое, какъ именно ипохондрія, о которой онъ писалъ, какъ мы видѣли, еще въ 1857 г.

впередъ, то назадъ; послѣ «Бѣдныхъ людей» оно, повидимому, клонится къ упадку, но поднимается уже въ «Нечеткѣ Незвановой», написанной незадолго до ареста, въ «Маленькомъ Герое», сочиненномъ въ крѣпости. Ниже этого уровня стоятъ первыя произведенія, слѣдующія за вынужденнымъ перерывомъ: «Дядюшкинъ сонъ», «Село Степанчиково»; даже «Униженные и оскорбленные» отнюдь не свидѣлствуютъ о томъ, чтобы Достоевскому, какъ *писателю*, послужили на пользу тяжелые годы испытаній. Даже «Записки изъ Мертваго дома», несмотря на поразительный интересъ содержанія, далеки отъ той высоты, которой достигаетъ Достоевскій въ «Преступленія и Наказанія», слишкомъ десять лѣтъ послѣ выхода изъ каторги. Что касается до міросоверпанія Достоевскаго, то главныя его основы были уже на лицо до ссылки (см. Біографію, стр. 92—3), а окончательно оно установилось, по словамъ г. Страхова (Приложенія, стр. 65—66), не раньше конца шестидесятыхъ годовъ. Какъ ни смотрѣть, слѣдовательно, на убѣжденія Достоевскаго, приурочивать ихъ къ каторгѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя. «Съ первой своей повѣсти и до конца,—говоритъ г. Страховъ (Приложенія, стр. 61),—Достоевскій остался однимъ и тѣмъ же; ему нельзя было измѣниться, потому что уже въ этомъ первомъ произведеніи вылилась его душа, сказался весь складъ его пониманія жизни». Если такъ посмотреть на Достоевскаго одинъ изъ представителей той группы, которая всегда готова *jugare in verba magistri*, всегда расположена къ мистическимъ размышленіямъ о «попечительной судьбѣ»,—то не ясно ли, что «воспитаніе путемъ страданій», въ примѣненіи къ Достоевскому—пустая фраза, которую пора было бы сдать навсегда въ архивъ? Съ гораздо большимъ основаніемъ можно было бы утверждать, что ссылка, со всѣми своими результатами, испортила не только жизнь, но и талантъ Достоевскаго. Мы не настаиваемъ здѣсь на этой мысли потому, что доказать ее можно лишь путемъ разбора всѣхъ его сочиненій.

Около половины 1859 г. Достоевскій получаетъ разрѣшеніе выѣхать изъ Сибири, а вѣдѣтъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Твери—разрѣшеніе поселиться въ Петербургѣ. Здѣсь ему не надолго улыбается судьба; онъ находитъ кругъ близкихъ людей, горячо принимается за работу и скоро становится главнымъ сотрудникомъ или, лучше сказать, фактическимъ редакторомъ журнала («Времени»), основаннаго въ 1861 г. его братомъ Михайломъ. Журнальное дѣло, сильно его интересующее, идетъ успѣшно; третій годъ своего существованія «Время» начинается съ четырьмя тысячами подписчиковъ—цифрой, по тог-

дашнему времени, весьма крупной. Въ перепискѣ, вошедшей въ составъ настоящаго изданія, имѣется только одно письмо, относящееся къ этому періоду (отъ 6 іюня 1862 г.); другое (отъ 26 іюня того же года) напечатано въ той части біографіи, которая составлена г. Страховымъ. Оба письма отличаются спокойнымъ, отчасти даже веселымъ тономъ, столь рѣдкимъ въ корреспонденціи Достоевскаго; видно, однако, что онъ не свободенъ отъ заботъ и опасеній за будущее. «Мы надѣлали долговъ за прошлый годъ,—пишетъ онъ брату своему Андрею,—и только развѣ третій и четвертый годъ журнала дадутъ намъ спокойствіе и устойчивое положеніе». Надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Въ апрѣльской книгѣ «Времени» за 1863 г. помѣщена была статья г. Страхова: «Роговой вопросъ», вызванная польскимъ возстаніемъ, тогда находившимся въ полномъ разгарѣ. Мысль статьи, по словамъ самого автора (Біографія, стр. 247), была та, что «намъ слѣдуетъ бороться съ поляками не одними вещественными, но и духовными орудіями, и что окончательное разрѣшеніе дѣла наступитъ лишь тогда, когда мы одержимъ надъ поляками духовную побѣду. На дѣлѣ, въ жизни, мы безконечно превосходимъ поляковъ; нужно привести эту нашу мощь къ сознанію, нужно почерпнуть изъ нея ясныя формы умственнаго и культурнаго развитія». Вслѣдствіе одного изъ самыхъ колоссальныхъ недоразумѣній, какія только представляетъ столь богатая недоразумѣніями исторія русской печати, статья г. Страхова оказалась неблагонамѣренною, опасною; такую выставили ее въ особенности извѣстныя московскія изданія, уже тогда присвоившія себѣ монополію патріотизма. Когда стали носиться слухи объ опасности, угрожающей журналу, редакция, какъ и авторъ статьи, не вдругъ могла этому повѣрить; «совѣсть у насъ была совершенно чиста», замѣчаетъ г. Страховъ. Необходимость обороны была признана слишкомъ поздно; замѣтка, написанная Достоевскимъ въ разъясненіе и защиту «Рогового вопроса»—замѣтка, скажемъ мимоходомъ, пронизанная негодованіемъ и нещадившая ни «Русскаго Вѣстника», ни «Московскихъ Вѣдомостей»—была принята «С.-Петербургскими Вѣдомостями» (состоявшими тогда подъ редакціей В. Ѳ. Корша), но запрещена цензурой, потому что дѣлу о злощастной статьѣ былъ данъ уже офиціальныи ходъ. «Время» было запрещено, и оправдательныя письма г. Страхова къ г.г. Аксакову и Каткову не измѣнили участи журнала. Самое краткое и мѣткое сужденіе объ этой исторіи мы находимъ въ письмѣ Достоевскаго къ г. Страхову, написанномъ восемь лѣтъ спустя, въ 1871 г.: «не статья была на-

печатана безтактно, а донесено было о ней безтактно, тѣми людьми, которые и не прочли ее всю, а дочитали уже послѣ». Авторъ статьи не раздѣляетъ, повидимому, горькаго чувства, отразившагося въ этихъ словахъ Достоевскаго; замѣчательно незлобивый, онъ готовъ винить во всемъ не тѣхъ, которыми «безтактно было донесено» о статьѣ, а самого себя. «Жизнь со своими конкретными чувствами и фактами—читаемъ мы въ томъ отдѣлѣ біографіи Достоевскаго, который написалъ г. Страховымъ, — «шла такъ горячо, что на этотъ разъ не потерпѣла отвлеченности. Несчастная статья въ этомъ отношеніи была очень дурно написана. Если самъ И. С. Аксаковъ былъ на минуту введенъ въ недоразумѣніе, то, конечно, я былъ виноватъ (!). Мнѣ горько подумать о томъ огорченіи, которое я невольно причинилъ многимъ патріотическимъ людямъ». Весьма характеристично, далѣе, все сказанное г. Страховымъ о томъ, какъ виновники бури лили масло на поднятыя ими волны. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», «чувствуя себя въ нѣкоторой мѣрѣ виноватою, усиленно хлопотала о томъ, чтобы помочь бѣдѣ, и послѣ всяческихъ настояній у министра П. А. Валуева, добилась, наконецъ, того, что ей, но только ей одной, дана была возможность объяснить возникшую путаницу. Это объясненіе явилось въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» и отличалось обыкновеннымъ мастерствомъ. Я былъ осыпанъ упреками очень рѣзкими по формѣ, но мало обидными по содержанію; рѣшительно опровергались всѣ положенія моей статьи, но столь же рѣшительно утверждалась ея невинность. Такимъ образомъ, было сдѣлано полное удовлетвореніе всѣмъ, негодовавшимъ на статью, и въ то же время редакція «Времени» и я были ограждены отъ всякихъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій». Замѣтимъ, что «Время» было запрещено въ маѣ, а майская книжка «Русскаго Вѣстника» вышла въ свѣтъ въ началѣ іюля. Неужели г. Страховъ полагаетъ, что Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ нимъ почти цѣлыхъ два мѣсяца и не упалъ лишь благодаря великодушной рукѣ, исплывшей ею же нанесенныя раны? Такъ ли, въ добавокъ, была могущественна, въ 1863 г., московская редакція, чтобы не только вызывать гнѣвъ, но и измѣнять его на милость?... Какъ бы то ни было, исторія съ «Роковымъ вопросомъ» можетъ быть резюмирована четырьмя словами: «своя своихъ не познаша». Избытокъ усердія уменьшилъ общую его сумму; печать молчанія была наложена на уста, жаждавшія вѣщать «благовѣренныя рѣчи». — «Мы очень горевали, — говоритъ г. Страховъ, — особенно потому, что потеряна была возможность выразить наше патріотическое настроеніе. Еслибы

«Время» не было запрещено, мы бы подняли горячую полемику съ московскими изданіями, стараясь перещеголять ихъ (!) въ патріотизмѣ, споря о томъ, кто лучше и глубже понимаетъ «русскіе интересы». Согласиться съ г. Страховымъ можно только въ томъ, что случай съ «Временемъ» доказываетъ «трудность веденія цензурнаго дѣла».

Запрещеніе «Времени» тяжело отразилось на обоихъ Достоевскихъ. Правда, М. М. Достоевскому дано было, восемь мѣсяцевъ спустя, разрѣшеніе основать новый журналъ, подъ именемъ «Эпохи» (прежде предполагавшіяся заглавія: «Правда» и «Дѣло» признаны были неудобными!); но изгладить послѣдствія перерыва оказалось невозможнымъ, подписка шла вяло: до уровня «Времени» новая «Эпоха» ни въ какомъ отношеніи не поднялась. Для Ф. М. Достоевскаго еще лѣтомъ 1863 г. возобновились прежнія мытарства—хлопоты о займахъ, запродажа не начатой еще работы, на этотъ разъ имѣвшая особенно непріятныя послѣдствія (см. письма, отъ 13 и 15 апрѣля 1864 г. и приложенную къ послѣднему копію съ письма, отъ 14 апрѣля; стр. 153—160). Въ началѣ 1864 г., положеніе Достоевскаго было по-истинѣ трагическое; жена его медленно умирала, онъ самъ постоянно и сильно хворалъ, жить приходилось въ Москвѣ, вдали отъ родныхъ и друзей—и все-таки нужно было писать, писать къ сроку, вымучивая изъ себя каждую страницу. Письма его за это время (стр. 141—158) производятъ удручающее впечатлѣніе. «Положеніе мое,—говоритъ онъ 5-го апрѣля,—до того тяжелое, что *никогда не бывалъ я въ такомъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ). Жизнь угрюмая, ядоровье еще слабое, жена умираетъ совсѣмъ; по ночамъ, отъ всего дня, у меня раздражены нервы. Нуженъ воздухъ, моціонъ, а и гулять некогда и негдѣ. Мое теплое (слишкомъ ватное) пальто мнѣ уже тяжело (вчера было 17 градусовъ въ тѣни). Да что описывать! Слишкомъ тяжело. А главное, слабость и нервы разстроены. Къ ночи я дѣлаюсь ужасно слабъ и не работаю, что очень худо; прежде лучшая работа была по ночамъ». Немногимъ легче была жизнь Достоевскаго и тогда, когда онъ, послѣ смерти жены, возвратился въ Петербургъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ скончался М. М. Достоевскій, и вся тяжесть редакціонной и издательской работы легла на его брата. Хуже всего было то, что для продолженія изданія Достоевскій вошелъ въ большіе долги (до 15,000 рублей)—и все-таки могъ довести «Эпоху» только до февральской книжки 1865 г. Число подписчиковъ упало до 1,300—и дѣло, стоившее столькожъ жертвъ, должно было навсегда прекратиться. Этотъ

ударъ былъ выдержанъ Достоевскимъ съ замѣчательною бодростью; сообщая одному изъ друзей грустную повѣсть послѣднихъ лѣтъ (14 апрѣля 1865 г.), онъ восклицаетъ: «а между тѣмъ все мнѣ кажется, что я только-что собираюсь жить. Смѣшно, не правда ли? Кошачья живучесть!» Смутная надежда отчасти оправдалась; въ томъ же 1865-мъ г., Достоевскій создаетъ лучшее, быть можетъ, произведеніе свое — «Преступленіе и наказаніе», — а въ началѣ 1867-го г. находитъ, въ второмъ бракѣ, высоко цѣнимое имъ семейное счастье ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ его постигаетъ новая бѣда; онъ вынужденъ оставить Россію, потому что кредиторы грозятъ ему долговой тюрьмой. Для него настаетъ четырехлѣтній, крайне тягостный періодъ скитаній за границей, окончившійся лишь во второй половинѣ 1871-го года.

Трудно повѣрить, чтобы авторъ «Преступленія и Наказанія», окончательно укрѣпившій за собою этимъ романомъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской литературѣ, могъ — при небольшой семьѣ и самомъ скромномъ образѣ жизни — страдать отъ бѣдности, доходить иногда, подъ ея гнетомъ, почти до отчаянія. Переписка Достоевскаго не оставляетъ въ этомъ, однако, никакого сомнѣнія. Чтобы понять причины такого страннаго факта, нужно прочесть исторію продажи Достоевскимъ права изданія его сочиненій (Біографія, стр. 291) и познакомиться съ цифрами журнальнаго его гонорара (Біографія, стр. 303; Письма, стр. 201, 206 и др.). Не только отъ «Зари», журнала начинающаго, но и отъ «Русскаго Вѣстника» Достоевскій получалъ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, не болѣе 150 руб. за печатный листъ, т.-е. меньше того, что уже тогда платили другіе журналы романистамъ менѣе крупнымъ. Повышеніемъ гонорара Достоевскій былъ обязанъ «Отечественнымъ Запискамъ», заплатившимъ ему за «Подростка» по 250 руб. съ листа. За «Братьевъ Карамазовыхъ» онъ получилъ, наконецъ, и отъ «Русскаго Вѣстника» по 300 р. съ листа. Если принять, затѣмъ, въ соображеніе, что много писать не всегда позволяло Достоевскому здоровье, что долговременное отсутствіе изъ Россіи также затрудняло его литературную дѣятельность, то бѣдственное положеніе его за границей сдѣ-

¹⁾ Первый бракъ Достоевскаго былъ бездѣтенъ; отъ второй жены онъ имѣлъ четырехъ дѣтей, изъ которыхъ двое — дочь и сынъ — его пережили. Какъ горячо любилъ ихъ Достоевскій — это съ особенною ясностью видно изъ письма его къ одной дамѣ, отъ 11 іюля 1879 г. (стр. 338): «Дѣти — мука, но необходимая, безъ нихъ нѣтъ цѣли жизни».

лается вполне понятнымъ. — «Ваши 125 рублей, — пишеть онъ одному изъ друзей въ сентябрѣ 1867 г., — рѣшительно насъ спасли; теперь вздохну немного и опять за романъ». — «Передъ вами я преступникъ, — говоритъ онъ, годъ спустя, въ письмѣ къ тому же другу, — ваши двѣсти рублей до сихъ поръ за мной! Отдамъ; не обвиняйте меня! Еслибъ вы знали, сколько я вынесъ, но отдамъ!» «Работа меня измучила и истощила. Вотъ ужъ годъ почти, какъ я пишу по 3¹/₂ листа каждый мѣсяцъ; это тяжело» (письмо, отъ 26 октября 1868 г.). — «Если онъ (издатель «Зари») будетъ согласенъ исполнить мою просьбу о деньгахъ, то пусть вышлетъ первые 75 руб. сейчасъ, нисколько не медля; пусть вникнетъ и пойметъ, что для меня время и срокъ помощи чуть не важнѣе самихъ денегъ... Двѣ-три сторублевныя вещи, у насъ бывшія, уже давнымъ-давно заложены; теперь придется продать бѣлье, пальто и, пожалуй, сюртукъ» (письмо, отъ 17 сентября 1869 г.). — «Неужели онъ не могъ сообразить послѣ двухъ моихъ писемъ, что у меня ни копѣйки нѣтъ денегъ, *буквально* ни копѣйки! Еслибъ онъ только зналъ, какъ я досталъ два талера, чтобъ ему телеграфировать... Развѣ я могу писать въ эту минуту? Я хожу и рву на себѣ волосы, а по ночамъ не могу заснуть! Я все думаю и бѣшусь! Я жду! О, Боже мой! ей Богу, я не могу описать всѣ подробности моей нужды: мнѣ стыдно ихъ описывать!» (письмо, отъ 16 октября 1869 г.). — «Я опять въ такой нуждѣ, что хотъ повѣситься» (письмо, отъ 12 февраля 1870 г.). — Къ крупнымъ тяготамъ, вылившимся въ этихъ отчаянныхъ крикахъ, присоединялись мелкія, раздражавшія и оскорблявшія Достоевскаго. Онъ пишеть для «Зари» — и иногда не можетъ добиться, чтобы ему высылали журналъ, хотя и готовъ платить за него наравнѣ съ подписчиками. Въ 1868 г., напечатавъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Преступленіе и Наказаніе» и печатая въ немъ «Идіота», онъ все еще не знаетъ, дорожить ли этотъ журналъ его сотрудничествомъ, и сѣтуетъ на то, что редація никогда ему не отвѣчаетъ (Письма, стр. 201). Еще замѣчательнѣе слѣдующіе отрывки изъ письма, отъ 19-го августа 1868 г.: «Я слѣпо вѣрю, что письмо мое пропало. Вѣрю потому еще, что имѣю причины такъ думать: я слышалъ, что за мной приказано слѣдить. Петербургская полиція вскрываетъ и читаетъ всѣ мои письма... Я получилъ анонимное письмо о томъ, что меня подозрѣваютъ (чортъ знаетъ въ чемъ), велѣно вскрывать мои письма и ждать меня на границѣ, чтобы строжайше и нечаянно обыскать. Но каково же вынести человѣку чистому, патріоту, предавшемуся имъ до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, обо-

жающему государя, — каково вынести подозрѣніе въ какихъ-нибудь сношеніяхъ съ какими-нибудь полячишками или съ «Колоколомъ»... Руки отваливаются невольно служить имъ. Кого они не просмотрѣли у насъ, изъ виновныхъ, а Достоевскаго подозрѣваютъ!»

Съ возвращеніемъ Достоевскаго въ Россію начинается послѣдняя эпоха его жизни, мало разъясняемая и матеріалами для его біографіи, и перепиской. Письма, относящіяся къ этому времени, крайне бѣдны фактическими деталями, да и въ исторіи его мысли прибавляютъ немного. Матеріальное положеніе его, по словамъ г. Страхова, постепенно улучшалось; послѣдняя запродажа труда относится къ 1878 г., съ тѣхъ поръ никакихъ займовъ уже не дѣлалось и началось собираніе небольшого капитала. Чтò именно было причиной выхода Достоевскаго изъ «Гражданина», въ которомъ онъ началъ свой «Дневникъ писателя» (въ 1873 г.), что заставило его прекратить отдѣльное изданіе «Дневника», пользовавшееся (въ 1876 и 1877 гг.) большимъ успѣхомъ, и возобновить его лишь въ эпоху «новыхъ вѣяній» — объ этомъ въ біографіи не говорится ни слова. Мы узнаемъ только, что «Дневникъ писателя» выходилъ подъ предварительной цензурой, потому что авторъ его не имѣлъ средствъ внести требуемаго отъ безцензурныхъ изданій залога. Еще въ послѣдніе дни жизни Достоевскій страшно волновался опасеніемъ, пропуститъ ли цензура нѣсколько строкъ въ томъ номерѣ «Дневника», которому суждено было сдѣлаться посмертнымъ. Хорошее расположеніе духа возвратилось къ нему только тогда, когда его обнадежилъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати (Н. С. Абаза), сказавъ, что у цензуры не поднимется рука ни на одну его мысль. До свободы печати Достоевскому, такъ много потерпѣвшему отъ цензуры (см., напр., Біографію, стр. 271; Письма, стр. 178), дожить не пришлось — но онъ видѣлъ, по крайней мѣрѣ, тотъ короткій и блѣдный ея проблескъ, который кажется свѣтомъ сравнительно съ предшествующею и послѣдующею тьмою.

Состраданіе и симпатія — далеко не одно и то же; неотразимо вызывая первое изъ этихъ чувствъ, переписка Достоевскаго не располагаетъ ко второму. Обнародованіе ея безъ пропусковъ — услуга, оказанная истинѣ, но не памяти покойнаго писателя. Чтò Достоевскій былъ пристрастенъ къ «своимъ», не зналъ мѣры въ похвалахъ, обманывался въ ожиданіяхъ — это, до извѣстной степени, понятно; можно только улыбаться, читая, напримѣръ,

предсказаніе о книгѣ г. Н. Данилевскаго: «Россія и Европа» («это—будущая настольная книга всѣхъ русскихъ надолго!»); или такія фразы, обращенныя къ г. Страхову: «говорю вамъ и предрекаю, что вы непременно *должны* найти горячихъ приверженцевъ, и не мало. Уже одно то, что вы проповѣдуете истину!» Боле странно, но все-таки только странно, сужденіе о г. Аверкиевѣ, по поводу «Фрола Скабѣева», напечатаннаго въ «Зарѣ» 1869 г.: «не знаю, что выйдетъ изъ Аверкіева, но послѣ «Киптанской дочки» я ничего не читалъ подобнаго. Это — великій новый талантъ, и, можетъ быть, повыше многого современнаго». Совсѣмъ другое дѣло—отзывы Достоевскаго о Тургеневѣ, принятые глубоко враждебнымъ чувствомъ. «Я прочелъ,—говоритъ онъ, въ письмѣ, отъ 11 іюня 1870 г., «Казнь Тропмана» — Тургенева. Меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему онъ все конфузится и твердитъ, что не имѣлъ права тутъ быть?.. Всего комичнѣе, что онъ въ концѣ отвертывается и не видитъ, какъ казнятъ въ послѣднюю минуту: «смотрите, господа, какъ я деликатно воспитался! Не могъ выдержать». Впрочемъ, онъ себя выдаетъ. Главное впечатлѣніе статьи, въ результатѣ—ужасная забота, до послѣдней щепетильности, о себѣ, о своей цѣлости и своемъ спокойствіи, и это въ виду отрубленной головы». Въ какомъ настроеніи, съ какою предвзвѣтою мыслью нужно прочесть статью Тургенева, чтобы вынести изъ нея подобное «главное впечатлѣніе»?! — «Плевать, впрочемъ, на нихъ всѣхъ,—читаемъ мы дальше:—надоѣли они мнѣ ужасно. Я считаю Тургенева самымъ исписавшимся изъ всѣхъ исписавшихся русскихъ писателей». Утверждая, нѣсколько мѣсяцевъ спустя (письмо, отъ 2 декабря 1870 г.), что будущность принадлежитъ направленію «Зари», Достоевскій дѣлаетъ къ этимъ словамъ подстрочное примѣчаніе: «этого только вашъ *прозорливый* Тургеневъ не видитъ». Въ томъ же письмѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «Король Лиръ Тургенева (т.-е. «Степной король Лиръ») мнѣ совсѣмъ не понравился. Напыщенная и пустая вещь. Тонъ низокъ. Ей Богу, не изъ зависти говорю». — «Если вы признаете,—пишетъ онъ г. Страхову 18 мая 1871 г.,—что Тургеневъ потерялъ точку и виляетъ и не знаетъ, что сказать о нѣкоторыхъ явленіяхъ русской жизни (на всякій случай относясь къ нимъ насмѣшливо), то должны бы были и признать, что великая художественная способность его ослабѣла (и должна была ослабѣть) въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Такъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ: онъ очень ослабѣлъ какъ художникъ».

Еще печальнѣе тѣ страницы въ перепискѣ Достоевскаго, кото-

рыя посвящены великому критику сороковых годовъ. Раздражителейъ, жалченъ уже отзывъ о Бѣлинскомъ, напечатанный въ «Дневникѣ писателя» 1873 г. ¹⁾—но онъ является образцемъ мягкости и кротости, если сравнить его съ страстнымъ до бѣшенства языкомъ писемъ 1871 г.: «Бѣлинскій именно былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ, а потому и проклялъ Россію и принесть ей сознательно столько вреда... Еслибы Бѣлинскій, Грановскій и вся эта поглядѣли теперь (рѣчь идетъ о парижской коммуны), то сказали бы: нѣтъ, мы не о томъ мечтали. Они никакъ бы не согласились, что, разъ ступивъ на эту дорогу, нигуда больше не придешь, какъ къ коммуны и къ Феликсу Піа. Они до того были тупы, что и теперь бы, уже послѣ событія, не согласились бы и продолжали мечтать. Я обругалъ Бѣлинскаго болѣе какъ явленіе русской жизни, нежели лицо. Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни. Одно извиненіе—въ необходимости этого явленія... Онъ съ пѣной у рта бросился бы вновь писать поганья статьи свои, позоря Россію, отрицая великія явленія ея (Пушкина)... Онъ никогда не задумался надъ тѣмъ, что самъ гадовъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени ²⁾, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость. Вы говорите, что онъ былъ талантливъ. Совсѣмъ нѣтъ и, Боже! какъ навралъ о немъ въ своей статьѣ Григорьевъ!»—Что за ожесточеніе, не знающее предѣловъ, повторяющее по нѣскольку разъ одни и тѣ же ругательныя слова, топчущее въ грязь и талантъ, и личность давно умершаго человѣка! Мы едва ли ошибемся, если назовемъ его патологическимъ—и это, безъ сомнѣнія, объясненіе наиболѣе выгодное для Достоевскаго. Извѣстно, чѣмъ былъ для него, въ свое время, Бѣлинскій, съ какимъ восторгомъ отнесся послѣдній къ «Бѣднымъ людямъ»,

¹⁾ Припомнимъ, напримѣръ, слѣдующія строки изъ этого отзыва: «Бѣлинскій, можетъ быть, кончилъ бы эмиграціей... и примкнулъ бы адъютантомъ къ какой-нибудь нѣмецкой ш-те Геггъ, на побѣгушкахъ по какому-нибудь женскому вопросу» (новое изданіе «Дневника», стр. 9). Замѣчательно, что почти такая же фраза встрѣчается уже въ письмѣ 11 декабря 1868 г.: «онъ (Бѣлинскій) кончилъ бы тѣмъ, что состоялъ бы у какой-нибудь адъютантш-те Геггъ адъютантомъ по женскому вопросу». Сильно, должно быть, поправилась Достоевскому эта мысль, если онъ вспомнилъ о ней четыре года спустя и воспользовался ею для печати. Догадки такого рода надаютъ всей своей тяжестью на того, кто къ нимъ прибѣгаетъ.

²⁾ Любопытно сопоставить это мѣсто въ письмѣ Достоевскаго съ превосходными стихами Некрасова, въ которыхъ отличительной чертою Бѣлинскаго выставляется именно недовольство самимъ собою—«то недовольство, при которомъ нѣтъ ни самообольщенія, ни застоя... то недовольство, что думѣ живо не „дастъ востать противу новой силѣ“».

съ какою нѣжностью—къ ихъ автору, съ какою тревогой—къ произведеніямъ, заставлявшимъ бояться за будущность молодого дарованія. Уже послѣ возвращенія изъ Сибири, наканунѣ вступленія на новую дорогу, Достоевскій исполненъ еще уваженія къ своему учителю; это видно, напримѣръ, изъ приступа ко второй критической статьѣ, помѣщенной имъ въ «Времени» 1861 г. ¹⁾, гдѣ онъ такъ ѣдко смѣется надъ неблагодарностью «Отечественныхъ Записокъ», надъ попытками ихъ унизить Бѣлинскаго въ пользу преемниковъ, заступившихъ его, но не замѣнившихъ. Откуда же взялось въ Достоевскомъ, десять лѣтъ спустя, столь полное забвеніе прошедшаго; гдѣ источникъ той злобы, съ которой онъ набрасывается на дорогое ему нѣкогда имя? Быть можетъ, разгадавъ перемѣны заключаются отчасти въ томъ, что съ именемъ Бѣлинскаго, болѣе чѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ, были связаны прежнія убѣжденія Достоевскаго—тѣ убѣжденія, которыми онъ, по собственному выраженію его (Письма, стр. 192), «измѣнилъ», и о которыхъ именно потому не могъ вспомнить равнодушно. Враждебное отношеніе къ прошедшему составляетъ, въ подобныхъ случаяхъ, явленіе обычное, заурядное—но оно рѣдко доходитъ до той интенсивности, которая поражаетъ насъ въ отзывахъ Достоевскаго о Бѣлинскомъ. Усвоивъ себѣ извѣстную точку зрѣнія, можно не видѣть пользы, принесенной Бѣлинскимъ, можно, пожалуй, признавать его вліяніе безусловно вреднымъ—но для того, чтобы отрицать въ немъ даже талантъ, даже критическій тактъ, чтобы видѣть въ немъ «личную, смрадную, позорную тупость», нужно потерять всякое чувство справедливости, всякую способность здраво смотрѣть на вещи. Такая потеря—въ человѣкѣ съ дарованіями Достоевскаго—возможна только подъ условіемъ временной невмѣняемости, въ пароксизмъ нравственной и умственной боли, доводящемъ до ослѣпленія, до самозабвенія.

Въ перепискѣ Достоевскаго есть нѣсколько мѣстъ, бросающихъ яркій свѣтъ на характеръ творчества его, на процессъ работы, имъ усвоенный, есть и любопытныя сужденія о собственныхъ его произведеніяхъ—но обо всемъ этомъ удобнѣе будетъ упомянуть въ связи съ общей оцѣнкой дѣятельности Достоевскаго. Теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ о его біографѣхъ, гг. О. Миллерѣ и Страховѣ. Первый ограничивается, болѣею частью, выписками изъ корреспонденціи и со-

¹⁾ Эта статья напечатана въ томъ же томѣ новаго изданія, гдѣ помѣщенъ «Дневникъ писателя», за 1878 г. (стр. 87—89).

чинений Достоевскаго, изъ разсказовъ и воспоминаній, раньше появившихся въ печати или сообщенныхъ спеціально для настоящаго изданія; трудъ его, доведенный до начала шестидесятыхъ годовъ, не представляетъ ничего цѣльнаго и очень мало въ немъ самостоятельнаго. Къ механической группировкѣ фактовъ изрѣдка присоединяются личныя мнѣнія автора, образецъ которыхъ мы уже видѣли при разсмотрѣніи вопроса о «воспитательномъ» значеніи каторги и ссылки. Говоря о «Бѣдныхъ людяхъ», г. О. Миллеръ утверждаетъ, что тогдашняя критика, «при всей восторженности оказаннаго имъ приѣма, въ сущности не оцѣнила ихъ во всей глубинѣ ихъ значенія» — да и вообще добралась до положительнаго ихъ смысла, *впрямую*, лишь «при помощи непосредственнаго знакомства съ авторомъ». «Вліяніе, очевидно, было взаимное» — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ — «романиста на критика (Бѣлинскаго) и критика на романиста». Смѣлая мысль о вліяніи Достоевскаго на Бѣлинскаго не подтверждена даже тѣмъ, что на французскомъ юридическомъ языкѣ называется «un commencement de preuve». Г-нъ Миллеръ ссылается на то, что словесные отзывы Бѣлинскаго о «Бѣдныхъ людяхъ» (въ томъ видѣ, въ какомъ они приведены Достоевскимъ и П. В. Анненковымъ) не вполне совпадаютъ съ позднѣйшимъ, печатнымъ отзывомъ его. Слишкомъ усердный біографъ не замѣтилъ, что нѣкоторую (не очень большую) цѣну эта ссылка получила бы только тогда, еслибы намъ было извѣстно *все* сказанное Бѣлинскимъ, на словахъ, о первомъ романѣ Достоевскаго. Никакого противорѣчія между устными и печатными сужденіями его о «Бѣдныхъ людяхъ» мы не видимъ; послѣдніе яснѣе и опредѣленнѣе первыхъ — но это зависитъ отъ самой ихъ формы, не говоря уже о томъ, что *точная*, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, передача слышаннаго совершенно немыслима. Другимъ признакомъ вліянія Достоевскаго на Бѣлинскаго служитъ, въ глазахъ г. Миллера, тотъ фактъ, что въ «обзорѣ русской литературы» за 1847 г. Бѣлинскій восторженно отозвался о нравственномъ вліяніи христіанства въ социальномъ смыслѣ — а передъ тѣмъ, въ бесѣдѣ съ Достоевскимъ, относился къ христіанству совершенно иначе. Бесѣда, о которой здѣсь идетъ рѣчь, сообщена Достоевскимъ (въ «Дневникѣ писателя») въ 1873 г., т.-е. по прошествіи цѣлой четверти вѣка. Положимъ, что память (на слабость которой Достоевскій такъ часто жалуется въ своихъ письмахъ) въ данномъ случаѣ ему не измѣнила, что Бѣлинскій дѣйствительно говорилъ все приписываемое ему авторомъ «Дневника»; во всякомъ случаѣ нужно еще доказать, что перемѣна,

пронсшедшая во взглядахъ критика, была дѣломъ Достоевскаго. Въ собственномъ разсказѣ послѣдняго онъ является безмолвнымъ, протестующимъ противъ словъ Бѣлинскаго только измѣнившимся выраженіемъ лица; возражаетъ Бѣлинскому кто-то другой изъ участниковъ бесѣды. Еще одно небольшое замѣчаніе. Романъ Достоевскаго: «Бѣсы» — г. Миллеръ называетъ «въ психологическомъ смыслѣ автобіографическимъ и такъ странно у насъ непонятнымъ». Желательно было бы знать, упрекаетъ ли г. Миллеръ въ этомъ «странномъ непониманіи» и самого себя, за отзывъ о «Бѣсахъ», вошедшій въ составъ публичныхъ его лекцій о современной русской литературѣ (изданіе второе, стр. 244—5, 249—51)? На «автобіографическое» значеніе романа здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія; онъ признается уклоненіемъ автора съ настоящей дороги, чѣмъ-то въ родѣ *реляции* о фактѣ, не объясняющей ни генезиса, ни ближайшихъ причинъ его. Не находя въ «Бѣсахъ» отвѣта на вопросъ: «отчего же такой Петръ Верховенскій», — г. Миллеръ восклицаетъ: «если мы не хотимъ, не умѣемъ или не можемъ отвѣтить на такіе вопросы, то лучше и не дѣлать нѣкоторыхъ явленій предметомъ художественныхъ произведеній». Какъ смотритъ г. Миллеръ теперь на этотъ выводъ — какъ на пониманіе, или какъ на *странное непониманіе* «Бѣсовъ»?

Въ качествѣ біографа Достоевскаго, г. Страховъ имѣетъ передъ г. Миллеромъ преимущество личнаго знакомства съ излагаемымъ предметомъ. Ему принадлежитъ вторая часть біографіи, начинающаяся именно съ того момента, когда онъ сблизился съ Достоевскимъ и сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ редактированнаго имъ (*de facto*) журнала. Отсюда большая живость изложенія, большая цѣльность картины — но отсюда и искушеніе, противъ котораго не устоялъ г. Страховъ. Говоря о Достоевскомъ, онъ слишкомъ часто и слишкомъ много говоритъ о самомъ себѣ. Идетъ ли, напримѣръ, рѣчь о сдержанности, съ которою Достоевскій выступалъ первоначально противъ крайнихъ мнѣній — г. Страховъ спѣшитъ замѣтить: «мнѣ не терѣлось и хотѣлось скорѣе стать въ прямое и рѣшительное отношеніе къ нигилистическимъ ученіямъ. Могу сказать, что во мнѣ было постоянно какое-то органическое нерасположеніе къ нигилизму, и что съ 1855 г., когда онъ сталъ замѣтно высказываться, я смотрѣлъ съ большимъ негодованіемъ на его проявленія въ литературѣ». Обрисовываются ли, нѣсколько дальше, отношенія «Времени» къ другимъ журналамъ — г. Страховъ опять выдвигаетъ на первый планъ собственную свою исторію: «мнѣ досталось весьма

почетное мѣсто въ числѣ главныхъ враговъ, или, пожалуй, главныхъ жертвъ «Современника». Эта честь заслужена мною именно тѣмъ анализомъ нигилистическаго направленія, которымъ я съ такимъ усердіемъ занимался». — «Мою статью», читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, «запретила цензура, считавшая меня чрезвычайно опаснымъ, такъ что не пропускала тѣхъ самыхъ моихъ статей, въ которыхъ я рвался заявить свой патріотизмъ и снять съ себя обидное обвиненіе». Эта подробность не лишена нѣкотораго интереса, какъ матеріалъ для исторіи цензурныхъ недоразумѣній¹⁾; но кому нужно знать, что г. Страховъ выѣхалъ изъ Петербурга «въ половинѣ іюля (1862 г.), остановился дня на два, на три въ Берлинѣ, потомъ столько же въ Дрезденѣ?» Смѣшеніе біографическаго элемента съ автобіографическимъ приводитъ иногда къ комическимъ результатамъ. Упомянувъ о статьяхъ, написанныхъ имъ для «Времени», подъ псевдонимомъ Косицы — статьяхъ, въ которыхъ «не было свиста, но было тѣмъ больше силы» — г. Страховъ прибавляетъ: «разсказываю обо всемъ этомъ потому, что дѣло это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія: оно повело къ совершенному разрыву «Времени» съ «Современникомъ», а затѣмъ къ общей враждѣ противъ «Времени» почти всей петербургской журналистики». Какія, въ самомъ дѣлѣ, *чрезвычайно важныя послѣдствія!* Кто помнитъ начало шестидесятыхъ годовъ, тому очень хорошо извѣстно, что никакой выдающейся роли въ исторіи нашего общества или нашей мысли «Время» никогда не играло, что оно имѣло успѣхъ не какъ журналъ, а какъ сборникъ книжекъ, въ которыхъ печатались «Униженные и оскорбленные», «Записки изъ Мертваго Дома» и т. под. Не только *чрезвычайно*, но и *сколько-нибудь* важной судьба такого изданія можетъ казаться теперь развѣ близкимъ сотрудникамъ его. «Отечественныя Записки» сороковыхъ годовъ, «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» слѣдующаго десятилѣтія были представителями ярыхъ, определенныхъ направленій; пережитое ими переживалось, до извѣстной степени, всѣми или многими мыслящими людьми эпохи. Ничего подобнаго нельзя сказать о «Времени»; попытка создать для него какое-то ретроспективное значеніе не имѣетъ никакихъ шансовъ удачи. Съ другимъ, еще болѣе забавнымъ самооболь-

¹⁾ То же самое можно сказать и о слѣдующемъ сообщеніи г. Страхова: „съ тѣхъ поръ (т.-е. со времени исторіи съ „Росовицъ вопросомъ“) я попалъ на замѣчаніе и состоялъ на немъ дѣтъ пятнадцать, такъ что два или три раза, когда издатели журналовъ предлагали мнѣ редакторство, цензура отказывалась утвердить меня въ званіи редактора“.

щеніемъ г. Страхова мы встрѣчаемся въ той главѣ біографіи, которая посвящена Пушкинскому празднеству. Успѣхъ знаменатой рѣчи Достоевскаго — успѣхъ временной и чисто личный, неразрывно связанный съ настроеніемъ минуты и съ искусствомъ оратора — приписывается тутъ цѣлой партіи или группѣ, къ которой принадлежалъ покойный писатель. «Впечатлѣніе торжества, — говоритъ г. Страховъ, — было для меня не только сильное, но и совершенно ясное. Мнѣ живо вспомнилось все литературное движеніе, въ которомъ когда-то я такъ близко участвовалъ... Мнѣ вспомнился весь нашъ литературный кружокъ, «Русское Слово» (1859), «Время», «Эпоха», «Заря», «Гражданинъ»... Это были полосы и кучи людей, всегда придававшихъ литературному художеству высокое значеніе и потому видѣвшихъ въ Пушкинѣ свое главное свѣтило... Вотъ какое направленіе, думалось мнѣ, одержало верхъ на Пушкинскомъ праздникѣ... То, что случилось, было естественно и неизбежно. На Пушкинскомъ торжествѣ должна была одержать верхъ та партія, которая во все продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ питала и исповѣдовала поклоненіе Пушкину, и Достоевскій, самый важный и дѣятельный представитель этой партіи, долженъ былъ получить вѣнокъ первенства, какъ то, что ему принадлежало по всѣмъ правамъ и заслугамъ». — *Почвенникъ* потерялъ здѣсь подъ ногами всякую почву; онъ погрузился всецѣло въ міръ видѣній. «Эпоха», «Заря», «Гражданинъ» (!), питающіе поклоненіе Пушкину — развѣ здѣсь есть что-либо общее съ дѣйствительностью? Для славы великаго поэта такіе союзники могли быть только опасны — и если одно время она была словно окружена облаками, то разгадку этому слѣдуетъ искать не столько въ силѣ нападеній, сколько въ слабости защиты. Не будемъ, однако, слишкомъ несправедливы въ трудамъ гг. Миллера и Страхова; они не даромъ названы (не въ заглавіи, а въ текстѣ книги) «*материалами* для жизнеописанія О. М. Достоевскаго». Будущему біографу многострадальнаго писателя не трудно будетъ оставить въ сторонѣ нѣкоторые увлеченія г. Миллера, «*retours sur soi même*» г-на Страхова, — и почерпнуть изъ ихъ работъ фактическія данныя, имѣющія безспорную цѣнность.

К. АРЕНЬЕВЪ.

ОБЪ УСИЛЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ РОССИИ.

Одна изъ задачъ нашей интеллигенціи.

I.

Въ одной изъ нашихъ статей, въ прошедшемъ году ¹⁾, мы настаивали на восстановленіи металлическаго обращенія, какъ на одномъ изъ главныхъ условий, безъ котораго немислимо благосостояніе и правильное развитіе государства въ земледѣльческомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи. Между тѣмъ большинство лицъ, не заинтересованныхъ прямо въ торговлѣ или промышленности, относится къ нимъ совершенно индифферентно, а такъ-называемая интеллигенція, за исключеніемъ немногихъ специалистовъ, до извѣстной степени—и свысока, какъ къ предметамъ, достойнымъ занимать лишь торговцевъ и эксплуататоровъ, поглощенныхъ исключительно будничными интересами и наживой.

Такое одностороннее отношеніе къ столь важному предмету, какъ матеріальное развитіе благосостоянія отечества, доказываетъ, къ сожалѣнію, полное отсутствіе знакомства съ основными понятіями развитія богатствъ, о которомъ такъ горячо заботится вся цивилизованная Европа и которымъ обусловливается эта самая цивилизація. Достойнымъ себя самая юная часть этой интеллигенціи считала прежде трактованіе свысока о правильномъ распредѣленіи богатства, нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, насколько богатство это не велико сравнительно съ самыми богатыми государствами Европы.

¹⁾ «Восстановленіе металлическаго обращенія» — см. «Вѣсти. Европы», августъ, 1888 г.

Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, участіе интеллигентнаго класса въ развитіи земледѣлія, торговли и промышленности Россіи составляетъ одно изъ главныхъ условій правильнаго, осмысленнаго развитія этихъ отраслей благосостоянія государства. Еслибы, вмѣсто того, чтобы предаваться безплоднымъ сѣтованіямъ на отсутствіе живыхъ интересовъ въ отечествѣ, всѣ жалующіеся дали себѣ трудъ изучать нужды земледѣлія и промышленности и условія, наиболѣе имъ благопріятствующія, то убѣдились бы, что именно отсутствіемъ участія интеллигентнаго сословія въ дѣлахъ торговли и промышленности обуславливается у насъ отсталость и неразвитость того и другого.

Послѣдняя мануфактурная выставка въ Москвѣ осязательно показала способность Россіи къ совершенствованію своихъ произведеній; но то лишь были единичныя, можно сказать, исключительныя явленія, и служили какъ бы подтвержденіемъ этой способности къ совершенствованію и развитію; но вмѣстѣ съ тѣмъ они нѣсколько не обнаруживаютъ настоящей силы и роста, такъ какъ по нашему мнѣнію однимъ изъ главныхъ условій силы и процвѣтанія того и другого должна быть дешевизна предметовъ производства. Между тѣмъ всѣ произведенія промышленности и мануфактуры поражали своей дороговизной, давая громко чувствовать свой монопольный характеръ подъ крыльями золотой пошлины и низкаго курса нашего рубля.

Мы признаемъ покровительственную систему однимъ изъ главныхъ условій развитія промышленности въ извѣстный періодъ времени, когда промышленность эта находится еще на низкой ступени развитія, какъ наша; но мы положительно противъ того, чтобы покровительственная система вела къ монополіи нѣкоторыхъ отечественныхъ производителей, служила бы однимъ изъ интересовъ и ихъ обогащенію въ ущербъ интересамъ всѣхъ остальныхъ классовъ, относительно которыхъ монополія эта принимаетъ уже характеръ насилія, лишая ихъ дешевыхъ рынковъ.

Въ виду этого монопольнаго характера нашей промышленности, въ виду того, что, при такой дороговизнѣ производствъ, Россіи немислимо развитъ свою внѣшнюю торговлю—одно изъ главныхъ условій процвѣтанія страны—и она всюду вытѣсняется (какъ, напримѣръ, въ Китаѣ) и будетъ вытѣсняться конкуренціею странъ съ болѣе дешевымъ производствомъ,—мы и считаемъ желательнымъ болѣе серьезное и горячее отношеніе интеллигентнаго класса къ такому печальному положенію вещей. Если Франція, цвѣтущее состояніе которой во всѣхъ отрасляхъ промышленности и земледѣлія чуть не вошло въ поговорку, бьетъ въ настоящее время тревогу по поводу упадка своей внѣшней торговли и серьезно призываетъ общество къ усиліямъ одолѣть причины этого упадка, которыми главнымъ образомъ при-

знать дороговизну собственного производства сравнительно съ Англіею, Германіею и Италіею, то намъ ли, виѣшняя торговля которыхъ ограничивается вывозомъ одного лишь сырья, остаются равнодушными къ нашей отсталости и неумѣлости въ дѣлѣ виѣшной и внутренней торговли и производства.

Во Франціи экономисты жалуются на отсутствіе у нихъ подвижныхъ молодыхъ людей, которые бы развѣзжали по разнымъ государствамъ съ цѣлью изучать нужды и условія тамошней производительности и торговли и сообразно съ этимъ направлять свою предпримчивость. Они приводятъ въ примѣръ нѣмцевъ, у которыхъ молодые люди, окончившіе ученіе въ коммерческихъ училищахъ, отправляются для практическаго изученія торговли за-границу, преимущественно въ Англію, и всегда готовы переносить свою дѣятельность въ отдаленныя страны и не стѣсняться жизнью среди чужеземцевъ, если шибется въ виду расширеніе дѣла. Въ Гамбургѣ, напримѣръ, есть гостиницы, въ которыхъ цѣлый годъ проживаютъ со своими семействами компаньоны торговыхъ домовъ дальняго экспорта. Такіе торговые дома состоятъ болѣею частію изъ двухъ компаньоновъ, изъ которыхъ одинъ живетъ въ Гамбургѣ и занятъ закупками, другой въ Японіи, Австраліи или Америкѣ—и занятъ сбытомъ. Но такъ какъ такая экснатріація тягостна, то они чередуются каждый годъ или каждые два года. Возвращающійся поселяется съ семействомъ въ отелѣ, а прежній ѣдетъ замѣнить его съ своимъ семействомъ. У насъ же въ Россіи не только не существуетъ предпримчивыхъ людей въ этомъ направленіи, но не существуетъ почти буквально сословія такъ-называемыхъ русскихъ путешествующихъ приказчиковъ (commiss voyageurs); поэтому вся торговля внутри страны идетъ какъ бы опцупью или черезъ посредство конторъ, содержащихся почти исключительно иностранцами или евреями, вслѣдствіе чего и безъ того недешевое производство достается потребителю еще дороже. Сбытъ нашего сырья за-границу производится тоже почти исключительно заграничными конторами, которыя присылаютъ къ намъ сюда вышеупомянутыхъ предпримчивыхъ людей для скупки товаровъ, и потому сбытъ нашъ вполне зависитъ отъ ихъ произвола и требованій. Не желательно ли, повторимъ, привлеченіе интеллигентнаго класса къ ближайшему изученію, сначала теоретическому, а затѣмъ и практическому, нуждъ земледѣлія и промышленности, для того, чтобы съ помощію знанія направлять производящія силы въ ту или другую сторону, смотря по требованіямъ рынковъ и обстоятельствамъ, наиболѣе тому благоприятствующимъ?

Къ дѣлу земледѣлія былъ до извѣстной степени возбужденъ въ послѣднее время интересъ интеллигентнаго класса письмами „Изъ

деревни" г. Энгельгардта, въ которыхъ онъ не перестаетъ вызывать къ интеллигенціи и приглашать ее къ земледѣльческой дѣятельности и повидимому не безплодно, такъ какъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появились два разсказа его послѣдователей, изъ которыхъ одна—женщина, прошедшая школу бабьей работы у почтеннаго автора пишетъ „Изъ деревни“, подобно тому какъ послѣдователь мужского пола прошелъ всю мужицкую работу. Школа эта весьма тяжела для людей, физически не подготовленныхъ къ суровой работѣ. Отдавая полную дань такому добросовѣстному изученію дѣла, мы не можемъ не выразить опасенія, чтобы подобныя тяжелыя, непосильныя работы не устранили физически малосильныхъ интеллигентныхъ людей и не отвратили бы ихъ отъ занятія земледѣліемъ; поэтому позволимъ себѣ замѣтить, что такое самопожертвованіе совершенно не обязательно для успѣшнаго веденія дѣла земледѣлія практически, и лучшимъ доказательствомъ того можетъ служить примѣръ самого автора писемъ „Изъ деревни“, который сумѣлъ поставить въ цвѣтущее состояніе свое хозяйство, не продѣлывая надъ собою лично такихъ тяжелыхъ экспериментовъ.

Улучшеніе и усиленіе земледѣльческаго производства должно быть ближайшею задачею всѣхъ сколько нибудь интересующихся развитіемъ своей страны. Прежде, нежели успѣть достаточно развиться фабричное и заводское производство настолько, чтобы служить предметомъ вывоза или замѣнить собою ввозимые товары изъ за-границы,—Россія, бѣдная денежными капиталами и богатая земельною собственностью, обязательно должна эксплуатировать прежде всего эту собственность, пока у нея не накопится достаточно денежныхъ капиталовъ для развитія мануфактуры и промышленности. Какъ ни желательно прекращеніе вывоза за-границу одного лишь сырья, истощающаго почву безъ возмѣщенія ей утраченныхъ ею питательныхъ частицъ, тѣмъ не менѣе, въ виду задолженности Россіи, ей приходится волею-неволею все-таки поддерживать вывозъ сырья для поддержанія своего внѣшняго торговаго баланса. Къ сожалѣнію усиленный вывозъ хлѣба изъ Россіи за послѣдніе годы происходитъ на счетъ сокращенія его потребления мѣстнымъ населеніемъ, которое должно по этому случаю питаться добавочными, менѣе питательными суррогатами. Исслѣдованіе автора „Очерковъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“ ¹⁾ доказываетъ, что населеніе вслѣдствіе своего роста сокращаетъ свое потребленіе на 4,5% противъ прежняго.

Поэтому весь вопросъ въ дѣлѣ земледѣлія на первое время сводится къ тому, чтобы съ одной стороны, не истощая въ концѣ

¹⁾ Слово, № 10, 1890 годъ.

земли, удешевить и усилить его производство для того, чтобы съ успѣхомъ конкурировать Америкѣ и Остѣ-Индіи, съ каждымъ годомъ расширяющихся площади обработки земли подъ хлѣбъ, съ другой — не лишая массу населенія возможности получать въ достаточномъ количествѣ этотъ первый и самый главный для нея предметъ питанія, которымъ обуславливается дальнѣйшее промышленное развитіе Россіи. У насъ дѣло большаго или меньшаго вывоза постоянно связывается съ положеніемъ курса; и такъ какъ низкимъ или высокимъ положеніемъ нашего курса принято теперь измѣрять степень нашего благополучія, то извѣстія о неурожаѣ за-границей и урожаѣ у насъ производить въ насъ радостное волненіе и надежду на поправленіе курса, причѣмъ мы нисколько не заботимся о томъ, что такой усиленный вывозъ заставляетъ бѣдствовать народъ, продавая свой трудъ за безцѣнокъ, лишь бы прокормиться кое-какъ.

Намъ нѣтъ нужды, что мы только потому и конкурируемъ успѣшно съ Америкой, что спускаемъ дешевле нашъ хлѣбъ, благодаря низкому курсу и дешевой работѣ крестьянина, который изъ нужды закабалняетъ себя зимою на лѣтнюю работу. Американецъ платитъ за произведенныя работы золотомъ, потому и хлѣбъ свой продаетъ не иначе какъ на золото и не спускаетъ цѣны; онъ не желаетъ обогащать на свой счетъ иностраннаго потребителя; мы же дѣлаемъ это съ легкимъ сердцемъ, да еще радуемся нашему благополучію въ надеждѣ на поднятіе курса. Только возстановленіе металлическаго обращенія, на которомъ мы будемъ продолжать настаивать, и удешевленіе производства могутъ положить конецъ такому ненормальному положенію, въ какомъ находится Россія, не переставая продешевлять свое сырье и трудъ въ пользу иностраннаго потребителя, и уплачивая ему проценты по своимъ долговымъ обязательствамъ золотомъ. Такое состояніе Россіи совершенно тождественно съ положеніемъ должника, все болѣе и болѣе опутываемаго кулакомъ-кредиторомъ, роль котораго играетъ за границей преимущественно Германія, состоящая постоянно въ качествѣ посредницы между нами и остальной Европой, какъ въ денежномъ, такъ и въ торговомъ отношеніи. Въ послѣднее время она обратила паденіе нашего рубля въ свою доходную статью, постоянно играя на повышение и пониженіе; такъ что намъ приходится громко выражать свою радость по поводу выпуска новой монеты на денежный рынокъ Германіи — египетскихъ цѣнностей, и надѣяться, что она хоть на время отвлечетъ берлинскую кошку отъ игры съ русскими бумажками и дастъ отдохнуть нашему курсу, предоставляя его собственной судьбѣ.

Выяснивъ въ нашей прошлой статьѣ всю невыгодность низкаго положенія курса и указавъ до извѣстной степени на выходъ, мы не

теряемъ надежды, что зло высокаго лажя—нами ли указаннымъ путемъ, или инымъ какимъ способомъ—будетъ устранено. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не считаемъ себя въ правѣ скрыть, что восстановление курса можетъ произвести нѣкоторое замѣшательство въ торговлѣ, если не принять заранѣе надлежащихъ мѣръ. Еслибы это замѣшательство задѣвало лишь однихъ посредниковъ, скупщиковъ и кулаковъ, то, признаемся, мы бы не считали нужнымъ и упоминать объ нихъ, такъ какъ они достаточно нажились во время паденія курса. Но вмѣстѣ съ кулаками могутъ пострадать интересы производителей хлѣба на продажу. Положимъ, что прибыли, ими реализуемыя до сихъ поръ, болѣе фиктивныя; что съ восстановленіемъ металлическаго обращенія они будутъ получать болѣе реальныя прибыли, ибо будутъ получать золото взамѣнъ бумажекъ; но провинціальному человѣку сжившемуся съ высокими кредитными цѣнами на хлѣбъ, не легко будетъ сразу помириться съ пониженіемъ цѣнъ, хотя бы онѣ представляли чистое золото. Не понимая настоящей причины въ сущности фиктивнаго паденія цѣнъ, онъ будетъ склоненъ выжидать лучшихъ цѣнъ или сокращать производство, подобно тому какъ за послѣднія 10—12 лѣтъ онъ торопился расширять его въ ущербъ интересамъ земледѣлія, истощая почву посѣвами однородныхъ растений и сокращая количество луговъ въ ущербъ плодородію почвы, лишь бы осуществить скорѣе наибольшій барышъ въ виду повисшихся цѣнъ. Между тѣмъ, такое замѣшательство, затрогивая, повидимому, интересы одного класса, отзовется въ сущности на всѣхъ остальныхъ, хотъ бы въ видѣ неправильнаго поступленія налоговъ, которое влечетъ къ дефицитамъ; послѣдніе же покрываются обыкновенно новыми процентными долгами, выплачиваемыми цѣною новыхъ налоговъ. Поэтому въ общемъ интересъ—избѣгать подобныхъ кризисовъ и предупреждать ихъ по возможности, направляя дѣятельность земледѣлія въ болѣе выгодную сторону.

Помимо производства, дѣло земледѣлія требуетъ также предпримчивыхъ и подвижныхъ людей, которые бы время отъ времени объѣзжали иностранныя государства, изучая потребности каждаго изъ нихъ въ извѣстныхъ продуктахъ земледѣлія, не ограничиваясь справками въ печатныхъ цифрахъ. Изучая на мѣстѣ цѣны извѣстныхъ продуктовъ и соображаясь съ цѣною ихъ у насъ и цѣною мѣстнаго таможеннаго тарифа и провоза, такой предпримчивый человѣкъ можетъ открыть новый источникъ сбыта для Россіи и принести тѣмъ гораздо болѣе пользы отечеству и крестьянину, чѣмъ голословными разсужденіями о распредѣленіи богатствъ.

Лѣтъ восемнадцать тому назадъ, одинъ изъ такихъ желательныхъ предпримчивыхъ людей указалъ, какимъ путемъ нужно слѣдовать

людямъ, ницущимъ полезныхъ для родины занятій—мы говоримъ о Верещагинѣ, который по собственной инициативѣ и на свои собственные средства поѣхалъ изучать сыровареніе за-границей и распространялъ эту отрасль производства по Россіи непосредственно самъ и черезъ своихъ послѣдователей, открывъ такимъ образомъ новый путь къ дѣятельности и заработку бѣдному населенію страны. И если не вездѣ сыроварни процвѣли тамъ, гдѣ ихъ начинали, то это еще не доказываетъ ихъ непримѣнимости у насъ, а лишь непрактичность примѣненія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населенію не хватаетъ молока для собственного прокормленія. Умѣстное же примѣненіе ихъ въ Финляндіи значительно содѣйствовало процвѣтанію тамошняго молочнаго хозяйства, и потому намъ совершенно непонятно крайне злободневное отношеніе къ нимъ почтеннаго автора писемъ „Изъ деревни“.

Не менѣе почтенно и достойно подражанія болѣе позднее изслѣдованіе г. А. Кырша, который, изучивъ условія, сыроваренія въ Швейцаріи, изслѣдовалъ тѣ же условія на Кавказѣ и, убѣдившись въ возможности производить тамъ сыръ высшаго сорта, извѣстный у насъ подъ именемъ „швейцарскаго сыра“ (gruyère), отправился въ настоящее время изучать это производство въ Швейцарію, благодаря содѣйствію министерства государственныхъ имуществъ.

Считаемъ нужнымъ упомянуть о г. А. Шелиховѣ, который въ компаніи съ нѣсколькими лицами, уже равнѣ производившими опыты разведенія чайныхъ деревьевъ, приобрѣлъ для этой цѣли землю въ Закавказьѣ и выписываетъ въ настоящее время изъ Китая нѣсколькихъ съѣзжающихъ въ томъ китайцевъ для обученія приготовленію чайныхъ листьевъ, а также деревья для своей плантаціи изъ наиболѣе извѣстныхъ своими чаями провинцій.

Напомнимъ дѣятельность, заслуживающую подражанія, г. Мурановича, который занялся изслѣдованіемъ количества и свойства ввозимыхъ товаровъ въ Болгарію, хлопоталъ о сбавкѣ пошлинъ въ Болгаріи съ товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи; и если онъ не достигъ надлежащаго успѣха, то только благодаря дороговизнѣ товаровъ московскихъ мануфактуристовъ, которые не могутъ или не хотятъ поступиться своими, можно сказать, хищническими барышами и дѣлаютъ невозможной конкуренцію съ товарами другихъ странъ. Сокрушеніе этой китайской стѣны, ненасытной наживы московскихъ фабрикантовъ, которые во имя будто бы чисто русскихъ, но въ сущности чисто личныхъ интересовъ, добились вето на кавказскій транзитъ, должно составить, между прочимъ, одну изъ задачъ нашего интеллигентнаго сословія; не путемъ насилія, разумѣется, которому слѣдуютъ означенные фабриканты, требующіе отъ правительства

все новыхъ и новыхъ льготъ и запрещеній; но путемъ широкой конкуренціи, которая сослужитъ несравненно большую службу русскимъ интересамъ, нежели исключительная монополія московскихъ фабрикантовъ, и изысканіемъ улучшенія и удешевленія способовъ производства, дѣлающихъ ихъ доступными людямъ съ ограниченными средствами.

Въ послѣднее время правительство и земства серьезно озаботились изслѣдованіями кустарнаго производства, этого подспорья сельскаго сословія. Помимо чисто статистическихъ свѣдѣній, были напечатаны весьма интересныя сообщенія въ беллетристической формѣ, изъ которыхъ одно принадлежитъ извѣстному романисту нашему г. Воборыкину, ѣздившему изучать ножовное, замочное и вообще слесарное производство въ извѣстныя села нижегородской губ., въ Ворсму, Павлово и друг., и печатавшего свой трудъ въ 70-хъ годахъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“; и, конечно, трудъ его въ этомъ направленіи гораздо интереснѣе, а можетъ быть и благотворнѣе его иныхъ романовъ и фельетоновъ, если побудитъ ищущихъ полезной дѣятельности еще ближе ознакомиться съ описанными г. Воборыкинымъ производствами, попытаться изыскать средства устранить тѣ тяжелыя, изнурительныя условія, при которыхъ производится этотъ трудъ, примѣнить къ нимъ новѣйшіе усовершенствованные способы, облегчающіе и ускоряющіе это производство, и устроить сбытъ ихъ, минуя эксплуататорскихъ рукъ. Для этого, помимо желанія быть полезнымъ, необходимо еще серьезное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, и подробное изученіе его съ теоретической и практической стороны для избѣжанія лишннихъ промаховъ, безъ которыхъ рѣдко обходится всякое новое дѣло. Примѣръ Верещагина можетъ всегда служить ободряющимъ образцомъ; да и при такомъ отношеніи къ дѣлу можно рассчитывать на поддержку и содѣйствіе министерствъ государственныхъ имуществъ и финансовъ.

Другое сообщеніе въ той же беллетристической формѣ, обойденное молчаніемъ газетной критикой, принадлежитъ г-жѣ М. ¹⁾, объѣзжавшей по порученію земства окрестныя деревни Москвы. Дѣятельность эта тѣмъ почтеннѣе, что, судя по безхитростному разсказу г-жи М., ей пришлось ѣздить изъ деревни въ деревню на обывательскихъ подводахъ, въ простой телѣгѣ или дровняхъ, ночевать въ избахъ, какъ Богъ послалъ, и питаться такимъ же способомъ. Въ этомъ сообщеніи, какъ и въ сообщеніи г. Воборыкина, наглядно обрисовываются младенческіе способы производствъ, масса излишняго, даромъ пропадающаго труда, если принять въ расчетъ новѣйшія

¹⁾ „Отечес. Зап.“ 1880—86 годъ: „По деревнямъ“, М.

усовершенствованія въ способахъ тѣхъ же производствъ,—и чрезвычайное истощеніе силъ при весьма скудной заработной платѣ, благодаря скупщикамъ и скупщицамъ и другимъ посредникамъ, наживающимся на счетъ этого обезсиливающаго труда. Вотъ еще богатое поприще примѣнить свои силы людямъ, ищущимъ полезной дѣятельности и незараженнымъ стяжаніемъ наживы, дошедшимъ въ настоящее время до того, что невольно безпокоились за каждую новую общественную кассу.

Со временемъ мы надѣемся послѣдовательно разобрать всѣ отрасли труда и производствъ въ Россіи и указать въ главныхъ чертахъ тѣ направленія, которыхъ слѣдуетъ держаться, преслѣдуя дѣло развитія земледѣлія промышленности и торговли, и тѣ стороны, которыя подлежатъ еще изслѣдованію. Въ настоящей же нашей статьѣ мы ограничимся рассмотрѣніемъ дѣла земледѣлія, такъ какъ основой и главнымъ условіемъ развитія благосостоянія Россіи должно прежде всего служить все-таки земледѣліе и связанная съ нимъ техническая обработка его продуктовъ, какъ первыхъ переходныхъ ступеней къ дальнѣйшему экономическому развитію.

II.

Преобладающая въ настоящее время въ Россіи система земледѣльческаго хозяйства есть система хищническая. Она утвердилась исторически, какъ естественное послѣдствіе первоначальнаго обилія земли. Это обиліе въ настоящее время давно уже миновало для большинства земледѣльческихъ районовъ. Читатель слышалъ много жалобъ на недостаточность крестьянскихъ надѣловъ во многихъ мѣстахъ; цѣнность земли вообще значительно возрасла за послѣднее двадцатилѣтіе, и однако хищническій способъ земледѣлія продолжаетъ держаться у насъ какъ общее правило, несмотря на сказывающееся малоземелье; и въ такихъ случаяхъ крестьяне предпочитаютъ случайности и трудности далекаго переселенія, для того, чтобы на новыхъ мѣстахъ начать тотъ же хищническій способъ хозяйства, чѣмъ измѣнить способъ хозяйства на мѣстѣ.

Несправедливо было бы приписывать такое явленіе просто одному невѣжеству; нужно искать болѣе серьезныхъ причинъ такому упорству въ унаслѣдованныхъ привычкахъ. Дѣло въ томъ, что хищническій способъ хозяйства обусловливается не однимъ малоземельемъ, и зависитъ также отъ другихъ причинъ, и такія причины указываются прежде всего въ формѣ нашего землевладѣнія. Крестьянская реформа во многомъ измѣнила положеніе нашего крестьянина; но не косну-

лась способа пользованія имъ землею, которая осталась по прежнему общинной, въ прежнемъ смыслѣ этого слова; послѣдующая же практика не могла еще выработать другой окончательной формы землевладѣнія, къ которой бы слѣдовало стремиться.

Существующее общинное землевладѣніе вредитъ, какъ извѣстно, земледѣлію дробностью и черезполосностью полей, не допускающихъ ихъ надлежащей обработки; и кромѣ того, дозволяя частые передѣлы полей, оно не обезпечиваетъ за крестьяниномъ увѣренности въ томъ, что земля, имъ воздѣлываемая, будетъ находиться постоянно въ его владѣніи и владѣніи его дѣтей. Человѣку свойственно расти и хотѣть то, что составляетъ его неотъемлемую собственность, что рассчитываетъ онъ передать своему потомству, и потому крестьянинъ, чуждый высшаго развитія и любви къ такимъ отвлеченнымъ для него началамъ, какъ польза экономическая и польза государственная, всегда будетъ относиться индифферентно, и скорѣе хищнически, къ обрабатываемому имъ временно участку, стараясь извлечь изъ него наибольшее количество прибыли съ тратою наименьшаго количества матеріала, улучшающаго землю, и предпочтеть, какъ мы упоминали, вовсе бросить свой участокъ, переселиться или идти на сторонніе заработки—лишь бы не тратиться и не улучшать своего участка, который при новомъ передѣлѣ можетъ попасть къ другому владѣльцу.

Способствуя хищнической формѣ хозяйства, нынѣшняя община въ то же время уже теперь не привязываетъ тѣсно къ мѣсту поселенія и не удерживаетъ его отъ расположенія къ переселенію цѣлыми селами въ отдаленныя мѣста, подъ вліяніемъ расположенія къ той экстенсивной и хищнической культурѣ, къ которой онъ привыкъ.

Переселенія, благотвѣльныя тамъ, гдѣ народонаселеніе слишкомъ густо, бѣдственны и разорительны тамъ, гдѣ они совершаются безъ крайней необходимости и наносятъ прямой ущербъ народному хозяйству, заставляя переселяющихся продавать за безцѣнокъ оставляемое на мѣстѣ имущество и непродуманно терять время и трудъ на дальніе переѣзды и заведеніе новаго хозяйства.

Хищничество крестьяне переносятъ затѣмъ и еще въ болѣе сильной степени и на арендуемыя ими помѣщичьи земли. Тутъ хищничество является, конечно, уже не слѣдствіемъ общинной формы хозяйства, но также слѣдствіе временнаго и краткосрочнаго пользованія ими чужой землей. Вновь устроенный крестьянскій земельный банкъ, разумѣется, можетъ содѣйствовать развитію благосостоянія крестьянъ, давая имъ возможность расширять ихъ землевладѣніе въ тѣхъ случаяхъ, когда они бѣдствуютъ отъ недостатка земли; но пока не будутъ приняты мѣры для обезпеченія тѣмъ или другимъ путемъ результатовъ труда за земледѣльцемъ и его наслѣдниками,

до тѣхъ поръ земледѣлецъ не будетъ принимать мѣръ къ улучшенію своего положенія, и земельный крестьянскій банкъ будетъ лишь содѣйствовать быстрѣйшему выпашиванію земель. Все это и заставляетъ многихъ приписывать общинному владѣнію причину застоя въ крестьянскомъ хозяйствѣ и указывать на переходъ къ подворному пользованію какъ на неизбежное начало всѣхъ улучшеній.

Примѣръ западныхъ государствъ, дѣйствительно, приводитъ къ тому заключенію, что среднія фермерскія хозяйства, какія существуютъ въ Англіи, даютъ наибольшее процвѣтаніе сельскаго хозяйства, что слѣдовательно у насъ, гдѣ земли сравнительно много, и гдѣ она не составляетъ такой монополіи одного аристократическаго класса, какъ въ Англіи, слѣдовало бы, повидимому, стремиться и поощрять такой способъ обработки земли, причемъ у насъ фермы могли бы составлять собственность лицъ, ихъ обрабатывающихъ. Чѣмъ больше хозяевъ, работающихъ на себя, а не по найму или для аренды, тѣмъ болѣе и благосостоянія. Между тѣмъ, въ Англіи, рядомъ съ процвѣтаніемъ земледѣлія, постоянно возрастаетъ пролетаріатъ, котораго при настоящемъ обиліи земли въ Россіи можно было бы не опасаться; но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что и въ Россіи точно также съ увеличеніемъ народонаселенія подворная система земледѣлія должна была бы рано или поздно привести къ тому же результату.

Покойный князь Васильчиковъ подробно и всесторонне изслѣдовалъ вопросъ о землевладѣніи въ своемъ сочиненіи „Землевладѣніе и земледѣліе“ и пришелъ къ тому, что общинное владѣніе единственная форма, не допускающая зарожденія пролетаріата, начинающаго возрастать и усиливаться почти во всѣхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ сохранились еще общинныя начала землевладѣнія, какъ-то: Голландія и Швейцарія. Точно также и изслѣдованія Клауса ¹⁾ привели къ тому выводу, что въ тѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ у насъ, гдѣ была принята сначала русская общинная организація съ передѣлами, не образовалось обезземельныхъ; наоборотъ, въ тѣхъ, гдѣ было сначала принято подворное владѣніе, половина колонистовъ остается безъ земли, или съ весьма ничтожными надѣлами; тогда какъ другая половина владѣетъ большимъ количествомъ земли, чѣмъ у нея было при первоначальныхъ наръзахъ.

Итакъ, мы видимъ, что въ вопросѣ о формѣ землевладѣнія сталкиваются два сильныхъ интереса—интересъ экономическій и интересъ социальный. Отсюда рядъ безконечныхъ споровъ о пользѣ и вредѣ сохраненія общины и преимуществахъ подворнаго или общин-

¹⁾ „Наши колоніи“. Спб. 1869 г.

наго пользованія, непрерывное продолженіе которыхъ не привело до сихъ поръ ни къ какому результату.

Зло плохой обработки и хищническаго отношенія крестьянина къ хозяйству, при общинномъ владѣніи, Васильчиковъ и экономистъ Рау думаютъ устранить установленіемъ долгихъ промежутковъ между сроками передѣловъ и назначеніемъ премій, вознаграждающихъ хозяина, сдающаго свою полосу, если онъ во время своего пользованія произвелъ улучшеніе и удобреніе почвы, подобно тому, какъ это заведено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ирландіи, Англіи и въ Бельгіи во Фландріи, гдѣ фермеръ, сдающій свой участокъ, имѣетъ право требовать вознагражденія или отъ сѣмщика, или отъ самого владѣльца. Князь Васильчиковъ предлагалъ этотъ способъ поддержанія степени плодородія и поднятія народнаго хозяйства съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и приспособленіями къ нашему мірскому землевладѣнію. Желających ознакомиться подробнѣе съ этими мѣрами, мы отсылаемъ къ его интересному сочиненію.

Другой выходъ изъ затрудненія указываютъ нѣкоторые приверженцы общины въ ея дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи до артельной формы хозяйства, гдѣ все хозяйство велось бы не отдѣльными клиньями въ поляхъ каждымъ домохозяиномъ, а какъ одно общее хозяйство общины съ общимъ раздѣломъ урожая. Этотъ способъ обработки земли самый идеальный, и къ нему, между прочимъ, съ большимъ жаромъ взываетъ почтенный авторъ писемъ изъ деревни, видя въ немъ одно только спасеніе. Мысль эта не новая, и высказывалась и доказывалась еще краснорѣчивѣе до него нѣсколько сотенъ разъ на всѣхъ ладахъ и на всѣхъ языкахъ въ теченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, при всей ея привлекательности въ принципѣ, она до сихъ поръ не могла осуществиться на практикѣ, и вовсе не по независящимъ отъ ея проводителей обстоятельствамъ, на чтѣ пытались обыкновенно сваливать свои неудачи эти проводители артельного принципа, а просто по трудности слить во единое весьма разнохарактерныя природныя качества и способности.

Артельныя начинанія идутъ обыкновенно хорошо или при условіяхъ издѣльной рабочей платы, или при приблизительной математически одинаковой силѣ и качествѣ работы артельныхъ единицъ; болѣе слабыхъ или менѣе искусныхъ артель тотчасъ же вытѣсняется изъ своей среды, какъ то бываетъ въ плотничьихъ, столярныхъ и другихъ артеляхъ. Въ крестьянскомъ же хозяйствѣ работы такъ разнообразны, что на учетъ ихъ можетъ уйти половина рабочаго времени; тѣмъ болѣе, что рядомъ съ мужикомъ должна работать и баба, и потому подобное артельное начало совершенно немислимо, въ чемъ

легко убѣдиться, прочтя хоть того же самаго автора „Писемъ изъ деревни“, который рядомъ съ воззваніями къ артельному хозяйству рисуетъ весьма характерные факты, показывающіе до какой степени непримѣнны артельные начала въ дѣлѣ земледѣлія въ виду той бездны бесполезной и непронзводительной траты времени на дѣлежи участковъ и ожиданія почему-либо запоздавшихъ товарищей, безъ которыхъ остальная часть артели не двигается съ мѣста. Вотъ какъ описываетъ авторъ „Писемъ“ работу на облогѣ, которая обязательно должна была производиться артелью: „Сговорились начать тогда же. Выѣзжаютъ утромъ; шестеро уже пріѣхали, а двоихъ нѣтъ — проспалъ, выпивши вчера былъ, сбруя разладилась. Пріѣхавшіе стоятъ на десятинахъ, поджидаютъ опоздавшихъ, лошадямъ сѣнца подденнули, трубочки покуриваютъ, ругаются. Но вотъ пріѣхали и остальные — кому впередъ ѣхать?—споръ; наконецъ установили очередь. Пашутъ. У одного соха разладилась—всѣ стоятъ. Наладили, пошли; у одного лошадь и сбруя лучше; другой самъ плохъ. Неудовольствіе“.

Такими фактами, явно доказывающими неустойчивость его выводовъ относительно производительности сельской работы артелью изобилуетъ книга автора „Писемъ изъ деревни“. Бабы, живущія въ одномъ дворѣ, какъ, напримѣръ, жены двухъ родныхъ братьевъ, ежеминутно считаются и боятся переработать одна за другую при совмѣстномъ хозяйствѣ и дѣйствуютъ въ ущербъ интересамъ своего двора, слѣдовательно и самимъ себѣ, лишь бы не переработать за другую. „Бабы же, какъ на подборъ, молодица къ молодичѣ, умныя —разумѣется по своему, по бабьему, — пишутъ, напримѣръ, авторъ „Писемъ“, — здоровыя, сильныя, всѣ отлично умѣютъ работать и дѣйствительно работаютъ отлично, когда работаютъ не на дворъ, а на себя ¹⁾, напримѣръ, когда зимою мнутъ у меня ленъ и деньги получаютъ въ свою пользу. Хозяйство въ этомъ дворѣ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ: бабы хозяйина и мужей не слушаютъ, на работу выходятъ поздно, которая выйдетъ ранѣе, поджидаетъ другихъ, работаютъ плохо, спуста рукава, гораздо хуже батрачекъ“... и далѣе все въ этомъ родѣ: „каждая жнетъ отдѣльную нивку, и если одна оставила высокое жнитво, то и всѣ другія оставляютъ такое же“...

Мы жалѣемъ, что почтенный авторъ „Писемъ“, вызвавши столько поклонниковъ, не придумалъ указать болѣе примѣнимыя и слѣдовательно болѣе рациональныя способы веденія хозяйства, и главную причину раздѣловъ, вредящихъ будто бы сельскому хозяйству, сваливаетъ главнымъ образомъ на бабъ.

Что касается раздѣловъ, то новѣйшія изслѣдованія говорятъ

¹⁾ Курсы въ подлинникѣ.

скорѣе въ пользу раздѣловъ не въ принципѣ вообще, но тамъ, гдѣ они бывають вызваны нестерпимымъ семейнымъ положеніемъ ¹⁾).

Что касается бабъ или женщинъ вообще, то, спора нѣтъ, женщина—за немногими единичными исключеніями—составляетъ консервативный, задерживающій тормазъ цивилизаціи; женщина дѣйствительно жаднѣе, мелочнѣе мужчины, какъ утверждаетъ г. Энгельгардтъ; и это вслѣдствіе того, что на нее сваливаются самыя тяжелыя, мелочныя и неприглядныя работы въ скудномъ хозяйствѣ. Женщинѣ предоставляется распредѣлять пищу и одежду членамъ своей семьи; всякій недостатокъ того или другого прямо задѣваетъ ее по сердцу; не имѣя другихъ средствъ вывести семью изъ стѣсненнаго положенія, она, разумѣется, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы весь ея заработокъ и заработокъ мужа, дающіеся такимъ тяжелымъ трудомъ, шли бы, по крайней мѣрѣ, прямо на пользу ея семьи, а не семьи чужого, къ тому же, быть можетъ, и малосемейнаго; если же это для нея недостижимо, то она сберегаетъ силу свою, сознавая, что въ ней ея единственный капиталъ, котораго тратить на постороннихъ она не желаетъ, и потому въ общей работѣ будетъ считаться и не перерабатывать на другихъ, нисколько не заботясь о томъ, что черезъ это страдаетъ экономическое положеніе Россіи.

Не считается можетъ только вполне сытый человѣкъ, заводящій артель отъ скуки, изъ баловства; баба же ведетъ борьбу изъ-за существованія, и, понятно, всегда и будетъ считаться, если заработокъ ея не можетъ покрыть даже самыхъ настоятельныхъ нуждъ; она нисколько не разнится въ этомъ отношеніи съ интеллигентными людьми, заводившими, одно время, всевозможныя артели, изъ которыхъ ни одной не пришлось довести дѣла до конца, вслѣдствіе постоянныхъ несогласій, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ и въ томъ составѣ, въ которомъ онѣ начинались.

Можетъ быть, современемъ, путемъ подбора или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ физическихъ вліяній переродится сердце человѣка, и онъ будетъ добровольно предпочитать міровую пользу и выгоду своей личной; не будетъ принимать къ сердцу свои собственныя нужды и нужды дѣтей, стремясь лишь исключительно къ принципу общаго обогащенія. Такого перерожденія нельзя ожидать въ близкомъ будущемъ, если судить по тому, что, несмотря на огромный успѣхъ, совершенный цивилизаціей въ дѣлѣ развитія ума человѣческаго, непріятность ощущеній и столкновеній при веденіи совмѣстнаго хозяйства ни на шагъ не видоизмѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, іюль, 1888 г.: „Семейные раздѣлы крестьянъ“, статья г. Исаева.

такіе солидные люди, какъ Авраамъ и Лотъ, Іаковъ и Лаванъ, вынуждены были раздѣлиться, несмотря на то, что въ то время земли было обиліе, и она была плодородна сама по себѣ и не требовала особыхъ трудовъ для своего воздѣлыванія. Частныя изслѣдованія, какъ вышеупомянутое г. Исаева, не доказываютъ, чтобы крестьянское хозяйство страдало именно отъ раздѣловъ. Почѣмъ знать, быть можетъ, баба, стремясь къ раздѣлу и подбивая на то мужа, бессознательно стремится къ большей производительности и къ болѣе справедливому распредѣленію богатствъ, такъ какъ, работая исключительно на свою семью, она работаетъ усерднѣе, больше соображаетъ выгоды и невыгоды того или другого способа обработки, чѣмъ тамъ, гдѣ надъ ней властвуетъ свекоръ, деспотически распоряжающійся ея трудомъ и злоупотребляющій имъ въ пользу болѣе любимыхъ членовъ своего двора.

Намъ кажется поэтому, что авторъ „Писемъ“ едва ли не вдался въ маниловщину, указывая на земледѣльческія артели, какъ на единственный спасительный якорь, безъ котораго немислимо поднятіе земледѣлія у насъ. Мы жалѣемъ объ этомъ тѣмъ болѣе, что письма его, живо и талантливо написанныя, породили многихъ послѣдователей, которые могутъ пожелать осуществить форму веденія хозяйства въ ущербъ самому хозяйству, поднятіе котораго главнымъ образомъ желательно.

Вотъ какъ описываетъ въ газетахъ нѣкто И. Перепеленъ одну изъ попытокъ устроить сельское хозяйство на артельномъ началѣ въ Канзасѣ въ Америкѣ: „Члены ея уже давно разбѣжались и оставили всѣ фермы, хозяйство и зданія во владѣніи четырехъ человѣкъ: учредительницы г-жи К—во, пожертвовавшей на это предприятие пятьдесятъ тысячъ рублей, какого-то невзрачнаго щедраго еврейчика, доктора американца и наемнаго работника. Оказалось, что и тѣ изъ членовъ артели, которые остались еще здѣсь, только ждали первой возможности, чтобы тоже удрать отсюда. Они уже давно пребывали здѣсь въ полномъ бездѣйствіи; хозяйствомъ сельскимъ вовсе не занимались, а понемногу распродала имуществу, чтобы поддержать свое существованіе“; и далѣе: „Члены же все время бездѣйствовали, слагая свои обязанности и трудъ на новичковъ и наемныхъ работниковъ; сами же проводили время въ чтеніи „интересныхъ книжекъ“, спорахъ о переустройствѣ вселенной и пр., пр.“. Это пишетъ человѣкъ, не задавшійся какими-либо тенденціозными предвзятыми мыслями, а добродушный и малотолковый господинъ, незнающій, повидимому, что съ собою дѣлать, похвѣвшій не извѣстно чего искать въ Америкѣ, какъ онъ самъ сознается, и кончившій тѣмъ, что съ радостью принялъ должность ко-

чегара, лишь бы вернуться въ Европу. О другомъ такомъ же артельномъ хозяйствѣ во Флоридѣ онъ пишетъ, по отзывамъ сотрудника „Вѣстника Европы“, М—скаго, который рассказываетъ, что русскій учредитель тамошней артели гораздо хуже всякаго южнаго плантатора. Въ его артели находится человекъ пятнадцать, среди которыхъ нѣются медики, студенты и крестьяне, специально выписанные туда. Всѣ эти люди уже больше десяти лѣтъ влечать самое печальное существованіе и ничѣмъ не отличаются отъ черныхъ невольниковъ, пребывающихъ еще въ рабствѣ въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ.

Мы съ своей стороны не можемъ поэтому возлагать особенныхъ надеждъ на перерожденіе общинныхъ хозяйствъ въ артельное, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Спрашивается: какія же могутъ быть предложены еще мѣры, болѣе практическія и удобовыполнимыя?

Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны поставить другой—составляетъ ли дѣйствительно община такое безповоротное препятствіе улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ или, по крайней мѣрѣ, заключается ли въ ней дѣйствительно безусловная причина настоящаго неудовлетворительнаго его положенія?

Во-первыхъ, община существуетъ далеко не повсемѣстно и въ крестьянскомъ быту; во-вторыхъ, значительная часть земли находится не въ рукахъ крестьянъ, а частныхъ владѣльцевъ другихъ наименованій—почему же общій строй хозяйствъ остается въ такомъ случаѣ въ принципѣ тотъ же, какъ на общинныхъ такъ и на общинныхъ земляхъ. Очевидно, что превращеніе общиннаго пользованія въ подворное само по себѣ не въ состояніи было бы измѣнить дѣла, не возвысило бы крестьянскаго хозяйства, а дѣло вѣдь еще не въ одномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, а въ земледѣліи всего государства. Хищническое хозяйство въ настоящее время ведется преимущественно не на счетъ крестьянскихъ, а на счетъ помѣщичьихъ земель. У крестьянъ все давно выпажано; хищнический процессъ завершилъ свое дѣло и расхищать болѣе едва ли осталось много.

Итакъ, улучшеніе необходимо во всемъ строѣ хозяйства какъ на помѣщичьихъ, такъ и крестьянскихъ земляхъ общинныхъ и не общинныхъ. Если бы все это ограничивалось небрежнымъ отношеніемъ къ землѣ, вызываемымъ общиннымъ пользованіемъ, то одного назначенія болѣе долгихъ сроковъ для передѣловъ въ связи съ вышеупомянутыми мѣрами, предложенными княземъ Васильчиковымъ, можетъ быть, было бы совершенно достаточно для уничтоженія этого небрежнаго отношенія.

Кромѣ указаннаго недостатка, община имѣетъ еще другой—не менѣе существенный, который обыкновенно не указываютъ, и на который мы должны обратить вниманіе, какъ на условіе уже едва ли отвратимое вышеозначенными мѣрами. Общинное пользованіе прежде всего связано той общей системой полеводства, которой придерживается община, и не можетъ измѣнить ее. Отдѣльный общинникъ можетъ лучше удобрять и обрабатывать свой надѣлъ, но не можетъ завести, напримѣръ, выгоннаго хозяйства или плодовсѣна, пока община держится трехпольной системы и т. д.

Во-вторыхъ, община вызываетъ общинныя села и имѣетъ съ тѣмъ такое значительное удаленіе поля отъ жилья, которое поглощаетъ значительную часть рабочаго времени на переходы къ мѣсту работъ. Въ этомъ отношеніи ей поэтому трудно конкурировать съ подворнымъ пользованіемъ.

Не смотря на всѣ вышепоименованныя стѣсненія, связанныя съ общиннымъ пользованіемъ, мы не можемъ все-таки приписать исключительно общинѣ неподвижность въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго хозяйства, такъ какъ община можетъ до известной степени бороться противъ этихъ недостатковъ.

Если каждый общинникъ не можетъ измѣнить по произволу систему полеводства, то это можетъ сдѣлать вся община съ общаго согласія. Если ея нивы слишкомъ удалены отъ усадьбы, то она можетъ разбиться на болѣе мелкіе поселки. Во всякомъ случаѣ, хотя всѣ приведенныя условія ставятъ ее въ положеніе менѣе выгодное къ улучшенію хозяйства, чѣмъ подворное пользованіе, но они все-таки не уничтожаютъ безусловно возможности улучшенія; и если послѣднія не совершаются, то это происходитъ, вѣроятно, отъ другихъ причинъ, и эти причины, повидимому, общія какъ для общинныхъ, такъ и для подворныхъ земель, такъ какъ застой хозяйства всеобщій, а не на однихъ общинныхъ земляхъ.

Съ этой точки зрѣнія, если намъ дѣйствительно удастся указать такія причины, мы могли бы уже оставить вопросъ объ общинѣ совершенно въ сторонѣ, предоставивъ ей продолжать существованіе по прежнему, и сосредоточить свое вниманіе на устраненіи прежде всего этихъ общихъ и потому болѣе главныхъ причинъ.

Эти причины откроются сами собою, если обратиться прямо къ разсмотрѣнію тѣхъ улучшеній, которыя могутъ происходить въ способахъ обработки земли, насколько ихъ выработала историческая практика земледѣлія и наука, и въ примѣненіи которыхъ къ нашему земледѣлію заключается весь вопросъ.

III.

Культура земли бываетъ *экстенсивная*, то-есть такая, которая съ небольшимъ капиталомъ даетъ возможность обрабатывать большее количество земли,—и *интенсивная*, которая, напротивъ, требуетъ при-мѣненія большого капитала къ маленькому пространству. Первая господствуетъ въ Россіи, Венгріи, Америкѣ; вторая—въ Англіи, Бельгіи, Ломбардіи. Экстенсивное хозяйство заключаетъ въ себѣ нѣсколько системъ полеводства, какъ-то: *пастбищную, залежную, трехпольную и выгонную*. Интенсивная система обнимаетъ собою такъ называемый интенсивный *плодосмѣнъ*, или *плодосмѣнную* систему.

Пастбищная система самая первобытная; при ней земля служитъ только для производства корма для скота, проводящаго на подножномъ корму большую часть года, и если часть земли распаивается, то только для удовлетворенія нуждъ въ растительной пищѣ мѣстнаго населенія. Единственнымъ источникомъ обмѣна съ другими мѣстностями или странами служатъ скотъ, транспортирующий себя самъ, шерсть, кожа и овчины, выдерживающія далекую перевозку по дурнымъ дорогамъ. Пастбищная система въ чистой формѣ сохраняется въ европейской Россіи только на крайнемъ юго-востоку, благодаря малому количеству населенія.

Слѣдующая за тѣмъ система, обуславливаемая осѣдлостью жителей, относительною густотою ихъ—*система залежная* и параллельно съ ней идущая *переложная лѣсопольная*; первая возникаетъ въ степныхъ пространствахъ, а вторая въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Обѣ эти системы предполагаютъ уже извѣстный шагъ къ цивилизаціи, извѣстное раздѣленіе труда, при которомъ не всѣ заняты непосредственнымъ добываніемъ себѣ продуктовъ питанія; онѣ предполагаютъ извѣстный обмѣнъ и установленіе такой цѣны на хлѣбъ, при которой выгодно производить его не для одного только личнаго питанія, но и на продажу. Эта система не требуетъ большой затраты капитала на обработку земли. Только небольшая часть ея обрабатывается подъ хлѣбъ и еще меньшая подъ другія растенія; остальная же часть лежитъ или подъ зарослью (лѣсопольная система), или залежью (залежная система), и если не подъ лѣсомъ—въ случаѣ лѣсопольной системы—продолжаетъ служить пастбищемъ для скота, содержимаго не для цѣлей удобренія земли, такъ какъ удобренія сравнительно можетъ быть мало, а для производства все того же мяса, шерсти, сала и пр. Какъ ни малъ доходъ съ земель при такой системѣ ея обработки, онъ все-таки значительно выше дохода предшествовавшей системы. Такъ какъ при этой системѣ много излишней сравнительно

съ населеніемъ земли, то та небольшая часть ея, которая подвергается обработкѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ выпашиванія безъ надлежащаго восстановленія силъ ея удобреніемъ, забрасывается на нѣсколько десятковъ лѣтъ и подвергается дѣйствию вывѣтриванія, способствующему восстановленію ея производительныхъ силъ при помощи воздуха, воды и травяной растительности, обогащающей верхній почвенный слой на счетъ веществъ, заимствованныхъ изъ атмосферы и подпочвы; такъ что, по прошествіи извѣстнаго періода отдыха, земля эта становится опять плодородной и годной къ обработкѣ. *Залежная система* въ ея первоначальной формѣ существуетъ въ настоящее время въ европейской Россіи во многихъ мѣстностяхъ юга и юговостока—въ Новороссійскомъ краѣ, Донской области, на нижнемъ Поволжѣ и на востокѣ Россіи между Волгой и Ураломъ. *Лѣсопольная* подъ названіемъ *лѣдной*, *огневой*, *подсычной* и т. п. распространена на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Обѣ эти системы, какъ и пастбищная, вслѣдствіе своего ограниченного распространенія въ Европѣ, предполагаютъ весьма небольшое культурное развитіе и почти не входятъ въ расчеты при обсужденіи системъ, которыхъ принято главнымъ образомъ считать три: 1) *паровая*, *зерновая* или *трехпольная*, 2) *выгонная*, и 3) *плодосѣйная*. Только обѣ этихъ трехъ системахъ можетъ быть рѣчь при оцѣнкѣ выгодности той или другой культуры.

По мѣрѣ увеличенія народонаселенія и уменьшенія относительнаго количества земли, годной къ обработкѣ, періодъ отдыха земли сокращается постепенно отъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ до пяти. А затѣмъ при сокращеніи и этого періода залежи, она утрачиваетъ свое названіе залежи и называется перепаремъ или паромъ, вслѣдствіе чего трехпольная система называется также *паровой*, *зерновой* системой. Выгоды *трехпольной* системы сравнительно съ предшествовавшими состоятъ въ томъ, что тутъ обрабатывается большая площадь земли, чѣмъ въ предшествовавшихъ, и что почва не успѣваетъ зарости опасными для хлѣбной культуры сорными травами и легче дается обработкѣ, чѣмъ при залежной.

Для веденія трехпольнаго хозяйства необходимо, рядомъ съ участкомъ, посвященнымъ хлѣбной культурѣ, чередующейся съ паромъ, имѣть участокъ земли для производства кормовыхъ травъ для скота, безъ чего немислимо восстановленіе производительности кормового участка. Навозъ, получаемый на счетъ кормовъ съ луга съ придачей остатка отъ хлѣбной культуры на распашиномъ участкѣ, всецѣло посвящается этому участку, что позволяетъ культивировать его безъ истощенія почвы. Обыкновенно при трехпольной системѣ, распашиное поле дѣлится на 3 участка: одинъ подъ озимый хлѣбъ, другой подъ

яровой, третій остается годъ подъ паромъ, приче́тъ ежегодно озимь (рожь, озимая пшеница) слѣдуетъ за паромъ, а ярь (овесъ, ячмень, рѣже просо) за озимымъ; послѣ чего земля отдыхаетъ подъ паромъ, подъ которымъ должна неизбѣжно находиться одно лѣто для того, чтобы почва могла бы быть соотвѣтственнымъ образомъ обработана, удобрена. Такое дѣленіе пахотнаго поля на три участка и дало начало названію системы *трехпольной*.

Форма эта осуждается учеными агрономами по малой степени ея интенсивности и неблагоприятному вліянію ея на почву, вслѣдствіе крайняго однообразія изъ года въ годъ воздѣлываемыхъ на ней растений; тѣмъ не менѣе она представляетъ выгоды и удобства въ мѣстностяхъ, не слишкомъ богатыхъ капиталами и рабочими руками, какъ въ Россіи, хотя интенсивность ея могла бы значительно быть увеличена введеніемъ нѣкотораго подобія плодосмѣна, чередованіемъ между собою растений различнаго рода, напримѣръ, колосовыхъ хлѣбовъ и стручковыхъ растений, колосовыхъ хлѣбовъ и гречихи и т. п., и можно даже идти далѣе, не измѣняя основного характера паровой зерновой системы, совсѣмъ уничтожить въ ней паръ, замѣнивъ голый паръ паромъ, на которомъ будутъ посѣяны нѣкоторыя паровыя растенія, скорозрѣющія и оставляющія почву болѣе или менѣе подготовленной для послѣдующаго озимаго растенія. Такимъ паровымъ растеніемъ считается гречиха, овесъ, скашиваемый на кормъ. Сохраняя форму трехпольной системы такое хозяйство можетъ вестись въ такомъ видѣ: гречиха или другое паровое растеніе, озимь, ярь. Въ такомъ случаѣ удобреніе производится или раннею весною, или зимою; обработка же пароваго поля частью до, частью послѣ посѣва пароваго растенія. Трехпольная система преобладаетъ почти во всей европейской Россіи, за исключеніемъ вышепоименованныхъ мѣстъ ея, гдѣ существуетъ еще чистая пашенная и лѣсопольная, и залежная система, и нѣкоторыхъ мѣстъ Остзейскихъ губ. и царства польскаго, гдѣ существуетъ болѣе интенсивная—плодосмѣнная система. Слѣдующая болѣе интенсивная система *сѣнокосная* или *сѣннопольная*, или *мекленбургская*, развита въ Германіи и, извѣстная тамъ подъ названіемъ *Koppelwirthschaft* не принята у насъ, хотя, представляя болѣе совершенную культуру, чѣмъ трехпольная, могла бы быть примѣнена въ Россіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ плодородіе почвы и густота населенія прямо требуетъ этого перехода.

При *сѣнокосной* или *многопольно-травяной* системѣ добывается болѣе удобренія, чѣмъ при трехпольной, и этимъ обуславливаются лучшіе урожан и болѣе высокая доходность земли; но вмѣстѣ съ тѣмъ большее количество удобренія требуетъ и большихъ расходовъ по содержанію скота и трудности обработки земли, утопанной многолѣтнимъ

настигнемъ, нежели въ трехпольномъ хозяйствѣ, гдѣ обрабатывается рытлый паръ. Введеніе посѣва кормовыхъ травъ, требуемое выгонной системой, лучше содѣйствуетъ восстановленію плодородія почвы, чередуя кормовыя травы съ хлѣбами, и представляетъ собою первый шагъ къ переходу къ плодосмѣнной системѣ тамъ, гдѣ это можетъ быть допущено усиливающимися сгущеніемъ народонаселенія и еще большимъ увеличеніемъ плодородія почвы.

Всѣ вышеизложенныя системы—*экстенсивная*. *Интенсивной* же принято называть такъ-называемую *плодосмѣнную систему*. Она обусловливается такимъ сгущеніемъ народонаселенія и такой цѣной земледѣльческихъ продуктовъ и достиженія такого плодородія земли, что представляется выгоднымъ увеличить еще болѣе площадь воздѣлываемой земли и сократить выгонъ. Постепеннымъ сокращеніемъ выгона и переводомъ скота на содержаніе круглый годъ въ стойлахъ и совершается постепенный переходъ выгонной системы къ плодосмѣнной. Воздѣлываніе растений въ каждомъ полѣ производится такъ, что каждое растение приготовляетъ въ извѣстной мѣрѣ почву для послѣдующаго и устраняетъ то утомленіе почвы, которое вызывается однообразной культурой не только одного и того же растения, но и растений одной и той же категоріи, какъ, напр., колосовыхъ растений. Извѣстно, наприимѣръ, что эти послѣднія растения изъ составныхъ частей удобрения нуждаются въ значительной мѣрѣ въ фосфорной кислотѣ, которую они всю и поглощаютъ изъ удобрения; въ обыкновенномъ же удобрѣніи, то-есть, навозѣ, содержится гораздо болѣе кали, чѣмъ сколько его нужно для колосовыхъ хлѣбовъ, вслѣдствіе чего при постоянномъ удобрѣніи однимъ навозомъ можетъ накопиться такой избытокъ кали, что это сдѣлается вреднымъ для растений. Введеніемъ же на ряду съ колосовыми растеніями льна или картофеля, сильно нуждающихся въ кали, устраняется это зло. Кроме того, при однообразной хлѣбной культурѣ, въ особенности при отсутствіи междурядной обработки, почва въ значительной мѣрѣ зарастаетъ сорными травами. Корнеплодные же или вообще плугопольныя (пропашныя) растенія позволяютъ разрабатывать почву съ поверхности во время роста растений, причѣмъ такая разработка, способствуя урожайности самыхъ этихъ растений, подготавливаетъ въ то же время почву для слѣдующихъ растений. Разнообразіе растений при плодосмѣнной системѣ обезпечиваетъ выѣстъ съ тѣмъ хозяина больше, нежели однообразная хлѣбная культура, отъ всякихъ случайностей неурожая, каковы: засуха, нападеніе насѣкомыхъ и пр.

Вотъ описаніе плодосмѣнной системы принятой въ одной изъ частей Бельгій-Фландріи ¹⁾. Главная роль въ плодосмѣнной культурѣ

¹⁾ Essai sur l'économie rurale de la Belgique, par Emile de Laveleye.

Фландрію принадлежитъ удобренію. Первое мѣсто занимаетъ навозъ, количество котораго здѣсь превосходитъ количество же, собираемое во всѣхъ другихъ странахъ Европы, вслѣдствіе чего и количество скота превосходитъ таковое даже въ Англіи. Навозъ скопляется въ болъшей массѣ, потому что рогатый скотъ и лошади содержатся круглый годъ въ стойлахъ, вслѣдствіе чего ничто изъ его выдѣлений не пропадаетъ—ни изъ твердыхъ, ни изъ жидкихъ его отбросовъ. Жидкія выдѣленія сохраняются въ каменныхъ цистернахъ; тогда какъ въ Англіи въ болъшей части хозяйствъ скотъ пасется лѣтомъ на выгонномъ полѣ, а на зиму помѣщается въ открытыхъ дворахъ, гдѣ тощая подстилка постоянно промывается дождемъ, который уноситъ въ сосѣдніе ручьи самыя плодородныя частицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Фландріи съ такою заботою относятся къ навозу, что предохраняютъ его отъ вліянія солнца и дождя въ закрытыхъ мѣстахъ, подвергая его предварительно утаптыванію двухъ или трехъ молодыхъ животныхъ, чтобы тѣмъ помѣшать испаренію аміачныхъ солей и содѣйствовать лучшему броженію навоза.

Земледѣлецъ не довольствуется однимъ скопленіемъ удобренія въ фермѣ. Онъ извлекаетъ изъ канавъ и рѣчекъ водоросли, которыя смѣшиваетъ съ навозомъ или обкладываетъ ими картофельныя поля, ускоряя тѣмъ его ростъ. Онъ выписываетъ издалека и часто съ большими расходами илъ, вычерпанный изъ каналовъ или известь, которая обходится ему около 200 франковъ съ гектара (немного болѣе $\frac{9}{10}$ десятины). Онъ ѣздитъ въ города скупать всевозможные отбросы фабрикъ, кожевннхъ заводовъ, животный уголь, золу, уличную грязь, костяной пудретъ, известковые фосфаты, льняную и гречишную избойну, всевозможныя нечистоты. Съ раннаго утра дѣти его съ маленькими тачками ѣдутъ собирать рыхлый пометъ лошадей и скота по дорогамъ. Такимъ образомъ, фламандскій земледѣлецъ болѣе всѣхъ удовлетворяетъ современной химіи, требующей, чтобы всѣ питательныя частицы, отнятыя отъ земли, были ей возвращены. Далѣе идетъ только китайскій кули, который, отнеся поутру въ городъ произведенія своей почвы, возвращается оттуда съ двумя ушатами человѣческихъ изверженій на бамбуковомъ коромыслѣ. Кромѣ того съ нѣкоторыхъ поръ во Фландрію выписываютъ въ огромномъ количествѣ самое сильное удобреніе въ свѣтѣ—перуанское гуано, который обладаетъ свойствомъ придавать растеніямъ сѣвернаго климата усиленную растительность экваторіальныхъ растений. Дѣйствіе этого удобренія поразило всѣ остальные роды удобренія, удешевивъ ихъ, такъ какъ оно, вслѣдствіе своей компактности, даю возможность удобрять и не плодородныя земли, лишеныя удобныхъ сообщеній. Земледѣлецъ, обрабатывающій небольшой клочекъ земли, ѣдетъ самъ

съ своею тачкою за гуано, чего онъ никакъ не могъ бы сдѣлать съ другими удобрениями, вслѣдствіе ихъ громоздкости. Фермеръ, привозящій на одномъ возу удобреніа, равносильнаго 30 или 25 возамъ всякаго другого удобрения, употребляетъ своихъ свободныхъ лошадей на обработку поля. Весною онъ обходитъ свои поля съ мѣшкомъ гуано въ рукахъ и посыпаетъ болѣе тощія части своей жатвы, уравнивая ихъ такимъ образомъ съ остальными. Кремнистая земля такъ быстро пожираетъ всѣ удобрения, что приходится возобновлять ихъ ежегодно, а иногда и по два, по три раза въ годъ. Озимые посѣвы получаютъ обыкновенно во время посѣва отъ 20 до 30 телѣгъ (тамъ телѣги значительно больше нашихъ) стойловаго навоза на гекторъ (0,915 нашей десятины) стоимостью отъ 100 до 150 франк., а весною отъ 150 до 300 гектометровъ навозной жижи, стоимостью около 75 франк. И такъ какъ по приблизительному расчету одна голова крупнаго рогатаго скота можетъ унавозить въ годъ лишь $\frac{1}{6}$ гектара, то можно сообразить, какъ велика стоимость обработки земли во Фландріи, если кромѣ стойловаго навоза зимледѣльцу приходится прикупать на 80—100 франковъ удобрений извнѣ, и сверхъ того избоины, для прокормленія скотины. Вотъ выписка стоимости обработки одного гектара подъ ячмень. Ее можно было легко сдѣлать, такъ какъ во Фландріи заведено, чтобы новый арендаторъ, принимая въ свое владѣніе ферму отъ предшествовавшаго, платилъ послѣднему всѣ расходы, сдѣланные имъ передъ сдачею земли. Лавеле писалъ свое сочиненіе еще въ началѣ 60-хъ годовъ; цѣны съ тѣхъ поръ не перестаютъ расти, и потому оцѣнка, выписываемая нами, только условная и ниже теперешней стоимости:

Дѣвъ вспашки	36 фран.
Остатки прежняго унавоженія	63 >
Свѣжій стойловой навозъ	126 >
150 литровъ сѣмянъ	15 >
Стоимость посѣва	12 >
Поливка навозной жидкостью	70 >
Итого	322 фран.

Прибавьте къ этому еще арендную плату по меньшей мѣрѣ въ 100 фран. съ гектара, то это составитъ сумму, въ 422 ф. съ гектара, безъ расходовъ по жатвѣ и уборкѣ. Понятно, что однимъ воздѣлываніемъ хлѣбныхъ растений не окупить такихъ значительныхъ издержекъ; тѣмъ болѣе, что нужно еще принять въ расчетъ стоимость рогатаго скота и остальнаго инвентаря. Такъ что полную стоимость капитала для обработки одного гектара земли нужно принимать во Фландріи отъ 700 до 1000 фр.

Система эта была бы разорительна, еслибы не производство

цѣнныхъ промышленныхъ растений и еще такъ называемыя прида-точные *скрытыя культуры* (*cultures derogées*), дающія возможность получать въ одинъ и тотъ же годъ послѣ уборки главнаго продукта, какъ-то: хлѣбныхъ растений, льна, гречихи на потребу человека, еще корнеплоды для скота, посѣянные послѣ жатвы, какъ-то: рѣпу и горчицу послѣ гречихи, льна, ржи и ранняго картофеля; морковь, которую сѣютъ весною по поднявшимся жатвамъ, успѣвшимъ уже набрать изъ земли достаточное количество питательныхъ веществъ, и которую выдергиваютъ по снятіи главной жатвы; капуста, которая продолжаетъ развиваться и во время холодной, осенней погоды. Система эта, заставляющая держать постоянно скотъ въ стойлахъ, какъ бы увеличиваетъ площадь почвы на цѣлую треть противъ ея настоящей поверхности, и объясняетъ, какимъ образомъ земля можетъ выносить такую высокую арендную плату и прокармливать такое густое народонаселеніе. Въмѣсто того, чтобы истощаться этими жатвами, она не перестаетъ улучшаться отъ постоянныхъ распахѣвъ, борошенія, выпалыванія и удобренія.

Плодосѣйномъ заканчивается рядъ усовершенствованій въ системахъ полеводства, выработанныхъ практикой. Мы не упоминаемъ ни о садоводствѣ, ни объ огородничествѣ, ни о производствѣ промышленныхъ растений, которыя составляютъ исключенія и посторонни настоящему предмету нашей статьи. Съ болѣе подробнымъ описаніемъ всѣхъ этихъ системъ читатель можетъ ознакомиться въ книгѣ А. Ермолова: „Организація полеваго хозяйства“, и съ описаніемъ плодосѣйна въ вышепоименованномъ сочиненіи Лавеле.

IV.

Окидывая теперь однимъ взглядомъ описанныя нами системы, мы можемъ легко усмотрѣть, на чемъ основывается въ сущности послѣдовательное преимущество болѣе совершенныхъ системъ передъ болѣе простыми. Мы можемъ видѣть, что совершенствованія заключаются въ лучшемъ утилизованіи, въ послѣдовательномъ извлеченіи все большаго и большаго чистаго дохода съ того же пространства земли, не нарушая ея плодородія. Но такой высшій доходъ при каждой высшей системѣ получается не иначе, какъ на счетъ вы-шаго количества труда и капитала и притомъ большаго не только безусловно, но и относительно; такъ что при каждой высшей системѣ хоть и получается болѣе продуктовъ съ того же пространства, но единицы продуктовъ обходятся дороже, чѣмъ при болѣе простой системѣ.

Отсюда получается уже два весьма существенных для нашей цѣли вывода. Первый выводъ тотъ, что улучшение требуетъ для своего осуществленія извѣстныхъ готовыхъ средствъ и прежде всего капитала. — Спрашивается, имѣется ли прежде всего этотъ предметъ въ распоряженіи крестьянъ?

Кажется, не нужно доказывать, что его нѣтъ; что крестьянское хозяйство ведется плохо даже по устарѣлымъ системамъ и приѣмамъ отчасти потому, что рабочій капиталъ, находящійся въ его распоряженіи, по ничтожности своей не позволяетъ ему вести свое хозяйство правильно даже рутиннымъ способомъ.

Крестьянскія поля даютъ плохой урожай не потому, что крестьяне держатся, напримѣръ, въ средней полосѣ трехпольной системы, а потому, что эти поля не удобряются, какъ слѣдуетъ, а не удобряются они за недостаткомъ скота и вообще капитала.

Второй выводъ, что выборъ системъ полеводства для сельскаго хозяйства не произволенъ; что время высшихъ системъ наступаетъ лишь постепенно, по мѣрѣ увеличенія населенія и удешевленія рабочихъ рукъ и капитала, и что выборъ системъ опредѣляется данными существующими на этотъ счетъ въ опредѣленное время въ разема-триваемой странѣ, и потому необходимо прежде всего принять въ расчетъ мѣстныя цѣны на землю, на трудъ и продукты, плодородіе земли. Культуры, схваченныя на удачу гдѣ-нибудь въ Европѣ и насажденныя по произволу искусственно тамъ, гдѣ не наступило для нихъ время, не могутъ содержать въ себѣ зачатковъ успѣха, такъ какъ должны будутъ производиться въ ущербъ, и слѣдовательно неминуемо погибнуть.

Нераціонально и непроизводительно заставлять земледѣльцевъ, легко удобряющихъ свою землю простой залежью, нестоющей никакого капитала, тратить его на производство навоза, который не окупить ему затраченнаго капитала. Человѣку естественно стремиться къ наиболѣе выгодной производительности, не тратя вмѣстѣ съ тѣмъ большого капитала и силъ тамъ, гдѣ можно ограничиться меньшимъ при тѣхъ же результатахъ. Если же онъ не всегда слѣдуетъ этому закону, то это или по невѣжеству, или крайней бѣдности, не позволяющей ему располагать надлежащимъ капиталомъ. Крестьянинъ нашъ страдаетъ и тѣмъ, и другимъ. Дѣло интеллигентнаго класса прійти ему на помощь не съ голословной пропагандой, а своимъ собственнымъ примѣромъ въ дѣлѣ улучшенія культуры, и въ этомъ отношеніи совершенно правъ почтенный авторъ „Писемъ изъ деревни“, приглашая интеллигентныхъ людей къ занятію земледѣліемъ.

Желательно было бы, чтобы принимающіеся за земледѣліе дѣлали предварительные расчеты, подобно тому, какъ это было сдѣлано Тюне-

номъ въ его сочиненіи: „Уединенное государство“. Замѣчательный трудъ этотъ остается до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ, несмотря на то, что со времени его перваго появленія прошло болѣе полувѣка. Оно съ изумительною простотою и ясностью показываетъ, какого метода слѣдуетъ держаться при изученіи выбора той или другой системы культуры.

Безусловно пользоваться его изслѣдованіями для примѣненія ихъ къ теперешнему хозяйству немислимо у насъ, потому что условія уже не тѣ, что 50 лѣтъ тому назадъ. Новѣйшая наука земледѣльской химіи пришла и не перестаетъ приходить все къ новымъ и новымъ открытіямъ въ дѣлѣ изслѣдованія почвы и способовъ ея удобренія. Такъ, напримѣръ, не говоря о массѣ открытыхъ залежей фосфоритовъ, въ настоящее время изслѣдуется возможность удобрять ими почву не въ обработанномъ видѣ, обходившемся слишкомъ дорого, благодаря дороговизнѣ кислотъ, требовавшихся для его обработки, а только при одномъ измельчаніи механическимъ способомъ. Если новѣйшіе опыты подтвердятъ эту возможность, то она одна можетъ произвести большой переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, позволяя заводить интенсивное хозяйство съ небольшимъ капиталомъ тамъ, гдѣ оно было мыслимо лишь при большихъ капитальныхъ затратахъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на новѣйшіе успѣхи земледѣльской химіи, основы положеній и расчетовъ Тюнена до сихъ поръ безупречны и могутъ служить образцомъ для всѣхъ желающихъ осмысленно приступить къ хозяйству.

Имѣя въ виду не специалистовъ, а простыхъ читателей, мы считаемъ нужнымъ ознакомить ихъ въ краткихъ словахъ съ сущностью той части изслѣдованія Тюнена, которая непосредственно касается земледѣлія и можетъ быть примѣнима, соотвѣтственно нашимъ культурамъ, къ каждому данному хозяйству.

Для большей ясности и точности своихъ расчетовъ Тюненъ проситъ вообразить себѣ совершенно оторванное отъ всего остального міра государство, лежащее въ безпредѣльной плоской равнинѣ съ однимъ многолюднымъ городомъ, расположеннымъ въ самомъ центрѣ государства. Почва земли уединеннаго государства предполагается повсюду совершенно однородная, равномѣрно плодородная, вездѣ одинаковаго климата, одинаково дѣйствующаго на всѣхъ точкахъ этого государства, и при этомъ полное отсутствіе судоходныхъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ. Цѣна хлѣба, то-есть, ржи въ городѣ, единственномъ мѣстѣ сбыта сельскихъ продуктовъ, предполагается въ 5 руб. 40 к., причѣмъ во всемъ государствѣ плодородіе земли вездѣ равно 10 четвертямъ ржи на десятинѣ, а цѣна другихъ произведеній земли на-

ходится въ такомъ же постоянномъ отношеніи съ цѣнностью ржи, въ какомъ находится сравнительная питательность этихъ произведеній съ питательностью ржи. Мѣстная цѣна ржи представляетъ собою разность между рыночною ея цѣною и расходомъ на доставку. Вычти этотъ расходъ по доставкѣ и расходъ по обработкѣ, мы найдемъ ту денежную ренту, тотъ доходъ, который опредѣлитъ намъ: стоитъ или не стоитъ заниматься намъ тѣмъ или другимъ производствомъ, и по какой системѣ.

Въ случаѣ покупки земли, при отсутствіи на ней всякихъ или нѣкоторыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ построекъ, мы, при опредѣленіи дохода съ помѣстья, не должны забывать отчислить отъ этого дохода проценты съ капитала, потребнаго на всѣ эти постройки и обзаведеніе орудій производства, и затѣмъ уже по остатку дохода опредѣлить надлежащую цѣнность земли.

Принимая постоянно въ расчетъ доставку въ городъ, съ одной стороны, и большую стоимость обработки земли при плодосмѣнной системѣ, сравнительно съ выгонной и послѣдней съ трехпольной, Тюненъ пришелъ путемъ подробныхъ математическихъ расчетовъ къ тому выводу, что при всѣхъ вышеупомянутыхъ условіяхъ уединеннаго государства: „чѣмъ болѣе поземельной ренты доставляетъ промыселъ съ извѣстнаго пространства земли, тѣмъ ближе онъ помѣщается къ городу, вслѣдствіе чего системы полеводства размѣщаются въ такомъ порядкѣ“:

Въ 1-ой *подгородной округѣ* снабженіе хозяйства городскимъ удобреніемъ избавляетъ хозяина отъ подчиненія полеводства постоянной системѣ; позволяетъ заводить воздѣлываніе того или другого рода продукта, смотря по требованію ихъ въ городѣ, преимущественно же такихъ, которые не переносятъ долгой перевозки и портятся; поэтому въ подгородной округѣ располагаются садоводство, огородничество, молочное производство и т. д. Хлѣбное зерно сѣется здѣсь почти единственно для соломы, которая въ обыкновенныхъ хозяйствахъ входитъ въ составъ удобренія, такъ какъ производство зеренъ выгоднѣе въ болѣе удаленныхъ мѣстахъ, гдѣ земля и работа дешевле. Поэтому подгородное хозяйство и называется произвольнымъ. Чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ дороже обходится доставка городского удобренія, и наконецъ становится выгоднѣе производить удобреніе на мѣстѣ. Тутъ уже кончается произвольное производство.

2-я *округа—лесоводство*. Ему Тюненъ отводитъ мѣсто тамъ, гдѣ кончается произвольное подгородное хозяйство, начиная съ 25 верстъ разстоянія отъ города „Уединеннаго государства“, и кончается въ 50 верстахъ отъ города. Въ ней дровяной лѣсъ производится въ ближнихъ, а строевой въ дальнихъ мѣстахъ отъ города.

3-я округа—*плодотворная система хозяйства.*

4-я округа—*омонная система хлѣбопашества.*

5-я округа—*трехпольная система хлѣбопашества*, которая при городской цѣнѣ ржи въ 5 руб. 40 к., должна кончиться въ уединенномъ государствѣ въ 185 верстахъ отъ города, такъ какъ въ этомъ разстояніи отъ города и при этой цѣнѣ она уже не приноситъ никакой поземельной ренты.

6-я округа. *Скотоводство* начинается въ 185 верстахъ и кончается въ 350 верстахъ, потому что на этомъ разстояніи прекращается рента и отъ скотоводства.

7-я округа. Тутъ не существуетъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ звѣриной охоты.

Такъ какъ изслѣдованіе Тюнена исключаетъ существованіе водныхъ путей сообщенія и желѣзныхъ дорогъ, то размѣщеніе полосъ округовъ правильными радіусами не можетъ быть примѣнено въ дѣйствительности къ каждому городу, такъ какъ каждый городъ пользуется различными путями сообщенія, поднимающими и понижающими земельную ренту соответственно близости каждой мѣстности къ извѣстному пути сообщенія. Кромѣ усовершенствованныхъ путей сообщенія, мы должны принимать въ расчетъ разницу и климата, и плодородія земли, которые въ „Уединенномъ государствѣ“ предполагаются вездѣ одинаковыми. Каждая вновь пролагаемая вѣтвь желѣзной дороги, каждое новое открытіе въ способахъ удобренія могутъ имѣть существенное вліяніе на измѣненіе хозяйства, которое долженъ принимать въ расчетъ интеллигентный землевладѣлецъ.

Схема, которую Тюненъ представляетъ намъ наглядно, такъ-сказать топографически, повторяется съ измѣненіемъ народонаселенія и цѣны на хлѣбъ надъ отдѣльными полосами въ томъ смыслѣ, что съ увеличеніемъ цѣны на хлѣбъ полосы послѣдовательно приобщаются къ высшимъ системамъ полеводства, и послѣднія становятся возможными на увеличивающемся разстояніи отъ рынка. Но не трудно видѣть, что опредѣленіе системы, соответствующей данной полосѣ, въ данное время кажется легкимъ только на первый взглядъ. Въ дѣйствительности же возможность перехода отъ низшей къ высшей системѣ настолько зависитъ отъ многихъ частныхъ условій, настолько измѣняется отъ одной къ другой мѣстности въ той же округѣ, что опредѣленіе возможности такого перехода въ данномъ случаѣ требуетъ не только близкаго знакомства съ лучшей системой, но и довольно сложныхъ расчетовъ. У насъ распространено, напримѣръ, мнѣніе, что трехпольная система, господствующая во всей средней полосѣ, сдѣлала свое дѣло, но если бы это и было такъ, то въ при-

мѣненіи къ отдѣльнымъ хозяйствамъ это не можетъ быть допущено безъ строгаго повѣрочнаго разсчета.

Для того, чтобы дать общее понятіе о способахъ такого разсчета, приводимъ изъ Тюнена сравненіе выгодъ выгоннаго хозяйства съ трехпольнымъ.

При одинаковомъ естественномъ плодородіи земли, десятина земли при выгонномъ хозяйствѣ даетъ 13 четвертей ржи; тогда какъ та же десятина при трехпольномъ хозяйствѣ даетъ всего 10—12 четвертей. Это происходитъ оттого, что при трехпольномъ хозяйствѣ только половина удобренія, доставляемаго единственными пастбищемъ, обращается на пашню, другая же половина теряется на ужомъ. Самое ужомъ (или пастбище) трехпольнаго хозяйства на треть бѣднѣе искусственнаго въ выгонномъ хозяйствѣ. По причинѣ такой ограниченности удобренія земли, изъ 198 десятинъ трехпольнаго хозяйства только $\frac{2}{3}$, (198) дес. = 47,5 десятинъ могутъ быть засѣяны зерновыми посѣвами ($\frac{1}{3}$ озимью и $\frac{1}{3}$ ярью), если не допускать земли до истощенія. Въ выгонномъ хозяйствѣ все удобреніе, доставляемое богатымъ пастбищемъ, сполна поступаетъ въ пользу пахоты, что и даетъ возможность засѣвать $\frac{2}{3}$ (198) дес. = 84,9 десятинъ земли различными хлѣбами. Вслѣдствіе чего при одинаковомъ естественномъ плодородіи выгонное хозяйство даетъ 1460.32 руб. ренты, а трехпольное хозяйство всего 1144.97. Это при всѣхъ одинаковыхъ условіяхъ и при рыночной цѣнѣ ржи въ городѣ 5 р. 40 к., а на мѣстѣ 5 руб. По мѣрѣ же удаленія отъ рынка мѣстная цѣна будетъ уменьшаться и дойдетъ до того, что производство хлѣба на продажу не будетъ давать ренты и должно будетъ прекратиться. Но такъ какъ расходы при выгонной системѣ хозяйства превышаютъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$ расходы при трехпольномъ хозяйствѣ, то послѣднее еще можетъ давать доходъ тамъ, гдѣ расходы выгоннаго хозяйства не будутъ даже окупаться. Такъ, при мѣстной цѣнѣ ржи въ 3 руб., все при тѣхъ же одинаковыхъ условіяхъ, земельная рента выгоннаго хозяйства будетъ 216.62, трехпольнаго — 184.06; но при цѣнѣ въ 2 р. 50 к. выгонное хозяйство даетъ всего 76 р. 40 к., трехпольное — 101.21. При мѣстной цѣнѣ ржи въ 2 р. 23 к. поземельная рента выгоннаго хозяйства будетъ равна нулю; при трехпольномъ хозяйствѣ она принесетъ доходъ въ 55 р. 93 к. При цѣнѣ ржи въ 2 р. 72 коп. обѣ системы полеводства будутъ одинаково выгодны. Если же одинаковость условій нарушится болѣею или меньшею близостью къ рынку, то при цѣнѣ въ 2 р. 72 коп., ближе къ рынку или городу выгоднѣе заводить выгонное хозяйство, далѣе — трехпольное. Если же одинаковость условій нарушится болѣею или меньшею плодородіемъ, то на болѣе плодородной почвѣ выгоднѣе выгонное

хозяйство, и наоборотъ. При естественномъ плодородіи почвы въ 7—6 четвертей съ десятины, выгонное хозяйство существовать не можетъ при городской цѣнѣ ржи въ 5 р. 40 к. и должно уступить мѣсто трехпольному хозяйству; и даже подъ самымъ городомъ при плодородіи земли въ 7 — 6 десятинъ, выгонное хозяйство могло бы существовать не иначе, какъ при городской цѣнѣ въ 5 р. 86 к., для того, чтобы сравняться только выгодностью съ трехпольнымъ хозяйствомъ. Тѣмъ менѣе можетъ оно быть выгодно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рынка на землѣ въ 7 четвертей плодородія.

Всѣ эти вычисления были сдѣланы Тюненомъ при предположеніи, что при обѣихъ системахъ и выгонной, и трехпольной, разстояніе пашни отъ усадьбы составляетъ 469 сажень. Но при увеличеніи этого разстоянія, доходъ начинаетъ быстро падать, особенно при уменьшеніи плодородія земли.

Вотъ способы его вычисленій. Онъ дѣлитъ сельско-хозяйственныя работы на 4 класса:

1-й классъ. Работы, зависящія единственно отъ разстоянія: развозка удобренія, свозка жатвы въ усадьбу и пр.

2-й классъ. Работы, требующія 2-хъ переходовъ въ оба конца, но которымъ часто мѣшаетъ дождь, какъ: косьба, жнитво, вязка сноповъ, такъ что среднимъ числомъ онъ кладетъ по одному перерыву въ день, слѣдовательно по 3 перехода въ оба конца.

3-й классъ. Работы, требующія 2-хъ переходовъ въ оба конца, какъ-то: орьба, бороньба, посѣвъ, копка канавъ и пр.

4-й классъ. Работы, производящіяся въ усадьбѣ и не зависящія отъ удаленія полей: молотьба, накладка удобренія на воза и пр.

При среднемъ разстояніи усадьбы въ 469 сажень, рабочіе, по вычисленію Тюнена, употребляютъ 32 минуты въ оба конца. Считая длину средняго рабочаго дня отъ конца марта до конца октября (у насъ въ сѣверной полосѣ періодъ работъ сокращается до 5 и даже до 4-хъ мѣсяцевъ) равной 10 часамъ и 40 минутамъ, Тюненъ, высчитавъ всѣ переходы рабочихъ, переложилъ ихъ на деньги и пришелъ къ тому, что всѣ вышеупомянутые переходы, переложенные на деньги, составятъ 356.37 к., которыя и приходится вычесть изъ общей стоимости приготовительныхъ и уборочныхъ работъ въ 1636.68, при выгонномъ хозяйствѣ; и такъ какъ чистый доходъ послѣдняго при разстояніи пашни отъ усадьбы въ 469 сажень былъ вычисленъ Тюненомъ въ 1460.32, то при разстояніи пашни отъ усадьбы равномъ полю, рента эта увеличилась бы на 356 р. 37 к. и составила бы не 1460.32, а 1816.69.

Такъ какъ путевныя издержки пропорціональны длинѣ пути, то на каждое увеличеніе средняго разстоянія на 469 сажень поземельная

рента должна уменьшаться на 356.37 р. въ выгонномъ хозяйствѣ въ 198 десятинъ, при среднемъ плодородіи въ 13 четвертей съ десятины и при мѣстной цѣнѣ ржи въ 5 р. за четверть. Для земли же меньшей степени плодородія издержки на приготавительныя работы останутся тѣ же, уборочныя измѣнятся пропорціонально урожаю, и въ нихъ, разумѣется, въ той же пропорціи измѣнятся и путевыя издержки. Такъ, если плодородіе земли одною четвертью менѣе, то-есть, если вмѣсто 13 четвертей родится 12, то изъ 356.37 руб., причитающихся на переходы 469 сажennaго разстоянія, нужно будетъ вычесть 20.72 руб., сокращающихъ расходъ въ 356.37 до 335.65; чистый же доходъ сократится на 227.60 к. При урожаѣ въ 9 четвертей, расходъ по приготавительнымъ работамъ сократится всего на 82.88 руб., доходъ же на 993.28 р., и вмѣсто 1460.32 р. дохода, который былъ показанъ Тюненомъ при 469 сажennaомъ разстояніи, будетъ всего въ 549.92 р. При двойномъ же разстояніи, то-есть въ 938 или около 2-хъ верстъ, при урожаѣ 9 четвертей съ десятины, доходъ будетъ всего въ 276.43 р. При разстояніи же около 3-хъ верстъ рента вовсе прекращается.

Вышеприведенныя вычисленія наглядно показываютъ, съ одной стороны, какъ выгодно тамъ, гдѣ земля плодородна, стараться усиливать ея производительность удобреніемъ, такъ какъ разница въ расходахъ по приготавительнымъ и уборочнымъ работамъ на тучной и тощей землѣ весьма ничтожна, тогда какъ убыль дохода не пропорціонально велика. Съ другой стороны, вышеприведенныя вычисленія прямо указываютъ на невыгодность дальняго разстоянія пашни отъ усадьбы, которую рѣдко принимаютъ хозяева въ расчетъ, нанимая на работы изъ дальнихъ поселковъ или снимая подъ аренду дальнія земли и посылая туда своихъ рабочихъ.

Мы ограничиваемся пока приведеніемъ только этихъ изслѣдованій Тюнена, такъ какъ изложеніе дальнѣйшихъ его изслѣдованій улекло бы насъ слишкомъ далеко и слишкомъ расширило бы объемъ нашей статьи.

Примѣненіе расчетовъ Тюнена къ нашимъ отдѣльнымъ хозяйствамъ, какъ можетъ видѣть читатель, не представляетъ особенной трудности для образованнаго хозяина, стоитъ только цифры Тюнена замѣнить существующими въ мѣстности. Но къ сожалѣнію этимъ дѣломъ не можетъ ограничиться. Выгонная система не есть единственная, которую нужно брать въ расчетъ. Кромѣ выгонной системы, между трехпольной и плодосѣвной существуетъ множество переходныхъ видовъ; а самая плодосѣвная система разнообразится до безконечности. Приходится дѣлать не одинъ расчетъ, а много и много, прежде, чѣмъ уловить улучшеніе, соотвѣтствующее условіямъ

мѣстности. Въ такомъ видѣ задача становится не столь простой и для образованнаго хозяина.

Чѣмъ первобытнѣе система полеводства, тѣмъ она проще; поэтому переходъ отъ долго-срочныхъ залежей къ кратко-срочнымъ и отъ залежи къ трехпольной системѣ совершается также просто и самъ собою; но за предѣлами трехпольной системы дѣло усложняется разнообразіемъ и сложностью сѣвооборотовъ высшихъ системъ. Поэтому улучшеніе и переходы къ высшимъ системамъ, гдѣ они ни совершаются, никогда не происходятъ сразу, а только мало-по-малу путемъ отдѣльныхъ опытовъ и примѣровъ, которые, въ случаѣ удачи, располагаютъ къ подражанію. Такіе отвѣты, какъ мы видимъ, представляютъ своего рода трудность для образованнаго хозяина, какъ же мы послѣ этого удивляемся, что ихъ не дѣлаетъ община.

Итакъ, отыскивается другая причина застоя крестьянскихъ хозяйствъ. Они не видятъ передъ собою достаточнаго числа примѣровъ и опытовъ улучшенныхъ способовъ веденія хозяйства, которыми бы стоило подражать, и по образцу которыхъ они могли бы преобразовать свои хозяйства.

Въ суммѣ, слѣдовательно, крестьянамъ недостаетъ капитала, недостаетъ знаній и образцовъ улучшенныхъ хозяйствъ. Вотъ тѣ главные препятствія, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть устранены прежде всего для того, чтобы крестьянскія хозяйства могли преобразоваться къ лучшему.

Первое препятствіе можетъ быть устранено устройствомъ сельскаго кредита на такихъ основаніяхъ, которыя бы открывали возможность общинѣ пользоваться капиталомъ на выносимыхъ сельскимъ хозяйственнымъ доходомъ условіяхъ для покупки скота, машинъ и пр.

Устраненіе второго препятствія лежитъ въ сущности на обязанности интеллигентнаго класса или образованныхъ землевладѣльцевъ. Улучшенные способы хозяйства очевидно могутъ быть только насаждены путемъ примѣровъ мало-по-малу, и обязанность такого насажденія можетъ быть выполнена только образованными хозяевами. Пока же помѣщики будутъ только сдавать свои земли нѣзъ полу тѣмъ же крестьянамъ, до тѣхъ поръ, очевидно, нельзя ожидать такихъ примѣрныхъ образцовыхъ хозяйствъ.

Отвергнувъ выше возможность перерожденія общиннаго нашего хозяйства въ артельное въ ближайшемъ будущемъ, мы точно также не можемъ не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній и относительно земледѣльческихъ артелей нѣзъ лицъ образованнаго класса, рекомендуемыхъ авторомъ „Писемъ нѣзъ деревни“ какъ способовъ насажденія правильныхъ формъ хозяйства.

По нашему мнѣнію, всякое предпріятіе, основанное не на расче-

такъ извлечь наибольшую пользу изъ своего денежнаго и умственнаго капитала, положительно мертвое предприятие. Интеллигентный человѣкъ съ извѣстными вкусами не можетъ удовлетворять эти вкусы доходомъ съ своей чисто мускульной работы, хотя бы работа эта производилась при наиболѣе выгодныхъ производительныхъ условіяхъ.

Опасеніи г. Энгельгардта, что интеллигентъ, не обрабатывающій самъ лично въ потѣ лица земли, не въ состояніи будетъ вести хозяйство, какъ скоро мужикъ получитъ достаточно земли, за невозможностью достать работниковъ, весьма преувеличены, въ чемъ мы легко можемъ убѣдиться, взглянувъ на Америку, гдѣ, не смотря на обиліе земли и рѣдкое населеніе рядомъ съ мелкими фермами, обрабатывающимися личнымъ трудомъ хозяина, процвѣтаютъ и большіе хозяйства, основанныя на тольконаемномъ трудѣ. Самъ г. Энгельгардтъ сознается, что изъ среды мужиковъ не всѣ способны вести умѣнно хозяйство самостоятельно, и есть такіе крестьяне, у которыхъ, не смотря на самыя благоприятныя условія, все неладится за отсутствіемъ инициативы; что такіе охотнѣе идутъ въ батраки къ „умственнымъ“ мужикамъ и работаютъ отлично за починкомъ послѣднихъ, не за свою отвѣтственность. Такихъ всегда найдеть толковый интеллигентный фермеръ; обходиться они, быть можетъ, будутъ дороже, чѣмъ теперь, когда рабочая плата низведена до невозможнѣйшаго минимума; но за то эта дороговизна рабочихъ рукъ понудитъ такихъ интеллигентныхъ фермеровъ къ изысканію улучшенныхъ способовъ обработки земли, какъ въ Америкѣ.

Неужели авторъ „Писемъ изъ деревни“ предполагаетъ, что если помѣщики распродадутъ свои хозяйства крестьянамъ, какъ онъ себѣ представляетъ, то во владѣніи послѣднихъ будетъ постоянно оставаться все то же количество земли, какое они получаютъ первоначально; что черезъ нѣсколько лѣтъ нѣкоторыя земли не перейдутъ въ руки кулаковъ скупщиковъ, которые будутъ продолжать эксплуатировать болѣе бѣдныхъ?

Неужели же хозяйство самого г-на Энгельгардта, ведущееся далеко не на артельныхъ началахъ, не лучше, не благотворнѣе для бѣднаго крестьянина, нежели исключительное хозяйство однихъ мужиковъ, нсящихъ въ себѣ зародыши кулаковъ, въ которыхъ они преобразуются при первомъ же шагѣ къ благосостоянію. Мы вполне соглашаемся съ г. Энгельгардтомъ на счетъ малоземелья крестьянъ; въ этомъ убѣждаютъ всѣ добросовѣстныя изслѣдованія, и наконецъ само правительство не сомнѣвается въ этомъ, вслѣдствіе чего и учреждено крестьянскій банкъ; но мы не можемъ допустить вѣчной, равенности отношеній земли къ мужику, если даже принять во вниманіе лишь одинъ приростъ населенія, вслѣдствіе котораго изъ крестьян-

свѣхъ семей будутъ постоянно выдѣляться свободныя руки, ищущія заработковъ на сторонѣ. Идя далѣе по предположенію г. Энгельгардта, мы должны бы были допустить прекращеніе фабрикъ и заводовъ по недостатку рабочихъ рукъ.

Взвѣсивъ сказанное, мы склонны ожидать болѣе пользы — въ смыслѣ насажденія правильной системы хозяйства — отъ образованнаго фермерства, которое бы своею дѣятельностью вызывало подражаніе крестьянъ и ослабляло бы вліяніе кулаковъ отсутствіемъ прижимокъ, гуманнымъ отношеніемъ и высокой заработной платой, поддерживающей энергію и духъ экономіи въ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ заграницею работникъ всегда можетъ имѣть въ виду возможность при высокой заработной платѣ скопить себѣ денегъ для собственнаго хозяйства, если онъ обезземеленъ не по собственному желанію, или капиталъ, обезпечивающій его старость; тогда какъ въ странахъ, гдѣ продажная или арендная цѣна на земли высока, а заработная плата низка, рабочій не видитъ себѣ исхода изъ своего наемнаго состоянія, и въ немъ замираетъ главное побужденіе къ бережливости и труду. Американскій наемный рабочій, получающій отъ 180 до 300 долларовъ въ годъ на средней фермѣ въ 61 десятину ¹⁾ (или отъ 360 до 600 руб. по нынѣшнему курсу) находится въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ большинство нашихъ крестьянъ съ малымъ надѣломъ, и если въ такія же условія встанетъ и нашъ рабочій, то, право, мы не видимъ причинъ, почему и не быть наемнымъ рабочимъ, и почему намъ убиваться исключительно о батракѣ, а не о фабричномъ мастеровомъ и проч., жизни которыхъ, проводимая въ душной, испорченной атмосферѣ въ закрытыхъ зданіяхъ, гораздо невпригляднѣе и представляетъ менѣе шансовъ завестись собственнымъ хозяйствомъ и встать на самостоятельныя ноги.

Если бы мы страдали избыткомъ людей, способныхъ вести хозяйство, то отчего бы и не попытаться завести хозяйство на артельномъ началѣ и осуществить на дѣлѣ трудно осуществимыя задачи. Къ сожалѣнію земледѣліе у насъ почти исключительно въ рукахъ крестьянъ и арендаторовъ, хищнически разоряющихся съ помѣщичьими землями; людей же, ведущихъ собственное хозяйство, ничтожное количество, и если съ легкой руки г. Энгельгардта охотниковъ вести сельское хозяйство является болѣе, то имъ не слѣдуетъ стѣсняться формой, предписываемою г. Энгельгардтомъ, такъ какъ такое увлеченіе формой будетъ дѣйствовать въ ущербъ хозяйству. Артельное начало, упражненіе въ мужицкомъ трудѣ мы можемъ отнести скорѣе къ бальванству, которое, разумѣется, не вредитъ и не можетъ

¹⁾ Орбинскій: Исследование о хлѣбной торговлѣ въ Америкѣ.

быть пригодно для оцѣнки труда наемныхъ работниковъ; но мы совершенно отвергаемъ это какъ безусловную необходимость, безъ которой нельзя вести толково хозяйство въ нынѣшнее время, какъ то пытается доказывать г. Энгельгардтъ.

Помимо теоретической подготовки, мы безспорно признаемъ необходимость и въ практической, въ изученіи способовъ веденія хозяйства у болѣе или менѣе толковыхъ хозяевъ, а главное, практическое изслѣдованіе всѣхъ мѣстныхъ условій почвы, климата и наемнаго труда, при которыхъ ведется то или другое хозяйство для ихъ сравненія и для обогащенія критическимъ матеріаломъ, который бы далъ возможность оцѣнивать собственные опыты. Пройдя на сторонѣ такую практическую школу въ теченіе хотя бы двухъ лѣтъ, интеллигентный хозяинъ будетъ продолжать ее и проходить въ собственномъ хозяйствѣ, которое не сразу дастъ всѣ желаемые результаты. Намъ извѣстны лица, которыя безъ особой практической подготовки на сторонѣ, съ домашней теоретической, но съ здравымъ смысломъ приступали къ сельскому хозяйству, сначала только присматриваясь и изучая существующія формы, и затѣмъ уже переходили къ постепеннымъ улучшеніямъ и имѣли успѣхъ.

Наиболѣе полезно въ агрономическомъ и экономическомъ отношеніи такое хозяйство, которое можетъ быть непосредственно ведено самимъ владѣльцемъ и на его счетъ. Обширное же хозяйство, вынуждающее землевладѣльца нанимать приказчиковъ, заводить конторы, расходовать часть дохода на управленіе, менѣе выгодно, а еще того менѣе выгодно и даже вредно, когда землевладѣлецъ сдаетъ свои земли на аренду, особенно оптовымъ стемщикамъ, которые переоброчиваютъ ихъ мелкимъ кортомщикамъ на короткіе сроки, причемъ послѣдніе хищнически распоряжаются арендною землею, вывозятъ все сѣно и солому, удобряя свою землю на счетъ арендованныхъ, какъ это картинно нарисовалъ г. Энгельгардтъ, который съ этой точки зрѣнія не безосновательно совѣтуетъ поэтому такимъ землевладѣльцамъ лучше всего продать свои земли въ разсрочку или сразу крестьянамъ. Если такіе землевладѣльцы и получаютъ въ настоящее время сравнительно высокую арендную плату, то черезъ нѣсколько лѣтъ, когда выпашутся ихъ земли, послѣднія будутъ представлять пустыри, за которые никто не дастъ ничего до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не разростется населеніе настолько, что потребуются къ обработкѣ и самыя тощія земли.

Вообще, повторяемъ, можно, кажется, принять за правило, что хозяйство должно быть заводимо въ такомъ размѣрѣ, при которомъ оно можетъ вестись самимъ хозяиномъ. Преобладанію среднего размѣра фермъ во Франціи приписывается безпримѣрное процвѣтаніе

ея сельскаго хозяйства. Въ Англіи, гдѣ землевладѣніе очень крупное, помѣстья всѣ разбиты на фермы среднихъ размѣровъ, около 150 — 200 — 250 десятинъ. Невомѣрное увеличеніе производства хлѣбныхъ продуктовъ въ Америкѣ въ новѣйшее время тоже обуславливается главнымъ образомъ преобладаніемъ средняго размѣра фермъ ¹⁾.

По расчету, выведенному англичанами, сравнивая мелкую ферму въ 10—11 десятинъ съ средней въ 100 десятинъ, выходитъ, что для первой нужно почти 2 рабочихъ и 3 лошади, а для второй въ десять разъ большей, не 20 рабочихъ и 30 лошадей, какъ бы слѣдовало по пропорціи, а только 12 работниковъ и 18 штукъ рабочаго скота. Это расчетъ для англійскихъ интенсивныхъ хозяйствъ; въ Россіи при экстенсивной и небрежной культурѣ, рабочей силы требуется меньше; но пропорція выйдетъ таже: если на крестьянскій дворъ съ надѣломъ въ 10 десятинъ требуется не менѣе 1 рабочаго мужского пола, то на помѣщичью запарку въ 100 десятинъ требуется не болѣе 7—8 работниковъ. Изложеніемъ общихъ понятій о земледѣліи мы заканчиваемъ нашу настоящую статью. Исслѣдованіе настоящихъ условій земледѣлія по районамъ и пріисканіе средствъ улучшить ихъ—отлагаемъ до другого раза.

Д. Тороховъ.

¹⁾ Орбискип: Исследования хлѣбной торговли въ Америкѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое января, 1884.

«Политическіе будни», какъ девизъ минувшаго года.—Движеніе въ экономической сферѣ.—Полемика о государственномъ социализмѣ; отношеніе ея къ старому вопросу о либеральной партіи.—Наша консервативная печать.—Ученныя общества о вопросахъ дня.—Исполненіе росписи 1882 г.—Министерство финансовъ и его противники.—Судебная развязка кукуевской катастрофы.

Неопредѣленность политическаго положенія, стремленіе къ болѣе опредѣленности общественныхъ настроеній—вотъ двѣ господствующія черты, къ которымъ сводилась, въ нашихъ глазахъ, характеристика давно прошедшаго 1882-го года ¹⁾. Въ истекшемъ 1883-мъ году и тамъ, и тутъ произошла перемѣна, въ направленіяхъ прямо противоположныхъ; политическое положеніе обрисовалось нѣсколько яснѣе—общественныя теченія словно потускнѣли, покрылись менѣе прозрачной оболочкой. „Политическіе будни“—вотъ лозунгъ переживаемаго нами момента; „избалованное непрерывными подарками (т.-е. реформами), скучающее и вмѣстѣ съ тѣмъ мечущееся какъ въ лихорадкѣ“, общество посажено на діету, послѣдствіемъ которой имѣетъ быть „нормальное, правильное теченіе жизни, съ ея очередными вопросами“ ²⁾. И дѣйствительно—если не считать мѣръ, принятыхъ въ исполненіе прежде состоявшихся рѣшеній (открытіе дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка, новое пониженіе подушной подати),—минувшій годъ принесъ съ собою только одну, крупную реформу: законъ 3-го мая, облегчающій положеніе раскольниковъ. При всѣхъ своихъ недомолвкахъ, этотъ законъ долженъ быть признанъ шагомъ впередъ къ достиженію той цѣли, которая до сихъ поръ, какъ владѣ,

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе, въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

²⁾ Искъ эти выраженія заимствованы нами изъ обнародованной „Русью“, въ началѣ минувшаго года, бесѣды г. Аксакова съ „умнымъ и опытнымъ сановникомъ“ (см. Внутр. Обзор. въ № 3 „Вѣстн. Евр. за 1883 г.).

не давалась въ руки нашего законодательства. Будетъ ли новая мѣра болѣе удачной, чѣмъ предшествовавшая (законъ 19-го апрѣля 1874 г. о раскольниковскихъ метрическихъ книгахъ); получить ли она широкое практическое примѣненіе, или сохранить преимущественно формальный характеръ — это покажетъ время; свѣдѣній о ея результатахъ пока еще до крайности мало. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ея судьба связана, до извѣстной степени, съ общимъ ходомъ нашей государственной жизни. Расколъ — это одна изъ формъ проявленія народной мысли; чѣмъ больше просторъ, предоставленный послѣдней, тѣмъ меньше стѣсненій долженъ встрѣчать и первый — и наоборотъ. Вопросъ о вѣротерпимости скоро, впрочемъ, долженъ возникнуть вновь, въ формѣ, не допускающей недоразумѣній. Работы по составленію новаго уголовного уложенія недалеки отъ конца; отдѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры покажетъ съ полною ясностью, можно ли ожидать у насъ, въ близкомъ будущемъ, религіозной свободы, не призрачной, а реальной.

Цѣлая группа законодательныхъ и административныхъ мѣръ, относящихся къ минувшему году, была направлена на пользу дворянства, какъ сословія, и какъ преобладающаго элемента въ классѣ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Значеніе этихъ мѣръ было указано нами въ свое время; ограничимся теперь ссылкой на свидѣтельство, идущее изъ самаго консервативнаго — и слѣдовательно самаго благонадежнаго, въ данномъ случаѣ — источника. „За послѣднее время стало замѣтно, — читаемъ мы въ фельетонѣ обновленныхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 327), — что предводителей дворянства назначаютъ иногда на высокія административныя должности. Разсчетъ правительства былъ бы чрезвычайно правильнъ, еслибы предводитель истекалъ изъ правильныхъ, умныхъ, добросовѣстныхъ выборовъ. Но такъ какъ названныя достоинства выборовъ находятся подъ крайнимъ сомнѣніемъ, то правительство на будущее время, вѣроятно, приостановится въ начавшей-было устанавливаться практикѣ. Что же было прямымъ послѣдствіемъ нѣсколькихъ состоявшихся назначеній? А то, что уснувшія, замшившіяся (sic) прерогативы предводителя дворянства снова стали притягательною силою, и снова во многихъ мѣстахъ Россіи увидѣли мы погоню за этими званіями, увидѣли, какъ люди, ставшіе предводителями, начали, какъ то бывало прежде, тратить свои состоянія на представительство, на обѣды и ужины, какъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, начинаютъ возить на выборы, конечно на свой счетъ, цѣлые вагоны голосовъ“. Это показаніе нелицепріятнаго свидѣтеля имѣетъ несомнѣнную цѣну. Не характеристично ли, въ самомъ дѣлѣ, что званіе предводителя, обставленное такимъ почетомъ, сопряженное (по крайней мѣрѣ въ уѣздѣ)

съ такою властью, становится привлекательнымъ только тогда, когда является вѣроятной ступенькой къ служебной карьерѣ? Руководить земскимъ собраніемъ, стоять во главѣ народно-учебнаго дѣла, оберегать правильность крестьянскаго самоуправленія—все это казалось непосильной обузой или не стоящей вниманія задачей, пока въ перспективѣ безвозмездной службы не блестяла возможность возмездія, съ избыткомъ (на подобіе лотерейнаго выигрыша) вознаграждающаго и трудъ, и рискъ, и затраты. Дворянскіе выборы имѣютъ свои традиціи, менѣе чѣмъ когда-нибудь искоренимыя въ настоящее время; искусственная агитація, поддерживаемая личнымъ соперничествомъ кандидатовъ, и апатія, обусловливаемая отсутствіемъ активныхъ кандидатуръ—вотъ полюсы, между которыми они вращаются уже цѣлыхъ сто лѣтъ, почти не зная середины. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, исходъ выборовъ—помимо исключеній, здѣсь, какъ и вездѣ, конечно, возможныхъ—зависитъ отъ чего угодно, только не отъ достоинства избираемыхъ. Когда званіе предводителя составляетъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, предметъ исканій, оно достается тому, кто лучше изучилъ пружины обветшалаго избирательнаго механизма; когда, наоборотъ, избирателямъ приходится искать кандидата, въ полную силу вступаетъ русская пословица о безлюдѣ. Измѣнить результатъ можно, только измѣнивъ причины—а причины, въ данномъ случаѣ, не поддаются измѣненію. Недостатокъ солидарности между дворянами, неразвитость корпоративнаго дворянскаго чувства и корпоративныхъ дворянскихъ преданій, господствующій въ дворянской средѣ абсентеизмъ, незначительность матеріальныхъ ея достатковъ, затрудняющая безвозмездную службу—всѣ эти явленія, отчасти уже весьма давнишнія, обостряются все больше и больше, уничтожая всякую возможность прочныхъ построекъ на специально-дворянской почвѣ. Сожалѣть объ этомъ, безъ сомнѣнія, нѣтъ никакого повода, лишь бы только отъ дворянства и дворянъ (какъ дворянъ) не требовалось и не ожидалось того, чего они дать не въ силахъ. Будетъ ли затруднено, какъ о томъ недавно шла рѣчь въ газетахъ, приобрѣтеніе дворянскаго достоинства, сдѣлается ли дворянство замкнутымъ сословіемъ—отъ этого не измѣнится ровно ничего, или произойдетъ перемѣна развѣ къ худшему; время для образованія русской аристократіи прошло безвозвратно, если и предположить, что образованіе ея когда-либо было возможно. Замѣтимъ, въ заключеніе, что опытъ обращенія дворянскихъ выборныхъ должностей въ преддверіе высшей государственной службы былъ произведенъ уже въ семидесятыхъ годахъ—и не имѣлъ никакого успѣха. Слишкомъ близко еще отъ насъ то время, чтобы можно было называть имена; но кто слѣдилъ за назначеніями губернаторовъ, лѣтъ

10—15 тому назадъ, тотъ, вѣроятно, вспомнить не одинъ случай быстраго повышенія предводителей—и едва ли вспомнить хоть одинъ случай *удачнаго* ихъ повышенія. Мы далеки отъ мысли, чтобы единственнымъ путемъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ должна была быть у насъ обычная бюрократическая лѣстница; но, *въ общемъ счетъ*, она представляетъ больше гарантій званія и умѣнья, чѣмъ служба по выборамъ дворянства. Она больше развиваетъ привычку къ труду, меньше зависитъ отъ случая, меньше располагаетъ къ одностороннимъ, узко-сословнымъ взглядамъ.

Выкупается ли бѣдность достигнутыхъ въ минувшемъ году результатовъ надеждами на ближайшее будущее? Судя по тому, что извѣстно въ настоящую минуту—нѣтъ. Изъ преобразованій политическаго свойства на очереди стоитъ только новый университетскій уставъ, который, неизвѣстно еще, будетъ ли шагомъ впередъ въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ. Слухи о поощреніи церковно-приходскихъ школъ въ ущербъ земскимъ, о введеніи вновь, въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, тѣлесныхъ наказаній въ послѣднее время замолкли; но доказываетъ ли это, что они были лишены всякаго основанія. Вопросъ о женскихъ врачебныхъ курсахъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія, но единственный желательный исходъ его—одинаковость медицинскаго образованія и соотвѣтствующая ей одинаковость правъ для врачей обоюго пола—продолжаетъ быть наименѣе вѣроятнымъ. Нѣсколько больше движенія замѣтно въ сферѣ экономическаго законодательства. Минувшій годъ ознаменованъ, въ этомъ отношеніи, ограниченіемъ произвола банковыхъ учреждений (законъ 5-го апрѣля: о вновь учреждаемыхъ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ; законъ 26-го апрѣля: о городскихъ общественныхъ банкахъ)—наступающій годъ будетъ ознаменованъ, быть можетъ, ограниченіемъ произвола желѣзно-дорожныхъ обществъ. Недостаточность реформы, уже произведенной, заставляетъ, однако, опасаться и за судьбу реформы, остающейся еще въ видѣ проекта. Если законъ 5-го апрѣля остановился передъ дѣйствующими банковыми уставами ¹⁾, то общій желѣзно-дорожный уставъ можетъ, точно такъ же, остановиться передъ дѣйствующими специальными желѣзно-дорожными уставами, какъ передъ неприкосновенной договорной сватиней. Предразсудки и софизмы, которымъ объявила войну комиссія графа Баранова,

¹⁾ Замѣтимъ, мимоходомъ, что защитники такъ-называемой свободы акціонерныхъ обществъ, недовольные даже закономъ 5-го апрѣля, сомнѣвались въ возможности основанія, при дѣйствіи этого закона, новыхъ акціонерныхъ банковъ. Теперь для такихъ сомнѣній не остается больше мѣста; въ минувшемъ мѣсяцѣ утвержденъ уставъ С.-Петербургско-московскаго банка, подчинившагося, конечно, всѣмъ требованіямъ вышеупомянутаго закона.

еще чрезвычайно сильны и въ официальныхъ, и въ неофициальныхъ сферахъ. Доказательствомъ перваго служить, съ одной стороны, нерѣшительность закона 5-го апрѣля, составляющая столь странный контрастъ съ сравнительною рѣшительностью правилъ о городскихъ общественныхъ банкахъ, съ другой стороны—противодѣйствіе, встрѣченное, по слухамъ, общимъ желѣзно-дорожнымъ уставомъ въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія ¹⁾; доказательствомъ послѣдняго служить полемика, возникшая въ печати противъ права законодательной власти измѣнять, по своему усмотрѣнію, сепаратные законы или уставы акціонерныхъ обществъ. Эта полемика даетъ намъ поводъ остановиться на одномъ любопытномъ явленіи, ярко выступающемъ на видѣ въ исторіи минувшаго года.

Едва только западно-европейская жизнь успѣла выработать новое понятіе (или, лучше сказать, новое слово): *государственный социализмъ*, оно перешло черезъ нашу границу и получило у насъ полное право гражданства. Теоретики „самобытности“ увидятъ въ этомъ, можетъ быть, новый признакъ нашей подражательности, нашего обезьянства или „лакейства“ передъ Европой — но они будутъ, по обыкновенію, неправы, потому что заимствование термина здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не предполагаетъ заимствования идеи. Совокупность понятій, обнимаемыхъ именемъ государственнаго социализма, существовала у насъ весьма давно — и не могла не существовать, потому что въ Россіи, какъ и вездѣ, вопросъ о предѣлахъ и задачахъ государственной власти, государственнаго вмѣшательства, имѣетъ жизненное, животрепещущее значеніе. Новое выраженіе способствуетъ только переходу отъ безсознательной борьбы привычекъ и интересовъ къ сознательной борьбѣ убѣжденій. Внезапно этотъ переходъ совершиться не можетъ — и вотъ разгадка той путаницы, иногда досадной, иногда забавной, свидѣтелями которой мы были и, вѣроятно, долго еще будемъ. Приверженцевъ государственнаго социализма у насъ сразу оказалось довольно много, даже слишкомъ много; за него высказались, напримѣръ, обѣ главныя петербургскія газеты, несогласныя почти ни въ чемъ другому — на его сторону сталъ, въ недавнемъ своемъ докладѣ о питейномъ дѣлѣ, самъ В. А. Кокоревъ. Нѣкоторые мѣры, носящія на себѣ его отпечатокъ, находятъ поддержку даже въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Такое обиліе союзниковъ невыгодно для доктрины, и безъ того уже компрометированной покровительствомъ желѣзнаго канцлера и воспоминаніемъ о Наполеонѣ III. Большой ошибкой было бы, однако, отвора-

¹⁾ См. о томъ и другомъ: Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1882 г., стр. 360 и 367—369.

чиваться отъ принципа изъ-за неудобныхъ его защитниковъ. Случайная встрѣча противниковъ возможна вездѣ и всегда — и болѣе тѣмъ гдѣ бы то ни было возможна у насъ въ Россіи, въ виду сравнительной неустойчивости нашихъ партій. По еврейскому вопросу, напримеръ, мнѣнія либеральной печати соприкасаются во многомъ съ мнѣніями г. Каткова—но никому не приходитъ въ голову заключать отсюда, что либераламъ слѣдуетъ сдѣлаться юдофобами. Громы „Московскихъ Вѣдомостей“ упадаютъ иногда на желѣзно-дорожныя общества—но кто же станетъ утверждать, что за желѣзно-дорожниковъ, вслѣдствіе этого, долженъ вступить либерализмъ? Въ вопросѣ, насъ занимающемъ, разноперстные и разноцвѣтные элементы сходятся, притомъ, только повидимому. Применить, на словахъ, къ государственному социализму не значить еще твердо и рѣшительно развернуть его знамя. Къ обычной эластичности общихъ терминовъ присоединяется здѣсь неопредѣленность самой мысли, далеко не сложившейся еще въ замкнутое, рѣзко окрашенное ученіе. Между друзьями государственнаго социализма *sans le savoir*—и прямолинейными его теоретиками, между смутнымъ неудовольствіемъ формулою: *laissez faire, laissez passer*, и радикальнымъ ея отрицаніемъ, сдержаннымъ только въ выборѣ средствъ, существуютъ цѣлый рядъ оттѣнковъ, цѣлая скала красокъ, и блѣдныхъ, и яркихъ. За кажущимся единодушіемъ скрывается, сплошь да рядомъ, существенно-важное разногласіе, выступающее на видъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Мы видѣли уже государственныхъ социалистовъ, ратующихъ за интересы крупнаго и средняго землевладѣнія, видѣли государственныхъ социалистовъ, стоящихъ за *свободу* акціонерныхъ собраний. И все-таки мы думаемъ, что за эпохой недоразумѣній наступитъ эпоха плодотворной разработки вопроса, не случайно поставленнаго на очередь. Понятіе о государственномъ социализмѣ — это мостъ, по которому все здоровое, справедливое въ социальныхъ доктринахъ можетъ перейти въ практическую жизнь, не безъ препятствій, конечно, но по крайней мѣрѣ безъ потрясеній. Не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, слово: *социализмъ*—долго играло роль пугала, останавливавшаго или затруднявшаго много полезныхъ предпріятій. Въ противоположность флагу, покрывающему грузъ, флагъ оказывался здѣсь помѣхой къ пропуску груза. Теперь на этомъ флагѣ появляется государственный гербъ, снимающій съ него подозрѣніе въ корсарскихъ замыслахъ. Само собою разумѣется, что это еще не конецъ, а только начало конца (понимая подъ концомъ соглашеніе и примиреніе разнородныхъ общественныхъ элементовъ)—но и первые шаги на такомъ пути чего-нибудь да стоятъ. Намъ суждено еще услышать много криковъ о томъ, что государственный

гербъ попалъ на новый флагъ по ошибкѣ, что онъ долженъ быть стертъ съ него послѣдно и безслѣдно, что въ противномъ случаѣ онъ не замедлитъ обратиться въ прикрытіе анти-государственныхъ тенденцій — но въ концѣ концовъ имъ едва ли удастся заглушить истину. Самое имя Бисмарка, теперь смущающее и отталкивающее многихъ, принесетъ, съ этой точки зрѣнія, свою долю пользы, какъ гарантія противъ провозглашенія государственнаго социализма, а priori, неблагонамѣреннымъ и неблагонадежнымъ.

Необходимость борьбы противъ абсолютовъ, до сихъ поръ господствующихъ въ теоріи и практикѣ гражданскаго права, — той борьбы, которая составляетъ одну изъ главныхъ задачъ государственнаго социализма — никогда не была такъ настоятельна, какъ именно въ наше время. Ея успѣхомъ обусловливается, отчасти, успѣхъ громадной работы, предпринятой полтора года тому назадъ и подвигающейся впередъ медленно, но постоянно. Мы говоримъ о новомъ гражданскомъ уложеніи. Отъ тѣхъ началъ, которыя оно внесетъ въ регламентацію собственности и договора, будетъ зависѣть, до извѣстной степени, значеніе его для русской жизни. Теоретиковъ юридической метафизики, въ родѣ г. Чичерина, у насъ немного — но на ихъ сторонѣ сила инерціи и преданія; нѣкоторыя псевдо-аксіомы повторялись такъ часто и такъ долго, что вокругъ нихъ образовалась не легко проникаемая атмосфера предубѣжденій. Съ предубѣжденіями часто связаны и интересы, охотно ссылающіеся, въ свою защиту, на авторитетъ науки и закона. Первая изъ этихъ ссылокъ давно уже основана на ошибкѣ; о второй можно сказать, что ей давно пора сдѣлаться ошибочною. Гражданское уложеніе, отводящее широкій просторъ ограниченіямъ частной собственности, во имя государственной и общественной пользы, положить конецъ тому упорному противодействию, которымъ встрѣчается теперь всякое предложеніе, идущее въ разрѣзъ съ принципомъ: „нараву моему не препятствуй!“ Весьма важнымъ шагомъ впередъ къ достиженію той же цѣли будетъ новый законъ объ охраненіи частныхъ лѣсовъ, если газетами вѣрно передано содержаніе проекта, изготовляемаго по этому предмету министерствомъ государственныхъ имуществъ. Безусловному характеру частной собственности ограниченія права распоряженія частными лѣсами, предполагаемая проектомъ, несомнѣнно противорѣчатъ — но они вполне согласны съ тѣми началами, которыя желательно было бы видѣть въ основаніи новаго гражданскаго уложенія.

Дальнѣйшая разработка въ нашей печати вопроса о государственномъ социализмѣ докажетъ, мы въ этомъ убѣждены, всю неосновательность взгляда, по которому политическій либерализмъ и экономическая отсталость — двѣ стороны одной и той же медали. Для

безпристрастнаго глаза совмѣстимость такъ называемыхъ либеральныхъ идей и критическаго отношенія къ экономическому строю очевидна уже и теперь,—очевидна и въ примѣненіи къ Западной Европѣ, и въ примѣненіи къ Россіи. Въ Западной Европѣ государственный социализмъ—подъ тѣмъ или другимъ именемъ, или вовсе безъ имени—находятъ приверженцевъ не въ однихъ только консервативныхъ сферахъ; въ русскомъ „либеральномъ“ лагерѣ за теорію невинительства стоятъ только отдѣльные голоса, чаще, притомъ, мотивирующіе свое мнѣніе несвоевременностью „мѣръ“, чѣмъ отрицаніемъ ихъ въ принципѣ. Программа исключительно-политическаго характера становится все болѣе и болѣе немислимою; на ряду съ старыми девизами все рельефнѣе выступаютъ новые, образуя съ ними множество разнообразныхъ комбинацій. Мы сказали: *наряду* съ старыми—и еще разъ подчеркиваемъ это слово. Признавать важность и неотложность экономическихъ реформъ, не значитъ еще забывать о другихъ, раньше выдвинутыхъ на сцену; обѣ категоріи задачъ состоятъ въ тѣсной взаимной связи и существенно дополняютъ другъ друга. Одна и та же мѣра можетъ привести къ весьма различнымъ результатамъ, смотря по тому изъ какихъ побужденій она исходитъ и къ какимъ, преимущественно, направлена дѣламъ. Не все равно, напримѣръ, предложить страхованіе жизни въ средѣ рабочаго класса какъ мѣру справедливую и полезную для самихъ рабочихъ—или какъ стратегическій маневръ, меньше всего вызванный заботой объ истинныхъ интересахъ народа.

Говоря о стремленіи къ болѣе опредѣленности общественныхъ настроеній,—стремленіи, ярче выразившемся въ 1882-мъ году, чѣмъ въ 1883-мъ,—мы имѣли въ виду, прежде всего, попытки нашихъ кружковъ и группъ точнѣе размежеваться между собою, ярче обозначить свои характеристическія черты, устранить недоумѣнія, проистекающія изъ устарѣвшихъ или только что появившихся кличекъ. Либерализмъ, самобытность, славянофильство, социализмъ—всѣ эти названія, вслѣдствіе усложнившихся жизненныхъ условий, перестали означать нѣчто ясное, общепонятное, и потребовали тщательнаго, всесторонняго пересмотра. Успѣшному ходу этой работы сильно мѣшало и мѣшаетъ до сихъ поръ новое положеніе, созданное для печати временными правилами 1882-го года. Они не коснулись, правда, дѣлага отдѣла нашей прессы—такъ-называемыхъ консервативныхъ газетъ и журналовъ; но здѣсь постоянно господствуетъ свой полу-мракъ, не зависящій отъ цензурныхъ стѣсненій. Исторія русской консервативной печати—предметъ, поистинѣ заслуживающій изученія. Несмотря на благопріятную внѣшнюю обстановку, надъ нею тяготеетъ какой-то фатумъ, задерживающій ея развитіе, опоясывающій ее точно

железнымъ кольцомъ, скорѣе суживающимся, чѣмъ расширяющимся отъ времени. „Вѣсть“, „Русскій міръ“, „Заря“, „Берегъ“—всѣ эти изданія одно за другимъ сходятъ со сцены, послѣ короткаго и ужъ конечно не славнаго существованія. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, послѣ устраниенія В. О. Корша, падаютъ со ступеньки на ступеньку, и длинный рядъ злоключеній не законченъ, повидимому, той перемѣной, которая совершилась въ редакціи газеты два мѣсяца тому назадъ. „Гражданинъ“ то исчезаетъ, то появляется вновь—но исчезновеніе и появленіе его остается одинаково незамѣченнымъ и незамѣтнымъ. Живучими оказываются—если не считать газетъ измѣнчиваго оттѣнка, консервативныхъ только по временамъ и только отчасти—„Московскія Вѣдомости“ съ „Русскимъ Вѣстникомъ“, да еще „Русь“, которую, впрочемъ, не во всѣхъ отношеніяхъ можно приравнять къ вышеназваннымъ изданіямъ. Намъ приходится на память, по этому поводу, одно мѣсто изъ обнародованныхъ недавно матеріаловъ для біографіи Достоевскаго. „Послѣ многихъ опытовъ,“—говоритъ біографъ (г. Страховъ),—во мнѣ составилось твердое убѣжденіе, что въ Петербургѣ можетъ имѣть полный успѣхъ самый консервативный и патріотическій журналъ. Публики для него довольно; одного нельзя найти для такого журнала—редактора, хозяина, то есть человѣка, не только душевно преданнаго добрымъ началамъ, но и практическаго, дѣятельнаго. Наши патріоты и консерваторы, кажется, чѣмъ прекраснѣе и достойнѣе любви, тѣмъ менѣе годны для какого-нибудь дѣла“. Не оспаривая того положенія г. Страхова, что наши консерваторы, вообще говоря, мало пригодны для дѣла, мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ относительно причины, препятствующей успѣху консервативныхъ журналовъ. Примѣръ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Руси“, къ которымъ можно присоединить, съ занимающей насъ точки зрѣнія, и „Дневникъ писателя“, показываетъ съ полною ясностью, что редактора, въ консервативныхъ сферахъ, найти все же легче, чѣмъ сотрудниковъ. Что такое „Московскія Вѣдомости“ безъ г. Каткова, „Русь“—безъ г. Аксакова? То же самое, въ сущности, чѣмъ былъ бы „Дневникъ Писателя“ безъ Достоевскаго. Оба изданія держатся только своими редакторами. Отнимите у „Московскихъ Вѣдомостей“ тѣ передовыя статьи, которыя болѣе или менѣе напоминаютъ собою цвѣтущее время газеты, отнимите у „Руси“ фразистую, но горячую рѣчь ея premiers Moscow—останется, за рѣдкими исключеніями, только журнальный балабасъ, читателей для котораго найдется немного. Крайняя бѣдность талантовъ и даже просто рабочихъ силъ—вотъ отличительная черта нашей консервативной печати, вотъ разгадка неудачи, постигающей всѣ попытки раздвинуть ея предѣлы.

Незначительное число органовъ — еще не безусловная помѣха значительному вліянію; если консервативная печать не растетъ въ ширину, то не растетъ ли она хоть въ глубину, не увеличиваетъ ли сферу своего дѣйствія и число своихъ поклонниковъ? Въ побѣдныхъ гимнахъ съ ея стороны нѣтъ недостатка; она много разъ провозглашала поворотъ въ умахъ, достигнутый ея усиліями, или, по крайней мѣрѣ, съ ея помощью, предвѣщала или констатировала переходъ „отъ фразы къ дѣлу“ — но сама постоянно оставалась въ области фразы, и притомъ фразы до крайности избитой и банальной. Ограничиваясь, въ большинствѣ случаевъ, отрицаніемъ, она не указала даже съ точностью, что она отрицаетъ; за ея нападеніями на судъ, на земство, на городское самоуправленіе, не скрывается, повидимому, никакой положительной программы. Любопытно наблюдать со стороны, какъ недовѣрчиво она относится къ движенію, хотя бы возникающему въ собственной средѣ ея. Въ истекшемъ году „Русь“ напечатала на своихъ страницахъ длинный рядъ статей В. С. Соловьева, подъ заглавіемъ: „Великій споръ и христіанская политика“. Задача автора — доказать необходимость соединенія церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтить средства, всего вѣрнѣе ведущія къ этой цѣли. Главное изъ этихъ средствъ — признаніе единства церквей уже существующимъ въ принципѣ и требующимъ лишь осуществленія въ дѣйствительности, другими словами — освѣщеніе и разработка точекъ соприкосновенія между церквами, а не пунктовъ различія между ними. Исполнима ли мысль г. Соловьева — это вопросъ особый, но въ нѣкоторой смѣлости размаха ей отказать нельзя; во всякомъ случаѣ она не ограничивается повтореніемъ задовъ, ищетъ новой, болѣе широкой дороги. Какъ же она была принята „Русью“? Редакція обставила ее цѣлою массой оговорокъ и примѣчаній, противопоставила ей подробное опроверженіе протоіерея Иванцова-Платонова, дала слово оппоненту, упрекающему г. Соловьева въ „перетрачиваньи вѣковыхъ пергаментовъ“. О характерѣ редакціонныхъ возраженій можно судить по нижеслѣдующей выноскѣ къ послѣдней статьѣ г. Соловьева. Авторъ выражаетъ мысль, что въ крикѣ непримиримой вражды грековъ противъ западной церкви („лучше рабство мусульманамъ, чѣмъ соглашеніе съ латинянами“) не было ничего христіанскаго. „Какъ ничего христіанскаго? — восклицаетъ, по этому поводу, редакція „Руси“. — Стократъ благословенны греки за то, что предпочли вѣншнее иго и вѣншнія муки отступленію отъ чистоты истины Христовой и сохранили намъ ее неискаженною папизмомъ, который, къ тому же, именно въ то время достигъ апогея своего безобразія“. Въ избыткѣ усердія редакція упускаетъ изъ виду, что христіанство было передано намъ Византіей за нѣсколько столѣтій

до того момента, о которомъ говорить г. Соловьевъ, и что соглашеніе грековъ съ латинянами, еслибы оно состоялось въ XV-мъ вѣкѣ отнюдь не должно было бы привести къ такому же сближенію между Москвою и Римомъ. Какъ бы то ни было, въ косной средѣ нашего консерватизма не оказывается свободы движенія даже для реформаторовъ въ родѣ г. Соловьева.

При томъ затишѣ, которое наступило для нашего земскаго и городского самоуправленія, печать остается почти единственнымъ показателемъ общественныхъ настроеній — и вотъ почему мы отвели ей столько мѣста въ характеристикѣ минувшаго года. Иногда, впрочемъ, проблески жизни являются и въ нашихъ ученыхъ обществахъ — и въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти проблески не заключаютъ въ себѣ ничего консервативнаго. Любопытно, въ этомъ отношеніи, слѣдующіе два недавніе факта. 3-го декабря въ одномъ изъ отдѣленій вольно-экономическаго общества слушался докладъ г. Липина по вопросу о наймѣ сельскихъ рабочихъ. Находя, что страдательными лицами въ этомъ договорѣ всегда являются землевладѣльцы, докладчикъ высказался за обязательное введеніе рабочихъ расчетныхъ книжекъ, за принудительное возвращеніе рабочихъ на мѣсто работъ, за штрафованіе нерадивыхъ рабочихъ, за принудительную отработку занятыхъ у нанимателя денегъ. Въ предложеніяхъ этихъ нѣтъ ничего новаго — но знаменательно то, что въ собраніи, состоявшемъ почти исключительно изъ землевладѣльцевъ, они нашли только одного защитника и весьма многихъ противниковъ ¹⁾. Представители центральныхъ, восточныхъ, южныхъ мѣстностей Россіи отрицали мнимое угнетеніе землевладѣльцевъ, отрицали самое существованіе рабочаго вопроса въ той формѣ, въ какой его поставилъ докладчикъ, высказывали убѣжденіе, что у хорошихъ (т. е. честно исполняющихъ свои обязанности) хозяевъ никогда не бываетъ недостатка въ хорошихъ рабочихъ. — Недѣлю спустя гражданское отдѣленіе юридическаго общества приступило къ обсужденію выслушаннаго имъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ доклада г. Дылевскаго объ узаконеніи дѣтей, прижитыхъ внѣ брака. Референтъ признавалъ необходимымъ ввести узаконеніе въ число нормальныхъ институтовъ нашего гражданского права, приблизить русское законодательство по этому предмету къ западно-европейскимъ образцамъ — и къ требованіямъ русской жизни. Эта основная мысль реферата не встрѣтила противниковъ въ собраніи; все возраженія были направлены къ тому, чтобы расширить основанія проектируемой реформы. Допуская узаконеніе посредствомъ послѣдующаго брака (*legitimatio per*

¹⁾ См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, №№ 329 и 330.

subsequens matrimonium, въ нашемъ общномъ правѣ — привѣча-
 ніе), референтъ предлагалъ связать его съ моментомъ брака и съ
 подписью на метрическомъ свидѣтельствѣ узаконяемаго ребенка; ему
 было указано на то, что для такихъ стѣсненій нѣтъ достаточной
 причины, что бракъ отца и матери можетъ быть признанъ узаконе-
 ніемъ прежде прижитыхъ ими дѣтей „ipso facto“, т.-е. и безъ пря-
 мого заявленія о томъ со стороны отца, что метрическаго свидѣ-
 тельства, удостоверяющаго рожденіе ребенка отъ данной матери,
 можетъ не быть вовсе или, по крайней мѣрѣ, не быть на лицо въ
 моментъ совершенія брака, иногда по необходимости ускоряемаго
 (напр., in articulo mortis, въ случаѣ тяжкой, опасной болѣзни одного
 изъ бракосочетающихся). Дѣйствіе правилъ объ узаконеніи посред-
 ствомъ послѣдующаго брака не должно было, по мысли докладчика,
 распространяться на дѣтей, зачатыхъ въ прелюбодѣяніи; оппоненты
 возставали противъ этого изъятія, указывая, съ одной стороны, на
 то, что дѣти не отвѣчаютъ за вину родителей, съ другой стороны—
 на то, что даже при дѣйствующемъ порядкѣ законность ребенка,
 зачатого въ прелюбодѣяніи, не представляется чѣмъ-то совершенно
 немыслимымъ (если родители его вступаютъ въ бракъ до его рожде-
 нія, хотя бы только за нѣсколько дней или за нѣсколько часовъ).
 Референтъ не дѣлалъ различія между браками недѣйствительными
 завѣдомо для обонихъ супруговъ и незавѣдомо хотя бы для одного
 изъ нихъ; оппонентами было замѣчено, что въ послѣднемъ случаѣ
 (при такъ-называемомъ пугативномъ бракѣ) узаконеніе дѣтей должно
 быть не изъятіемъ, а общимъ правиломъ. Помимо узаконенія послѣ-
 дующимъ бракомъ, референтъ допускалъ узаконеніе лишь при не-
 возможности брака, вслѣдствіе смерти или сумасшествія матери, и
 притомъ не иначе, какъ по просьбѣ отца и съ высочайшаго соизво-
 ленія; ему возражали, что кромѣ сумасшествія и смерти могутъ быть
 и другія причины невозможности брака (напр., раньше состоявшійся
 и не расторгнутый бракъ одного изъ родителей съ третьимъ лицомъ),
 что право просить объ узаконеніи должно быть предоставлено и
 матери (напр., въ случаѣ смерти отца), и что при обыкновенныхъ
 условіяхъ узаконеніе (насколько оно имѣетъ гражданскій характеръ)
 могло бы исходить и отъ суда, на точномъ основаніи закона. На
 всѣхъ спорныхъ пунктахъ, такимъ образомъ, возраженія шли гораздо
 дальше реферата ¹⁾. По этому поводу можетъ возникнуть вопросъ, какой

¹⁾ Въ засѣданіи 17 декабря были высказаны мнѣнія и въ пользу, и противъ ре-
 ферата; но окончательные выводы, къ которымъ пришло общество, идутъ гораздо
 дальше тѣхъ, на которыхъ останавливался рефератъ. Значительнымъ большинствомъ
 голосовъ отвергнуты стѣснительныя формальности, которыми референтъ полагалъ
 обставить узаконеніе путемъ послѣдующаго брака; признана возможность узаконенія

политики слѣдуетъ держаться ученымъ обществамъ при обсужденіи задачъ, поставленныхъ на очередь въ официальныхъ сферахъ? Не слѣдуетъ ли имъ принять своимъ девизомъ умѣренность и практичность, т. е. предлагать только то, что соответствуетъ даннымъ обстоятельствамъ данной минуты? Намъ кажется, что такая „политика“ была бы недостойна ученыхъ обществъ. Ихъ прямая обязанность—стремиться къ истинѣ и правдѣ, помимо всякихъ побочных соображеній. Само собою разумѣется, что они не должны витать въ облакахъ, игнорировать дѣйствительность—но подъ именемъ дѣйствительности слѣдуетъ понимать всю совокупность данныхъ условий, а не одно изъ нихъ, самое непрочное и неуловимое. Рѣшеніе ученаго общества не можетъ быть сегодня одно, завтра—другое,—а между тѣмъ степень исполнимости его, зависящая отъ вѣншей обстановки, измѣняется именно по днямъ, если не по часамъ. Стараясь попасть въ тонъ минуты, общество на каждомъ шагѣ рискуетъ впасть въ ошибку, не только потому, что нельзя предвидѣть будущаго, но и потому, что настоящее положеніе „обстоятельствъ“ можетъ быть извѣстно обыкновеннымъ смертнымъ лишь по слухамъ. Наоборотъ, оставаясь въ своей спеціальной области и принимая въ расчетъ только выводы науки, произведенныя требованіями жизни, общество можетъ высказаться nach bestem Wissen und Gewissen—и заключеніе, такимъ образомъ данное, рано или поздно принесетъ желанную пользу.

Нужно отдать справедливость обоимъ столичнымъ юридическимъ обществамъ: и то, и другое, принимаютъ дѣятельное участіе въ громадномъ трудѣ пересмотра нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Уголовное отдѣленіе с.-петербургскаго общества представило уже свои замѣчанія на общую часть новаго уголовного уложенія; гражданское отдѣленіе предприняло цѣлый рядъ работъ, нѣвѣщихъ ближайшее отношеніе къ проектируемому гражданскому кодексу. Въ прошедшемъ году оно выслушало рефератъ г. Пакмана о предметѣ и системѣ русскаго гражданского уложенія, рефератъ госюжи Евреновой объ обычномъ правѣ; за рефератомъ г. Дилевскаго послѣдуетъ, какъ мы слышали, нѣсколько другихъ, также посвященныхъ семейному праву. До крайности страннымъ, въ виду усиленной дѣятельности этихъ двухъ отдѣленій, представляется бездѣйствіе административнаго отдѣленія, вовсе не собиравшагося уже два года, если

дѣтей, зачатыхъ въ прелюбодѣліи; принято, какъ общее правило, узаконеніе всѣхъ дѣтей, рожденных въ путативномъ бракѣ; не найдено нужнымъ перечислять условія, при которыхъ возможно узаконеніе помимо послѣдующаго брака родителей. Не принято только большинствомъ то предложеніе одного изъ оппонентовъ, которое клонилось къ установленію *судебнаго* узаконенія (при невозможности послѣдующаго брака родителей).

не больше. Въ области административнаго права готовится такая же широкая реформа, какъ и въ областяхъ гражданскаго и уголовнаго права; осуществленія ея можно ожидать въ сравнительно близкомъ времени. Разборъ въ юридическомъ обществѣ вопросовъ, относящихся къ мѣстному управленію и самоуправленію, былъ бы весьма цѣннымъ дополненіемъ къ трудамъ Кахановской комиссіи или весьма полезной ихъ повѣркой. Удобный моментъ упущенъ еще не совсѣмъ; мы надѣемся скоро услышать о возобновленіи занятій административнаго отдѣленія. Между членами юридическаго общества не мало лицъ, практически знакомыхъ съ земскими, городскими, крестьянскими дѣлами; къ обсужденію административной реформы могли бы быть привлечены, кромѣ того, другіе знатоки этого предмета. Мы помнимъ, наприимѣръ, что гдѣтъ пять или шесть тому назадъ, при слушаніи въ административномъ отдѣленіи реферата А. Д. Градовскаго о земскихъ ходатайствахъ, большое участіе въ преніяхъ принималъ тогдашній предсѣдатель петербургской губернской земской управы, баронъ П. Л. Корфъ.

Наше финансовое положеніе, насколько оно обрисовывается свѣдѣніями объ исполненіи росписи за 1882-ой и отчасти за 1883-ій годъ, не можетъ быть названо утѣшительнымъ. Поступленіе питейнаго дохода дало въ 1882 г., сравнительно съ предъидущимъ, лишь 27½ милліоновъ; но изъ этой суммы нужно исключить 8½ милліоновъ рублей, относящихся собственно къ 1881 г. (патентный сборъ въ 1881 г. былъ взысканъ только за полгода, въ 1882 г.—за полтора года), а повышеніе акциза съ вина и спирта (18½ милліоновъ) объясняется единственно увеличеніемъ размѣра акцизнаго сбора. Потребленіе вина уменьшается, а не возрастаетъ; въ 1873 г. оно простиралось до 30¼ милліоновъ ведеръ безводнаго спирта, а въ 1882 г. не составляло и 27¼ милліоновъ ведеръ. Патентный сборъ также влонится къ пониженію; средняя его цифра за 1881 и 1882 г. —17¼ мил., между тѣмъ какъ въ 1880 г. онъ доходилъ до 18¼, въ 1879-мъ—до 19¼ мил. руб. Въ связи съ уменьшеніемъ потребленія, это заставляетъ предполагать распространеніе корчемства, т.-е. увеличеніе производства и сбыта вина, не оплаченнаго акцизомъ—и во всякомъ случаѣ не даетъ права возлагать большихъ надеждъ на возрастаніе питейнаго дохода. Къ тому же выводъ приводятъ и цифры поступленія питейнаго дохода съ 1 января по 1 октября 1883 г., показывающія, сравнительно съ соотвѣтствующимъ періодомъ 1882 г., уменьшеніе въ 3¼ мил. руб. Положимъ, что дѣйствительнымъ уменьшеніемъ это считается не можетъ, потому что въ 1882 г. было

экстренное поступленіе патентнаго сбора — но вѣдь мы и говоримъ не о паденіи питейнаго дохода, а о прекращеніи его роста. При такомъ положеніи дѣлъ, соображенія, высказанныя нами въ прошедшемъ мѣсяцѣ по поводу питейной реформы, получаютъ, какъ намъ кажется, особенную силу. Еслибы питейный доходъ постоянно шелъ въ гору, естественное повышение его и пониженіе, вызванное закрытіемъ кабака, могли бы взаимно уравновѣситься одно другимъ — но теперь на это рассчитывать трудно, и временное уменьшеніе дохода, при радикальной реформѣ, является почти неизбежнымъ.

Таможенный доходъ, уступающій по важности — между косвенными налогами — одному питейному сбору, далъ въ 1882 г. недоборъ слишкомъ въ шесть милліоновъ руб.; его ожидалось около 100%, а поступило около 94% мил. руб. „Сравнивая цифру поступленія 1882 г.“, сказано въ докладѣ объ исполненіи росписи, „съ размѣромъ таможеннаго дохода за предшествовавшіе два года, слѣдуетъ замѣтить, что хотя она и превышаетъ среднюю сумму сборовъ этихъ двухъ лѣтъ на 3½ мил. руб., но такой результатъ не представляется удовлетворительнымъ, потому что 1882-ой годъ былъ первымъ, подпавшимъ подъ полное вліяніе десяти-процентной общей надбавки къ пошлинамъ, и притомъ увеличенію въ этомъ году дохода должно было способствовать сокращеніе съ 1-го іюля беспошлиннаго ввоза нѣкоторыхъ товаровъ и возвышеніе налога на предметы, уже приписавшіе извѣстный доходъ (ожидаемое отъ этого приращеніе исчислялось приблизительно въ пять милліоновъ рублей). Неудовлетворительное поступленіе въ 1882 г. таможенныхъ пошлинъ слѣдуетъ приписать сокращенію привоза, подъ вліяніемъ возвышенія тарифа, и нѣкоторому застою въ торговлѣ“. На 1883 г. таможенный доходъ былъ исчисленъ, по смѣтѣ, на 700 тысячъ больше противъ смѣты 1882 г. — а на самомъ дѣлѣ его по 1-ое октября поступило, сравнительно съ соотвѣствующимъ періодомъ 1882 г., меньше на 2½ миліона рублей. Если послѣдняя четверть года не окажется, въ этомъ отношеніи, благоприятнѣе предъидущихъ, то недоборъ таможеннаго дохода можетъ дойти до восьми милліоновъ рублей. А между тѣмъ, наши протекціонисты безпрестанно требуютъ новыхъ повышеній въ тарифы! — Весьма характеристичны, далѣе, крупныя цифры недобора по прямымъ налогамъ (подати, лѣсной и ноземельный налогъ). Въ 1882 г. онъ составилъ почти шесть милліоновъ рублей; въ первые девять мѣсяцевъ 1883 г. поступленіе прямыхъ налоговъ уменьшилось, сравнительно съ первыми девятью мѣсяцами 1882 г., почти на 7½ милліоновъ рублей, причемъ только меньшая половина этой суммы можетъ быть отнесена на счетъ начавшейся, въ 1883 г., отмены подушной подати. Въ 1884 г. предстоитъ, по слухамъ, повы-

шеніе одного изъ прямыхъ налоговъ—поземельнаго; для того, чтобы оно достигло своей цѣли, необходимо разложить надбавку преимущественно на земли личнаго землевладѣнія, такъ какъ земли крестьянскаго надѣла очевидно уже теперь едва выносятъ лежащее на нихъ податное бремя.

Параллельно съ затрудненіями, обусловливаемыми пониженіемъ или медленнымъ ростомъ главныхъ статей государственнаго дохода. идутъ затрудненія, сопряженные съ каждымъ сокращеніемъ государственныхъ расходовъ. По росписи на 1882 г., обыкновенные расходы были исчислены съ превышеніемъ противъ внесенныхъ въ роспись этого года доходовъ на четыре, слишкомъ, милліона рублей. „Въ предвидѣніи такого исхода,—читаемъ мы въ докладѣ объ исполненіи росписи,—было испрошено Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы министрами и главноуправляющими были сдѣланы дальнѣйшія сокращенія, сумма конхъ для каждаго вѣдомства была бы назначена Государственнымъ Совѣтомъ“. Исполненная, на этомъ основаніи, сумма сокращеній составила около 3.420,000 рублей—по гражданскимъ вѣдомствамъ 1.522,469 р., по морскому министерству 247,571 руб., по военному—2.651,400 р.—но они не были сдѣланы безусловно обязательными для каждаго вѣдомства, вслѣдствіе чего въ смѣтахъ министерствъ военнаго и морского не было никакихъ дальнѣйшихъ измѣненій, а общая сумма сбереженій по всѣмъ отраслямъ гражданскаго управленія не превысила 1¼ милліона рублей. Сверхсмѣтные расходы 1882 г. уменьшились, сравнительно съ 1881 г., на одиннадцать милліоновъ рублей, но все-таки составили около 34½ милліоновъ руб., т.-е. около 5%, смѣтнаго назначенія. Абсолютная ихъ цифра, въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія (1873—82), была выше только три раза (въ 1879, 1880 и 1881 г.), относительная—пять разъ (въ 1873, 1877, 1879, 1880 и 1881 г.). Общее заключеніе, вытекающее изъ всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ—то же самое, къ которому мы пришли въ прошедшемъ году: смѣтные расходы должны быть уменьшены; расходы, извѣстные теперь подъ именемъ сверхсмѣтныхъ, введены, по возможности, въ смѣту, посредствомъ ассигнованія извѣстной суммы на чрезвычайныя надобности; система доходовъ должна быть подвергнута коренному пересмотру, въ видахъ изысканія новыхъ источниковъ дохода, болѣе справедливыхъ и менѣе обременительныхъ для массы.

Констатируя печальныя стороны нашего финансоваго положенія, мы далеки отъ мысли ставить ихъ въ вину исключительно или преимущественно настоящему министерству финансовъ. Получивъ вѣрнее тяжелое и запутанное наслѣдство, постоянно встрѣчаясь съ препятствіями великаго рода, оно остается вѣрнымъ той политикѣ, основаніе

которой было положено въ 1880 г. отъѣмой соляного акциза — и нѣкоторыя изъ мѣръ, принятыхъ имъ въ этомъ смыслѣ, имѣли успѣхъ даже съ точки зрѣнія чисто фискальной. Сюда относятся, напри- мѣръ, преобразованія въ акцизахъ табачномъ и свеклосахарномъ. Табачный акцизъ уже въ 1882 г. далъ приращеніе въ 1¼ милл. рублей, вызванное однимъ ожиданіемъ новаго табачнаго устава; въ первые девять мѣсяцевъ 1883 г., т.-е. послѣ введенія въ дѣйствіе этого устава, цифра сбора превзошла соответствующую сумму 1882 г. на 28% или почти 2½ милл. руб. (11,443 тысячи рублей вмѣсто 8,950 тысячъ), между тѣмъ какъ по смѣтѣ ожидался излишекъ въ два, приблизительно, милліона за *цѣлый годъ*. Безъ малаго на милліонъ повысилась, въ 1883 г., и сумма поступленія свеклосахарнаго акциза; значительное приращеніе (въ девять мѣсяцевъ — почти четыреста тысячъ рублей) замѣтно и по гербовому сбору, нѣкоторые разряды котораго были, какъ извѣстно, увеличены въ 1882 г. Финансовые результаты налога съ наслѣдствъ еще не извѣстны, проек- тированное повышение промысловаго сбора еще не состоялось; но всѣ эти мѣры, въ связи съ отъѣмой подушной подати, составляютъ, во всякомъ случаѣ, рѣшительный разрывъ съ финансовой политикой предъидущаго двадцатилѣтія. Въ активъ министерства финансовъ слѣдуетъ отнести и законы, направленные къ установленію болѣе правильнаго контроля надъ частными и городскими банками, и болѣеую, сравнительно, сдержанность въ поддержкѣ всякаго рода крупныхъ ка- питулистическихъ предпріятій. Все дѣло, однако, въ точкѣ зрѣнія: что нами разсматривается какъ активъ, то другимъ — напр., защитникамъ широкой правительственной помощи частнымъ банкамъ, ходатаямъ за скопинскихъ владѣльцовъ, требовавшимъ принятія всѣхъ послѣдствій Рыковского краха на счетъ казны — можетъ показаться пассивомъ. Отсюда, быть можетъ, та страстная полемика противъ послѣдняго займа (такъ называемой золотой ренты), которою отличились „Мо- сковскія Вѣдомости“. Мы не считаемъ этого займа безусловно удач- нымъ — но сколько бы ошибокъ ни было допущено при его заклю- ченіи, ни одна изъ нихъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, о кото- рыхъ нельзя говорить спокойно и хладнокровно. Озлобленіе москов- ской газеты выразилось не только въ безцеремонномъ обращеніи съ фактами, не только въ указаніи на А. Вагнера, какъ на автора „рецензента“, по которому выпущена рента, но и въ той поспѣшности, съ которою въ одному предмету обвиненія былъ прибавленъ другой, касающійся способа погашенія восточныхъ займовъ. Вопросъ, поднятій „Московскими Вѣдомостями“, имѣетъ несомнѣнную важность, и мы возвратимся къ нему, когда онъ будетъ разъясненъ путемъ офи- ціальнымъ; но въ ожиданіи этого разъясненія, не преждевременны

бенно въ дѣлахъ о проступкахъ, сущность которыхъ заключается именно въ бездѣйствіи (*delicta omissionis*). Что сказали бы мы о томъ, кто, зная злой нравъ своей собаки, оставлялъ бы ее на свободѣ, въ надеждѣ на достаточность „обыкновеннаго“ за нею надзора? Освободили ли бы мы его отъ ответственности передъ тѣмъ, кого укусила бы собака?.. Мнѣнія экспертовъ о превосходной постройкѣ кукуевской насыпи являются *post factum*; до происшествія эти мнѣнія не были извѣстны начальству дороги, которое и не имѣло права игнорировать предположеніе своего агента относительно „сомнительности“ сооруженія. Между тѣмъ, никакихъ мѣръ къ наблюденію за насыпью не было принято, даже во время ливня 29-го іюня, самая чрезвычайность котораго должна была вызвать мысль о возможной катастрофѣ. Ни дорожный мастеръ, ни путевой сторожъ, ни рабочая артель ничего не слышали о сомнительности насыпи; путевой сторожъ не зналъ даже того, что общая для сторожей инструкция обязываетъ ихъ осматривать трубы. Въ ночь съ 29-го на 30-ое іюня, начальникъ дистанціи спокойно спалъ — и сообразно съ этимъ не особенно, повидимому, бодрствовали его подчиненные. Если путевой сторожъ, замѣтивъ, не задолго до катастрофы, что насыпь начинаетъ сплывать, никого о томъ не увѣдомилъ и никакихъ мѣръ къ остановкѣ поѣзда не принялъ, то объясненіе этому можно найти именно и исключительно въ непростительной небрежности ближайшихъ и высшихъ желѣзно-дорожныхъ властей. Неосторожность не составляетъ проступка лишь до тѣхъ поръ, пока отъ нея можетъ пострадать только самъ неосторожный; здѣсь, наоборотъ, послѣдствія небрежности обрушились на массу лицъ, ни въ чемъ не виновныхъ — на массу лицъ, безопасность которыхъ была ввѣрена закономъ желѣзно-дорожному управленію. Намъ совѣстно настаивать на такихъ элементарныхъ истинахъ — но что же дѣлать, если ихъ забываютъ, если надъ ними глумятся? „Нѣкоторые изъ выслушанныхъ на судѣ свидѣтелей, — острятъ „Московскія Вѣдомости“, — удостовѣрили, что внезапно образовавшіеся потоки воды снесли ихъ жилища, построенныя далеко отъ Кукуевки; не обвинить ли и ихъ, зачѣмъ они селились въ мѣстности, которая могла подвергнуться такимъ случайностямъ? Зачѣмъ, спрашивается, люди жили на островѣ Искія?“ — *Такихъ остротъ, по такому поводу, намъ еще не приходилось встрѣчать въ русской печати.*

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое января, 1884.

Общее политическое положеніе Европы въ 1883 году. — Ходъ дѣлъ во Франціи. — Перѣшечные вопросы. — Жалобы на упадокъ „престижа“ и на внѣшнія неудачи. — Особенности колоніальныхъ войнъ. — Критика Леруа-Болье и ея результаты. — Политическій застой въ Германіи. — Газетная полемика о войнѣ. — Ненормальное состояніе страны и возможный изъ него выходъ. — Дипломатія князя Бисмарка. — Австрійскія дѣла. — Соціальный вопросъ въ Англіи.

Истекшій годъ внесъ очень немного въ общую исторію европейскіхъ народовъ: онъ не украсилъ ее ни однимъ выдающимся событіемъ, ни одною плодотворною переменою, достойною благодарнаго воспоминанія потомства.

Безразличные факты сдѣлались по старому, подъ руководствомъ прежнихъ дѣятелей. Только ряды послѣднихъ отчасти порѣдѣли. Нѣсколько свѣтилъ погасло на горизонтѣ политики, и ихъ замѣнили „второстепенные боги“. Умеръ Гамбетта, скончался графъ Шамборъ, нѣтъ князя Горчакова, — вмѣсто нихъ дѣйствуютъ другіе, направляясь по намѣченнымъ путямъ. Не видно новыхъ фигуръ въ ограниченномъ кругу лицъ, отъ которыхъ зависятъ судьбы государствъ въ Европѣ; не видно также новыхъ принциповъ и идей, новыхъ движеній и реформъ, способныхъ сосредоточить на себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Мѣсто Гамбетты занялъ его бывшій помощникъ и подражатель, Жюль Ферри; роль Генриха V унаслѣдована графомъ Парижскимъ; товарищи министровъ сдѣлались министрами; мелкіе владѣтели возвысились до самостоятельныхъ международныхъ комбинацій и обнаружили готовность пренебречь своими народами ради сближенія съ могущественными европейскими кабинетами. Князь Бисмаркъ по прежнему служитъ центромъ дипломатическихъ вліяній, предположеній, надеждъ и опасеній; на него указываютъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о вопросахъ войны и мира. Какой-то тяжелый туманъ наполняетъ всю политическую атмосферу; народы задыхаются подъ тяжестью милліонныхъ армій, ожидающихъ, повидимому, кроваваго дѣла, которое отъ времени до времени съ непоятнымъ злорадствомъ предвѣщается „патріотическими“ газетами. Таковы въ общихъ чертахъ печальные политическіе итоги 1883 года.

Въ отдѣльныхъ государствахъ положеніе мало измѣнилось. Во Франціи смерть Гамбетты имѣла лишь одинъ результатъ: партіи

стали свободнѣе въ своихъ движеніяхъ, республика перестала воплощаться въ одномъ человѣкѣ, и управление пріобрѣло устойчивость, которая казалась невозможной при существованіи подавляющаго личнаго авторитета, способнаго въ каждую данную минуту свергнуть министерство и вызвать правительственный кризисъ. Цѣля собранія людей не столь переменчивы въ своихъ впечатлѣніяхъ и симпатіяхъ, какъ отдѣльныя лица; парламентъ можетъ долго мириться съ кабинетомъ, вышедшимъ изъ среды большинства, тогда какъ Гамбетта нуждался постоянно въ переменѣхъ, для поддержанія своей популярности и для удовлетворенія своихъ приверженцевъ. Смерть Гамбетты вызвала временное безпокойство въ странѣ и оживила надежды монархистовъ; но враги республики обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: комическій манифестъ Жерома Вонапарта побудилъ палату депутатовъ принять рѣшительныя мѣры противъ претендентовъ и прекратить министерскую анархію, продолжавшуюся при эфемерныхъ кабинетахъ Дюлери и де-Фальера. Въ концѣ февраля образовалось министерство Ферри, которое съ тѣхъ поръ, въ продолженіе болѣе десяти мѣсяцевъ, твердо и энергично управляетъ Франціею. Правительство, состоящее изъ сторонниковъ крѣпкой власти, обратило свои главныя заботы на упроченіе государственнаго порядка. Оно старалось утвердить республику рутинными способами—посредствомъ переменъ въ служебномъ персоналѣ администраціи и магистратуры, легальною борьбою съ враждебными партіями, консерватизмомъ внутренней политики и успѣхами внѣшней. Матеріальныя интересы населенія охраняются республикою въ полной мѣрѣ; общее чувство безопасности и свободы дѣлаетъ немислимымъ возвратъ къ монархическому режиму. Съ этой стороны, умѣренно-республиканская программа достигла преположенной цѣли. Но задача правительства не исчерпывается ни укрѣпленіемъ власти, ни охраною общественныхъ правъ; остается еще обширная область вопросовъ, завѣщанныхъ республикѣ старымъ режимомъ и настоятельно требующихъ разрѣшенія.

Чиновничество не только не сокращается въ числѣ и въ значеніи, а растетъ и размножается непрерывно во Франціи, оно держитъ въ рукахъ всѣ крупныя и мелкія пружины управленія, не оставляя почти ничего на долю свободной дѣятельности мѣстныхъ общинъ. Республика безъ широкаго самоуправленія есть зданіе безъ солиднаго фундамента, или это форма, не наполненная еще живымъ содержаніемъ и прикрывающая собою стойкія традиціи прошлаго. Французскіе политическіе дѣятели смотрятъ на бюрократію, какъ на такую силу, которую чрезвычайно удобно имѣть въ своемъ распоряженіи; они не хѣтятъ отказаться отъ всемогущаго административ-

наго единства, дающаго возможность направлять и контролировать всю жизнь страны изъ центральныхъ министерскихъ канцелярій. Во Франціи считается весьма радикальнымъ и неосуществимымъ справедливое требованіе—предоставить населенію Парижа право избранія городского мэра, вмѣсто префекта, назначаемаго правительствомъ. Мѣстные генеральныя совѣты, городскія и сельскія общества, пользуются болѣе номинальными, чѣмъ дѣйствительными правами самоуправления. Бюрократическій механизмъ столь же силенъ и централизованъ въ настоящее время, какъ и при монархіи; онъ дѣйствуетъ, правда, въ точныхъ предѣлахъ законности и не имѣетъ въ себѣ прежнихъ элементовъ произвола, но сфера его господства еще слишкомъ велика и обильна. Теперь чиновники подчиняются отчасти вліянію депутатовъ, а послѣдніе разсчитываютъ на ихъ содѣйствіе въ достиженіи своихъ политическихъ и партійныхъ цѣлей; такъ образуется солидарность, мѣшающая серьезному упрощенію административнаго строя. Коренная реформа администраціи составляетъ одну изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей современной французской республики, и отрицаніе или игнорированіе этой потребности служить важнѣйшимъ пунктомъ обвиненія противъ министерства Жюль Ферри.

Радикальная оппозиція выставляетъ еще и другіе пробѣлы въ программѣ кабинета; она указываетъ на необходимость измѣненія избирательной системы, на отсутствіе законовъ о рабочихъ союзахъ, на важность социальныхъ и экономическихъ проблемъ, для которыхъ республика не сдѣлала еще ничего до сихъ поръ. Эти вопросы рано или поздно выдвинутся на первый планъ, вопреки всѣмъ усиліямъ консервативной буржуазіи; тогда настанетъ очередь радикализма, который явится на смѣну оппортунистской политикѣ. Опасенія, возбуждаемыя идеями Клемансо и его единомышленниковъ, окажутся, вѣроятно, столь же напрасными, какъ боязнь, которую нѣкогда внушали революціонные принципы Гамбетты. Вступленіе во власть быстро охлаждаетъ реформаторскій пылъ, а сложный парламентскій способъ законодательства гарантируетъ общество отъ поспѣшныхъ и незрѣлыхъ реформаторскихъ попытокъ. Гдѣ публичныя дѣла и заботы обсуждаются публично безъ всякихъ стѣсненій, тамъ существуетъ наибольшее данныхъ для правильнаго и разумнаго хода государственной жизни, независимо отъ наклонностей или слабостей лицъ, стоящихъ во главѣ правительства.

Противники республики во Франціи нападаютъ, конечно, не на недостаточность реформъ, а на нѣчто совсѣмъ другое—на потерю внѣшняго „престижа“ и блеска, на шаткость международнаго положенія и на ошибки въ иностранной политикѣ. Вопросъ о „престижѣ“

или обаяніи есть несомнѣнно самое больное мѣсто для монархистовъ; они никакъ не могутъ переварить того факта, что Франція лишена роскошнаго двора, что ея правитель не заводитъ дружбы съ иноземными государями, что въ официальныхъ сношеніяхъ съ ними онъ именуется только „любезнымъ другомъ“, а не братомъ, что онъ не можетъ заставить говорить о себѣ въ Европѣ, и что о немъ приходится мало говорить даже въ самой Франціи. Властѣющіе и оживленные, въ былое время, королевскіе и императорскіе дворцы опустѣли; они не даютъ тона высшему обществу, не даютъ пищи любителямъ придворныхъ слуховъ и интригъ, не поддерживаютъ веселаго настроенія въ аристократіи и не оживляютъ политики пріятными неожиданностями. Нынѣшніе французскіе правители—скучнѣйшіе люди въ свѣтѣ; президентъ Гревъ не имѣлъ еще ни одного интереснаго свиданія, тогда какъ даже молодой Альфонсъ XII успѣлъ познакомиться лично съ императоромъ Вильгельмомъ и его фамиліею. Не означаетъ ли это очевидный упадокъ французской націи? Отсутствіе двора — это такой недостатокъ, котораго не поправитъ самая лучшая и удачная республиканская политика, такъ что по этому пункту полемика съ республикою совершенно безцѣльна со стороны монархистовъ. Намѣстникъ надъ простотою домашнихъ привычекъ Гревъ и его супруги занимаютъ много мѣста въ консервативныхъ органахъ, привыкшихъ видѣть блескъ государства въ роскошномъ образѣ жизни правителя, въ многочисленности и богатствѣ его придворнаго штата. Въ этомъ отношеніи Гамбетта отлично зналъ французскіе вкусы и нравы: онъ жилъ настолько широко и открыто, приемы и вечера его были столь блистательны, обычная свита его была столь значительна, что даже угрюмый Шарль де-Мазадъ, изъ „Revue des deux Mondes“, признавалъ его достойнымъ управлять страню.

Иностранная политика Франціи имѣетъ за послѣдніе годы вполне опредѣленный характеръ; она направлена къ пріобрѣтенію и увеличенію колоній въ далекихъ краяхъ, и сохраняетъ пассивную, выжидательную роль въ континентальной Европѣ. Колоніальныя предпріятія не принесли еще пока хорошихъ результатовъ. Отношенія съ Англіею испортились отчасти изъ-за Магадаскара, а Тонкинское дѣло затянулось и приняло размѣры гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ предполагалось. Китай упорно стоитъ на своемъ, угрожая войною въ случаѣ прямого нарушенія его правъ на Аннамъ, а китайскіе отряды давно уже дѣйствуютъ негласно противъ французовъ въ Тонкинѣ. Только рѣшительная и быстрая побѣда могла бы положить конецъ вышестательству китайской дипломатіи; но въ отдаленныхъ земляхъ, среди трудныхъ мѣстныхъ условій, при отсутствіи удобныхъ сообщеній, военный успѣхъ дается не легко и не скоро. На эту медлен-

ность кампаніи горько жалуются консерваторы, обвиняя во всемъ министерство. Они требуютъ, чтобы правительство поступало энергичнѣе и послѣдовательнѣе, чтобы оно скорѣе распорядилось благополучно окончить экспедицію, и чтобы оно не скрывало предъ палатою истиннаго положенія дѣлъ. Другіе возстаютъ противъ напущеній и увлеченій колониальной политики, настаивая на болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣламъ материка.

Безъ сомнѣнія, кабинетъ Жюль Ферри не предвидѣлъ послѣдствій протектората, которому добровольно подчинился Аннамъ; никто не могъ знать, что аяются какіе-то таинственные „черные флаги“, которые со временемъ окажутся просто китайцами, и что изъ небольшихъ мѣстныхъ стычекъ разовьется цѣлая система „оффиціозной“ войны, могущая потребовать еще много жертвъ и затратъ. Виновики ошибки, Шалльмель-Лакуръ, вышелъ въ отставку, такъ же какъ и военный министръ Тибоданъ; поддержанія посылаются одно за другимъ, и палата утвердила расходъ въ 29 милліоновъ, изъ которыхъ 20 отнесено къ бюджету будущаго года. Въ палатѣ большинство высказалось за энергическую защиту французскихъ интересовъ въ Тонкинѣ; даже епископъ Фреппель, къ удивленію всей правой стороны собранія, совѣтовалъ забыть раздоры партій и оказать въ этомъ дѣлѣ безусловную поддержку правительству. Въ сенатѣ герцогъ де-Брольи выступилъ противъ „сбивчивой и авантюристской“ политики, повредившей вліянію Франціи въ Европѣ; но Жюль Ферри напомнилъ остроумному академику, что именно при его управленіи созданъ былъ источникъ настоящихъ замѣшательствъ, такъ какъ договоръ, на которомъ основаны французскія требованія, заключенъ съ Аннамомъ въ 1874 году, въ министерство Брольи. Военный министръ Кампеновъ съ своей стороны заявилъ, что Франція имѣетъ полную возможность дѣйствовать въ колоніяхъ, ни въ чемъ не нарушая своей боевой готовности на материкѣ. Маршалъ Канроберъ произнесъ патріотическую рѣчь, содержаніе которой напоминало слова епископа Фреппеля въ палатѣ депутатовъ. Въ результатѣ парламентъ, признавая прежніе промахи, далъ кабинету полномочія и средства на болѣе усилѣнное веденіе экспедиціи въ будущемъ. Одинъ изъ тонкинскихъ фортвъ, Сонтай, уже взятъ французами; въ скоромъ времени предвидится такъ называемое умиротвореніе края, послѣ чего начнется, быть можетъ, столкновеніе съ Китаемъ.

Когда предпринимается маленькая экспедиція въ далекіе края, то нельзя сказать, чѣмъ она окончится; это испытали англичане относительно афганцевъ и зулусовъ, при правительствѣ лорда Виконсфильда. Въ такомъ положеніи находились не разъ и мы въ средней Азіи: попытка усмирить какихъ-нибудь тѣкинцевъ усложнялась не-

рѣдко непріятными случайностями и требовала обширныхъ приготовленій, безъ которыхъ нельзя было брать ничтожную, повидимому, крѣпость Геокъ-Тепе. Въ подобныхъ случаяхъ трудно винить правительство, если только исходною точкою предпріятія не служить честолюбіе какого-нибудь генерала, желающаго выдвинуться подвигами и самоотверженіемъ своихъ войскъ. Люди, готовые привѣтствовать всякій военный походъ, обещающій удачу, не имѣютъ нравственнаго права нападать на войну только потому, что она не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ. Нужно одно изъ двухъ: или быть въ принципѣ противъ извѣстной политики, или допускать заранее ея неизбѣжныя и возможные результаты.

Самымъ горячимъ проповѣдникомъ колоніальной предпріимчивости былъ Поль Леруа-Вольё, издатель „Econometiste français“ и сотрудникъ „Journal des Débats“; въ своихъ статьяхъ онъ бойко уничтожалъ всякія препятствія и предлагалъ не обращать на нихъ никакого вниманія; но когда его фразы перешли въ дѣло и препятствія оказались печальною реальностью, онъ выступилъ рѣзкимъ обвинителемъ министерства и нарисовалъ мрачную картину политическаго положенія Франціи. Эту картину онъ представилъ избирателямъ одного провинціального округа, для доказательства необходимости выбора его въ депутаты. Его воззваніе произвело нѣкоторый эффектъ; оно перепечатано было всѣми консервативными газетами и дало имъ благодарную тему. Если человѣкъ, признающій себя республиканцемъ, такъ сильно бичуетъ республику, — говорили монархисты, — то, очевидно, республикѣ грозитъ неминуемое банкротство. Леруа-Вольё не былъ избранъ въ депутаты: его мрачное настроеніе не было оцѣнено избирателями, которые предпочли ему дѣятеля менѣе претенціознаго и болѣе положительнаго. „Journal des Débats“ негодуетъ, а избиратели несомнѣнно правы. Осуждать то, что ранѣе проповѣдывалось, и упражняться въ отчаянной критикѣ безъ указанія разумнаго выхода изъ накопившихся затрудненій, — это не программа для людей, имѣющихъ право принимать непосредственное участіе въ обсужденіи интересовъ своей родины.

II.

Въ Германіи правительство не сдѣлало замѣтнаго шага во внутреннихъ дѣлахъ, за истекшій годъ: оно все еще стоитъ передъ старыми вопросами — церковнымъ, рабочимъ и народно-хозяйственнымъ. Да и можетъ ли быть рѣчь о какомъ-либо движеніи впередъ, когда правительственная власть находится въ хроническомъ антагонизмѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, когда она занята борьбою съ либераль-

ными партіями и удѣляетъ только нѣкоторую долю вниманія дѣйствительнымъ злобамъ дня?

Князь Бисмаркъ живетъ отшельникомъ въ Фридрихсруэ, но духъ его господствуетъ въ Берлинѣ, имѣя послушныхъ выразителей въ министрахъ, пользующихся его довѣріемъ. Званіе министра въ Пруссіи понизилось до роли лишь простого исполнителя предписанія главы кабинета; независимые характеры и политическія убѣжденія исчезли изъ среды правительства. Послѣдніе представители недавняго прошлаго, военный министръ Камеке и морской — фонъ-Стошъ, имѣвшіе еще свои собственные взгляды и отстаивавшіе ихъ передъ императоромъ и передъ палатами, — должны были очистить мѣсто неизвѣстнымъ дотолѣ генераламъ, Бронсару фонъ-Шеллендорфу и Каприви-де-Монтекукули.

Въ политической жизни Германіи давно уже наступилъ застой, который изрѣдка нарушается какими-нибудь официальными празднествами, въ родѣ открытія памятника близъ Рюдесгейма, военныхъ маневровъ близъ Гомбурга, или четырехсотлѣтняго юбилея Лютера. Нѣкоторое разнообразіе внесено было также свиданіемъ двухъ императоровъ въ Ишлѣ и переговорами министровъ въ Зальцбургѣ. Говорили о секретномъ соглашеніи между Германіею и Австріею, направленномъ противъ Россіи. Газеты прониклись воинственностью; толки о войнѣ становились все настойчивѣе и безсмысленнѣе, — никто не понималъ, ради чего и почему должна будетъ начаться общая рѣзня. Газетныя объясненія ограничивались намеками, изъ которыхъ можно было вывести одно крайне поучительное для насъ заключеніе, — а именно, что по взгляду иностранныхъ публицистовъ главнымъ виновникомъ безпокойства является русскій народъ, стремящійся будто бы къ кровавой борьбѣ съ нѣмецкою націею. Мы и не подозрѣвали ничего подобнаго у насъ въ Россіи, а за-границею намъ приписывали самые убійственные замыслы, ссылаясь то на краснорѣчиваго Аксакова, то на статьи какой-нибудь петербургской газеты. Весь этотъ странный шумъ сразу улегся, когда русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, проѣзжая чрезъ Германію на пути въ Монтрэ, посѣтилъ князя Бисмарка въ Фридрихсруэ.

Очень можетъ быть, что возбужденіе затихло бы само собою, и что оно вообще не имѣло никакой серьезной подкладки. Но этотъ любопытный эпизодъ самымъ нагляднымъ образомъ показалъ, до какой степени напряженности доходятъ отношенія между государствами въ настоящее время; малѣйшее недоразумѣніе способно произвести взрывъ, для котораго матеріалъ всегда стоитъ на-готовѣ. Достаточно было бы только нѣкотораго желанія страны руководящихъ дѣятелей, чтобы двинутьъ военныя силы въ какую угодно сторону.

Такое состояніе не можетъ считаться нормальнымъ, и непрерывная боевая готовность должна разрѣшиться измѣненіемъ политической системы, если народы и правительства не хотятъ слѣпо отдаться теченію, которое приведетъ или къ общему пожару, или къ безысходному кризису. Когда ружья слишкомъ долго заряжены, пальба можетъ открыться какъ бы сама собою. Этой опасности не было бы, еслибъ дѣйствительныя нужды и потребности народовъ занимали подобающее мѣсто въ политикѣ государственныхъ людей. Разладъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ составляетъ то нездоровое начало, которое отравляетъ народное спокойствіе и даетъ искусственное направленіе общимъ политическимъ заботамъ. Насущные вопросы экономическіе и законодательные не двигаются съ мѣста, потому что нельзя рѣшать ихъ безъ полной гармоніи между министрами и народнымъ представительствомъ; внутреннее правильное развитіе остановлено; собираются элементы недовольства и раздраженія; силы тратятся на взаимную борьбу, вмѣсто того, чтобы участвовать въ полезномъ творчествѣ. Внутренній застой дѣлается привычнымъ, постояннымъ; такіе люди, какъ Беннигсенъ и Ласкеръ, оказываются излишними и не находятъ себѣ примѣненія; общественная жизнь замыкается въ тѣсныя рамки и утрачиваетъ всякій высшій интересъ. Что же остается обществу и печати, какъ не увлекаться международными планами, слухами и опасеніями? Это почти единственная область, гдѣ открыть просторъ свободѣ мнѣній, гдѣ возможны новыя комбинаціи и пережѣвы, гдѣ существуетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое подобіе національнаго сознанія. Фантастическія задачи вытѣсняють, такимъ образомъ, реальныя и поддерживаютъ общее болѣзненное состояніе европейской политики. Пусть сегодня въ Германіи установится нормальный режимъ, и международная напряженность сразу ослабѣетъ на половину, отдавъ часть своей энергіи болѣе близкимъ народу интересамъ и стремленіямъ.

Дипломатія князя Бисмарка успѣла за истекшій годъ расширить кругъ державъ, тяготящихся къ Германіи. Поѣздка германскаго наслѣднаго принца въ Испанію возбудила въ этой странѣ какія-то неопредѣленныя надежды и предположенія насчетъ будущей политической роли ея въ соѣздахъ Европы. Испанія давно стояла въ сторонѣ отъ общаго хода европейскихъ событій; она служила предметомъ разговоровъ только въ двухъ случаяхъ: когда устраивался какой-нибудь „испанскій бракъ“, волновавшій дипломатовъ старой школы, или когда возникали междоусобія и военные перевороты, дѣлавшіе вакантнымъ королевскій престолъ. Теперь Испанія обнаруживаетъ признаки внутреннего оживленія; она вступила въ эру реформъ, если судить по программѣ нынѣшняго министерства, со-

ставленнаго изъ рѣшительныхъ прогрессистовъ. Германскій канцлеръ обратилъ свое вниманіе на Испанію и привлекъ ея молодого короля въ сферу берлинскихъ вліяній. Это сближеніе не можетъ имѣть никакихъ практическихъ результатовъ; но оно еще разъ напоминаетъ Франціи, что она изолирована вполне, и что никакихъ союзниковъ у нея нѣтъ. Еще другой болѣе интересный шагъ сдѣланъ былъ нѣмецкою дипломатіею въ истекшемъ году: наслѣдникъ принца отправился съ визитомъ къ римскому папѣ и подготовилъ почву для оффиціального соглашенія между имперскимъ правительствомъ и католическою церковью. Культурная борьба кончается почти походомъ въ Каноссу, который былъ нѣкогда гордо отвергнутъ княземъ Бисмаркомъ.

Союзница Германіи, Австро-Венгрія, обречена на выжиданіе внутри и извнѣ. Вѣнскій кабинетъ долженъ всегда заботиться о сохраненіи равновѣсія между различными народностями имперіи. Всякая неосторожность нарушаетъ равновѣсіе то въ ту, то въ другую сторону. Безтактность мадьярскихъ властей въ Хорватіи вызвала безпорядки, получившіе отчасти характеръ настоящаго возстанія. Правительство сдѣлало требуемыя уступки и успокоило хорватское населеніе. Система лавирования помогаетъ еще сдерживать формальное государственное единство, которое фактически все болѣе превращается въ федерацію народовъ, связанныхъ общностью династій. Австро-Венгрія не имѣетъ поэтому самостоятельной внѣшней политики: ея дипломатія есть тѣнь германской, цѣли ея сообразуются съ движеніями политическихъ сферъ Берлина. Направивъ свое вліяніе на сосѣднія земли Балканскаго полуострова, австрійскій дворъ легко сблизъ съ толку короля Милана сербскаго и ввелъ его подъ свое покровительство. Опираясь на вѣнскія симпатіи, король Миланъ забылъ о своихъ обязанностяхъ относительно Сербіи и занялся усмиреніемъ народа, подавшаго голоса противъ его министровъ. Онъ учредилъ спеціальныи судъ изъ лицъ сомнительной честности, и этотъ судъ приговаривалъ къ смертной казни за газетныя статьи, содержавшія въ себѣ будто бы воззваніе къ бунту. Потребовалось вмѣшательство австрійскаго посланника для того, чтобы подобные приговоры не приводились въ исполненіе. Преданность такого правителя, какъ нынѣшній сербскій король, едва-ли можетъ принести прочную пользу австрійцамъ. Впрочемъ, въ экономическомъ отношеніи Австрія извлекаетъ изъ Сербіи существенныя выгоды, подчинивъ ее своимъ торговымъ и промышленнымъ интересамъ.

Австро-Венгрія мѣняетъ свои чувства къ другимъ державамъ, по указаніямъ и намекамъ изъ Берлина. Кто друженъ съ Германіею, тотъ вступаетъ въ такія же отношенія къ австрійцамъ. Пріѣздъ рус-

скаго министра въ резиденцію князя Бисмарка встрѣченъ былъ въ австрійской печати, сама безспорный признакъ сближенія Россіи не только съ Германією, но и съ Австрією. Иногда это сдѣдованіе за берлинцами доходить до смѣшного. Пребываніе германскаго наслѣднаго принца въ Римѣ разрѣшило для графа Кальноки всѣ недоумѣнія, которыя доселѣ мѣшали императору Францу-Иосифу посѣтить короля Италіи въ его столицѣ. Теперь австрійскій императоръ собирается отдать визитъ королю Гумберту, чего нельзя было сдѣлать прежде до примѣрнаго рѣшенія трудной задачи—быть въ Римѣ одновременно у короля и у папы. Сближеніе съ Италією обязательно для австрійцевъ уже потому, что съ нею сближается Германія. Съ Россією Австрія то холодна, то дружна, смотря по переменѣ вѣтра изъ Фридрихсруэ. Австро-Венгрія только по имени играетъ независимую роль въ Европѣ.

III.

Въ Англіи проявился съ неожиданною силою интересъ къ социальному вопросу: политическія партіи и ихъ вожди, въ томъ числѣ и члены кабинета, горячо обсуждаютъ мѣры къ улучшенію быта неимущихъ. Брошюра, написанная неизвѣстнымъ пасторомъ подъ заглавіемъ: „Горькій вопль нищенскаго Лондона“, изобразила фактическое положеніе многихъ тысячъ человѣческихъ существъ, наполняющихъ собою трущобы англійской столицы. Безыскусственное, иногда сухое описаніе видѣннаго производитъ впечатлѣніе, котораго не могло бы произвестъ самое страстное и убѣдительное краснорѣчіе. Авторъ, посѣщавшій бѣдныхъ отъ имени мѣстнаго благотворительнаго общества и хорошо изучившій нищенскую часть Лондона, приводитъ ужасающіе факты безъ всякихъ прикрасъ, опуская подробности, способныя смутить чувство стыдливости читателей. Иногда указываются также причины упадка, насколько объясняли ихъ сами нищіе,—отсутствие работы, невозможность приискать себѣ занятіе при недостаткѣ одежды и жилища, сокращеніе спроса на мускульный трудъ и разныя случайныя несчастія. Цѣлый рядъ убійственныхъ картинъ и необратимыхъ паденій проходитъ предъ читателемъ; статистическія данныя переплетаются съ краткими поясненіями и характеристиками, отъ которыхъ вѣетъ безнадежностью Дантовскаго ада. Брошюра быстро распространилась и нашла подобающій откликъ въ журналистикѣ; столбцы газетъ наполнились разсужденіями о лондонской нищетѣ, политическіе дѣятели заговорили о ней въ своихъ рѣчахъ, и вопросъ о бѣдныхъ сдѣлался буквально жгучимъ интере-

сомъ дня. Читая англійскіе журналы за послѣднее время, приходится просто удивляться этому внезапному возбужденію, охватившему англійское общество. Верхніе общественные слои почувствовали какъ будто угрызение совѣсти въ виду бѣдствій низшаго класса городского населенія; аристократія принялась желаніемъ придумать какой-нибудь исходъ изъ положенія, которое грозитъ прежде всего цѣлости ея поземельныхъ владѣній и доходовъ.

Предводитель торійской партіи, маркизъ Солсбери, нанекалъ обстоятельную статью объ устройствѣ жилищъ для бѣдныхъ на счетъ государства. Эта статья знатнаго лорда послужила неисчерпаемою темою разговоровъ въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ Англіи. Ни одно политическое событіе за истекшій годъ не вызывало такого шума въ англійскомъ обществѣ, какъ этотъ журнальный этюдъ лорда Солсбери. Ни въ чемъ не проявляется такъ сильно традиціонное уваженіе англичанъ къ громкимъ именамъ аристократіи, какъ въ этихъ невольныхъ порывахъ всеобщаго вниманія къ каждому слову и поступку могущественнаго лорда, стоящаго во главѣ консервативной оппозиціи. Лордъ Солсбери пользуется тою особою популярностію, какаѣ выпадаетъ на долю знатнаго лица, за которымъ привыкли съ любопытствомъ слѣдить мелкіе люди толпы. Еслибъ ту же статью написалъ другой глава партіи — сэръ Стаффордъ-Норскотъ, — то ее не возвели бы, конечно, на степень важнаго политическаго факта. Вождь богатѣйшей въ мірѣ аристократіи, трактующій объ улучшеніи быта бѣдныхъ, — явленіе безспорно назидательное и интересное; въ этомъ смыслѣ трудъ лорда Солсбери заслуживалъ внимательной оцѣнки. Выводы автора показались рискованными многимъ консерваторамъ стараго закала и въ то же время не могли удовлетворить искреннихъ прогрессистовъ. Лордъ Солсбери предлагаетъ возложить на государство заботу объ устройствѣ жилищъ для бѣдныхъ. Трущобыныя зданія должны быть выкуплены у собственниковъ по существующимъ цѣнамъ, а затѣмъ будутъ возведены новыя помѣщенія, удовлетворяющія гигиеническимъ требованіямъ и подлежащія постепенному выкупу со стороны обитателей, съ уплатою незначительной ренты. Въ этомъ проектѣ выступаетъ на первый взглядъ нѣчто въ родѣ государственнаго социализма, и дѣйствительно, тутъ признается право принудительнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія и нарушается священный характеръ собственности отнятіемъ негодныхъ домовъ у владѣльцевъ за соотвѣтствующую плату.

Но вникнувъ ближе въ разсужденія лорда Солсбери, замѣтитъ въ нихъ слѣдующаго. Владѣльцы домовъ въ кварталахъ Лондона наиболѣе и выигрываютъ отъ этой системы.

проекта автора; обиліе семействъ, живущихъ вмѣстѣ въ небольшихъ помѣщеніяхъ, возвышаетъ цѣны послѣднихъ до непомерной высоты, а такъ какъ цѣнность домовъ зависитъ отъ количества ежегоднаго дохода, то продажа по обычной оцѣнкѣ будетъ чрезвычайно выгодна для собственниковъ, которые къ тому же освободятся отъ законной ответственности за отдачу въ наймы нездоровыхъ и грязныхъ трущобъ. Съ другой стороны, справедливо ли будетъ возлагать на государственное казначейство, — т. е. на всѣхъ платящихъ налоги, — миллионныя издержки за долготѣніе грѣхъ ограниченного круга лицъ, пользовавшихся человѣческой бѣдностью для своего обогащенія и не исполнявшихъ самыхъ первыхъ обязанностей своихъ въ теченіе многихъ десятилѣтій? Владѣльцы содержатъ свои дома въ невозможномъ состояніи и помѣщаютъ жильцовъ какъ скотину, взимающъ съ нихъ послѣдныя платежи за сырыя, смрадные логовища; а остальные граждане будутъ еще выплачивать имъ эти искусственно вздутые, преступные доходы. Для владѣльцевъ это была бы блестящая афера; но съ точки зрѣнія элементарной справедливости это было бы просто несправедливостью. „Проектъ лорда Солсбери, — по замѣчанію „Fortnightly Review“ — не только сохранилъ бы, но еще болѣе увеличилъ бы нынѣшнія ненормальныя цѣны домовъ и земель въ столицѣ и въ ея окрестностяхъ; богатые приобрѣли бы очень много, бѣдные выиграли бы мало, а народъ будетъ платить за все“.

Министръ торговли въ кабинетѣ Гладстона, Чамберленъ, одинъ изъ талантливейшихъ представителей такъ называемой радикальной партіи, написалъ подробный отвѣтъ на статью лорда Солсбери. Отвѣтъ этотъ, появившійся въ декабрьской книжкѣ „Fortnightly Review“, имѣетъ большое значеніе уже потому, что принадлежитъ перу министра, поставленнаго въ возможность превращать свои предположенія въ законопроекты. „Соціальная реформа носится въ воздухѣ“, — такъ начинается свою статью англійскій министръ. „Въ послѣдніе двадцать лѣтъ, — говоритъ онъ между прочимъ, — ежегодный доходъ націи увеличился на шестьсотъ миллионновъ, но почти миллионъ чело-
вѣкъ находится на попеченіи приходскихъ обществъ, и другіе миллионы людей прозябаютъ на краю той же нужды, не получая еще пособій. Обширныя богатства, созданныя современнымъ прогрессомъ, распредѣлились по карманамъ; отдѣльныя лица и классы становятся все богаче и придумываютъ способы расточенія денегъ, которыми они не могутъ пользоваться. А громадное большинство трудящихся не получило своей доли выгоды отъ благосостоянія, которое они помогли создать, и населеніе, равное числу жителей столицы, остается въ постоянной нищетѣ. Удивительно ли, что время отъ времени слышатся голоса недовольства и даже отчаянія? Наслажденіе богат-

ствомъ и досугомъ не есть преступленіе; но сповойное существованіе при такихъ условіяхъ не лишено отвѣтственности. Сознавая эту отвѣтственность, богатые могутъ еще обезопасить себя отъ угрожающихъ имъ опасностей; но время апатіи и индифферентизма проходитъ. Какъ выразился одинъ выдающійся сановникъ церкви, „настанетъ день, когда этотъ кратеръ разрушитъ Лондонъ: возможно еще предупредить пожаръ, но скоро будетъ слишкомъ поздно“.

Неимущее населеніе городовъ пополнялось до сихъ поръ такою называемою „очисткою“ помѣстій отъ земледѣльцевъ и ихъ жилищъ, — систематическимъ изгнаніемъ бѣдныхъ поселянъ изъ ихъ участковъ, принадлежащихъ номинально привилегированнымъ собственникамъ. Въмѣсто старинныхъ мелкихъ поселеній, вводятся крупныя фермерскія хозяйства и устраиваются обширныя пастбища, гдѣ овцы вытѣсняютъ людей. Очистивъ свои земли отъ поселянъ и пустивъ послѣднихъ по міру, поземельные лорды являются въ сущности главными виновниками переполненія городовъ бездомными нищими. Этой стороны вопроса не затрагиваетъ, разумеется, лордъ Солсбери. Англійскіе законы о землевадѣніи носятъ на себѣ понинѣ феодальный характеръ, и право на землю остается недоступнымъ обрабатывающимъ ее поселянамъ, за исключеніемъ единственной формы — временнаго пользованія, зависящаго отъ произвола лордовъ и ихъ управляющихъ. „Можно положительно утверждать, — говоритъ Чамберленъ, — что никакое удовлетворительное разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ не будетъ достигнуто, пока не замѣнится чѣмъ-либо болѣе человѣчнымъ та ненормальная и несправедливая система, которая изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ удержалась въ одной только Англіи, и которая исключаетъ самую надежду на собственность для дѣйствительныхъ работниковъ земли, оплодотворяющихъ ее своимъ трудомъ. Въ этомъ заключается лекарьство, о которомъ не подумалъ лордъ Солсбери въ своемъ разсужденіи“.

Нужно замѣтить, что торійскій вождь не безъ тонкаго умысла занялся вопросомъ о положеніи городскихъ бѣдняковъ. Онъ желалъ направить въ другую сторону общественное вниманіе, возбужденное толками объ аграрной реформѣ и о „націонализациі земли“. Чамберленъ вполне основательно доказываетъ, что корень социального зла лежитъ именно тамъ, гдѣ не хочетъ видѣть его поземельная аристократія. Министръ не предлагаетъ нисколько носить на чѣмъ-либо права; онъ требуетъ только справедливой оцѣнки правъ и интересовъ общества, по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и сословіямъ. „Когда собственность опасается за свою непривесновенность, ея протесты становятся оглушительными. Личные интересы всегда умѣютъ охранять себя; но публичное благо является часто безглас-“

нымъ и безпомощнымъ предъ лицомъ частныхъ злоупотребленій^а. По мнѣнію Чамберлена, затраты на улучшеніе жилищъ для рабочихъ должны падать на землю, получающую отъ нихъ труда значительную часть своей цѣнности. Чамберленъ заключаетъ свою статью наметкомъ на важность широкой избирательной реформы, которая дала бы право голоса большинству взрослого населенія въ Англіи; — сами бѣдствующіе работники должны имѣть возможность позаботиться о своей судьбѣ при помощи законнаго участія ихъ представителей въ законодательныхъ работахъ парламента.

Предводители торіевъ часто обвиняютъ либераловъ въ наклонности къ наружнымъ политическимъ преобразованіямъ, въ ущербъ болѣе настоятельнымъ нуждамъ народа. Министерство Гладстона включило въ свою программу расширеніе избирательныхъ правъ населенія; предполагается предоставить эти права всѣмъ платящимъ налоги совершеннолѣтнимъ лицамъ мужескаго пола. Владѣльцы аристократическихъ помѣстій не будутъ имѣть прежняго вліянія на составъ палаты общинъ, если осуществится новый билль о реформѣ. Лордъ Солсбери и его единомышленники указываютъ на то, что народъ нуждается не въ безполезныхъ формальныхъ правахъ, а въ болѣе существенной матеріальной помощи — напримѣръ, для устройства сносныхъ жилищъ. Но, какъ объясняетъ Чамберленъ, безъ избирательныхъ правъ народъ не можетъ оказывать надлежащее вліяніе на ходъ и характеръ экономическихъ реформъ; а то, что предлагать бѣднымъ добровольно сами богатые, господствующіе нынѣ въ палатѣ общинъ, — едва ли будетъ соответствовать потребностямъ и желаніямъ рабочаго класса. Лучшимъ судьей въ дѣлахъ и нуждахъ народа остается несомнѣнно самъ народъ, и потому предоставленіе ему избирательныхъ правъ должно быть исходною точкою дальнѣйшихъ преобразованій, въ томъ числѣ и экономическихъ.

Избирательная реформа стоитъ теперь на очереди въ Англіи. Въ одной изъ своихъ недавнихъ рѣчей, Чамберленъ краснорѣчиво доказывалъ несостоятельность существующаго порядка парламентскихъ выборовъ. Болѣе шести милліоновъ населенія исключено изъ пользованія правами, которыя, по здравому смыслу, должны составлять неперемѣнную принадлежность каждаго англійскаго гражданина. „Ничего подобнаго, — замѣтилъ между прочимъ ораторъ, — не существуетъ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы, кромѣ развѣ Турціи, если считать ее цивилизованною страной“. Чамберленъ упомянулъ и о Россіи, но едва ли основательно; въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ примѣняется у насъ выборное начало, оно вообще свободно отъ идеи сословнаго неравенства. Чамберленъ разсчитываетъ, что палата лордовъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, не будетъ противо-

дѣйствовать расширенію народныхъ правъ, и что лордъ Солсбери, столь заботящійся о бытѣ неимущихъ, не испортилъ своей популярности упорною оппозиціею противъ министерскаго билля.

Реформаторская дѣятельность правительства Гладстона сдерживается отчасти хроническимъ ирландскимъ зломъ, для котораго англійскіе либералы все еще не придумали разумныхъ способовъ леченія. Истинны, признаваемые ясными и безспорными въ Англии, не сдѣлались еще правдою для Ирландіи; принципы народнаго самоуправленія, практикуемые англичанами у себя дома, отвергаются относительно ирландцевъ. Какія бы льготы ни давались ирландскимъ фермерамъ и земледѣльцамъ, страна эта никогда не примирится съ политическимъ безправіемъ, во имя котораго энергическіе патріоты, подобныя Парнеллю, ведутъ борьбу противъ англійскаго владычества. Всякія мѣры преслѣдованія противъ ирландскихъ вождей еще болѣе увеличиваютъ ихъ значеніе и популярность. Парнелль, подвергавшійся уже и тюремному заключенію, и всевозможнымъ нападкамъ въ парламентѣ и въ печати, обладаетъ теперь такимъ значеніемъ, каковаго рѣдко достигало частное лицо, не занимающее оффиціальнаго поста: онъ признанъ главою цѣлой націи, „не коронованнымъ королемъ Ирландіи“; съ нимъ считаются всѣ партіи, за его дѣйствіями и рѣчами слѣдитъ все англійское общество, правительство считаетъ долгомъ вступать съ нимъ въ молчаливыя соглашенія. Приверженцы Парнелля собрали значительную сумму (около 38,000 фунтовъ ст.) для поднесенія ему въ видѣ національнаго подарка; по этому случаю состоялось въ Дублинѣ необычайное торжество, въ началѣ декабря. Парнелль былъ богатымъ землевладѣльцемъ, когда примкнулъ къ освободительному движенію ирландцевъ и основалъ „земельную лигу“; онъ отдавалъ свои средства на дѣло своей родины, и теперь у него нѣтъ состоянія. Ирландцы пожелали вознаградить его и въ то же время поддержать смѣлаго бойца за свободу. Парнелль принялъ поднесенный ему капиталъ и произнесъ длинную рѣчь, которая не могла никому понравиться въ Англии. „Безъ всякаго сомнѣнія,—заявлялъ онъ,—отъ ирландцевъ и отъ ихъ представителей въ парламентѣ будетъ зависѣть на предстоящихъ выборахъ рѣшеніе вопроса о томъ, какое министерство—торійское или вигское—будетъ управлять Англіею. Это большая сила и большая власть. Если мы не можемъ управлять своею собственною страной, то мы можемъ, по крайней мѣрѣ, дать англичанамъ правительство по нашему выбору. Мы имѣемъ полное основаніе быть терпѣливыми; такъ или иначе нація добьется своихъ законныхъ правъ. Если къ намъ примѣняются исключительныя мѣры, и если конституція у насъ не дѣйствуетъ, то пусть этотъ порядокъ вещей поддерживается

лучше торійскимъ, чѣмъ либеральнымъ министерствомъ". Ироническая угроза, заключающаяся въ послѣднихъ словахъ, имѣетъ вполне реальную подкладку. По расчету Парнелла, партія его въ налатѣ общины усилится на предстоящихъ выборахъ до 80 человѣкъ, а при обычномъ равновѣсіи между вигами и торіями располагать свободными 80 голосами — значить имѣть рѣшающее вліяніе на борьбу партій. Присоединяясь къ той или другой сторонѣ, группа Парнелла можетъ дѣйствительно играть именно ту роль, которую онъ столь самоуверенно опредѣляетъ заранее. Англійскія газеты не отрицаютъ этой возможности, указываемой Парнеллемъ, хотя и возмущаются его притязаніями и угрозами.

Ни одно министерство въ Англіи не рѣшится выступить съ предложеніемъ устроить въ Ирландіи особый парламентъ и дать ей всѣ тѣ права, которыми издавна привыкли пользоваться англичане. Такое министерство вызвало бы противъ себя бурю негодованія; оно обвинялось бы въ покушеніи на единство государства и должно было бы отказаться отъ предполагаемаго плана. Быть можетъ, и Чамберленъ, и Чарльсъ Дилъкъ, и самъ Гладстонъ, готовы въ душѣ согласиться, что нѣтъ другого способа покончить съ вопросомъ, къ выгодѣ обѣихъ сторонъ. Но установившіеся твердые взгляды, коренящіеся въ традиціяхъ вѣкового національнаго антагонизма, не позволяютъ ни на минуту уклониться отъ системы законодательныхъ полумѣръ и административныхъ насилій. Болѣе справедливыя воззрѣнія могутъ пробить себѣ дорогу только послѣ того, какъ большинство народа допущено будетъ къ участію въ политической жизни. Новые общественные элементы окажутся, быть можетъ, свободными отъ предразсудковъ и опасеній, придающихъ оттѣнокъ лицемѣрія либеральнымъ началамъ и либеральной политикѣ.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе того страха, который чувствуютъ многіе при мысли о совершеніи какого-либо смѣлаго шага въ смыслѣ восстановленія нарушенной исторической правды. Ирландія, не дающая спокойно жить англичанамъ, стоящая имъ многихъ жертвъ и денегъ, ослабляющая Англію во всѣхъ отношеніяхъ, превратилась бы, очевидно, въ полезную самостоятельную силу, еслибъ ея существованіе было устроено нормальнымъ образомъ, согласно народнымъ требованіямъ. Уйти отъ Англіи некуда ирландцамъ; бороться съ нею имъ также не по силамъ, и неизбежно свободная Ирландія оставалась бы подъ скипетромъ британской имперіи, служа ей поддержкою, а не врагомъ безпощаднымъ, какимъ является она въ настоящее время.

Этотъ мирный выходъ изъ ирландскихъ затрудненій противорѣчилъ бы, однако, общепринятому кодексу патріотизма, по которому

благонамѣренныя чувства могутъ доказываться только готовностью карать и усмирять, не оглядываясь по сторонамъ и не вникая въ общій смыслъ явленій. Давленію этого кодекса и его близорукихъ принциповъ поневогѣ подчиняются самыя свѣтлыя умы, въ сферѣ практическихъ государственныхъ задачъ и вопросовъ. Ирландскій кризисъ, унаслѣдованный отъ длиннаго ряда годовъ, не измѣнится и не ослабѣетъ, конечно, и въ наступившемъ 1884 году.

Такимъ образомъ, и общее состояніе Европы даетъ мало надежды на замѣтное улучшеніе въ ближайшемъ будущемъ, ибо пружины, дѣйствующія нинѣ въ политикѣ, едва ли скоро измѣнятъ свой традиціонный характеръ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января, 1884.

— *Сочиненія Павла Якушкина. Съ портретомъ автора, его біографіей С. В. Максимова и товарищескими о немъ воспоминаніями: П. Д. Боборикина, П. И. Вейнберга, И. Ф. (Ө.) Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лѣскова. Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина. Изданіе Ва. Мухомоча. Спб. 1884.*

Въ нашей литературѣ не часто встрѣчаются книги, оставляющія такое симпатичное впечатлѣніе. Издатель возымѣлъ благую мысль собрать сочиненія П. И. Якушкина, разбросанныя въ старыхъ журналахъ, перепечатать его сборникъ пѣсень, очень важный для этнографовъ, и все это обставилъ, какъ видимъ по заглавію, цѣлымъ собраніемъ товарищескихъ воспоминаній, которыя живо рисуютъ личность Якушкина для тѣхъ, кто его не зналъ, и напоминаютъ тѣмъ, кто знавалъ его въ прежніе годы. Трудъ писателя собранъ въ одно цѣлое, личность его сохранена для исторіи нашей литературы и обществѣнности.

Въ шестидесятыхъ годахъ, въ литературныхъ кругахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, развѣ немногіе только не знали Павла Ивановича Якушкина, — добродушнаго оригинала, извѣстнаго своими „хожденіями въ народъ“, собраніемъ пѣсень, разсказами изъ народнаго быта. Онъ бросался въ глаза уже своей виѣшностью: онъ носилъ какой-то полународный костюмъ — того фасона, какіе изобрѣтались славянофилами сороковыхъ годовъ въ видахъ сближенія съ народомъ: разсказываютъ, что К. Аксакова, одѣтаго въ такой костюмъ, народъ считалъ за „персіянина“; съ Якушкинымъ бывали случаи, гдѣ народъ принималъ его за „ряженаго“; очень мѣшали ему также очки, которые онъ носилъ, и которые не шли къ мужицкому виду. Но костюмъ былъ во всякомъ случаѣ не общепринятый и могъ сойти за народный. Въ наружности и пріемахъ Якушкина — отъ его ли собственной натуры, или отъ продолжительнаго общенія съ наро-

домъ,—была, однако, извѣстная народная мужицкая складка; выраженіе лица казалось на первый взглядъ какъ будто рѣзкимъ, заносчивымъ, — но на самомъ дѣлѣ подѣ этой заносчивостію крылось безконечное добродушіе и простодушіе. Этотъ характеръ внѣшности и извѣстная независимость манеры, безъ сомнѣнія, и навлекли ему бѣдствіе послѣднихъ годовъ его жизни: онъ былъ „polizeiwidrig“, и его выслали изъ Петербурга.—Биографы Якушкина сообщаютъ забавное свѣдѣніе, что фотографическія карточки Якушкина продавались и покупались—за портреты Пугачева. Къ сожалѣнію, въ „общеніи съ народомъ“ онъ приобрѣлъ и одинъ прискорбный народный недостатокъ—пристрастіе къ водкѣ.

Биографія Якушкина вкратцѣ состояла въ слѣдующемъ. Онъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода (къ близкой роднѣ его принадлежалъ извѣстный Якушкинъ, декабристъ); отецъ его былъ помѣщикомъ въ орловской губерніи и женатъ былъ на своей крѣпостной дѣвушкѣ, умной и характерной. Отсюда, быть можетъ, происходили отчасти демократическія наклонности сына. Павелъ Якушкинъ родился въ 1820 г., въ 1840 г. поступилъ въ московскій университетъ по математическому факультету, но курса не кончилъ; онъ былъ уже на четвертомъ курсѣ, когда знакомство съ П. В. Кирѣевскимъ, которому онъ доставилъ нѣсколько пѣсень, увело его совсѣмъ на другую дорогу; онъ сталъ этнографомъ и народникомъ. Кирѣевскій отправилъ его для собиранія пѣсень въ сѣверныя поволжскія губерніи. Якушкинъ взвалилъ на плеча лубочный коробъ, наполнилъ его офенскими товарами, рассчитанными на слабое дѣвичье сердце, и отправился для записыванія пѣсень—въ обмѣнъ на свой товаръ. Много пришлось ему встрѣтить и перенести испытаній—и труднаго пути, и опасной болѣзни, и риска имѣть на глухой дорогѣ дѣло съ волками, и не меньшаго риска имѣть дѣло съ подозрительнымъ начальствомъ.

„Выходъ Якушкина (въ сороковыхъ годахъ), надо помнить, былъ новый,—говоритъ его биографъ,—никто до него таковыхъ путей не прокладывалъ. Пріемамъ учиться было негдѣ, никто еще не дерзалъ на такіе смѣлые шаги, систематически рассчитанные, и на дерзостные поступки—встрѣчу глазъ на глазъ съ народомъ. По духу того времени, затѣю Якушкина можно считать положительнымъ безуміемъ, которое, по меньшей мѣрѣ, находило себѣ оправданіе лишь въ увлеченіяхъ молодости“.

Первое странствіе сошло благополучно, и онъ уже смѣло отправлялся въ дальнѣйшія. Не обходилось, конечно, безъ приключеній: онъ встрѣчалъ добродушное гостепріимство бабъ, не хотѣвшихъ брать съ него денегъ за отдыхъ и пищу, предупредительность му-

живовъ, выпроваживавшихъ его заблаговременно отъ захвата начальствомъ; его зывали въ барскія помѣщичьи хоромы, гдѣ, по неосторожности его разговора, угадывали въ немъ не простаго коробочника. Разъ въ глухой деревнѣ ему случилось заболѣть оспой и остаться безъ помощи врача. „Коробейникъ поправился, но на всю жизнь сохранилъ на лицѣ слѣды довольно тяжелой оспы. Лицо было серьезно изуродовано, и Якушкину не разъ приходилось потомъ платиться за это случайное несчастье отъ тѣхъ людей, которые по лицу привыкли составлять впечатлѣніе. Опушенное длинной бородой, при длинныхъ волосахъ, лицо его, изуродованное неосжданной посѣтительницей, дѣйствительно отбѣняло его изъ ряду обыкновенныхъ личностей. Самъ Павелъ Ивановичъ простодушно сознавался всѣмъ, замѣчавшимъ ему о рѣзкости и подозрительности его физіономіи, что въ дѣйствительности она изъ такихъ, которыя не находятъ невѣсть, но очень удобно приобрѣтаютъ враговъ. Онъ признавался всѣмъ, что первыми непріятными столкновеніями онъ обязанъ былъ именно подозрительности своей физіономіи, усиленной, сверхъ того, крестьянскимъ костюмомъ при очкахъ, при лоскуткахъ бумаги и карандашѣ. Замѣчательно, напримѣръ, то, что о псковскомъ полиціймейстерѣ, имя котораго тѣсно связалось, благодаря журнальнымъ статьямъ, съ именемъ Якушкина, Павелъ Ивановичъ всегда отзывался съ кротостью, не памятуя зла и не ставя его въ вину и осужденіе“. Эта исторія съ полиціймейстеромъ Гемпелемъ, арестовавшимъ Якушкина во Псковѣ, послужила нѣкогда, на страницахъ „Русской Бесѣды“, однимъ изъ первыхъ сюжетовъ для обличительной публицистики, на тему о полицейскомъ самоуправствѣ. Послѣ, когда исторія кончилась, Якушкинъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ этимъ самымъ Гемпелемъ. Это неистощимое добродушіе и непамятозлобіе составляли главную привлекательную черту въ характерѣ Якушкина, которая побуждала прощать его немалые недостатки, быстро сближала съ нимъ, и ему самому помогала сближаться съ народомъ.

Долгія сношенія съ народомъ, гдѣ онъ встрѣчался съ самой патриархальной простотой, развили въ немъ эту черту и способность понимать и самому вести народную рѣчь. Біографъ рассказываетъ случаи, какъ быстро онъ сходился иногда съ народной толпой; но въ другихъ случаяхъ, благодаря своему простодушію и — очкамъ, онъ попадалъ и въ несовсѣмъ благополучныя встрѣчи.

„Разъ онъ рассказываетъ мнѣ, — говорится въ одномъ изъ „товарищескихъ воспоминаній“, — какъ къ нему гдѣ-то за Невскою заставою „придрались“ какіе-то „фабричные ребята“ и его „потолкали“.

Сомнительно имъ показалось: мужикъ, а въ очкахъ ходить!

— Думали, не подосланъ ли съ какимъ намѣреніемъ, — сказалъ Якушкннъ.

— Но какъ же у васъ до толканья-то дошло?

— Такъ, кто ты, да что ты, — ты-ста да вы-ста ёры съ подвохами ходите, да и давай толкаться.

Отнялъ его отъ обидчиковъ городской. Я спросилъ: не нѣло ли это какихъ дальнѣйшихъ послѣдствій?

— Нѣтъ, говорить, все миромъ кончили: городской насъ всѣхъ хотѣлъ въ часть вести, а я замирился.

— Кого же ты замирилъ?

— Всѣхъ.

— Да кого же всѣхъ? Тамъ вѣдь никого, кромѣ тебя, и не толкали?

— Конечно... Неужели же я стану толкать? Да вѣдь и они это сдуру... такая фантазія имъ пришла, что, говорить, мужикъ, а очки зачѣмъ носишь? мужики не носятъ, и давай толкаться... Совсѣмъ не по злости... Это понимать надо! Я и городовому сказалъ: „Это надо понимать!“ — всѣ на мировую и вышли.

— И городской?

— Разумѣется. Всѣ.

Изъ этого эпизода видно, что Якушкннъ дѣйствительно сроднился съ народнымъ „мировоззрѣніемъ“. Языкъ его, по долгой привычкѣ, отличался дѣйствительно чисто народной складкой и иногда, безна-мѣренно, выходилъ очень забавнымъ и типичнымъ. Когда его потребо-вали въ Петербургѣ къ генералъ-губернатору, онъ говорилъ прия-телямъ, что „городничій освѣдомляется“ объ немъ; къ сожалѣнію, „городничій“ выслалъ его изъ Петербурга.

Якушкннъ прибылъ въ Петербургъ въ 1858 году, въ самый раз-гаръ нашего тогдашняго „прогресса“, въ которомъ такую большую роль занимало ожидаемое освобожденіе крестьянъ. Время было жи-вое, возбужденное, и Якушкннъ, уже извѣстный какъ народолюбецъ и этнографъ, былъ дружески встрѣченъ въ народолюбивыхъ и либе-ральныхъ кружкахъ литературы: его тогдашніе друзья отзывались теперь своими воспоминаніями о немъ. Онъ возбуждалъ любопытство какъ практическій народолюбецъ, какихъ въ то время было еще не-много; его рассказы о народѣ, о своихъ походахъ не были ли-шены характерной новизны; затѣмъ онъ интересовалъ лично, какъ добродушный чудакъ, вѣчный студентъ или вѣчный младенецъ. Въ Москвѣ онъ бывалъ въ славянофильскомъ кругу, въ Петербургѣ его друзьями были люди совсѣмъ другихъ взглядовъ и наклонностей. Его друзья утверждаютъ положительно, что онъ, не смотря на связи съ Петромъ Кирѣевскимъ, къ которому навсегда сохранилъ величай-шее почтеніе, не былъ славянофиломъ. Строго говоря, Якушкннъ

едва ли составлялъ себѣ какое-нибудь опредѣленное теоретическое воззрѣніе на дѣло; у него былъ умъ вовсе не теоретическій; но инстинктомъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, угадывалъ, вѣроятно, что московскія униженныя ученія мало подходятъ къ дѣйствительному характеру народнаго быта. Не великъ былъ и его литературный талантъ; онъ самъ это сознавалъ и жаловался, что у него недостаетъ силы на цѣльный очеркъ, какіе были тогда въ ходу, — но его рассказы имѣли другое цѣнное свойство, которое особенно тогда было важно. Онъ могъ разсказать только то, что дѣйствительно видѣлъ и слышалъ. Онъ не умѣлъ иногда и этого округлить въ нѣчто законченное; но отдѣльныя сцены и случаи остаются вѣрной фотографіей, не подраженной никакими намѣренными соображеніями и цѣлями. Въ этомъ отношеніи останется, напримѣръ, исторически цѣннымъ его разсказъ: „Великъ Богъ земли русской“, — гдѣ передаются первыя впечатлѣнія крестьянскаго люда при объявленіи „воли“.

Его собраніе пѣсень вошло частію въ собраніе Кирѣевскаго (какъ и сборникъ сказокъ, напечатанныхъ въ книгѣ Аванасьева), частію было издано имъ самимъ: послѣднее вошло и въ изданіе г. Михневича.

Какъ мы уже замѣчали, біографическіе разсказы товарищей весьма живы и интересны. Первое мѣсто между ними принадлежитъ біографіи, написанной г. Максимовымъ (до выхода настоящей книги, она была сообщена имъ въ „Живописномъ Обзорѣ“, 1883, № 40—46): разсказанная просто, безъ особенныхъ излишествъ свойственной автору манерности, эта біографія несомнѣнно принадлежитъ къ лучшему, что было написано г. Максимовымъ. Остальныя воспоминанія посвящены главнымъ образомъ анекдотической сторонѣ біографіи Якушкина. Г-ну Воборыкину представилось по его поводу сравненіе съ французской литературной „богемой“, — но значеніе Якушкина въ литературномъ кругу онъ преувеличилъ. Г-нъ Дѣсковъ, по поводу Якушкина, очень много наговорилъ о самомъ себѣ. Г-нъ Португаловъ разсказалъ о концѣ жизни Якушкина, въ Самарѣ, гдѣ былъ послѣдній этапъ его ссылки... Но вообще всѣ воспоминанія представляютъ какія-нибудь новыя и интересныя подробности. — Прибавимъ небольшія поправки. На стр. LXXXI, годъ долженъ быть не 1863, а 1864. На стр. 6, въ исчисленіи сочиненій Якушкина пропущена статья, упоминаемая въ каталогѣ Межова, — по поводу „Обрыва“ г. Гончарова, въ „Искрѣ“ 1870, № 16.

Вообще этимъ изданіемъ г. Михневичъ оказалъ большую услугу нашей этнографической литературѣ, и сборникомъ біографическихъ воспоминаній о Якушкинѣ сохранилъ память объ оригинальномъ че-

ловѣкъ, который въ свое время, по мѣрѣ силъ, поработалъ этой литературѣ какъ одинъ изъ первыхъ „народниковъ“.

— *Поволжье въ XVII и началъ XVIII вѣка. Очерки изъ исторіи колонизаціи края. Исследование Г. Перетятковича. Одесса, 1882.*

Настоящая книга служитъ продолженіемъ сочиненія, изданнаго авторомъ въ 1877 г., гдѣ разсматривалась исторія Поволжья въ XV и XVI столѣтіяхъ. Приступая къ изслѣдованію, авторъ остановился на первыхъ вѣкахъ исторіи Поволжья, такъ что обѣ книги его представляютъ цѣльное изложеніе судьбы Волжскаго края и его занятія русскими. Предметъ, конечно, въ высокой степени интересенъ: Волга играла такую обширную роль въ распространеніи русской территоріи, въ колонизаціи русскаго племени, потомъ въ волненіяхъ народной исторіи (Волга и Поволжье были сценой бунтовъ Разина и Пугачева) и народномъ промыслѣ и торговлѣ,—что рассказъ о судьбахъ Волжскаго края можетъ занять важное мѣсто въ исторіи русскаго государства и народа. Авторъ, конечно, и руководился этимъ значеніемъ Волжскаго края при выборѣ темы своего изслѣдованія.

Предметъ представлялъ нѣсколько разныхъ сторонъ, хотя и тѣсно связанныхъ между собою: внѣшняя политическая исторія, движеніе колонизаціи, положеніе инородцевъ, народная промышленность и торговля. Одна изъ этихъ сторонъ давно уже была предметомъ любопытныхъ изысканій казанскаго профессора, г. Ойрсова—о положеніи инородцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи. Нашъ авторъ остановился главнымъ образомъ на внѣшней политической исторіи. Въ первой книгѣ онъ собралъ въ послѣдовательный рассказъ, болѣе или менѣе, извѣстныя свѣдѣнія о древнихъ временахъ Волжскаго края, о постепенномъ движеніи русскаго племени отъ верховьевъ къ средней части Волги, и заканчиваетъ покореніемъ Казани и Астрахани. Во второй книгѣ авторъ гораздо болѣе останавливается на вопросѣ колонизаціи, изложеніе представляетъ гораздо болѣе новыхъ результатовъ, какъ потому, что исторія средней и нижней Волги въ ближайшія къ намъ столѣтія до сихъ поръ была вообще мало разработана, такъ и потому, что авторъ воспользовался при этомъ многими еще нетронутыми рукописными матеріалами, именно документами, хранящимися въ архивѣ министерства юстиціи. Исторія доведена до первыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Въ книгѣ г. Перетятковича собрано множество фактовъ и мелкихъ подробностей, и чтобы добыть ихъ, положено много труда на разборъ архивныхъ документовъ, описей, писцовыхъ книгъ, а также печатныхъ документовъ и изслѣдованій. Что касается переработки

этого матеріала, она, къ сожалѣнію, имѣетъ свои недостатки. Останавливаясь на извѣстной мѣстности, авторъ собираетъ относящіеся къ ней свѣдѣнія такимъ образомъ, что рядомъ съ общими замѣчаніями онъ вдается въ самыя мелкія подробности о той или другой деревнѣ, починкѣ и т. д., какія находятъ въ своихъ источникахъ. Разсказъ постоянно прерывается этими мелкими частностями, такъ что читателю самому приходится иногда собирать ихъ въ общее представленіе. При этомъ выходятъ и странныя неровности: исторія какой-нибудь деревни подробно разсказана въ текстѣ, а основаніе большого города, напр., Саратова, и другого города, Чернаго-Яра, находятъ себѣ мѣсто въ примѣчаніи. При этомъ недостатокъ плана книга такимъ образомъ является обширнымъ собраніемъ матеріала, но не исторической картиной. Намъ кажется, что слѣдовало бы именно разграничить различныя стороны предмета; собрать вмѣстѣ, въ отдѣльный обзоръ, географическое движеніе русскаго населенія въ его хронологической послѣдовательности; далѣе, выдѣлить свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ и бытовомъ положеніи населеній; особо остановиться на отношеніяхъ русскаго пришлаго люда къ туземнымъ инородцамъ; выдѣлить крупныя событія, какъ бунтъ Стеньки Разина, съ его причинами и послѣдствіями, и т. п. Работа по такому плану была бы, конечно, труднѣе, потому что выступала бы необходимость, вмѣсто сообщенія случайныхъ подробностей, собирать факты для отвѣтовъ на опредѣленные вопросы, поставляемые исторіей. Но пусть нѣкоторые отвѣты оставались бы неполны, даже неудовлетворительны; для сущности историческаго изслѣдованія эта постановка вопросовъ съ первыми рѣшеніями составила бы большую заслугу, чѣмъ внѣшнее сопоставленіе матеріала. Притомъ нѣкоторые вопросы весьма существенны, и если бы авторъ продолжалъ свой трудъ по исторіи Поволжья въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, было бы очень важно обратить на нихъ вниманіе. Таковъ, напр., въ особенности вопросъ этнографическій и колонизаціонный. Въ настоящее время оба берега средней Волги заняты болѣе или менѣе густымъ или рѣдкимъ, но весьма сплошнымъ русскимъ населеніемъ съ инородческими островами. Между тѣмъ, достаточно взглянуть на подробныя карты или въ „Списки населенныхъ мѣстъ“ губерній средней Волги, чтобы встрѣтить громадную массу инородческихъ топографическихъ названій мѣстностей: города, села, деревни носятъ инородческія имена—татарскія, мордовскія, вѣроятно, черемисскія и чувашскія, между тѣмъ, какъ ихъ обитатели, въ настоящую минуту, русскіе. Какой пронзоселъ здѣсь процессъ? Какимъ образомъ осталось татарское названіе деревни, въ которой нѣтъ никакого слѣда татаръ? Количество подобныхъ топографическихъ названій такъ ве-

лико, что здѣсь видимо совершалось цѣлое этнографическое явленіе: обрусѣли ли эти татары или ушли, или вымерли; какъ явилось здѣсь русское населеніе? Извѣстная доля послѣдняго коренится здѣсь несомнѣнно съ первыхъ займовъ этого края въ XVI—XVII вѣкѣ; другая, по всей вѣроятности, переселена помѣщиками изъ сосѣднихъ внутреннихъ губерній; третья, вѣроятно, состоитъ изъ обрусѣвшихъ инородцевъ. Но опредѣленнаго научнаго объясненія этотъ вопросъ до сихъ поръ не имѣетъ: каковъ процентъ того или другого; куда дѣвались инородцы; каковъ здѣсь типъ русскаго населенія? Къ вопросу племенному присоединяется, конечно, и собственно этнографическій: о нравахъ, обычаяхъ, народной поэзіи, особенностяхъ языка и т. д. Отъ специалиста исторіи, особенно приступающаго въ первый разъ къ новому предмету, нельзя, разумѣется, требовать рѣшенія столь многостороннихъ задачъ, которыя рѣшаются общими усиліями исторіи, этнографіи и антропологіи, но мы думаемъ, что для самаго успѣха историческаго розысканія изслѣдователю надо представить себѣ дѣло въ цѣлой сложности жизненныхъ явленій, въ какой оно существуетъ въ дѣйствительности.

— *Материалы для антропологическаго описанія Россіи. I. Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Морды-Эрзя. Владимира Майнова. Сиб. 1888.*

Книга г. Майнова есть плодъ долгаго, усидчиваго труда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ предпринялъ антропологическое изслѣдованіе одного отдѣла мордовскаго племени, а именно, предпринялъ рядъ антропологическихъ изученій племеннаго типа, выразившихся въ массѣ измѣреній роста, черепа, во всѣхъ направленіяхъ, груди, рукъ, ногъ и пр., и пр., опредѣленій окраски кожи, цвѣта волосъ, бровей и т. д., степени производительности — числа дѣтей и ихъ живучести. Г-нъ Майновъ измѣрилъ подобнымъ образомъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ обитаетъ мордовское племя Эрзя. Газеты рассказывали въ свое время о странствіяхъ г. Майнова среди мордвы, о тѣхъ трудностяхъ, которыя были имъ встрѣчены со стороны населенія: оно, конечно, не могло постичь цѣлей и намѣреній какого-то чужого пріѣзжаго человѣка, который вздумалъ ихъ вымѣривать въ различныхъ, иногда весьма странныхъ отношеніяхъ. Но авторъ преодолевалъ эти трудности частію при содѣйствіи губернскаго начальства, частію собственной находчивостью. Въ концѣ работы оказалась масса таблицъ съ цифрами измѣреній, чрезвычайно подробныхъ, которыя авторъ потомъ подвергаетъ статистической переработкѣ, для извлеченія выводовъ по каждому частному предмету, которыхъ множество.—Таково со-

держаніе книги. Она, конечно, недоступна для обыкновеннаго читателя, представляя совершенно спеціальнѣйшій матеріалъ, который потребуетъ еще многихъ сопоставленій прежде, чѣмъ получится какой-либо цѣльный антропологическій выводъ.

Названіе книги, составляющей оттискъ изъ „Записокъ“ Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, указываетъ, что этотъ первый томъ составляетъ лишь начало изданія, предпринятаго Географическимъ обществомъ; это также только часть труда самого г. Майнова. Въ началѣ своего антропологическаго трактата авторъ говоритъ, что вопросы о разселеніи, о бытовыхъ особенностяхъ изученнаго имъ племени найдутъ мѣсто въ другихъ частяхъ его труда. Такимъ образомъ, мы должны ждать этого продолженія, чтобы выяснилось самое употребленіе той антропологической статистики, какая собрана авторомъ. Какъ мы сказали, это собраніе громадно, и трудъ, положенный на него авторомъ, заслуживаетъ полнѣйшаго признанія.

Но книга г. Майнова наводитъ также на мысль о чрезвычайной неравномѣрности въ движеніи нашей этнографической науки,—неравномѣрности, которая не свидѣтельствуетъ о нормальности ея положенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей литературѣ нѣтъ пока ни одного цѣльнаго труда о мордвѣ, который заключалъ бы общія этнографическія и историческія свѣдѣнія о ней; точно также почти-что нѣтъ подобныхъ сочиненій и о другихъ инородцахъ сѣверо-восточной Россіи,—а между тѣмъ мы получаемъ спеціальнѣйшій трактатъ объ одномъ отдѣлѣ мордовскаго племени, такой трактатъ, какого нѣтъ даже и о самомъ русскомъ племени! Гдѣ такія подробныя антропологическія опредѣленія русскаго національнаго типа, какія мы получаемъ теперь—о мордвѣ? Дано ли даже и самое общее опредѣленіе особенностей и мѣстныхъ видоизмѣненій русскаго типа, которыя весьма разнообразны и изученіе которыхъ, кажется, должно бы быть нашимъ величайшимъ интересомъ, не только научнымъ, но и общественнымъ. Правда, существуютъ нѣкоторыя начатія работы, но скорѣе только въ видѣ программъ, намѣченныхъ вопросовъ и предположеній; но цѣльнаго, доведеннаго до конца, труда по какому-либо отдѣлу антропологическаго изученія русскаго народа мы не имѣемъ и до сихъ поръ.

- *Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи.* Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніи св. отцевъ церкви. Составлено Иваномъ Дмитревскимъ. Вновь пересмотрѣнное и исправленное, съ рисунками академика Ѳ. Г. Солнцева. Съ приложеніемъ „Книги о храмѣ“ Симеона, митрополита Солунскаго. Спб. 1894.

Первое изданіе этой книги вышло еще въ 1804 году. Какъ весьма одобряемое объясненіе литургіи, эта книга много разъ перепечатывалась и, какъ видимъ по настоящему изданію, до сихъ поръ считается авторитетной. Авторъ ея, И. Дмитревскій (род. 1754, ум. 1829) былъ рязанскій уроженецъ, учился въ рязанской семинаріи и московской духовной академіи, былъ потомъ учителемъ семинаріи, секретаремъ консисторіи, переводчикомъ при св. синодѣ, снова секретаремъ консисторіи и наконецъ преподавателемъ въ московскомъ университетѣ по русскому, латинскому и греческому языку. Объясненіе литургіи, въ смыслѣ православнаго ученія, исполнено было Дмитревскимъ весьма трудолюбиво, съ множествомъ цитатъ изъ св. писанія и церковныхъ писателей, и по двоякому смыслу обрядовъ, историческому и таинственному. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не представляется, конечно, никакихъ измѣненій; историческія познанія совершенствуются, и могло бы быть любопытнымъ трудомъ—собраніе новѣйшихъ выводовъ исторической науки о началѣ и развитіи литургіи.

- *Очерки Крыма.* Картины крымской жизни, природы и исторіи. Евгенія Маркова. Изданіе второе. Спб. 1884.

Крымъ въ послѣдніе годы все больше привлекаетъ русскихъ туристовъ, паціентовъ и дачниковъ; размножается и литература разсказовъ, замѣтокъ и описаній. Книга г. Маркова, выходящая уже вторымъ изданіемъ, занимаетъ въ этой литературѣ почетное мѣсто. Авторъ—въ Крыму не случайный путешественникъ; онъ прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, не одинъ разъ пересмотрѣлъ его замѣчательные пункты, близко видѣлъ различныя явленія его жизни, характеръ мѣстнаго быта и, какъ опытный писатель, сумѣлъ собрать свои впечатлѣнія и наблюденія въ живой, занимательный разсказъ. Первые его разсказы являлись отдѣльными эпизодическими очерками: въ книгѣ они соединены въ одно связанное цѣлое. Какъ вообще сочиненія г. Е. Маркова, такъ и „Очерки Крыма“ написаны очень живо; мы замѣтили бы только, что онъ вообще слишкомъ злоупотребляетъ цвѣтистыми оборотами рѣчи и цвѣтистыми мыслями. То и другое

находится обыкновенно въ опасномъ сосѣдствѣ съ риторикой. Напримѣръ, на стр. 177, авторъ, наслаждаясь красотами моря, соблазняется о гибели тысячъ медузъ, разбивающихся въ прибой о камни того берега, гдѣ авторъ купается. „Такъ сложно и вмѣстѣ художественно, просто ихъ (медузъ) устройство, такъ красива ихъ нѣжная жизнь въ этой влагѣ, которая, кажется, гуще ихъ самихъ; вѣрно онѣ нужны для чего нибудь. Но на пути ихъ голышъ, случайно столкнутый моею ногой, — и онѣ исчезаютъ, онѣ *ненужны больше!*.. А мы философствуемъ о судьбѣ народовъ, о законѣ прогресса“... Наблюденіе это не страдаетъ особенной новизной и прежде всего не убѣдило самого автора. Погубивши голышемъ медузъ, онъ, однако, продолжалъ самъ много разсуждать о судьбѣ народовъ и о законѣ прогресса. Побольше простоты—очень увеличило бы достоинство его книги.— А. Н.

—Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго. *Гамлетъ*. Спб., 1883.

А. Л. Соколовскій, извѣстный уже давно прекрасными переводами Шекспировскихъ пьесъ (напр., „Генриха IV“, въ изданіи Некрасова и Гербеля), предпринялъ громадный трудъ перевести всего Шекспира; отсюда общее заглавіе, подъ которымъ изданъ имъ новый переводъ „Гамлета“—седьмой по счету (если не принимать въ соображеніе отдѣльных отрывковъ). Соперничать съ переводомъ г. Соколовскаго могутъ, впрочемъ, только труды Кронеберга и г. Загуляева. Сумароковъ и Висковатовъ, даже Полевой, не столько переводили, сколько передѣлывали Шекспира; языкъ Вронченко устарѣлъ уже къ сороковымъ годамъ, когда о немъ пришлось говорить Бѣлинскому. Переводу Кронеберга (вошедшему въ составъ вышеупомянутаго изданія) скоро исполнится сорокъ лѣтъ, но онъ еще замѣчательно свѣжъ и несомнѣнно превосходитъ позднѣйшій почти на двадцать лѣтъ переводъ г. Загуляева. Свою рѣшимость вступить на путь, по которому уже столько разъ шли другіе, г. Соколовскій мотивируетъ въ особенности успѣхами, сдѣланными въ послѣднее время русскимъ бѣлымъ стихомъ, благодаря такимъ мастерамъ, какъ Островскій и графъ Толстой (А. К.). Безспорно, стихъ Кронеберга уступаетъ этимъ образцамъ—но внутренняя поэзія, которую онъ во многихъ мѣстахъ проникнуть, часто заставляетъ забывать о его формальныхъ недостаткахъ. Тому, кто хочетъ превзойти своихъ предшественниковъ, угрожаетъ одна опасность: стараніе сдѣлать *лучше*—или по крайней мѣрѣ *иначе*—то, что и безъ того уже сдѣлано *хорошо*. Этой опасности не вездѣ избѣжалъ и г. Соколовскій. Подобно тому, какъ

г. Загуляевъ переводить знаменитую фразу: *to be, or not to be — that is the question* (у Кронеберга переданную съ буквальною вѣрностью: „быть, или не быть — вотъ въ чемъ вопросъ!“) словами: „быть или не быть—вотъ онъ, вопросъ“,—г. Соколовскій уклоняется отъ подлинника и говоритъ: „жить или не жить—вотъ въ чемъ вопросъ!“ Объяснить это уклоненіе нельзя ничѣмъ инымъ, какъ именно нежеланіемъ повторять сказанное раньше. Слова: „жить или не жить“ передаютъ мысль Шекспира гораздо слабѣе, чѣмъ слова: „быть или не быть“. Последнія обнимаютъ собою обѣ загадки, мучающія Гамлета — и вопросъ о самоубійствѣ, и вопросъ о бытіи за гробомъ; первыя относятся только къ одному изъ нихъ и уменьшаютъ впечатлѣніе, производимое въ подлинникѣ вступительнымъ стихомъ монолога. Другія знаменитыя слова Гамлета: „*Frailty, thy name is woman!*“ переведены у Кронеберга такъ: „Ничтожность, женщина, твое названье“; у г. Соколовскаго: „суетность—вотъ имя вамъ, женщины!“ Вполнѣ точнымъ ни тотъ, ни другой переводъ назвать нельзя (ближе къ подлиннику были бы, напримѣръ, слова: „о, женщины, измѣничивость—вамъ имя!“); но выраженіе, избранное Кронебергомъ, кажется намъ и болѣе вѣрнымъ, и болѣе сильнымъ. Вообще мы должны признаться, что всѣ четыре главные монолога Гамлета (во второй сценѣ перваго акта, послѣдней—второго, первой — третьяго, и четвертой—четвертаго) производятъ на насъ болѣе глубокое и цѣльное впечатлѣніе у Кронеберга, чѣмъ у г. Соколовскаго. Избѣгая слишкомъ обширныхъ цитатъ, приведемъ, однако, нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ всѣхъ этихъ монологовъ.

„И до того должно было дойти!
 Два мѣсяца! нѣтъ, даже и не два,
 Какъ умеръ онъ—такой монархъ великій,
 Гиперіонъ въ сравненіи съ нимъ сатиронъ,
 Такъ пламенно мою любившій мать,
 Что и небесъ неукротимымъ вѣтрамъ
 Не позволялъ лица ея касаться...
 Земля и небо! долженъ ли я вспомнить?..
 И башмакомъ еще не наносила,
 Въ которыхъ шла, въ слезахъ какъ Ніобей,
 За бѣднымъ прахомъ моего отца...
 О, небо! Звѣрь, безъ разума, безъ слова,
 Грустилъ бы долѣе“...

(Переводъ Кронеберга.)

... „Думалъ ли, гадалъ ли
 Хоть кто-нибудь, чтобы могло дойти
 До этого?.. Два мѣсяца... Какое!
 Двухъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ онъ,

Король—краса и слава, предъ которымъ
 Теперешній ничтоженъ, какъ сатиръ,
 Сравненный съ Аполлономъ!.. Онъ, любившій
 Такъ мать мою, что былъ готовъ сердиться
 На вѣтерокъ, пахнувшій своевольно
 Въ ея лицо!.. Земля и небо! Мнѣ ли
 Объ этомъ вспоминать?..

...Не износить еще

Той обуви, въ которой шла въ слезахъ
 Она, какъ Ніобелъ, провожая
 Холодный трупъ покойнаго!.. А нинѣ!..
 Свиристый звѣрь безъ разума и смысла
 Груститъ нагѣрно бѣ долше!..

(Переводъ г. Соколовскаго).

Не говоря уже о томъ, что переводъ Кроненберга почти буквально вѣренъ подлиннику, онъ несравненно болѣе сжатъ и болѣе поэтиченъ. Передавая вопросъ Гамлета: *must I remember?* словами: „мнѣ ли объ этомъ вспоминать“, г. Соколовскій переноситъ удареніе на то, что вспоминать долженъ *Гамлетъ*, между тѣмъ какъ центръ тяжести лежитъ очевидно въ *обязанности* вспомнить, столь мучительной для героя великой драмы. Прибавка эпитетовъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ подлинникѣ (*свиристый звѣрь*); замѣна одного эпитета другимъ (*холодный трупъ* вмѣсто *бѣднаго*); передача въ нѣсколькихъ стихахъ того, что у Шекспира (и у Кроненберга) выражено въ одномъ; непозитическая картина короля, *сердѣщаюся* на вѣтерокъ (и почему *вътерокъ*, когда мы читаемъ въ подлинникѣ: *that he might not beteem the winds of heaven visit her face too roughly?*)—все это далеко не составляетъ шага впередъ, въ сравненіи съ работой Кроненберга. Особенно слабы у г. Соколовскаго послѣднія строки монолога: „*Но тишъ (!!)! пусть плачетъ сердце. Мысли надо таить въ себѣ*“ (въ подлинникѣ: *but break, my heart, — for I must hold my tongue*; у Кроненберга: „скорби, душа моя! уста должны молчать“).

Во второмъ изъ названныхъ нами монологовъ Гамлетъ пронизываетъ надъ самимъ собою, жестоко упрекая себя за слабость, за недостатокъ энергіи и твердой воли. Онъ перечисляетъ обиды, которыхъ никто не рѣшался причинить ему—и съ насмѣшливой горечью признаетъ себя способнымъ смиренно перенести ихъ. У Кроненберга эта мысль выражена столь же ясно, какъ у Шекспира (*'S wounds, I should take it! — „А я обиду перенесъ бы!“*); у г. Соколовскаго она затемнена словами: „и однако по виду такъ“, которыя можно понять и въ томъ смыслѣ, что смиреніе Гамлета только видимое, кажущееся. Слѣдующее затѣмъ мѣсто передано Кроненбергомъ почти буквально и чрезвычайно удачно:

„Я голубъ мужествомъ, во мнѣ нѣтъ жолчи,
И мнѣ обиды не горька; иначе
Уже давно раба гнѣющимъ груномъ
Я ворономъ окрестныхъ угостилъ бы“.

У г. Соколовскаго оно читается такъ:

... „Я воробей (?) душой!
Во мнѣ нѣтъ даже желчи, чтобъ усилить
Сознаньемъ оскорбленіе!—будь иначе,
Я прахомъ бы развѣялъ гнусный трупъ
Превратнаго убійцы!“

Гамлетъ г. Соколовскаго безъ всякаго основанія называетъ себя „пустѣйшимъ верхоглядомъ, сказочнымъ дуракомъ“, безъ причины оскорбляетъ актера прозвищемъ „пустой“ (излишніе эпитеты—вообще слабая сторона переводчика) и точно также безъ причины приписываетъ ему „свѣтлой порывъ“ (восклицаніе: and all for nothing—у Кронеберга: „и все изъ ничего“—г. Соколовскій переводитъ цѣлымъ стихомъ: „и что-жъ? изъ-за чего такой свѣтлой порывъ?“).

Третій монологъ, послѣ словъ: „окончить жизнь — уснуть — не болѣе!“ у Кронеберга читается такъ:

... „И знать, что этотъ сонъ
Окончить грусть и тысячи ударовъ—
Удѣлъ живыхъ... такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ“.

У г. Соколовскаго этому мѣсту соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи:

... „Когда-жъ при этомъ вспомнить,
Что съ этимъ сномъ навѣки отлетать
И сердца боль, и горькія обиды—
Наслѣдье нашей плоти—то не въ правѣ-ль
Мы всѣ желать подобнаго конца?“

Не говоря уже о растянутости, ослабляющей эффектъ, мысль подлинника передана здѣсь невѣрно: можно подумать, что боль сердца и горькія обиды отлетать *вмѣстѣ съ сномъ*—между тѣмъ какъ положить имъ конецъ должно именно *наступленіемъ сна*.

„И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ въ безвѣстности за гробомъ“.

Эти два стиха Кронеберга вполне точно передаютъ мысль Шекспира: and makes us rather bear those ills we have, than fly to others that we know not of. У г. Соколовскаго мы читаемъ:

... „Мы скорѣй сносить готовы
Позоръ и зло, въ которыхъ родились,
Чѣмъ ринуться въ погоню за безвѣстнымъ“.

Убѣжать къ чему-нибудь и ринуться за чѣмъ-нибудь въ погоню — далеко не одно и то же; о *погонѣ* здѣсь не можетъ быть рѣчи уже потому, что извѣстному злу Шекспиръ противопоставляетъ также зло, только неизвѣстное. Слова: „въ которыхъ родились“ — прибавка къ подлиннику, неправильно ограничивающая его смыслъ. Совершенно невѣрно переведенъ г. Соколовскимъ и слѣдующій затѣмъ стихъ: thus conscience does make cowards of us all — „всѣхъ трусами насъ сдѣлала боязнь“ (у Кронеберга: „такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ“). *Боязнь, дѣлающая трусами* — ничего не выражающая тавтологія, между тѣмъ какъ въ словахъ Шекспира и Кронеберга мы видимъ ясное указаніе на борьбу между мыслью и волей.

Въ четвертомъ монологѣ нѣсколько мѣстъ ослаблено распространеніями, къ которымъ слишкомъ часто прибѣгаетъ г. Соколовскій. Сравнимъ, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

У Кронеберга: „Какъ все винить меня! малѣйшій случай.
Мнѣ говорить: проснись, лѣнливый иститель!“

У г. Соколовскаго: ... „Какъ однако
Сдвигаются, какъ будто бы нарочно,
Вокругъ меня случайности, чтобы тѣмъ
Подвинуть истить!“

У Кронеберга: ... „А въ этой мысли,
Какъ разложить ее, на часть ума
Три части трусости“... 1)

У г. Соколовскаго: ... „Коль скоро допустить,
Что въ долѣ небольшой сомнѣній этихъ
Винюченъ даже умъ, то въ остальной,
Гораздо большей части виновата
Презрительная трусость!“

У Кронеберга: „Меня зовутъ великіе примѣры,
Великіе, какъ міръ“.

У г. Соколовскаго: ... „Образцы,
Великіе какъ міръ, кричать мнѣ громко,
О томъ, что должно дѣлать“.

Не мало такихъ распространеній можно найти и въ сценѣ Гамлета съ матерью; нѣкоторыя ея части удались Кронебергу гораздо лучше, чѣмъ г. Соколовскому (см., напр., превосходное мѣсто, начинающееся въ подлинникѣ словами: o, shame, where is thy blush?). Мы далеки отъ мысли, чтобы переводъ г. Соколовскаго былъ слабъ, неудаченъ; онъ несомнѣнно имѣетъ большія достоинства — но драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для нашей литературы мы назвали бы его въ томъ только случаѣ, еслибы у насъ не было перевода Кронеберга.

1) Почти буквально тоже и у Шекспира: „a thought which, quarter'd, hath but one part wisdom and ever three parts coward“.

Съ духомъ подлинника, съ безсмертными красотами величайшаго, быть можетъ, изъ всѣхъ созданий новѣйшей трагедіи этотъ послѣдній переводъ знакомить насъ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ трудъ г. Соколовскаго. Шекспиру особенно посчастливилось въ нашей литературѣ; между переводами главныхъ пьесъ его каждому скоро можно будетъ дѣлать выборъ по своему вкусу. Остается желать, чтобы очередь настала теперь для античной трагедіи; въ этой области сдѣлано у насъ, наоборотъ, крайне мало.—Б. К.

ЗАМѢТКА.

ЕЩЕ ОБЪ «ОСНОВНЫХЪ ВОПРОСАХЪ ФИЛОСОФІИ ИСТОРІИ», г. КАРѢВА.

Посвятивъ разбору сочиненія г. Карѣва особую статью (въ „Вѣстникѣ Европы“, ноябрь 1883 г.), мы полагали, что такое наше вниманіе къ „Основнымъ вопросамъ философіи исторіи“ оправдывается прежде всего важностью тѣмъ, затронутыхъ въ этой книгѣ; но, къ сожалѣнію, изъ небольшой замѣтки автора, помѣщенной въ декабрьской книгѣ „Русской Мысли“, мы должны были убѣдиться, что г. Карѣвъ не понялъ ни мотивовъ, ни цѣли нашей статьи: онъ представилъ себѣ, будто нашей задачей могло быть только истолкованіе взглядовъ и разсужденій, заключающихся въ его трудѣ. Поэтому онъ находитъ нашъ разборъ недостаточно даже подробнымъ; онъ хотѣлъ бы, чтобы мы еще болѣе внимательно отнеслись къ его сочиненію, чтобы прониклись его взглядами, которые мы отвергаемъ, и усвоили бы даже его терминологию, несостоятельность которой указана нами же. Онъ объясняетъ намъ, какъ надо читать и изучать его книгу: при чтеніи ея, говоритъ онъ, „необходимо всегда имѣть въ виду“ то-то и то-то; „необходимо было также хорошенъко (!) усвоить сдѣланное мною (г. Карѣвымъ) различіе между философіею исторіи и исторіософіею“ (различіе, слишкомъ даже подробно разсмотрѣнное нами на цѣлыхъ четырехъ страницахъ); нужно было „потрудиться (sic!) узнать мой (г. Карѣва) взглядъ на философію“; критикъ „положительно не успѣлъ достаточно познакомиться съ тѣмъ, въ какомъ смыслѣ я (г. Карѣвъ) употребляю тотъ или другой терминъ“ (дѣло идетъ о той же исторіософіи, предлагаемой авторомъ

и отвергаемой нами). Мы „не поняли“ того-то, „забыли“ другое и пропустили третье; вообще мы должны были „*тщательно изучить*“ книгу, въ которой все тѣсно связано одно съ другимъ“. Въ заключеніе, г. Карѣвъ рекомендуетъ своимъ критикамъ „болѣе основательное знакомство съ книгою *во всѣхъ ея подробностяхъ*“.

Оставляя въ сторонѣ наивное самообольщеніе автора относительно важности его книги и трудности ея пониманія, мы замѣтимъ только слѣдующее.

Въ нашей статьѣ мы обошли молчаніемъ многія несообразности и противорѣчія, которыми наполнена книга г. Карѣва, и обратили главное вниманіе на самую тѣму, которая интересовала насъ гораздо ранѣ появленія его труда. Сущность воззрѣній, высказанныхъ въ нашей статьѣ относительно законовъ исторіи, мы имѣли случай высказать въ другомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ¹⁾, и въ этомъ отношеніи нѣкоторые существенныя разсужденія г. Карѣва составляютъ не болѣе какъ воспроизведеніе взглядовъ, высказанныхъ нами довольно давно.

Г-нъ Карѣвъ съ необычайною самоувѣренностью обвиняетъ насъ въ неточной передачѣ его мыслей, а самъ тутъ же приписываетъ намъ то, чего нѣтъ вовсе въ нашей статьѣ. Всѣ замѣчанія его, изложенныя въ девяти пунктахъ, основаны если не на извращеніи нашихъ словъ, то на явномъ недоразумѣніи. Мы говоримъ о совершенной произвольности его „научной теоріи прогресса“, какъ не вытекающей изъ анализа всей совокупности историческихъ фактовъ и основанной на игнорированіи многихъ господствующихъ явленій въ жизни человѣчества; а г. Карѣвъ выводитъ отсюда, что для насъ „прогрессъ заключается въ искусствѣ повальнаго истребленія людей и въ ростѣ налоговъ“. Мы указали на совершенствованіе военнаго дѣла, на возрастаніе налоговъ и пауперизма, какъ на такіе элементы, которыхъ не вправѣ игнорировать философія исторіи или „исторіософія“; а г. Карѣвъ упрекаетъ насъ за отнесеніе этихъ фактовъ къ прогрессу и противопоставляетъ намъ то мѣсто своей книги, гдѣ развитіе указанныхъ печальныхъ явленій „очень опредѣленно названо (!) эволюціею“, осуществляющею равнодушно добро и зло. Для автора все дѣло, по обыкновенію, сводится къ вопросу о названіи; мы именно и протестовали противъ подобной игры словами и понятіями. Нѣтъ ничего легче, какъ рѣшать такимъ образомъ научные вопросы: каждый авторъ будетъ брать только тѣ явленія, которыя ему симпатичны, и устранять массу другихъ, которыя ему не нравятся, для того, чтобы оправдать составленную а priori теорію.

¹⁾ „Политико-экономическія школы“ („Слово“, янв. и февр., 1880 г.).

Г-нъ Карѣвъ увѣряетъ, что въ его „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ нѣтъ вовсе никакой философіи исторіи, ни даже общей ея части, — такъ что книга, значить, озаглавлена ошибочно. Авторъ никакъ не хочетъ понять, что его взглядъ на „исторіософію“ никуда не годится, — что нельзя возлагать на эту новую сборную науку (или, вѣрнѣе сказать, на новое названіе) выполненіе того, что составляетъ прямую задачу соціологіи, и что не сдѣлано еще послѣдней. Создавать, рядомъ съ соціологіею и независимо отъ нея, какую-то особую „расширенную соціологію“, подъ другимъ именемъ, — это казалось намъ по меньшей мѣрѣ страннымъ. Г-нъ Карѣвъ упорно навязываетъ намъ свое воззрѣніе на философію исторіи, какъ „науку повѣствовательную“ (!?), хотя мы очень опредѣленно высказались, что держимся совсѣмъ другого взгляда, раздѣляемаго между прочими цитированнымъ нами Бэномъ ¹⁾. Наконецъ, пусть авторъ называетъ свою науку какъ ему угодно, пусть отнесетъ ее къ категоріи наукъ теоретическихъ или конкретныхъ; — отъ этого не измѣняется вѣдь достоинство ея содержанія, серьезность ея метода и вѣрность ея заключеній; а только это содержаніе и методъ мы и разбирали при оцѣнкѣ труда г. Карѣва.

Мы отмѣтили одну особенность книги г. Карѣва, крайне неудобную для критики: въ разныхъ мѣстахъ сочиненія онъ высказываетъ различные взгляды, и во второмъ томѣ опровергаетъ содержаніе перваго, такъ что иногда невозможно ориентироваться среди его противорѣчивыхъ воззрѣній. Авторъ ставитъ намъ на счетъ и это неудобство, требуя, чтобы мы одновременно имѣли въ виду противоположныя мнѣнія, развиваемыя въ различныхъ мѣстахъ его труда. По словамъ автора, наше указаніе на одинаковую хаотичность явленій въ природѣ и въ исторіи совпадаетъ съ его же взглядомъ, который мы будто бы „забыли“ при невнимательномъ чтеніи. Насколько это вѣрно — можно видѣть изъ того, что изъ нашего разсужденія неизбѣжно вытекаетъ выводъ о существованіи въ исторіи такихъ же законовъ, какъ и въ природѣ (стр. 265), тогда какъ для г. Карѣва никакихъ историческихъ законовъ не существуетъ. Далѣе, авторъ опровергаетъ какія-то небывалыя утвержденія, которыхъ мы вовсе не высказывали; мы нигдѣ не упоминали о томъ, что онъ „запрещаетъ (?) историку оказывать помощь соціологу“, что онъ „ищетъ

¹⁾ „Логика“ Бэна, повидимому, извѣстна автору только по небольшому замеченію, напечатанному въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“. Къ „Логикѣ“ Милля г. Карѣвъ отнесся также невнимательно, — иначе онъ принялъ бы къ свѣдѣнію его замѣчанія о прогрессѣ (кн. VI, гл. X, § 3) и не повторилъ бы стараго упрека Контю, что тотъ „не понималъ“ общечеловѣческаго значенія религіи (объ этомъ см. тамъ же, § 8, примѣч. по поводу мнѣнія Уэвелла).

однообразной послѣдовательности государственныхъ формъ“, что для насъ „нормальное и естественное—синонимы“ и т. п. Авторъ, требующій для своей книги какого-то исключительнаго вниманія и изученія, долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, относиться вполне добросовѣстно къ чужимъ мнѣніямъ.

Еще одно замѣчаніе. Г-нъ Карѣвъ думаетъ, что личное отношеніе авторовъ къ тѣмъ или другимъ явленіямъ можетъ имѣть какой-либо вѣсъ въ наукѣ; онъ поэтому старательно оговаривается при случаѣ, что онъ не одобряетъ войны, что онъ—,противъ замкнутости и враждебности націй“ и пр. Это все равно, какъ еслибъ естествоиспытатель заявлялъ, что онъ—противникъ бурь и непогоды, что онъ не одобряетъ землетрясеній и т. п. Приведа слова автора о непремѣнной гибели мелкихъ этнографическихъ группъ, мы сочли излишнимъ указать на пожеланіе его, чтобы эта гибель совершилась безболѣзненно, безъ подавленія дѣятельности ихъ членовъ. Мы сдѣлали это въ интересахъ самого автора, — ибо безцѣльныя личныя пожеланія не имѣютъ смысла въ серьезномъ научномъ разсужденіи. Между тѣмъ авторъ наивно спрашиваетъ: „почему критикъ не привелъ этихъ словъ“? Уже потому,—отвѣтимъ мы,—что въ самомъ началѣ нашего разбора (стр. 256) мы предупредили читателей объ истинно-либеральномъ и человѣчномъ чувствѣ, лежащемъ въ основѣ личныхъ идеаловъ г. Карѣва. Вѣра въ эти идеалы отчасти даже искупаетъ значительные научные недостатки его сочиненія и промахи.

Д. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е января, 1884.

Разныя точки стоянія политическаго барометра.—Общественный контроль надъ приговорами присяжныхъ; пермская корреспонденція и дѣло Островцевой.—Г-нъ В. Маревичъ и театально-литературный комитетъ.—Гр. Л. Н. Толстой, „сознающій слабость своихъ твореній“.—Женскіе врачебные курсы, побиваемые съ помощью беллетристики.—Обязательно ли исполненіе обязанности?—Новый Лермонтовскій Музей въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ.

Низкому стоянію барометра въ одномъ мѣстностяхъ почти всегда соответствуетъ высое стояніе его въ другомъ. Нѣчто подобное замѣчается и на нашемъ политическомъ барометрѣ въ обществѣ и въ печати, съ тою только разницей, что показанія его измѣняются не по мѣстностямъ, а по настроеніямъ или группамъ, и измѣняются, при-

томъ, не такъ быстро и не такъ равномерно. Въ метеорологіи, вчерашняя область низкаго давленія безпрестанно становится сегодняшнею областью высокаго давленія, и наоборотъ; въ политикѣ, барометръ сплошь и рядомъ долго держится на одной точкѣ, если только она благопріятна для наименѣ подвижныхъ—и неблагопріятна для наиболѣ подвижныхъ слоевъ общества. Чѣмъ больше стѣснены послѣдніе, тѣмъ свободнѣе и легче чувствуютъ себя первые. Какъ настоящіе господа положенія, они говорятъ громко, рѣзко, безцеремонно, даютъ полную волю своимъ антипатіямъ, упражняются въ прожектерствѣ, празднуютъ побѣду надъ врагами. Здѣсь производятся рядъ атакъ противъ ненавистныхъ судебныхъ учрежденій; тутъ наносится еще ударъ повергнутымъ уже на землю женскимъ врачевнымъ курсамъ; тамъ строится воздушный замокъ *ad majorem gloriam* родового дворянства; задѣваются и должностныя лица, несогласныя плыть по теченію, и именно, дорогія для всей Россіи. Посмотримъ поближе на нѣкоторыя изъ этихъ упражненій.

Есть фразы, вошедшія въ общественный обиходъ и повторяемыя безъ дальнѣйшей повѣрки, наполовину безсознательно, въ силу одной привычки. Такова, напримѣръ, фраза о союзѣ молчанія, установившемся въ либеральной печати относительно ошибокъ и неправильныхъ дѣйствій новаго суда. Сколько бы разъ она ни была опровергнута, она опять появляется вновь, въ той или другой формѣ—появляется по поводу всякаго пристрастно произведеннаго слѣдствія, неосновательнаго заключенія подъ стражу, трудно объяснимаго оправдательнаго приговора, какъ будто бы кто-нибудь стоялъ когда-либо за непогрѣшимость судебныхъ слѣдователей или суда присяжныхъ. Прислушиваясь со стороны къ воплямъ и крикамъ, раздававшимся, напримѣръ, по поводу дѣла супруговъ Пейчъ и повторившимся недавно по поводу дѣла священника Шеломова, можно подумать, что русскій судебный слѣдователь нѣчто въ родѣ турецкаго паши, противъ котораго нигдѣ нельзя найти управы и защиты, что единственное средство помочь горю—немедленное и безусловное подчиненіе слѣдователей строгому контролю (или, лучше сказать, безконтрольному произволу) административной власти. На самомъ дѣлѣ у насъ въ Россіи едва ли есть категория должностныхъ лицъ, находящаяся подъ болѣе тщательнымъ надзоромъ, чѣмъ судебные слѣдователи. Не говоря уже о томъ, что большая ихъ часть до сихъ поръ не утверждена въ должности и слѣдовательно вполне зависитъ отъ министерства юстиціи—даже утвержденные слѣдователи подчинены наблюденію прокуратуры, окружнаго суда и правительствующаго сената. Чтобы убѣдиться въ томъ, что это наблюденіе не призрачное, стоить только освѣдомиться о числѣ дѣлъ, возникающихъ по отно-

шенію къ судебнымъ слѣдователямъ въ соединенномъ присутствіи сената ¹⁾. Везелпорно институтъ судебныхъ слѣдователей требуетъ серьезныхъ реформъ—но цѣлю этихъ реформъ, конечно, должно быть не обращеніе самостоятельныхъ органовъ суда въ обыкновенныхъ чиновниковъ, исполняющихъ приказанія начальства. Вопросъ, возбужденный жалобами на присяжныхъ засѣдателей, нѣсколько сложнѣе, тѣмъ болѣе, что и самыя жалобы не всегда идутъ отъ систематическихъ враговъ новаго суда, не всегда требуютъ, естественно или прямо, отмены или ограниченія суда присяжныхъ. Иногда онѣ направлены, повидимому, къ самой благой цѣли — къ усиленію общественной контроля надъ дѣятельностью присяжныхъ. Все дѣло сводится, въ сущности, къ средствамъ и приемамъ этого контроля. Можно ли, напримѣръ, основывать его на случайныхъ, короткихъ, неизвѣстно отъ кого идущихъ корреспонденціяхъ? Можно ли считать контролемъ пересуды и толки, возбуждаемые всякимъ сколько-нибудь выдающимся судебнымъ процессомъ?.. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ газетахъ (прежде всего, если мы не ошибаемся, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“) появилось письмо изъ пермской губерніи, съ свѣдѣніями о цѣломъ рядѣ несправедливыхъ приговоровъ, постановленныхъ мѣстными присяжными. Упомянувъ объ оправданіи убійцы, который ужъ „очень влюбленъ былъ въ убитую“ (пятнадцатилѣтнюю дѣвочку), о снисхожденіи къ отцеубійцѣ, основанномъ на вспыльчивости обвиняемаго, корреспондентъ продолжаетъ: „обвиняется заслуженный чиновникъ штабъ-офицерскаго чина, дворянинъ, 55 лѣтъ, имѣющій большое семейство, состоящій на службѣ тридцать лѣтъ, имѣющій знаки отличія“, — обвиняется въ хищеніи 31 рубля; обвинители—мусорщики, утверждаютъ, что хотя они и расписались въ полученіи денегъ, но 31 рубля не дополучили. Свидѣтели не заслуживаютъ особаго довѣрія, дѣло неясно; не менѣе того, вердиктомъ присяжныхъ подсудимый признанъ виновнымъ въ подлогѣ и въ присвоеніи казенныхъ денегъ и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылке въ Сибирь на поселеніе“. Мы, конечно, ровно ничего не имѣемъ противъ появленія въ печати подобныхъ корреспонденцій; лучше какая-нибудь гласность, чѣмъ полное отсутствіе ея, столь обычное въ провинціальныхъ захолустьяхъ. Намъ казалось бы только, что выводы корреспондентовъ не должны быть принимаемы на вѣру, не должны вести къ обобщеніямъ, неблагоприятнымъ для суда присяжныхъ. Иначе думаютъ нѣкоторыя газеты, даже изъ числа тѣхъ, которыя стоятъ

¹⁾ Судебному присутствію, состоящему изъ сенаторовъ перваго и обонхъ кассационныхъ департаментовъ, предоставлено разсмотрѣніе жалобъ на личныя дѣйствія судебныхъ чиновъ, съ правомъ возбужденія слѣдствій и преданія суду.

въ принципѣ за новые судебные порядки. „Такіе приговоры,—восклицаетъ одна изъ нихъ по поводу пермскихъ извѣстій,—едва ли кто можетъ признать приговорами общественной совѣсти. Неужели присвоеніе 31 рубля стало болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ отцеубійство? Или какъ могло случиться, что сомнительный фактъ присвоенія 31 рубля превратился въ тяжкое уголовное преступленіе?“ Въ основаніи этихъ словъ лежитъ, прежде всего, крупное недоразумѣніе. Не отъ присяжныхъ зависитъ „превратить“ тотъ или другой фактъ въ преступленіе, тяжкое или нетяжкое; они только констатируютъ сознательное и намѣренное совершеніе извѣстнымъ лицомъ извѣстнаго дѣйствія, а опредѣляютъ его юридическое значеніе и подводятъ его подъ букву уголовного закона—коронный судъ. Безспорно, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе—наказаніе, не соответствующее присвоенію 31 рубля, хотя бы и посредствомъ подлога; но въ назначеніи этого наказанія присяжные ни мало неповинны—оно опредѣлено короннымъ судомъ на основаніи закона и составляетъ только добавочный аргументъ въ пользу неотложной замѣны дѣйствующаго уложенія новымъ, болѣе гуманнымъ и справедливымъ. Прямо къ присяжнымъ относится другое обвиненіе газеты, мотивированное „сомнительностью“ признаннаго факта; но гдѣ же, въ данномъ случаѣ, поводъ къ сомнѣнію, сколько-нибудь разумному? Почему личное мнѣніе корреспондента, можетъ быть вовсе не присутствовавшего въ судебномъ засѣданіи, можетъ быть пристрастнаго къ подсудимому, должно имѣть въ нашихъ глазахъ больше убѣдительности и силы, чѣмъ приговоръ двѣнадцати человѣкъ, торжественно взявшихъ на себя обязательство судить по совѣсти и правдѣ? Неужели контроль общественнаго мнѣнія надъ присяжными долженъ заключаться въ томъ, чтобы вѣрить на слово каждому безыменному и бездоказательному порицанію ихъ рѣшеній? Свидѣтели, говорятъ намъ, не заслуживали довѣрія, дѣло осталось неяснымъ—но вѣдь это чисто субъективный взглядъ, отнюдь не перевѣшивающій и даже не уравнивающій собою постановленнаго присяжными вердикта. Пермская корреспонденція носитъ на себѣ, притомъ, явно тенденціозный отпечатокъ. Дворянскому достоинству, знакамъ отличія и чину обвиняемаго не безъ намѣренія противопоставлено указаніе на низкое званіе или занятіе обвинителей. Авторъ письма, очевидно, не понимаетъ, какимъ образомъ присяжные могли повѣрить *мусорщикамъ* (fi donc!) больше, чѣмъ штабъ-офицеру и кавалеру; онъ готовъ, можетъ быть, усмотрѣть въ этомъ антагонизмъ сословій, плоды демократической или либеральной агитаціи и разныя другіе ужасы.

Такихъ изобличителей нашего суда присяжныхъ можно найти

сколько угодно по всюду, во всѣхъ концахъ Россіи; отнеситесь къ ихъ жалобамъ съ благодушнымъ довѣріемъ, положите ихъ въ основу вашихъ сужденій — и вамъ скоро придется признать, что Россія жаждетъ набавленія отъ тяжелой судебной язвы. Не только осторожность, но и простая справедливость требуетъ совершенно иного отношенія къ вердиктамъ присяжныхъ. Пускай они подвергаются самой строгой критической оцѣнѣ, но только со стороны такихъ критиковъ, которые составили бы себѣ понятіе о дѣлѣ не по отрывочнымъ и неточнымъ даннымъ, не по рассказамъ вѣстовщиковъ, не по городскимъ слухамъ. Замѣните *оюлымъ* впечатлѣнія судьи-слушателя и очевидца не можетъ даже самый подробный стенографическій отчетъ — не мы не требуемъ слишкомъ многого и готовы допустить разборъ рѣшенія даже по нестенографическому изложенію дѣла, лишь бы оно отличалось возможно-большою полнотою (отсутствіе тенденціозной окраски разумѣется само собою). Къ сожалѣнію, и это условіе соблюдается на практикѣ далеко не всегда. Съ тѣхъ поръ, какъ миновалъ жгучій интересъ новизны, полные стенографическіе отчеты даже о важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ — хотя бы они производились въ столицахъ — появляются въ печати весьма рѣдко; исключеніе составляютъ и такіе экстракты изъ отчетовъ, въ которыхъ вѣрно были бы воспроизведены главные обстоятельства дѣла. Особыхъ сотрудниковъ, которые лично слѣдили бы за всѣми фазами процесса, наши газеты не имѣютъ; нѣтъ у насъ и специальныхъ газетъ, въ родѣ парижскихъ: „Droit“ и „Gazette des tribunaux“, изъ которыхъ другія изданія могли бы заимствовать недостающіе имъ детали. Отсюда возможность или, лучше сказать, неизбежность ошибочныхъ заключеній, какъ въ публикѣ, такъ и въ печати — заключеній, радостно встрѣчаемыхъ всѣми недоброжелателями суда присяжныхъ.

Чего не говорилось и не печаталось, напримѣръ, по извѣстному дѣлу Островлевоу, недавно слушавшемуся во второй разъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ! Судить о немъ по газетнымъ свѣдѣніямъ, значило бродить ощупью въ совершенной темнотѣ — но это не мѣшало смѣлымъ судьямъ идти напрямикъ и приходиться къ выводамъ, прямо противоположнымъ дѣйствительности. Масса важныхъ фактовъ вовсе не попала въ газеты или попала туда въ извращенномъ видѣ; оправдательному (по отношенію въ Островлевоу) вердикту были приписаны такіе мотивы, которые, повидимому, были совершенно чужды присяжнымъ. Съ нашей точки зрѣнія, дѣло Островлевоу замѣчательно въ особенности какъ доказательство тому, насколько необходима сдержанность и осмотрительность въ критикѣ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными. Защита Островлевоу была по-

строена на двухъ положеніяхъ, одномъ—главномъ, другомъ—условномъ, эвентуальномъ; утверждалось сначала, что Островлева вовсе не была на мѣстѣ происшествія, затѣмъ—на случай, еслибы присяжные этого не признали—указывалось на причины, уничтожающія вѣрнѣе. Какъ угадать, которое изъ этихъ положеній убѣдило присяжныхъ? Данный ими отвѣтъ: *нѣтъ, не возможно*—заставляетъ предполагать, что первое—но это не болѣе какъ догадка; извѣстно, что изъ нѣсколькихъ одинаковыхъ, по конечному результату, отвѣтовъ присяжные избираютъ иногда не самый логическій и точный, а самый простой и ясный. Чтобы доказать хоть сколько-нибудь осознательно неправильность вердикта, нужно было бы опровергнуть оба положенія защиты,—а этого даже не пытался сдѣлать ни одинъ изъ „частныхъ обвинителей“ Островлевой. Допустимъ, далѣе, что присяжные оправдали Островлеву именно вслѣдствіе признаннаго ими *alibi* ея; какъ спорить противъ убѣжденія, сложившагося въ ихъ умѣ по этому предмету? Вѣдь оно могло быть построено только на совокупности многихъ, едва уловимыхъ впечатлѣній, — впечатлѣній, не одинаково дѣйствующихъ даже на присутствующихъ въ судѣ и совершенно пропадающихъ при чтеніи хотя бы буквально записанныхъ показаній. Намъ остается только пожалѣть, что наши присяжные такъ рѣдко дѣлаются съ публикой своими воспоминаніями и ощущеніями ¹⁾. Мы увѣрены, что этимъ путемъ можно было бы бросить много свѣта на внутреннюю работу, предшествующую постановленію вердикта, — работу, такъ часто соединенную съ глубокимъ и вѣстѣ съ тѣмъ мучительнымъ сознаніемъ отвѣтственности, съ страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ и справедливости.

Еще болѣе нагляднымъ доказательствомъ того, какъ высоко стоитъ барометръ въ консервативныхъ сферахъ, служить извѣстное столкновеніе между г. Б. Маркевичемъ и петербургскимъ театральнолитературнымъ комитетомъ. Для насъ всего интереснѣе тонъ, вятый въ письмѣ г. Маркевича къ директору театровъ и въ вызванной этимъ письмомъ редакціонной запискѣ „Московскихъ Вѣдомостей“; интересна безцеремонность, съ которою чисто-личной ташбѣ придамо значеніе чуть не государственнаго дѣла. „Русскій театр“, восклицаетъ „дорожащій своимъ литературнымъ именемъ“ г. Маркевичъ, „дошелъ до невозможнаго предѣла безвкусія и грубости, обратился окончательно въ отраву для русской публики и въ позоръ русскаго искусства. И что же? Вы ввѣренною вашимъ заботамъ императорскою сценой дозволили завладѣть коноводамъ отвратительнаго на-

¹⁾ Законъ, обязывающій присяжныхъ хранить тайну совѣщаній, отнюдь не препятствуетъ такимъ сообщеніямъ, въ которыхъ не называются имена, не поднимается завѣса съ рѣшенія по извѣстному, опредѣленному дѣлу.

правления.. Отказавшись отъ всякой собственной власти, вы этимъ отравителямъ, обращеннымъ въ монополистовъ, отдали въ безотчетное пользование право жизни и смерти надъ превзведеніями людей, которымъ дороги нине (?) завѣты ¹⁾... Само начальство императорской сцены заботится сохранить въ неприкосновенности ея нынѣшнія качества шкелы грязи и возмущенія". Такъ говоритъ, положимъ, оскорбленное самолюбіе, доводящее до забвенія истины и приличій — но вотъ какъ вторитъ ему редація, которой ничто, повидимому, не мѣшало сохранить нѣкоторое спокойствіе и самообладаніе. „Сцена императорскихъ театровъ превратилась въ зрѣлище разврата и всякой безнравственности. Вмѣсто того, чтобы служить образцомъ и указаніемъ для частныхъ театровъ, она далеко обгоняетъ ихъ въ развращеніи вкуса публики". „Правительственная власть, въ лицѣ директора, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ той же статьи, — уклоняется отъ всякой отвѣтственности, указывая на *специальность*, которымъ она отдала въ распоряженіе сцену, и которые также не несутъ на себѣ никакой отвѣтственности. Это называется либерализмомъ, между тѣмъ какъ всякое дѣло только тогда и можетъ идти съ успѣхомъ и достоинствомъ, когда имѣетъ своею главною пружиной личную отвѣтственность". Нѣтъ, система, принятая театральнымъ управленіемъ, называется не либерализмомъ, а простымъ благоразуміемъ. Директоръ театровъ — должностное лицо, хозяинъ и администраторъ. Соединять съ этими функціями роль литературнаго критика ему и некогда, и незачѣмъ. Вмѣнить ему въ обязанность принимать и отвергать пьесы по его личному усмотрѣнію, значило бы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, замѣнить гласный театально-литературный комитетъ не гласнымъ, т. е. группою неофіціальныхъ совѣтниковъ, — считая въ томъ числѣ и самого г. Маркевича, — мнѣніемъ которыхъ руководствовался бы директоръ. Намъ говорятъ объ отвѣтственности директора, дѣйствующаго единолично — но о какой отвѣтственности идетъ здѣсь рѣчь? Объ отвѣтственности передъ начальствомъ? Она была бы мыслима только въ такомъ случаѣ, еслибы директоръ театровъ былъ въ то же время *цензоромъ* театальныхъ пьесъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Объ отвѣтственности передъ обществомъ, передъ публикой? Но развѣ ее не несетъ театально-литературный комитетъ, и развѣ она не болѣе чувствительна для литераторовъ, чѣмъ для должностнаго лица? *Права* поступить

¹⁾ Рѣшительно не понимаемъ, на что намекаетъ г. Маркевичъ, говоря такимъ образомъ; намъ извѣстны его „завѣты" — т. е. публицистическая дѣятельность въ „Спб. Вѣдом.", издававшихся подъ редакцію г. Баймакова; почему эти завѣты ему „дороги"; считала ли ихъ редація столь же „дорогими", какъ ихъ считаетъ самъ г. Маркевичъ?

на переборъ мнѣнію комитета директоръ театровъ не лишенъ и теперь, но пользованіе этимъ правомъ естественно прибегается для исключительныхъ случаевъ; иначе существованіе комитета сдѣлалось бы излишнимъ, и участвовать въ его трудахъ не заботѣлъ бы ни одинъ уважающій себя писатель. Первое условіе для отступленія отъ обыкновенной дороги заключается, очевидно, въ томъ, чтобы иначе нельзя было достигнуть цѣли, чтобы всѣ нормальные средства были исчерпаны. Директору театровъ нѣтъ невода принимать пьесу собственною своею властью, пока она еще можетъ быть принята постоянными судьями, т.-е. членами комитета. Въ дѣлѣ г. Маркевича такая возможность несомнѣнно существовала; его пьеса не была отклонена окончательно, а только передана на разсмотрѣніе общаго собранія комитета. Авторъ не пожалѣлъ рисковать „оскорбленіемъ“ новаго, вторичнаго отказа; прекрасно, но какое же дѣло директору театровъ до подобныхъ щепетильностей болѣзненнаго самоувѣрія? Неужели нужно было измѣнять принятую разъ навсегда процедуру, чтобы пощадить деликатность чувствъ г. Маркевича? И какимъ образомъ отказъ, идущій въ добавокъ отъ „монопольствовъ“, „отравителей сцены“, можетъ быть признанъ оскорбительнымъ для автора? Допустимъ, что въ двери театральнаго комитета постучался не г. Маркевичъ, а крупный талантъ, краса и гордость нашей литературы, нашего общества; допустимъ, что двери передъ нимъ не отворились, изъ-за какихъ-нибудь мелкихъ расчетовъ, изъ-за тупости или узкой тенденціозности судей. Пострадало ли бы отъ этого имя писателя — или, наоборотъ, имена членомъ комитета?.. Тоже самое можно сказать и о всякомъ писателѣ, съ тѣмъ только разницей, что автору болѣе извѣстному легче, сравнительно, было бы добиться кассации, судомъ публики и критики, пристрастнаго комитетскаго приговора. Чтобы перенести дѣло въ высшую инстанцію, стоить только огласить самый предметъ спора — напечатать отвергнутую пьесу. Все это такъ просто и ясно, что не могло не быть понятнымъ г. Маркевичу и его адвокатамъ — и негодованіе ихъ никогда не достигло бы точки кипѣнія или во крайней мѣрѣ не выразилось бы въ такой невыносимой формѣ, еслибы не одно побочное обстоятельство, проглядывающее и въ письмѣ г. Маркевича, и еще больше въ статьѣ преданной ему газеты. Авторъ забракованной пьесы „держится въ своихъ произведеніяхъ направленія, которое, съ точки зрѣнія правительства, никакъ не слѣдовало бы считать предосудительнымъ“. Вотъ онъ, ключъ ко всей этой трагикомической исторіи! Представьте себѣ положеніе хозяина, котораго не пускаютъ въ одну изъ комнатъ его квартиры — и вы поймете крикъ, поднятый по поводу „Чада жизни“. Въ собственныхъ глазахъ своихъ

и въ глазахъ друзей, г. Марквичъ—одинъ изъ хозяевъ настоящей минуты—и вдругъ за нимъ не признаютъ одного изъ хозяйскихъ правъ, удерживаютъ его въ приемной, когда онъ заранѣе намѣтилъ себѣ мѣсто во внутреннихъ покояхъ! Въ довершеніе ужаса, удерживаютъ его, вѣжливо прося подождать, одинъ изъ тѣхъ, чья первая обязанность (по хозяйской теоріи)—расшаркиваться передъ „господами положенія“ и вездѣ ходить съ ними рука объ руку. Это превосходитъ всякую мѣру; нужно возстановить поправное право, не щадя никого изъ дерзкихъ нарушителей его. Вопросъ о безнравственности сцены поставленъ здѣсь больше для красоты слога. Судя по фактамъ, изложеннымъ въ протоколѣ театральнаго-литературнаго комитета, „Чадъ жизни“ служилъ бы нравственности на подобіе „Nos intimes“, Сарду; но вѣдь дѣло идетъ, въ сущности, не о добродетельности товара, а только о фирмѣ; его продающей. Снабженная консервативнымъ клеймомъ, безнравственность становится нравственною; съ измѣненіемъ имени измѣняется и мѣрка, предлагаемая къ пьесѣ. Говорить, по поводу письма г. Марквича, о нравственности или безнравственности нашего театра мы считаемъ, поэтому, совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что уже имѣли случай высказать наше мнѣніе о пьесѣ, противъ которой направлены главные стрѣлы раздраженнаго „охранителя“ ¹⁾. Положеніе нашей сцены во многихъ отношеніяхъ весьма печально—но заповѣнная г. Марквичемъ и писателями ея *quidam fatimae*, она вонзала бы изъ-подъ дождя прямо въ воду.

Въ письмѣ г. Марквича говорится, между прочимъ, о „монопольстахъ“, о кучей лицъ, „въ прямомъ интересѣ которыхъ устранять всякое могущее имъ казаться опаснымъ соимѣстничество“. Серьезнаго значенія этому обвиненію придавать нельзя, какъ потому, что изъ шести членовъ комитета, отклонившихъ пьесу г. Марквича, только двое (гг. А. Петѣхъ и В. Крыловъ) принадлежатъ къ числу драматическихъ писателей, такъ и потому, что при крайней бѣдности нашего репертуара „соимѣстничество“ долго еще не будетъ опаснымъ для самыхъ усердныхъ поставщиковъ сценическихъ произведеній. Нельзя не замѣтить, однако, что составъ театральнаго-литературнаго комитета могъ бы быть нѣсколько измѣненъ съ большою пользою для дѣла. Участіе въ немъ лицъ, пишущихъ для сцены, даетъ поводъ къ нареканіямъ, подрывающимъ, при всей неосновательности своей, нравственный авторитетъ комитета. Намъ скажутъ, можетъ быть, что только драматургъ можетъ быть хорошимъ судьей таѣхъ называемой *сценичности*, что литераторъ, знакомый лишь теоретически съ теат-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1898 г.

ральными подмостками, не въ состояніи предусмотрѣть и правильно оцѣнить всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ пьесы. Для насъ эти доводы неубѣдительны; сценичность, въ нашихъ глазахъ, не такое мудреное дѣло, которое требовало бы продолжительнаго практическаго изученія; но еслибы это было и такъ, то достаточно-компетентными судьями новыхъ пьесъ съ технической точки зрѣнія остались бы актеры и актрисы, входящіе въ составъ комитета. Остальныя мѣста могли бы быть замѣщены литераторами, стоявшими и стоящими вдали отъ сцены. Чѣмъ извѣстнѣе были бы ихъ имена, чѣмъ полнѣе были бы представлены ими различныя литературныя группы, тѣмъ лучше. Ошибокъ отъ комитета, такимъ образомъ составленнаго, можно было бы ожидать развѣ въ смыслѣ допущенія къ представленію пьесъ, болѣе пригодныхъ для чтенія, чѣмъ для сцены; но большаго значенія подобныя ошибки не имѣютъ, да и избѣжать ихъ на будущее время, послѣ двухъ-трехъ опытовъ, было бы весьма легко. Въ связи съ *ultima ratio* недовольныхъ—съ апелляціей автора къ читающей публикѣ,—комитетъ, свободный отъ подозрѣній въ товарищескихъ побрякушкахъ и профессиональной зависти (*jalousie de métier*), былъ бы гораздо лучшимъ разрѣшеніемъ вопроса, чѣмъ мнимо-отвѣтственный автократизмъ директора театровъ. Говоря о подозрѣніяхъ, мы разумѣемъ, конечно, только тѣ, для которыхъ есть хоть кажущееся основаніе; злостныя перетолкованія и высанція на воздухъ догадки останутся возможными при всякомъ составѣ комитета, останутся возможными до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается для всѣхъ нравственно-обязательнымъ честное отношеніе къ противникамъ. Д. В. Григоровичъ, подписавшій, въ числѣ прочихъ, опредѣленіе театрално-литературнаго комитета о пьесѣ г. Маркевича, не можетъ быть отнесенъ ни къ „монополистамъ“, ни къ „отравителямъ сцены“—но для него нашлось въ арсеналѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ другое оружіе. „Неужели вѣрить вздорной сплетнѣ—читаемъ мы въ замѣткѣ, служащей отвѣтомъ на опредѣленіе комитета—будто г. Григоровичъ сердитъ на автора „Перелома“ (т. е. на г. Маркевича), признавъ какой-то намекъ на себя въ одномъ изъ лицъ этого романа?“ Итакъ, произведеніе г. Маркевича—такой художественный перлъ, что легче повѣрить „вздорной сплетнѣ“, чѣмъ допустить добросовѣстное неодобреніе его литературно-образованнымъ судьей? Противъ такихъ сплетней, такимъ образомъ пропагандируемыхъ, ничѣмъ не обережешься—но не стоитъ и оберегаться.

Въ то самое время, когда раздаются трубные звуки о всѣмъ признанномъ и столь жестоко обиженномъ талантѣ г. Маркевича, въ другомъ органѣ того же лагеря ведется такая рѣчь объ авторѣ „Войны и мира“: „Говорятъ, что по рукамъ въ нашемъ обществѣ

давно уже ходятъ двѣ рукописи графа Л. Н. Толстого, въ которыхъ содержится исповѣданіе его вѣры. Молва прибавляетъ, что рукописи эти, по слабости и бездоказательности раскрываемыхъ въ нихъ мыслей, способны только компрометировать великаго художника... Въ невозможности появленія этихъ рукописей въ печати заключается большая польза для репутаціи художника... Говорятъ, что гр. Л. Н. Толстой лучше другихъ понимаетъ слабость своихъ новыхъ твореній, ибо добровольно отказался напечатать ихъ за границей, когда какой-то французскій издатель книгъ предложилъ ему свои услуги". Намъ могутъ возразить, что газета, изъ которой мы заимствуемъ эти слова („Московскія Церковныя Вѣдомости") стоитъ, собственно говоря, вѣдь литературы. Можетъ быть; но развѣ не характеристично, въ такомъ случаѣ, тѣсное общеніе родственныхъ между собою литературныхъ и не литературныхъ сферъ? Откуда почерпнули „Церковныя Вѣдомости" прелестный аргументъ о пользѣ, приносимой репутаціи художника невозможностью обнародованія послѣднихъ его произведеній? Развѣ это не буквальное повтореніе того, что столько разъ говорилось—напримѣръ въ „Руси"—о всей „литературной" печати? „Либерализмъ, твердили намъ неоднократно, процѣптаетъ только подъ покровомъ цѣшурныхъ стѣсненій; снимите этотъ покровъ—и пустота обнаружится сама собою". Удобство этого разсужденія истиннѣе соблазнительно, въ виду полной невозможности опроверженія. Съ произведеніями, вовсе неопечатанными, сражаться такимъ оружіемъ еще легче. „Либеральная" печать, какъ бы то ни было, существуетъ, и о содержательности или безсодержательности ея всякій можетъ составить себѣ самостоятельное мнѣніе; но когда на автора наложена печать молчанія, говорить о „слабости и бездоказательности раскрываемыхъ (т.-е., правильнѣе сказать, нераскрываемыхъ) имъ мыслей" можно уже совершенно безъ церемоній. Нехорошо только то, что „Церковныя Вѣдомости" не довольствуются даже этой свободой и уже прямо уклоняются отъ истины, приписывая самому гр. Толстому сознаніе „слабости его твореній". Ни для кого не тайна, что послѣднія произведенія великаго художника отданы были имъ, для напечатанія, въ одинъ изъ нашихъ журналовъ („Русскую Мысль") и не могли выйти въ свѣтъ по независящимъ ни отъ автора, ни отъ редакціи причинамъ. Въ виду этого факта, нежеланіе гр. Толстого прибѣгать къ заграничнымъ типографскимъ станкамъ,—еслибы оно и быдо доказано,—очевидно не могло бы имѣть того значенія, которое даетъ ему московская газета. Повторяемъ еще разъ сказанное нами недавно по другому поводу: невозможность появленія въ печати результатовъ продолжительной умственной работы такого писателя, какъ Л. Н. Толстой, должна быть отнесена къ числу самыхъ знаменательныхъ и самыхъ печальныхъ явленій нашего времени.

Къ числу учреждений, не обрѣтающихся, съ нѣкоторыхъ поръ, въ авантажѣ, принадлежать, какъ извѣстно, женскіе врачебные курсы. Орудій для борьбы съ ними (мы говоримъ, конечно, о борьбѣ въ области мысли) оказывается, однако, такъ мало, что ихъ приходится искать... въ беллетристикѣ. Возставая въ передовой статьѣ противъ женщинъ-врачей, петербургская консервативная газета подтверждаетъ свои выводы фельетоннымъ разборомъ повѣсти: „Не пара“, помѣщенной недавно (декабрь, 1883 г.) въ нашемъ журналѣ. „О высшемъ женскомъ медицинскомъ образованіи, — гласитъ передовая статья, — мы можемъ говорить не на основаніи только теорій, но и руководствуясь сдѣланнымъ уже опытомъ. Есть женщины-врачи, трудящіяся на практическомъ поприщѣ. Данныхъ для сужденія уже не мало. Къ сожалѣнію, мы не любимъ оставаться въ тѣсной и строгой области положительныхъ соображеній и немедленно увосимся на высоты птичьяго полета“. — Чтобы выдѣлить себя изъ числа этихъ мы, редакціи слѣдовало бы не выходить изъ сферы фактическихъ данныхъ, наличие которыхъ она только что признала, и которыя она могла бы найти хотя бы въ извѣстной брошюрѣ г. Сущанскаго ¹⁾. Между тѣмъ, она не идетъ дальше такой общей фразы: „женщины-врачи пользуются самою заурядною практикою, ищутъ мѣста и не находятъ, иногда бросаютъ профессію“. — Да, онѣ часто ищутъ мѣста и не находятъ — но весь вопросъ въ томъ, гдѣ причина этого обстоятельства. Всѣ ли учрежденія, желающія имѣть у себя женщинъ-врачей, могутъ свободно удовлетворить это желаніе? Въ правѣ ли, напримѣръ, земство опредѣлять женщинъ-врачей въ свои сельскія больницы?... По какимъ признакамъ, дальше, отличается „заурядная практика“ отъ не-заурядной, и кто собиралъ свѣдѣнія о размѣрахъ женской врачебной практики? Кто велъ статистику женщинъ-врачей, добровольно оставляющихъ свою профессію? Почти одновременно съ фразами о безполезности женскихъ врачебныхъ курсовъ мы прочли въ другой газетѣ (не особенно симпатизирующей курсамъ) слѣдующее интересное извѣстіе: „въ Ташкентѣ по инициативѣ генералъ-губернатора, основывается амбулаторная лечебница для туземнаго женскаго населенія. Завѣдываніе ею возлагается исключительно на женскій медицинскій персоналъ, такъ какъ по мѣстному закону и обычаямъ женщины въ Туркестанѣ не могутъ обращаться за помощью къ врачамъ-мужчинамъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ „Туркестанскими Вѣдомостями“, завѣдываніе новой лечебницей поручается женщинамъ-врачамъ Гундіусъ и Пославской. Выборъ этотъ можно считать вполне удачнымъ. Госпожа Гундіусъ еще въ бытность свою въ Петербургѣ пользовалась вполне заслу-

¹⁾ См. Литературное Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1883 годъ.

женной извѣстностью знающаго врача. Она занималась въ теченіе трехъ лѣтъ въ акушерской и гинекологической клиникѣ доктора Тарновскаго при женскихъ врачебныхъ курсахъ. Госпожа Пославская занималась въ хирургической клиникѣ при дѣтской больницѣ¹⁾. Вотъ „данныя для сужденія“, которыя не мѣшало бы имѣть въ виду противникамъ курсовъ—и такихъ данныхъ они могли бы найти немало, даже не отдаляясь, въ своемъ „птичьемъ полетѣ“, отъ Петербурга¹⁾. Тогда оказалось бы, можетъ быть, излишнимъ прибѣгать къ перетолкованію разсказа, имѣющаго *чисто-психологическую* подкладку и не претендующаго ни прямо, ни косвенно на характеристику цѣлой среды²⁾. Читатели нашего журнала не забыли еще конечно содержаніе повѣсти: „Не пара“; они могутъ судить о томъ, насколько правильно сдѣлано изъ нея въ газетѣ такое общее заключеніе: „когда прежде изображали истину голою, то подразумѣвали, что она окружена атмосферой цѣломудрія, не допускающею грязныхъ помысловъ. По новой морали, истина должна являться голою, въ грубомъ смыслѣ неприкрытаго тѣла... Выступаютъ истинныя и дѣлаютъ свое дѣло. Мѣсто здороваго развитія заступаетъ печальное перегораніе“. Все это пристегнуто, очевидно, къ фигурѣ Ильиной; но

¹⁾ Напомнимъ, напримѣръ, что нѣкоторые изъ вновь учрежденныхъ столичныхъ родовыхъ приютовъ находятся въ самостоятельномъ заведеніи женщинъ-врачей.

²⁾ Лучшимъ доказательствомъ справедливости такого объясненія, а именно, что въ повѣсти «Не пара» имѣлась въ виду психологическая работа, а не намѣреніе автора характеризовать, такъ или иначе, женскіе врачебные курсы, служить то, что надпись, сдѣланная подъ ея заглавіемъ: «Изъ записокъ *женщины-врача*», есть не что иное, какъ литературная форма, избранная авторомъ, какъ самая удобная при психическихъ анализахъ, требующихъ права на употребленіе личнаго мнѣшенія. Этотъ приемъ весьма употребителенъ въ литературѣ, и кто не помнитъ, напримѣръ, у Тургенева: «Дневникъ лишняго человѣка». Между тѣмъ, повѣсть «Не пара» написана мужскою рукою, и авторъ свободно могъ бы заставить свою героиню кончить курсъ въ какомъ-нибудь закрытомъ учебномъ заведеніи, потому устроить гувернанткою, и *mutatis mutandis*, выполнить свой психическій анализъ, который и составлялъ его литературную задачу. Въ правильномъ разрѣшеніи вопроса о женскихъ врачебныхъ курсахъ у насъ заинтересованы не столько тѣ, кто посвящаетъ свою жизнь на такой великій трудъ, но еще болѣе—страдающее человечество, которое у насъ бываетъ часто поставлено въ печальное положеніе выбора между какою-нибудь врачебною помощью и ея полнымъ отсутствіемъ (есть мѣстности въ Россіи, гдѣ еще приходится 1 врачъ на 35 тысячъ населенія!), — и тормазитъ судьбу такого вопроса на основаніи той или другой повѣсти—значило бы, не имѣть никакихъ основаній противъ женскихъ врачебныхъ курсовъ—въ дѣйствительной жизни; только въ такомъ случаѣ приходится прибѣгнуть къ повѣстямъ, что и случилось, какъ видно изъ приведеннаго выше разбора взглядовъ одной изъ петербургскихъ газетъ, высказанныхъ по поводу «Не пара». Если въ глазахъ волка лгавенокъ можетъ мутить воду, стоя выше его по теченію, то это обстоятельство болѣе говорить о наклонностяхъ перваго, нежели о виновности послѣдняго.—Ред.

развѣ Ильина—произведеніе и представительница женскихъ врачебныхъ курсовъ? Она поступаетъ туда уже изломанная жизнью и постоянно стоитъ въ сторонѣ отъ образуемаго ими міра, уважаемая за знанія, но не любимая курсистками. Какова должна быть внутренняя сила тезиса, подъ который приходится подставлять такіа шаткіа подпорки?

Мы говорили въ прошедшій разъ о „повелительномъ полномочіи“, которое предлагалось дать представителямъ Петербурга въ губернскомъ земскомъ собраніи, по вопросу о земской учительской школѣ. Городская дума, какъ и слѣдовало ожидать, отклонила это предложеніе; но она поступила не менѣе справедливо, когда вслѣдъ за тѣмъ не отказалась принять къ свѣдѣнію заявленіе своей кандидатской комиссіи, вызванное дѣйствительнымъ фактомъ и равносильное напоминовенію новымъ избираемымъ въ губернскіе гласные о ихъ обязанности дѣйствительно нести сопряженное съ ихъ званіемъ бремя? У насъ все еще не можетъ получить правъ гражданства та простая мысль, что каждый выборный *долженъ* дѣлать дѣло, для котораго онъ избранъ. Почетные мировые судьи сплошь и рядомъ видятъ въ судейской цѣпи только красивую игрушку; между гласными столичныхъ думъ есть такіе, которые *ни разу* не являлись въ засѣданіе; въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ мы знаемъ гласныхъ, добивающихся избранія во всѣ возможныя должности—въ губернскіе гласные, въ члены училищнаго и врачебнаго совѣтовъ, въ члены земскихъ комиссій—только для того, чтобы *нидѣ* не бывать и *ничего* не дѣлать. Между представителями Петербурга въ губернскомъ земскомъ собраніи этотъ своеобразный абсентеизмъ процвѣталъ уже давно; болѣе или менѣе аккуратно являлась въ собраніе и принимала участіе въ его занятіяхъ меньшая ихъ половина. Указать вновь избираемымъ губернскимъ гласнымъ необходимость иного взгляда на дѣло—петербургская дума имѣла полное право; это было бы первымъ шагомъ къ установленію болѣе нормальныхъ отношеній между избирателями и избираемыми. Предписывать послѣднимъ тотъ или другой *образъ дѣйствій* никто не долженъ—но требовать отъ нихъ, чтобы они не бездѣйствовали, безспорно можно. Конечно, это равняется напоминанію объ „обязательномъ исполненіи обязанности“—но что же дѣлать, если такіа напоминанія оказываются необходимыми?

Обо всемъ этомъ можно сожалѣть, но необходимо на это указывать, хотя бы для того, чтобы со временемъ ослабить причину подобныхъ сожалѣній. Впрочемъ, у нашихъ думъ недостаетъ не средствъ, а энергіи къ тому, чтобы пользоваться средствами, какія давно даетъ имъ законъ для побужденія своихъ членовъ къ болѣе серьезному

взгляду на добровольно принимаемыя имъ на себя обязательства. Правительствующій сенатъ (20 іюня, 1878 г., № 816) давно разъяснилъ, что „гласные городскихъ думъ, назначаемые самими думами въ составъ подготовительныхъ, ревизіонныхъ и другихъ комиссій (ст. 61 Город. Пол.), по званію членовъ ихъ комиссій, не суть должностныя лица городского общественнаго управленія“—а потому не могутъ быть предаваемы суду, или подвергаться административнымъ взысканіямъ, — „но нельзя отрицать,—прибавляетъ Сенатъ,—право думъ выражать сужденіе о дѣйствіяхъ оныхъ, одобреніе или порицаніе, смотря по тому, насколько правильно и успѣшно выполнены будутъ этими органами думъ возложенныя на нихъ порученія“. Примѣры „одобреній“ еще встрѣчаются въ исторіи нашихъ думъ, но ничего не слышать о „порицаніяхъ“—и вовсе, думаемъ, не потому, чтобъ не было ничего въ дѣйствительности заслуживающаго порицанія.

Истекшій годъ былъ печальнымъ для исторіи нашей литературы, по понесенной ею потерѣ въ лицѣ Тургенева, — и закончился онъ воспоминаніемъ о другой, такой же горестной утратѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда былъ убитъ Лермонтовъ. 18-го декабря, въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ былъ открытъ „Лермонтовскій музей“; при всемъ, такъ сказать, семейномъ характерѣ этого праздника, церемонія открытія производила впечатлѣніе, благодаря и прекрасной гуманной идеѣ — создать подобный музей въ стѣнахъ того самого училища, гдѣ провелъ свои юношескіе годы безвременно погибшій поэтъ (1832—34 гг.), а также и превосходному выполненію самаго дѣла. Нашъ городъ приобрѣлъ въ этомъ музеѣ еще одну *Sehenswürdigkeit*, какъ говорятъ нѣмцы; и тотъ, кто посвятитъ часъ, другой, на подробный осмотръ этого музея, не сочтетъ своего времени потеряннымъ.

Мысль о сооруженіи подобнаго памятника поэту возникла еще въ 1880 г., и была одобрена тогдашнимъ военнымъ министромъ, графомъ Д. А. Милютинимъ. О богатствѣ музея можно судить по перечисленнымъ предметамъ въ каталогѣ на 80 слишкомъ страницахъ. Тутъ хранятся и рукописи Лермонтова, и его корректурные листы, въ копіяхъ, съ помѣтами цензуры; картины и рисунки работы поэта; официальные документы о прохожденіи имъ службы; всѣ изданія его сочиненій; портреты самого поэта, его родственниковъ и современниковъ, съ которыми онъ состоялъ въ какнхъ-нибудь сношеніяхъ, и изъ которыхъ одинъ, А. А. Краевскій, при открытіи музея, присутствовалъ и въ оригиналѣ; наконецъ, рисунки къ сочиненіямъ Лермонтова, музыкальныя произведенія, вдохновленные его поэзіею,

переводы его сочиненій, проекты памятниковъ и вещи, принадлежавшія ему, перешедшія къ его друзьямъ и пожертвованныя ими теперь въ пользу музея. Вышнее устройство самаго помѣщенія какъ нельзя болѣе удобно для обзора предметовъ и выстѣ—весьма картинно и эффектно: это—собственно келья или часовня, подъ тяжелыми сводами, но въ то же время довольно просторная и свѣтлая; посрединѣ ея воздвигнутъ родъ памятника съ медальономъ головы поэта; со стѣнъ смотрятъ портреты Лермонтова и его предковъ; вдоль стѣнъ—витрины съ рукописями и вещами.

Послѣ церковной службы и литіи, начальникъ училища г. А. Бильдерлингъ, трудамъ котораго, повидимому, музей обязанъ, главнымъ образомъ, своимъ существованіемъ, сдѣлалъ небольшое вступленіе; рассказавъ исторію основанія музея и описавъ его содержаніе, онъ закончилъ слово обращеніемъ къ своей молодежи, которая была такимъ образомъ свидѣтельницей того, какъ школа чтитъ и сохраняетъ память своихъ сыновъ, прославившихъ отечество талантомъ.

Теперь очередь за Александровскимъ лицеемъ, который также давно, по слухамъ, собирается сдѣлать нѣчто подобное для другого нашего великаго поэта; Лермонтовскій музей можетъ смѣло послужить въ этомъ случаѣ готовымъ образцомъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Въ декабрѣ мѣсяцѣ мы получили отъ *А. Д. Амесской*, изъ Харькова, 100 рублей—на памятникъ *И. С. Тургеневу*, о чемъ и спѣшимъ увѣдомить.—Выстѣ съ тѣмъ къ намъ многіе обращались въ послѣднее время съ письмами, прося указать, куда можно адресоваться съ денежными приношеніями для той же цѣли. Въ петербургскихъ газетахъ было уже объявлено, что комитетъ литературнаго фонда образовалъ спеціальную комиссію для постановки памятника Тургеневу надъ его могилою; председателемъ этой комиссіи избранъ Д. В. Григоровичъ (Большая Морская, 40, въ С.-Петербурѣ), къ которому и слѣдуетъ обращаться съ приношеніями для вышеуказанной цѣли. Комиссія предполагаетъ, по проекту, израсходовать на все около 6,000 рублей—и надѣется съ весны, собравъ эту сумму, приступить къ дѣлу, чтобы не оставить слишкомъ долго могилу Тургенева въ безпорядкѣ. Жертвователи, конечно, будутъ своевременно извѣщаемы о полученіи денегъ комиссіею—въ газетахъ и журналахъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Полное собрание сочинений И. С. Тургенева, в X томах. Посмертное издание. Съ портретомъ автора и его факсимиле. Изданіе Глазунова. Спб. 1883. Всего 315 листовъ. Ц. 15 руб.

Полное собрание сочинений И. А. Гончарова, в VIII томахъ. Съ портретомъ автора и его факсимиле. Изд. Глазунова. Спб. 1884. Всего 215 листовъ. Ц. 12 руб.

Истекшій годъ заключился одновременнымъ появленіемъ полныхъ собраний сочиненій двухъ писателей, именами которыхъ, почти сорока лѣтъ, и пополнялась, и украшалась наша художественная литература. Въ изданіяхъ подобныхъ авторовъ подводится итогъ не одной ихъ личной дѣятельности, но и того времени, котораго они являлись представителями: ихъ высоко-талантливымъ перомъ водить само время, которое они переживаютъ, и потому по ихъ твореніямъ можно впоследствии изучать ихъ эпоху, характеръ этой эпохи, и находить живыя толкованія и дополненія въ тому, что говорятъ намъ о прошедшихъ временахъ такъ называемые точные, но сухіе и бездушные историческіе документы. Творенія великихъ мастеровъ для своей эпохи служатъ всегда настоящими „documents humains“.—Одно изъ этихъ полныхъ собраний, начатое при жизни автора, закончилось, какъ изданіе посмертное, а потому явилось съ предисловіемъ отъ лица, которому авторъ, по поводу своей тяжелой болѣзни, поручилъ надзоръ за порядкомъ изданія, — и съ биографическимъ очеркомъ. При послѣднемъ, десятѣ томѣ, читатель найдетъ хронологическій и алфавитный указатель всѣхъ произведеній Тургенева, входившихъ въ составъ посмертнаго изданія; списокъ его стихотвореній сороковыхъ годовъ помѣщенъ въ предисловіи къ изданію.—Издатель обоихъ полныхъ собраний, приобрѣвшій на нихъ и право литературной собственности, можно сказать по всей справедливости, не пожалѣлъ издержекъ для того, чтобы изданіе во внѣшнемъ отношеніи было вполне удовлетворительно, и притомъ не повисла цѣна, такъ что посмертное изданіе Тургенева, несмотря на значительно увеличившійся матеріалъ и лучшее качество бумаги, публикѣ обойдется не дороже, какъ и послѣднее московское изданіе 1880 года. Сверхъ того, И. Н. Глазуновъ сохранилъ введенное въ практику авторомъ отдѣльное изданіе „Записокъ Охотника“, которое можно и теперь приобретать особо; почти одновременно съ настоящимъ полнымъ собраніемъ явилось въ свѣтъ шестое стереотипное ихъ изданіе. Пять изданій, въ теченіе трехъ лѣтъ, появились при жизни автора.

Типъ въ „Записокъ Охотника“, И. С. Тургенева. Въ силуэтахъ Елиз. Вѣмъ. Спб., 1883. 20 листовъ.

Нилъ автора этихъ силуэтовъ достаточно ручается за качество самой композиціи; выполненіе рисункомъ фотогравіруемомъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, вполне безукоризненно и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Отдѣльный листъ, съ красивыми орнаментами, то изъ сѣльского быта и природы, то

изъ принадлежностей охоты, посвящается тексту, идущему къ той картинкѣ, которая особо предлагается и садится за такимъ листомъ. Всѣхъ картинокъ—двадцать; такъ что можно сказать, — почти каждый изъ 24 рассказовъ Тургенева имѣетъ для себя особую иллюстрацію.

Очерки путешествія въ Гималаи г-на и г-жи Верещагинныхъ. Часть I. Сиккимъ. Съ рисунками. Спб. 1883. Стр. 86. Ц. 1 р.

Книжка эта содержитъ въ себѣ путевныя записки г-жи Верещагиной, изложенныя весьма живо и иллюстрированныя прекрасными рисунками (числомъ болѣе двадцати). Побѣда въ Непалѣ, предпринятая знаменитымъ художникомъ и его супругою по приглашенію англійскаго резидента, доставила имъ возможность наслаждаться величественными видами восточныхъ Гималаевъ, послѣ многихъ тяжелыхъ испытаний и неурядицъ приключеній. Въ книгѣ приведено не мало любопытныхъ фактовъ относительно нравовъ и религіозныхъ обычаевъ туземнаго населенія. „Очерки“ г-жи Верещагиной напечатаны довольно изящно, на велевеновой бумагѣ.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Т. III. Жители средней Европы. Съ 24 рисунками. Спб. 1883. Стр. 569. Ц. 3 р. 75 к.

Настоящимъ выпускомъ оканчивается обширный трудъ автора, предпринятаго лѣтъ 15 тому назадъ дать систематическое описаніе жизни и культуры европейскихъ народовъ: первый томъ относится къ южнымъ народамъ; второй — къ сѣвернымъ, кромѣ Россіи, и третій — къ ближайшимъ нашимъ соседямъ, населяющимъ Германію и Австро-Венгрію. Этотъ томъ представляетъ такимъ образомъ особенную важность, а потому нельзя не пожалѣть, что авторъ не довольно строго оцѣнивалъ и сортировалъ свои источники, вслѣдствіе чего допустилъ въ свое описаніе, наряду съ дѣльными страницами — каррикатуры, преувеличенія и односторонность, въ родѣ подобныхъ изреченій: «Германія, говоритъ одинъ (?) писатель, это общія казарма и канцелярія»; или: «нѣмецкая дѣвушка съ первыхъ лѣтъ дѣтства до своей смерти ведетъ жалкую, затворническую жизнь, сначала въ душевной атмосферѣ дѣтской, потомъ въ классной, а послѣ замужества въ кухнѣ» и т. д. Все это старая клише, которая дѣлаетъ болѣе смѣшными тѣхъ, которые смѣются, нежели тѣхъ, надъ которыми хотѣли смѣяться. Ну кто, напримѣръ, повѣрить теперь „одному“ или даже многимъ писателямъ, что въ Германіи „женщину, дозволившую себѣ верховную вѣду, даже (!) уличные мальчишки забрасали бы камнями“ (стр. 80). Вѣдь, это сказки, которыя только затрудняютъ читателя необходимостью самому выдѣлать извѣстія подобнаго качества отъ дѣйствительно хорошихъ страницъ, которыхъ также не мало въ трудѣ г-жи Водовозовой. Читая всѣ такіа несообразности, русскій читатель, конечно, съ презрѣніемъ отнесется къ Германіи и съ гордостью подумаетъ о своей культурѣ, — но онъ такимъ образомъ будетъ только введенъ въ заблужденіе.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1884 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки . . 15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	Съ пересылкою . . 17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . 16 » — »	9 »	5 »		За-границей . . . 19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. И. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Павловской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (N) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногородныхъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по излученіи слѣдующаго нумера журнала.

Выслать на получение журнала высылается особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которіе приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми ярлами.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛITERАТУРЫ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1884.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1884.

Ст.

I.—МОЛОДОСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА.—1840—1856.—П. В. Анненкова	449
II.—НАША СЕМЬЯ И ЕЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ.—Очерки.—VI-X.—Окончаніе.—В. Я. Стоюнина	474
III.—СТОЛПЦОВЕРЕНІЕ.—Фантазія.—Н. Минскаго	512
IV.—ЖИЛКА.—Изъ разсказовъ о золотѣ.—XI-XIV.—Д. И. Мамина	520
V.—СИСТЕМА МЕТТЕРНИХА.—По его письмамъ.—III-VI.—Окончаніе.—А. Д. Градовскаго	566
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Въ театрѣ.—II. Весны развертывались сны.—III. Замѣтки.—IV. Въ одиночествѣ.—V. Мгновенія мимо.—VI. Ранней осени подарокъ.—VII. Липы вступили жизнь въ такую пору.—VIII. О томъ, какъ настъ судьба влечетъ.—IX. Отголосокъ.—А. М. Жемчужникова	614
VII.—ПО ИСПАНІИ.—Изъ путешествія.—VI-IX.—Д. Л. Мордовцева	621
VIII.—ОСАДА ЛОНДОНА.—Повѣсть Генри Джемса-младшаго.—Часть вторая и послѣдняя.—Съ англійскаго.—А. Э.	658
IX.—НАРОДНИЧЕСТВО.—Статьи вторая и послѣдняя.—А. Н. Пыпина	702
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Майскія ночи.—II. Надъ чуткой душой.—III. Полночь было.—А. М.—овъ	752
XI.—ПО ПУТИ.—Разсказъ.—А. А.	755
XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Московское дворянское собраніе.—Затишье или регрессъ?—Государственная роспись на 1884 годъ: цифры ожидаемыхъ доходовъ; общаеся упорядоченіе сверхсѣстныхъ расходовъ; предположенія относительно ближайшаго будущаго.—Вопросъ о способѣ погашенія восточныхъ займовъ и о сбереженіяхъ изъ остатковъ отъ ассигновокъ по системѣ государственнаго кредита.—Смѣта города Петербурга.—Проектируемое ограниченіе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ.—Первые шаги крестьянскаго поземельнаго банка	784
XIII.—МОЗГОВОЕ УТОМЛЕНІЕ, и способы опредѣленія его.—М. М. Манассеиной	812
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Колебанія во вѣтшней политикѣ.—Князь Бисмаркъ и Эдуардъ Ласкеръ.—Особенности Ласкера, какъ оратора и парламентскаго дѣятеля.—Политическія права „патріотовъ“.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Рабочій вопросъ.—Соціалистическія партіи и ихъ взаимное соперничество.—Политика рабочаго класса.—Мнимая ересь предъ судомъ французскихъ академиковъ-экономистовъ.—Пропаганда опасныхъ идей и отношеніе къ нимъ въ Англіи	826
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Основаніе философіи, П. Милославскаго.—Л. Галленбаха: Индивидуализмъ въ свѣтѣ биологіи, перев. съ нѣм., съ предисл. В. Соловьева.—К. Головина: Наше мѣстное управленіе и наше представительство.—С. А. Приклонскій: Народная жизнь на сѣверѣ.—А. Малышнскій: Народное благосостояніе по демографическимъ даннымъ.—Г. М. Герценштейнъ: Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи.—Д. М. Львовъ: Налогъ съ наслѣдства, по современному ученію финансовою науки.—Л. Владиміровъ: Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ.—Л. Н. Ниссензонъ: Исторія заводско-фабричнаго законодательства російской имперіи.—Д. Сентсбери: Краткая исторія французской литературы.—Письмо въ редакцію по поводу книги „Жизни европейскихъ народовъ“, Е. Водовозовой	884
XVI.—ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ по поводу новаго стихотворенія Пушкина.—П. А. Висковатова	867
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Оправданіе Свиридова и Мельницкихъ.—Возможность уменьшить шансы ошибокъ со стороны присяжныхъ.—Новый походъ противъ самостоятельности суда.—Дѣло г. Россидкаго и странное отзывъ о немъ въ печати	868
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова.—Одиссея Гомера, А. Лярскаго.—Опыты изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ, М. П. Щепкина.—Жизнь дѣтей, Винусъ III.—Исторія XIX-го вѣка, Мишле, т. II, перев. М. Цебриковой	

МОЛОДОСТЬ

И. С. ТУРГЕНЕВА

1840—1856 г.

«Миръ праху твоему!» — такъ обыкновенно кончаются поминальныя рѣчи надъ усопшими, выражая тѣмъ пожеланія живущихъ предать забвенію все, что могло бы сколько нибудь затемнить нравственный обликъ покойника. Но такое трогательное восклицаніе пригодно только для лицъ, никогда не выходившихъ изъ толпы; для всѣхъ другихъ оно звучитъ довольно странно, потому что со смертью ихъ тотчасъ же начинается разборъ ихъ дѣятельности, ихъ заслугъ передъ обществомъ, и завершается указаніемъ и перечетомъ тѣхъ препонъ, на какія они могли наткнуться въ самомъ обществѣ. Только личности низшихъ порядковъ жизни и представленій могутъ надѣяться на «миръ своему праху», но люди, носящіе большое имя, должны ожидать, что съ ихъ кончиной и загорится критическая буря, и возникнетъ споръ, который потребуетъ многихъ лѣтъ для своего разрѣшенія. Къ удивленію, почти ничего подобнаго не случилось ни передъ похоронами Тургенева, ни послѣ нихъ. Гробъ его, засыпанный цвѣтами, пришедшими съ разныхъ сторонъ, торжественно шель до могилы, не встрѣчая помѣхъ и протестовъ. Старая историческая злоба, когдѣ еще встрѣчающаяся въ обществѣ, противъ чествованія независимаго труда, таланта, знанія, притаялась на время. Въ замѣтъ, рѣдко приходилось кому-либо встрѣтить такое согласіе передовыхъ людей Европы съ русскими воззрѣніями на поэта, какъ при оцѣнкѣ его значенія и вліянія. Для судей всѣхъ національностей

это былъ «сказочникъ», столь же почетный какъ и герой, прославившійся на бранномъ полѣ, какъ дипломатъ, побѣдившій своихъ противниковъ, какъ любой человѣкъ, высоко стоящій на ступеняхъ іерархической лѣстницы. Что же такое случилось у этого «сказочника», чтобы извратить обыкновенный ходъ человѣческихъ дѣлъ и наградить его, на другой день кончины, единодушными благословеніями своихъ и чужихъ людей?...

То было произведеніе совокупнаго дѣла художническихъ его разоблаченій, науки жизни, имъ проповѣдываемой, и обаянія его личности ¹⁾. Покойный романистъ нашъ успѣлъ—въ половинѣ долгой жизни—привести нравственную природу свою въ такое соотвѣтствіе съ благородствомъ писательскихъ своихъ помысловъ и творчества вообще, что они составили вмѣстѣ одинъ образъ, возбуждавшій умиленіе и привязанность образованнаго міра. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, ограничиваясь фактами заграничной его жизни. Тотчасъ же по переводѣ его разсказа: «Живыя мощи», Ж.-Зандъ писала ему: «Maitre! Nous devons aller tous à votre école». «Странно и дико,—прибавлялъ Тургеневъ, сообщая по секрету этотъ отзывъ знаменитаго романиста,—но все-таки пріятно выслушать такое мнѣніе». Вообще онъ никакъ не соглашался принять титулъ представителя эпического творчества въ Европѣ, какой нѣмецкіе и французскіе друзья его готовы были предложить ему, и почти раздѣлялъ мнѣніе «Allgemeine Zeitung» (тогда еще Аугсбургской), которая ядовито и насмѣшливо говорила о поклоненіи нѣмцевъ «московской» эстетикѣ. Успѣхъ своихъ разсказовъ онъ постоянно объяснялъ новостью предметовъ, имъ затрогиваемыхъ, и тѣмъ, что въ нихъ своя и чужестранная публика встрѣтили еще не ожидаемая и не подозрѣваемые ими начала морали и своеобразной красоты. Скромность его въ этомъ отношеніи выдержала искушенія, передъ которыми могъ бы потерять голову менѣе твердый человѣкъ. Напрасно большинство знаменитостей европейскаго міра слали ему одна за другой свои привѣты. Карлейль утверждалъ, что болѣе трогательнаго разсказа, чѣмъ «Муму», ему еще не приходилось читать; старый

¹⁾ Въ только-что изданной перепискѣ Густава Флобера съ Ж.-Зандъ (Nouvelle Revue, déc., 1883) очень часто упоминается имя Тургенева; еще въ 1866 г., Г. Флоберъ писалъ: „J'ai diné avant-hier et hier avec Tourgueneff. Cet homme-là a une si belle puissance d'images, même dans la conversation, qu'il m' a montré G. Sand, accoudée sur un balcon dans le château de m-me Viardot, à Rosay. Il y avait sous la tourelle un fossé, dans le fossé un bateau, et Tourgueneff assis sur le banc de cette barque vous regardait d'en bas, le soleil couchant frappait sur vos cheveux noirs“.— Въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: „Vous ai-je dit que j'avais eu la visite de Tourgueneff? Comme vous l'aimeriez!“

Гизо выразилъ желаніе познакомиться съ авторомъ «Дневника лишняго человѣка» — психическаго этюда, по его мнѣнію, раскрывающаго невѣдомыя глубины человѣческой души; молодой и торжествующій тогда Гамбетта приглашалъ его на парламентскіе завтраки и толковалъ о дѣлахъ родины своего гостя. Извѣстно, что Тэнъ, въ своей «Исторіи революціи», сослался однажды на тѣ же «Живыя мощи», какъ на образецъ воспроизведенія истины народнаго пониманія жизни; не менѣе извѣстно также и то, что Ламартинъ, при описаніи своей встрѣчи съ Тургеневымъ, достигъ такого пафоса, который близко стоялъ къ возмизму. Не говоримъ уже объ отзывахъ прямыхъ друзей нашего поэта — Флобера, Додэ, Золя, Мопассана и Ренана: они знакомы русской публикѣ. Ничто не могло поколебать убѣжденія Тургенева въ скромной роли, какая выпала на его долю въ отечествѣ, даже и тогда, когда нѣмецкій критикъ Юліанъ Шмидтъ, разбирая «Дымъ», вопрошалъ его автора: «Чѣмъ же вы объясните послѣ вашего пессимизма политическое величіе своей родины и появленіе въ ней такихъ людей, какъ Пушкинъ и — вы сами?» Его не сбило съ толку даже и рожденіе въ Германіи идеалистовъ, въ родѣ благороднаго Пича (Pietsch), недавняго переводчика комедій «Нахлѣбникъ», который сдѣлалъ задачей своей жизни распространеніе его произведеній въ своемъ отечествѣ и извѣщалъ Тургенева всякій разъ, какъ приобрѣталъ для него новаго надежнаго поклонника или новую поклонницу. Осторожность нашего романиста, по-истинѣ, была очень цѣннаго свойства, если вспомнить еще, что мы не перечислили и десятой доли тѣхъ овацій, которыхъ онъ служилъ предметомъ за-границей.

Между тѣмъ, И. С. Тургеневъ подвигался къ величавому спокойствію старости и занялъ видное мѣсто передъ тремя мірами — романскимъ, германскимъ и русскимъ, которыхъ зналъ одинаково хорошо, — тоже очень осторожно, какъ бы ожидая всегда протеста противъ самоуправства. Прежде чѣмъ утвердиться на своемъ посту, ему необходимо было покончить почти со всѣми чертами молодости, отдѣлаться отъ множества привычекъ, полученныхъ въ началѣ своей карьеры, найти другой способъ сноситься съ людьми, чѣмъ тотъ, которому онъ слѣдовалъ доселѣ. Молодость Тургенева была далеко не бурная, но распушенная, и постепенное собраніе ея, приведеніе въ порядокъ и въ подчиненныя отношенія къ какому-либо правилу жизни — составляетъ поучительную исторію, которую мы и собираемся напомнить здѣсь читателямъ.

I.

За два года до его прїѣзда изъ перваго путешествія за-
границу (1840 г.) съ цѣлю образованія — о немъ были уже
слухи въ Москвѣ и Петербургѣ. Знали, что онъ находился при
отъѣздѣ своемъ въ 1838 г. на томъ самомъ пароходѣ, который
сгорѣлъ у мекленбургскихъ береговъ, что онъ вмѣстѣ съ другими
искалъ спасенія на лодкахъ, перевозившихъ пассажировъ на
мало-гостепріимную землю этой германской окраины. Разсказы-
вали тогда, со словъ свидѣтелей общаго бѣдствія, что онъ поте-
рялъ голову отъ страха, волновался черезъ мѣру на пароходѣ,
взывалъ къ любимой матери и извѣщалъ товарищей несчастія,
что онъ богатый сынъ вдовы, хотя ихъ было двое у нея, и
долженъ быть для нея сохранѣнъ. Слухамъ этимъ вѣрили, такъ
какъ онъ былъ крайне молодъ въ то время (20-ти лѣтъ). Даже
и поодиѣ Грановскій, заставшій его въ Берлинѣ, разсказывалъ еще,
что онъ находилъ его съ приставленнымъ къ нему крѣпостнымъ
дядькой за очень невиннымъ занятіемъ — игрой въ карточные
солдатики, которыхъ они поочередно опрокидывали другъ у друга.
При появленіи его въ Россіи, ожидали встрѣтить доморощенного
барчаника, по которому нѣмецкое образованіе прошло, обдѣлавъ
его наружно и не тронувъ внутренняго содержанія, и нашли
полнаго студента-бурша, замѣчательно развитого, но съ презрѣ-
ніемъ къ окружающему міру, съ заносчивымъ словомъ и роман-
тическимъ преувеличеніемъ кой-какихъ ощущеній и малаго своего
опыта. Люди Москвы и Петербурга должны были привыкать къ
нему, и отзывы ихъ поражаютъ на первыхъ порахъ печальнымъ
единодушіемъ. Образецъ гуманности, Николай Владиміровичъ
Станкевичъ, хорошо знавшій Тургенева въ Берлинѣ — предосте-
регалъ своихъ пріятелей въ Москвѣ, не судить о немъ, по пер-
вому впечатлѣнію. Онъ соглашался, что Тургеневъ не ловокъ,
мѣшковать физически и психически, часто досаденъ, но онъ
подмѣтилъ въ немъ признаки ума и даровитости, которые спо-
собны обновлять людей. Герценъ былъ проще, неумолимѣе и
несправедливѣе. Онъ познакомился съ нимъ въ Петербургѣ,
1840, передъ второй ссылкой своей и черезъ посредство Бѣлин-
скаго. Отзывъ его можетъ быть выраженъ въ немногихъ сло-
вахъ: пускай-молъ Бѣлинскій занимается книгами и книжонками и
не виѣшивается въ оцѣнку людей — тутъ онъ ничего не смы-
слать ¹⁾. Дѣло въ томъ, что и къ Герцену, какъ ко всѣмъ

¹⁾ Мѣста эти не попали въ опубликованную переписку обоимъ авторамъ. По от-
сутствію матеріала не было возстановить ихъ дословно и теперь.

другимъ, Тургеневъ явился съ непомѣрнымъ довѣріемъ въ самого себя, которое позволяло ему высказывать, въ видѣ несомнѣнныхъ истинъ, всякія измышленія, приходящія въ голову. Качество это заслоняло покамѣстъ все таившееся въ глубинѣ его души и составлявшее впоследствии прелесть его бесѣдъ съ окружающими.

Удивительно, что онъ только малой частію былъ виноватъ въ упрекахъ, которые ему дѣлали. Богато надѣленный природою даромъ фантазіи, воображенія, вымысла, онъ, по молодости лѣтъ, не умѣлъ съ ними справиться и позволилъ имъ сдѣлаться своими врагами, вмѣсто того, чтобы держать ихъ въ качествѣ своихъ слугъ. Едва возникали въ теченіе разговора представленіе или образъ, какъ можно было видѣть Тургенева, предъявляющаго на нихъ права хозяина, овладѣвающаго ими, становящагося въ центрѣ разсказа и притягивающаго всѣ его нити къ самому себѣ. При первомъ намекѣ на какую либо тему, въ умѣ его возникала масса аналогическихъ примѣровъ, которыми онъ и подмѣнивалъ главный возникшій вопросъ. Большая часть его слушателей, а у него ихъ всегда было много—позабывали дѣло, съ котораго начиналась рѣчь, и отдавались удовольствію слушать волшебную сказку, любоваться развитіемъ непродуманнаго, безсознательнаго творчества, удерживая при этомъ наиболѣе смѣлыя, яркія и поразительныя черты фантастической работы. Было что-то наивно-дѣтское, ребачески-прелестное въ образѣ человѣка, такъ полно отдававшего себя въ ежедневное, безусловное обладаніе мечты и выдумки, но въ концѣ концовъ изъ такого воззрѣнія на Тургенева возникло общее мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ, никогда не имѣющемъ въ своемъ распоряженіи искренняго слова и чувства, и дѣлающагося занимательнымъ и интереснымъ только съ той минуты, когда выходитъ завѣдомо изъ истины и реальнаго міра. Никто, конечно не смѣшивалъ его съ Хлестаковымъ, простѣйшимъ типомъ лжи, только-что созданнымъ тогда, который употребляетъ ложь, какъ средство обмануть себя и другихъ относительно своей ничтожности. Поэтическая ложь Тургенева обнаруживала большія свѣдѣнія и часто касалась такихъ вопросовъ, которые были даже неизвѣстны многимъ изъ ожесточенныхъ его критиковъ. Цѣли юнаго Тургенева были ясны: онъ имѣлъ въ виду произведеніе *литературнаго эффекта* и достиженіе репутаціи *оригинальности*. Въ этомъ заключается и ключъ къ ихъ правильному пониманію.

Самымъ поворнымъ состояніемъ, въ какое можетъ попасть смертный, считалъ онъ въ то время то состояніе, когда чело-

вѣкъ походить на другихъ. Онъ спасался отъ этой *страшной* участи, навязывая себѣ невозможныя качества и особенности, даже пороки, лишь бы только они способствовали къ его отличію отъ окружающихъ. Онъ усвоивалъ своей фізіономіи черты, не вязавшіяся съ ея добродушнымъ, почти вѣжливымъ выраженіемъ. Конечно, онъ никого не обманывалъ на-долго, да и самъ позабывалъ скоро черты, которыя себѣ приписывалъ. Случалось, что онъ изумлялся собственнымъ словамъ и относилъ ихъ къ клеветѣ, когда ихъ повторяли передъ нимъ, по прошествіи нѣкотораго времени. Такъ онъ называлъ клеветой свое заявленіе, будто передъ великими произведеніями искусства, живописи, скульптуры, музыки—онъ чувствуетъ зудъ подъ коѣннами, и ощущаетъ, какъ икры его ногъ обращаются въ треугольники,—однако, же заявленіе было сдѣлано. Конечно, не стоило бы и упоминать объ этой шуткѣ, если бы изъ массы подобныхъ шутокъ и преувеличеній не слагался въ публикѣ образъ молодого Тургенева, который держался гораздо долѣе, чѣмъ было нужно, и существовалъ даже и тогда, когда оригиналъ уже нисколько не походилъ на то, что о немъ думали.

Замѣчательно, что въ произведеніяхъ той эпохи, большею частію стихотворныхъ отрывкахъ, Тургеневъ не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ фальши. Они писались имъ добросовѣстно и поражаютъ доселѣ выраженіемъ искренняго чувства и той внутренней правдой мысли и ощущенія, которой онъ научился у Пушкина. Тургеневъ началъ рано свою писательскую карьеру; если не считать драму *Стенію*, написанную имъ еще на студенческой скамьѣ (онъ кончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1837 году) и рецензію на книгу Ап. Муравьева: *Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ*, въ старомъ «Современникѣ» Плетнева, 1838 г., гдѣ напечатано было и первое стихотворное его произведеніе «Старый Дубъ», то придется указать на «Отечественныя Записки», на страницахъ которыхъ съ 1841 по 1846 годъ помѣщено множество его стихотворныхъ пьесъ за подписью Т. Л., которыя представляли инициалы соединенныхъ фамилій его отца и матери—Тургеневъ-Лутовиновъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ новый «Современникъ» Панаева и Некрасова, въ изданіи котораго принималъ, какъ увидимъ, горячее участіе, и продолжалъ въ немъ печатать свои стихотворенія съ 1847 г. вплоть до 1850 г. Всѣ эти произведенія носятъ несомнѣнные признаки таланта и уже возвыщали недюжиннаго писателя, который только ждалъ благопріятной минуты, чтобы высказать все свое содержаніе. Минута не заставила себя

ждать. Изъ всѣхъ раннихъ его созданій замѣчены были публикой только два вышедшіе отдѣльно: «Параша», стихотворная повесть 1843 г., и «Разговоръ» — тоже въ стихахъ 1845 г. Мастерской разсказъ далеко не затѣйливаго происшествія въ Парашѣ и свободное, ироническое отношеніе къ дѣйствующимъ ея лицамъ имѣли такъ много свѣжести и молодого здороваго чувства, что обратили на себя общее вниманіе. Между прочимъ «Параша» представила случай Бѣлинскому высказать свою проницательность. «Что мнѣ за дѣло до промаховъ и излишествъ Тургенева — говаривалъ онъ; — Тургеневъ написалъ Парашу: пустые люди такихъ вещей не пишутъ». Что касается до «Разговора», то дидактическій, поучительный тонъ его подсказанъ былъ Тургеневу ученіемъ, которому онъ служилъ тогда горячимъ, хотя и не очень послѣдовательнымъ adeptомъ, будто чистое творчество достигло съ Пушкинымъ такого совершенства на Руси и такого повсемѣстнаго распространенія, что ему предстоитъ потѣсниться немного и дать дорогу произведеніямъ мыслящей способности, философско-политическаго созерцанія. Тѣмъ встрѣтила однако же горячую оппозицію въ московской журналистикѣ, но начавшаяся полемика прекратилась, когда черезъ два года по напечатаніи «Разговора» явилась первая глава изъ «Записокъ Охотника» (Хорь и Калинычъ) въ Современникѣ Панаева 1847 г., и показала писателя нашего опять въ новомъ свѣтѣ, упрочивъ за нимъ почетное и славное имя въ литературѣ, которое уже не могло быть забрасываемо грязью при помощи слуховъ, или подъ предлогомъ критики.

Во всякомъ случаѣ, Тургеневъ нуждался тогда въ литературѣ, почерпая въ ней средства для своего существованія. Съ самаго начала сороковыхъ годовъ онъ уже находился въ ссорѣ съ своей матерью, богатой и капризной помѣщицей орловск. губерніи, которая, лишивъ содержанія, предоставила его самому себѣ. Вплоть до конца его искуса, когда умерла мать (Варвара Петровна Тургенева скончалась въ ноябрѣ 1850 г.), Тургеневъ представлялъ изъ себя какое-то подобіе гордаго нищаго, хотя и сознававшагося въ затруднительности своего положенія, но никогда не показывавшаго пріятелямъ границъ, до которыхъ доходили его лишенія. Гонимый нуждою и исполняя настоятельные требованія матери, онъ, по прибытіи въ Россію, опредѣлился на службу въ канцелярію м-ра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ попалъ подъ начальство извѣстнаго этнографа В. Даля. Онъ пробылъ тутъ не долго, потому что начальникъ его принадлежалъ къ числу *прямолинейныхъ* особъ, которыя требуютъ строгой

аккуратности въ исполненіи обязанностей и уваженія не только къ своимъ служебнымъ требованіямъ, но и къ своимъ капризамъ... Тургеневъ не взлюбилъ начальника—собрата по ремеслу писателя, и скоро вышелъ въ отставку, возвращаясь къ старой снудости и къ старому исканію эффектовъ и оригинальности. Чего онъ тогда не приносилъ въ жертву этому Молоху? Онъ осмѣивалъ тихія и искреннія привязанности, къ которымъ иногда самъ приходилъ искать отдыха и успокоенія, глумился надъ простыми сердечными вѣрованіями, начало и развитіе которыхъ, однакоже, тщательно разыскивалъ, примѣшивалъ къ себѣ множество ролей и покидалъ ихъ съ отвращеніемъ, убѣдаясь что онѣ казались всѣмъ не дѣломъ, а *сеніальничаніемъ*, и скоро забывались. Къ этому же времени относится и его сближеніе съ семьей артистки Віардо;— онъ былъ ей представленъ въ 1845 г., и нашелъ у нея сына директора театровъ, Степана Гедеонова, который по музыкальному и художественному вообще образованію и по серьезной эрудиціи, былъ достойный ему соперникъ. Можетъ статься, чувство соперничества опредѣлило и довольно рѣзкій тонъ критической статьи, написанной Тургеневымъ въ 1846 г. по поводу драмы С. Гедеонова «Смерть Ляпунова». Но у него были еще въ запасѣ и даровыя, безпричинныя, совсѣмъ непредназначенныя оскорбленія, такія, какія можетъ наносить шута только *всемирный ребенокъ*, *Weltkind*, не обязанный помнить свои обязательства и заниматься тѣмъ, что говорить. Онъ часто ходилъ тогда на охоту, и разъ, возвратившись съ отъѣзжаго поля, хвалился количествомъ побитой имъ птицы, а въ подтвержденіе своихъ словъ приглашалъ слушателей отобѣдать у него на другой день. Слушатели повѣрили и чудной охотѣ, и приглашенію. На другой день они поднялись въ 4-й этажъ громаднаго дома на Стремянной улицѣ, гдѣ жилъ Тургеневъ (между ними были и грудные больные, съ трудомъ одолевшіе его лѣстницу) и долго стояли передъ запертой дверью его квартиры до тѣхъ поръ, пока вышедшій человекъ не извѣстилъ ихъ, какъ объ отсутствіи хозяина, такъ и всякихъ приготовленій къ приему гостей. Тургеневъ долго смѣялся потомъ, когда ему рассказывали о недоумѣніи и ропотѣ обманутыхъ гостей, но извиненій никому не приносилъ:—все это казалось ему въ порядкѣ вещей, и онъ удерживалъ за собой право играть довѣріемъ людей, не чувствуя, повидимому, никакой вины на своей совѣсти за продолженіе подобнаго рода. Онъ даже не очень долюбивалъ тѣхъ осторожныхъ господъ, которые защищали себя отъ увлекательности его рѣчи, не довѣряли наивному убѣжденію, съ какимъ

онъ относился къ своимъ иллюзіямъ, и трезво берегли до конца свое сужденіе. Онъ называлъ ихъ кожаными чемоданами, набитыми сѣномъ, но однако сдерживалъ передъ ними свои увлеченія. Особенный зубъ имѣлъ онъ противъ существовавшихъ у насъ литературныхъ кружковъ и выразилъ даже въ печати свое осужденіе ихъ нетерпимости другъ къ другу и узкости ихъ воззрѣній. Но причины его негодованія на кружки, съ корифеями которыхъ онъ былъ на дружеской ногѣ, а съ однимъ изъ такихъ кружковъ (такъ называемымъ западническимъ) раздѣлялъ и тогда и послѣ основы его ученія, слѣдуетъ также искать и въ личныхъ отношеніяхъ. Кружки эти имѣли свои правила поведенія, свои доктрины жизни, болѣе или менѣе строгія, за исполненіемъ которыхъ тщательно слѣдили. Нападая на кружки, Тургеневъ защищалъ еще свое право стоять особнякомъ отъ господствующихъ теченій въ обществѣ, не подчиняться деспотизму принятыхъ условій существованія ни въ какомъ ихъ видѣ и оградить себя отъ разнаго виѣшательства посторонней силы въ дѣла своей души, въ свободное, независимое цвѣтеніе своей мысли и фантазіи.

II.

То же самое дѣлалъ онъ и по отношенію къ своей матери. Замѣчательно, что настоящія и лучшія качества сердца обнаруживались у него съ наибольшей силой въ деревнѣ или въ семьѣ. — Всякій разъ, какъ онъ отрывался отъ Петербурга, отъ его искушеній и того возбуждающаго чувства, которое распространяетъ большой центръ населенія, Тургеневъ успокоивался. Не передъ кѣмъ было блеснуть тогда, не для кого было изобрѣтать сцены и думать о театральной постановкѣ ихъ. Деревня играла въ его жизни ту самую роль, которую потомъ исполняли частныя его отлучки за-границу — она съ точностью опредѣляла, что онъ долженъ думать и дѣлать. Питая врожденное отвращеніе къ насилию, получивъ отъ природы ненависть къ попранію человѣческихъ правъ, которое тогда встрѣчалось чуть ли не ежедневно, Тургеневъ мстилъ господству крѣпостничества въ правахъ и понятіяхъ тѣмъ, что объявлялъ себя противникомъ, безъ разбора, всѣхъ коренныхъ, такъ называемыхъ, основъ русскаго быта. Онъ потѣшался благоговѣйными отношеніями Москвы къ нѣкоторымъ, излюбленнымъ квазі-началамъ русской исторіи, но такой дальній, бесполезный протестъ былъ уже не у мѣста въ помѣ-

щичьей деревнѣ. Тутъ онъ безпрестанно наталкивался на конкретные случаи произвола и беззаконія, которые затрогивали его душу и требовали, если не скорой помощи, часто и невозможной,—то участія и пониманія страданій.

Варвара Петровна Тургенева, мать его, обладала въ одной орловской губерніи состояніемъ, равнымъ, по тогдашнему счету, силѣ 5,000 душъ крѣпостныхъ работниковъ. Это была женщина далеко не дюжинная и по-своему образованная: она говорила большею частью и вела свой дневникъ по-французски. Воспитаніе, которое она дала обоимъ сыновьямъ, показываетъ, что она понимала цѣну образованія, но понимала очень своеобразно. Ей казалось, что знакомство съ литературами Европы и сближеніе съ передовыми людьми всѣхъ странъ не можетъ измѣнить коренныхъ понятій русскаго дворянина, и притомъ такихъ, какія господствовали въ ея семействѣ изъ рода въ родъ. Она изумилась, увидавъ разрушеніе, произведенное университетскимъ образованіемъ въ одномъ изъ ея сыновей, который полагалъ за честь и долгъ отрицаніе именно тѣхъ коренныхъ началъ, какія казались ей непоколебимыми. При врожденномъ властолюбіи, вспыльчивость и быстрота рѣшеній развились у нея отъ противорѣчій. Она не могла простить своимъ дѣтамъ, что они не обмѣнивали полученнаго ими воспитанія на успѣхи въ обществѣ, на служебныя отличія, на житейскія выгоды разныхъ видовъ, въ чемъ тогда и заключались для многихъ цѣли образованія. Такъ какъ нашъ Тургеневъ не измѣнялъ ни своего образа мыслей, ни своего поведенія въ угоду ей, то между ними воцарился непримиримый, сознательный, постоянный разладъ, чему еще способствовали и подробности ея управленія имѣніемъ. Какъ женщина развитая, она не унижалась до личныхъ расправъ, но подверженная гоненіямъ и оскорбленіямъ въ молодости, озлобившимъ ея характеръ, она была совсѣмъ не прочь отъ домашнихъ радикальныхъ мѣръ исправленія непокорныхъ или нелюбимыхъ ею подвластныхъ. Сама она, по изобрѣтательности и дальновидному расчету злобы, была гораздо опаснѣе, чѣмъ ненавидимые фавориты ея, исполнявшіе ея повелѣнія. Никто не могъ равняться съ нею въ искусствѣ оскорблять, унижать, сдѣлать несчастнымъ человѣка, сохраняя приличіе, спокойствіе и свое достоинство. Она не затруднилась произнести смертный приговоръ несчастной собаченкѣ своего дворника Герасима, зная, что приговоромъ своимъ наноситъ смертельную рану сердцу ея хозяина. И что же?—одно появленіе Тургенева въ деревнѣ водворяло тишину, вселяло увѣренность въ наступленіи спокойной години существо-

ванія, облегчало всѣмъ жизнь — и это несмотря на его натянутыя отношенія къ матери, и въ силу только нравственнаго его вліянія, которому подчинялась даже и необузданная, увѣренная въ себя власть. Приводимъ здѣсь въ подтвержденіе нашихъ словъ выдержки изъ письма В. Н. Житовой, которая воспитывалась въ домѣ Тургеневой и видѣла съ малолѣтства все, что происходило въ немъ. Свидѣтельство ея тѣмъ цѣннѣе, что написано съ одушевленіемъ, которое даетъ отчасти понятіе о впечатлѣніи, порождаемомъ каждымъ наѣздомъ нашего поэта въ деревню, или въ московскій домъ, — между ихъ обитателями.

«Какъ себя помню, такъ помню свое и всеобщее, въ домѣ матери, обожаніе къ нему. Рѣдко онъ бывалъ у насъ; но когда его ждали, всѣ крестились, всѣ радовались: «Нашъ Ангелъ ѣдетъ! Теперь у насъ все будетъ хорошо, теперь *ничего* не будетъ!» Вотъ что слышалось со всѣхъ сторонъ. И дѣйствительно, велика была сила его кротости и доброты. Она все побѣждала, все укрощала... Около него ничто лживое и злое не имѣло мѣста. Настолько обаятеленъ онъ былъ, настолько самъ хорошъ, что его нравственная, такъ сказать, красота разливалась на все окружающее его. Да — его доброты боялись! Читала я отзывъ Рольстона о «Муму». Не то бы я сказала. Я во очію присутствовала при всей этой драмѣ, я была единственная, допущенная въ каморку Герасима, я ласкала, я кормила Муму, когда мнѣ удавалось ускользнуть отъ зоркихъ глазъ приставленныхъ ко мнѣ французовъ и англичановъ — и часто, очень часто дитятей прогуливалась на могучихъ рукахъ Герасима... Я 18 лѣтъ даю уроки. Проходя исторію русской литературы съ моими ученицами, я сама читаю образцовыя сочиненія. Могу читать самыя драматическія мѣста, но послѣднихъ страницъ Муму никогда не могла дочитать громко: меня всегда душили слезы. И прежде, и теперь послѣдовательно затѣмъ мысли переносятся къ тому нашему Освободителю, который далъ намъ 19-е февраля и избавилъ на-вѣки нашу родину отъ того гнета, при которомъ нашъ простолюдинъ не смѣлъ ни любить, ни чувствовать...». — Октябрь 1883.

Краснорѣчивыя строки хорошо передаютъ то, чѣмъ сдѣлался Тургеневъ для своего села Спаскаго, доставшагося ему по наслѣдству, и послѣ раздѣла съ братомъ; но уже недалеко было время, когда онъ сдѣлается любимцемъ не только своихъ спасовцевъ, какъ называлъ жителей деревни, но и любимцемъ читающей Россіи вообще и русскихъ женщинъ въ особенности. Произошло это вскорѣ послѣ кончины Варвары Петровны Тур-

геновой и послѣ извѣстнаго его ареста въ 1852 г., сообщившаго большую популярность его имени. Кругъ его знакомства еще не раздвигался до тѣхъ огромныхъ размѣровъ, какъ впоследствии, и литературная дѣятельность еще не имѣла за себя голоса всей Европы. На виду стояли «Записки Охотника», а за ними теплились малыми, мелькающими огоньками повѣсти, гдѣ уже сказывались первые проблески возрѣвнй Тургенева на русскую женщину, какъ на представительницу нравственной силы въ обществѣ. Гораздо позднѣе замѣтили, что между этими повѣстями есть маленькіе шедевры, въ родѣ «Дневника лишняго человѣка». Современникамъ его трудно было усмотрѣть также, что онъ въ теченіе 10 лѣтъ занимался обработкой одного и того же типа — благороднаго, но неумѣлаго человѣка, — начиная съ 1846 г., когда написаны были «Три портрета», и вплоть до «Рудина», появившагося въ 1856 г., гдѣ самый образъ такого человѣка нашелъ полное свое воплощеніе. Съ Рудинымъ кончается и молодость Ивана Сергѣевича — ему было уже 38 лѣтъ. Никому и въ голову не приходило тогда заниматься разборомъ теорій, весьма важной въ біографическомъ отношеніи, и въ силу которой русская жизнь распадалась на два элемента — мужественную, очаровательную по любви и простотѣ женщину, и очень развитого, но запутаннаго и слабого по природѣ своей мужчину. Въ авторѣ этой теоріи всего болѣе интересовало мастерство кисти, приемы творчества, вѣрныя картины жизни, а разоблачающій внутренній смыслъ его твореній закрывался для многихъ яркой мозаикой вѣншихъ его похожденій между людьми.

Тогда было въ модѣ нѣкотораго рода предательство, состоявшее въ томъ, что за-глаза выставлялись каррикатурныя изображенія привычекъ людей и способовъ ихъ выражаться; что возбуждало смѣхъ и доставляло успѣхъ разсказу. Тургеневъ былъ большой мастеръ на такого рода представленія. Никто не сердился на это злоупотребленіе, никто не думалъ о прекращеніи связей, вслѣдствіе дошедшихъ слуховъ о совершенной надъ нимъ диффамаци — напротивъ, всѣ старались платить тою же монетою авторамъ каррикатуръ, что и объясняетъ большое количество анекдотовъ, остающихся отъ этой эпохи. Надо прибавить, что ко всѣмъ своимъ качествамъ изобрѣтательности, наблюдательности и вдумчивости въ явленія, Тургеневъ присоединялъ еще въ значительной долѣ ѣдкое остроуміе и эпиграмматическую способность. Онъ давалъ имъ ходъ съ той же неразборчивостью и съ тѣмъ же обиліемъ мотивовъ, какъ и всему, что выходило отъ него. Онъ составлялъ весьма забавныя эпиграммы на выдаю-

щихся людей своего времени, не стѣсняясь ихъ репутаціей и серьезностью задачъ, которыя они преслѣдовали, и которымъ самъ сочувствовалъ. Не удерживали его и дружескія отношенія. Все это, конечно, не способствовало къ уменьшенію неблаго-склоннаго говора, раздававшагося вокругъ его имени, но слухъ о мѣткости его эпиграмматическихъ замѣтокъ, имѣвшихъ пошибъ народныхъ поговорокъ, былъ такъ распространенъ, что В. П. Боткинъ вздумалъ однажды записывать его рѣчи и привелъ свой планъ въ исполненіе. Затерянная книжка эта гдѣ-нибудь должна существовать, но она утратила свой интересъ послѣ того, какъ самъ Тургеневъ прекратилъ свою юмористическую дѣятельность и оставилъ въ сыромъ видѣ старыя попытки и проявленія ея.

Весьма ошибся бы тотъ, кто на основаніи здѣсь сказаннаго пришелъ бы къ заключенію, что Тургеневъ обманывалъ свою публику, и пока она приглядывалась къ нему, отдавалъ пороки ея и недостатки на общее посмѣяніе. Такое коварство не вязалось съ добротой сердца, отражавшейся на всемъ, что онъ дѣлалъ, и съ его недовѣріемъ къ себѣ, съ весьма не высокимъ мнѣніемъ о своихъ качествахъ и способностяхъ. Онъ нуждался въ помощи и благорасположеніи, а не въ вызовѣ и по-срамленіи кого-либо. Только съ теченіемъ времени и возрастаніемъ успѣха приобретаетъ онъ болѣе правдивый, твердый, увѣренный взглядъ на самого себя. Въ началѣ онъ брался за все съ намѣреніемъ ото всего отступить, смотря по обстоятельствамъ. Если онъ силился походить на Манфреда или Донъ-Жуана, то, конечно, это былъ застѣнчивый Манфредъ или стыдливый Донъ-Жуанъ, готовый всегда убѣжать отъ затѣяннаго имъ дѣла. Его сравнивали съ Ювеналомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ его жизни, особенно за памфлетическую сторону таланта, какъ въ «Дымѣ», напримѣръ; но если присмотрѣться ближе, то легко можно распознать, что онъ не питалъ никакого отвращенія къ жертвамъ своихъ сатиръ, а біографическія свѣдѣнія показываютъ, что ядовитое жало свое онъ обращалъ прежде всего на самого себя. Довольно упомянуть о той жаждѣ осужденія, критикѣ своихъ произведеній, которой онъ страдалъ всю свою молодость, и которая обратилась у него почти въ болѣзнь. Онъ радовался всякому разбору своихъ произведеній, выслушивалъ его съ покорностью школьника, обнаруживая и готовность исправленія. Одного замѣчанія о неумѣстности сравненія Хоря и Калиныча съ Гетѣ и Шиллеромъ, допущеннаго имъ,—достаточно было, чтобы сравненіе осталось только на страницахъ «Современника» 1847, гдѣ впервые явилось, и не перешло въ слѣ-

дующія изданія. Вообще говоря — нельзя было никогда угадать, куда увлечетъ его голова, работающая въ различныхъ направленіяхъ, но можно было указать, зная его прямое сердце, мѣсто, гдѣ онъ остановится. Было что-то женственное въ этомъ сочетаніи рѣшимости и осторожности, смѣлости и разсчета, одновременно готовности на починъ и на раскаяніе, сообщавшее прелесть его мѣняющемуся существованію.

Никто не замѣчалъ меланхолическаго отгѣнка въ жизни Тургенева, а между тѣмъ онъ былъ несчастнымъ человѣкомъ въ собственныхъ глазахъ: ему недоставало женской любви и привязанности, которыхъ онъ искалъ съ раннихъ поръ. Не даромъ повторялъ онъ замѣчаніе, что общество мужчинъ, безъ присутствія доброй и умной женщины, походить на тяжелый обозъ съ немазанными колесами, который раздражаетъ уши нестерпимымъ, однообразнымъ своимъ скрипомъ. Призывъ и поиски идеальной женщины помогли ему создать тотъ олимпъ, который онъ населилъ благороднѣйшими женскими существами, великими въ своей простотѣ и въ своихъ стремленіяхъ. Пока требовательная критика разбирала, послѣ Рудина, человѣка съ большими претензіями и ничтожной волей, переноса на все поколѣніе 40-хъ годовъ презрѣніе, которое возбуждалъ въ ней этотъ типъ, Тургеневъ, уже сдѣлавшись идоломъ прекрасной половины человѣческаго рода. Любовь эта сопровождала его до могилы, но то была любовь платоническая. Самъ онъ страдалъ сознаніемъ, что не можетъ побѣдить женской души и управлять ею: онъ могъ только измучить ее. Для торжества, при столкновеніяхъ страсти, ему недоставало наглости, безумства, ослѣпленія. Въ одной изъ чудныхъ повѣстей своихъ: «Первая Любовь», онъ рассказываетъ ужасъ, наведенный на него ударомъ хлыста, которымъ раздраженный любовникъ отгѣчалъ своей возлюбленной, побѣждая ея волю и своенравіе. Съ тѣхъ поръ ужасъ отъ диваго поступка казался и не проходилъ у Тургенева и одолевалъ его, когда требовалась рѣшимость выбора. Онъ не отгѣчалъ ни на одну изъ симпатій, которыя шли ему на-встрѣчу, за исключеніемъ развѣ трогательныхъ связей его съ О. А. Т* въ 1854 году, но и она длилась не долго и кончилась, какъ кончаются минутныя вспышки, капризы и причуды, на которыя онъ разивлялъ свирѣпое одушевленіе истинной страсти — т.-е. мирнымъ разрывомъ и поэтическимъ воспоминаніемъ о прожитомъ времени.

Не маловажную роль въ его жизни игралъ другой афоризмъ, который онъ тоже любилъ повторять: «только съ тѣми людьми и жить можно, которые все видятъ и понимаютъ — и умѣютъ мол-

чать». Чуткій ко всему, что происходило въ обществѣ, онъ спускался въ отдаленные края его и выводилъ оттуда людей, замѣченныхъ имъ по серьезности своего образа мыслей и по характеру, рассчитывая на ихъ скромность и привязанность, потому что сочувствіе и преданность людей были ему необходимы, какъ воздухъ для существованія. Послѣ 1850 г., гостиная его сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для людей изъ всѣхъ классовъ общества. Тутъ встрѣчались герои свѣтскихъ салоновъ, привлеченные его репутаціей возникающаго моднаго писателя, корифеи литературы, готовившіе себя въ вожаковъ общественнаго мнѣнія, знаменитые артисты и актрисы, состоявшіе подъ неотразимымъ эффе́ктомъ его красивой фигуры и высокаго пониманія искусства, наконецъ ученые, приходившіе послушать умные разговоры свѣтскихъ людей. Высокопоставленныя особы тогда еще не посѣщали его приемной: это явилось уже съ началомъ новаго царствованія. Между всѣми его гостями нерѣдко было найти людей безъ имени, никому не извѣстныхъ и отличавшихся своей сдержанностью. Тургеневъ дорожилъ ими столько же, по крайней мѣрѣ, сколько и тѣми, которые носили громкія имена въ литературѣ и обществѣ. Бесѣда его съ бойкими и развитыми людьми своего общества не стоила ему большого труда. Съ его образованіемъ и находчивымъ умомъ, съ его рѣчью, исполненною того, что французы называютъ *point*—(искрой), онъ легко приводилъ слушателей въ восторгъ. Въ виду потребностей легкой эрудиціи, столь необходимой для успѣха въ обществѣ, у него былъ не дюжинный запасъ положительнаго знанія и помощь справочныхъ книгъ: такъ въ это время ему служила настольной книгой многотомная «*Biographie universelle*». Въ разговорѣ съ отысканными имъ и выведенными въ свѣтъ людьми все было, наоборотъ, просто. Онъ говорилъ съ ними о томъ, что они знали и чѣмъ интересовались—и внимательно прислушивался къ ихъ мнѣніямъ, которыя нигдѣ болѣе не могъ встрѣтить. Онъ обладалъ однимъ замѣчательнымъ качествомъ: за нимъ ничего не пропадало. Онъ никогда не оставался въ долгу ни за какое дѣло, ни за оказанное расположеніе, ни за наслажденіе, доставленное ему произведеніемъ, ни за простую потѣху, почерпнутую въ той или другой формѣ. Все это онъ помнилъ хорошо, и такъ или иначе, рано или поздно находилъ случай отыскать и отблагодарить по своему чело́вѣка за интеллектуальную услугу, полученную отъ него когда-то. Сколько именъ просятся подъ перо въ подтвержденіе факта—именъ мужского и женскаго пола. Конечно, онъ могъ и ошибаться въ своихъ приговорахъ. Пишущій эти строки

случайно натолкнулся на одну изъ оригинальныхъ сценъ въ его квартирѣ. Однажды ему довелось придти къ Тургеневу довольно рано утромъ. Въ кабинетѣ его сидѣлъ критикъ Аполлонъ Григорьевъ, мыслитель и всегдашній энтузіастъ, сказавшій про Тургенева слово, которое долго оставалось въ памяти автора «Дворянское гнѣздо»:— «Вы не нужный болѣе продолжатель традицій Пушкина въ нашемъ обществѣ». Едва А. Григорьевъ завидѣлъ меня въ дверяхъ кабинета, какъ вскочилъ съ дивана, гдѣ сидѣлъ, и указывая мнѣ на своего сосѣда, молодого морского офицера, очень скромной и приличной наружности, торжественнымъ и звчнымъ голосомъ воскликнулъ: «На колѣни! Становитесь на колѣни! Вы находитесь въ присутствіи генія!» Молодой офицеръ былъ поэтъ Случевскій, никому тогда неизвѣстный. Онъ покраснѣлъ и не зналъ что дѣлать отъ смущенія. Поднявшійся Тургеневъ тоже проговорилъ: «да, батюшка, это будущій великій писатель». Пошли разспросы—оказалось, что они только что выслушали произведенія Случевского и приведены ими были въ восторженное состояніе, которое—увы!—не раздѣлили ни критики, ни общественное мнѣніе, когда тѣ же самыя произведенія представлѣны были ихъ суду. Почетныя, смѣемъ сказать, ошибки Тургенева въ оцѣнѣ новыхъ талантовъ происходили отъ его горячности служить имъ и приводили иногда къ комическимъ результатамъ. Нельзя не разсказать здѣсь анекдота, слышаннаго отъ В. П. Боткина. Извѣстно, что ничто такъ не возбуждало и не оскорбляло Боткина, какъ превознесеніе чловѣка безъ достаточныхъ основаній. Онъ уже наслышался о необычайномъ талантѣ г. Л-ва, котораго Тургеневъ провозгласилъ разсказчикомъ внѣ сравненія и ставилъ далеко выше себя, принижаясь по обыкновенію безъ мѣры для того, чтобы увеличить ростъ соперника. Доставъ одно изъ произведеній г. Л-ва и прочитавъ его внимательно, Боткинъ дождался панегириста и съ документомъ въ рукѣ, усадивъ его за столъ, требовалъ, чтобы онъ показалъ гдѣ тутъ сила и геніальность. Разборъ его до того былъ рѣзокъ и привязчивъ, что Тургеневъ не выдержалъ и убѣжалъ въ садъ, «гдѣ и принялся сочинять на меня эпиграмму», прибавлялъ Боткинъ. Эпиграмма вышла дѣйствительно забавная. Пародируя Пушкинскаго «Анчара» —Тургеневъ предоставилъ роль *древа ада* самому Боткину, умерщвляющему все живое кругомъ себя: «Па—въ сдуру налетитъ и корчась въ мукахъ погибаетъ», и проч. Мы уже не говоримъ о томъ, что кошелекъ Тургенева былъ открытъ для всѣхъ, кто прибѣгалъ къ нему. Пересчитать людей, матеріально ему обязанныхъ, почти и невозможно, за ихъ

многочисленностью. Ему случалось вѣнчать себя въ заслугу отказъ въ помощи слишкомъ назойливому человѣку, но были и такіе друзья, которые принимали и это заявленіе за обычное хвастовство его. Денежное пособіе было, однако же, низшимъ видомъ его благотворительности: онъ являлся съ услугой, когда нужно было поднять духъ пациента, разбудить его волю, внушить довѣренность къ себѣ. Между прочимъ, онъ подарилъ первое изданіе «Записокъ Охотника» въ 1852 г. Н. Х. Кетчеру, которому оно досталось не безъ труда, потому что сопровождалось увольненіемъ цензора, допустившаго книгу въ обращеніе и вопросомъ о ея конфискаціи. Кстати, это напоминаетъ намъ, что и администрація, и публика, одинаково смотрѣли тогда на сочиненіе Тургенева, какъ на проповѣдь освобожденія крестьянъ. Графиня Растопчина (ур. Сушкова), получивъ книгу, замѣтила передъ Чаадаевымъ: «voilà un livre incendiaire». — «Потрудитесь перевести фразу по-русски, отвѣчалъ Чаадаевъ, такъ какъ мы говоримъ о русской книгѣ». Оказалось, что въ переводѣ фразы — зажигающая книга — получится нестерпимое преувеличеніе. Можно думать, что арестъ Тургенева въ томъ же 1852 г. явился наказаніемъ столько же за статью о Гоголѣ, сколько и за это изданіе Записокъ. Мы знали вельможу, очень образованнаго и гуманнаго, не мало способствовавшаго и облегченію узъ нашей печати, который до конца своей жизни думалъ, что усиліемъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ возбужденія одного сословія противъ другого. Но весь говоръ, сопровождавшій дѣятельность Тургенева, не мѣшалъ ему идти своей дорогой. Составитель этой статьи самъ слышалъ отъ почтеннаго историка нашего Ивана Ег. Забѣлина, какъ Тургеневъ умолялъ его дать свое согласіе на напечатаніе какого-либо изъ его трудовъ. «Нельзя же мнѣ, — говорилъ тогда Тургеневъ, — тяготить весь вѣкъ мой землю, безъ пользы для другихъ: дайте мнѣ возможность сдѣлать что-либо для общества». Предложеніе было отклонено, по неизмѣнному готовому труду, но способъ выразить свое сочувствіе изслѣдователю отличался оригинальностью. Вообще говоря, нравственная доблесть его превышала всѣ его недостатки, и требовалось много усилій и громадное количество литературныхъ и жизненныхъ неприличій, чтобы изъ такого человѣка сдѣлать себя врага и недоброжелателя.

III.

Первую поѣздку за границу, послѣ 1840 г., Тургеневъ совершилъ спустя семь лѣтъ, провожая семейство Віардо изъ Россіи въ Берлинъ, въ 1847 г., и отправляясь оттуда въ Штеттинъ для встрѣчи больного Бѣлинскаго, котораго привезъ съ собой на Шпре, а за тѣмъ сопутствовалъ ему и въ Зальцбрунъ.

Никто изъ друзей не догадывался о скудости его средствъ въ это время. Онъ умѣлъ мастерски скрывать свое положеніе, и никому въ голову не могла прийти мысль, что, по временамъ, онъ нуждался въ кускѣ хлѣба. Развязность его рѣчей, видная роль, которую онъ всегда предоставлялъ себѣ въ разсказахъ, и какая-то кажущаяся, фальшивая расточительность, побуждавшая его не отставать отъ затѣйливыхъ похожденій и удовольствій и уклоняться незамѣтно отъ расплаты и отвѣтственности—отводили глаза. До полученія наслѣдства въ 1850 г., онъ пробавлялся участіемъ въ обычной жизни богатыхъ друзей своихъ—займами въ счетъ будущихъ благъ, забираиѣмъ денегъ у редакторовъ подъ не написанныя еще произведенія—словомъ, велъ жизнь богемы знатнаго происхожденія, аристократическаго нищенства, какую вела тогда и вся золотая молодежь Петербурга, начиная съ гвардейскихъ офицеровъ. Впрочемъ, онъ никогда не терялъ надежды сдѣлаться большимъ баринѣмъ, и однажды, несмотря на свои лишенія, общалъ Бѣлинскому 100 душъ крестьянъ, какъ только представится возможность къ тому. Бѣлинскій принялъ въ шутку подарокъ. «Жена,—закричалъ онъ,—иди благодарить Ивана Сергѣевича: онъ насъ помѣщиками дѣлаетъ». А между тѣмъ критикъ серьезно нуждался въ устройствѣ своей судьбы. За годъ до отъѣзда своего въ Зальцбрунъ, именно въ 1846 г., онъ разорвалъ связи съ «Отечественными Записками» и собиралъ труды друзей для большого альманаха «Левіаоантъ». Тургеневъ былъ изъ первыхъ, обѣщавшихъ ему свою лепту, а между тѣмъ по лукавству, часто встрѣчаемому въ литературныхъ кружкахъ, ему не хотѣлось конечной гибели органа «Отеч. Записки», которую уже имъ пророчили. Тогда онъ свелъ редактора ихъ съ В. Майковымъ, молодымъ писателемъ, эстетика котораго, построенная на этнографическихъ данныхъ, могла дать своего рода окраску журналу. Майковъ имѣлъ несчастье утонуть, купаясь въ Парголовѣ, но на первыхъ порахъ успѣлъ сохранить за «Отечеств. Записками» вліяніе, приобрѣтенное ими при старомъ критикѣ. Все остальное хорошо извѣстно и много разъ

повторалось. Сборникъ статей купленъ былъ у Бѣлинскаго Панаевымъ и Некрасовымъ, которые съ помощію его вздумали основать свой собственный журналъ, нашли въ старомъ «Современникѣ» Плетнева готовый матеріалъ для изданія и приобрѣли его... Менѣе извѣстно, что Тургеневъ былъ душой всего плана, устроителемъ его, за исключеніемъ, разумѣется, личныхъ особенностей, введенныхъ въ него будущими издателями, съ которыми дѣлилъ покамѣстъ всѣ перипетіи предпріятія. Некрасовъ совѣщался съ нимъ каждыиъ днемъ; журналъ наполнился его трудами. Въ одномъ углу журнала блисталъ разсказъ «Хоръ и Калинычъ», какъ путеводная звѣзда, восходящая на горизонтѣ; въ «Критикѣ» явился его пространнй разборъ драмы Кукольника, и наконецъ множество его замѣтокъ разбросано было въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала. Въ одной изъ нихъ находилась латинская цитата; не довѣря лингвистическимъ познаніямъ своего друга, Некрасовъ испортилъ ее нарочно въ корректурѣ, чтобъ имѣть возможность, при случаѣ, свалить вину на типографію, и привался въ своей хитрости автору. Дождавшись 1-й книжки «Современника» на 1847 г., Тургеневъ выѣхалъ за границу.

Удивительный былъ этотъ 1846 годъ. По странной случайности къ нему относятся единавременное появленіе замѣчательныхъ памятниковъ русской литературы. Тогда были кончены и опубликованы: «Обыкновенная исторія» И. А. Гончарова, «Бѣдные люди» Ѳ. М. Достоевскаго, «Антонъ-горемыка» Д. В. Григоровича—произведенія, открывавшія новыя дороги талантамъ и возвыщавшія цвѣтеніе литературы въ скоромъ будущемъ, не оправданное однакоже событіями и обстоятельствами, вскорѣ за тѣмъ наступившими...

Я уже съ годъ жилъ въ Парижѣ, когда Иванъ Сергѣевичъ прибылъ въ Зальцбрунъ съ больнымъ Бѣлинскимъ. Я поспѣшилъ присоединиться къ нимъ, и мы встрѣтились въ этомъ только-что возникавшемъ тогда мѣстѣ леченія грудныхъ страданій, какъ это видно изъ моей статьи: «Замѣчательное десятилѣтіе», къ которой я отсылаемъ читателя за подробностями ¹⁾. Тургеневъ писалъ тогда «Бурмистра» и прилежно учился по-испански. Извѣстно, что онъ покинулъ насъ съ Бѣлинскимъ тайкомъ, выѣхавъ изъ Зальцбруна подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ на короткое время, оставивъ въ немъ часть бѣлья и платья и уже не возвращаясь болѣе назадъ. Когда по осени того же года, я спрашивалъ его въ Парижѣ о причинахъ безполезной хитрости,

¹⁾ См. «Вѣстн. Евр.» 1880 г. янв., февр., мартъ, апр. и май.

употребленной имъ въ Зальцбрунѣ, онъ только пожалъ плечами, какъ бы говоря: «да и самъ не знаю». Дѣла его были въ плохомъ состояніи: онъ не могъ жить въ Парижѣ, поселился въ пустомъ замкѣ, предоставленномъ ему Жоржъ-Зандомъ гдѣ-то на югѣ, и навѣзжалъ по временамъ въ Парижъ, обѣгалъ своихъ знакомыхъ и скрывался опять. Передъ революціей 1848 г. онъ однакоже перѣѣхалъ совсѣмъ въ Парижъ, занялъ очень красивую комнату въ угловомъ домѣ «Rue de la Paix» и Итальянскаго бульвара, теперь уже снесенномъ и переходилъ въ томъ же домѣ то выше, то ниже, смотря по благопріятнымъ или неблагопріятнымъ извѣстіямъ изъ Россіи. Февральскіе и іюньскіе дни 1848 г. застали его еще въ Парижѣ, и при этомъ нельзя не сказать о замѣчательной его способности подмѣчать характерныя общественныя явленія, мелькавшія у него передъ глазами, и дѣлать изъ нихъ картины, выдающія духъ и фізіономію даннаго момента съ поразительной вѣрностью. Таковы небольшіе рассказы его изъ французской революціи, какъ «Наши послали» и проч., хотя собственно самъ онъ не принималъ никакого участія въ социальномъ движеніи знаменитаго 1848 г. и только говорилъ о немъ.

Въ октябрѣ я уѣхалъ въ Россію, оставивъ Тургенева въ Парижѣ, и только черезъ два года снова встрѣтилъ его на родинѣ. Извѣщенный о тяжелой болѣзни своей матери — 1850 г. — онъ явился принять ея послѣдній вздохъ и помириться съ нею передъ смертію, но уже не засталъ ея на свѣтѣ. По какой-то чужой оплошности онъ не могъ даже поспѣть и на похороны ея въ Донскомъ монастырѣ, прибывъ въ Москву, гдѣ она скончалась — въ самый день совершенія обряда. Всѣми подробностями церемоніи распоряжался покойной братъ его Н. С. Тургеневъ.

Шесть лѣтъ за тѣмъ прожилъ нашъ поэтъ безвыѣздно въ Россіи. Въ эти послѣднія шесть лѣтъ его молодости произошло многое и въ немъ самомъ, и въ обстановкѣ его. Мы уже говорили въ упомянутой выше статьѣ «Замѣчательное десятилѣтіе» о внезапномъ арестѣ, постигшемъ его за статью о Гоголѣ. Замѣчательно, что самъ онъ отзывался всю жизнь о событіи безъ малѣйшаго признака злобы, безъ чувства оскорбленной личности, почти равнодушно. Да и были причины на то. Несмотря на суровое начало, арестъ въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи принесъ ему не мало добра, обнаруживъ общія симпатіи къ его лицу, давъ возможность создать одну крупную вещь — рассказъ «Муму» — и главное, открывъ ему, что онъ и продиктовать былъ безъ раздраженія и ненависти, какъ простая полицейская мѣра для обузданія и приниженія писателей, не разъ упогреблявшаяся и прежде, относительно журналистовъ и цензоровъ. Гораздо хуже

ареста была послѣдовавшая за нимъ административная высылка въ деревню, безъ права выѣзда изъ нея — во-первыхъ, потому, что она могла продолжаться неопредѣленное количество лѣтъ, а во-вторыхъ, потому, что Тургеневъ лишился возможности, имѣя къ тому всѣ нужныя средства, располагать собою. Стѣсненіе это раздражало его болѣе всего. Мы видѣли подложный паспортъ на имя какого-то мѣщанина, приобрѣтенный имъ гдѣ-то, и съ которымъ онъ явился однажды въ Москву, къ изумленію и ужасу своихъ пріателей. Не желая, однакожъ, рисковать всякій разъ дальнѣйшей своей судьбой, онъ жаловался въ Петербургъ и получилъ оттуда совѣтъ составить письмо съ просьбой объ освобожденіи (прилагался даже и образчикъ такого оффиціально-просительнаго письма, *съ признаніемъ своей вины*). Тургеневъ послѣдовалъ этому совѣту и былъ возвращенъ въ слѣдующемъ 1853 году. Впослѣдствіи, при заключеніи парижскаго мира, старый князь Орловъ, бывшій начальникъ III Отдѣленія въ оное время, и семейству котораго Тургеневъ имѣлъ случай оказать услугу, дружески знакомясь съ нимъ и цѣлуя его въ лобъ, примолвилъ: «Кажется, вы не имѣете причинъ сердиться на меня». Дѣйствительно — никто не сердился, начиная съ потерпѣвшаго, на событіе. Развѣ можно сердиться на установившіеся, нравы и обычаи, противъ которыхъ не слышится и протеста общественной совѣсти?

Наканунѣ постигшей его катастрофы, Тургеневъ сдѣлалъ еще одно доброе дѣло. Пользуясь дружескими отношеніями съ редакторами «Современника», онъ ввелъ въ кругъ петербургскихъ литераторовъ сотрудниковъ журнала «Москвитянинъ», показавъ примѣръ терпимости и безпристрастія, довольно рѣдкій въ то время. (См. мою статью о А. Ѳ. Писемскомъ: «Художникъ и простой человѣкъ», въ «Вѣстникѣ Европы», 1882, апр.).

Между тѣмъ, года шли и приносили тѣ плоды, сѣмена которыхъ давно въ нихъ были заложены. Разразилась свирѣпая война между нами и Турціей и англо-французскими ея союзниками въ виду Европы, приготовляющейся къ коалиціи... Война перешла уже на нашу почву, обложила Севастополь и стучалась въ Кронштадтъ; готовились большія приготовленія къ отпору, предвидѣлись новыя жертвы и новыя напряженныя усилія отвѣчать нуждамъ минутой, безъ особой надежды на успѣхъ. Мы всѣ жили, какъ бы притаившись, чувствуя истинно, что времена серьезны въ высшей степени, и не питая радужныхъ надеждъ на перемѣну обстоятельствъ. Лѣтомъ 1854 г. Тургеневъ поселился на дачѣ, по петергофской дорогѣ, не далеко отъ О. А. Т*, которая съ отцомъ и теткой жила въ самомъ Петер-

гофъ. Общество этой чрезвычайно умной и доброй дѣвушки сдѣлалось для него необходимою...

Однажды и уже по зимѣ слѣдующаго 1855 года, зашедеъ къ нему на квартиру, я узналъ, къ великому моему удовольствію, что въ задней ея комнатѣ спитъ прїѣзжій изъ арміи молодой артиллерійскій офицеръ графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Публикѣ было уже извѣстно это имя, а литераторы превозносили его въ одинъ голосъ. Левъ Толстой выслалъ въ «Современникъ» первый свой рассказъ «Дѣтство и Отрочество», поразившій всѣхъ поэтическимъ реализмомъ своимъ и картиной провинціальной семьи, гордо живущей со своими недостатками и ограниченностью, какъ явленіе вполне самостоятельное и непререкаемое. Онъ готовилъ еще и многое другое. Будучи сосѣдомъ Толстого по деревнѣ и движимый своимъ неутомимымъ демономъ любопытства и участія, Тургеневъ пригласилъ его къ себѣ. Но Л. Н. Толстой былъ очень оригинальный умъ, съ которымъ надо было осторожно обращаться. Онъ искалъ поясненія всѣхъ явленій жизни и всѣхъ вопросовъ совѣсти въ себѣ самомъ, не зная и не желая знать ни эстетическихъ, ни философскихъ ихъ поясненій, не признавая никакихъ традицій, ни историческихъ, ни теоретическихъ, и полагая, что онъ выдуманы нарочно людьми для самообольщенія или для обольщенія другихъ. Какъ курьезъ, возвращеніе это еще могло поддерживаться при громадномъ образованіи и большой начитанности, но гр. Толстой не гонялся за курьезами. То былъ сектантскій умъ по преимуществу, очень логическій, когда касалось выводовъ, но покорявшійся только вдохновенному слову, сказавшемуся, неизвѣстно какъ, въ глубинѣ его души. Поэтому столь же интересно было слѣдить за его мнѣніемъ, всегда новымъ и неожиданнымъ, сколько и за происхожденіемъ этого мнѣнія. Нерѣдко встрѣчались у него приговоры, поражающіе своимъ ультра-радикальнымъ характеромъ. Такъ, Шекспировскаго короля Лира онъ считалъ нелѣпостью, за неправдоподобіе сказки, лежащей въ основаніи трагедіи, и въ то же время всѣ симпатіи его принадлежали пьяному артисту-нѣмцу, котораго встрѣтилъ въ публичномъ домѣ и сдѣлалъ героемъ одной изъ повѣстей своихъ. Въ Тургеневѣ онъ распозналъ многосторонній умъ и склонность къ эффекту—послѣднее особенно раздражало его, такъ какъ исканіе жизненной правды и простоты и *здравомысленности* существованія составляло и тогда идеалъ въ его мысляхъ. Онъ находилъ подтвержденіе своего мнѣнія о Тургеневѣ даже въ фیزیологическихъ его особенностяхъ, и утверждалъ, наприкладъ, что онъ имѣетъ фразистыя лашки. Вызывающій тонъ и

холодное презрѣніе, которыя онъ выказывалъ передъ Тургеневымъ, даже и тогда, когда тотъ успѣлъ уже отдѣлаться отъ многихъ увлеченій своей молодости, заставляли ожидать разрыва и катастрофы, которые и явились. Уже въ 60-хъ годахъ, находясь въ гостяхъ, въ селѣ Спасскомъ, Толстой сдѣлалъ презрительное и ѣдкое замѣчаніе объ опытахъ воспитанія, которымъ Тургеневъ подвергаетъ свою дочь, увезенную имъ за границу, и окончательно вывелъ изъ себя терпѣливаго хозяина, отвѣчавшаго ему грубостью. Послѣдствіемъ было назначеніе дуэли, не состоявшейся за отказомъ Толстого. За нѣсколько лѣтъ до кончины Тургенева, Толстой, вѣроятно, очнувшись отъ своихъ предубѣжденій противъ стараго друга, въ виду общаго уваженія, которое тотъ приобрѣлъ, обратился къ нему съ трогательной просьбой, забыть прошлое и возстановить ихъ прежнія дружескія отношенія, на что Тургеневъ, пораженный этимъ актомъ мужественнаго великодушія, отвѣчалъ не только полной готовностью на сдѣлку, но пріѣхалъ самъ въ нему въ деревню протянуть руку примиренія, которое имъ обоимъ дѣлало великую честь.

И пора была. Не говоря уже о томъ, что страннымъ казалось видѣть корифеевъ русской литературы, такъ связанныхъ всѣмъ своимъ прошлымъ, во враждѣ другъ съ другомъ; но Тургеневъ оставался еще жаркимъ поклонникомъ Толстого во все время ссоры. Онъ признавалъ въ немъ, кромѣ качествъ примѣрнаго товарища и честнѣйшей души, еще человѣка инициативы, почина, способнаго выдержать до конца любое предпріятіе, которому посвятилъ себя, лишь бы только не пропадала у него вѣра въ достоинство начатаго дѣла. О литературныхъ трудахъ Толстого и толковать нечего: Тургеневъ былъ однимъ изъ его панегиристовъ. Онъ говорилъ во всеуслышаніе, что изъ всѣхъ русскихъ романистовъ, не исключая и его самого—первое мѣсто должно принадлежать графу Л. Н. Толстому за его способность пронивать въ сущность характеровъ, историческихъ событій и цѣлыхъ эпохъ, какой не обладаетъ ни одинъ изъ существующихъ нынѣ писателей.

Приближалось однако время общественныхъ, въ прямомъ смыслѣ слова, романовъ и для Тургенева, превратившихъ его въ политическаго дѣятеля. Оно началось съ появленія повѣсти: «Рудинъ», въ 1856 г. Это еще не былъ тотъ полный шедевръ, какимъ оказались впоследствии «Дворянское Гнѣздо», «Отцы и Дѣти», «Новь», но романъ уже заключалъ въ себѣ данныя, которыя такъ блестяще развились съ годами. Впечатлѣніе, произведенное имъ, мало уступало тому, какое сопровождало появленіе «Хора и Калиныча»; романъ можетъ считаться крупнымъ торжествомъ

автора, хотя журналистика отнеслась къ нему очень сдержанно. Впервые является тутъ почти историческое лицо, давно занимавшее какъ самого автора, такъ и русское общество, своимъ смѣло-отрицательнымъ, пропагандирующимъ характеромъ, и является, какъ несостоятельная личность въ дѣлахъ общежитія, въ столкновенияхъ рефлектирующей своей природы съ реальнымъ домашнимъ событіемъ. Романъ былъ погребальнымъ вѣнкомъ на гробъ всѣхъ старыхъ разсказовъ Тургенева о тѣхъ абстрактныхъ русскихъ натурахъ, устранившихся и пассивирующихся передъ явлениями, ими же и вызванными на свѣтъ—съ тѣхъ поръ они уже болѣе не производились имъ. И понятно почему—послѣдній, прощальный вѣнокъ сплетался изъ качествъ человѣка, завѣдомо могущественнаго по уму и способностямъ: послѣ этого нечего было прибавлять болѣе. Нѣкоторые органы журналистики, оскорбленные униженіемъ героя, объясняли это униженіе негодованіемъ автора на человѣка, который бралъ деньги въ займы и не отдавалъ ихъ, но это было объясненіе не вѣрное. Публика поняла повѣсть иначе и правильнѣе. Она увидала въ ней разоблаченіе одного изъ свойствъ у передовыхъ людей той эпохи, которая не могла же, въ долгомъ своемъ теченіи, не надорвать ихъ силы и не сдѣлать ихъ тѣмъ, чѣмъ они явились, когда выступили, по своему произволу, на арену дѣйствія. Выразителемъ этого мнѣнія сдѣлался извѣстный О. И. Сенковскій. Онъ написалъ восторженное письмо къ г. Старчевскому о Рудинѣ, которое тотъ и поспѣшилъ сообщить Тургеневу. Въ письмѣ Сенковскій замѣчалъ, что авторъ обнаружилъ признаки руководящаго пера, указывающаго новыя дороги, о чемъ онъ, Сенковскій, имѣетъ право судить, потому что самъ былъ такимъ руководящимъ перомъ и безъ *проклятаго* (выраженіе письма) цензора Пейкера, испортившаго его карьеру, можетъ стать и выдержалъ бы свое призваніе. Въ Рудинѣ Сенковскій находилъ множество вещей, не выговоренныхъ романомъ, но видимыхъ глазу читателя подъ прозрачными волнами, въ которыхъ онъ движется. Политическое и общественное значеніе повѣсти открывается во всѣхъ ея частяхъ и притомъ съ такой ясностію и вѣстѣ съ такимъ приличіемъ, что не допускаетъ ни упрека въ утайкѣ, ни обвиненія въ злостныхъ нападкахъ. Сенковскій сулилъ большую будущность автору повѣсти и былъ въ этомъ случаѣ не фальшивымъ пророкомъ, какъ часто съ нимъ случалось прежде.

Между тѣмъ, молодость Тургенева уже прошла. Ему предстояло еще около 30 лѣтъ обширной дѣятельности, но тѣмъ же ветхимъ человѣкомъ, какимъ его знали въ эпоху появленія «Па-

раши», онъ оставаться не могъ. Еще прежде Рудина онъ почувствовалъ самъ роль, которая выпала ему на долю въ отечествѣ — служить зеркаломъ, въ которомъ отражаются здоровыя и болѣзненные черты родины; но для этого необходимо было держать зеркало въ надлежащей чистотѣ. Всякое человѣческое начинаніе имѣетъ свой пунктъ отправленія, который и указать можно; только одно дѣйствіе времени не имѣетъ такого пункта — оно мгновенно обнаруживаетъ во всей полнотѣ и цѣльности явленіе, которое готовилось въ его нѣдрахъ долго и невидимо для людскаго глаза. Нѣчто подобное такому дѣйствию времени случилось и съ Тургеневымъ: только съ эпохи появленія Рудина обнаружилось, что онъ уже давно работаетъ надъ собою. Порывы фантазіи, жажда говора вокругъ его имени, безграничная свобода языка и поступка — все приходило въ немъ или складывалось на нашихъ глазахъ въ равновѣсіе. Ни одному изъ опасныхъ элементовъ своей психической природы онъ уже не позволялъ, какъ бывало прежде, вырваться стремительно наружу и потопить на время, въ мутной волнѣ своей, лучшія качества его ума и сердца. Можетъ быть, это было произведеніе годовъ, пережитыхъ Тургеневымъ, можетъ быть, пріобрѣтенный опытъ и воля дѣйствовали при этомъ механически, безотчетно, въ силу одного своего тяготѣнія къ добру и истинѣ. Какъ бы то ни было — преобразование Тургенева свершилось безъ труда и само собой: ему не предстояло никакой работы для выбора новыхъ матеріаловъ морали и постройки изъ нихъ своего созерцанія, никакихъ аскетическихъ элементовъ для замѣны старыхъ вѣрованій, ничего, что могло бы коверкать его природу и насиловать его способности. Оно произошло просто и натурально, благодаря одному наблюденію за собою и упраздненію того потворства дурнымъ инстинктамъ, которое вошло у него въ привычку. Лучшіе матеріалы для реформы лежали съ дѣтства въ немъ самомъ, лучшія вѣрованія жили съ нимъ отъ рожденія: стоило только ихъ высвободить отъ помѣхъ и узъ, наложенныхъ невниманіемъ къ самому себѣ. Но за то съ тѣхъ поръ, какъ возсіяла для Тургенева звѣзда самообразованія и самовоспитанія, онъ шелъ за ней неуклонно въ теченіе 30 лѣтъ, повѣряя себя ежедневно, и достигъ того, что на могилѣ его сошлось цѣлое поколѣніе со словами умиленія и благодарности, какъ къ писателю и *человѣку*. Не въ правѣ ли были мы сказать, что рѣдкіе изъ людей выказали болѣе выдержки въ характерѣ, чѣмъ онъ?...

П. Анненковъ.

Дрезденъ.—Декабрь, 1883.

НАША СЕМЬЯ

И

ЕЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ.

О Ч Е Р К И.

О к о н ч а н і е.

VI ¹⁾).

Въ то время какъ свѣтскость или людскость сильно развивалась въ нашихъ дворянскихъ семьяхъ и смягчала нравы въ отношеніяхъ между дѣтьми и родителями, русское законодательство въ этихъ семейныхъ вопросахъ не сдѣлало никакихъ перемѣнъ и смягченій и продолжало судить всѣ семейныя столкновенія по уложенію царя Алексѣя Михайловича. Только въ 1802 году сенатъ пришелъ въ недоумѣніе, разсуждая объ одномъ дѣлѣ, въ которомъ, согласно съ уложеніемъ, назначалось дочери строгое наказаніе за неповиновеніе матери; но дочь была замужняя, и по тому же уложенію обязана была во всемъ повиноваться волѣ мужа, а за непослушаніе также подвергалась не менѣе строгому наказанію. Въ данномъ случаѣ воля матери и воля мужа оказались въ совершенномъ противорѣчій: бѣдной женщинѣ не было никакого спасенія отъ суда и наказанія. Сенатъ въ общемъ собра-

¹⁾ См. выше: январь, стр. 16.

ни призналъ противорѣчіе и высказалъ такое мнѣніе: «хотя весьма справедливо, что дочь, оставившая домъ свой и прилѣпившаяся къ мужу, не можетъ уже быть подвержена повиновенію родителей въ такой же мѣрѣ, какъ другія дѣти, при родителяхъ еще пребывающія, поелику одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковыя суть родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, а особливо въ случаѣ могущей быть между изволеніями ихъ противоположности; но законы (существующіе), почтеніе и повиновеніе къ родителямъ предписующіе, не только никакихъ границъ ихъ власти, ни различія между дѣтей отдѣленныхъ съ неотдѣленными не предполагаютъ, но опредѣляютъ за неисполненіе оныхъ жестокое дѣтямъ наказаніе даже *безъ суда*». Чтобы выдти изъ такого противорѣчія, сенатъ постановилъ передавать подобныя дѣла совѣстнымъ судамъ, «гдѣ правосудіе, соединенное съ благотворительностью, свободѣе силу закона съ возможностью случая сообразить можетъ». При этомъ предписывалось: «осужденіе лицъ дворянскаго и чиновнаго достоинства черезъ сенатъ представлять на высочайшее благоусмотрѣніе» ¹⁾.

Совѣстные суды имѣли болѣе свободы въ справедливомъ разрѣшеніи всѣхъ семейныхъ несогласій; поѣтому, пользуясь изданнымъ въ 1802 году закономъ, къ нимъ стали обращаться во всѣхъ случаяхъ столкновенія родителей съ дѣтьми, такъ что въ 1809 году сенатъ нашелъ нужнымъ подтвердить старые законы уложенія, касающіеся силы родительской власти, съ поясненіемъ, что совѣстнымъ судамъ принадлежитъ сужденіе дѣлъ объ однихъ только замужнихъ дочеряхъ, выходящихъ изъ повиновенія родителей, а не вообще обо всѣхъ дѣтяхъ» ²⁾.

Въ то время, какъ наше законодательство силилось удержать русскую семью на старинныхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, наша дворянская и чиновничья семья далеко отошла отъ нихъ, сляясь усвоить себѣ понятія, вырабатываемыя западнымъ образованіемъ. Это усвоеніе шло путемъ ложнымъ, черезъ наемныхъ иностранцевъ, часто вовсе необразованныхъ, которые воспитывали какихъ-то неодушевленныхъ космополитовъ, и имѣли на семью растлѣвающее нравственное вліяніе, подрывая всякое уваженіе къ родной землѣ. Въ особенности же вліяніе этихъ воспитателей было сильно въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, когда французскіе эмигранты толпами являлись въ Рос-

¹⁾ Полн. собр. зак. рос. имп., т. XXVII, № 20.519.

²⁾ Тамъ же, т. XXX, № 28.960.

сію, предлагая свои воспитательныя услуги. Это уже не были какіе-нибудь парикмахеры или гулящіе дезертеры; это были люди по большей части съ дворянскими именами, болѣе или менѣе образованные, и притомъ ненавистники республиканскихъ идей. Русскимъ дворянскимъ семьямъ было лестно принимать ихъ въ свою среду въ качествѣ воспитателей; а сильный наплывъ ихъ далъ возможность не только въ столичныхъ, но и въ отдаленныхъ помѣщичьихъ семьяхъ заводить французами. А между тѣмъ воспитаніе русской семьи ничего отъ этого не выиграло: она потеряла всякіе воспитательные принципы и послужила къ нравственному разслабленію. До какой степени оно стало сильно въ русскихъ аристократическихъ семьяхъ—доказываетъ успѣхъ іезуитовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, въ то время какъ они были осуждены папскою буллою, уничтожены какъ общество и изгнаны изъ всѣхъ даже католическихъ земель. Въ православной же Россіи они нашли себѣ не только пріютъ, но и возможность не оставаться безъ дѣла, благодаря почвѣ, подготовленной воспитаніемъ русской семьи, которая уже не могла найти въ себѣ силы для надлежащаго отпора. Конечно, въ исторіи іезуитовъ было записано, какъ они олатинивали и ополячивали русскихъ князей XVI и XVII стол. въ юго-западномъ русскомъ краѣ; не могли они отказаться и теперь отъ подобныхъ же попытокъ.

Вотъ какія страницы читаемъ мы въ книгѣ Морощкина, «Іезуиты въ Россіи»: «При императорѣ Павлѣ I латиняне старались распространить слухъ, что между православіемъ и латинствомъ нѣтъ существеннаго различія, а іезуиты утверждали и внушали вліятельнымъ лицамъ при русскомъ правительствѣ, что латинство есть единственное христіанское исповѣданіе, поддерживающее начало монархическое, воспитывающее народы въ чувствахъ безпрекословной покорности властямъ, въ правилахъ нравственности и благочестія. Мысли эти, при ревностномъ усердіи разныхъ эмигрантовъ изъ Франціи и Италіи, разныхъ кавалеровъ мальтійскаго ордена, а преимущественно іезуитовъ, все болѣе и болѣе распространялись въ царствованіе императора Павла между русскою знатію и обобщались. Чѣмъ сильнѣе усвоились эти идеи русскою вліятельною средою, тѣмъ легче стали смотрѣть на переходы русскихъ въ латинство, тѣмъ съ большимъ безстрашіемъ и смѣлостью дѣйствовала въ царствованіе Павла I латинская пропаганда. До какой степени духъ латинства проникъ въ это время въ среду русской знати, до какой степени іезуиты успѣли обработать ее въ своихъ видахъ, это открывается изъ письма къ папѣ папскаго нунція при дворѣ Павла, кардинала

Литты, который ходатайство свое передъ папою о восстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи мотивировалъ тѣмъ, что это есть жславіе императора русскаго и *русскаго дворянства*. Литта, по своему положенію и своимъ отношеніямъ къ тогдашнему русскому обществу, не могъ не знать духа и настроенія этого общества, онъ могъ писать такого рода письма, только хорошо пощупавши пульсъ русской знати и вѣрно узнавши, какъ онъ у ней бьется... Дѣйствительно мы имѣемъ уже положительныя и прямыя свидѣтельства изъ этой эпохи о совершившихся совращеніяхъ русскихъ въ латинство. Лица этого рода принадлежали преимущественно знатымъ русскимъ фамиліямъ, именно къ фамиліи Васильчиковыхъ, Голицыныхъ, Шуваловыхъ, Протасовыхъ и другихъ. Первою жертвою совращенія въ латинство въ царствованіе Павла I была княгиня Александра Петровна Голицына, жена шталмейстера и сенатора, урожденная Протасова. Время совращенія ея, по словамъ Свѣчной и по свидѣтельству дочери ея, относится къ 1800 г. Лишившись въ этомъ году своего мужа, она стала искать въ религіи утѣшенія себѣ въ горѣ, но это религиозное утѣшеніе явилось ей не подъ формой православія, а латинства... Исключительное положеніе Голицыной—состояніе вдовства—доставило благовидный предлогъ іезуиту приступить къ ней съ предложеніемъ своихъ услугъ религиознаго утѣшенія, а особенности положенія вообще фамиліи Голицыныхъ внушили ему вѣрныя надежды на успѣхъ совращенія не только одной вдовы Голицыной, но и многихъ членовъ этого рода, даже многихъ другихъ знатныхъ русскихъ домовъ...

«Одинъ изъ Голицыныхъ, женившійся на преданной до фанатизма іезуитамъ, графинѣ Шметтау, спокойно позволялъ женѣ своей совращать дѣтей своихъ въ латинство; не вѣруя самъ въ Бога, онъ равнодушно терпѣлъ іезуитовъ въ своемъ домѣ и позволялъ имъ воспитывать дѣтей его въ правилахъ латинства... За совращеніемъ въ латинство Александры Голицыной, быстро послѣдовало отступничество отъ православія ея сестеръ, графини Растопчиной, графини Протасовой, Васильчиковой, графини Толстой, Шуваловой, Головиной, не говоря уже о совращеніи ея дѣтей своихъ и другихъ ближайшихъ родственниковъ. Такимъ образомъ, латинская пропаганда, какъ повѣтріе, быстро понеслась по нашимъ знатымъ домамъ» ¹⁾...

Съ другой стороны, наши богатые дворянскія семьи, не имѣя аснаго понятія о настоящемъ воспитаніи и въ то же время

¹⁾ Іезуиты въ Россіи, М. Морозкина, ч. I, стр. 492—98.

заботясь о блестящемъ воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, сами отдавали ихъ въ руки іезуитамъ, которые, конечно, по своему воспитывали русское юношество. Первый починъ былъ сдѣланъ французскимъ аббатомъ-іезуитомъ Николемъ, котораго привезъ съ собою въ Россію, еще при имп. Екатеринѣ II, извѣстный эмигрантъ графъ Шуазель, въ качествѣ воспитателя своихъ дѣтей. Графъ расхваливалъ его всѣмъ, какъ отличнаго воспитателя. Русскія барыни, очарованныя аббатовою рѣчью, стали за нимъ ухаживать и плѣнились мыслью открыть въ Петербургѣ французскій пансіонъ подъ главнымъ управленіемъ аббата Николая. И вотъ на Фонтанѣ у Обухова моста явился аристократическій пансіонъ, куда положено было принимать только однихъ сыновей вельможъ за страшно-дорогую плату. И охотниковъ нашлось много: Юсуповы, Голицыны, Орловы, Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, Плещеевы, Бенкендорфы, Волконскіе, Полторацкіе, Дмитріевы и длинный рядъ боярскихъ сыновей, которые перерабатывались умѣлою рукою изъ сыновей Россіи въ сыновей Франціи, какъ ловко замѣчаетъ біографъ Николая. Въ сотрудники къ себѣ онъ пригласилъ другихъ опытныхъ французовъ-іезуитовъ; а отцы и матери не хвалились образцовыми методами воспитанія ¹⁾).

Николь подготовилъ почву для дальнѣйшихъ подвиговъ іезуитовъ въ русскомъ воспитательномъ дѣлѣ, въ которомъ главнымъ руководителемъ въ началѣ настоящаго столѣтія явился знаменитый іезуитъ Груберъ. Онъ умѣлъ не только оболгать и подчинять своему вліянію довѣрчивыхъ и полуобразованныхъ русскихъ вельможъ, но и обходить само правительство, которое уже послѣ многихъ лѣтъ, наконецъ, спохватилось, въ какія руки оно попало, и въ 1815 г. удалило іезуитовъ изъ обѣихъ столицъ, а вскорѣ за тѣмъ и совсѣмъ изгнало изъ русскихъ предѣловъ. Въ своемъ указѣ правительство, конечно, винило только однихъ іезуитовъ, а на русскія семьи смотрѣло какъ на несчастныя ихъ жертвы; «отцы и матери,—говорилось въ указѣ,—безбоязненно вѣрили имъ дѣтей своихъ для обученія наукъ и благонравія... Но они начали сдѣланную имъ довѣренность употреблять во зло: стали порученныхъ имъ юношей и нѣкоторыя лица изъ слабѣйшаго женскаго пола отвлекать отъ нашего и прельщать въ свое вѣроисповѣданіе, домогаться сдѣлать человека отпадшимъ отъ своей вѣры, погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ, отдѣлать его отъ духа отечества, посѣять раздоръ и вражду между

¹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 113, 114.

семействами, отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери, водворить несогласіе между чадами единыя церкви» ¹⁾...

Обвиняя во всемъ іезуитовъ, русское правительство не видѣло другихъ печальныхъ сторонъ этого дѣла. Что могли бы сдѣлать сами собою іезуиты, если бы не находили покровительства и поддержки во многихъ правительственныхъ лицахъ, между которыми одни были пришельцы-иностранцы, получившіе видныя служебныя мѣста и силу при дворѣ безъ всякихъ заслугъ, и сочувствовавшіе іезуитскимъ стремленіямъ; другіе же хотя были и русскіе, но люди продажныя, понимавшіе службу какъ источникъ наживы и связанные съ отечествомъ не какими-нибудь нравственными чувствами, а одними доходами, безъ всякаго разбора, законные они или нѣтъ. Бѣда, впрочемъ, была не въ томъ, что нѣсколько десятковъ вельможныхъ семей перешло въ латинство; они и безъ того не были бы родными сынами Россіи. Главное же, что въ этомъ легкомъ переходѣ отъ одного исповѣданія въ другому обнаружилось крайнее нравственное безсиліе русской семьи. Она не могла углубиться въ смыслъ истиннаго просвѣщенія Западной Европы, а въ погонѣ за нимъ потеряла всѣ свои старыя преданія и все то, что связываетъ семью съ родной землей. Ничего она не выработала кромѣ идеала свѣтскаго человѣка; но онъ не можетъ удовлетворять во всѣ минуты жизни; для многихъ минутъ въ запасъ не оказывалось ничего, что успокоивало бы душу. Въ этомъ случаѣ достаточно самаго ничтожнаго давленія, чтобы подчинить ее себѣ и направить куда угодно. Іезуитство представляло изъ себя *общество*, которому приписывались высшіе интересы жизни. Утомленные свѣтскою общественностью бросались въ это общество, потому что никакого другого не представлялось, или лучше сказать, никто другой не думалъ такъ настойчиво развивать прелесть какаго-либо общества. Іезуиты умѣли только пользоваться удобными случаями, хорошо понимая потребности души въ данныя минуты. Они исполняли, такъ сказать, свое назначеніе. И если ихъ пустили въ извѣстную среду, то ничего другого не могли они и дѣлать. Конечно, далеко не всѣ семьи они могли совратить, но все же нравственною слабостью отличалось большинство изъ нашихъ семей образованнаго круга.

¹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 516.

VIII.

Еще въ царствованіе Екатерины II естественное стремленіе нравственно развитыхъ людей къ общественной дѣятельности, не удовлетворяемое сухими и часто безжизненными формальностями чиновничьей службы, находило себѣ нѣкоторый исходъ въ масонскихъ собраніяхъ и въ разныхъ благотворительныхъ кружкахъ, между которыми видное мѣсто занимали дружеское общество и типографское товарищество Новикова и Шварца. Они думали направить общественныя силы на благотвореніе и на распространеніе въ массѣ истиннаго просвѣщенія, связавъ себя въ то же время съ семьею разработкою здравыхъ педагогическихъ началъ. Но представители идеи государственности, которая стремилась охватить всѣ стороны русской жизни, отнеслись слишкомъ ревниво къ дѣятельности этихъ кружковъ и видѣли въ нихъ какъ бы покушеніе умалить или даже подточить прочность государственной силы. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться этою новою живою силою въ выгодахъ государства и народа, они, напротивъ, сразу подавили ее и такъ запугали всѣхъ, что охотниковъ на подобную дѣятельность уже не могло найтись. Являлись и имѣли возможность существовать только спеціальныя ученые кружки подъ именемъ обществъ съ разными названіями. Но эти кружки могли вызывать къ дѣятельности только очень и очень немногихъ, и если они имѣютъ значеніе, то никакъ не въ исторіи нашихъ общественныхъ и семейныхъ идеаловъ.

Въ XIX столѣтіи романтическія стремленія дать въ жизни просторъ личному чувству, навѣянные нѣмецкою поэзіею, не находили себѣ удовлетворенія въ свѣтской общественности: тамъ господствовали ложь, притворство, мелкое тщеславіе; новые идеалы стали переноситься въ тихую семейную жизнь, которая могла представить лучшую обстановку для истиннаго счастья. Это и высказалъ романтикъ чистѣйшей крови, Жуковский. «Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейною жизнью, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ» ¹⁾, говоритъ онъ и доказываетъ, что свѣтское общество существуетъ не для такихъ людей. Только въ этихъ двухъ сферахъ ему и представляется жизнь; въ инныя онъ и не заглядываетъ, потому что русская дѣйствительность не представляла никакой другой сферы для развитія идеаловъ. Правда, онъ упоминаетъ о честной службѣ

¹⁾ См. его разсужденіе: „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“?

отечеству, объ обязанностяхъ быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но все это является въ какомъ-то туманѣ, не ясно, неопредѣленно и все по-неволѣ сводится къ чиновничьей службѣ, въ которой счастливыцы выплываютъ и награждаются вниманіемъ свѣта, а прочіе тонуть безслѣдно; тамъ представляется міръ какой-то темный, неизслѣдованный, міръ безъ идеаловъ, слѣдовательно тамъ нечего и искать прямо добраго и счастливаго человѣка. Не разъ употребляетъ поэтъ и слово «гражданинъ», но тоже съ неяснымъ понятіемъ, которое легко можетъ смѣшаться съ словомъ «чиновникъ». Отношенія семьи къ этому міру у него не выясняются, тогда какъ семья и свѣтское общество поставлены въ отношенія, вполне опредѣленные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и едва ли возможны: между ними является какъ бы полный разрывъ. Свѣтское общество—для людей тщеславныхъ, честолюбивыхъ, вѣтреныхъ, ищущихъ блескъ своими вѣшними достоинствами; семья—для людей съ добрымъ сердцемъ, ищущихъ прочнаго истиннаго счастья. «Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, какимъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые, счастливыцы міра живутъ, отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга: они боятся вступить въ его святилище. Что принесутъ въ него они съ собою? Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное посреди удовольствій однообразныхъ, но сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной... Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь *опасной заразы разврата*: погонишься ли за блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ честныя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которая неразлучна съ семейственною жизнію?.. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и честный источникъ гражданскихъ добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, семьянинъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца, о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранить его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностью своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклониться отъ зла, когда онъ долженъ приходить

невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоценное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится въ одной и той же цѣли — въ счастье, основанному на совершенствѣ моральномъ, — который не узнаетъ его, унижившагося порокомъ, котораго довольный одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда? Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ *только посторонними*; главная дѣятельность его внутри семейства — мирная счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ него унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, испѣляетъ...

Какъ ни привлекательна эта романическая жизнь въ семейной сферѣ, но нужно признаться, что она скорѣе похожа на голубинное гнѣздо, чѣмъ на семейство нравственно-развитого человѣка, у него не оказывается никакихъ нравственныхъ связей съ остальнымъ міромъ, такъ какъ всѣ обязанности внѣ семейнаго круга почитаетъ онъ *посторонними*. Такимъ образомъ, любящая, нравственная и счастливая семья остается уединенною. Естественное стремленіе человѣка къ общественности остается или подавленнымъ, или неудовлетвореннымъ; значитъ, и чувство общественности останется безъ развитія, а его мѣсто непременно займетъ самый крайній семейный эгоизмъ. И вотъ прямо добрый и прямо счастливый человѣкъ въ то же время и грубый эгоистъ. Гдѣ же тутъ основанія для нравственности? Но кромѣ того, поэтъ, увлекаясь своимъ идеаломъ семьянина, забываетъ или обходитъ самыя главныя семейныя его обязанности — воспитаніе дѣтей. Для чего, для какой жизни онъ будетъ ихъ воспитывать? Неужели также для того же голубиннаго гнѣзда? Конечно, мы можемъ ожидать отвѣта: воспитывать на службу отечеству, чтобы быть хорошимъ гражданиномъ, такъ какъ эти прекрасныя слова онъ не разъ употребляетъ въ своемъ разсужденіи. Но вѣдь для такого дѣла, если съ самыми словами соединять надлежащія понятія, нельзя быть человѣкомъ съ подавленными общественными стремленіями, безъ чувства общественности, эгоистомъ, живущимъ только для собственнаго счастья, который почитаетъ всѣ обязанности внѣ семейнаго круга *посторонними*, у котораго слѣдственно не можетъ быть никакого общественного идеала. Значитъ, ему нельзя будетъ по совѣсти выполнить и тѣ обязанности, которыя нашъ поэтъ навѣрно считаетъ священными.

Такимъ образомъ, русская дѣйствительность не давала поэту почвы для высшаго нравственнаго идеала въ связи съ вопросомъ о счастьи человѣка, — идеала, который бы связалъ всѣ семьи въ

одно общество, крѣпкое своею нравственною силою въ противуположность тому разслабленному свѣтскому обществу, отъ котораго во имя истинной нравственности онъ хотѣлъ оторвать семью. Но его прекрасный, на первый взглядъ, семейный идеалъ, какъ мы видѣли, не спасалъ отъ эгоизма, для развитія котораго было достаточно оснований и въ дѣйствительной русской жизни.

Такой идеалъ не удовлетворялъ русскихъ людей нравственно развитыхъ и съ дѣятельнымъ умомъ, которые въ молодые годы искали не наслажденій въ замкнутой семейной жизни, а живой и плодотворной дѣятельности. Не находя ее въ жизни свѣтскаго общества, они не могли мириться и съ его идеалами, не могли подчиняться его мнѣніямъ и стали чувствовать прежде всего въ самихъ себѣ пустоту, которую напрасно старались чѣмъ-нибудь наполнить. Стоитъ только прочесть біографіи нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ личностей, воспитавшихся въ первой четверти настоящаго столѣтія, чтобы видѣть до какого тяжелаго душевнаго настроенія доходили они въ сознаніи своего безсилія внести въ жизнь болѣе высокіе общественные идеалы въ связи съ исканіемъ личнаго труда на общую пользу. Такъ томилась и Батюшковъ, и Грибоѣдовъ, доходя до отрицанія въ себѣ всякаго таланта, до бояливаго сознанія бесполезности собственнаго существованія, до признанія себя за лишнихъ людей въ общей жизни, и наконецъ даже до мысли о самоубійствѣ. Такимъ людямъ было дѣйствительно «горе отъ ума», потому что развитой ихъ умъ не могъ мириться съ тѣми понятіями и стремленіями, которыя господствовали въ обществѣ, а осуждая ихъ, приносилъ лишь одно горе. Комедія Грибоѣдова живо рисуетъ намъ отношеніе русской чиновной семьи, сложившейся на тѣхъ основаніяхъ, на которыя мы уже указывали, къ той силѣ, которая называлась общественною силою, представляетъ и тотъ существенный разладъ, который впервые сталъ выказываться между старымъ поколѣніемъ и лучшими представителями поколѣнія новаго, пока еще составившими очень маленькій кружокъ. Разладъ былъ не въ томъ, что одни были ученѣе другихъ: ученость была не велика и у старыхъ, и у молодыхъ; но понятія, на которыхъ крѣпится жизнь, которыя переходятъ въ совѣсть, были совсѣмъ не соединимы. Но тутъ разладъ вышелъ еще не въ семьѣ, не между отцами и дѣтьми, а между кружкомъ образованной молодежи съ новыми европейскими идеалами и свѣтскимъ обществомъ, которое воображало, что оно составляетъ и государственную силу, крѣпко держась за крѣпостное право, и за табель о рангахъ. И оно дѣйствительно было страшною силою уже по тому

одному, что отъ его оцѣнки зависѣла судьба человѣка и всѣ его выгоды въ жизни, а оно оцѣнивало по своимъ свѣтскимъ идеаламъ. Если «свѣтъ» рѣшить, что молодой человѣкъ «уменъ и очень милъ», то судьба его обезпечена даже и на служебномъ поприщѣ. Пушкинъ своимъ Евгеніемъ Онѣгиннымъ дополняетъ комедію Грибоѣдова. Оба эти произведенія служатъ прекрасной характеристикой для русской семьи и общества и ихъ отношеній между собою въ первой четверти настоящаго столѣтія. Самая жизнь нашего гениальнаго поэта подтверждаетъ тѣ выводы, которые вытекаютъ сами собою изъ его романа.

Русскій либерализмъ того времени главнымъ образомъ заключался въ протестъ противъ крѣпостного права, противъ чиновничьяго произвола и всѣхъ тѣхъ слѣдствій, которыя отсюда вытекали. Но несмотря на то, что почва его въ русской дѣйствительности была уже слишкомъ нетвердая и шаткая, молодые протестанты черезчуръ поторопились заявлять свое политическое значеніе... Какъ извѣстно, слѣдствіе для нихъ было крайне печальное. Волна быстро смыла ихъ и потопила. А затѣмъ настала другая эпоха въ историческомъ развитіи русской семьи. Государство окончательно признало ее неспособною воспитывать дѣтей въ тѣхъ принципахъ, которые хотѣло положить въ основаніе русской жизни. Еще въ царствованіе императора Александра Павловича значительно было увеличено число казенныхъ воспитательныхъ заведеній, преимущественно военныхъ, и женскихъ институтовъ, куда привлекались дѣти изъ дворянскихъ семей. Въ слѣдующее царствованіе на нихъ было обращено особенное вниманіе: при каждой гимназій въ столицахъ и въ губернскихъ городахъ заводились пансіоны, гдѣ даромъ или сравнительно за небольшую плату дѣти получали воспитаніе вѣсть съ спеціальнымъ образованіемъ для какой-либо определенной государственной службы. Выгода для семьи была привлекательная. Воспитаніе дѣтей съ десятилѣтнаго возраста почти ничего не стоило, да кромѣ того обезпечивало и будущую карьеру, въ особенности же въ военныхъ корпусахъ. И вотъ со всѣхъ сторонъ русской земли стали свозить дѣтей въ извѣстные центры на казенное воспитаніе. Въ исторіи русской семьи нельзя обойти этого факта: онъ остался не безъ вліянія на ея духъ. Нѣтъ сомнѣнія, что удаленіе отъ семьи въ раннемъ возрастѣ не могло способствовать сближенію между родителями и дѣтьми, не могло развить въ нихъ откровенности и скрѣпить ихъ прочными нравственными узами. Семья уже терала значеніе въ воспитаніи; значитъ, наполовину терала и ту нравственную силу, которая

должна въ ней заключаться: съ нея снималась отвѣтственность за будущаго члена общества, а съ этимъ вмѣстѣ ослаблялись и заботы о томъ, чтобы выяснить себѣ идею воспитанія и предлагать ее къ дѣлу. Все равно—какъ ни воспитывай, въ казенномъ заведеніи вышколятъ по своему, и тебя не спросятъ! Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло являться никакихъ воспитательныхъ идеаловъ; ребенка до десяти лѣтъ вскармливали по традиціямъ старыхъ нянекъ и выращивали подъ впечатлѣніями крѣпостного права и затѣмъ передавали въ полное распоряженіе казеннаго заведенія, уступая ему всѣ свои родительскія права. Очень естественно, что русская семья не выучилась воспитывать дѣтей и не могла привлекать ихъ въ тѣсный союзъ съ собою.

Казенныя заведенія съ своей стороны смотрѣли на воспитаніе очень своеобразно: они не задавались никакими педагогическими задачами, которыя требовали знакомства съ человѣческой природой. Идеальная цѣль ихъ была приготовить чловека, проникнутаго самой строгой субординаціей безотвѣтнаго передъ начальствомъ, безъ разсужденій исполняющаго всѣ его распоряженія. Лучшимъ средствомъ для такого воспитанія были признаны казарменная дисциплина, наружная выправка, а лучшими воспитателями являлись, конечно, военные люди, пріобывшіе выправлять солдатъ по военному регламенту, и при этомъ полное непониманіе дѣтской натуры, самыя неясныя и сбивчивыя понятія о нравственности. Идеальнымъ заведеніемъ считалось такое, которое поражало блестящей чистотой, внѣшнимъ порядкомъ, веселіемъ, хотя бы и притворнымъ видомъ воспитанниковъ и числомъ строгихъ командировъ. Идеальнымъ воспитателемъ являлся тотъ, кто не давалъ дѣтямъ никакой потачки, требовалъ отъ нихъ совершенства съ первыхъ же дней въ заведеніи, и умѣлъ ихъ застрашивать и обезличивать. Идеальнымъ воспитанникомъ аттестовался такой, который легко позволилъ сломить свою природу, сдѣлать изъ себя послушную машину, и который при этомъ прилежно выучивалъ всѣ задаваемые уроки, даже не задумываясь надъ тѣмъ, для чего они ему задаются. И какъ калѣчились всѣ эти дѣтскія натуры, какая безнравственность царяла за той блестящей внѣшностью, объ этомъ свидѣтельствуютъ воспоминанія тѣхъ, которые прошли эту воспитательную школу. И за то какіе командиры, какіе помѣщики, какіе полицейскіе люди и чиновники выходили изъ этого воспитанія! Всѣ у нихъ ходили по струнѣ. Но только когда представлялась надобность дѣйствительная въ людяхъ, умѣющихъ

здорово разсуждать или дѣйствовать по собственнымъ соображеніямъ и по собственному почину, или оказывать свое нравственное вліяніе на другихъ, въ особенности же на молодежь—они явились совершенно несостоятельными и какъ военные люди, и какъ чиновники, и какъ помѣщики, и какъ отцы семейства. Они стали ссылаться на то, что разсуждать ихъ никогда и не учили, что никакого почина отъ нихъ никогда и ни въ чемъ не требовали, что они понимаютъ только вліяніе угрозы, страха и физической расправы.

Такъ воспиталось цѣлое поколѣніе дворянъ и произвело другое поколѣніе въ брачномъ союзѣ съ бывшими воспитанницами женскихъ казенныхъ заведеній, откуда они выносили особенные идеалы благородныхъ барышень и барынь и вносили ихъ въ семью съ тѣмъ же понятіемъ объ образованіи, какое у насъ выработалось еще въ прошедшемъ столѣтіи,—его можно назвать русскимъ дворянскимъ образованіемъ, хотя оно уже давно стало распространяться и за предѣлы дворянскихъ семей, за которыми обыкновенно тянулись и другія сословія;—образование, а иные говорятъ, и воспитаніе русской женщины должно заключаться только въ умѣнны говорить на иностранныхъ языкахъ, въ особенности же на французскомъ; имъ должно быть принесено въ жертву все остальное; а о чемъ говорить, какія понятія высказывать, это все равно, хотя бы выходили дрессированныя говорящія птицы. И много такихъ «птицъ» сдѣлалось матерями семействъ, и въ союзѣ съ разными отставными и служащими командирами и чиновниками стали воспитателями новаго поколѣнія на рубежѣ двухъ эпохъ русской жизни—крѣпостнической и преобразовательной.

Въ то время какъ деморализировалась дворянская семья съ разныхъ сторонъ, нарождались и новыя семьи, которыя черезъ государственную службу по табели о рангахъ примыкали къ тому же сословію. Родоначальники ихъ преимущественно въ провинціяхъ выходили изъ духовнаго званія, слѣдовательно были воспитаны подъ другими вліяніями, проходили курсъ духовныхъ семинарій, хотя въ большинствѣ случаевъ и не доходили до конца. Семейныя привязанности у нихъ также не могли развиваться, такъ какъ большинство въ школьный возрастъ принуждено было жить вдали отъ семей въ полной зависимости отъ суроваго семинарскаго начальства, которое и безъ педагогичности считало себя педагогами по призванію. Изъ числа ихъ, благодаря особому воспитанію, выходили твердые и настойчивые характеры, которые преуспѣвали въ государственной службѣ и иногда выбивались

на видныя мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли совершенствоваться и въ нравственномъ отношеніи; но большинство еще на семинарской скамейкѣ обыкновенно дружило съ штофомъ, который и сопутствовалъ имъ во все теченіе ихъ жизни. Они составляли большинство провинціального чиновнаго міра, примыкавшаго съ одной стороны къ мелкому дворянству, съ другой — къ народной массѣ, на счетъ которой усердно кормились. Для характеристики этого круга у насъ подъ рукою есть книга ¹⁾, прочитанная, можетъ быть, очень не многими по безтолковому ея изложенію, но дающая нѣсколько интересныхъ фактовъ и описаній, живо рисующихъ жизнь провинціальныхъ семей и общества двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Ея авторъ, вышедшій изъ этой среды и впоследствии нѣсколько извѣстный въ чиновномъ мірѣ, В. А. Инсарскій, благодаря своей словоохотливости, наполняетъ ее воспоминаніями изъ разныхъ эпохъ своей жизни безъ всякаго разбора и порядка, что впрочемъ не мѣшаетъ чувствовать правдивость его рассказовъ. Хотя онъ и представляетъ только свою родную губернію, пензенскую, но едва ли чѣмъ она отличалась отъ другихъ губерній по образу жизни чиновничьяго міра. Въ этомъ случаѣ, кажется, можно безопасно сдѣлать обобщеніе, особенно на тѣ губерніи, гдѣ въ большомъ числѣ проживали помѣщики.

«Въ мое время,—говоритъ Инсарскій,—рѣдко можно было встрѣтить чиновнаго человѣка, который бы не былъ владѣльцемъ имѣнія, т.-е. помѣщикомъ. Дѣло естественное, что дворяне большею частію владѣли имѣніями. Не удивительно также, что чиновная аристократія приобрѣтала имѣнія. Удивительно то, что чиновная мелюга тоже покупала имѣнія и владѣла ими. Какой нибудь секретарь, столоначальникъ, протоколистъ изъ семинаристовъ, какъ только почувствуетъ въ своемъ карманѣ солидный остатокъ отъ нахапанныхъ кривдою и неправдою грошей, тотчасъ затѣваетъ купить имѣніе и благополучно покупаетъ, преимущественно на имя жены, въ томъ соображеніи, что замаранный тысячами бездѣлничества, подавляемый разными плутнями, имъ совершенными, онъ по справедливости долженъ ожидать постоянно, что не сегодня—завтра его по меньшей мѣрѣ выгонять изъ службы и упекутъ подъ судъ, а имѣніе отберутъ. На этотъ-то случай эти рыцари чести всегда приобрѣтали имѣнія и дома на имя жены. «Если самъ пропаду, думали они, справедливо ожидая

¹⁾ Половодье—картины провинціальной жизни, В. А. Инсарскаго. Спб. 1875 г.

каждый день суда и расправы, то по крайности дѣти будутъ имѣть кусокъ хлѣба». Провозглашая эти нѣжности, такого рода приобрѣтатели хорошо знали, что ихъ дѣточки, когда вырастутъ, будутъ также большими кровопійцами, и по примѣру папеньки сами съумѣютъ нахватать только въ болѣе еще размѣрѣ. Вообще, когда кто-нибудь покупалъ имѣніе или домъ на имя жены, можно было безошибочно заключить, что покупатель не чистый человѣкъ, что деньги, на которыя дѣлается покупка, имѣютъ гнуснѣйшій источникъ, и что у будущаго помѣщика и совѣсть не чиста, и сердце не спокойно. Какъ бы то ни было, но въ то время было удобно и возможно всякое приобрѣтеніе подобнаго рода. Если цѣлыя семьи живыхъ, но крѣпостныхъ людей раздирались, такъ сказать, на части: сынъ уводился въ одну часть земного шара, а дочь въ другую, съ надеждою никогда уже не свидѣться въ этомъ мірѣ, и все это цѣною самыхъ ничтожныхъ суммъ, во всякомъ случаѣ не превосходящихъ того размѣра, какой требовался при покупкѣ лошадей, собакъ, коровъ, то что же препятствовало подобному раздиранію имѣній, т.-е. земельныхъ единицъ? Откуда могла происходить и эта чудовищная мелкопомѣсть, и эта еще болѣе чудовищная черезполосность, которыя такъ характеристически знаменуютъ нашъ сельскій бытъ?.. Всѣ провинціальныя чиновники дѣлались помѣщиками, приобрѣтая части соотвѣтственно положенію ихъ кармана. Лѣтомъ, бывало, въ праздничный день городъ рѣшительно пустѣлъ; все разѣзжалось по своимъ имѣніямъ; оставалась одна шушера, самый низшій сортъ приказныхъ, которые думали уже не о приобрѣтеніи имѣній, а преимущественно о приобрѣтеніи полуштофа или косушки пѣнника... Былъ и другой, едва ли не болѣе простой способъ распространенія этой жалкой отрасли помѣщичьей. Онъ заключался въ томъ, что мало-мальски порядочный чиновникъ, когда задумывалъ жениться, рассчитывалъ «поять за себя» непременно дочь помѣщика, а вмѣстѣ съ нею и часть имѣнія сего помѣщика. Большею частью претензіи его направлялись именно въ тѣмъ помѣщикамъ, о происхожденіи которыхъ я говорилъ выше. При необыкновенномъ обиліи невѣстъ, постоянно господствовавшемъ въ быту этихъ маленькихъ помѣщичьихъ и при величайшей скудости въ провинціальныхъ сколько-нибудь порядочныхъ женихахъ сдѣлки заключались скоро и безпрепятственно, и родитель невѣсты изъ маленькаго имѣнія отдѣлялъ маленькую часть своему зятю. Хотя часть эта состояла изъ двухъ-трехъ дворовъ, но зять тоже становился помѣщикомъ и въ праздничный

день преважно отправлялся на крестьянскихъ влячахъ въ «свою деревню» ¹⁾...

А женились чиновники очень рано. «Тамъ,—говорить Инсарскій,—огромное значеніе имѣла не столько самая личность, какая бы свѣжая и красивая она ни была, сколько возрастъ, т.-е. числительный возрастъ, число лѣтъ по счету. Какъ въ двадцать лѣтъ тамъ мужчина обязанъ былъ непременно жениться, такъ въ сорокъ лѣтъ онъ обязанъ былъ имѣть солиднѣйшій видъ главы семейства и отца многочисленныхъ дѣтей разныхъ половъ и возрастовъ ²⁾... Вообще,—замѣчаетъ авторъ,—досадно было видѣть, какія прелести доставались часто туземнымъ обломамъ изъ чиновнаго міра, грубымъ, необразованнымъ и большею частію пьянымъ. Обиліе дѣвушекъ-невѣстъ, большею частію, красивыхъ и почти совершенное отсутствіе порядочныхъ жениховъ дѣлали такое явленіе естественнымъ и неизбѣжнымъ. Почтенное, большею частію, помѣщичье небогатое семейство воспитывало дочь въ одномъ изъ туземныхъ пансіоновъ и съ радостью отдавало ее за какого-нибудь дубоватаго протоколиста или столоначальника, на томъ единственно основаніи, что у этого крючкотворца, большею частію изъ семинаристовъ, есть домъ, выстроенный или купленный на взяточныя деньги... Еще болѣе досадно было видѣть, что какая-нибудь фея, образецъ стройности и изящества, попавъ въ медвѣжьи лапы къ подобному господину, рѣдко таетъ и изнываетъ, какъ можно бы было ожидать при подобномъ соединеніи, но напротивъ, начинается къ удивленію жирѣть и толстѣть, мало-по-малу расплываться и обращаться въ полную снугу провинціальную барыню, имъ же нѣсть числа. Область ежегоднаго рожденія дѣтей, сытныхъ и жирныхъ обѣдовъ, послѣобѣденнаго сна, область лѣни, праздности и подлѣйшихъ большею частію интересовъ благовѣрнаго, совершенно поглощаютъ и преобразовываютъ всѣхъ этихъ милыхъ дѣвочекъ, казавшихся неземными созданіями»... ³⁾.

Для характеристики тогдашняго чиновничьяго быта авторъ выражается такимъ образомъ: «были всѣ вспоены однимъ молокомъ, выросли на однихъ началахъ и плыли по одному направленію, такого свойства, что впереди всегда стояла взятка и вообще пожива, а потомъ уже самое дѣло, которое гнулось въ ту или другую сторону, смотря по количеству и свойству при-

¹⁾ Стр. 220—222.

²⁾ Стр. 189.

³⁾ Стр. 187).

ношенія. О правдѣ было мало заботы и едва ли она имѣла какое-либо значеніе. Всегда говорили о томъ, сколько взято, а о томъ, по правдѣ ли было дѣло сдѣлано, едва ли говорили¹⁾... Значить, въ нравственномъ отношеніи къ службѣ чиновный людъ продолжалъ поддерживать старыя традиціи, о которыхъ мы уже говорили. Только наиболѣе совѣстливые, для которыхъ слово честность еще не обратилось въ пустой звукъ, старались выяснитъ себѣ понятіе о взяткѣ и съузить его, исключивъ изъ него «добровольныя приношенія», которыя собирались отъ людей всѣхъ сословій, какъ дань, вопедшая въ обычай съ незапамятныхъ временъ. Эти приношенія, часто очень обильныя, не стѣсняли ничью совѣсть. Даже Инсарскій, съ брезгливостью относившійся къ взяткамъ, чистосердечно оправдывалъ ихъ, и говоря о своемъ отцѣ какъ о честномъ человѣкѣ, нисколько не скрывалъ, что и онъ совершенно безгрѣшно пользовался добровольными приношеніями на мѣстѣ казначея.

Понятіе объ образованіи и въ эти семьи переходило изъ дворянской семьи и, конечно, имѣло вліяніе на самое воспитаніе: свѣтскіе идеалы и тутъ господствовали надъ всѣмъ, но по недостатку средствъ ихъ выполнить приводили къ комизму и каррикатурности. «Изъ ряда предметовъ образованія, — говоритъ Инсарскій, — выдвигались самымъ рельефнымъ образомъ два предмета: обученіе французскому языку и танцевальному искусству. Пружиною, выдвигавшею эти предметы изъ общаго уровня, нѣтъ сомнѣнія, было человѣческое тщеславіе, такъ неудержимо стремящееся щегольнуть, прихвастнуть, какъ говорится, «задать тону» передъ другими. Задать тону успѣхами въ законѣ Божіемъ, напримѣръ, въ грамматикѣ и тому подобномъ рѣшительно невозможно уже потому, что невозможно дать имъ какое-либо публичное проявленіе... Съ глубокою признательностью я долженъ сказать, что мои недостаточные родители дѣлали по части моего образованія все, что было доступно ихъ ограниченнымъ средствамъ. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что сдѣлать изъ меня приличнаго по обстоятельствамъ того времени человѣка не хуже другихъ, было главною ихъ цѣлью, стоявшею впереди всего; но ничего нѣтъ удивительнаго, что въ стремленіи къ этой цѣли они подверглись тоже могущественному вліянію человѣческаго тщеславія и на успѣхи во французскомъ языкѣ и въ танцевальномъ искусствѣ обращали болѣе вниманія, чѣмъ на успѣхи въ законѣ Божіемъ, ариметикѣ и другихъ серьезныхъ

¹⁾ Стр. 62.

предметахъ... Моиими первоначальными учителями были семинаристы мѣстной семинаріи, разумѣется, старшихъ классовъ, т. е. философы и богословы. Учителя этого рода были, конечно, самые дешевые и потому самые доступные для небогатыхъ семействъ... Они обязывались учить меня, между прочимъ, и по-французски. Понятно, въ какой степени философъ или богословъ семинаріи, налитанный насквозь латинскими и греческими премудростями, ученіемъ о духовномъ краснорѣчїи и другими возвышенными предметами, самъ не слыхавшій никогда французскаго слова, былъ силенъ по этой части. Между тѣмъ, сдѣлка устанавливалась. Родители сердечной простоты думали, что человѣкъ, нанимающійся въ учителя, долженъ все знать и всему учить. Къ тому же специальныхъ учителей не изъ семинаристовъ было очень мало, и они были крайне дороги. Семинаристы, ищущіе учительскихъ мѣстъ, съ своей стороны, соображали, что если они будутъ отказываться отъ обученія предметамъ, мало имъ знакомымъ, и держаться только предметовъ, отлично ими изученныхъ, но къ сожалѣнію, вовсе ненужныхъ, въ родѣ греческаго и латинскаго языковъ, вошедшихъ въ моду только въ послѣднее время, то они и вовсе останутся безъ мѣстъ, т. е. безъ заработковъ, столь необходимыхъ при ихъ крайней бѣдности... Въ силу этихъ соображеній и въ то же время надѣясь на несомнѣнную опытность свою въ педагогическихъ приемахъ, семинаристы принимали на себя обязанность учить мѣстныхъ мальчугановъ всему, чему желаютъ родители, а въ томъ числѣ и французскому языку... Не трудно понять, что если посредствомъ книгъ, т. е. разныхъ учебниковъ, словарей, самоучителей они могли добираться до нѣкоторой возможности понимать прочитанное, то со стороны практики и разговора на французскомъ языкѣ, должно было происходить нѣчто ужасное, способное поставить дѣйствительнаго француза въ тупикъ и изумленіе. И сами учителя, и ихъ ученики находили спасеніе отъ этой поворной стороны именно въ отсутствіи всякаго контроля, ибо сами родители произвести этого контролированія были не въ состояніи, а произвести его другими способами рѣдко представлялось возможнымъ...¹⁾

При такихъ заботахъ объ образованіи хотя бы и мишурномъ, нравственная сторона домашняго воспитанія была въ совершенномъ пренебреженіи. И здѣсь также имѣло вліяніе свѣтское общество, съ которымъ связывалась семья, удовлетворяя своимъ

¹⁾ Стр. 309.

человѣческимъ стремленіямъ къ общественности. Но это общество за недостаткомъ общественныхъ удовольствій или общихъ интересовъ, находило себѣ связь въ попойкахъ, отъ которыхъ и развилось повальное пьянство. «Главною капитальною чертою во время моего дѣтства было пьянство,—свидѣтельствуетъ Инсарскій.—Оно царило на моей родинѣ съ поразительнымъ могуществомъ, увлекало рѣшительно всѣхъ, разумѣется, за исключеніемъ личностей, составляющихъ аристократическій кружокъ, жизнь и наслажденія которыхъ мнѣ были неизвѣстны. Но какъ все имѣетъ свои степени и подраздѣленія, то и пьянство моей родины имѣло свои степени и подраздѣленія. Люди, стоящіе на верху средняго круга, въ родѣ моего отца, пили очень осторожно, въ тѣсныхъ пріятельскихъ сходкахъ, преимущественно въ дни праздниковъ и именинъ, и хотя въ концѣ этихъ дней приходили въ состояніе весьма некрасивое, но это состояніе оставалось, такъ сказать, въ секретѣ, не выставлялось публично... Люди, слѣдующіе за этими лицами, которыхъ можно назвать ихъ помощниками, пили уже много безцеремоннѣе, но все-таки старались всевозможно спастись отъ гибельной въ служебномъ мѣрѣ аттестаціи: «способенъ и достоинъ, но нетрезваго поведенія»,—аттестациі, разумѣется, полагающей преграду и конецъ всякимъ видамъ и расчетамъ на дальнѣйшее служебное преусуѣбіе. Затѣмъ большинство, остальная часть служебнаго міра, пьянствовало уже безъ всякой мѣры и безъ всякихъ видовъ и расчетовъ...» Таковы были отцы семейства. Очень понятно, подъ какими впечатлѣніями должно было вырастать новое поколѣніе. Авторъ не скрываетъ, что онъ самъ, какъ и многіе изъ его сверстниковъ, стали пьянствовать уже съ тринадцати-лѣтняго возраста. «Первымъ сознательнымъ шагомъ по этому доступному пути,—говоритъ онъ,—я долженъ считать тѣ штофы, которые заготовлялись мальчишками на вечерахъ или балахъ, задаваемыхъ ихъ родителями, и распивались въ тихомолку, въ укромныхъ мѣстахъ, а въ особенности тѣ дополненія чистой водой, которыя дѣлались, когда штофы опорожнялись. Стремленія къ удалству, столь свойственныя мальчишкамъ, дѣлали насъ въ этомъ отношеніи дерзкими и отчаянными. Подъ вліяніемъ этихъ стремленій, мы скоро стали выказывать презрѣніе къ штофамъ, наполненнымъ бѣлымъ и краснымъ виномъ, стали называть это вино «квасомъ», старались опорожнить ихъ какъ можно скорѣе и перейти къ водкѣ. Когда мы переходили къ этому нектару, намъ казалось, что мы становимся большими и молодцами. Каждый старался перещеголять другого и, такимъ образомъ, изъ шалости, свой-

ственной дѣтскому возрасту, мы приобрѣтали пагубныя привычки»¹⁾.

Прочитавъ это признаніе, невольно спрашиваешь: а что же отецъ и мать? гдѣ же благотворная, сдерживающая сила семьи? И находимъ отвѣтъ у того же откровеннаго автора. «Отецъ мой былъ строгъ; между тѣмъ, порочность моя и особенно самое рельефное проявленіе ея—пьянство, ускользали совершенно отъ него. Былъ ли я такъ смышленъ, что ловко обдѣлывалъ дѣла и умѣлъ, какъ говорится, прятать концы въ воду... не знаю, но только весь городъ справедливо считалъ меня развратнѣйшимъ мальчишкой, а отецъ ничего объ этомъ не зналъ. Я даже никогда не былъ форменно наказанъ, какъ вообще наказываютъ дѣтей, т. е. съ наставленіями, укорами, предупрежденіями, угрозами... Случалось, что отецъ вдругъ вспыхнетъ, дастъ пощечину, правда, полновѣсную, и баста... Домашніе, преимущественно, женскій полъ, знали мои подвиги; они знали, въ какомъ видѣ я возвращался подъ кровъ родительскій... видѣли и молчали...»²⁾. Вотъ въ чемъ всегда былъ недостатокъ воспитанія въ русской семьѣ, и вотъ откуда является порча дѣтей. Между отцомъ и матерью нѣтъ тѣсной связи въ вопросѣ о воспитаніи. Отецъ неразумно и часто безъ толку строгъ, мать слаба, но зная всѣ неминуемыя слѣдствія этой строгости, скрываетъ отъ отца всѣ проявленія порочности своихъ дѣтей, потворствуетъ имъ и укореняетъ то зло, которое въ свое время легко бы могло быть подавлено безъ особенныхъ строгостей.

Но какъ ни грязна была та среда, о которой мы теперь говоримъ, благодаря той исключительной клубной общественности, какая связывала всѣ семьи, и совершенному отсутствію общихъ гражданскихъ интересовъ, все же мы не рѣшаемся назвать ее совершенно деморализованною. О ней можно сказать, что она вообще была очень дурно воспитана, такъ какъ въ семейномъ воспитаніи не руководились почти никакими нравственными идеалами, что она была порочна вслѣдствіе того, что была поставлена въ самыя неблагопріятныя условія для нравственнаго развитія. Но въ ней не были заглушены стремленія возвыситься хоть сколько-нибудь надъ этой грязью и хоть гдѣ-нибудь найти свѣтъ и удовлетворить высшимъ человѣческимъ потребностямъ. «Во времена моего дѣтства, — говоритъ Инсарскій, — чтеніе едва ли не составляло главнаго удовольствія моихъ согражданъ. Всѣ

¹⁾ Стр. 849.

²⁾ Стр. 26.

постоянно спрашивали другъ у друга: нѣтъ ли книжки почитать? Непостижимо, изъ какого источника добывались эти книжки, а добывались онѣ въ громадномъ количествѣ. И какія книжки! Чего только я не перечиталъ въ раннемъ моемъ дѣтствѣ. Само собою разумѣется, что всѣ эти «Лоллоты и Фанфаны», всѣ эти «Алексисы, или домики въ лѣсу», проглочены были мною на первыхъ порахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что едва ли изъ переводныхъ романовъ Жанлисъ или Радклиффъ есть какой нибудь, который бы я не прочелъ. Но я читалъ и такія книги, которыя нынѣ составляютъ рѣдкость. Я читалъ, напр., съ неизъяснимымъ наслажденіемъ Аріосто: «Влюбленный Роландъ» и «Неистовый Роландъ».... Во время моего дѣтства книгъ подобнаго содержанія было много, и я жадно проглатывалъ все, что мнѣ попадалось.... Какъ и откуда попадали эти книги на мою родину, не знаю, но если бы можно было ихъ собрать воедино, онѣ могли бы составить не шуточную библиотечку исключительно рыцарскаго содержанія. По особенному случаю московскій типографчикъ Селивановскій, въ знакъ признательности за казенные заказы счетныхъ книгъ, присылалъ отцу Инсарскаго множество книгъ разнообразнаго содержанія—отъ книги Томы Кемпійскаго: «О подражаніи Іисусу», до «Странника» Вельтмана, производившаго въ провинціи положительный фуроръ при своемъ появленіи.... «Сундуки, полные книгами, были большимъ благомъ не только для меня и всего семейства, но и для всего города... Со всѣхъ сторонъ шли къ намъ за книгами, и разумѣется никто не получалъ отказа».

Любовь къ пѣнію представляла также лучъ свѣта, который прорывался въ этой провинціальной тьмѣ невѣжества и распутства. «Пензу, —говорить Инсарскій,—можно было принять за обширную натуральную консерваторію, гдѣ всѣ непрерывно пѣли, только безъ профессоровъ и разныхъ мудрыхъ устройствъ, которыми отличаются дѣйствительныя консерваторіи. Тамъ положительно всѣ пѣли, а тѣ, которые не могли или не умѣли пѣть, принимали въ пѣніи самое горячее участіе». Причину такой любви авторъ, между прочимъ, видитъ въ томъ, что всѣ тамошніе чиновники, наполнявшіе мѣстныя присутственныя мѣста, происходили преимущественно изъ семинаристовъ, убоявшихся бездны премудрости и исключенныхъ изъ семинаріи. «Можно вообразить себѣ, какую массу вообще представляли они въ общемъ составѣ пензенскаго населенія, а такъ какъ они съ молокомъ всосали любовь къ духовнымъ пѣснопѣніямъ и большое знаніе по этой части, то и, оставивъ семинарію, продолжали сами пѣть

или съ живѣйшимъ интересомъ слушать пѣніе. Дѣти ихъ, нарождавшіяся съ свойственною бѣдности плодовитостью, вырастали подъ вліяніемъ тѣхъ же вкусовъ и направленій». Эта любовь къ пѣнію должна была удовлетворить не только природнымъ эстетическимъ стремленіямъ человѣка, но и стремленіямъ къ обществу, такъ какъ соединяла семьи въ кружки, которые замѣнили общества, по крайней мѣрѣ люди собирались вмѣстѣ не для однихъ чувственныхъ удовольствій, а съ цѣлями болѣе возвышенными.

Нельзя не обратить вниманіе еще на одну черту, указанную Инсарскимъ въ этой же самой средѣ: «тотъ, кто хотѣлъ прослыть умнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ, прежде всего принималъ нигилистическій оттѣнокъ и начиналъ отрицать то, что люди привыкли чтить и уважать. Это считалось аттестатомъ на умъ и превосходство. «Ужъ если Бога отрицаетъ, значить, голова», говорили отрицатели. Въ «Ревизорѣ» Гоголя, когда городничій упрекнулъ судью, что онъ въ Бога не вѣруетъ, тотъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости отвѣчалъ: «самъ своимъ умомъ дошелъ». Точно такъ и среди насъ, мальчишекъ, желающихъ казаться большими и умными, система отрицаній была въ большомъ ходу» ¹⁾).

Откуда могло произойти такое явленіе, спрашиваемъ мы. Мальчики, еще не успѣвшіе оглядѣться въ жизни, не успѣвшіе провѣрить на собственномъ опытѣ ни одной истины, уже смѣло отрицаютъ все, «что люди привыкли чтить и уважать» и во имя чего же было это отрицаніе? — Во имя ума и зрѣлости, именно во имя того, чего у нихъ пока еще не было. Въ данномъ случаѣ нельзя сваливать вину даже на школу, какъ это принято у насъ въ настоящее время, потому что роль школы тогда была очень незавидная, да и то среди ничтожнаго меньшинства; огромное же большинство и не проходило школы далѣе простой грамотности или, вѣрнѣе, полуграмотности. Не слѣдуетъ ли отнести это явленіе на счетъ семьи, вновь сложившейся, отрекшейся отъ традицій во имя чиновничьяго благородства, которое брало себѣ примѣры изъ высшихъ сферъ, и не усвоившей себѣ никакихъ твердыхъ принциповъ. Дѣти вскармливались и росли въ праздности безъ крѣпкаго авторитета для ума, безъ всякаго опредѣленнаго направленія мысли, безъ тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые входятъ въ совѣсть. Семья была не причемъ въ умственномъ развитіи дѣтей, а въ нравственномъ

¹⁾ Стр. 409.

отношеніи давала въ большей части случаевъ дурныя примѣры. И что же святаго, дорогого, глубоко засѣвшаго въ душу, за что можно бы было вступить и побороться, могло выноситься изъ такой семьи? Очень естественно блужданіе мысли въ юныхъ головахъ, ясно не усвоившихъ себѣ ни одной мысли, которая бы глубоко проникала въ сердце, неспособныхъ обсудить ни одного положенія и падшихъ на все, что освобождаетъ совѣсть отъ какихъ-либо нравственныхъ обязанностей. Семейные авторитеты не руководили ни умственнымъ, ни нравственнымъ развитіемъ, и изъ семьи легко выходили отрицатели всего, что «люди *приемыли* чтить и уважать», но въ чему ихъ приучали только страхомъ, не вводя того въ нихъ убѣжденіе. Не находя нужныхъ для юношества твердыхъ авторитетовъ въ семьѣ, оно безъ разсужденія отдавалось имъ внѣ семьи и тамъ творило себѣ идоловъ, отъ которыхъ уже зависѣло и умственное, и нравственное ихъ направленіе. Такой авторитетъ представляетъ Инсарскій въ лицѣ Антонова, который царилъ всевластно и всемогущественно надъ всею туземною молодежью. «Въ немъ было что-то апостольское», восторженно говоритъ авторъ. «Апостоломъ онъ былъ по превосходству надъ людьми, по моральной силѣ, вложенной въ него, которой все молодое покорялось охотно и добровольно. Ученики его также считали его совершенствомъ и безусловно вѣровали въ него, какъ послѣдователи апостоловъ вѣровали въ нихъ. Для юношей онъ былъ царь, отецъ, наставникъ, учитель. И между тѣмъ ученіе его вело не къ совершенству, а въ противоположную сторону. Это былъ одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ самородковъ, которыхъ, кажется, въ состояніи производить только русская земля. Въ отношеніи физическомъ, это былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ: высокаго роста, прекрасно сложенный, съ хорошими манерами. Лицо его имѣло плѣнительное выраженіе ума, доброты, достоинства... Въ отношеніи нравственномъ или, вѣрнѣе, въ отношеніи умственномъ, Антоновъ считался образованнѣйшимъ человѣкомъ среди гражданъ... Онъ сошелся сначала съ семинаристами-философами и богословами, и быстро заимствовалъ у нихъ все, что они сами знали, но не остановился на этомъ и пошелъ впередъ своей дорогой, такъ что философы и богословы, у которыхъ онъ началъ учиться, скоро стали смотрѣть на своего ученика съ чувствомъ изумленія и уваженія. Въ то же время онъ считался самымъ сильнѣйшимъ дѣльцомъ между дѣльцами. Служилъ онъ въ гражданской палатѣ столоначальникомъ. Слѣдовательно, должность занималъ мизерную, не имѣющую никакого значенія. Тѣмъ не менѣе всѣ тѣ, кто имѣлъ

большія дѣла и не только въ гражданской палатѣ, но гдѣ бы то ни было, бѣжали къ Антонову съ полною увѣренностью въ успѣхъ... Но какъ бы краснорѣчиво ни писалъ онъ просьбы, записки, доклады, какое бы удивленіе ни возбуждали они своимъ безпримѣрнымъ искусствомъ, какъ бы много ни толковали, что Антоновъ выигралъ то или другое дѣло, считавшееся безнадежнымъ, все это болѣе или менѣе укладывалось въ рамки его специальности, какъ чиновника. Но онъ смѣло выходилъ изъ этихъ рамокъ и дѣйствовалъ на чуждыхъ ему поприщахъ съ тѣмъ же блескомъ. Такъ, онъ считался сочинителемъ, и его сочиненія ходили по рукамъ, и читались на расхватъ многія поэтическія его произведенія... Со стороны свѣтскихъ или, лучше сказать, общественныхъ талантовъ, Антоновъ также былъ для многихъ идеаломъ. Въ ряду этихъ талантовъ на первомъ планѣ стояло умѣнье пѣть. Антоновъ владѣлъ прелестнымъ голосомъ, чистѣйшимъ теноромъ, и пѣлъ чрезвычайно пріятно съ большимъ умѣньемъ. Даровитой натурѣ его все было легко и доступно. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти спеціальныя музыкальныя знанія онъ похитилъ у кого-нибудь съ тою же ловкостью и быстротою, съ какою усвоилъ вообще всевозможныя знанія пензенскихъ богослововъ и философовъ. Своему пѣнію онъ постоянно сопровождалъ на гитарѣ. Распѣвалъ онъ большею частью свои, т.-е. своего сочиненія пѣсни и романсы, которые потомъ распѣвались безчисленными его почитателями». Антоновъ прославился и среди кулачныхъ боевъ, которые были любимыми потѣхами и любимыми зрѣлищами у пензенцевъ, и которые соединяли въ одно общество и въ одну публику людей изъ разныхъ званій. «Знаменитость Антонова, — замѣчаетъ Инсарскій, — въ этомъ отношеніи сіяла въ глазахъ его молодыхъ учениковъ и поклонниковъ болѣе лучезарнымъ блескомъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Другіе его таланты не имѣли такого публичнаго проявленія, такого торжества, какъ таланты боевые, исходящіе отъ силы, смѣлости, удалства, ловкости, всѣми видимые, цѣнимые и вознаграждаемые рукоплесканіями... Антоновъ сдѣлался нашимъ идоломъ, и можно сказать, безъ преувеличенія, мы боготворили его. Вліяніе его на насъ было могущественно въ поразительной степени. Мы повѣряли ему свои тайны, просили его указаній и наставленій, старались подражать ему во всемъ; мнѣнія и воззрѣнія его были для насъ святы. Антоновъ казался намъ умнѣе, честнѣе, добрѣе, сильнѣе всѣхъ, однимъ словомъ, чудомъ совершенства. Мы постоянно вертѣлись около него и все свободное время, особенно по вечерамъ, наполняли его бѣдныя, грязноватая

комнатки. Но надо признаться, что если мы увлекались преимущественно необычайно симпатичною личностью этого человека, то вмѣстѣ съ тѣмъ не мало првлеченія заключалось и въ постепенномъ знакомствѣ нашемъ съ различными видами и отраслями разврата, которое мы приобрѣтали въ этомъ исключительномъ мѣрѣ. Чуть не ежедневное пьянство стояло на первомъ планѣ¹⁾...

Читая эту характеристику Антонова, никакъ не ожидаешь такого конца. Руководитель молодежи самъ не устоялъ противъ общаго стремленія. Да скорѣе было бы чудомъ, если бы онъ остался безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его даровитая сильная натура не могла удовлетворяться одной сухой канцелярской дѣятельностью, а влекла его невольно въ общество людей, чтобы тамъ найти приложеніе своихъ силъ къ дѣятельности болѣе широкой и живой. Но тамъ онъ находилъ только пьянствующія компаніи рядомъ съ полной апатіей ко всѣмъ высшимъ интересамъ жизни; не удовлетворяется онъ и славой пѣвца, и славой кулачнаго бойца въ этихъ компаніяхъ, даже слава стихотворца не поддерживаетъ его на извѣстной высотѣ—какое содержаніе для поэзіи могла дать ему окружающая жизнь!—и онъ долженъ былъ окунуться въ этотъ омутъ, чтобы добывать себѣ послѣднюю славу и превосходство надъ другими—славу пьяницы среди пьяницъ. Какая была судьба его, Инсарскій намъ не повѣдалъ. Но мы можемъ безошибочно сказать: конечно, судьба такая же, какъ и всѣхъ даровитыхъ и сильныхъ натуръ того времени въ средѣ провинціальной жизни. Не мало ихъ нарождалось въ русскомъ мѣрѣ, вообще не обиженномъ природою, не мало ихъ и гибло безвѣстно... Но приносили ли они какую-либо пользу? Можетъ быть, они и шевелили умы молодыхъ людей, вступавшихъ въ жизнь, но къ пользѣ или ко вреду, не беремся рѣшить.

IX.

Провинціальная жизнь, хотя и не во всей своей полнотѣ, нашла художественное выраженіе въ произведеніяхъ Гоголя и нѣкоторыхъ его послѣдователей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Нашъ гениальный художникъ-юмористъ умѣлъ угадать, какихъ основъ недостаетъ русской жизни, чтобы получить возможность правильно развиваться и подняться на извѣстную нравственную высоту. Онъ понималъ, что въ формахъ той жизни,

¹⁾ Стр. 375—404.

какъ онѣ развились исторически, не могло правильно выразиться естественное стремленіе человѣка къ общественности, а потому не могло развиваться и чувство общественности, безъ котораго все должно было ползти врознь, такъ какъ на первомъ мѣстѣ у каждаго стояли только личные интересы, и во имя ихъ каждый и хлопоталъ въ своей жизни. При неразвитости чувства общественности не могло быть и общественной нравственности, которая вызываетъ высшіе идеалы, а они одни даютъ направленіе семейному воспитанію и, такимъ образомъ, связываютъ семью съ обществомъ высшими интересами жизни. Вглядимся въ этотъ чиновничій міръ, который рисуетъ намъ Гоголь. Передъ нами раскрывается ихъ служебная сфера жизни, та сфера, которая отъ постороннихъ глазъ была скрыта или, по крайней мѣрѣ, явно не проявлялась во всей своей полнотѣ. Но въ то же время она составляла самое главное содержаніе ихъ жизни. Удалимъ ихъ отъ этой сферы или, по крайней мѣрѣ, закроемъ глаза, чтобы не видать ее, и каждый изъ чиновниковъ представится намъ, можетъ быть, совсѣмъ не такимъ безобразнымъ и смѣшнымъ, у каждаго найдутся и свои достоинства, такъ что вы будете не прочь провести нѣкоторое время пріятно въ ихъ сообществѣ. Но они безобразны и смѣшны потому, что ихъ понятія нисколько не соответствуютъ той сферѣ дѣятельности, для которой они призваны. Поставленные блюсти общіе интересы и охранять законы, на которыхъ держится весь государственный строй, они являются безъ всякаго чувства общественности, безъ всякаго намека на то, что у нихъ есть какой-нибудь общественный идеалъ. Здѣсь они всѣ похожи другъ на друга, всѣ наивные расхитители казны и частныхъ кармановъ, хотя въ другой сферѣ у каждаго есть своя фizioномія и часто очень приглядная. «Неужели есть такіе чиновники?» — спрашивали зрители комедіи «Ревизоръ». «Есть и хуже», отвѣчалъ авторъ; но въ дѣйствительности они такъ рѣзко не поражали, потому что эта главная сторона ихъ жизни далеко не у всѣхъ была на виду, заслоняемая другими сторонами. Но всѣ ахнули, когда художникъ раскрылъ ее, и готовы были назвать его клеветникомъ и карикатуристомъ.

То же самое выказывается и относительно помѣщиковъ, которыхъ представлялъ Гоголь: каждый самъ по себѣ, каждый баринъ со своей особенной фizioноміей; но всѣ они похожи другъ на друга наивнымъ эгоизмомъ, которому нѣтъ никакого дѣла до общественныхъ интересовъ; ни одна черта ихъ фizioноміи не оживляется чувствомъ общественности, они нравственно слабы и развращены въ своихъ замѣнутыхъ семьяхъ и въ своихъ свѣт-

скихъ общественныхъ собраніяхъ, потому что жить или совѣтъ безъ идеаловъ, или съ фальшивыми идеалами; безъ понятія объ общественной нравственности, они развращали подвластный имъ народъ и сами развращались.

Какъ бы ни было, а становилось ясно, что подтачивались и силы государства безъ той нравственной общественной силы, которой негдѣ было развиваться. Ясно было, что тутъ не поможетъ никакая мораль, что при этихъ условіяхъ безсильна какая бы ни была система воспитанія. Нужно было дать правильный исходъ естественнымъ человѣческимъ стремленіямъ, нужно было позаботиться создать общество въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вотъ къ какимъ выводамъ юмористъ-художникъ приводилъ cadaго логически-мыслящаго человѣка.

Въ сороковыхъ годахъ, въ критикахъ Бѣлинскаго высказывалось много интересныхъ выводовъ, которые онъ долженъ былъ выражать болѣе намеками, стѣсняемый условіями тогдашней печати. Онъ хорошо понималъ всю фальшь русской жизни и все зло, которое изъ того вытекало, и объяснялъ противорѣчіями между требованіями свѣтскаго общества и человѣческой природы. «Создаетъ человѣка природа,—говорилъ онъ,—но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не спасутъ и не защитятъ человѣка отъ вліянія общества, нигдѣ не скрыться, никуда не уйти ему отъ него. Самое усиліе развиться самостоятельно внѣ вліянія общества, сообщаетъ человѣку какую-то странность, придаетъ ему что-то уродливое, въ чемъ опять видна печать общества же. Вотъ отчего у насъ люди съ дарованіями и хорошими природными расположеніями часто бываютъ самыми несносными людьми, и вотъ почему у насъ только гениальность спасаетъ человѣка отъ пошлости. По этому же самому у насъ такъ мало истинныхъ и такъ много книжныхъ, вычитанныхъ чувствъ, страстей и стремленій, словомъ, такъ мало истинны и жизни въ чувствахъ, страстяхъ и стремленіяхъ, и такъ много фразерства во всемъ этомъ. Повсюду распространяющееся чтеніе приноситъ намъ величайшую пользу, въ немъ наше спасеніе и участь нашей будущности; но въ немъ же, съ другой стороны, и много вреда, такъ же какъ и много пользы для настоящаго... Наше общество, состоящее изъ образованныхъ сословій, есть плодъ реформы. Оно помнитъ день своего рожденія, потому что оно существовало прежде, нежели стало существовать дѣйствительно, потому что, наконецъ, это общество долго составлялъ не духъ, а покрой платья, не образованность, а привилегія. Оно началось такъ же какъ и наша литература: копиро-

ваніемъ иностранныхъ формъ безъ всякаго содержанія, своего или чужого, потому что отъ своего мы отказались, а чужого не только принять, но и понять не были въ состояніи... Иностранныя произведенія всѣ наполнены были любовными чувствами, любовными приключеніями, и мы, давай, тѣмъ же наполнять наши сочиненія. Но тамъ поэзія книги была отраженіемъ поэзіи жизни, любовь стихотворная была выраженіемъ любви, составлявшей жизнь и поэзію общества; у насъ любовь вошла только въ книгу, да въ ней и осталась. Это болѣе или менѣе продолжается и теперь. Мы любили читать страстные стихи, романы, повѣсти, и теперь подобное чтеніе не считается предосудительнымъ даже для дѣвушекъ. Иныя изъ нихъ даже сами кропаютъ стишки, и иногда не дурные. Итакъ, говорить о любви, читать и писать о ней, у насъ любятъ многіе; но любить... Это дѣло другого рода... Но худо то, что изъ этого другого дѣла необходимо родится третье, довольно уродливое. Когда между жизнью и поэзіей нѣтъ естественной живой связи, тогда изъ ихъ враждебно-отдѣльнаго существованія образуется поддѣльно поэтическая и въ высшей степени болѣзненная, уродливая дѣйствительность. Одна часть общества, вѣрная своей родной апатіи, спокойно дремлетъ въ грязи грубо-матеріальнаго существованія, за то другая, пока еще меньшая численно, но уже довольно значительная, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ устроить себѣ поэтическое существованіе, сочетать поэзію съ жизнью. Это у нихъ дѣлается очень просто и очень невинно. Не видя никакой поэзіи въ обществѣ, они берутъ ее изъ книгъ и по ней соображаютъ свою жизнь. Поэзія говоритъ, что любовь есть душа жизни: итакъ надо любить. Силлогизмъ вѣренъ, само сердце за него вмѣстѣ съ умомъ. И вотъ нашъ идеальный юноша или наша идеальная дѣва ищеть въ кого бы влюбиться. По долгому соображеніи, въ вашихъ глазахъ больше поэзіи — въ голубыхъ или черныхъ, — предметъ, наконецъ, избранъ. Начинается комедія — и пошла потѣха! Въ этой комедіи есть все: и вздохи, и слезы, и мечты, и прогулки при лунѣ, и отчаяніе, и ревность, и блаженство, и объясненіе — все, кромѣ истины чувства... Удивительно ли, что послѣдній актъ этой шутовской комедіи всегда оканчивается разочарованіемъ, — и въ чемъ же? въ собственномъ своемъ чувствѣ, въ своей способности любить. А между тѣмъ подобное низкое направленіе очень естественно: не книга ли заставила добраго благороднаго и умнаго помѣщика Манчскаго сдѣлаться рыцаремъ донъ-Кихотомъ... Между поколѣніями отъ двадцатыхъ годовъ до настоящей минуты, сколько было у насъ разныхъ

донъ-Кихотовъ? У насъ были и есть донъ-Кихоты любви, науки, литературы, убѣжденій, славянофильства и еще Богъ знаетъ, чего, всего не перечестъ...¹⁾

Въ критикѣ на извѣстную въ свое время повѣсть гр. Соллогуба «Тарантасъ», Бѣлинскій замѣчаетъ автору, который характеризовалъ своего героя словами: и онъ «былъ совершенно славянской породы, т.-е. лѣнивый, но бойкій» — «такъ, русская лѣнь — большая помѣха во всемъ русскому человѣку, но еще не непреодолимое препятствіе, и не въ ней корень зла: корень лежитъ глубже, его надо искать *въ отсутствіи опредѣленнаго общественнаго мнѣнія*, которое бы каждому указывало его путь, а не становило бы его на распутіи, говоря: «иди куда хочешь». Что же касается до Ивана Васильевича (героя повѣсти), корень зла его жизни заключался въ его слабой ничтожной натуринкѣ, неспособной ни къ убѣжденію, ни къ страсти, и вѣчно гонящейся за убѣжденіями и страстями не по внутренней потребности, а по самолюбію и отъ скуки».

Такъ отнесся Бѣлинскій къ тѣмъ характерамъ, которые выходили изъ дворянскаго воспитанія. Высоко цѣня европейское просвѣщеніе, которое создаетъ возвышенные идеалы жизни, онъ въ то же время хорошо понималъ ложь, вносимую въ русскую жизнь подъ именемъ европеизма. «Вотъ въ чемъ состоитъ европеизмъ господъ въ родѣ Ивана Васильевича, — говоритъ онъ; — этимъ господамъ и въ голову не входитъ, что если въ Европѣ всѣ стремятся къ оповѣзизированію своего быта — за то никто, при недостаткѣ, при переверотѣ обстоятельствъ, при случаѣ, не постыдится вычистить себя, при нуждѣ, сапоги. Этого рода европейцевъ въ отличіе отъ истинныхъ европейцевъ не худо бы называть европейцами-татарами». И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «все на Руси волею или неволею тянется за европеизмомъ, коверкаетъ его на монгольскую стать». Но онъ въ то же время хорошо понималъ, что всѣ эти явленія въ русской жизни есть явленія историческія, и слѣд. неизбежныя. «Все, что есть или что сдѣлалось, — говорилъ онъ, — есть и сдѣлалось по причинамъ неотразимымъ, и съ самаго начала носило въ себѣ сѣмена своего будущаго состоянія»²⁾. А если это такъ, то является необходимость обратить вниманіе на недоброкачественность этихъ сѣмянъ или, иначе, выяснить причины и постараться ослабить ихъ силу.

¹⁾ Соч. Бѣл. часть VIII.

²⁾ Соч. Бѣл. т. IX.

Считаю не лишнимъ напомнить еще одно разсужденіе Бѣлинскаго, которое связывается съ нашимъ вопросомъ. Говоря объ одностороннемъ взглядѣ Ивана Васильевича на чиновника, какъ потомка двороваго человѣка, Бѣлинскій прибавляетъ: «дѣйствительно, эта генеалогія отъ двороваго человѣка черезъ конторщика изъ вольноотпущенныхъ и приказнаго до чиновника, не только остроумна, но и отчасти справедлива. Реформа Петра Великаго, которой основнымъ принципомъ было преимущество личныхъ достоинствъ или способностей надъ породою, пересоздала двороваго въ подъячаго, подъячій родилъ приказнаго, приказный—чиновника. Итакъ, дворовый—яйцо, подъячій—червь, приказный—куполка, чиновникъ—бабочка! Тутъ, какъ видите, есть развитіе, и каждая новая ступень выше и лучше прежней. Мы сами не охотники до «чиновника», но тѣмъ не менѣе мы чужды всякаго несправедливаго и односторонняго недоброжелательства къ сему почтенному члену нашего общества. Мы никакъ не можемъ согласиться съ Иваномъ Васильевичемъ, что лучшее сословіе у насъ—мужикъ и баринъ, а худшее—чиновникъ. Пусть образованіе чиновника трактирное, какъ увѣряетъ Иванъ Васильевичъ, пусть онъ пьетъ донское, куритъ жуковскій, ѣздитъ въ тарантасѣ и выписываетъ для жены своей чепцы съ серебряными волосами да шелковыя платья: во всемъ этомъ есть своя хорошая сторона, которая состоитъ въ томъ, что *форма жизни чиновника близко подходитъ къ формамъ жизни барина*. Сынъ чиновника годится на все и всюду: онъ поступаетъ въ кадетскій корпусъ, и оттуда выходитъ хорошимъ офицеромъ; онъ поступаетъ въ университетъ, откуда для него открыты честные и благородные пути на всѣ поприща жизни, и онъ всегда способенъ съ честью идти по одному разъ избранному имъ поприщу; онъ можетъ быть ученымъ, художникомъ, литераторомъ, словомъ, всѣмъ, тѣмъ можетъ быть и баринъ. Скажутъ: кто же не можетъ? и почему это привилегія сына чиновника?—потому, отвѣчаемъ мы, что военный офицеръ, чиновникъ, приготовившійся къ службѣ университетскимъ образованіемъ, ученый, профессоръ, учитель, художникъ, литераторъ—изъ мужиковъ, изъ купцовъ, изъ духовнаго званія всѣ они больше исключеніе изъ общаго правила, нежели общее правило, и всѣ они находятся въ прямой противоположности съ формами жизни сословій, изъ которыхъ вышли. И потому-то образовавшись, они спѣшатъ выйти изъ своего сословія, съ которымъ чувствуютъ себя на вѣкъ разорванными черезъ образованіе, и слѣдовательно спѣшатъ увеличить собою чиновническое сословіе. Какъ? спро-

сать насъ, да какое же отношеніе между музыкантомъ, напри-
мѣръ, и чиновникомъ?—Очень большое: ихъ *связываетъ одина-*
ковость формъ жизни. И потому-то сынъ чиновника, сдѣлавшись,
напримѣръ, ученымъ и художникомъ, какъ будто совсѣмъ не
выходить изъ своего сословія: его костюмъ тотъ же, комнаты тѣ
же, образъ жизни — тотъ же, отъ утренняго чаю или кофе, до
поклона знакомой дамѣ или до танца съ нею на балѣ. Скажемъ
прямо: формы жизни чиновника могутъ быть нѣсколько грубѣе,
аляповатѣе формъ жизни барина, но сущность тѣхъ и другихъ
совершенно одинакова, и чиновникъ изъ бѣдныхъ людей, кото-
раго образованіе допустить *въ статскій кружокъ*, никогда не будетъ
такимъ страннымъ исключеніемъ, какимъ былъ бы человѣкъ изъ
другого сословія, особенно купеческаго. Чиновническое сословіе
играетъ въ Россіи роль химической печи, проходя черезъ которую
люди мѣщанскаго, купеческаго, духовнаго и, пожалуй, двороваго
сословія теряютъ рѣзкія и грубыя вѣншности этихъ сословій и
отъ отца къ сыну вырождаются въ сословіе баръ. Это потому,
что въ Россіи чинъ, обязывая человѣка носить европейскій ко-
стюмъ и держаться европейскихъ формъ жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ
обязываетъ его во всемъ таянуться за бариномъ. Сверхъ того,
между бариномъ и чиновникомъ существуетъ болѣе живая и
крѣпкая связь, нежели между бариномъ и мужемъ, купцомъ,
духовнымъ или человѣкомъ изъ другого какого-либо сословія—
это все чиновничество. Развѣ баринъ — не чиновникъ? Много ли
у насъ дворянъ не служащихъ и не имѣющихъ чина? Скажутъ:
они служатъ въ военной. Неправда: ихъ больше въ статской, и
статскою службой по большей части оканчиваютъ и тѣ, которые
начали съ военной. А сколько теперь дворянъ, сдѣлавшихся
дворянами черезъ службу? Два-три поколѣнія — и вы ни въ какой
телескопъ не отличите ихъ отъ родового дворянства. Что же
касается до взяточничества, право, никому не легче давать взятки
засѣдателю или исправнику, нежели страпчему или писцу квар-
тальнаго, потому что взятка — все взятка, кто бы ни взялъ ее
съ васъ»...

Въ этомъ разсужденіи Бѣлинскій, можетъ быть, самъ не
сознавая, какъ нельзя вѣрнѣе опредѣлять сущность того, что у
насъ разумѣлось подъ именемъ *общества*, къ которому тяготѣли
всѣ семьи съ претензіей на образованіе: — это не люди, нрав-
ственно связанные между собою какими-либо общими интересами
жизни или гражданскими стремленіями, а люди, соединенные въ
одно *формами жизни*, — это полкъ, одѣтый въ одинаковую фор-
менную одежду, двигавшійся стройно по командѣ. Всесильна

была форма жизни, а какое же было содержаніе этой жизни и какія нравственныя ея основы? За формами жизни, облеченной въ мундиръ, скрывались взятки, хищенія, крѣпостническія отношенія ко всѣмъ, кто не возвышался до этого общества. Эти формы, выработавшіяся подъ вліяніемъ табели о рангахъ, сдѣлались проводниками *ex sensu* и оковывали; нарушать ихъ стало преступленіемъ, явилось своего рода *poblesse oblige*. Эти формы сновывали всѣ понятія, дѣлали ихъ неподвижными и умерщвляли всякую новую живую мысль. Въ нихъ выражался образъ чиновника, но не могъ выразиться образъ человѣка въ нравственномъ смыслѣ; тамъ онъ, напротивъ, задыхался, и если хотѣлъ уцѣлѣть, то становился въ сторону. Вотъ какое было это общество, для котораго членовъ воспитывала не семья по какому-либо своимъ идеаламъ, а казна по общимъ уставамъ, которые и составляли всю педагогію и психологію... И все, казалось, шло въ порядкѣ... Но вдругъ, при первомъ столкновеніи съ Европою, передъ которою мы кичились своею политическою и военною силою, оказалось наше жалкое ослѣпленіе: формы жизни, соединившія всѣхъ въ одно общество, оказались безъ всякаго внутренняго содержанія. Стало яснымъ, что для живого общества, способнаго понимать и защищать интересы своей родины, кромѣ формъ нужно еще что-то такое, что вызываетъ высшіе нравственные и общественные идеалы, что развиваетъ понятіе о службѣ родинѣ, не тождественное съ существовавшимъ понятіемъ о чиновничьей службѣ. Другими словами, у насъ не оказалось настоящаго общества, а была только публика, которая для развлеченія всегда сходилась на разные зрѣлища подъ присмотромъ и защитою полиціи, и которая совершенно растерялась при неожиданномъ взрывѣ севастопольскихъ стѣнъ и кораблей.

Затѣмъ наступила другая эпоха. Передъ растерянной и потрясенной публикой заговорили тѣ немногочисленные кружки, которые въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ образовывались въ сторонѣ отъ общества, и которые, благодаря нашимъ университетамъ, постарались воспитать въ себѣ идеальныя стремленія. Они понимали, въ чемъ заключается зло русской жизни и какихъ нравственныхъ основъ недостаетъ ей, чтобы свободно развиваться и крѣпнуть. Во главѣ ихъ явился покойный государь Александръ Николаевичъ, который, благодаря, можетъ быть, вліянію своего воспитателя Жуковскаго, воспиталъ въ себѣ тѣ же самыя идеальныя стремленія, несмотря на самую неблагоприятную для того атмосферу, его окружавшую. И вотъ сокрушено крѣпостное право, а за нимъ положены новыя основы для русской обще-

ственности. Прѣжнія формы жизни стали распадаться. Понятно, что безъ борьбы такой переворотъ не могъ совершиться. Преобразовались учрежденія, открылись новыя поприща жизни, вызвавъ новыя силы для дѣятельности. Но люди преобразоваться вдругъ не могли. Воспитанные въ старыхъ понятіяхъ, которыя имъ были навязаны какъ неоспоримыя истины, какъ догматы въ политической и гражданской ихъ жизни, всегда безпрекословно исполнявшіе волю начальства, считавшіе себя людьми съ правилами, а потому и нравственными, на первое время растерялись и не находили ничего въ свою защиту. А кругомъ стало раздаваться крайне страстное и повальное обвиненіе всей прѣжней жизни во всѣхъ ея формахъ. Слишкомъ долго насильственно сдерживалась критическая мысль, слишкомъ чувствительно было униженіе передъ торжествующими врагами, чтобы спокойно относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, старымъ и новымъ. Подъ этими впечатлѣніями выросло молодое поколѣніе и возвращалось въ свои семьи изъ казенныхъ заведеній; но возвращалось уже не съ тѣми понятіями, съ какими бывало прежде. Правда, школьная наука не давала ему многого, не научила его правильно мыслить, не сообщила тѣхъ неоспоримыхъ данныхъ, которыя могли бы повести къ логическимъ выводамъ; за то оно на лету схватило все, что печаталось въ журналахъ, все, что говорилось въ частныхъ собраніяхъ, бесѣдахъ, и воспитало въ себѣ ненависть ко всему прошлому, какъ заклеяменному крѣпостнымъ правомъ, холопствомъ, личнымъ угодничествомъ, неправдою... Съ этимъ вмѣстѣ для него потеряли значеніе авторитеты прошлаго, къ которымъ оно стало относиться подозрительно, съ недоувѣріемъ... Оно стремилось жить по новымъ началамъ, вводимымъ въ русскую жизнь, стремилось выработать изъ самого себя новыя формы жизни, и въ своемъ крайнемъ увлеченіи полагалось только на свои силы, не подготовленные въ то же время для новой дѣятельности ни воспитаніемъ, ни наукою; незнакомые и съ исторіей своего отечества, которая за полтора десятка лѣтъ у насъ была совсѣмъ неразработана, они не знали ее, имъ не было освѣщено прошедшее, не было и свѣточа, чтобы сколько-нибудь освѣтить будущее. Это поколѣніе самонадѣянно брало на себя трудъ не по силамъ, и оказалось безъ надлежащей почвы—въ такомъ же ложномъ положеніи, въ какомъ очутилась и семья въ своихъ старшихъ членахъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

Семья уже прежде потеряла свою авторитетность, потому что всѣ заботы о воспитаніи слагала съ себя на казну: близость

между воспитанниками казны и ихъ отцами не могла развиться, откровенность также. Одни изъ отцовъ потеряли даже вѣру въ самихъ себя и въ свою способность руководить молодежью; другіе, закоренѣлые въ своихъ старыхъ понятіяхъ, не хотѣли дѣлать никакой уступки требованіямъ новаго времени; третьи считали себя какъ бы провинившимися передъ молодежью и предоставляли ей полную волю; наконецъ, четвертые не понимали, въ чемъ же они виноваты и наивно высказывали такіа понятія, отъ которыхъ коробило дѣтей, увлекавшихся новыми идеалами. Прозошло явленіе, небывалое въ исторіи: во многихъ семьяхъ разверзлась бездна между отцами и дѣтьми, явленіе тѣмъ болѣе драматическое, что тутъ не было явнаго разрыва, который выразился бы въ ссорахъ или раздорахъ, какъ бываетъ въ столкновенияхъ за матеріальные интересы; тутъ чувствовался только разрывъ нравственный, одинаково приносившій сердечныя страданія и тѣмъ, и другимъ. Кто же виноватъ во всемъ этомъ? Исторія, конечно, подведетъ свои итоги, а мы задались только задачею прослѣдить глубокіе корни того дерева, которое принесло такіе горькіе плоды. Здѣсь мы и остановимся: намъ нужно было дойти до начала борьбы, а слѣдить за дальнѣйшимъ ея развитіемъ не входило въ наши цѣли.

X.

Припомнимъ однако вопросъ, вызвавшій настоящую статью. Въ самомъ ли дѣлѣ нужно винить нашу школу и школьное образованіе въ томъ разладѣ, который съ шестидесятихъ годовъ сталъ являться въ русской семьѣ между отцами и дѣтьми? Вопреки г. Куницкому, коснувшемуся вопроса о семьѣ въ нашей современной литературѣ, мы утверждали, что причины того разлада, на который указываетъ онъ, нужно искать не въ школѣ, а въ самой семьѣ, у которой никогда не было почвы для выработки общественнаго идеала, всегда руководящаго воспитаніемъ, и съ другой стороны—въ самомъ обществѣ, гдѣ не могло выработаться понятіе объ общественной нравственности, и гдѣ личные интересы всегда преобладали надъ общими, даже надъ государственными. Мы старались доказать все это исторически, и думаемъ, достаточно выяснили вопросъ.

Школа, изъ которой выходили Базаровы, первые, такъ сказать, зачинщики разлада, ничѣмъ пока не отличалась отъ прежней школы, изъ которой выходили всякаго рода служилые люди.

Разладъ начался съ той поры, когда рушился прежній строй жизни, основанный на крѣпостномъ правѣ и на тѣхъ понятіяхъ, которыя поддерживались этимъ правомъ; когда семья оказалась бессильною направлять юные порывы своихъ младшихъ членовъ къ общественнымъ идеаламъ, вызываемымъ новою жизнью. Надо сказать правду, что образованія у большинства было недостаточно, слѣдовательно его нельзя и притягивать къ суду.

За школой остается та честь, что она не отстала отъ общаго движенія и тотчасъ же занялась вопросами о новомъ воспитаніи. Можетъ быть, она далеко не дошла до конца въ своихъ рѣшеніяхъ; но ея положеніе было и есть самое затруднительное. Ее дѣлають отвѣтственною передъ обществомъ и передъ семьей, между которыми она должна стать, какъ на свое законное мѣсто. Для общества она должна воспитать честныхъ и трудолюбивыхъ дѣтелей, а отъ семьи должна принимать по большей части плохо воспитанныхъ и нравственно-невыдержанныхъ дѣтей. Отъ нея требуютъ хорошихъ гражданъ; но изъ какихъ данныхъ она составить себѣ идеалъ гражданина, если онъ въ самомъ обществѣ никогда не вырабатывался, если тамъ существуетъ самое темное понятіе объ общественной нравственности, если даже не установилось самое общество на тѣхъ новыхъ началахъ, которые положены въ его основаніе для гражданской жизни, если еще ведется ожесточенная борьба на развалинахъ того, что уже рухнуло навсегда, но съ чѣмъ еще жалко разстаться многимъ.

Съ другой стороны, предъявляетъ къ школѣ свои требованія и семья, сознающая свою шаткость и нравственное безсиліе въ дѣлѣ воспитанія. Отъ ея имени въ заключеніи своей статьи г. Куницкій высказывается слѣдующими словами: «По-моему, нѣтъ и не можетъ быть споровъ или вопросовъ о томъ, какъ поправить дѣло. Очевидно, тутъ могутъ помочь въ будущемъ только два лекарства: общій подъемъ и улучшеніе нравственности отцовъ, составляющихъ главенствующую часть семьи, и образованіе, и развитіе ихъ. Само собою, подъ отцами надо разумѣть и *женщину*, и мать, на долю которой въ семьѣ выпадаетъ даже болѣе видная роль, чѣмъ на долю мужчины. Нашей семьѣ недостаетъ образованной и нравственно-чистой матери, которая могла бы и понять новыя, лучшія стремленія своихъ дѣтей. и не оскорблять ихъ примѣромъ своей скверной, безнравственной, пошлой жизни. Но скажутъ мнѣ: какъ же сдѣлать это? Гдѣ и какимъ образомъ найти средство для образованія въ нашемъ обществѣ такой матери?—А это, м. м. государи, не мое дѣло и не моя задача. Это дѣло тѣхъ, которые берутъ на себя заботы о

воспитаніи и образованіи *нашихъ* дочерей. Это ихъ дѣло поставить дѣвушку и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи на ту высоту, на которой она должна явиться въ роли матери, и въ особенности въ нравственномъ отношеніи».

Какъ вѣрно сказался въ этихъ словахъ голосъ той семьи, которая уже давно отвыкла отъ воспитанія своихъ дѣтей, предоставляя это дѣло постороннимъ лицамъ. И сколько горькойironии звучитъ въ томъ рѣшительномъ отвѣтѣ:—Не *наше* дѣло воспитывать *нашихъ* дочерей такъ, чтобы изъ нихъ вышли благонаправленныя и понимающія свое назначеніе матери. Это дѣло тѣхъ, которые берутъ на себя заботы объ ихъ воспитаніи и образованіи. Признаемся: выступаетъ на лицѣ краска отъ подобныхъ словъ, такъ много выразилось въ нихъ нравственного цинизма. Кто же это тѣ, которые услужливо избавляютъ нашу семью отъ труда воспитывать дочерей? Кто же другой какъ не школа! На кого же возложить отвѣтственность за всю ту семейную фальшь, которая портитъ дѣтей въ первомъ самомъ нѣжномъ ихъ возрастѣ, и которая потомъ отражается на всей ихъ жизни? Школа должна исправить всѣ ошибки отцовъ и матерей семейства, которымъ некогда было заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей. Вотъ какое требованіе заявляетъ семья! Но что же на это можетъ ей отвѣтить школа?

Сто лѣтъ назадъ, Екатерина II вмѣстѣ съ Бецкимъ мечтала о созданіи новой породы отцовъ и матерей, думая сдѣлать это государственными силами, отдѣливъ дѣтей отъ отцовъ и матерей. Опытъ, какъ извѣстно, оказался неудачнымъ. Воспитаніе подчинилось требованіямъ свѣтскаго общества и его идеаламъ. Семья вдвойнѣ испортилась и обезсилѣла, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ ложное понятіе объ образованіи и самый фальшивый идеалъ образованной женщины. Пока существовало крѣпостное право, всѣ эти фальши крѣпко держались въ обществѣ и въ семьѣ, по крайней мѣрѣ дворянской и чиновничьей. Но послѣ него сталъ вышпаться голосъ изъ той же семьи: дайте намъ новыхъ отцовъ и матерей,—голосъ, возлагающій надежду на школу. Она попробовала отвѣтить на этотъ возгласъ, и оперевшись на науку, замѣнить фальшивые свѣтскіе и съ тѣмъ вмѣстѣ пансіонскіе идеалы общечеловѣческими, развивая вмѣсто старой барской праздности стремленіе въ честному труду. И вотъ стали упрекать школу, будто она вноситъ разладъ въ семью, отвлекаетъ отъ домашнего очага, который уже давно былъ подрывъ въ основаніи исключительной свѣтской жизни, праздностью и невѣжествомъ, и загрязненный уже давно перешелъ въ исключительное вѣдѣ-

ніе кухарокъ. Всѣ прежніе семейные грѣхи, которые стали теперь яснѣе, свалили на новую школу. А между тѣмъ все-таки приходится создавать намъ новый очагъ—это всѣ сознають—и уже затѣмъ вокругъ него группировать и новыя семьи, сложившіяся на другихъ, болѣе естественныхъ началахъ: на истинномъ образованіи, на производительномъ трудѣ, на разумномъ воспитаніи дѣтей, и наконецъ на идеалахъ, связывавшихъ семью съ обществомъ, у котораго главными интересами жизни были бы интересы повыше свѣтскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устроители новой, нравственной семьи должны пройти черезъ хорошую школу, и понятно, что на школу теперь обращены взоры всѣхъ. Но для того, чтобы она могла выполнять свое дѣло, прежде всего пусть откажутся матери семейства, старыя и молодыя, отъ ложнаго и вреднаго укоренившагося у насъ понятія объ образованіи женщины,—понятія, которое крѣпко продолжаетъ держаться только у насъ: будто блестящее образованіе женщины заключается исключительно въ иностранныхъ языкахъ,—и имъ приносится въ жертву все, до пренебреженія своего роднаго языка. Пусть онѣ оставляютъ и свое тщеславіе, и непростительный родительскій эгоизмъ, благодаря которому онѣ начинаютъ отъ самаго ранняго дѣтства вымучивать таланты изъ своихъ дѣтей, воображая ихъ будущими артистами, учеными или замѣчательными умами. Это—величайшее зло, которое проявляется у многихъ современныхъ матерей, хотя оно въ нѣкоторой степени уже было и въ прежнемъ поколѣніи. Такимъ направленіемъ въ воспитаніи быстро истощаютъ дѣтскія силы, и духовныя, и физическія, и дѣлаютъ ихъ неспособными къ правильному естественному развитію. Не многія изъ дѣтей выносятъ это родительское насиліе и оправдываютъ надежды своихъ тщеславныхъ и неразумныхъ воспитателей. Разстроенное здоровье еще можно кое-какъ поправить, но притупленныя и надорванныя силы духа ничѣмъ не поправите. Талантъ, если онъ врожденъ ребенку, важнѣе, прочнѣе и естественнѣе разовьется, если позаботиться объ общемъ равномерномъ и сильномъ развитіи ребенка: онъ скорѣе сдѣлается гордостью матери. Въ наше время на это нужно часто указывать матерямъ, потому что онѣ злоупотребляютъ нѣжнымъ и безотвѣтнымъ возрастомъ дѣтей, и все потому, что нѣтъ у нихъ настоящаго идеала воспитанія, котораго никогда и не будетъ, какъ скоро не будетъ сознанія связи семьи съ требованіями общественной жизни, замѣнившей «свѣтскіе» идеалы другими, болѣе нравственными и болѣе гражданскими.

Но откуда же семья может их принять, спросить насъ, если въ этомъ смыслѣ еще не сложилось у насъ и самое общество? Да, оно не успѣло еще сложиться, но тѣмъ не менѣе оно понемногу складывается, и даже начинать сказываться въ исключительные моменты нашей жизни: развѣ дыханіе его не чувствовалось при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину, или на похоронахъ Тургенева. Нѣтъ, тамъ участвовала уже не публика, а общество, находящее пока свое единеніе только въ однихъ литературныхъ интересахъ; но вѣдь литература и есть то обширное поле, гдѣ понемногу вырабатываются живые идеалы, руководящія общеою жизнію, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и воспитаніемъ.

В. Стоюнинъ.

СТОЛПОТВОРЕНИЕ.

ФАНТАЗИЯ.

I.

Онъ былъ богатъ,—огонь пожралъ богатство.
Любилъ жену,—сразилъ ее недугомъ.
Имѣлъ друзей,—но холодъ и злорадство
Въ нихъ встрѣтилъ обвинявшій другъ.

Сказалъ: прости! онъ людямъ безсердечнымъ
И въ глушь пустынь бѣжалъ отъ нихъ, какъ звѣрь.
Людская жизнь безцѣльнымъ зломъ и вѣчнымъ
Ему казалася теперь.

Смѣялся онъ надъ счастьемъ и надъ славой
И проклиналъ всю землю, какъ тюрьму.
Его душа питалася отравой,
Онъ жаждалъ мести—но кому?...

Однажды ночь спускалась надъ пустыней.
Бѣглець лежалъ подъ пальмами, въ тѣни,
И праздный взоръ по тверди темно-синей
Считалъ несчетные огни.

И думалъ онъ: «Далеки-ль звѣзды эти? —
Когда-бъ на стволъ той пальмы взгромоздить
Другой, на тотъ—еще одинъ, то третій
До неба долженъ доходить.

«А тамъ что? Тамъ, на голубой полянѣ
Горить, какъ жаръ, изъ золота дворецъ;
Кругомъ него вращается въ туманѣ
Свѣтилъ негаснущій вѣнецъ.

«А во дворцѣ благоуханьемъ вѣять;
Куреній дымъ змѣится вдоль столбовъ,
И серебро фонтанныхъ брызгъ бѣлѣть
На пестромъ золотѣ ковровъ.

«Но гдѣ-же онъ, гдѣ Митрасъ? Пресмыщенный
Красой дворца и блескомъ звѣздъ ночныхъ,
Уже давно душой ожесточенной
Восторговъ жаждаль онъ нныхъ...

«И сотворилъ онъ землю для забавы,
И на людей съ высотъ своихъ глядеть.
Ихъ жизни путь, тернистый и ерованый,
Въ немъ духъ жестокой веселить.

«Когда же гдѣ онъ видитъ призракъ счастья,
Скорѣй въ него онъ хлещетъ съ облаковъ
Бичемъ огня, болѣзней и ненастья,
Желаній злыхъ и мрачныхъ сновъ.

«Когда же кто, какъ я, въ бою суровомъ
Раздавленный, клянеть его съ тоски,
Смѣется онъ надъ слабымъ нашимъ словомъ,
Онъ, неприступный для руки.

«А если вдругъ... Ужели неприступный?!..
А если мы сильнѣй, чѣмъ онъ хотѣлъ?!
И человекъ, какъ мститель неподкупный,
Взобраться-бъ на небо сумѣлъ?..»

.

Нѣмую ночь встревожилъ крикъ безумный.
Бѣглецъ вскочилъ и, ввѣрившись звѣздамъ,
Отъ сна пустынь пошелъ въ свой городъ шумный
Свершить угрозу небесамъ...

II.

Вблизи эвфратскихъ водъ, среди святой поляны,
Собрались къ празднику сыны долинъ и горъ,
И смуглыя тѣла, и красныя турбаны,
И бѣлыя плащи слились въ цвѣтной узоръ.

Кумиренъ яркій рядъ средь сонныхъ рощъ мелькаетъ;
Надъ пестрою толпой поднялся пестрый гулъ.
Здѣсь обнаженный рабъ товары выкликаетъ;
На тюкъ съѣзъ купецъ; въ сторонѣ дремлетъ мулъ.

Тамъ пляшетъ женщина въ одеждѣ разноцвѣтной:
Воздушныя стопы по камышу скользятъ;
Движенія, какъ страсть, сначала чуть замѣтны,
Но, разгораясь все, вдругъ бѣшенствомъ горятъ.

Стремится мать въ шалаши, грудному внявъ ребенку,
А мужъ торгуетъ женъ, и сыновья—невѣсть.
Наѣзники летятъ другъ съ другомъ въ перегонку,
И ржанье конское разносится окрестъ.

Но вотъ призывныхъ трубъ раздался звукъ протяжный.
Изъ темной храмины выходитъ рядъ жрецовъ.
Межъ ними бѣлый быкъ, медлительный и важный,
Киваетъ головой подъ тяжестью цвѣтовъ.

Насталъ для жертвы часъ. И смолеъ народъ мгновенно
И ницъ, молясь, упалъ. Уже алтарь зажженъ;
Встаетъ пахучій дымъ; звучитъ напѣвъ священный,
Блещающій топоръ надъ жертвой занесенъ.

И вдругъ всѣ обмерли... Подъ шкурою звѣриной
И съ лукомъ за спиной невѣдомый дикарь
Мелькнулъ среди жрецовъ, мелькнулъ и въ мигъ единый
Освободилъ быка и разметалъ алтарь.

И руки вверхъ воздѣвъ, онъ бросился къ народу:
«Кому вы молитесь?! Я былъ богатъ, друзья,
И множество быковъ я небу сжегъ въ угоду,—
И вотъ, что я теперь! И вотъ награда вся!

«А вы!.. Вы годъ назадъ молились здѣсь, какъ нынѣ,
Но кто за этотъ годъ не плакалъ? Гдѣ онъ, гдѣ?
Тотъ потерялъ жену, другой груститъ о сынѣ,
Того сразилъ недугъ, а тотъ скорбитъ въ нуждѣ.

«И кто всему виной? Не онъ ли, кто владыкой
Слыветъ средь всѣхъ племенъ? кому всѣ жертвы жгутъ?
Владыка ярости! Мучитель! Демонъ дикій!
Ему алтарь? Ему молитвы? Тщетный трудъ!

«Смягчается-ль хоть разъ онъ матери слезами,
Когда дитя ея онъ смерти отдаетъ?
Мольбами путниковъ, засыпанныхъ песками?
Голодныхъ воплями? Молитвами сиротъ?

«А онъ на все глядитъ,—глядитъ, но не съ участиемъ,
А какъ палачъ, душой жестокой веселясь,
И то, что мы зовемъ добромъ, надеждой, счастьемъ,
Онъ сотворилъ лишь съ тѣмъ, чтобъ насъ дразнить, смѣясь.

«И смотреть онъ, смѣясь, какъ человѣкъ, гонимый
Суровымъ голодомъ и полчищемъ заботъ,
Бѣжить за собственной мечтой неуловимой,
Бѣжить и падаетъ, бѣжить, пока падетъ...

«А чуть забудешься,—гляди, уже готовы
Друзья, чтобъ предать,—враги, чтобъ погубить, —
Глупцы, чтобъ наложить на гордый духъ оковы,—
Болязнь, чтобъ терзать,—земля, чтобъ проглотить»...

Такъ странникъ вопіялъ. Тревожная сначала
Толпа, по манію двухъ къ ней простертыхъ рукъ,
Смирилась, замерла и снова задрожала,
Могучимъ трепетомъ охваченная вдругъ.

Поникли старики сѣдыми головами,
Съ угрозой юноши взирали къ небесамъ,
Рыдали женщины, покрывшись чадрами,
Рыдали, волю давъ скопившимся слезамъ.

А странникъ все гремѣлъ: «Нѣтъ, братья, не устанетъ
Онъ мучить насъ, пока его не побѣдимъ.

Мы не страшны ему? Такъ пусть средь насъ предстанетъ!
Зачѣмъ онъ прячется, когда неуязвимъ?

«Въ чертогѣ золотомъ сидитъ онъ, старъ и жиренъ,
Жестокъ и пресыщенъ... Какъ близко отъ людей!
Вотъ тамъ, гдѣ твердь небесъ... Когда-бъ взаимнѣ кумиренъ,
Ненужныхъ идоловъ, ненужныхъ алтарей, —

«Всѣ камни, что на нихъ истрочены, умѣло
Сложить въ могучій столпъ, давно бы столпъ достигъ
Вершиною небесъ. — Что-жъ медлимъ мы?.. За дѣло!
Гдѣ камни? кирпичи? Скорѣ!.. дорогъ мигъ!..»

III.

И пронесся въ край въ край
Кличъ безумный: «На Эвфратъ!
Тамъ, на небо посягая,
Люди, мщеніемъ пылая,
Столпъ незыблемый творятъ».

И откликнулись всѣ страны.
Отовсюду, средь степей,
Потянулись караваны.
Основался веругъ поляны
Цѣлый городъ шалашей.

Что за радостные крики
И лобзанья безъ конца!
Примирился рабъ съ владыкой;
Предъ надеждою великой
Всѣ сплотились сердца.

А пустынный средь почета
Надъ толпою всей царить.
Цѣлый день кипитъ работа,
Камни сложены безъ счета...
Отъ блаженства онъ молчить.

Иль, не выдержавъ молчанья,
Ночью плачетъ въ тишинѣ.

Эти слезы безъ названья, —
 Мести, счастья, упованья, —
 О, какъ сладостны онѣ!..

IV.

Шли дни и мѣсяцы. Поднялся столпъ мятежный
 Превыше облаковъ, но не достигъ небесъ.
 И мраченъ сталъ народъ. Былой раздоръ воскресъ,
 Несчастья спутникъ неизбѣжный.

Одни, уже остывъ, убрали шалаши,
 Другихъ же тронули пустынные моленья.
 Онъ сохранилъ одинъ средъ общаго томленья
 И гордость думъ, и пылъ души.

Онъ больше не молчалъ. Снѣдаемый заботой,
 Весь день онъ убѣждалъ, молилъ и укорялъ,
 Примѣромъ собственнымъ лѣнивцевъ ободрялъ,
 Но таготились всѣ работой.

Когда-жъ сходила ночь, и столь желанный сонъ
 Въ постылыхъ шалашахъ вкушалъ народъ усталый,
 Одинъ, не зная сна, отъ горя одичалый,
 На верхъ столпа взбирался онъ.

Внизу вился Эвфратъ змѣею серебристой
 И полночь усыплялъ журчаньемъ свѣтлыхъ водъ,
 И въ сумеркахъ сѣдыхъ съ пустынею душистой
 Вдали сливался неба сводъ.

А блѣдный человѣкъ вперялъ свой взоръ въ созвѣзды, —
 Былъ взоръ безсонницей и горемъ воспаленъ.
 «Да, вижу, — онъ шепталъ, — далека твоя звѣздный тронъ...
 Но не спасешься отъ возмездья!..»

.

Былъ знойный день. Народъ въ палаткахъ изнывалъ,
 Въ зловѣщей тишинѣ пустыня цѣпенѣла.
 Въ Эвфратѣ плавился сверкающій металлъ,
 Надъ всей землею мгла висѣла.

А въ вечеру, свистя, пронесся ураганъ
И дико завертѣлъ песчаными столбами,
И, грознымъ заревомъ клубясь подъ небесами,
Вдругъ тучъ примчался караванъ.

Но вотъ сгустился мракъ. Изогнутой стрѣлою
Блеснула молнія и тучѣ въ грудь впиалась.
И туча, застонавъ надъ дрогнувшей землею,
Горячимъ ливнемъ пролилась.

А люди?.. Предъ лицомъ разгнѣванной сватыни
Рыдали, казались, молились богу силъ,
И будъ межъ ними онъ, виновникъ ихъ гордыни,
Онъ смерть бы горькую вкусилъ.

Но не было его. Среди стихій стелющихся
На башнѣ онъ стоялъ съ открытой головою,
И съ воплями грозы и съ трескомъ тучъ гремющихъ
Сливалъ бессильный голосъ свой.

«А!—дико онъ кричалъ:—ты, наконецъ, разсерженъ!
Предъ близкою бѣдой всѣ силы ополчилъ.
Ты ураганъ послалъ, чтобъ былъ мой столпъ поверженъ,
Всѣ стрѣлы молній расточилъ!..»

«Греми, бушуй и злись! Я здѣсь одинъ—ты видишь—
Но ты не страшень мнѣ, ты—съ яростью своей.
Не страшень потому, что я люблю людей,
А ты ихъ только ненавидишь...»

«Умру,—моя любовь затеплится во мглѣ,
И въ шопотѣ руинъ мой голосъ будетъ громокъ.
Сквозь вихорь и грозу услышь меня, помоги!
Услышь: намъ тѣсно на землѣ!...»

Но тутъ пустынный смолкъ. Внезапно неба сводъ
Какъ будто надвое распался, пламенѣя;
На мигъ одинъ сверкнулъ потокъ вспѣнныхъ водъ,
Сверкнули шалаши, бѣлѣя,

Верблюды, рощи, столпъ высокій, а на немъ
Безумный человѣкъ съ простертыми руками...

Сверкнули, — въ тотъ же мигъ ударилъ мощный громъ
Между землей и облаками,

И рухнулъ гордый столпъ, и тяжестью столпа
Убить его творецъ — съ своей надеждой вмѣстѣ...
Потомъ гроза прошла, — и храмъ на этомъ мѣстѣ
Воздвигла робкая толпа...

V.

Минулъ столѣтій рядъ. Тотъ храмъ давно сталъ пылью.
Но былъ пустынный правъ: жива его любовь.
Легенда смутная становится вдругъ былью,
И древній столпъ творится вновь.

Не противъ неба, нѣтъ. Сводъ неба безконечный
Созрѣвшій человекъ мечтой давно проникъ,
Узналъ, что онъ одинъ съ своей тоскою вѣчной
И самъ — скорбей своихъ родникъ.

Узналъ, что мрачный духъ вражды и лжи тлетворной,
Людского счастья врагъ, людскихъ виновникъ слезъ,
Изъ неба прогнанный, на землю тронъ свой черный,
Въ сердца людскія перенесъ.

И, словно вешній громъ, чарующій и властный,
На новую борьбу кличъ новый прозвучалъ.
И міръ откликнулся съ восторженностью страстной,
И столпъ — не каменный — возсталъ: —

Изъ чистыхъ помысловъ, святого состраданья,
Изъ подвиговъ любви, изъ безкорыстныхъ думъ.
Герой принесъ свой пылъ, поэтъ — свои мечтанья,
Мудрецъ — испытанный свой умъ.

И дышетъ міръ опять надеждою единой;
Въ какой-то чудный край могучій столпъ растетъ:
— Достигнешь ли его ты гордою вершиной,
Иль вновь гроза тебя смететъ?..

Н. Минскій

ЖИЛКА.

Изъ разсказовъ о золотѣ.

XI *).

Наступала весна. Дорога почернѣла; съ крышъ капала вода, а по ночамъ стоки и канельники обростали ледяными сталактитами. Солнце разѣдало снѣгъ, который чернѣлъ отъ пропитывавшей его воды и садился все ниже и ниже, покрываясь сверху мусорнымъ налетомъ. Горныя рѣчонки начали набухать и пожелтѣли отъ выступившихъ наледей; сочившаяся изъ почвы весенняя вода точила дряблый ледъ, образуя чернѣвшія промоины и широкія полыньи. По влобочкамъ и прикрутостямъ, по уваламъ и горovýmъ мѣстамъ выглянули первыя проталинки съ включенной, бурой прошлогодней травой; рыжія пятна такихъ проталинъ покрывали бѣлый зимній саванъ точно грязными заплатами, которыя все увеличивались и росли съ каждымъ днемъ, превращаясь въ громадныя прорѣхи, какихъ не въ состояніи были починить самыя холодныя весенніе утреники, коробившіе ледъ и заставлявшіе трещать бревна. Въ воздухѣ наливалась и росла та сила, которая, точно сознательно, уничтожала шагъ за шагомъ остатки суровой сѣверной зимы. Даже холодъ, достигавшій по ночамъ значительной силы, не имѣлъ уже прежней всесокрушающей власти: земля сама давала ему отпоръ накопившимся за день тепломъ, и солнечные лучи смывали послѣдніе слѣды этой борьбы. Нѣсколько разъ принимался идти мягкій пушистый снѣгъ, но онъ таялъ на слѣдующій же день; это былъ

*) См. выше: январь, 183 стр.

не настоящій снѣгъ, и народъ называетъ его «сыномъ, который пришелъ за матерью», т.-е. за зимой.

Только въ лѣсу еще лежалъ глубокій снѣгъ, особенно по логамъ и по дремучимъ лѣснымъ гущамъ. Здѣсь солнце не въ силахъ его достать, и можетъ только растопить лежавшій на вѣтвяхъ бѣлый пушистый слой, превративъ его въ ледяныя сосульки, которыми мохнатыя зеленныя лапы елей и сосенъ были изувѣшаны, какъ брилліантовыми подвѣсками и поднизями. Стройныя ели и пихты, опушенныя утреннимъ инеемъ, стояли осыпанныя брилліантами, какъ невѣсты; этотъ подвѣнечный нарядъ таялъ и снова нарасталъ каждую ночь, какъ постоянно возобновлявшаяся красота. Темная зелень хвои сливалась въ необыкновенную гармонию съ искрившейся бѣлизной снѣжныхъ поворотовъ, создавая неувадавшую гармонию красокъ и тоновъ, особенно рядомъ съ мертвыми остовами осинъ, березъ и черемухъ, которыя такъ жалко таращили свои набухавшія голыя вѣтви. Самые дикіе лѣсные уголки дышали великой и могучей поэзіей, разливавшейся въ тысячахъ отдѣльныхъ деталей, гдѣ все было оригинально, все полно силы и какой-то сказочной прелести, особенно по сравненію съ жалкими усиліями человѣка создать красками или словомъ что нибудь подобное. Вторженіе человѣка въ жизнь природы съ цѣлью воспроизвести ея красоты, тѣмъ или другимъ путемъ, каждый разъ разбивается самымъ безпощаднымъ образомъ, какъ галлюцинаціи сумасшедшаго. Воровство, спитое на живую нитку, трещить и рвется по всѣмъ швамъ, обнажая наше самоувѣренное и самодовольное невѣжество. Достаточно указать на тотъ фактъ, что нашъ вкусъ находитъ дисгармонію въ сочетаніяхъ зеленого и голубого цвѣтовъ, а природа опровергаетъ наши художественныя настроенія на каждомъ шагу, сочетая синеву неба съ зеленью лѣса и травы почти въ музыкальную мелодію, особенно на сѣверѣ, гдѣ природа такъ бѣдна красками.

Съ наступленіемъ весны работа на Смородинкѣ закипѣла. Заканчивали маленькую плотинку, которою рѣчка Смородинка запруживалась; ставили паровую машину, били третью шахту и т. д. Картина новаго пріиска представляла самый оживленный лѣсной уголокъ: лѣсная гуща точно разступилась, образовавъ неправильную площадь, поднимавшуюся отъ Смородинки на увалъ; только что срубленныя и сложенныя въ костры деревья образовали по краямъ что-то въ родѣ той засѣки, какая устраивалась въ прежнія времена на устороженныхъ мѣстечкахъ на случай нечаяннаго непріятельскаго нападенія; новенькая контора точно грѣлась на самомъ угорѣ; рядомъ съ ней выросли амбары и

людская, гдѣ жили кучера и прислуга. Отвалы изъ промытыхъ песковъ и просто земли, добытой изъ шахты, образовали нѣсколько отдѣльныхъ грядъ, точно валы какой-то земляной крѣпости. Деревянный сарай надъ жилой, дробильная машина и главный корпусъ, гдѣ совершалась зимой промывка золота, дополняли картину прииска, на которомъ теперь работало до трехсотъ человѣкъ.

Гордѣй Евстратычъ живмя-жилъ на приискѣ и выѣзжалъ домой очень рѣдко; Михалко и Архипъ были неотлучно при немъ, замѣняя приисковыхъ служащихъ. Михалко наблюдалъ за рабочими, рассчитывалъ ихъ по субботамъ, а по праздникамъ ѣздилъ въ Бѣлоглинскій заводъ производить необходимыя закупки изъ харчей, одежды и всякаго другого припаса, который требовался на приискѣ; Архипъ занимался больше письменной частью и старательно велъ приисковыя книги. Работы всѣмъ было по горло, и Гордѣй Евстратычъ замѣтно похудѣлъ за это время, а на лбу у него легло нѣсколько морщинъ. По цѣлымъ часамъ онъ высиживалъ въ своей конторѣ со щетами въ рукахъ, дѣлая смѣты и необходимыя соображенія. Золото шло богатое, но чѣмъ больше получалась дневная выручка, тѣмъ задумчивѣе и суровѣе становился Гордѣй Евстратычъ: ему все было мало, и на головы Михалка и Архипа сыпалось безконечное ворчанье.

— Ничего вы не смотрите, дармоѣды! — ругался Гордѣй Евстратычъ, шагая по конторѣ. — Ну, какой у насъ порядокъ? По міру скоро всѣ пойдемъ.... Вонъ Шабалинъ не по нашему поворачивается съ приисками!..

Михалко и Архипъ больше отмалчивались въ этихъ случаяхъ и въ душѣ проклинали жилку, которая душила ихъ безконечной работой. Ими еще не овладѣлъ тотъ бѣсъ наживы, который мучилъ Гордѣя Евстратыча, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью. Брагину все было мало; его жадность росла вмѣстѣ съ приливающимъ богатствомъ. Къ пасхѣ онъ положилъ въ банкъ двадцать тысячъ и не испытывалъ никакой радости, потому что можно было бы заработать въ зиму не два раза двадцать. Вѣдь наживается же Шабалинъ и другіе, а чѣмъ онъ, Брагинъ, грѣшнѣе этихъ другихъ? Кромѣ этого, Гордѣй Евстратычъ сдѣлался крайне подозрительнымъ и недоувѣрчивымъ человѣкомъ, потому что вездѣ видѣлъ обманъ и подвохи; даже роднымъ дѣтямъ онъ не довѣрялъ теперь и постоянно ихъ повѣрялъ. Рабочіе являлись въ его глазахъ скопищемъ воровъ и разбойниковъ, которые тащатъ на сторону его золото...

Даже тѣ расходы, которые производились на больного Мар-

кушеу, замѣтно тяготили Гордѣя Евстратыча, и онъ въ душѣ желалъ ему поскорѣе отправиться на тотъ свѣтъ. Собственно расходы были самыя небольшіе—рублей пятнадцать въ мѣсяцъ, но и пятнадцать рублей деньги, на полу ихъ не подымеешь. Татьяна Власѣвнѣ приходилось выхлопатывать каждый грошъ для Маркушки или помогать изъ своихъ средствъ.

— Штой-то, милушка, какой ты скупой сталъ,—мягко упрекала сына Татьяна Власѣвна.—Вѣдь Маркушка не чужой намъ, можно его успокоить... Да и недолго онъ натанетъ: доживетъ—не доживетъ до полои воды!

— Ну, мамынъка, онъ еще насъ переживетъ, Маркушка-то... Чего ему не жить: харчъ готовый, все готовое. Ты къ нему каждую недѣлю ѣздишь—это тоже денегъ стоитъ, потому лошади лишнѣхъ полпуда овса могутъ стравить. Такъ я говорю, мамынъка? На нашей шеѣ не мало дармоѣдовъ сидитъ... Хоть взять Зотѣя: ну, что онъ за человѣкъ таковъ? Ёсть нашъ хлѣбъ, и все тутъ, а пользы никакой. Теперь бы вотъ на прински его поставить, а развѣ ему можно довѣриться—только попади денежки въ руки и пошелъ чертить. Вотъ оно, мамынъка, и подумаешь съ подушечкой... Всѣмъ подай, обо всѣхъ позаботься, а карманъ одинъ.

— Какъ же раньше-то, Гордѣй Евстратычъ, ты ничего не говорилъ про Зотушеу?—удивлялась Татьяна Власѣвна.—Ужъ не обѣсть же онъ насъ... Чужимъ людямъ подаемъ, а своего не гнать же.

— Мало ли чего прежде-то было, мамынъка... Дураками мы жили, вотъ чтó! Надо за умъ взяться... Ты вотъ за снохами-то присматривай: товару въ лавкѣ много, пожалуй между рукъ не ушелъ бы.

— Што ты, што ты, милушка! Христось съ тобой... Да развѣ онъ воровки какія?

— Я не говорю, мамынъка, что воровки; а говорю: «мамынъка, смотрите въ оба»... Послѣ смерти не поваешься.

Сначала такія непутевыя рѣчи Гордѣя Евстратыча удивляли и огорчали Татьяну Власѣвну, потомъ она какъ-то привыкла къ нимъ, а въ концѣ-концовъ и сама стала соглашаться съ сыномъ, потому что и въ самомъ-то дѣлѣ не вѣкъ же жить дураками, какъ прежде. Всѣхъ не накормишь и не пригрѣешь. Этотъ старческій холодный эгоизмъ закрадывался къ ней въ душу такъ же незамѣтно, шагъ за шагомъ, какъ одно время года смѣняется другимъ. Это была медленная отравка, которая покрывала живого человѣка мертвящей ржавчиной.

— И въ самомъ-то дѣлѣ, што это мы больно раскошенились?.. — удивлялась Татьяна Власевна, точно просыпаясь отъ какого-то долгаго сна. — Вѣдь Шабалины не кормятъ всякихъ пропойцевъ, да не хуже другихъ живутъ...

— Вѣрно, мамынька, — подтверждалъ Гордѣй Евстратычъ. — Ты разсуди только то, что отерой Маркушка кому другому жилку, да развѣ ему какая бы польза отъ этого была?.. Ну, а мы свое дѣло сдѣлали...

— А клятва-то, милушка?

— Клятва — другое, мамынька... Мы за него вѣчно будемъ Богу молиться, это ужъ вѣрно. А на счетъ харчу и всякаго прочаго, у насъ и клятвы никакой не было... Такъ я говорю, мамынька?

— Такъ, милушка... Только какъ будто страшно, вѣдь ежели разобратъ, такъ жилка-то все-таки отъ Маркушки намъ досталась.

— Ахъ, мамынька, мамынька. Да развѣ Маркушка самъ жилку нашель? Вѣдь онъ ее въ родѣ какъ украсть у Кутневыхъ, ну, а Господь его не допустилъ до золота... Вотъ и все!.. Ежели бы Маркушка самъ отыскалъ жилку, ну, тогда еще другое дѣло. По настоящему, ежели и помочь кому, такъ слѣдовало помочь тѣмъ же Кутневымъ... Натурально, ежели бы они въ живности были, мамынька.

— Всѣ перемерли, всѣ!.. — съ какой-то радостью подхватила старуха и послѣ короткаго раздумья прибавила: — А вѣдь ты вѣрно, милушка, на счетъ Маркушки-то все обсказалъ...

— Ужъ я тебѣ говорю, мамынька: вѣрнѣе смерти.

А виновникъ этихъ заботъ и разговоровъ, кажется, не подозревалъ совсѣмъ той перемѣны, какая произошла въ Брагинныхъ по отношенію къ нему. Въ лихорадочно-работавшемъ мозгу Маркушки назрѣвала отчаянная идея, о которой онъ пока еще никому не говорилъ. Она обдумывалась въ теченіе полугода, въ бессонныя зимнія ночи, когда Маркушка оставался въ своемъ балаганѣ одинъ одинешенекъ. Тянулись безконечные мучительные часы, дни, недѣли, мѣсяца, а Маркушка все обдумывалъ одно и то же, не имѣя силъ сдвинуться въ которую-нибудь сторону. Идея Маркушки росла и крѣпла въ его душѣ такъ же, какъ вырастаетъ растеніе изъ маленькаго зернышка, пуская корни и развѣтвленія все глубже и глубже. Въ концѣ этого психологическаго процесса Маркушка настолько сросся съ своей идеей, что существовалъ только ею и для нея. Онъ это самъ сознавалъ, хотя никому не говорилъ ни слова. Удивленіе окружающихъ, что Маркушка такъ долго тянетъ, иногда даже смѣшило и забавляло

его, и онъ смотрѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, которыя не въ состояніи никогда понять его.

— Вотъ вода тронется съ горъ, тогда и ты померешь, — утѣшалъ кривой Потапычъ больного. — Ужъ это завсегда такъ бываетъ...

Кайло и Пестерь были того же мѣнія и мрачно покуривали свои носогрѣйки. Эти благочестивые люди въ послѣднее время находились особенно въ мрачномъ настроеніи, потому что «язвы», т.-е. Окся, Лапуха и Домашка окончательно бросили Полдневскую, переселившись на Смородинку, гдѣ нашли десятки новыхъ обожателей. Полное одиночество нагоняло на Кайло и Пестеря философскія мысли о суетѣ суетъ этого грѣшнаго міра. Только когда они напивались, сейчасъ же брели на Смородинку и затѣвали отчаянную драку съ своими счастливыми соперниками, причемъ были биты много и очень долго. «Язвы» щеголяли на пропалю въ новыхъ кумачныхъ сарафанахъ и съ новыми синяками по всему тѣлу, точно послѣднимъ путемъ имъ выдѣлывали кожу для какого-то особеннаго употребленія. Маркушка еще разъ могъ убѣдиться, что Окся и Лапуха никогда этимъ путемъ не достигнутъ селенія праведныхъ.

— Ну што, били? — иногда спрашивалъ онъ своихъ благопріятелей.

— Погоди, еще не уйдутъ отъ нашихъ рукъ, — мрачно отвѣчалъ Кайло.

— Надо ихъ хорошенько отлупить... — совѣтовалъ Маркушка, вздыхая. — И Домашку, и ту надо взлупить.

— И Домашку взлупимъ, Маркушка. Мы ей ноги выдержимъ...

Маркушка отъ этихъ разговоровъ испытывалъ непріятное волненіе и страшно завидовалъ Пестерю и Кайло, которые могли получить удовлетвореніе оскорбленной чести, а онъ долженъ былъ оставаться безучастнымъ зрителемъ этой драмы. Курсы полдневскихъ женщинъ дѣйствительно поднялись на небывалую высоту въ силу того экономическаго закона, по которому превышеніе спроса увеличиваетъ цѣну предметовъ потребления. Но Маркушка, какъ Пестерь и Кайло, совсѣмъ были незнакомы съ основными аксіомами политической экономіи и одинаково были далеки, какъ отъ христіанскаго смиренія, такъ и отъ безропотнаго повиновенія желѣзнымъ законамъ природы.

— Вы ихъ заманите обманомъ... — совѣтовалъ нѣсколько разъ Маркушка.

— Нейдутъ, шельмы!.. Пестерь обѣщалъ Домашкѣ новый сарафанъ, да нейдетъ.

Маркушка опять волновался. Его воображеніе мучили самыя ревнивыя картины, передъ которыми отступала на мгновеніе даже мысль о смерти. А смерть стояла за плечами... Маркушка чувствовалъ ея приближеніе своимъ нѣмѣвшимъ разбитымъ тѣломъ. Наступленіе весны убѣждало его въ этомъ еще болѣе. Когда и въ его лачугу заползалъ солнечный лучъ, долго игравшій на грязномъ полу, Маркушка чувствовалъ, что никакому солнцу уже не согрѣть его, какъ чувствовалъ то, что послѣдній запасъ жизненной силы уйдетъ отъ него вмѣстѣ съ внешней водой. Эта внешняя вода и пугала, и радовала его. Лежа съ закрытыми глазами, Маркушка часто испытывалъ совершенно особенное чувство: его именно подхватывала эта внешняя вода и съ увеличивающейся быстротой начинала нести впередъ, какъ несетъ пловца быстрая рѣка. Вкругомъ Маркушки несло все, и онъ просыпался съ глухимъ стономъ и, какъ утопающій, съ радостью коснѣющими руками хватался за впечатлѣнія дѣйствительности. Съ наступленіемъ весны эти мучительные сны стали повторяться чаще, стоило только Маркушкѣ закрыть глаза. Вода журчала на полу его лачуги, гнѣзные валы разбивались о стѣны, на улицѣ бушевалъ бурный влопочущій потопъ, и беспощадная стихійная сила подступала все ближе и ближе, подмывая существованіе Маркушки. Даже открывъ глаза, онъ еще долго не могъ освободиться отъ страшныхъ звуковъ: вода продолжала у него журчать въ ушахъ и точно переливалась въ самомъ мозгу.

Съ другой стороны, Маркушка страстно желалъ, чтобы вода скорѣе тронулась съ горъ: дотянуть до этого момента было его заветной мечтой. Только бы стоялъ снѣгъ и высыпала первая травка по проталинкамъ. Маркушка чувствовалъ обновляющуюся природу, какъ чувствовалъ и то, что самъ онъ не можетъ принять участія въ этомъ обновленіи, и каждую минуту готовъ былъ отлетѣть въ сторону, отвалившись мертвымъ кускомъ отъ общей живой массы, совершившей установленный круговоротъ. Какая-то страшная сила выталкивала его за черту органическаго существованія, въ темное безграничное пространство, ужасавшее его своимъ бессознательнымъ существованіемъ.

«Только бы до травы...» думалъ Маркушка, заглядывая въ слѣпое окошко своей лачуги.

А тамъ за стѣнами Маркушкиной избушки уже гудѣла въ воздухѣ закипавшая жизнь. На прогнившей крышѣ этой избушки

часто садились прилетѣвшіе скворцы, и ихъ свистъ заставлялъ Маркушку вздрагивать. Большой слышалъ трудовую возню воробьевъ, которые теребили мохъ изъ его избушки и радостно щебетали и чврикали, словно сумасшедшіе. Солнечные лучи все глубже и глубже заглядывали въ избушку, точно что они выщупывали въ ней своими сверкавшими пальцами; они подолгу оставались на закопѣлыхъ стѣнахъ, дѣлая ихъ еще чернѣе. Въ отворенную дверь тянуло свѣжей струей воздуха, которая раздражала Маркушку: въ воздухѣ пахло водой... Когда сѣверная весна пошла впередъ быстрыми шагами, Маркушка уже еле дышала. Кашель усилился. Его душила скоплавшаяся внутри мокрота, будто на его груди была положена тяжелая чугунная доска.

Разъ въ свѣтлый теплый весенній день Маркушка пригласилъ къ себѣ своихъ пріятелей, Пестеря и Кайло, и предложилъ имъ нѣчто отъ «воды веселія и забвенія». Эта порція водки была имъ куплена давно и хранилась подъ кроватью. Пестерь и Кайло пили стаканъ за стаканомъ и удивлялись щедрой пропитательности Маркушки: именно въ этотъ день они умирали отъ жажды, и Маркушка ихъ спасъ... Совсѣмъ расчувствовавшійся Пестерь долго смотрѣлъ въ упоръ на Маркушку и, наконецъ, проговорилъ:

— Што ты, шайтанъ, долго не помираешь... И вода съ горъ прошла, а ты все еще кочетыржишься!

— Вотъ что, братцы...—заговорилъ Маркушка, собираясь съ силами.—Не ходите вы завтра робить на Смородинку...

— И не пойдемъ, — согласился Кайло, чувявшій какую-то новую позиву.—Нонѣ этотъ Гордѣй Евстратычъ совсѣмъ изварначился...

— А што?

— Рабочихъ поѣдомъ съѣлъ... Все ему не ладно, все не такъ... Ругается.. Намедни насъ съ Пестеремъ обыскивалъ... Ей-Богу!..

Маркушка давно слышала о перемѣнѣ въ характерѣ Брагина, на котораго всѣ рабочіе начали громко жаловаться, но всегда отмалчивался.

— Да развѣ мы... ахъ, милосливый Господи!!..—ожесточенно выерививалъ Кайло, ударяя себя въ грудь кулакомъ. — Маркушка... да ужли ужъ мы... Вотъ спроси Пестеря... а-ахъ!..

— Обнаковенно... ежели бы мы захотѣли украсть, такъ не попались бы, — согласился угрюмо Пестерь, мотая головой. — Комаръ носу бы не подточилъ... А то, обыскивать!

— А, поди, крѣпко воруете? — спрашивалъ Маркушка, косвенно защищая Брагина.

— Маркушка... Да развѣ намъ можно не воровать... а?.. Человѣкъ не камень, другой разъ выпить захочеть, ну... А-ахъ, милосливой Господи! Точно, мы кое-что бирали, да только такъ, самую малость... ну, золотникъ али два... А онъ обыскивать... а?!.. Вѣдь какъ онъ насъ обидѣлъ тогда... неужли на насъ ужъ креста нѣтъ?

— Вотъ што, братцы, вы завтра робить не ходите... — говорилъ Маркушка: — я хочу безпремѣнно поглядѣть на Смородинку... такъ вы меня туда и снесите.

— Представимъ, Маркушка.

— Я вамъ заплачу, братцы...

— И такъ снесемъ. Все равно помремъ... Потапыча прихватимъ на всякій случай!..

Старатели пьянствовали въ лачугѣ всю ночь напролетъ. Пестерь, умиленный выпитой водкой, долго горланилъ пѣсню, которую когда-то въ Полдневской пѣли «язвы»:

Я безъ пряничка не сяду,
Безъ орѣшка не ступлю;
Я безъ милаго не лягу,
Безъ надежи не усну...

Пѣсня была веселая, и Кайло грузно отплясывалъ подъ пѣніе Пестера, шлепая своими грязными лаптами. Маркушка хрипѣлъ и задыхался и слышалъ въ этой дикой пѣснѣ послѣдній валъ поднимавшейся воды, которая каждую минуту готова была захлестнуть его. Въ ужасѣ онъ хватался рукой за стѣну и бессмысленно смотрѣлъ на присѣдаваго Кайло. И Кайло, и Пестерь, и Овся съ Лапухой, и Брагинъ — все это были пѣнвшіеся валы безконечной широкой рѣки...

Утромъ на другой день Кайло смастерилъ изъ двухъ палокъ и пихтовой хвои носилки. На этихъ носилкахъ старатели и потащили Маркушку на Смородинку. День былъ солнечный, ясный; воздухъ былъ пропитанъ смолистыми испареніями. По голубому небу торопливо бѣжали грады бѣлоснѣжныхъ облаковъ; гдѣ-то заливались безымянныя лѣсныя птички. Пріискковая дорога, проведенная изъ Полдневской на Смородинку, походила на корыто, по которому сбѣгала грязная красноватая вода. Пестерь и Кайло сосредоточенно шлепали своими лаптами по лужамъ и нѣсколько разъ садились отдыхать гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Ноша была нелегкая, особенно при такой дорогѣ. Маркушка лежалъ непод-

вижно, какъ трупъ; онъ былъ страшенъ на свѣжѣмъ воздухѣ, и только открытые глаза оставались еще живыми.

— Эй, ты, шайтанъ, умеръ, што-ли?—нѣсколько разъ окликалъ свою ношу Кайло.

Вмѣсто отвѣта Маркушка только капляла и глухо хрипѣла. Сколько тысячъ разъ онъ прошелъ по этимъ мѣстамъ, а дорогу къ Заразной горѣ онъ прошелъ бы съ завязанными глазами, всѣ горы въ окрестностяхъ на пятьдесятъ верстъ кругомъ были исхожены его лаптами, а теперь Маркушка, недвижимый и распростертый какъ пласть, только могъ повторять своимъ обезсиленнымъ тѣломъ каждый толчекъ отъ своихъ неуклюжихъ носильщиковъ. Иногда онъ стоналъ, когда Кайло и Пестерь перепрыгивали черезъ рытвины, но больше крѣпился, закрывая глаза отъ слѣпившаго его солнца. Носильщики все время пути жаловались на Брагина, который притѣснялъ старателей, ругались самыми живописными сравненіями, севернословили и нѣсколько разъ принимались корить Маркушку, зачѣмъ онъ «просолил жилку» Брагину.

— Тебѣ хорошо, чорту... Умрешь, и вся тутъ, а мы какъ?—соображалъ Кайло, раздражаясь все больше и больше. — Шайтанъ ты, я тебѣ скажу... Не нашелъ никого хуже-то, оканная душа. Онъ тебя и отблагодарилъ, нечего сказать... Отъ такого богатства могъ бы тебѣ хошь десять рублей въ мѣсяцъ давать, а то...

Молчаніе Маркушки еще сильнѣе раздражало его пріятелей, которые теперь отъ души жалѣли, что Маркушка не можетъ головы поднять, а то они здѣлали бы полудили ему бока... Особенно свирѣпствовалъ Пестерь, оглашая лѣсъ самой неистовой руганью.

Но вотъ и Заразная, до самого верха обросшая дремучимъ ельникомъ; вотъ и послѣдній уваль, вотъ и знакомый гуль, доносившійся отъ новаго пріиска. Гдѣ-то въ лѣсу звонко рубилъ топоръ сырое смоловое дерево; пахло дымомъ и смѣшаннымъ гуломъ самыхъ разнородныхъ звуковъ, точно въ лѣсу варился громадный котелъ. Кайло и Пестерь остановились на верху увала, откуда отлично можно было рассмотреть весь пріискъ. Маркушка приподнялъ голову и мутившимися глазами жадно смотрѣлъ подъ гору, гдѣ стояла конторка, дробилка, промывальная машина и десятки старательскихъ вашгердовъ. Онъ не узналъ своей жилки, хотя сердце у него забилося отъ радости при видѣ съ дѣтства знакомой картины.

— Ну, шайтанъ, гляди, это твоя работа...—корили Мар-

кушку пріятели. — Теперь Брагинъ будетъ раздуваться, какъ пузырь, нашимъ-то золотомъ.

— Пусть его...—прохрипѣлъ Маркушка. — На его душѣ грѣхъ...

Завѣтная идея Маркушки осуществилась наконецъ: онъ уви-
дѣлъ свою жилку, которую хоронилъ и вынашивалъ въ своей
душѣ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

На другой день вечеромъ Маркушка умеръ.

ХП.

Брагины загремѣли на цѣлую «округу». Слава объ ихъ богатствѣ, окрыленная тысячею самыхъ фантастическихъ добавленій, облетѣла сотни верстъ, вездѣ возбуждая зависть къ этимъ счастливымъ. Вмѣсто старыхъ знакомыхъ нашлись десятки новыхъ. Въ Бѣлоглинскій заводъ пріѣзжали издалека разные проходимцы и искатели приключеній, жаждавшіе прилепиться всѣми правдами и неправдами къ Брагинской жилкѣ. Такъ пріѣзжалъ какой-то смышленный нѣмецъ, предлагавшій Гордѣю Евстратычу открыть въ Бѣлоглинскомъ заводѣ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ; потомъ пришелъ пѣшеомъ изобрѣтатель новыхъ огнегасителей, сулившій золотыя горы; затѣмъ явилась нѣкоторая дама заграничнаго типа съ проектомъ открыть ссудную кассу, и т. д., и т. д. Въ Брагинскомъ домѣ отъ новыхъ знакомыхъ отбоя не было: всѣ спѣшили принести сюда посильную дань уваженія добродѣтелямъ рѣдкой семьи. Горные инженеры, техники, доктора, купцы, адвокаты—всѣхъ одинаково тянуло къ всеильному магниту, не говоря уже о бѣдности, которая поползла къ Брагинскому дому со всѣхъ угловъ, снося сюда въ одну кучу свои бѣды, напасти и огорченія... Горькая нужда въ тысячахъ разновидностей точно тронулась и нарочно обнажила свои язвы. Вдовы, сироты, калѣки, несчастные всѣхъ видовъ молили о помощи и готовы были по крохамъ разнести Брагинскія богатства. Почти каждый день приносили на имя Гордѣя Евстратыча десятки писемъ, въ которыхъ неизвѣстныя лица, превозшедшія своими несчастіями даже Іова, просили, молили, требовали немедленной помощи; все это дѣлалось даже страшнымъ, потому что для покрытія вопіющей нужды не достало бы золотыхъ горъ.

— Мамынька, да што же это такое?—спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ, отчаянно боровшійся съ своей скупостью.

— Ничего, милушка, потерпи, — отвѣчала Татьяна Власьева. — Въ самъ-то дѣлѣ, вѣдь у насъ не золотыя горы, гдѣ взять-то для всѣхъ... По своей силѣ помогаемъ, а всѣхъ не ублаготворить. Царь богаче насъ, да и тотъ всѣмъ не поможетъ...

Брагини теперь походили на тѣхъ счастливицевъ, которые среди открытаго океана спасались сами на обломкахъ разбитаго корабля. Кругомъ ихъ мелькали въ водѣ утопающіе, въ нимъ тянулись руки съ мольбой о помощи, ихъ звалъ послѣдній крикъ отчаянія, но они думали только о собственномъ спасеніи и отталкивали цѣплявшіяся за нихъ руки, чтобы не утонуть самимъ въ бездонной глубинѣ. Эта картина скоро притупила ихъ нервы настолько, что они отнеслись даже къ смерти благодѣтеля Маркушки совсѣмъ безучастно. Кайло и Пестерь похоронили «шайтана» на свои гроши, а Гордѣй Евстратычъ прогналъ ихъ съ работы, какъ свидѣтелей собственной несправедливости, которые моголили ему глаза.

— Деньги—вода, — объяснялъ Гордѣй Евстратычъ сыновьямъ: — пришла—ушла, только ее и видѣлъ... А ты копѣйку не досматрѣлъ, она у тебя рубль изъ карману долой.

Михалю и Архипъ были слишкомъ оглушены всѣмъ происходившимъ на ихъ глазахъ и плохо понимали отца. Они понимали богатство по-своему и потихоньку роптали на старика, который превратился въ какого-то вошея. Нѣтъ того, чтобы устроить ихъ, какъ живутъ другіе... Эти другіе, т.-е. сыновья богатыхъ золотопромышленниковъ, о которыхъ молва рассказывала чудеса, очень беспокоили молодыхъ людей.

Работы и заботы всѣмъ было по горло въ Брагинскомъ домѣ: мужики колотились на пріискѣ, снохи попеременно торговали въ лавкѣ, а «сама» съ Ньюшей съ ногъ сбилась съ гостями. А тутъ еще Дуня затяжелѣла, за ней глазъ былъ нуженъ; у Ариши Степушка все прихварывалъ зимой; Зотушка чаще обыкновеннаго началъ зашибаться водкой. Алена Евстратьевна толклась всю зиму-зимскую. Все нужно было досмотрѣть, вездѣ поспѣть. А тутъ еще Гордѣй Евстратычъ затѣвалъ старый домъ перестраивать: крыша деревянная ему помѣшала—загорѣлось налаживать непременно желѣзную, потомъ палубить снаружи да красить внутри. Все это подбивала Гордѣя Евстратыча милая сестрица Алена Евстратьевна, которая совсѣмъ угорѣла отъ чужого золота. Татьяна Власьева частенько про себя жалѣла о Колобовыхъ и Савиныхъ. Новыя заботы иногда дѣлались ей не подъ силу, и она нуждалась въ постороннемъ совѣтѣ, а къ кому теперь пойдешь, кромѣ о. Крискента. Особенно ее беспокоила

судьба Ньюши. Пазухины пропустили рождественскій мясоѣдъ и не заслали сватовъ, потому что Пелагея Миневна боялась модницы Алены Евстратьевны, а послѣ пасхи ужъ навѣрно подоплеть кого-нибудь. Дѣло не шуточное, и посудить да порядить объ немъ не съ кѣмъ, кромѣ о. Крискента, который со всѣми всегда соглашается. Тоже вотъ и невѣстки кручинятся по своимъ-то, сильно кручинятся, а чѣмъ имъ поможешь. Марфа Петровна прямо говорить, что эти Колобовы да Савины всѣ ногти себѣ обрызгли отъ зависти и постоянно судачать на нихъ, т.-е. на Брагинныхъ.

— Старухи-то еще что говорятъ,—прибавляла ужъ отъ себя словоохотливая Марфа Петровна: — легкое-то богатство, говорить, по водѣ уплыветъ... Ей-Богу, Татьяна Власьевна, не вру! Дивушку я далась, съ чего это старухи такую оказію придумали!..

Татьяна Власьевна строго подбирала губы и ничего не отвѣчала. Этотъ отзывъ кровно ее обижалъ, потому что попадалъ въ самое больное мѣсто: она сама иногда боялась своего легкаго богатства. А тутъ еще эти старухи принались каркать... Именно, зависть ихъ одолевала, точно отъ Брагинскаго несчастья имъ легче будетъ. Снохи Татьяны Власьевны по прежнему дулись одна на другую, и Татьяна Власьевна подозрѣвала, что и это не даромъ дѣлается, а родимыя матушки надуваютъ въ уши дочкамъ. Ужъ это вѣрно, потому гдѣ бы молоденькимъ бабенкамъ сердце выдержать на цѣлыхъ полгода—не вытерпѣли бы и помирились. Это все старухи разстраиваютъ бабенкамъ: хотятъ не мытьемъ, такъ катаньемъ взять. Этотъ рядъ мыслей окончательно утвердился въ головѣ Татьяны Власьевны, и она съ особеннымъ вниманіемъ выслушивала сплетни Марфы Петровны.

Только одна Ньюша оставалась прежней Ньюшей,—развей горе веревочкой,—хотя и приставала къ бабушкѣ съ разговорами о платьяхъ. Несмотря на размолвку отцовъ, Ньюша и Оenea остались неразлучны по прежнему и частили одна къ другой, благо свободнаго время не занимать-стать. Эти молодые особы смотрѣли на совершившееся около нихъ съ своей точки зрѣнія и рѣшительно не понимали поведенія стариковъ, которые распозались въ разныя стороны, какъ окормленные бурой тараканы.

— Просто спятили съ ума на старости лѣтъ,—говорила откровенная Оenea.—Нашли чего дѣлать... Жили-жили, дружили-дружили, а тутъ вдругъ тѣсно показалось. И мой-то тятинька тоже хорошъ: все стоналъ да жаловался на свое староство, а тутъ поди ты, какъ поднялся. Съ ними и сама съ ума сойдешь, Ньюша, только послушай.

— А баушку такъ и узнать нельзя стало, — жаловалась Ньюша. — Все считаетъ что-то да бормочетъ про себя... Мнѣ даже страшно иногда дѣлается, особенно ночью. Либо молится, либо считаетъ... И скупая какая стала — страсть. Прежде изъ послѣдняго старухъ во флигелѣ кормила, а теперь не знаетъ какъ ихъ скачать съ рукъ.

— А Гордѣй Евстратичъ?

— И не говори... Въ нему и подойти теперь боязно. На снохъ дуется, Михалка съ Архипомъ заморилъ на присѣвѣ, на Зотушку ворчитъ, со мной тоже не много разговариваетъ. Скутища у насъ теперь...

— Гостей за то много бываетъ.

— Да и гости такіе, что намъ носу нельзя показать, и баушка запираетъ насъ всѣхъ на ключъ въ свою комнату. Вотъ тебѣ и гости... Недавно Порфиръ Порфиричъ былъ съ какинъ-то горнымъ инженеромъ, ну, цили, конечно, а потомъ какъ инженеръ-то принялся по всѣмъ комнатамъ на рукахъ ходить!.. Чистой театр... Ей-Богу! Потомъ какого-то адвоката привозили изъ городу, тоже Порфиръ Порфиричъ, такъ того ужъ прямо на рукахъ вынесли изъ повозки, да и послѣ добудиться не могли: такъ соннаго и уволокли опять въ повозку.

Всѣ подобныя разсужденія доказывали только полную неправдичность болтавшихъ дѣвушекъ, которыя не въ состояніи были понять многого, что творилось на ихъ глазахъ. Онѣ еще не покрылись той житейской ржавчиной, которая живыхъ людей превращаетъ въ ходячіе трупы. Зеленая юность тѣмъ и счастлива, что не знаетъ, не хочетъ знать этихъ разъѣдающихъ умъ и душу расчетовъ, которые опутываютъ остальныхъ людей непроницаемой сѣтью. Произведенныя Маркушиной жилкой превращенія для Ньюши и Тени были глупой и смѣшной загадкой; скрывавшійся подъ ними старческій эгоизмъ, корыстные расчеты и расшевеленное самолюбіе были далеки отъ этихъ юныхъ душъ, еще нетронутыхъ житейской горечью.

Ожидаемое сватовство Ньюши наконецъ состоялось. Сватами явились купецъ Сорокинъ, дядя Алеша Пазухина по матери, и заводскій надзиратель Потемкинъ. Люди были почтенные, обчлывные и заявили въ Брагинскій домъ по всѣмъ правиламъ сватовского искусства, памятуя золотое правило, что свату первая чарка и первая палка. Конечно, завели они рѣчь издаека, что послать ихъ князь поискать жаръ-птицы, что ходили они, гуляли по зеленымъ садамъ, напали на слѣдъ, и слѣдъ привелъ ихъ прямо къ Брагинскому двору и т. д. Сваты были опытные и нагова-

ривали въ голосъ, только слушай. Даже Татьяна Власьевна осталась довольна ихъ разговоромъ и отвѣтила имъ въ томъ же тонѣ.

— Какой же вы слѣдъ видѣли, добрые люди?—спрашивала Татьяна Власьевна.

— А тотъ слѣдъ, Татьяна Власьевна,—отвѣчалъ осанистый старикъ Сорокинъ, разглаживая свою русую бороду: — летѣла жаръ-птица изъ зеленого сада, да ронила золотое перо около вашего двора—вотъ тебѣ и первый слѣдъ...

Гордѣй Евстратычъ былъ дома и принялъ сватовъ довольно сухо, предоставивъ Татьянѣ Власьевнѣ вести все дѣло. Сваты посидѣли, поболтали и пошли ни съ чѣмъ, потому что первыхъ сватовъ засылаютъ только на развѣдки, почему ихъ и называютъ пустосватами. Въ случаѣ отказа сватамъ, на югѣ кладутъ въ экипажъ тыву, а на сѣверѣ привязываютъ къ экипажу шесть; пріѣхать съ шестомъ для свата, конечно, большое безчестье. Татьяна Власьевна не сказала своимъ сватамъ ни да, ни нѣтъ, потому что нужно было еще посоветоваться съ отцомъ. Такой совѣтъ состоялся, какъ и по поводу Маркушиной жила, изъ Гордѣя Евстратыча, Татьяны Власьевны и Зотушки.

— Ну, такъ какъ ты думаешь, Гордѣй Евстратычъ?—спрашивала Татьяна Власьевна, когда они чинно ушли по мѣстамъ.

— Что тутъ думать-то, мамынъка... Конечно, худой женихъ доброму путь кажетъ. Спасибо за честь, а только родниться намъ съ Пазухинными не рука.

— По што же не рука, Гордѣй Евстратычъ? Люди хорошіе, обстоятельныя и семья—одинъ сынъ на рукахъ. Да и то сказать, какіе женихи по нашимъ мѣстамъ, а отдать дѣвку на чужую-то сторону жаль будетъ. Не ошибиться бы, Гордѣй Евстратычъ. Я давно объ этомъ думала...

— А я, мамынъка, другое на умѣ держу! Пазухинныхъ хать не хочу, а для Нюши почище жениха сыномъ. Не оборыши, слава Богу, какіе, и не браковку замужъ отдаемъ... Не по себѣ дерево Пазухины выбрали, мамынъка, прямо сказать.

— Охъ, Гордѣй Евстратычъ, Гордѣй Евстратычъ... Всякій лучше выбираетъ, да только не всякому счастья выпадаютъ. Можетъ, и мы не по себѣ дерево ищемъ...

Послѣдняя фраза задѣла Гордѣя Евстратыча за живое, и онъ сердито замолчалъ. Зотушка, сгорбившись, сидѣлъ въ уголѣ и смиренно ждалъ, когда его спросятъ. Глазки у него такъ и свѣтились, очевидно, ему что-то хотѣлось сказать.

— Ну, а ты, Зотушка, какъ думаешь?—спросила Татьяна Власьевна, чтобы перевести разговоръ.

— Я, мамынька, думаю за одно съ тобой... За большимъ погонисься, пожалуй, и малаго не увидишь.

— Опять, дуракъ!!—загремѣлъ Гордѣй Евстратычъ, навидываясь на брата; онъ радъ былъ хоть на немъ сорвать сердце.— Ни уха, ни рыла не понимаешь, а туда же...

— Вы, братецъ, напрасно такія слова выговариваете,—со смиреніемъ возражалъ Зотушка.—Я дуракъ про себя, а не про другихъ. Вы вотъ себя умнымъ считаете, а такую ошибочку дѣлаете...

— Ты меня учить... а?!.. Вонъ, пьяница и дуракъ!.. Изъ дому моего вонъ... И чтобы духу твоего не было!.. Слышалъ...

— Гордѣй Евстратычъ...—пробовала-было заступиться Татьяна Власьева за своего любимца.—Милушка, што это ты говоришь?

— Мамынька, оставь насъ... Я долго терпѣлъ, а больше не могу. Онъ живетъ дармоѣдомъ, да еще мнѣ же поперечныя слова говорить... Я спустил въ прошлый разъ, а больше не могу.

— И я, братецъ, тоже! больше не могу...—съ прежнимъ смиреніемъ заявилъ Зотушка, поднимаясь съ мѣста.—Вы думаете, братецъ, что стали богаты, такъ васъ и лучше нѣтъ... Эхъ, братецъ, братецъ! Жили вы раньше, а не жорили меня такими словами. Ну, Господь вамъ судья... Я и такъ уйду, самъ... А только еще одно скажу вамъ, братецъ! не губите вы себя и другихъ черезъ это самое золото!.. Поглядите-ка кругомъ-то: всѣхъ разогнали, ни одного стараго знакомаго не осталось. Теперь послѣднихъ Пазухинныхъ лишитесь.

— Ладно, ладно, разговаривай... Лучше найдемъ.

— Я вѣдь не о себѣ, братецъ... Польстились вы на золото,—какъ бы старыхъ пожитковъ не растерять. И вы, мамынька, тоже... Послушайте меня, дурака.

— Зотушка... Гордѣй Евстратычъ...—плакалась Татьяна Власьева, бросаясь между братьями.—Побойтесь вы Бога-то!!..

— Я грѣшный человѣкъ, мамынька, да про себя...—смирненно продолжалъ Зотушка, помаленьку отступая къ дверямъ.—Другихъ не обижаю, а братецъ разогналъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ, теперь меня гонить, а будетъ время и васъ, мамынька, выгонитъ... Я-то не пропаду: намъ добраго не изжить еще, а вотъ вы-то какъ?..

Гордѣй Евстратычъ ринулся-было на брата съ кулаками, но Татьяна Власьева опять удержала его, и онъ заскрежеталъ зубами отъ бессильнаго гнѣва. Когда Зотушка вышелъ, Татьяна Власьева тихо заплакала, а Гордѣй Евстратычъ долго бѣгалъ по своей горницѣ и кричалъ на мать:

— Это все отъ тебя, мамынька! Да... Развѣ это порядокъ въ дому... а? Правду сестра-то Алена говорить, что мы дураками живемъ... Кто здѣсь хозяинъ?

— Гордѣй Евстратычъ... да вѣдь Зотѣй-то тебѣ не чужой. Чего съ него взять-то, ежели его Господь обидѣлъ...

— Онъ мнѣ хуже въ десять разъ чужого, мамынька... Я десять человѣкъ чужихъ буду кормить, такъ по крайней мѣрѣ отъ нихъ доброе слово услышу. Зотѣй твой потворъ всегда былъ, ну, ты ему и потащишь...

Эти слова точно укулоли старуху. Она поднялась съ своего мѣста, выпрямилась во весь ростъ и грозно проговорила:

— Гордѣй Евстратычъ... Ты и въ самъ дѣлъ, видно, хочешь меня изъ родительскаго гнѣзда выжить?..

— Ахъ, мамынька, мамынька!..—застоналъ Гордѣй Евстратычъ, хватаясь въ отчаяніи за голову.—Вѣдь это что же такое будетъ... а?.. Мамынька, прости на скоромъ словѣ.

Гордѣй Евстратычъ повалился въ ноги къ мамынькѣ, а та рукой наклоняла его голову къ самому полу и приговаривала:

— Ниже, ниже, милушка, кланяйся матери-то... Кабы покойникъ отецъ былъ живъ, да онъ бы тебя за такія скорыя рѣчи въ живыхъ не оставилъ. Ну, инъ, Богъ простить...

Поднявшись съ земли, Гордѣй Евстратычъ какими-то дикими глазами посмотрѣлъ на мать, а потомъ, махнувъ рукой и ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты. Татьяна Власьева долго смотрѣла кругомъ, точно припоминая, гдѣ она, а потомъ, пошатываясь, побрела на свою половину. Въ ея ухахъ еще стояли пророческія слова Зотушки, и она теперь боялась ихъ, припоминая страшное лицо Гордѣя Евстратыча, когда онъ поднялся съ земли. Маркушкино золото точно распаяло тѣ швы, которыми такъ крѣпко была связана Брагинская семья: всѣ поползли врозь, т.-е. пока большаки, а за ними, конечно, поползутъ и остальные. Сознаніе происходившаго ошеломило Татьяну Власьевну, какъ человѣка, который, неожиданно взглянувъ внизъ, увидать подъ ногами бездонную пропасть. Еще одинъ шагъ—и общая гибель неизбежна.

«Господи, помилуй!» крестилась старуха, хватаясь за косякъ двери: ее даже качнуло въ сторону, какъ пьяную. «Зотушка... милушка...»

Это была тяжелая минута. Татьяна Власьева на мгновеніе увидѣла разверзавшуюся бездну въ собственной душѣ, потому что тамъ происходило такое же раздѣленіе и смута, какъ и между ея дѣтьми. «Аще раздѣлится домъ на ся—погибнуть дому

сему» — вотъ тѣ роковыя слова, которыя жгли ея возбужденный мозгъ, какъ ударившая въ сухое дерево молнія. Она уже не была прежней богомолкой и спасённой душой, а вся преисполнилась земными мыслями, которыя теперь начинали давить ее мертвымъ гнетомъ. Именно теперь припоминала Татьяна Власьева и свою скупость, и то, какъ ей было всего мало, и смерть брошеннаго на произволъ судьбы Маркушки, и ссору съ Колобовыми, Савиными и Пятовыми. Последнимъ звеномъ въ этой роковой цѣпи являлся выгнанный на улицу Зотушка, а затѣмъ естественный разрывъ съ Пазухиними, которые, конечно, будутъ обижены неудачнымъ своимъ сватовствомъ. Чѣмъ дальше думала Татьяна Власьева, тѣмъ дѣлалось ей тяжелѣе, точно ея душу охватывала какая-то крошечная тьма. Она прибѣгла къ своему единственному средству утѣшенія, т.-е. къ молитвѣ, и простояла на поклонахъ до третьихъ пѣтуховъ. Нюшѣ тоже не спалось. Она знала, зачѣмъ пріѣзжали Сорокинъ съ Потемкинымъ, но боялась спросить бабушку о результатѣ ихъ совѣщанія. Зачѣмъ выгналъ отецъ Зотушку? зачѣмъ онъ кричалъ на баушку? зачѣмъ баушка такъ усердно откладываетъ поклоны передъ своимъ иконостасомъ? Нюшино сердце чуяло что-то недоброе, и она потихоньку всплакнула въ свою подушку.

— Баушка... а, баушка,—нерѣшительно спросила она молившуюся старуху.

— Ты развѣ не спишь, милушка? — удивилась Татьяна Власьева.

— Нѣтъ, баушка...

Старуха подошла къ Нюшѣ, сѣла на ея постель и долго гладила своей морщинистой рукой, съ тонкой старой кожей, ея темноволосую красивую голову, пылливо глядѣвшую на нее темными блестящими глазами. Эта нѣмая сцена сказала обѣмъ женщинамъ больше словъ; онѣ на время слились, въ одну мысль, въ одно желаніе и такъ же молча встали на молитву. Татьяна Власьева раскрыла книгу, зажгла нѣсколько новыхъ свѣчъ предъ образами и мѣрнымъ ровнымъ голосомъ начала «говорить канунъ». Нюша стояла рядомъ съ ней и со слезами молилась, отбивая по лѣстовѣ безконечные поклоны. Минуту назадъ имъ было такъ тяжело, а теперь онѣ, умиленные и растроганныя, далеко оставили тамъ, гдѣ-то внизу, всѣ бѣды напасти, точно ихъ омылила какая-то высшая сила.

— Баушка, какъ-же... что давеча-то тятинька сказалъ? — спрашивала Нюша, когда молитва была кончена.

— Охъ, милушка, милушка... Не судьба тебѣ, милушка,

видно за Алешей Пазухинимъ быть. Отецъ и слышать не хочетъ... Молись Богу, голубушка.

Нюша уткнулась головой въ подушку и горько зарыдала. Это было первое горе, которое разразилось надъ ея головой.

Зотушка, когда вышелъ изъ братцовой горницы, побрелъ къ себѣ въ флигелекъ, собралъ маленькую котомочку, положилъ въ нее мѣдный складень — матушкино благословеніе, и съ этой пошлей, помолившись въ послѣдній разъ въ батюшкиномъ дому, вышелъ на улицу. Дѣло было подъ вечеръ. На встрѣчу Зотушкѣ попалось нѣсколько знакомыхъ мастеровыхъ, потомъ о. Крискентъ, отправлявшійся на своей пѣгой лошади «давать молитву младенцу».

— Куда, Зотѣй Евстратычъ? — оклинулъ его о. Крискентъ. — Садись, подвезу.

— Спасибо на добромъ словѣ, о. Крискентъ... А я иду, куды глаза глядятъ. Братецъ меня выгналъ изъ дому...

От. Крискентъ такъ былъ пораженъ этимъ, что даже не могъ сразу подыскать подходящаго къ случаю словоназиданія.

— Какъ же ты думаешь, Зотѣй Евстратычъ, устроиться?

— А что мнѣ думать, о. Крискентъ? Свѣтъ не кланномъ сошелся... Намъ добраго не изжить, а уголокъ-то и мнѣ найдется. Мы какъ соловецкіе угодники, въ немощахъ силу обрѣтаемъ...

— А вѣдь это точно... да! — согласился о. Крискентъ и, приподнявъ брови, глубокомысленно прибавилъ: — можетъ, это даже тебѣ на пользу Господь посылаетъ испытаніе, Зотѣй Евстратычъ... Судьбы Божіи неисповѣдны.

Сидя въ своемъ тепломъ домикѣ, о. Крискентъ всегда любилъ распространяться на тему о благодатиProvidѣнія и о промыслѣ божіемъ, тѣмъ болѣе, что ему, т.-е. о. Крискенту, было всегда такъ тепло и уютно, и онъ глубоко вѣрилъ въ благодать и промыселъ, какъ другіе люди вѣрятъ въ испытанныя медицинскія средства. И теперь, глядя на смиренную фигурку Зотушки, онъ испытывалъ настоящее умиленіе и даже прослезился, благословляя Зотушку, какъ «взыскающаго града». Простившись съ о. Крискентомъ, Зотушка тихонько побрелъ впередъ, не зная хорошо, въ кому ему сначала зайти — къ Колобовымъ или къ Савинымъ. У Пятовыхъ, Шабалиныхъ ему тоже были бы рады, потому что Зотушка былъ великій «источникъ» на всякія художества: онъ и праники стряпать, и шубы шить, и птахъ ребятишкамъ ловить въ пайники да въ западни, и по упомойничѣ канунъ говорить, и сказку сказать... А главное, что носилъ съ собой Зотушка, какъ величайшее сокровище — это была полная

незловобность и какое-то просвѣтленное смиреніе, которымъ онъ такъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ мірскихъ людей. Именно, эта душевная особенность Зотушки дѣлала его своимъ человѣкомъ вездѣ, точно онъ вносилъ съ собой струю «мирови міра», которая заразительно дѣйствовала на всѣхъ, облегчая одолевавшія ихъ злобы.

— Ежели пойти къ Савинымъ или къ Колобовымъ—не хорошо будетъ,—разсуждалъ про себя Зотушка.—Сейчасъ подумають, что я пришелъ къ нимъ жаловаться на брата Гордія Евстратыча, чтобы ему досадить. У Шабалиныхъ, ежели наткнусь на Вукола Логинича—отъ виннаго бѣса не уйти... Пойду-ка я къ Нилу Поликарпичу, у него и работишки для меня найдется.

Зотушка такъ и сдѣлалъ. Прошелъ рынокъ, обошелъ фабрику и тихимъ незловобнымъ шагомъ направился къ высокому господскому дому, откуда ему на-встрѣчу, вилая хвостомъ, выбѣжалъ мохнатый пестрый Султанъ, совсѣмъ зажирѣвшій на господскихъ хлѣбахъ, такъ что изъ пяти чувствъ сохранилъ только зрѣніе и вкусъ. Обойдя «паратнее крыльцо», Зотушка черезъ кухню пробрался на половину къ барышнѣ Оени и предсталъ передъ ней, какъ листъ передъ травой.

— А я къ вамъ, Оедосыя Ниловна,—заговорилъ Зотушка.—Нилъ-то Поликарпичъ дома? Нѣту... Ну, еще успѣемъ увидаться, моя касаточка. Ахъ, я и не успѣлъ тебѣ захватить поклончика отъ Нюши...

Черезъ четверть часа Оени уже знала всю подноготную и въ порывѣ чувства даже расцѣловала божьего человѣка. «Источникъ» переминался съ ноги на ногу, моргалъ своими глазками и съ блаженной улыбкой говорилъ:

— Касаточка ты моя... Сейчасъ говорилъ о. Крискенту: намъ, о. Крискентъ, добраго не изжить. Ты что это орудуешь тутъ Оедосыя Ниловна?

— Да такъ... Крою бѣлье равное.

Въ комнатѣ Оени дѣйствительно весь полъ былъ обложенъ полосами разнаго полотна, а она сама ползала по нему на колѣняхъ съ выкройкой въ одной рукѣ и съ ножницами въ другой. Зотушка полюбовался на молодую хозяйку, положилъ свою котомочку въ уголочъ, снялъ сапоги и тоже примостился къ разложенному полотну.

— А ты меня, касаточка, спроси, какъ все это дѣло устроить... Когда Савины дочь выдавали, такъ я все приданое своими руками кроилъ невѣстѣ. Ужъ извини, касаточка: и рубашки, и

кофточни—все кроилъ... И шить я прежде источникъ былъ, не знаю какъ нынче.

— Я тебя на машинѣ научу шить, Зотушка, — обрадовалась Оеня. — Сначала только чаю напьешься...

Черезъ часъ, когда чай были кончены и Зотушка даже пропустилъ для храбрости маленькую, онъ ползалъ по полотну вмѣстѣ съ барышней Оеней, съ моткомъ нитокъ на шеѣ и съ выкройкой въ зубахъ. Когда засвѣтили огонь, Зотушка сидѣлъ посреди пола съ работой въ рукахъ и тихо мурлыкалъ свой «стихъ»:

И-идеть ста-арець пооо-доро-огъ-ѣ...

ХІІІ.

Лѣто для Брагинской семьи промелькнуло, какъ золотой сонъ. Смородинка работала превосходно; въ недѣлю иногда намывали до шести фунтовъ. Паровая машина была поставлена, но одной было мало: вода одолѣвала, нужно было въ осени вторую. Въ концѣ каждаго мѣсяца Гордѣй Евстратычъ исправно отправлялся въ городъ Екатеринбургъ сдавать золото, гдѣ скоро сошелся съ другими золотопромышленниками, съ богатыми комисіонерами, скупавшими ассигновки у мелкихъ золотопромышленниковъ, и съ разными другими дѣльцами и темными личностями, ютившимися около золотого возла. Народъ былъ юркій, проворный, и Гордѣй Евстратычъ окончательно убѣдился, что жилъ до сихъ поръ въ своемъ Бѣлоглинскомъ заводѣ дуракъ-дуракомъ.

— Надо, братъ, эту темноту-то свою бѣлоглинскую снимать съ себя, — говорилъ Вукозь Шабалинъ, хлопая Гордѣя Евстратыча по плечу. — По-настоящему надо жить, какъ прочіе живутъ... Первое, одѣться надо, какъ слѣдуетъ. Я тебѣ порекомендую своего портного въ Петербургѣ... Потомъ надо компанію водить настоящую, а не съ какими-нибудь Пазухинными да Колпачковыми. Тутъ, братъ, всему выучать.

— А я съ бѣлоглинскими-то тово, Вукозь Логиничъ...

— Знаю, знаю, Варя рассказывала... И хорошо дѣлаешь потому намъ себя тоже надо строго соблюдать, чтобы не совѣстно было передъ настоящими людьми.

Своего единовѣрческаго платя Гордѣй Евстратычъ не перемѣнилъ, но компанію водить съ настоящими людьми не отказался, а даже былъ очень доволенъ поближе сойтись съ ними. У этой настоящей компаніи были облюбованы свои теплыя мѣстечки, гдѣ и катилось разливное море: въ одномъ мѣстѣ ѣли,

въ другомъ играли въ карты, въ третьемъ слушали арфистокъ и вездѣ пили и пили безъ конца. Въ карты Гордѣй Евстратычъ не игралъ, а пилъ вмѣстѣ съ другими, потому что нельзя-же въ самомъ-то дѣлѣ такую компанію своимъ упрямствомъ разстраивать... Вѣдь люди-то, люди-то какіе: всѣ на подборъ, особенно адвокаты и разные инженеры. Наговорять съ три короба, а въ руки взять нечего... А впрочемъ, народъ обходительный, и даже одѣтыми въ единовѣрческое платье не гнушаются, что очень льстило Гордѣю Евстратычу, сильно стѣснявшемуся на первыхъ порахъ своимъ длиннополымъ кафтаномъ и русской рубашкой.

— Мы здѣсь живемъ какъ братья, Гордѣй Евстратычъ, — говорилъ Брагину юркій адвокатъ изъ восточныхъ человѣковъ. — Все равно какъ одна семья.

Дѣйствительно, всѣ эти невянскіе, и кушвинскіе, мяскіе и троицкіе золотопромышленники, попадая въ Екатеринбургъ, сливались въ одну золотую массу, которую адвокаты и другіе дѣльцы обхаживали особенно усердно. Особнякомъ держались отъ этой компаніи только самые крупные тузы, которые проживали по столицамъ, являясь на Уралъ только на нѣсколько дней. Гордѣй Евстратычъ присматривался, прислушивался и самъ старался быть, какъ всѣ, а то одинъ Шабалинъ засрамить. Это легкое привольное житье затягивало незамѣтно, и Гордѣй Евстратычъ ѣздилъ въ городъ съ особеннымъ удовольствіемъ, хотя могъ-бы обойтись безъ такихъ поѣздокъ — стоило только заручиться надежнымъ коммисіонеромъ, какъ у другихъ золотопромышленниковъ. Брагину хотѣлось прежде всего самому немного ошлифоваться въ настоящей компаніи.

Пріѣзжая изъ города домой, Брагинъ всѣмъ привозилъ подарки, особенно Ньюшѣ, которая ходила все лѣто, какъ въ воду опущенная. Дѣвушка тосковала объ Алешѣ Пазухинѣ, отецъ это видѣлъ и старался утѣшить ее по своему.

— Ну, Ньюша, будетъ дурить, — говорилъ ей Гордѣй Евстратычъ подъ веселую руку. — Хочу тебя уважить: какъ поѣду въ городъ — заказывай себѣ шелковое платье съ хвостомъ... Какъ дамы носятъ.

— Не надо, татинька...

— Вздоръ мелешь!.. Какое хочешь: зеленое или красное?

— Не надо, татинька...

— И выходишь дура, если перечишь отцу. Я къ тебѣ съ добромъ, а ты ко мнѣ... погоди, вотъ въ Нижній съ Вуколомъ поѣдемъ, такой тебѣ оттуда гостинецъ привезу, что глаза у всѣхъ разбегутся.

Эта замѣна Алешки Пазухина шелковымъ платьемъ не удалась, и Нюша по прежнему тосковала и плакала. Она замѣтно похудѣла и сдѣлалась еще краше, хотя прежняго смѣха и боготовни не было и въ поминѣ. Впрочемъ, иногда, когда прїѣзжала Оеия, Нюша оживлялась и начинала дурачиться и хохотать, но подъ этимъ напускнымъ весельемъ стояли тѣ-же слезы. Даже сорви-головушка Оеия не могла развеселить Нюши и часто принималась ее бранить:

— Дурища ты, Нютка... Ей-Богу!.. Вотъ еще моды затѣяла... Эка бѣда, подумаешь, не стало ихняго брата, жениховъ-то... И по любви замужъ выходить, да горе мывають... Ей-Богу, я этому Алешкѣ въ затылокъ накладу.

Чтобы окончательно вылечить свою подругу, Оеия однажды рассказала ей цѣлую исторію о томъ, какъ Алешка таращить глаза на дочь заводского бухгалтера и ссылалась на десятки свидѣтелей. Но Нюша только улыбалась печальной улыбкой и недовѣрчиво покачивала головой. Теперь Оеия была желанной гостьей въ Брагинскомъ домѣ, и Татьяна Власьева сильно ухаживала за ней, тѣмъ болѣе, что Зотушка все лѣто прожилъ въ господскомъ дому подъ крылышкомъ у Феодосіи Ниловны.

— Гляжу я на тебя и ума не могу приложить: въ кого ты издавалась такая удалая,—говорила иногда Татьяна Власьева, любясь красавицей Оеией.—Ужъ можно сказать, что всѣмъ взяла, не какъ наша Анна Гордѣевна.

— А я такъ ума не приложу, что съ вами со всѣми дѣлается,—отвѣчала бойкая на языкъ Оеия.—Взять тебя, баушка Татьяна, такъ и сказать-то ровно неловко...

— А, что, милушка?

— Да такъ... На себя не походишь, баушка. Скупая стала да привередливая.

— Охъ, нельзя, милушка, нельзя, голубушка... Вонъ у насъ какой отецъ-то строгій сталъ да расчетливый. Съ меня все вскидываетъ, чуть что.

— Вотъ тоже ребятъ на прінскѣ заморили... Снохи скучаютъ поди объ нихъ недѣлю-то.

— Ну, это опять другой разговоръ, Оеиюшка. Нельзя по нашему дѣлу на чужихъ людей полагаться, а на прінскѣ глазъ да глазъ нуженъ.

— Ежели-бы я вашей снохой была, я ушла-бы на второй мѣсяць...

— Пшш... Што-ти, милушка, какія ты слова разговариваешь. Ежели всѣ бабы отъ мужей побѣгутъ, тогда ужъ распосѣднее

дѣло... Мы невѣстою, слава Богу, не обижаетъ, какъ сыръ въ маслѣ катаются.

— Масло-то ваше больно горькое, баушка Татьяна!.. Вонъ Нютка, лица на ней нѣтъ... Мы съ Зотушкой все ее жаждемъ.

Татьяна Власевна только тяжело вздыхала и съ соболеваніемъ покачивала головой.

Сыновья Брагина выѣзжали домой только по воскресеньямъ и праздникамъ, когда работа на жилкѣ останавливалась. Сначала они скучали своей новой обстановкой, а потомъ, мало-помалу, привыкли къ ней и даже совсѣмъ въ нее втянулись. Особенно лѣтомъ на принскахъ было весело, потому что работа ехала на открытомъ воздухѣ и походила на какой-то праздникъ или помочь. Притомъ, на Смородинку постоянно заворачивали разные гости: то Порфиръ Порфиръчъ съ Плинтусовымъ, то Шабалинъ съ Липачкомъ, то кто-нибудь изъ знакомыхъ золото-промышленниковъ. Конечно, пребываніе такихъ гостей на принскѣ ознаменовывалось прежде всего кромѣшнымъ пьянствомъ, а затѣмъ чисто принсковыми удовольствіями. Для Порфира Порфиръча, напримѣръ, постоянно устраивался около конторы хороводъ изъ принсковыхъ красавицъ, недостатка въ которыхъ не было и въ числѣ которыхъ фигурировали Окся и Лапуха съ Домашкой. Бабы «играли пѣсни», а Порфиръ Порфиръчъ гѣшился гѣмъ, что бросалъ въ хороводъ платки и праники. Это было его любимымъ удовольствіемъ и, нагрузившись, онъ любилъ даже поплясать съ бабами, особенно когда былъ на лицо мировой Липачекъ. Гордый Евстратычъ смотрѣлъ на эти праздники сквозь пальцы, потому что разъ нельзя-же перечить такому начальству какъ Порфиръчъ, Плинтусовъ и Липачекъ, а затѣмъ и потому, что какъ-то неловко было отставать отъ другихъ.

— На всѣхъ принскахъ одна музыка-то...—хохоталъ пьяный Шабалинъ, поучая молодыхъ Брагинныхъ...—А вы смотрите на насъ стариковъ, да и набирайтесь уму-разуму. Намъ у золота да не пожить—грѣхъ будетъ... Такъ Архипъ? Чего красной дѣвкой глядишь... Постой, вотъ я тебѣ покажу, гдѣ раки зимуютъ. А еще женатый человѣкъ... Ха-ха! Отецъ не пускаетъ къ Дунѣ, такъ мы десять ихъ найдемъ. А ты, Михалко?.. Да вотъ что, братцы, что вы ко мнѣ въ Бѣлоглинскомъ не заглянете?.. Съ Варей васъ познакомлю, такъ она васъ всей ариеметикѣ выучитъ.

Эти уроки пошли молодымъ Брагиннымъ «въ наукъ». Михалко потихоньку началъ попивать вино съ разными принсковыми служащими, конечно, въ хорошей компаніи и потихоньку

отъ татеньки, а Архинъ началъ пропадать по ночамъ. Братья знали искусства другъ друга и покрывали одинъ другого передъ гровнымъ татинькой, который ничего не подозрѣвалъ, слишкомъ занятый своими собственными соображеніями. Правда, Татьяна Власьевна провѣдала стороной о похожденияхъ внуковъ, но прямо все объяснить отцу побоялась.

— Ты-бы присматривалъ за ребятами-то...—нѣсколько разъ говорила она Гордѣю Евстратычу, когда тотъ отправлялся на пріискъ.—У васъ тамъ на жилѣхъ всякаго народу пропасть, пожалуй, научать уму-разуму. Ребята еще молодые, — долго-ли свихнуться.

— На людяхъ живемъ, мамынька, — успокоивалъ Гордѣй Евстратычъ:—ежели бы што—слухомъ земля полнится. Хорошая слава лежить, а худая по дорожѣхъ бѣжить.

— А ты, милушка, все-таки посматривай...

— Ладно, ладно... Ты вотъ за Нюшей-то смотри, чего-то больно она у тебя хмурится, да и за неvěстками тоже. Мужикъ если и согрѣшитъ, такъ грѣхъ на улицѣ оставить, а баба все домой принесетъ. На той недѣлѣ мнѣ сказывали, что Володька Пятовъ повадился въ нашу лавку ходить, когда Ариша торгуешь... Можетъ, зря болтають только, бабенки молоденькія. А я за ребятами въ два глаза смотрю: они у меня воды не замутиять.

— Вотъ гости-то ваши меня беспокоятъ, милушка... Вѣдь вонъ какія статуи, одинъ другого лучше. Сумѣваюсь я на счетъ ихъ... Хоть кого на грѣхъ наведутъ.

Когда Гордѣй Евстратычъ уѣзжалъ съ золотомъ въ городъ, Брагинскимъ ребятамъ на пріискѣ была полная воля. Нашлись такіе люди, которые научили, какъ нужно свою линію выводить, т.-е. откладывать тамъ и самъ денежки про черный день. Разсчеты по пріиску были большіе, и достать деньги этимъ путемъ ничего не стоило, тѣмъ болѣе, что все дѣло велось семейнымъ образомъ, съ полнымъ довѣріемъ, такъ что и подсчитать не было никакой возможности. Гордѣй Евстратычъ боялся чужихъ людей, какъ огня, и все старался сдѣлать своими руками. Володька Пятовъ, прокутавшись до нитки гдѣ-то на пріискахъ, явился съ повинной къ отцу и теперь проживалъ въ Бѣлоглинскомъ. При Гордѣѣ Евстратычѣ, онъ, конечно, не смѣлъ и носу показать на Смородинку, но безъ него онъ являлся сюда, какъ домой, и быстро просвѣтилъ Брагинскихъ ребятъ, какъ слѣдуетъ жить по настоящему!

— Чего вамъ смотрѣть на старика-то, — говорилъ Пятовъ

своимъ новымъ пріятелямъ: — онъ въ городѣ закатится, тамъ твори, чего хочешь, а вы здѣсь кисните на принскѣ, какъ старыя дѣви... Я вамъ такую про него штуку скажу, что только ахнете: любовницу себѣ завелъ... Вотъ сейчасъ провалиться — правда!.. Мнѣ Варька Шабалинская сама сказывала. Я вѣдь къ ней постоянно хожу, когда Вукола дома нѣтъ...

Ребята разинули ротъ отъ удивленія и долго не могли повѣрить Володькѣ Пятову, который вралъ за четверыхъ.

— Эхъ вы, телята!.. хохоталъ Володька. — Да гдѣ у васъ глаза-то? Что за бѣда, если старикъ и потѣшится немного... Чего любите еще въ порѣ. Не такіе старики грушаты: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

— Да ты врешь, Володька... Смотри!..

— Чего смотри?.. Я знаю, какъ и зовутъ любовницу Гордѣя Евстратыча. Она изъ нѣмокъ, изъ настоящихъ, а называется Сашей. Въ арфиствахъ раньше была, потомъ съ Шабалинымъ жила до Варьки. Шабалинъ ее и сосваталъ тятенькѣ-то вашему... Мнѣ сама Варька сказывала, — потому Шабалинъ пьяный все ей рассказываетъ.

Володька Пятовъ, коренастый кудрявый парень, не смотря на кутежи и запретныя удовольствія, былъ кровь съ молокомъ, — не даромъ роднымъ братцемъ Оени считался. Такой-же русый волосъ, такой-же румянецъ, такіе-же свѣтлые ласковые глаза, только ума у Володьки Пятова не было ни на грошъ: весь промотанъ въ городѣ. Щеголялъ онъ всегда въ модныхъ визиткахъ, и крахмаленныхъ рубашкахъ, носилъ пуховую черную шляпу и постоянно хвастался золотыми кольцами. У женщинъ извѣстнаго разбора Володька Пятовъ пользовался большимъ успѣхомъ и, отъ нечего дѣлать, приволакивался за Аришей Брагиной, о чемъ, конечно, не рассказывалъ Михалкѣ.

— Погодите, батяка смотреть, смотреть, да еще жениться вздумаетъ, — посмѣивался Володька Пятовъ. — Что, испугались? То-то... Смотрите въ оба, а то какразъ наслѣдниковъ новыхъ наживете.

Принсковые рабочіе очень любили Володьку Пятова, потому что онъ послѣднюю копейку умѣлъ поставить ребромъ и обходился со всѣми за панибрата. Только пьяный онъ начиналъ крѣпко безобразничать и успокоивался не иначе, какъ связанный веревками по рукамъ и ногамъ. Михалео и Архипъ завидовали пиджакамъ Володьки, его прокрахмаленнымъ сорочкамъ и особенно его свободному разговору и смѣлости, съ какой онъ держалъ себя вездѣ. Особенно Архипъ увлекался имъ

и старался во всемъ копировать своего пріятеля, даже въ походеѣ.

Слухи о баловствѣ Брагинскихъ ребятъ, конечно, скоро разошлись вездѣ и разными досужими людьми были переданы, между прочимъ, Колобовымъ и Савиннымъ, съ приличными добавленіями и прикрасами. Конечно, объ семьѣ поднялись на ноги, особенно старухи, и пошла писать исторія. Общая бѣда теперь помирила ихъ. Агнея Герасимовна разливалась рѣкой, оплакивая свою Аришу, какъ мертвую; Матрена Ильинична тоже крѣпко убивалась о своей Дунѣ, которая вдобавокъ уже давно ходила тяжелая и была совсѣмъ «на тѣхъ порахъ», такъ что ей и сказать ничего было нельзя. Въ лавкѣ сидѣла теперь, большею частью, одна Ариша, которую иногда смѣняла только Нюша; дѣло было лѣтнее, тихое въ торговлѣ, и Ариша справлялась со всей торговлей. Она иногда брала съ собой въ лавку своего Степушу, и время летѣло незамѣтно, какъ за всякой работой. Волокитство Володьки Пятова сначала напугало Аришу, а когда онъ пропалъ изъ Бѣлоглинскаго завода — молодая женщина совсѣмъ успокоилась. Вотъ именно въ этотъ моментъ и зачастила въ лавку сама Агнея Герасимовна, по своей добротѣ, не утѣвшая даже прикрыться какимъ-нибудь задѣльемъ.

— Какъ у васъ тамъ, дома-то? — спрашивала старушка, жалостливо глядя на свою ненаглядную доченьку.

— Штой-то, мамынька, какъ ты и спрашиваешь... — удивлялась Ариша.

— Да я такъ, Ариша, къ слову пришлось... Мужъ-то какъ у тебя?

— Мужъ... да чего ему сдѣлается, мамынька?... Будто рѣдко теперь дома бываетъ, а такъ ничего.

— Ну, а Татьяна Власьевна?

— И Татьяна Власьевна ничего...

Эти разговоры съ мамынькой кончились тѣмъ, что ничего не подозрѣвавшая Ариша, наконецъ, заплакала горькими слезами, почувя что-то недоброе. Агнея Герасимовна тоже досыта наревѣлась съ ней, хотя и догадалась большую половину утаить отъ дочери.

— Только ради истиннаго Христа, Аришинька, ничего не говори Дунашѣ, — упрашивала Агнея Герасимовна, утирая лицо платочкомъ: — бабочка на сносяхъ, пожалуй, еще попритчится чтѣ... Мы съ Матреной Ильиничной досыта наревѣлись объ васъ. Можеть, и зря люди болтають, а все страшно какъ-то... Ты, Аришинька, не сумлѣвайся очень-то: какъ-нибудь про себя напо-

симъ. Главное — не доводи до поры до времени до большаковъ-то, тебѣ же и достанется.

Ариша ходила всю недѣлю съ опухшими красными глазами, а когда въ субботу вечеромъ съ приска пріѣхалъ Михалко — она лежала въ своей коморѣ совсѣмъ больная. Татьяна Власьева видѣла, что что-то неладное творится въ дому, пробовала спрашивать Аришу, но та ничего не сказала, а допытываться на-строго Татьяна Власьева не хотѣла; «можетъ, и въ самомъ дѣлѣ нездоровится», — рѣшила про себя старуха и напонила Аришу на ночь мятой. Глядя на Аришу, закручинилась и Дуня. А ночью Татьяна Власьева слышала въ коморѣ какой-то подозрительный шумъ, а затѣмъ плачь: это была первая семейная сцена между молодыми. Ариша сначала молчала, а потомъ начала упрекать мужа; Михалко оправдывался, ворчалъ и кончилъ тѣмъ, что поколотилъ жену. Ариша въ одной рубашкѣ, просто-волосая, съ плачемъ, ворвалась въ комнату Татьяны Власьевны и подняла весь домъ на ноги. Старухѣ стоило большихъ трудовъ успокоить невѣстку и уговорить, чтобы она не доводила дѣла до Гордѣя Евстратыча, который на счастье не былъ въ эту ночь дома.

Утромъ завернула къ Брагиннымъ Марфа Петровна, и все дѣло объяснилось. Хотя Пазухины были и не въ ладахъ съ Брагинными изъ-за своего неудачнаго сватовства, но Марфа Петровна потихоньку забѣгала покалякать къ Татьянѣ Власьевнѣ. Черезъ пять минутъ старуха узнала, наконецъ, что такое сдѣлалось съ Аришей и откуда дулъ вѣтеръ. Марфа Петровна въ такомъ видѣ рассказала все, что даже Татьяна Власьева оробѣлась на свою родню.

— И вѣдь что говорить-то, — задыхаясь, рассказывала Марфа Петровна. — Михалку пропойцомъ называютъ, а про Архипа... ну, однимъ словомъ, славятъ про него, что онъ путается съ присковыми дѣвками. И шлюху-то его называютъ... Ахъ, дай Богъ память... Домашкой ее зовутъ, изъ Полдневскихъ она. Такъ и дѣвчонка-то бросовая, разговору не стоитъ, а старухи-то тростятъ страсть какъ... Будто Архипъ-то и ночей не спитъ въ казармѣ, когда Гордѣя Евстратыча не бываетъ въ казармѣ. Вѣдь чего только и наговорятъ, Татьяна Власьева... Статое ли дѣло, чтобы отъ такой молодой да красивой жены, какъ ваша Дуня, да мужъ побѣждалъ къ какой-то шлюхѣ Домашкѣ. Кто этому повѣрить? Тоже, вотъ, про Володьку Пятова разное болтаютъ. Да ужъ я вамъ всего-то рассказывать не стану, Татьяна Власьева, пустяки это все, я такъ думаю.

— Нѣтъ ужъ, Марфа Петровна, начала, такъ все выкладывай,—настаивала Татьяна Власьева, почернѣвшая отъ горя.— Мы тутъ сидимъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ и ничѣмъ ничего не знаемъ, что люди-то добрые про насъ говорятъ. Тоже вѣдь не чужіе намъ будутъ, взять хоть Агнею Герасимовну... Немножко будто мы разошлись съ ними, только это особъ статья.

— Вотъ, Агня-то Герасимовна все и ходила въ лавку къ Аришѣ, да и надувала ей въ уши... Да. Только всего она Аришѣ не сказала, чего про между себя дома-то разговариваютъ. О чемъ, бишь, я хотѣла вамъ рассказывать-то?..

— О Володькѣ Пятовѣ...

— Да, да... такъ. Третьяго дня вечеромъ завернула я къ Савинимъ, а тамъ Агнея Герасимовна сидитъ. Меня чай оставили пить. Ну, старухи-то и пошли востить про Володьку, какъ онъ вашихъ ребятъ сомущаетъ на всякія художества: Михалку на счетъ водки и къ картамъ приучаетъ, а Архипа по женской части... А потомъ про Шабалина зачали говорить да про Порфира Порфирыча, какіе они поступки поступаютъ на Смородинкѣ: дымъ воромысломъ... А ребята-то молодые—имъ это и повадно. Да еще Шабалинъ-то учитъ вашихъ ребятъ всякимъ пакостямъ... А Володька Пятовъ опять затащилъ Архипа какъ-то къ Варькѣ Шабалинской, Ей-Богу, не вру... Ну, а Варька-то заодно съ Володькой обманываетъ Вукола-то Логинича. А какъ вы думаете: на вино, да на карты, да на разные поступки съ этими шлюхами вѣдь деньги надо?..

— Вотъ я это-то и думаю, Марфа Петровна: вѣдь, у Михалки съ Архипомъ и денегъ сроду своихъ не бывало, отецъ ихъ не потачитъ деньгами-то. А что присковные-то расчеты, такъ вѣдь самъ отецъ ихъ подсчитываетъ, черезъ его руки всякая копѣечка проходить.

— Позвольте, Татьяна Власьева... Я тоже старухамъ говорю, а онѣ на Володьку на Пятова все валяютъ: онъ и съ ключомъ со своимъ въ чужой сундукъ сходить, и отца поучить обманывать въ расчетахъ, и на всякія художества подымется изъ-за этихъ самыхъ денегъ. Онъ отца родного сколько разъ обкрадывалъ, а чужихъ людей и подавно. Агнея-то Герасимовна какъ заговорить про Володьку, такъ у ней глаза и заходить, потому какъ его она и считаетъ заводчикомъ всякихъ пакостей. Я про себя, Татьяна Власьева, такъ думаю, голу-бушка... Чужія-то дѣла вуды ловко судить: и то не такъ, и это не такъ, а къ своимъ ума не приложить. Теперь взять хоть Агнею Герасимовну или Матрену Ильиничну, старухи, кажется,

степенныя, умницами слывуть, а тутъ давай-ка мутить на весь Бѣлоглинскій заводъ. По моему имъ бы молчать да молчать, а не то, что самимъ рассказывать... Такъ вѣдь Татьяна Власьева?

— Истинная правда, Марфа Петровна. Вотъ этого и я въ разумъ никакъ не возьму! Зачѣмъ чужимъ-то людямъ про свою бѣду рассказывать до время? А тутъ еще въ своей-то семьѣ разстраиваютъ...

— Вотъ, вотъ, Татьяна Власьева... Въмѣсто того, чтобы придти къ вамъ или васъ къ себѣ позвать, да все и обсудить за одно, они все стороной ладятъ обойти, да еще невѣстокъ-то вашихъ разстраиваютъ. А вы-то подумайте, развѣ ваши-то ребята бросовые какіе? Ежели бы и въ самомъ дѣлѣ грѣхъ какой вышелъ, ну, по глупости тамъ или по малодушію, такъ Агнѣй-то Герасимовиѣ съ Матреной Ильиничной не кричать бы на весь Бѣлоглинскій заводъ, а покрыть бы слухи да съ вами бы бѣду и поправить.

— Такъ, такъ, Марфа Петровна. Справедливыя слова ты говоришь... Будь бы еще чужіе—ну, на всякій ротокъ не накинешь платокъ, а то вѣдь свои—вотъ что обидно.

— По моему, Татьяна Власьева, всему этому дѣлу настоящіе заводчики эти самые Савины и Колобовы и есть... ей Богу!..

— Да вѣдь свои они намъ, какъ ни поверни, Марфа Петровна... Что имъ за нужда на своихъ-то дѣтей бѣду навлиять?

— Ахъ, Татьяна Власьева, Татьяна Власьева... А если они всѣ въ ослабленіи свои поступки поступаютъ? Можно сказать, изъ зависти къ вашему богатству все и дѣло-то вышло... Вотъ, они и рады случаю придраться къ вамъ!..

Результатомъ такихъ разговоровъ было то, что Татьяна Власьева совсѣмъ отшатнулась отъ своей родни и стала даже защищать внуковъ, которыхъ «обнесли напраслиной». Она теперь взглянула на дѣло именно съ своей личной точки зрѣнія, какъ обиженная сторона, и горой встала за фамилію чести. Такъ какъ скрывать долѣе было нельзя отъ Гордѣя Евстратыча, то Татьяна Власьева и рассказала ему все дѣло, какъ понимала его сама. Противъ ожиданія, Гордѣй Евстратычъ не вспылалъ даже, а отнесся къ разсказу жаловавшейся мамыньки почти безучастно и только прибавилъ:

— Ну, пусть ихъ, мамынька... Почешутъ-почешутъ языки да и отстанутъ. Всего не переслушаешь. Занялся бы я этими вашими сплетнями, да, вишь, мнѣ не до нихъ: въ Нижній собираться пора.

— А съ кѣмъ ты поѣдешь-то, милушка?

— Не знаю еще... Можетъ, Вуколъ поѣдетъ, такъ съ нимъ угадаю.

— Охъ, милушка, милушка... Вуколъ-то этотъ... сумлѣваюсь я...

— Пустое, мамынька... Тоже, мамынька, и про Вукола много зря болтають, какъ и про насъ съ тобой. Человѣкъ, какъ человѣкъ.

— Ну, какъ знаешь, милушка... А только ты поговорилъ бы съ Аришей-то, больно она убивается. Разстраиваютъ ее, ну, она и свружилась...

— Хорошо, мамынька, поговорю.

Гордѣй Евстратычъ всегда очень любилъ свою старшую невѣстку, для которой у него никогда и ни въ чемъ не было отказа. Только въ послѣдній годъ онъ какъ будто перемѣнился въ ней, такъ, по крайней мѣрѣ, думала сама Ариша, особенно послѣ случая съ серьгами и брошкой. Ей казалось, что Гордѣй Евстратычъ все сердится за что-то на нее, не шутить, какъ бывало прежде, и часто придирается, особенно по торговлѣ. Придетъ въ лавку и начнетъ пропекать, т.-е. не то, чтобы онъ бранился или кричалъ, а просто, по всему было видно, что онъ недоволенъ. Ариша даже стала немного бояться своего свекра, особенно когда онъ былъ на-веселѣ и дѣлался такой румяный, — даромъ, что старикъ. И глаза у него какъ-то особенно блестѣли, и Аришѣ казалось, что Гордѣй Евстратычъ все смотритъ на нее. Раза два въ такомъ видѣ онъ заходилъ въ ней въ лавку и совсѣмъ ее напугалъ: смѣется какъ-то такъ нехорошо и говоритъ что-то такое совсѣмъ несообразное. Потомъ Ариша замѣтила, что Гордѣй Евстратычъ никогда не заходитъ въ лавку, когда тамъ сидитъ Дуня и что, вообще, дома, при другихъ онъ держать себя съ ней совсѣмъ иначе, чѣмъ съ глазу на глазъ. Поэтому, когда Татьяна Власьева послала Аришу на другой день послѣ разговора съ сыномъ въ его горницу, та изъ лица выступила: Гордѣй Евстратычъ только-что пріѣхалъ отъ Шабалина и былъ особенно розовый сегодня. Дуня лежала больная въ своей коморѣ, Нюша была въ лавкѣ, — вообще домъ былъ почти совсѣмъ пустой.

— Ступай, ступай, съ тобой поговорить хочеть отецъ-то... — посылала Татьяна Власьева невѣстку. — Да говори прямо, все, что сама знаешь, какъ родимому отцу.

Ариша попросила свой сатцевый сарафанъ, нахватула шаль на голову и со страхомъ переступила порогъ горницы Гордѣя Евстратыча. Въ своемъ смущеніи, съ тревожно-смотрящими

большими глазами она особенно была хороша сегодня. Высокий ростъ и красивое здоровое сложеніе дѣлали ее настоящей красавицей. Гордѣй Евстратычъ ждалъ ее, ходя по комнатамъ съ заложенными за спину руками.

— Вы, тятинька, меня звали на что-то...

— Да, звалъ, Ариша. Садись вотъ сюда, потолкуемъ ладкомъ... Что больно приунылась?.. Не бойсь, не укушу. Для васъ же стараюсь...

Гордѣй Евстратычъ придвинулъ свой стулъ къ стулу Ариши и совсѣмъ близко наклонился къ ней, такъ что на нее пахло разлившимъ отъ него виномъ; она хотѣла немного отодвинуться отъ свекра, но побоялась и только опустила вспыхнувшее лицо. Гордѣй Евстратычъ тоже замѣтно покраснѣлъ, а глаза у него сегодня совсѣмъ были подернуты масломъ.

— Ну, Ариша, такъ вотъ въ чемъ дѣло-то, заговорилъ Гордѣй Евстратычъ, тяжело переводя духъ. — Маминька мнѣ все рассказала, что у насъ дѣлается въ дому. Ежели бы раньше не тали ничего, тогда бы ничего и не было... Такъ вѣдь? Вотъ, я съ тобой и хочу поговорить, потому, какъ я тебя всегда любилъ... Да-а... Одно тебѣ скажу: никого ты не слушай, окромя меня, и все будетъ лучше писаного. А что тамъ про мужа болтають—все это вздоръ... Напрасно только разстраивають.

— Я вѣдь тятинька, ничего...

— Хорошо... Ну, что мужъ тебя опростоволосилъ, такъ это опять на всякій чохъ не наздравствуешься... Ты бы мнѣ обскакала все, такъ Михалко-то пивнута бы не смѣлъ... Ты всегда мнѣ говори все... Вотъ я въ Нижній поѣду и привезу тебѣ оттуда такой гостинецъ... Будешь меня слушаться?

— Я, тятинька, въ вашей воли никогда не выходила...

— И отлично... А впередъ еще больше старайся. На мужа-то не больно смотри: ценюшь еще онъ... Ну, ступай съ Богомъ...

Ариша, по заведенному обычаю, въ благодарность за науку, повалилась въ ноги тятинькѣ, а Гордѣй Евстратычъ самъ поднялъ ее, обнялъ и какъ-то особенно крѣпко поцѣловать, прямо въ губы, такъ что Ариша заалѣлась вся, какъ маковъ цвѣтъ, и даже закрыла лицо рукой.

— Видно, горько стараго цѣловать?—спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ, отнимая руку Ариши. — Ты вѣдь у меня умница... Только ничего никому не рассказывай. Поняла? Изъ Нижняго веѣшь по гостинцу привезу, а тебѣ на особицу... А ежели мужъ будетъ обижать, ты мнѣ скажи только слово...

— Нѣтъ, мнѣ какъ другимъ, татинька... Я не хочу на особину...

— Ахъ ты, глупая... А если я хочу? Понимаешь: я *этого* хочу!

«Видно отецъ-то поначалилъ крѣпиво...», подумала Татьяна Власьева, взглянувъ на красное лицо выходившей изъ горницы Ариши.

Черезъ недѣлю Гордѣй Евстратычъ уватилъ вѣстѣй съ Шабалинныи на армарку въ Нижній.

XIV.

Изъ Нижняго Гордѣй Евстратычъ, дѣйствительно, привезъ всѣмъ по гостинцу: бабушкѣ — парчу на сарафанъ и настоящаго золотого позумента, сыновьямъ — разнаго платья и невѣсткамъ тоже. Самые лучшіе гостиныи достались Нюпѣ и Аришѣ: первой — бархатная шубка на ообельеи мѣху, а второй — весь золотой «приборъ», т.-е. серьги, брошь и браслетъ. Такая щедрость удивила Татьяну Власьевну, такъ что она замѣтила Гордѣю Евстратычу:

— Какъ я погляжу, милушка, балуетъ ты Аришу...

— А ежели я такъ хочу, маминька? — упрямо заявилъ Гордѣй Евстратычъ. — Можетъ, она мнѣ больше всѣхъ угадила, ну, и дарю...

— Дунѣ опять завидно, милушка...

— Ну, Дуня пусть еще постарается въ свою долю, тогда и ее пожалуемъ.

— Охъ, только бы не избаловать, милушка. Дѣло-то еще больно молодое, хоть и Аришу взять... Возмечтаетъ, пожалуй, и старшихъ не будетъ уважать. Нынѣче вонъ какой безголовный народъ пошелъ, не къ намъ будь сказано! А ты, милушка, никакъ бороду-то себѣ подкарналъ на армаркѣ?

— Немножко, маминька... Нельзя же супротивъ другихъ чортомъ ходить. Лучше насъ есть, маминька, да тоже бороды себѣ подправляютъ, ну, и я маненько подправился, такъ, самую малость...

Последнее обстоятельство очень конфузило Гордѣя Евстратыча передъ домашними, хотя онъ и бодрился. Вообще Татьяна Власьева скоро замѣтила, что милушка, кромѣ подстриженной бороды привезъ изъ армарки много другихъ новостей, и точно сдѣлался совсѣмъ другой человекъ, какъ она къ нему ни пригля-

дивалась. Больше всего старухѣ не нравилось въ смѣхъ то, что онъ началъ «форсить», въ томъ же родѣ какъ форсилъ Вуваръ Шабалинъ. И платье себѣ навесѣ изъ армянни форсистаго, и сапоги лаковые со сирипомъ, и масломъ деревяннымъ пересталъ мазаться—вообще крѣпко началъ молодиться и даже точно лицо у него совсѣмъ другое сдѣлалось. Впрочемъ, новое платье Гордѣй Евстратычъ долго не рѣшался надѣть, даже очень сумдѣвался, пока по перелому не съѣхалъ въ городъ славить волю и отсюда прѣхалъ уже совсѣмъ форсуномъ: въ длинномъ сюртукѣ, въ крахмальной сорочкѣ, брюки на выпускъ—однимъ словомъ «одѣвая патрешу», какъ говорилъ Зотушка. «Темноту-то намъ блѣглинскую пора, маминько, намъ оставлять»,—коротко объяснилъ Гордѣй Евстратычъ собственное превращеніе:— «а то жъ добрые люди носъ показывать совѣстно...» Но провести разными словами Татьяну Власьевну было довольно трудно, она видѣла, что тутъ что то кроется и крѣпко кроется очень определенное: съ женскимъ инстинктомъ старуха почуяла что-то невидимое женское вліаніе и не ошиблась. Завернувшая на секунду Марфа Петровна очень подробно и краснорѣчиво отпарывала, затѣмъ повелѣла Гордѣй Евстратычу по городамъ бѣгать: нѣмку себѣ завелъ... Она съ нимъ и въ Нижній бѣдила, она и переодѣла его, и бороду подстричь заставила, — однимъ словомъ, завертѣла мужика. А эту нѣмку подсунула Гордѣю Евстратычу Шабалинская Варя,—это ужъ ей руль дѣло.

— И денегъ онъ на эту нѣмку травить страсть... Квартиру ей завелъ въ городу и всякое прочее,—объяснила Марфа Петровна:— у Колобовыхъ да у Савиныхъ въ голоса всѣ кричать про нее.

— А я такъ думаю, Марфа Петровна, что пустое это болтають,—обрѣзала Татьяна Власьевна:— какъ тогда про ребятъ нашихъ наврали тоже. Какъ Гордѣй-то Евстратычъ былъ въ Нижнемъ, я сама нарочно сгоняла на Смородинку, ночью туда прѣхала, и все въ исправности тамъ нашла... Такъ и теперь, пустое плетуть про Гордѣя Евстратыча.

Такой отвѣтъ и удивилъ, и обидѣлъ Марфу Петровну: значтъ, и она тоже плететь напраслину вмѣстѣ съ другими. Полное лицо Марфы Петровны покрылось багровыми пятнами, но она во-время сдержалась, что Татьяна Власьевна просто глаза отводитъ и говоритъ только для одной видимости.

— Я вѣдь и сама тоже самое думаю,—заговорила Марфа Петровна, переходя въ другой тонъ. — И раньше я вамъ говорила... Все это Савины да Колобовы придумываютъ.

Въ зимѣ работа замѣтно убавилась, и половина старателей была расчитана на-чисто, но Михалео и Архипъ по прежнему оставались на присекѣ. Гордѣй Евстратычъ и слышать ничего не хотѣлъ о томъ, чтобы дать ребятамъ отдохнуть. «Молоды еще отдыхать-то»,—говорилъ онъ на всѣ доводы Татьяны Власьевны:— «пусть въ свою долю поработаютъ, а тамъ увидимъ». Татьяна Власьева рѣшительно не знала, чѣмъ объяснить себѣ такое упрямство. А Гордѣй Евстратычъ что-то держалъ на умѣ, потому что совсѣмъ забросилъ присекъ, куда заглядывалъ какой-нибудь разъ въ недѣлю; онъ теперь рѣдко бывалъ дома, а все водилъ компанію съ разными прїѣзжими господами, которыми Татьяна Власьева давно и счетъ потеряла. Какіе-то, Господь ихъ знаетъ, шаромыжники не шаромыжники, а въ томъ родѣ; хотя Гордѣй Евстратычъ и говоритъ, что это и есть самая настоящая компанія и всѣ эти господа все нужный народъ. Для чего они были нужны—Татьяна Власьева не могла дать ума, потому что этакой-то бросовый народъ какія такіа дѣла могъ дѣлать... А тутъ еще прїѣхала изъ своего Верхотурья модница Алена Евстратьевна, и опять пошла все крутить да мутить: такъ братцемъ и поворачиваетъ, какъ хорошииъ болваномъ; конечно, насчетъ моды Алена Евстратьевна, можно сказать, все произошла и могла поставить Брагинскій домъ на настоящую точку, какъ въ другихъ богатыхъ домахъ все дѣлается, но, съ другой стороны, Татьяна Власьева не могла никакъ простить дочери, что по ея милости разстроилась свадьба Нюши и произошло изгнаніе Зотушки.

— Вотъ теперь и полюбуйся...—корила свою модницу Татьяна Власьева:— на кого стала наша-то Нюша похожа? Вродить по дому, какъ омморошная... Отецъ-то шубку вонъ какую привезъ изъ Нижняго, а она и поглядѣть-то на нее не хочетъ. Тоже вотъ Зотушка... Хорошо это намъ глядѣть на него, какъ онъ изъ милости по чужимъ людямъ проживается? Стыдовушка нашей головушкѣ, а чья это работа? все твоя, Аленушка...

— Ничего, мамочка. Все дѣло поправимъ. Что за бѣда, что дѣвка задумываться стала: жениха просить, и только. Найдемъ, не безпокойся. Не чета Алешкѣ-то Пазухину... У меня есть ужъ одинъ на примѣтѣ. А что относительно Зотушки, такъ это даже лучше, что онъ догадался уйти отъ васъ. Въ прежней-то темнотѣ будетъ жить, мамынька, а въ богатомъ дому какъ показать это-кое чучело?.. Вамъ, обнаковенно, Зотушка сынъ, а другимъ-то онъ дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Только одинъ страмъ отъ него и выходить братцу Гордѣю Евстратычу.

— Не хорошія ты слова, Аленушка, выговариваешь, чтобы послѣ не показаться... Всѣ подѣ Богомъ ходимъ. Можетъ, Зотушка-то еще лучше насъ проживетъ за свою простоту да за кротость. Вотъ ужъ Господь-то смиритъ васъ съ братцемъ-то Гордѣемъ за вашу гордость.

— Ахъ, мамаша, ничего вы не понимаете!.. — заканчивала обыкновенно модница такіе разговоры. — Нельзя же по прежнему жить безъ всякаго понятія...

Татьяна Власьева замѣтила, что въ послѣднее время между Гордѣемъ Евстратычемъ и Аленой Евстратьевой завелись какія-то особенныя дѣла. Они часто о чемъ-то разговаривали между собой потихоньку и сейчасъ умолкали, когда въ комнату входила Татьяна Власьева. Это задѣло старуху, потому что чего имъ было скрывать отъ родной матери. Не чужая вѣдь не мачиха какая-нибудь. Нѣсколько разъ Татьяна Власьева пробовала было попытать модницу, но та была догадлива и все увертывалась.

«Охъ, не даромъ наша Алена Евстратьевна вертится, какъ береста на огнѣ», думала про себя старуха.

И Гордѣй Евстратычъ все ходитъ какъ-то самъ не свой, такой вдумчивый да пасмурный. Вообще, послѣ Нижегородской онъ сильно измѣнился и все дѣлалъ какъ-то безповойно и торопливо, точно чего боялся. И лицо у Гордѣя Евстратыча стало совсѣмъ другое: въ немъ не было прежняго спокойствія, а въ глазахъ свѣтилась какая-то недосказанная тревога. Часто въ разговорѣ онъ даже заговаривался, т.-е. отвѣчалъ не впадѣ или спрашивалъ что-нибудь непутевое, совсѣмъ не къ мѣсту. «Ужо надо съ о. Крискентомъ посоветоваться», рѣшила Татьяна Власьева: — «больно не ладно съ отцомъ-то у насъ»... Можетъ, это онъ отъ этихъ новыхъ знакомыхъ, а можетъ, отъ того, что водки началъ принимать въ себя даже очень предовольно». Отецъ Крискентъ съ своей обычной благожелательностью и вниманіемъ выслушалъ всѣ сомнѣнія Татьяны Власьевны и глубокомысленно отвѣтилъ:

— Да, да... Помните, я говорилъ вамъ тогда, Татьяна Власьева: богатство — это испытаніе. Оно испытаніе и выходитъ...

— Ужъ я, право, о. Крискентъ, даже не рада этой нашей жилкѣ: все у насъ отъ нея навыворотъ пошло... Со всѣми разсорились, не знаю за что, въ дому сумлѣніе.

— Я вамъ говорилъ... да, говорилъ, — сочувственно повторялъ о. Крискентъ, покачивая своей головкой. — Нужно претерпѣвать, Татьяна Власьева.

Въ вышнее подтвержденіе своихъ словъ, о. Крискентъ съ

необыкновенной быстротой разстегнулъ и застегнулъ всѣ пуговицы своего подрясника.

— Легкое мѣсто вымолвить, о. Крискентъ, какъ отъ насъ всѣ старыя-то знакомые отшатились! Савины, Болобовы, Пятовъ, Пазухины... И чего, кажется, дѣлать? Будто Гордѣй-то Евстратычъ, дѣйствительно, немножко погордился передъ сватовьями, ну, съ этого и пошло... А теперь сваты-то слышать объ насъ не хотятъ.

— Да, да... — лепеталъ о. Крискентъ, разыгрывая мелодію на своихъ пуговицахъ. — А меня-то вы забыли, Татьяна Власьевна? Помните, какъ Нилъ-то Поликарпычъ тогда возсталъ на меня... Вѣдь, я ему духовный отецъ, а онъ какъ отвѣсилъ мнѣ про деревянныхъ поповъ. А ежели разобрать, такъ изъ-за кого я такое поношеніе долженъ былъ претерпѣть? Да... Я говорю, что богатство—искушаніе. Ваше-то золото и меня достало, а я претерпѣлъ и впередъ всегда готовъ претерпѣть.

— Охъ, вѣрно, о. Крискентъ... Вамъ все это зачтется, все зачтется.

— А я о себѣ никогда не забочусь, Татьяна Власьевна: много ли мнѣ нужно? А вотъ когда дѣло коснется о благопопеченіи надъ своими духовными чадами—я тогда неутомимъ, я... Теперь взять хотя ваше дѣло. Я часто думаю о вашей семьѣ и сердечно сокрушаюсь вашими невзгодами. Теперь, вотъ, васъ беспокоитъ душевное состояніе вашего сына, который подпалъ подъ вліяніе нѣкоторыхъ, несоотвѣствующихъ людей и, между прочимъ, подъ вліяніе Алены Евстратовны.

— Задумывается онъ все, о. Крискентъ... А о чемъ ему думать? Слава Богу, всего, кажется, вдоволь и только жить да радоваться нужно... Конечно, обнесли напраслиной внуковъ моихъ, про Гордѣя Евстратыча болтаютъ разное, совсѣмъ неподобное...

— Неподобное?

— Да... Даже рассказывать совѣстно.

— Ахъ, да, слышалъ, слышалъ... Сіе все отгрыгнуто завистью и человѣконенавистничествомъ, Татьяна Власьевна.

Руки о. Крискента усиленно забѣгали по пуговицамъ, и его маленькое лицо оварилось торжествующей улыбкой: ему пришла великолѣпная мысль.

— Знаете что, Татьяна Власьевна? — заговорилъ о. Крискентъ съ подобающей торжественностью. — Не отчаивайтесь. У меня блеснула благая мысль. Вѣдь Гордѣя Евстратыча смущаетъ теперь врагъ рода человѣческаго своими тайными внушеніями.

Отъ этого и его безпокойство, и страхъ, и тревожное состояніе души. Мы сдѣлаемъ такъ, чтобы онъ отогналъ отъ себя злого духа работой на Бога... Да? Помните, какъ я тогда предполагалъ сдѣлать Гордѣя Евстратыча старостой? Вотъ мы сіе и докончимъ... Нужно намъ церковь достраивать, а дѣлателя нѣтъ. Гордѣй Евстратычъ достаточно высказалъ ревности къ Божію домостроительству и не откажется продолжать начатое. А когда будетъ стараться для Бога, врагъ человѣческій и отступится отъ него. Конечно, многіе возстанутъ на меня, но я готовъ претерпѣть всегда.

— Непремѣнно возстанутъ, о. Крискентъ: и Савины, и Пазухины, и Колобовы...

— Я сіе предвижу и не устрашаюсь, поелику этимъ самымъ устроимъ два благихъ дѣла: достроимъ церковь и спасемъ Гордѣя Евстратыча отъ злого духа... Первымъ дѣломъ я отправлюсь къ Нилу Поливарпычу и объясню ему все. Трехлѣтіе какъ разъ кончается, и по уставу намъ приходится выбирать новаго старосту — вотъ и случай отмынный. Конечно, Колобовъ у насъ числится кандидатомъ въ старосты, но онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и, вѣроятно, уступить.

Мысль была великолѣпная и совпадала съ планами о. Крискента. Онъ очень подробно развилъ ее передъ Татьяной Власьевной, стараясь показать, что имъ отнюдь не руководятъ какія-нибудь корыстныя побужденія.

— Гордѣй Евстратычъ собирается себѣ домъ строить, — рассказывала Татьяна Власьевна: — да все еще ждетъ какъ жила пойдетъ. Сначала-то, онъ старый-то, въ которомъ теперь живемъ, хотѣлъ поправлять, только подумалъ-подумалъ и оставилъ. Не поправить его по настоящему, о. Крискентъ. Да и то сказать, вѣдь, сыновья женатые, дѣти у нихъ, того гляди тѣсно покажется — вотъ онъ и думаетъ новый домикъ поставить.

— И отлично... Это даже превосходно, Татьяна Власьевна: одной рукой будетъ ревновать для Господа, другой для себя. А что у васъ Нюша?

— Охъ, и не спрашивайте... Высохла дѣвка совсѣмъ, не знаемъ, что съ ней и дѣлать. И тоже Алена Евстратыевна все дѣло испортила...

— Гмъ... И нельзя поправить?

— Трудно, о. Крискентъ. Осердились Пазухины-то на насъ, очень осердились. Конечно, Нюша еще молода, износить и не такую бѣду, только все таки оно жаль, жаль смотрѣть-то на нее.

Отецъ Крискентъ крѣпко ухватился за свою благую мысль

и принялся очень дѣятельно проводить кандидатуру Брагина въ церковные старосты, причемъ не падалъ себя, только бы прилѣпить Гордѣя Евстратыча къ домостроительству Божію. Онъ прежде всего переговорилъ съ вліятельными прихожанами и старичками, которые въ единовѣрческихъ церквахъ имѣютъ большую силу надъ всѣми церковными дѣлами. Впрочемъ, эти хлопоты значительно облегчались тѣмъ, что общій голосъ былъ за Гордѣя Евстратыча, какъ великаго тысячника, которому будетъ въ охотку поработать Господеву, да и самъ по себѣ Гордѣй Евстратычъ былъ такой обстоятельный человѣкъ, извѣстный всему приходу. Не было забыто ничего: какъ ревностно посѣщаетъ всегда Гордѣй Евстратычъ храмъ Божій, какъ онъ умиленно поетъ на клиросѣ по двенадцатымъ праздникамъ, какъ истово знаетъ все четье-пѣтье, и о. Крискентъ очень политично наметнулъ кое-кому о тѣхъ пожертвованіяхъ отъ неизвѣстнаго, которыя появляются въ церковныхъ кружкахъ и которыя принадлежатъ не кому другому, конечно, какъ тому же Гордѣю Евстратычу. Вообще, дѣло быстро катилось впередъ, къ своему естественному концу, и о. Крискенту оставалось только переговорить съ Колобовыми, Савинными, Пазухинными и самимъ Ниломъ Поликарпычемъ Патовымъ. Это была самая щекотливая часть взятой на себя о. Крискентомъ миссіи, хотя онъ и готовъ былъ претерпѣвать. Даже улегшись на своемъ жесткомъ монашескомъ ложѣ, о. Крискентъ долго подъ одѣяломъ то какъ будто разстегивалъ, то застегивалъ тысячи пуговицъ, которыми было покрыто все его тѣло. Собственно о. Крискентъ побаивался трехъ личностей: у Колобовыхъ—самого Самойла Михѣича, нравнаго и крутого на языкъ старика, у Савинныхъ—самой, т.-е. Матрены Ильиничны, начетчицы и большой исправницы, а у Пазухиныхъ—злоязычной Марфы Петровны. Обойти эти дома безъ вниманія не было никакой возможности, потому что народъ все былъ крѣпкій, кондовый, приверженный благочесію, хотя Колобовы потихоньку и прикержачивали.

Помолившись и еще разъ вспомнивъ о великой «раздѣлительной силѣ златаго бисера», о. Крискентъ отправился прежде всего къ Савиннымъ, гдѣ Матрена Ильинична встрѣтила его съ гордой холодностью — она уже наслышалась о подходахъ о. Крискента, хотя и удивилась, когда о. Крискентъ послѣ необходимыхъ вступительныхъ благоразмышленій приступилъ къ самой сущности.

— Значить, Нила-то Поликарпыча по шеямъ? — обрѣзала Матрена Ильинична медоточиваго оратора.

— Нѣтъ, я не говорю этого, Матрена Ильинична, а только дѣлаю уповательное разсужденіе...

— Ну, а Самойла Михѣича куда дѣнешь? Онъ вѣдь кандидатомъ числится у насъ въ старосты...

— А, можетъ быть, Самойло Михѣичъ самъ откажется отъ прохожденія службъ въ чинѣ церковнаго старосты?

— А я тебѣ вотъ что скажу, о. Крискентъ... Все у насъ было ладно, а ты заводишь смуту и свары... Для Брагинскаго-то золота ты всѣхъ насъ разгонишь изъ новой церкви... Да! А помнишь, что апостолъ-то сказалъ: «Вся же благообразна и по чину вамъ да бываютъ». Значить, ежели есть староста и кандидатъ въ старосты, такъ нечего свои-то узоры придумывать. Такъ и знай, о. Крискентъ!

Отецъ Крискентъ только склонилъ свою головку, ибо чувствовалъ себя въ этомъ дѣлѣ, т.-е. относительно Самойла Михѣича, правымъ вдвойнѣ: во-первыхъ онъ былъ только кандидатъ, а затѣмъ—Самойло Михѣичъ привержачивалъ. Конечно, этихъ мыслей о. Крискентъ не высказалъ Матренѣ Ильиничнѣ, а принявъ на свою главу еще нѣсколько ядовитыхъ словесъ, со смиреніемъ потекъ къ Колобовымъ. Тамъ было не лучше. Самойло Михѣичъ свачала прикинулся, что ничего не понимаетъ, а потомъ наговорилъ о. Крискенту кучу мужицкихъ грубостей, въ родѣ того, что нынче попы сидя обѣдни служатъ, а приходъ будетъ лежа Богу молиться. Это стоило «деревянныхъ» поповъ Нила Поликарпыча. У Пазухина, о. Крискента въ свою долю отполировала Марфа Петровна. Вообще испытаніе оказалось тяжелѣе, чѣмъ предполагалъ о. Крискентъ; онъ не ожидалъ проявленія такого духа строптивости отъ своего словеснаго стада. Раньше, онъ рѣшилъ испить чашу до дна за одинъ пріемъ, т.-е. разомъ побывать у всѣхъ, но теперь онъ почувствовалъ себя слишкомъ разбитымъ, чтобы идти еще къ Нилу Поликарпычу, своему явному недоброжелателю и противителю. Удрученный самыми невеселыми мыслями, о. Крискентъ забрелъ въ Брагинскій домъ, чтобы подкрѣпить себя душеспасительной бесѣдой съ Татьяной Власьевной и повѣдать ей вынесенныя сегодня поношенія. У Брагинныхъ дома были только одні женщины, и Татьяна Власьева приняла о. Крискента съ надлежащимъ почетомъ, какъ самаго дорогого гостя.

— А я только хотѣла идти къ вамъ, о. Крискентъ,—заговорила Татьяна Власьева, когда они остались съ глазу на глазъ.

— Что такое случилось?

— Ужъ я вотъ все по порядку, о. Крискентъ, обскажу...

Тогда я пришла отъ васъ и къ слову молвила Гордѣю Евстратычу про старосту-то. Думаю, какъ бы онъ чего еще не вздумалъ артачиться, тоже, вѣдь, какъ на это взглянетъ. Ну, сказала я это ему, а онъ ничего, сталъ разспрашивать, чтѣ и какъ. А потомъ самъ и говоритъ: «Мамынька, надо будетъ помириться съ Пятовымъ-то.. Напрасно онъ обидѣлъ меня тогда, ну, да Господь съ нимъ...» Я даже сперва-то ушамъ своимъ не повѣрила, а онъ опять: «Мы, говоритъ, мамынька, Алесю Евстратычу зашлемъ сперва къ Нилу-то Поликарпычу, она на счетъ разговору-то у насъ простовата. Пусть тамъ поразвѣдаетъ».

Это извѣстіе пріятно изумило о. Крискента, у котораго точно гора свалилась съ плечъ отъ словъ Татьяны Власьевны, хотя онъ собственно не могъ сразу проникнуть всего значенія такого неожиданнаго оборота дѣла.

— Это будетъ настоящій христіанскій подвигъ, Татьяна Власьевна, — проговорилъ онъ, собираясь съ мыслями. — Видите, только вы сказали еще одно слово, а духъ раздѣленія уже оставилъ Гордѣя Евстратыча.

— Вѣрно, вѣрно, о. Крискентъ... И, вѣдь, какъ это претолочно вышло! А я сначала-то даже не повѣрила... Только потомъ, когда раздумалась и вспомнила ваши-то слова 'о зломъ духѣ...

— Не любить онъ, Татьяна Власьевна, благочестивыхъ подвиговъ...

— Да, да... А Гордѣя-то Евстратыча, можетъ, и то еще смутило, что Зотушка-то теперь у Пятовыхъ живетъ... Пріютили они его, а Гордѣю-то Евстратычу совѣстно противъ нихъ, вотъ онъ и хочетъ выправиться за одинъ разъ... Да и Алена-то Евстратыевна тутъ же подвернулась...

— Оно ужъ одно къ одному... Богъ дастъ и совѣмъ искоренимъ раздѣлительную силу злата. Довольно съ васъ испытаній.

— Охъ, довольно, о. Крискентъ! А мнѣ, старухѣ, въ другой разъ такъ, пожалуй, и совѣмъ не подъ силу приходится... Даже роптала сколько разъ!..

Дѣйствительно, модница Алена Евстратыевна на другой же день отправилась въ Пятовскій домъ и вернулась оттуда съ самыми утѣшительными вѣстями. Нилъ Поликарпычъ очень радъ помириться и готовится испросить прошенія у обиженнаго имъ напрасно о. Крискента. Татьяна Власьевна даже прослезилась отъ умиленія и не знала, какъ ей благодарить о. Крискента за его благую мысль.

— Только бы съ Пятовыми помириться, — соображала про

себя Татьяна Власьева:—а тамъ по-маленьку и съ другими, со всѣми помиримся. Только бы отогнать злого-то духа-раздѣлителя отъ милушки!.. Устрой, Господи, все на пользу!..

Свиданіе недавнихъ «противителей» было назначено въ Пятовскомъ домѣ, почему хлопотъ Оенѣ и Зотушкѣ былъ полонъ ротъ. Нужно было все прибрать да убрать, да приготовить. Вѣдь, сама Татьяна Власьева пожалуетъ, а у ней глазокъ-смотрокъ, только взглянуть и всякую неполадку насквозь увидеть. Господскій домъ былъ старинной постройки, съ низкими потолками, узкими окнами и толстыми кирпичными стѣнами, какихъ нынче уже не строятъ, за исключеніемъ, можетъ быть, крѣпостей и монастырей. Въ комнатахъ все было устроено тоже по-старинному: пузатая мебель краснаго дерева, кисейныя занавѣски на окнахъ, тюменскіе ковры на полу, органъ «съ ошибочкой въ дудкахъ», портреты генераловъ и архіереевъ на стѣнахъ, кѣтѣа съ канарейками и т. д. Оения была большая охотница до цвѣтовъ, и всѣ окна были уставлены цвѣточными горшками, но и цвѣтки были тоже все старинные: герани, кактусы (эти кактусы сильно походили на шишковатыя зеленыя косы, которыя выѣзали прямо изъ земли), пѣтухи, жасминъ, олеандры, гортензіи и т. д. Модные цвѣты въ Бѣлоглинскомъ заводѣ были только въ Шабалинскомъ домѣ, но Оения не понимала экзотической декоративной зелени, которая всегда оставалась мертвой и не разцвѣтала ни однимъ алымъ цвѣткомъ. Всѣ эти пальмы, филодендры, драцены, фикусы, агавы и папирусы наводили на нее тоску.

— Пошевеливайся, Зотушка!—покрикивала Оения на своего помощника.—Надо поспѣть убраться до вечера, а то, пожалуй, скажутъ про насъ съ тобой неладное что-нибудь... Алена Евстратьевна бѣдовая у васъ. Да что ты сегодня точно мертвый?

Зотушка, дѣйствительно, что-то крѣпко привадутился и все вопросительно поглядывалъ на барышню-Оениюшку. Теперь онъ задумчиво почесалъ у себя въ затылкѣ и проговорилъ:

— Тяжело у меня на сердцѣ, Оедосья Ниловна.

— Что такъ?

— Да ужъ такъ: чуетъ оно что-то неладное... Ужъ это за-всегда у меня такъ. Чуть чтѣ—и засосетъ...

— Перестань врать-то... Чего тебѣ чутъ-то? Слава Богу, что такъ все устроилось, будетъ старикамъ-то вздорить. Мнѣ о. Крискента страсть какъ жалко тогда было, когда татинька его обидѣлъ...

— Хорошо-то оно хорошо, это точно, а все-таки оно не

совсѣмъ... Охъ, не даромъ эта модница наша Аленушка прилетала! Съ добромъ она не ходитъ, не къ намъ будь сказано.

— Да что она можетъ сдѣлать?

— Эхъ, барышня, барышня... Чужая душа потемки, барышня, а только не спроста сестричка прилетала. Грѣшный человѣкъ—не люблю ее: вотъ тебя люблю, а ее нѣтъ. Душа не лежитъ къ человѣку, голубушка Оенюшка...

Оеня серьезно побаивалась гостей, т.-е. собственно Татьяны Бласевны и Алены Евстратьевны, которыя своимъ женскимъ всевидящимъ взглядомъ увидать каждую соринку, каждый хозяйственный промахъ. Дѣвушка цѣлыхъ два дня хлопотала по всему дому, чтобы все было какъ слѣдуетъ, какъ у другихъ. Она перебрала посуду, столовое серебро, скатерти, двадцать разъ сбѣгала внизъ къ кухаркѣ Анисѣ, чтобы самой за всѣмъ досмотрѣть и все приготовить. Въ порывѣ усердія она даже подстригла и перешила всѣ цвѣты точно зоркій глазъ бабушки Татьяны могъ замѣтить каждый засохшій листочекъ. Въ назначенный день, когда вечеромъ должны были собраться гости, Оеня испытывала лихорадочное волненіе и съ четырехъ часовъ перебѣгала отъ окна къ окну, выглядывая не покажутся ли знакомыя крашенныя пошевні, въ которыхъ обыкновенно прїѣзжала Нюша. Въ своемъ шерстяномъ платьѣ, цвѣта бордо, плотно охватывавшемъ ея статную фигуру, дѣвушка была очень красива, а тревога и безпокойство придавали ея лицу такое хорошее выраженіе. Нилъ Поликарпычъ тоже чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойно и все старался прикрыть свою лысину остатками волосъ, сохранившимися на вискахъ: для воодушевленія онъ нѣсколько разъ пробовалъ-было затянуть: «Твоя побѣдительная десница», но ничего не выходило, и онъ нервно начиналъ шагать по залѣ, поправляя ногами ковры и пробуя произвести нѣкоторую симметрію въ цвѣточныхъ горшкахъ. Это былъ тихій и молчаливый человѣкъ съ очень развитыми семейными наклонностями; Оеню любилъ онъ до безумія, хотя и не умѣлъ проявить своего чувства громкими внѣшними формами, какъ дѣлаютъ другіе отцы. Но Оеня сердцемъ чувствовала эту любовь и цѣнила своего молчаливаго, немножко страннаго отца.

Первыми прїѣхали бабушка Татьяна съ Аленой Евстратьевной.

— А гдѣ Нюша?—спрашивала Оеня, высказывая встрѣчать гостей на крыльцо.

— Дома осталась, дома... Что-то головой скудается,—отвѣтила бабушка Татьяна, цѣлуясь съ Оеней.—Отецъ-то дома?

— Дома, дома... Здравствуйте, Алена Евстратьевна!..

— Гордѣй Евстратычъ сейчасъ прїѣдетъ, онъ заѣхалъ только за о. Крискентомъ, — отвѣтила бабушка Татьяна на нѣмой вопросъ Оени.

Нилъ Поликарпычъ встрѣтилъ гостей въ передней и съ молчаливой улыбкой провелъ ихъ въ гостиную, куда Анисья уже тащила большущій подносъ съ чашками. Модница Алена Евстратьевна разодралась въ шелковое зеленое платье съ шлейфомъ и въ кружевную наколку; она была въ зеленыхъ перчаткахъ и золотыхъ серьгахъ съ малиновыми мерлами. Женщины, конечно, зорко оглядѣли комнаты и, похваливъ молодую хозяйку, за образцовый порядокъ, усѣлись вокругъ стола. Въ это время подкатили сани съ Гордѣемъ Евстратычемъ и о. Крискентомъ; Нилъ Поликарпычъ выбѣжалъ встрѣчать ихъ на крыльцо, а затѣмъ провелъ въ гостиную, гдѣ и состоялась трогательная сцена примиренія. Гордѣй Евстратычъ и Нилъ Поликарпычъ облобызались и обнялись, а затѣмъ Нилъ Поликарпычъ отвѣсилъ земной поклонъ о. Крискенту и со смиреніемъ проговорилъ:

— Прости и благослови, отче, меня, окаяннаго.

— Богъ тебя проститъ, Нилъ Поликарпычъ, а я давно простилъ, поелику сіе было только раздѣлительное недоразумѣніе отъ инуда. Жили мы съ тобой до старости не ссорились, а теперь, и подавно не слѣдуетъ намъ ссориться. Миръ дому сему, и паки мірови миръ...

Чай прошелъ въ самой непринужденной дружеской бесѣдѣ, причемъ всѣ старались только объ одномъ, чтобы какъ можно угодить другъ другу. Отецъ Крискентъ торжествовалъ и умиленно поглядывалъ на Татьяну Власьевну, выглядывавшую въ своемъ шелковомъ темно-синемъ сарафанѣ настоящей боярыней; Гордѣй Евстратычъ въ новомъ городскомъ платьѣ старался держаться непринужденно и весело шутилъ. Когда подана была закуска, общее настроеніе достигло послѣднихъ границъ умиленія, и Нилъ Поликарпычъ еще разъ облобызался съ Гордѣемъ Евстратычемъ.

— Испытаніе, испытаніе... — лепеталъ о. Крискентъ, вознесенный даже до третьяго блаженства. — Нужно все претерпѣвать. Да!

За закуской мужчины долго толковали о своихъ дѣлахъ, т.-е. о постройкѣ новой церкви, о должности церковнаго старосты и т. д. Гордѣй Евстратычъ говорилъ, что онъ радъ потрудиться для божьяго дѣла и чувствуетъ себя еще въ силахъ; потомъ началъ рассказывать о домѣ, который затѣвалъ строить. Мѣсто ужъ было подсмотрѣно, только Гордѣй Евстратычъ выжидалъ еще

одного случая, а какого случая—онъ не досказалъ. Татьяна Власьева вслушивалась въ этотъ разговоръ, и ей не нравился тотъ тонъ, какимъ говорилъ Гордѣй Евстратычъ о своемъ новомъ домѣ и о томъ, что онъ еще въ силахъ, точно онъ хвастался передъ Ниломъ Поликарпычемъ; потомъ старухѣ не понравилось, какъ себя держала модница Алена Евстратьевна съ молодой хозяйкой, точно она дѣлала ей какой экзаменъ. Оenea краснѣла и смущалась, а Алена Евстратьевна съ какой-то загадочной улыбкой величественно кивала головой и время отъ времени все взглядывала на брата Гордѣя Евстратыча, который почему-то смущался и начиналъ кусать свою подстриженную бороду.

Въ восемь часовъ былъ поданъ ужинъ, потому что въ Бѣлоглинскомъ заводѣ всѣ ложатся очень рано. Стряпня была своя домашняя, не заморская, но гости находили все отличнымъ и говорили нехитрые комплименты молодой хозяйкѣ, которая такъ мило конфузилась и вспыхивала яркимъ румянцемъ до самой шеи. Гордѣй Евстратычъ особенно ласково поглядывалъ сегодня на Оeneю и нѣсколько разъ принимался расхваливать ее въ глаза, что ужъ было совсѣмъ не въ его характерѣ.

— Я и не зналъ, что твоя Оenea такая хозяйка,—говорилъ онъ Нилу Поликарпычу, поглаживая бороду.—Вонъ у меня ихъ трое молодыхъ-то въ дому, а толку, пожалуй, супротивъ одной не будетъ.

Алена Евстратьевна подхватывала похвальные слова брата и еще сильнѣе заставляла краснѣть смущенную Оeneю, которая въ другой разъ не полѣзла бы за словомъ въ карманъ и отдѣлала бы модницу на всѣ корки; но общее вниманіе и непривычная роль настоящей хозяйки совсѣмъ спутывали ее. Отецъ Крискентъ хотѣлъ закончить этотъ знаменательный день примиреніемъ Гордѣя Евстратыча съ Зотушкой, но когда хватились послѣдняго—его и слѣдъ простылъ. Это маленькое обстоятельство одно и печалило о. Крискента и Татьяну Власьевну.

— Ну, уважила ты насъ всѣхъ, Оenea,—говорилъ на прощанье Гордѣй Евстратычъ:—пожалуй я этакъ часто поважусь къ вамъ въ гости ѣздить...

— Штой-то, милушка, пристали вы сегодня къ дѣвкѣ,—останавливала Татьяна Власьева.—Проходу не даете...

— Да, вѣдь, я такъ... Мнѣ, старику, можно поболтать пустиакъ съ молоденькими. Вѣдь, я старикъ, Оenea? Ужъ дѣдушка давно?..

— Какой вы старикъ,—наивно отвѣтила Оenea.—Вонъ татинька дѣйствительно старикъ, а вы еще...

— Что еще-то?..

Θеня окончательно смутилась и не знала, что ей отвѣтить.

— Я еще у тебя Θеня въ долгу, — говорилъ Гордѣй Евстратычъ, удерживая на прощанѣ въ своей рукѣ руку Θени. — Знаешь за что? Если ты не знаешь, такъ я знаю... погоди, живы будемъ, въ долгу у тебя не останемся. Добрая у тебя душа, вотъ за что я тебя и люблю. Заглядывай къ намъ-то чаще, а то моя Ньюша совсѣмъ крылышки опустила.

Д. МАМИНЪ.

СИСТЕМА МЕТТЕРНИХА.

Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. I-VII Bd. Wien, 1880—1883.

Окончаніе *).

III.

Дѣвизъ.

«Система Меттерниха», въ общей своей цѣли, безъ сомнѣнія, удовлетворяла нѣкоторымъ насущнымъ потребностямъ тогдашней Европы. Европа только-что вышла изъ двадцатидвухлѣтняго (1792—1814) періода войнъ революціи и имперіи. Въ теченіе этого періода, война была послѣдствіемъ не только частныхъ причинъ и поводовъ. Она явилась плодомъ причинъ общихъ и была, до извѣстной степени, возведена въ принципъ. Основное ея условіе—революціонная Франція, противопоставленная исторической Европѣ. Условіе ея продолженія — положеніе Наполеона, этого укротителя, но и солдата революціи, вѣнчаннаго представителя начала народовластія. Честолюбіе Наполеона только усиливало дѣйствіе этихъ причинъ. Наполеонъ былъ «завоевателемъ по положенію» гораздо больше, чѣмъ Людовикъ XIV или Карлъ V. Нужно ли доказывать, что послѣ такого страшнаго напряженія силъ, послѣ многихъ лѣтъ ежедневной тревоги, когда исторія, повидимому, замѣнилась военными реляціями — *миръ* и *покой* были первѣйшими потребностями народовъ?

Меттернихъ былъ правъ, указывая на эту цѣль, какъ на

*) См. выше: январь, 125 стр.

главнѣйшій предметъ европейской политики. Сверхъ того, какъ современникъ революціи и Наполеона, онъ имѣлъ основаніе связать во-едино два элемента этихъ событій—революцію и войну. Опытъ недавнихъ лѣтъ говорилъ ему: революція рождаетъ войну. Послѣдствія войнъ революціи и имперіи въ окрестныхъ государствахъ говорили: война ведетъ къ внутреннимъ переворотамъ.

Такія правила, конечно, не могутъ быть названы всеобщими, такъ какъ они были выведены Меттернихомъ изъ событій его времени. Но это не мѣшало ихъ практическому значенію въ эпоху, когда запросъ на миръ и покой былъ столь же великъ, какъ прежде на войну и революцію. Въ этомъ отношеніи устами Меттерниха говорила, до извѣстной степени, его эпоха.

Но онъ остановился, такъ сказать, на заглавныхъ буквахъ эпохи. Онъ прочелъ въ нихъ слова «миръ и покой» и не взглянулъ дальше. Дальше же онъ увидѣлъ бы много поучительнаго. Онъ узналъ бы, что эпоха мира, которой онъ думалъ быть провозвѣстникомъ, вовсе не считала себя предназначенной для одного отрицанія эпохи предшествовавшей. Подобно послѣдней, она была преемницею не только просвѣщенія XVIII вѣка, но и всѣхъ трехъ послѣднихъ столѣтій, съ ихъ «слишкомъ быстрыми успѣхами ума», на которые жаловался Меттернихъ. Французская революція была самымъ сильнымъ и самымъ крайнимъ выраженіемъ умственного и общественнаго движенія прошлаго вѣка, но революція и просвѣщеніе XVIII вѣка не были явленіями тождественными и первая не истощала послѣдняго.

Французская пропаганда, въ видѣ армій имперіи, была отражена. Но въ народахъ, освобожденныхъ отъ ига Наполеона, осталось нѣчто существенное, порожденное духомъ XVIII вѣка и окрѣпшее въ эпоху гигантской борьбы съ завоевателемъ. Такимъ «нѣчто» было національное чувство, тѣсно связанное съ стремленіями къ болѣе свободнымъ политическимъ формамъ. Существовала извѣстная доля законныхъ и здоровыхъ потребностей, которыя должно было принять въ расчетъ при сооруженіи новаго политическаго зданія, если оно въ самомъ дѣлѣ предназначено было служить убѣжищемъ миру и покою.

Извѣстно что этого не случилось. Акты вѣнскаго конгресса произвели формальное, чисто вѣнское размежеваніе народовъ Европы, создали искусственную систему государствъ, построенную на началѣ нѣкоторой «легитимности», поправленной соображеніями знаменитаго «политическаго равновѣсія». Безъ особенной проницательности можно было видѣть, что дипломаты вѣнскаго

конгресса, обеспечивая условия мира и покоя, постигли много сѣмянъ войны и революціи.

Въ видахъ «мира», на сѣверной границѣ Франціи созданы были оплоты въ видѣ Голландіи и Бельгіи, соединенныхъ въ одно государство; на дѣлѣ подготовлена была почва для бельгійской революціи. Въ видахъ мира, Австрія захватила лучшія провинціи Италіи, подѣлила среднюю часть полуострова между родственными ей династіями и восстановила неаполитанскихъ Бурбоновъ; на дѣлѣ она создала почву для непрерывнаго національнаго движенія, имѣвшаго постоянный революціонный характеръ, пока имъ не овладѣла сильная рука Кавура, и австрійцы не были изгнаны изъ этой благодатной страны. Въ видахъ мира, изъ 38 нѣмецкихъ государствъ, была образована конфедерация, съ ея безсильнымъ «сеймомъ», тотчасъ разочаровавшимъ всѣхъ патріотовъ, а потомъ сдѣлавшимся предметомъ презрительнаго равнодушія; на дѣлѣ были постигнуты сѣмена грознаго неудовольствія, выбросившаго, наконецъ, Австрію изъ Германіи.

Въ видахъ мира на испанскомъ престолѣ былъ восстановленъ ограниченный и жестокий Фердинандъ VII, безъ всякихъ гарантій для порядочнаго управленія страной; на дѣлѣ брошены были сѣмена не только революціи, но и анархіи, полѣвка терзавшей эту несчастную страну.

Но въ системѣ Меттерниха не было мѣста самымъ законнымъ потребностямъ, если только онѣ были отмѣчены печатью новизны. Его разсужденія были очень просты. Система публичнаго права создана для европейскихъ народовъ актами вѣнскаго конгресса. Она построена на началахъ легитимности и порядка, какъ эти начала были поняты уполномоченными правительства. Затѣмъ правительствамъ и народамъ остается твердо держаться этихъ началъ, не отступая отъ нихъ на одну букву. Прежде всего Меттернихъ призналъ эту обязанность для себя и для своего правительства, что и выразилось въ знаменитомъ его девизѣ, которымъ онъ такъ гордился: *Kraft im Recht* — сила (или твердость) въ правѣ. Девизъ этотъ является очень возвышеннымъ и привлекательнымъ, если бы только вторая его половина соответствовала дѣйствительному положенію вещей въ Европѣ. Къ сожалѣнію то, что австрійскій канцлеръ разумѣлъ подъ именемъ *Recht*, слишкомъ часто казалось *Unrecht* тѣмъ, къ которому означенное «право» примѣнялось. Это обстоятельство сообщало «системѣ» не только характеръ насилія, съ которымъ люди мирятся при извѣстныхъ условіяхъ, но и *неподвижность*, застою, при которыхъ малѣйшее проявленіе жизни сти-

тается опаснымъ и подавляется. Kraft im Recht сдѣлалось девизомъ, противопоставленнымъ не началу «разрушенія», но самой жизни, въ самыхъ естественныхъ ея проявленіяхъ.

Для характеристики этого направленія достаточно припомнить, съ какою ревностью Меттернихъ старался отвести императора Александра I не только отъ «идей 1789 года», отъ которыхъ императоръ отвратился самъ, но даже отъ покровительства библейскимъ обществамъ, и какъ онъ указывалъ на опасности «мистицизма», просвѣщая императора то чрезъ Лебцельтерна (австрійскаго посланника въ Петербургѣ), то чрезъ гр. Нессельроде.

«Человѣческому уму,—писалъ онъ Лебцельтерну,—нравятся обыкновенно крайности. За вѣкомъ невѣрія, вѣкомъ, когда мнимые философы и ихъ ложныя ученія стремились стать на мѣсто всего, что человѣческая мудрость признала тѣсно связаннымъ съ вѣчными началами нравственности, послѣдовала эпоха нравственной и религіозной реакціи. Но духъ всякой реакціи по необходимости ложенъ, и только людямъ мудрымъ и, слѣдовательно, сильнымъ, дано не сдѣлаться игрушкой ни лже-философовъ, ни святошъ».

При нѣкоторой чуткости въ жизненныхъ условіяхъ, Меттернихъ легко могъ бы понять, что «религіозная реакція» и связанный съ нею романтизмъ были единственными движеніями и направленіями, способными вложить какую-нибудь идею въ то, что называлось «реставраціею»; что они были главнымъ въ то время выходомъ изъ міра пошлости, выходомъ, котораго жадно искали души, не могшія успокоиться въ условіяхъ наружнаго «порядка», созданнаго вѣнскими трактатами. Но въ этихъ движеніяхъ обнаружилась извѣстная *самостоятельность* человѣческаго духа, а потому они могли неожиданно вывести народы на новыя и невѣдомыя пути. Словомъ, они были подозрительны и опасны. Вотъ почему Меттернихъ считалъ нужнымъ обратить на нихъ особенное вниманіе.

Изложивъ дошедшія до него свѣдѣнія о нѣкоторыхъ безчинствахъ разныхъ сектъ и опасномъ влияніи г-жи Крюднеръ (!) въ Швейцаріи, канцлеръ заключаетъ:

«Мудрости великихъ державъ, безъ сомнѣнія, достойно обратить вниманіе на зло, которое возможно и даже легко подавить въ началѣ, но которое усилится при распространеніи. Дворы не должны забывать, что въ Европѣ существуетъ классъ разрушителей общественнаго спокойствія, обманутыхъ въ своихъ расчетахъ твердостью и постоянствомъ, а также вѣрными и великодушными принципами монарховъ, спасшихъ Европу. Эти люди,

отчаявшіеся и прижатые въ своихъ послѣднихъ окопахъ, смотрятъ, какъ на свой удѣлъ, на всѣ вопросы какого-нибудь безпорядка, и намъ суждено, быть можетъ, видѣть редакторовъ «Nain Jaune» и «Vrai Libéral», проповѣдующихъ о тщетѣ этого міра, и Карно съ Бареромъ, сдѣлавшихся апостолами новаго Іерусалима. Этотъ предметъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія; онъ связанъ больше, чѣмъ думаютъ, съ общественнымъ и государственнымъ спокойствіемъ, и великія державы должны не замедлить обсужденіемъ средствъ поставить преграды замысламъ зачинщиковъ революціи новаго рода» ¹⁾).

Если методисты, Крюднеръ и мистики могли сдѣлаться зачинщиками «революціи новаго рода», то тѣмъ большую опасность представляли настоящіе возстанія, хотя и происходившія вѣвѣ круга державъ, занесенныхъ въ протоколы вѣнскаго конгресса. Таково было возстаніе грековъ. Нѣтъ нужды доказывать, что изъ всѣхъ возстаній, происходившихъ на материкѣ Европы, возстаніе грековъ объяснялось наиболѣе уважительными причинами. Нѣтъ также нужды объяснять, почему греческое возстаніе вызвало сильнѣйшее сочувствіе во всѣхъ образованныхъ классахъ Европы. Но, съ точки зрѣнія вѣнскаго двора, это событіе могло быть отнесено только въ разрядъ «революцій», требующихъ немедленнаго подавленія.

Свой взглядъ на это событіе Меттернихъ выразилъ тотчасъ по полученіи о немъ извѣстія въ Лайбахѣ, гдѣ тогда былъ собранъ конгрессъ по поводу революцій въ Неаполѣ и въ Пьемонтѣ. Вотъ что писалъ Меттернихъ графу Рехбергу:

«Новое событіе, долженствующее, въ эту минуту всеобщаго кризиса, сильно содѣйствовать возбужденію умовъ, есть возстаніе грековъ... Князь Ипсиланти, генераль-майоръ русской службы, сталъ во главѣ этого возстанія, и князь Сутцо, молдавскій господарь, объявилъ себя за него. Само собою разумѣется, что возстаніе есть дѣло тайнаго общества, приготовлявшаго для него матеріалы въ теченіе двухъ лѣтъ. Это общество тождественно съ обществомъ карбонаріевъ, и *зادолго мы указывали на него турецкому правительству*; но послѣднее не придавало ему никакой цѣны».

Затѣмъ Меттернихъ съ торжествомъ говоритъ, что императоры австрійскій и русскій приказали объявить въ Константинополѣ, что, «вѣрные публично выраженнымъ имъ принципамъ, они никогда и нигдѣ не будутъ поддерживать враговъ обще-

¹⁾ № 288.

ственного порядка и никогда не пойдутъ помощи возставшимъ грекамъ; что съ другой стороны они предоставляютъ самой Портѣ заботиться о своей безопасности» ¹⁾).

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ показать, основываясь на письмахъ и депешахъ Меттерниха, какъ велось европейскими дворами греческое дѣло. Какъ съ «одной стороны» вѣнскій дворъ искусно удерживалъ Россію отъ вмѣшательства въ турецкія дѣла, въ противность всѣмъ интересамъ и преданіямъ Россіи, какъ «съ другой стороны» велась дипломатическая переписка съ Портой съ цѣлью ея «умиротворенія», т.-е. та жалкая игра, надъ которой Порта привыкла смѣяться.

Между тѣмъ, греки и турки, «предоставленные сами себѣ», рѣзались безпощадно, и первые, конечно, истреблялись съ истинно турецкою жестокостью. Негодованіе въ Европѣ росло. Имена добровольныхъ мучениковъ за греческую свободу увеличились именемъ Байрона. Общественное мнѣніе во Франціи и въ Англіи громко требовало прекращенія позорной бойни. На русскомъ престолѣ появился молодой и бодрый государь, нерасположенный приносить интересы Россіи въ жертву видамъ вѣнскаго двора. Въ это время (въ 1826), Меттернихъ составилъ «историческую записку о греческихъ дѣлахъ и способахъ умиротворенія Турціи». Начало этой записки свидѣтельствуетъ, до какой степени Меттернихъ оставался вѣренъ своимъ «принципамъ».

«Возстаніе грековъ,—пишетъ онъ,—съ самаго начала было осуждено всѣми главными христіанскими державами, одними явно, другими молчаливо, какъ революціонная попытка, которую не могло бы никогда оправдать самое явное угнетеніе (еслибы виновники возстанія могли его доказать), и какъ событіе, которое должно было прибавить массу новыхъ затрудненій и опасностей къ критическому безъ того положенію Европы. Во всякихъ другихъ обстоятельствахъ, державы, ради вѣрности принципамъ, торжественно ими провозглашеннымъ и примѣненнымъ не къ одной революціи нашего времени (Неаполь, Пьемонтъ, Испанія), и ради интересовъ мира, добраго порядка и права, могли бы оказать поддержку оскорбленному правительству и помочь ему затушить какъ можно скорѣе пожаръ, грозившій покою трехъ частей свѣта... Единственное соображеніе остановило государей: ихъ отвращала мысль о вооруженной помощи господству власти, исповѣдующей догматы, враждебные христіанству, про-

¹⁾ № 548.

тивъ подданныхъ, хотя виновныхъ, но христіанъ и несчастныхъ. Это соображеніе бросило ихъ въ трудную дилемму—не имѣть возможности помочь грекамъ, не нарушая публичнаго права, ни сражаться съ ними, не оскорбляя религіозныхъ чувствъ. *Пассионаное выжиданіе* (отличное отъ нейтралитета въ собственномъ смыслѣ) было единственнымъ средствомъ примирить эти два великіе интереса (!). Съ этой минуты роль державъ ограничивалась пользованіемъ тѣмъ, что могла дать имъ просвѣщенная, доброжелательная и искусная дипломатія, и что ихъ соединенное вліяніе могло сдѣлать для прекращенія борьбы, въ которую имъ не дозволено было вмѣшиваться матеріальными силами» ¹⁾.

Но пока «просвѣщенная, доброжелательная и искусная» дипломатія держала такіа рѣчи, событія шли съ ужасающею быстротой. Дикія полчища Ибрагима-паши наводнили Морею. Все было опустошено и вырѣзано. Съ паденіемъ Миссолунги должно было, повидимому, исчезнуть самое имя грековъ. Но въ это время три державы (Россія, Англія и Франція) нашли, что имъ «дозволено» вмѣшаться въ борьбу. Блестящее наваринское дѣло было отвѣтомъ на звѣрство Ибрагима.

Получивъ извѣстіе о гибели турецкаго флота, Меттернихъ пришелъ въ ужасъ. Въ своемъ докладѣ императору Францу онъ доказывалъ, что Коннингъ повелѣ Англію, Россію и Францію по революціонной дорогѣ. Еще больше жаловался онъ графу Нессельроде, нѣсколько иронически отозвавшемуся о Меттернихѣ въ частномъ письмѣ къ Татищеву, которое послѣдній показалъ Меттерниху.

Выходка Нессельроде интересна, какъ нѣкоторый крикъ жизни, раздавшійся оттуда, куда жизнь рѣдко находитъ себѣ доступъ—изъ кабинета дипломата. Но Нессельроде, очевидно, былъ подъ вліяніемъ восторга, охватившаго весь Петербургъ при извѣстіи о славномъ наваринскомъ днѣ. Вотъ что писалъ онъ Татищеву.

«Что скажетъ нашъ другъ Меттернихъ объ этомъ огромномъ торжествѣ? Онъ будетъ твердить о своихъ старыхъ и скучныхъ принципахъ; онъ будетъ говорить о правѣ;—да здравствуетъ сила! Она управляетъ теперь міромъ, и я былъ бы доволенъ, еслибы я и всѣ мои сотоварищи предоставили заботы о дѣлахъ адмираламъ. Вотъ люди, умѣющіе рѣшать вопросы!»

Эта неумѣстная, можетъ быть, подъ перомъ дипломата, но

¹⁾ № 828.

невинная выходка, вызвала слѣдующее замѣчаніе Меттерниха, съ которымъ согласился и императоръ Францъ: «такъ думали и говорили Карно и Дантонъ и ихъ позднѣйшіе подражатели» ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, наваринское дѣло явилось нехотати: Меттернихъ въ своемъ докладѣ пространно разсуждалъ о выборѣ двухъ путей для воздѣйствія на Порту: или *médiation* или *pacification*; первый почему-то представлялъ «революціонный» принципъ, второй—принципъ «вѣчнаго права». И вдругъ, вмѣсто *pacification* или *médiation*, явилось *destruction* турецкаго флота.

Можно представить себѣ, что почувствовалъ и что высказалъ Меттернихъ послѣ русско-турецкой войны и славнаго для насъ адрианопольскаго мира. Для этого нужно бы было привести цѣликомъ всю его депешу къ князю Эстергази, австрійскому послу въ Лондонѣ ²⁾. Эта депеша — настоящий крикъ отчаянія, вполне понятнаго, такъ какъ Австрія разыграла въ греческомъ дѣлѣ весьма жалкую роль, и настоятельныя требованія жизни обошли «*Kraft im Recht*», оставивъ въ сторонѣ главнаго представителя начала «неизмѣнности» всего легально существующаго. Меттернихъ могъ утѣшить себя впоследствии, когда подъ вліяніемъ польскаго восстанія и революцій 1830, вѣнской дипломатіи удалось опутать русскую политику, за что потомъ мы такъ дорого заплатили. Свиданіе въ Мюнхенгретцѣ (1833) и заключенный здѣсь договоръ о вѣншательствѣ, на время послужили вознагражденіемъ за Наваринъ и Адрианополь.

IV.

Девизъ на дѣлѣ.

Если нѣкоторыя движенія, каковы были восстаніе грековъ или, впоследствии, бельгійская революція, выходили изъ той сферы, въ которой могли быть непосредственно примѣняемы начала вѣнской политики, то другія совершались именно въ этой сферѣ. Меттернихъ долго былъ хозяиномъ въ Германіи и въ Италіи. Здѣсь могъ онъ обнаружить всю силу своего девиза. Но примѣненіе каждаго принципа обуславливается рядомъ соотвѣствующихъ практическихъ мѣръ. Въ политикѣ Меттерниха эти мѣры опредѣлялись свойствомъ ея принципа.

Общая цѣль политики состояла въ сохраненіи всего, законно

¹⁾ № 880.

²⁾ № 949.

существующаго, въ противопоставленіи начала «устойчивости», началу движенія, приносящаго новизну. Отсюда слѣдовало, что всякое движеніе, начинавшееся внутри государствъ, должно быть подавляемо съ самаго начала; если же правительство данной страны не въ состояніи само справиться съ такимъ движеніемъ, то прочія державы, заинтересованныя въ охраненіи тишины, обязаны вмѣшаться въ его дѣла и подать ему вооруженную помощь. Такимъ образомъ, *репрессія* и *вмѣшательство* сдѣлались двумя главными, если не единственными средствами поддержанія мира и тишины въ Европѣ. Сила репрессіи обнаружилась, главнымъ образомъ, въ Германіи; сила вмѣшательства — въ Италіи и въ Испаніи.

Исторія репрессивныхъ мѣръ въ Германіи настолько извѣстна, что едва ли необходимо восстанавливать ее въ продолжительномъ разсказѣ. Здѣсь достаточно будетъ напомнить главные факты и указать на обстоятельства, характеризующія дѣятельность Меттерниха и ближайшихъ его сотрудниковъ: Генца и Адама Миллера.

Признаки неудовольствія и броженія обнаружались въ Германіи, какъ извѣстно, тотчасъ послѣ того, какъ въ дѣяніяхъ вѣнскаго конгресса и въ первыхъ дѣйствіяхъ союзнаго сейма проявились черты политики, усвоенной вѣнскимъ дворомъ и другими державами относительно внутреннихъ дѣлъ германскаго союза. Уже въ 1817 году, по случаю празднованія 300-лѣтія реформациі, годовщины лейпцигской битвы (1813), въ Вартбургѣ, была устроена довольно шумная демонстрація членами студенческаго буршеншафта, прибывшими на праздникъ. Подражая Лютеру, торжественно сжегшему папскую буллу, участники празднествъ сожгли заглавные листы сочиненій Кампца, Коцебу, Галлера и другихъ писателей реакціоннаго направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сожжены и другіе «символы реакціи», какъ ихъ называли. Эта шумная демонстрація не имѣла серьезныхъ послѣдствій уже по одному тому, что между стремленіями «буршеншафта» и дѣлами настоящихъ тайныхъ обществъ нельзя было установить прямой связи. Меттернихъ не преминулъ, впрочемъ, послать къ одному изъ любимцевъ прусскаго короля, кн. Витгенштейну, особый мемуаръ, въ которомъ доказывалось, что Германія вообще и Пруссія въ особенности находятся въ революціонномъ броженіи, и что нѣмецкіе профессора составили, если не заговоръ, то планъ воспитанія будущихъ поколѣній къ революціи ¹⁾.

¹⁾ Мемуаръ 1818 (№ 206).

Это представленіе не произвело желаннаго дѣйствія. Король Фридрихъ-Вильгельмъ не измѣнилъ существенно своей внутренней политики, а въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствахъ (Баварія, Баденъ, Виртембергъ), по волѣ ихъ государей, были введены представительныя учрежденія (1818—1819). Но чрезъ два года послѣ вартбургскаго праздника совершилось событіе, давшее Меттерниху сильный поводъ къ проведенію давно задуманныхъ мѣръ. Коцебу, на котораго смотрѣли какъ на агента русскаго двора, былъ убитъ въ Мангеймѣ (Баденъ) молодымъ фанатикомъ Зандомъ. Убійца былъ осужденъ и казненъ, причемъ тщательно произведенное слѣдствіе не раскрыло какихъ-либо сообщниковъ Занда, тѣмъ болѣе оно не открыло слѣдовъ тайнаго общества, по волѣ котораго будто бы Зандъ совершилъ свое преступленіе.

Но эти факты были безсильны надъ рѣшительностью Меттерниха и его сотрудниковъ — Генца и А. Миллера. Генцъ, сообщая о мангеймскомъ событіи Меттерниху, находившемуся тогда въ Римѣ, не скрывалъ своей радости, такъ какъ мангеймская катастрофа должна была «вызвать рѣшенія и содѣйствовать мѣрамъ, которыя безъ этого были бы приняты гораздо позже, а можетъ быть и никогда бы не осуществились» ¹⁾.

Меттернихъ раздѣлялъ этотъ взглядъ. «Я, съ своей стороны, — писалъ онъ, — не сомнѣваюсь, что убійца дѣйствовалъ не по собственному побужденію, а подъ вліяніемъ тайнаго союза. Здѣсь изъ истиннаго зла произойдетъ и нѣкоторое добро, ибо бѣдный Коцебу предстоить въ видѣ *argumentum ad hominem*, котораго не въ состояніи будетъ устранить даже либеральный герцогъ веймарскій. *Я постараюсь дать дѣлу наилучшій оборотъ и извлечь изъ него возможно больше*» ²⁾.

Но какъ можно было назвать убійство «наилучшимъ оборотомъ дѣла», и какая «польза» могла быть изъ убійства извлечена? Въ этомъ отношеніи, судя по бумагамъ Меттерниха, его воззрѣнія расходились съ ближайшими цѣлями его сотрудниковъ. Генцъ и Мюллеръ (особенно послѣдній) видѣли въ мангеймской катастрофѣ удобный предлогъ наложить руку на университетъ и на печать, видоизмѣнить самый духъ нѣмецкаго просвѣщенія. Меттернихъ, конечно, согласился съ ними относительно характеристикъ нѣмецкихъ университетовъ и печати, но его стремленія шли гораздо дальше. Своимъ «*argumentum ad hominem*» онъ хотѣлъ

¹⁾ № 385.

²⁾ № 388.

воспользоваться для того, чтобы остановить преобразовательныя стремленія, сигналъ къ которымъ былъ данъ изъ южной Германіи, и особенно привлечь на свою сторону Пруссію, гдѣ духъ реформъ Штейна еще былъ силенъ.

Съ высоты такихъ цѣлей, стремленія какового-нибудь Мюллера казались Меттерниху довольно мелкими, а иногда и смѣшными. Перечитывая его переписку, можно убѣдиться въ томъ, что онъ въ тайнѣ не придавалъ серьезнаго значенія волненіямъ буршенштафтовъ, «пропагандѣ» профессоровъ и всему тому, на чемъ настаивалъ Мюллеръ, въ которомъ странность или узость взглядовъ соединялась съ мелкимъ желаніемъ отомстить нѣкоторымъ профессорамъ. Приведемъ нѣкоторые выписки изъ бумагъ Меттерниха.

Въ апрѣлѣ 1819 онъ подшучиваетъ надъ мнѣніемъ Мюллера, что «университетскіе беспорядки порождены собственно *реформациею*, и что поэтому они могутъ быть устранены только упраздненіемъ послѣдней». Соглашаясь вообще съ правильностью этого взгляда, Меттернихъ замѣчаетъ, что ему никакъ нельзя состязаться съ Мартиномъ Лютеромъ, и что можно сдѣлать кое-что полезное, не затрогивая протестантизмъ въ его источникѣ. «Послѣдняя, впрочемъ замѣчательная записка Мюллера, — заключаетъ онъ, — напомнила мнѣ предложеніе Головкина изслѣдовать «*les causes primitives de la révolution française*» ¹⁾.

Затѣмъ, отвѣчая на проекты своихъ друзей о преобразованіи университетовъ ²⁾, Меттернихъ высказываетъ слѣдующій взглядъ значенія этихъ учреждений въ дѣлѣ революцій.

«Буршъ, взятый самъ по себѣ, — дитя, а буршенштафты — непрактическая, кукольная забава. Поэтому я никогда — въ тому свидѣтель — не говорилъ о студентахъ, а останавливалъ мое вниманіе на профессорахъ. Но нѣтъ болѣе неподходящихъ заговорщицковъ, какъ профессора, отдѣльно или вмѣстѣ взятые... Поэтому я никогда не боялся, что революція будетъ произведена университетами, но мнѣ кажется достовѣрнымъ, что въ нихъ можетъ образоваться поколѣніе революціонеровъ, если злу не будетъ положено предѣловъ». Но и относительно этихъ предѣловъ Меттернихъ высказываетъ довольно успокоительные взгляды.

«Величайшее и поэтому настоятельнѣйшее зло, въ настоящее время, — писалъ онъ, — есть *печать*». Противъ нея онъ считаетъ нужнымъ подготовить самыя серьезныя мѣры. Но выше даже

¹⁾ № 342.

²⁾ №№ 343, 346.

этих мѣръ должно поставить способы обуздывать отдѣльныя нѣмецкія правительства, потворствующія вольномыслію. Для этого должно дать соотвѣтствующее толкованіе XIII ст. Союзнаго Акта, возвѣщавшей, что во всѣхъ германскихъ государствахъ будетъ введено земское представительство (Landständische Verfassung).

Для проведенія этихъ мѣръ, сеймъ представлялся неудобнымъ. Нѣкоторые государства выказывали явно оппозиціонный духъ, какъ, напримѣръ, Саксенъ-Веймаръ и Виртембергъ. Сверхъ того, совѣщанія сейма, хотя и негласныя, не представлялись настолько секретными, чтобы слухъ объ нихъ не могъ проникнуть въ общество и не взволновать общественнаго мнѣнія. Поэтому путь министерскихъ конференцій, рѣшенія которыхъ передавались бы сейму для формальнаго утвержденія, представлялся наиболѣе удобнымъ. Такую конференцію и предположено было созвать въ Карлсбадѣ. Но для успѣха совѣщаній необходимо было заручиться согласіемъ сильнѣйшей нѣмецкой державы, т.-е. Пруссіи, король которой все еще оставался на «дурной дорогѣ».

Обращеніе Фридриха-Вильгельма III на хорошую дорогу состоялось на свиданіи, которое имѣлъ съ нимъ Меттернихъ въ Тѣплицѣ (28 іюля 1819 г.). Довнесеніе объ этомъ свиданіи, представленное императору Францу, имѣетъ высочайшій интересъ и живо рисуетъ тѣ «пути», которыми дѣйствовалъ Меттернихъ.

«Императоръ,—говорилъ Меттернихъ Фридриху-Вильгельму,—убѣжденъ, что смута въ Германіи достигла такихъ размѣровъ, что наступилъ день выбора между началомъ охраненія и совершеннымъ подчиненіемъ революціи, т.-е. политическою смертію. Императоръ готовъ ставить преграды потоку, но для этого необходимы соединенныя усилія... Въ Пруссіи имѣется король, но мы не находимъ въ ней королевской власти. Если король представитъ злу, которое грозитъ его трону и его личности, свободное теченіе, то императоръ долженъ будетъ пойти по своей дорогѣ, отказавшись отъ общихъ дѣлъ».

Король былъ потрясенъ; онъ горячо заявилъ о своемъ желаніи добра. Но у него нѣтъ людей, и онъ проситъ содѣйствія Меттерниха. Послѣдній обѣщаетъ свою помощь, но указываетъ, что въ Пруссіи нѣтъ людей, способныхъ осуществить предложенныя мѣры, даже—хуже того. «Я могу говорить съ В. В. откровенно. Совѣты, данныя вамъ до сихъ поръ, были или нехороши, или дурно осуществлены. Заговоръ, открытый нынѣ... имѣетъ свое начало и свое пребываніе въ Пруссіи. Низшіе заговорщики теперь открыты, но высшіе еще неизвѣстны, а они несомненно находятся въ высшихъ разрядахъ вашихъ слугъ. Вамъ извѣстно,

какъ и думаю, о князѣ Гарденбергѣ ¹⁾; онъ оказалъ В. В. большія услуги, но теперь онъ старъ и немощенъ тѣломъ и духомъ. Онъ всегда желаетъ добра, но слишкомъ часто поддерживаетъ зло».

Смущеніе короля достигло высшей степени. Заговоръ среди его высшихъ слугъ! Сообщники революціи среди сотрудниковъ князя Гарденберга! Не сразу, однако, отказался король отъ послѣдняго. Онъ просилъ Меттерниха войти съ нимъ въ соглашеніе на предстоящихъ конференціяхъ. Меттернихъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы на конференціи, кромѣ кн. Гарденберга, были присланы, князь Витгенштейнъ и графъ Бернсторфъ, какъ люди надежные. Король не только изъявилъ свое согласіе, но и сверхъ того просилъ Меттерниха «связать этихъ людей письменными условіями, прибавивъ, впрочемъ, что на князя Витгенштейна исполнѣ можно положиться ²⁾».

Съ особеннымъ торжествомъ доложилъ Меттернихъ императору Францу о результатахъ свиданія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представилъ на его усмотрѣніе мотивированный планъ своихъ дѣйствій на предстоящихъ конференціяхъ. Здѣсь онъ высказывается со всею полнотою и откровенностью ³⁾.

«Почти непонятная неправильность политики большинства нѣмецкихъ правительствъ (съ прусскимъ во главѣ),—писалъ онъ,—дала революціонному духу въ Германіи такое развитіе, что теперь, можетъ быть, наступилъ періодъ, когда помощь еще возможна.

«Прежде нѣмецкіе революціонеры были раздѣлены подобно государствамъ, въ коихъ они жили. Но заговорщикамъ скоро стало ясно, что при такихъ условіяхъ не могло быть сдѣлано никакого рѣшительнаго удара. *Прусская военная партія* думала сначала увеличить Пруссію завоеваніями; *прусская гражданская партія* ограничилась усиліями преобразовать Пруссію. Нѣкоторые (и замѣчательно, что всѣ они принадлежатъ къ сословію учащихъ) скоро пошли дальше и, съ революціонной точки зрѣнія, правильнѣе. Они устремили свое вниманіе на соединеніе нѣмцевъ въ единую Германію.

«Для этой цѣли не могло служить поколѣніе, *воспитавшееся*; они тотчасъ обратили вниманіе на поколѣніе *воспитывающееся*. Этотъ планъ не представляетъ узкаго поприща для нетерпѣливыхъ умовъ, такъ какъ поколѣніе студентовъ обнимаетъ срокъ—

¹⁾ Прусскомъ канцлерѣ.

²⁾ № 351.

³⁾ № 352.

самое большее—четырёхлѣтній. Такая систематическая обработка юношества для указанной цѣли продолжается уже болѣе одного поколѣнія; цѣлый классъ будущихъ чиновниковъ, народныхъ учителей и ученыхъ готовится къ революціи.

«Если принять во вниманіе, что въ прусскомъ государственномъ управленіи большее число и притомъ важнѣйшихъ мѣстъ, какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціяхъ (особенно въ Рейнскихъ), занято чистыми революціонерами, то неудивительно, что Пруссію можно считать готовою къ революціи.

«Два обстоятельства оказали этому плану содѣйствіе, послѣдствія котораго теперь трудно еще предвидѣть: дошедшая до безумія распушенность печати во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ и введеніе демагогическихъ (!) государственныхъ учрежденій въ южной Германіи ¹⁾. То, что слабость подготавливала годами въ Пруссіи,—Баварія совершила однимъ ударомъ; Баденъ сдѣлалъ то же въ подражаніе Баваріи, а Виртембергъ старается теперь расширить ²⁾.

Итакъ, понятіе «революціи» было распространено на широкій кругъ вещей и лицъ. Мы находимъ здѣсь не только настоящихъ революціонеровъ, но и прусскія «партіи» военную и гражданскую, прусскихъ министровъ, оберъ-президентовъ и президентовъ, королей баварскаго и виртембергскаго, в. г. баденскаго, и т. д. Не говоримъ уже объ «учащихъ и учащихся».

Зло, пошедшее такъ далеко, очевидно, требовало самыхъ серьёзныхъ мѣръ. Обсужденіе и принятіе ихъ Меттернихъ предположилъ раздѣлить на два періода. Въ первый—онъ полагалъ обсудить и принять мѣры, касающіяся обузданія печати, упорядоченія университетовъ и искорененія «демагоговъ». Эти вопросы предполагалось обсудить на карлсбадскихъ конференціяхъ. Затѣмъ предполагалось созвать министерскія конференціи въ Вѣнѣ, для окончательнаго разъясненія цѣли и назначенія германскаго союза и смысла XIII ст. Союзн. Акт. 1815 года. Императоръ Францъ одобрилъ съ нѣкоторыми измѣненіями планъ Меттерниха, для котораго настала минута величайшаго торжества.

Конференціи въ Карлсбадѣ открылись въ концѣ августа 1819 года ³⁾. Какъ конференція, такъ и сеймъ приняли слѣдующія четыре предложенія: 1) временныя правила объ экзе-

¹⁾ Эти „демагогическія“ учрежденія дѣйствуютъ въ южной Германіи и по сей день.

²⁾ Виртембергъ получилъ свою хартію 25 сентября 1819.

³⁾ Въ нихъ приняли участіе уполномоченные Австріи, Пруссіи, Баваріи, Виртемберга, Саксоніи, Ганновера, Бадена, Мекленбурга, Нассау, Кургессена и Саксенъ-Веймара.

куціи противъ государствъ, неисполняющихъ своихъ обязанностей относительно союза; 2) правила относительно печати; 3) временныя правила объ университетахъ; 4) учрежденіе центральной слѣдственной комиссіи въ Майнцѣ, для разслѣдованія демагогическихъ происковъ. Члены конференціи, предъ отъѣздомъ, поднесли Меттерниху благодарственный адресъ ¹⁾. Но, конечно, эти выраженія благодарности не достигли высоты того самодовольствія, которое ощущалъ Меттернихъ ²⁾.

Несмотря на скуку, которую онъ ожидалъ отъ конференцій въ Вѣнѣ, канцлеръ готовился къ нимъ какъ къ новому торжеству. Предъ открытіемъ ихъ, онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей:

«Дѣла по конференціи подвигаются впередъ и идутъ хорошо. Я сказалъ моимъ 25 друзьямъ прямо и рѣшительно, чего мы хотимъ и чего мы не хотимъ. Это заявленіе вызвало всеобщее одобреніе, и каждый объявилъ, что онъ никогда не хотѣлъ большаго, меньшаго или вообще другого, какъ чего хотѣли мы. И такъ я окруженъ людьми, которые восхищены собственною силою воли, и, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ нихъ за нѣсколько дней предъ этимъ не зналъ, чего онъ хочетъ или долженъ хотѣть. Это обыкновенная судьба подобныхъ сѣздовъ ³⁾. Я давно убѣдился въ томъ, что между извѣстнымъ числомъ лицъ находится только одно, которому ясно, о чемъ идетъ дѣло. Я останусь побѣдителемъ здѣсь, какъ и въ Карлсбадѣ, т.-е. всѣ захотятъ того, чего хочу я, а такъ какъ я хочу только справедливаго, то думаю, что заслужу свою побѣду. Но замѣчательно будетъ то, что эти люди возвратятся домой въ глубокомъ заблужденіи, что они оставили Вѣну съ тѣми-же воззрѣніями, съ какими они въ нее пріѣхали» ⁴⁾.

Можно предположить, что эта характеристика «25 друзей» Меттерниха была довольно вѣрна, потому что ему удалось провести свои главные воззрѣнія на цѣль и устройство союза, также назначеніе XIII ст. Союзнаго Акта 1815 года, толкованіе которой особенно его беспокоило. Правда, австрійское предложеніе, основанное на изслѣдованіяхъ ученаго *Генца* ⁵⁾, не могло пройти во всей его чистотѣ. Австрія, устами Генца, доказывала, что

¹⁾ № 355.

²⁾ Ср. №№ 360, 365.

³⁾ Можетъ быть, по этому Меттернихъ и любилъ ихъ, и предпочиталъ подобныя конференціи сѣздамъ другого рода.

⁴⁾ № 369.

⁵⁾ Исполнявшего должность секретаря конференціи.

XIII статья дозволяет только сословно-совѣщательныя собранія, въ духѣ среднихъ вѣковъ, и *воспрещаетъ* представительное устройство въ новомъ смыслѣ. Но принятіе такого предложенія, независимо отъ ограниченія суверенитета отдѣльныхъ государей, повлекло-бы за собою отміну пожалованныхъ уже хартій въ Баваріи, Виртембергѣ и Баденѣ, что вызвало-бы разныя безпокойства, которыхъ не хотѣлъ Меттернихъ.

Но допуская новыя формы представительствъ, въ принципѣ, можно было установить общія правила для ихъ примѣненія. Ст. 55 «вѣнскаго заключительнаго акта» предоставляла каждому отдѣльному правительству вводить у себя представительныя учрежденія въ старой или въ новой формѣ, но при этомъ постановлялось общимъ правиломъ (ст. 55), что каждая хартія должна быть согласована «съ общимъ типомъ германскихъ государствъ», т.-е. съ типомъ монархическимъ.

Это правило само по себѣ не вводило ничего новаго, такъ какъ всѣ хартіи въ Германіи могли быть только октроированы (другихъ хартій союзный актъ не признавалъ), а потому онѣ естественно согласовались съ принципомъ монархическимъ. Но въ толкованіи этого правила могли быть разныя направленія.

Въ австрійскомъ предложеніи вообще проводилась та мысль, что первѣйшею задачею сейма должно быть такое истолзованіе XIII-й ст., которое было-бы примѣнимо во всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ и выведено «не изъ общихъ теорій и не изъ чужихъ образцовъ, но изъ нѣмецкихъ понятій, нѣмецкихъ правъ и нѣмецкой исторіи». Но были нѣкоторыя начала, не имѣвшія ничего общаго ни съ «нѣмецкими», ни съ «чужими» понятіями, и устраненія которыхъ австрійскій кабинетъ требовалъ во имя простого «общественнаго спокойствія». Такъ, въ числѣ условій, несогласныхъ съ господствующимъ типомъ германскихъ государствъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія, Меттернихъ называлъ публичность засѣданій палатъ и стенографированіе протоколовъ засѣданій ¹⁾. Согласно этому, 59 ст. «вѣнскаго заключительнаго акта» постановила, что «каждое правительство должно заботиться, чтобы законныя границы свободы слова, какъ въ преніяхъ палатъ, такъ и въ обнародованіи ихъ, не были переступаемы въ ущербъ спокойствію отдѣльнаго государства и всей Германіи».

Постановленіями, вышедшими изъ карлсбадской и вѣнской конференціи, опредѣлилось существо и кругъ мѣръ, которыми

¹⁾ № 469.

вѣнскій дворъ поддерживалъ спокойствіе въ Германіи. Ограниченіе печати, давленіе на университеты, сыскныя коммиссіи и запугиваніе правительствъ, рѣшавшихся идти по другой дорогѣ, — таковы единственныя мѣры, дальше которыхъ не шла изобрѣтательность австрійской дипломатіи. Позднѣйшія событія не прибавили къ нимъ ничего новаго. Когда въ 1824 открыто было существованіе разныхъ тайныхъ обществъ, Меттернихъ воспользовался этимъ случаемъ для продленія срока дѣйствія карлсбадскихъ постановленій¹⁾. Подъ вліяніемъ іюльской революціи во Франціи и переворотовъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, крайняя партія произвела свою извѣстную (и очень нелѣпую) демонстрацію на праздникѣ у Гамбахскаго замка и затѣмъ во Франкфуртѣ, гдѣ попытка всеобщей революціи закончилась нападеніемъ на двѣ гауптвахты (1832 и 1833 гг.). Опять собралась министерскія конференція, снова учреждена была сыскная коммиссія, усилены цензурныя строгости, изгнаны нѣкоторые профессора и стѣснены права народнаго представительства²⁾.

Какое, однако, значеніе имѣла эта политика для будущаго Германіи и Австріи? Нѣтъ ничего легче, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ указаніемъ на позднѣйшія событія, которыя, можетъ быть, трудно было предусмотрѣть въ двадцатыхъ или тридцатыхъ годахъ. Но мы имѣемъ и въ бумагахъ Меттерниха нѣкоторыя указанія на то, что его работа не принадлежала къ числу производительныхъ.

Такъ, въ минуту великаго его торжества, между карлсбадскими и вѣнскими конференціями, онъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, мимоходомъ замѣчаетъ, что «все, сдѣланное имъ до сихъ поръ, было отрицательно; что онъ больше боролся съ явнымъ зломъ, чѣмъ создавалъ доброе»³⁾. Но могли-ли одніи «отрицательныя» мѣры устранить зло, противъ котораго онъ были направлены, или, наоборотъ, зло росло вмѣстѣ съ энергіею отрицанія? Довольно прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ записка Меттерниха о тайныхъ обществахъ, представленная императору Александру I послѣ веронскаго конгресса (1822 года).

Указывая на всесвѣтныи, космополитическій, такъ сказать, характеръ, принятый тайными обществами, на ихъ преступныя цѣли и средства, на связь ихъ съ революціонными обществами въ Парижѣ, Меттернихъ продолжаетъ:

¹⁾ №№ 721—727.

²⁾ Изъ бумагъ Меттерниха сюда относятся №№ 1891—1098.

³⁾ № 370.

«Организація тайныхъ обществъ во Франціи, въ томъ видѣ какъ они существуютъ теперь, не *восходитъ*, кажется, раньше 1820 года. Процессы, начатыя въ Германіи въ 1819 и 1820 гг. и труды слѣдственной комиссіи въ Майнцѣ, представили много доказательствъ тому, что нѣмецкіе революціонеры въ это время имѣли лишь *косвенныя* сношенія съ парижскимъ революціоннымъ центромъ. Только послѣ того, какъ мѣры, принятыя въ Карлсбадѣ (1819) принудили вожakovъ нѣмецкихъ тайныхъ обществъ искать убѣжища во Франціи, многіе изъ нихъ отправились въ Парижъ, гдѣ они не *нашли* однако способовъ согласиться съ французскими либералами. *Ненависть къ Бонапарту* была первымъ толчкомъ къ образованію нѣмецкихъ тайныхъ обществъ; въ этомъ фактѣ они встрѣтили препятствіе къ сближенію съ французскими вожаками. Съ другой стороны, *филантропическая безсмыслица* нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ сдѣлала ихъ презрѣнными въ глазахъ заговорщиковъ, слишкомъ практическихъ, чтобы останавливаться на такихъ пошлостяхъ. Только съ 1821 года могли установиться прямыя сношенія между нѣмецкими и французскими революціонерами, и во главѣ *первыхъ* стоятъ нѣмецкіе бонапартисты» ¹⁾.

Этотъ отрывокъ показываетъ, что было-бы весьма любопытно прослѣдить, какъ нѣмецкій буршеншафтъ, зародившійся въ эпоху французскаго ига, вдохновленный національною идеею, питаемый нѣмецкимъ идеализмомъ и романтизмомъ (или «филантропическою безсмыслицею», по Меттерниху), преисполненный странностями и даже дикостями, но довольно невинный въ началѣ, вдругъ выдвинулъ «практическихъ» заговорщиковъ и еще съ «бонапартистами» во главѣ? Во всякомъ случаѣ, движеніе очевидно приняло болѣе острый и преступный характеръ ²⁾.

Еще важнѣе было другое обстоятельство. «Отрицательныя мѣры», направленныя противъ всякаго движенія въ новизнѣ, въ дѣйствительности поражали только пѣнку, выбрасываемую этимъ движеніемъ, т. е. революціонеровъ. Но онѣ были безсильны надъ тѣмъ, что создаетъ новыя понятія, что вызываетъ новыя стремленія и даетъ имъ прочность, т. е. надъ экономическимъ, умственнымъ и общественнымъ ростомъ народовъ. Меттернихъ царилъ въ области антидемагогическихъ мѣръ, но онъ не могъ остановить экономическаго роста Пруссіи;

¹⁾ № 636.

²⁾ Эта перемѣна кратко, но очень наглядно представлена въ названномъ выше трудѣ г. *Надлера*, стр. 32 и слѣд.

онъ повѣдно замѣтилъ дѣйствіе ея таможенной политики; онъ не могъ наложить запрета на удивительное научное и философское движеніе въ Германіи, на Гриммовъ, Эйхгорновъ, Гербинусовъ, Шлоссеровъ, Гегелей, Шеллинговъ, на просвѣдительную дѣятельность Алтенштейна и т. д. Между тѣмъ, каждая экономическая мѣра прусскаго правительства, каждое новое государство, входившее въ составъ «цольферейна», каждый научный трудъ и каждое литературное произведеніе, каждая новая школа и каждый новый читатель создавали ту новую *Германію*, борьба съ которой, разумѣется, была тщетнымъ предпріятіемъ.

Подъ-конецъ Меттернихъ долженъ былъ сложить оружіе и называть врага, его побѣдившаго, революціей. Но дѣйствительно ли врагъ носилъ это имя? Если судить по вѣшнымъ признакамъ и ближайшимъ поводамъ—да. Въ ту минуту, когда Меттернихъ подалъ въ отставку, революція была всюду. Но за этою вѣшностію можно было разсмотрѣть нѣчто другое: совокупность идей, потребностей, стремленій и надеждъ, естественно накопившихся въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ «системѣ» 1815 года и схваченныхъ, въ минуту страшнаго кризиса, революціей, которая дала имъ уродливое выраженіе.

Въ то время, какъ въ Германіи шла упорная работа мысли, то спускавшейся въ темныя закоулки древности, то возвышавшейся до Гегелева абсолюта; въ то время, какъ пересоздавался экономическій бытъ Европы и вопросы политическіе блѣднѣли предъ социальными, Австрія не выходила изъ спокойной области «трактатовъ». Ей казалось, что она «охраняетъ». Въ дѣйствительности она отчуждалась отъ Германіи, давно возстановила противъ себя Италію и привела самое себя въ неопisanное разстройство, изъ котораго вывела ее (и то на время) сила русскаго оружія.

V.

ВСПЛАНАДА.

«Для вѣйскаго кабинета,—говоритъ Шпринтеръ,—всѣ окрестныя государства являлись какъ бы вспланадой, на которой, въ интересахъ крѣпости, запрещается строить». Въ особенности же такою вспланадой являлась Италія, гдѣ всякія постройки въ новомъ политическомъ стилѣ не могли быть допущены, ибо мода на этотъ стиль могла легко перейти въ Ломбардію и въ Вене-

цію и смутить спокойствіе австрійскихъ властей. Но сама Италія, равно какъ сосѣднія германскія государства, могли быть увлечены примѣрами странъ болѣе далекихъ и менѣе склонныхъ къ началамъ вѣискихъ трактатовъ. Словомъ, программа Меттерниха имѣла ту особенность, что для осуществленія ея не было достаточно рѣшимости одного вѣискаго двора и даже державъ, сплотившихся въ священный союзъ. Кромѣ Австріи и другихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ священнаго союза, существовали другія державы и народности; смятеніе, начавшееся въ одномъ изъ нихъ, могло обратить въ ничто всѣ усилія вѣискаго двора.

Ради подобныхъ случаевъ и было провозглашено одно начало, игравшее очень важную роль въ системѣ Меттерниха, именно начало *омтнительства*. Самъ Меттернихъ считалъ его непремѣннымъ условіемъ своей системы и многократно объяснялъ это правительствамъ, его непонимавшимъ, каково было, напримѣръ, правительство англійское.

«Идея нейтралитета,—писалъ онъ князю Эстергази (австрійскому послу въ Лондонѣ)—по поводу испанскихъ дѣлъ (1823 г.), *несовмѣстима* съ нашею политическою системою. ...Императоръ не можетъ объявить себя нейтральнымъ, когда дѣло идетъ о поддержаніи принципа, на которомъ покоится существованіе его имперіи и благоденствіе его народовъ,—принципа, на который мы не переставали смотрѣть какъ на главную основу священнаго союза, и который послѣ четверти вѣка смуть и переворотовъ далъ, наконецъ, миръ Европѣ» ¹⁾).

Англійскіе государственные люди, очевидно, остались при своемъ непониманіи, потому что чрезъ семь лѣтъ Меттернихъ писалъ тому же лицу по поводу бельгійской революціи:

«Императоръ никогда не допуститъ принципа невмѣшательства въ виду активнаго дѣйствія революціонной пропаганды. Е. И. В. считаетъ не только своимъ правомъ, но обязанностию давать каждой законной власти, подвергшейся нападенію общаго врага, всякаго рода помощь, употребленіе которой позволятъ обстоятельства» ²⁾). Въ другой депешѣ онъ выражается еще рѣзче: «Разбойники отвергають жандармовъ, а поджигатели протестуютъ противъ пожарныхъ. Мы никогда не допустимъ домогательства, столь разрушительнаго для всякаго общественнаго порядка. Напротивъ, мы всегда будемъ признавать за собою право отвѣчать на призывъ всякой законной власти, какъ мы признаемъ

¹⁾ № 674.

²⁾ № 976.

за собою право тушить пожаръ въ домѣ сосѣда, чтобы воспрепятствовать огню охватить наше жилище» ¹⁾).

Недостатокъ мѣста не дозволяетъ привести всѣ относящіяся сюда мѣста изъ депешъ и записокъ Меттерниха ²⁾; мы остановимся на одной изъ депешъ, такъ какъ въ ней содержится полное объясненіе системы вмѣшательства въ томъ видѣ, какъ понималъ ее Меттернихъ. Деша была написана послѣ лайбахскаго конгресса, и послана ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Указавъ на опасности, грозящія Европѣ отъ революціонной партіи, депеша продолжаетъ:

«Союзные монархи не могли не признать, что этому разрушительному потоку можетъ быть поставлена только одна преграда. Сохранять все, законно установленное—таковъ принципъ ихъ политики, точка отправленія и конечная цѣль ихъ рѣшеній. Они не могли быть остановлены тщетными возгласами невѣжества или злобы, обвиняющими ихъ въ намѣреніи обречь человѣчество на застой и неподвижность, несогласные съ естественнымъ и прогрессивнымъ ходомъ цивилизаціи и съ усовершенствованіемъ общественныхъ учреждений. Никогда эти монархи не выражали ни малѣйшаго расположенія противиться дѣйствительнымъ улучшениямъ или устраниенію злоупотребленій, которыя могутъ вкратѣ въ наилучшія правительства. Они постоянно были воодушевляемыми взглядами, и если покой, который правительство и народы могли считать обезпеченнымъ чрезъ умиротвореніе Европы, не могъ привести всего добра, которое должно было отъ него произойти, то это потому, что правительства должны были сосредоточить всѣ свои мысли на средствахъ поставить преграду успѣхамъ партіи, которая, распространяя вокругъ себя заблужденія, недовольство, фанатизмъ нововведеній, скоро поставила бы вопросъ о существованіи какаго бы то ни было политическаго порядка.

«Полезныя или необходимыя перемѣны въ законодательствѣ и въ управленіи государствъ должны исходить изъ свободной воли, изъ обдуманнаго и просвѣщеннаго направленія тѣхъ, на которыхъ возложена отъ Бога отвѣтственность за власть. Все, что выходитъ за эти предѣлы, неизбежно ведетъ къ безпорядку, къ переворотамъ и къ бѣдствіямъ, болѣе невыносимымъ, чѣмъ тѣ, которыя думаютъ исполнить. Проникнутые этою вѣчною истиною, монархи не колебались провозгласить ее откровенно и твердо. Они объявили, что, уважая право и независимость всякой закон-

¹⁾ № 977.

²⁾ См. №№ 997, 999, 1000, 1001, 1003 и мн. друг.

ной власти, они рассматриваютъ всякую попытку преобразованія, совершенную возстаніемъ или открытою силою, какъ юридически ничтожную и осуждаемую началами европейскаго публичнаго права».

Легко замѣтить, что въ этой депешѣ весьма искусно смѣшаны два совершенно различныхъ вопроса: именно, вопросъ о правахъ законной власти въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ и вопросъ о правѣ *вмѣшательства* другихъ державъ во внутреннія дѣла другой страны. По первому вопросу не подлежитъ сомнѣнію, что «преобразованія должны быть плодомъ обдуманнаго и зрѣлаго рѣшенія правительствъ»; что *право* возстанія не признается въ современныхъ условіяхъ европейской политической жизни; что возстанія суть явленія бѣдственныя. Но иной вопросъ, насколько одно государство можетъ силою вмѣшиваться въ дѣла другого, для возстановленія того, что оно считаетъ законнымъ порядкомъ? Этотъ существенный вопросъ нисколько не рѣшается приведенною выше депешею.

Несомнѣнно одно: провозглашеніе права вмѣшательства неизбежно налагало на союзныхъ монарховъ обязанность гарантировать существующій порядокъ во всѣхъ государствахъ Европы не только отъ попытокъ самовольнаго его измѣненія населеніемъ, но и отъ возстаній бѣдственныхъ, и не рѣдко вызываемыхъ дурнымъ и жестокимъ управленіемъ. Поэтому успѣхъ системы вмѣшательства зависѣлъ не только отъ возможности подавлять попытки насильственныхъ переворотовъ (какъ это было сдѣлано въ Неаполѣ и въ Сардиніи), но и отъ возможности руководить нѣкоторыми правительствами, дѣйствія которыхъ приводили къ переворотамъ.

Достаточно извѣстно, что въ такихъ совѣтахъ нуждались правительства неаполитанское, сардинское и испанское, т.-е. именно тѣ, въ защиту коихъ поднялись конгрессы, по поводу событій 1820 г. Это понималъ самъ Меттернихъ. Въ 1821 году, отправляя экспедицію въ Неаполь для возстановленія Фердинанда I въ его правахъ, отнятыхъ у него революціею, онъ думалъ объ условіяхъ, при коихъ возстановленное правительство Фердинанда можетъ успокоить страну. Онъ изложилъ свои мысли въ письмѣ къ графу Стадіону.

Отвергая мысль объ удержаніи въ Неаполѣ конституціоннаго порядка, созданнаго революціею, Меттернихъ говоритъ: «Мы исключили для Неаполя этотъ всеобщій рецептъ, особенно въ виду того, что мы не можемъ сдѣлать въ этой странѣ то, въ чемъ должны будемъ постоянно отказывать у насъ. Съ другой

стороны, было бы неблагоприятно возстановлять отмѣненное. Мы искали и призвали къ себѣ на помощь принципъ *умѣренной монархіи* (*monarchie tempérée*), дабы исключить и произволъ, и представительную систему.

«Король съ трудомъ подчинился нашимъ взглядамъ, но кончилъ тѣмъ, что подчинился и даже понялъ, что съ системой организаціи, достойной этого имени, онъ найдетъ больше шансовъ для мира и спокойствія, чѣмъ при возвращеніи къ откровенному произволу (*franc arbitraire*), отъ котораго онъ испыталъ уже слишкомъ много опасностей и въ Неаполѣ, и въ Сициліи» ¹⁾.

Въ «бумагахъ» Меттерниха нѣтъ, къ сожалѣнію, проекта государственнаго устройства, предложеннаго Фердинанду. Но этотъ проектъ очевидно могъ имѣть для короля ровно столько же значенія, какъ и конституція, навязанная ему генераломъ Пепе. Въ Неаполѣ, подъ давленіемъ вооруженнаго возстанія, онъ призналъ поднесенную ему хартію; въ Лайбахѣ, предъ лицомъ могущественныхъ союзниковъ, онъ согласился, хотя и съ трудомъ, на принципъ «умѣренной монархіи». Но, возстановленный въ полнотѣ своихъ правъ, онъ немедленно возвратился къ тому «откровенному произволу», который мало-по-малу подточилъ королевство и чрезъ сорокъ лѣтъ привелъ его династію къ плачевному концу.

Тоже самое случилось и въ Испаніи, гдѣ французская экспедиція, направленная ультра-роялистическою партіею и освященная согласіемъ веронскаго конгресса, возстановила Фердинанда VII въ его прежнихъ правахъ (1823 г.). Безъ сомнѣнія, три года, прошедшіе со времени провозглашенія хартіи 1820 года, были годами тяжелыхъ испытаній для этой страны, доведенной наконецъ до междоусобной войны. Но тѣмъ болѣе слѣдовало позаботиться объ измѣненіи правительственныхъ приемовъ Фердинанда, вызвавшихъ революцію 1820 года. Этого не было сдѣлано, и страна отдана была на жертву новымъ потрясеніямъ и новой междоусобной войнѣ.

Картина управленія въ Испаніи при Фердинандѣ VII, и въ Неаполѣ при Фердинандѣ I, какъ извѣстно, оставляетъ за собою изображенія худшихъ правительствъ. Но что могла сдѣлать въ этомъ отношеніи система «вмѣшательства»? Признавая свободу и независимость каждаго правительства, нельзя было предлагать ему реформы, не исходявшія изъ его «свободнаго рѣшенія», ни называть злоупотребленіемъ то, что оно считало благомъ. Нельзя

было порицать возстановленіе инквизиціи со всѣми ея ужасами въ Испаніи и въ Папской области, нельзя было разрушать вліянія недостойной камарильи, управлявшей Фердинандомъ VII, нельзя было воздерживать его отъ кровавыхъ жестокостей, въ коихъ онъ доходилъ до нѣкоторой виртуозности. Безсилая въ этомъ, система «вмѣшательства» являлась на дѣлѣ средствомъ застрахованія всѣхъ неспособныхъ правительствъ отъ послѣдствій ихъ ошибокъ и злоупотребленій. Можно сказать даже, что она являлась нѣкоторымъ средствомъ поощренія ихъ къ злоупотребленіямъ и бездѣйствію по части преобразованій, самыхъ необходимыхъ. Въ Неаполѣ, въ Сардиніи, въ Моденѣ, въ Испаніи, въ Римѣ, были увѣрены, что иноземная сила вмѣшается по поводу всякаго преобразованія, не исходящаго отъ свободнаго рѣшенія правительства, а потому послѣднее откладывало всякое рѣшеніе, живя со дня на день и допуская всеобщее разложеніе, плоды котораго и обнаружили въ послѣдствіи. Такимъ образомъ, «начало вмѣшательства» силою вещей приводило консервативныя державы къ союзу съ *дурными* правительствами, всегда находившими оправданіе для своихъ злоупотребленій или бездѣйствія, часто столь же вреднаго, какъ и самыя злоупотребленія.

Невыгода такого союза падала, однако, не на австрійскій дворъ. Россія и Пруссія (въ особенности же Россія) не извлекали никакихъ выгодъ изъ того, что Фердинанду Испанскому, Фердинанду Неаполитанскому, Францу Моденскому и т. д. была обезпечена «полная свобода дѣйствій»; точно также они не потерпѣли бы никакого ущерба отъ водворенія иного порядка вещей на полуостровахъ Аппенинскомъ и Пиринейскомъ. Но благодаря искусной политикѣ вѣнскаго двора весь *odium* реакціонной политики падалъ именно на наше отечество, которое являлось въ глазахъ евронеискихъ народовъ символомъ и опорой застою и реакціи. Только послѣдствія крымской войны и мудрая политика Александра II начали выводить насъ изъ этого ненавистнаго положенія.

Напротивъ, вѣнскій дворъ, силою вещей, обреченъ былъ не *желать* какихъ бы то ни было улучшеній ни въ Италіи, ни въ Германіи, по той простой причинѣ, что всякое «улучшеніе» въ Сардиніи или въ Неаполѣ произвело бы непріятную тревогу въ австрійскихъ провинціяхъ Испаніи. Можно повѣрять Меттерниху, что онъ старался внушить Фердинанду Неаполитанскому принципы «умѣренной монархіи»; но несомнѣнно и то, что онъ желалъ видѣть эту монархію менѣе «умѣренною» въ Неаполѣ или въ Сардиніи, чѣмъ въ Австріи. Это видно изъ

совѣтовъ, которые онъ отъ времени до времени преподавалъ разнымъ государямъ Италіи, воздерживая ихъ отъ опасныхъ нововведеній.

Примѣненіе начала вмѣшательства имѣло, однако, свои границы, уже по одному тому, что въ конечномъ своемъ результатѣ это начало есть принципъ не права, но силы, и бываютъ случаи, когда одной силѣ можетъ быть противопоставлена другая сила. Австрія могла проявлять свою силу въ Италіи, пользуясь разрозненностью и своекорыстіемъ правительствъ, и въ Германіи, гдѣ оно пользовалось поддержкою Пруссіи съ перспективою русскаго вмѣшательства. Но совершенно иначе ставился вопросъ тамъ, гдѣ «вмѣшательство» могло встрѣтить сильное противодействие и вызывать серьезную войну.

Іюльская революція во Франціи, съ общеевропейской точки зрѣнія, была событіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ революція 1820 г. въ Италіи и въ Испаніи. Сверхъ того, во время свиданія Меттерниха съ Нессельроде въ Карлсбадѣ было рѣшено, что три восточныя державы немедленно выставятъ въ Италіи, на Рейнѣ и на западныхъ границахъ имперіи, довольное число войска и не признаютъ Людовика Филиппа ¹⁾. Несмотря на это, Меттернихъ, послѣ переговоровъ съ уполномоченнымъ Людовика-Филиппа (генераломъ Бельяромъ), переговоровъ, болѣе забавныхъ, чѣмъ существенныхъ, посовѣтовалъ своему императору признать новую монархію, полагаясь на выраженное Людовикою-Филиппомъ намѣреніе «соблюдать трактаты» ²⁾, хотя низверженіе Бурбоновъ и перемѣна правленія во Франціи были очевиднымъ и весьма существеннымъ нарушеніемъ «трактатовъ» 1815 г. Но Людовикъ-Филиппъ обѣщалъ не нарушать ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Переговоры между Австріею и Россіею, относительно сдерживанія Франціи и противодействія провозглашенному его принципу *невмѣшательства*, происходили уже позже, причемъ императору Николаю приходилось отклонять слишкомъ усердные совѣты Меттерниха, въ родѣ совѣта противопоставить Людовигу-Филиппу сына Наполеона I—герцога Рейхштаттскаго ³⁾. Но всѣ означенные переговоры не давали серьезныхъ практическихъ результатовъ, благодаря двуличности того же Меттерниха. Нарушенія трактатовъ произошли и въ другихъ мѣстахъ. Революція началась въ средней Италіи и была подавлена австрій-

¹⁾ См. Мартенсъ: Собр. Тр. IV, I, стр. 422 и слѣд.

²⁾ №№ 965—967. Собственноручное письмо имп. Франца на таковое же Людовика-Филиппа, см. подъ № 969.

³⁾ Мартенсъ, тамъ же.

скими силами такъ же, какъ и раньше. Но исходъ бельгійской революціи былъ иной. По здравой логикѣ, къ Бельгіи должно было примѣнить ту же мѣру, какую испытывали итальянцы. Но отношеніе державъ къ этому вопросу было иное. Австрія была занята Италіей; Россія не имѣла возможности къ дѣятельному вмѣшательству, равно какъ и Пруссія. Притомъ Франція и Англія не допустили бы вмѣшательства восточныхъ державъ въ дѣло страны, въ которой онѣ имѣли серьезные интересы. Результатомъ этого соотношенія державъ была попытка дипломатическаго рѣшенія бельгійскаго вопроса, отданнаго на разсмотрѣніе конференціи изъ уполномоченныхъ великихъ державъ въ Лондонѣ. Различіе интересовъ этихъ державъ и упорство голландскаго короля тормазили дѣло конференціи; ея дѣло не было бы кончено безъ военной демонстраціи, произведенной англійскимъ флотомъ, и «вмѣшательства» французской арміи, принудившей голландцевъ очистить территорію Бельгіи, независимость которой была провозглашена конференціей. Во всемъ этомъ дѣлѣ Австрія разыграла незавидную роль, какъ это видно изъ горькихъ жалобъ Меттерниха, особенно сильныхъ въ тотъ моментъ, когда Франція рѣшилась подать вооруженную помощь бельгійцамъ (конецъ 1832 года). Съ самаго начала, по ея мнѣнію, державы уклонились отъ истиннаго пути.

«Нидерландская исторія,—писалъ онъ Кламъ-Мартиницу ¹⁾ въ Берлинѣ—испорчена ab ovo. Это произошло отъ грубой ошибки прусскаго кабинета, который не бросился тотчасъ въ распрю, какъ мы это сдѣлали относительно итальянскихъ смуть... Соединеніе Нидерландовъ (т.-е. Бельгіи) съ Голландіею было однимъ изъ рѣшеній конгресса (вѣнскаго) и, рѣшеній важнѣйшихъ. Пруссія и Англія имѣли величайшій интересъ его поддерживать; въ полной солидарности, но относительно интереса на второмъ планѣ, стояли Австрія и Россія; германскій союзъ должно было разсматривать какъ главную заинтересованную сторону. Въ тотъ день, когда вспыхнуло возстаніе, Пруссія должна была предложить помощь голландскому королю, и *навязать* ее (aufdringen), если бы онъ ея не захотѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пруссія, по полномочію союза, должна бы была занять Люксембургъ. Представьте себѣ Мюхстрихъ, Венлоо и Маасъ, занятые прусскими войсками, такъ же какъ и Люксембургъ, голландскій

¹⁾ Графъ Кламъ-Мартиницъ находился въ Берлинѣ съ порученіемъ военнаго характера. Ср. также № 1126.

гарнизонъ Масхтрихта свободный въ своихъ движеніяхъ — насколько иначе расположились бы обстоятельства?» ¹⁾.

Но вещи расположились не такъ; бельгійскій вопросъ былъ переданъ въ обсужденіе конференціи. Последняя, несмотря на всю любовь Меттерниха къ собраніямъ этого рода, вызываетъ его негодованіе.

«Конференція, — писалъ онъ Траутмансдорфу въ Берлинъ, — учредилась въ Лондонѣ, такъ сказать, самопроизвольно. Три континентальныя державы вступили въ нее по довѣрію. Ея истинная цѣль никогда не была опредѣлена. «Бельгія возмущалась, нужно уладить это дѣло» — мы никогда не слышали другой формулы...

«... Конференція собралась съ цѣлью «уладить дѣло»; по какое? Дѣло ли голландскаго короля или бельгійскихъ мятежниковъ? Трудно было бы отвѣчать на этотъ вопросъ опредѣлительно, потому что, насколько я помню, французскій уполномоченный былъ на сторонѣ восстанія; уполномоченные австрійскій, русскій и прусскій на сторонѣ короля, на сторонѣ консервативныхъ началъ, неизмѣнно исповѣдуемыхъ ихъ кабинетами. Англійскій уполномоченный одинъ долго оставался въ неопредѣленности, къ которой даютъ поводъ слишкомъ общія слова. Онъ хотѣлъ видѣть дѣло устроеннымъ» ²⁾.

На это же соотношеніе державъ Меттернихъ указывалъ и раньше, въ концѣ 1831 года ³⁾. Но при такомъ различіи интересовъ можно было только затащить бельгійское дѣло, не измѣнивъ его окончательнаго рѣшенія. Сила событій привела къ необходимости признанія независимости Бельгіи: національный бельгійскій конгрессъ выработалъ и принялъ конституцію новаго королевства (7 февраля 1831); бельгійская корона была поднесена Леопольду саксенъ-кобургскому и принята послѣднимъ (11 июня 1831). Формально бельгійцы не могли уже считаться мятежниками. Но опредѣленія пограничныхъ отношеній, условій судоходства по Шельдѣ и т. д., подавали поводъ, при упорствѣ голландскаго короля, оттягивать рѣшеніе вопроса, хотя короля формально и убѣждали сдѣлать необходимыя уступки.

Не успѣлъ новый бельгійскій король явиться въ эту страну, какъ она была уже наводнена голландскими войсками. Что должны были дѣлать двѣ державы, принявшія Бельгію подъ свое покровительство? То, что и было ими сдѣлано: подать помощь Лео-

¹⁾ № 1102.

²⁾ № 1101.

³⁾ № 1045.

польду I, т.-е. *вмѣшаться*. Англійскій флотъ совершилъ угрожающую демонстрацію противъ Голландіи, а французскія войска разбили голландцевъ въ Бельгіи и вырвали изъ ихъ рукъ Антверпенъ. Итакъ, вмѣшательство совершилось, но въ иномъ духѣ. Любопытно, что въ этомъ случаѣ Меттернихъ пространно писалъ о *невмѣшательствѣ* (!) и громко говорилъ противъ «принудительныхъ мѣръ», принятыхъ Англіею и Франціею.

Что оставалось, однако, дѣлать противъ этихъ мѣръ? Въ знаменитую «эпоху конгрессовъ» Меттернихъ не затруднился бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Но теперь, когда пушки генерала Жерара «восполняли» представленія дипломатіи, Меттернихъ рѣшился смирно ждать дальнѣйшихъ событій.

«Практическая истина, единственно примѣнимая къ положенію дня, есть необходимость выжидать развитія событій». Почему же именно? Отвѣтъ былъ простъ: всякая попытка выйти изъ выжидательнаго положенія повлекла бы за собою войну съ Франціею, а на эту возможность Меттернихъ смотрѣлъ слѣдующимъ образомъ:

«При томъ нравственномъ состояніи, въ которомъ находится Франція, *нападеніе* на эту страну было бы величайшею ошибкою. Наступательная война, направленная противъ Франціи, удвоить ея матеріальныя силы и насильственно броситъ правительство въ направленіе «лѣвой». Если бы нація не была такъ отвращена отъ анархіи—рискъ былъ бы не такъ великъ; анархія дурное орудіе для защиты, но кто можетъ знать, что она не разольется всюду? Я, съ своей стороны, считаю весьма вѣроятнымъ, что изъ этого возникла бы болѣе сильная связь между націей и правительствомъ, а не паденіе послѣдняго» ¹⁾).

Итакъ, онъ долженъ былъ «ждать». Но чего? Много предположеній проносилось предъ нимъ. Ему казалось, что изъ французскаго вмѣшательства ничего не выйдетъ; ему представлялось, что Франція бросится въ наступательную войну; что либеральное министерство лорда Грея въ Англіи можетъ пасть. Ничего этого, какъ извѣстно, не случилось. Вмѣшательство Франціи кончилось благополучно, и лондонской конференціи опять пришлось возобновить свои занятія по частнымъ вопросамъ, которые она покончила едва въ 1839 году.

Въ утѣшеніе оставалось острить надъ англійскими государственными людьми, подпавшими будто бы подъ вліяніе Талейрана, сыгравшаго по бельгійскому дѣлу свою послѣднюю ди-

¹⁾ № 1104.

пломатическую партію. Эти остроты интересны особенно въ виду лицъ, къ которымъ они относятся.

«Я не знаю,—писалъ Меттернихъ,—худшихъ людей, какъ тѣ, которые составляютъ нынѣшнее англійское правительство. Самоувереніе и наивность, дерзость и неловкость образуютъ отличный характеръ лорда Пальмерстона; лордъ Грей не имѣетъ никакого вѣса и слабъ. Прочіе члены кабинета — либералы, болѣе или менѣе неспособные уловить здравую практическую идею и слѣдовать ей»¹⁾. Нужно ли напоминать, что этотъ отзывъ относится къ кабинету, который (не говоря уже о другомъ) провелъ знаменитую парламентскую реформу 1832 года?

Въ бельгійскомъ дѣлѣ «вмѣшательству» помѣшала перспектива войны съ Франціею. Въ дѣлѣ испанскомъ, къ соображеніямъ о «недостаткѣ средствъ» присоединились другія, болѣе важныя, съ точки зрѣнія *права*.

Напомнимъ, въ двухъ словахъ, въ чемъ состояло это дѣло. Фердинандъ VII, желая обезпечить право на престолъ за потомствомъ своимъ отъ Маріи-Христины, отмѣнилъ (1830) своимъ указомъ (прагматическою санкціею) *самическій* законъ о престолонаслѣдствѣ, дѣйствовавшій въ Испаніи съ 1713 г., и возстановилъ старый кастильскій законъ, допускавшій къ престолонаслѣдству дочерей короля. Эта предосторожность была не лишнею, потому что вскорѣ послѣ возстановленія стараго закона, Марія-Христина разрѣшилась отъ бремени дочерью—Изабеллою. Чрезъ это былъ устраненъ отъ престола братъ короля—донъ-Карлосъ, протестовавшій противъ новаго закона, вызвавшій даже возстаніе противъ брата и изгнанный изъ Испаніи. Въ заключеніе, прагматическая санкція была утверждена нарочно собранными кортесами (1833). Вскорѣ послѣ этого Фердинандъ умеръ, оставивъ престолъ малолѣтней дочери подъ регентствомъ ея матери.

Повидимому, все было въ порядкѣ. Измѣненіе закона о престолонаслѣдствѣ совершено было «свободнымъ рѣшеніемъ» Фердинанда, и прочія державы не имѣли основанія вступаться въ домашнее дѣло Испаніи. Но такъ только казалось! Донъ-Карлосъ, устраненный отъ престола, былъ главною опорою реакціонной и клерикальной партіи; Марія-Христина естественно должна была опираться на либеральную партію, т.-е. на тѣ элементы, которые Меттернихъ называлъ революціонными. Не успѣлъ Фердинандъ VII закрыть глазъ, какъ страна раздѣлилась на два лагеря, и нача-

¹⁾ № 1111.

лась страшная междоусобная война. Австріи предстояло рѣшить, какое направленіе должна она избрать въ этомъ дѣлѣ.

Уже въ 1833 году, вскорѣ послѣ смерти Фердинанда, Меттернихъ объявилъ Компуцанѣ (испанскому уполномоченному) слѣдующее рѣшеніе своего двора. «Австрія не признаетъ донъ-Карлоса настолько же, насколько она не признаетъ королеву Изабеллу. Австрія не имѣетъ претензіи рѣшать между прагматическою санкцію Филиппа V (1713) и санкцію Фердинанда VII. Она рѣшилась не дѣлать вопроса изъ лицъ; но если измѣненіе порядка престолонаслѣдія поведетъ къ торжеству революціи въ Испаніи,—Австрія, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть право отказать въ признаніи порядка вещей, прямо противоположнаго самымъ дорогимъ ея интересамъ и началамъ, на которыхъ покоится ея существованіе» ¹⁾.

Поставить вопросъ такимъ образомъ значило предрѣшить его. Вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, правительство Маріи-Христины должно было явиться представителемъ «революціи», какъ понималъ ее Меттернихъ. Онъ не затруднился высказать это въ депешѣ къ Антони (посл. въ Парижѣ), въ 1834 году. Въ этой депешѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же громкими словами и съ тою же бѣдностью въ выводахъ, какою отличаются депешы по бельгійскому дѣлу.

«Проникнитесь прежде всего,—писалъ онъ Антони,—убѣжденіемъ, что испанское дѣло имѣетъ высокое значеніе въ глазахъ нашихъ и нашихъ союзниковъ. Это дѣло занимаетъ *первое мѣсто* (!) между всѣми усложненіями дня, потому что оно касается почвы принциповъ, и потому что рѣшеніе его объемлетъ будущее (!). Установивъ это, бесполезно останавливаться на нравственной сторонѣ вопроса, рѣшенной въ нашихъ глазахъ. *Королева Изабелла есть воплощеніе революціи въ самой опасной ея формѣ; донъ-Карлосъ представляетъ монархическій принципъ въ борьбѣ съ чистою революціею*» ²⁾.

Если такъ, то «вмѣшательство» представлялось столь же необходимымъ, какъ въ 1823 году. Къ сожалѣнію средствъ къ тому уже не существовало. По выраженію Меттерниха, «революція» въ Испаніи была прикрыта Франціею и фланкирована Англіею ³⁾, т.-е. двумя державами, съ которыми не безопасно было вступать въ бой. Оставался средній и довольно жалкій путь: не признавать Изабеллы, ради вѣрности принципамъ; не

¹⁾ № 1141.

²⁾ № 1173.

³⁾ № 1160.

признавать и донъ-Карлоса, страха ради французскаго, и тайкомъ помогать претенденту деньгами, оружіемъ и совѣтами, т.-е. поддерживать въ несчастной Испаніи анархію и междоусобную войну. Этотъ именно путь и былъ избранъ, какъ свидѣлствуетъ приведенная депеша ¹⁾.

Когда дѣло, повидимому, было улажено усилиями четверного союза (Англія, Франція, Испанія, Португалія, 22 апрѣля 1834) и донъ-Карлосъ долженъ былъ отправиться въ Англію, неизвѣстные друзья помогли послѣднему бѣжать, пробраться чрезъ Францію и явиться въ сѣверной Испаніи, гдѣ онъ снова началъ продолжительную междоусобную войну. Меттернихъ зналъ о благополучномъ отбытіи донъ-Карлоса. Объ этомъ свидѣлствуетъ княгиня Меланія. Вотъ что она писала въ своемъ дневникѣ (20 іюля 1834):

«Климентъ сообщилъ мнѣ подъ печатью глубочайшаго молчанія, что донъ-Карлосъ тайно оставилъ Лондонъ, проѣхалъ чрезъ Парижъ и благополучно прибылъ въ Испанію, гдѣ онъ намѣренъ нанести рѣшительный ударъ. Климентъ боится, что это предпріятіе не удастся».

Предпріятіе удалось только въ томъ смыслѣ, что претендентъ могъ поддерживать междоусобную войну, а слѣдовательно и анархію еще нѣсколько лѣтъ, при quasi-выжидательной политикѣ консервативныхъ державъ. Въ теченіе этого времени, Меттернихъ не уставалъ твердить о томъ, что «Испанія продолжаетъ быть театромъ открытой и ожесточенной борьбы между принципомъ сохраненія и разрушенія», и «что Испанія, повидимому, предназначена Провидѣніемъ къ тому, чтобы пройти жестокія испытанія и дать, въ то же время, великіе уроки міру» ²⁾. «Или анархія, или донъ-Карлосъ, таковы,—писалъ онъ въ другой разъ,—таковы были первыя слова, которыя я произнесъ, услышавъ о прагматической санкціи Фердинанда VII». Но кто же не зналъ донъ-Карлоса, и кто могъ повѣрить, что именно онъ представляетъ собою начало «порядка»? Самъ Меттернихъ не думалъ этого. «Не думайте,—писалъ онъ,—чтобы я видѣлъ покой Испаніи въ торжествѣ донъ-Карлоса: вовсе нѣтъ. Я ищу въ этомъ торжествѣ консервативнаго направленія въ правительствѣ, въ противность пагубному вліянію королевы въ пленкахъ и ея матери, замѣчательной болѣе излишествами своего темперамента, чѣмъ серьезными свойствами» ³⁾.

¹⁾ № 1178.

²⁾ № 1242,

³⁾ № 1254. Ср. также № 1312.

Несмотря на это, Меттернихъ, даже заручившись согласіемъ с.-петербургскаго кабинета, не рѣшился признать донъ-Карлоса (въ 1836 г.) и поспѣшилъ успокоить Людовика-Филиппа, что это «признаніе» можетъ послѣдовать только послѣ бѣгства или совершеннаго паденія правительства королевы Христины ¹⁾).

Послѣ этихъ странныхъ и бездушныхъ разсужденій, по поводу событій, стоившихъ такъ много несчастной странѣ, не безъ удовольствія можно прочесть краткое извѣстіе, занесенное княгиней Меланіею въ свой дневникъ: «15 іюля, 1840. Кабрера бѣжалъ во Францію, и дѣло донъ-Карлоса потеряно навсегда» ²⁾).

Подобные извороты вѣнскаго дипломатіи показывали, что начало «вмѣшательства» очевидно отступало предъ началомъ *не-вмѣшательства*, которое имѣло на своей сторонѣ Францію и Англію. Дѣйствительно, ослабленіе принципа «вмѣшательства» выразилось въ фактахъ двоякаго рода: во-первыхъ, въ слабости и боязливости его примѣненіи; во-вторыхъ, въ ограниченіи круга державъ, оставшихся ему вѣрными. Въ послѣднемъ отношеніи весьма поучительна исторія договора, заключеннаго въ Мюнхен-грецѣ между тремя восточными державами, и направленнаго «*противъ* принципа невмѣшательства».

Въ августѣ 1833 года должно было состояться въ Мюнхен-грецѣ (Богемія) свиданіе монарховъ австрійскаго, русскаго и прусскаго. Здѣсь предполагалось обсудить общія мѣры противъ послѣдствій революціи 1830 года и соглашеніе относительно дѣлъ турецко-египетскихъ; здѣсь долженъ былъ утвердиться тѣсный союзъ между тремя восточными державами, о необходимости котораго Меттернихъ говорилъ давно. Но къ осуществленію этой цѣли встрѣтились нѣкоторые препятствія, и самое осуществленіе не дало блестящихъ результатовъ.

Съ самаго начала было видно, что Пруссія неохотно согласилась на участіе въ совѣщаніи. Императоръ Николай I опоздалъ своимъ пріѣздомъ, и Фридрихъ-Вильгельмъ III уѣхалъ, не дождавшись его. Меттернихъ досадовалъ на этотъ отъѣздъ и иронически намекалъ, что причина его въ томъ, что свиданіе монарховъ должно было совпасть съ военными смотрами въ Магдебургѣ и Берлинѣ: «а вы знаете,—писалъ онъ Гюгелю,—что значить въ Пруссіи назначенный и объявленный смотръ». Впрочемъ оба монарха встрѣтились и видѣлись по пути. Но хуже всего было то, что г. Ансальонъ, прусскій министръ иностран-

¹⁾ № 1247.

²⁾ Т. VI, стр. 381.

ныхъ дѣлъ, сопровождавшій сначала Фридриха-Вильгельма, никакъ не хотѣлъ возвратиться въ Мюнхенгрецъ. «Невозможно было,—писалъ Меттернихъ тому же лицу,—побѣдить нежеланія г. Ансильона возвратиться въ Богемію и принять личное участіе въ трудахъ двухъ императорскихъ кабинетовъ».

Меттернихъ пользуется этимъ случаемъ для начертанія характеристики Ансильона, конечно, не лестной для послѣдняго.

«Это нежеланіе возвратиться въ Богемію,—пишетъ Меттернихъ,—пронистекало изъ слабости характера г. Ансильона и нѣкоторыхъ достойныхъ сожалѣнія особенностей въ направленіи его ума. Этотъ министръ въ высшей степени боязливъ и постоянно одержимъ страхомъ компрометтировать себя. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, онъ хотѣлъ сохранить себѣ роль наблюдателя за мюнхенгрецкими актами и устроить себѣ положеніе, дозволяющее ему осуществлять этотъ контроль вмѣстѣ съ графомъ Бернсторфомъ».

Но мюнхенгрецкіе акты показываютъ, что Ансильонъ имѣлъ основаніе быть «боязливымъ» и не желать «компрометтировать» не столько себя, сколько свое государство. Можетъ быть, онъ рассказывалъ въ томъ, что вынужденъ былъ подписать мюнхенгрецкій протоколъ, присланный для этой цѣли въ Берлинъ (15 октября 1833).

Мюнхенгрецкій договоръ направленъ, какъ сказано выше, противъ начала невмѣшательства; слѣдовательно, онъ содержитъ въ себѣ провозглашеніе начала вмѣшательства, въ слѣдующихъ условіяхъ и формахъ. Ст. 1-я гласитъ, что каждый независимый государь въ правѣ призвать себѣ на помощь другого независимаго государя въ случаѣ внутреннихъ смутъ или внѣшней опасности. Послѣдній въ правѣ подать эту помощь или отказать въ ней, руководствуясь своими интересами. Но въ случаѣ, если такая помощь будетъ подана, другая держава, не приглашенная государствомъ, находящимся въ опасности, не имѣетъ права вмѣшаться, съ цѣлью ли воспрепятствовать помощи, или съ цѣлью противодействовать ей. Ст. 2-я гласитъ, что если бы помощь была испрошена у одной изъ трехъ договаривающихся сторонъ, и если бы другая держава хотѣла воспротивиться ей силою оружія, то обѣ другія державы сочтутъ это за вызовъ себѣ и поступятъ соотвѣтственно.

Изъ этого видно, что начало «вмѣшательства», съ одной стороны, провозглашается въ болѣе скромной формѣ, чѣмъ прежде, въ «эпоху конгрессовъ». Прошло уже время, когда «помощь» подавалась безъ воли вспомошествоваемаго, и когда, напримѣръ,

Фердинандъ Неаполитанскій былъ вызванъ въ Лайбахскій конгрессъ для объясненій. Сверхъ того державѣ, призываемой на помощь, предоставляется поступить согласно съ ея интересами. Но, съ другой стороны, если ея интересъ побудитъ ее подать требуемую помощь, посторонняя держава не въ правѣ противо-дѣйствовать вмѣшательству, подъ страхомъ вызвать коалицію двухъ другихъ контрагентовъ.

Оба послѣднія постановленія были очевидно составлены въ интересахъ Австріи: ни Россіи, ни Пруссіи не представлялось перспективы «вмѣшательства», вызванной изъ интересами. На нихъ ложилась только обязанность обезпечить Австріи возможность «вмѣшиваться» въ итальянскія дѣла и ограждать ее отъ противу-вмѣшательства Франціи. Этотъ договоръ являлся нѣкоторымъ вознагражденіемъ за трактатъ о гарантіи взаимныхъ владѣній польскими областями и конвенціи относительно оттоманской имперіи и Египта, заключенныхъ 6 и 19 сентября 1833 г. также въ Мюнхенгретцѣ. Но онъ оставленъ былъ въ секретѣ, между подписавшими его державами, и не имѣлъ важныхъ послѣдствій.

Впрочемъ, всѣ означенныя гарантіи нисколько не препятствовали кн. Меттерниху вести интриги и противъ Россіи, когда это ему было выгодно. Такъ, въ 1839 году, по поводу поведенія Австріи въ турецкихъ дѣлахъ, русскій кабинетъ вынесъ то заключеніе, «что какъ только вѣнскій кабинетъ считаетъ себя безопаснымъ въ отношеніи страннаго призрака революціи и не видитъ опасности для соціального порядка, онъ тотчасъ же меньше чувствуетъ потребности опираться на Россію и на союзъ съ нею» ¹⁾. Остается сожалѣть, что это заключеніе не повело къ болѣе практическимъ послѣдствіямъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что система 1815 года опиралась уже на соглашеніи трехъ восточныхъ державъ, изъ коихъ одна (Пруссія) испытывала нерѣдко страхъ «быть компрометтированной», а другая (Россія) начинала подозрѣвать, что ея пользуются единственно для устрашенія революціонеровъ, пренебрегая ея союзомъ во времена мирныя. Несмотря на это Меттернихъ продолжалъ свое воздѣйствіе всюду, гдѣ только предвидѣлась опасность переменъ. Такъ, онъ усиленно воздѣйствовалъ на Швейцарію (сожалѣя, что вѣнскіе трактаты, по непонятной ошибкѣ, обезпечили этой странѣ нейтралитетъ), гдѣ съ 1830 г. шло движеніе, направленное къ болѣе демократическому устрой-

¹⁾ Мартенсъ, тамъ же, стр. 478.

ству отдѣльныхъ кантоновъ и къ большому единству союза, — движеніе, закончившееся федеральною конституціею 1848 года. Мѣсто не позволяетъ намъ изложить всѣ усилія вѣнскаго двора, направленныя къ поддержанію швейцарскихъ партикуляристовъ, олигарховъ и необходимыхъ въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ; мы познакомились бы и съ усиліями Меттерниха (равно какъ и дружественнаго ему Гизо) поддержать «зондербундъ», этого собирательнаго донъ-Карлоса. Если мы не дѣлаемъ этого, то потому, что «die schweizer Wirten» для предмета нашей статьи представляютъ меньше интереса, чѣмъ австрійскіе Wirten, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

VI.

Пустота.

Успѣшна или неуспѣшна была вѣйшая политика Меттерниха, но, во всякомъ случаѣ, вѣденіе ея требовало большой самоувѣренности. Для того, чтобы поддерживать порядокъ, миръ и тишину во всей Европѣ, вѣйшиваясь постоянно въ чужія дѣла, посылая войско туда, подавая совѣты здѣсь, присутствуя, такъ сказать, вездѣ и во всемъ, — нужно было имѣть твердую увѣренность въ силѣ и благоустройствѣ собственнаго государства. Имѣли ли Меттернихъ такую увѣренность? Повидимому, да.

Въ 1819 году, онъ не безъ гордости говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Талейранъ сказалъ однажды: «Австрія есть европейская палата пэровъ; пока она не будетъ распущена, она сдержитъ палату общинъ». Совершенно справедливо.

Но 1819 годъ былъ моментомъ полнаго упоенія успѣхомъ «конференцій». Однако и въ 1817 году, когда безъ особенной прозорливости можно было предвидѣть «нѣчто» въ ближайшемъ будущемъ, Меттернихъ, въ одной изъ своихъ депешъ, слѣдующимъ образомъ описывалъ цвѣтущее состояніе австрійской монархіи. «Австрійское государство обвиняютъ въ неподвижности. Это обвиненіе не имѣетъ смысла. Въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, кромѣ *принциповъ*, которые не могутъ подвергаться перемѣнамъ, потому что истина останется всегда одною и тою же. Если обвиненіе направлено на наше постоянство въ поддержаніи принциповъ, на которыхъ покоится миръ и общественный порядокъ, оно обращается намъ въ похвалу, и мы были бы готовы его принять. Но дѣло не въ томъ; духъ приключеній, овладѣвающий теперь міромъ, упрекаетъ насъ въ

томъ, что мы не идемъ съ временемъ. Это невѣрно: мы идемъ съ временемъ, но въ такомъ направленіи, которое не подвергаетъ насъ опасности удалиться отъ принциповъ, и въ этомъ различіи направленій лежитъ исходная точка борьбы, завязавшейся между нами и партіями, — борьбы, которую мы поддерживали въ теченіе 60 послѣднихъ лѣтъ, и въ которой, съ помощью Божіей, мы не склонимся! Пусть бросятъ безпристрастный взглядъ на нашу имперію: все находится въ прогрессѣ; все хорошее и полезное идетъ впередъ; мы не можемъ покровительствовать только опасности, ведущей къ злу. Всѣ законныя требованія, проповѣдуемыя людьми движенія, давно выполнены у насъ. Наша имперія признаетъ полное равенство гражданъ предъ закономъ; у насъ нѣтъ привилегій и феодальныхъ повинностей; въ ней имѣется равенство въ налогахъ и независимость правосудія. Всѣ части, составляющія имперію, имѣютъ сословныя собранія и муниципальную систему, гораздо болѣе либеральную, чѣмъ страны, поставленныя подъ дѣйствіе новой представительной системы. Ни въ какой имперіи національности не уважаются болѣе, чѣмъ въ нашей; уваженіе къ національностямъ имѣетъ даже значеніе условія, желательнаго для нашего существованія; правительственный абсолютизмъ нигдѣ не существуетъ въ меньшей степени, чѣмъ у насъ, и онъ не могъ бы даже проявиться, не вызвавъ реакціи, подобной той, какую вызвало въ нашей имперіи управленіе Іосифа II. Если это изложеніе нашего положенія вполнѣ согласуется съ дѣйствительностью фактовъ, то единственныя страны, составляющія исключеніе, суть конституціонныя по преимуществу земли — Венгрія и Трансильванія, оставшіяся неподвижными вслѣдствіе духа оппозиціи, неразлучнаго съ дурно понятымъ конституціоннымъ духомъ¹⁾.

Эта идиллическая картина соответствуетъ, конечно, цѣлямъ дипломатической депеши, предназначенной для вразумленія иностранныхъ правительствъ. Но даже и дипломатическая отписка должна, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, соответствовать убѣжденію ея автора. Существовало ли соответствіе между тѣмъ, что писалъ Меттернихъ, и тѣмъ, что онъ думалъ, даже (это еще важнѣе) тѣмъ, что онъ *зналъ*? На этотъ важный и щекотливый вопросъ дадутъ отвѣтъ его собственныя бумаги.

Уже въ 1817 году онъ предусматривалъ, что система управленія въ австрійской монархіи нуждается въ существенныхъ улучшеніяхъ.

¹⁾ № 1614.

Конечно, онъ искалъ средствъ къ этимъ улучшеніямъ «въ направленіи, согласно съ принципами», и результатомъ его размышленій явилась записка, представленная имъ императору Францу ¹⁾.

Изучая этотъ любопытный документъ, нельзя безъ изумленія видѣть, что всѣ разсужденія автора направлены противъ одного принципа, который, повидимому, былъ благопріятенъ его системѣ, именно противъ начала *административной централизаціи*. Но предъидущая исторія Австріи и собственные аргументы Меттерниха объясняютъ тѣсную связь разсужденій послѣдняго съ его общими политическими принципами.

Въ странѣ, составленной изъ столь различныхъ народностей, имѣвшихъ свою политическую исторію, свой общественный строй, свои преданія, обычаи и интересы, всякая попытка централизаціи управленія на общихъ для всѣхъ началахъ, съ одной стороны, нашла бы почти неодолимые препятствія въ мѣстныхъ условіяхъ, а съ другой—примѣненіе этой системы непременно имѣло бы характеръ нѣкоторой революціи сверху. Судьба реформъ Іосифа II показала это. Его просвѣтительныя и задуманныя въ наилучшемъ духѣ преобразованія претерпѣли и должны были претерпѣть крушеніе. Въ этомъ смыслѣ, понятія Меттерниха были совершенно вѣрны. Не говоря уже о Венгріи и Трансильваніи съ ихъ вѣковыми учрежденіями, Чехія, Галиція, собственная Австрія, Ломбардія и Венеція не представляли такихъ элементовъ, которые бы можно было слить въ одно цѣлое путемъ централизаціи по французскому образцу. Система, сложившаяся во времена Маріи-Терезіи, и Іосифа II, и любезная Францу II, (хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Іосифу), казалась Меттерниху не только не удобной, но опасной.

«Существующая правительственная система,—писалъ онъ,—покойся на слишкомъ широкомъ въ ежедневномъ его примѣненіи началѣ централизаціи. Государственная машина идетъ, потому что подчиненныя колеса хорошо сдѣланы и направлены, и въ главѣ правительства стоитъ способный къ управленію монархъ. Но,—продолжаетъ Меттернихъ,—это положеніе можетъ измѣниться; необходимо теперь, при жизни императора Франца, приступить къ переменамъ, могущимъ предотвратить грядущія опасности». Дальнѣйшій ходъ его разсужденій состоялъ въ слѣдующемъ. Австрія болѣе другихъ европейскихъ государствъ нуждается въ примѣненіи силъ, необходимыхъ для самосохра-

¹⁾ См. № 243 и 244.

ненія. Эта сила можетъ быть только плодомъ ясно выраженныхъ и хорошо примѣняемыхъ правительственныхъ нормъ. Въ стремленіи къ означенной цѣли для Австріи представляется два пути:

«Или совершенное сліянiе всѣхъ частей монархіи въ одну правительственную форму.

«Или сохраненіе разумныхъ, освященныхъ языкомъ, климатомъ, правами и обычаями старинныхъ особенностей частей монархіи, подъ сильнымъ и хорошо устроеннымъ центральнымъ правительствомъ».

Меттернихъ рекомендуетъ послѣдній путь, и здѣсь мѣсто разсмотрѣть, что заключаетъ въ себѣ его совѣтъ. Уваженіе «къ разумнымъ особенностямъ» разныхъ частей государствъ есть, конечно, первый долгъ правительства. Для правительства австрійскаго это правило особенно важно, такъ какъ Австрія состоитъ изъ обломковъ историческихъ народностей. Но уваженіе мѣстнымъ особенностямъ можетъ получить, такъ сказать, археологическій характеръ, приноровленный къ цѣлямъ сбереженія болѣе, чѣмъ къ цѣлямъ развитія государственныхъ силъ. При такомъ условіи, «сохраненіе» мѣстныхъ особенностей дѣлается однимъ изъ самыхъ могущественныхъ способовъ устраненія всякой общей «новизны». Поддерживая различія, поддерживаютъ между частями государствъ рознь, препятствующую ихъ взаимодѣйствію, ихъ соглашенію, ихъ стремленію къ извѣстнымъ общимъ цѣлямъ, которыхъ не можетъ не быть у народовъ, составляющихъ одно государство. Иначе говоря, почтенное начало уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ является покровомъ другого ловунга, хитрыхъ, но не глубокихъ политиковъ—*divide et impera*.

Эта мысль очень откровенно выражена императоромъ Францомъ II въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ. «Мои народы,—говорилъ онъ,—чужды другъ другу: тѣмъ лучше. Они не заболѣваютъ одновременно тѣми же болѣзнями. Когда во Франціи является лихорадка, она охватываетъ всѣхъ васъ въ тотъ же день. Я ставлю венгерцевъ въ Италію, итальянцевъ—въ Венгрію. Каждый сторожитъ своего сосѣда. Они не понимаютъ и ненавидятъ другъ друга. Изъ ихъ нерасположенія рождается порядокъ, изъ ихъ вражды—общій миръ». Событія показали, однако, что изъ этихъ элементовъ «родилось» нѣчто другое.

Философія Франца II была, въ сущности, философіею Меттерниха. Вотъ почему его мемуаръ, пространный и широко-вѣщательный оканчивается не тѣмъ инымъ, какъ предложеніемъ учредить нѣсколько «канцлеровъ», поставленныхъ подъ общее

наблюденіе главы внутренняго управленія — высшаго канцлера или министра внутреннихъ дѣлъ. Таковыхъ канцлеровъ предположено четыре: 1-й — для Чехіи, Моравіи и Галиціи; 2-й — для земель австрійскихъ; 3-й — для Иллиріи и Далмаціи; 4-й — для Ломбардіи и Венеціи. Вмѣстѣ съ высшимъ канцлеромъ они образуютъ одно министерство внутреннихъ дѣлъ. Каждый канцлеръ представляетъ въ министерствѣ интересы своихъ провинцій, а по отношенію къ провинціямъ — интересы государства. Этимъ путемъ будетъ созданъ центральный органъ, съ одной стороны, охраняющій мѣстныя права и особенности, а съ другой — обеспечивающій силу центральнаго правительства. Легко замѣтить, что въ этомъ планѣ не было рѣчи о Венгріи и Трансильваніи, коихъ «мѣстныя особенности» были особенно важны и не ладили съ правительственною системою Австріи. Меттернихъ, какъ онъ самъ говоритъ, умышленно оставилъ эти земли въ сторонѣ, въ надеждѣ «цивилизовать» ихъ впоследствии. На первый разъ онъ выражаетъ надежду, что съ учрежденіемъ предположенныхъ имъ канцлеровъ для всѣхъ австрійскихъ земель, венгерское и семиградское канцлерство снизойдутъ съ своей высоты на степень общихъ учреждений, и чрезъ это откроется путь къ постепенному измѣненію учреждений Венгріи и Трансильваніи.

Предположеніе Меттерниха было осуществлено. Императорскій патентъ учредилъ, такъ назыв., «*vereinigte Hofkanzlei*», съ четырьмя канцлерами, причемъ перемѣна противъ плана Меттерниха произведена только въ комбинаціи земель ¹⁾).

Мы увидимъ ниже и на основаніи собственныхъ показаній канцлера, насколько эта реформа соотвѣтствовала предположенной цѣли. Замѣтимъ здѣсь, что его планы не ограничивались этой перемѣной. Къ разсмотрѣнному мемуару приложены извлеченія изъ позднѣйшихъ замѣтокъ князя, изъ коихъ видно, что онъ мечталъ о нѣкоторой формѣ центральнаго представительства. Именно, онъ считалъ полезнымъ учредить нѣчто въ родѣ *conseil d'état renforcé*, т. е. государственный совѣтъ, состоящій изъ лицъ, назначенныхъ императоромъ, и депутатовъ отъ мѣстныхъ чиновъ.

«Императоръ Францъ, — говоритъ Меттернихъ, — понималъ важность этого предмета, откладывалъ, однако, разсмотрѣніе его съ году на годъ. Но, по выздоровленіи отъ тяжелой болѣзни, постигшей его въ 1827 году, онъ открылъ мнѣ твердое свое рѣ-

¹⁾ Графъ Сарау назначенъ министромъ вн. дѣлъ и высшимъ канцлеромъ; графъ Лованскій Чешско-мораво-силезскій канцлеромъ; баронъ Гейслеръ — замѣстителемъ канцлера австро-иллирійскаго, и графъ Меллеріо — канцлеромъ ломбардо-венеціанскимъ.

шеніе обсудить мое представленіе. Въ концѣ 1834 года императоръ объявилъ мнѣ, что онъ упрекаетъ себя въ томъ, что не далъ дѣлу никакого хода, но что рѣшеніе должно состояться до конца 1835 года. Два мѣсяца спустя императора уже не было въ живыхъ!»

Для объясненія этого мѣста нужно припомнить, что свойства сына и наслѣдника Франца II были довольно ясны какъ Меттерниху, такъ и императору. Канцлеръ, съ откровенностью, возможной въ такомъ деликатномъ вопросѣ, докладывавалъ императору, что дѣла въ монархіи, при существующей системѣ, могутъ идти хорошо, пока во главѣ управленія стоитъ способный монархъ, но что все можетъ измѣниться при другихъ условіяхъ. Указывая на будущее и призывая Франца II подумать о томъ, онъ воздавалъ хвалу свѣтлому и безпристрастному взгляду своего государя, какъ монарха и какъ отца.

Ясность и безпристрастіе взглядовъ Франца II обнаружились, какъ видно изъ приведенной выписки, съ особенною силою два раза. Въ первый разъ, послѣ тяжелой болѣзни, едва не унесшей его въ могилу; во второй—въ предчувствіи смерти, послѣдовавшей чрезъ два мѣсяца. Въ эти моменты, когда императору открывалась перспектива новаго царствованія, умъ его обращался къ остававшемуся безъ движенія проекту.

Въ завѣщаніи Франца II своему наслѣднику нѣтъ, однако, ни одного слова объ этомъ предметѣ ¹⁾. Выдающіяся мѣста завѣщанія слѣдующія: «не измѣняй ничего въ основахъ государственнаго зданія; управляй и не перемѣняй; держись твердо и непоколебимо началъ, соблюдая которыя, я не только провелъ монархію чрезъ бури тяжелыхъ временъ, но и обезпечилъ подобающее ей высокое положеніе, которое она занимаетъ въ мірѣ... Перенеси на князя Меттерниха, моего вѣрнѣйшаго слугу и друга, довѣріе, которымъ онъ пользовался отъ меня въ теченіе столькихъ лѣтъ. Не рѣшай ничего ни о дѣлахъ, ни о лицахъ, не выслушавъ его».

Такимъ образомъ, новому императору перешла система, которая, по признанію Меттерниха, могла дѣйствовать только при правителѣ, подобномъ Францу.

Фердинандъ IV не только не наслѣдовалъ административныхъ способностей своего отца, но сверхъ того онъ былъ такъ слабъ тѣломъ и духомъ, что вообще занятія управленіемъ превышали его силы. Поэтому, чрезъ нѣсколько времени послѣ смерти

¹⁾ № 1187. Завѣщаніе помѣчено 28-мъ февраля 1835.

Франца, для завѣдыванія высшими дѣлами, былъ учрежденъ особенный совѣтъ, подъ именемъ государственной конференціи (Staatskonferenz). Въ составъ его вошли: Меттернихъ, министр иностранныхъ дѣлъ, графъ Клямъ-Мартиницъ (по военнымъ дѣламъ), графъ Коловратъ, и эрцъ-герцоги Людвигъ и Францъ-Карлъ.

Съ этого момента начинаются испытанія Меттерниха. По существу своему конференція была временнымъ, а потому слабо организованнымъ учрежденіемъ; между тѣмъ, по болѣзни новаго императора, она должна была дѣйствовать постоянно. Успѣхъ ея дѣйствія зависѣлъ, конечно, отъ согласія ея членовъ. Клямъ-Мартиницъ былъ другомъ и опорой Меттерниха. Послѣдній умѣлъ ладить также съ двумя эрцъ-герцогами. Но отношенія его къ графу Коловрату были весьма натянуты, какъ это видно изъ горькихъ упрековъ, которыми осыпали Коловрата и Меттернихъ, и княгиня Меланія.

Изъ дневника послѣдней можно бы было составить любопытный отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Тоска княгини Меланіи», причемъ эта тоска являлась отраженіемъ другой тоски—ея супруга.

Прежде всего Коловратъ представляется весьма безтолковымъ человекомъ, который можетъ работать только подъ руководствомъ Меттерниха ¹⁾. Затѣмъ вся тяжесть внутреннихъ дѣлъ лежитъ какъ бы на одномъ послѣднемъ ²⁾. Разстройство внутреннее и внѣшнія усложненія давать несчастнаго канцлера. Между извѣстіями о балахъ, пріемахъ, парадахъ, родинахъ, крестинахъ и именинахъ, обѣдахъ и прогулкахъ, княгиня заноситъ постоянно извѣстія о горестяхъ мужа и рѣдко повѣствуетъ объ его радостяхъ ³⁾. Приведемъ наиболѣе характерныя мѣста.

Подъ 29-мъ марта 1839 г., княгиня пишетъ:

«Климентъ очень печаленъ или, лучше сказать, ему опротивѣло все, что у насъ дѣлаютъ, я могла бы даже сказать, не дѣлаютъ. Лѣнь, медлительность и небрежность дѣлаются съ каждымъ днемъ досаднѣе. Конференціями гнушаются, потому что знаютъ, что послѣ конференціи предложенія моего мужа будутъ приняты, а это не нравится графу Коловрату. Такъ распадается наша прекрасная монархія т.е. она *приходитъ въ изилость, потому что у насъ есть только элементы разрушенія, но не сохраненія*. Боже, сжапись надъ нами, ибо мы очень больны,

¹⁾ Т. VI, стр. 18, 123.

²⁾ VI, 120, 309.

³⁾ VI, стр. 163, 164, 168, 231 и друг.

весьма жалки, очень несчастливы и безъ помощи Божіей скоро будемъ совсѣмъ покинуты» ¹⁾).

Въ 1840 году (18 января), она изливаетъ свои жалобы въ слѣдующихъ словахъ:

«Уныніе моего мужа относительно внутреннихъ дѣлъ ужасаетъ меня. Я знаю, что онъ чувствуетъ, и это причиняетъ мнѣ горькія заботы. Онъ чувствуетъ себя слишкомъ старымъ, чтобы бороться, не вѣрить въ свои силы, чтобы продолжать борьбу и не умѣетъ вести мелкой войны, которая была бы нужна. Онъ не хочетъ стоять во главѣ какой-либо партіи. Онъ видитъ, что зло увеличивается и не въ состояніи ему воспрепятствовать. Не въ томъ дѣло, чтобы у него не было нравственныхъ силъ—онъ угаснуть только съ его жизнью; но у него нѣтъ физической выдержки, потому что при всѣхъ этихъ вопросахъ имъ овладѣваетъ чувство омерзѣнія. Онъ презираетъ мелочность, проявляющуюся въ иныхъ жалкихъ проискахъ, конитъ виновники, хотя и знаютъ, что они ведутъ чрезъ это монархію къ гибели, руководствуются только личными мотивами и своекорыстіемъ. Климентъ надѣется еще на помощь Божію. Богъ одинъ можетъ спасти эту старую монархію, допустивъ событія, на которыя никто не рассчитывалъ. Если этого не случится скоро, Климентъ не снесетъ напряженія, отвращенія и заботъ, причиняемыхъ ему неблагоприятностью, глупостью и слабостью» ²⁾).

Причину всѣхъ этихъ горестей объясняетъ ближайшимъ образомъ одна изъ секретнѣйшихъ записокъ Меттерниха, относящихся къ тому времени:

«Различіе и разнородность взглядовъ и стремленій двухъ руководящихъ министровъ, съ каждымъ днемъ дѣлается общественною тайной... Учрежденія въ высшей сферѣ теряютъ прочность и довѣріе: *государственный советъ*—потому что кругъ его дѣятельности ограничиваютъ, важнѣйшія дѣла отнимаются у него или предоставляются ему въ обрывкахъ, и самая организація его сдѣлалась вопросомъ; *конференція*—потому что ей недостаетъ всѣхъ условій органической жизни и правильной дѣятельности. Съ каждымъ днемъ становится яснѣе и явственнѣе, что дѣла, составляющія нервъ государственной жизни, именно высшее руководство финансами, личный составъ и система внутреннего управленія, или вовсе не представляются на обсужденіе высшаго правительства, или представляются обрывками и

¹⁾ VI, 801.

²⁾ VI, стр. 363 и слѣд.

случайно. Напротивъ, они сосредоточиваются въ рукахъ того министра, который причисляетъ къ предметамъ своего вѣдомства всѣ дѣла внутренняго управленія, и котораго власть съ каждымъ днемъ опредѣляется съ большимъ правомъ, какъ *абсолютизмъ* кабинетъ министра. Такой абсолютизмъ тѣмъ опаснѣе, что ему недостаётъ обыкновенныхъ компенсацій такого всепоглощающаго и исключительнаго режима, ибо для каждаго, кто видитъ ясно, не тайна, что этотъ абсолютизмъ направляется не къ послѣдовательнымъ и сильнымъ стремленіямъ, къ ясно сознаваемой и великой государственной цѣли, но къ прихотливымъ желаніямъ удовлетворить мелкіе расчеты тщеславія, и что онъ (абсолютизмъ) имѣетъ своимъ представителемъ не сильную, самостоятельную и вліятельную личность, но человѣка рѣшительно зависимаго отъ нѣкоторыхъ интригановъ и эгоистовъ»¹⁾.

Эти жалобы являются какъ бы выводомъ изъ подобныхъ обвиненій, изложенныхъ Меттернихомъ въ его письмахъ къ графу Кляму-Мартиницу (1837).

«Конференція» является, по его мнѣнію, необходимою; но она остается мертвой буквой. Графъ Коловратъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ внутреннее управленіе. Канцлеръ не отрицаетъ его прекрасныхъ качествъ и заслугъ. Но онъ не способенъ руководить дѣлами. «Онъ принадлежитъ къ людямъ, которые думаютъ, что они руководятъ, когда ихъ самихъ ведутъ... Графъ родился быть орудіемъ, а не рукою»²⁾. Человѣкъ, являющийся такою «рукою», есть баронъ Эйхгофъ, завѣдующій финансами: онъ терроризируетъ графа Коловрата и дѣйствуетъ подъ его прикрытіемъ. Завѣдуя финансами, онъ не имѣетъ ни обширныхъ финансовыхъ свѣденій, ни широкаго государственнаго взгляда. Свою дѣятельность онъ обставляетъ глубочайшей тайной и считаетъ каждый вопросъ, къ нему обращенный, за личное оскорбленіе. Все должно подчиниться его мудрости и умолять предъ нею.

Между тѣмъ финансовыя и экономическія мѣры этого барона оказывались примѣненіемъ нехитрыхъ и отсталыхъ началъ запретительной и «покровительственной» системы. Въ то время какъ Пруссія выступила на путь разумной свободы торговли, что и дало ей возможность основать знаменитый таможенный союзъ, въ Австріи происходили слѣдующія явленія, о коихъ Меттернихъ сообщалъ Кляму:

«Я только что проѣхалъ Богемію въ разныхъ направленіяхъ

¹⁾ VII, 628 и слѣд.

²⁾ № 1300.

и говорилъ съ самыми различными людьми. Итогъ этихъ разговоровъ—масса жалобъ на большую часть фискальных распоряженій. Страна усеяна зелеными шюртуками ¹⁾ и контрабанда увеличилась вмѣстѣ съ массою надсмотрщиковъ. За границею смѣются надъ мѣрами, не приводящими ни къ какому результату; дома столь же громко раздаются жалобы на таможенные законы. Главные фабриканты стеклянныхъ издѣлій—я называю здѣсь Мейра—говорятъ, что если не будутъ приняты мѣры, эта важная отрасль производства значительно упадетъ. Точно тоже происходитъ и съ производствомъ фарфора ²⁾.

«Зло, происходящее изъ неясности нашего финансоваго положенія,—говоритъ онъ дальше,—разнообразно и явственно проявляется какъ недугъ. Ему долженъ быть положенъ конецъ, иначе недугъ разрушитъ государство, которое—Богъ знаетъ это,—можетъ быть защищено и проведено чрезъ бури времени только сомкнутыми рядами.

«Ежедневнымъ бременемъ и даже больше того — истинною опасностью—признаю я тотъ *страхъ*, который, постоянно усиливаясь, распространяется въ различныхъ классахъ общества, и которому дѣйствія графа Коловрата, непонятнымъ — для не знающихъ дѣлъ—образомъ, даютъ пищу» ³⁾.

Можно замѣтить только, что направленіе экономической и финансовой политики Австріи нельзя приписать ни графу Коловрату, ни «ужасному» барону Эйхгофу. Еще при жизни императора Франца, самъ Меттернихъ обращалъ его вниманіе на необходимость существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи, по поводу быстрого развитія и успѣховъ знаменитаго таможеннаго союза, основаннаго въ Германіи по инициативѣ Пруссіи. Въ прекрасной и очень убѣдительной запискѣ, Меттернихъ указывалъ на экономическія и финансовыя выгоды, полученныя Пруссіею отъ этой мѣры и предвѣщалъ серьезныя политическія опасности для Австріи, если она останется внѣ этого движенія ⁴⁾.

Изъ этихъ указаній видно, что «цвѣтущее состояніе имперіи» было вопросомъ довольно спорнымъ и что «отсталое состояніе» Венгріи и Трансильваніи едва ли было исключеніемъ. Что касается «отсталости» послѣднихъ, то и она имѣетъ свои объясненія. Если бы вѣнскій дворъ помирился съ существованіемъ въ этихъ странахъ вѣзовыхъ представительныхъ учрежде-

¹⁾ Таможенные чиновники.

²⁾ № 1808.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ № 1185.

ній, и если бы государственные люди Австріи рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ съ этими учрежденіями въ направленіи преобразовательномъ, то, по всей вѣроятности, обновленіе коснулось бы не только внутренняго быта этихъ странъ, но и самого средне-вѣкового ихъ представительства. На дѣлѣ вся политическая вѣйскаго двора была направлена къ постепенному уничтоженію государственнаго устройства этихъ областей; всѣ усилія послѣднихъ направились къ охраненію своей «пошлины», своей старины, такъ какъ безъ сохраненія ихъ исчезли бы всѣ условія дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. Въ теченіе долгаго времени Венгрія, такъ сказать, лежала подъ спудомъ, пока навопившіеся десятилѣтніими элементы недовольства не произвели, наконецъ, революціоннаго взрыва 1848 года.

Возвращаясь къ жалобамъ Меттерниха на внутреннее состояніе имперіи и подводя имъ итогъ, нельзя не замѣтить, что онѣ касаются прежде всего нестройства *центральной* управленія, особенно въ эпоху Фердинанда IV. Власть какъ бы исчезаетъ въ центрѣ и составить ее почти невозможно. Ее не могло сосредоточить въ своихъ рукахъ какое-либо одно лицо.

«Долженъ ли, — писалъ Меттернихъ графу Кляму, — одинъ человѣкъ, рядомъ съ монархомъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть? Но гдѣ этотъ человѣкъ? Эрцгерцога Людвигъ? Онъ не желаетъ! Я? Тоже не хочу. Графъ Коловатъ? Онъ не можетъ! Баронъ Эйхгофъ? За нимъ никто не пойдетъ! Итакъ — со-вѣтъ! Пусть противятся этому сколько хотятъ, но иначе дѣло не пойдетъ» ¹⁾. Мы видѣли, однако, что дѣло не пошло. Остался произволъ отдѣльныхъ лицъ, беспорядочныя дѣйствія которыхъ порождали безотчетный страхъ въ различныхъ слояхъ общества.

Но если «центръ» былъ разстроенъ, то можетъ быть мѣстные учрежденія и мѣстные органы власти восполняли недостатки управленія высшаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить изъ замѣчательной депеши, написанной Меттернихомъ въ разгаръ итальянскаго возстанія къ графу Фикельмону, посланному для «умиротворенія» Ломбардіи. Жалуясь вообще на слабость и бездѣйствіе мѣстныхъ властей, Меттернихъ представляетъ слѣдующую характеристику австрійскаго управленія.

«Наша административная машина стара, и поэтому она должна покониться на основаніи практическомъ. Движеніе времени ослабляетъ не основу, но практику. Сила и слабость правительствъ зависятъ отъ привычки, и именно привычка, въ ихъ

¹⁾ № 1298.

примѣненіи, есть первая причина зла, носящаго имя бюро-кратіи.

«Бюрократія не двигается, она неподвижна по самой своей природѣ. Въ ней низшіе слои, вмѣсто того, чтобы поддерживать высшіе, сами опираются на послѣдніе. Администрація занимаетъ мѣсто правительства, правительство исчезаетъ подъ бременемъ подробностей, которыя его подавляютъ. Но что происходитъ съ слоємъ, который долженъ бы быть администраціей? Онъ беретъ на себя бремя правительства, что превышаетъ его способности. Прийдя къ этому, онъ ограничиваетъ свое дѣйствіе испрошеніемъ приказаній отъ вышнихъ, а это, въ видѣ *восходящаго каскада* (этой нравственной и физической безсмыслицы) потопляетъ главу государствъ въ потокѣ частныхъ вопросовъ и *лишаетъ государство всякаго дѣйствія*. Таково зло, которымъ страдаетъ наша имперія, и котораго второй и печальный примѣръ представляетъ современная исторія» ¹⁾.

Неудивительно, если «восходящій каскадъ» потопилъ самого Меттерниха; но онъ сдѣлалъ съ нимъ нѣчто худшее, какъ это явствуетъ изъ его прощальнаго письма къ графу Фикельмону, за-нявшему его постъ послѣ событій 13 марта.

«Австрія, — писалъ онъ, — находится на пути преобразованія. Она должна была къ нему *прийти*, но она избрала дурную дорогу. Врагъ вошелъ въ станъ потому, что послѣдній не охраняли! Не вамъ нужно сообщать что либо относительно прошлаго: вы его знаете, равно какъ и то, чего я хотѣлъ и чего не могъ достигнуть. То, чего я требовалъ прежде всего въ теченіе годовъ, прошедшихъ со времени общаго мира (1815) — это созданіе правительственной силы, безъ которой нѣтъ государства. Меня не поняли, и изъ этого факта должно было произойти то, что дѣйствительно было его послѣдствіемъ. Мой кабинетъ и даже моя личность представляли австрійское могущество во вѣкъ, тогда какъ *внутри образовалась пустота*. Я сдѣлался такимъ образомъ (что противно моему нравственному существу) *фантазмагоріей, существомъ воображаемымъ, духомъ безъ тѣла, представителемъ того, что должно бы существовать и что не существовало*. Вотъ исторія, а не романъ» ²⁾.

13 марта 1848 года, Меттерниха постигла судьба всѣхъ «фантазмагорій»: онъ исчезъ отъ простого дуновенія вѣтра. Это случилось, можно сказать, неожиданно. До самой послѣдней

¹⁾ № 1674.

²⁾ № 1698.

минуты, князю менѣе всего могло прійти въ голову, что «врагъ» нанесетъ ему пораженіе въ самой Вѣнѣ, въ этомъ городѣ утѣхъ и забавъ. Онъ сражался со врагомъ въ Италіи, писалъ инструкціи ломбардо-венеціанскимъ властямъ, подавалъ совѣты Пію IX, заботился о швейцарскихъ дѣлахъ, разсуждалъ о положеніи, которое три восточныя державы должны занять въ виду провозглашенія республики во Франціи, и былъ спокоенъ относительно Вѣны. Еще 11 марта многіе были увѣрены въ спокойствіи столицы.

Но 12 марта врагъ высказалъ послѣднее свое предостереженіе устами одной совсѣмъ нереволюціонной дамы, которая по отзыву княгини Меланіи, «не всегда понимала, что говорить». Вечеромъ этого дня у князя Меттерниха собралось больше посѣтителей, чѣмъ обыкновенно. За чаемъ, княгиня Ф. Эстергази неожиданно предложила княгинѣ Меланіи лаконическій вопросъ: «правда ли, что вы удаляетесь завтра?» — «Почему», спросила Меланія? — «Намъ говорятъ, что мы должны купить свѣчей для устройства иллюминаціи, потому что произойдетъ великое событіе!».

На другой день Вѣна приняла дѣйствительно революціонный видъ. Бунтующія толпы спѣшили занять то пустое мѣсто, которое было оставлено обратившимся въ «фантазмагорію» правительствомъ. Послѣднее, дойдя до послѣдней степени разложенія и слабости, спѣшило спасти себя уступками. Первою изъ такихъ уступокъ сдѣлался князь Меттернихъ. Подъ давленіемъ шумныхъ революціонныхъ сборищъ, эрцгерцога Людвигъ объявилъ Меттерниху, что спокойствіе резиденціи зависитъ отъ его удаленія. Меттернихъ, оставленный всѣми, какъ говорить кн. Меланія, повиновался.

«Не могу сказать, — продолжаетъ кн. Меланія, — сколько испытала я въ этотъ день неблагодарности и низости. Я никогда не ожидала многого отъ людей, но признаюсь, что никогда не представляла ихъ себѣ столь низкими. Какъ крысы покидаютъ тонущій корабль, такъ убѣжали отъ насъ многіе перепуганные друзья. Какъ растаяло число оставшихся намъ вѣрными, сравнительно съ повернувшими намъ спину въ минуту опасности!.. Весь свѣтъ радовался тому, что Климентъ былъ униженъ въ общественномъ мнѣніи Европы; но для меня онъ сталъ выше, чѣмъ когда нибудь».

Такимъ образомъ, «скучные люди», которые когда-то такъ надоедали Меттерниху своими «поздравленіями», успѣли показать, что и они умѣютъ быть злыми. Но имъ не было дано много

времени на проявленіе своихъ истинныхъ свойствъ. На другой день (14 марта), положеніе Меттерниха въ Вѣнѣ сдѣлалось настолько не безопасно, что онъ долженъ былъ бѣжать съ разными предосторожностями.

«Какая минута!—воскликала княгиня Меланія.—Эгого отъѣздъ—это бѣгство—и за что? Что мы сдѣлали? Заслужили ли мы это?... Онъ, который полагалъ свою славу въ томъ, чтобы поддѣржать монархію дольше, чѣмъ другіе, видитъ сегодня все зданіе своей трудовой жизни разрушеннымъ въ двадцать-четыре часа» ¹⁾.

На эти «ваши» княгиня не могла дать себѣ отвѣта.

Но Меттернихъ старался дать себѣ полный отчетъ въ происшедшемъ. Въ оставленныхъ имъ объясненіяхъ мы встрѣчаемъ одно мѣсто, весьма удивительное въ его устахъ.

Обсуждая на досугъ причины мартовской революціи въ Австріи, онъ призналъ, что одна изъ главныхъ цѣлей его «трудовой» жизни обратилась въ элементъ революціи. Исчисляя эти элементы, Меттернихъ ставитъ въ главѣ ихъ:

«Тридцати-четырехлѣтнюю эпоху *мира*, однимъ ударомъ положившую конецъ 22-лѣтней эпохѣ войны и открывшую умамъ, возбужденнымъ соціальною революціею, начатую въ 1789 году, поправше, на которомъ охраняющія власти могли меньше распознаться, чѣмъ ихъ враги» ²⁾.

Эго заключеніе тѣмъ удивительнѣе, что, повидимому, всѣ усилія охраняющихъ властей, руководимыхъ Меттернихомъ, были направлены къ «распознаванію» элементовъ и признаковъ развивавшагося зла. Остается предположить одно изъ двухъ: или предметы «распознаванія» были избраны невѣрно, или подъ именемъ *мира* разумѣлась одна наружная тишина, далеко не тождественная съ дѣйствительнымъ миромъ. Но еще вѣрнѣе предположить, что между «сохраненіемъ» и «разрушеніемъ» есть нѣчто третье, очень важное, въ исторіи, и въ жизни, но всегда какъ-то ускользающее отъ политиковъ,—подобныхъ Меттерниху.

А. Градовскій.

¹⁾ VII, 539 и слѣд.

²⁾ VII, 623 и слѣд.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВЪ ТЕАТРѢ.

О, добрый Мѡцартъ!.. Фигарѡ,
Сусанна, пажъ, графъ Альмавива...
Какъ это мило и старо!
Какъ старину я вспомнилъ живо!..

Теперь меня плѣняютъ вновь,
Какъ въ пору чувствъ и мыслей юныхъ,
Въ напѣвахъ нѣжная любовь
И музыкальный юморъ въ струнахъ.

Все тожь же я почти совсѣмъ;
И живъ покуда, слава Богу...
А вѣдь другіе, между тѣмъ,
Все исчезали понемногу.

Всѣ тѣ, кого злой рокъ унесъ,
Вдругъ въ памяти моей воскресли;
И вотъ—о смерти привелось
Мнѣ думать въ театральномъ креслѣ.

Опять поютъ любви мольбу,
Опять звучить въ оркестрѣ шутка...
Но отъ молчанія въ гробу
Мнѣ стало холодно и жутко.

1882 г.

II.

Весны разворачивались силы, —
 Вдругъ выпалъ снѣгъ... О, падай, падай!
 Твой видъ холодный и унылый
 Мнѣ вѣсть странною отрадой.

Ты можешь время отодвинуть
 Тепла, цвѣтовъ, поющей птички...
 Еще не хочется повинуть
 Зимы мнѣ мнѣ привыченъ.

Пусть дольше жизнью той же самой
 Я поживу еще какъ нынѣ,
 Глядя въ окно съ двойною рамой
 И на огонь въ моемъ каминѣ.

Прелестна жизнь весной и лѣтомъ;
 Но сердце полно сожалѣній, —
 Что будетъ мнѣ на свѣтѣ этомъ
 Еще одной зимою менѣй...

Апрѣль, 1883 г.

III.

ЗАМѢТКИ.

1.

Для человека — вотъ условья:
 Чтобы душой онъ не былъ старъ;
 Чтобы не съ рыбой былъ онъ кровью;
 Чтобы иль враждою, иль любовью
 Его палилъ сердечный жаръ;
 Чтобы полнымъ обладалъ онъ правомъ
 Сказать, въ сознаньи величавомъ
 Своихъ достоинствъ: «Ното sum!
 «Людскія страсти, скорби, нужды,
 «Во мѣ воспитывая умъ,
 «И сердцу пыльному не чужды!»

2.

Я безкорыстнаго лица
 Прошу у жизни современной.
 Гдѣ-жъ ты, о, дѣлатель почтенный,
 Безъ грубой примѣси дѣльца?

3.

О, наши прежнія затѣи!
 О, волей грезившіе дни!..
 Хоть были и тогда лакеи,—
 Но, подъ шитьемъ своей ливреи,
 По ней вдыхали и они!..

4.

Изъ современныхъ типовъ.

Все въ немъ двусмысленно, невѣрно, непонятно;
 Съ плодомъ сомнительнымъ сравненъ онъ можетъ быть:
 Посмотришь, повертишь, рѣшишься раскусить,
 И думаешь:—а ну, какъ выплону обратно?

5.

Послѣ чтенія газетъ.

Надъ міромъ туча все виситъ...
 Чѣмъ это кончится—Богъ знаетъ!
 И разразиться не грозитъ,
 И разойтись не общается.

6.

Въ насмѣшку и въ позоръ моей родной земли,—
 Такъ нѣкогда сказалъ нашъ врагъ иноплемennyй:..
 Лишь внѣшность русскаго немножко поскобли,
 Подъ ней—татаринъ непремѣнно.

Теперь проявимся мы въ образѣ иномъ.
 Такъ отатарить насъ народниковъ дружина,
 Что сколько ни скреби татарина потомъ,
 Не доскребешь до славянина.

7.

ФИЛОСОФІЯ ЧЕРВЯКА.

Впередъ я двигаюсь безъ фальши:
 Ползу, отыѣряю и — дальше.
 Живу смиренно здѣсь внизу;
 Но все куда-нибудь ползу,
 И доползти всегда въ надеждѣ, —
 Коль не раздавленъ буду прежде.

8.

Идетъ трагедія. Набрали безъ разбора
 Актеровъ съ улицы. Своихъ ролей нѣто
 Впередъ не вытвердилъ. Всѣ смотрять на суфлера.
 Суфлеръ или молчитъ, или говорить не то.
 По сценѣ мечется толпа въ переполохѣ.
 То не впопадъ кричить, то шепчетъ лицедѣй...
 Довольно!.. Отъ того душѣ не веселѣй,
 Что драму мрачную играютъ скоморохи.

IV.

ВЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

И вѣтъ ихъ здѣсь; и небо сѣро;
 И вѣтъ грустью тишина;
 И въ силу жизни гаснетъ вѣра,
 Которой грудь была полна;

И, подъ напоромъ страховъ мнимыхъ,
 Я плакать, кажется, готовъ,
 Людей не видя мной любимыхъ,
 Родныхъ не слыша голосовъ.

V.

Мгновенія мимо,
 Какъ вихри, летать въ пустоту;
 И старость, по жизни тоскою томима,
 Считаетъ ихъ жадно, цѣпляясь за нихъ на лету

VI.

Ранней осени подарокъ —
 Голубой, прозрачный день...
 Полдень блестящій не жарокъ;
 Не нужна густая тѣнь.

Близъ пути, подъ дивой грушей,
 На травѣ скамья стоитъ.
 «Сядь сюда! Смотри да слушай!»
 Мнѣ какъ будто говорить.

Сѣлъ. Смотрю кругомъ и внимаю.
 Долго, кажется, сажу...
 То на небо, то на землю
 Съ благодарностью гляжу.

Нѣтъ болтливаго народу...
 Тишина... Лишь мошекъ рой
 Все про ясную погоду
 Распѣваетъ надо мной..

Сентябрь, 1883.

VII.

Лишь вступить жизнь въ такую пору,
 Когда конецъ все ближе къ ней, —
 Былое умственному взору,
 Представши, видится яснѣй.

И какъ страстей шумѣла буря,
 И какъ боролась съ правдой ложь, —
 Сѣдую голову понуря,
 Припомнишь все, и все поймешь.

На прожитое взглянешь прямо,
 То съ краской счастья, то стыда;
 И предъ тобой, какъ панорама,
 Проходятъ дальніе года..

Такъ поздней осени порою,
 Когда летить увядшій листъ,
 И, разрѣженъ отъ мглы и зною,
 Спокойный воздухъ свѣжъ и чистъ;

Въ часы, когда ужъ солнце низко, —
 На озаренной имъ землѣ
 Даль подступаетъ къ намъ такъ близко,
 Такъ ясно все, что было въ мглѣ.

Октябрь, 1888.

VIII.

Süßes Leben! Schöne, freundliche Gewohn-
 heit des Daseyns.

Гёте (Эгмонтъ).

О томъ, какъ насъ судьба влечетъ къ бѣдѣ и къ худу,
 Я въ одиноствѣ, случается, забуду;
 Тогда, возрадуясь, поетъ во мнѣ душа:
 «А миръ-то божій милъ! А жизнь вѣдь хороша!»
 Сегодня выдалась подобная минута.
 Сажу, смотрю въ окно и радуюсь чему-то.
 Чему же?.. Такъ отъ глазъ въ туманѣ скрылась даль,
 Что различить ее нельзя, какъ ихъ ни палъ.
 Вблизи же вижу я, что вѣтренною шуткой
 Совсѣмъ измучила погода флюгеръ чуткій:
 Дастъ изрѣдка ему спокойно постоять,
 И тотчасъ примется вертѣть его опять.
 Деревья мечутся; и листья, ниспадая,
 Летаютъ по вѣтру, какъ желтыхъ птичекъ стая;
 И, словно изъ большихъ, висящихъ съ неба ситъ,
 На землю мокрую дождь мелкій мороситъ.
 Исчислилъ, кажется, я все, что видно взору.
 А слышу: звукъ шаговъ порой по корридору;
 За садомъ пастуха гортанный къ стаду зовъ;
 Да колокольчики пасущихся коровъ;
 Да въ стекла, безъ того ужъ влажныя отъ стужи,
 Вдругъ бросить брызгами, какъ бисеромъ, снаружи;
 И можно, при такомъ паденіи дождя,
 Слѣдить за флюгеромъ, въ окошко не глядя...
 Вотъ—все. Нѣтъ, позабылъ еще условій пару:

Пью кофе и курю изъ Гамбурга сигару.
 И больше данныхъ нѣтъ для счастья моего.
 А все же радостно на сердцѣ!.. Отчего?
 Недугъ тѣлесный мой, какъ врагъ уставшій, дремлетъ;
 А добрый разумъ бдитъ, а сердце чутко внимлетъ, —
 Такъ не поэтому-ль со страстью преданъ я,
 Какъ Эгмонтъ, сладостной привычкѣ бытія?

Октябрь, 1888 г.

IX.

ОТГОЛОСОЕЪ

15-й прелюдiи Шопена.

Посвящается О. А. Жемчужниковой.

Мнѣ больно!.. Рвется стонъ изъ груди;
 Ручьями слезы льютъ невольно;
 И хочется, чтобъ знали люди,
 Какъ на душѣ мнѣ больно, больно.

Мнѣ больно!.. Боль невыносима...
 Кто-жъ скажетъ ей: не мучь; довольно?
 Никто!.. Толпа проходить мимо,
 Не слыша криковъ, какъ мнѣ больно.

Мнѣ больно!.. Вопль не достигаетъ
 И до небесъ о скорби дольной...
 И, оборвавшись, замираетъ,
 Никѣмъ не понять, какъ мнѣ больно...

Близъ Цюриха.—Октябрь, 1888 г.

Александръ Жемчужниковъ.

ПО ИСПАНІИ

VI *).

ПРАДО.—АРМЕРІЯ.—НОЧНАЯ СЕРЕНАДА.

Вечеромъ, послѣ обѣда, я снова вышелъ изъ отеля, чтобъ «послаться» по чужому городу при газовомъ освѣщеніи, послаться безъ всякой цѣли,—единственно лишь для того, чтобы лучше уложилась въ памяти фیزیомія этого весьма южнаго города (вѣдь онъ южнѣе Петербурга на 20 градусовъ, южнѣе Парижа на 10!),—чтобы видѣть, какъ здѣсь уличная жизнь, загоняемая зноемъ дня въ дома, въ тѣнь, распускается, словно ночной цвѣтокъ, въ сумерки, и какъ пользуется мракомъ ночи этотъ пылкій народъ, чтобы брать отъ жизни все, чего требуетъ отъ человѣка знойный темпераментъ юга.

Я вышелъ на Пуэрта-дель-соль. Здѣсь прежняя толкучка, только больше тѣней, алмазны превращаютъ толпу во что-то фантастическое, театральное. А изъ-подъ мантилій, при свѣтѣ газа, еще ярче льется электрический свѣтъ глазъ, свѣтящихся и во тьмѣ. Я вспомнилъ нашу украинскую улицу. Какъ она теперь далеко,—и какъ не похожа на все это чужое.

Покинувъ это толкучее море, широкою улицей Алькалы (calle de Alcalá) я вышелъ на Прадо.

По широкимъ аллеямъ, ярко обливаемымъ свѣтомъ газа, двигаются безконечныя вереницы гуляющихъ,—безконечныя потому, что, какъ широкій, постоянно двигающійся ремень гигантскаго привода на паровой машинѣ, онѣ вращаются въ огромномъ,

*) См. выше: январь, 78 стр.

восьмиверстномъ кругѣ—въ аллеяхъ «Prado» и «Salon». Параллельно этимъ вереницамъ, такіе же безконечные ряды колясокъ, ландо и каретъ, глухо, почти неслышно стучать колесами и копытами андалузскихъ коней по макадаму, гладкому какъ грифельная доска. Я смѣшиваюсь съ толпою альмавивъ и мантилій, и исчезаю какъ дождевая капля въ океанѣ. Со всѣхъ сторонъ слышится шепелявая рѣчь—испанцы говорятъ какъ-то шепеляво, какъ и греки. Вѣера, точно крылья ночныхъ бабочекъ, сверкаютъ при свѣтѣ газа. Длинные ряды гранитныхъ и чугуновыхъ скамеекъ заняты отдыхающими. У кіосковъ, гдѣ продаются прохладительныя «бебидасъ» — давка, болтовня, безпечный смѣхъ. У фонтановъ, альмавивы скучиваются группами, и тамъ мигаютъ огненные точки сигаръ и «сигарильосъ» да бѣлый дымомъ чуть-чуть колышется, чуть-чуть струится съ ночнымъ зефиромъ, который и листомъ на деревѣ не пошевеливаетъ. Воздухъ кажется соннымъ, какъ и всѣ эти альмавивы. По вѣншности, испанецъ дѣйствительно кажется соннымъ, вялымъ, скучающимъ. Но это — видимая сонливость кошки, нервной, гибкой, страстной.

На обратномъ пути мнѣ пришлось услышать наконецъ настоящую любовную серенаду. Я возвращался съ Прадо другой дорогой—не по калле-де-Алькала, а мимо памятника Сервантеса и палаты собранія государственныхъ кортесовъ. Не доходя до одного изъ переулковъ, калле-дель-Баньо, или калле-дель-Лобо, я услышалъ звуки гитары. Они выходили изъ переулка. Я повернулъ назадъ, и у одного изъ фонарныхъ столбовъ замѣтилъ невысокую фигуру въ плащѣ. Звуки неслись отсюда. На противоположной сторонѣ улочки, въ четвертомъ, кажется, этажѣ было отворено окно на балконъ, и тамъ виднѣлась какая-то женская фигура. Хотя свѣча или лампа поставлена была въ комнатѣ такъ любовно-предупредительно, что освѣщала лицо дѣвушки (думаю, что дѣвушка, и вѣроятно хорошенькая, когда ей давались серенады), однако я не могъ рассмотреть этого лица. Но кавалера я рассмотрѣлъ хорошо, не смотря на принятія имъ сначала предосторожности. Это былъ совсѣмъ безусый юноша, какой-нибудь «студентъ изъ Саламанки». Когда я сталъ приближаться къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, гитара вдругъ смолкла и скрылась подъ альмавивой, а самую альмавиву юноша такъ искусно перекинулъ на лѣвое плечо, что она скрыла часть его лица. Поровнявшись съ юношей, я приподнял шляпу. Невольно сдѣлалъ то же и онъ. Я же, тотчасъ поворачивая назадъ и показывая видъ, что нисколько не желаю мѣшать ихъ интимному счастью, громко проговорилъ:

— Буэнь nocte (buen noche).

— Gracia, señor, — было мнѣ отвѣтомъ.

И прерванная гитара вновь заговорила. Но въ этой любовной серенадѣ я не чувствовалъ той умилительной поэзіи, какую дала мнѣ серенада слѣпыхъ нищихъ. Для влюбленныхъ эта безлунная ночь, быть можетъ, была полна чарующей поэзіи и лучшею ночью въ ихъ молодой жизни. Только я одного не понималъ: какъ это можно цѣлые часы стоять подъ балкономъ, задрывши вверхъ голову. Да этакъ шея заболитъ. Но для любви — все можно, все легко...

Воротившись въ отель, я имѣлъ краснорѣчивый разговоръ съ служителемъ моего номера. Дорогой разбойники-испанцы сломали замокъ у одного моего чемодана. Впрочемъ, виновать — это случилось не дорогой, а уже въ Мадридѣ, при перевозѣ багажа со станціи желѣзной дороги въ отель: когда досматривали сундуки на дебаркадерѣ, оба замка были цѣлы, а перевозили ихъ въ отель не вмѣстѣ съ нашимъ omnibusомъ, а отдѣльно. Уже въ отелѣ я замѣтилъ, что замокъ сломанъ. Надо было чинить чемоданъ при помощи слесаря. Цирюльникъ я знаю какъ по-испански: el barbiere; но цирюльники не чинятъ замковъ; нуженъ непременно слесарь. А лакей ни слова не понимаетъ по-французски, хотя лакеи, служащіе собственно за табль-д'отомъ, говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, конечно, не всѣ. Но мы съ моимъ лакеемъ отлично поняли другъ друга: и у него есть руки и пальцы, и у меня; на пальцахъ мы и объяснились; онъ даже сказалъ мнѣ, какъ зовутъ слесаря, но я забылъ. Какъ бы то ни было, но на другой день чемоданъ былъ въ исправности. Когда же въ моей мадритской, собственно отельной жизни возникали такіе сложные вопросы, которые на пальцахъ положительно не рѣшались, то въ подобныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ призывалась какая-то французженка, что-то въ родѣ прачки столоваго бѣлья, которая съ свойственной французженкамъ гениальностью и разрѣшала самые запутанные вопросы, какъ-то: о зельцерской водѣ, о почтовомъ ящикѣ и т. д.

На другой день, утромъ, съ десяти часовъ, я уже бродилъ по галереямъ академіи художествъ de San Fernando. Опять знакомыя имена и безсмертныя работы мастеровъ — Мурильо, Сурбарана, Карреньо, Рубенса, Риберы.

На этотъ разъ я особенно долго стоялъ передъ картинами Сурбарана и Гойи (донъ-Франсиско Гойа-и-Люсентесъ, художникъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка). Я удивляюсь, отчего Сурбаранъ не сдѣланъ былъ великимъ инквизиторомъ; если-бъ

онъ жилъ у насъ, то былъ бы отличнымъ Шеншковскимъ или Леонтиемъ Васильевичемъ Дуббельтомъ: онъ въ своихъ картинахъ каждого монаха мучить въ застѣнкѣ, поднимаетъ на дыбу, жжетъ на кострѣ, вымучивая изъ него раскаяніе. Это Торквемада въ живописи, какъ я, кажется, и называлъ его выше. Что за безотрадное выраженіе на лицахъ его монаховъ!—это скорѣе выраженіе, какое я видѣлъ у нашихъ «самосожигателей»-раскольниковъ на предпоследней передвижной выставкѣ въ Петербургѣ. Тутъ же, въ академіи Санъ-Фернандо, есть картина Гойи—Аутодафѣ (Auto-dafé): палачи-инквизиторы, распоряжающіеся этимъ адскимъ злодѣяніемъ во имя и во славу добраго Бога, очень напоминаютъ монаховъ Сурбарана.

Здѣсь же я видѣлъ знаменитую картину Мурильо — святая Елизавета, обмывающая головы проваженными. В. Ботвинъ ошибочно говоритъ, будто бы она находится въ музеѣ—она въ этой академіи. Мнѣ кажется, что если бы злобный Сурбаранъ изображалъ своихъ святыхъ и кающихся монаховъ не такъ, какъ онъ ихъ любилъ изображать, а такъ, какъ Мурильо представилъ намъ свою святую, то каждая женщина пожелала бы и, можетъ быть, постаралась бы быть святою, чтобъ только походить на Елизавету—такъ она хороша, симпатично хороша и чиста.

Академія очень близко отъ фонда-де-Ориенте (только перейти Пуэрта-дель-Соль), а потому я около 12 часовъ и забѣжалъ домой позавтракать, чтобъ потомъ вторично отправиться въ музей. День былъ такой знойный, что я не могъ идти пѣшкомъ, и потому кликнулъ извозчика. Въ Мадридѣ очень удобно узнавать, свободенъ ли извозчикъ. Во Франціи, напр., жди, пока онъ подниметъ палецъ, тогда и ты поднимай—зови, значить, свободенъ. А въ Мадридѣ у каждого извозчика на возлахъ выставленъ значокъ, въ родѣ металлическаго маленькаго знамени, и на немъ очень крупно написано: «se alquila». Когда вы заняли мѣсто, извозчикъ прячетъ значокъ. Когда на «коче» (coche — вообще экипажъ, коляска) нѣтъ сѣдока и не видно «se alquila», то извозчикъ все же не свободенъ. Нѣчто подобное я видѣлъ и въ Варшавѣ.

Кстати замѣчу, что и въ Мадридѣ я любовался мраморомъ «сюжетомъ»—говорящимъ мраморомъ, хотя его здѣсь совсѣмъ мало, не то что въ мраморной Италіи. Есть въ Мадридѣ бронзовыя статуи и группы; но бронзу я не такъ люблю какъ мраморъ—въ мраморѣ больше жизни—мраморъ то же тѣло. Изъ этого-то прекраснаго матеріала и соведена въ высшей степени эффектная группа героевъ Испаніи—Даонса и Веларде. Это тѣ самые

герон, которымъ вмѣстѣ съ Руисомъ поставленъ на Прадо памятникъ Dos de Mayo. Мраморные герон, послѣдніе изъ всѣхъ своихъ убитыхъ товарищей, защищаютъ пушку... Что за мозы и лица!—Эпизодъ этотъ, которымъ такъ гордятся испанцы, относится къ 1808 году, когда Наполеонъ бралъ Мадридъ, и солдаты Мюрата съ императорскою старою гвардіею врывались уже въ Пуэрта-дель-Соль. Къ этому же трагическому эпизоду относятся и двѣ прекрасныя картины Гойи въ музей, того Гойи, который мастерски изобразилъ ауто-дафѣ (въ академіи Сантъ-Фернандо). По картинамъ видно, что для Наполеона это былъ критическій моментъ, когда онъ рѣшился бросить въ дѣло свою старую армію, которую онъ всегда такъ берегъ. Даже подъ Бородинымъ, въ самыя ужасныя для него минуты, онъ не рѣшился трогать своихъ страшныхъ усачей—послѣднюю свою надежду.

Насладившись досыта и отдохнувъ душой надъ созерцаніемъ мадоннъ Мурильо и другихъ красотъ мадритской сокровищницы, я вспомнилъ, что не видалъ еще портрета безсмертной Маріи Падиллы, возлюбленной донъ-Педро-Жестокаго,—того самого страшнаго Педро, который, какъ удачно выражается въ знаменитомъ своемъ «Турнирѣ» (или просто въ «Спорѣ») Гейне, бывалъ иногда и «лучше своего прозвища», когда только хотѣлъ:

Нынѣ прозвища онъ лучше:—
Ласковъ взглядъ его глубокій,
Обращается любезно
Онъ съ придворными чинами,
Тѣшитъ мавра и еврея
Благосклонными словами...

Я началъ искать возлюбленную этого донъ-Педро-Жестокаго, — возлюбленную, которая вытѣснила собой изъ этого жестокаго сердца милый образъ доньи-Бланки, или Blanche de Bourbon, — безсмертную Марію Падиллу — безсмертную единственно своей красотой... Красота вѣдь такое же безсмертіе, такая же сила, какъ и гений. Не даромъ древніе греки считали красоту божествомъ, и красивымъ людямъ сооружали храмы, точно Зевесу или Фебу.

Однако, сколько я ни скитался по всѣмъ галереямъ музея, сколько ни переходилъ изъ залы въ залу—Маріи Падиллы я не находилъ. Я останавливался передъ каждымъ женскимъ портретомъ, передъ каждымъ хорошенькимъ личикомъ; но, справившись въ каталогъ по поставленному подъ портретомъ номеру, я убѣждался, что это не она. Я перелистовалъ весь каталогъ въ 500 страницъ съ болѣе чѣмъ 2,000 нумеровъ,—можетъ быть

перелистывалъ слишкомъ нетерпѣливо, — но все-таки искомаго лица не находилъ. Спрашивалъ у двухъ служителей — не понимаютъ.

Думаю—спросить въ Россіи пріятели: «а видалъ-де бой бивовъ, слыхалъ-де гитару и какъ «шумитъ Гвадалевивиръ», видалъ донъ-Базилію, Марію Падиллю?» — Все видалъ, все слыхалъ, одной Падилли не видывалъ. А впрочемъ я видѣлъ даже больше—своими глазами видѣлъ вѣтряныя мельницы, съ которыми сражался донъ-Кихоть.

Однако я все-таки отыскалъ ее—Падиллю—въ Севильѣ уже, и не только нашелъ тамъ портретъ ея, но и гробъ, гдѣ поконится прахъ ея прекраснаго тѣла...

Но объ этомъ въ свое время.

Выходя изъ музея, я взглянулъ на часы: не было еще двухъ. Я сообразилъ, что можно еще успѣть осмотрѣть Армерію (Armeria—тоже что московская оружейная палата): вѣдь не военный же я археологъ, чтобъ изучать древнее вооруженіе, хотя бы даже испанское и мавританское; да я и не ѣхалъ въ Испанію, чтобъ изучать что-либо — я желалъ только видѣть невиданное, испытать неиспытанное, какъ я ѣздилъ въ Египетъ, въ Палестину, гдѣ и нашелъ то, чего искалъ, и никогда до конца жизни не забуду пережитыхъ тамъ ощущеній. — Что мнѣ смотрѣть въ Армерію? — А доспѣхи (армиру) Христофора Колумба, шпагу Кортеса, шпагу Сиды Кампеадора! Всѣ эти антики дѣйствительно хранятся въ Армеріи.

Извозчикъ довезъ меня до «plaza de la Armeria. Нѣсколько минутъ достаточно было, чтобъ получить билетъ въ канцелярію мажордома, которая находится тамъ же. И вотъ, вступивъ въ залы палаты, я по гиду отыскиваю № 2,355. Это и есть доспѣхи Колумба: какую металлическую массу долженъ былъ таскать на себѣ бѣдный ученый!

Нашелъ я и шпагу Сиды — хотя и изрядная, но все же ей далеко до нашихъ шеленугъ. А вотъ и сабля Боабуила, послѣдняго мавританскаго царя въ Испаніи.

Взглянулъ я и на роскошные доспѣхи Карла V, и на каску, которую, къ стыду всей Франціи, потерялъ когда-то «le roi qui s'aimise». Я говорю о каскѣ Франциска I, потерянной вмѣстѣ съ сраженіемъ при Павіи.

Но, Боже мой! сколько желѣза носили на себѣ люди, чтобъ защищаться отъ такихъ же какъ и они людей. Правда, — «homo homini lupus est». Всѣ стѣны и столы огромныхъ залъ покрыты желѣзомъ. Я не долго оставался въ этомъ скучномъ

казематѣ. Я нашелъ, что лучше употребить остатокъ этого дня на скитанье по городу и окрестностямъ. И я пошелъ скитаться.

Я прошелъ вдоль всей улицы Толедо (calle-de-Toledo) отъ «plaza Mayor» вплоть до «plaza-de-Toledo» и «ronda-de-Toledo». Здѣсь толчея еще больше, чѣмъ на Пуэрта-дель-Соль, потому что Толедо представляетъ собою демократическую артерію Мадрита, гдѣ бьетъ ключомъ уличная жизнь со всѣми ея оригинальными и неприглядными сторонами. «El barbier» играетъ здѣсь почти первенствующую роль, такъ какъ всякій испанецъ брѣется, и около цирюльника всегда столько толпится народу, какъ у насъ въ праздники около кабака. За то съ какою странною выраженіемъ на плутовскихъ лицахъ смотрѣли иногда на мою бороду эти рыцари бритвы, точно несчастная борода моя носила имъ личное оскорбленіе.

Въ вознагражденіе за всѣ эти насмѣшливые взгляды я имѣлъ удовольствіе вновь слышать испанскихъ кобзарей. Они и теперь пѣли что-то жалобное, и жалостливыя женщины бросали имъ изъ оконъ испанскіе гроши, которые очень звучно ударялись объ мостовую или же попадали прямо въ голову мирно высту-пающаго ослика, который при этомъ удивленно взмахивалъ ушами и продолжалъ свое шествіе.

Одно, что я не исполнилъ въ Мадридѣ, какъ долгъ путешественника — это то, что я не пошелъ смотрѣть «corrido de toros» (бой быковъ). Но я боялся за свои нервы, за свое здоровье: ужъ если простая бойня вызываетъ содроганіе во всякомъ не мясникѣ, то не думаю, чтобы эта изысканная травля и животныхъ, и людей, всосавшихъ эту звѣрскую страсть, такъ-сказать, съ молокомъ родной исторіи и притомъ воспитанныхъ въ дымѣ ауто-да-фѣ,—могла возбудить въ непривычномъ человѣкѣ что-либо другое, кромѣ глубокаго омерзѣнія.

Какъ украинецъ по рожденію, я не могъ зато не обратить вниманія на испанскихъ «воловъ круторогихъ». Ихъ водятъ здѣсь, какъ у насъ кормилицъ, въ кокошникахъ или въ украинскихъ «очіпкахъ». Это головное украшеніе вола, иногда очень шикар-ное, съ разнымъ шитьемъ и блестками, сильно измѣняетъ фizio-номію скромнаго животнаго и дѣлаетъ его похожимъ на старую бабу. Чумаки же испанскіе еще болѣе бросаются въ глаза: гдѣ-нибудь въ степи (я только такъ выражаюсь — въ Испаніи нѣтъ ничего похожаго на наши степи) движется длинная-предлинная нитка ословъ и муловъ; это и есть испанскій обозъ, необыкновенно напоминающій что-то очень восточное, именно караванъ

верблюдовъ; но только то, восточное, представляетъ какъ-то болѣе поэзіи и болѣе картинно.

Вечеромъ я опять выпелъ на Прадо подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ внойнаго дня, послушать тихое журчаніе фонтановъ. Та же дефилирующая мимо меня безконечная вереница альмавивъ, мантилій, вѣровъ, тѣ же непонятныя для меня рѣчи, тѣ же чужіе люди, чужія фizioноміи, чужіе типы. Я начиналъ скучать въ Мадридѣ, и рѣшился завтра же ѣхать дальше, на югъ, еще и еще южнѣе. Я невольно сравнивалъ то, что я видѣлъ, чувствовалъ и переживалъ здѣсь, и что—когда-то на дальнемъ Востокѣ. То было еще болѣе чужое, еще болѣе незнакомое, еще болѣе далекое; но почему-то ярче заносились въ душу тѣ картины, тѣ образы. Сидя такъ же, какъ здѣсь на Прадо, въ Каирѣ, въ саду «Esbekieh», слушая и дикую, и мелодическую африканскую музыку, видя дефилирующіе мимо меня африканскіе типы, костюмы и этихъ бродячихъ сфинксовъ въ черныхъ длинныхъ покрывалахъ, изъ-подъ которыхъ сверкали только глаза съ большими бѣлками, я чувствовалъ себя въ какомъ-то волшебномъ мірѣ, полномъ иллюзій; или когда въ Іерусалимѣ, при закатѣ палестинскаго солнца за зубчатыми стѣнами башни Давида, я стоялъ на террасѣ или на кровлѣ «Mediterranean-hôtel», и смотрѣлъ какъ потухало солнце на верхушкѣ Элеонской горы, а тѣни уже легли и на Геосиманскій садъ, и на Кедронскій потокъ, а подо мною подъ дикіе крики верблюдовъ раздавалось жалобное причитанье надъ чѣмъ-то какой-то не то еврейки, не то арабки,—въ этомъ плачѣ мнѣ, казалось, слышалось: «Рахиль-Иудея плачущися чадъ своихъ и не хотяше утѣшиться—яко не суть!..» Да, ихъ уже нѣтъ, давно нѣтъ...

А тутъ, на Прадо, при видѣ этого колыхающагося моря юпокъ, мантилій, вѣровъ и альмавивъ, прикрывавшихъ не только изящные костюмы грандовъ, но и полуголоое тѣло вотъ этого нищаго, въ душу забиралась гадливая, жолчная иронія Гейне:

Schwarze Röcke, seidne Strümpfe,
Weisse höfliche Manschetten,
Sanfte Reden, Embrassieren—
Ach, wenn sie nur Herzen hätten!

«Ахъ, когда-бъ въ васъ сердце было!»—Но сердца этого не скоро найдешь въ средѣ фланирующаго общества. За то комфорту много, роскоши—газовое освѣщеніе, асфальтовая мостовая»...

Скучный и пасмурный возвращался я въ свой отель съ Прадо. Я проходилъ опять мимо памятника Сервантеса. Донъ-

Кихоть съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, со шпагою въ рукѣ продолжалъ наступать на льва въ клѣтѣ. Благородный рыцарь! ты доселѣ живешь въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, со шпагою въ рукахъ наступающихъ на львовъ и тигровъ въ клѣткахъ...

VII.

НА РОДИНѢ СЕРВАНТЕСА.—„Вѣтряныя мельницы“.—Родина донъ-Кихота.—Въ Андалузіи.

Изъ Мадрита я выѣхалъ въ Андалузію, въ Севилью. Я вѣдѣлъ разбудить себя рано, приготовить счетъ и карету, чтобъ въ 7-мъ часу быть уже на станціи южныхъ дорогъ Испаніи.

Мадритъ еще спалъ, когда я, въ сопровожденіи комиссіонера нашей «фонды», умѣяшаго говорить по-французски, съ удовольствіемъ внималъ звонкому громыханью колесъ моего экипажа по мостовымъ соннаго города. Онъ смотрѣлъ какъ-то утрюмо, пустынно. Окна, которыя съ вечера были открыты настежь, чтобы пропускать въ накаленные дома прохладу ночи, а иногда и говоръ гитары, шепотъ любви,—теперь смотрѣли какъ-то безжизненно, словно бы за ними не оставалось ничего живого. Утро было тихое, не жаркое, совсѣмъ весеннее. Около фонтановъ видѣлись двигающіяся фигуры агуадоровъ, да неустойчивые ослики тащили кое-гдѣ на спинахъ свою вѣчную ношу. Бирюзовое небо не казалось еще раскаленнымъ, а равнина Мансанареса, освѣщаемая утреннимъ солнцемъ, напоминала какую-нибудь такую же низину гдѣ-нибудь на Окѣ. Влѣво высилась башня королевской обсерваторіи, а впереди дымили паровозы, заволакивая иногда своимъ дымомъ просвѣтъ бирюзоваго неба.

Когда я бралъ билетъ въ кассѣ, то смуглолицій кассиръ долго не рѣшался принять отъ меня сто-франковый французскій золотой, новаго чекана, съ изображеніемъ герба французской республики, говоря, что онъ никогда не видалъ такихъ огромныхъ дублоновъ. Я ему объяснилъ, что это новая французская монета, и показалъ ему еще нѣсколько подобныхъ, захваченныхъ мною въ Ментонѣ для избѣжанія частой мѣны денегъ одного государства на монеты другого. Это заинтересовало стоявшую около кассы мрачную усатую альмавиву, которая взяла мой золотой въ руку, погасла его, позвонила имъ по прилавку кассы, даже понюхала, и пробормотала что-то кассиру. Тотъ

показалъ мою монету бывшимъ въ кассѣ инженерамъ, и тогда только принялъ ее.

Сдаю багажъ, расплачиваюсь съ комиссіонеромъ и извощикомъ, сую реалы багажному, вѣсильщику, наклещику, еще какому-то мозгляку съ книжечкой и карандашомъ въ рукѣ, и сажусь въ вагонъ, гдѣ не написано снаружи *reservado no fumar*. Глядь—а усатая альмавива уже торчитъ въ углу вагона, попихивая дымкомъ своей сигарилью. Мы только вдвоемъ. Ну, думаю, пріятный спутникъ! Но въ нашъ вагонъ сѣли еще два пассажира—мужчина и дама.

Между тѣмъ, кондуктора прокричали въ послѣдній разъ: «сеньоресъ, анъ трэнъ!»—прозвучалъ послѣдній звонокъ, и поѣздъ застучалъ по рельсамъ переходныхъ путей, дѣлая большой поворотъ вправо, потомъ прогремѣлъ по мосту черезъ ріо-Аброньягалъ, черезъ каналъ Мансанаресъ и затѣмъ черезъ самую ріо-Мансанаресъ, и вышелъ на пустынную равнину... «Un aspect majestueux!»—говоритъ мой «Гидъ»; но я не нашелъ ничего величественнаго, оглядываясь на уходявшій отъ насъ Мадридъ. Раскинутый на плоской возвышенности, не отгѣненный ничѣмъ рельефнымъ—ни роскошной зеленью, ни моремъ съ его далью, ни изломами и иглами скалъ, онъ весь представлялъ что-то плоское, рядовое, какую-то массу скученныхъ и раскинутыхъ вширь и вдоль построекъ съ кое-гдѣ выскакивающими къ небу шпицами. Только вдали, къ сѣверу и къ западу, на голубомъ фонѣ неба бѣлѣли и искрились подъ лучами солнца холмистыя снѣжныя спины сіерры Гадаррамы и Сомосіерры, за которыми, казалось, разстилалось царство снѣговъ и холода, а здѣсь—царство вѣчной весны, вѣчнаго солнца.

Пустынная равнина, кое-гдѣ засѣянная хлѣбомъ, тянется до l'етафѣ, небольшого городка съ знаменитою коллегіею Escorialios—гнѣздомъ отцовъ іезуитовъ. Та же пустыня тянется и далѣе, до городка Пинто, въ которомъ сохранился мрачный остатокъ варварскихъ временъ феодализма: это безобразная, почти совсѣмъ слѣпая кирпичная башня, въ которую Филиппъ II заключилъ принцессу Эболи.

Безплодная равнина, съ изрѣдка торчащими сѣдыми маслинами и голыми вгорыями, между которыми течетъ мутная Тахо, разстилается почти до самаго Аранжуэса (Aranjuez). У самаго Аранжуэса характеръ картины неожиданно мѣняется: роскошная зелень, лѣса, сады, огромныя зданія—все это какъ-будто выпростаецъ изъ земли или какимъ-либо волшебствомъ сходится съ красивыхъ склоновъ горъ, вѣнчающихъ сады и дворцы Аранжуэса,

прославленные чуднымъ стихомъ Шиллера въ «Донъ-Карлосъ». Но чтобы сказать, подобно «Гиду», будто бы Аранжуэсъ открывается глазамъ путешественника, «какъ оазисъ среди степей», — это было бы слишкомъ риторично: объ степяхъ вѣдь, какъ видно, и понятія не имѣютъ.

Въ Аранжуэсѣ поѣздъ стоитъ такъ недолго, что я успѣлъ только насоро закусить и захватить съ собой бутылку мѣстнаго вина. Ни королевскаго лѣтнаго дворца, ни павильоновъ, ни китайскаго кабинета Карла III, ни арабскаго будуара Изабеллы, ни мутныхъ каскадовъ Тахо, ни casa del Labrador — осмотрѣть мнѣ не удалось. Да я и не жалѣлъ объ этомъ: я видѣлъ нѣчто лучшее, чѣмъ будуаръ Изабеллы. Съ возвышеній за Аранжуэсомъ отърывается такая даль, что глазъ достигаетъ далеко за Мадритъ — въ предѣлы Новой Кастиліи и Арагоніи. По сторонамъ дороги роскошные сады маршала Нарваэса, королевы Христины, графа Онъате.

Дальше поѣздъ идетъ равниною желто-мутной Тахо, и на станціи Кастильехо (Castillejo) разбивается на два поѣзда: одинъ идетъ на Толедо (до Толедо менѣе 25 верстъ), другой — на Алькасаръ-де-Санъ-Хуанъ (Alcazar de San Juan), на родину Сервантеса. Я избралъ послѣдній путь. Впереди и по сторонамъ стелятся тѣ же безконечныя равнины съ дымкою горъ на далекихъ окраинахъ горизонта. Попадаются стада овецъ, какъ въ настоящихъ степяхъ. Мѣстность лихорадочная. Около Киро изъ окна вагона можно видѣть даже, какъ у насъ въ Заволжьи, соленыя озера — одно до 10 километровъ въ окружности.

Вотъ и Алькасаръ-де-Санъ-Хуанъ — нѣкогда столица рыцарей-юаннитовъ, кавалеровъ святаго Хуана. Теперь это — ничтожное мѣстечко, съ населеніемъ въ 500 душъ, и только нѣкоторые зданія, подобно разрушающимся надгробнымъ памятникамъ, безмолвно говорятъ о его прежнемъ величіи. Здѣсь-то, полагаютъ, и родился великій творецъ бессмертнаго донъ-Кихота. Не безъ волненія и каковаго-то грустнаго чувства я глядѣлъ на этотъ жалкій городокъ, своего рода Вилеемъ, гдѣ увидѣло свѣтъ крупное свѣтило міра, и милыми показались мнѣ эти грустныя, однообразныя окрестности безъ зелени, эти каменныя возвышенія, закрывающія синюю даль, эти узкія улочки, по которымъ бѣгали когда-то маленькія ножки задумчиваго мальчика. Еще маленькимъ ребенкомъ, въ самомъ центрѣ нѣкогда славнаго, но отжившаго свою пору и выродившагося рыцарства, онъ могъ видѣть остатки этихъ выродившихся героевъ, и лучшія стремленія ихъ, въ пору развитія своего таланта, вложить въ своего

честнаго, несчастнаго фантазера, который всегда являлся настолько неудачно-жалкимъ, самъ того не сознавая, что даже его несчастія казались только смѣшными. Съ такимъ отчасти чувствомъ, проѣзжая изъ Неаполя въ Римъ, смотрѣлъ я на городокъ Аввино, пріютившійся на склонахъ Апенниновъ:—тамъ была родина другого свѣтила, только древняго міра—родина Ювенала.

Теперь на родинѣ Сервантеса и въ бывшей столицѣ іованитовъ дѣлають отличный шоколатъ, мыло... Вѣдь и на Хортицѣ, на мѣстѣ Запорожской Сѣчи, говорить Шевченко:

... Мудрый німецъ
Картопельку сіе...

А въ ту славную яму-тюрьму, въ которой отравился величайшій геній вселенной—Сократъ—еще недавно сваливали нечистоты...

Къ довершенію иллюзіи, на родинѣ Сервантеса, вы узнаете, что не далеко отсюда, вѣдь, доселѣ стоитъ славное Тобозо, гдѣ жила и процвѣтала во всей своей красѣ возлюбленная донъ-Кихота, дама его сердца, за честь которой онъ готовъ былъ вызвать на бой весь міръ,—коровница Дульцинея-Тобозская.

Мало того. Отсюда недалеко и Аргамасилья (Argamasilla de Alba), гдѣ родился, росъ, потомъ начался до умопомѣшательства ужасныхъ рыцарскихъ романовъ, и затѣмъ поѣхалъ воевать за правду со всѣмъ міромъ и насмѣшилъ весь этотъ міръ—самъ донъ-Кихотъ. Онъ тамъ и умеръ послѣ своей многомятежной жизни. По дорогѣ отъ Алькасара къ Аргамасильѣ вы встрѣчаете въ первый разъ въ Испаніи, вѣдь, отъ желѣзной дороги—что бы вы думали?—вѣтряныя мельницы!—это тѣ самыя, съ которыми столь мужественно воевалъ донъ-Кихотъ, прикрывъ свою умную голову, вмѣсто шлема, тазомъ цирюльника! Вы догадываетесь по этимъ признакамъ о процессѣ творчества бессмертнаго Сервантеса и о мѣстахъ первыхъ рыцарскихъ подвиговъ донъ-Кихота. Задумавъ свое великое до смѣшного дѣло, рыцарь печальнаго образа ѣдетъ сначала изъ своей родины на сѣверъ—къ Алькасару и къ Тобозѣ... На пути попадаетъ цирюльнику—онъ принимаетъ его за волшебника и нападаетъ на него. Трофей этого славнаго подвига—тазъ—онъ надѣваетъ, вмѣсто лавроваго вѣнка, на свою славную голову... Далѣе—мельницы машутъ крыльями—это тоже злые волшебники—надо и ихъ уничтожить—и крылья мельницы чуть не уничтожаютъ его мѣдный лобъ... Еще далѣе—коровница Дуль-

цина донтъ корову—это не коровница, а заколдованная принцесса и т. д.

Но какая печальная мѣстность по всему этому пути! Вся равнина необыкновенно камениста. Чтобы сдѣлать почву сколько-нибудь возможною для посѣва, всѣ эти камни складываютъ въ кучи, въ пирамиды, и вы конца не видите этимъ пирамидамъ—ихъ тысячи торчатъ по всему полю...

Мельницы, наконецъ, исчезли изъ глазъ, пирамиды булыжника исчезли, и только далеко-далеко на синемъ горизонтѣ начинаютъ выступать издали дымчатая вершина сьерра-Морены. За нею уже Андалузія, но она еще далеко.

Но вотъ и Аргамасилья. Она стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ рельсоваго пути, влѣво. Туда ходятъ отъ станціи длинѣисы. Въ Аргамасильѣ показываютъ даже домъ, гдѣ останавливался Сервантесъ и гдѣ онъ написалъ первыя главы своего романа, ставшаго достояніемъ всего міра. Теперь этотъ домъ приобрѣтенъ Рибаденейрою (Ribadeneira), мадритскимъ типографщикомъ, который завелъ здѣсь типографію, и здѣсь же напечаталъ прекрасное изданіе «Донтъ-Кихота».

Провинція, въ которой принадлежитъ Аргамасилья, называется Ла-Манча. Отъ этого имени и герой Сервантеса получилъ свое прозвище: «Донтъ-Кихотъ Ламанчскій».

Весь этотъ путь давалъ себя чувствовать. Солнце жгло невыносимо—въ немъ было что-то африканское, несмотря на то, что испанскія пустыни уже кончались, и около города Мансанареса, верстъ двадцать за Аргамасильей, видѣлась уже богатая растительность, и почва, повидимому, была менѣ расклевана. Около Валь-де-Пеньясъ (Val de Penas) на много верстъ раскидывались виноградники, лозы которыхъ, говорятъ, вывезены изъ Франціи, изъ Бургундіи, и вальдепеньясское вино считается превосходнымъ. Отсюда, мрачныя горы сьерра-Морены все болѣе и болѣе начинаютъ вырисовываться на южномъ горизонтѣ; но отсюда они еще не кажутся мрачными, а скорѣе какими-то лиловыми.

Въ Санта-Крусѣ (Santa Cruz de Mudela) поѣздъ нашъ былъ атакованъ массою бабъ, дѣвченокъ и мальчишекъ. Кто тащилъ воду въ кувшинѣ, кто апельсины, кто лѣвъ въ окошко съ голыми руками, и всѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Агуа фрѳа! агуа фрѳа, сеньоресъ!—это свѣжая вода.

— Наранха! наранха! наранха!—это апельсины (папанѳа)¹⁾.

¹⁾ У сербовъ „нѳранча“—помѳранецъ.

— Сеньоре! сеньорито! уна лимосина! — это не лимонъ, а «милостынька»:— харита, сеньорито!

— Альмендра бѣнка! альмендра! — пиццала дѣвочка съ миндалемъ.

Больше всего, конечно, расходилась «агуа фрѳа», потому что зной душилъ жаждой. Это мнѣ напомнило Египетъ, гдѣ также поѣздъ всегда обступаютъ юные, облѣпленные мухами дѣти феллаховъ, большею частью дѣвочки съ кувшинами, и пиццать страшно: «майя! эль майя!» — вода.

Послѣ Санта-Круса начинается едва замѣтный подъемъ въ горы. По мѣрѣ движенія поѣзда передъ вами выступаютъ все болѣе и болѣе живописныя перспективы. Испанская пустыня остается назади, на родинѣ донъ-Бихота, и само небо становится какъ бы жалостливѣе, мягче; въ воздухѣ чувствуется небольшая свѣжесть, показывается почти сѣверная растительность — кудрявый дубъ. И неудивительно: въ Альмурадиелѣ (Almuradiel le Vizillo) мы находимся уже на самой высшей точкѣ этой мѣстности Испаніи.

А передъ нами уже встаютъ грозныя горы, обрывистыя скалы съ стремнинами и пропастями. Надо пробиваться сквозъ эти неприступныя преграды, чтобы попасть въ роскошную, поэтическую Андалузію. Это она отгородилась отъ всего свѣта такими великанами — естественными крѣпостями, рвами и траншеями, которыя выдвинула тутъ изъ своихъ нѣдръ сама земля при образованіи поверхности нашей планеты. А тамъ, за этими великанами — уже и Гвадалквивиръ: съ снѣговыхъ спинокъ этихъ сѣдыхъ гигантовъ онъ беретъ свою гремучую воду.

И вотъ начинается какая-то нервная работа въ поѣздѣ. Выхода изъ Вента-де-Карденаса, паровозъ то-и-дѣло даетъ сильныя, отрывистыя, нервные свистки. На какихъ-нибудь десяти верстахъ поѣздъ пробивается сквозъ 8 туннелей и перелетаетъ черезъ 12 мостовъ, перекинутыхъ черезъ страшныя пропасти. Глазъ не успѣетъ окинуть эти грозныя стѣны кругомъ, эти стремнины, какъ поѣздъ опять нырнулъ вглубь горы, во мракъ, и снова стучитъ надъ бездною, при видѣ которой голова кружится вмѣстѣ съ вагономъ. Горы, бездны, скалы, туннели, мосты — грохотъ страшный и бѣгъ поѣзда стремительный, потому что мы уже спускаемся въ Андалузію. Дефилен эти называются Десрепареггосъ (Desreparegros).

Съ этихъ дефиленъ и начинается роскошная Андалузія. Кто переѣзжалъ черезъ кавказскій хребетъ по военно-грузинской дорогѣ, тотъ, конечно, помнитъ, какое подавляющее впечатлѣніе производятъ эта сторона горъ — *тверная*, съ мрачными ущельями

Дарьяла, Коби, Бѣшеной-балки и съ угрюмыми, необыкновенно-величественными, но почти голыми съ южныхъ боковъ и недосягаемыми крутизнами горъ; что-то суровое и непривѣтливое видится вокругъ; грандіозность эта, съ одиноко-парящими въ воздухѣ орлами, подавляетъ васъ своимъ величіемъ—какъ-будто величіемъ смерти; даже холодъ, физическій холодъ охватываетъ васъ на этой сторонѣ горъ, несмотря на южное солнце. Но зато какъ много роскошнаго, цвѣтущаго, при всей грандіозности общаго, бросаетъ вамъ въ глаза и въ душу та сторона кавказскихъ горъ—*южная*, едва вы перевалите черезъ Гудауръ: то же и здѣсь южное солнце, но оно не то, что тамъ; тѣ же горы, стремнины и пропасти, особенно бездонное ущелье Арагви выше Млета, въ которое я всегда боялся смотрѣть изъ опасенія низринуться туда отъ головокруженія, отъ потери воли, отъ невыносимости нервовъ; но во всемъ этомъ вы видите бьющую въ глаза жизнь—жизнь пышныхъ кустовъ азалій, жизнь каждаго камня, обвитаго зеленью, жизнь снѣющихся долинъ Грузин, а не холодную смерть, какъ тамъ, за хребтомъ.

Тѣ же контрасты впечатлѣній и чувствъ вносятъ въ вашу душу и переѣздъ черезъ сіерра-Морену. Еще раньше, задолго до этого переѣзда, вы ощущаете на себѣ всю тягость и унылость пустыни. Кругомъ ни деревца, одни сѣро-пепельные камни да раскаленная земля, а вдаль, далеко-далеко синѣютъ горы, но онѣ кажутся какъ-будто не отъ міра сего, и это еще болѣе усиливаетъ унылость картины; но это не та, не іорданская пустыня, гдѣ въ душу мою заползалъ холодный ужасъ, а пустыня скучная, однообразная, африканская, какъ Сахара, но только безъ ея величавости, безъ того мертваго величія, передъ которымъ невольно преклоняешься духомъ: рѣдко торчація кое-гдѣ деревца скрючены отъ зноя, точно калѣки, да и люди смотрятъ такими же—худыми, сухими, какъ донъ-Кихотъ, но и пламенными какъ донъ-Кихотъ же. Кругомъ что-то унылое, тоскующее, но тоскующее не тихою, не померною тоскою, а страшною, горячею, какъ эти раскаленные камни въ пирамидахъ. Когда вы начинаете подниматься на сіерра-Морену, эта суровость пустыни, въ свою очередь, начинаетъ смягчаться; но картина, въ общемъ, кажется уже если и не пламенною, то почти холодною, такою отчасти, какъ и на сѣверномъ склонѣ Кавказа, только далеко не такою величавою. Но вотъ поѣздъ поднимается все выше и выше; вы вступаете въ область самаго хребта Морены; дефилеями Деспеньяперроса пробиваетесь къ южнымъ склонамъ Морены—и вотъ здѣсь передъ вашими изумленными

глазами начинается постепенно развѣртываться дивная панорама Андалузіи.

Не знаю почему, но здѣсь въ первый разъ, кажется, покинула меня тоска, которую я вездѣ возилъ съ собою какъ паспортъ. Когда я только переѣхалъ Пиринен и очутился въ Бискайскихъ и Кантабрійскихъ горахъ, меня точно кошмаръ мучили эти страшныя горы, скалы, пропасти, туннели, мосты, гремящіе съ горъ потоки: все это мнѣ надоѣло, навело на меня тоску. Можетъ быть, этому я и найду объясненіе, когда припомню, что ровно годъ горы и только горы лежали у меня на душѣ и на памяти и постоянно торчали передъ глазами.

Оттого-то, можетъ быть, я и пріиникъ душою къ южнымъ склонамъ сіерра-Морены и къ цвѣтущей Андалузіи. Или, быть можетъ, въ переѣздѣ черезъ эти *последнія* горы я видѣлъ конецъ моимъ блужданіямъ—впереди Севилья и Гранада.

Какъ бы то ни было, но я вступалъ въ Андалузію съ мѣнѣе враждебнымъ чувствомъ, чѣмъ въ Бискаю и Кастилію. Эти горы, поднявшія свои головы на такую высоту, до какой не въ силахъ добраться никакая, даже самая смѣлая растительность, вродѣ альпійской сосны; эти горные потоки, пробившіе себѣ ложе до такой глубины, куда не въ состояніи проникнуть лучи даже полуденнаго солнца; эти громоздящіяся одна на другую скалы, готовыя, кажется, обрушиться на жалкую ниточку поѣзда, чернымъ волѣнчатымъ червякомъ извивающуюся у ихъ подножія; эта кудравая зелень, причудливо и съ искусствомъ опытнаго декоратора убравшая спуски горъ, междугорья и низины, — все это уже не давило мою душу, и первое послѣ Деспенья-перрроса андалузское селеніице, ущемленное между горъ—Санта-Элена—назавось, смотрѣло на меня пріятнѣе Ируна и Толосы. Далѣе скалы и горы нѣсколько отошли въ сторону и около станціи Вильчезъ (Vilchès) образовали довольно просторную долину—las Navas de Tolosa—гдѣ въ 1212 году христіанскія арміи разбили мусульманскія полчища Могамеда-аль-Нассръ. Это было только за 12 лѣтъ до пораженія, такими же азіатскими полчищами, русскихъ князей при Калкѣ, и за 28 лѣтъ до разрушенія Кіева Батыемъ: то была знаменательная пора, когда восточная стихійная сила подобно океану могла затопить собою всю Европу.

Начинало темнѣть. На станціи Вадольяно (Vadollano) къ нашему вагону подошла порядочная кучка рабочихъ—андалузцевъ и гранадиновъ, въ ихъ причудливыхъ костюмахъ, съ бронзоватыми лицами и съ африканскимъ огнемъ въ глазахъ (мавры влият-

таким своей арабской кровью въ население испанскаго юга)—и начали оживленно разговаривать съ однимъ господиномъ, вѣроятно, знакомымъ, ѣхавшимъ въ сосѣднемъ со мною отдѣленіи. Всѣ они скручивали свои «папелитосъ» изъ чернаго табаку вроде махори и курили ихъ прегордо, точно гранды, поплеывая и почесываясь, впрочемъ, совсѣмъ по-нашему, по-мужичьи, а господинъ изъ вагона подавалъ имъ свою кожаную бутылку съ виномъ, въ которой эти молодцы и прикладывались по очереди, но чрезвычайно скромно, какъ я замѣтилъ: таковъ, вѣроятно, обычай—сдѣлать честь, «пригубить», какъ у насъ выражаются въ купечествѣ.

Ѣхавшіе со мною изъ Мадрита французъ и дама, отъ которыхъ я узналъ, что они ѣдутъ въ Кордову, гдѣ имѣютъ набоето заведеніе, стали укладываться спать. Усастая же альмавива давно оставила нашъ вагонъ, чуть ли не на первой отъ Мадрита станціи. Мнѣ жаль было, что на эти прелестныя, причудливыя горы такъ быстро сошли ночныя тѣни; мнѣ хотѣлось бы смотрѣть и смотрѣть; но дѣлать было нечего — и я уснулъ... Въ полуснѣ мнѣ даже какъ-то чудно и забавно стало: вотъ человѣкъ,—пріѣхалъ спать въ Андалузію!..

Когда я проснулся, начинало уже свѣтать, и андалузское небо ровнѣло на востокѣ, отгнѣня лиловыя, очень далекія горы, вѣроятно Сіерра-Неваду. Мимо оконъ вагона бѣжали тонкіе, высокіе стволы какихъ-то причудливыхъ, невиданныхъ мною деревьевъ. Вглядываясь — и себѣ не вѣрю. Да это гигантскіе стволы цвѣтка алое—это тѣ агавы или араканіи, которыхъ называютъ «столѣтниками», потому будто бы, что это алое цвѣтетъ только разъ во сто лѣтъ, и два-три экземпляра которыхъ показывали мнѣ въ знаменитомъ саду въ Монако, что около игорнаго «казинѣ» въ Монте-Карло. А здѣсь этимъ чудомъ растительнаго царства обсажено полотно желѣзной дороги, какъ у насъ обсаживаютъ его ельникомъ, вербою и тальниковыми кустами отъ снѣжныхъ заносовъ. Отъ стволовъ этого чудовищнаго цвѣтка-дерева идутъ гигантскіе, въ косую сажень, иззелена-синіе, почти бирюзовые съ зубцами листья, тѣ, что крошками выглядываютъ у насъ изъ горшковъ, или безнадежно торчатъ на «promenade du Midi» въ Ментонѣ, въ Ниццѣ и по всему Корнишу. — Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ дороги, топырщутся гигантскіе, безобразные кактусы, напоминающіе собою южную Италію и въ особенности Египетъ и Палестину, преимущественно Яффу, гдѣ этими колючими уродами огораживаютъ сады словно крѣпостными стѣнами.

Я проспалъ Кордову. Но я увижу ее на обратномъ пути

изъ Гранады. — Проѣзжаемъ Ринконаду, опять въ сотый разъ переѣзжаемъ Гвадалквивиръ, уже широкую, многоводную рѣку. Скоро и Севилья. — Вонъ вправо, на невысокомъ холмѣ, сѣдѣютъ шапки оливковой рощи. Маслины эти растутъ на знаменитомъ историческомъ мѣстѣ: онѣ вырастаютъ изъ развалинъ иберійско-римскаго города Italica, гдѣ была родина трехъ величайшихъ императоровъ Рима — Траяна, Адриана и Θεодосіа.

Но вотъ и Севилья.

VIII.

СЕВИЛЬСКІЙ СОВОРЪ.—ГРОВНИЦА МАРИН ПАДИЛЬИ.—АЛЬКАСАРЪ.—АЛАМЕДА.

Солнце еще не успѣло раскалить воздуха, когда нашъ поѣздъ, промчавшись лѣвымъ берегомъ Гвадалквивира, остановился у станціи, и я, выполнивъ всѣ формальности таможеннаго досмотра, вышелъ на внутреннюю платформу. Я дышалъ воздухомъ Севильи — но пахло дымомъ паровозовъ, и далеко не ароматами. Комиссіонеры отелей отбивали другъ у друга путешественниковъ, которые въ Испанію не охотно заглядываютъ ради даже прекрасныхъ глазокъ севиляннокъ и легендарной Альгамбры. — Я намоталъ себѣ Fonda de Еигора и велѣлъ тащить свой багажъ въ омнибусъ и на омнибусъ этого отеля. Кучера перекидывались остротами, которыхъ я не понималъ, но полицейскіе ихъ понимали и добродушно улыбались. Одинъ пожилой, смуглый офицеръ, съ серебряными волосами подъ красивымъ кепи, любезно хлопоталъ около меня и около моихъ вещей, такъ что я не разъ приложился къ шляпѣ и пробормоталъ не одно «gracia, сеньоръ». Одни жандармы, безмолвно, какъ статуи командора, стояли съ ружьями въ рукахъ и скучали. Здѣсь уже — да и раньше было тоже — треуголки ихъ, во избѣжаніе солнечныхъ ударовъ, покрыты бѣлыми какъ снѣгъ широкими чехлами съ ниспадавшими на спины такими же широкими бѣлыми хвостами.

Ѣдемъ. Окна въ омнибусъ безъ стеколъ. Да и зачѣмъ имъ стекла? — Была бы дыра, а солнце и въ нее умѣетъ свѣтить, да и грѣть тоже. — Вотъ знаменитыя ворота Трианы: въ нихъ торжественно въѣзжали короли донъ-Педро-Жестокій, Филиппъ II Добрый. Узкими улочками и широкою площадью Plaza Nueva мы достигаемъ другой площади — Plaza San-Francisco, и поворачиваемъ влѣво въ улочку calle de las Sierpes. Не далеко отъ площади и моя «фонда». Чемоданы вносятъ въ patio отеля.

Ratio — это остаток древне-римской жизни. Въ Севильѣ эти «пасіо» поражаютъ своимъ изяществомъ и роскошью, и они имѣются въ каждомъ жилищѣ, кромѣ, развѣ назначенныхъ подъ разные заведенія. Въмѣсто нашего подъѣзда тутъ существуетъ нѣчто въ родѣ широкаго квадратнаго корридора съ мраморнымъ паркетомъ и высочайшими чугунными рѣшетками, иногда очень изящными и позолоченными. За этимъ квадратомъ — внутренній дворъ, но собственно не дворъ, а скорѣе обширная зала, видимая съ улицы черезъ рѣшотку. Это и есть ratio — родъ римскаго атриума. Кто бывалъ въ Римѣ и особенно въ Помпеѣ, тотъ легко пойметъ мое описаніе. Свѣтъ въ «пасіо» падаетъ сверху, потому что надъ нимъ нѣтъ крыши, а отъ возможнаго проникновенія туда солнца, оно, т.-е. «пасіо», укрывается на день сверху пологомъ (velarium), а чаще всего маскируется вѣтвями винограда, плюща и всякою зеленью. По стѣнамъ «пасіо» развѣшены картины, портреты, зеркала. Тонкія мраморныя колонны поддерживаютъ корридоры второго этажа, ведущіе въ жилищныя комнаты. Посреди «пасіо» большую часть беретъ фонтанъ, нагоняя зной изъ этого чуднаго уголка, украшеннаго иногда статуями, бюстами, изящными сидѣньями и т. д. Тутъ же блестятъ лампы, канделябры, которыя освѣщаютъ «пасіо» ночью, и оно кажется чѣмъ-то волшебнымъ. Нѣчто подобное я видѣлъ въ Смирнѣ, въ Каирѣ и Іерусалимѣ, вообще тамъ, гдѣ зной заставляетъ строить дома такъ, чтобы въ нихъ можно было укрыться отъ палящаго солнца, но въ то же время и не быть въ темнотѣ, а чтобы свѣтъ падалъ сверху, а не съ боковъ, не въ окна. Но то не «пасіо» — совсѣмъ иное архитектурное ухищреніе. «Пасіо» же есть только въ Севильѣ, Гранадѣ и отчасти въ Римѣ и Неаполѣ; но все это еще не настоящія «пасіо». Истинное отечество его — Севилья.

Въ отелѣ «пасіо» нѣсколько иного устройства. Въ немъ тоже развѣшены картины, объявленія, зеркала; но тутъ поставлены и столы для игры въ домино, въ шашки; разложены альбомы, кипсеки; тутъ и «parloir», и «salle de lecture», и «salle de réunion». Изъ него ходъ въ кондитерскую, въ буфетъ и въ обширную столовую, гдѣ накрывается табль-д'отъ.

Мнѣ отвели номеръ во второмъ этажѣ, съ окномъ на улицу и съ балкономъ. Но окно такъ любезно устроено, что ехидное андалузское солнце могло заглядывать ко мнѣ только передъ закатомъ, когда лучи его уже не страшны.

Пока мнѣ принесли кофе, я наблюдалъ уличные обычаи утренней жизни. Вездѣ на балконахъ и на крышахъ — плоскихъ, по-восточному, по-мавритански — убрали цвѣты и всякую зелень.

Хозяйки и кухарки, услышавъ голосъ разносчика, выходили на балконы съ корзинками, и, сторговавшись съ продавцемъ, клали деньги въ корзинку, спускали ее по веревкѣ иногда съ четвертаго этажа, и, наполненную купленнымъ, встаскивали на балконъ. Это очень удобно за немѣннѣмъ заднихъ дворовъ и чорныхъ ходовъ.

Послѣ кофе я тотчасъ же отправился осматривать городъ. По дорогѣ къ площади Сантъ-Франсиско или Конституціи я зашелъ въ магазинъ эстамповъ, чтобъ приобрести фотографическіе виды Севильи. Молодой хозяинъ магазина, сообразивъ, что я путешественникъ, тотчасъ же догадался чѣмъ угодить мнѣ. Выложивъ передо мной виды, онъ принесъ съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько булавокъ для закалыванія галстуковъ, съ изображеніями на серебряныхъ плоскихъ, четверугольныхъ головкахъ булавокъ разныхъ сценъ изъ жизни донъ-Кихота, искусно вырѣзанныхъ сквозною прорѣзью въ серебрѣ. Я обрадовался, конечно, имъ и приобрѣлъ двѣ булавки: на одной донъ-Кихотъ стоитъ въ вызывающей позѣ передъ вѣтряной мельницей съ тазомъ на головѣ; фигура очень эффектна и въ высшей степени комична; на другой—толстякъ Санхо-Панча обнимается и цѣлуется съ ослонъ.

Изъ магазина я прямо направился къ Алькасару (Alcazar) —туда меня влекло прежде всего. Пройдя площадь Конституціи, и мелкими, узкими переулочками, уже полными стукотни, гама и всякаго толкущагося и кричащаго люда, я вышелъ прямо къ знаменитому севильскому собору, который смѣло можетъ соперничать съ соборомъ Петра въ Римѣ. Но за-то какъ сдавлена, какъ сплюснута эта громада узкими улицами и высокими зданиями!—Жалко видѣть этого великана, закрываемаго барликами, которые нахально воруютъ у него весь эффектъ, всю подавляющую величавость. На ступенькахъ множества папертей, дверей, входовъ и выходовъ—царство нищихъ, въ хорѣ которыхъ неизбежно слышится одинъ припѣвъ—«харита». Черезъ маленькую Plaza del Triunfo я вышелъ въ Алькасару, намѣреваясь посвятить обзоръ севильской святыни слѣдующій день. Но вышло иначе.

Когда я вошелъ въ передній дворъ Алькасара, усаженный роскошными тропическими растеніями, я подошелъ къ воротамъ дворца, стоявшіе тамъ часовые направили меня въ контору, гдѣ я и узналъ, что дворецъ и сады Алькасара будутъ открыты послѣ полудня. Такъ какъ до полудня оставалось еще довольно времени, то я и рѣшился осмотрѣть соборъ.

Шелъ необыкновенно музыкальный перезвонъ множества

колоколовъ, когда я приближался въ собору. Надо отдать честь католическимъ патерамъ и ихъ звонарамъ: они такъ умѣютъ хорошо размѣстить колокола различной величины и разныхъ тоновъ, такъ умѣютъ подобрать эту мѣдную гамму, что католическій звонъ въ нѣкоторыхъ городахъ просто поражалъ меня своеобразной, какой-то выкрикивающей мелодіею, иногда торжественной, иногда глубоко-меланхолической. Я понимаю, почему Наполеонъ въ музыкѣ любилъ только колокольную и пушечную мелодію. Музыка пушекъ для меня не понятна, отчасти потому, что она оглушительна, отчасти же и главное—потому, что она возмутительна, какъ по содержанію, такъ и по своимъ духовымъ инструментамъ, а всего болѣе по своей конечной цѣли. Музыка же колоколовъ бываетъ иногда положительно обаятельна. Такой колокольный концертъ встрѣтилъ меня и въ Севильѣ.

Еще за нѣсколько верстъ отъ Севильи, когда вы ѣдете по желѣзной дорогѣ, васъ поражаетъ высокая, необыкновенно стройная башня, нѣсколько напоминающая величественные минареты Каира. Это—знаменитая мавританская Гиральда, которая нѣкогда и служила минаретомъ, когда еще въ Севильѣ царили мавры. Теперь она принадлежит собору, и на куполѣ ея воздвигнута колоссальная статуя Вѣры. Громадность севильскаго собора истинно подавляющая: онъ на 12 метровъ длиннѣе величайшаго храма въ мірѣ—собора Петра въ Римѣ—хотя уже его. Въ него ведутъ девять громадныхъ дверей (въ храмѣ Петра—пять). Надъ одною, которая называется puerta del Lagarto («ворота кроводила») виситъ гигантское пресмыкающееся, которое, по преданію, прислано королю Альфонсу-Мудрому однимъ изъ халифовъ Египта.

Я первый разъ вошелъ въ соборъ черезъ puerta de los Naranjos (врата апельсиновъ) и очутился среди роскошной зелени. Это—«пасіо» собора. Внутренность собора имѣетъ въ себѣ столько же подавляющаго, какъ и его вѣшняя массивность. Тутъ все колоссально, безмѣрно, какъ безмѣрно колоссальна была когда-то та сила католичества, передъ которой ползали императоры въ рубищѣ нищихъ. Это своего рода Колизей, въ которомъ, если не травили христіанъ дикими звѣрами, то освящали худшую, постыднѣйшую травлю—инквизиционное гладіаторство и сожженіе людей десятками тысячъ. Когда вы, ошеломленные чудовищностью размѣровъ этого смѣлаго порыва людей подняться до величія Бога, нѣсколько взгляните въ подробности, васъ поразитъ своею чудовищностью какая-то бронзовая колонна съ чѣмъ-то похожимъ на громадную корабельную мачту на верху ея. И что же!—

Описатель собора, G. de-Lavigne, членъ испанской академіи, говорить, что эта бронзовая колонна, похожая по своимъ размѣрамъ на Вандомскую колонну, есть не болѣе и не менѣе какъ подсвѣчникъ, а вставленная въ него огромная корабельная мачта — это пасхальная свѣча! Въ одной этой свѣчѣ воску 2050 испанскихъ ливровъ или около 60 пудовъ! До этого и Москва не дошла съ своимъ царь-колоколомъ: у нея нѣтъ царицы-свѣчи для Ивана-Великаго...

Де-Лавинь говорить, что множество путешественниковъ пытались было составить вѣрное описаніе этого храма, и всѣ пришли къ убѣжденію, что нѣтъ никакой возможности перечислить малѣйшую даже часть удивительныхъ богатствъ, которыя въ немъ заключены. Образцы великолѣпнѣйшей живописи севилъской школы — Кампанья, Мурильо, Кано, Варгасъ, Вальдесъ, оба Эррера, скульптурныя произведенія Монтаньеса, Рольдана, Дельгадо — описаніе только этихъ сокровищъ заняло бы цѣлые томы.

В. Боткинъ, съ своей стороны, замѣчаетъ, что «внутренность готическихъ храмовъ Германіи, Франціи, Англіи, даже самого миланскаго собора, бѣдна передъ этою страшною громадою: колонны, толщиною съ башни, кажутся тонкими и легкими по неимоверной высотѣ этихъ сводовъ, боковыя трубы органа походятъ на трубы пароходовъ; но подъ сводами храма звуки этихъ истиннѣ иерихонскихъ трубъ разносятся мелодически... Художественное богатство собора поразительно, тѣмъ болѣе, что кромѣ Мурильо (здѣсь, между прочимъ, его св. Антоній — созданіе удивительное), имена Сурбарана, Кампанья, Моралеса, Вальдеса, Эрреры, Кано, вовсе неизвѣстны намъ, — а между тѣмъ все это художники первоклассные, исполненные той энергической, смѣлой жизни, о которой не знала итальянская школа. Картины ихъ наполняютъ предѣлы, залы, галереи, — не знаешь, куда смотрѣть; я цѣлую недѣлю ходилъ въ соборъ, и каждый день выходилъ оттуда съ новымъ изумленіемъ — столько разсыпано тутъ искусствъ, великолѣпія, изящества, разсыпано съ тою величавою, небрежною роскошью, о которой можетъ дать понятіе одна Италія... Эти храмы среднихъ вѣковъ строились какими-то титанами: въ наше время подобныя зданія невѣроятны, безразсудны, невозможны»...

Въ этомъ соборѣ виѣщается 37 отдѣльныхъ церквей или придѣловъ (капеллъ); но самъ соборъ такъ громаденъ, что ихъ какъ-будто и не замѣчаешь, бродя вокругъ главнаго алтаря и изумляясь его поразительнымъ богатствамъ. Этотъ алтарь соо-

руженъ посреди собора, и кажется соборомъ въ соборѣ—такъ онъ громаденъ въ частяхъ.

И откуда такіа богатства? — Вотъ откуда: изъ того полушарія нашей планеты, которое подарилъ Испанія и всему міру тотъ скромный ученый, имя котораго начертано адѣсь на доскѣ:

A Castilla y à Leon
Nuevo Mundo did Colon.

Это тотъ Colon—Христофоръ Колумбъ—который велѣлъ положить съ собою въ могилу цѣпи—подарокъ благодарной Кастиліи и Леона, которымъ этотъ Colon далъ «Nuevo Mundo»,—Новый Свѣтъ.

В. Боткинъ ошибочно говорить, будто бы слова эти вырѣзаны надъ бывшей могилой Колумба: адѣсь похороненъ его сынъ, Фердинандъ Колумбъ, завѣщавшій собору всѣ свои богатства и огромную библіотеку. Говорять, что прежде погребенъ былъ адѣсь и Христофоръ, но потомъ тѣло его перевезено было въ соборъ Гаванны, въ ту часть свѣта, которую нашелъ для міра его великій геній.

Такъ вотъ откуда богатства севильскаго собора: они происходили изъ того золотоноснаго источника, изъ котораго доселѣ практическіе янки и другіе народы Новаго Свѣта загребаютъ золото и серебро лопатами, а Испанія, занявшись соборами и отдавшись въ руки инквизиціи, потеряла все это—спустила весь свой Nuevo Mundo.

Обходя капеллы собора, я съ особеннымъ волненіемъ долго стоялъ передъ двумя изъ нихъ. Шла служба въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ, когда я тихо бродилъ по собору. До меня долетало скрипучее пѣніе гимновъ; иногда раздавался серебряный звонъ колокольчика. Потомъ вдругъ своды зданія оглашали могучіе голоса—это игралъ тотъ органъ, трубы котораго могутъ соперничать съ любой трубою парохода, что пыхтитъ по Гвадалквивиру. Соборъ былъ пустъ, и только противъ того придѣла, гдѣ шла месса, на мраморномъ полу и на сидѣньяхъ темнѣли какія-то точки, словно мухи: то молились старухи и нищіе, которые еще не потеряли вѣры въ эти органы, въ эти лицемѣрные подъятія горѣ дланей, въ этотъ дымъ кадилъницъ...

Я стою передъ capilla real.—Вотъ гробница короля святого Фердинанда—вся окована золотомъ и серебромъ обѣихъ Индій и Новаго Свѣта. Вотъ и шпага, съ которою этотъ король вступилъ когда-то въ Севилью. А вотъ гробница его жены, королевы доньи Беатриче; гробница короля Альфонса X. Тутъ-же,

въ сторонѣ, великолѣпная вѣчная усыпальница красавицы Маріи Падиллы.

Долго я бродилъ по собору, пристраняясь на какомъ-либо сидѣньи и съ грустью созерцая эти богатства, на которыя потрачено было столько человѣческаго генія, и которыя стали давно не нужны тому народу, передъ которымъ они разсыпались. Нынѣшній испанецъ своимъ пренебреженіемъ къ церкви и къ духовенству какъ бы мститъ за инквизицію, за застой своей страны, за свою бѣдность, когда онъ могъ бы быть богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, какимъ онъ и былъ когда-то... Все съѣли монахи—и вотъ испанецъ мститъ имъ своимъ равнодушіемъ. «Трудно было предвидѣть—говорить одинъ путешественникъ, посѣщавшій Испанію 50 лѣтъ тому назадъ—чтобы все пошло такъ быстро, что мщеніе будетъ такъ неумолимо, разрушеніе такъ ужасно, превращеніе такъ внезапно. Я видѣлъ всю страну во власти монаховъ, народъ на колѣнахъ передъ своими патерами, видѣлъ средніе вѣка во всѣхъ цвѣтѣхъ націи XIX вѣка; можно ли было думать, чтобы это важное, серьезное общество было маскарадомъ, исторической шуткой! Кто бы могъ увѣрить меня тогда, что эти видимые властители государства, это всемогущее духовенство были не болѣе, какъ призракъ, которыхъ разсвѣтъ достаточно одного дуновения? Кто могъ думать, что даже свидѣтельства вѣры народа были пустымъ обманомъ, его молитвы—словами, лишенными смысла? Я смотрѣлъ на эту страну, какъ на послѣднее убѣжище католицизма, тогда какъ въ сущности это была страна призраковъ, рутины и лжи!»...

И при всемъ томъ католичество все еще могучая сила въ мірѣ.

Служба давно кончилась, духовенство удалилось изъ собора невидимо какими путями, сторожа что-то прибирали, у дверей дождалось нѣсколько нищихъ, а мы—я и какой-то сѣдой англичанинъ съ бѣлыми точно косы бакенами и въ желтыхъ башмакахъ—все переходили отъ одной капеллы къ другой, отъ одной картины или статуи къ другимъ. Свѣту было довольно, потому что онъ пробирался въ храмъ какими-то фантастическими полосами почти черезъ сотню оконъ, игралъ на золотѣ, на лицахъ святыхъ и сгущалъ еще болѣе тѣни тѣхъ углубленій и нишъ, куда не досагалъ, превращая громадный храмъ въ какое-то волшебное капище, въ которомъ похоронено столько вѣковъ, столько вѣрованій, человѣческихъ радостей и больше всего—горя и слезъ.

Но вотъ слышу—музыкальные колокола возвѣщаютъ полдень.

Пора въ отель—подерѣпиться, а тамъ въ Алькасаръ... Я такъ и сдѣлалъ.

Нѣкоторые посѣтителѣ уже стояли у стола, находящагося подъ входной аркой Алькасара и получали билеты отъ выдающаго ихъ комиссара. Получилъ и я свой билетъ. Сначала отъ него оторвали уголокъ, какъ при входѣ въ театръ, а потомъ, при вступленіи въ самое святилище, отобрали и весь билетъ. Я началъ переходить изъ галерей въ галерею, изъ одной странной залы въ другую. Именно все странно—и по расположенію, и по архитектурѣ, и по украшеніямъ. Ни какъ не поймешь ни назначенія этихъ переходовъ, ни ихъ житейскаго смысла. Не поймешь—какъ это жили тутъ мавританскіе цари! А жилось, повидимому, хорошо, роскошно... Строй жизни ихъ для насъ не понятенъ,—оттого непонятны и эти тонкости, эти странности расположенія жилья... Посѣтителѣ задираютъ головы вверхъ—къ этимъ окнамъ, не похожимъ на наши, къ этимъ арабескамъ, къ этой кружевной работѣ, которую знатоки считаютъ неподражаемымъ чудомъ искусства. Ну какъ вы изобразите грубымъ словомъ всю суть и оригинальность этихъ филигранныхъ карнизовъ, потолковъ, нишей! Въ какомъ лексиконѣ вы найдете слова и какой синтаксисъ научить васъ расположить ихъ такъ, чтобъ изъ словъ вы могли понять, наприм., всю кричащую пестроту Василія-Блаженнаго! А здѣсь нѣчто другое: то сѣверный огурецъ съ своимъ ароматомъ, а это южный ананасъ—съ своимъ. Художники, ошеломленные причудливостью рисунковъ этихъ каменныхъ кружевъ, ломаютъ головы, чтобъ уловить форму, характеръ узора, найти его начало и конецъ—и не находятъ, не могутъ уловить!—Въ залахъ сидятъ эти бѣдные художники на складныхъ стульяхъ передъ полотномъ на треножникахъ, и на полотно переводятъ эти арабскія чудеса своими кистями. А я этого не могу сдѣлать ни перомъ, ни языкомъ.

Но вотъ мы вступили въ *ratio de las tinucas* («муньекасъ» — куволикъ). Отсюда ходъ въ другія залы, въ другія галереи. И здѣсь вы видите на плафонахъ тѣ же чудеса мавританской скульптурной поэзіи—я иначе не могу назвать этого архитектурно-орнаментнаго стиля, какъ арабской поэзіей. Но здѣсь есть нѣчто и не-арабское. Вы находите здѣсь покои знаменитаго донъ-Педро. Отсюда извивается узенькая, таинственная лѣсенка, узкая и тѣсная какъ дорога въ рай: она дѣйствительно и вела въ рай этого короля-деспота—во внутренніе, таинственные покои, гдѣ жила и, вѣроятно, страшно скучала въ своей чудовищно-роскошной тюрьмѣ все та же Марія Падилля.

Наконецъ, длинными переходами васъ проводить на другую половину зданія. Здѣсь салоны Карла V и посланниковъ (*embajadores*). Они всѣ изъ легкихъ арокъ и балкончиковъ, или хоръ, идущихъ вокругъ всей залы. Стѣны украшены портретами королей и королевъ—все большею частью знакомыя лица, видѣнные въ Мадридѣ. Но вотъ невиданное личико—скорѣе лицо—рядомъ съ донъ-Педро. Это опять она—Марія Падилля! Филиппъ II, который создалъ эту портретную коронованную галерею, велѣлъ помѣстить рядомъ съ донъ-Педро и некоронованное личико, за-то только, что оно было хорошенькое личико и улаждало жизнь коронованнаго властелина.

Когда уже совсѣмъ устали мои ноги и голова отъ постоянного ея задиранья вверхъ, я покинулъ эти безконечные переходы, галереи и залы, и сошелъ въ садъ или скорѣе въ сады Алькасара, чтобъ тамъ отдохнуть и покурить. И здѣсь также васъ ожидаетъ масса переходовъ изъ одного отдѣленія сада въ другое, отъ фонтана къ фонтану, отъ кіоска къ павильону и т. д. Садъ этотъ собственно не великъ, потому что весь заключенъ въ серединѣ дворцовъ и другихъ зданій—это внутренний дворцовый садъ. Растительность его, впрочемъ, необыкновенно роскошна. Пальмы не велики—куда до африканскихъ исполиновъ!—но вмѣстѣ съ разнообразіемъ цвѣтовъ, съ этою строгою зеленью кипарисовъ, съ цвѣтущими полнымъ цвѣтомъ апельсинами, съ этою причудливою паутиною въющей зелени, съ фонтанами, павильонами и самой линіей дворцовъ—все это принимаетъ видъ чего-то волшебнаго, чарующаго, дѣйствующаго на нервы. Потомъ эти скачущіе у вашихъ ногъ и бѣгущіе къ вамъ—буквально бѣгущіе къ вамъ на-встрѣчу фонтаны, отъ которыхъ вы невольно сторонитесь. Это васъ хотятъ удивить и ошеломить садовники: они приводятъ въ дѣйствіе какой-нибудь фонтанъ, резервуаръ котораго имѣетъ подземное сообщеніе со всею аллеею сада, вымощенной плитами,—и могучая струя при своемъ подземномъ по трубамъ бѣгѣ выбрасываетъ на пути изъ каждой плиты по новому фонтану—и они во мгновение ока добѣгаютъ до васъ. Просто ирригаціонный фокусъ, какой показывають и около Генуи, на знаменитой виллѣ Паллавичини; но въ общемъ все это прибавляетъ нѣчто къ тому обаянію, въ которомъ вы находитесь уже потому отчасти, что попали въ Севилью, въ Алькасаръ, и видѣли всякія чудеса, которыя и составляютъ очарованіе всякаго далекаго бродяжничества по чужимъ землямъ. А тутъ садовники жужжатъ въ уши знакомыя имена, соединенныя съ павильонами, кіосками: это-де «Карло-

Кинто», это «Фелипъ-Секундо», это «донъ-Педро и Падилля»; вотъ бывшія бани или купальни султаншъ, когда здѣсь былъ гаремъ мавританскихъ владыкъ, а теперь это зовутъ banos de Maria Padilla. И во всему этому въ воздухѣ, который не шелохнется, стоитъ африканскій зной, васъ одуряетъ и опьяняетъ атмосфера, насыщенная влажнымъ оранжерейнымъ дыханіемъ тропическихъ растений, запахомъ накаленного кипариса и геліотропа, ароматомъ всевозможныхъ цвѣтовъ и буйно цвѣтущаго флёръ-д'оранжа.

Когда я сѣлъ въ густую тѣнь апельсиновъ, чтобъ отдохнуть немножко, меня какъ снѣгомъ осыпало бѣлыми лепестками флёръ-д'оранжа сбиваемаго съ деревьевъ жужжащими пчелами...

Я воротился въ отель совершенно усталый, такъ что до обѣда не могъ уже предпринять другихъ паломничествъ по святымъ и несвятымъ мѣстамъ Севильи, и занялся писаніемъ, писалъ до второго—не пришествія, а звонка. Длинный столъ табль-д'ота былъ весь занятъ гостями, такъ что сидящихъ на другомъ концѣ столовой едва было видно. Кухня испанская и самый порядокъ блюдъ—довольно своеобразны.

Да здѣсь и вообще много такого, чего вы не увидите въ остальной Европѣ: видно, что Испанія много вѣковъ была отгорожена отъ всего міра Пиринеями и дымомъ отъ костровъ святой инквизиціи. Андалузія же съ своей стороны отгорожена горами даже отъ остальной Испаніи. Не удивительно, что здѣсь сложились и удержались такія формы жизни, такія своеобразныя проявленія мѣстной индивидуальности, что какъ-то невольно чувствуешь себя какъ бы въ иномъ мірѣ, попавши въ этотъ полуафриканскій уголокъ. Сначала васъ поражаетъ здѣсь всякая мелочь, все бросается въ глаза; но глазъ быстро привыкаетъ къ этому, и вы смотрите на все почти равнодушно, какъ на картины природы, развертывающіяся передъ вами по мѣрѣ движенія вагона. Притомъ столько приходится видѣть всего невиданнаго, столько проходить передъ вами новыхъ картинъ, людей, типовъ, костюмовъ, станцій, кассировъ, кондукторовъ, отелей, табль-д'отовъ, городовъ, соборовъ, геніальныхъ картинъ, статуй, встрѣчъ, минутныхъ разговоровъ, эпизодовъ, садовъ, галерей, музеевъ,—что иногда самъ себя не вѣришь: не сонъ ли это? неужели столько пришлось перевидѣть, передумать, пережить, почувствовать и не потерять охоты, способности еще больше и больше видѣть, чувствовать, переживать!—Я понимаю Герцена, который въ первомъ своемъ, послѣ выѣзда за-границу, письмѣ изъ Парижа говоритъ: «Кажется, четыре мѣсяца не Богъ-знаетъ-что, а сколько верстъ, миль и

лѣ проѣхалъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы расстались съ вами на бѣломъ снѣгу въ Чорной Грязи... да что верстѣ! сколько впечатлѣній, станцій, готическихъ соборовъ, новыхъ мыслей, старыхъ картинъ, дебаркадеровъ, — просто удивляешься, какъ все это можетъ помѣститься въ душѣ».

И вотъ, какъ видите, помѣщается...

Едва я отъ табль-д'ота возвратился въ свой номеръ и вышелъ на балконъ, какъ глазамъ моимъ представилось новое зрѣлище, въ которомъ столько было не похожаго на все прежде видѣнное (а я много видѣлъ), что я долго стоялъ какъ очарованный, точно передъ тѣмъ волшебнымъ, или слишкомъ величественнымъ, или необыкновенно прекраснымъ. Но ничего величественнаго, ничего особенно прекраснаго въ этомъ зрѣлищѣ не было, а все же оно казалось тѣмъ-то волшебнымъ, точно необъяснимое видѣніе.

И это было простое, самое простое зрѣлище, такое, какое каждый вечеръ можно созерцать и въ Петербургѣ — на Невскомъ, и на Гороховой, и въ Столярномъ переулкѣ.

Это Севилья вечеромъ высыпала подышать свѣжимъ воздухомъ — погулять.

«Кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источникъ слезъ?» — началъ такъ когда-то Іоаннъ-Златоустъ одно изъ своихъ блестящихъ словъ, намѣреваясь изобразить въ немъ общественное горе.

«Кто дастъ главѣ моей мудрость и перу моему такіа чернила, чтобъ описать, какъ Севилья вечеромъ гуляетъ!» — такъ долженъ я начать описанье Севильи вечеромъ. Дастъ мнѣ и мудрость, и чернила, и краски — В. Боткинъ, только Боткинъ. Я не посмѣю состязаться съ нимъ, какъ маленькая дѣвочка съ быкомъ, вмѣсто опытнаго тореадора, въ описаніи ночныхъ красотъ Севильи и севильскихъ женщинъ. — «Севилья — говорить онъ — словно ночная, нервическая красавица, оживаетъ лишь тогда, когда становится темно. Занавѣсы дверей тогда отдергиваются, каждый дворъ (patio) освѣщенъ лампами, фонтаны блещутъ; ставни балконовъ и оконъ открыты; въ каждомъ окнѣ сверкаетъ нѣсколько паръ темныхъ глазъ. Это пробужденіе Севильи имѣетъ въ себѣ что-то чарующее... «Томар fresco», брать прохладу, — можетъ быть вполне понято только въ южной Испаніи, гдѣ дневной вѣтеръ лишь жаромъ пышетъ въ лицо, деревья корчатся отъ палящихъ лучей солнца, отражаемыхъ камнями мостовыхъ, и гдѣ сумрачный день такое рѣдкое счастье, гдѣ небо неумолимо постоянно въ своей темноголубой яркости, и только одна ночь

съ своей сильной росой приносить нѣкоторую прохладу. И вся Севилья выходитъ «брать прохладу». Черныя толпы женщинъ словно съ какою-то жадностью высыпаютъ на улицы. Шляпка не проникла еще въ Севилью; разнообразія костюмовъ нѣтъ: черная кружевная мантилья, черное шоловое платье, черные волосы, черные глаза, и на этомъ черномъ фонѣ голня до плечъ руки, открытая шея и сладострастно-гибкій станъ просвѣчиваютъ сквозь складки мантильи, прозрачными фестонами окружающей тонкую, нѣжную бѣлизну лица или его смуглую, горячую бѣдность». — Таково начало описанія Севильи вечеромъ.

Дѣйствительно, когда я взглянулъ внизъ, подъ моимъ балкономъ положительно кипѣли толпы «черныхъ женщинъ» и черныхъ мужчинъ. Все это двигалось, встрѣчалось, сталкивалось, расходилось, кланялось, улыбалось, показывало бѣлые зубы, сверкало черными глазами, шуршало черными шоловыми платьями, стучало каблучками, хохотало, торопилось, догоняло, отставало, обгоняло... Я тотчасъ же вышелъ изъ отеля, и меня поглотила эта толпа. Я двигался вмѣстѣ съ черными волнами вдоль узенькой «calle de las Sierpes». Она вся горѣла огнями. Огромныя окна магазиновъ ослѣпительно сверкали тою бьющею въ глаза роскошью, какую умѣла создать современная индустрія. Всѣ выходившіе на улицу балконы унизаны были зрительницами, словно бы внизу совершалась какая-нибудь особенно торжественная процессія или итальянскій маскарадъ. — Черныя волны двигались все дальше — это Гвадалевивиръ катилъ свои мутныя воды къ океану. Но вотъ и океанъ — площадь. Это alameda del Duque.

Но здѣсь я опять смущаюсь. Здѣсь такая масса черныхъ мантилій и «черныхъ женщинъ», что я теряюсь. Гдѣ же мнѣ описать ихъ! — гдѣ взять такихъ красокъ! — Надо опять прибѣгать къ такому знатоку и любителю женской природы, какъ Боткинъ. Ему и перо въ руки.

«По вечерамъ, — говоритъ онъ, — съ 8 и 9 часовъ начинается гулянье на alameda del Duque. На югѣ нѣтъ нашихъ долгихъ сумерекъ: ночь вступаетъ тотчасъ по заходѣннн солнца... Alameda del Duque — царство черныхъ севильянокъ. Не ужасно ли, что эта поэтическая красота не показывается при дневномъ свѣтѣ, а бываетъ видима только по ночамъ. Къ счастью для меня, теперь стоятъ яркія, лунныя ночи. Что за живые разговоры, что за откровенный смѣхъ раздаются на этомъ гуляньи! О свободѣ, царствующей здѣсь, въ Европѣ не имѣютъ понятія: здѣсь словно каждый у себя дома. Эта непринужденность, этотъ громкій смѣхъ, эта живость разговоровъ, какъ все это не походитъ

на европейскія гулянья, а тѣмъ менѣе на наши, на которыя мужчины и женщины выходятъ съ такими натянутыми, заученными лицами и манерами. Но что особенно замѣчательно—эта непринужденность, эта свобода, проникнутыя здѣсь самою изыщною вѣжливостію; это не заученная, не условная вѣжливость, принадлежащая въ Европѣ одному только хорошему воспитанію, а такъ сказать врожденная; вѣжливость и деликатность чувства, а не однихъ внѣшнихъ формъ, какъ у насъ, и которая здѣсь равно принадлежитъ и гранду, и простолюдину. Испанецъ вѣжливъ не изъ приличія, не съ одними только порядочно одѣтыми людьми, — въ этомъ отношеніи здѣсь одежда не значитъ ничего, — онъ равно вѣжливъ со всѣми, и денди здѣсь не стыдится поклониться одѣтому въ плащъ съ заплатами, или сказать, что онъ *знакомъ* вонъ съ тѣмъ лавочникомъ. У женщинъ въ живости разговора иногда мантилья спадаетъ съ головы; эти мурильескія головки съ нарядомъ или жасминомъ въ великолѣпныхъ волосахъ, освѣщенныхъ луною, производятъ впечатлѣніе обязательное; ночной запахъ цвѣтовъ, особенно нарда, страшно раздражаетъ нервы: надобно быть здѣсь, среди этой жаркой ночи, освѣжаемой фонтаномъ, ходить между этими толпами золотистоблѣдныхъ женщинъ, одинаково одѣтыхъ въ черное, одинаково покрытыхъ черными кружевными мантильями, видѣть эту яркую живость фисіономій, этотъ африканскій блескъ глазъ, сверкающихъ изъ-за вѣера, наковецъ, дышать воздухомъ, напоеннымъ нарядомъ и жасминомъ изъ этихъ волосъ, — словомъ, надобно испытать одну такую ночь, чтобъ понять все очарованіе Севильи».

Но это еще далеко не полная картина севильской ночи, далеко не полная. Надо быть въ Севильѣ, чтобъ «испытать одну такую ночь». А такъ какъ не каждый читатель можетъ быть въ Севильѣ и «испытать такую ночь», то я и продолжаю ея описаніе перомъ знатока.

«На Alameda не слышно словъ *senor* и *senora*, а только *don* *Dolores*, *don* *Fernando*, *don* *Angeles*, *don* *Luis*; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ средней Испаніи, слѣдуютъ обычаю звать другъ друга по именамъ. Подумаешь, что находишься на какомъ-нибудь семейномъ праздникѣ. А какъ вамъ покажется слѣдующій обычай: на alameda можно заговорить съ своимъ сосѣдомъ или *сосѣдкой* на скамьѣ... не смѣйтесь надъ моими словами, не судите о Севильѣ по обычаямъ европейскимъ и не спѣшите изъ этого заключать о *лестности* севильянокъ. Здѣсь это не удивляетъ, не оскорбляетъ женщины: здѣсь это въ правахъ. Отъ этого нѣтъ города въ Европѣ, въ которомъ было бы больше случаевъ къ знакомству

и сближенію. Но, по странному противорѣчію, для дѣвушекъ здѣсь больше свободы, нежели для женщинъ. Въ Севильѣ вообще женщинъ втрое больше, нежели мужчинъ: слѣдствіемъ этого то, что здѣшнія дѣвушки томятся не одною только любовью, но и желаніемъ выйти замужъ, и въ андалузскихъ нравахъ каждой дѣвушки имѣтъ своего повіо — жениха. Если вы понравились дѣвушкѣ, она тотчасъ дастъ вамъ это замѣтить; заговорите съ ней, когда она вечеромъ прогуливается, и хоть бы съ матерью, она отвѣтитъ вамъ и скоро позволитъ придти ночью къ ея окну. Прогулка по Севильѣ ночью особенно интересна. Безпрестанно видишь у оконъ мужчинъ въ плащахъ и андалузскихъ шляпахъ: на ночныя бесѣды у оконъ и балконовъ непремѣнно ходятъ въ простонародномъ костюмѣ. Мужчина, при вашемъ приближеніи, заворачивается въ плащъ такъ, что закрываетъ имъ свое лицо; разговоръ прервался — и проходя мимо окна, вы увидите въ сторонѣ его два сверкающихъ глаза... глаза андалузки и въ темнотѣ сверкаютъ! Но остерегайтесь по нѣскольку разъ проходить передъ окномъ, у котораго идетъ таинственная бесѣда, васъ могутъ принять за подсматривающаго соперника, а здѣсь никто не ходитъ на ночное свиданіе, не запасаясь стилетомъ или, по крайней мѣрѣ, ножомъ. Даже ночные патрули уважаютъ кавалеровъ ночи, позволяя себѣ только невинныя остроты на ихъ счетъ. Мать знаетъ, что дочь ея разговариваетъ по ночамъ у окна съ молодымъ человекомъ; дочь говоритъ, что это ея повіо — женихъ. Большая часть браковъ составляется посредствомъ этихъ ночныхъ разговоровъ; случается, что инны разговариваютъ по цѣлому году и послѣ женятся, выдавая только или у окна, или въ церкви. Если повіо отсталъ, на дѣвушку это не бросаетъ ни малѣйшей тѣни, да и на его мѣсто тотчасъ же является другой. Сколько иностранцевъ, пріѣхавъ сюда на недѣлю, заживаются здѣсь по году и болѣе, между тѣмъ какъ въ Севильѣ, кромѣ «бѣга быковъ» и плохого театра, нѣтъ никакихъ развлеченій. Но эти нравы имѣютъ столько романтической прелести, въ этихъ чудныхъ женщинахъ столько потребности любить, и я понимаю, какъ въ двадцать лѣтъ, при горячей крови, пыломъ, увлекающемъ сердцѣ, и если при этомъ стремленіе къ наслажденіямъ преобладаетъ надъ всѣми другими стремленіями, — я понимаю, какъ можно въ Севильѣ прожить цѣлые годы въ самомъ блаженномъ снѣ, который, право, стоитъ многихъ другихъ, *дѣловыхъ* сновъ... Я знакомъ здѣсь съ однимъ молодымъ американцемъ изъ Новаго Орлеана: онъ пріѣхалъ взглянуть на Севилью, — и живетъ здѣсь уже восьмой мѣсяцъ. Онъ любитъ и любимъ. Мать запретила даже его любезной сидѣть

по ночамъ у окна, оконная рама была задѣлана желѣзомъ, но дочь все-таки нашла средство видѣться съ нимъ... Правда, что здѣсь нѣтъ ничего легче, какъ познакомиться съ дѣвушкою и получить отъ нея свиданіе у окна, но между этого рода сближеніемъ и ея любовью—далеко. Первое есть, можетъ быть, не болѣе, какъ страшное средство раздражить чувственность и привязанность, чтобъ заставить жениться; другое... да другое не требуетъ объясненій»...

IX.

Историческій сонъ.—Гиральда.—Домъ Пилата.

Я воротился въ отель, и подѣ впечатлѣніями всего видѣннаго днемъ, а главное—передуманнаго и пережитаго, подѣ сверленіе въ мозгу, какъ выразился Герценъ, «новыхъ мыслей» и «старыхъ картинъ», я никакъ не могъ принудить себя идти въ постель: сонъ бѣжалъ отъ меня...

На улицѣ почти-почти такое же движеніе, какъ было и въ началѣ вечера: только волна обратная—всѣ возвращаются съ alameda. Гдѣ-то не далеко, должно быть въ лѣвомъ переулочкѣ, звенитъ гитара; но ни «кавалера ночи», ни «сверкающихъ въ темнотѣ глазъ» не видно.—Вонъ прощаются, снимаютъ шляпы, жмутъ руки—мантілья спадаетъ съ головы... Улица мало-помалу пустѣетъ. Хлопаютъ изрѣдка оконныя рамы, двери балконовъ. Изъ магазиновъ уже не льются на улицу свѣтловыя полосы—газъ потушенъ. Все тише и тише на улицѣ и въ городѣ. Севилья засыпаетъ.

А я продолжаю сидѣть на балконѣ—нейдетъ сонъ. Смотрю на звѣзды. Какія онѣ яркія здѣсь. Только южный край неба какъ бы приподнялся надъ горизонтомъ, надъ темными силуэтами домовъ Севильи. Тамъ другія созвѣздія—незнакомыя. Чьи-то каблучки ровно и гулко стучать по мостовой. Темная фигура, закутанная альмавивой, идетъ по направленію къ площади. Не подѣ окно ли?—И въ моемъ мечтательно и грустно настроенномъ воображеніи воскресаетъ старая, почти еще мавританская Севилья... Мавританскую совсѣмъ и представить даже трудно... Другая темная фигура въ плащѣ проходитъ въ другомъ направленіи: идетъ подѣ окно, думаю. Мнѣ припоминается другое окно, историческое, за нѣсколько сотъ лѣтъ передъ этимъ—и тутъ, въ Севильѣ...

...Въ горахъ Морены ночь и буря. Горный дождь льетъ какъ

изъ ведра. Слышенъ охотничій рогъ — ясно, кто-то заблудился. Отвѣта на призывъ не слышно. Опять трубятъ — опять нѣтъ отвѣта. Горный ручей грохочетъ бѣшено: чрезъ него нельзя переѣхать заблудившемуся всаднику. Но за ручьемъ виднѣнъ огонекъ. Кто-то приближается на зовъ. Спрашиваютъ: кто трубить? — Заблудившійся охотникъ, отвѣчаютъ. Пришедшіе помогаютъ всаднику перебраться черезъ ручей. Вотъ близко и домъ — его зовутъ обогрѣться, просушить промокшее платье и переночевать. Охотникъ принимаетъ приглашеніе. Его вводятъ въ домъ. Хозяйка и дочка — ужъ конечно прехорошенькая андалузка — встрѣчаютъ гостя любезно, даютъ ему сухую одежду, а мокрую уносятъ просушить и вычистить. Хозяинъ кормитъ гостя ужиномъ, служить ему. Разговоръ заходитъ о Севильѣ — охотникъ оказывается оттуда. Спрашиваетъ хозяина, часто ли онъ бываетъ въ столицѣ. Тотъ отвѣчаетъ, что неохотно ѣздитъ туда, что тамъ безнаказанно грабятъ по ночамъ на улицахъ и убиваютъ, а король донъ-Педро ничего этого не знаетъ, потому что губернаторъ потакаетъ знатымъ разбойникамъ, что въ Севилью нужно честнаго губернатора. Утромъ гость уѣзжаетъ, вполне довольный гостеприимствомъ, а донъ-Базиліо (назовемъ такъ хозяина) провожаетъ его на своемъ осликѣ до большой севильской дороги. Черезъ нѣсколько дней изъ столицы къ донъ-Базиліо гонецъ отъ короля — требуетъ къ себѣ. Ѣдетъ донъ-Базиліо, напутствуемый слезами жены и дочки. Приѣхалъ въ Севилью — прямо къ Алькасару. Вводятъ донъ-Базиліо къ королю. Онъ такъ и обмеръ, какъ увидалъ: заблудившійся охотникъ былъ — самъ король донъ-Педро Жестокій. — Ты говорилъ мнѣ, что Севильѣ нуженъ честный губернаторъ, говоритъ король: я назначаю тебя губернаторомъ Севильи. Назначилъ. Донъ-Базиліо оказался образцовымъ градоправителемъ. Разбой прекратились. Въ Севильѣ тихо. Но вотъ разъ доносятъ губернатору, что лучшаго изъ его патрулей нашли ночью убитымъ подъ балкономъ, подъ тѣмъ самымъ, на которомъ я теперь сижу и люблюсь сонною Севильей. Губернаторъ встревоженъ. Полиція съ ногъ сбилась въ поискахъ за убійцей; но убійца какъ въ воду канулъ. Король требуетъ найти убійцу — грозитъ губернатору. Донъ-Базиліо видитъ свою гибель — король жестокъ, неумолимъ. Но въ это время къ нему является молодой андалузецъ, его сосѣдъ по горамъ — Антоніо, и говоритъ, что онъ знаетъ убійцу и можетъ указать на него публично, что убійца этотъ въ Севильѣ... При этомъ онъ сообщаетъ донъ-Базиліо свою тайну... Назначается судъ. Всѣ судьи въ сборѣ, вся Севилья сошлась на невиданное судилище: судятъ убійцу, кото-

раго имени никто изъ судей не знаетъ—никто кромѣ губернатора. Донъ-Базиліо посылаетъ звать на судъ короля. Всѣ судьи въ ужасѣ и Севилья въ ужасѣ. Скоро является и гордый донъ-Педро-Жестокій.—Кого обвиняютъ?—Ваше величество—вотъ обвинитель. Выступаетъ Антонио и обвиняетъ короля въ лицо. Доказательства неопровержимыя. Король стоялъ ночью подъ балкономъ такого-то дома и слушалъ шпагой въ рѣшетку ратіо. Часовой патруль, проходя мимо, попросилъ «кавалера ночи» не стучать, не беспокоить сосѣдей. «Кавалеръ ночи» — это былъ самъ король донъ-Педро, любившій ночныя походы, несмотря на то, что у него въ Алькасарѣ сидѣла прелестная Марія Падилля,—выхватываетъ изъ ноженъ шпагу и закалываетъ часового. Всѣ въ трепетѣ. По законамъ этого же самаго короля донъ-Педро, убійца наказывается отсѣченіемъ головы, *кто бы онъ ни былъ*. Донъ-Базиліо приговариваетъ своего короля къ отсѣченію головы. Но донъ-Базиліо, какъ и тотъ, что въ «Севильскомъ цирюльничѣ», былъ человекъ ловкій. У него уже готова была восковая кула въ ростъ короля и какъ двѣ капли на него похожая. Она сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ подъ чернымъ покровомъ. Палачъ снимаетъ покровъ, отрубаетъ голову кула... Картина... Всѣ остаются довольны...

Оказалось, что, предавшись историческимъ воспоминаніямъ, я вздремнулъ на балконѣ и видѣлъ этотъ историческій сонъ, который историки считаютъ правдой.

На другой день я съ самаго ранняго утра уже бродилъ по городу, пока солнце не успѣло еще накалить ни мостовыхъ, ни воздуха. При всемъ томъ было очень жарко. Прежде всего я направился къ Гвадалевивиру, который омываетъ западную часть города и отдѣляетъ его отъ предмѣстья или отъ зарѣчной части, называемой Триана. Я вышелъ къ самому бойкому мѣсту Гвадалевивира, значительно ниже моста, соединяющаго Севилью съ Трианой. На набережной Гвадалевивира шло оживленное движеніе. Не видавъ этой рѣки, я, по свойственному мнѣ легкомыслію, предполагалъ, что Гвадалевивиръ только «бѣжитъ» и «шумитъ», какъ обыкновенная горная рѣка. Но оказывается что онъ «бѣжитъ-шумитъ» только въ горахъ вслѣдствіе своей вѣтренности и ничтожества; а здѣсь, въ Севильѣ—это солидная, огромная рѣка, по которой ходятъ огромные морскіе пароходы, и я не мало видѣлъ ихъ у пристани; массою воды, площадью моряго сѣченья, какъ выражаются инженеры, онъ вѣроятно превосходитъ Неву, хотя вода въ немъ, какъ въ Тахо и Мансанаресѣ—мутна до отвращенія, желта какъ разведенная глина; на что мутна

вода въ Курѣ и Арагѣ, но въ Гвадалевивирѣ она еще мутнѣе. На набережной шла оживленная работа, пароходы грузились и разгружались, лебедки звонко кричали своими желѣзными цѣпами, машины ревели то высокимъ, то низкимъ давленіемъ пара. Я подошелъ къ знаменитой въ исторіи Кастиліи Torre de Ogo—къ «золотой башнѣ». Она такая же золотая, какъ и «золотыя ворота» въ Кіевѣ. По преданію, она принадлежала еще римлянамъ; но фаянсовый куполъ ея—вѣроятно, дѣло рукъ уже арабовъ, потому что на Востокѣ вы часто встрѣчаете такіе куполы на мечетяхъ. Теперь въ этой башнѣ помѣщается контора навигаціи, а когда-то донъ-Педро-Кастильскій хранилъ въ ней свои сокровища.

Отъ Torre del Ogo я пошелъ вверхъ берегомъ Гвадалевивира. Вправо высилась круглая громада: это была plaza de Togos—арена торреадоровъ. Снаружи этотъ бычачій циркъ напоминаетъ римскій колизей, но конечно не въ примѣръ ничтожнѣе его—меньше, ниже и довольно грубой архитектуры. Нижний этажъ этого зданія, къ наружной сторонѣ, занятъ заведеніями столяровъ, бочаровъ и другихъ подобныхъ дѣльцовъ, которые стучатъ и гремѣть точно въ Сундучномъ ряду у насъ въ бѣлокаменной. Восточная часть зданія была полуразрушена ураганомъ 1805 года, и съ этой стороны оно кажется гораздо грандіознѣе: послѣ разрушенія стѣны не были уже подняты въ этой части до высоты остальныхъ трехъ, а только подстроены, и отъ этого все зданіе выиграло въ картинности.

Отсюда я черезъ мостъ отправился въ Триану, гдѣ живутъ мастеровые и севильскіе цыгане—«гитаны» (gitanos). Но признаюсь—ужасная вонь и духота въ тѣхъ трущобахъ, въ которыя я попалъ, выгнали меня изъ этого пекла.

Я воротился въ городъ. Мнѣ хотѣлось еще побывать въ соборѣ. На этотъ разъ я засталъ въ немъ больше посѣтителей, чѣмъ вчера; но это были не богомольцы, а такіе же «валики переходящіе», какъ и я. Англичанинъ съ бѣлыми косами вмѣсто бавенбарда былъ тамъ же, но онъ уже былъ не одинъ, а съ бѣлокурой дѣвочкой—подросткомъ (я ихъ видѣлъ вчера и въ Алькасарѣ, и еще смѣялся, какъ дѣвочка улепетывала отъ бѣжавшихъ за нею фонтановъ). Служили въ другомъ придѣлѣ, и хотя служба не отличалась благовучіемъ, но могучій голосъ органа невольно входилъ въ душу умиленіемъ.

Вчера я почему-то случайно обошелъ замѣчательныя произведенія Мурильо и, по отзыву знатоковъ, высочайшія въ мірѣ, не исключая и Рафаэля, проявленія могущества кисти въ ру-

кахъ геніальнаго мастера. Это—святѣйшій Исихоръ и св. Леандръ. Что въ этихъ произведеніяхъ великаго—я не сумѣю передать: но что эти фигуры не на полотнѣ, а въ полотнѣ, и эти святые стоятъ передъ вами, окруженные воздухомъ и дышатъ вотъ какъ эта дѣвочка—я это самъ видѣлъ. Точно такъ же я видѣлъ въ Римѣ, въ храмѣ Петра, въ той «криптѣ» среди самаго храма, гдѣ погребенъ Пій V,—я видѣлъ, какъ бѣлый старикъ стоитъ на волѣнкахъ и молится, поднявши руки—и руки у него дрожатъ... А это старикъ мраморный (работы геніальнаго Кановы)—и я самъ видѣлъ, какъ у мраморнаго старика дрожатъ руки и голова:—такова иллюзія, вызываемая геніальнымъ произведеніемъ.

Еще дордою въ Севилью ѣхавшая со мною изъ Мадрита до Кордовы французская чета говорила мнѣ, что при посѣщеніи севильскаго собора, послѣ осмотра его внутреннихъ сокровищъ, слѣдуетъ взойти и на Гиральду, чтобы видѣть все непостижимое очарованіе роскошнѣйшей въ мірѣ панорамы, какая развертывается передъ вами на всѣ четыре страны свѣта съ высоты башни. Хотя послѣ несчастнаго восхожденія на Араратъ я чувствую нѣкоторое «уваженіе и робость» передъ всѣми высотами, однако въ душѣ у меня не угасла страсть въ этимъ восхожденіямъ горъ, къ волнующему нервы вознесенію надъ землею. И я не устоялъ—рѣшился подняться на Гиральду, тѣмъ болѣе что туда направился и длинный англичанинъ въ желтыхъ башмакахъ и съ дѣвочкой. Дѣвочка можетъ — отчего жъ я не могу. Да и какая высота Гиральды! — всего 95 метровъ, около 50 сажень: а мы и на 3,000 сажень высоты хаживали.

Дѣйствительно, восхожденіе довольно легкое, покатое, спиралью. Грудь не дѣлаетъ особенныхъ усилій, легкія работаютъ безъ напряженія, легче, чѣмъ на иной петербургской лѣстницѣ въ сорокъ-сороковъ ступеней. Севилья все картиннѣе и шире раскидывается у вашихъ ногъ. Готическія, островерхія съ тѣмъ-то въ родѣ изоляторовъ у телеграфнаго столба, башни и куполы малопомалу утрачиваютъ свою высоту и кажутся мальчишками у ногъ великана. Изъ-за plaza de Togos робко выглядываетъ Гвадалквивиръ, поблескивая на солнцѣ мутными струями, словно движущаяся тканью. Алькасаръ и его зеленые сады уже подъ ногами. Вотъ и павильонъ «Карло-Кинто», вонъ подъ тѣми апельсиновыми деревьями я курилъ, а меня пчелы обсыпали флёръ-д'оранжемъ. Вонъ тамъ за этой дѣвочкой гнались фонтаны, точно играли въ горѣлки. Вся роскошная долина Гвадалквивира до горъ, до сіерра-Морены и на югъ до Хереса, до

Кадикса и почти до океана—передъ глазами. Далеко-далеко лиловѣть Морена, а лѣвѣе въ недосыгаемую даль тянутся другія лиловыя горы, должно быть сіерра-Невада. Alameda del Duque, гдѣ я вчера толкался въ морѣ «черныхъ женщинъ» и слушалъ, кажется такую маленькую. За нею тянется alameda de Hercules. Вонъ тотъ оливковый холмъ, вверхъ по Гвадалевиву, гдѣ бѣгали маленькіе Траянъ, Адрианъ и Θεодосій, не подозревая, что о нихъ будетъ вспоминать черезъ тысячи лѣтъ какой-нибудь гипербореецъ, затесавшійся сюда изъ холодной страны гоговъ и магоговъ, залепанныхъ Александромъ Македонскимъ въ гиперборейскихъ горахъ... Панорама роскошная, чарующая.

Но куда до панорамы Арарата, даже Чатырдага, даже Машуки! куда до панорамы съ вершины пирамиды Хеопса!.. Впрочемъ, нѣтъ — въ этой, кажется, больше прелести, изящества, чего-то невыразимо сверкающаго, освѣщающаго душу. Съ Арарата — страшная панорама, подавляющая. Да за то же какая и высота, какая даль! — Съ Чатырдага вась обольщаетъ картина трехъ голубыхъ морей, да плавающія у вась подъ ногами группами легкихъ облачковъ. — Съ Машуки — видъ на снѣговой Эльбурсъ и на всю цѣпь кражей Кавказа. Съ пирамиды Хеопса вы смотрите очами «сорока вѣковъ» — эти вѣка вась пугаютъ и умиляютъ, а тамъ — «пирамида, еще пирамида, и еще, и еще», и въ довершеніе угрюмая Сахара. — А здѣсь, какъ сказалъ бы покойный В. Боткинъ, вы смотрите при дневномъ свѣтѣ въ «сверкающіе глаза» севилянки — такова долина Гвадалевива съ высоты Гиральды.

Послѣ скитанья по городу и по собору и послѣ восхожденія на Гиральду, я чувствовалъ необходимость отдыха. Источникомъ утомленія, впрочемъ, былъ африканскій зной, стоявшій въ Севильѣ да и на всемъ югѣ Испаніи въ концѣ марта.

Отдохнувъ и освѣжившись въ отелѣ, я отправился взглянуть еще на одну достопримѣчательность Севильи, о которой мнѣ тоже говорили французы изъ Бордовы. Это былъ такъ-называемый «домъ Пилата» (casa de Pilatos). Такъ какъ онъ находится довольно далеко отъ моего отеля, то я и взялъ извозчика.

Оказалось, что «домъ Пилата» — прекрасная, изящная затѣя, но все же не удовлетворяющая художественной правдѣ. Вѣрно, по этому самому, при разсматриваніи этого изящнаго архитектурнаго фокуса, мнѣ невольно вспомнился нашъ кобзарь Вересай, который поетъ извѣстную пѣсню о томъ, какъ женился щегленокъ и какъ у него на свадьбѣ отличалась среди другихъ птиць синица —

Молода синица,
Прекрасная, ужасная
Горобца сестрица...

Такова же «прекрасная» и «ужасная» затѣя воспроизвести домъ Пилата въ Севильѣ. Кто былъ въ Іерусалимѣ и видѣлъ такъ-называемый домъ Пилата, тотъ пойметъ, что если ужъ воспроизводить столь притязательно искаженные остатки исторической святыни, то надо дѣлать это такъ, какъ англичане воспроизвели въ своемъ «хрустальномъ дворцѣ» знаменитую Альгамбру — создали вѣрнѣйшую архитектурную копію.

А здѣсь, «домъ Пилата» — это чистая фантазія художника. Домъ этотъ имѣетъ роскошнѣйшее ratio, роскошнѣе котораго нѣтъ во всей Севильѣ: чудныя мраморныя арки, колонны, галереи на 24-хъ аркадахъ подъ фаянсъ съ 24-ми бюстами цезарей и другихъ историческихъ лицъ; посреди «пасіо» богатый фонтанъ; тамъ же капелла съ коніей того камня, на которомъ Христосъ претерпѣлъ мученія. Но за то есть тамъ и воображаемая «преторія», и то мѣсто, гдѣ «трикраты пѣтель возгласи», когда Петръ отрекся отъ своего учителя. Есть даже балконъ, съ котораго Пилатъ показывалъ Христа народу — и изысканный балконъ этотъ выходитъ на площадь. Я видѣлъ въ Іерусалимѣ то, что называютъ «аркою Пилата», скорѣе — окномъ въ узенькой аркѣ, перекинутой черезъ узенькую, тѣсную улочку, «страстей», черезъ «скорбный путь» — *via dolorosa*. Это не то, далеко не то.

Д. Мордовцевъ.

ОСАДА ЛОНДОНА

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ, СОЧИН. ГЕНРИ ДЖИМСА-МЛАДШАГО.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ *).

VI.

Святая недѣля была въ этомъ году, въ Англіи, необыкновенно ясная; теплые живительные солнечные лучи ускорали наступленіе весны. Высокія, густыя живыя изгороди въ Уорвикширѣ представляли собою зеленныя стѣны, увитыя цвѣтами, а превосходныя деревья, выставившіяся изъ-за изгородей съ правильностью, напоминавшей консервативные принципы Англіи, тоже одѣлись зеленой листвою. Рупертъ Уотервилъ, преданный своимъ обязанностямъ и неуклонно посѣщавшій свое посольство, получилъ возможность воспользоваться сельскимъ гостепріимствомъ, этимъ великимъ изобрѣтеніемъ англійскаго народа, которое служитъ наилучшимъ выраженіемъ его характера. Его приглашали повсюду—въ Лондонѣ онъ начиналъ пользоваться славой весьма умнаго молодого человѣка, — и ему пришлось отказываться отъ многихъ приглашеній, такъ какъ онъ не успѣвалъ быть вездѣ, куда его звали. Но для него было новинкой пребываніе въ одномъ изъ тѣхъ прекрасныхъ, старинныхъ домовъ, окруженныхъ наслѣдственными полями, о которыхъ, съ самаго своего прибытія въ Англію, онъ думалъ съ такимъ любопытствомъ

*) См. „Вѣстникъ Европы“ январь, 277 стр.

и завистью. Уотервилъ тогда же рѣшилъ, что погостить тамъ какъ можно дольше, но дѣло въ томъ, что онъ не любилъ ничего дѣлать второпяхъ или когда былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ, какъ въ настоящую минуту, когда его занимало дѣло, представлявшееся ему очень важнымъ. Онъ держалъ провинцію въ резервѣ, и собирался познакомиться съ нею послѣ того какъ нѣсколько больше освоится съ Лондономъ. Но тѣмъ не менѣе принялъ, не колеблясь, приглашеніе пріѣхать въ Лонглендсъ, полученное имъ въ простой и безцеремонной запискѣ отъ леди Дименъ, съ которою онъ не былъ знакомъ. Онъ зналъ объ ея возвращеніи изъ Канна, гдѣ она провела всю зиму, такъ какъ прочиталъ объ этомъ въ одной изъ воскресныхъ газетъ. Но его нѣсколько удивилъ тонъ ея записки. «Любезный м-ръ Уотервилъ, — писала она, — сынъ говорилъ мнѣ, что, быть можетъ, вамъ можно будетъ пріѣхать къ намъ 17 числа, денька на два, на три. Если такъ, то вы доставите намъ большое удовольствіе. Мы можемъ общать вамъ общество вашей прелестной соотечественницы, миссисъ Гедвей».

Онъ уже видѣлся съ этой миссисъ Гедвей. Она написала ему за двѣ недѣли передъ тѣмъ изъ занимаемаго ею отеля въ Коркъ-Стритъ, сообщая, что она пріѣхала въ Лондонъ и была бы очень рада его видѣть. Онъ отправился къ ней, дрожа отъ страха, что она попроситъ его представить ее посланнику, но былъ пріятно изумленъ тѣмъ, что она объ этомъ и не заикнулась. Она провела зиму въ Римѣ и пріѣхала оттуда прямо въ Англію, остановившись по дорогѣ въ Парижѣ всего лишь на нѣсколько дней, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ. Она очень пріятно провела время въ Римѣ, гдѣ нашла много друзей; она увѣряла его, что перезнакомилась съ половиной римской знати.

— Они премилые люди, — говорила она, — у нихъ только одинъ недостатокъ; они слишкомъ засиживаются въ гостяхъ.

И въ отвѣтъ на его вопросительный взглядъ, пояснила:

— Я говорю про ихъ визиты. Они пріѣзжали ко мнѣ каждый вечеръ и оставались до слѣдующаго дня. Всѣ они графы и князья. Я угощала ихъ сигарами... У меня было столько знакомыхъ, сколько угодно, — прибавила она, черезъ секунду, читавъ быть можетъ въ глазахъ Уотервила сочувствіе какъ и тогда, когда онъ, за полгода передъ тѣмъ, слушалъ ея рассказъ о фіалкѣ въ Нью-Йоркѣ.

— Тамъ было пропасть англичанъ; я была знакома со всѣми и намѣрена навѣстить ихъ также и здѣсь. Американцы ждали, какъ со мной поступятъ англичане, чтобы сдѣлать какъ разъ про-

тивуположное. Благодаря этому, я была избавлена отъ многихъ уродовъ. Вы знаете, что вѣдь между ними есть страшные уроды. Кромѣ того, въ Римѣ, общество и не нужно для того, кто способенъ понимать прелесть развалинъ и Кампаньи; я восхищалась Кампаньей и вѣчно бродила по разнымъ мрачнымъ старымъ церквамъ. Это мнѣ напоминало окрестности Санъ-Діега... только не церкви, конечно. Мнѣ пріятно было думать обо всемъ этомъ, когда я каталась, я постоянно думала о прошломъ.

Но въ настоящее время, однако, миссисъ Гедвей совсѣмъ отвернулась отъ прошлаго и вся отдалась настоящему. Она желала, чтобы Уотервиль научилъ ее, какъ ей жить. Что ей дѣлать? нанять ли домъ, или оставаться въ отелѣ? ей кажется, что будетъ лучше нанять домъ, если она найдетъ хорошій. Максъ собирается поискать для нея домъ, и она предоставила ему это дѣло, такъ какъ онъ прислалъ ей такой прекрасный домъ въ Римѣ. Она ни слова не сказала про сѣра Артура Димена, который, какъ казалось Уотервиллю, долженъ былъ бы быть ея естественнымъ руководителемъ и совѣтчикомъ; онъ подумалъ про себя: неужели ихъ сношенія порваны. Уотервиль встрѣчалъ его раза два со времени открытія парламента, и они общались нѣсколькими словами, причемъ, само собой разумѣется, имя миссисъ Гедвей не упоминалось. Уотервиль былъ отозванъ въ Лондонъ какъ разъ послѣ эпизода, котораго ему довелось быть свидѣтелемъ на дворѣ отеля Мѣрисъ. Дальнѣйшее ему сообщилъ Литльморъ, который вдругъ нашелъ причину, чтобы уѣхать въ Америку, и на пути туда заѣхалъ въ британскую столицу. Литльморъ сообщалъ, что миссисъ Гедвей въ восторгѣ отъ леди Дименъ и не находитъ словъ для восхваленія ея доброты и обходительности.

— Она сказала мнѣ, что ей пріятно познакомиться съ друзьями ея сына, говорила миссисъ Гедвей; а я отвѣчала ей, что очень рада познакомиться съ матерью моего друга. Я бы пожелала быть старухой, еслибы могла быть такой, какъ она, — прибавила миссисъ Гедвей, забывая въ ту минуту, что сама не далеко ушла отъ лѣтъ матери сѣра Артура, будучи значительно его старше.

Какъ бы то ни было, а мать съ сыномъ уѣхали вмѣстѣ въ Каннъ, и въ этотъ же моментъ и Литльморъ получилъ письма изъ дому, вынудившія его ѣхать въ Америку. Такимъ образомъ, миссисъ Гедвей была предоставлена самой себѣ, и онъ боялся, что она очень скучала, хотя м-съ Бегшо и сдѣлала ей визитъ. Въ ноябрѣ она отправилась въ Италію, но не черезъ Каннъ.

— Что будетъ она дѣлать въ Римѣ, какъ вы думаете? — спрашивалъ Уотервилъ, воображеніе котораго отказывалось служить ему въ этомъ случаѣ, такъ какъ онъ еще не бывалъ въ стѣнахъ семихолмнаго города.

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія, да и не забочусь объ этомъ! — прибавилъ Литльморъ черезъ минуту.

Прежде чѣмъ, оставить Лондонъ, онъ сообщилъ Уотервилю, что миссисъ Гедвей, когда онъ прощался съ нею въ Парижѣ, сдѣлала новое и довольно неожиданное нападеніе на него.

— Я рѣшительно обязанъ найти ей доступъ въ общество, говорила она; она не можетъ и подумать, чтобы я уѣхалъ, не пошевеливъ пальцемъ для нея. И взывала ко мнѣ именемъ... Право, я даже не знаю, какъ это передать.

— Попытайтесь, однако; я буду вамъ за это очень благодаренъ, — отвѣчалъ Уотервилъ, постоянно напоминавшій самому себѣ, что американцы въ Европѣ были для человѣка въ его положеніи въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы овцы для пастуха.

— Представьте! — именемъ той привязанности, какую мы нѣкогда питали другъ къ другу.

— Привязанности?

— Она была такъ добра, что употребила это самое слово. Но я отрекся отъ этой чести. Если называть привязанностью времяпрепровожденіе мужчинъ съ различными особами женскаго пола, то...

И Литльморъ умолялъ, не опредѣлять результатовъ такого обязательства. Уотервилъ старался представлять себѣ, что вышло бы изъ этого, а пріятель его отправился въ Нью-Йоркъ, не сказавъ ему, въ концѣ-концовъ, какимъ образомъ онъ отразилъ нападеніе миссисъ Гедвей.

На Рождествѣ Уотервилъ узналъ о возвращеніи сэра Артура въ Англію; онъ былъ глубоко убѣжденъ, что баронетъ не ѣздитъ въ Римъ. По его теоріи выходило, что леди Дименъ очень умная женщина, — настолько умная, чтобы заставить сына дѣлать то, что ей угодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздить его, что поступая такимъ образомъ, онъ исполняетъ свою собственную волю. Она выказала политичность и уступчивость, отправившись съ визитомъ къ миссисъ Гедвей; но познавшевшись съ ней и увидѣвъ, съ какой женщиной имѣетъ дѣло, рѣшила покончить со всѣмъ этимъ. Она была добра и пріятлива, какъ говорила миссисъ Гедвей, потому что въ данную минуту это было всего благоразумнѣе; но ея первый визитъ долженствовалъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ. Она была добра и пріятлива, но сердце

ей одѣто было бронею, и если бѣдная миссисъ Гедвей пріѣхала въ Лондонъ, воображая, что разныя неопредѣленные обѣщанія могутъ осуществиться, то ее ожидало горькое разочарованіе. Онъ порѣшилъ съ самимъ собой, что хотя онъ и пастырь, а миссисъ Гедвей одна изъ его овецъ, но въ настоящія его обязанности совсѣмъ не входитъ опека надъ нею, тѣмъ болѣе, что миссисъ Гедвей забиралась слишкомъ высоко. Онъ вторично видѣлся съ нею, и она опять ни слова не сказала о сэрѣ Артурѣ. Уотервиль, у котораго всегда бывала въ запасѣ теорія, говорилъ самому себѣ, что она выжидастъ, и что баронетъ еще не навострилъ лыжи. Она переехала въ свой домъ; курьеръ нашелъ ей настоящую жемчужину въ Честерфильдъ-Стритѣ, на Майферъ. Эта жемчужина стоила вообще того, что стоятъ жемчужины.

Послѣ всего этого, Уотервиль былъ сильно удивленъ той запиской лэди Дименъ, и отправился въ Лонглендсъ почти съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ въ Парижѣ отправился на первыя представленія новыхъ пьесъ. Ему казалось, что по счастливой случайности онъ получилъ *«un billet d'auteur»*.

Ему пріятно было пріѣхать въ англійскій деревенскій домъ вечеромъ. Ему нравился переѣздъ со станціи въ сумерки,—видъ полей и коттеджей, смутно рисовавшихся въ дали, стукъ колесъ по дорогѣ, усаженной деревьями, которая извивалась и часто заворачивала то въ одну, то въ другую сторону, пока не привела его наконецъ къ цѣли его назначенія: къ большому сѣрому фасаду дома съ горѣвшими въ темнотѣ окнами, и къ подъѣзду котораго вела усыпанная крупнымъ пескомъ аллея.

Фасадъ Лонглендса, строгаго стиля, имѣлъ величественный и парадный видъ; его считали твореніемъ сэра Кристофера Врена. По бокамъ шли полукругомъ флигеля со статуями, помѣщенными на карнизахъ, такъ что въ полумракѣ зданіе походило на итальянскій дворецъ, выросшій по мановенію волшебнаго жезла среди англійскаго парка. Уотервиль, пріѣхавъ съ вечернимъ поѣздомъ, имѣлъ всего лишь двадцать минутъ времени, чтобы переодѣться къ обѣду. Онъ гордился умѣньемъ быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо одѣваться. Но второпяхъ ему некогда было подумать о томъ, достойна ли званія секретаря посольства отведенная ему комната. Выходя изъ нея, онъ узналъ, что въ домѣ находится посланникъ, и это открытіе навело его на неспріятныя размышленія. Онъ молча рѣшилъ, что ему отвели бы лучшее помѣщеніе, еслибы не пребываніе посланника, который, очевидно, имѣлъ первенство передъ нимъ.

Большой, ярко освѣщенный домъ переносилъ мысленно въ

прошлое столѣтіе и напоминалъ о чужеземныхъ вкусахъ своими свѣтлыми стѣнами, высокими, сводчатыми потолками, съ блѣдыми мнѳологическими фресками, рѣзными дверями, убитчанными старинными французскими панелями, полинявшими драпировками и нѣжной шелковой тканью, которой была обита мебель, груды стариннаго китайскаго фарфора, среди котораго особенно бросались въ глаза громады вазы съ красными розами.

Гости уже собрались къ обѣду въ главную залу, гдѣ горѣлъ яркій огонь въ каминѣ, и компанія была такъ многочисленна, что Уотервиль боялся, что приметъ послѣднимъ. Лэди Дименъ подарила его улыбкой и легкимъ пожатіемъ руки. Она казалась очень спокойной, ничто особеннаго ему не сказала и общалась съ нимъ такъ, какъ если бы онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ ея дома. Уотервиль самъ не зналъ, сердиться или радоваться, но хозяйка нисколько не заботилась о томъ, нравится ему ея обращеніе или нѣтъ, и оглядывала своихъ гостей такъ, точно она считала: всѣ ли они налицо. Хозяинъ дома разговаривалъ съ какой-то дамой у камина; увидя Уотервиля, онъ крикнулъ ему черезъ всю комнату: — какъ поживаете? — съ такимъ видомъ какъ будто бы онъ восхищенъ, что его видитъ.

У хозяина никогда не бывало такого вида въ Парижѣ, и Уотервиль пришлось убѣдиться въ истинѣ того, что онъ неоднократно слышалъ, а именно, что англичане гораздо милѣе въ обращеніи у себя дома. Лэди Дименъ снова повернулась къ нему съ неопредѣленной, кроткой улыбкой, которая какъ будто застыла у нея на губахъ.

— Мы дожидаемся миссисъ Гедвей, — сказала она.

— А! — она пріѣхала?

Уотервиль какъ будто совсѣмъ про нее позабылъ.

— Она пріѣхала въ половинѣ пятаго. Въ шесть пошла одѣваться. Вотъ уже два часа какъ совершаетъ свой туалетъ.

— Будемъ надѣяться, что результатъ будетъ соответствовать усиліямъ, — замѣтилъ Уотервиль, улыбаясь.

— О, результатъ! не знаю, — пробормотала лэди Дименъ, не глядя на него; и въ этихъ простыхъ словахъ Уотервиль усмотрѣлъ подтвержденіе своей теоріи о томъ, что она ведетъ глубокомысленную игру. Онъ подумалъ: неужели ему придется сидѣть за столомъ рядомъ съ миссисъ Гедвей, и при всемъ своемъ восхищеніи прелестями этой дамы, пожеласть себѣ въ сосѣднѣ кого-нибудь другаго. Въ эту самую минуту передъ его глазами предстали результаты туалета, длившагося два часа. Миссисъ Гедвей появилась на лѣстницѣ, спускавшейся въ главную залу, и пу-

блика, благодаря возвышенію, на которомъ она находилась и съ котораго медленно спускалась, успѣла разсмотрѣть ее вполнѣ. Уотервиль, глядя на нее, почувствовалъ, что настоящій моментъ имѣетъ капитальную важность: фактически она вступала теперь въ англійское общество. Миссисъ Гедвей совершала это вступленіе очень хорошо, съ очаровательной улыбкой на губахъ и волоча за собой трофей, добытые въ улицѣ de la Paix. Шелестъ ея платья былъ ясно слышенъ. Взоры всѣхъ гостей обратились въ ея сторону, и разговоры, которые и безъ того не были оживлены, почти совсѣмъ затихли. Она была никому неизвѣстна, и съ ея стороны было нѣсколько безцеремонно заставлять себя ждать, хотя быть можетъ это случилось только потому, что она никакъ не могла разстаться съ зеркаломъ, въ которое глядѣлась, когда одѣвалась. Она, конечно, сознавала всю важность настоящей минуты, и Уотервиль былъ увѣренъ, что сердце ея сильно бьется. Совсѣмъ тѣмъ, она храбро держала себя и улыбалась съ спокойной увѣренностью женщины, привыкшей, чтобы ею любовались. Во всякомъ случаѣ ее могло поддержать сознаніе, что она хороша собой, и дѣйствительно въ настоящую минуту красота ея имѣла въ себѣ даже нѣчто побѣдоносное. Лэди Дименъ пошла ей на-встрѣчу; сэръ Артуръ не обратилъ на нее вниманія, а Уотервиль повелъ къ столу жену одного духовнаго лица, которой лэди Дименъ представила его съ этою цѣлью, когда зала почти совсѣмъ опустѣла. Онъ узналъ на другой день, какое мѣсто въ іерархической лѣстницѣ занимало это духовное лицо, а пока только подивился, что въ Англіи у духовныхъ особъ есть жены. Онъ все еще не успѣлъ освоиться съ англійскими нравами, хотя прожилъ въ Англіи уже цѣлый годъ. Между тѣмъ его дама была вполнѣ обычнымъ явленіемъ и не представляла собой какого-нибудь исключительнаго случая. Для ея появленія не требовалось даже реформаціи. Ее звали миссисъ Априль. Она была закутана въ большую, кружевную шаль и за обѣдомъ сняла только одну перчатку; вслѣдствіе чего Уотервиль все время казалось, что онъ находится на какомъ-то пикникѣ. Миссисъ Гедвей сидѣла по другую сторону стола, нѣсколько наискосокъ отъ него. Ее повелъ къ столу, какъ Уотервиль сообщила его сосѣдка, одинъ генералъ, господинъ съ худымъ лицомъ, орлинымъ носомъ и тщательно расчесанными бакенбардами. По другую руку около нея сидѣлъ красивый молодой человѣкъ съ менѣе значительнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Бѣдный сэръ Артуръ сидѣлъ между двумя дамами, гораздо старше его возрастомъ, съ громкими историческими именами, хо-

рошо знакомыми Уотервиллю, и съ которыми онъ привыкъ соединять болѣе романтическую вѣщность. Миссисъ Гедвей не поклонилась Уотервиллю. Она, очевидно, не видѣла его до тѣхъ поръ, пока они не сѣли за столъ, а тутъ уставила на него глаза съ такимъ удивленіемъ, что улыбка почти сбѣжала съ ея лица. Обѣдъ былъ обильный и вкусный, но Уотервиль подумалъ про себя, что онъ могъ бы быть менѣе скученъ. Но подумавъ это, онъ вдругъ сообразилъ, что смотреть на это дѣло скорѣе съ точки зрѣнія миссисъ Гедвей, нежели съ своей собственной. Онъ нисколько не зналъ, кромѣ миссисъ Апрель, которая съ материнской заботливостью знакомила его со всѣми присутствующими; а онъ въ отвѣтъ на это сообщилъ ей, что вращается въ другой сферѣ. Миссисъ Гедвей была очень любезна съ своимъ генераломъ, и Уотервиль, исподтишка наблюдавшій за нею, видѣлъ, что генералъ, человѣкъ очевидно весьма хладнокровный, испытываетъ ее. Уотервиль надѣялся, что она будетъ осторожна. Онъ былъ въ своемъ родѣ фантазеръ, и сравнивая ее съ остальной компаніей, говорилъ себѣ, что она очень храбрая особа, и въ предпріятіи ея есть нѣчто героическое. Она была одна противъ цѣлой толпы людей, и ея противники выступали противъ нея сомкнутымъ строемъ; причемъ за присутствующими скрывались еще цѣлыя фаланги. Они отличались отъ нея, но для людей съ воображеніемъ она была гораздо интереснѣе. Всѣ окружающіе ее казались такими самодовольными, такими непоколебимыми, мужчины съ ихъ бѣлокурыми волосами, свѣжими, гладко выбритыми щеками, холодными, спокойными глазами, широкими, откинутыми назадъ плечами и полнымъ отсутствіемъ всякихъ жестовъ; женщины, нѣзъ которыхъ многія были красивы, обвитыя нитками жемчуговъ, съ гладко причесанными волосами, съ разсѣянными, безучастнымъ взглядомъ, очевидно считавшія, что молчаніе такое же неизбежное и приличное дѣло, какъ и яркое освѣщеніе, и только изрѣдка переменялись словомъ свѣжими, звучными голосами. Всѣхъ ихъ связывала другъ съ другомъ общность идей и традицій; онѣ понимали другъ друга на полусловъ, ловили самое легкое намѣненіе въ интонаціи голоса. Миссисъ Гедвей, несмотря на всю свою красоту, казалась нѣсколько странной, чужой, ея лицо было слишкомъ выразительно; ее можно было принять за артистку, приглашенную для развлечения публики.

Уотервиль уже не разъ замѣчалъ, что англійское общество постоянно гонимается за развлеченіемъ, и что эта приманка для него равняется съ богатствомъ. Если миссисъ Гедвей сдумаетъ

позабавить общество, то успѣхъ ея можно считать обеспеченнымъ, и ея богатство—если только она богата—ничему не помѣшаетъ.

Въ гостиной, послѣ обѣда, онъ подошелъ къ ней, но она не поклонилась ему. Она только поглядѣла на него съ такимъ выраженіемъ, каковаго онъ еще никогда не замѣчалъ въ ея лицѣ. Въ немъ высказывалась сильная и нисколько не скрываемая досада.

— Кто васъ звалъ сюда? — спросила она. — Вы пріѣхали инпюнить за мной?

Уотервилъ покраснѣлъ до корней волосъ. Онъ зналъ, что это совсѣмъ недостойно дипломата, но не могъ помѣшать краскѣ броситься ему въ лицо. Онъ былъ возмущенъ, рассерженъ и кромѣ того озадаченъ.

— Я пріѣхалъ сюда потому, что меня пригласили, — отвѣчалъ онъ.

— Кто пригласилъ васъ?

— Та же самая особа, которая, полагаю, пригласила и васъ: миссисъ Дименъ.

— Старая вѣдьма! — проговорила миссисъ Гедвей, отходя отъ него.

Онъ тоже отошелъ, не постигая, чѣмъ заслужилъ такое обращеніе. Она окончательно сразила его: никогда еще онъ не видывалъ ее такою. Что за вульгарная женщина! вѣроятно, такіа манеры свойственны жительницамъ Санъ-Діего. Онъ почти съ азартомъ вмѣшался въ разговоръ другихъ гостей, которые всѣ, вѣроятно, по контрасту, показались ему необыкновенно любезны и привѣтливы. Но, увы! онъ былъ лишенъ утѣшенія видѣть, чтобы миссисъ Гедвей была наказана за свою грубость всеобщимъ пренебреженіемъ. Напротивъ того: на томъ концѣ гостиной, гдѣ она сидѣла, толпилось особенно много народу, и время отъ времени слышался всеобщій хохотъ. Если она забавляетъ ихъ, то успѣетъ несомнѣнно въ своихъ намѣреніяхъ, а она очевидно забавляетъ ихъ.

VII.

Если она странно вела себя наканунѣ, то на слѣдующее утро показала ему еще страннѣе. Слѣдующій день былъ воскресный, и погода стояла удивительно прекрасная; онъ сошелъ до завтрака въ паркъ и гулялъ въ немъ, любуясь тонеющими оленями, мелькавшими на отдаленныхъ холмахъ, подобно булав-

камъ, воткнутымъ въ зеленую, бархатную подушку. Идя вдоль обширнаго, искусственнаго пруда, съ островкомъ по срединѣ, на которомъ возвышался храмъ Весты, онъ совсѣмъ не думалъ о миссисъ Гедвей, а размышлялъ объ историческомъ значеніи всего того, что его окружало. Нѣсколько дамъ не явилось къ завтраку; миссисъ Гедвей была въ томъ числѣ.

— Она говорила мнѣ, что никогда не выходитъ изъ своей комнаты раньше полудня, — сообщила леди Дименъ генералу, бывшему наканунѣ ея кавалеромъ и освѣдомившемуся о ней. — Ей надо три часа для того, чтобы одѣться.

— Она чудовищно-умная женщина! — воскликнулъ генераль.

— Потому что одѣвается три часа къ ряду?

— Нѣтъ; я разумію при этомъ ея неисчерпаемое остроуміе.

— Да; я думаю, что она очень умна, — замѣтила леди Дименъ тономъ, который Уотервиллю показался, какъ онъ воображалъ, болѣе многозначительнымъ, нежели генералу.

Въ этой высокой, стройной, рѣшительной женщинѣ, которая была и пріятлива, и вмѣстѣ съ тѣмъ неприступна, было нѣчто такое, что очень нравилось Уотервиллю. Подъ ея изящной внѣшностью и условной мягкостью, онъ могъ разглядѣть большую энергію; она облеклась терпѣніемъ, какъ царской порфирой. Она мало разговаривала съ Уотервиллемъ, но время отъ времени освѣдомлялась о немъ съ такимъ видомъ, который показывалъ, что она о немъ не забывала. Самъ Дименъ былъ, повидимому, въ отличномъ расположеніи духа, хотя въ его манерѣ не проявлялось особеннаго оживленія. Онъ только казался необыкновенно свѣжимъ и красивымъ, точно бралъ ванну черезъ каждые два часа и какъ будто чувствовалъ себя гарантированнымъ отъ всякихъ непріятностей. Уотервиль разговаривалъ съ нимъ еще меньше, чѣмъ съ его матерью; но молодой человекъ успѣлъ сказать ему наканунѣ вечеромъ въ курительной комнатѣ, что онъ въ восторгѣ отъ его пріѣзда, и что если ему нравится англійская природа, то онъ будетъ радъ показать ему окрестности.

— Вы должны пожертвовать мнѣ часокъ-другой, прежде нежели уѣдете. Право, я думаю, что наши окрестности вамъ понравятся.

Сэръ Артуръ говорилъ такъ, какъ еслибы Уотервиль былъ очень требователенъ; онъ, повидимому, желалъ показать, что придаетъ большое значеніе его мнѣнію. Въ воскресенье утромъ, послѣ завтрака, онъ спросилъ Уотервиля: не хочетъ ли онъ пойти въ церковь, такъ какъ многіе леди и джентльмены туда идутъ.

— Вы вполне свободны идти или не идти, но дорога въ церковь очень живописна, а сама церковь очень любопытный образец архитектуры временъ короля Стефана.

Уотервиль зналъ, что это значитъ, и зналъ, что ему предстоитъ увидѣть нѣчто очень живописное. Кроме того, онъ любилъ ходить въ церковь, въ особенности, когда могъ сидѣть на скамьѣ сквайра, просторной, какъ будуаръ. Поэтому онъ отвѣчалъ, что очень радъ идти въ церковь. Потомъ прибавилъ безъ всякихъ поясненій:

— А миссисъ Гедвей пойдетъ въ церковь?

— Право, не знаю,—отвѣчалъ хозяинъ дома, рѣзко мѣняя тонъ—точно будто бы Уотервиль спросилъ его: пойдетъ ли въ церковь его экономка.

«Англичане большіе оригиналы!» мысленно воскликнулъ Уотервиль.

Этимъ восклицаніемъ онъ постоянно облегчалъ себѣ душу, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ въ Англію и наткнулся на разныя диковинки.

Церковь была еще живописнѣе, чѣмъ ее описывалъ сэръ Артуръ, и Уотервиль говорилъ себѣ, что миссисъ Гедвей очень глупо сдѣлала, что не пріѣхала. Онъ зналъ, что она стремилась изучать англійскую жизнь съ тѣмъ, чтобы овладѣть ею. А могла ли она найти лучший случай изучить эту жизнь, какъ пробираясь сквозь толпы сельскихъ обывателей и провинціаловъ и сидя среди памятниковъ, говорившихъ о прошедшей жизни Дименовъ. Если она желала укрѣпить себя для предстоящей борьбы, то лучше сдѣлала бы, еслибы побывала въ церкви.

Когда онъ вернулся въ Лонглендсъ — онъ прошелъ вдоль полей съ женой каноника, которая была неутомимый ходокъ. До завтрака оставалось еще полчаса, и ему не захотѣлось идти въ комнаты. Онъ вспомнилъ, что еще не видѣлъ сада и отправился на него поглядѣть. Садъ былъ такъ великъ, что онъ безъ труда его нашелъ, и при видѣ его готовъ былъ подумать, что онъ оставался безъ измѣненій въ продолженіе одного или двухъ столѣтій.

Пройдя нѣсколько шаговъ вдоль цвѣтущихъ куртинъ, онъ услышалъ хорошо знакомый голосъ и при поворотѣ въ одну аллею столкнулся съ м-съ Гедвей, которую сопровождалъ хозяинъ дома. Она была безъ шляпки, съ зонтикомъ въ рукахъ, и откинула его назадъ, остановясь при видѣ своего соотечественника.

— О! вотъ опять м-ръ Уотервиль пришелъ шпионить за мной!

Такимъ замѣчаніемъ встрѣтила она замѣтно смутившагося молодого человѣка.

— Вы вернулись изъ церкви?—спросилъ сэръ Артуръ, вынимая часы.

Уотервилъ поразило его хладнокровіе. Онъ восхищался имъ, такъ какъ говорилъ себѣ, что ему навѣрное непріятно его непрошенное появленіе. Онъ чувствовалъ себя очень неловко и пожалѣлъ, что не привелъ съ собою миссисъ Априль, и такимъ образомъ не устранилъ подозрѣнія, что онъ пришелъ не случайно.

Миссисъ Гедвей была прелестна въ костюмѣ, который, однако, по мнѣнію Уотервилъ, врядъ ли подходилъ къ англійскимъ понятіямъ о соблюденіи воскреснаго дня; на ней былъ negligé весь въ оборочкахъ, отдѣланный бѣлыми блондами и желтыми лентами—платье, которое могла надѣть m-me де Помпадуръ, ожидая визита Людовика XV, но которое она врядъ ли бы надѣла, отправляясь во дворъ. При видѣ этого туалета, Уотервилъ подумалъ, что должно быть миссисъ Гедвей знаетъ, что дѣлаетъ и одѣлась такъ не просто. Она ведетъ свою собственную линію и не намѣрена быть чересчуръ уступчивой. Она не сходитъ къ завтраку, не идетъ въ церковь и наряжается въ воскресенье въ конетливый нарядъ, въ которомъ менте, чѣмъ когда-либо, похожа на англичанку и на протестантку. Но, пожалуй, что такъ лучше.

Она тотчасъ же затараторила:

— Не правда ли, какъ здѣсь мило? Я пришла сюда пѣшкомъ изъ дому. Хотя я плохой ходокъ, но трава здѣсь точно бархатъ. Вообще все это выше всякихъ похвалъ. Сэръ Артуръ, ступайте занимать посланника; мнѣ стыдно, что я совсѣмъ завладѣла вами... Вамъ нѣтъ дѣла до посланника? Но вы только что сказали, что еще не успѣли перекинуться съ нимъ ни однимъ словомъ. Я никогда не видывала, чтобы съ гостями обращались такъ невнимательно. Неужели это такъ здѣсь водится? Ступайте и прогуляйтесь съ нимъ верхомъ или же сыграйте съ нимъ партію въ билліардъ. М-ръ Уотервилъ проведетъ меня домой; мнѣ къ тому же надо поборанить его за то, что онъ за мной шпионитъ.

Уотервилъ крѣпко обидѣлся.

— Я не имѣлъ и понятія, что вы здѣсь находитесь,—объявилъ онъ.

— Мы не прятались,—сказалъ сэръ Артуръ спокойно.— Пожалуйста проводите м-съ Гедвей домой. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ

надо заняться старикомъ. Завтракъ будетъ не раньше, какъ въ два часа.

Онъ оставилъ ихъ, и Уотервилъ пошелъ по саду съ миссисъ Гедвей. Она немедленно освѣдомилась: не затѣмъ ли онъ пришелъ сюда, чтобы подглядывать за ней, но къ его удивленію этотъ вопросъ не былъ сдѣланъ съ таковой досадою, какъ наканунѣ. Онъ рѣшилъ, однако, не пропустить этого безъ замѣчанія; когда люди позволяли себѣ такъ съ нимъ обращаться, онъ не допустилъ, чтобы они дѣлали видъ, какъ будто бы ничего не случилось.

— Неужели вы воображаете, что я постоянно занятъ вами?— спросилъ онъ. — Меня могутъ интересовать и другія вещи, кромѣ васъ. Я просто пришелъ осмотрѣть садъ, и еслибы вы меня не окликнули, прошелъ бы мимо васъ.

Миссисъ Гедвей весьма добродушно выслушала его и даже повидимому не замѣтила, что онъ обиженъ.

— У него есть еще два помѣстья, — отвѣчала она. — Я именно это самое и желала знать.

Но Уотервилъ не хотѣлъ допустить, чтобы къ его обидамъ относились такъ легко. Такой способъ удовлетворенія оскорбленнаго вами лица, который заключается въ томъ, что вы великодушно забываете про то, что его оскорбили, былъ, по всей вѣроятности въ ходу въ Новой Мексикѣ, но порядочный человѣкъ не могъ имъ удовлетвориться.

— Что вы хотѣли сказать вчера вечеромъ, обвиняя меня въ томъ, что я пріѣхалъ шпионить за вами? Извините, если я замѣчу вамъ, что это было очень грубо съ вашей стороны.

Всего обиднѣе въ ея обвиненіи было для него то, что оно не было лишено нѣкотораго основанія; но миссисъ Гедвей съ минуту глядѣла на него недоумѣвающимъ взглядомъ, очевидно, не понявъ его намека.

— «Она настоящая дикарка», — подумалъ Уотервилъ. — «Она считаетъ, что женщина можетъ ударить человѣка по щекѣ и затѣмъ убѣждать».

— О! — воскликнула миссисъ Гедвей, — припоминаю; я разсердилась на васъ; я не ожидала васъ видѣть. Но, право, я больше объ этомъ не думаю. Я иногда бываю сердита и тогда срываю досаду на томъ, кто мнѣ подвернется подъ руку. Но это быстро проходить, и затѣмъ я больше объ этомъ не думаю. Я была вчера очень сердита; меня взбѣсила эта старуха.

— Какая старуха?

— Мать сэра Артура. Ей здѣсь совсѣмъ не мѣсто. Въ

Англии, когда мужъ умираетъ, жена должна ступеваться. У ней есть свой собственный домъ въ десяти миляхъ отсюда и другой въ Портменъ-Скверъ; у ней, слава Богу, есть гдѣ жить. Но она прилипла къ нему, какъ пластырь. Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что она пригласила меня сюда не потому, чтобы была ко мнѣ расположена, но потому, что подозрѣваетъ меня. Она боится, чтобы мы не поженились, и считаетъ, что я недостойна ея сына. Она воображаетъ, что я ловлю его. Я никогда за нимъ не бѣгала; онъ бѣгаетъ за мной. Мнѣ бы никогда и въ голову не пришло ничего такого, еслибы онъ самъ не павель меня на эту мысль. Онъ началъ за мной ухаживать прошлымъ лѣтомъ въ Гомбургѣ. Онъ спрашивалъ, почему я не ѣду въ Англію, и говорилъ, что я буду имѣть здѣсь большой успѣхъ. Онъ, конечно, ничего въ этомъ не понимаетъ, онъ не особенно проникательный человѣкъ. Но онъ очень хорошій человѣкъ, и пріятно видѣть его въ этой обстановкѣ...

И миссисъ Гедвей умолкла, съ удовольствіемъ оглядываясь вокругъ себя.

— Мнѣ нравится это старинное помѣстье, — продолжала она; — оно удивительно устроено, я довольна всѣмъ, что я здѣсь вижу. Я сначала думала, что леди Дименъ очень дружески ко мнѣ относится; она оставила мнѣ визитную карточку въ Лондонѣ и вскорѣ затѣмъ написала мнѣ, приглашая сюда пріѣхать. Но я очень чутка; иногда я сразу пойму въ чемъ дѣло. Я вчера кое-что замѣтила, когда она подошла ко мнѣ передъ обѣдомъ. Она увидѣла, что я хорошенькая и позеленѣла отъ злости. Она надѣялась, что я буду дурна. Я бы желала сдѣлать ей это одолженіе, но оно не въ моей власти. Затѣмъ я увидѣла, что она пригласила меня сюда только потому, что онъ на этомъ настоялъ. Онъ не пріѣзжалъ ко мнѣ сначала и не былъ у меня около двухъ недѣль, когда я пріѣхала въ Лондонъ. Она не пускала его. И вѣрно взяла съ него слово раззнакомиться со мной. Но должно быть онъ перемѣнилъ свои намѣренія и послѣ того рѣшилъ быть очень вѣжливымъ. Онъ пріѣзжалъ три дня подъ рядъ и ее заставилъ пріѣхать. Она одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя сопротивляются до послѣдней возможности, а затѣмъ какъ-будто уступаютъ, но въ сущности только измѣняютъ тактику. Она ненавидитъ меня пуще лютаго звѣря. Не знаю, въ чемъ она меня заподозрѣваетъ. Она очень ограничена, настоящая старая вѣдьма. Когда я увидѣла васъ вчера вечеромъ за обѣдомъ, я подумала, что вы пріѣхали помогать ей.

— Помогать ей? — переспросилъ Уотервиль.

— Обличать меня передъ ней. Сообщать ей свидѣнія, которыми она воспользуется мнѣ во вредъ. Вы можете говорить ей все, что вамъ угодно.

Уотервиль затанлъ дыханіе, слушая этотъ необычайный взрывъ откровенности и теперь съ трудомъ перевелъ духъ. Онъ остановился; миссисъ Гедвей, пройдя нѣсколько шаговъ, тоже остановилась и оглянулась на него.

— Вы совсѣмъ невозможная женщина! — воскликнулъ онъ.

Она дѣйствительно представлялась ему дикаркой.

Она засмѣялась, онъ чувствовалъ, что она смѣется надъ нимъ, надъ выраженіемъ его лица, и смѣхъ ея разносился далеко по обширному саду.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— У васъ нѣтъ деликатности, — отвѣчалъ Уотервиль рѣшительнымъ тономъ.

Она вспыхнула, хотя, странно сказать, повидимому, не рассердилась.

— Нѣтъ деликатности? — повторила она.

— Вамъ слѣдовало бы молчать объ этихъ вещахъ.

— О! понимаю, что вы хотите сказать. Я слишкомъ откровенна. Когда я взволнована, то не могу молчать. Я очень деликатна съ тѣми, кто хорошо ко мнѣ относится. Спросите Артура Димена, деликатна ли я съ нимъ; спросите Джоржа Литльмора. Ну не стоять же намъ тутъ, однако, весь день; пойдемте завтракать!

И миссисъ Гедвей пошла дальше, а Рупертъ Уотервиль, взглянувъ на нее, тихо послѣдовалъ за ней.

— Подождите, пока я устроюсь; я тогда буду деликатна, — продолжала она. — Нельзя быть деликатной, когда спасаешь свою жизнь. Вамъ хорошо разсуждать, когда за вами стоитъ цѣлое американское посольство. Конечно, я взволнована. Я очень желаю выйти за него замужъ и не намѣрена отступать.

Пока они дошли до дому, она объяснила ему, почему онъ былъ приглашенъ въ Лонглендсъ въ одно время съ нею. Уотервилью пріятіе было бы думать, что его личные качества достаточно объясняютъ этотъ фактъ. Но м-съ Гедвей не принимала этого во вниманіе. Она предпочитала думать, что живетъ среди самыхъ запутанныхъ интригъ, и что большая часть всего того, что совершается вокругъ нея, имѣетъ отношеніе къ ея персонѣ. Уотервиль былъ приглашенъ потому, что онъ былъ представитель, хотя и скромный, американскаго посольства, и ихъ хозяйинъ, по добротѣ своей, желалъ показать своимъ гостямъ, что его хоро-

шенская американская гостя находится подъ покровительствомъ этого учрежденія.

— Это облегчить мнѣ доступъ въ свѣтъ, — непоколебимо объяснила миссисъ Гедвей. — Хотите вы этого или нѣтъ, а вы уже помогли мнѣ вступить въ него. Если бы Артуръ зналъ посла или перваго секретаря, онъ бы ихъ пригласилъ. Но онъ съ ними не знакомъ.

Они дошли до дому, пока миссисъ Гедвей развивала эту идею, и Уотервилъ нашелъ въ этой самой одеѣ слишкомъ достаточную причину для того, чтобы задержать ее при входѣ.

— Слѣдуетъ ли мнѣ такъ понять ваши слова, что сэръ Артуръ самъ говорилъ вамъ объ этомъ? — спросилъ онъ почти грозно.

— Говорилъ — мнѣ? Конечно, нѣтъ! Неужели вы воображаете, что я позволю ему принимать со мной покровительственный тонъ? Желала бы я слышать, какъ бы это онъ сказалъ мнѣ, что я нуждаюсь въ покровительствѣ.

— Не вижу причины, почему бы ему этого и не сказать... Вы сами твердите объ этомъ всѣмъ и каждому.

— Всѣмъ и каждому? — я говорила объ этомъ только вамъ и Джоржу Литльмору, когда у меня были нервы разстроены. Я говорю вамъ это потому, что люблю васъ, а ему — потому, что боюсь его. Васъ, говоря мимоходомъ, я нисколько не боюсь. Я здѣсь совсѣмъ одинока... у меня никого нѣтъ, кто бы заступился за меня. Должна же я искать себѣ друзей? Сэръ Артуръ бранилъ меня за то, что я была съ вами рѣзка вчера вечеромъ. Онъ это замѣтилъ... И вотъ что навело меня на эту мысль.

— Я очень ему благодаренъ, — сказалъ Уотервилъ, слегка обитый съ толку.

— Такъ помните, что вы за меня отвѣчаете. Развѣ вы не хотите предложить мнѣ вашу руку, чтобы войти въ домъ?

— Вы самое удивительное созданіе, — пробормоталъ онъ, въ то время, какъ она, улыбаясь, стояла передъ нимъ.

— О! смотрите, не влюбитесь въ меня! — вскричала она со смѣхомъ, и не беря его руки, прошла передъ нимъ въ домъ.

Въ этотъ вечеръ, прежде чѣмъ идти одѣваться къ обѣду, Уотервилъ пошелъ въ библиотеку, гдѣ онъ рассчитывалъ увидѣть великолѣпные переплеты. Тамъ никого не было, и онъ провелъ счастливыя полчаса среди сокровищъ литературы и стариннаго сафьяна.

Онъ очень уважалъ литературу и считалъ, что книги слѣдуетъ хорошо переплетать. Сумерки уже наступили, но тѣмъ не

менше онъ взялъ одинъ изъ золотообрѣзныхъ томовъ въ руки и усьлся съ нимъ въ глубокой оконной нишѣ. Онъ только-что осматрѣлъ восхитительно переплетенный in-folio и собирался поставить его обратно на полку, какъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ лэди Диментъ. Онъ вздрогнулъ въ первую минуту, такъ какъ ея высокая, стройная фигура, казавшаяся совсѣмъ воздушной въ высокой, темной комнатѣ, и сосредоточенно серьезное выраженіе лица придавали ей сходство съ привидѣніемъ. Онъ увидѣлъ, однако, что она улыбается, и услышалъ слова, сказанныя голосомъ до того кроткимъ, что онъ звучалъ какъ бы печально:

— Вы осматриваете нашу библіотеку; я боюсь, что книги наши нѣсколько поистаскались.

— Поистаскались? Помилуйте! да онѣ такъ же новы, какъ будто бы только-что изъ рукъ переплетчика.

И онъ повернулъ къ ней блестящій корешекъ in-folio, который держалъ въ рукахъ.

— Я, правду сказать, совсѣмъ не занималась ими въ послѣднее время, — пробормотала она, подходя къ окну. — Въ окно виднѣлся паркъ, надъ которымъ уже сгущался вечерній сумракъ и окутывалъ темнымъ покровомъ большіе вѣтвистые дубы. Паркъ казался холоднымъ и пустымъ, а деревья какъ бы сознавали всю важность настоящей минуты, и мать-природа сочувствовала всѣмъ сердцемъ фамилнымъ дѣламъ туземныхъ сквайровъ. Разговаривать съ лэди Диментъ было не легкимъ дѣломъ; она не была ни откровенна, ни общительна; она была исполнена достоинства, и самая простота ея была чисто формальная, хотя это и не мѣшало ей быть изящной. Она помолчала съ минуту, и молчаніе это было какъ бы преднамѣреннымъ, точно она желала дать ему понять, что у ней есть до него дѣло, но что она желаетъ, чтобы онъ избавилъ ее отъ труда объяснять ему, въ чемъ оно состоитъ. Она привыкла къ тому, чтобы люди предупреждали ея вопросы и спасали ее отъ скучныхъ объясненій.

Уотервилъ замѣтилъ что-то о красотѣ вечера (собственно говоря, погода переѣвилась къ худшему), на что она ничего не сказала. Вдругъ съ своей обычной мягкостью она проговорила:

— Я надѣялась, что найду васъ здѣсь; я желаю васъ кое о чемъ спросить.

— Я съ радостью готовъ сообщить вамъ все, что только могу.

Она взглянула на него не столько повелительно, сколько жа-

любно, точно хотѣла сказать:—пожалуйста, будьте просты, будьте какъ можно проще.

Она оглядѣлась кругомъ, какъ будто бы лица другихъ людей въ комнатѣ; ей повидимому, не хотѣлось, чтобы подумали, что она намѣренно уединилась съ нимъ вдвоемъ. Какъ бы то ни было, а они были наединѣ, и она продолжала:

— Когда мой сынъ сообщилъ мнѣ, что желаетъ пригласить васъ къ намъ, я была очень этому рада. Я хочу, конечно, сказать, что намъ обоимъ было очень пріятно...

Она помолчала съ минуту.

Затѣмъ прибавила безъ обиняковъ:

— Я желаю разспросить васъ про миссия Гедвей.

«Ахъ! вотъ оно!» подумалъ про себя Уотервиль. Наружно же онъ улыбнулся какъ можно любезнѣе, говоря:—Ахъ, да! понимаю.

— Вы не разсердитесь, что я васъ спрашиваю? Надѣюсь, что нѣтъ. Мнѣ некого больше спросить.

— Вашъ сынъ больше ее знаетъ, нежели я,—сказала Уотервиль безъ всякаго злого умысла, единственно лишь затѣмъ, чтобы выбраться изъ своего затруднительнаго положенія.

Но сказавъ это, онъ почти испугался ироническаго смысла этихъ словъ.

— Не думаю, чтобы онъ ее зналъ. Она знаетъ его — это разница. Когда я спрашивала его о ней, онъ отвѣчалъ мнѣ, что она обворожительна! Она дѣйствительно обворожительна, — прибавила милади съ неподражаемой сухостью.

— Да! я тоже это думаю. Она мнѣ очень нравится,—отвѣчалъ весело Уотервиль.

— Вамъ значить пріятно о ней говорить.

— Только хорошее, неправда ли?

— Разумѣется, если вы это можете. Я буду въ восторгѣ, если вы сообщите мнѣ о ней хорошее. Я это именно и желаю слышать.

Послѣ этого, Уотервилью оставалось только, казалось бы, рассыпаться въ похвалахъ своей таинственной соотечественницѣ, но онъ уклонился отъ этого подводнаго камня, какъ и отъ другого.

— Я могу только сказать, что она мнѣ нравится,—повторилъ онъ.—Она была очень добра ко мнѣ.

— Она всѣмъ, кажется, нравится,—замѣтила леди Диментъ съ непритворнымъ пафосомъ, она конечно, очень забавна.

— Она очень привѣтлива и преисполнена добрыхъ намѣреній.

— Что вы называете добрыми намереніями?—спросила леди Дименъ очень крѣтко.

— То, что она желаетъ всѣмъ сдѣлать пріятное и уютное.

— Конечно, вамъ естественно ее защищать. Она ваша соотечественница.

— Защищать ее! я подожду, пока на нее станутъ нападать, —возразилъ Уотервилъ со смѣхомъ.

— Это вѣрно. Мнѣ нечего увѣрять васъ, что я на нее не нападаю. Я никогда не стану нападать на особу, живущую у меня въ домѣ. Я только желаю узнать ее, и если вы ничего не можете мнѣ о ней сказать, то не можете ли указать кого-нибудь, кто ее знаетъ.

— Она сама вамъ это скажетъ. Спросите ее.

— Скажетъ то, что говорила моему сыну. Я этого не понимаю. Мой сынъ тоже не понимаетъ. Все это очень странно. Я надѣялась, что вы объясните мнѣ.

Уотервилъ помолчалъ съ минуту.

— Боюсь, что не сумѣю объяснить вамъ, что за особа миссисъ Гедвей,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Я вижу, что вы считаете ее очень странной.

Уотервилъ не съ разу отвѣтилъ:

— Я не хочу брать на себя той отвѣтственности, какую возлагаютъ на меня ваши вопросы.

Онъ чувствовалъ, что былъ очень не любезенъ. Онъ хорошо понималъ, чего отъ него хочетъ леди Дименъ. Но не могъ рѣшиться погубить репутацію миссисъ Гедвей, чтобы угодить леди Дименъ, а между тѣмъ, благодаря сильно развитому воображенію, отлично входилъ въ чувства этой крѣткой, прозаической, серьезной женщины, которая—это легко было видѣть—ставила свое счастье въ исполненіи своихъ обязанностей и въ неизмѣнной вѣрности двумъ или тремъ предметамъ поклоненія, избраннымъ разъ навсегда. Она, очевидно, догадывалась о вещахъ, которыя могли сдѣлать миссисъ Гедвей, въ ея глазахъ и непріятной, и опасной. Но онъ тотчасъ же увидѣлъ, что она приняла его послѣднія слова за уступку, за которую могла ухватиться.

— Вы значитъ, понимаете почему я васъ спрашиваю объ этомъ?

— Догадываюсь,—отвѣчалъ Уотервилъ, продолжая непочтительно смѣяться.

Смѣхъ этотъ, впрочемъ, покоробилъ его самого.

— Если вы знаете, то мнѣ, кажется, вы должны помочь мнѣ.

Тонъ ея совсѣмъ перемѣнился, когда она говорила это; въ

голосъ слышалась дрожь; онъ не могъ не принять это за признаніе въ своемъ горѣ. Горе ея было очень велико, если она рѣшилась заговорить съ нимъ. Ему стало ее жаль, и онъ рѣшился быть какъ можно серьезнѣе.

— Еслибы я могъ помочь вамъ, я-бы это сдѣлалъ. Но мое положеніе очень затруднительно.

— Не такъ затруднительно, какъ мое!

Она рѣшилась говорить безъ обиняковъ и прямо взывала о помощи.

— Я не думаю, чтобы вы были обязаны щадить миссисъ Гедвей...

— Насколько я могу судить, у васъ нѣтъ съ ней ничего общаго, прибавила она. — Уотервилъ не былъ не чувствителенъ къ лестному для него намеку; но эти слова тѣмъ не менѣе смутили его, какъ попытка подкупить его.

— Я удивляюсь, что она вамъ не нравится, рѣшился онъ замѣтить.

Лэди Дименъ поглядѣла въ небо.

— Не думаю, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ этому удивлялись, хотя, быть можетъ, и стараетесь увѣрить себя въ этомъ. Какъ бы то ни было, а она мнѣ не нравится, и я не постигаю, какимъ образомъ она можетъ нравиться моему сыну. Она очень хороша собой и, кажется, очень умна; но я ей не довѣряю. Я не постигаю, что такое съ нимъ сдѣлалось; въ нашей фамиліи совсѣмъ не въ обычаѣ жениться на такого рода особахъ. Я не считаю ее за лэди. Особа, которую я бы желала ему въ жены, должна была бы быть совсѣмъ, совсѣмъ другою. Быть можетъ, вы понимаете, что я хочу сказать. Въ ея исторіи есть нѣчто для насъ, совсѣмъ непонятное. Сынъ такъ же понимаетъ ее, какъ и я. Еслибы вы могли намъ объяснить, мы были бы вамъ такъ обязаны. Я отношусь къ вамъ съ величайшимъ довѣріемъ, хотя вижу васъ въ первый разъ въ жизни. Но это потому, что я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я очень тревожусь.

И видно было, что она очень тревожится; въ ея манерахъ проявился нѣкоторый азартъ, и глаза сверкали въ сгущавшейся темнотѣ.

— Увѣрены ли вы, что опасность такъ велика? — спросилъ Уотервилъ. — Развѣ онъ просилъ ея руки, и она дала свое согласіе?

— Если я буду дожидаться, пока все будетъ кончено, то тогда уже будетъ поздно дѣйствовать. Я имѣю основанія думать, что мой сынъ еще не связалъ себя, но онъ сильно увлеченъ.

Выѣстъ съ тѣмъ онъ не увѣрять въ ея порядочности, и это можетъ его спасти. Онъ очень щекотливъ на счетъ своей чести. Онъ недоволенъ ея прошлой жизнью; онъ не знаетъ, какъ ему думать о томъ, что мы слышали. Даже то, въ чемъ она сама сознается, очень, очень странно: Она была замужемъ четыре или пять разъ, и постоянно разводилась съ своими мужьями... это совсѣмъ, совсѣмъ необыкновенно. Она утверждаетъ, что въ Америкѣ на это иначе смотрятъ, и я знаю, что ваши взгляды отличаются отъ нашихъ; но всему есть границы. Въ ея жизни были навѣрное большіе промахи... боюсь даже, что дѣло не обошлось безъ скандаловъ. Ужасно быть вынужденнымъ примириться со всѣмъ этимъ. Онъ не говорилъ мнѣ всего этого; но въ этомъ нѣтъ и надобности; я его знаю настолько, что и безъ словъ понимаю отлично.

— Знаетъ ли онъ о томъ, что вы рѣшили обратиться ко мнѣ?—спросилъ Уотервилъ.

— Нисколько. Но я должна предупредить васъ, что повторю ему все, что вы скажете о ней невыгоднаго.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ лучше молчать. Все это весьма щекотливо. Миссисъ Гедвей исполнѣ беззащитна. Она можетъ, конечно, нравиться или не нравиться, но я ничего предосудительнаго не замѣтилъ въ ея поведеніи.

— И ничего предосудительнаго не слышали?

Уотервилъ вспомнилъ слова Литльмора, что бывають случаи, когда честный человѣкъ обязанъ лгать, и подумалъ, не предстоитъ ли ему какразъ такой случай. Лэди Дименъ обратилась къ нему съ трогательнымъ довѣріемъ; онъ вѣрилъ въ искренность ея горя и видѣлъ, какая бездна отдѣляла ее отъ авантюристки, жившей съ разными издателями западныхъ американскихъ штатовъ. Она была права, не желая родиться съ миссисъ Гедвей. Въ его сношеніяхъ съ этой послѣдней не было ничего такого, что бы обязывало его лгать въ ея пользу. Не онъ искалъ ея знакомства, а она сама пожелала познакомиться съ нимъ. И совсѣмъ тѣмъ онъ не могъ выдать ее. Слова комомъ стояли у него въ горлѣ.

— Я, право, ничего не могу сказать и полагаю, что отъ моихъ словъ ничто бы не измѣнилось. Вашъ сынъ не броситъ ее отъ того, что она мнѣ не нравится.

— Если бы онъ повѣрилъ, что она дурная женщина, онъ бы ее бросилъ.

— Прекрасно; но я не имѣю права этого говорить,—отвѣчалъ Уотервилъ.

Лэди Дименъ отвернулась; она была очень разочарована. Онъ боялся, что она скажетъ ему: «Въ такомъ случаѣ я совсѣмъ напрасно пригласила васъ къ себѣ».

Она встала съ своего мѣста у окна и собиралась выйти изъ комнаты. Но вдругъ остановилась.

— Вы знаете о ней нехорошее, но не хотите сказать.

Уотервиль прижалъ къ груди *in-folio* и казался очень растеряннымъ.

— Вы приписываете мнѣ то, чего нѣтъ. Я ничего не могу сказать.

— Конечно, это ваша воля. Но есть еще какой-то господинъ, который все знаетъ, тоже американецъ... джентльменъ, который былъ въ Парижѣ, когда и мой сынъ былъ тамъ. Я забыла его имя.

— Хорошій знакомый миссисъ Гедвей? Полагаю, что вы говорите про Джоржа Литльмора.

— Да... я говорю про него. У него есть сестра, съ которой я встрѣчалась, но до сихъ поръ не знала, что она его сестра. Миссисъ Гедвей упомянула о ней, но я увидѣла, что она съ ней не знакома. Уже одно это, полагаю, говоритъ противъ нея. Какъ вы думаете, поможетъ онъ мнѣ?

Лэди Дименъ очень просто спросила это.

— Сомнѣваюсь; но попытайтесь.

— Я жалѣю, что онъ не пріѣхалъ съ вами. Какъ вы думаете: согласится онъ пріѣхать?

— Онъ въ Америкѣ въ настоящее время; но думаю, что скоро вернется.

— Я поѣду къ его сестрѣ и попрошу ее привести его ко мнѣ. Она очень милая женщина; я увѣрена, что она пойметъ меня. Къ несчастію, время не терпитъ.

— Не особенно рассчитывайте на Литльмора, — замѣтилъ Уотервиль серьезно.

— Вы, мужчины, безжалостны.

— Какъ можемъ мы жалѣть васъ? Какъ можетъ миссисъ Гедвей повредить такой женщинѣ, какъ вы?

Лэди Дименъ колебалась съ минуту.

— Мнѣ больно слышать ея голосъ.

— У ней очень мягкій голосъ.

— Можетъ быть. Но она ужасна!

Это было чересчуръ по мнѣнію Уотервиля. Бѣдная м-съ Гедвей во многомъ заслуживала порицанія, и онъ самъ находилъ ее диваркой. Но все же она не была ужасна.

— Вашъ сынъ долженъ пожалѣть васъ. Если онъ не жалѣетъ, то какъ же вы хотите, чтобы жалѣли посторонніе.

— О! онъ меня жалѣетъ!

И съ величіемъ, еще болѣе поразительнымъ чѣмъ, ея логика, леди Дименъ направилась къ двери.

Уотервилъ подошелъ и отперъ для нея дверь, и когда она проходила мимо него, сказалъ:

— Вамъ можно посоветовать одно: постарайтесь ее полюбить!

Она бросила на него разъяренный взглядъ.

— Этого никогда не будетъ.

VIII.

Джоржъ Литльморъ пріѣхалъ въ Лондонъ двѣнадцатаго мая, и на первыхъ же порахъ пошелъ повидаться съ Уотервилемъ въ посольство, гдѣ сообщилъ ему, что нанялъ домъ на остатокъ сезона у воротъ королевы Анны, чтобы его сестра съ мужемъ, которые, вслѣдствіе уменьшенія своихъ доходовъ, отдали въ наемъ свой собственный домъ въ столицѣ, могли пріѣхать къ нему погостить мѣсяца на два.

— Однимъ изъ послѣдствій того, что вы наняли домъ, будетъ то, что вамъ придется принимать въ немъ миссисъ Гедвей, — замѣтилъ Уотервилъ.

Литльморъ сидѣлъ, опершись руками на свою трость. Онъ взглянулъ на Уотервила, но глаза его не оживились при имени этой дамы.

— Удалось ли ей вступить въ европейскій свѣтъ? — спросилъ онъ довольно вяло.

— Да, конечно. У нея есть домъ, карета, брилліанты и всякая всячина. Она, повидимому, перезнакомилась уже со множествомъ народа. О ней печатаютъ въ «Morning Post». Она очень быстро сдѣлала карьеру; теперь она стала почти знаменитостью. Всѣ интересуются ею; васъ будутъ осматривать вопросы, знайте это.

Литльморъ слушалъ съ серьезнымъ видомъ.

— Какимъ образомъ она этого достигла?

— Она нашла большое общество въ Монтлендсѣ и сумѣла всѣхъ ихъ заинтересовать. Имъ, очевидно, весело съ нею, а ей только этого и нужно было.

Литльморъ какъ будто вдругъ сообразилъ весь комизмъ этого извѣстія, и въ отвѣтъ на него разразился громкимъ хохотомъ.

— Какова наша Нанси Бекъ! Странный здѣсь народъ. Они со всякимъ готовы знаться. Въ Нью-Йоркѣ на нее и не поглядѣли бы.

— О! Нью-Йоркъ отсталый городъ! — сказали Уотервилъ и возвѣстилъ своему пріятелю, что леди Дименъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его пріѣзда и надѣется, что онъ поможетъ ей удержать сына отъ женитьбы на такой особѣ. Литльморъ, повидимому, не испугался предпримчивости мизади и отвѣчалъ какъ человѣкъ, считающій такую предпримчивость настолько дерзкой, что счумѣлъ уклониться отъ нея.

— Какъ хотите, а этотъ бракъ неприличенъ, — замѣтилъ Уотервилъ.

— Отчего же, если онъ ее любитъ?

— О! если это все, что требуется! — вскричалъ Уотервилъ съ цинизмомъ, удивившимъ его пріятеля. — Сами-то вы развѣ женились бы на ней?

— Непремѣнно, еслибы любилъ ее.

— Но вы, однако, счумѣли отъ этого воздержаться.

— Да, я счумѣлъ. И Дименъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы тоже воздержался, но такъ какъ онъ попался...

И Литльморъ докончилъ свою фразу звѣкомъ.

Уотервилъ спросилъ его, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать въ виду пріѣзда своей сестры и считаетъ ли онъ возможнымъ пригласить къ себѣ въ домъ миссисъ Гедвей? На что Литльморъ отвѣчалъ, что не считаетъ этого возможнымъ. Уотервилъ замѣтилъ, что находитъ его непоследовательнымъ, а Литльморъ отвѣтилъ, что это весьма можетъ быть. Но затѣмъ спросилъ: нельзя ли имъ поговорить о чемъ-нибудь иномъ, кромѣ миссисъ Гедвей. Онъ не постигалъ, почему его молодой другъ такъ ею интересуется, а самому ему она порядочно надоела.

Уотервилъ былъ бы въ отчаяніи, еслибы то участіе, которое онъ принималъ въ миссисъ Гедвей, было перетолковано; онъ считалъ, что ихъ отношенія весьма отдаленны. Онъ былъ у нея раза два или три, но она больше не нускалась въ откровенности, какъ въ Лонглендсѣ. Она теперь могла обойтись безъ посторонней помощи. Успѣхъ ея былъ блестящій. Она утверждала, что сама удивляется своей удачѣ, а главное, быстротѣ, съ какою все это совершилось, — но въ сущности она ничему не удивлялась. Она брала вещи, какъ онѣ есть, и будучи по преимуществу дѣятельной женщиной, не теряла времени на размышленія. Она много толковала про лорда Эдуарда и леди Маргариту и другихъ знатныхъ особъ, искавшихъ ея знакомства, утверждая, что

отлично понимает причины своей популярности, которая, очевидно, должна была все возрастать.

— Они призывают потышаться надо мной, — говорила она; — они просто любят повторять то, что я скажу. Я не могу раскрыть рта, чтобы они не покатались со смѣху. Это уже рѣшенное дѣло, что я американскій-юмористъ; стоитъ мнѣ сказать самую простую вещь, и они принимаются гоготать. Должна же я, однако, что-нибудь говорить; но когда я молчу, тутъ-то, по ихъ мнѣнію, я бываю всего забавнѣе. Они повторяютъ то, что я скажу, высокопоставленной особѣ, и эта особа объявляетъ кому-то изъ нихъ, что желаетъ лично послушать меня. Я буду съ нимъ какъ и съ другими, не хуже, не лучше. Я право не знаю, какъ это случается. Я говорю просто, какъ умѣю. Они говорятъ мнѣ, что не столько самия слова, сколько моя манера забавляетъ ихъ. Что-жъ, могу только сказать, что имъ не трудно угодить. Имъ нужна не моя персона; они просто хотятъ имѣть возможность повторить послѣднее «*bon-mot*» миссисъ Гедвей! Каждый хочетъ быть первымъ — это настоящая скачка съ препятствіями.

Когда она поняла, чего отъ нея требуютъ, она рѣшилась щедрою рукою разсыпать передъ ними перлы своего остроумія и не скупилась на американцями. Если лондонцы способны восхищаться этимъ, она изъ всѣхъ силъ постарается угодить имъ. Жаль только, что она этого не предвидѣла; она бы запаслась еще болѣе мудренными словечками. Она-то воображала, что великое несчастье ея заключалось въ томъ, что она проживала въ Аризонѣ, Дакотѣ и другихъ недавно присоединенныхъ къ союзу штатахъ. И вотъ теперь оказывается, что это-то и должно было, какъ она выражалась, вывезти ее. Она старалась припомнить всѣ забавныя исторіи, слышанныя ею въ тѣхъ мѣстахъ, и горько сожалѣла, что не записала ихъ. Она призывала на помощь отголоски скалистныхъ горъ и практиковалась въ интонаціяхъ, присущихъ равнинамъ Тихаго Океана. Когда она видѣла, что съ ея аудиторіей дѣлаются конвульсіи отъ хохота, она поощряла себя съ успѣхомъ и не сомнѣвалась, что еслибы она пріѣхала пятью годами раньше въ Лондонъ, то могла бы выйти замужъ за герцога. Это было бы еще болѣе занимательнымъ врѣлищемъ для Лондона, нежели поведеніе сэра Артура Димена, который, однако, занималъ настолько видное положеніе въ обществѣ, чтобы можно было повѣрить слухамъ, будто бы въ городѣ составились уже пари на счетъ исхода его продолжительнаго ухаживанія. Всѣмъ любопытно было видѣть молодого человека его разбора — одного изъ немногихъ «серьезныхъ» моло-

дыхъ людей торійской партіи, состоянія котораго хватило бы даже для человѣка болѣе расточительнаго, нежели онъ, — ухажи-
вающимъ за женщиной, старше его нѣсколькими годами и у
которой запасъ калифорнійскихъ «словечекъ» былъ еще богаче,
нежели кошелекъ съ долларами.

Миссисъ Гедвей усвоила себѣ много новыхъ идей съ тѣхъ
поръ какъ пріѣхала въ Лондонъ, но удержала также и нѣкото-
рыя изъ прежнихъ своихъ воззрѣній. Главнѣйшимъ изъ нихъ
— за которымъ уже числилась теперь годовая давность — было то,
что сэръ Артуръ Дименъ — самый безукоризненный молодой чело-
вѣкъ въ мірѣ. Конечно, многого ему недоставало; онъ не былъ
занимателенъ, не былъ увлекателенъ и самъ не выказывалъ го-
рячаго увлеченія. Она вѣрила въ его постоянство, но нѣлкимъ
повлонникомъ его никакъ нельзя было назвать. Но во всѣхъ
этихъ свойствахъ миссисъ Гедвей рѣшительно не нуждалась. Въ
особенности пережила она стремленіе къ веселію. Ея жизнь
протекла очень бурно и въ настоящее время самой завидной
долей въ ея глазахъ была приличная и респектабельная скука.
Идея о безусловной и незапятнанной респектабельности напол-
няла ея душу довольствомъ; воображеніе ея упивалось сознаніемъ
такой добродѣтели. Она сознавала, что лично не можетъ похва-
литься подобной добродѣтелью; но за то готова была связать
себя съ нею священнѣйшими узами.

Литльморъ засталъ ее дома, когда отправился къ ней; она
была окружена нѣсколькими посѣтителями, которыхъ она помла-
чаемъ, и которымъ представила своего соотечественника. Онъ оста-
вался до тѣхъ поръ, пока они всѣ не разошлись, не смотря на
маневры одного джентльмена, очевидно желавшаго пересидѣть
его; быть можетъ, ему и удавалось это прежде съ другими го-
стями миссисъ Гедвей, но на этотъ разъ она не пришла ему
на выручку. Онъ мѣрилъ глазами Литльмора съ головы до ногъ,
очевидно, стараясь объяснить себѣ причину такого неожиданнаго
предпочтенія, и, наконецъ, не удостоивъ его поклона, оставилъ
съ глазу на глазъ съ хозяйкой дома.

— Желала бы я знать, что вы сдѣлаете для меня теперь,
когда у васъ гостить ваша сестра, — немедленно повела свою
аттаку миссисъ Гедвей, слышавшая объ этомъ обстоятельстве
отъ Руперта Уотервила. Я надѣюсь, что вы поможете мнѣ. Мнѣ
жаль, что вы поставлены въ затруднительное положеніе, но не
могу представить себѣ, чтобы вы рѣшились оттолкнуть меня.
Вы можете пригласить меня обѣдать, когда ея не будетъ дома.

Конечно, я бы охотнѣе пріѣхала, когда она будетъ дома, такъ какъ желаю вести съ вами правильное знакомство.

— Я не считаю этого возможнымъ, — замѣтилъ Литльморъ.

— Понимаю. Ваша сестра не хочетъ. Вы, однако, въ затруднительномъ положеніи. Но, какъ видно, относитесь къ этому весьма хладнокровно. Въ васъ есть что-то, что меня выводитъ изъ себя. Что думаетъ обо мнѣ ваша сестра? она ненавидитъ меня?

— Она васъ совсѣмъ не знаетъ.

— Вы ей обо мнѣ не говорили?

— Никогда въ жизни.

— И она васъ не спрашивала? это доказываетъ, что она меня ненавидитъ. Она думаетъ, что я не дѣлаю чести Америкѣ. Я все это хорошо знаю. Она желаетъ показать здѣшнему обществу, что хотя бы она и считала меня пріятной женщиной, но что она правильнѣе его смотреть на вещи. Но ей придется въ концѣ-концовъ спросить васъ обо мнѣ, что же вы ей тогда отвѣтите?

— Что вы самая ловкая женщина въ Европѣ.

— О! какъ вы скучны! — вскричала миссисъ Гедвей съ раздраженіемъ.

— Развѣ вы не проникли въ европейское общество?

— Можетъ быть и нѣтъ. Еще слишкомъ рано утверждать это. По этому сезону судить нельзя. Всѣ говорятъ, что я должна подождать слѣдующаго, и что тогда будетъ видно. Иногда они займутся кѣмъ-нибудь въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль и затѣмъ повернутся спиной навсегда. Я должна какъ нибудь укрѣпиться въ моемъ положеніи; прибить его, такъ сказать, гвоздями.

— Вы говорите о немъ такъ, какъ еслибы это былъ вашъ гробъ, — замѣтилъ Литльморъ.

— Это и есть въ нѣкоторомъ родѣ мой гробъ. Я хороню свое прошлое!

Литльморъ сдѣлалъ жестъ нетерпѣнія. Ему до смерти надоѣло ея прошлое. Онъ перевелъ разговоръ на другое и сталъ ее разспрашивать про ея лондонскую жизнь, — сюжетъ, о которомъ она толковала съ большимъ юморомъ. Она разговаривала съ нимъ съ полчаса и поднимала на смѣхъ большинство своихъ новыхъ знакомыхъ и нѣкоторыя почтеннѣйшія черты изъ жизни великой столицы. Онъ самъ смотрѣлъ на Англію нѣсколько свысока, но среди ея фамиллярныхъ намековъ на разныхъ лицъ и разныхъ обстоятельства, его вдругъ поразила мысль, что она никогда не

проникнуть въ сущность вещей. Она пребывала на поверхности точно муха, ползающая по оконному стеклу. Ей очень нравилась такая жизнь; ея самолюбіе было польщено и непомерно раздуто. Она сыпала своими самоуверенными сужденіями, точно цвѣтами, и толковала о своихъ намѣреніяхъ, планахъ, желаніяхъ. Но она столько же знала объ англійской жизни, какъ о молекулярной теоріи. Слова, въ которыхъ онъ описывалъ ее какъ-то Уотервиллю, снова пришли ему на память: «*Elle ne doute de rien!*»

Вдругъ она вскочила съ мѣста; она обѣдала въ гостяхъ, и ей пора было идти одѣваться.

— Прежде, чѣмъ вы уйдете, общайтесь мнѣ исполнить то, о чемъ я васъ попрошу, — сказала она напрямки, но съ такимъ взглядомъ, который онъ видѣлъ у ней раньше, и который обозначалъ, что дѣло идетъ о важномъ пунктѣ.

— Васъ навѣрное будутъ обо мнѣ спрашивать.

И умолкла послѣ этихъ словъ.

— Какъ могутъ знать люди, что мы съ вами знакомы?

— Вы этимъ не хвалитесь? вы это хотите сказать? чтожъ, вы можете вести себя скотомъ относительно меня, если хотите. Какъ бы то ни было, а они знаютъ, что мы знакомы. Можетъ быть я сама говорила объ этомъ. Они непременно будутъ васъ обо мнѣ спрашивать. Я говорю про людей, которыхъ подоплетъ леди Дименъ. Она въ ужасномъ состояніи. Она такъ боится, что ея сынъ на нѣе женится.

Литльморъ не могъ не разсмѣяться.

— Я этого не боюсь, если онъ до сихъ поръ этого не сдѣлалъ.

— Онъ не можетъ рѣшиться. Онъ очень любитъ меня, но думаетъ, что на мнѣ нельзя жениться.

Было просто смѣшно слышать, съ какой развязностью она говорила о самой себѣ.

— Онъ долженъ быть весьма ничтожный человѣкъ, если не можетъ рѣшиться жениться на васъ вопреки всему.

Это было не особенно лестное замѣчаніе, но миссисъ Гедвей пропустила его мимо ушей, и только сказала:

— Чтожъ; онъ желаетъ быть осмотрительнымъ и долженъ быть осмотрительнымъ.

— Если онъ слишкомъ любопытенъ, то не стоитъ выходить за него замужъ.

— Извините меня, за него стоитъ выйти замужъ во всякомъ случаѣ. И я желаю выйти за него замужъ — вотъ чего я желаю.

— И онъ ждетъ, что я ему это устрою?

— Я не знаю чего онъ ждетъ—вѣроятно того, чтобы кто-нибудь пришелъ и сказалъ ему, что я самая порядочная изъ женщинъ. Тогда онъ этому повѣритъ. Кто-нибудь, кто знаетъ меня въ былое время. Конечно, вы этотъ самый человекъ и есть; вы нарочно для того созданы. Развѣ вы не помните, что я вамъ еще въ Парижѣ говорила, что онъ собирался васъ разспрашивать? Но ему стало стыдно и онъ отказался отъ этой мысли, и пытался забыть меня. Но это ему не удалось; а теперь мать его стоитъ ему поперекъ дороги. Она день и ночь убѣждаетъ его, что я недостойна его. Онъ очень ее любитъ и очень поддается чужимъ вліяніямъ... то-есть я разумѣю его мать, а никого больше, кромѣ меня, разумѣется. О! Я тоже имѣю на него вліяніе; я сто разъ объясняла ему все рѣшительно. Но есть вещи очень щекотливыя, и онъ постоянно въ нихъ возвращается. Онъ хочетъ, чтобы ему разъяснили всѣ малѣйшія бездѣлицы. Онъ самъ къ вамъ не прійдетъ, но мать его прійдетъ или пришлетъ кого-нибудь вмѣсто себя. Я ожидаю, что она пришлетъ своего полюбреннаго, какъ они ихъ называютъ. Она послала бы его въ Америку за справками, да только не знаетъ, куда именно его направить. Конечно, нельзя же отъ меня требовать, чтобы я сообщила имъ адресъ этихъ мѣстъ. Пусть сами доискиваются. Она знаетъ все про васъ и познакомилась съ вашей сестрой. И такъ вы предупреждены. Она ждетъ васъ; она будетъ ловить васъ. Она убѣждена, что можетъ заставить васъ сказать то, что будетъ благоприятствовать ея видамъ. Тогда она передастъ это сѣру Артуру. Поэтому вы будете такъ добры, и опровергнете все рѣшительно.

Литльморъ внимательно выслушалъ эту небольшую рѣчь, но заключеніе его поразило.

— Вы хотите этимъ сказать, что мои слова могутъ имѣть какое-либо для васъ значеніе.

— Не притворяйтесь! Вы такъ же хорошо знаете, какъ и я, что они имѣютъ громадное значеніе.

— Вы, однако, считаете его за идіота.

— Оставимъ въ сторонѣ, тѣмъ я его считаю. Я хочу выйти за него замужъ—вотъ главное. И торжественно взываю къ вамъ о помощи. Вы можете спасти меня и можете погубить. Если вы погубите меня, то поступите какъ подлецъ. А если вы скажете хоть одно слово противъ меня, вы меня погубите.

— Идите и одѣвайтесь къ обѣду—вотъ въ чемъ ваше спасеніе,—отвѣчалъ Литльморъ, прощаясь съ нею на площадкѣ глѣстницы.

IX.

Хорошо ему было принимать этотъ тонъ, но онъ чувствовалъ, иди домой, что не будетъ знать, что ему сказать людямъ, которые, какъ говорила миссисъ Гедвей, будутъ ловить его. Она успѣла одурманить его; она сумѣла заставить его почувствовать, что на немъ лежитъ нѣкоторая отвѣтственность. Но зрѣлище ея успѣховъ ожесточило его сердце. Его раздражало ея вторженіе въ общество. Онъ пообѣдалъ одинъ въ этотъ вечеръ, такъ какъ его сестра и ея мужъ нахватали приглашеній на цѣлый мѣсяцъ и обѣдали гдѣ-то у своихъ знакомыхъ. Миссисъ Дольфинъ, однако, рано вернулась домой и немедленно постучалась въ небольшую комнату у самой лѣстницы, которая уже получила прозвище берлоги Литльмора. Редфинальдъ, мужъ ея, отправился на какую-то пирушку, а она поскорѣй вернулась домой, такъ какъ ей надо было переговорить съ братомъ. Въ своемъ нетерпѣніи она даже не могла отложить этотъ разговоръ до завтрашняго дня. Нетерпѣніе выражалось во всей ея фигурѣ, и этимъ она совсѣмъ не походила на Джоржа Литльмора.

— Я желаю переговорить съ тобой о миссисъ Гедвей,—сказала она, и онъ даже слегка вздрогнулъ отъ такого совпаденія ея словъ съ его собственными мыслями. Онъ только что рѣшилъ переговорить съ ней объ этомъ.

Она растегнула пальто и бросила его на кресло; затѣмъ сняла длинныя, черныя перчатки, которыя были не такъ изящны, какъ перчатки миссисъ Гедвей. Все показывало, что она готовится къ важному дѣлу. М-съ Дольфинъ была маленькая, аккуратная женщина, когда-то хорошенькая, съ мягкимъ, тонкимъ голосомъ спокойными, тихими манерами и безусловнымъ познаніемъ того, какъ слѣдовало поступать во всѣхъ случаяхъ жизни. Она такъ всегда и поступала, и понятія ея объ этомъ предметѣ были настолько опредѣленны, что всякая неудача въ этомъ отношеніи была бы непростительна съ ея стороны. Ее обыкновенно не считали американкой; но она настаивала на своей національности, такъ какъ льстила себя мыслью, что принадлежитъ къ такому типу американокъ, который по своей рѣдкости представляетъ особую прелесть. Она была по природѣ очень консервативна и кончила тѣмъ, что стала болѣе яримъ тори, чѣмъ самъ м-ръ Дольфинъ. Многіе изъ ея прежнихъ знакомыхъ считали, что она очень перемѣнилась со времени своего замужества. Она такъ хорошо знала англійское общество, точно сама его изобрѣла,

имѣла всегда такой видъ, точно собиралась ѣхать верхомъ; отличалась тонкими губами и хорошенькими зубами, и была столь же положительна, какъ и любезна. Она сказала брату, что м-съ Гедвей выдаетъ себя за самую короткую его знакомую, и что она находитъ страннымъ, что онъ никогда ей не говорилъ про нее. Онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно давно знакомъ съ миссисъ Гедвей, рассказалъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло это знакомство, и прибавилъ, что видѣлся съ нею сегодня. Онъ сидѣлъ и курилъ сигару, глядя въ потолокъ въ то время, какъ миссисъ Дольфинъ осматривала его вопросами. Правда ли, что онъ считаетъ возможнымъ для порядочнаго человѣка жениться на ней? правда ли, что ея antecedentes были очень двусмысленны?

— Я ужъ лучше сразу скажу тебѣ, что получила письмо отъ леди Дименъ,—объявила миссисъ Дольфинъ.—Оно пришло какъ разъ передъ тѣмъ, какъ я уходила изъ дому, и оно у меня въ карманѣ.

Она вынула письмо, собираясь, очевидно, прочесть его, но онъ не просилъ ее объ этомъ. Онъ зналъ, что она пришла затѣмъ, чтобы вынудить у него такое заявленіе, которое помѣшало бы дальнѣйшимъ проэктамъ миссисъ Гедвей, и хотя ему и не нравилась назойливость этой дамы, однако, его бѣсило также и то, что его хотѣли непремѣнно заставить играть во всемъ этомъ активную роль. Онъ очень уважалъ миссисъ Дольфинъ, которая, въ числѣ другихъ геппширскихъ понятій, усвоила также себѣ и то, по которому за мужскими членами семействъ признается нравственное преобладаніе, такъ что обращалась съ нимъ съ почтительностью, заставлявшей его считать сестру англичанку большой для себя роскошью. Тѣмъ не менѣе онъ не выказалъ особенной уступчивости, когда зашла рѣчь о миссисъ Гедвей. Онъ сразу согласился, что она вела себя не вполне прилично—безполезно было бы спорить объ этомъ—но утверждалъ, что не считаетъ ее хуже многихъ женщинъ и не интересуется тѣмъ, выйдетъ она замужъ или нѣтъ. Прежде всего это до него не касается, а также и до миссисъ Дольфинъ.

— Но нельзя же пренебрегать требованіями простой гуманности!—возразила его сестра и прибавила, что находитъ его очень непослѣдовательнымъ. Онъ не уважаетъ м-съ Гедвей, знаетъ ужасныя про нее вещи, не считаетъ ее достойной знакомства своей родной сестры! И, между тѣмъ, готовъ допустить бѣднаго сэра Артура Димена жениться на ней!

— Вполнѣ готовъ!—вскричалъ Литльморъ.—Все, что отъ меня требуется, это не жениться на ней самому.

— Развѣ ты не считаешь, что на тебѣ лежать извѣстныя обязанности, извѣстная отвѣтственность?

— Не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать. Если она слумѣетъ пристроиться, тѣмъ лучше для нея. Въ своемъ родѣ это великолѣпное зрѣлище.

— Въ какомъ смыслѣ ты находишь его великолѣпнымъ?

— Да, въ такомъ, что она карабкается на дерево, точно настоящая бѣлка.

— Справедливо, что у ней смѣлость à toute épreuve. Но и англійское общество стало до неприличія доступно. Никогда въ жизни я не видѣла, чтобы люди такъ легко увлекались. Миссисъ Гедвей стоитъ только появиться, чтобы всѣхъ очаровать. Если они думаютъ, что за вами водятся грѣшки, то это только лишняя причина для нихъ бѣгать за вами. Это напоминаетъ времена паденія римской имперіи. Вы можете по первому взгляду на миссисъ Гедвей видѣть, что она не лѣди. Она хороша собой, очень хороша, но она похожа на модницу портниху. Она не имѣла никакого успѣха въ Нью-Йоркѣ. Я уже три раза встрѣчала ее въ обществѣ. Она, кажется, вездѣ бываетъ. Я не говорила про нее; я ждала, какъ ты поступишь въ этомъ случаѣ, и увидѣла, что ты намѣренъ оставаться пассивнымъ; тогда это письмо убѣдило меня переговорить съ тобой. Оно написано въ томъ разсчетѣ, что ты его прочтешь. Она писала мнѣ еще до моего прѣзда въ городъ, и я поѣхала къ ней тотчасъ же, какъ сюда прѣехала. Я считаю это дѣло очень важнымъ. Я сказала ей, что постараюсь помочь ей. Она въ большомъ отчаяніи. Право, мнѣ кажется, что тебѣ слѣдуетъ ее пожалѣть. Ты долженъ сообщить факты такъ, какъ они есть. Женщина не имѣетъ права вести себя Богъ знаетъ какъ, а затѣмъ, вторгаться въ порядочное общество. Она можетъ убить въ себѣ совѣсть, но не можетъ дурачить общества. Въ прошлый вечеръ у лэди Доудаль я боялась, что она узнаетъ отъ нея и подойдетъ знакомиться со мной. Я такъ испугалась, что поскорѣй уѣхала. Если сэръ Артуръ намѣренъ на ней жениться наперекоръ всему—на здравью; но онъ долженъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Миссисъ Дольфинъ не была взволнована и говорила не спѣша, съ спокойной разсудительностью особы, считающей, что право на ея сторонѣ. Но, тѣмъ не менѣе, она сильно желала, чтобы триумфальной карьерѣ миссисъ Гедвей былъ положенъ конецъ. Она слишкомъ злоупотребляетъ доступностью англійскаго общества. Будучи сама пришлой въ этомъ обществѣ, миссисъ Доль-

финъ естественно желала, чтобы влась, въ которому она примкнула, заменилъ свои ряды и высоко держалъ свое знамя.

— Мнѣ кажется, она достойная партія для этого ничтожнаго баронета, сказалъ Литльморъ, закуривая другую сигару.

— Достойная партія! что ты хочешь этимъ сказать? О немъ никто и никогда не сказалъ худого слова.

— Безспорно. Но онъ нуль, а она, по крайней мѣрѣ, личность. Она женщина съ характеромъ и въ тому же очень умная. Кроме того, она не хуже массы другихъ замужнихъ женщинъ. Я, до сихъ поръ, не слыхалъ, чтобы англійское дворянство было такъ разборчиво.

— Я не слыхала о другихъ случаяхъ подобнаго рода, отвѣчала миссисъ Дольфинъ; я знаю только настоящій случай. Обстоятельства натолкнули меня на него, и ко мнѣ обращаются за помощью. Англичане очень романичный народъ, самый романичный въ свѣтѣ, если ты это хочешь сказать. Они дѣлаютъ самыя необыкновенныя вещи въ припадкѣ страсти, даже тѣ, отъ кого этого всего менѣе можно было бы ожидать. Они женятся на кухаркахъ, выходятъ замужъ за кучеровъ, и ихъ романы всегда оканчиваются трагическимъ образомъ. Я увѣрена, что и настоящій случай будетъ имѣть весьма жалкій конецъ. Какъ можешь ты утверждать, что можно довѣряться таковой женщинѣ? Я вижу передъ собой, съ одной стороны, благородный, старинный домъ, одинъ изъ стариннѣйшихъ и почтеннѣйшихъ въ Англіи, людей со всѣми традиціями добродѣтели и возвышенныхъ принциповъ, а съ другой—ужасную, неприличную, вульгарную женщину, неимѣющую понятія обо всемъ этомъ и пытающуюся вторгнуться въ этотъ домъ. Мнѣ противно видѣть это; я хочу помочь имъ.

— А я нѣтъ; мнѣ нѣтъ никакого дѣла до благородной, старинной фамиліи.

— Конечно, личныхъ, корыстныхъ интересовъ въ этомъ вопросѣ у тебя нѣтъ, такъ же, какъ и у меня. Но съ точки зрѣнія порядочности, съ точки зрѣнія пристойности.

— Миссисъ Гедвей не непристойная женщина, ты заходишь слишкомъ далеко. Не забывай, что она моя хорошая знакомая.

Литльморъ говорилъ сухо. Миссисъ Дольфинъ забыла о томъ уваженіи, съ какимъ съ англійской точки зрѣнія слѣдуетъ относиться къ братьямъ.

Она зашла въ этой забывчивости еще дальше.

— О! если и ты тоже влюбленъ въ нее!—пробормотала она, отворачиваясь отъ него.

Онъ ничего не отвѣтилъ на это, и слова ея нисколько его не задѣли. Но, чтобы покончить съ этой исторіей, онъ спросилъ: чего же въ сущности отъ него хочетъ леди Дименъ? Неужели она желаетъ, чтобы онъ пошелъ и сталъ бы сообщать всѣмъ прохожимъ, что было такое время, когда даже сестра м-съ Гедвей не знала, за кѣмъ именно она замужемъ?

Миссисъ Дольфинъ вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ прочитала ему письмо леди Дименъ, а ея братъ объявилъ, что это самое необыкновенное письмо, какое только ему приходилось читать въ жизни.

— Оно очень грустно; я просто въ отчаяніи, — замѣтила миссисъ Дольфинъ. — Она хочетъ въ сущности письмомъ, сказать что желаетъ, чтобы ты пріѣхалъ къ ней. Она не прямо это высказываетъ, но я читаю это между строкъ. Кроме того, она говорила мнѣ, что отдала бы все на свѣтъ, чтобы повидаться съ тобой. Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, что ты долженъ къ ней поѣхать.

— Чтобы выругать Нанси Бекъ?

— Ступай и расхвали ее, если хочешь!

Слова миссисъ Дольфинъ были, быть можетъ, и умны, но ея брата не такъ-то легко было уломать. Онъ не считалъ, чтобы долгъ обязывалъ его къ визиту и отказался ѣхать къ миледи.

— Ну, когда такъ, то она сама пріѣдетъ къ тебѣ, — сказала миссисъ Дольфинъ рѣшительно.

— Если она пріѣдетъ, я скажу ей, что Нанси ангелъ.

— Если ты можешь по совѣсти сказать это, то она будетъ очень рада услышать это, — отвѣчала м-съ Дольфинъ, забирая перчатки и пальто.

Встрѣтивъ на другой день Руперта Уотервиля, какъ это часто бывало, въ клубъ Сень-Джоржъ, оказывающемъ весьма любезное гостепріимство секретарямъ посольствъ и лицамъ, представляющимъ національности, Литльморъ объявилъ ему, что его пророчество осуществилось, и что леди Дименъ проситъ съ нимъ свиданія.

— Моя сестра прочитала мнѣ весьма замѣчательное письмо отъ нея, — прибавилъ онъ.

— Какого рода это письмо?

— Письмо женщины до того растерявшейся, что она сама себя не помнитъ. Я, должно быть, большое животное, но ея страхъ меня забавляетъ.

— Вы находитесь въ положеніи Оливье-де-Жаленъ въ Demi-Monde, — замѣтилъ Уотервиль.

— Въ *Demi-Monde*? — повторилъ Литльморъ, который не сразу принималъ литературные намеки.

— Развѣ вы не помните пьесу, которую мы видѣли въ Парижѣ? Или, пожалуй, въ положеніи дон-Фабриція въ *Aventurière*. Дурная женщина старается выйти замужъ за честнаго человѣка, который не знаетъ, какъ она дурна, а другіе, которые это знаютъ, изобличаютъ ее.

— Да, помню. Дѣйствующія лица, помнится мнѣ, всѣ усердно играли.

— Однако, они помѣшали браку, что и было главнымъ пунктомъ.

— Это главный пунктъ для тѣхъ, кого это близко касается. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ было короткимъ пріятелемъ заинтересованнаго лица, другое — его сыномъ. Діамень же для меня посторонній человѣкъ.

— Онъ очень хорошій малый, — сказалъ Уотервиль.

— Ступайте, въ такомъ случаѣ, и просвѣтите его.

— Разыграть роль Оливье-де-Жаленъ? О! нѣтъ, я этого не могу; я не Оливье! Но я бы желать, чтобы онъ самъ дошелъ до истины. Право, не слѣдовало бы допускать миссисъ Гедвей поставить на своемъ.

— Я бы желать одного только: чтобы меня оставили въ покоѣ, — сердито пробормоталъ Литльморъ, глядя въ окно.

— Что, вы все еще придерживаетесь той теоріи, какую проповѣдывали въ Парижѣ? Готовы ли вы соврать? — спросилъ Уотервиль.

— Разумѣется, я не могу отказаться отвѣчать... хотя бы на этотъ вопросъ.

— Какъ я говорилъ вамъ раньше, молчаніе будетъ равносильно осужденію.

— Пускай себѣ, мнѣ все равно. Право, я уѣду въ Парижъ.

— Это будетъ тѣмъ же уклоненіемъ отъ отвѣта. Но мнѣ, кажется, вы должны отвѣчать. Я много думалъ объ этомъ и пришелъ къ заключенію, что съ общественной точки зрѣнія ее не слѣдуетъ допускать втереться въ почтенную семью.

Уотервиль проговорилъ все это возвышеннымъ тономъ; его голосъ, выраженіе лица доказывали возвышенный полетъ его мыслей. Результатомъ же этого было то, что Литльморъ, взглянувъ на своего благонаправнаго юнаго пріятеля, еще болѣе рассердился.

— Такъ нѣтъ же! пусть я буду проклятъ, если они вытянутъ изъ меня хоть одно слово! — вскричалъ онъ рѣзко и вышелъ изъ комнаты, а собесѣдникъ его удивленно поглядѣлъ ему вслѣдъ.

X.

На слѣдующее утро Литльморъ получилъ записку отъ м-съ Гедвей—короткую и не хитрую записку, въ нѣсколькихъ словахъ:—«Я буду дома сегодня послѣ полудня, не прійдете ли ко мнѣ въ пять часовъ? мнѣ нужно сообщить вамъ нѣчто особенное».

Онъ не отвѣчалъ на записку, но отправился въ домикъ на Честерфильдъ-Стритъ въ назначенный его обитательницею часъ.

— Не думаю, чтобы вы знали какого рода я женщина! — вскричала она, какъ только что увидѣла его передъ собой.

— О! Боже!—вдохнулъ Литльморъ, опускаясь на стулъ, и прибавилъ:

— Не поднимайте этого вопроса, прошу васъ.

— Нѣтъ, не могу не поднимать. Мнѣ необходимо сказать вамъ это. Это очень важно. Вы меня не знаете; вы меня не понимаете. Вы думаете, что меня знаете, но вы ошибаетесь.

— Если я не знаю васъ, то вина въ этомъ не ваша; вы столько, столько разъ описывали мнѣ себя!

И Литльморъ улыбнулся, хотя ожидающая его сцена была не занимательна. Рѣшительно: миссисъ Гедвей была несносна и не заслуживала пощадъ!

Она глядѣла на него тѣмъ временемъ. Лицо ея болѣе не улыбалось; это было совсѣмъ не то лицо, которое онъ зналъ. Она казалась сердитой и раздраженной, почти старой; перемѣна была полная. Но вдругъ она злобно разсмѣялась.

— Да; я знаю. Мужчины такъ глупы! И женщины нарочно рассказываютъ имъ басни, чтобы испытать, насколько они глупы. И я тоже рассказывала вамъ басни для препровожденія времени, когда бывало скучно. Если вы повѣрили имъ, то сами виноваты. Но теперь я говорю серьезно и хочу дѣйствительно, чтобы вы меня узнали.

— Я не желаю ничего узнавать. Я знаю достаточно.

— Что вы хотите этимъ сказать?—закричала она, вспыхивая, какъ огонь.—Какое дѣло вамъ до меня и моихъ дѣлъ?

Бѣдная женщина въ своемъ раздраженіи, вѣроятно, не могла быть послѣдовательною, и громкій хохотъ, которымъ встрѣтилъ Литльморъ этотъ вопросъ, должно быть, показался ей незаслуженно жестокимъ.

— Я скажу вамъ, что я желаю, чтобы вы знали. Вы считаете меня дурной женщиной; вы не уважаете меня, я уже ска-

зала вамъ это въ Парижѣ. Я дѣлала вещи, которыхъ сама теперь не понимаю; это я допускаю, если вамъ угодно. Но я совершенно переѣнилась и желаю, чтобы все также переѣнилось. Вы должны вникнуть въ это, должны понять, что мнѣ нужно. Я ненавижу все, что со мной до сихъ поръ было; я презираю, проклинаю это. Я потому только такъ поступала, что не знала, какъ мнѣ быть, и хваталась то за одно, то за другое. Но теперь у меня есть то, чего я хочу. Неужели же мнѣ нужно на коленяхъ просить васъ? Я готова и на это; я такъ несчастна. Вы можете помочь мнѣ; никто другой не можетъ, но вы можете; я говорила вамъ это еще въ Парижѣ. Заговорите за меня доброе словечко; заклиная васъ! Вы даже пальцемъ не пошевелили для того, чтобы сколько-нибудь помочь мнѣ, не то я бы уже объ этомъ знала. Все теперь въ вашихъ рукахъ. Пускай ваша сестра придетъ ко мнѣ, и я спасена. Женщины безжалостны, безжалостны, и вы также безжалостны. Не то, чтобы ваша сестра была бы такая важная птица, у меня есть въ числѣ знакомыхъ болѣе важныя персоны; но она единственная женщина, которая обо мнѣ знаетъ. Она знаетъ, что она знаетъ, и онъ знаетъ, что она ко мнѣ не ѣдетъ. И вотъ она меня убиваетъ, просто убиваетъ! Я отлично понимаю, что ему нужно; я все сдѣлаю, все рѣшительно; я буду примѣрная жена. Старуха будетъ обожать меня, когда узнаетъ меня въ дѣйствительности; какъ глупо, что она не понимаетъ этого. Все что было—прошло; это все отошло отъ меня; это жизнь другой женщины, которой больше мнѣ. Вотъ то, чего я всегда хотѣла; я знала, что когда-нибудь найду это. Что могла я дѣлать въ тѣхъ ужасныхъ мѣстахъ? Мнѣ приходилось мириться съ тѣмъ, что есть. Но теперь я попала въ благородную страну. Я прошу васъ: будьте ко мнѣ справедливы; вы всегда были ко мнѣ несправедливы; вотъ затѣмъ я пригласила васъ.

Литльмору вдругъ перестало быть скучно, но за то въ его чувствахъ воцарилась такая путаница, что трудно было сразу въ нихъ разобраться. Невозможно было не быть тронутымъ. Она дѣйствительно хотѣла исправиться, какъ говорила. Но люди не мѣняють своей природы; они мѣняють только свои желанія, идеалы, стремленія. Ея безсвязный, но страстный протестъ доказывалъ, что она въ самомъ дѣлѣ желала стать порядочной женщиной.

Но бѣдняжка, не смотря на всѣ свои усилія, была осуждена, какъ говорилъ когда-то Литльморъ, остановиться на подорогѣ. Краска бросилась въ лицо ея гостю въ то время, какъ онъ

слушалъ ея признанія, гдѣ вся тревога происходила отъ эгоизма. Она не очень хорошо вела себя въ первую пору своей жизни, но, разумѣется, ей не зачѣмъ было становиться передъ нимъ на колѣни.

— Мнѣ очень тяжело слушать все это, — сказалъ онъ. — Ничто не обязываетъ васъ говорить мнѣ все это. Вы совсѣмъ неправильно толкуете мое поведеніе, мое вліяніе.

— О! да! вы хитрите! вы все хитрите! — закричала она, яростно отбросивъ подушку дивана, на которую опиралась.

— Выходите замужъ за кого хотите! — вскричала Литльморъ, почти съ гнѣвомъ, вскакивая съ мѣста.

Онъ не успѣлъ проговорить это, какъ дверь отворилась, и слуга доложилъ о приходѣ сэра Артура Димена. Баронетъ вошелъ съ нѣкоторой торопливостью, но остановился, какъ впопани, увидя, что миссисъ Гедвей не одна. Однако, когда онъ узналъ Литльмору, то издалъ какое-то восклицаніе, которое можно было принять за привѣтствіе. Миссисъ Гедвей, вставшая съ мѣста при его появленіи, необыкновенно серьезно глядѣла то на одного, то на другого своего гостя. Затѣмъ съ видомъ особы, которую ослѣпило внезапное вдохновеніе, всплеснула руками и вскричала: — Какъ я рада, что вы сошлись вмѣстѣ! еслибы я нарочно устроила это, то оно не могло бы быть болѣе встати!

— Если бы вы нарочно устроили это? — повторилъ сэръ Артуръ, вопросительно хмурия свой высокій, бѣлый лобъ, между тѣмъ какъ у Литльмору явилось убѣжденіе, что она дѣйствительно устроила это нарочно.

— Я поступлю совершенно необычно, — продолжала она, и глаза ея засверкали, какъ будто въ подтвержденіе ея словъ.

— Вы взволнованы; я боюсь, что вы нездоровы.

Сэръ Артуръ стоялъ со шляпой и съ тросточкой въ рукахъ и былъ, очевидно, очень недоволенъ.

— Это чудесный случай; вы должны меня извинить, если я имъ воспользуюсь.

И она нѣжно, трогательно взглянула на баронета.

— Я давно, давно желала этого; быть можетъ, вы догадывались, что я этого желаю. М-ръ Литльморъ знакомъ со мной издавна; онъ старинный, хорошій мой знакомый. Я говорила вамъ это въ Парижѣ, вы помните? Къ тому же онъ единственный мой знакомый, и я желаю, чтобы онъ вступился за меня.

Глаза ея обратились на Литльмору съ такой кротостью, что она только сильнѣе выдавала свое нахальство, хотя видимо дрожала. Она теперь опять улыбалась.

— Онъ единственный мой знакомый, — продолжала она; — я очень жалю объ этомъ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы узнали и другихъ. Но я совсѣмъ одинока здѣсь и должна довольствоваться тѣмъ, что есть. Мнѣ такъ хочется, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ меня, поговорилъ вамъ обо мнѣ. Обыкновенно женщины просятъ рекомендаціи у родныхъ, у другихъ женщинъ. Я этого не могу сдѣлать; я очень объ этомъ сожалею; но это мое несчастіе, а не моя вина. Никого изъ моихъ близкихъ здѣсь нѣтъ; я бѣдная, одинокая женщина. Но м-ръ Литльморъ скажетъ вамъ, что знавалъ меня много лѣтъ сряду. Онъ скажетъ вамъ, знаетъ ли онъ что-нибудь... можетъ ли онъ что-нибудь сказать противъ меня. Онъ давно хотѣлъ этого, но не считалъ возможнымъ брать на себя инициативу. Вы видите, м-ръ Литльморъ, что я отношусь къ вамъ, какъ къ старому другу. Я оставляю васъ вдвоемъ съ сэромъ Артуромъ. Вы оба меня извините.

Выраженіе ея лица, обращеннаго въ сторону Литльмора, когда она высказывала это диковинное предложеніе, напоминало выраженіе лица мага, когда онъ произноситъ заклинаніе. Она еще разъ улыбнулась сэру Артуру и вышла изъ комнаты.

Оба господина очутились въ необыкновенномъ положеніи, въ какое она ихъ поставила. Никто изъ нихъ даже не тронулся съ мѣста, чтобы запереть за ней дверь. Она сама заперла ее, и съ минуту царствовало глубокое, многозначительное молчаніе. Сэръ Артуръ Дименъ блѣдный какъ смерть глядѣлъ въ полъ.

— Я поставленъ въ невозможное положеніе, — проговорилъ наконецъ Литльморъ, — и полагаю, что вы, такъ же какъ и я, не согласитесь подчиниться ему.

Баронетъ сохранялъ ту же позу; онъ не поднималъ глазъ и не говорилъ. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ воспользоваться настоящимъ положеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему до смерти хотѣлось знать, какимъ образомъ отнесется этотъ непостижимый американецъ, который былъ и порядоченъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и легкомысленъ, фамильяренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непроницаемъ, къ вызову миссисъ Гедвей.

— Желаете вы предложить мнѣ какіе-нибудь вопросы? — продолжалъ Литльморъ.

Тутъ сэръ Артуръ поднялъ голову. Литльморъ уже раньше видѣлъ у него такое выраженіе въ глазахъ. Онъ описывалъ его Уотервилью послѣ посѣщенія его баронетомъ въ Парижѣ. Но теперь къ нему примѣшивалось еще многое другое: стыдъ, досада, гордость, но главное все-таки оставалось: страстное желаніе узнать истину:

«Боже мой! какъ я скажу ему!» восклицалъ внутренно Литльморъ.

Колебаніе сѣра Артура было очень кратко; но Литльморъ слышалъ какъ стучали часы, пока оно длилось.

— Конечно, не желаю!—отвѣтилъ молодой человѣкъ тономъ холоднаго, почти дерзкаго удивленія.

— Если такъ, то прощайте.

— Прощайте.

И Литльморъ расстался съ сѣромъ Артуромъ. Онъ ждалъ, что столкнется съ миссисъ Гедвей на лѣстницѣ; но вышелъ изъ дому безъ помѣхи.

На другое утро, послѣ завтрака, когда онъ собирался уходить, почтальонъ подаль ему письмо. Литльморъ вскрылъ и прочиталъ его на подѣздѣ, на что потребовалась всего только одна минута. Вотъ что писала миссисъ Гедвей:

«Любезный м-ръ Литльморъ, вамъ интересно будетъ узнать, что я выхожу замужъ за сѣра Артура Димена, и что наша свадьба произойдетъ какъ только этотъ глупый парламентъ закроется. Но пока мы держимъ это въ секретѣ, и я увѣрена, что могу рассчитывать на вашу безусловную скромность. Искренняя преданная вамъ—Нанси Гедвей.

«P. S. Онъ сдѣлалъ мнѣ страшную сцену за вчерашнее, но вечеромъ пріѣхалъ снова и извинился. Вотъ какъ все это случилось. Онъ не хотѣлъ сказать мнѣ, что произошло между нами и просилъ не упоминать объ этомъ. Мнѣ все равно, я знала, что вы скажете!»

Литльморъ положилъ письмо въ карманъ и пошелъ дальше. Онъ вышелъ по разнымъ дѣламъ, но позабылъ о нихъ, и прежде, нежели опомнился, очутился въ Гайдъ-Паркѣ. Онъ оставилъ въ сторонѣ экипажи и всадниковъ и пошелъ въ Кенсингтонскіе сады, которые обошелъ кругомъ. Онъ былъ сильнѣе раздосадованъ, чѣмъ это ожидалъ. Теперь, когда Нанси Бекъ достигла своей цѣли, ея удача бѣсила его, и онъ почти сожалѣлъ, что не сказалъ сѣру Артуру: «Ну, да, она женщина очень дурного поведенія». Какъ бы то ни было, а теперь дѣло сдѣлано, и они оставляютъ его въ покоѣ. Прогулка разсѣяла его досаду, и прежде, чѣмъ онъ пошелъ по своимъ дѣламъ, онъ пересталъ думать о м-съ Гедвей. Онъ пришелъ домой въ шесть часовъ, и слуга, отворившій ему дверь, сказалъ, что миссисъ Дольфинъ проситъ его пожаловать въ гостиную. «Это новая ловушка!» подумалъ онъ, но тѣмъ не менѣе пошелъ, куда его приглашали. Входя въ гостиную, гдѣ находилась миссисъ Дольфинъ, онъ уви-

дѣлъ, что у нее гостья. Эта гостья, которая, повидимому, собиралась уходить, была высокая, пожилая женщина, и обѣ дамы стояли посреди комнаты.

— Я такъ рада, что ты вернулся, — сказала миссисъ Дольфинъ брату, избѣгая его взгляда, — я желала представить тебя лэди Дименъ и надѣялась, что ты ее еще застанешь. Неужели вы такъ спѣшите... оставайтесь еще немного, — обратилась она къ своей гостьѣ, и не дожидаясь отвѣта, прибавила торопливо: — извините меня, я на минуту должна оставить васъ. Я сейчасъ ворочусь.

Прежде, чѣмъ Литльморъ успѣлъ опомниться, онъ очутился наединѣ съ лэди Дименъ и понялъ, что такъ какъ онъ не захотѣлъ къ ней отправиться, она сама къ нему пріѣхала. Но тѣмъ не менѣе результатомъ этого было то, что онъ сказалъ себѣ, что сестра его способна хитрить не хуже Нанси Бекъ!

— «Ахъ! она должно быть очень страдаетъ», — подумалъ онъ, взглянувъ на лэди Дименъ. Она казалась деликатной и скромной, даже застѣнчивой, насколько высокая, спокойная женщина горделиваго вида можетъ казаться застѣнчивой. Она до такой степени отличалась отъ миссисъ Гедвей, что ему стало ее жаль. Она, не теряя времени, прямо приступила къ дѣлу. Она, очевидно, сознавала, что въ томъ положеніи, въ какое она себя поставила, всего лучше быть какъ можно проще и дѣловитѣе.

— Я очень рада видѣть васъ. Я желаю спросить васъ: можете ли вы дать мнѣ нѣкоторые свѣдѣнія объ особѣ, которую вы знаете, и о которой я писала м-съ Дольфинъ. Я говорю о миссисъ Гедвей.

— Прошу васъ сѣсть, — пригласилъ Литльморъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ некогда.

— Могу я спросить, почему вы спрашиваете меня объ этомъ?

— Разумѣется, я должна сообщить вамъ причину; я боюсь, что мой сынъ женится на ней.

Литльморъ растерялся на минуту; онъ понялъ, что она не знаетъ новости, сообщенной ему въ запискѣ миссисъ Гедвей.

— Она вамъ не нравится? — спросилъ онъ, невольно увеличивая удивленіе въ своемъ голосѣ.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣтила лэди Дименъ, улыбаясь и глядя на него. Улыбка ея была кроткая, безъ досады. Литльморъ подумалъ, — какая она красивая.

— Что вамъ угодно отъ меня узнать? — спросилъ онъ.

— Считаете ли вы ее порядочной женщиной?

— Какая вамъ можетъ быть отъ этого польза? неужели мое мнѣніе можетъ повліять на ходъ событій?

— Мнѣ не будетъ никакой пользы, если мнѣніе ваше окажется благопріятнымъ. Но если нѣтъ, то я скажу моему сыну, что единственный человѣкъ въ Лондонѣ, который ее знаетъ болѣе шести мѣсяцевъ, считаетъ ее дурной женщиной.

Этотъ эпитетъ въ устахъ лэди Дименъ не вызвалъ протеста со стороны Литльмора. Онъ вдругъ созналъ необходимость высказать голую правду, какъ тогда, когда онъ отвѣтилъ на вопросъ Руперта Уотервила въ Théâtre-Français.

— Я не считаю миссисъ Гедвей порядочной женщиной, — сказалъ онъ.

— Я была увѣрена, что вы это скажете.

Лэди Дименъ, какъ будто нѣсколько задыхалась.

— Я ничего не скажу болѣе, ни одного слова. Это мое мнѣніе. Не думаю, чтобы оно могло принести вамъ пользу.

— А я думаю, что да. Я желала только услышать это изъ вашихъ собственныхъ устъ. Въ этомъ все дѣло, — отвѣтила лэди Дименъ. — Я очень вамъ обязана.

И она протянула ему руку, послѣ чего онъ молча проводилъ ее до дверей.

Онъ не чувствовалъ сожалѣнія, раскаянія въ томъ, что сказалъ, а скорѣе облегченіе. Быть можетъ потому, что считалъ, что отъ словъ его ничто не перемѣнится. Перемѣна заключалась только въ одномъ: въ его собственныхъ воззрѣніяхъ на приличія. Онъ попросилъ сестру, которая удивлялась короткости его свиданія съ лэди Дименъ, уволить его отъ всякихъ вопросовъ по этому поводу. Но миссисъ Дольфинъ нѣсколько дней пребывала въ счастливой увѣренности, что неприличная американка не скомпрометируетъ ее родину въ глазахъ англійскаго общества.

Увѣренность ея длилась, однако, не долго. Перемѣны никакой не воспослѣдовало; быть можетъ, потому, что было слишкомъ поздно. Въ первыхъ числахъ іюня Лондонъ узналъ не то, что сэръ Артуръ Дименъ женится на м-съ Гедвей, но то, что эта чета уже обвѣнчана секретнымъ и нерасторжимымъ образомъ. Лэди Дименъ не подала признака жизни; она уѣхала въ деревню.

— Я думаю, что ты могъ бы помѣшать этому, — сказала м-съ Дольфинъ, съ блѣднымъ лицомъ, брату. — Теперь, конечно, вся ея прежняя жизнь обнаружится.

— Да! и это сдѣлаетъ только то, что за ней будутъ бѣгать болѣе, чѣмъ когда-либо! — отвѣчалъ Литльморъ, съ циническимъ

смѣхомъ.—Послѣ своего короткаго свиданія съ старшей лэди Дименъ, онъ не считалъ себя въ правѣ сдѣлать визитъ младшей. И такимъ образомъ никогда не узналъ, да поправдѣ сказать и не интересовался этимъ, простила ли она ему въ упоеніи своимъ успѣхомъ.

Уотервиль—странно сказать—былъ положительно скандализированъ этимъ успѣхомъ. Онъ считалъ, что никакъ не слѣдовало допускать, чтобы м-съ Гедвей вышла замужъ за довърчиваго джентльмена, и говоря объ этомъ съ Литльморомъ, употребилъ то же выраженіе, какъ и м-съ Дольфинъ. По его мнѣнію, Литльморъ могъ помѣшаться этому браку.

Онъ говорилъ съ такимъ азартомъ, что Литльморъ пристально поглядѣлъ на него, такъ пристально, что тотъ покраснѣлъ.

— Ужъ не собирались ли вы сами на ней жениться? — спросилъ онъ своего пріятеля.—Дорогой другъ мой, вы въ нее влюблены! вотъ отъ чего вы такъ горячитесь.

Но Уотервиль съ негодованіемъ, хотя и покраснѣвъ еще сильнѣе, отвергъ это.

Немного времени спустя до него дошли слухи изъ Нью-Йорка, что тамошнее общество начинаетъ интересоваться тѣмъ,—что такое случилось съ миссисъ Гедвей?

А. Э.

НАРОДНИЧЕСТВО

О к о н ч а н і е .

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Реакціонный поворотъ послѣ реформъ.—Разладъ въ общественномъ мнѣніи, и отраженіе его на литературѣ о народѣ.—Вопросъ о „деревнѣ“.—Теорія народничества.—Новѣйшая народническая беллетристика.

«Народничество», о которомъ теперь говорится такъ часто, есть нѣчто весьма неясное, не легко опредѣлимое, произвольное; «народниками» называютъ себя (и называются другими) люди—очень мало похожіе, даже вовсе непохожіе другъ на друга: люди съ очень опредѣленными прогрессивными мнѣніями, и люди, заявляющіе на каждомъ словѣ, что они — спеціальные друзья народа, и однако, проповѣдующіе нѣчто чрезвычайно близкое къ обскурантизму. Литературная фракція, которая въ особенности приписываетъ себѣ знаніе народа и вѣрнѣйшее истолкованіе его мыслей, отличается едва ли не наибольшей спутанностью понятій. Вообще, она считаетъ свои взгляды именно самоновѣйшимъ принципомъ, разрѣшающимъ всѣ трудные вопросы о народѣ, чуть не приписываетъ себѣ открытіе народа; съ замѣчательнымъ самодовольствомъ она изобличаетъ всякія противныя мнѣнія, противопоставляя себѣ и «бюрократизмъ», и «либерализмъ», смѣшивая ихъ въ одну кучу, иной разъ нападая на славянофиловъ, и рядомъ—совпадая съ «Моск. Вѣдомостями».

Какимъ образомъ могло произойти, что среди ревностно заявляемыхъ привязанностей къ народу могло появиться направле-

*) См. выше: январь, стр. 152.

ніе, соединяющее такіа странныя свойства? Вопросъ этотъ рѣшается нелегко. Понятно, что объясненія его надобно искать во всемъ ходѣ недавней и современной общественной исторіи, которая, однако, не удобно поддается опредѣленіямъ. Не принимая на себя этой задачи, отмѣтимъ лишь нѣсколько фактовъ изъ ближайшей литературной области.

Извѣстно, что тотъ порывъ общественнаго увлеченія, который наполнялъ первые годы прошлаго царствованія, былъ весьма непродолжителенъ. Уже тогда можно было замѣчать, сколько въ немъ непрочнаго и шаткаго. Новое, повидимому, очень либеральное настроеніе этихъ годовъ было подготовлено слишкомъ тяжелыми годами разочарованій крымской войны: всѣмъ, и самой власти было тогда ясно, что прежній порядокъ вещей не состоятеленъ, что государству, какъ обществу и народу, нуженъ иной путь для того, чтобы ихъ силы стали дѣйствительными, а не предполагаемыми—даже для борьбы съ вышнимъ врагомъ. Затѣмъ, слухи о реформахъ, начало ихъ подготовленія, поддерживали это настроеніе, въ теченіе котораго естественно выдались въ оживившейся литературѣ именно тѣ голоса и мнѣнія, которыя сочувствовали обновленію общества и еще гораздо ранѣе видѣли необходимость этого обновленія. Этому настроенію подчинились—даже болѣе или менѣе искренно—и тѣ, кто, собственно говоря, былъ мало приготовленъ или расположенъ къ либеральному взгляду на вещи... Но долго подобное настроеніе удержаться не могло, особенно, когда—по совершеніи реформъ—наступило въ самой правительственной области извѣстное затишье, а затѣмъ и отступленіе. Какъ только стало оно замѣчаться, отъ новаго взгляда на общественныя дѣла отпали всѣ люди безхарактерные, необузданные или даже не могшіе быть убѣжденными,—и напротивъ, «подняли голову», какъ нынче говорятъ, люди, которые съ самаго начала были врагами всякихъ нововведеній, но до времени молчали... Одною изъ характерныхъ особенностей въ дѣятельности Добролюбова было именно его чуткое отношеніе къ подобнымъ проявленіямъ общественности, гдѣ его негодующее остроуміе направлялось противъ фальши, лицемерія и недодуманности, которыхъ въ самомъ началѣ было немало въ либеральныхъ заявленіяхъ, и которыя не обѣщали ихъ прочности...

Не будемъ рассказывать, какъ мало-по-малу измѣнилось направленіе самой правительственной власти, подъ вліяніемъ внутреннихъ волненій, польскаго возстанія, а главное, подъ вліяніемъ того, что въ общей массѣ нашего гражданскаго развитія былъ еще слишкомъ невеликъ запасъ просвѣщенныхъ силъ, ко-

тория могли дать прочную основу требованіямъ реформы; до нынѣ, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ реформы, она еще не примирила своихъ враговъ. Еще больше ихъ было въ пору самаго освобожденія и, между прочимъ, въ средѣ лицъ съ самымъ вліятельнымъ положеніемъ. Ихъ вліяніе не замедлило обнаружиться. Мы не станемъ перечислять фактовъ¹⁾; напомнимъ лишь, какимъ ограниченіямъ подверглись въ 60-тыхъ и 70-тыхъ годахъ не только крестьянская, но и всѣ другія реформы, судебная, земская, законъ о печати и проч., и въ частности, относительно крестьянскаго дѣла приведемъ нѣсколько словъ писателя, который самъ былъ глубоко убѣжденнымъ приверженцемъ и, частію, дѣятелемъ этой реформы, и, по самой умѣренности своихъ взглядовъ, можетъ считаться компетентнымъ наблюдателемъ нашего внутренняго быта послѣднихъ десятилѣтій.

«Давно и много жалуются у насъ на недостатокъ свободы печати, который существенно мѣшаетъ правильному и здоровому росту русской мысли, литературы, науки и искусства—говоритъ К. Д. Кавелинъ.—Но ни въ чемъ этотъ недостатокъ не принесъ столько зла, какъ по крестьянскому вопросу. Благодаря невольнымъ умолчаніямъ или совершенному молчанію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ правильного, спокойнаго, безпристрастнаго взгляда на этотъ предметъ. Полезныя, вполне безвредныя и безобидныя мысли не могли высказаться, а явно ошибочныя и пристрастныя, отвергаемыя всѣмъ ходомъ русской исторіи, наукой и опытомъ, чужимъ и нашимъ, напротивъ, пользовались въ печати совершенной свободой и высказывались подъ-часъ такъ откровенно и торжествующе, что невольно думалось, будто они пользуются, со стороны цензурнаго вѣдомства, особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ. Такое предположеніе, конечно, было неосновательно; ему противорѣчило все наше законодательство, перестроившее съ 1861 года нашъ гражданскій бытъ; но разладъ между законодательною дѣятельностью и цензурными распоряженіями поддерживалъ недоумѣнія относительно истиннаго смысла и значенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не спутаться, не сбиться съ толку, когда Положеніи 1861 года 19 февраля и цѣлый рядъ послѣдующихъ преобразованій признали крестьянъ граждански свободными, а говорить въ печати съ сочувствіемъ о крестьянахъ считалось не-

¹⁾ Этому предмету, между прочимъ, посвящены извѣстныя статьи А. А. Головачева: „Десять лѣтъ реформъ“, печатавшіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ 1871 г., и вышедшія позже отдѣльною книгою.

благовиднымъ, приводить доводы въ пользу общиннаго владѣнія, котораго великорусскіе крестьяне до сихъ поръ цѣпо держатся, было чуть-чуть не равнозначительно съ провозглашеніемъ коммунистическихъ теорій; доказывать, что крестьянскіе земельные на дѣлы недостаточны, что лежащія на крестьянахъ подати и повинности обременительны, что необходимо допустить и организовать переселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній — значило заявлять себя политически неблагонадежнымъ!..

«У огромнаго большинства владѣльцевъ, несочувствовавшихъ отмѣнѣ крѣпостного права, въ томъ видѣ, какъ оно совершилось, и у весьма значительнаго числа административнаго персонала, все болѣе и болѣе пополнявшагося недовольными этой реформой, возродилась, благодаря этому обстоятельству, надежда, что если новыя законоположенія и не будутъ совершенно отменены, то, по крайней мѣрѣ, на дѣлѣ будутъ допущены существенныя отступленія отъ ихъ духа и буквы. Горячія желанія и надежды такого рода, казалось, были не совсѣмъ напрасны. Гдѣ только можно было, Положенія 19 февраля и послѣдующія крестьянскія законоположенія примѣнялись не въ пользу крестьянъ, а въ пользу владѣльцевъ; укрѣпленіе за крестьянами земель, купленныхъ въ прежнее время на ихъ деньги, часто отклонялось подъ самыми ничтожными предлогами; на дѣлы отводились, вопреки смыслу Положеній, въ невыгодѣ крестьянъ и въ выгодѣ владѣльцевъ; выкупные платежи и оброки взыскивались съ беспощадною и разорительною строгостью, причемъ не обращалось никакого вниманія на обстоятельства, дѣлавшія разсрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой, въ видахъ сохраненія платежныхъ силъ крестьянъ на будущее время. Всякіе приемы, съ цѣлью обмануть крестьянъ при отводѣ имъ надѣла, по возможности стѣснить ихъ, установить экономическую ихъ зависимость отъ владѣльцевъ, не только считались позволенными, но владѣльцы и управляющіе ими гордились и хвастали. Незамѣтное, почтенное меньшинство помѣщиковъ и должностныхъ лицъ, не сочувствовавшихъ такому обороту крестьянскаго дѣла, мало-по-малу устранились или были устранены отъ всякаго въ немъ участія...

«Взглядъ на нашъ сельскій людъ какъ на простой народъ, чернь въ европейскомъ смыслѣ, имѣетъ у насъ тоже своихъ энтузіастовъ. Мы слышали, что въ европѣ чернь представляетъ безпокойную массу людей, недовольныхъ своимъ положеніемъ, готовыхъ, при малѣйшей искрѣ, обратиться въ огнедышящій вулканъ, опасный для государства и существующихъ въ немъ по-

рядковъ; что массы народныя—элементъ вѣчнаго движенія, которому, чтобы удерживать его въ границахъ, необходимо противопоставить оплотъ консервативныхъ силъ, каковыми являются крупное землевладѣніе, капиталъ и высшая интеллигенція. Нашлись люди, которые цѣликомъ перенесли и это воззрѣніе на нашъ деревенскій людъ. На этомъ воззрѣніи построены, на примѣръ, удивительныя политическія комбинаціи генерала Фадѣева, въ книгѣ: «Чѣмъ намъ быть». По его мнѣнію, наше крестьянство—клокочущій кратеръ, готовый каждую минуту произвести взрывъ и разрушить нашъ политическій и государственный строй. До такихъ поразительныхъ негѣпостей,—сколько намъ извѣстно, никто еще у насъ недоговаривался, за исключеніемъ сотрудниковъ и покровителей газеты «Вѣсть». Генералу Фадѣеву принадлежитъ безспорно честь, что онъ, изъ ошибочной предпосылки, логически вывелъ ея крайнія послѣдствія»¹⁾.

Все это отразилось и на литературѣ. Наша литература не поддерживается обществомъ, другими словами, литература—въ своихъ лучшихъ силахъ и трудахъ—является выраженіемъ столь незначительной доли общества, именно, болѣе просвѣщенной, что она находится вполнѣ во власти обстоятельствъ. Она можетъ оживиться, когда обстоятельства сложатся благополучно, можетъ, даже при сохраняющейся наличности своихъ обыкновенныхъ силъ, зачахнуть и упасть, если время стоитъ неблагопріятное... Какъ извѣстно, со времени наступившей реакціи принималось много суровыхъ мѣръ; много изданій совсѣмъ превратили свое существованіе, каждый разъ прерывая, на время или даже совсѣмъ, дѣятельность многихъ талантливыхъ писателей и во всякомъ случаѣ стѣсняя остальныхъ. Общественная мысль живуча,—потому что остаются неистребимыми ея условія,—но временно она можетъ быть подавлена и устранена: примѣры мы видѣли, въ послѣднія десятилѣтія, даже у народовъ, несравненно болѣе просвѣщенныхъ и граждански развитыхъ,—удивительно ли, что въ нашихъ условіяхъ устраненіе литературы и общественного мнѣнія могло быть весьма дѣйствительное. Внѣшнее стѣсненіе литературы отразилось ослабленіемъ именно критическаго элемента, и за его отсутствіемъ или недостаточностью начался тотъ «разбродъ» мнѣній, который замѣтила и самая заурядная публицистика,—не постигая (или дѣлая видъ, что не постигаетъ) его причинъ и взваливая его на самую же литературу.

Но рядомъ съ этимъ происходило другое явленіе въ пре-

¹⁾ „Крестьянскій вопросъ“. К. Д. Кавелина. Спб. 1882, стр. 1—3, 10.

дѣлахъ самой литературы. Мы видѣли, что уже критика Добролюбова отмѣчала рѣзкій поворотъ въ самомъ приѣмѣ наблюденія народной жизни — съ тѣхъ поръ, какъ поставленъ былъ прямой вопросъ о реформѣ. Освобожденіе крестьянъ нарушило, и похоронило навсегда, прежній порядокъ быта. Общественный инстинктъ вызвалъ совершенно нныя наблюденія и изображенія народной жизни, чѣмъ тѣ, какія были возможны прежде. Это не была уже мистическая или филантропическая точка зрѣнія, а желаніе узнать, какой же новый элементъ внесетъ въ судьбу цѣлой націи эта новая сила, вступающая въ гражданскую жизнь. Послѣдовала масса всевозможныхъ изслѣдованій, правительственныхъ, земскихъ, частныхъ, научныхъ, практическихъ и беллетристическихъ надъ формами и содержаніемъ крестьянскаго быта — наконецъ, «хождение въ народъ» со всякими цѣлями, и этнографическими, и практически-бытовыми и, наконецъ, революціонными. Естественно, что жизнь, которой было посвящено столь пристальное вниманіе, не могла не представить множества оригинальныхъ и не замѣченныхъ ранѣе сторонъ. Наблюдатели официальные отмѣчали ихъ въ болѣе или менѣе точныхъ сухихъ опредѣленіяхъ, отдѣльные писатели, публицисты и повѣствователи имѣли возможность, если не рѣшать, то ставить вопросы шире, вводить въ нихъ свои обобщенія и идеалы, и дѣйствительно стремились обыкновенно постичь самую сущность, душу народной жизни, ея внутренняго распорядка и отношеній. Очень многіе убѣдились, что постигли эту душу. Дѣло было такъ ново, и интересъ его столь обширенъ, что писателю естественно было радоваться своимъ пріобрѣтеніямъ и видѣть въ нихъ настоящее открытіе. — Въ первый разъ «открытіе» это сдѣлано было уже довольно давно. Съ тѣхъ поръ какъ Гакстаузенъ, путешествовавшій въ Россіи въ сороковыхъ годахъ, обратилъ вниманіе на русскую сельскую общину, о ней начали уже говорить какъ о своеобразномъ народномъ учрежденіи, которому предстоитъ или можетъ предстать великая соціально-экономическая роль въ судьбахъ русскаго народа. Въ пятидесятыхъ годахъ, при первой рѣчи о крестьянской реформѣ, община стала предметомъ одинаково ревностной защиты со стороны экономистовъ изъ двухъ противоположныхъ литературныхъ лагерей того времени. Герценъ въ письмѣ къ историку Мишлѣ представлялъ русскую общину, какъ новый могущественный принципъ соціально-экономическаго быта, которымъ русскій народъ обновитъ европейскую жизнь. Наконецъ, весьма серьезныя вещи объ этомъ предметѣ были сказаны въ теченіе развитія самой реформы. Такимъ образомъ, нельзя

сказать, чтобы это начало русского сельского быта не было извѣстно или достаточно оцѣнено. Тѣмъ не менѣе новѣйшіе наблюдатели, увидѣвши общину въ дѣйствіи, снова были поражены ею, и опять дѣлали «открытіе». Вопросъ продолжалъ быть животрепещущимъ, потому что въ теченіе новой организаціи быта поднималась рѣчь и въ правительственныхъ кругахъ, и въ публицистикѣ, о томъ, что предпочтительнѣе для (дѣйствительнаго или мнимаго) блага сельского населенія—сохраненіе общины или распаденіе ея и покровительство личному владѣнію. Въ тоже время обнаруживались все больше признаки упадка крестьянскаго хозяйства послѣ реформы, что опять вызывало крайнее разнорѣчіе мнѣній и полемическія войны. Наблюдатели народнаго быта, дѣйствительно приглядывавшіеся къ нему вблизи, сочли себя самыми достовѣрными экспертами. Являлась доза самообольщенія, которая не помогла разъясненію дѣла, и самихъ писателей все больше загоняла въ исключительность.

Дѣло въ томъ, что вопросъ былъ чрезвычайно сложенъ. Не говоря о томъ, что громадное пространство нашего отечества создаетъ весьма различныя условія сельского быта, которыя не такъ легко сводятся подъ одну формулу, и напротивъ, представляютъ множество вариантовъ;—чтобы быть достовѣрнымъ экспертомъ сельскихъ отношеній надо быть, кажется, гораздо болѣе вооруженнымъ въ дѣлѣ сельского хозяйства и политической экономіи, чѣмъ большинство (если не всѣ) нашихъ наблюдателей народнаго быта—повѣствователей. Человѣкъ, который не видитъ всего объема многосложнаго вопроса, въ своихъ сужденіяхъ о немъ нерѣдко бываетъ гораздо смѣлѣе тѣхъ, кому эта многосложность болѣе видима. Мы опасаемся, что нѣчто подобное было и здѣсь. Кромѣ того, наблюдатель, нерѣдко теперь соединяющій въ себѣ повѣствователя и публициста,—избравъ себѣ предметомъ разысканія какой-нибудь пунктъ или даже устроивъ тамъ свою резиденцію, не только дѣлаетъ изъ этого пункта общую мѣру сельскихъ отношеній (что едва ли возможно), но вмѣстѣ съ тѣмъ забываетъ иногда о существованіи всего остальнаго міра, кромѣ деревенскаго. Этотъ остальной міръ является совсѣмъ чуждымъ деревнѣ, всего чаще не понимающимъ ни ея значенія, ни интересовъ, и мѣшающимъ ея благодушному существованію. Понятно, что это забвеніе горизонта и перспективы весьма мѣшаетъ правильности очертавіи въ картинѣ.—Дошло, наконецъ, до странныхъ злоупотребленій словами: «мушкетное царство», какъ многіе называютъ Россію,—какъ будто большій процентъ крестьянскаго населенія освобождалъ Россію отъ тѣхъ

же необходимостей, какія существуютъ во всякомъ и не-мужицкомъ царствѣ—тѣхъ же тратъ на администрацію и войско, тѣхъ же заботъ о просвѣщеніи, стремленій къ улучшенію гражданскаго строя и нравовъ, тѣхъ же порывовъ ея талантливейшихъ и образованнѣйшихъ людей въ общечеловѣческимъ идеаламъ.

Наконецъ, на вопросъ о деревнѣ отразилось то броженіе мѣтній, какимъ наполнены послѣднія десятилѣтія. Достаточно напомнить нѣкоторыя подробности. Если въ прогрессивномъ движеніи литературы и общества въ эпоху освобожденія высказались разившіяся традиціи сороковыхъ годовъ, то около того же времени сказались и преданія «Москвитанина», даже «Маяка». Съ такимъ характеромъ явился журналъ Достоевскаго, «Время» («Эпоха»), съ мистической проповѣдью о «почвѣ», съ войной противъ подчиненія европейскому ложному просвѣщенію,—идеями, давно извѣстными по старому славянофильству и «Москвитанину». Полемика велась, впрочемъ, не столько доказательствами, сколько темными теоріями о западномъ и русскомъ чловѣкѣ, и язвительными словами: тогда изобрѣтенъ былъ «кнутъ европейскаго либерализма», «стертый пятналѣтний»; (послѣдній долженъ былъ означать безличность нашихъ послѣдователей европейской образованности) и т. п. Съ началомъ реакціонныхъ «вѣяній», ихъ сильнѣйшимъ выраженіемъ стали «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ». Повидимому, «Время» представляло нѣсколько иной оттѣнокъ, но разница была только въ тонѣ: «Время» отличалось мечтательной восторженностью, ихъ сосѣди — характеромъ весьма положительнымъ,—въ концѣ-концовъ едѣнство ихъ обнаружилось. Крѣпостническими тенденціями чистѣйшей воды отличалась «Вѣсть», съ ея разными позднѣйшими отпрысками. Славянофильскія изданія—«Парусъ», «День», «Москва», «Москвитъ»—играли роль, которая по времени казалась оппозиціонной, и наконецъ были запрещены; въ эту пору они оставались, большею частію, вѣрны старымъ правиламъ своего ученія и выказывали замѣчательную стойкость. Но во время «диктатуры сердца», славянофильство, возродившись въ «Руси», не только не оцѣнило мысли, давшей ему самому возможность общественной дѣятельности, но не сумѣло поддержать достоинства своей старой школы. вмѣсто прежнихъ широкихъ плановъ народной автономіи, оно могло предложить только какія-то мелкія чиновническія преобразования «уѣзда», бросилось въ оппортунизмъ, т. е. по-русски, въ угодничество настоящей минуты, а потерю старыхъ преданій уславливалось замазать несомнѣваемымъ фразерствомъ, гдѣ вражда

къ свободному развитію общественнаго мнѣнія высказалась самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Эпоха «народной политики», «свѣдущихъ людей» и т. д. отзывалась въ литературѣ—славянофильской и принимавшей славянофильскія замашки—толками о «самобытности», извѣстнымъ противопоставленіемъ «интеллигенціи» и народа, и невѣжественными воплями противъ первой, будто бы въ пользу народа,—которому, если бы эти благодѣтели его достигли исполненія своихъ желаній, предстояло бы только настоящее превращеніе въ орду... Прибавимъ, наконецъ, извѣстную долю вліянія Достоевскаго: его сенсационные, истерическіе романы сопровождались, въ послѣдніе годы публицистической въ «Дневникѣ Писателя», чрезвычайно странной, излагавшей иногда изумительныя повятія о государствахъ, обществахъ и народѣ. Достоевскій считалъ себя не только знаткомъ сердца человѣческаго, но и, напр., финансовъ, и предлагалъ удивительныя совѣты, остающіеся, къ сожалѣнію, безъ комментарія со стороны его почитателей; но и здѣсь онъ дѣйствовалъ на нервы многихъ читателей, говоря о народѣ и ненавистномъ «либерализмѣ».

Все это вмѣстѣ производило страшную путаницу понятій и впечатлѣній, которая сбивала съ толку многихъ людей, не умѣвшихъ разобратся въ явленіяхъ современной жизни. Господа «народники», иногда дѣйствительно видѣвшіе народъ и условія его быта, казалось, могли бы понять причины его благосостоянія и бѣдствій, различить его друзей и враговъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ присоединили свои голоса къ воплямъ противъ интеллигенціи, къ безобразному противопоставленію интересовъ народа и «культурныхъ людей», придавая послѣднимъ, посредствомъ грубыхъ передергиваній, ненавистный характеръ, и не подозревая, какого страннаго будущаго они желаютъ своему народу. Далѣе, мы приведемъ нѣсколько образчиковъ...

Такимъ образомъ, влеченіе къ народу, уваслѣдованное отъ освобожденія крестьянъ, создавало особое мировоззрѣніе, которое диктовано было сначала самыми лучшими побужденіями, и, между прочимъ, возбуждало самые благотворныя научно-практическія изученія народной жизни и замѣчательныя беллетристическія изображенія, — но, съ другой стороны, въ послѣдовавшія смутныя времена нашей общественности, будучи лишено воздѣйствія свободной критики, оно вырождалось нерѣдко въ очень странныя проявленія, впадало въ «самобытническій» мистицизмъ, подкупалось мнимымъ демократизмомъ писателей, въ сущности ретроград-

ныхъ, и вслѣдъ за ними приняло участіе въ безобразномъ походѣ противъ образованія и «либерализма», не догадываясь, что оказываетъ защищаемому имъ народу очень дурную услугу. Всѣ эти отѣнки иногда такъ тѣсно переплетены между собою, что не легко раздѣлить писателей «народничества» на рѣзко-опредѣленные группы: онѣ очень близки одна къ другой и заимствуются другъ у друга.

Перебирать подробно народническія теоріи намъ нѣтъ надобности. Въ послѣднія десятилѣтія о «самобытности», о несходствѣ нашемъ или даже противоположности съ Европой, о необходимости нашего собственнаго національнаго пути развитія и устройства,—послѣ славянофиловъ говорили проповѣдники извѣстной «почвы», въ журналѣ Достоевскаго, говорили генералъ Фадѣевъ, гг. Энгельгардтъ, Кавелинъ, авторъ статей о «Деревнѣ» въ «Недѣлѣ»; наконецъ, новѣйшіе самобытники, «народные политики» и, собственно, «народники» новѣйшаго времени. Вмѣстѣ съ этимъ говорилось о «розни» между народомъ и высшими классами, о различіи и враждебности народа и «интеллигенціи», наконецъ о желательности уменьшенія числа послѣдней. Эти вопросы (!) вызывали въ свое время полемику, которая представляетъ ихъ въ довольно законченномъ, относительно, видѣ; но любопытно, что предметы, повидимому, столь капитальные, не вызвали тогда со стороны народниковъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго труда ¹⁾, а трактовались небольшими статьями съ фельетоннымъ изложеніемъ, съ отрывочной и неясной мыслью, но съ большой рѣшительностью тона. Мы возьмемъ два-три образчика.

Таковы были статьи, посвященныя «Деревнѣ» П. Ч. и въ свое время послужившія предметомъ толковъ въ литературѣ ²⁾. Мысль ихъ была, вкратцѣ, такова. Строеніе нашего общества рѣзко отличается отъ европейскаго. Въ большей части западныхъ государствъ исторически обозначались три общественныя группы, имѣвшія подлaidной экономическіе факторы: землю, капиталъ, трудъ. Первые двѣ группы раньше явились «сознательной» силой, и каждая отмѣтила своимъ господствомъ историческій періодъ—феодализмъ, господство буржуазіи. Третья группа те-

¹⁾ Единственной книгой, заслуживающей подобнаго названія, была книга Н. Данилевскаго: «Россія и Европа»,—на которую возлагали такіа надежды Достоевскій, и которая и въ свое время не обратила на себя никакого особеннаго вниманія, а потому была весьма основательно забыта, даже въ народническомъ лагерѣ.

²⁾ Въ «Недѣлѣ» конца 1875 и 1876 гг.—Возраженія г. Михайловскаго, въ „Отеч. Зап.“ 1876, и въ „Вѣстн. Европы“, 1876, № 1 и 8.

перь только готовится къ своей очереди и еще не успѣла наложить свой отпечатокъ на историческій періодъ. Въ Россіи, напротивъ, была лишь одна «серьезная» общественная группа—крестьянство (въ экономическомъ смыслѣ): оно отлично отъ европейскаго «народа»,—послѣдній есть собственно пролетаріатъ;—притомъ наше крестьянство такъ многочисленно, что является собственно единственной общественной группой... Это вещи извѣстныя, говоритъ авторъ, но изъ нихъ не сдѣланы должныя выводы, а именно, что «всякое *самобытное* движеніе,—умственное, политическое, нравственное—непрѣмѣнно приурочивается къ той общественной группѣ, которая въ данное время обладаетъ наибольшей притягательной силой (?), идетъ въ духѣ и интересахъ этой группы, отъ нея получаетъ свои типическія черты—свою окраску»,—хотя бы сами лица и не принадлежали къ этой группѣ по своему происхожденію; ихъ дѣятельность принадлежитъ этой группѣ по направленію и внутреннему характеру дѣятельности,—принадлежитъ инстинктивно, часто даже наперекоръ личнымъ наклонностямъ. Авторъ заключилъ, что «*какъ только* (?) наше общественное движеніе изъ подражательнаго сдѣлается дѣйствительно самобытнымъ,—оно необходимо пойдетъ въ духѣ и интересахъ крестьянства». Такое движеніе есть истинно національное; «всякія же домогательства съузвить роль и значеніе крестьянства, какими бы мантиями они ни прикрывались (англійскимъ *selfgovernment*'омъ, покровительственнымъ тарифомъ или чѣмъ инымъ), домогательства, теперь обыкновенно фигурирующія подъ громкимъ именемъ національных интересовъ—я называлъ и называю наиболѣе анти-национальными, какія только можно придумать». Авторъ отмѣчалъ въ нашемъ обществѣ различные признаки всеобщаго стремленія къ самобытности; тоже онъ видѣлъ и въ отношеніи общества къ славянской войнѣ (1876 г.)—только, по его мнѣнію, «прогрессивная журналистика» не сумѣла удержать за собой руководство обществомъ «по одному изъ самыхъ важныхъ для насъ вопросовъ».

Отсюда важность «деревни». Авторъ утверждалъ, что «деревня» можетъ помочь и русской литературѣ. Наша литература останется вялой и безсильной до тѣхъ поръ, «пока ея направленія изъ жалкихъ европейскихъ копій (?) не сдѣлаются дѣйствительно *русскими*, истекающими изъ коренныхъ основъ народнаго быта. Коренныя основы, это—не собственно народныя понятія въ ихъ нынѣшнемъ видѣ (въ нихъ авторъ признаетъ многія несовершенства), а то психологическое зерно, изъ котораго они выросли—нравственныя задатки народа. Они выше въ «де-

ревнѣ», чѣмъ въ цивилизованныхъ людяхъ, и послѣдніе тогда только станутъ въ нормальное отношеніе къ народу, когда «вмѣсто того, чтобы исходить изъ абстрактнаго челоуѣка, существующаго внѣ времени и пространства, предварительно ассимилируютъ наслѣдство русской деревни, психологически сродутся съ нимъ и уже тогда станутъ пускаться въ обобщеніе. Это и будутъ «люди деревни», которые одни способны оживить нашу литературу». Авторъ думаетъ, что при этихъ словахъ онѣ могутъ сказать — sapienti sat.

Но вскорѣ затѣмъ онѣ наткнутся на нужные подробности объяснять свою мысль. Дѣло въ томъ, что наша «дрякляя, бездушная интеллигенція» находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ сужденіяхъ о нашей интеллигенціи, — говоритъ авторъ, — нужно различать два элемента: умственный и нравственный. Относительно перваго элемента, можно смѣло сказать, что мы «сами себя предки». Дѣйствительно, какія-такія умственные богатства завѣщали намъ наши предки? Какой складъ воззрѣній и понятій, какой характеръ мышленія? — Самый нетребовательный читатель, хладнокровно судящій объ умственныхъ богатствахъ нашей жизни, скажетъ: — да, оставили кое-что; оставили все-таки исторію, уразумѣнію которой посвятили столько трудовъ многія поколѣнія ученыхъ и патріотовъ; оставили кое-какую науку, надъ которой, между прочимъ, трудились и «люди деревни», начиная съ Ломоносова; оставили кое-какую поэзію, гдѣ, между прочимъ, былъ Пушкинъ, котораго люди нашего же взгляда на вещи провозглашали пророкомъ, гдѣ дѣйствовалъ Достоевскій, тоже чуть не пророкъ; изъ всего этого въ семьяхъ предковъ все-таки остался кое-какой складъ воззрѣній и мышленія, напр., хотя бы нѣкоторое пониманіе пользы науки, котораго въ деревнѣ не имѣется. — Нѣтъ, отвѣчаетъ рѣшительно авторъ: «ровно никакихъ воззрѣній и никакого мышленія. Правда, въ нашихъ головахъ было много разныхъ разностей: и вѣдьмы съ лѣшими, и домовые съ русалками и т. д... (только ?). Но все это могло держаться только подъ защитой непроходимаго невѣжества ¹⁾. Какъ только въ этотъ хламъ (!) проникъ лучъ знанія, наше и физическое наслѣдіе (!) должно было испариться само собою. И вотъ, не стѣсняемые ни традиціей, ни установившимися взглядами, ни давленіемъ авторитетовъ, мы получили возможность работать головою по всѣмъ направленіямъ (!!). Этимъ и объясняется характерная особенность первыхъ экскурсій нашей нарождавшейся

¹⁾ А въ „деревнѣ“-то вѣдь держится и постоянно.

интеллигенціи въ область мышленія и знанія, съ отчаянными скачками, съ безпощаднымъ отрицаніемъ, съ широкими порывами безъ соответствующихъ результатовъ». — Авторъ почувствовалъ, затѣмъ, что ему могутъ сдѣлать очень вѣское возраженіе, и устраняетъ его. «Намъ могутъ указать, — говоритъ онъ, — какъ и указываютъ нерѣдко, на освобожденіе крестьянъ, на судебныя и другія реформы, въ которыхъ интеллигенція принимала активное участіе, наконецъ, на то, что она же поставила въ широкой формѣ вопросъ о меньшемъ братѣ, объ его человѣческомъ достоинствѣ и человѣческихъ правахъ, и не мало изломала копій за общее благо и пр. Все это такъ, все это было. Но какіе *мотивы* руководили интеллигенціей въ этихъ случаяхъ? Были отдѣльныя личности, высоко стоявшія надъ современною имъ интеллигентною массою, для которыхъ общее благо, меньшій братъ и т. п. составляли не обстрактное представленіе, а живой, прожигающій душу фактъ. Эти люди дѣйствительно приносили себя на алтарь правды въ силу органической потребности. Но не то двигало *массу* интеллигентную. Она, пожалуй, тоже волновалась; но это волненіе было чисто *юловное*». «Авторъ ссылается на то, какъ часто въ интеллигентномъ человѣкѣ замираютъ «головныя» стремленія при встрѣчѣ съ дѣйствительною жизнью, какъ онъ становится равнодушенъ къ несчастному люду, самъ дѣлается эксплуататоромъ. «Спрашивается, — мыслимы ли подобные факты, еслибы подъ громкими фразами, которыми мы бываемъ такъ щедры въ періодъ книжной жизни, скрывалась хоть капля настоящаго чувства, сердечнаго, а не головнаго?»

Наконецъ, перечисляя общественныя классы, изъ которыхъ выходитъ наша интеллигенція, — средніе и мелкіе помѣщики (крупныхъ почему-то онъ желаетъ «оставить въ сторонѣ»), средніе чиновники (а крупные?), духовенство, купечество, — авторъ находитъ, что свойства этихъ классовъ, — «мѣщанство и крѣпостничество». — «Эти продукты болѣзненныхъ (?) процессовъ въ русской исторической жизни» именно и легли въ основу нравственныхъ инстинктовъ нашей интеллигенціи и т. д. Все это можетъ и должна исцѣлить «деревня».

Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что, по собственному признанію автора (въ концѣ его статей), столь строго клеймившаго «жалкіе европейскіе копія», его разсужденія о типахъ развитія, слѣдовательно вся мысль его, имѣютъ свой корень — «въ экономическомъ ученіи нѣмецкаго еврея». Съ этимъ можно поздравить нѣмецкаго еврея.

Мы привели — большей частью словами автора — эти рассуждения о значеніи «деревни», чтобы дать наглядное понятіе о томъ, какъ мысляло, потерявшее историческую память и чувство дѣйствительности, народничество. Читателя поражает удивительная «легкость мыслей», съ которой разрѣшаются здѣсь и вопросы европейской исторіи, и судьба русской интеллигенціи, и провиденціальное значеніе «деревни», — а въ концѣ-концовъ, въ подкладкѣ всѣхъ рѣшеній, оказывается просто «ученіе нѣмецкаго еврея», — между тѣмъ, авторъ усиливается явиться передъ нами самостоятельнымъ защитникомъ народническаго русскаго интереса, исходящаго изъ самой «деревни». Всѣ вопросы рѣшаются такъ категорически, что критика недоумѣваетъ, слѣдуетъ ли останавливаться на провѣркѣ рѣшеній. Многие, вѣроятно, скажутъ, что вовсе не стоитъ... Авторъ поступаетъ очень просто: беретъ теоретическія, невыясненные понятія «общественныхъ группъ», «типовъ развитія», «нравственныхъ задатковъ», подбавляетъ два-три анекдотическихкія примѣра (нами пропущенныхъ, какъ дѣвушка-курсистка, чуть не умирающая съ голоду, грубо говорила о себѣ профессору; какъ, напротивъ, была ласкова къ автору какая-то кухарка изъ народа, и т. п.)... Во всей русской исторіи находится одна «серьезная общественная группа», однимъ маленькимъ недостаткомъ которой была полная политическая безсознательность и безсиліе; группа, которая въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ играла роль чисто физическаго орудія, употребляемаго или самимъ государствомъ, или тѣмъ, кому оно отдавало ее за разныя себѣ службы; остальные группы — мѣщанство, духовенство, помѣщичій классъ представляются автору продуктами «болѣзненныхъ (?) процессовъ» нашей исторіи — какъ будто этимъ эпитетомъ можно устранить ихъ историческую роль: они могутъ сколько угодно намъ не нравиться; но исторія не обошлась безъ этихъ процессовъ; трактовать ихъ какъ случайную болѣзненность есть слишкомъ «головной» радикализмъ. «Общественныя группы» приобрѣтаютъ значеніе лишь тогда, когда проникаются общественнымъ и политическимъ сознаніемъ; о группахъ европейскихъ самъ авторъ приводитъ слова Гервинуса (или другого историка), что онѣ дѣйствовали «съ простой послѣдовательностью хорошо понятаго интереса». Наша «единственная» группа, какъ мы скавали, не была въ такомъ положеніи. Ея роль была пассивная, или, при нѣкоторомъ сознаніи своего рабскаго положенія — полное безсиліе, которое прерывалось только вспышками — не политическаго движенія, а «бунта»... Однимъ изъ лучшихъ правъ русской «интеллигенціи» на уваженіе была именно забота о помощи

этому бѣдствовавшему классу, в поднятїи его положенїа — гражданскаго и умственнаго. Нашъ авторъ совершенно этого не понимаетъ и бросаетъ обществу странныя упреки. Государство, въ прошломъ столѣтїи, еще продолжало закрѣпощать свободныхъ людей, когда въ «интеллигенціи» высказалась несомнительно мысль о несправедливости крѣпостного права. Нашъ авторъ запоминать объ этомъ, и съ легкимъ сердцемъ бросаетъ лучшимъ людямъ общества укоръ, что ихъ интересъ къ народу былъ «головой», что они «выходили изъ абстрактнаго человѣка» ¹⁾! Довольно забавно, прежде всего, что авторъ беретъ на себя эту роль сердцевины, знающаго, откуда происходятъ ваши дѣйствїа, изъ сердца или изъ головы. Да все равно, откуда бы ни шли, лишь бы была польза изъ этихъ дѣйствїй. Далѣе, надо имѣть малѣйшія познанїа въ исторїи, чтобы понять, что долгое время «интеллигенція» и не имѣла физической возможности говорить (собственно, намекать) о положенїи крѣпостного населенїа иначе, какъ «выходя изъ абстрактнаго человѣка». Радищевъ попробовалъ выходить изъ живого человѣка. Въ обществѣ, гдѣ невозможно было прямо касаться политическихъ вопросовъ, въ защиту поработеннаго класса можно было говорить не иначе, какъ только съ точки зрѣнїа простого чувства человѣколюбія, нужно было защищать въ рабѣ — человѣка (т.е. «абстрактнаго» человѣка). Партизанъ «деревни» ничего этого не знаетъ и не слыхалъ. Наконецъ, что такое «абстрактный человѣкъ»? Рѣшаемся напомнить, что «изъ абстрактнаго человѣка» выходило христіанство. Изъ этого же человѣка исходили глубочайшія стремленїа науки; къ нему сводятся благороднѣйшія усилїа, изъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, къ защитѣ человѣческаго достоинства въ нравственной, а наконецъ и въ политической жизни. Новѣйшія государства основывались даже на провозглашенїи правъ человѣка... Именно образование, порожденное мыслью объ абстрактномъ человѣкѣ, внушило лучшимъ людямъ русскаго общества стремленїе помочь «меньшему брату», — въ то время, когда еще никто не думалъ о «нравственныхъ задаткахъ деревни» или о «типахъ развитїа» (вычитанныхъ «у нѣмецкаго еврея»), и когда были весьма осязательны матеріальныя выгоды крѣпостного права для помѣщичьяго класса.

Авторъ рѣшаетъ, что «какъ только наше общественное движенїе сдѣлается изъ подражательнаго самобытнымъ, оно необко-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что такимъ варварскимъ языкомъ говорить именно партизанъ «деревни».

димо пойдеть въ духъ и интересахъ крестьянства». Съ виду фраза—очень хорошая, сильная и демократическая; но по крайнему нашему разумѣнію совершенно безсодержательная и даже фальшивая. Начать съ того, когда начнется это «какъ только», и чѣмъ можетъ быть приведена «самобытность общественнаго движенія»?—Авторъ объ этомъ умалчиваетъ; но вообще всѣ свои надежды возлагаетъ на «нравственные задатки деревни». Но до сихъ поръ деревня была безгласной; никакимъ сознательнымъ актомъ своей «коллективной мысли»¹⁾ себя не заявила. Очень конечно присорбно,—до сихъ поръ не было признана проявленія этой коллективной мысли; но на фактъ стремленіе общественнаго движенія къ самобытности было дѣломъ именно образованнѣйшей части общества, той самой «интеллигенціи», въ которой г. П. Ч. видитъ такъ мало проку. Только этотъ трудъ интеллигенціи, поддержанный европейскимъ знаніемъ²⁾, мысль объ «абстрактномъ чловѣкѣ», о смыслѣ общества и государства, о національномъ достоинствѣ, о значеніи низшихъ классовъ, объ общественной справедливости и пр., развили въ обществѣ тотъ интересъ къ народу, который теперь перетолковывается вкривъ и вкось... Такъ было въ области теоретическаго знанія; но къ тому же вела мало-по-малу и практическая дѣйствительность, житейскій опытъ самого государства и частнаго быта. Но «деревня» сама по себѣ въ этомъ ни мало не участвовала и даже до сихъ поръ не понимаетъ, въ громадномъ большинствѣ, сколько труда, знаній, чувства, самопожертвованія принесено на ея пользу людьми иныхъ классовъ. Что касается «подражательности», то обыкновенно не понимаютъ, что первые ея опыты были именно первыми опытами самобытности, т.-е. первыми начатками стремленія выйти изъ состоянія безразличной толпы—къ сознательной, активно-гражданской жизни... Несправедливо или не точно, наконецъ, то, что самобытное движеніе общества пойдеть въ духъ и интересахъ «крестьянства». Оно пойдеть въ духъ и интересахъ цѣлаго народа, націи, а не одного крестьянства. Кромѣ крестьянства и крестьянскаго быта, есть въ государствѣ разныя другія сословія и формы труда, которыя необходимы для его обихода и самаго существованія, и къ которымъ крестьянство не имѣетъ непосредственнаго отношенія. И какое подразумѣвается крестьянство? Если то, какое существуетъ въ данную минуту, то кто формулируетъ его «духъ и интересы»? Само оно ихъ

¹⁾ О ней безпрестанно говорятъ новѣйшее народничество.

²⁾ Къ которому относятся и труды «нѣмецкаго еврея».

формулировать не въ состояніи, не только потому, что не имѣетъ для этого внѣшней фзической возможности, но потому что его «коллективная мысль», при нынѣшней степени «народнаго просвѣщенія», не охватываетъ иныхъ предметовъ, стоящихъ внѣ собственнаго крестьянскаго обихода, и составляющихъ, однако, жизненную необходимость народнаго бытія. Напр., вопросъ о высшей школѣ, о свободѣ науки и печатнаго слова: въ «духѣ и интересахъ» нынѣшняго крестьянства было бы, пожалуй, совсѣмъ закрыть эти вопросы—надобно только думать, что подобное рѣшеніе равнялось бы самоубійству народа. Или этотъ «духъ и интересы» опредѣлить кто-нибудь другой? — Дѣйствительно, ихъ беретъ теперь опредѣлять всякій желающій, и, къ сожалѣнію, достаточно всѣмъ извѣстно, что особенные спеціалисты и истолкователи народнаго духа, напр., новѣйшіе славянофилы, рѣшаютъ дѣло, наконецъ, въ откровенномъ обскурантномъ смыслѣ (народники извѣстнаго стиля и говорятъ прямо объ излишествѣ у насъ высшаго образованія, а другіе говорятъ о нендобности народной школы). Или этотъ «духъ и интересы» опредѣлить — въ предбудущія времена — само крестьянство, пользующееся возможностью изложить свою «коллективную мысль», и само достаточно просвѣщенное? Тогда нынѣшнія слова автора остаются пустой фразой.

Наконецъ, «нравственные задатки» составляютъ еще столь неопредѣленный и спорный вопросъ, что иные писатели, сами ревностные приверженцы «деревни», находили въ основѣ деревенскаго нынѣшняго міросозерцанія полу-восточный фатализмъ, который, конечно, былъ бы весьма неудовлетворительнымъ фундаментомъ для системы общественнаго устройства и нравственности. Мы упоминали, что въ примѣрѣ своихъ разсужденій авторъ бралъ съ одной стороны дѣвушку-курсистку, съ другой — свою кухарку изъ «народа». Автору, — который столь легко рѣшаетъ мудреные вопросы о судьбахъ народовъ, — не показалось, что подобные случайные примѣры въ такихъ вопросахъ ровно ничего не доказываютъ; что ихъ опровергнуть очень легко, приведши въ примѣръ, наоборотъ, прекрасную курсистку и очень дурную кухарку, и т. д. Автору не пришло также въ голову, что вообще мудрено сравнивать два разныхъ быта и два разные общественные слоя. Они слишкомъ мало совпадаютъ, чтобы сравненіе было возможно. — Оцѣнка народной нравственности дѣло столь трудное, что мудрено безъ дальнихъ справокъ поставить «деревню» образцомъ: та же «деревня» — на-перекорь той «общинной» нравственности, которую ставятъ въ примѣръ — неизмѣнно производятъ кулаковъ и міроѣдовъ, — недавно мы читали о процессѣ цѣлыхъ со-

рока вонокрадѣвъ (изъ одной мѣстности), систематически и безжалостно разорявшихъ своихъ односельчанъ; наперекоръ мнимой терпимости религіозной народа мы читаемъ объ избіеніяхъ штундистовъ — не говоримъ уже объ избіеніяхъ евреевъ, о «своихъ средствѣяхъ», т. е. поджогахъ, и т. д. Наконецъ, самая внутренняя жизнь общины имѣетъ свои стороны, также мало поучительныя...

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ толковъ о «деревнѣ» явилась новая программа народничества, на этотъ разъ болѣе категорическая, хотя въ цѣломъ не болѣе ясная ¹⁾. На ней необходимо нѣсколько остановиться, такъ какъ это пока—последнее слово новаго ученія.

Книги подобнаго рода разбирать очень трудно. Авторъ относится къ своему дѣлу съ преданностью, которой нельзя не отдать справедливости—особенно теперь, когда литература находится въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ авторъ и теоретически очень правъ ²⁾; иногда онъ вѣрно и даже смѣло защищаетъ права народа и требованія здраваго смысла ³⁾; но рядомъ съ этимъ—по-истинѣ поражающая путаница понятій, извращеніе исторіи, нежеланіе видѣть вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ, упорное повтореніе мнѣній, совершенно фальшивыхъ и давно опровергнутыхъ, и, наконецъ, нѣкоторые взгляды и приемы, совершенно напоминающіе осужденныхъ имъ «ретроградовъ». «Вмѣсто предисловія», авторъ разсуждаетъ длинно и путано о какой-то «традиціи пессимизма», которую побѣдоносно обличаетъ. «Былъ періодъ,—говоритъ онъ,—когда наши пессимисты только въ себѣ видѣли альфу и омегу русскаго прогресса... Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ пессимизмъ направлялъ свои удары по преимуществу на привилегированныя сословія. Безпощадно бичевалъ онъ дворянство, духовенство, бюрократію, купечество; народъ оставался въ тѣни какъ сила, не могущая играть никакой исторической роли». Прочитавши подобную вещь, приходишь совершенно въ тупикъ: кто эти «наши пессимисты»; чтó такое авторъ описываетъ? гдѣ происходили подобные факты въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ? Рѣчь идетъ, конечно, о литературѣ; но гдѣ же у русской литературы сороковыхъ годовъ была возможность «бичевать», да еще «безпощадно» привилегированныя сословія? Просто смѣшно

¹⁾ Соціологическіе очерки. Основы народничества, г. Юзова. Спб. 1882.

²⁾ Укажемъ, напр., стр. 164 и слѣд., о славянофильствѣ.

³⁾ См. главу XII: „Кто подрываетъ религію?“

читать подобныя выраженія о литературѣ сороковыхъ годовъ — такъ могъ бы говорить о ней, съ своей точки зрѣнія, развѣ только знаменитый цензоръ Красовскій или Фрейгангъ. — Правда, тутъ же рядомъ оказывается, что этотъ «безпощадный» пессимизмъ былъ вовсе не пессимизмъ. «Этотъ юный (?) пессимизмъ заключалъ въ себѣ *промадную* долю оптимизма (!), — наука, просвѣщеніе, распространеніе техническихъ знаній, желѣзныя дороги, банки и т. п., служивая главной опорой надеждъ для преобразованія русской общественности». Изъ обмолвки, заключающейся въ послѣднихъ словахъ, ясно, что подъ словомъ «пессимизмъ» авторъ понимаетъ не что иное какъ тѣ мысли о необходимости преобразованія нашей общественности, какія робко высказывались въ литературѣ сороковыхъ годовъ!.. Читатель, вѣроятно, согласится, что мы можемъ избавить себя отъ разбора исторіи, которая пишется съ такимъ пониманіемъ и обозначеніемъ фактовъ. Дѣйствительно, дальше исторія «пессимизма» становится совершенно фантастической: отдѣльный случай, отдѣльная фраза писателя превращаются безъ дальнихъ сомнѣній въ цѣлыя направленія, путается хронологія, потребность критики изображается какъ посягательство на народъ, и т. д.

Затѣмъ, книжка трактуетъ о множествѣ важныхъ вопросовъ, которые авторъ разрѣшаетъ предварительно для выясненія народнической теоріи: личность и общественныя формы, умъ и чувство, какъ факторы общественнаго прогресса, основы нравственности и ученіе Спенсера, объективная этика русскихъ философовъ (?), свобода воли и т. д. Дарвинъ, Спенсеръ, Марксъ, Мауреръ, Эмиль де-Лавеле, общинное землевладѣніе, капиталистическая форма производства, борьба за существованіе, интересы науки и т. д., — все это разрѣшено категорически отъ имени «коллективной мысли народа», которой авторъ считаетъ именно себя спеціальнымъ истолкователемъ... Обратимся къ послѣднимъ главамъ, гдѣ собственно должно опредѣлиться народничество, какъ система мнѣній. Какъ общую черту, надо замѣтить, что нашъ авторъ — совершенно также, какъ его предшественникъ П. Ч. — въ своихъ разсужденіяхъ обыкновенно совсѣмъ забываетъ объ условіяхъ, въ какихъ существуютъ наше общество и литература, предъявляетъ къ послѣдней требованія, невыполнимыя не по ея волѣ, мѣшаетъ дѣйствительность съ собственными фантазіями, или же выдаетъ за открытіе азбучныя истины.

Авторъ начинаетъ главу: «Либерализмъ и народничество», съ заявленія, что у насъ нѣтъ партій въ смыслѣ опредѣленныхъ общественныхъ группъ, что есть только зачатки партій, и что

очень желательно, чтобы они опредѣлились—для выясненія самихъ вопросовъ (черезъ двѣ-три страницы окажется, что *партіи есть*, и авторъ опрокинется на нихъ съ своими изобличеніями). «Нѣкоторымъ кажется, что такое положеніе (неясность дѣленія партій) особенно удобно; но это доказываетъ только ихъ слабую вѣру въ себя, въ свою правоту, въ свои убѣжденія» (не знаемъ, кто бы не желалъ имѣть возможность высказать вполне свои взгляды). «Ясное и рѣзкое выдѣленіе своихъ мнѣній и убѣжденій изъ всей остальной массы мнѣній есть обязанность всякаго, кто вѣритъ въ силу и правоту своихъ мнѣній. Подобное выдѣленіе необходимо для того и т. д... Свѣтильникъ долженъ стоять на виду и т. д...» Но авторъ видитъ, на этотъ разъ, что есть «внѣшнія условія», которыя мѣшаютъ высказываться мнѣніямъ съ должною полнотою. Вслѣдствіе этого, у насъ существуетъ полный хаосъ въ наименованіи разныхъ категорій мнѣній. «Человѣкъ называетъ себя народникомъ, а, по понятіямъ, оказывается либераломъ, или наоборотъ; консерваторы очень часто называютъ себя (?) то народниками, то либералами; вообще тутъ господствуетъ полная путаница». Опасаемся, что авторъ не уменьшилъ ее.

По его объясненію, такъ-называемое у насъ «либеральное направленіе» состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ элементовъ: собственно либерализма и изъ народничества. «Они *вполнѣ солидарны* между собой по отношенію къ *бюрократизму*», но въ остальномъ не имѣютъ ничего общаго. Основная идея либерализма состоитъ, по мнѣнію автора, въ томъ, что «центръ тяжести страны лежитъ въ культурно-интеллигентныхъ классахъ, и что эти классы должны оказывать, если не исключительное, то преимущественное вліяніе на ходъ соціальной жизни» (какъ извѣстно, идея либерализма въ этомъ не состоитъ);—а по взгляду народничества, соціальная жизнь, находясь подъ вліяніемъ только культурныхъ классовъ, получаетъ уродливое, одностороннее развитіе и направляется на удовлетвореніе потребностей не всей страны, а только культурныхъ классовъ.—Положимъ такъ, пока. Но только-что сказавъ, что либерализмъ вполнѣ солидаренъ съ народничествомъ относительно бюрократизма (солидарность, очевидно, можетъ состоять только въ одномъ—въ понятіи о необходимости народной и общественной самодѣтельности), авторъ тутъ же самъ отвергаетъ свое положеніе. «Если оставить въ сторонѣ нѣкоторые *второстепенные* признаки, которыми либерализмъ отличается отъ бюрократизма, то можно сказать, что по своей сущности, и именно въ отношеніи къ массѣ народа, они вполнѣ

однородны между собою». Намъ остается продолжать: «а такъ какъ за пять строкъ передъ тѣмъ сказано, что относительно бюрократизма народничество и либерализмъ вполнѣ солидарны между собою, то и народничество однородно съ бюрократизмомъ». Смыслу тутъ, конечно, будетъ немного, но логика такова.

Дальше авторъ уже и стоитъ на томъ, что либерализмъ и бюрократизмъ въ сущности одного поля ягоды. «И тотъ, и другой одинаково считаютъ необходимымъ мудрить (!) надъ народомъ, устраивать его жизнь по своему образцу (?) и *насилъно* навязывать ему свои идеалы; вся разница тутъ только въ томъ, что бюрократизмъ дѣлаетъ это просто въ силу власти, а либерализмъ прикрывается знаменемъ науки и прогресса, понимаемыхъ имъ, разумѣется, на свой ладъ». Авторъ опять не замѣчаетъ логической прорѣхи: какимъ образомъ либерализмъ можетъ что-нибудь *насилъно* навязать народу, когда у него власти никакой нѣтъ? Авторъ перешелъ мѣры вѣроятія, увлекшись своей антипатіей къ «либерализму» — какъ онъ самъ желаетъ его понимать, потому что дѣйствительный либерализмъ *насилъно* навязывать народу ничего не желаетъ.

Чтобы яснѣе изобразить народничество, авторъ продолжаетъ, что народничество есть собственно ученіе объ обществѣ и его формахъ. «Достоинство общественной формы измѣряется не тѣмъ, насколько она приближается къ какому-то научному идеалу (!!), а тѣмъ, насколько она приспособлена къ желаніямъ живыхъ личностей, составляющихъ данное общество. Самая прекрасная форма будетъ гибельна для общества, если она не соответствуетъ желаніямъ его членовъ, ибо въ этомъ случаѣ она можетъ держаться только насиліемъ, которое представляетъ собою начало развращающее и разрушающее. Многіе ошибочно думаютъ, что уважать мысль народа значитъ подчиняться народу во всемъ, раздѣлять все его міросозерцаніе, вѣрить въ домовыхъ и лѣсныхъ и т. д... Это очевидная нелѣпость». Народничество указываетъ и защищаетъ общественныя понятія народа, — хотя народная мысль не должна считаться несостоятельной и въ другихъ областяхъ, напр., въ агрономіи, и т. д.

Здѣсь опять найдется не мало недоумѣній. Рѣчь объ общественныхъ формахъ, навязываемыхъ народу, ведется опять видимо противъ «либерализма». Мы не знаемъ, какая наука берется поставлять одинъ общественно-политическій идеалъ для всѣхъ народовъ; обыкновенно наука за это вовсе не берется, подобныя идеалы создаются различно въ средѣ различныхъ обществъ, потребностями дѣйствительной жизни, которыя яснѣе и раньше

усматриваются просвѣщенными людьми, чѣмъ народной массой; идеалы эти вводятся въ жизнь, какъ скоро окрѣпнуть въ сознаниі общества, и затѣмъ, или падаютъ, если потребность народа не была угадана вѣрно, или, напротивъ, утверждаются вполнѣ, если дѣйствительно отвѣчали этой потребности. Въ сожалѣнію, иногда они вводимы были и не безъ насилій, какъ у насъ Петровская реформа; но исторія зачастую оправдываетъ такіа насилія, когда они устраняли большее зло, которое могло произойти отъ застоя, когда народная масса не въ состояніи бывала понять сложныхъ и ей часто недоступныхъ потребностей *государства*. Наконецъ, широкія явленія въ жизни народовъ всегда имѣютъ свои глубокія причины, и, напр., теперь для серьезныхъ историковъ нѣтъ сомнѣнія въ исторической неизбѣжности Петровской реформы, и ея «насилій», которыя, несомнѣнно, находятъ себѣ объясненіе не только въ личномъ суровомъ характерѣ Петра, но и во всѣхъ нравахъ и государственныхъ обычаяхъ предшествовавшей эпохи.

Слѣдуемъ еще далѣе за авторомъ. «Уваженіе къ народной мысли въ области социологіи отнюдь не обуславливаетъ собою полного подчиненія большинству меньшинства. Напротивъ, всякое меньшинство должно имѣть право на самостоятельное устройство своихъ дѣлъ, насколько это не идетъ въ разрѣзъ съ справедливыми (?) требованіями большинства». Приведемъ слѣдующаго рода примѣръ, на которомъ довольно характерно связываются странныя практическія идеи такъ называемаго народничества: «Нашъ народъ мало интересуется высшимъ образованіемъ и наукой; потому и рѣшеніе этихъ вопросовъ должно зависѣть не отъ него, а отъ того меньшинства (!), которое ими живетъ (!) и которому они дороги,—хотя, *разумеется* (!), при такой постановкѣ дѣла и матеріальное содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній должно падать, главныхъ образомъ, на это же меньшинство. Вообще не о подчиненіи культурныхъ классовъ народу хлопочутъ народники, а о предоставленіи простора развитію *всѣхъ* группъ народа, насколько, конечно, это возможно при необходимомъ согласованіи интересовъ всѣхъ во имя обще-народнаго благополучія». Не будемъ говорить о томъ, какъ авторъ распредѣляетъ отношенія «большинства» и «меньшинства», т.-е., въ данную минуту, мало-сознательной массы и класса людей, гдѣ—худо ли, хорошо ли—заключены умственные силы страны, или о томъ, кто и какъ будетъ угадывать «справедливыя» требованія большинства; остановимся только на приведенномъ примѣрѣ. Прежде всего, онъ поражаетъ простодушнымъ соображеніемъ, что высшее образованіе

и наука нужны только «меньшинству», которое-де ими «живетъ», а что для народа они не нужны. Авторъ не имѣетъ представленія о томъ, что высшее образованіе неразрывно связано съ низшимъ, что послѣднее (его, повидимому, авторъ все-таки считаетъ не бесполезнымъ для народа) можетъ быть успѣшно только тогда, когда имѣетъ опору въ первомъ: хорошій учитель низшей школы учится въ средней, а средняя не можетъ существовать безъ высшей. Народъ можетъ этого не разумѣть; но авторъ книжки, который самъ, вѣроятно, все-таки прошелъ хоть среднюю школу, долженъ бы понимать, откуда можетъ выйти порядочный учитель этой школы. Кромѣ этой школьно-педагогической связи высшаго образованія съ низшимъ, авторъ не подозреваетъ связей высшаго знанія съ цѣлой народной и государственной жизнью: онъ думаетъ, что химія нужна у насъ только г. Менделѣеву, который ею «живетъ», ботаника — только г. Бекетову, высшая математика — только Чебышеву и т. д. — и что они должны были бы добывать свои свѣденія какъ хотятъ, безъ содѣйствія «большинства», а только при похощи пріятелей изъ «меньшинства». Но если авторъ не понимаетъ *національной* важности науки и литературы вообще, ему должна бы, по крайней мѣрѣ, быть понятна необходимость для *самой народной массы* прикладныхъ сторонъ высшаго образованія: народъ ѣздитъ по дорогамъ, устроеннымъ людьми, учившимся въ высшей школѣ; обращается за помощью въ врачамъ, учившимся въ высшей школѣ; въ судебныхъ дѣлахъ находитъ справедливость и защиту, благодаря судебному сословію, учившемуся въ высшей школѣ; народъ получаетъ безопасность своего государственнаго бытія отъ внѣшнихъ враговъ или расширение своей страны при руководствѣ военныхъ людей, учившихся въ высшей школѣ и т. д. Словомъ, для «народничества» требуются, наконецъ, ребяческія толкованія... Наконецъ, авторъ запомнилъ еще одно небольшое обстоятельство. Онъ могъ бы еще говорить о томъ, что содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній должно, главнымъ образомъ, падать на «меньшинство» — если бы это послѣднее имѣло въ этомъ вопросѣ право голоса и инициативу; но, какъ извѣстно, этого нѣтъ, и примѣры нѣкоторыхъ высшихъ курсовъ, которые, благодаря случайнымъ счастливымъ обстоятельствамъ, были основаны частной инициативой (и служили одинаково цѣлямъ меньшинства и большинства) достаточно указываютъ, какъ сомнительны шансы частной инициативы. Въ дѣйствительности, государство беретъ у насъ содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній на себя (т.-е. на средства «большинства»), и совершенно справедливо, потому что эти заведенія

служать вовсе не одному «меньшинству», а пользамъ цѣлаго государства, слѣдовательно, и «народу» въ частномъ смыслѣ.

Авторъ не долженъ удивляться, что «консерваторы (даже чистые ретрограды) очень часто называютъ себя народниками». Они находятъ у народниковъ свои мысли. Такъ ретрограды часто писали о подобномъ же ограниченіи высшихъ заведеній средствами «меньшинства»; только они видѣли вещи лучше спеціалистовъ «народничества» и, зная невозможность частной инициативы, рассчитывали именно на упадокъ высшаго образованія и распространеніе невѣжества, что и было ихъ цѣлю.

Не будемъ далѣе останавливаться на разборѣ существующихъ нынѣ общественныхъ направленій (авторъ указываетъ направленіе «юридическое» и «экономическое»), такъ какъ и по его признанію они не вполне высказаны «по независящимъ обстоятельствамъ», но нельзя обойти вопроса объ «интеллигенціи», нападки на которую въ послѣдніе годы составили одинъ изъ безобразнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи нашей литературы, напомнившихъ времена Магницкаго, арх. Фотія и Фаддея Булгарина, и гдѣ «народничество», въ лицѣ автора разбираемой книжки, не усумнилось приложить и свою руку.

Какъ вообще разсужденія этой книжки, трактатъ объ «интеллигенціи» отличается большой развязностью, легко производимымъ уродованіемъ историческихъ и литературныхъ фактовъ, и созидаіемъ небылицъ, причемъ автора вдохновляетъ какое-то странное озлобленіе противъ «интеллигенціи», въ которомъ опять онъ совершенно сходится съ худшими изъ ретроградовъ.

Подъ словомъ «интеллигенція» разумѣется обыкновенно образованная часть народа, т.-е. «общество» — но тою своей долей, которая отличается большимъ просвѣщеніемъ; интеллигенція (если ужъ употреблять это слово) это — та часть общества, которой принадлежать дѣятели науки и литературы, лучшіе ученые, славнѣйшіе поэты и пр. Интеллигенція страны, въ обыкновенномъ, правильномъ значеніи этого слова, — это цѣль ея умственныхъ силъ; наша интеллигенція, это — Ломоносовъ, Новиковъ, Радищевъ, Карамзинъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Грановскій, Добролюбовъ, Тургеневъ, и т. д.; какъ видимъ изъ этихъ именъ, сама дѣйствительная интеллигенція представляетъ великое разнообразіе содержанія, по различнымъ направленіямъ мысли и общественнаго взгляда ея дѣтелей. Читая нашего автора, приходишь въ положительное недоумѣніе. Та группа людей, которая оказала русской жизни и русскому народу по-истинѣ безсмертныя заслуги, въ глазахъ

автора есть какая-то невѣжественная и легкомысленная компанія, которую онъ считаетъ себя въ правѣ трактовать съ нескрываемымъ озлобленіемъ и презрѣніемъ. Вникая ближе, видишь, что подъ видомъ «интеллигенціи» онъ разумѣетъ что-то другое и что-то странное; онъ просто воюетъ иной разъ съ какимъ-нибудь газетнымъ противникомъ, съ какимъ-нибудь частнымъ, не нравящимся ему мнѣніемъ, — и въ своей роли спеціального представителя якобы народной мысли, свой полемическій азартъ переноситъ съ своего противника на цѣлую русскую литературу, на все образованное общество! Сколько здѣсь правды и логики, говорить нечего. Съ другой стороны, если подъ «интеллигенціей» понимать всю массу общества, то въ ней встрѣчается, конечно, множество людей полуобразованныхъ, или мало развитыхъ и съ совсѣмъ дикими понятіями, — но нельзя же добросовѣстно говорить, что понятія подобныхъ людей и есть понятія «интеллигенціи».

Это смѣшеніе части съ цѣлымъ, отребъя извѣстнаго класса съ цѣлымъ классомъ, Пушкина съ Тряпичкинымъ, — неприлично въ изслѣдованіи серьезнаго предмета и мало добросовѣстно въ такое время, когда обскуранты стремятся подорвать благотворное вліяніе нашего литературнаго наслѣдія; или это просто глубокое непониманіе авторомъ собственныхъ рѣчей.

По мнѣнію автора (стр. 270), «ровнь между интеллигенціей и народомъ служить характерной чертой русской жизни вотъ уже почти три столѣтія». Сколько можно понять изъ историческаго изложенія автора, эта рознь началась съ патріарха Никона, который взялъ приходское духовенство изъ-подъ власти «міра», откуда началось постепенное паденіе авторитета духовенства въ народѣ. Если такъ, то, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало сваливать вину «розни» на современное общество... Но даѣе, исторія свѣтской интеллигенціи ведется снова съ Петра Великаго. Интеллигенція стала тогда слугою власти; состоя изъ дворянства и чиновничества, она оторвалась отъ народа, и въ его понятіяхъ отождествилась съ понятіемъ чего-то посторонняго, «нѣмецкаго». Такъ продолжалось до освобожденія крестьянъ, которое «можно считать поворотнымъ пунктомъ къ сближенію двухъ, разрозненныхъ исторією, силъ русской земли». Измѣнилось и положеніе интеллигенціи: «она понадобилась не только государству, которое и теперь осталось ея главнымъ *потребителемъ*, но и вообще русскому обществу» (т.-е. общество понадобилось обществу). Такимъ образомъ, «интеллигенція нѣсколько эмансипировалась отъ государства... общество стало быстро раз-

виваться..., вмѣстѣ съ обществомъ развивается интеллигенція»... Интеллигенція, по словамъ автора, является «самостоятельной силой», хотя малыхъ размѣровъ, и «сила ея растеть не по днямъ, а по часамъ».

Читатель ожидаетъ, что такъ какъ «сближеніе» уже началось, то интеллигенція что-нибудь и сдѣлала. Ничуть не бывало. Такъ какъ у автора видимо напередъ рѣшено, что «интеллигенція» отъ народа оторвана, а «народничество» имѣть привилегію знать народъ,—то онъ и забылъ уже объ этой уступкѣ. Интеллигенція ничего не знаетъ о народѣ. «Многимъ изъ насъ крестьянинъ представляется какимъ-то дикаремъ»; на слѣдующей страницѣ: «полнѣйшее незнаніе интеллигенціи (интеллигенцією?) умственныхъ и нравственныхъ качествъ своего народа». Далѣе: «состоя на службѣ у государства, интеллигенція привыкла не обращать вниманія на мнѣнія народа... Эта привычка превратилась въ убѣжденіе, что народъ имѣетъ только предрасудки... Заимствуя свои идеалы отъ европейцевъ... интеллигенція презираетъ народъ», и т. д., все это сбито въ одну кучу. Затѣмъ слѣдуетъ и поученіе. «Въ качествѣ независимой силы (!) русской жизни, не властвующей вмѣстѣ съ тѣмъ средствами принужденія, интеллигенція, по необходимости, должна бросить прежнія привычки и заняться изученіемъ народа». Такъ говорится на стр. 276, а на стр. 277 разсказывается примѣръ «насилія» интеллигенціи надъ народомъ—извѣстная исторія съ мѣрами противъ дифтерита въ полтавской губерніи, гдѣ, право, не знаешь, о чемъ жалѣть: о «насиліи», или о народной глупости, потому что дифтеритъ, сколько помнится, свирѣпствовалъ тамъ ужасно. Авторъ могъ бы прибавить другіе примѣры такихъ насилій—во время ветлянской эпидеміи, потомъ въ карантинѣхъ, гдѣ въ нарушающихъ карантинныя правила даже стрѣляютъ, и т. п. Другую обиду народу отъ интеллигенціи авторъ нашелъ въ газетныхъ извѣстіяхъ о безобразныхъ случаяхъ сожженія «колдуновъ». Авторъ говоритъ, что только благодаря смѣлости о. Белюстина, эта сторона народной жизни была нѣсколько разъяснена, а именно, онъ объяснилъ, что колдуны очень часто похожи просто на отравителей, и, нагоняя страхъ своими «чарами», они эксплуатируютъ народъ. «Вздумай крестьяне жаловаться,—говоритъ авторъ,—интеллигенція только обхохочетъ (?) ихъ и станетъ доказывать, что никакого колдовства не можетъ быть. Ну, и что же остается дѣлать крестьянамъ?»

Стало быть, съ «народнической» точки зрѣнія, колдовство можетъ быть, и крестьянамъ надо предоставить жечь колдуновъ.

Съ точки зрѣнія здраваго смысла, которой держится «интеллигенція», надо объяснить народу, что колдовство есть вѣдоръ, а отравленіе есть отравленіе, и что на такой случай есть законы, и что судъ не похвалитъ отравителя, а также не похвалитъ и тѣхъ, кто берется самъ сожигать отравителя. Если крестьяне этого еще не знаютъ, это прискорбно, но это—всего меньше вина «интеллигенціи».

Этими примѣрами мы можемъ, кажется, удовольствоваться. Изъ нихъ можно видѣть, какъ изображаетъ вещи точка зрѣнія, называющая себя «народничествомъ», т.-е. присвояющая себѣ исключительную привилегію знать народъ и точно истолковывать его чувства и взгляды. И что же мы видимъ? Произвольно подобранныя рубрики общественныхъ явленій, смѣшеніе вещей совершенно различныхъ, путаницу историческихъ фактовъ, и въ концѣ-концовъ, обвиненіе «либерализма» и интеллигенціи, и превознесеніе «народничества» ¹⁾.

Въ литературѣ давно было объясняемо, что историческія сужденія объ обществахъ, въ родѣ вышеприведенныхъ, не выдерживаютъ критики; что «либерализмъ» состоитъ вовсе не въ томъ, чѣмъ, напримѣръ, считаетъ его нашъ авторъ; что нападенія на «интеллигенцію», совершенно фальшивыя въ существѣ, по обстоятельствамъ времени становятся и совсѣмъ неблагоприятными. Но «народники» (этого толка) не желаютъ этого понять—потому что безъ того имъ нечѣмъ наполнять своихъ филиппикъ.

Еслибы даже понимать интеллигенцію такъ, какъ хотятъ «народники», отчего же въ розни съ народомъ виновата только она одна? Если брать вещи огуломъ, на подобіе «народниковъ», то основаніе къ розни интеллигенціи съ народомъ дано было самимъ государствомъ, и именно московскимъ, основавшимъ и крѣпостное право, и систему бюрократизма еще задолго до Петра; а такъ какъ общественныя формы (особенно чистѣйшія національныя, какими считаются до-Петровскія учрежденія) издаются духомъ самого народа, то, слѣдовательно, самъ народъ и изго-

¹⁾ Въ народнической литературѣ вошло въ постоянный обычай злоупотребленіе словами: интеллигенція, культурные люди. Они только и дѣлаютъ, что дѣлаютъ своекорыстныя и народу ненужныя или вредныя. «Культурные люди» дали крестьянамъ недостаточные надѣлы, строили желѣзныя дороги, учреждали банки, надавали стѣснительныя для народа постановленія и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, подъ именемъ «культурныхъ людей» смѣшивается и правительство, и разнороднѣйшіе слои общества: чиновникъ, желѣзнодорожникъ, писатель, банковый аферистъ и т. д., и особенно писатель. Читая публицистовъ подобной манеры, не знаешь иногда, къ какой категоріи людей причислять ихъ самихъ—къ ультра-демократамъ, или къ недобросовѣстнымъ писателямъ, или къ невѣдущимъ, что пишутъ.

товилъ всѣ условія для этой розни,—такъ что онъ всего больше и виноватъ въ «розни».

И дѣйствительно, разсужденіе такого рода,—хотя въ сущности будетъ очень натянуто и невѣрно, потому что народъ еще въ московской Россіи протестовалъ противъ тогдашнихъ государственныхъ формъ,—но и не совсѣмъ лишено основанія въ томъ смыслѣ, что «рознь»—если была въ иныхъ случаяхъ произведена испорченностью владѣльческаго и бюрократическаго класса,—но всего больше она происходила отъ самыхъ учреждений. Достаточно было старыхъ московскихъ порядковъ, а потомъ 250-лѣтняго существованія крѣпостного права, чтобы произвести «рознь» въ наилучше организованномъ обществѣ.—Исторія русскаго общества и литературы говоритъ совсѣмъ напротивъ, что именно съ первыхъ нѣскольکو самостоятельныхъ шаговъ русской образованности, въ ней уже возникаетъ мысль объ интересахъ народа, о защитѣ ихъ, о сближеніи съ народомъ, объ его освобожденіи. «Интеллигенція» еще съ прошлаго вѣка имѣла, къ сожалѣнію, своихъ мучениковъ за народъ (напомнимъ хоть Новикова и Радищева), и нынѣшніе мнимые представители «коллективной мысли» народа, очень дурно свидѣлствуютъ о себѣ, когда забываютъ объ этомъ.

Что касается притязанія «народничества», знать народную мысль, и именно «коллективную» мысль, то это притязаніе только забавно. Узнать коллективную мысль народа есть только два пути: во-первыхъ, когда народъ имѣетъ возможность высказывать ее сознательно самъ, тѣмъ или другимъ узаконеннымъ способомъ, или черезъ посредство литературы, если образованіе достаточно проникло въ его собственную среду; или, во-вторыхъ, путемъ многосложныхъ научныхъ изслѣдованій и публицистическаго объясненія его быта, характера и потребностей. Первый путь у насъ почти не существуетъ; второй только-что открывается теперь, и результаты изслѣдованій еще далеко не такъ обильны—и не такъ свободны отъ стѣсненій, чтобы можно было почерпнуть изъ нихъ полную и подлинную «коллективную» мысль народа; наконецъ, и условія нашей литературы не таковы, чтобы можно было вполне высказать и то, что уже узнано. Наоборотъ, знаніе народной мысли никакъ не доказывается: ни однимъ тѣмъ, что человекъ вообразить, что онъ знаетъ; ни тѣмъ, что придумаетъ для реальной жизни мистическую теорію (въ родѣ Достоевскаго).

Что же представляетъ «народничество» въ общемъ выводѣ? Несмотря на его хвастливыя притязанія, оно, собственно говоря, не вноситъ въ литературу ничего новаго. Основная мысль, кото-

рую оно считает своимъ изобрѣтеніемъ и нововведеніемъ,—а именно, что должно изучить особенности народнаго быта и взгляда, и что онѣ должны получить свою роль въ установленіи общественныхъ отношеній,—эта мысль очень стара и развиваема была литературой съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя приобрѣла возможность говорить объ общественныхъ вопросахъ, развиваема была, особливо съ сороковыхъ годовъ, одинаково обоими лагерями тогдашней «интеллигенціи», и славянофильствомъ, съ національно-мистической точки зрѣнія, и «либерализмомъ» (на который новѣйшее народничество считаетъ подвигомъ взваливать небывлицы)—съ точки зрѣнія общественной равноправности.

Нова здѣсь лишь та исключительность, съ которой «народничество» развиваетъ одну эту тему; но, къ сожалѣнію, эта ревность не по разуму влечетъ за собой и забвеніе исторіи, и путанное объясненіе современныхъ явленій. Мы готовы согласиться, что эта фракція можетъ принести свою пользу, но для этого она должна отложить свое мало основательное самоиѣніе, научиться уважать чужой трудъ, которымъ сама пользуется, и оставить дурную замашку клеветы на образованіе, которою можетъ себя, наконецъ, совсѣмъ дискредитировать... Истинная защита народнаго права заключается вовсе не въ этомъ.

Мы остановились на разборѣ мнѣній этого отдѣла «народничества», какъ видитъ читатель, не потому, чтобы онъ представлялъ самъ по себѣ вѣское содержаніе, а потому, что въ господствующемъ разбродѣ понятій находится нынѣ не мало людей, которые полагаютъ въ этомъ хвастовствѣ народничествомъ найти дѣйствительно сильный принципъ, способный отвѣтить на неудовлетворенныя потребности общества.

Въ беллетристическихъ изображеніяхъ народной жизни мы найдемъ также отголоски тѣхъ интересовъ, которые были глубоко возбуждены реформой, и, вмѣстѣ, слѣды того блужданія, какое овладѣвало общественной мыслью при оказавшемся рѣзкомъ противорѣчіи возникавшихъ идеаловъ съ суровой, беспощадной дѣйствительностью. Романъ, повѣсть изъ жизни общества,—наперекоръ требованіямъ «чистаго искусства»,—стали несомнѣнно полемической ареной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно сопоставить два крайніе пункта: мистическій фанатизмъ Достоевскаго и, съ другой стороны, желчныя, часто потрясающія картины Щедрина, или болѣе спокойныя повѣствованія Тургенева. Для будущаго историка современной общественной здѣсь откроются два

противоположные полюса того броженія, въ которомъ проходили послѣдніа десятилѣтія, не видѣвшія, къ сожалѣнію, нормальнаго исхода глубочайшимъ нравственнымъ потребностямъ общества... Повѣсть изъ народнаго быта, повидимому, не давала такой полемической почвы; этотъ бытъ былъ слишкомъ удаленъ отъ тревоженій, которыя достигали до него только далекими волнами и въ грубо спутанномъ видѣ. Но опять наперекоръ чистому художеству, сами писатели приступали къ изображеніямъ народной жизни съ весьма различнымъ настроеніемъ, и тенденція нерѣдко проходить въ ихъ разсказахъ бѣлою ниткой, — часто вовсе не потому, чтобы они ея хотѣли, а просто потому, что въ обществѣ складывались два необходимыхъ теченія, за старину и за новизну, за обличеніе или защиту существующихъ порядковъ.

Было бы весьма любопытнымъ этюдомъ вообще прослѣдить въ художественной беллетристикѣ послѣднихъ десятилѣтій изображенія народа съ точки зрѣнія социалистическаго взгляда, который въ нихъ отражался. Для нашей цѣли достаточно двухъ-трехъ примѣровъ.

Мы говорили выше о томъ приѣмѣ изображенія, который господствовалъ въ этой беллетристикѣ въ послѣдніе годы передъ освобожденіемъ крестьянъ. Этотъ приѣмъ нѣсколько приостановился потомъ, когда подъ вліяніемъ реформы, и параллельно съ новымъ направленіемъ критики, прежняя филантропическая сентиментальность и «литературная выдумка» начали смѣняться болѣе правдивымъ и реальнымъ изображеніемъ народнаго быта. Но затѣмъ времена еще разъ измѣнились, и этотъ приѣмъ снова занялъ въ литературѣ не очень важное, но видное мѣсто.

Однимъ изъ писателей этого рода былъ Мельниковъ, который въ послѣдніе годы жизни возвратился къ беллетристикѣ своими разсказами: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Оба произвели довольно большое впечатлѣніе интересомъ предмета, но было мало замѣчено отношеніе автора къ народной жизни. Мы приводили выше мнѣніе старой критики, что картина народной жизни трудно укладывается въ обычную форму прежней повѣсти. Новая форма народной повѣсти мало установилась и до сихъ поръ: напр., г. Успенскому приходится встрѣчать строгіе выговоры за художественные недостатки его произведенія; но то же самое можно сказать и о Мельниковѣ. Остановимся, напр., на послѣднемъ его разсказѣ. Это — на половину произведеніе съ художественными намѣреніями, на половину этнографія. Романическая исторія переплетена съ картинами купеческаго быта, нижегородской ярмарки, рыбнаго промысла, раскольничьихъ нравовъ (кромѣ

старообрядцевъ изображены «божьи люди» или хлысты), сельского быта и т. д., иногда не имѣющими никакой близкой связи съ главною темой. Мельниковъ былъ, что называется, бывалый человѣкъ, и въ своемъ разсказѣ сложилъ запасы своего книжнаго, житейскаго и чиновничьяго опыта; нижегородскій край, гдѣ идетъ главная часть дѣйствія, былъ его родиной; расколь онъ зналъ по книгамъ и по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; изъ мѣстныхъ преданій онъ почерпнулъ исторію заводчиковъ Поташовыхъ (Баташевыхъ); разсказъ о хлыстахъ Луповицкихъ и Денисовѣ построенъ, большою долею, на извѣстномъ дѣлѣ Татариновой, и т. д. Нѣкоторые подробности очень курьезны, напр., разсказъ о томъ, какъ нѣкогда нищіе плавали на старую макарьевскую ярмарку цѣлыми лодками и дощаниками, распѣвая духовные стихи (I, стр. 275); картинка кулачнаго боя (II, стр. 300), женскаго старообрядческаго скита, его разрушенія, старыхъ бурлацкихъ нравовъ и обычаевъ и т. д. Удачно нарисованы нѣкоторые характеры, напр., благочестивый выжига Смолюровъ, раскольниковыя старицы и др.; но типы «положительные» обыкновенно натянуты и неестественны. Мельниковъ любилъ показывать свой товаръ лицомъ, т.-е. обставить свой матеріалъ поэффективнѣе, прикрасить археологическими рѣдкостями, выисканными народными выраженіями и т. п., и, дѣйствительно, этнографическая картина очень интересна. Но какое міровоззрѣніе лежитъ въ ея подкладѣ? Насколько собственные истолкованія и комбинаціи автора объясняютъ изображаемый бытъ? Въ этомъ смыслѣ результатъ разсказовъ очень невеликъ. Взглядъ Мельникова на народную жизнь есть въ сущности тотъ же взглядъ старой официальной народности, онъ цѣнитъ по-своему народныя особенности, но не думаетъ возводить ихъ въ какое-нибудь начало, какъ возводить, напр., наиболѣе серьезные изъ «народниковъ».

Во вкусѣ Сахарова и Даля, Мельниковъ выставляетъ превосходства добраго стараго времени, «истинно-русскихъ» обычаевъ, противопоставляемыхъ новѣйшей пустой образованности. Обычай интересенъ для него какъ бытовой курьезъ, и предпочтеніе, ему оказываемое, важно какъ признакъ патріотизма. Въ такомъ духѣ изображается, напр., старообрядческая семья, гдѣ двѣ дѣвочки получаютъ идеальное воспитаніе въ духѣ «коренной русской жизни» (I, стр. 198 и д.); но воспитаніе описано только неопредѣленными чертами, и читатель недоумѣваетъ относительно его тѣмъ болѣе, что передъ тѣмъ (I, стр. 33—35) описаны раскольниковыя наставницы и содержаніе ихъ ученія, которое едва ли бы могло

приносить такіе плоды. Дѣйствіе разсказа идетъ по преимуществу въ старообрядческомъ быту; но читатель напрасно ожидалъ бы встрѣтить и въ мнѣніяхъ самого автора, и въ фактахъ повѣсти какое-нибудь объясненіе смысла и источника этого быта. Въ сущности, онъ объясняется такъ же, какъ нѣкогда—въ секретныхъ оффиціальныхъ запискахъ того же автора. Описавши раскольничій споръ отъ писанія о томъ, прокляты или нѣтъ дрожжи, авторъ продолжаетъ: «Таковы у раскольниковъ богословскія пренія. Только и толковъ, только и споровъ, что можно ли квашню на хмелевыхъ дрожжахъ поставить, съ кожаной аль съ холщевой лѣстовкой слѣдуетъ Богу молиться, нужно ли ради души спасенія гуменцо на макушѣ выстригать. А чаще и больше всего споровъ ведется про антихриста, родился онъ проклятый, или еще нѣтъ, и каковъ онъ собой (и проч.)... Много такихъ споровъ, много и толковъ, сьздавна идетъ на Руси среди простого народа... А сколько иногда въ тѣхъ спорахъ бываетъ ума, начитанности, ловкости въ словопреніяхъ, сколько искусства!.. И весь этотъ народный умъ дрожжами, лѣстовками да антихристомъ занять!..» (II, стр. 276—277). Если прибавить къ этому, что начитанный старообрядецъ Чубаловъ, въ интимной бесѣдѣ, сознается, что настоящая вѣра находится въ великороссійской церкви (какъ старообрядцы называютъ господствующую церковь); что въ разсказѣ выведенъ деревенскій священникъ, говорящій книжно напыщенными проповѣдями (но впрочемъ скрывающій отъ властей хлыстовское гнѣздо въ его селѣ),—то этимъ ограничивается все, что въ четырехъ-томномъ разсказѣ Мельникова относится къ объясненію раскола. Однажды, впрочемъ, признано, что благочестіе возможно и въ расколѣ. Еще одинъ эпизодъ указываетъ отношеніе автора къ общинѣ—составляющей такую святыню въ глазахъ народниковъ и такой залогъ благополучія будущаго русскаго народа. Въ глазахъ Мельникова, это—великое зло. «Бывали на Горахъ крѣпостные съ миллионами,—разсказываетъ онъ.—Теперь на Горахъ не мало крестьянъ, что сотнями десятинъ владѣютъ. За то тутъ же рядомъ и бѣднаго непокрытая... Такой бѣдности незамѣтно однакожь по близости рѣкъ, только въ мѣстахъ отъ нихъ удаленныхъ можно встрѣтить ее. *Общинное владѣніе земель* и частые передѣлы—вотъ гдѣ коренится причина той бѣдности. Чуть не каждый годъ мѣръ-община передѣляетъ поля, отъ того землю никто не удобряетъ, что-де за прибыль на чужихъ работѣхъ. На дворахъ навозу пролѣзть негдѣ, а на полѣ ни воза, землю выпалили, пошли недороды. Нѣтъ корысти въ передѣлахъ, толкуетъ каждый мужикъ, а община-

міръ то-и-дѣло за передѣлъ... И богатые, и бѣдные въ одинъ голосъ жалобятся на тѣ передѣлы, да подѣлать ничего не могутъ... Община!.. За то кому удастся выбиться изъ этой—*краснѣе ея возьми*—общины, да завестись хоть невеликимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на Горахъ родитъ хорошо» (I, стр. 10). Если свести къ общему выводу отношеніе автора къ народной средѣ, то, кажется, нельзя опредѣлить его иначе, какъ отношеніемъ чиновничьимъ, въ томъ духѣ, въ какомъ относилась къ этой средѣ официальная народность тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Такъ нельзя характеризовать произведеній, принадлежащихъ писательницѣ, которая въ сильной степени отличается консервативными сочувствіями, но сглаживаетъ ихъ мягкимъ поэтическимъ чувствомъ. Это—г-жа Кохановская. Свою литературную дѣятельность она начала въ пятидесятыхъ годахъ: повѣсть «Гайка» доставила ей большую извѣстность, и вмѣстѣ указала манеру, которой писательница осталась вѣрна и въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. Манера была такова, что въ произведеніяхъ г-жи Кохановской находили явные примѣты славянофильства. Ея рассказы—апофеоза добраго стараго времени и того быта, который называется у Мельникова «кореннымъ русскимъ», но котораго онъ никакъ не сумѣлъ идеализировать. Предположенія о славянофильствѣ не были лишены основанія, потому что въ сочиненіяхъ г-жи Кохановской съ великимъ сочувствіемъ изображались именно черты русской жизни, идущей по старому преданію, и стоявшей въ противоположности съ новыми нравами, перенятыми по чужому образцу. Критика прежняго поколѣнія уже отмѣтила эти свойства произведеній г-жи Кохановской. Она какъ бы выполняла завѣтъ, оставленный Гоголемъ—изобразить свѣтлыя явленія непосредственной русской жизни,—и писательница находитъ ихъ въ твердости религіозныхъ вѣрованій, въ любви къ преданіямъ народной повѣи, въ крѣпкихъ нравственныхъ началахъ стараго быта, сохранившагося преимущественно въ провинціи. «Народъ собственно остается тутъ въ сторонѣ,—замѣчаетъ критикъ:—отъ него отбираются только самыя видныя черты характера, самыя яркія качества его духовной природы, и вмѣстѣ съ творческой поэзіей, имъ созданной, разлагаются на весь міръ, безъ разбора состояній, воспитаній, привычекъ и направленій. Все становится народомъ... Холеная дочка богатаго помѣщика и бѣдная горожанка, воспитанная подъ тираннической опекой матери—одинаково отличаются у г-жи Кохановской ясностью и веселіемъ духа, одинаково заражены страстію къ русской пѣснѣ,

къ русской пляскѣ, въ формамъ русскаго общежитія, которыя вгоняють ихъ, такъ сказать, въ ростъ героинь народной фантази... Идеалы г-жи Кохановской могутъ даже расти подъ свѣтло присутственныхъ мѣстъ... Вообще надо сказать, что г-жа Кохановская мало заботится о дурной или сомнительной репутаціи, какая лежитъ на нѣкоторыхъ классахъ нашего общества и на нѣкоторыхъ эпохахъ нашей исторіи. Она останавливается только съ ироніей и нескрываемымъ презрѣніемъ предъ подражательной «образованностью» столичныхъ людей, передъ холоднымъ изяществомъ ихъ манеръ, передъ условной моралью и началами ихъ спокойнаго, приличнаго и, въ сущности, не очень честнаго общежитія, которыми они силятся замѣнить крѣпкія основанія народнаго быта, утвержденныя на вѣрѣ, преданіи и повѣи¹⁾.

Но критика замѣчала, что г-жа Кохановская представляетъ этотъ бытъ только съ праздничной стороны, когда онъ обнаруживаетъ только свои показныя черты, и оставляетъ въ туманѣ его будни, гдѣ должны были бы открыться его практическія дѣйствія и взгляды. Въ самомъ дѣлѣ, остается неизвѣстнымъ, что дѣлали эти идеальные чиновники въ своихъ канцеляріяхъ, купцы въ своихъ лавкахъ, помѣщики въ своихъ конторахъ и т. д. Если при своемъ появленіи повѣсти г-жи Кохановской внушали это недоумѣніе, то теперь, когда для описываемаго быта наступила провѣрка двадцатилѣтняго опыта трудныхъ общественныхъ столкновений, это недоумѣніе, къ сожалѣнію, не уменьшилось: мы не видѣли, чтобы старыя преданія стали на уровень историческаго требованія и внесли въ обращеніе тѣ крѣпкія свойства, съ какими они были возводимы въ идеаль. Натянутость идеаловъ едва ли подлежитъ сомнѣнію; но произведенія г-жи Кохановской имѣли, однако, свою историческую заслугу: въ эпоху ожиданій общественнаго обновленія, они были словомъ въ защиту тѣхъ забытыхъ, частью пренебреженныхъ классовъ, которые, какъ, быть можетъ, ни были отсталы въ образованности и общественномъ пониманіи, хранили, однако, преданія старины, и создавали свой особый нравственный типъ, заслуживавшій уваженія. Это былъ новый вкладъ, хотя односторонне-тенденціозный, въ то возраставшее понятіе, что не довольно относиться къ народу съ одной филантропіей или сантиментальностью, но и съ изученіемъ его бытового нравственнаго склада и содержанія. Другою заслугою, собственно литературною, было замѣчательное знаніе народной рѣчи, ея тонкостей и изящества; рѣдко у кого изъ

¹⁾ Анненковъ: Восп. и крит. очерки, II, 303 и слѣд.

народныхъ писателей эта рѣчь достигаетъ такой ровности и чистоты, — хотя, должно сказать, что вслѣдствіе преувеличеній и извѣстной фальши въ содержаніи, и это изыщество языка впадаетъ въ сладкоглаголаніе, которое, какъ извѣстно, очень часто не совпадаетъ ни съ правдивостью, ни съ красотою рѣчи. Въ виду этого преувеличенія, Щедринъ былъ правъ, когда заставлялъ говорить языкомъ г-жи Кохановской одну изъ своихъ героинь, медоточивыхъ рѣчей которой не выдерживали сами лейбъ-кампанцы.

Возьмемъ еще третій примѣръ, — опять особаго рода, — въ сочиненіяхъ г. Лѣскова. Въ его писаніяхъ неоднократно затрогиваются или прямо народныя тѣмы, или особенно быть такихъ классовъ, которые наиболѣе близки къ народу, напр., быть духовенства. Онъ беретъ эти тѣмы вообще не спроста. Нѣкогда, о чемъ онъ самъ любитъ припоминать — чтобы объ этомъ какъ-нибудь не забыли, — онъ написалъ обличительный романъ противъ опасныхъ увлеченій молодого поколѣнія, а впослѣдствіи цѣлый рядъ произведеній, которыя посвящены были «положительнымъ» явленіямъ народнаго и полу-народнаго быта, и гдѣ обыкновенно болѣе или менѣе ясно высказывалось или подразумевалось осужденіе всякаго новѣйшаго либерализма. Мы опять должны ограничиться, изъ многихъ твореній г. Лѣскова, двумя-тремя образчиками. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ сочиненій его были «Соборяне», картина изъ жизни провинціальнаго, именно уѣзднаго духовенства, гдѣ главное лицо — просвѣщенный протоіерей Туберововъ, истинный христіанинъ, типъ чисто «русскій» и вполне «положительный». Онъ пользуется великимъ уваженіемъ согражданъ, отличается благочестіемъ и благоразуміемъ, даже независимымъ взглядомъ на вещи, напр., на положеніе духовенства, на раскольниковъ дѣла; отъ его вниманія не ускользнуло и новѣйшее броженіе умовъ, и на это у него есть также свой взглядъ (сходный со взглядомъ г. Лѣскова). Дѣйствіе разсказа начинается съ 30-хъ годовъ (между прочимъ, упомянутый протоіерей ведетъ свой дневникъ съ этихъ годовъ); но любопытно, что и въ эти старыя времена случаются факты, которые даютъ возможность автору заявить свои историческіе и политическіе взгляды. Напримѣръ: благочестивый протоіерей не расположенъ къ преслѣдованію раскола, но его усилія въ этомъ направленіи оказываются безплодными. Въ противность всему, что извѣстно о судьбѣ раскола, о причинахъ и ходѣ его преслѣдованія, мы узнаемъ, что здѣсь этою причиною былъ не кто иной, какъ губернаторъ — *нѣмецъ*, и правитель его канцеляріи — *полякъ*,

(стр. 40 — 41). Когда вслѣдствіе ихъ преслѣдованія предается разрушенію раскольниковъ часовня, то свалившійся крестъ убиваетъ солдата—*жида* (стр. 39). Картина, какъ видимъ, издѣлія лубочнаго, и авторъ не замѣчаетъ, что тутъ же въ «Дневникѣ» разсказывается, какъ церковный причтъ дѣлаетъ на священника доносъ, что онъ не ходитъ съ крестомъ во дворы раскольниковъ, такъ какъ это причту невыгодно, — такъ что въ фальшивомъ и лицемерномъ отношеніи къ расколу виноваты были не одни нѣмцы, поляки и жида. Наконецъ, и сама епархіальная власть взглядовъ благочестиваго протоіерея не принимала, какъ не приняла его разсужденій «о положеніи православнаго духовенства и о средствахъ возвысить его для пользы церкви и государства». Въ томъ же дневникѣ протоіерея Туберозова значится, (подъ 1837 г.), что консисторія—стало быть, епархіальная власть, а не нѣмецъ губернаторъ — спрашиваетъ (вслѣдствіе доноса), дѣйствительно ли священникъ говорилъ импровизированную проповѣдь съ указаніемъ на живое лицо? Къ этому въ «Дневникѣ» замѣчено: «ахъ, сколь у насъ вездѣ всего живого боятся!» (стр. 51). Подъ 1841 годомъ «Дневникъ» жалуется на какую-то повѣсть, въ которой неуважительно было выведено духовное лицо (стр. 69). Сколько извѣстно, однако, въ тѣ времена цензура едва ли могла бы позволить что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ какъ и въ ближайшее къ намъ время изображеніе въ повѣстяхъ духовныхъ лицъ оставалось весьма затруднительнымъ; изображался все больше такъ называемый «батьшкинъ братъ». На стр. 133, дѣлается нескладная инсинуація намекъ на какой-то петербургскій либеральный журналъ. Въ другомъ мѣстѣ замѣчается, что «у насъ, въ необходимость просвѣщеннаго человѣка вмѣняется безвѣріе, издѣвка надъ родиной» (стр. 253) и т. д. Такими и подобными подробностями авторъ изображаетъ достоинства «коренной» русской жизни, относя къ ней всѣ добродѣтели и сваливая всякіе пороки на новѣйшій либерализмъ, на нѣмцевъ и поляковъ. Все это, конечно, шито бѣлыми нитками ¹⁾.

Въ третьемъ году г. Лѣсковъ издалъ разсказъ: «О тульскомъ лѣвѣшѣ и о стальной блохѣ». Критика въ свое время выразила

¹⁾ Прибавимъ еще, что авторъ, какъ и слѣдуетъ быть, старается передать и мѣстный колоритъ языка. Иногда это ему удается, а иногда несовсѣмъ: напр., онъ безъ надобности заставляетъ почтеннаго протоіерея Туберозова употреблять слова въ такой формѣ: „кокетерія“, „Шарлотта Кордай“, „пренумеровать“ и т. п., и писать: „Аліона“, какъ писали въ XVIII столѣтіи, вмѣсто: Алеша. Онъ заставляетъ его писать: „съ колесомъ своимъ“, чего не могъ сдѣлать протоіерей Туберозовъ, вѣроятно, хорошо знавшій по-латини.

свое недоумѣніе по поводу того хладнокровія, походяго на цинизмъ, съ какимъ авторъ передаетъ судьбу несчастнаго мастерового въ рукахъ полицейскихъ: его народолюбіе находило какъ будто даже удовольствіе въ изображеніи тѣхъ тычковыхъ и битыхъ, которымъ подвергался его герой.

Въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы» было говорено о третьемъ произведеніи г. Лѣскова: «Мелочи изъ архіерейской жизни», гдѣ подобнымъ образомъ съ одобреніемъ рассказывались продѣлки одного «умнаго» пастыря съ совершеніемъ фальшивыхъ браковъ, — продѣлки, которыя, собственно говоря, должны называться обманомъ и кощунствомъ.

Этихъ примѣровъ довольно, чтобы видѣть отношеніе автора къ изображаемому быту. Онъ довольно приглядѣлся къ этому быту, владѣетъ вѣйшей манерой занимательнаго разсказа, но поражаетъ непониманіемъ живыхъ привлекательныхъ сторонъ того самаго быта, которому онъ отдаетъ свои сочувствія, и нескладной фальшью тѣхъ обвиненій, какія прямо или косвенно желаетъ набросить на направленія жизни, ему не сочувственныя. Можно не раздѣлять увлеченій и преувеличеній г-жи Кохановской, но нельзя не признать ея искренности, во многихъ случаяхъ дѣйствительной поэзіи, прекраснаго знанія той (хотя только лицевой) стороны быта, который ее вдохновляетъ. Ничего или очень мало подобнаго мы найдемъ у г. Лѣскова. Это дѣланные картины, едва ли достигающія поставленной въ нихъ цѣли.

Чтобы въ должной мѣрѣ оцѣнить характеръ новѣйшей беллетристики о народѣ, — которой часто вообще даютъ довольно неопредѣленное названіе беллетристики «народнической», — ее надо сличать съ тою, образчики которой мы только что указали. Сопоставивъ послѣднюю съ произведеніями народническими (примѣромъ послѣднихъ можемъ взять пока г. Гл. Успенскаго, о которомъ не разъ была рѣчь въ «В. Евр.»), нельзя не увидѣть чрезвычайной разницы, даже противоположности — и въ цѣломъ настроеніи авторовъ, и въ способѣ изображенія. На одной сторонѣ — продолженіе «литературной выдумки», искусственное отношеніе къ предмету, чиновническо-консервативная точка зрѣнія, или благодушный, но самообольщенный идеализмъ (какъ у г-жи Кохановской), или непониманіе, или наконецъ лицемѣріе; на другой сторонѣ — быть можетъ, недостатокъ художественности (она и на другой сторонѣ не Богъ-знаетъ какъ велика), и т. п., иногда и свои идеалистическія преувеличенія, но всегда — полная искренность, глубокое желаніе узнать народныя мысли и чувство, и нерѣдко дѣйствительное изображеніе ихъ, доселѣ не-

бывалое въ нашей литературѣ. Много говорятъ обыкновенно о художественныхъ недостаткахъ г. Успенскаго, говоря въ то же время о художественныхъ достоинствахъ Мельникова и даже г. Лѣскова; но когда рѣчь идетъ не о какихъ-нибудь чертахъ, безразличныхъ въ общественномъ отношеніи, а именно о существенныхъ общихъ явленіяхъ быта, мы не понимаемъ, какъ возможно говорить о художественности извѣстной черты, эпизода, *фактически* фальшивыхъ или съ грубою ошибкою понятыхъ.

Это положительно двѣ разныя школы—до и послѣ-реформенная. Мельниковъ вполнѣ до-реформенный писатель; таковъ же, съ прибавкой новѣйшаго консерватизма, новый писатель, г. Лѣсковъ, который можетъ назваться, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, ученикомъ Мельникова; съ лучшей стороны, но также до-реформенными являются и произведенія г-жи Кохановской. Поворотъ къ новому направленію былъ приведенъ отчасти смѣною историческихъ поколѣній, отчасти новыми возникшими требованіями. Въ поколѣніи, начинавшемъ свою дѣятельность подъ вліяніемъ возбужденія крестьянскаго вопроса, возобладало настроеніе, которое мы отмѣтили у Добролюбова, и исполненный сочувствія интересъ къ народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и критическое отношеніе къ его быту. Народъ былъ великая, неизвѣстная, знаменательная загадка; по его освобожденіи, въ немъ ожидали найти новую силу, которая создастъ вскорѣ инныя, болѣе благоприятныя условія общественнаго существованія. Ожиданіе было по необходимости весьма неясное; было извѣстно слишкомъ мало фактовъ, на которыхъ можно было бы основать какія-нибудь опредѣленныя надежды, но многіе питали глубокую вѣру въ народъ, доходившую до энтузіазма, хотя уже вскорѣ явились опыты, въ которыхъ слишкомъ горячія увлеченія опровергались фактами. Но тѣ же ожиданія отъ народа побуждали вникать больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, въ свойства народнаго быта, состояніе понятій, экономическое положеніе народа. Этимъ настроеніемъ съ самаго начала возбуждены были съ одной стороны рядъ научныхъ изслѣдованій, съ другой—художественно-публицистическія изображенія. Господствующимъ представленіемъ была мысль объ общинѣ, гдѣ, какъ выше говорено, сходились безъ спора двѣ, раньше постоянно враждовавшія литературныя партіи. Обѣимъ сторонамъ она представлялась какъ оригинальная народная бытовая форма, которая можетъ стать залогомъ справедливыхъ общественныхъ отношеній; разница была въ теоретической постановкѣ предмета,—одни видѣли въ общинѣ реальную бытовую форму, подлежащую экономическому и политиче-

скому расчету, предъ другими носилось извѣстное мистическое начало. Какъ бы то ни было, въ общинѣ былъ одинъ коренной пунктъ для изслѣдованій и соображеній; другой—являлся въ религиозныхъ движеніяхъ народа, въ расколѣ со всѣми его отраслями; третій—въ народной повѣзи, и т. д.; наконецъ, преимущественно для народной беллетристики—вообще служила настоящая минута народной жизни, какъ она представляется непосредственному наблюденію. Бытовая беллетристика перемежалась съ чисто этнографическими очерками, и иногда трудно было положить между ними грань. У новой школы писателей народниковъ, строгій реализмъ, вѣрность изображенія стали непремѣннымъ требованіемъ. Такова была народная беллетристика шестидесятыхъ годовъ, рассказы и очерки Николая и Глѣба Успенскихъ, Левитова, Рѣшетникова, Слѣпцова и т. д., съ разными отбѣнками въ тонѣ, отъ юмора и шутки (у Н. Успенскаго, Слѣпцова) до трагедіи (у Рѣшетникова). За первыми беллетристами выступилъ, около начала семидесятыхъ годовъ, новый рядъ писателей народниковъ—Нефедовъ, Наумовъ, Эртель, Вологдинъ и др., съ новыми варіаціями тѣмъ, манеръ и настроеній. Предметъ былъ неисчерпаемъ (особливо при не свободѣ разсказа), но мало-по-малу народная повѣсть получаетъ сильное видоизмѣненіе. Продолжительное наблюденіе, съ одной стороны, и съ другой—разработка вопроса экономическаго въ литературѣ научной и публицистической направили народниковъ-беллетристовъ на изображеніе прямыхъ общественныхъ и экономическихъ отношеній народа. Типы, лица, характеры, обычаи отступаютъ на второй планъ, а на первомъ планѣ становятся реальныя вопросы: жизнь крестьянина въ общинѣ, отношенія къ помѣщику и къ властямъ, заработки, школа, разные внутренніе распорядки, влияющіе на складъ деревенской жизни, и т. д. «Деревня», ставшая предметомъ настоящаго культа у одного разряда народническихъ публицистовъ, подобнымъ образомъ поглощала народническихъ повѣствователей. Изученіе «деревни» становилось настоящей профессіей: одни, чтобы овладѣть, наконецъ, вполне ея содержаніемъ и «слиться» съ народомъ, поселялись въ деревнѣ и изучали сельское хозяйство, особенно съ его народными приѣмами; другіе изслѣдовали сельско-хозяйственныя отношенія въ земской статистикѣ; третья представила массы цифровыхъ свѣдѣній; третьи ставили своей задачей—изучить деревенскую жизнь въ ея быденныхъ случаяхъ и проявленіяхъ, отношенія крестьянина дома, съ односельчанами, на міру, на промыслахъ и т. д., изслѣдовать мужицкіе типы не по однѣмъ чертамъ индивидуальнаго ха-

рактера и темперамента, а именно по хозяйственному и общественному положенію.

Понятно, что при этомъ интересъ именно къ существу «деревни», при усиленномъ стремленіи рѣшить социальную загадку, интересъ чисто-художественный долженъ былъ отступать на второй планъ. Наблюдаемые явленія, — какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ съ Коворовымъ — такъ захватывали писателя, что онъ забывалъ о художествѣ; онъ не думалъ о созиданіи образовъ и спѣшилъ дать исходъ своему личному чувству и гнетущему настроенію. Эпическое спокойствіе было невозможно — по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые принимали дѣло близко къ сердцу. Отсюда то смѣшеніе художественной работы съ публицистикой, какое не разъ встрѣчаемъ у писателей-народниковъ, и въ которомъ ихъ такъ строго обвиняли; — какъ видимъ, это имѣетъ свое простое, жизненное объясненіе.

Съ особенной рельефностью эта ступень народнической беллетристики выказалась въ произведеніяхъ гг. Гл. Успенскаго и Златовратскаго; изъ нихъ мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ этого склада народничества.

Когда въ литературѣ возникаетъ новое направленіе, новая мысль, новый поэтический вкусъ, они обыкновенно на первыхъ порахъ впадаютъ въ крайность и преувеличеніе. Это имѣетъ часто свою долю пользы, потому что преувеличеніе именно помогаетъ ясно выставить мало замѣченную раньше сторону предмета; но это и вредитъ дѣлу, какъ односторонность. Подобное произошло и здѣсь. Народные повѣствователи, направившись въ «деревню», какъ будто забыли обо всемъ остальномъ мірѣ; припоминались, правда, и внѣшнія условія, но обыкновенно только тогда, когда они уже слишкомъ прямо вліяли на «деревню» — и вліяли большей частью неблагоприятно. Деревенскій міръ рассматривался какъ будто нѣчто особое не только отъ общества, но и отъ государства; интересы его рассматривались такъ спеціально, что читатель оставался въ недоумѣніи объ отношеніяхъ деревни къ остальному міру. Возникла новая идеализація, очень не похожая на прежнюю филантропическую идиллію, — основанная теперь на хорошемъ знаніи внутренняго деревенскаго быта, но дѣлавшая ту ошибку, что слишкомъ выдѣляла «деревню» изъ общаго политическаго и общественнаго быта.

Самая характерная въ этомъ отношеніи книга г. Гл. Успенскаго есть — «Власть земли». Намъ нѣтъ надобности подробно на ней останавливаться, такъ какъ о ней достаточно было недавно сказано въ «В. Евр.». Основная идея статей, носящихъ это за-

главнѣе, — великое значеніе земли и земледѣльческаго труда для деревенскаго быта и самаго народнаго характера, и отрицаніе тѣхъ мнѣній, которыя не признають этого значенія. «Вообще, къ какой бы группѣ явленій народной жизни мы ни прикоснулись, — говоритъ авторъ, — *первое*, что мы замѣчаемъ и что уясняетъ намъ эту группу явленій — это земля, земледѣльческій трудъ и т. д. Мы потому такъ пристально выслѣживаемъ одну только эту черту, чтобы показать, какъ велика ломка, какъ много осложненій можетъ произойти отъ того, если эта, одна только эта, сторона народныхъ нуждъ не будетъ удовлетворена въ полной мѣрѣ. Какъ несправедливы тѣ радѣтели о народномъ благѣ, которые рѣшаются сказать, что земельные порядки, существующіе въ настоящее время въ народѣ, удовлетворительны, не требуютъ улучшеній» ¹⁾. Земля нужна народу не только какъ обезпеченіе его хозяйственнаго положенія, она необходима и какъ ручательство его нравственнаго равновѣсія, — потому что всѣ лучшія стороны народнаго характера привязаны къ земледѣльческому труду на глазахъ «міра», къ извѣстной правильности этого труда и его вознагражденія, управляемыхъ самой природой. Авторъ приводитъ различные примѣры этого воздѣйствія земледѣльческаго труда на народный нравъ и нравственность. «Типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена одна изъ самыхъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ», представляется автору извѣстный Платонъ Каратаевъ, изображенный гр. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ». «Откуда, — спрашиваетъ г. Успенскій, — какъ не изъ самыхъ нѣдръ природы, отъ вѣковѣчнаго, непрестаннаго сопркосновенія съ ней, съ ея вѣчною лаской и вѣчною враждой, могли выработаться такіе типичнѣйшіе черты духа?.. Мать-природа, воспитывающая миллионы нашего народа, вырабатываетъ миллионы такихъ типовъ, съ одними и тѣми же духовными свойствами. «Онъ — частица», «онъ самъ по себѣ ничто», «онъ любовно живетъ со всѣмъ, съ чѣмъ сталкивается жизнь», и «ни на минуту не жалѣетъ, разлучаясь» (какъ Платонъ Каратаевъ)... Такая частица мретъ массами на Шипкѣ, въ снѣгахъ Кавказа, въ пескахъ Средней Азіи... Все можетъ сдѣлать Платонъ: «Возьми и свяжи», «возьми и развяжи», «застрѣли», «освободи», «бей», «бей сильнѣй» или «спасай», «бросайте въ воду, въ огонь для спасенія погибающаго!» — словомъ все, что даетъ жизнь, все при-

¹⁾ Власть Земли. Очерки и отрывки изъ памятной книжки. М. 1838, стр. 49—150.

нимается, потому что ничто не имѣетъ отдѣльнаго смысла, ни я, ни то, что дала жизнь... Въ крымскую войну такихъ Платоновъ умирало безъ слѣда, безъ жалобы—тысячи, десятки тысячъ; 20 тысячъ ихъ легло на Зеленыхъ горахъ въ одинъ день... Сотни тысячъ ихъ умираетъ ежегодно по всей Россіи—безмолвно, безропотно, какъ трава, и сотни тысячъ, также какъ трава родится... Все это черты чисто *наши*, родныя, російскія—черты той страны, гдѣ десятки милліоновъ ежедневно слушаютъ мать-природу, въ которой, какъ и въ нихъ, нѣтъ исключительной любви, нѣтъ смысла въ отдѣльномъ существованіи камня, дерева, рущя... Это все—наше, но это не все» (стр. 151—152).

Не все потому, что есть противоположный типъ—«хищникъ»... «Развѣ это не нашъ типъ? Развѣ не «ничтожество», сознаваемое Платонѣмъ, воспитало его, развило, раскормило, раздуло его страсть къ произволу, къ «нраву», до послѣднихъ размѣровъ?»—Наконецъ, авторъ прибавляетъ третій типъ, существовавшій въ старину и котораго онъ теперь не видитъ, «народную интеллигенцію», которая указывала Платону «правду». Это—люди старинной церкви и старинной школы (съ часословомъ и «строгостью»).

Читая все это, приходишь въ большое недоумѣніе. Если милліоны Платоновъ составляютъ типическое произведеніе нашей «земли» и «природы», и если именно она вскормила и развила только породу «хищниковъ», то какое же основаніе имѣютъ эти надежды на народъ, какими народники вооружаются на своихъ противниковъ? «Платоны»—какъ растолковалъ ихъ г. Успенскій—очевидные фаталисты (мы упоминали выше о такой характеристикѣ русскаго крестьянина, сдѣланной компетентнымъ писателемъ), люди, потерявшіе даже свой европейскій складъ мысли, воспитавшіе въ себѣ чисто пассивную полу-восточную природу.

И когда рядомъ съ этимъ, авторъ, рисуя «власть земли» надъ русскимъ мужикомъ-земледѣльцемъ и сообщаемую ею высокую нравственность, изображаетъ намъ затѣмъ его паденіе, когда онъ выходитъ изъ-подъ этой власти, т.-е. берется за другое дѣло, особливо дающее деньги и «волю»,—является новое недоумѣніе: какъ же хрупко то разумное и правдивое настроеніе, та нравственная сила, которую, по словамъ автора, сообщаетъ власть земли? Эта власть отождествляется съ властью неодолимой нужды, и человѣкъ, безъ этой веревки, оказывается неспособнымъ ни къ элементарному разсчету, ни къ какой-нибудь выдержкѣ. Достаточно получить нѣсколько лишнихъ рублей и досуга, чтобы нравственные правила, внушенные «землей», испа-

рились, чтобы человекъ сбился съ пути, и когда подобныя явленія самимъ авторомъ выдаются за обычные и естественныя, то это не можетъ не возбуждать, большого недоумѣнія о крѣпости нравственнаго содержанія, доставляемаго «землей». Авторъ статьи о книгѣ г. Успенскаго въ «В. Евр.» указывалъ, какія недоумѣнія возбуждаетъ и то, что говоритъ г. Успенской о «народной интеллигенціи»: она имѣла несомнѣнно свое историческое значеніе въ воспитаніи народнаго характера, но странно противопоставить ее съ новѣйшей народной школой, и не видѣть, что въ новыхъ условіяхъ всей народной жизни новая школа становится все болѣе необходимой. Къ сожалѣнію, и г. Успенскій не воздержался отъ упрековъ «цивилизациі», какіе раздаются въ ультра-народническомъ лагерѣ и имѣютъ весьма двусмысленный видъ.

«Какъ же обстоятъ дѣла теперь? — спрашиваетъ авторъ. — Теперь мы видимъ только двѣ фигуры — Платона и хищника. Третьей фигуры — человека, который бы могъ заикнуться о той правдѣ, которую Богъ видитъ и которую говорятъ устами людей — нѣтъ и въ поминѣ. Напротивъ, все на сторонѣ хищника. На сторонѣ его земельное разстройство массъ, разстройство душевнаго удовлетворенія ихъ трудомъ; разстройство это гонитъ ихъ къ хищнику внутренно обезсиленными, сознающими свое ничтожество сильнѣе, чѣмъ сознавалъ Каратаевъ. Цивилизациа приходитъ къ намъ не та, которая бы заступалась за Каратаевыхъ (?), — она не облегчаетъ ихъ труда, не пополняетъ досуга работой мысли и пробужденіемъ духовныхъ силъ, а помогаетъ хищнику, облегчая его хищничество помощью европейскихъ (?) «оборотовъ», съ которыми деревенскій хищникъ начинаетъ знакомиться, и къ которымъ получаетъ огромный аппетитъ. Все — для него, и ничего — для Платона. Не удивляйтесь же, что человекъ сердца и правды, очутившись между этихъ двухъ типовъ, изъ которыхъ личность одного доведена до ничтожества, а другого — раздута до невозможныхъ размѣровъ, теряетъ голову. Не гоните же (?) изъ народной среды потребность въ божеской правдѣ между людьми, — она нужна народу такъ же, какъ и земля. Не забывайте (?), что хоть и не скоро, но Богъ непременно скажетъ правду» (стр. 153—154).

Эти слова, видимо сказанныя авторомъ съ искреннѣйшимъ доброжелательствомъ къ народу, производятъ на насъ очень прискорбное впечатлѣніе — по той неопредѣленности, съ какою выражены мысли автора. Что хотѣлъ сказать авторъ своимъ упрекомъ «цивилизациі», помогающей «хищнику»; зачѣмъ надо было

характеризовать «европейскими» тѣ обороты, которыми этотъ хищникъ пользуется. Буда все это адресуется и въ чѣмъ выходитъ вѣсть? Намъ кажется, что только «цивилизція», дѣйствительно *заслуживающая* этого имени, одна и вступалась у насъ за Каратаевыхъ противъ хищника. И кто «гонимъ» изъ народной среды потребность въ божеской правдѣ?

Прибавляются къ этому другія неясности. Сказать, что типъ Платона созданъ *нашей* землей и природой — это значить сказать мѣсто весьма неопредѣленное или даже ошибочное. Кромѣ земли на образованіе типа дѣйствовало множество другихъ, и въ томъ числѣ весьма крупныхъ условий человѣческаго общества. Русскій народный характеръ и въ настоящую минуту не такъ однообразенъ, чтобы «Платоновъ» можно было считать милліонами; а въ прежнее время — тѣмъ болѣе. Едва ли сомнительно, что типъ, о которомъ идетъ рѣчь, составлялся подъ огромнымъ вліяніемъ не земли (какъ природы), а именно, учреждений, — въ родѣ стариннаго московскаго правленія, крѣпостного права, безжалостнаго рекрутства и т. п. Отсюда, изъ этого полнаго подавленія личности, шла большая доля неопредѣленнаго добродушія, принадлежащаго Платону, это — безразличное добродушіе, свойственное несчастію, которое уже ничего не ждетъ для себя и, сохранивъ врожденные истинны доброго характера, впадаетъ въ полное фаталистическое отсутствіе воли.

И рядомъ съ этими теоретическими неясностями, историческими ошибками — прекрасные рассказы, удивительныя картины дѣйствительности, согрѣтыя искренними чувствами скорбной любви къ народу и исполненныя съ истинно-художественной яркостью и простотой. Мы не согласны съ тѣми, кто осуждаетъ г. Успенскаго за это смѣшеніе публицистики и поэзіи. Старыя пѣническія и риторическія рубрики несомнѣнно перерождаются: въ повѣсть и романъ все больше и больше врывается содержаніе имъ прежде мало знакомое — дѣйствительность, все съ новыми подробностями ея жизненныхъ процессовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что рассказы г. Успенскаго представляютъ одинъ изъ фактовъ этого перерожденія. Народная жизнь, имъ изображаемая, дѣйствительно никогда прежде не проникала въ литературу съ такими сокровенными чертами ея внутренней работы. Писателю нѣтъ времени и возможности такъ удалиться отъ этой жизни своимъ чувствомъ, чтобы стать къ ней въ отношеніе невозмутимаго зрѣтеля, какъ спокойный эпическій пѣвецъ или «дьякъ въ приказѣ посѣдѣлый». Зрѣлище этой жизни захватывало и потрясало воспримчивую душу, и нѣтъ ничего удивительнаго, что за ху-

дожественнымъ разсказомъ слѣдуетъ личное размышленіе автора о явленіяхъ этой жизни.—Жаль только одного—что эти теоретическія размышленія иногда весьма ошибочны.

Неясности, о которыхъ мы упоминали, происходятъ такимъ образомъ не только отъ изложенія; онѣ заключаются и въ самомъ не выработавшемся взглядѣ автора, и составляютъ не только его личную особенность, но черту множества людей, искренно привязанныхъ къ народному дѣлу, но смущенныхъ и сбившихъ съ пути страшно запутаннымъ положеніемъ этого дѣла. Это и есть слѣдствіе того разброда, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи... Положеніе г. Успенскаго въ литературномъ мнѣніи до сихъ поръ довольно странно: несмотря на сильный талантъ, на множество прекрасныхъ, хотя эпизодическихъ, разсказовъ, дышущихъ истиной, на теплое, сочувственное отношеніе къ народу, его значеніе остается не установленнымъ: новѣйшее славянофильство его почти-что ненавидитъ (потому что онъ говоритъ о настоящемъ, а не о воображаемомъ народѣ), а требовательные народники чуть не заподозриваютъ въ немъ наклонностей къ старымъ крѣпостнымъ порядкамъ...

Очень оригинальны, въ другомъ родѣ, сочиненія г. Златовратскаго, образчикомъ которыхъ возьмемъ «Деревенскіе будни» (Спб. 1882). У него еще труднѣе отличить беллетриста-повѣствователя и публициста. По формѣ это, конечно, разсказчикъ, но его задачи совершенно публицистическія. Особенная цѣль его изслѣдованія есть община, степень ея современной силы и шансы ея будущаго развитія. Онъ исповѣдуетъ глубокую вѣру въ народные «устои» ¹⁾, но онъ видитъ обступающую ихъ опасность, и посвящаетъ свой трудъ на изученіе существа общины и ея нынѣшнихъ условій. Въ названной книгѣ онъ ни мало и не думаетъ о художественныхъ цѣляхъ; онъ хочетъ просто прослѣдить жизнь деревни въ ея «будни», войти въ ея обыденные интересы и раскрыть сущность общиннаго быта и различные проявленія «мірскаго» порядка. Онъ поселяется сначала въ деревнѣ Ямахъ, потомъ въ Лопухахъ (въ сѣверномъ краѣ средней Россіи), живетъ въ деревенскомъ домикѣ, знакомится съ мужиками, отправляется на сходы и подробно ихъ описываетъ, идетъ смотрѣть на дѣлежъ земли (луга для сѣнокоса), зазываетъ мужиковъ къ себѣ въ гости и стенографируетъ ихъ бесѣду и т. д. Деревенская жизнь проходитъ передъ нами во очію. Какое же извлекаетъ авторъ поученіе изъ своихъ наблюденій?

Мы найдемъ у него опять довольно обычную черту народ-

¹⁾ Специально народническій терминъ.

нической литературы. Писатели ее вообще ставят дѣло такъ, какъ будто они открываютъ Америку. Авторъ не довольствуется тѣмъ, что отмѣчаетъ извѣстное явленіе крестьянскаго быта, пропущенное или невѣрно объясненное другими наблюдателями; онъ тотчасъ обобщаетъ и предаётъ этихъ наблюдателей суровому осужденію, насмѣхается надъ ними; особенно достается отъ него такъ называемымъ «свѣжимъ людямъ» — онъ пронизываетъ надъ ними безъ конца, хотя, въ сущности, «свѣжіе люди» сдѣлали не мало полезныхъ наблюденій, и ихъ труды не совсѣмъ лишены смысла и права на вниманіе. Объясненіе каждаго явленія крестьянской жизни авторъ представляетъ чрезвычайно труднымъ, недоступнымъ не только «свѣжему человѣку», но на первый разъ и самому специалисту — автору. Онъ идетъ, напримѣръ, на деревенскій «сходъ» и поражается совсѣмъ непонятными рѣчами: только послѣ подробныхъ объясненій своего хозяина и другихъ мужиковъ онъ уразумѣваетъ въ чемъ дѣло; въ другой разъ, на передѣлѣ луговъ онъ точно также слышитъ невразумительные термины, странные слова, и опять только по особымъ объясненіямъ узнаетъ обстоятельства и резоны того или другого дѣлажа. Онъ не разъ прибѣгаетъ къ этому приему озадачиванія читателя, имѣющему цѣлью показать, какъ трудно обыкновенному человѣку постигнуть внутреннія дѣла деревни и именно общины. Но читателю приходитъ въ голову, что это озадачиваніе было совершенно напрасно. Всякому человѣку, попадающему вдругъ во всякую чужую специальность, сначала все будетъ дико и непонятно: еслибы авторъ, вмѣсто общины земледѣльцевъ, попалъ въ артель плотниковъ, къ рыбнымъ промышленникамъ, къ какимъ-нибудь мастеровымъ и т. п., онъ на первый разъ также спутался бы на неизвѣстной ему терминологіи ихъ разговоровъ, на неизвѣстныхъ ему личныхъ отношеніяхъ этихъ людей между собою и, пожалуй, также сталъ бы озадачивать читателя. Дѣло просто въ томъ, что земледѣльческій трудъ есть специальный трудъ, и «сходъ», рассуждающій о хорошо извѣстныхъ всѣмъ его членамъ дѣлахъ какого-нибудь кума Матвѣя или бабы Гусарихи, весьма естественно будетъ непонятенъ для посторонняго человѣка, который слышитъ объ этихъ дѣлахъ въ первый разъ, и не только постороннему «интеллигентному человѣку», но и незнакомому съ ними *мужику* изъ другой деревни.

Какъ у г. Успенскаго, такъ и здѣсь, повторяется то же недобѣріе къ новой деревенской школѣ: авторъ рассказываетъ о ней двѣ три подробности, дѣйствительно нелѣпыя, и затѣмъ съ сочувствіемъ говоритъ о самодѣльномъ деревенскомъ «перехо-
жемъ» учителѣ, съ которымъ ребяташки большіе друзья, и ко-

торый хотя, по мнѣнію самого автора, способенъ сообщить имъ не мало вздора, но въ то же время можетъ съ авторитетомъ передать и нѣчто для нихъ существенно важное. Тама очень старая и избитая, и нельзя не пожалѣть, что писатель, поставившій себя цѣлью столь внимательное изученіе деревни, поднимая этотъ вопросъ, оставляетъ его въ такомъ неопредѣленномъ и даже двусмысленномъ свѣтѣ. Новая деревенская школа несомнѣнно имѣетъ свои крупные недостатки, но зависятъ ли они отъ самаго ея существа, или гораздо больше отъ внѣшнихъ условій и постороннихъ обстоятельствъ? Полагаемъ, что человѣкъ, желающій здраваго разъясненія дѣла, существенно важнаго для деревни, не можетъ обойти этого вопроса.

Не будемъ указывать еще другихъ случаевъ, гдѣ разсужденія автора ведутся съ такой же односторонностью. Упомянемъ еще только о главѣ XI, гдѣ авторъ иронизируетъ надъ «учеными людьми», посвящавшими свои труды изученію хозяйственныхъ отношеній нашей деревни и несомнѣнно оказавшими въ этомъ дѣлѣ большія заслуги, хотя бы даже въ иномъ и ошибались. Авторъ не соглашается съ ними, но споръ его противъ нихъ нельзя назвать правильнымъ: спокойному разсужденію съ фактами въ рукахъ должно быть противопоставлено такое же разсужденіе и такіе же факты. Быть можетъ, они дѣйствительно въ иномъ не правы; но не думаемъ, чтобы полное объясненіе дѣла было дано наблюденіями нашего автора въ деревнѣ Ямахъ и въ Верхнихъ и Нижнихъ Лопухахъ.

Само собою разумѣется, что мы ни мало не отвергаемъ всей великой пользы такого пристального изученія деревенскаго быта, какимъ занялся г. Златовратскій. Въ его книгѣ разсѣяно много цѣнныхъ замѣчаній; самый приѣмъ изученія, вникающаго во всѣ мелочи деревенскаго обихода, заслуживаетъ всякаго сочувствія. Иногда авторъ приходитъ къ выводамъ, весьма неожиданнымъ для бюрократической точки зрѣнія. Укажемъ для примѣра эпизодъ, гдѣ авторъ передаетъ разговоръ съ деревенскимъ кабатчикомъ по поводу одной мѣры, придуманной въ извѣстномъ совѣщаніи свѣдущихъ людей объ уменьшеніи народнаго пьянства, а именно замѣны простыхъ кабаковъ безъ закуски бѣлыми харчевнями съ закуской. Кабатчикъ былъ въ восторгѣ отъ этого предположенія и говорилъ слѣдующее:

«Это что-жь—дѣло весьма похвальное! Придумано хорошо! Конечно, Петербургъ, правительственное помѣщеніе... Нельзя не похвалить!.. Потому, помилуйте, нынче у насъ въ кабакахъ такое поведеніе, что даже срамно-съ... Ни ты гостю селедочки, или сырцу или чего другого предложить не можешь, не мо-

жешь угостить его по-человѣчески!.. Не можешь никакой ему пріятности доставить! Какъ же онъ, спрошу васъ, пить будетъ? Урывкомъ, съ жадностью... Хватить косушку — и съ ногъ долой. А ежели я его съ пріятной закуской усажу, такъ онъ у меня весь день просидитъ въ пріятной бесѣдѣ, и хоща вдвое выпьетъ, все не въ онъяненіи будетъ, а болѣе въ благородномъ мечтаніи... Понимаемъ это вполне! Умно! А какъ скоро это будетъ, не слышно?»

Книга г. Златовратскаго уже и совсѣмъ выходитъ изъ области беллетристики. Это чисто бытовое экономическое изслѣдованіе, вложенное въ повѣствовательную рамку, и въ сущности очень отъ этого страдающее: картинки, вставляемыя имъ отъ времени до времени въ свое изложеніе, очень интересны, но не дѣлаютъ его труда художественнымъ произведеніемъ, а съ другой стороны не составляютъ и точнаго, научнаго факта. Прибавимъ, впрочемъ, что по взгляду автора деревенская жизнь представляетъ столь особый оригинальный міръ, что изображеніе его даже вовсе и не подлѣ силу современному искусству.

«Есть громадная разница между отношеніемъ интеллигентнаго читателя къ воспроизведеніямъ жизни общества и къ воспроизведенію жизни народной, въ особенности у насъ, — говоритъ авторъ.

«Въ то время, какъ интеллигентный человѣкъ смотритъ на общество *изъ среды* самого общества, непосредственно *изъ себя*, на народъ онъ не можетъ смотрѣть иначе, какъ со стороны, такъ, какъ смотритъ на дикихъ людей Америки и Африки. Отсюда вытекаетъ и громадное различіе въ отношеніяхъ читателя къ воспроизведеніямъ жизни того и другого. Критерій для оцѣнки художественнаго воспроизведенія общественной жизни читатель непосредственно находитъ въ себѣ, непосредственно ощущаетъ художественную правду и ложь, непосредственно наслаждается или не удовлетворяется.

«Другое дѣло съ воспроизведеніемъ народной жизни. Наше общество читаетъ романы изъ народнаго быта съ тѣмъ же *энтимымъ* любопытствомъ, съ какимъ читаетъ оно романы Купера, имѣя только единственный критерій для провѣрки ихъ художественной правды: общія психологическія основы и нѣмъ автора. Но въ послѣднемъ случаѣ, оно имѣетъ то преимущество, что романы Купера или вообще воспроизведеніе жизни дикихъ можетъ быть провѣрено имъ путемъ научныхъ данныхъ, собранныхъ путешественниками. А этого-то важнаго условія русскій читатель лишентъ относительно жизни своихъ «младшихъ братьевъ».

«Принявъ же во вниманіе еще и то, что наблюденіе народа со стороны у насъ сопровождается разными побочными сообра-

женіями — крѣпостническими, опекунскими, сантиментальными, спекуляторскими, патріотическими и проч., и проч., смотря по тому, съ *какой стороны* подходит *извнѣ* наблюдатель — у мыслящаго читателя невольно должно зародиться сомнѣніе въ *правдѣ* воспроизведенія народной жизни этими «сторонними наблюдателями». И это совершенно естественно, потому что нѣтъ прочнаго критерія, нѣтъ данныхъ для оцѣнки, нѣтъ специально научной точки зрѣнія. Этотъ критерій могли бы дать мыслящему читателю или научныя изысканія въ сферѣ народнаго быта, или непосредственный народный художникъ, *мірской общинный* чело-вѣкъ. Къ сожалѣнію, первыхъ у насъ до сего времени очень мало; второго мы не видѣли еще и, Богъ вѣсть, дождемся ли когда-нибудь» (стр. 128—129; ср. также стр. 151—155).

Такимъ образомъ, дѣло ставится почти сверхъ обыкновеннаго человѣческаго разумѣнія — столь непостижимымъ представляется автору деревенскій міръ и въ частности актъ общаго передѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій «художникъ» долженъ знать тотъ кругъ жизни, который онъ берется изображать, и неужели общинный передѣлъ есть такая многотрудная задача, которой художникъ не можетъ и постичь, если самъ не родился въ средѣ общины? Съ такимъ же правомъ и всякая другая область жизни могла бы потребовать своего спеціальнаго художника: чиновника имѣлъ бы право описывать только чиновникъ, сапожникъ сапожникъ, офицера только офицеръ, и т. д., и литература въ концѣ-концовъ представила бы рядъ цеховыхъ областей, взаимно недоступныхъ. Но, кажется, въ этомъ не предвидится надобности: бытовыя формы — хотя бы и общинныя — не такъ недоступны изученію, и въ нихъ движется одна и та же человѣческая природа. Требуется только знаніе и талантъ — какъ требовались и всегда.

Мы ограничимся этими немногими примѣрами народничества публицистическаго и художественнаго. Ихъ можно было бы размножить еще другими варіаціями этого направленія до трактатовъ объ «улицѣ», для которой недавно также потребовано было право голоса въ литературѣ. Но приведенныхъ образчиковъ довольно, чтобы показать общій характеръ этого направленія, сильно распространившагося въ послѣдніе годы, и какъ мы видѣли весьма упорно заявляющаго притязанія на непогрѣшимость и господство. Мы видѣли, насколько эти притязанія могутъ быть теперь допущены съ точки зрѣнія логики и исторіи.

Народничество, само исполненное такого высокаго мнѣнія о себѣ и столь пренебрегаемое, напр., въ лагерѣ славянофильскихъ

самобытниковъ, съ которыми въ иныхъ случаяхъ оно дѣйствительно рѣзко сталкивается (хотя въ другихъ имъ вторить),— есть во всякомъ случаѣ явленіе характерное и знаменательное. Оно думаетъ о себѣ, какъ о принципѣ совершенно новомъ, думаетъ, что оно возникло само собой, готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера; но въ дѣйствительности не трудно видѣть, что оно происходитъ по прямой линіи отъ народныхъ стремленій 60-хъ годовъ; послѣдующіе годы внесли въ общественную жизнь столько волненій, столько новеній, трагическихъ событій, разочарованій, что очень многіе не въ состояніи были ни сохранить вѣры въ прежніе идеалы, ни развитіе ихъ въ новую прочную точку зрѣнія; получилось нѣчто среднее, неопредѣленное и недоузданное. Съ одной стороны, стремленія къ изученію народа не ослабѣвали и даже усиливались, доходя до такихъ внимательныхъ изслѣдованій, примѣромъ которыхъ могутъ служить въ беллетристическіе самые труды гг. Успенскаго и Златовратскаго и ихъ товарищей, а въ литературѣ научной—до массы трудовъ экономическихъ, этнографическихъ и т. д., о которыхъ мы особо говорили прежде. Но съ другой стороны, собственно народническая публицистика затеряла ясныя, общественно-политическія понятія и впала оттого въ такіа неловкости, что иногда говорила въ одинъ голосъ съ злѣйшими врагами не только общественной автономіи, но и самого народа. Укажемъ только двѣ существенныя ошибки, повторяющіяся у большинства народническихъ писателей; во-первыхъ, недостаточное вниманіе къ исторіи русскаго общества и народа, откуда происходилъ и происходить рядъ самыхъ грубыхъ и вредныхъ недоразумѣній; во-вторыхъ, странное представленіе объ «европейской цивилизаціи», будто бы намъ не нужной и непригодной, въ чемъ имъ вторять, потирая руки отъ удовольствія, настоящіе обскуранты. Они доходятъ до того, что подъ «европейской цивилизаціей» понимаютъ только какія-нибудь новѣйшія выдумки экономической эксплуатаціи, не разумѣя, что это названіе принадлежитъ, собственно говоря, именно тѣмъ величайшимъ созданіямъ общечеловѣческаго ума и поэтическаго творчества, подъ вліяніемъ которыхъ, въ послѣднемъ результатѣ, выросло и наше собственное общественное самосознаніе; однимъ изъ отпрысковъ его является и само народничество, какъ стремленіе оградить права народной личности и привести къ полному признанію ея нравственнаго гражданскаго достоинства.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Майскія ночи, таинственно блѣдныя,
Покрыты радостныхъ грезъ,
Вы измѣнились ли, вы заповѣдныя,
Вѣтеръ ли буйный унесъ
Грезы заветныя, грезы весеннія,
Милыя сердцу мечты,
Словно поблѣвшіе листья осенніе,
Павшіе на земь листы?

Ночи безлунныя, ночи короткія,
Нѣги полны вы и чаръ,
Такъ же какъ прежде таинственно кроткія,
Только душою я старъ.
Слезы невольныя, горькія просятся,
Очи туманятъ и жгутъ;
Тихія ночи безслѣдно проносятся,
Мирно, безстрастно плывутъ.

II.

Надъ чуткой душой молодой
Проходить печали,—какъ бури
Надъ полной цвѣтовъ муравой,
Какъ тучи по синей лазури
Весеннею, свѣтлой порой,

Приходить одна за другой,—
И каждая слѣдъ оставляетъ;
Безжалостной, жадной рукой
Цвѣтокъ за цвѣткомъ обрываетъ,
И губить узоръ луговой.

Все-жъ съ молоду горя часы
Коротки, какъ вѣшнія грозы;
Свѣтлы, словно капли росы,
Блеснуть мимолетныя слезы
И жизни не портятъ красы.

Но вновь за ударомъ ударъ
Наноситъ судьба на удачу,
И въ жизни, лишенной всѣхъ чаръ,
Она отнимаетъ въ придачу
И плавать цѣлительный даръ.

Короче становятся дни,
Длиннѣй непротлѣдныя ночи,
Вечерніе гаснуть огни...
Ты выплакалъ скорбныя очи,
Скорѣй же на вѣкъ ихъ сомени.

III.

Полночь била. Разорваны, вѣтромъ гонимы,
Подъ небу тяжело ползуть облака,
Словно изъ дальнихъ сторонъ пилигримы;
Грозно волнуясь, катится рѣка;

Мѣсяць блѣдный, безцвѣтный, печальный
Глянетъ робко на мигъ изъ-за тучъ
И въ покровъ облаковъ погребальный
Прячетъ снова серебряный лучъ.

Сердце бьется такъ грустно, такъ больно,
Мысль безсвязна, и боленъ мой умъ
И слеза наливается невольно
Отъ тяжелыхъ предчувствій и думъ.

Мѣсяць скрылся, сгущаются тучи;
Да, таковъ неизбежный законъ:
Счастье—призракъ безплотный, летучій;
Жизнь—тяжелый, мучительный сонъ.

А. М—овъ.

ПО ПУТИ

РАЗСКАЗЪ.

Осенью 1879 года мнѣ пришлось, по дѣламъ службы, ѣхать изъ Харькова въ Петербургъ. Предстоящій долгій путь въ вагонѣ приводилъ меня въ ужасъ, и я молилъ судьбу, чтобы она послала мнѣ какого-нибудь словоохотливаго спутника; въ разговорѣ съ нимъ можно было-бы коротать время. Какова же была моя радость, когда, послѣ двухъ станцій отъ Харькова, въ мой вагонъ вошелъ старшій товарищъ по университету, Дмитриевъ, съ которымъ мы еще въ пятидесятыхъ годахъ окончили курсъ въ Москвѣ на естественномъ факультетѣ. Въ юности мы были большими друзьями и, разѣхавшись въ разные стороны, долго переписывались между собою. Такимъ образомъ, я зналъ, что мой пріятель отдался хозяйству въ своемъ имѣніи въ саратовской губерніи и зажилъ степнымъ помѣщикомъ, а съ введеніемъ земскихъ учрежденій сдѣлался однимъ изъ усердныхъ земскихъ дѣятелей. Время отъ времени мы встрѣчались съ Дмитриевымъ, и я былъ всегда чрезвычайно радъ, когда судьба сводила насъ вмѣстѣ. Я любилъ въ своемъ товарищѣ чуткую, отзывчивую душу, живой, не дряхлѣющій умъ и нѣвыѣ постоянно раздумываться во все его окружающее. Бесѣда съ нимъ всегда была для меня источникомъ наслажденія, а теперь, при вагонной скукѣ, онъ явился въ моихъ глазахъ настоящимъ кладомъ, что я ему тотчасъ и высказалъ. Въ оживленной бесѣдѣ мы миновали нѣсколько станцій.

Во время минутной остановки на одномъ изъ полустанковъ, позади Курска, дверь вагона распахнулась, и къ намъ вошла

молодая дѣвушка, съ чрезвычайно живымъ и умнымъ лицомъ, закутанная въ тяжелый дорожный плащъ.

Мнѣ почему-то вспомнился при этомъ нашъ старый разговоръ съ Дмитриевымъ въ одну изъ встрѣчъ въ Москвѣ, когда онъ страшно нападалъ на учащихся женщинъ; вѣроятно, я вспомнилъ это потому, что, между прочимъ, онъ осмѣивалъ ихъ тогдашнюю манеру носить плащи; по нимъ, говорилъ онъ, за версту узнаешь студентку!

Я искоса взглянулъ на своего пріятеля: какое впечатлѣніе, думалъ я, произвела на него эта фигура молодой дѣвушки въ толстомъ плащѣ, и былъ крайне пріятно изумленъ. Какимъ-то грустнымъ и вмѣстѣ симпатизирующимъ взглядомъ провожалъ Дмитриевъ удалявшуюся отъ насъ вдоль вагона молодую путешественницу, и все выраженіе его лица какъ-то особенно смягчилось.

— Вѣрно, студентка возвращается съ каникулъ на ученіе, — задумчиво проговорилъ онъ вполголоса, и прибавилъ: — счастливый тебѣ путь, добрая русская женщина!

Я съ удивленіемъ взглянулъ на пріятеля; но онъ, не обращая на меня вниманія, глубоко о чемъ-то задумался.

Я, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Простите, Константинъ Николаевичъ, — сказалъ я, ему, — меня нѣсколько удивляетъ въ васъ такая перемѣна послѣ нашихъ разговоровъ въ Москвѣ о женщинахъ... помните?

— Да, да, помню, — поспѣшно проговорилъ онъ. — И, знаете, какихъ-нибудь года полтора тому назадъ вы еще встрѣтили бы во мнѣ отъявленнаго противника «ученыхъ женщинъ»... а теперь...

Онъ остановился и опять задумался, не договоривъ мысли.

— Но, вѣрно, случилось нѣчто, измѣнившее вашъ прежній образъ мыслей, — подсказалъ я.

— Нѣтъ, не вдругъ случилось это «нѣчто», — поправилъ онъ, — а произошло постепенно. Если хотите, я вамъ расскажу по порядку, какъ все это было. Только это мало интересно...

— О, нѣтъ, напротивъ... я впередъ увѣренъ, что вашъ рассказъ будетъ даже особенно интересенъ; вы, значитъ, имѣли свой Дамаскъ.

— Года два тому назадъ, — заговорилъ Дмитриевъ, — засѣданіе земскаго собранія въ нашемъ уѣздѣ вышло особенно оживленное. Читался докладъ по земской медицинѣ, а послѣ прочтенія, предсѣдатель поднялся съ своего мѣста и попросилъ выслушать его.

«Господа, — громко заговорилъ онъ, — по поводу того, что мѣсто врача при шарановской земской больницѣ до сихъ поръ

не занято, а въ управу поступило нѣсколько заявленій отъ женщинъ-врачей, я желалъ бы имѣть честь предложить собранію обсудить принципиально вопросъ, — слѣдуетъ ли намъ приглашать женщинъ-врачей къ себѣ на службу, или нѣтъ. Что касается меня, прибавилъ онъ, то я позволю себѣ высказаться въ ихъ пользу на основаніи опыта другихъ земствъ, которые съ признательностью отзываются о дѣятельности женщинъ на поприщѣ земской врачебной службы».

Заявленіе предсѣдателя произвело сенсацию. Всѣ задвигались, заговорили, по залу пронесся гулъ. Я-такъ даже повернулся на стулѣ, — до того непріятно поразила меня такая неожиданность. Мнѣ живо представился при этомъ хорошо извѣстный всѣмъ частію изъ литературы, частію изъ жизни, антипатичный типъ «синяго чулка», женщины, вырвавшейся изъ обычныхъ условій жизни, понюхавшей цвѣтка науки и вслѣдствіе того воображающей себя, Богъ знаетъ, чѣмъ. Кромѣ того, интересуясь раньше женскимъ вопросомъ, перечитавши массу своей и иностранной литературы по этому предмету, я, какъ вамъ извѣстно, пришелъ къ крайне неутѣшительнымъ выводамъ относительно способности женщинъ даже къ умственному развитію, не говоря объ общественной дѣятельности. А въ данномъ-то случаѣ, скажу вамъ прямо, былъ у меня и чисто личный мотивъ. Больница, о которой шла рѣчь, находится въ моемъ имѣніи, — а вы знаете, какъ много значить въ деревенской глуши сосѣдство порядочнаго человѣка, да еще къ тому же доктора. По всему этому вамъ будетъ понятно, какъ я былъ непріятно пораженъ перспективой имѣть въ своемъ сосѣдствѣ женщину-врача.

Между тѣмъ шумъ въ залѣ все усиливался. Раздался предсѣдательскій звонокъ.

— «Если позволено мнѣ будетъ выразить свое мнѣніе, — воспользовался я наступившей паузой, — то я осмѣлюсь рѣшительно высказаться противъ приглашенія къ намъ женщинъ-врачей. Вообще говоря, самый вопросъ о ихъ способности быть врачами стоитъ еще подъ большимъ сомнѣніемъ, а для земской среды онѣ совсѣмъ не годятся. Вы возьмите только и рассмотрите условія земской службы. Даже мужчины бѣгутъ прочь отъ такой тяжелой работы. Вспомните всѣ эти разъѣзды по больнымъ крестьянамъ во всякое время дня и ночи, при всякой погодѣ и во всякое время года. Вспомните зимнія мятеля, посѣщенія курныхъ грязныхъ избъ, затѣмъ разъѣзды по пунктамъ, приемы до ста человѣкъ въ день больныхъ и т. п., и т. п. Наконецъ, въ зем-

свой службѣ необходимо быть специалистомъ по всему, главное же, быть хирургомъ, готовымъ на всякія операціи. Мыслимо ли это все женщинѣ... слабому существу, котораго мы до сихъ поръ привыкли беречь, щадить и охранять отъ всѣхъ вредныхъ вліяній?»

— Виновать, Константинъ Николаевичъ, — возразилъ мнѣ председатель:—вы говорите не о женщинѣ-врачѣ, а скорѣе объ изнѣженной барышнѣ.

— Позвольте, ужъ если говорить прямо, я скажу вамъ, что всегда для дѣла предпочту даже «изнѣженную барышню», какъ вы выражаетесь, нежели вашихъ учащихся женщинъ. Онѣ умѣютъ только стричь волосы, надѣвать очки и думать, что имъ нѣтъ равныхъ на свѣтѣ. Нахватаются онѣ ученыхъ словъ и фразъ, и вотъ—имъ равныхъ нѣтъ на свѣтѣ. Наконецъ, всѣ онѣ въ большей или меньшей мѣрѣ заражены всякими, бредными и вовсе не желательно вносить въ нашу среду что-нибудь подобное и мѣшать мирному развитію земской жизни...

Послѣ меня говорилъ гласный Котлубицкій, имѣвшій большое вліяніе въ нашемъ земствѣ. Я почти былъ увѣренъ, что онъ станетъ говорить противъ меня въ этомъ вопросѣ.

— Всѣ доводы Константина Николаевича не трудно опровергнуть,—началъ онъ своимъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ, зная, что его будутъ слушать и что слова его произведутъ впечатлѣніе;—да ихъ опровергла уже сама жизнь. Мнѣ же хотѣлось бы, при принципиальномъ рѣшеніи этого вопроса, остановиться немного на тѣхъ возраженіяхъ, какія частію указаны Константиномъ Николаевичемъ, частію приводятся другими вообще противъ женщинъ-врачей, именно: ихъ физическая слабость при исполненіи обязанностей, затѣмъ ихъ умственная неспособность и, наконецъ, несоотвѣтствіе ихъ нѣжной организаціи съ нѣкоторыми суровыми сторонами врачебной службы, какъ-то: необходимостью оперировать, вскрывать трупы и т. п. Мы всего ближе станемъ къ истинѣ, если остановимся на фактахъ. Извѣстно, что уже болѣе пятидесяти женщинъ работаютъ въ разныхъ земствахъ по Россіи. Не было еще примѣра, чтобы земцы раскались, пригласивъ ихъ въ себѣ на службу. Напротивъ, похвальные отзывы объ ихъ дѣятельности не перестаютъ появляться въ печати. Изъ этихъ отзывовъ мы узнаемъ, что женщины прекрасно справляются со всѣми трудностями своей службы и не отступаютъ даже передъ операціями. Припомните также дѣятельность женщины-врача въ послѣднюю нашу войну съ турками. Что же касается до добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, то это—

то и составляет причину ихъ главнаго успѣха. Онѣ проявляютъ такой запасъ энергіи и самоотверженія, на какой рѣдко способенъ нашъ братъ, мужчина, который часто смотритъ слишкомъ формально на земскую службу и не особенно дорожитъ ею, такъ какъ ему открыты все другіе пути къ жизни. Женщина же дорожитъ службой въ земствѣ, и видитъ въ ней не службу, а дѣятельность. Вотъ что говоритъ намъ практика, — заключилъ Котлубицкій, бросая на меня вызывающій взглядъ, — и на основаніи этой практики я высказываюсь за женщину-врача.

— Позвольте, вы еще не приняли во вниманіе того, какъ отнесется къ ней простолюдинъ, — будетъ ли онъ ей довѣрять, будетъ ли къ ней обращаться? — замѣтилъ я противнику, какъ бы возражая на его рѣчь.

— О, не беспокойтесь, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ готовый опытъ. Крестьяне буквально осаждаютъ женщину-врача при первомъ ея появленіи. Затѣмъ мнѣ могутъ еще сказать, что мужчины будутъ стѣсняться и неохотно говорить съ женщиной-врачомъ о своихъ болѣзняхъ. А почему же охотно обращались къ ней наши солдаты во время кампаній? Но допустимъ, что все это такъ, хотя опытъ и здѣсь говоритъ иное. Кромѣ мужского, мы имѣемъ и женское крестьянское населеніе; вѣдь обращаться къ врачу приходится крестьянкѣ еще гораздо чаще, чѣмъ крестьянину. Она пойдетъ и для себя, и для каждаго изъ своихъ больныхъ дѣтей. Да и вообще, крестьянамъ не стать привыкать лечиться у женщинъ. Наши жены и дочери споконъ-вѣка занимаются врачеваньемъ своихъ крестьянъ. А сколько было во все времена знахарокъ! Вопросъ можетъ идти только о томъ, чтобы замѣнить невѣжественныхъ знахарокъ — знающими женщинами-врачами.

— Вы забыли еще одно, — подхватилъ извѣстный нашъ мѣстный острякъ, — вы забыли, что женщины-врачи могутъ быть тоже матерями, и что это будетъ отнимать у нихъ много времени. Представьте себѣ положеніе: я заболѣваю, посылаю за докторомъ, а она въ это время производить на свѣтъ будущаго доктора!... каково мое положеніе?!

— Ваше положеніе ничуть не хуже того, — возразилъ Котлубицкій, нахмуриваясь на неумѣстную шутку и желая въ то же время уничтожить и ту долю основательности, которая въ ней заключалась, — ваше положеніе не хуже того, какъ еслибы вы послали за мужчиной докторомъ, и посланный нашелъ бы его больнымъ въ постели. Вѣдь заболѣть можетъ каждый докторъ, такъ допустите это право и для женщинъ-врачей!

— Я полагаю, господа, что вопросъ достаточно исчерпанъ, —

сказалъ председатель съѣзда, — и пора уже приступить къ его голосованію».

Съ великимъ душевнымъ волненіемъ ожидалъ я результата баллотировки. Я надѣялся, что у меня найдется гораздо больше молчаливыхъ сторонниковъ, которые не поддержали меня вслухъ только потому, что теперь не въ модѣ говорить противъ женщинъ, и они не осмѣливаются открыто выступить противъ теченія. Но, какъ же я былъ удивленъ, когда провозгласили результатъ баллотировки! Приглашеніе женщинъ-врачей рѣшено было большинствомъ 27 шаровъ противъ 10.

Въ сущности, все, что говорилось Котлубицкимъ, нисколько не убедило меня. Передо мною во всей прежней отталкивающей силѣ стоялъ образъ «ученой женщины» и возбуждалъ опасенія за мою дочь, молодую, увлекающуюся дѣвушку. Я ужасно боялся, чтобы она не подпала вліянію опаснаго сосѣдства, и тогда же твердо рѣшилъ въ своемъ умѣ, держать себя и свое семейство какъ можно дальше отъ больницы.

Спустя мѣсяцъ послѣ земскаго собранія, мы услышали, что въ больницу пріѣхала молоденькая «докторница», какъ называли ее крестьяне, и временно закрытая больница опять начала свою дѣятельность.

Больше всего я опасался, что новая сосѣдка скоро придетъ къ намъ; но прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а мы ее совсѣмъ не видали.

Между тѣмъ съ ея пріѣздомъ въ нашемъ селѣ установилось небывалое оживленіе. Больница помѣщается въ виду нашего дома, и мы могли наблюдать, какъ около нея собираются по утрамъ чуть не базары мужичьихъ телѣгъ. Сидѣвшіе по своимъ угламъ больные точно почували вдругъ источникъ живой воды, къ которому потянулись вереницами. Разговорамъ про новую «докторницу» не было конца. Идешь, бывало, по селу съ подвязанной щекой (у меня часто бываютъ ревматическія зубныя боли), на-встрѣчу знакомая баба.

— Ай зубки болятъ, батюшка баринъ? — сострадательно останавливаетъ она меня.

— Болятъ, Арина, что подѣлаешь?

— Да ты бы пошелъ къ новой докторицѣ-то! Ужъ какая барышня хорошая, добрая, ласковая, какъ она со всѣмъ хорошо займется! И много народу пользу отъ нея получаетъ. А ужъ что больныхъ-то, больныхъ-то къ ней ходитъ! Набьются это въ прихожую — ярмарка-ярмаркой. Далеко слышно о ней. Вотъ и мнѣ помогу дала, дай ей Богъ здоровья! Ужъ какъ болѣла

рука, перекреститься не могла, а теперь вотъ, слава Богу, и въ церковь хожу, молюсь.

Я внутренно смѣялся надъ этими разговорами, зная, что та же исторія повторяется при появленіи каждаго новаго врача.

Между тѣмъ притокъ народу въ шараповскую больницу все увеличивался. Въ праздничные дни и особенно въ день нашей ярмарки, у больницы скоплялось столько повозокъ, что онѣ тянулись вплоть до моей усадьбы, и не разъ мнѣ случалось слышать толки крестьянъ, расположившихся у своихъ телегъ.

— Долго, свать, придется ждать череду, — говорилъ одинъ мужикъ, облокотясь о заборъ и лѣниво почесывая затылокъ: — Экъ сколько народу-то собралось, — тѣма тѣмущая.

— Извѣстно, развѣ скоро управишься съ нашимъ братомъ, всякъ къ ней лѣзетъ, тому надо то растолковать, другому другое, а она, вишь ты, каждому старается удовлетворить, да растолковать, чтобы нашъ братъ — мужикъ все какъ слѣдъ исполнилъ.

— Хорошая барынька, — замѣтилъ другой мужикъ, развертывая изъ тряпицы лемоть хлѣба, густо посыпанный солью и усердно закусывая, — у насъ такой никогда и не было; добрая, милостивая, всякаго-то она привѣтитъ, приласкаетъ, идешь къ ней, точно къ матери родной; никогда-то она не разсердится, мы, вѣдь, извѣстно, народъ какой — гонимый. Иной разъ не поймешь, какъ тамъ что надо дѣлать, какъ принимать снадобье; ну, забудешь это, опять воротиться, спросишь, и она опять тебѣ раскладетъ и грамотку напишетъ, да такъ понятно, складно. Совсѣмъ не то, что прежній лекарь былъ. Придешь, бывало, къ нему и весь трясешься. Онъ тебя спроситъ что-нибудь, а ты, со страху не знаешь, что отвѣтить. — «Когда заболѣлъ?» спрашиваетъ онъ меня сердито такъ. «Да какъ изъ города пріѣхалъ, ваше благородіе», говорю ему. «Мнѣ не надо знать, когда ты изъ города пріѣхалъ, крикнулъ онъ на меня, ты мнѣ говори, когда ты заболѣлъ». «Да тутъ же сударь, какъ изъ города вернулся», говорю. «Дуракъ безтолковый, какъ закричитъ онъ, да затопаетъ ногами: я, вѣдь, не о томъ тебя спрашиваю; ты мнѣ отвѣчай, когда ты заболѣлъ!» Тутъ я ужъ такъ перепугался, что поджилики у меня затрассились, и я не помню хорошенько, что говорилъ ему тогда со страху. А вотъ теперь словно рай насталъ, продолжалъ мужикъ. Придешь себѣ спокойно. Ну, иной разъ и не въ разъ что-нибудь скажешь, а она тебѣ ничего, не разсердится, засмѣется такъ звонко, хорошо, такъ что у самого отъ души словно отлежаться.

— А вотъ я у ней въ больницѣ лежалъ, — выѣхался въ разговоръ вновь подошедшій черноватый мужичокъ, съ внушительнымъ лицомъ и осмысленнымъ, спокойнымъ взглядомъ, — такъ этого времени во вѣкъ не забудешь. Словно какъ я на рукахъ у матери родной находился. Войти это она, бывало, утромъ въ палату, — ровно солнышко съ собой принесетъ. Всѣ мы ужъ такъ и ждемъ ее, какъ ангела съ неба. Отверить это она дверь, взглянетъ кругомъ, улыбнется и скажетъ намъ:

— Здравствуйте, друзья!

— Здравствуй, родная, — отвѣтимъ мы ей, и словно всѣмъ намъ станетъ легче на душѣ отъ ея прихода, словно она радость какую съ собой принесетъ. А она подойдетъ къ каждому изъ насъ, заботливо расспроситъ, хорошо ли спалъ, ѣлъ, нѣтъ, покойно ли тебѣ лежать, не хочешь ли о чемъ ее попросить. Потомъ подсядетъ на койку къ кому-нибудь, заговоритъ о его дѣлахъ, а тутъ, глядишь, и всѣ мы разговоримся. А то она принесетъ книжки и начнетъ намъ читать о томъ, какъ надо себя отъ прилипчивыхъ болѣзней оберегать, какъ небу въ чистотѣ держать, почему намъ чистый воздухъ нуженъ, какъ надо за дѣтьми ходить, зачѣмъ имъ надо оспу прививать. Занетъ она это намъ все толковать и все такъ хорошо, понятно толкуетъ.

Много еще въ этомъ родѣ говорилъ мужикъ. Признаюсь, этотъ разговоръ нѣсколько смутилъ меня, — гораздо больше, чѣмъ возраженія Котлубицкаго. А тутъ и самъ Котлубицкій займалъ ко мнѣ.

— Была у васъ ваша новая сосѣдка, Анна Андреевна Ларина (имя «докторницы»)? — спросилъ онъ, едва мы поздоровались.

— Нѣтъ. А вы уже знакомы съ ней?

— Къ сожалѣнію, еще незнакомъ; но я уже много хорошаго слышалъ о ней вездѣ. Неужели вы до сихъ поръ не видѣлись съ ней?

— Нѣтъ, и не особенно сожалѣю объ этомъ, — замѣтилъ я, почувствовавъ въ себѣ опять припадокъ оппозиціи. — Вамъ извѣстенъ, впрочемъ, мой взглядъ на учащуюся женщину вообще. Пока еще ничего не было такого, что могло его измѣнить.

— Погодите, — шутиливо погрозилъ онъ мнѣ, — вотъ Ларина скоро перевернетъ ваши предразсудки. О ней много говорятъ хорошаго.

Я самъ многое слышалъ, но не хотѣлъ повиниться предъ Котлубицкимъ, и переѣхалъ тому разговора.

Однако мое упрямство пошатнулось съ того времени: я пересталъ набѣгать Лариной и даже былъ не прочь познакомиться съ нею. Случай къ этому скоро представился самъ собою.

Въ восьми верстахъ отъ насъ, въ деревнѣ Перхушиковой жилъ мой молочный братъ, сынъ моей кормилицы, крестьянинъ Ѳаддей; я всегда былъ привязанъ къ нему воспоминаніями дѣтства. Онъ тяжело заболѣлъ; пріѣхали за Лариной и тутъ же извѣстили меня, что больной въ опасности. Я тотчасъ приказалъ заложить лошадей и поѣхалъ къ Ѳаддею, а посланный остался дожидаться Лариной, пока она кончитъ приемъ больныхъ.

Ѳаддея я засталъ дѣйствительно въ ужасномъ положеніи. Онъ лежалъ на полу, метался въ лихорадкѣ и стоналъ отъ боли во всемъ тѣлѣ; онъ безпрестанно просилъ пить и жадно глоталъ мутную воду, которую жена подавала ему въ грязной, засаленной кружкѣ.

Въ увѣшанной соломой на зиму избѣ было совсѣмъ темно и душно: на половину закрытыя окна едва пропускали слабый свѣтъ. Положеніе больного среди такой обстановки приводило меня само по себѣ въ отчаяніе. Вся семья Ѳаддея притихла въ грустныхъ думахъ за больного, и только старушка-мать, лежа на печи, время отъ времени прерывала молчаніе.

— Охъ, долгольцо не ѣдутъ, — вздыхала она. — Кто знаетъ, поѣдетъ ли еще докторица-то въ такую погоду, да еще на ночь глядя?

— Полно, бабушка, — возразила молодая сноха, — авось ей не въ первый разъ ѣхать ночью въ мужицкую избу! Небось возили ее къ Прохоровой женѣ-то ночью; а ужъ какая была темъ-то, едва попали на дорогу, сколько плутали по полю, страсть! И всегда она ѣздитъ, никому не отказываетъ, пошли ей Господь за насъ бѣдныхъ.

На улицѣ послышался скрипъ полозьевъ и топотъ лошади близъ избы; черезъ минуту въ сѣняхъ раздался свѣжій, звучный голосъ: «наконецъ-то пріѣхали!» Дверь отворилась и въ избу быстро вошла вся зарумянившаяся отъ мороза еще довольно молодая дѣвушка.

— Здравствуйте! — приѣтливо поклонилась она намъ, не смотря ни на кого, сбросила свою шубку, поспѣшно подошла къ больному и, опустившись близъ него на полъ, начала его заботливо осматривать и расспрашивать.

Я, не замѣченный ею, все время съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ словомъ. Наша «докторица» оказалась ниже средняго роста, блондинка, съ темными глазами, неправильными чертами лица, гладко зачесанными волосами, скрученными назадъ въ толстую косу, въ черномъ простенькомъ платьѣ, въ бѣлыхъ рукавчикахъ и воротничкѣ, — вотъ и вся ея, совсѣмъ заурядная внѣшность. А между тѣмъ, когда она вошла

въ избу, повидалась съ хозяевами, заговорила съ больнымъ, у меня какъ-то особенно хорошо сдѣлалось на душѣ, точно она принесла съ собой сюда весну и наполнила жизнью до краевъ эту пустую, убогую избушку.

Впечатлѣніе было такъ неожиданно и такъ хорошо, что я остался неподвижно сидѣть на своемъ мѣстѣ. Она же, продолжая не обращать вниманія на то, кто тутъ былъ и зачѣмъ, продолжала возиться съ больнымъ, и въ то же время какъ-то заботливо всматривалась въ убогую его обстановку. Взглянувъ на постель больного, она слегка поморщилась: беспорядочные клоки сѣна и соломы были сбиты подъ нимъ комками, засоренная крохами хлѣба, смятая дерюга терла ему бока; подъ головой лежала сбитая клубкомъ овчинная шуба, а неровныя доски на полу оставляли между собой большія щели, откуда изрядно дуло. Ларина посмотрѣла на воду и на кружку, изъ которой пили больного и еще болѣе поморщилась.

— Послушайте,—обратилась она ко всѣмъ,—больному не хорошо, и его нельзя оставить такъ. Его необходимо устроить иначе.

— Матушка,—взмолилась Арина, жена Ѳаддея,—ты возьми его въ себѣ въ больницу.

— На бѣду, въ больницу его взять нельзя, у меня нѣтъ теперь свободнаго мѣста; но его можно устроить хорошо и безъ больницы. Послушай-ка,—обратилась она въ Аринѣ, отводи ее въ сторону,—ты жена ему, ты должна похлопотать о своемъ мужѣ. Я говорю тебѣ серьезно, что онъ очень плохъ, и жизнь его зависитъ отъ твоего ухода. Будешь стараться ходить за нимъ,—онъ будетъ у тебя живъ, а оставишь его лежать такъ на полу, въ грязи, безъ ухода,—онъ у тебя не много проживетъ. Ты посмотри, какъ онъ у тебя лежитъ? Вѣдь у него скоро все тѣло покроется пролежнями, отъ того, что его бросили какъ попало, точно скотину, и никто не заботится поправить его, подослать помягче подъ нимъ постель, переменить бѣлье, стряхнуть грязь.

— Охъ, матушка, гдѣ же намъ все это сдѣлать? Ты посмотри, какая у насъ бѣдность!

— Ну, это ты мнѣ не рассказывай Арина,—строго перебила Ларина,—все это я сама прекрасно знаю и не думаю считать тебя богатой. То, что я требую для больного, можетъ сдѣлать и нищій. Мнѣ нужно только, чтобы ты сама-то позаботилась о немъ и тогда, повѣрь, все найдется.

— Да гдѣ же намъ сѹмѣть все это, сударыня,—раздались

голоса родныхъ.—Ты—вотъ все знаешь, что больному человѣку нужно, а мы—темный народъ, гдѣ намъ что знать?

— Ну, я васъ научу и покажу вамъ, что надо дѣлать; вы меня слушайтесь только. Вотъ смотри, Арина, развѣ это постель, гдѣ лежить твой мужъ? Вѣдь иная скотина лучше устроена: ей стараются мягче постлать, и все это въ вашихъ рукахъ. Есть у тебя суровый холстъ?

— Есть, матушка.

— Давай его сюда, мы устроимъ изъ него постель. Да ты не жалѣй холстины: останется твой мужъ живъ, — онъ не на одинъ холстъ тебѣ наработаетъ. А солома есть? обратилась она къ стоявшему здѣсь брату Оаддея.

— Какъ же, сударыня.

— Ну, иди, принеси сюда побольше.

Мужикъ вышелъ изъ избы, баба достала холстъ, изъ котораго Ларина выкроила тотчасъ же мѣшки для матраца и подушки и отдала тутъ же бабамъ шить. Бабы послушно повиновались. Сама Ларина направляла ихъ работу, поощряла ихъ и веселой шуткой старалась прогнать общее мрачное настроеніе. По временамъ она быстро взглядывала въ мой уголъ, точно задавая себѣ вопросъ, зачѣмъ попала сюда эта молчаливая фигура?

Вдругъ она обернулась ко мнѣ, точно ей пришла въ голову мысль воспользоваться и моими силами.

— Не будете ли вы добры тѣмъ временемъ помочь мнѣ уладить больному кровать? обратилась она ко мнѣ.

Признаюсь, я даже обрадовался, что могу принять участіе въ общей суетливости. Мы разобрали весь хламъ на примость, стащили прочь всѣ ненужные узелки, сумочки, пальтишки, сапоги и всякое ненужное тряпье, которымъ былъ заваленъ примость. Ларина тряпкой тщательно стерла пыль со стѣнъ и приказала хозяйкѣ вытащить вонъ изъ избы въ сѣни всю ненужную рухлядь придвинула къ примосту маленькій столикъ, вытребовала себѣ чистое полотенце, тщательно вымыла кружку, изъ которой давали больному пить, строго запретила давать ему воду изъ засаленныхъ чугуновъ, а велѣла прямо наливать изъ ведра, вытащила изъ привезеннаго саквояжа стеклянную ложку для лекарствъ и нѣсколько стеклянокъ съ лекарствами, и разставила все это на столѣ. Черезъ десять минутъ мѣшокъ былъ готовъ, его живо набили соломой, сострипали также подушку, вычистили комнату, разобрали и унесли изъ нея все лишнее, и черезъ полчаса мой Оаддей лежалъ въ сравнительно неузнаваемой обстановкѣ. Онъ благодарными глазами глядѣлъ на добраго генія, молча перекрестился, поднимая взглядъ на икону,

и видимо прослезилась. Растроганно и съ улыбкой удовольствіемъ смотрѣла на него Ларина; потомъ обратилась къ семьѣ и долго подробно говорила о томъ, какъ надо ходить за больнымъ. Не уставая, по нѣскольку разъ повторяла она каждое правило ухода; поясняла имъ, какъ много зависитъ все дѣло отъ ихъ заботливости, и какъ съ бѣдными средствами много можно сдѣлать, когда этого захочешь; указала имъ всю опасность невниманія къ больному, подкрѣпляя свои слова наглядными, взятыми изъ крестьянской же жизни, примѣрами. По лицамъ окружающихъ я видѣлъ, что она совсѣмъ околдовала ихъ. Признаюсь, я самъ слушалъ ее съ большимъ удовольствіемъ, въ каждое слово она влигала столько души, что, казалось, оно выходитъ изъ самой глубины ея сердца, гдѣ течетъ у нея ненасыщаемый родникъ любви къ окружающимъ.

Когда она кончила говорить и, взглянувъ на часы, сказала:— Мнѣ пора теперь ѣхать!—Я обратился къ ней.

— Могу я предложить мои сани къ вашимъ услугамъ?— Она вопросительно взглянула на меня.

— Я вашъ сосѣдъ, Дмитріевъ, — отрекомендовался я, — и возвращаюсь теперь въ Шарاپово. Намъ будетъ по пути.

Я назвалъ себя съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Мое недружелюбное отношеніе къ ней могло сдѣлаться ей уже извѣстнымъ. Она съ живостью обернулась ко мнѣ.

— Ахъ, я рада познакомиться съ вами, — просто и радушно сказала она мнѣ. — Вы простите, что я до сихъ поръ не побывала у васъ. Новыя обязанности совсѣмъ не оставляютъ мнѣ времени познакомиться съ моими сосѣдами, но когда случай меня сводитъ неожиданно съ ними, я очень рада вашему знакомству.

Мы поѣхали въ Шарاپово. Было уже около полуночи. Тучи расчистились, и луна ярко освѣщала снѣговыя поляны. Ларина, оживленная и счастливая, любовалась красотой ночи.

— Да, вамъ теперь можно чувствовать себя вполне счастливой, — заговорилъ я, слѣдуя теченью своихъ мыслей, — вы сдѣлали хорошее дѣло, вамъ можно позавидовать, и вы имѣете право наслаждаться. Но, все-таки я скажу, трудную избрали вы себѣ дѣятельность. Шутка ли сказать, столько лѣтъ учиться, проходить такой сложный курсъ наукъ и потомъ взяться за эту безпоясную практику! Трудно, очень трудно!

— О, это только кажется такъ со стороны, — возразила Ларина. — О какомъ трудѣ тутъ можно говорить? О физическомъ? Но развѣ мы не видимъ, какъ трудятся кругомъ всѣ женщины?

Возьмите нашихъ крестьянокъ, — никто имъ не удивляется, когда они отбываютъ свою страдную пору. Если же говорить о трудѣ умственномъ, то, право, всё эти наши знанія приобрѣтаются такъ постепенно и преподаются намъ въ такой формѣ, что усвоеніе ихъ доставляетъ не трудъ, а удовольствіе.

— Скажите, что васъ побудило избрать себѣ такую спеціальность?

— Сперва потребность высшаго образованія вообще. Въѣдъ у насъ не было тогда другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Медицинская академія представляла единственный путь для тѣхъ, кто искалъ широкой подготовки къ жизни. Я поступила на курсы, не имѣя спеціальнаго интереса къ медицинѣ. А потомъ, когда занялась медицинскими науками, то заинтересовалась ими въ высшей степени, и теперь очень люблю свое врачебное дѣло.

Долго бесѣдовали мы такимъ образомъ дорогой. Съ Лариной говорилось какъ-то особенно легко. Она умѣла слѣдить за рѣчью собесѣдника и ловила малѣйшіе оттѣнки и изгибы его мысли. Сама она выражалась чрезвычайно просто, но въ самомъ складѣ ея ума было что-то оригинальное и свѣжее.

Вотъ послѣ этого-то знакомства съ Лариной, я вполне примирился съ женщинами-врачами. Ларина была для меня совершенно новымъ, неожиданнымъ типомъ женщинъ, о которомъ невольно скажешь: пошли судьба намъ такихъ побольше! Теперь я уже не боялся, а искалъ ея знакомства для своей дочери, которой необходимо было хорошее вліяніе.

Мое семейство скоро даже подружилось съ Лариной, и появленіе ея въ нашемъ домѣ считалось чуть не праздникомъ. Бывала она у насъ, однако, рѣдко — и всегда приходила съ работой: то она выговаривала рубашечки крестьянскимъ ребятишкамъ, то шила имъ фуфайки, то налаживала кофточки. Подъ быстрой и ловкой рукой работа кипѣла, и, посидѣвъ у насъ часъ или два, Ларина успѣвала отдѣлать двѣ три дѣтскихъ штучки. Работа не мѣшала ей отдаваться вполне окружающему обществу.

— Что вы такое дѣлаете, Анна Андреевна? — спросилъ ее однажды мой племянникъ, пріѣхавшій къ намъ на святки, когда онъ увидѣлъ ее впервые за такой работой.

— Это — рубашки Перхушевскимъ ребятишкамъ, — сказала она, и, какъ бы въ извиненіе, прибавила: — мнѣ случилось недавно быть въ этой деревнѣ по случаю разившейся тамъ эпидеміи скарлатины и ходить по избамъ. При этомъ я застала такую крайнюю бѣдность, что нужно что-нибудь для нихъ сдѣлать. Представьте себѣ — большіе ребятишки лежатъ въ мокрыхъ грязныхъ ру-

башенкахъ, не мытыхъ по цѣлымъ недѣлямъ! Когда я стала разъяснять матерямъ необходимость перемѣнить бѣлье, мнѣ отвѣчали, что кромѣ надѣть нечего. Между тѣмъ, жесткая грязная рубашка царапаетъ тѣло, развиваются ссадины, пролежни и т. п.; не говорю уже о томъ, какъ сильно вся эта грязь способствуетъ развитію самой заразы. Кромѣ того, за недостаткомъ пальтишка мать не можетъ выносить малютку на свѣжій воздухъ, отъ этого онъ хирѣетъ въ тѣсной и душной избѣ.

На губахъ моего племянника показалась насмѣшливая улыбка.

— Неужели вы надѣетесь этими своими рубашечками, да пальтишками покрыть всю непроходимую бѣдность, въ какую погружено наше крестьянское населеніе?—спросилъ онъ, видимо желая уволоть Ларину; онъ находилъ ее слишкомъ приверженной къ «палліативнымъ мѣрамъ».

Ларина опустила шитье на колѣни, какая-то грустная тѣнь пробѣжала по ея лицу, согнавши его обычное, свѣтлое выраженіе; она мнѣ показала въ этотъ моментъ постарѣвшей нѣсколькими годами.

— Григорій Александровичъ,—грустно начала она, обращаясь къ моему племяннику;—вы затрогиваете слишкомъ серьезный для меня вопросъ. Кто изъ насъ, начиная жить, начиная вдумываться въ окружающее, не задавался цѣлью побороть въ корнѣ общую бѣдность, исцѣлить общій недугъ,—словомъ, кто изъ насъ не желалъ активно выступить на борьбу съ существующими условіями и попробовать радикальное лекарство, вѣсто палліатива? Но, это, конечно, мечта юношескаго періода, когда мы чувствуемъ въ себѣ такой избытокъ силъ, какъ будто можемъ перевернуть вселенную. Когда же съ лѣтами съ насъ спадаетъ этотъ самообманъ, а жизнь научаетъ насъ понимать, какъ ничтожны усилія не только одного человѣка, но и цѣлыхъ группъ людей для того, чтобы произвести перемѣну въ народной жизни, — тогда мы начинаемъ смотрѣть на постепенный прогрессъ, какъ на единственно возможный, и потому не пренебрегаемъ ничѣмъ, что можетъ прибавить хоть ничтожную каплю къ тому медленному улучшенію, которое вѣрно и прочно входитъ въ жизнь сознательными и бессознательными путями, и тогда палліативныя мѣры окажутся вполне цѣлесообразными.

— Я не могу согласиться съ вами,—горячился Гриша;—шейте вы всю жизнь эти рубашки,—вы ими не достигнете ровно ничего въ смыслѣ поднятія благосостоянія крестьянина; ему могутъ помочь только крупныя реформы его быта.

— Простите, Григорій Александровичъ, я, вполне согласна съ

вашимъ мнѣніемъ о благотворномъ значеніи реформъ и т. п., но я ихъ не могу цѣнить такъ высоко, какъ вы. У меня мѣриломъ общаго благосостоянія является сумма личнаго счастья членовъ общества, отъ какихъ бы причинъ это счастье ни произошло. А счастье есть все-таки субъективное настроеніе, независимое отъ обстановки человѣка. Если нищему, который проходилъ напрасно цѣлый день съ сумою, подадутъ въ вечеру полтину,—это сдѣлаетъ его безгранично счастливымъ на цѣлый день и даже на нѣсколько слѣдующихъ. Въ то же время мы знаемъ, что и черезъ золото слезы текутъ. По этому, повторяю, личное счастье я цѣню очень высоко и стараюсь не упустить оказать его тамъ, гдѣ могу. Вотъ вы теперь обратили вниманіе на эти дѣтскія рубашечки,—для меня, какъ видите, ничего не стоитъ ихъ сдѣлать, я вотъ ихъ спила мимоходомъ,—она при этомъ бросила на столъ готовую фуфайку,—а между тѣмъ, она причинитъ столько радости въ семьѣ, куда попадетъ, что изъ-за этого одного стоило бы и больше пожертвовать своего времени. Ребенку будетъ такъ тепло и мягко въ этой фланелевой курточкѣ, а матери доставитъ столько счастья смотрѣть, какъ ее дитя будетъ нѣжиться и улыбаться ей изъ этого теплаго кусочка матеріи. И какъ много могли бы мы сдѣлать въ этомъ направленіи, если бы каждый отдавалъ избытокъ своего времени этимъ мелкимъ дѣламъ благотворительности! Вы посмотрите, сколько теряется у насъ времени совсѣмъ бесплодно; посмотрите, сколько у насъ барынь, барышень, купчихъ и всякихъ другихъ сословій сидятъ по цѣлымъ днямъ безъ всякихъ занятій. А если бы шли на доброе дѣло ихъ силы,—какъ было бы хорошо!

Для великихъ дѣлъ и крупныхъ попытокъ врядъ ли найдется у насъ всегда достаточно крупныхъ силъ и личностей; дѣлать же небольшое дѣло смогутъ многіе и многіе. Зачѣмъ же уничтожать значеніе небольшого дѣла? Зачѣмъ презрительно относиться хотя къ маленькимъ, но имѣющимъ глубокой смыслъ попыткамъ?

Такъ мало-по-малу мы познакомились со взглядами и убѣжденіями Анны Андреевны. Въ ея словахъ живо рисовалась простая и хорошая жизнь, и сама она являлась, на фонѣ нарисованной ею жизни, цѣльной, простой и ясной, выражающей словами то, что давно вошло у нея въ дѣло. Она увлекала простотой, естественностью и удобоисполнимостью своихъ взглядовъ и заражала въ то же время собственнымъ примѣромъ.

На мою Катю она дѣйствовала рѣшительно благотворно; подъ ея вліяніемъ моя дѣвочка оживилась, сдѣлалась дѣятельнѣе, стала гораздо усерднѣе и серьезнѣе заниматься науками и начала больше читать. Ей хотѣлось поближе сойтись съ Анной Андреевной, но та, какъ ясное солнышко въ облачный день, — появится и опять спрячется на долго, словно за облака, за свою неугомонную возню съ больными.

— Послушайте, Анна Андреевна, — говоришь ей при встрѣчѣ: — вамъ пора, наконецъ, отдохнуть! Пойдемте, посидимте у насъ.

— Отдохнуть?! Отъ чего? — удивится она. — Вы, кажется, не на шутку думаете, Константинъ Николаевичъ, что моя работа утомительна? Нѣтъ, я отдыхаю за нею.

— Помилуйте, неужели вамъ не наскучить эта однообразная возня съ бабами и мужиками, повтореніе имъ тысячу разъ одной и той же вещи, ихъ безтолковость и т. п.?

Ларина засмѣялась.

— Вотъ и видно, что вы совсѣмъ не бывали въ земской амбулаторіи, если такъ думаете. Дѣлать нечего, надо васъ ближе познакомить со всѣмъ. Приходите когда-нибудь намъ помогать; я заставлю васъ дѣлать порошки а вы — наблюдайте. Вотъ завтра у насъ воскресенье, народу будетъ много; приходите къ намъ и приведите свою Катю намъ на помощь. Всѣмъ найдемъ дѣло.

Я воспользовался предложеніемъ и пришелъ на пріемъ.

Густая толпа мужиковъ и бабъ совсѣмъ заполняла большую «ждальную» комнату и тѣснилась толпой къ двери, стараясь понасть впередъ. Фельдшеръ вызывалъ ихъ по очереди.

Я вошелъ въ пріемную съ Катей. Ларина тотчасъ усадила насъ за дѣло, а сама продолжала прерванную бесѣду съ бабой. Баба жаловалась на головную боль и подробно распространялась о томъ, какъ мужъ, въ пьяномъ видѣ, билъ ее по головѣ. Ларина съ участіемъ слушала разсказъ больной, потомъ, прервавъ ее, отворила дверь и заговорила сама.

— Вотъ видишь, Марья: ты говоришь, что твой мужъ часто тебя бьетъ и сама сознаешь, что онъ это дѣлаетъ въ пьяномъ видѣ. Еслибы онъ меньше пилъ, — жили бы вы мирно. А въ томъ, что мужья пьютъ, виноваты отчасти сами жены, онѣ не умѣютъ сдерживать ихъ. Въ другихъ губерніяхъ бабы что дѣлаютъ? Онѣ собираются всѣмъ міромъ и ходатайствуютъ о томъ, чтобы волости позаваривали кабаки. Онѣ дѣйствуютъ такъ усердно, что, наконецъ, добиваются своего. И, дѣйствительно, если не будетъ близко кабака или трактира, не будетъ и соблазна идти туда

выпивать. Положимъ, что мужикъ найдетъ себѣ, гдѣ купить вина, но вѣдь это не всегда-то удобно. Поди тамъ, хлопочи, ѣзди за нимъ, отыскивай, да еще за дорогую цѣну. А когда трактиръ подъ рукой, то чего легче крестьянину уйти туда и напиться до безчувствія. Мужикъ къ тому же не умѣетъ пить съ воздержной. Ужъ если первую рюмку выпилъ, то тутъ же пропьетъ съ себя и сапоги, и армячишко, и придетъ домой въ такомъ видѣ, что не попадешь ему подъ руку! И это еще не все! Всѣмъ несчастнымъ послѣдствіямъ конца нѣтъ! Вотъ ты теперь избита и пришла ко мнѣ за совѣтомъ и помощью. Положимъ, я облегчу тебя,—но развѣ этимъ дѣло и окончится? Нѣтъ, болѣзнь отзовется еще много, и много разъ ты будешь хворать, работа вывалится изъ рукъ и будешь ты въ тягость себѣ и другимъ. А что будетъ съ пьяницей-мужемъ? Вѣдь запой—это первый врагъ здоровья! Пока мужикъ молодъ, онъ еще можетъ переносить всякій вредъ, а какъ поживетъ подольше, и начнутся съ нимъ всѣ хворости, водянки, одышки и тому подобное. Это, вѣдь жизнь не въ жизнь!

— Правда, правда, матушка,—твердили хоромъ мужики и бабы, слушавшіе въ дверяхъ Ларину.

— Послушайте, Анна Андреевна,—замѣтилъ я, когда она, отпустивъ бабу, затворила дверь пріемной; — вы очень наивны, если воображаете, что ваши проповѣди оставляютъ слѣдъ въ этой толпѣ. Тотъ же мужикъ, который вамъ сейчасъ такъ усердно вторилъ, прямо отъ васъ отправится въ первый кабачекъ.

— Вы еще наивнѣе меня, Константинъ Николаевичъ, допуская во мнѣ ту наивность, будто я такъ слѣпо вѣрю въ неотразимое дѣйствіе своихъ словъ. Прекрасно я знаю, что переворотъ въ жизни и мысли крестьянъ я не произведу; но я глубоко вѣрю въ неизмѣнность связи причины со слѣдствіемъ. Я вѣрю, что каждое слово и каждое дѣло должны неизбѣжно имѣть свой результатъ, какъ бы малъ онъ ни былъ. И мои слова, все-таки они западутъ въ умъ слушающихъ,—и кто знаетъ? Быть можетъ, одинъ изъ сотни и приметъ ихъ къ сердцу, и если не сейчасъ, то при другихъ, благоприятныхъ обстоятельствахъ вспомнитъ ихъ и приложить къ дѣлу. Вѣдь, если и на камень постоянно лить воду по каплѣ, то пробьешь ямку, такъ точно, если и я не устану твердить народу поученія въ этомъ духѣ, быть можетъ, и мнѣ удастся пробить брешь въ мало податливомъ мозгу крестьянина. А развѣ это не достаточная награда?!

— Да: he who knows the value of his object, regards not.

the pains it costs him ¹⁾),—со вздохомъ превзнесъ я, вспоминая нареченіе какого-то мудреца.

Ларина улыбнулась мнѣ, какъ бы говоря, что я нашелъ подходящее выраженіе тому, что она думала, и опять вернулась къ своимъ занятіямъ.

Въ пріемную вошла баба съ больнымъ ребенкомъ. Ларина взглянула на малютку и уворизненно обратилась къ бабѣ.

— Послушай, не стыдно тебѣ совать ему эту грязную соску? — сказала она, вытаскивая изо рта ребенка сѣрую, засаленную тряпку и сердито бросая ее въ тазъ. — Вѣдь вотъ отъ этихъ-то исторій и разбогѣваются крестьянскія дѣти. Вотъ ты навѣрно пришла жаловаться, что у твоего ребенка рвота, что его слабитъ, что онъ кричитъ по ночамъ.

— Такъ точно, сударыня. Вотъ, что ни поѣсть, — сейчасъ его сорветъ. А ужъ кричитъ-то благимъ матомъ!

— Ну, вотъ, видишь! А все это отъ нечистоты. Развѣ трудно дать ребенку рожекъ, вмѣсто этой грязной тряпки? Всего-то грошъ ему цѣна, а если сюда за нимъ придешь, то получишь задаромъ. А то по-неволѣ онъ у тебя расхворается: напихаетъ ему что попало въ ротъ,—все это киснетъ, гніетъ, раздражаетъ желудокъ,—ну, отъ этого, понятво, поднимается и поносъ, и рвота. Да какой онъ у тебя грязный! Неужели не найдемъ времени лишній разъ сполоснуть ему рубашку? Вѣрить я этому не хочу. Еще во время рабочей поры, если женщина отговаривается недосугомъ—я это понимаю, но осенью и зимой можно, кажется, послѣдить за чистотой и опрятностью. — Вотъ, возьми рубашечку,—вынула Ларина изъ запасного ящика стоваренную ею дѣтскую рубашечку,—надѣнь ему, и, смотри, почаще стирай, отъ этого твой ребенокъ будетъ гораздо здоровѣе.

— Пора бы вамъ и отдохнуть немного,—остановилъ я Ларину, когда она хотѣла звать слѣдующаго больного. — Вы со всѣмъ устанете, если такъ долго будете толковать по поводу каждаго отдѣльнаго случая.

— Да, иногда языкъ, дѣйствительно, начинаетъ путаться и выходить прекуръезныя вещи. Такъ, одному больному съ маляріей я преписала вмѣсто скрупула хинина: отпустить скрупулъ перемежающейся лихорадки, что вызвало хохотъ въ моей антикѣ. А то однажды самымъ серьезнымъ и убѣдительнымъ образомъ совѣтовала старику приобрести себѣ паховую грыжу, думая въ

¹⁾ „Кто знаетъ достоинство своей цѣны, тотъ не обращаетъ вниманія на трудъ, котораго она ему стоитъ“.

это время о паховомъ бандажѣ для него, что его привело въ отчаяніе, такъ какъ и съ своей грыжей онъ не зналъ, куда дѣваться.

Не смотря на мои увѣщанія отдохнуть, Ларина продолжала возиться съ больными, не испытывая усталости. Она быстро двигалась отъ одного къ другому и оживленно говорила съ каждымъ изъ нихъ. Больные, казалось, занимали ее не только своими болѣзнями, но и своей личностью. Она смотрѣла на нихъ не только какъ на больныхъ, но и какъ на людей, вторыхъ ей въ высшей степени интересно было знать. Она точно изучала всѣхъ своихъ пациентовъ со стороны ихъ психики, точно старалась отгадать, на кого она какимъ путемъ всего лучше можетъ дѣйствовать.

И, дѣйствительно, видно было, что она прекрасно понимаетъ крестьянина. Убѣдить и уговорить мужа или бабу ей ничего не стоило. Нужно ли было склонить на операцію, на пріемъ энергическаго средства, на ту, или другую мѣру, — больной, сперва приходившій въ ужасъ отъ того, что ему предлагалось и кричавшій: «Ни за что на свѣтъ!» — черезъ пять минутъ разговора съ Лариной, уже безпрекословно отдавался ей въ руки, потому что она такъ ясно и убѣдительно умѣла доказать ему всю необходимость и неизбежность того, что предлагала.

Утро въ пріемной у Лариной произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе, и я просилъ ее время отъ времени позволить мнѣ бывать на ея пріемахъ.

Такъ прожили мы около года съ сосѣдкой и привыкли къ ней, какъ къ родной. Когда, бывало, ее долго не видно, когда захватывала ее притокъ дѣлъ, разъѣзды по больнымъ, по эпидеміямъ, родамъ и т. п., — намъ всѣмъ становилось скучно, жизнь точно останавливалась. Моя Катя, возбужденная всякій разъ послѣ встрѣчи съ Лариной, энергичная и дѣятельная, вдругъ, какъ будто затихала, точно утрачивала смыслъ начатой работы. Но эта дѣятельность снова закипала, какъ скоро заглядывала къ намъ разносящая всюду съ собой жизнь Ларина. Катя тогда спѣшила подѣлиться съ ней всѣмъ, что успѣвала сдѣлать, какъ бы спрашивая этимъ ее одобренія. Ларина никогда не хвалила вслухъ. У нея была своя особая манера возбуждать и поощрять. Въ ея присутствіи каждый чувствовалъ инстинктивно, что ей пріятно и что непріятно, и каждый точно считалъ нравственнымъ долгомъ дѣлать ей пріятное. Она становилась какъ будто общей совѣстью, не говорящей прямо, но дарящей себя чувствовать.

Но что особенно нравилось мнѣ въ ней — это то, что она

не чуждалась насъ, людей стараго поколѣнія. Бывало соберутся сосѣди-старички,—пришлемъ за ней. Она придетъ, если ей есть время и проведетъ съ нами часть-другой въ самой простой, дружеской бесѣдѣ. Нѣтъ у нея того, что мы привыкли видѣть въ прежней молодежи, которая рѣзко дѣлитъ поколѣнія на два разряда и старается обособить себя въ отдѣльную категорію, не допуская насъ заглядывать въ свой міръ. Ларина же всегда держалась съ нами просто и откровенно. Не преувеличивала она нашего значенія и не отнимала отъ насъ то небольшое хорошее, что мы имѣли. Вообще съ ея обычнымъ талантомъ быстрого и вѣрнаго схватыванія характеровъ она хорошо понимала всѣхъ насъ. Ея отношеніе къ намъ можно было выразить приблизительно слѣдующими словами: «хоть вы и люди прошлаго поколѣнія и доживаете свой вѣкъ безъ смысла и цѣли въ жизни,—но меня нельзя этимъ ни удивить, ни оттолкнуть. Я знаю, что это такъ и должно быть, и что наша жизнь будетъ еще долго вырабатывать такихъ людей, какъ вы,—но я за это сторониться отъ васъ не буду. Я въ васъ люблю людей, личность люблю, и потому же чувствую къ вамъ живой интересъ. Кромѣ того, у васъ есть и свои хорошія черты, которыя я умѣю цѣнить и уважать, тѣмъ больше, что на свѣтѣ совершенныхъ людей нѣтъ. Затѣмъ я люблю васъ и потому, что мнѣ хочется любить всѣхъ и дѣлать всѣмъ, чтó могу».

Прежде я часто задумывался надъ вопросомъ, почему эта дѣвушка, такая юная и неопытная, работаетъ съ такимъ успѣхомъ; все ей удается, все ей легко, все ей приходитъ на помощь. Явившись сюда, она произвела уже столько перемѣнъ, столько улучшеній въ своей больницѣ. Чего не удавалось ея предшественникамъ цѣлыми годами добиться отъ управы и отъ содѣйствія частныхъ лицъ, она беретъ шутя, безъ видимыхъ усилій. Такъ же шутя овладѣла она любовью крестьянъ и ихъ довѣріемъ, и всѣ дѣла у нея шли какъ по маслу. Ея больница похожа на муравейникъ, гдѣ каждый увлеченъ своей работой.

Теперь, когда я узналъ Ларину, дѣло становилось для меня понятнымъ. Все зависѣло отъ избытка въ ней энергіи, жизненности и любви. Она никому не давала опуститься, уснуть вокругъ себя, всѣхъ будила и возбуждала своимъ собственнымъ примѣромъ. Она всюду шла первая, во всемъ принимала участіе и всѣхъ увлекала и воодушевляла. Никакое дѣло она не считала унизительнымъ для себя, и часто работала виѣстѣ съ сидѣлкой, фельдшеромъ, кухаркой, тамъ, гдѣ, по ея соображеніямъ, надо было поучить или подбодрить кого-либо изъ нихъ. И ей все

это казалось легко, потому что она всей душой отдалась своему дѣлу. Другихъ врачей, бывало, при ихъ службѣ занимали разные сторонніе интересы. Одни увлекались санитарно-статистическими изслѣдованіями, другіе—наукой, третьи, наконецъ, обществомъ, удовольствіями, картами, и посвящали этому свой досугъ. Ларина же главнымъ образомъ была увлечена практическою дѣятельностью, близостью къ людямъ, оказываньемъ имъ непосредственной пользы. Наука, какъ она признавалась, ее не интересовала. Она занималась ею лишь настолько, чтобы маломальски не отставать. Главный же интересъ ея жизни—живой трудъ среди живыхъ людей, которому она отдавалась съ увлеченіемъ. По этому-то и вокругъ нея всѣ работали охотно. Она увлекала и втягивала.

По временамъ, когда я бывалъ особенно озлобленъ на міръ и настроенъ пессимистически, меня раздражала эта вѣчно живая, вѣчно веселая дѣятельность. «Какъ можно удовлетвориться всей этой мелочной возней и суетней,—думалъ я, и быть такой счастливой и довольной, находится, такъ сказать, въ состояніи вѣчной улыбки?»... Я тогда начиналъ придирается къ Лариной и критиковать ея дѣятельность.

— Знаете ли, Анна Андреевна, — говорилъ я ей: — въ сущности вы отуманены, воображая, будто приносите пользу людямъ; а взвѣсить хорошенько всю вашу хлопотливую дѣятельность, пожалуй, получится нулевой результатъ. Вѣдь вся эта земская медицина, какъ уже не разъ было высказано въ печати многими врачами, — все это — толченье воды въ ступѣ. Что значать всѣ ваши лекарства, снадобы, вся аптекарская кухня при убогой обстановкѣ нашего крестьянина. Сами вы, врачи, пришли къ убѣжденію, что въ леченіи всего важнѣе гигиѣна. А гдѣ вы ее у насъ найдете? У крестьянина разстроился желудокъ — вы ему предписываете діету, — молоко, яйца и всякую другую хорошую вещь. А у него вся-то пища состоитъ въ хлѣбѣ, да картошкахъ. Вы ему говорите о чистотѣ воздуха, а онъ живетъ въ одной избѣ съ поросятами и не можетъ не жить такъ, потому что ему некуда зимою спрятать всю его мелкую скотину. Вы ему доказываете необходимость оставить работу, чтобы дать время зажить рукъ или ногъ, а онъ, если не пороботаетъ недѣлю, — останется голоднымъ на годъ.

— Позвольте, — поспѣшно перебивала Ларина, — я знаю все, что вы мнѣ дальше скажете; я могу даже сказать вамъ и то, чего, быть можетъ, вы и не сказали бы мнѣ прямо, а именно, — что и вѣры-то мнѣ, какъ врачу, крестьяне не скоро удѣлятъ,

и совѣтамъ моимъ часто не придадутъ значенія. И не потому, что я плохой врачъ, а просто потому, что приходится сталкиваться съ моремъ суевѣрія и предрассудковъ. Если вы дадите больной бабѣ лекарство, и это сразу не поможетъ, она ужъ сейчасъ готова обвинить васъ, что вы ничего не понимаете; она пойдетъ отъ васъ къ первому фельдшеру и первой знахаркѣ, которые наговорятъ ей какъ разъ противоположное тому, что сказано вами. Не такъ ли?

— Совершенно такъ. Я могу только удивляться, откуда у васъ и въ этомъ отношеніи остался опытъ. Итакъ, что же получится въ итогѣ вашихъ хлопотъ? Въ конечномъ результатѣ жизнь лежебоки помѣщика и дѣятельной докторицы сводится къ одному знаменателю.

По губамъ Лариной скользнула тонкая, едва уловимая усмѣшка.

— Вы, кажется, очень ошибочно смотрите на меня, Константинъ Николаевичъ, предполагая во мнѣ широкія задачи, погони за идеалами, желанія измѣнить своимъ вліяніемъ ходъ дѣлъ, произвести перевороты. Ничего этого не бывало. Я не строю передъ собой обширныхъ плановъ. Если я дѣятельна, то просто потому, что сильна, здорова, и что мнѣ скучно остаться безъ дѣла на одну минуту. Меня удовлетворяетъ самый процессъ работы. Но, понятно, у меня также есть голова, которая подсказываетъ мнѣ смыслъ этой работы, подсказываетъ и то, какъ лучше могутъ быть приложены мои силы. Кромѣ того, у меня есть любовь къ людямъ и желаніе имъ быть полезной. Вамъ уже извѣстенъ мой взглядъ на значеніе отдѣльной, маленькой дѣятельности. Я ей придаю большую цѣну, нежели крупнымъ реформамъ. Продолжительное благотворное вліяніе личности въ любой области всегда оставитъ по себѣ хорошій слѣдъ, на какомъ бы поприщѣ ни пришлось дѣйствовать человеку. То, что вы говорите мнѣ о темныхъ сторонахъ врачебной службы, приложимо рѣшительно ко всякого рода дѣятельности. Въ общемъ-то можно сказать, что и священники также не дѣлаютъ народъ религіознымъ, и учителя не дѣлаютъ его просвѣщеннымъ, какъ и врачи не дѣлаютъ здоровымъ. Но попадется хорошая личность на любую изъ этихъ профессій и оставитъ по себѣ непремѣнно слѣдъ. Я на своемъ мѣстѣ желаю, право, немногаго. Удастся мнѣ приучить народъ охотѣе обращаться къ врачу, нежели къ знахарѣ, удастся мнѣ научить его болѣе осмысленно понимать основныя требованія гигиены и примѣнять къ жизни хоть то небольшое, что въ силахъ и средствахъ крестьянина, — я буду считать это

за большой успѣхъ. Но, кромѣ того, мнѣ остается широкое поле приносить радости отдѣльнымъ семьямъ и отдѣльнымъ людямъ и тѣмъ увеличивать сумму индивидуальнаго счастья.

— «Такъ вотъ весь смыслъ и содержаніе этой жизни!» — подумалъ я; и какъ-то ужъ очень проста и даже ограниченна показалась мнѣ тогда Ларина.

— Бить можетъ, вы найдете все это слишкомъ узкимъ, — угадала она мои мысли съ своей обычной проникательностью. Вы предпочли бы во мнѣ, пожалуй, и болѣе широкіе полеты, и болѣе порывистыя стремленія, а главное — менѣе этой удовлетворенности и собою, и средою; но, право, я рада, что отъ меня отпали уже тѣ черты, какихъ по-вашему мнѣ недостаетъ. Врядъ ли можешь съ увлеченіемъ относиться въ дѣлу, разъ въ тебѣ живетъ сознаніе его безпомощности, или ты находишь, что оно ниже твоихъ силъ, мало для тебя и т. п.? Согласитесь, что для дѣла болѣе пригодны такіе узкіе люди, какъ я...

Да, дѣло у нея шло хорошо. Послѣ слѣдующаго земскаго собранія, на которомъ я былъ избранъ въ члены управы, мнѣ еще чаще пришлось сталкиваться съ Лариной по поводу устройства врачебной части. Мнѣ пріятно было ей помогать. Она строила планы значительныхъ преобразованій и улучшеній, добивалась теперь устройства лѣтнихъ баракъ при больницѣ, рассчитывала завести колыбельню. Выкладки на счетахъ, толки съ подрядчиками занимали все ее свободное время. Мы по цѣлымъ часамъ просиживали съ ней, обсуждая, какъ бы лучше и дешевле все устроить. Она вносила въ наши совѣты требованія гигиены и удобства больного, — я же практическую опытность стараго хозяина. Живо и успѣшно пошли наши дѣла, но неожиданное событіе вдругъ положило имъ конецъ.

Случилось это оwohl снотомъ. Какъ членъ управы я два раза въ недѣлю ѣздилъ въ городъ изъ своего имѣнія. Пріѣхавъ въ управу въ обычный день, я засталъ председателя уже тамъ. Когда я поздоровался съ нимъ, мнѣ бросилось въ глаза безпокойное и мрачное выраженіе въ его лицѣ. Я давно уже не видалъ его такимъ.

— Что съ вами? — спрашиваю. Вѣстнаго отвѣта онъ кинулъ мнѣ черезъ столъ какую-то бумагу. Смотрю, какое-то отношеніе. Я вопросительно взглянулъ на председателя.

— Читайте, — кинулъ онъ мнѣ. Я началъ читать и оторопѣлъ.

— Нѣтъ, это невозможно! — вскричалъ я, останавливаясь на срединѣ.

— За что же?

— Кончайте и увидите, — грустно сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

Буквы прыгали у меня передъ глазами, я съ трудомъ старался понять смыслъ бумаги, а когда понялъ, — у меня что-то оторвалось отъ сердца.

Въ бумагѣ заключалось предписаніе земской управѣ удалить Ларину отъ должности, такъ какъ, вслѣдствіе вышедшаго вновь постановленія о женщинахъ-врачахъ, послѣднія лишаются права заниматься въ общихъ больницахъ.

Мы съ Павломъ Аркадьевичемъ растерянно посмотрѣли другъ на друга. Такая неожиданная и такая невознаградимая потеря цѣннаго человѣка перевернула всѣ мои мысли. За что? Кому она мѣшаетъ? Она, — полезная, хорошая, незамѣнимая! И Ларина вспоминалась мнѣ живая и бодрая, со всѣмъ увлеченіемъ молодости и энергіи отдававшаяся дѣлу, которое такъ любила и которому умѣла придать столько смысла и значенія. «О, какъ тяжело долженъ на нее подействовать этотъ ударъ,» — съ ужасомъ думалъ я, живо, до болѣзненности, представляя себѣ, какъ грубо подкосить неумолимая суровость постановленій этотъ чудесный, такъ хорошо привившійся на земской почвѣ нѣжный цвѣтокъ.

— Неужели невозможно это измѣнить? — вскричалъ я, слѣдуя потоку своихъ мыслей, и тутъ же понялъ, что никакіе протесты не въ силахъ будутъ что-нибудь сдѣлать. Предсѣдатель только пожалъ плечами.

— Возьмите вы на себя трудъ подготовить Ларину, Константинъ Николаевичъ. Вы ее хорошій знакомый, вы лучше слѣдуете это сдѣлать. Передайте ей общее сожалѣніе земцевъ о томъ, что мы вынуждены ее лишиться. Скажите ей, что когда женскій вопросъ разрѣшится удовлетворительнѣе, тогда она всегда у насъ найдетъ радушный привѣтъ и готовность видѣть ее снова среди насъ товарищемъ по дѣлу.

— Тяжелое порученіе возлагаю я на меня, Павелъ Аркадьевичъ.

— Только потому, что вы его выполните лучше другихъ, Константинъ Николаевичъ, такъ какъ ваше участіе къ Лариной подвѣшаетъ вамъ, какъ смягчить этотъ тяжелый ударъ.

Я вернулся въ Шарاپово и въ тотъ же день пошелъ къ Лариной. Мнѣ сказали, что она въ больницѣ; я отправился туда и засталъ чрезвычайно оживленную картину.

Большая свѣтлая пріемная, блестящая своими огромными окнами, была вся завалена теперь пышными, кудрявыми бѣлами,

свѣжая зелень и душистый запахъ которыхъ пріятно распространялись по комнатамъ. Больные мужчины и женщины, съ оживленными разгорѣвшимися лицами, усердно хлопотали около елей, украшая ихъ коробками, конфетами, яблоками и свѣчами. Ларина была тутъ же. Оживленная болѣе всѣхъ другихъ, она быстро двигалась отъ одной группы къ другой, поправляя ихъ работу и одобряя ихъ веселой шуткой.

— Ахъ, это вы, Константинъ Николаевичъ, — привѣтливо обратилась она ко мнѣ, замѣтивъ меня. — Не хотите ли помочь намъ, если свободны? У насъ завтра будетъ ѣлка для дѣтей. Мои больные, которыхъ вы здѣсь видите, пригласятъ сюда своихъ ребятшекъ, и мы будемъ веселиться.

Она говорила это съ такимъ счастливымъ выраженіемъ лица и была въ эту минуту такъ увлечена ожидаемой картиной завтрашняго дѣтскаго праздника, что мое сердце болѣе прежняго сжалось при мысли о томъ, какой ударъ ей готовить судьба.

«Нѣтъ, я не могу и не хочу омрачать это доброе настроеніе, думалъ я, испытывая на себѣ состояніе доктора, который видѣть передъ собой больного, не подозревающаго всей серьезности своей болѣзни, и именно потому, что больной такъ счастливъ своей безопасностью, не рѣшается высказать ему роковую истину. — Нѣтъ, пусть хоть одинъ лишній день будетъ она счастлива, и пусть будутъ съ ней счастливы всѣ эти люди, не подозревающіе, что имъ придется такъ скоро лишиться своей утѣшительницы».

— Вы что-то не веселы, — вамъ нездоровится? Не могу ли я чѣмъ помочь вамъ? — съ заботливымъ участіемъ спрашивала, между тѣмъ, Ларина, замѣчая мою разсѣянность, когда я пытался принять участіе въ общей работѣ.

— Да, я усталъ съ дороги, только что сейчасъ вернулся изъ города.

— Ну, такъ пойдемте ко мнѣ, вы у меня отдохнете. Укройтесь хорошенько, — говорила она, съ обычной живостью помогая мнѣ закутаться шарфомъ и шубой.

По дорогѣ изъ города я составилъ планъ того, какъ буду постепенно готовить Ларину. Теперь, при встрѣчѣ съ нею, я совершенно растерялся и не могъ вспомнить, съ чего надо было начинать. Я ловилъ отдѣльные отрывки плана и видѣлъ, что выходитъ совсѣмъ не то, что надо, не кстати. Я терялся и путался.

— Вы имѣете сказать мнѣ что-то очень важное, — вдругъ

сдѣлавшись серьезной и проникательно глядя на меня сказала Ларина. — Говорите прямо, въ чемъ дѣло?

Я повиновался и, доставъ изъ кармана алополучную бумагу, подавъ ее ей.

Она медленно, слово за словомъ, точно не вѣря себѣ, прочла каждую строчку и вдругъ страшно поблѣднѣла.

— Итакъ, все, все кончено, — произнесла она голосомъ, который заставилъ меня вдрогнуть съ головы до ногъ, и, закрывъ лицо платкомъ, она быстро встала и удалилась изъ комнаты.

Я тоже ушелъ, совсѣмъ разстроенный, стараясь избѣгать попадавшихъ на-встрѣчу и наумленно смотрѣвшихъ на меня служителей больницы.

Слухъ объ отъѣздѣ «родной матери» быстро разнесся по сѣднимъ селеніямъ. Когда я снова ѣхалъ въ городъ, меня безпрестанно останавливали встрѣчные крестьяне, спрашивая о томъ, правда ли, что «наша матушка» уѣзжаетъ отъ насъ. Я старался уклончиво отвѣчать, не зная, пожелаетъ ли Ларина разглашать о своемъ отъѣздѣ.

Черезъ нѣсколько дней я зашелъ въ больницу. Ларина принимала больныхъ.

— Вы можете посидѣть съ нами, — сказала она мнѣ и продолжала съ обычнымъ добрымъ участіемъ осматривать больныхъ и давать имъ совѣты.

Она страшно измѣнилась за эти дни, глаза потускли, щеки поблѣднѣли, и вся она точно вдругъ состарилась. Когда она говорила съ больными, у нея по временамъ голосъ начиналъ дрожать, а на глазахъ навертывалась слеза, которую она, отвернувшись, спѣшила скрыть. Еще участливѣе, еще заботливѣе говорила она съ больными. Казалось, что каждый пришедшій сюда крестьянинъ — ея родной сынъ, съ которымъ ей до боли жаль разстаться передъ долгой разлукой. Крестьяне это, повидимому, чувствовали. Они не уходили изъ больницы, и всѣ, оставшіеся въ пріемной, ожидали, пока она кончитъ.

Когда послѣдній больной вышелъ за дверь, Ларина, пригласивъ меня жестомъ слѣдовать за нею, хотѣла уходить къ себѣ, — но въ пріемную медленно вошла пожилая крестьянка.

— Подъ-во-съ сюда, родная, — сказала она, помянувъ Ларину за собою. Та вышла за ней въ пріемную, я поспѣшилъ туда же.

— Сударыня, — обступили крестьяне Ларину, — скажи ты намъ, правда-ль, что ты отъ насъ уѣзжаешь?

— Охъ, не оставляй насъ, касатка, кормилица наша, — разомъ заголосили бабы.

Ларина вдруг поблѣднѣла, потомъ вспыхнула, хотѣла что-то сказать, — но лицо ея подернулось конвульсіями, она сдѣлала рукой жестъ и быстро скрылась. Я поспѣшилъ за нею въ ея комнату, тихо подошелъ къ ней, сѣлъ на стулъ рядомъ и началъ говорить.

— Полно вамъ такъ убиваться, Анна Андреевна. Я хорошо понимаю и вѣрю, что вамъ очень тяжело, повѣрьте мнѣ, но вы принимаете все слишкомъ близко къ сердцу. Смотри на васъ теперь, думаешь, что вы лишаетесь всего на свѣтѣ. Но вы — молоды, широкая и хорошая жизнь ждетъ васъ впереди. Вы — энергичны, дѣлательны, имѣете хорошую научную подготовку. Все это дастъ вамъ возможность счастливо устроиться вездѣ. Вы будете вездѣ полезнымъ человѣкомъ и найдете себѣ всюду любовь и уваженіе.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, Ларина стихала; я радовался, что она успокоивалась и хотѣла продолжать, — но она вдругъ быстро и нервно заговорила хватающимъ за душу голосомъ.

— Неужели вы думаете, будто я сама не знаю, что найду въ жизни все то, что вы общаете и желаете мнѣ? Я знаю, что найду себѣ и занятія, и обстановку, и людей, но... Голосъ ея дрогнулъ, она опять точно осунулась и тихо проговорила: — Но, я не найду тамъ себя самой, не найду утраченного смысла жизни. Я стану вращаться между людьми, исполнять правильно всякую работу, — но я буду подобна неодушевленной машинѣ, потому что все, что меня одушевляло, я оставляю здѣсь, въ этой средѣ, съ которой я срослась душою...

— Полноте, Анна Андреевна, вы несправедливы. Въ минуту горя вы способны видѣть все въ превратномъ, мрачномъ свѣтѣ.

— О, какъ вы ошибаетесь, Константинъ Николаевичъ, — смотря на меня полными слезъ глазами и печально качая головой, проговорила Ларина.

— Вы, кажется, думаете, что это увлеченіе деревней и сельской средой проявилось во мнѣ только случайно, только потому, что я нечаянно попала сюда. Далеко не то. Я люблю деревню какъ нормальную здоровую среду, гдѣ человѣкъ можетъ всего больше сохраниться чистымъ, неиспорченнымъ, и гдѣ дѣйствительно, среди нужды, безвыходности и темноты крестьянскаго люда можно чувствовать себя полезнымъ и нужнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, здѣсь и мои спеціальныя знанія имѣютъ настоящее примѣненіе. Ко мнѣ обращаются люди съ истинными, непритворными болѣзнями, чего не бываетъ въ городахъ. А

главное, сколько теплоты и искренности чувства возникаетъ въ отношеніяхъ врача съ пациентами, и какъ грѣютъ и оживляютъ эти отношенія, въ которыхъ нѣтъ ни фальши, ни искусственности.—О, да всего не перечесть,—махнула она рукой и опустила голову.—Я благодарю васъ за участіе,—продолжала она, помолчавъ и вставая.—Я васъ вполне вполне понимаю и чувствую все ваше доброе желаніе меня утѣшить, но это теперь невозможно.—Простите и оставьте меня одну.

Я удалился и не смѣлъ болѣе заходить къ Лариной. Стороной я узнавалъ, что она приготовлялась въ дорогу и въ то же время продолжала свои занятія въ больницѣ, ѣздила по деревнямъ къ больнымъ и тщательно скрывала день своего отъѣзда, избѣгая трогательныхъ сценъ и всякихъ выраженій сожалѣнія.

Тѣмъ не менѣе въ назначенный къ отъѣзду день у больницы собралась огромная толпа. Я тоже пошелъ проститься съ Лариной и засталъ ее еще болѣе измѣнившейся. Вся въ черномъ, блѣдная и худенькая, съ воспаленными глазами и безконечной грустью на лицѣ, она была необыкновенно трогательна въ эти печальныя минуты разставанья. Ее нельзя было видѣть безъ слезъ. Толпа палатныхъ больныхъ провожала ее, крестилась и со слезами говорила:—Пошли тебѣ Господь всего хорошаго за насъ бѣдныхъ, о которыхъ ты такъ радѣла.

Когда Ларина вышла на крыльцо, ее окружила толпа ждавшихъ у порога крестьянъ. Они ей подносили хлѣбъ соль, завернутые въ расшитое узорами полотенце.

— Прими отъ насъ на память, родимая, — заговорило нѣсколько женщинъ.

— Друзья мои, я и безъ того васъ никогда, никогда не забуду,—со слезами говорила имъ Ларина, обнимая стоявшихъ близко женщинъ.

— Дай намъ проводить тебя подальше, насмотрѣться на тебя послѣдній разъ, желанная ты наша.

— Хорошо, такъ я пройду съ вами пѣшкомъ,—объявила Анна Андреевна,—и мы всѣ пошли вслѣдъ за нею.

Дорогой она опять оживилась и не переставала говорить съ провожавшими ее крестьянами. Это были по большей части ея прежніе больные или ихъ родственники, которыхъ она знала въ лицо и помнила всѣхъ по именамъ, она знала также обстановку жизни каждаго и теперь старалась всѣмъ имъ подать послѣдніе совѣты, научить и утѣшить.

Пройдя пѣшкомъ версты двѣ, она остановилась.

— Ну, довольно, — обратилась она ко всемъ. — Васъ ждётъ дома работа, ожидаютъ ребяташки. Не надо терять времени. Прощайте же и не забывайте мои совѣты и наставленія!

Она быстро опустила вуаль, поспѣшно сѣла въ сани, махнула намъ платкомъ и скрылась за поворотомъ дороги.

Мой пріятель смолкъ и глубоко задумался, а быстро летѣвшій поѣздъ уносилъ насъ все ближе и ближе къ Москвѣ.

А. А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое февраля, 1884.

Московское дворянское собраніе. — Затихше или регрессъ? — Государственная роспись на 1884 годъ: цифры ожидаемыхъ доходовъ; общаеся упрядоченіе сверхсмытныхъ расходовъ; предположенія относительно ближайшаго будущаго. — Вопросъ о способѣ погашенія восточныхъ займовъ и о сбереженіяхъ изъ остатковъ отъ ассигновокъ по системѣ государственнаго кредита. — Смыта города Петербурга. — Проектируемое ограниченіе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. — Первые шаги крестьянскаго поземельнаго банка.

При всеобщей тишинѣ хорошо слышенъ и полетъ мухи. Такимъ полетомъ мухи, въ истекшемъ мѣсяцѣ, были толки въ печати по поводу открытія московскаго дворянскаго собранія; о немъ говорили, спорили, писали, какъ-будто оно могло привести къ чему-либо иному, кромѣ избранія одного губернскаго и нѣсколькихъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Свѣденія о занятіяхъ собранія передавались изъ Москвы въ Петербургъ по телеграфу; газеты печатали *in extenso* не только рѣчи, произнесенныя при открытіи собранія, не только постановленіе по поводу выморочныхъ дворянскихъ имуществъ, но даже и слово, сказанное передъ присягой членовъ собранія. Ожидалось, повидимому, что-то особенное — и ничего особеннаго, конечно, не случилось; отъ всей фальшивой тревоги осталась развѣ только одна черта, дополняющая характеристику переживаемой нами минуты. Эта черта — потребность реакціонеровъ печати въ новыхъ, вѣншихъ точкахъ опоры. Имъ нужно, чтобы кто-нибудь гласно и громко высказался за нихъ „политику“; отвергая всякое общественное содѣйствіе, насколько оно, по теоріи вѣроятностей, должно оказаться для нихъ неблагопріятнымъ, они въ то же время не прочь принять и даже искать его, когда могутъ разсчитывать на его поддержку. Отсюда горячее привѣтствіе, посланное на встрѣчу дворянскому собранію „Московскими Вѣдомостями“; отсюда, нѣсколько дней спустя, тенденціозное толкованіе того-же

газетой всеподданнѣйшаго адреса, принятаго собраніемъ. За дворянствомъ, какъ сословіемъ, признается теперь—и не въ однихъ только газетныхъ статьяхъ—„государственное значеніе“, „на высотѣ“ котораго оно и должно показать себя въ совѣщаніяхъ по своимъ общественнымъ дѣламъ“ и въ выборѣ своихъ представителей; его приглашаютъ „отозваться на нужды государства“, „поддержать государственную власть“, „дать почувствовать въ разслабленномъ и расшатанномъ обществѣ тотъ крѣпкій государственный духъ, которымъ создана дворянская организація“ („Москов. Вѣд.“ № 10). Допустимъ, на минуту, что та или другая изъ тридцати дворянскихъ корпорацій (одной, общей для всего государства корпораціи русское дворянство, какъ извѣстно, не составляетъ) почувствовала бы въ себѣ и способность и желаніе отвѣтить на призывъ, къ ней обращенный; спрашивается, какимъ путемъ она могла бы этого достигнуть? Постановляя рѣшенія по своимъ „общественнымъ дѣламъ?“ Едва ли; „государственный“ элементъ играетъ въ нихъ слишкомъ ничтожную роль; и для проявленія „крѣпкаго государственнаго духа“ не найдется мѣста въ самой тщательной разработкѣ вопросовъ о дворянскихъ опекахъ, пансіонахъ, капиталахъ. Избирая въ предводители исключительно людей „твердаго“ образа мыслей? Но если избранію предводителей у насъ и предшествуетъ иногда борьба „парцій“, то эта борьба не имѣетъ никакой политической окраски, и „торжество“ той, или другой стороны, ровно ничего, съ политической точки зрѣнія, не означаетъ. Заявляя передъ верховною властью о своихъ взглядахъ на задачи государственнаго управления? Но дворянству предоставлено право ходатайства только по сословнымъ дѣламъ, заключеннымъ, какъ мы уже сказали, въ весьма тѣсныя рамки. Пойдемъ еще далѣе; предположимъ, что дворянское собраніе выйдетъ изъ этихъ рамокъ, что передъ нимъ безпрепятственно поднимется обыкновенно спущенный флагбаумъ. Замѣтной ли тяжестью упадетъ на вѣсы голосъ лицъ, никѣмъ не избранныхъ и не уполномоченныхъ, случайно собравшихся въ томъ или другомъ составѣ, представляющихъ, въ лучшемъ случаѣ, только небольшую часть немногочисленнаго сословія? *Притисать* заявленію ихъ извѣстную важность, безъ сомнѣнія, возможно—но *сдѣлается* ли оно отъ этого дѣйствительно важнымъ?.. Намъ кажется, что московскіе дворяне, прочитавъ всѣ эти газетныя привѣтственные статьи, должны были испытать странное чувство, когда вслѣдъ затѣмъ имъ пришлось перейти къ очереднымъ вопросамъ. Призывъ со стороны „Москов. Вѣдомостей“ къ государственному дѣлу—и обсужденіе притязаній почетнаго попечителя дворянскаго пансіона-пріюта—какой рѣзкій переходъ, какая неопослѣдовательная смѣна впечатлѣній! Не этимъ ли объясняются

крики: *довольно*, которыми—какъ обязательно сообщили намъ телеграфъ—были прерываемы пренія о предложеніи кн. Мещерскаго? Что за охота, въ самомъ дѣлѣ, мѣнять блистательныя перспективы на детальный разборъ практическаго вопроса! Перспективы, однако, такъ и остались перспективами; скромное окончаніе сессіи московскаго дворянства не соответствовало шумному ея началу. Намъ возражать, быть можетъ, указаніемъ на всеподданнѣйшій адрессъ; но заявленія, вполне съ нимъ сходныя, были сдѣланы уже раньше, другими дворянскими собраніями, въ открытіи которыхъ никто не видѣлъ знаменательнаго событія. Выраженія благодарности и преданности не слѣдуетъ смѣшивать съ политической *profession de foi*, на которую реакціонная печать усердно, но безуспѣшно вызывала московское дворянство. Нужно читать адрессъ съвозь оченъ совѣмъ особаго рода, чтобы увидѣть, напримѣръ, въ словахъ: „да укрѣпите Господь Вашу руку въ пресѣченіе неправосудія“—протестъ противъ независимости суда, т.-е. противъ самостоятельности суда присяжныхъ и несмѣняемости судей.

Мы только что упомянули о *реакціонной* печати. Еслибы до сихъ поръ и существовало еще какое-либо сомнѣніе относительно примѣнимости этого термина къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, то оно было бы устранено передовою статьею, напечатанною, конечно, не случайно, именно во время сессіи дворянскаго собранія (№ 12). Роль „охранителя“ рѣшительно не удовлетворяетъ г. Каткова; онъ прямо возстаетъ противъ „затишья“ и проповѣдуетъ движеніе... наваздъ, возвращеніе къ зависящему суду, къ зависящему университету. Но-ваго, въ сущности, здѣсь мало, и если сто-первая варіація на избѣ-тую тему не прошла незамѣченною, то причину этому слѣдуетъ искать, какъ намъ кажется, въ двухъ побочныхъ обстоятельствахъ. Первое изъ нихъ—это выходка противъ „игры въ парламентъ, въ большинство и меньшинство“, происходящей, будто бы, въ средѣ государственнаго совѣта и ведущей иногда „къ соглашеніямъ, которыя портятъ законъ“. Зная, какой законъ составляетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ главный предметъ занятій государственнаго совѣта, не-трудно понять, куда мѣтять „Московскія Вѣдомости“, для чего имъ понадобилось напомнить, что государственный совѣтъ не составляетъ „политической индивидуальности, организованаго собранія“, что народу нѣтъ дѣла до „изволенія неизвѣстныхъ ему *интераловъ* (!?)“. Довольно любопытно то противорѣчіе, въ которое впадаетъ при этомъ московская газета. „Совѣтъ, —воскликаетъ она,—состоитъ изъ неопредѣленнаго числа лицъ, не представляющихъ собою никакихъ сословій, никакихъ партій, никакихъ общественныхъ интересовъ съ порученіемъ или полномочіемъ поддерживать ихъ и за нихъ хода-

тайствовать". А дворянское собраніе развѣ состоитъ изъ опредѣленнаго числа лицъ, кого-либо или что-либо собою представляющихъ? Кто далъ его членамъ какія-либо „полномочія или порученія"? Составляютъ ли дворяне одной губерніи цѣлое сословіе—и гдѣ представители *всего* русскаго дворянства? Откуда же съ одной стороны готовность признать высокое значеніе за постановленіемъ дворянскаго собранія, хотя бы оно и состоялось по большинству голосовъ, а съ другой стороны—нежеланіе придавать какое бы то ни было значеніе мнѣнію большинства государственнаго совѣта? Мы знаемъ очень хорошо, что мнѣніе большинства не имѣетъ, въ послѣднемъ случаѣ, никакой обязательной силы—но развѣ ее имѣетъ постановленіе дворянскаго собранія, не касающееся дворянскихъ общественныхъ дѣлъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова? И тамъ, и тутъ можетъ идти рѣчь только о нравственномъ авторитетѣ взгляда, принятаго большинствомъ—и отрицать его въ одномъ случаѣ, признавая въ другомъ, аналогичномъ, значитъ доводить слишкомъ далеко расчетъ на непонятливость читателей.

Полемикѣ противъ самостоятельности, во всѣхъ ея формахъ, органъ г. Каткова связываетъ, на этотъ разъ, съ какими-то слухами о проектируемыхъ, будто бы, измѣненіяхъ русскаго государственнаго устройства! Положить конецъ подобнымъ слухамъ, да и всякимъ вообще недоумѣніямъ и ожиданіямъ, всякой умственной тревогѣ, могутъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", только *факты*. „Требуется, чтобы правительство своими дѣйствіями показало, какъ оно понимаетъ новыя учрежденія, и въ какую систему ихъ ставить; необходимо, чтобы все ошибочное въ нихъ было устранено, все смутное и неопредѣленное приведено въ ясность, и чтобы не оставалось въ нихъ внутренняго противорѣчія". *Противорѣчіе*—это именно признаки самостоятельности, въ чемъ бы они ни заключались; *ошибки*—это основныя положенія судебной реформы и дѣйствующаго университетскаго устава. Болѣе грубаго, близорукаго эмпиризма нельзя себѣ и представить. Нѣтъ такой законодательной или административной мѣры, которою можно было бы заглушить мысль, уничтожить желанія, искоренить надежды. Какъ бы далеко ни заходило попятное движеніе, оно никого не убѣждаетъ въ томъ, что движенія впередъ никогда больше не будетъ; наоборотъ, перемѣны направленія станутъ ожидать съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ и жаромъ. Эпохи усиленной реакціи всегда были временемъ созрѣванія противоположныхъ ей направленій. Наружное однообразіе успокоительно и мило только для утомленнаго зрѣнія; здоровый глазъ не можетъ примириться съ нимъ надолго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ надобности обращаться далеко назадъ или далеко въ сторону; достаточно вспом-

нить о періодѣ „новыхъ вѣяній“. Въ органахъ реакціи о немъ принято теперь говорить не иначе, какъ съ глумленіемъ; его называютъ временемъ торжества „всякаго безумія и всякой глупости“—но въ тысячу разъ правильнѣе было бы назвать его временемъ заключительныхъ выводовъ изъ опыта, продолжавшагося цѣлую четверть вѣка. Сопоставивъ эти выводы съ послѣднимъ словомъ газетнаго реакціоннаго фанатизма, не трудно опредѣлить, на какой сторонѣ истина.

Государственная роспись на 1884 г. сведена съ дефицитомъ, превышающимъ $11\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Обыкновенныхъ доходовъ ожидается почти 710 милліоновъ, на $9\frac{1}{2}$ милліоновъ больше противъ росписи 1883 г.; обыкновенныхъ расходовъ исчислено слишкомъ 721 милл., на $12\frac{1}{2}$ милліоновъ больше противъ росписи 1883 г. „Цифры росписи обыкновенныхъ доходовъ на 1884 г.,—сказано въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ,—довольно умѣренны и, при нормальномъ ходѣ народнаго и государственнаго хозяйства, можно надѣяться, что исчисленія окажутся соответственными дѣйствительности; но въ виду настоящаго положенія промышленности и торговли, значительнаго превышенія въ доходахъ противъ росписи, подобнаго бывшему въ 1882 г., ожидать нельзя“. Вторая половина этого разсужденія уменьшаетъ значеніе первой; надежда на поступленіе дохода въ предусмотрѣнной росписью цифрѣ обусловлена *нормальнымъ* ходомъ народнаго хозяйства, положеніе котораго вслѣдъ затѣмъ (и еще яснѣе — въ концѣ доклада) признается *не нормальнымъ*. Для истекшаго года, по словамъ доклада, „есть основанія допустить недоборъ въ доходахъ противъ росписи“; отсюда вѣроятность или по меньшей мѣрѣ возможность такого же результата и по отношенію къ росписи 1884 г. Сумма ожидаемаго въ 1884 г. нитейнаго дохода опредѣлена въ $250\frac{1}{4}$ милл. (почти на 10 милліоновъ выше противъ 1883 г.), „по соображенію съ постояннымъ возрастаніемъ этого дохода въ послѣднее трехлѣтіе и въ виду возвышенія патентнаго сбора съ винокуренныхъ заводовъ и трактирныхъ заведеній, согласно закону 12 апрѣля 1883 г.“. Ни то, ни другое изъ этихъ основаній не можетъ быть названо твердымъ. Правда, 1882 г. принесъ съ собою значительное увеличеніе нитейнаго дохода—но оно зависѣло исключительно отъ возвышенія акциза, и въ 1883 г., какъ видно изъ приведенныхъ нами недавно свѣдѣній ¹⁾, уступило мѣсто застою. На возвышеніе патентнаго сбора едва ли можно возлагать большія надежды, въ виду развитія без-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 1 «Вѣстника Европы» за текущій годъ.

патентной торговли виномъ и всякихъ другихъ обходовъ закона. Докладъ министра финансовъ общаетъ внесеніе въ государственн- ный совѣтъ, еще до окончанія настоящей его сессіи, проекта новыхъ правилъ о продажѣ крепкихъ напитковъ, направленного къ „огражденію народной нравственности“. Чѣмъ больше этотъ проектъ будетъ соответствовать своей высокой цѣли, тѣмъ легче онъ можетъ привести къ результату, о которомъ мы нѣсколько разъ подробно говорили — къ временному, но можетъ быть весьма чувствительному пониженію питейнаго дохода. Изъ примѣчанія къ докладу мы узнаемъ, что министерство финансовъ имѣетъ въ виду новое возвышеніе питейнаго акциза—возвышеніе, отъ котораго ожидается до 25 милліоновъ рублей. Это ожиданіе кажется намъ еще болѣе шаткимъ, чѣмъ расчетъ на поступленіе питейнаго дохода, въ 1884 г., въ суммѣ 250 милліоновъ рублей. Сократившееся уже теперь — по крайней мѣрѣ официально — потребленіе вина можетъ сдѣлать еще шагъ назадъ, подъ вліяніемъ непомѣрно увеличеннаго акциза, и разбить, такимъ образомъ, всѣ надежды, основываемыя на эластичности питейнаго дохода. Эта эластичность, какъ и всякая другая, имѣетъ свои предѣлы; если кусокъ резинки въ одинъ вершокъ можетъ быть растянуть, безъ разрыва, до пяти вершковъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что удастся растянуть его и до полу-аршина.

Слишкомъ оптимистическими кажутся намъ предположенія росписи и по отношенію къ другому косвенному налогу — къ таможенному сбору. Сумма его исчислена на 1884 г. почти въ такой же цифрѣ (101.053,000 р.), въ какой онъ былъ опредѣленъ по росписямъ 1882 и 1883 г. (100.555,500 и 101.270,000 руб.); между тѣмъ, дѣйствительное поступленіе его въ 1882 г. составило только 94½ милліона, а въ 1883 г., судя по свѣденіямъ за первые одиннадцать мѣсяцевъ, едва ли дойдетъ до ста милліоновъ рублей ¹⁾. „Таможенные сборы, — сказано въ докладѣ, — ожидаютъ въ меньшемъ противъ 1883 года (т.-е. противъ росписи на 1883 г.) размѣрѣ на 217,000 рублей, главнымъ образомъ по соображенію съ дѣйствительнымъ поступленіемъ сихъ пошлинъ въ послѣднее трехлѣтіе“. Если понимать подъ именемъ послѣдняго трехлѣтія годы 1880-ый, 1881-ый и 1882-ой (въ виду неокончанія счетовъ за 1883-ій годъ), то средняя цифра поступленія таможеннаго дохода будетъ равна 92.164,826 милл. руб.; да 1881, 1882 и 1883 г. она едва ли превзойдетъ 94 или 95 мил-

¹⁾ Въ 1882 г. по 1 декабря поступило таможенныхъ доходовъ 91.214,500 руб., въ 1883 г.—94.498,344 рубл. Въ декабрѣ 1882 г. поступило около 3¼ милл.; если декабрьское поступленіе 1883 г. не превзойдетъ этой цифры, то общая цифра таможеннаго сбора за 1883 г. составитъ около 98 милліоновъ рублей.

ліоновъ рублей ¹⁾. Итакъ, сообразно съ дѣйствительнымъ поступленіемъ таможенныхъ сборовъ за послѣдніе три года, сумму ихъ въ росписи 1884 г. слѣдовало бы понизить, сравнительно съ росписью 1883 г., не на 217,000, а на пять или на шесть миллионовъ рублей. Въ таможенномъ тарифѣ предполагаются, судя по докладу, новыя перемѣны, рассчитанныя на дальнѣйшее, значительное повышеніе таможенныхъ сборовъ; но реализація этихъ расчетовъ кажется намъ крайне сомнительною, въ виду неудачи, постигшей послѣднюю таможенную реформу (1882 г.). Измѣненіе тарифа не дало, съ фискальной точки зрѣнія, тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали; таможенный сборъ 1883-го года только немногимъ превзойдетъ цифру 1880-го года, предшествовавшего реформѣ. Финансовая потеря едва ли вознаграждается успѣхами промышленности, охраняемой высокимъ тарифомъ. „Къ сожалѣнію должно признать,—читаемъ мы въ докладѣ министра финансовъ,—что покровительство, оказанное производству, способствовало доселѣ водворенію новыхъ отраслей промышленности болѣе на окраинахъ, чѣмъ въ средоточіи Россіи, и что не вся покровительствуемая отрасли производства довели цѣны своихъ произведеній до умѣренныхъ размѣровъ“. Можно ли желать, при такихъ условіяхъ, новыхъ уступокъ протекціонизму? Не слѣдуетъ ли опасаться, что онѣ окажутся одинаково безплодными для государственной казны и для массы народа?

Нѣкоторыя изъ цифръ росписи на 1884 годъ основаны на данныхъ, еще не повѣренныхъ опытомъ и, по необходимости, гадательныхъ. Такъ, напримѣръ, крѣпостныхъ, судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ ожидается на 4.110.000 руб. больше противъ 1883 года (13.303.000 вмѣсто 9.193.000 р.), въ виду введенія въ дѣйствіе новой законной оцѣнки недвижимыхъ имуществъ; увеличеніе государственнаго поземельнаго налога опредѣлено въ четыре милліона рублей. До какой степени трудно предусмотрѣть результаты новыхъ налоговъ или новыхъ основъ для взиманія того или другого сбора, объ этомъ можно судить по цифрѣ пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; въ росписи 1884 г. эта цифра уменьшена, сравнительно съ росписью 1883 г., на 200,000 рублей, именно потому, что дѣйствительное поступленіе пошлинъ не оправдало ожиданій. Государственный поземельный налогъ принадлежать къ числу тѣхъ, по которымъ всего легче могутъ образоваться значительныя недонмки; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить

¹⁾ Въ 1880 г. таможенного сбора поступило, какъ видно изъ объяснительной записки къ послѣднему отчету Государственного Контроля, 96,326,670 руб. (въ 1881 г.—85,706,851 руб.).

крупныя цифры недобора прямыхъ налоговъ за 1882 и 1883 г. Поступленіе крѣпостныхъ, судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ также не представляется обезпеченнымъ; въ 1882 г., напримѣръ, оно оказалось на 300,000 рублей меньше противъ предположеній росписи. Пониженіе числа или цѣнности сдѣлокъ легко можетъ уменьшить прибыль, обусловливаемую возвышеніемъ крѣпостной пошлины. Если прибавить ко всему сказанному до сихъ поръ, что акцизы табачный и свеклосахарный исчислены, по росписи 1884 г., въ суммѣ, почти на пять милліоновъ высшей противъ прошлагодней, то общее впечатлѣніе отъ доходной смѣты получится не совсѣмъ удовлетворительное, шансы недобора доходовъ окажутся гораздо болѣе серьезными, чѣмъ они выставлены въ докладѣ министра финансовъ. Опасность крупнаго дефицита могла бы быть устранена только сокращеніемъ расходовъ или по крайней мѣрѣ увеличеніемъ ихъ лишь въ суммѣ безусловно необходимой (напримѣръ, процентами на вновь заключенные займы). На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то; изъ 12½ милліоновъ, составляющихъ разницу между смѣтными расходами 1883 и 1884 г., система государственнаго кредита поглощаетъ только семь милліоновъ рублей. Смѣты министерствъ военнаго и морского увеличены, въ общей сложности, слишкомъ на 4½ милліона. Между новыми расходами, внесенными въ смѣты другихъ министерствъ, есть расходы неизбежныя или производительныя (напр., 500,000 рублей на постройку тюремныхъ помѣщеній, 404,000 рублей на уплату земству поземельнаго сбора за казенные лѣса и земли), но есть и другіе, въ цѣлесообразности или своевременности которыхъ позволительно сомнѣваться (напр., усиленіе содержанія лѣсной стражи, увеличеніе разѣздныхъ денегъ чинамъ акцизнаго вѣдомства и т. п.); бросается въ глаза также огромное увеличеніе расходовъ на выдачу пенсій и пособій (на 755,000 рублей). По нѣкоторымъ вѣдомствамъ послѣдовало, правда, сокращеніе расходовъ, но оно, болѣею частью, уравнивается или перевѣшивается возрастаніемъ другихъ расходныхъ статей; между сбереженіями есть, притомъ, и такія, которыя не вполне заслуживаютъ этого названія, такъ какъ отиѣненные расходы не принадлежали къ числу безвозвратныхъ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ въ докладѣ, что уменьшеніе расходовъ по вѣдомству министерства финансовъ простирается до 3.590,246 рублей ¹⁾—но въ составъ этой суммы входятъ 3.000,000 рублей, пред-

¹⁾ Если сложить приводимыя въ докладѣ цифры новыхъ расходовъ по министерству финансовъ (755+127+880=1,212 тысячъ) и цифры сбереженій по этому же вѣдомству (3,000+1,300+888+670+612=5,920 тысячъ), и затѣмъ вычесть первую сумму изъ второй, то получится въ остаткѣ не 3.590,246 руб., а 4.708,000 руб. Одно изъ двухъ: или въ цифры доклада вкралась ошибка, или въ немъ перечислены не всѣ новые расходы по министерству финансовъ.

назначавшіеся на *замообразные* отпуски алтайскимъ и нерчинскимъ заводамъ. Нельзя считать сбереженіемъ и сокращеніе на 1,300,000 р. кредитовъ министерства финансовъ на расходы прежняго времени, такъ какъ эта сумма распределена по смѣтамъ другикъ вѣдомствъ. Чтобы составить себѣ точное понятіе о цифрѣ *возможныхъ* сбереженій, недостаточно, впрочемъ, ознакомиться съ переменами въ расходной смѣтѣ; необходимо было бы изучить въ подробности всѣ отдѣльныя статьи расхода (въ росписи соединяемыя въ небольшое число крупныхъ цифръ) и опредѣлить, насколько и въ какой мѣрѣ каждая изъ нихъ оправдывается дѣйствительною необходимостью—т.-е. исполнить ту громадную, доступную только для коллективныхъ силъ работу, которая была возложена, дѣтъ пять тому назадъ, на особую высшую комиссію. Результаты трудовъ этой комиссіи не были обнародованы до сихъ поръ во всеобщее свѣденіе.

Болѣе утѣшительнаго, чѣмъ обзорніе обыкновенныхъ доходовъ и обыкновенныхъ расходовъ, представляетъ та часть доклада министра финансовъ, которая касается сверхсмѣтныхъ расходовъ. Здѣсь прежде всего констатируется фактъ продолжающагося уменьшенія этихъ расходовъ, въ особенности если исключить изъ нихъ издержки на желѣзно-дорожныя сооруженія. Къ 24 декабря сверхсмѣтныя ассигнованія составляли въ 1882 г. около 56½, въ 1883 г.—около 43½, милліоновъ рублей; изъ первой суммы по министерству путей сообщенія было ассигновано пять, изъ второй—болѣе пятнадцати съ половиною милліоновъ рублей, такъ что за вычетомъ, въ обоихъ случаяхъ, расходовъ на желѣзно-дорожныя сооруженія сверхсмѣтныя ассигнованія 1883 г. составили лишь съ небольшимъ половину сверхсмѣтныхъ ассигнованій 1882 г. Министерство финансовъ совершенно основательно считаетъ этотъ результатъ еще далеко недостаточнымъ и признаетъ „настоятельно необходимымъ“ принятіе энергическихъ мѣръ къ дальнѣйшему, возможно-большому, сокращенію сверхсмѣтныхъ расходовъ. „Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для устраненія сверхсмѣтныхъ ассигновокъ,—сказано въ докладѣ,—могло бы служить назначеніе въ росписи на экстраординарные расходы извѣстной валовой суммы, предназначенной въ теченіе года на всѣ непредвидѣнныя потребности, но не иначе какъ по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ представленій министерствъ, и съ тѣмъ, чтобы никакіе расходы кромѣ тѣхъ, которые могутъ быть отнесены на эту сумму, въ промежуткѣ времени между утвержденіями двухъ росписей допускаемы не были“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться; настанвая, годъ тому назадъ, по включеніи въ роспись особой ассигновки на непредвидѣнные расходы, достаточной для предупрежденія сверхсмѣтныхъ ассигновокъ, мы

имѣли уже случай замѣтить, что такой порядокъ принять большинствомъ земскихъ и городскихъ смѣтъ, отъ которыхъ не подобаетъ отставать государственному бюджету ¹⁾. *Безусловно* положить конецъ сверхсмѣтнымъ ассигновкамъ не удастся, по всей вѣроятности, и при той системѣ, которая намѣчена въ докладѣ министра финансовъ — но она можетъ затруднить ихъ, ввести ихъ въ сравнительно тѣсныя границы, и это будетъ во всякомъ случаѣ шагомъ впередъ, хотя и не устранить необходимость болѣе радикальной реформы. Пожалѣть, въ настоящую минуту, можно только о томъ, что министерство финансовъ—здѣсь, какъ и вездѣ, слишкомъ вѣрное принципу: *festina lente*,—отложило осуществленіе своего плана на годъ или даже на два года. Мотивомъ отсрочки выставлена необходимость „предварительныхъ сношеній со всѣми министерствами и выполненія обширной работы, которая не можетъ быть окончена ранѣе 1885 года“. Если понимать послѣднія слова буквально, то ожидать включенія чрезвычайныхъ расходовъ въ роспись можно не раньше 1886 г., такъ какъ роспись на 1885 г. должна быть составлена и утверждена въ 1884 г. Намъ кажется, что вопросъ, въ сущности весьма простой, допускалъ немедленное разрѣшеніе и не требовалъ той длинной процедуры, которая называется предварительнымъ сношеніемъ со всѣми министерствами. Опредѣлить цифру *будущихъ* сверхсмѣтныхъ расходовъ—задача неисполнимая; можно только догадываться о ней, на основаніи указаній опыта. Эти указанія доступны министерству финансовъ въ такой же степени, какъ и каждому отдѣльному вѣдомству; изученіе ихъ, за послѣднія 5—10 лѣтъ, не составило бы большого труда и привело бы къ выводу настолько точному, насколько вообще мыслима точность въ догадкахъ. Возраженія противъ этого вывода могли бы быть предъявлены другими вѣдомствами при рассмотрѣніи росписи въ государственномъ совѣтѣ. Быть можетъ, произведенная такимъ образомъ попытка оказалась бы не совсѣмъ удачной—но развѣ сношеніе съ министерствами составляетъ прочную гарантію успѣха? Не слѣдуетъ ли ожидать, что оно приведетъ къ назначенію на чрезвычайные расходы слишкомъ большой суммы, а слѣдовательно, и къ меньшей осмотрительности въ разрѣшеніи каждаго отдѣльнаго расхода? Преобразование, задуманное министерствомъ финансовъ, можетъ достигнуть цѣли только при двухъ условіяхъ: при опредѣленіи суммы чрезвычайныхъ расходовъ въ возможно-меньшемъ размѣрѣ и при тщательной, каждый разъ, повѣркѣ мотивовъ, вызывающихъ представленіе о чрезвычайномъ расходѣ. И тому, и

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за 1883 г., стр. 818—819.

другому условію всего меньше соотвѣтствуетъ путь „предварительныхъ сношеній“—путь, вымощенный добрыми намѣреніями и часто ни къ чему не приводящій.

Общему взгляду министерства финансовъ на сверхсметные расходы противорѣчить, до извѣстной степени, сокращеніе на одинъ миллионъ суммы, назначенной росписью на „экстренныя, въ теченіе года, надобности“. Сокращеніе это мотивировано тѣмъ, что нѣкоторые расходы, повтораившіеся изъ года въ годъ подъ именемъ экстренныхъ и сверхсметныхъ, введены теперь въ число обыкновенныхъ, сметныхъ расходовъ. Это объясненіе могло бы быть признано удовлетворительнымъ, еслибы сверхсметныя ассигновки прежнихъ лѣтъ покрывались четырьмя миллионами, опредѣлявшимися росписью на экстренныя надобности; но такъ какъ на самомъ дѣлѣ онѣ всегда превосходили эту сумму во много разъ, то ничтожное, сравнительно, перечисленіе сверхсметныхъ расходовъ въ разрядъ сметныхъ едва ли могло служить правильнымъ основаніемъ къ уменьшенію вышеупомянутой статьи бюджета. Министерство финансовъ намѣрено обратить эту статью изъ фикціи въ нѣчто реальное, выражающее предполагаемый максимумъ сверхсметныхъ расходовъ; съ такимъ стремленіемъ не согласуется уменьшеніе цифры, безъ того уже крайне недостаточной. Правда, оставить эту цифру въ прежнемъ размѣрѣ, значило бы увеличить на одинъ миллионъ величину дефицита — но это было бы именно приближеніемъ къ дѣйствительности, вѣрное, по возможности, отраженіе которой должна представлять собою роспись.

Весьма любопытны сообщаемыя докладомъ свѣденія о дальнѣйшихъ реформахъ въ области податного обложенія. Покрыть дефицитъ предполагается не только новыми кредитными операціями, но и новыми доходными статьями, а именно, распространеніемъ гербоваго сбора на царство польское и введеніемъ процентнаго сбора съ болѣе значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій ¹⁾. Представленіе по первому предмету уже внесено въ государственный совѣтъ; утвержденіе процентнаго сбора съ значительныхъ предпріятій также ожидается, повидимому, въ продолженіе настоящей сессіи, потому что иначе онъ не могъ бы быть принимаемъ въ расчетъ для пополненія дефицита 1884 г. Нельзя не порадоваться тому, что министерство финансовъ продолжаетъ настаивать на дополнительномъ обложеніи промышленности и торговли, не смотря на оппозицію, встрѣченную его проектомъ въ средѣ торговаго сословія. Еще пріятнѣе узнать, что оно не отказалось отъ мысли о подоходномъ налогѣ;

¹⁾ Объ этомъ сборѣ см. Внутреннее Обзорѣніе въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

жалъ только, что оно откладываетъ ее въ долгій ящикъ. „Если министерство финансовъ,—читаемъ мы въ докладѣ министра,—не рѣшилось сразу проектировать общій подоходный налогъ, то это потому, что та же цѣль, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній, и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податного управленія, потребность въ которомъ становится, однако, со дня на день болѣе настоятельною, но для устройства котораго потребуются значительныя финансовыя средства. Это послѣднее обстоятельство заставило министерство финансовъ нѣсколько замедлить преобразованіемъ, которое, однако, должно быть осуществлено при первой къ тому возможности. На настоятельность этого преобразованія указываютъ также нужды мѣстнаго земскаго хозяйства по сбору налоговъ и въ особенности обременительность мірскихъ сборовъ, ускользающихъ отъ общаго финансоваго учета“. Вся эта цѣль разсужденій, съ ея многочисленными оговорками, доказываетъ совсѣмъ не то, что предполагается доказать; каждое ея слово говорить не въ пользу, а противъ отставимой ею отсрочки. Если настоятельность реформы растеть со дня на день, обнаруживается съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, то единственнымъ оправданіемъ задержки можетъ служить безусловная, въ данный моментъ, неосуществимость преобразованія. Этой неосуществимости министерство финансовъ не доказало. На „значительность финансовыхъ средствъ“, потребныхъ для реформы, ссылаться нельзя, потому что эти средства были бы даны самой реформой. „Потрясеніемъ хозяйственныхъ отношеній“ введеніе подоходнаго налога нигдѣ не ознаменовалось, если не считать потрясеніемъ тѣ временныя затрудненія или замѣшательства, которыя неизбежно связаны со всякою новизною. Какимъ образомъ, притомъ, подчиненіе подоходному налогу однихъ крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ можетъ *подготовить* распространеніе его на другіе классы общества? Легче ли будетъ землевладѣльцу, капиталисту, доктору, литератору приступить къ платежу подоходнаго налога послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствія его для богатыхъ купцовъ? Ужъ если чилибо хозяйственныя отношенія должны быть „потрясены“, то ихъ не предохранить отъ потрясенія толчокъ, раньше данный сосѣду. Можно ли утверждать, далѣе, что введеніемъ подоходнаго налога, какъ общей мѣрой, и установленіемъ его для одной только общественной группы достигается „та же цѣль“, съ различіемъ только въ „степени?“ Цѣль подоходнаго налога — болѣе справедливое, болѣе равномерное распредѣленіе податного бремени, съ привлеченіемъ къ нему въ особенности тѣхъ классовъ, которые одинъ изъ нашихъ

беллетристовъ назвавъ общимъ именемъ „неплательщиковъ“. Соответствовать *этой* цѣли проектированный министерствомъ финансовъ процентный промысловый налогъ могъ бы только какъ *часть* болѣе обширнаго цѣлаго. Мы имѣли уже случай замѣтить, при разборѣ только что названнаго налога, что взиманіе его едва ли окажется по силамъ для существующихъ мѣстныхъ органовъ финансоваго управленія, хотя бы и подкрѣпленныхъ учрежденіемъ окладныхъ присутствій. И съ этой стороны, слѣдовательно, нѣтъ причины медлить и ограничиваться полумѣрами.

Отсрочка, столь слабо мотивированная, общается, къ сожалѣнію, быть довольно продолжительною; между тѣмъ, проектируемые въ близкомъ будущемъ съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ, мы не встрѣчаемъ общаго подоходнаго налога, хотя цифра предполагаемаго увеличенія представляется весьма крупной. Мы должны, впрочемъ, оговориться: только что упомянутая цифра допускаетъ, вслѣдствіе недостаточно ясной редакціи доклада, два различныя толкованія. „Эти сложенія—(т.е. сложенія солинаго акциза, выкупныхъ платежей и подушной подати), сказано въ докладѣ,—въ значительной мѣрѣ уже возмѣщены, а отчасти, примѣрно на 10 милл. рублей, имѣютъ быть пополнены по внесеннымъ въ государственный совѣтъ и еще подлежащимъ внесенію проектамъ добавочныхъ и новыхъ налоговъ, всего на сумму около 85 милл. рублей“. По буквальному смыслу этой фразы, сумма восемьдесятъ-пять милл. составляется изъ добавочныхъ и новыхъ налоговъ, *проекты* которыхъ внесены или подлежатъ внесенію въ государственный совѣтъ; но стоитъ только прочесть еще нѣсколько строкъ, чтобы признать болѣе вѣроятнымъ другое объясненіе. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ докладъ,—за покрытіемъ 43 милл. получится избытокъ въ 42 милл. рублей на удовлетвореніе возрастающихъ государственныхъ нуждъ и на уплату процентовъ по новымъ займамъ“. Сорокъ-три милл.—это именно сумма вышеупомянутыхъ сложеній, *отчасти уже возмѣщенныхъ* и подлежащихъ возмѣщенію лишь въ цифрѣ десяти милл. Отсюда можно —и, кажется, должно—заключить, что въ составъ 85 милл. входятъ не только будущія, но отчасти и настоящія поступления. Остается только опредѣлить, къ какой изъ этихъ двухъ категорій относится каждая изъ цифръ, перечисленныхъ въ примѣчаніи къ докладу и образующихъ, въ общей сложности, 85 милл. рублей. Цифры эти слѣдующія: средства ликвидаціонной операціи государственнаго банка и отчисленія съ запаснаго капитала по выкупной операціи—9 милл.; табачный сборъ—5 милл.; таможенные доходы—10 милл.; пошлины крѣпостныя и съ безмездно переходящихъ имуществъ—6 милл.; государственный поземельный налогъ—4 милл.; налогъ на городскія

недвижимыя имущества — 2 милл.; пошлины за право торговли и процентный сборъ съ промышленности и торговли — 11 милл.; гербовый сборъ — 4 милл.; акцизъ съ сахару — 5 милл.; акцизъ съ выкуриваемого вина — 25 милл.; патентный сборъ съ трактировъ и винокурения — 2 милл.; горная подать — 2 милл. Изъ числа этихъ суммъ, къ тридцати-тремъ милліонамъ, уже взимаемымъ въ замѣнъ сложенныхъ платежей, слѣдуетъ отнести, если мы не ошибаемся, десять милл. табачнаго и свеклосахарнаго акцизовъ, два милл. патентнаго сбора съ трактировъ и винокурения, два милл. пошлинъ съ безмездно переходящихъ имущества, два милл. горной подати, одинъ милл. пошлинъ за право торговли (на болѣе значительныхъ ярмаркахъ), девять милл. средствъ ликвидаціонной операціи и отчисленій съ запаснаго капитала по выкупной операціи, и, наконецъ, часть четырех-милліонной надбавки гербоваго сбора и десяти милл. надбавки таможенныхъ доходовъ. Вновь введены въ роспись 1884 г. четыре милліона дополнительныхъ крѣпостныхъ пошлинъ, четыре милліона государственнаго поземельнаго налога и два милл. налога на городскія недвижимыя имущества, т.-е. именно тѣ десять милл., о пополненіи которыхъ идетъ рѣчь въ докладѣ министра финансовъ. Окончательно проектированъ процентный сборъ съ промышленности и торговли, отъ котораго ожидается около десяти милл. рублей, а также распространіе гербоваго сбора на царство польское, имѣющее дать остальную часть вышеупомянутой четырех-милліонной надбавки. Остается затѣмъ еще тридцать милл., которые, очевидно, предполагается получить путемъ возвышенія таможенныхъ сборовъ и питейнаго акциза. Въ виду затрудненій, съ которыми сопряжено такое возвышеніе, не лучше ли было бы обратиться теперь же къ установленію общаго подоходнаго налога? Въ докладѣ министра говорится о новыхъ налогахъ, какъ о средствахъ удовлетворить возрастающія государственныя нужды и обезпечить уплату процентовъ по новымъ займамъ; къ этому слѣдуетъ прибавить необходимость пополнять и на будущее время недочетъ въ доходахъ, какъ неизбежное послѣдствіе дальнѣйшихъ мѣръ къ отиѣнъ подушной подати. При такомъ положеніи дѣлъ едва ли можно медлить введеніемъ налога, въ высшей степени справедливаго и упадающаго (при правильномъ его устройствѣ) именно на наиболѣе состоятельные классы общества.

Мы говорили въ прошедшій разъ объ обвиненіяхъ, взведенныхъ „Московскими Вѣдомостями“ на министерство финансовъ по поводу способа погашенія восточныхъ займовъ. Къ этимъ обвиненіямъ скоро присоединились другія, имѣвшія предметомъ погашеніе трехъ-процент-

наго займа и четырехъ пяти-процентныхъ. Они вызвали официальный отвѣтъ министерства финансовъ, отчасти разъяснившій спорные вопросы, отчасти обнаружившій необходимость новыхъ разъясненій. То раздражительное, пристрастное отношеніе къ дѣлу—или, лучше сказать, къ лицамъ или лицу—которымъ былъ приникнутъ длинный рядъ статей московской газеты, вовлекло ее въ ошибки, привело къ несправедливымъ подозрѣніямъ; но сомнительное достоинство побужденій не мѣшаетъ иногда достиженію цѣннаго результата. Такимъ результатомъ представляется, въ данномъ случаѣ, яркое освѣщеніе нѣкоторыхъ явленій, долго, слишкомъ долго остававшихся въ тѣни или полу-свѣтѣ.

Первоначальная тема „Московскихъ Вѣдомостей“ заключалась въ томъ, что на погашеніе государственныхъ долговъ расходуется гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ. Восточные займы должны быть погашаемы выкупомъ облигацій по биржевой цѣнѣ; между тѣмъ ежегодныя цифры погашенія, при сравненіи ихъ съ цифрой остающагося непогашеннымъ долга, заставляютъ или по крайней мѣрѣ позволяютъ предполагать, что погашеніе производится по номинальной цѣнѣ облигацій. Металлическіе займы погашаются не по биржевому курсу даннаго времени, а по курсу гораздо низшему (напр., при среднемъ годовомъ курсѣ въ $25\frac{7}{32}$ пенсовъ за рубль—по курсу $22\frac{21}{32}$ пенсовъ), вслѣдствіе чего получаютъ значительныя *передержки*, составляющія, только по пяти займамъ и за пять только лѣтъ (1878—82), болѣе семи милл. рублей.

Опроверженіе министерства финансовъ доказало съ полною ясностью, что передержекъ, вычисляемыхъ „Московскими Вѣдомостями“, на самомъ дѣлѣ не было и нѣтъ, и что погашеніе облигацій восточныхъ займовъ по номинальной ихъ стоимости, вмѣсто биржевой, не производилось. Расчетъ о передержкахъ сдѣланъ былъ московскою газетою на основаніи тѣхъ графъ контрольных отчетовъ, въ которыхъ показаны суммы, назначенныя по росписи и причитавшіяся къ отпуску—а слѣдовало принять въ соображеніе ту графу, въ которой показаны цифры *дѣйствительнаго расхода*. Такъ напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1883 г. № 357) мы читаемъ, что въ 1882 г. по второму пяти-процентному займу *показанъ расходъ* въ 3.061.580 руб., по шестому—въ 4.571,759 руб. (какъ еслибы биржевая стоимость металлическаго рубля равнялась 1 р. 98 $\frac{1}{4}$ коп. кред.); между тѣмъ, стоило только перенести глаза съ лѣвой страницы отчета на правую, чтобы увидѣть вполне ясно настоящія цифры *расхода* (по второму займу—1.212,277 руб., по шестому займу—2.439,143 рубля). „Московскимъ Вѣдомостямъ“ оставалось только сознаться въ этой ошибкѣ, какъ онѣ сознались въ другой (въ не-

правильномъ причисленіи двухъ займовъ, заключенныхъ на кредитную валюту, къ категоріи займовъ металлических); но онъ предпочли утверждать, вопреки всякой очевидности, что ими были приняты во вниманіе *все* графы контрольных отчетовъ (1884 г. № 3). Какъ же объяснить, въ такомъ случаѣ, разницу между заключительными выводами газеты, до и послѣ министерскаго разъясненія — разницу такого рода, что *прежде* шла рѣчь о *передержкахъ* въ семь слишкомъ милліоновъ, а *потомъ* — объ *измѣнившихся ассигновкахъ* на восемнадцать почти милл. рублей?.. Въ тѣхъ же забытыхъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ графахъ контрольных отчетовъ заключалось косвенное указаніе и на то, что облигаціи восточныхъ займовъ погашались не по биржевой ихъ стоимости; цифра дѣйствительнаго расхода и здѣсь была значительно меньше назначенной по росписи и причитавшейся къ отпуску. Въ составъ этой цифры входять, впрочемъ, и другія суммы, не относящіяся къ погашенію, такъ что вторая ошибка представляется гораздо болѣе извинительною, чѣмъ первая.

Покоячивъ съ предметомъ сравнительно неважнымъ — съ погрѣшностями „Московскихъ Вѣдомостей“ — перейдемъ къ другой, гораздо болѣе серьезной сторонѣ дѣла. Отвѣтъ министерства финансовъ, въ связи съ полемикой, его вызвавшей, возбуждаетъ два главныхъ вопроса: 1) правильно ли производится погашеніе восточныхъ займовъ; и 2) куда идутъ остатки отъ ассигновокъ по системѣ государственнаго кредита. По закону, для погашенія, въ теченіе 49 лѣтъ, облигацій каждаго изъ трехъ восточныхъ займовъ образуется особый фондъ, посредствомъ отчисленія, ежегодно, $\frac{1}{2}\%$ съ нарицательной суммы займа, и этотъ фондъ, съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи, погашенныя въ предыдущіе годы, употребляется ежегодно на выкупъ облигацій по биржевой цѣнѣ, когда она будетъ ниже нарицательной стоимости облигацій, а въ противномъ случаѣ — по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ. Министерство финансовъ исполняетъ этотъ законъ слѣдующимъ образомъ: оно выкупаетъ облигаціи по биржевой цѣнѣ, но въ такомъ только размѣрѣ, чтобы *номинальная* стоимость выкупленныхъ облигацій равнялась суммѣ, ассигнованной на погашеніе. Такъ, напримѣръ, въ 1882 г. было ассигновано на выкупъ облигацій перваго восточнаго займа 1.215,500 рублей, второго — 1.736,400, третьяго — 1.653,700, а всего — 4.605,600 рублей. Министерство выкупаетъ облигаціи номинально на эту сумму, но платитъ за нихъ, по биржевой цѣнѣ, только 4.162,641 руб. 63 коп.; разница — 442,958 руб. 37 коп. — образуетъ, по выраженію министерства, *сбереженіе*. Такихъ сбереженій накопилось, за пять лѣтъ (1878 — 82), 1.396,824 р. 92 коп., которые, по словамъ официального разъясненія, „заключаются въ общей цифрѣ суммъ, показанныхъ по

отчетахъ государственнаго контроля за эти годы подлежащими еще къ отпуску на платежи по этимъ займамъ". Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ личнымъ мнѣніемъ министра финансовъ, не съ взглядами отдѣльнаго вѣдомства, а съ системой, принятой, съ самаго начала, высшими государственными установленіями и непрерывно дѣйствующей до настоящаго времени. Если въ росписи 1879 г. было внесено на погашеніе перваго восточнаго займа—1.050,000 р. (т.-е. $\frac{1}{2}\%$ на всю сумму займа, плюсъ проценты на погашенныя въ предыдущемъ году облигаціи, *номинально* стоющія миллионъ рублей), а въ росписи 1880 г., по тому же разсчету—1.102,500 рублей, и такъ далѣе; если на томъ же основаніи вычислялось погашеніе по обоимъ другимъ восточнымъ займамъ, то это, очевидно, могло произойти не иначе, какъ въ силу извѣстнаго, всѣми усвоеннаго толкованія закона—толкованія, ограничивающаго размѣръ дѣйствительнаго погашенія заранѣе опредѣленнымъ числомъ облигацій. Изъ того, что это толкованіе пять или шесть разъ получило санкцію законодательной власти (при утвержденіи росписей съ 1879 по 1884 г.), не слѣдуетъ еще, конечно, чтобы оно было правильно. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ „Московскими Вѣдомостями“ и несогласны съ тѣми петербургскими газетами, по мнѣнію которыхъ всякое иное погашеніе, кромѣ существующаго, было бы погашеніемъ *досрочнымъ*. Соросадеватилѣтній срокъ погашенія, опредѣленный при заключеніи восточныхъ займовъ, есть срокъ крайній, наиболѣе продолжительный, въ теченіе котораго *должно быть* произведено погашеніе—но вовсе не срокъ неподвижный и абсолютный. Законъ устанавливаетъ не только *ежегодное отчисленіе* въ погасительный фондъ, но и *ежегодное употребленіе* этого фонда на выкупъ облигацій, безъ всякой оговорки относительно могущихъ образоваться при этомъ остатковъ. Еслибы, при заключеніи займовъ, имѣлась въ виду возможность такихъ остатковъ, то всего естественнѣе было бы установить зачисленіе ихъ въ погасительный фондъ слѣдующаго года, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ ассигновки изъ государственнаго казначейства; другими словами, въ законѣ сказано было бы о погашеніи, ежегодно, извѣстнаго числа облигацій, а не объ употребленіи на этотъ предметъ, ежегодно, извѣстной суммы. Неправильное толкованіе закона влечетъ за собою явные противорѣчія. Суммы сдѣланнаго на погашеніи *сбереженія* (т.-е. разница между номинальною и биржевою стоимостью погашенныхъ облигацій) составляютъ — если стать на точку зрѣнія правительства — свободный остатокъ; между тѣмъ, онѣ, показываясь въ контрольных отчетахъ какъ *подлежащія еще къ отпуску на платежи по восточнымъ займамъ*. Когда же онѣ будутъ подлежать отпуску, разъ что погашеніе, за минувшіе годы, считается закончен-

нимъ, сполна произведеннымъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: никогда. *Выходъ ли* способъ погашенія, вытекающій (при биржевой цѣнѣ, неизмѣннѣй, тѣмъ номинальная) изъ буквального смысла указовъ о восточныхъ займахъ—это другой вопросъ; но еслибы невыгодность его, въ данную минуту, и была доказана, то это не могло бы служить препятствіемъ къ точному исполненію закона.

Куда идутъ остатки отъ ассигновокъ на уплату процентовъ и погашенія по государственнымъ займамъ? По заявленію государственнаго контроля, кредиты, предназначенные на платежи по государственнымъ займамъ, не подчинены общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ ¹⁾, и потому не закрываются, а остаются безсрочно и нераздѣльно въ распоряженіи министерства финансовъ. Основывался на этомъ заявленіи, „Московскія Вѣдомости“, и до, и послѣ появленія въ печати отвѣта министерства финансовъ, представляли дѣло въ такомъ видѣ, что всѣ неизрасходованныя по системѣ государственнаго кредита суммы образуютъ особый фондъ или капиталъ, изъятый отъ общаго счетнаго и ревизіоннаго порядка, неизвѣстно гдѣ хранящійся и неизвѣстно на что употребляемый. „Громадный капиталъ,—восклицаетъ московская газета (1884 г. № 5),—лежитъ въ сундукахъ, а между тѣмъ, выпускается шести-процентная золотая рента“. Черезъ день выражается уже иное предположеніе: „остатки суммъ, ассигнованныхъ на погашеніе государственнаго долга—читаемъ мы въ № 6—остатки, которые за многіе годы должны бы составить дѣйствительно громадный капиталъ, въ сундукахъ государственнаго казначейства едва ли окажутся“. Посмотримъ, что сказано по этому предмету въ официальномъ сообщеніи. „Лишено всякаго основанія,—утверждаетъ министерство финансовъ,—разсужденіе „Московскихъ Вѣдомостей“ о томъ, будто остающіяся отъ расплаты по займамъ суммы обратно въ казну не поступаютъ, оставаясь въ распоряженіи финансоваго управленія. Напротивъ, суммы, потребныя на расходы по государственнымъ займамъ, отпускаются изъ государственнаго казначейства, въ счетъ смѣтныхъ назначеній, лишь по мѣрѣ возникновенія надобности въ дѣйствительномъ производствѣ означенныхъ расходовъ, причеи суммы, въ истребованіи которыхъ изъ государственнаго казначейства не наступило надобности, числятся лишь по счетамъ комиссіи погашенія долговъ—въ долгу за государственнымъ казначействомъ; суммы же, не истребованныя для расходовъ по смѣтнымъ назначеніямъ,

¹⁾ На основаніи этихъ общихъ правилъ, счеты по другимъ статьямъ расходаго бюджета заканчиваются по истеченіи четырехъ лѣтъ, причеи непонадобившіяся кредиты закрываются и обращаются въ свободные остатки, т.-е. въ доходъ казны.

остаются въ числѣ кассовыхъ средствъ государственнаго казначейства". Въ виду этого категорическаго объясненія, о какомъ-нибудь особомъ капиталѣ или фондѣ, образовавшемся изъ сбереженій по системѣ государственнаго кредита, не можетъ, очевидно, быть и рѣчи; неистребованныя, изъ числа ассигнованныхъ по этой системѣ, суммы оставались въ государственномъ казначействѣ, не видѣваясь изъ общей массы его кассовыхъ средствъ. Остается опредѣлить, имѣются ли онѣ на лицо, или израсходованы на что-либо другое—и это, по всей вѣроятности, и будетъ задачей правительственной ревизіи, о назначеніи которой недавно сообщали газеты. Весьма можетъ быть, что остатки отъ ассигновокъ по системѣ государственнаго кредита пошли, по крайней мѣрѣ отчасти, на сверхсметные расходы, постоянно, изъ года въ годъ, нарушающіе искусственную гармонию государственной росписи и устранивающіе возможность правильнаго финансоваго управленія. Примѣненіе къ системѣ государственнаго кредита общихъ счетныхъ правилъ, подчиненіе вызываемыхъ ею расходовъ, наравнѣ со всѣми другими, повѣркѣ государственнаго контроля представляется, безъ сомнѣнія, желательнымъ и цѣлесообразнымъ—но ожидать отъ этой мѣры какихъ-либо блестящихъ, широкихъ результатовъ было бы, кажется, большою ошибкой.

О покрытіи дефицитовъ съ помощью „сбереженій“, объ устраненіи, тѣмъ же путемъ, надобности въ новыхъ займахъ перестали говорить даже „Московскія Вѣдомости“; весь вопросъ сводится къ болѣе правильному счетоводству, къ болѣе точной отчетности. Слишкомъ странно было бы думать, что отъ распространенія контроля на систему государственнаго кредита получится нѣчто большее, чѣмъ даетъ дѣятельность контроля по отношенію къ другимъ отдѣламъ росписи. Постоянный ростъ государственныхъ расходовъ, крупныя цифры расходовъ сверхсметныхъ, неправильное распредѣленіе податнаго бремени, невысокій уровень народнаго благосостоянія—вотъ въ чемъ источникъ нашей финансовой неурядицы; расширеніе административнаго контроля является здѣсь только палліативомъ, и притомъ не изъ числа сильныхъ. Не знаемъ, можетъ быть правительственная ревизія и обнаружить какія-нибудь злоупотребленія или безпорядки со стороны тѣхъ или другихъ органовъ финансоваго управленія; мы сомнѣваемся только въ одномъ—чтобы въ этихъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ заключалась самая суть дѣла. Для насъ непонятна, поэтому, та мораль, которою заканчиваются разсужденія московской газеты. „Строгая дисциплина и контроль—вотъ душа всякой хорошей администраціи... Правильная постановка учреждений, выборъ лицъ для служебныхъ функцій сверху до низу, строгій надзоръ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей, вотъ что

прежде всего требуется... Напрасно было бы бороться съ растѣніемъ, замѣчаемымъ въ обществѣ, а также съ подпольными дѣятелями, пока органы власти, судебныя, административныя и всякія другія, не будутъ должнымъ образомъ подтянуты и не перестанутъ считать себя независимыми и самоуправными, не имѣя никакого страха". Страхъ, дисциплина, подтягиванье—какія прекрасныя средства управленія, какія прочныя гарантіи порядка! Къ чему они ведутъ, многое ли ими достигается—это написано на каждой страницѣ нашего недавняго прошедшаго. Оставаясь въ предѣлахъ даннаго вопроса, любопытно было бы знать, какіе именно изъ числа финансовыхъ органовъ не признаютъ надъ собою ни управы, ни власти, и въ какомъ отношеніи находится ихъ „распущенность" къ номинально высокой, а на самомъ дѣлѣ ничтожной или вовсе не существующей суммѣ „сбереженій" по системѣ государственнаго кредита? Или, можетъ быть, цѣлое финансовое вѣдомство утратило понятіе о дисциплинѣ, вслѣдствіе изъятія одной стороны его дѣятельности изъ-подъ надзора контрольнаго вѣдомства? Но въ такомъ случаѣ, кто или что поддерживаетъ дисциплину въ средѣ самого контроля? Quis custodit custodes? На чемъ основана слѣпая, безусловная вѣра въ административное учрежденіе, ничѣмъ, въ сущности, не отличающееся отъ другихъ, сходное съ ними по происхожденію, составу и способу дѣйствій? Какъ велика эта вѣра, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ московской газеты: „ревизіонный комитетъ, состоящій изъ депутатовъ отъ дворянства и купечества ¹⁾, никакъ не можетъ замѣнить служебную, отвѣтственную дѣятельность государственнаго контроля. Требуется строгія правительственныя ревизіи, при правильной системѣ отчетности, а не пренія въ какой бы то ни было палатѣ депутатовъ". Мы отнюдь не хотимъ отстаивать ревизіонный комитетъ, въ настоящемъ его видѣ; мы готовы признать его контроль недостаточнымъ, чисто-формальнымъ—но ужъ, конечно, не потому, что онъ не имѣетъ *служебнаго* характера. Напротивъ того, вполне независимымъ, вполне дѣйствительнымъ могъ бы быть именно контроль не служебный, лишь бы только организація его соответствовала его назначенію. Предсѣдательство государственнаго контролера даетъ дѣятельности ревизіоннаго комитета отгѣномъ отчасти служебный—но становится ли она отъ того болѣе плодотворной? Неужели стоить только замѣнить словесныхъ депутатовъ коронными чиновниками—и все будетъ обстоитъ

¹⁾ Контролю этого ревизіоннаго комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера, подчинены въ настоящее время всѣ обороты по смѣтѣ системы государственнаго кредита.

благополучно? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, заключить изъ самой исторіи ревизіоннаго комитета, что административный контроль—еще не послѣднее слово правильнаго финансоваго устройства?

Проектъ смѣты города Петербурга, составленный городской управою и рассмотрѣнный думскою финансовою комиссіею, представляетъ на этотъ разъ нѣсколько интересныхъ нововведеній. Въ расходной смѣтѣ исчезло дѣленіе расходовъ на обязательные и необязательные—дѣленіе, о несостоятельности котораго мы имѣли случай говорить въ прошедшемъ году ¹⁾. Въ замѣнъ этого къ смѣтѣ приложена вѣдомость, въ которой всѣ обыкновенные расходы распределены на двѣ категоріи: обязательные и предусмотрѣнные ст. 139 Городоваго Положенія. Къ первой категоріи отнесены расходы, возложенные на городъ закономъ или особымъ высочайшимъ повелѣніемъ, если притомъ городъ не имѣетъ права измѣнять ни наименованія (назначенія?) ихъ, ни суммы. Ко второй категоріи причислены расходы хотя и обязательные для города, но не въ опредѣленной разѣ навсегда суммѣ, а сообразно средствамъ городской кассы въ данное время. Нельзя сказать, чтобы принципъ, положенный, такимъ образомъ, въ основаніе новаго дѣленія, былъ проведенъ на самомъ дѣлѣ вполне послѣдовательно и правильно. Такъ, напримѣръ, ко второй категоріи отнесенъ безусловно-обязательный для города, въ силу высочайшаго повелѣнія, расходъ на ремонтъ обоза и фуражъ лошадей пожарной команды и жандармскаго дивизіона—отнесенъ къ ней только потому, что городу предоставлено производить этотъ расходъ натурой. Цифра расхода является, вслѣдствіе этого, измѣнчивой—но на измѣненіе ея вліяютъ лишь цѣны поставляемыхъ предметовъ, а не *средства городской кассы въ данное время*. Ко второй категоріи отнесены, далѣе, *все* расходы по благотворительнымъ и больничнымъ заведеніямъ, между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, напр., сумма, отпускаемая комитету для разбора и призыванія нищихъ—соединяютъ въ себѣ всѣ признаки расхода *обязательнаго*, въ смыслѣ принятой городской управою терминологіи. Если намъ возразятъ, что производство пособій благотворительнымъ учрежденіямъ, на основаніи особыхъ, утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ постановленій, предусмотрѣно именно ст. 139 Городоваго Положенія, то мы отвѣтимъ на это, что тою же статьею предусмотрено и уплата суммъ по городскимъ займамъ—а между тѣмъ, эта уплата включена управою въ первую категорію городскихъ расхо-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1888 г. № 2, Внутреннее Обозрѣніе.

довъ. Расходы, совершенно однородные, оказываются, такимъ образомъ, отнесенными къ двумъ различнымъ группамъ—и цѣль, имѣвшаяся въ виду при новой группировкѣ расходовъ, остается не вполне достигнутою. Это еще не все: самый принципъ дѣленія, принятый управою, едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ. Статья 139-я Городового Положенія перечисляетъ расходы, обязательные для города; на основаніи ст. 140-й, за покрытіемъ этихъ расходовъ городскія средства могутъ быть употребляемы на всякіе вообще предметы, относящіеся къ пользѣ города и его обывателей—другими словами, на расходы *необязательные*. Для такихъ расходовъ въ группировкѣ, придуманной управою, вовсе не остается мѣста—а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ ихъ оказывается не мало. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы расходъ по народному образованію, отнесенный управою ко второй категоріи, т.-е. къ числу расходовъ, предусмотрѣнныхъ ст. 139 Городового Положенія. Подъ дѣйствіе этой статьи подходятъ только тѣ пособія на содержаніе учебныхъ заведеній, которыя производятся въ силу закона. Гдѣ же законъ, на основаніи котораго Петербургъ тратитъ на начальныя школы болѣе 300,000 рублей? Это расходъ, съ юридической точки зрѣнія, вполне *необязательный* и *предусмотрѣнный* не 139-ю, а 140-ю статьею Положенія, за исключеніемъ развѣ той ничтожной его части, которая идетъ на содержаніе шестнадцати училищъ, переданныхъ городу правительствомъ въ 1877 г. (теперь число училищъ превышаетъ 150). Тоже самое можно сказать и о многихъ расходахъ, относящихся къ благоустройству столицы и къ содержанію благотворительныхъ и болѣзненныхъ заведеній. Вотъ почему мы думаемъ, что трудъ, совершенный городскою управою, требуетъ и поправокъ, и дополненія: вторая категорія расходовъ должна быть точнѣе отграничена отъ первой, и затѣмъ изъ нея должны быть выдѣлены въ особую, третью группу всѣ *необязательные* расходы. Только тогда получится вѣрная и полная картина какъ обязательствъ, лежащихъ на городскомъ управленіи, такъ и свободной дѣятельности его ¹⁾. Цифры 1.653,701 руб. и 3.408,609 руб., которыми выражаются теперь расходы обязательныя и расходы предусмотрѣнные ст. 139 Городового

¹⁾ Не было ли бы правильнѣе потому *необязательные* расходы называть *самостоятельными*; странно расходы на народное образованіе называть *необязательными*, хотя въ дѣйствительности они—*необязательны*; а между тѣмъ вся оцѣнка дѣятельности городского самоуправленія дѣлается именно по количеству такихъ *необязательныхъ* расходовъ, такъ какъ они-то и составляютъ главную цѣль его существованія. Расходы обязательныя это—тѣ, гдѣ городъ дѣйствуетъ не самостоятельно, и которыми ограничивается и стѣсняется его самостоятельная дѣятельность, въ ущербъ такимъ расходамъ, каковыя расходы на народное здравіе, образованіе и т. п.

Положенія, не даютъ правильнаго понятія ни о той, ни о другой сторонѣ дѣла, потому что вторая цифра обнимаетъ собою расходы, существенно различныя по своему происхожденію и по своей роли въ городскомъ бюджетѣ. Какъ бы то ни было, работа, предпринятая управою, не осталась безъ полезныхъ результатовъ: пересмотръ всѣхъ расходовъ съ точки зрѣнія болѣе или менѣе ихъ обязательности убѣдилъ управу въ возможности и необходимости сложена сѣ города, путемъ ходатайствъ или официальныхъ сношеній, разныхъ обязательныхъ для него въ настоящее время расходовъ, на сумму всего до 65,000 рублей.

Второе нововведеніе, встрѣчающееся въ проектѣ городской смѣты на 1884 г., заключается въ выдѣленіи всѣхъ новыхъ расходовъ, проектируемыхъ управою, но еще не утвержденныхъ думою, въ особую добавочную смѣту, обнимающую собою также новыя постройки и капитальный ремонтъ городскихъ зданій и сооружений. Финансовая коммиссія пошла еще дальше и утвердила только тѣ статьи добавочной смѣты, которыя предрѣшены особыми постановленіями думы или вызываются существующею надобностію, т.-е. фактически-неизбѣжнымъ возвышеніемъ производимыхъ уже расходовъ. Намъ кажется, что новый порядокъ не имѣетъ серьезныхъ преимуществъ передъ старымъ; при достаточно ясной и полной мотивировкѣ каждаго пункта смѣты, расходы дополнительные или вновь проектируемые рѣзко отличаются отъ прежнихъ, хотя бы и стояли съ ними рядомъ, и группировка ихъ въ особое цѣлое, отдѣльное отъ главной смѣты, едва ли представляется необходимою. Мы не видимъ также причины, по которой нельзя было бы вносить въ смѣту—т.-е. въ проектъ бюджета—расходы еще не предрѣшенные, не получившіе въ принципѣ одобренія думы. Смѣта, по мѣткому выраженію управы, есть финансовый докладъ—а въ докладѣ можно и должно вносить предположенія, еще нуждающіяся въ утвержденіи. Весьма полезна зато составленная управою вѣдомость расходовъ по предметамъ (въ видѣ приложения къ смѣтѣ, въ которой они распределены по учрежденіямъ). Она показываетъ, наприкладъ, сколько тратится, по каждому главному отдѣлу смѣты, на администрацію, на хозяйственные расходы, на ремонтъ зданій и т. п.; цифры 1884 г. сопоставлены вездѣ, для нагляднаго сравненія, съ цифрами 1883 г.

Въ проектѣ смѣты на 1884 годъ, составленнойъ городскою управою, цифра городскихъ доходовъ (за вычетомъ оборотныхъ) была опредѣлена въ 5.872,652 руб., цифра обыкновенныхъ расходовъ (также за вычетомъ оборотныхъ)—въ 5.095,814 рублей; затѣмъ по добавочной смѣтѣ было исчислено расходовъ еще на 881,581 руб., изъ которыхъ 253,417 рублей (на постройку рынка на сѣнной площади) пред-

полагалось покрыть заимствованіемъ изъ городского остаточнаго капитала. Общая сумма расходовъ, имѣющихъ быть покрытыми изъ текущихъ доходовъ, составляла, такимъ образомъ, 5.723,978 рублей, т. е. на 148,674 рублей меньше противъ ожидаемой суммы дохода. Остатокъ дохода городская управа полагала причислить къ городскому остаточному капиталу, т. е., взявъ изъ него болѣе 260 тысячъ, возвратитъ менѣе 150,000 руб. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, оказывался не избытокъ дохода надъ расходомъ, а дефицитъ въ сто сѣмидесятъ тысячъ рублей. Въ промежутокъ времени между составленіемъ смѣты и рассмотрѣніемъ ея финансовою комиссіею, дума постановила произвести еще одну крупную издержку, ассигновать 245,000 р. на приспособленіе дома пожарнаго депо для мирового сѣзда и другихъ городскихъ учреждений. Съ другой стороны, при обсужденіи смѣты въ финансовой комиссіи признано было необходимымъ уменьшить одну статью дохода на 94,000 рублей. Городского остаточнаго капитала финансовая комиссія совершенно основательно рѣшила не касаться, имѣя въ виду, что онъ безъ того уже уменьшился, съ 1877 г., на четыреста сѣмидесятъ тысячъ рублей (съ 1.200,000 — на 778,000 р.). Изъ рукъ финансовой комиссіи проектъ смѣты (уже безъ различія между обыкновенными и дополнительными расходами) вышелъ, затѣмъ, въ слѣдующемъ видѣ: доходовъ—5.778,562 р., расходовъ—5.721,617 руб., свободный остатокъ—56,945 руб. Этотъ остатокъ финансовая комиссія предлагаетъ употребить на капитальный ремонтъ и новыя сооруженія, производство которыхъ дума найдетъ особенно нужнымъ. Болѣе осторожнаго плана дѣйствій нельзя себѣ и представить; пожалуй можно только о томъ, что финансовою комиссіею сдѣлано въ расходной смѣтѣ лишь весьма немного сокращеній (всего на 23,000 руб.), не веснушшихся, притомъ, личнаго состава городского управленія, стоимость котораго, наоборотъ, предположено увеличить на 3,500 рублей. Весьма пріятно зато встрѣтитъ въ смѣтѣ новое возвышеніе расхода на народное образованіе (въ общей сложности—на 38,475 руб.), вслѣдствіе предстоящаго открытія *двадцати-пяти* новыхъ городскихъ начальныхъ училищъ. Къ концу 1884 года общее число училищъ возрастетъ до 180, т. е. превыситъ въ *одиннадцатъ* сѣмидесятъ разъ число училищъ, поступившихъ въ вѣденіе города только самъ гдѣтъ тому назадъ.

Если вѣрить слухамъ, на рассмотрѣніе государственнаго совѣта внесенъ или скоро будетъ внесенъ проектъ закона, направленный къ ограниченію крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Можно ли признать его необходимымъ, съ точки зрѣнія интересовъ самихъ крестьянъ? Безспорно, бываютъ случаи, когда раздѣлъ разоряетъ

семью—хотя изъ статьи г. Исасва, напечатанной недавно въ нашентъ журналѣ ¹⁾, и можно заключить, что это явленіе вовсе не столь обыкновенное, какъ принято думать; но къ разоренію приводитъ иногда и уходъ въ отхожіе промыслы или на городскую работу, и неудачная женитьба, и неосмотрительно заключенный арендный или наемный контрактъ—а между тѣмъ, никто не предлагаетъ регламентировать, по отношенію къ крестьянамъ, вступленіе въ бракъ, заключеніе договоровъ, выборъ занятій. Сущность вопроса сводится къ тому, слѣдуетъ ли видѣть главный источникъ крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ въ взыбаломной прихоти, легко уступающей запретительнымъ мѣрамъ, или въ потребности, глубоко коренящейся въ народной жизни? Отвѣтомъ на это служить, прежде всего, самая цифра раздѣловъ, далеко превышающая, какъ мы слышали, два милліона ²⁾. Капризъ, даже свирѣпствующій на подобіе эпидеміи, не могъ бы достигнуть такихъ громаднхъ размѣровъ. Еще важнѣе то, что въ большинствѣ случаевъ раздѣлы совершаются помимо сельскаго схода; число раздѣловъ, утвержденныхъ сходомъ, относится, говорятъ, къ числу раздѣловъ самовольныхъ: какъ 1 къ 6 или 7. Самовольный раздѣлъ возможенъ только при согласіи всѣхъ членовъ семьи или по меньшей мѣрѣ ея главы, домохозяина; вопреки его волѣ раздѣлъ очевидно можетъ состояться только при участіи волостного суда, сельскаго схода. Главный аргументъ противъ раздѣловъ—сылка на общее гражданское право, на авторитетъ отца семейства—теряетъ, такимъ образомъ, значительную часть своей силы; не говоря уже о раздѣлахъ между братьями или другими родственниками, выдѣлъ дѣтей родителями еще при жизни, по доброй волѣ послѣднихъ, допускается и практикуется во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ классахъ общества. Правда, въ крестьянскомъ быту бывають случаи выдѣла дѣтей, сельскимъ сходомъ или волостнымъ судомъ, помимо воли родителей; но такіе случаи, суда по свѣденіямъ, сообщаемымъ въ книгѣ г. Пахмана ³⁾, составляютъ рѣдкое исключеніе, вызываемое и оправдываемое особенностями крестьянскаго быта. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ понудительный раздѣлъ совершается въ семьѣ, лишенной своего естественнаго главы—т.е. при такихъ условіяхъ, при которыхъ дѣлается, сплосъ да рядомъ, и вунцы, и дво-ряне. Гдѣ же разумное основаніе для искусственной—или, лучше сказать, насильственной—поддержки цѣлаго, неудержимо стремяща-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1883 г. № 7 стр. 383 и сл.

²⁾ Не знаемъ, какому періоду времени соотвѣтствуетъ эта цифра, но если и допустить, что она обнимаетъ собою всѣ двадцать лѣтъ, истекшихъ послѣ освобожденія крестьянъ, то все-таки она должна быть признана чрезвычайно значительной.

³⁾ „Обычное гражданское право въ Россіи (Сиб., 1879), томъ II, стр 170—187 и 291—312.

гося къ распаденію? Въ обычномъ крестьянскомъ правѣ? Но именно оно санкціонируетъ семейные раздѣлы, даже въ болѣе широкихъ рамкахъ, чѣмъ право формальное, писанное. Въ необходимости предупредить упадокъ крестьянскаго хозяйства? Но постоянную причинную связь между семейными раздѣлами и упадкомъ хозяйства, гдѣ она дѣйствительно существуетъ, еще требуется доказать, и притомъ семейныя распри—обыкновенно ведущія къ раздѣлу—едва ли способствуютъ матеріальному и нравственному благосостоянію семьи. Въ интересахъ государственной казны? Но если и допустить, что раздѣлы уменьшаютъ платежную способность крестьянъ, то это не составляетъ еще достаточнаго повода къ ограниченію ихъ гражданской свободы. „Что въ крестьянскомъ быту,—говорили мы два года тому назадъ ¹⁾, обсуждая рѣшеніе с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія, постановившаго, большинствомъ голосовъ, ходатайствовать о запрещеніи семейныхъ раздѣловъ помимо воли отца семейства,—есть особенности, незнакомыя закоренѣлымъ петербуржцамъ; что удерживать насильно подъ одной крышей—или, лучше сказать, въ одной комнатѣ—нѣсколько семей, тянущихъ врознь, не всегда удобно и даже не всегда безопасно; что съ точки зрѣнія крестьянскаго обычнаго права раздѣленіе семейнаго имущества между нѣсколькими лицами, одинаково, можетъ быть, потрудившимися надъ его накопленіемъ, не представляетъ ничего уродливаго или возмутительнаго; что злоупотребленія, встрѣчающіяся на практикѣ при семейныхъ раздѣлахъ, зависать отъ общихъ недостатковъ сельскаго схода и волостного суда и могутъ быть предупреждены разумной реформой крестьянскаго самоуправленія—все это не могло перевѣсить, въ глазахъ собранія, авторитета юридическихъ формулъ и общихъ мѣстъ житейской морали“. Теперь на ту же чашку вѣсовъ будутъ положены, можетъ быть, мнѣнія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, доставленные вслѣдствіе циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ ²⁾; но могутъ ли они замѣнить мнѣнія уѣздныхъ земскихъ собраній, мнѣнія самихъ крестьянъ? Не слѣдовало ли бы, по меньшей мѣрѣ, отложить изданіе новаго закона о семейныхъ раздѣлахъ до перестройки мѣстнаго управленія, такъ близко связанной со всѣмъ касающимся крестьянскаго быта?

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатаны недавно первыя свѣдѣнія о дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка. Число разрѣшенныхъ имъ ссудъ по 1 января 1884 г. (т.-е. за восемь мѣсяцевъ) доходитъ до 229, на сумму 2.817.579 руб. Всего меньше

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

²⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1882 г., стр. 360—361.

ссудъ разрѣшено въ губерніяхъ волынской (2), подольской (3), саратовской (3) и черниговской (4), всего больше — въ губерніи полтавской (108); средину занимаютъ губерніи екатеринославская (25), тверская (25), кіевская (21), могилевская (16), уфимская (12) и херсонская (10). Средняя величина каждой ссуды колеблется между 1,508 руб. (въ кіевской губерніи) и 57,138 руб. (въ подольской губерніи); менѣе 10,000 руб. она составляетъ въ губерніяхъ тверской (2,780 р.), могилевской (3,263 р.), уфимской (7,881 р.) и полтавской (9,690 р.); болѣе 10,000 руб. — въ губерніяхъ волынской (15,000 р.), саратовской (22,136 р.), черниговской (33,998 р.), херсонской (30,966 р.) и екатеринославской (33,981 р.). Купленной земли на каждую ссуду приходится, среднимъ числомъ, отъ 55 десятинъ (въ кіевской губерніи) до 746 (въ екатеринославской). Общая цифра доплаты изъ собственныхъ средствъ покупателей составляетъ 361,770 руб., т.-е. около $11\frac{1}{3}\%$ всей покупиной цѣны. Получателями ссудъ были: 61 сельское общество, 120 товариществъ и 50 отдѣльныхъ крестьянъ. Въ семи губерніяхъ (изъ одиннадцати) отдѣльныхъ крестьянъ между получателями ссудъ не было вовсе; въ двухъ (тверской и черниговской) было только по одному; много ихъ было только въ губерніяхъ кіевской (18) и полтавской (30). Товариществъ между получателями ссудъ вовсе не было въ двухъ губерніяхъ (волынской и саратовской); всего больше ихъ было въ губерніяхъ полтавской (66), тверской (19) и уфимской (11). Въ кіевской губерніи не получило ссуды ни одно сельское общество; въ четырехъ губерніяхъ (уфимской, черниговской, волынской и подольской) общества, получившихъ ссуду, было по одному или по два; для екатеринославской губерніи эта цифра восходитъ до 22, для могилевской — до 10, для полтавской — до 9. Всѣхъ покупателей насчитывается 26,936 душъ мужескаго пола; домохозяевъ между ними 8,886. На душу приходится купленной земли отъ 1 десятины 917 саж. (въ подольской губерніи), до 5 дес. 2067 саж. (въ уфимской губерніи), а среднимъ числомъ — 2 десятины 594 сажени. Всего куплено 60,529 десятинъ. Средняя покупная цѣна десятины колеблется между 16 руб. (въ уфимской губерніи) и 123 руб. (въ подольской губерніи).

Въ приведенныхъ нами свѣдѣніяхъ есть одинъ серьезный пробѣлъ: не показано, сколько именно земли куплено сельскими обществами, сколько — товариществами, сколько — отдѣльными крестьянами, и какъ велика цифра ссудъ, выданныхъ каждой изъ этихъ трехъ категорій покупателей. При отсутствіи въ законѣ о крестьянскомъ банкѣ и въ правилахъ дѣйствія его такихъ постановленій, которыя обезпечивали бы выдачу ссудъ только крестьянамъ, нуждающимся въ землѣ и безсильнымъ приобрести ее безъ содѣйствія казны, несомненно полезными и производительными ссудами могутъ быть при-

знаваемы лишь тѣ, которыя выдаются сельскимъ обществамъ въ полномъ ихъ составѣ; наличность обоихъ названныхъ нами условій только здѣсь представляется доказанною, или по меньшей мѣрѣ вѣроятною a priori. Товарищества и отдѣльные крестьяне могутъ приобрѣтать землю для перепродажи, для отдачи въ аренду другимъ крестьянамъ, для разныхъ цѣлей, вовсе не заслуживающихъ поощренія; высокая цифра ссудъ, доставшихся на ихъ долю, была бы явленіемъ не особенно утѣшительнымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не собрано подробныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ земель, перешедшихъ, съ помощью банка, въ руки покупателей этого рода. Помимо этого обстоятельства, впечатлѣніе, производимое первыми свѣдѣніями о дѣятельности банка, можетъ быть названо довольно благоприятнымъ. Покупная цѣна земли, вообще говоря, невысока; невысока также и цифра доплаты, производимой изъ собственныхъ средствъ покупателей. Есть основаніе надѣяться, что сдѣланная покупка не окажется, въ большинствѣ случаевъ, тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ для покупателей-крестьянъ и приведетъ къ дѣйствительному улучшенію ихъ быта. Весьма важно и то, что покупка земли дѣльными обществами встрѣчается даже въ такихъ губерніяхъ, гдѣ вовсе не существуетъ или мало развито общинное землевладѣніе (волинской, подольской, могилевской, полтавской). Нужно надѣяться, что съ открытіемъ дѣйствій банка въ губерніяхъ центральныхъ ¹⁾, процентъ покупателей-обществъ значительно возрастетъ; уже теперь онъ всего выше именно тамъ, гдѣ господствуетъ между крестьянами элементъ великорусскій (въ саратовской губерніи покупателями являются пока *только* сельскія общества). Нельзя не пожелать, чтобы на будущее время въ предназначенные для печати отчеты крестьянскаго банка входили свѣдѣнія и о причинахъ отказа въ выдачѣ ссудъ, и о званіи продавцевъ, и о числѣ ходатайствъ, поступающихъ въ отдѣленія банка. По причинамъ отказа можно будетъ, хоть отчасти, судить о томъ, принимается ли въ соображеніе *нужда* просителей въ землѣ, или же банкъ ограничивается разсмотрѣніемъ формальной стороны дѣла. Свѣдѣнія о званіи продавцевъ покажутъ, на чей счетъ расширяется крестьянское землевладѣніе; свѣдѣнія о числѣ ходатайствъ, поступающихъ въ отдѣленія банка, помогутъ опредѣлить величину спроса и предложенія на землю.

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о росписи на 1884 годъ видно, что въ самомъ началѣ текущаго года должно было послѣдовать открытіе еще семи отдѣленій крестьянскаго банка, такъ что дѣятельность его скоро будетъ обнимать собою восемнадцать губерній.

МОЗГОВОЕ УТОМЛЕНІЕ

И СПОСОБЫ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ЕГО.

За послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ, въ медицинской литературѣ стали все чаще и чаще появляться указанія на крайне вредныя послѣдствія мозгового утомленія подѣ влияніемъ однообразныхъ умственныхъ занятій какъ въ школахъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или вслѣдствіе временнаго, но чрезвычнаго напряженія мозга, хотя бы, напр., въ эпоху экзаменовъ. Въ то же время различные медицинскіе писатели, указывали, что подѣ влияніемъ утомленія мозга могутъ развиваться всевозможныя нервныя болѣзни, различныя разстройства въ растительной сферѣ и разнообразныя психическія страданія, диспепсін, эпилепсін и безконечное число другихъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней. Это еще не все. Другимъ фактомъ, поневолѣ обращающимъ на себя вниманіе каждаго, служитъ то, что прежніе психіатры почти что не затрогивали вопроса о душевныхъ разстройствахъ у дѣтей, тогда какъ въ настоящее время все чаще и чаще начинаютъ появляться работы, разбирающія вопросъ объ умопомѣшательствахъ въ нѣжныя дѣтскіе годы, вопросъ о самоубійствѣ дѣтей. Еще недавно мы читали въ газетахъ описаніе самоубійства ребенка, который убилъ себя потому, что „онъ не могъ выносить этого непрерывнаго одѣванья и переодѣванья!“ Ребенокъ, конечно, и не подозрѣвалъ какимъ безпощаднымъ приговоромъ надъ современнымъ способомъ воспитанія явится его послѣднія слова. Между тѣмъ, во всей медицинѣ ничто не производитъ болѣе безотраднaго, болѣе тяжелаго впечатлѣнія, какъ именно описанія случаевъ самоубійствъ среди дѣтей и юношей. Англійскій психіатръ Маудслей въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о волѣ, говоритъ, что съ мыслью о смерти насъ примиряетъ только одно полное истощеніе какъ центральной нервной системы, такъ и всего организма вообще. По его словамъ, „для людей, мозгъ которыхъ находится въ состояніи диссолюціи, и неспособенъ болѣе ни въ какой дѣятельности, смерть не только не страшна, но является даже желательной“, — и до такого-то состоянія въ современномъ намъ обществѣ доходятъ дѣти 8, 10, 12 лѣтъ, и наконецъ юноши, которые при естественномъ ходѣ развитія должны бы были находиться еще въ цвѣтѣ надеждъ и силъ. Съ своей стороны, стати-

стием показывается, что вообще число самоубийствъ и душевно-больныхъ увеличивается изъ года въ годъ, и въ виду этихъ фактовъ поневолѣ вспоминаются указанія нѣкоторыхъ невропатологовъ и психіатровъ на то, что мозговое переутомленіе въ школахъ, кромѣ случаевъ прямого заболѣванія, обуславливаетъ еще также у значительнаго числа субъектовъ подростающаго поколѣнія особое нестойкое состояніе нервной системы, дѣлающее ихъ менѣе способными къ борьбѣ съ различными вредными вліяніями. Люди съ нестойкой нервной системой попадаютъ въ жизнь, такъ сказать, безъ руля и безъ кормила, они сами зачастую не могутъ сказать, какъ они поступать, такъ какъ каждый толчокъ можетъ вызвать у нихъ, вслѣдствіе нестойкости ихъ нервныхъ элементовъ, не строго подчиненную дѣятельность нервныхъ центровъ, а беспорядочную игру ихъ, причемъ преобладаніе могутъ легко получить такіе элементы, которые завѣдуютъ совершенно чуждыми данному случаю представленіями, чувствами, стремленіями. Маудслей прямо указываетъ, что преступники по большей части состоятъ именно изъ людей съ подобной нестойкой, или патологической нервной системой; потому что въ основѣ многихъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней лежитъ именно болѣе или менѣе сильная подвижность, какъ отдѣльныхъ элементовъ, такъ и различныхъ мозговыхъ центровъ. Со свойственными ему глубиной и остроуміемъ, Маудслей доказываетъ далѣе, что всѣ процессы правильного развитія и, такъ сказать, роста мозга, ведутъ къ выработкѣ въ человѣкѣ все болѣе и болѣе цѣнныхъ социальныхъ качествъ, къ развитію высокой нравственности, къ единству, миру и братской любви въ человеческомъ обществѣ; тогда какъ процессы обратнаго типа, процессы разединенія, разрушенія мозговой ткани ведутъ къ развитію и къ преобладанію эгоистическихъ и анти-социальныхъ качествъ, къ отрицанію нравственности, къ отрицанію всякихъ великихъ идеаловъ, и порождаютъ склонность въ различнаго рода преступленіямъ.

Подобнаго рода подвижность нервной системы лежитъ также и въ основѣ того особеннаго, къ сожалѣнію часто встрѣчающагося состоянія, которое извѣстно подъ названіемъ истеріи. Между тѣмъ, такая нестойкость нервной системы приводитъ въ то же время къ развитію особенно сильной подражательности, примѣромъ чего могутъ служить, съ одной стороны, дикари и дѣти, обладающіе, какъ извѣстно, фізіологически нестойкой нервной системой, а съ другой — истеричные и вообще нервные субъекты, страдающіе патологически нестойкой нервной системой. Въ разсказахъ путешественниковъ мы встрѣчаемъ описанія того, какъ дикари, впервые встрѣчающіеся съ европейцами, невольно повторяютъ всѣ ихъ жесты, всѣ ихъ движе-

ніа, всѣ звуки ихъ языка, и тѣмъ, конечно, не мало забавляютъ и удивляютъ своихъ собесѣдниковъ. Подражательность дѣтей всѣмъ извѣстна. Подражательность истеричныхъ субъектовъ лежитъ въ основѣ всевозможныхъ психическихъ эпидемій, все равно, будутъ ли онѣ проявляться въ видѣ вступленной пляски или повальныхъ судорогъ или общихъ галлюцинацій, или въ видѣ увлеченія различными гипнотическими и спиритическими сеансами, различными мистическими и фанатическими идеями. По отчетамъ больницъ, можно прямо цифровыми данными доказать, что возрастаніе числа истеричныхъ больныхъ всегда бываетъ прямо пропорціонально размѣрамъ различныхъ подобныхъ психическихъ эпидемій.

Мы сказали, что дѣти сами по себѣ обладаютъ фізіологическою нестойкою нервной системой; въ виду этого задача воспитанія должна именно и сводиться къ тому, чтобы превратить эту нестойкость въ гармоничную, строго дисциплинированную дѣятельность различныхъ сложныхъ приборовъ мозга, безъ чего невозможно никакое сосредоточенное мышленіе, ни выработка сколько-нибудь цѣлостнаго характера. Между тѣмъ, всякое переутомленіе нервной системы ведетъ именно къ такой нестойкости нервной системы даже у взрослыхъ людей, уже обладающихъ болѣе или менѣе дисциплинированной, центральной нервной системой; а у дѣтей подобное переутомленіе должно, само собой разумѣется, дѣйствовать еще вреднѣе, и тѣмъ необходимѣе, потому, устранять дѣтей по возможности отъ всякаго переутомленія мозга. При этомъ, впрочемъ, не должно забывать, что мозговое утомленіе обусловливается по преимуществу однообразіемъ занятій, такъ что праздная и вмѣстѣ однообразная жизнь дѣйствуетъ опять не менѣе вредно на мозговые элементы. На это уже указывали неоднократно, и самую погоню свѣтскихъ людей за различными развлеченіями и удовольствіями объясняли именно инстинктивнымъ стремленіемъ ихъ предохранить свою нервную систему отъ разрушительнаго вліянія праздности и однообразія. Шопенгауеръ прямо говоритъ, что чѣмъ меньше данный субъектъ умѣетъ мыслить, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ различныхъ развлеченіяхъ; невропатологъ Самуэль Уильксъ называетъ развлеченія свѣтской жизни и самую суету ея „предохранительными клапанами“, которые спасаютъ многихъ людей отъ пагубныхъ послѣдствій однообразія праздной жизни, такъ какъ развлеченія эти, доставляя имъ болѣе или менѣе значительное число новыхъ впечатлѣній и новыхъ чувствъ, тѣмъ самымъ заставляютъ ихъ сколько-нибудь мыслить. Очень интересны также и наблюденія ученыхъ надъ морскими свинками, у которыхъ можно искусственно вызывать развитіе падучей болѣзни. Животныя эти при однообразной жизни въ клѣткѣ имѣли отъ 40 до 50 при-

падвовъ эпилепсін, несмотря на самый тщательный уходъ за ними и обильную пищу; когда же ихъ выпускали на свободу и имъ приходилось вести жизнь болѣе богатую какъ развлеченіями и интересами, такъ и лишениями, то припадки начинали у нихъ уменьшаться и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль даже совершенно исчезали—животныя выздоравливали.

Занимаясь изслѣдованіемъ измѣненій рѣчи и письма подѣ влияніемъ различныхъ болѣзненныхъ состояній, мы встрѣтились съ явленіями переутомленія лобныхъ долей, и, заинтересованные этимъ мало изслѣдованнымъ состояніемъ, стали внимательно слѣдить за его выраженіями. Когда наши наблюденія уже близились къ концу, появилась статья проф. Альтгауза, который то же самое болѣзненное переутомленіе лобныхъ долей (въ которыхъ, какъ извѣстно, локализируются центры рѣчи и письма) описалъ подѣ названіемъ „Астенія лобныхъ долей“. Признаки такой болѣе или менѣе сильной астеніи лобныхъ долей встрѣчаются у нашего цивилизованнаго класса общества до того часто и къ тому же въ такіе сравнительно молодые годы, что поневолѣ наводятъ на мысль, что первое основаніе этого рода болѣзненнаго состоянія кладется еще на школьныхъ скамьяхъ.

Мы сказали также, что утомленіе дѣлаетъ центральную нервную систему нестойкой; но, кромѣ того, оно можетъ до того истощить всѣ мозговые элементы, что для развитія тяжкаго мозгового страданія достаточно бываетъ даже вліянія незначительнаго вреднаго момента. Такъ, напримѣръ, Кричтонъ Броунъ ¹⁾, говоря о пагубномъ вліяніи мозгового утомленія для дѣтей извѣстнаго возраста, передаетъ, между прочимъ, случай, въ которомъ малокровная дѣвочка сохраняла, не смотря на постоянное переутомленіе мозга, свои умственныя способности въ обычной, повидимому, силѣ до тѣхъ поръ, пока она не схватила простого гриппа. Этой случайной и сравнительно легкой болѣзни оказалось достаточно для того, чтобы сразу вызвать давно подготавливавшуюся катастрофу—ребенокъ впалъ въ слабоуміе (*dementia acuta*), пересталъ говорить, началъ двигаться самопроизвольно и мыслительныя способности его были почти совершенно разрушены. А сколько подобныхъ случаевъ остается непонятыми и проходятъ незамѣченными! Всѣмъ намъ, конечно, приходилось слышать, что одна и та же болѣзнь, хотя бы, напримѣръ, тифъ, корь, скарлатина и даже простые катарры проходятъ въ однихъ случаяхъ легко, безъ малѣйшихъ мозговыхъ осложнений, а въ другихъ случаяхъ, напротивъ того, при нихъ наблюдаются очень тяжелые мозговые при-

¹⁾ West Riding Lunatic Asylum Reports, 1874, т. 4.

паден. Быть можетъ, еслибы мы подробно могли знать въ каждомъ случаѣ предварительное состояніе центральной нервной системы, то мы бы убѣдились, что мозговые осложненія развиваются только у тѣхъ субъектовъ, мозговые силы которыхъ были истощены, которые уже страдали отъ мозгового переутомленія. Во всякомъ случаѣ, такой опытный наблюдатель, какъ Кричтонъ Броунъ, прямо заявляетъ, что ему часто приходилось видѣть, какъ здоровыя прежде дѣти впадали въ слабоуміе подъ вліяніемъ чрезмернаго утомленія мозга въ школахъ. Для вѣрнаго обсужденія значенія мозгового переутомленія, или астеніи, не должно забывать, что въ силу закона наслѣдственности всякое уклоненіе, всякое нарушеніе правильнаго хода развитія мозга не проходитъ безнаказанно; оно мститъ за себя, во-первыхъ, тѣмъ, что здоровье субъектовъ даннаго поколѣнія бываетъ болѣе или менѣе серьезно разстроено; а во-вторыхъ, также еще и тѣмъ, что у людей съ утомленной нервной системой и дѣти рождаются съ болѣе или менѣе неблагоприятными зачатками, или другими словами, нестойкость ихъ нервной системы оказывается уже не физиологической, а чисто патологической. Маудслей прямо говоритъ, что мозгъ многихъ дѣтей былъ уже перерожденъ прежде, чѣмъ онъ былъ рожденъ. Слѣдовательно, если дѣти наши, и вообще молодое поколѣніе подвергается въ нашихъ школахъ мозговому переутомленію, то тѣмъ самымъ подрывается не только ихъ здоровье, но и здоровье послѣдующихъ поколѣній, и такимъ образомъ наносится вредъ не только отдѣльнымъ личностямъ, отдѣльнымъ семьямъ, но и цѣлому государству, и при томъ не только въ данное время, но и на неопредѣленное число лѣтъ. Итакъ, всякое переутомленіе мозга неизбежно ведетъ къ нарушенію гармоничной, координированной дѣятельности нервныхъ центровъ и элементовъ, къ процессамъ диссолюціи или разъединенія, и въ результатъ этого получается преобладаніе эгонистическихъ, разъединяющихъ, анти-соціальныхъ, по выраженію Маудслея, тенденцій, и вырожденіе человѣческаго типа. „Каждый человѣкъ,—говоритъ англійскій психіатръ,—идетъ въ своей жизни или по пути постоянной эволюціи мозга, или по обратному пути диссолюціи мозга и вырожденія человѣческаго типа, и свою склонность къ тому или иному направленію онъ передаетъ также и своимъ потомкамъ“.

Въ виду такого серьезнаго и пагубнаго значенія всякаго мозгового переутомленія естественно является вопросъ о томъ, какъ опредѣлить то количество умственной работы, которую безнаказанно могутъ выполнять различные субъекты? У взрослыхъ людей первые признаки астеніи лобныхъ долей въ письмѣ и въ рѣчи могутъ сами указать на грозящую опасность; но у дѣтей, не умѣющихъ еще вѣрно писать, какъ отличить первыя явленія астеніи лобныхъ долей отъ

простой небрежности ребенка и невнимательности? Дети еще физиологически обладают нестойкой нервной системой, и вследствие того они неспособны бывают ни к сосредоточенному вниманию, ни к сосредоточенной мысли. Задача воспитания сводится потому на то, чтобы развить в молодом подрастающем поколении привычку к дисциплинированной, строго упорядоченной деятельности мозговых элементов и центров, чтобы развить в них внимание, дать им известный запас подобранных представлений и идей и т. д. Имѣя дѣло съ физиологически недоразвитыми еще, такъ сказать, организмами, какъ опредѣлить у нихъ первое появленіе мозгового переутомленія и какъ отличить его отъ явленій недоразвитія мозга и отъ явленій физиологическаго утомленія, т.-е. того утомленія, которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой дѣятельности, какъ мышечной, такъ и мозговой? Для нормальнаго развитія мозга такъ же необходима дѣятельная работа его отдѣльных частей, какъ и для развитія мышечной системы; но какъ при гимнастикѣ стараются избѣгать всякаго чрезмѣрнаго утомленія, такъ и при упражненіяхъ мозга слѣдуетъ тщательно устранять всякую возможность переутомленія. Спрашивается теперь: какъ узнать первое появленіе мозгового переутомленія у дѣтей? Готоваго способа опредѣленія, готоваго мѣрила у насъ, къ сожалѣнію, еще нѣтъ, его приходится пока вырабатывать. Такое положеніе дѣла, впрочемъ, вполне понятно въ виду того отчужденія, которое установилось между различными науками; между тѣмъ, какъ въ человѣческомъ обществѣ вообще, такъ и въ наукѣ, успѣшное развитіе возможно только подъ условіемъ взаимной помощи, а всякая рознь, всякое отчужденіе и разъединеніе неизбѣжно должны тормозить и останавливать дѣло развитія. Позволимъ себѣ пояснить эту мысль примѣромъ: въ медицинскій литературѣ существуютъ наблюденія, доказывающія, что сначала дѣти спятъ одинаково часто и на лѣвомъ и на правомъ боку и на спинѣ, а затѣмъ мало-по-малу складывается привычка спать по преимуществу на правомъ боку, и въ то же время извѣстно, что воспаленіе легкихъ вдвое чаще встрѣчается на правой сторонѣ. Такъ, по Пеллетану, воспаленіе лѣваго легкаго относится къ воспаленію праваго, какъ 1 къ 2,5; а по Андраго, какъ 1 къ 2. Осборнъ прямо говоритъ: наводя справки, онъ постоянно убѣждался, что у людей, спящихъ на лѣвомъ боку, всегда развивалось и воспаленіе лѣваго легкаго, и наоборотъ, у спящихъ на правомъ боку и воспаленіе локализовалось въ правомъ легкомъ. На то же самое указывалъ и Лонбаръ, и другіе. Между тѣмъ, наблюденія эти лежатъ, такъ сказать, мертвымъ капиталомъ, хотя выводъ изъ нихъ ясенъ: слѣдуетъ наблюдать затѣмъ, чтобы у дѣтей не вырабатывалась пагубная привычка спать постоянно на одномъ боку. Но воз-

вернемся къ интересующему насъ въ данную минуту вопросу. Готовыхъ методовъ для опредѣленія количества дозволительной мозговой работы для дѣтей того или иного возраста у насъ нѣтъ; но въ медицинской литературѣ разсѣяны отдѣльными довольно многочисленными наблюденіями, которыя указываютъ намъ, какого пути слѣдуетъ держаться, какими приемами можно воспользоваться для достиженія желаемой цѣли. Такъ, напримѣръ, наблюденія надъ здоровыми людьми, съ одной стороны (Эксеръ, Горнъ, Саго, Виннигау и другіе), и надъ душевно-больными, съ другой (Цезарь Ломброзо, Такацъ), показали, что тѣмъ выше интеллектуальное развитіе того или иного субъекта, тѣмъ быстрее совершается у него и проведеніе различныхъ возбужденій до сознанія, и наоборотъ, тѣмъ глубже бываютъ разстроены умственные силы того или иного лица, тѣмъ и проведеніе ощущеній совершается медленнѣе. Кромѣ того, извѣстно, что время, необходимое для того, чтобы при полученіи того или иного ощущенія въ рукѣ произведено было опредѣленное движеніе, оказывается тѣмъ длиннѣе, чѣмъ болѣе утомленъ субъектъ, употребляемый для опытовъ; далѣе, извѣстно, что у молодыхъ людей, имѣющихъ лѣтъ двадцать съ небольшимъ, время такой реакціи, по наблюденіямъ Экснера, колебалось между 0,1295 секундъ и 0,3811 сек.; тогда какъ у 77-лѣтняго старика оно оказалось равнымъ 0,9952 сек. Несомнѣнно также, что всѣ моменты, мѣшающіе сосредоточиванію вниманія, значительно удлиняютъ время реакціи; а между тѣмъ, каждому изъ собственного опыта извѣстно, что подъ вліяніемъ утомленія вниманіе ослабѣваетъ очень рѣзко. Кромѣ того, мы знаемъ, главнымъ образомъ, изъ наблюденій астрономовъ надъ такъ-называемымъ „личнымъ уравненіемъ“, что время реакціи представляетъ извѣстныя индивидуальныя особенности; такъ, напримѣръ, реакціонный періодъ у русскаго астронома Струве былъ длиннѣе, чѣмъ такой же реакціонный періодъ у Весселя, и разница колебалась съ 0,04 до 1,02 секунды; но постоянно въ теченіе 20 лѣтъ оказывалась въ пользу Весселя. Это еще не все: изъ имѣющихся въ физиологической литературѣ наблюденій Виннигау и Дитля мы знаемъ, что подъ вліяніемъ подавляющаго аффекта (сильное горе, вслѣдствіе печальнаго извѣстія) время реакціи оказывалось удлинненнымъ на 0,011 и 0,027 секундъ, и это длилось въ теченіе нѣсколькихъ дней. Тѣ же самые наблюдатели нашли, что во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ время реакціи бываетъ значительно больше, чѣмъ въ зимніе мѣсяцы; между тѣмъ, каждому изъ собственного опыта понятно, насколько вяло работаетъ мысль въ жаркіе лѣтніе дни, и Бюль въ своей исторіи цивилизаціи указывалъ уже, въ какой степени неблагоприятенъ бываетъ жаркій климатъ для развитія цивилизаціи вообще.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, мы имѣемъ полное право утверждать, что опредѣленіе времени реакціи руки на руку, глаза на руку, уха на руку, даетъ намъ возможность слѣдить за нормальнымъ ходомъ развитія дѣтей и улавливать у нихъ первые признаки появляющагося утомленія, потому что всякое пониженіе средней быстроты времени реакціи несомнѣнно будетъ указывать на утомленіе мозга. Мы говоримъ о средней быстротѣ, потому что время реакціи должно колебаться у одного и того же субъекта, смотря по времени дня, по настроенію и тому подобнымъ условіямъ; но этого рода колебанія могутъ быть признаны лежащими еще въ нормальныхъ физиологическихъ границахъ. При производствѣ подобнаго рода опредѣленій необходимо, кромѣ того, помнить, что введеніе въ организмъ кофе или умѣренныхъ количествъ спиртныхъ напитковъ уменьшаетъ періодъ реакціи (Джесперъ), и слѣдовательно, для полученія чистыхъ результатовъ подобнаго рода вліянія должны быть исключаемы. Ускоряющимъ образомъ на полученіе реакціи при этого рода опытахъ дѣйствуетъ, конечно, также и упражненіе; такъ, напр., у вышеупомянутаго старика время реакціи, подъ вліяніемъ упражненія, уменьшилось въ теченіе 10 дней съ 0,9952 сек. на 0,3576, а въ теченіе послѣдующихъ шести мѣсяцевъ — на 0,1866 сек. Индивидуальныя колебанія во времени реакціи, по наблюденіямъ Гирша, могутъ равняться 0,033 сек. и на 0,064 сек.; слѣдовательно, они могутъ быть довольно значительны.

Опредѣленіе времени реакціи можетъ производиться различнымъ образомъ; но наиболѣе удобнымъ намъ кажется слѣдующій: испытуемому субъекту объясняютъ, что въ тотъ моментъ, когда онъ почувствуетъ прикосновеніе къ рукѣ, или когда онъ увидитъ искру, или когда онъ услышитъ звукъ, онъ долженъ надавить на рычагъ электрическаго механизма, особаго устройства, приноврѣннаго для подобныхъ наблюденій. Само собой разумѣется, что онъ долженъ при этомъ сидѣть такъ, чтобы палецъ его уже находился на рычагѣ. Въ моментъ прикосновенія, положимъ, къ лѣвой рукѣ испытуемаго субъекта, токъ замыкается вслѣдствіе того, что оба электрода прикладываются не прямо къ кожѣ, а къ лежащей на ней тонкой и мягкой металлической пластинкѣ, и вслѣдствіе этого моментъ тактильнаго раздраженія тотчасъ отиѣчается на барабанѣ. Надавливая на рычагъ, испытуемый субъектъ даетъ вторую отиѣтку на барабанѣ, такъ какъ при этомъ токъ размыкается. Имѣя въ то же самое время кривую, написанную камертономъ, дѣлающимъ опредѣленное число колебаній въ секунду, мы можемъ прямо высчитать, сколько употреблено было времени на то, чтобы данное тактильное впечатлѣніе успѣло добѣжать до центровъ, поступить въ сознаніе въ видѣ опредѣленнаго

ощущенія, и чтобы затѣмъ испытуемый субъектъ успѣлъ бы дать необходимый волевой импульсъ для опредѣленнаго движенія и произвести это послѣднее. При опредѣленіи времени реакціи глаза на руку, вмѣсто тактильнаго ощущенія, испытуемый субъектъ отмѣчаетъ надавливаніемъ на рычагъ тотъ моментъ, когда онъ видитъ электрическую искру; а при опредѣленіи времени реакціи уха на руку, онъ отмѣчаетъ моментъ появленія въ телефонѣ звука.

Такой способъ опредѣленія времени реакціи удобенъ, между прочимъ, еще и потому, что даетъ возможность почти при одинаковой постановкѣ опытовъ производить опредѣленія времени реакціи руки на руку, глаза на руку и уха на руку; тогда какъ, напр., хроноскопъ Гисса можетъ быть употребляемъ только для опредѣленія времени реакціи глаза на руку (принципъ слѣдующій: очень вѣрный часовой механизмъ ходитъ, а указатель съ очень мелкими дѣленіями приводится въ движеніе при помощи электромагнита; надавливаніе на клавишу въ моментъ выскакиванія искры останавливаетъ стрѣлку-указатель).

Высчитывая изъ получаемой нами цифры для общаго времени реакціи то время, которое требуется на центростремительные и центробѣжные импульсы, мы добудемъ такъ называемый „сокращенный періодъ реакціи“, т.-е. то время, которое затрачивается на процессы въ центральной нервной системѣ. Впрочемъ, для нашихъ цѣлей вовсе нѣтъ надобности опредѣлять сокращенный періодъ реакціи, потому что, во-1-хъ, нервы утомляются очень мало, а по послѣднимъ изслѣдованіямъ г. Введенскаго, повидимому, даже и вовсе не утомляются, и, слѣдовательно, замедленіе періода реакціи прямо будетъ зависѣть отъ замедленія процессовъ въ элементахъ мозга; а во-2-хъ, во всѣхъ наблюденіяхъ условія опыта останутся, одинаковыми, и потому сравненіе будетъ имѣть полную силу.

Для опредѣленія времени реакціи Эксперъ придумалъ, для практическихъ врачей, особый приборъ, названный имъ *нейрамебиметръ*, въ которомъ металлическая пружинка записываетъ свои колебанія на законченной стеклянной пластинкѣ, приводимой въ движеніе рукой. Испытуемыхъ просятъ подавить на пружинку какъ только они замѣтятъ, что она движется; давленіе останавливаетъ ее, и по числу написанныхъ ею на стеклѣ штриховъ судятъ о продолжительности времени реакціи. Само собой понятно, что особенно точныхъ результатовъ съ этимъ *нейрамебиметромъ* получить невозможно.

Прежде, чѣмъ покончить съ вопросомъ объ опредѣленіи времени реакціи, мы должны еще упомянуть о томъ, что для полученія точныхъ результатовъ сила употребляемаго раздраженія должна быть всегда одинаковая,—такъ какъ, чѣмъ сильнѣе бываетъ употребленное

раздраженіе, тѣмъ короче оказывается и время реакціи, конечно, въ извѣстныхъ границахъ.

Перейдемъ теперь къ психометрическимъ наблюденіямъ. Первый, попытавшійся опредѣлить быстроту самой ассоціаціи представленій и количество послѣднихъ въ памяти, былъ Гальтонъ. Способъ его изслѣдованія состоялъ изъ слѣдующаго: на полосѣ бумаги выписывалось 75 словъ; давъ пройти нѣсколькимъ днямъ для того, чтобы слова эти могли исчезнуть изъ памяти, Гальтонъ приступалъ къ самому опыту. Полоса бумаги при этомъ помѣщалась подъ книгу и затѣмъ постепенно выдвигалась такъ, чтобы каждый разъ открывалось одно только слово. Гальтонъ сосредоточивалъ вниманіе на открытомъ словѣ, моментъ появленія котораго онъ отмѣчалъ на хронографѣ тѣмъ, что надавливалъ на пружину и тѣмъ пускалъ его въ ходъ. Потомъ онъ замѣчалъ появляющіяся у него въ связи съ прочитаннымъ словомъ представленія и идеи, и послѣ появленія нѣсколькихъ, обыкновенно двухъ ассоціацій, онъ останавливалъ снова хронографъ, а появившіяся — было ассоціаціи отмѣчалъ на листѣ бумаги. Такимъ образомъ онъ поступалъ со всѣми 75 словами. По окончаніи опыта, онъ пряталъ бумагу съ написанными на ней словами, и давъ пройти болѣе или менѣе значительному промежутку времени, повторялъ тотъ же самый опытъ, и такъ до четырехъ разъ. Эти повторенія онъ считалъ необходимымъ для того, чтобы выяснить, насколько часто будетъ встрѣчаться повтореніе однихъ и тѣхъ же ассоціацій. Въ результатъ оказалось, что у Гальтона явилось 505 ассоціированныхъ представленій, и 13 разъ онъ не могъ отмѣтить ничего опредѣленнаго. На появленіе 505 ассоціацій потребовалось 660 секундъ; слѣдовательно, на минуту приходилось по 50 ассоціированныхъ представленій; изъ нихъ 289 оказались различными, остальные состояли изъ повтореній. Изъ этой частой повторяемости однихъ и тѣхъ же ассоціацій Гальтонъ прямо выводилъ то заключеніе, что память можетъ вмѣщать сравнительно не особенно значительное число представленій и идей, и что для появленія ассоціацій главнымъ образомъ нужны хорошо проторенные, вслѣдствіе частаго употребленія, пути.

Фактъ этотъ имѣетъ большую важность въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ онъ доказываетъ, во-1-хъ, необходимость частаго повторенія въ классѣ тѣхъ фактовъ, знаніе которыхъ признается безусловно необходимымъ для учениковъ; а во-2-хъ, доказываетъ также, что переполненіе памяти массой мелкихъ фактовъ и подробностей, не можетъ считаться цѣлесообразнымъ, — такъ какъ въ самомъ благоприятномъ случаѣ это поведетъ только къ безплодной затратѣ силъ, ибо ученики все, равно, быстро забудутъ всѣ подобныя

знанія; но въ то же время чрезмѣрное, хотя бы и временное напряженіе памяти можетъ вызвать переутомленіе мозга со всѣми его вредными послѣдствіями. Возвращаясь, однако, къ изложенію результатовъ, полученныхъ Гальтономъ.

Въ 124 случаяхъ Гальтону удалось опредѣлить время образованія отдѣльныхъ ассоціацій съ тѣмъ или инымъ словомъ, и такимъ образомъ выяснилось, что представленій, приобрѣтенныхъ въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ въ его опытахъ, оказалось 48; тогда какъ 58 принадлежали зрѣлому возрасту, а всего только 19 ассоциированныхъ представленій оказались заимствованными изъ самыхъ недавнихъ событій его жизни. Интересно далѣе то обстоятельство, что изъ первой группы, т.-е. изъ представленій, приобрѣтенныхъ въ годы дѣтства и юности, *одна четверть* оказалась повторяющейся во всѣхъ четырехъ опытахъ; изъ представленій второй группы *одна шестая* встрѣчалась во всѣхъ четырехъ опытахъ; а изъ третьей группы, т.-е. изъ представленій самаго послѣдняго времени, ни одно не повторялось во всѣхъ четырехъ опытахъ. Такимъ образомъ, говоритъ Гальтонъ, доказывается, что приобрѣтенныя въ дѣтствѣ и юности представленія обладаютъ особенной стойкостью и очень легко ассоциируются. Далѣе, при только что описанныхъ опытахъ, Гальтонъ убѣдился въ сильномъ преобладаніи въ ассоціаціяхъ языка жестовъ и мимики; такъ, напр., слово: униженіе—вызывало въ его умѣ представленіе о его собственной особѣ съ опущенной головой, съ полузакрытыми глазами и съ выраженіемъ униженности во всей фигурѣ и въ лицѣ. Фактъ этотъ интересенъ, такъ какъ онъ съ своей стороны подтверждаетъ законъ, гласящій, что наиболѣе раннія приобрѣтенія центральной нервной системы отличаются особенною стойкостью. Извѣстно также, что языкъ жестовъ и мимики въ случаяхъ болѣзни сохраняется дольше словесной рѣчи.

Мы нѣсколько дольше остановились на работѣ Гальтона именно для того, чтобы показать, какіе многосторонніе и интересные вопросы могутъ быть затронуты и выяснены путемъ психо-метрическаго способа изслѣдованія, которымъ въ то же время можно пользоваться и для опредѣленія какъ успѣшнаго хода развитія учениковъ, такъ и появленія у нихъ признаковъ мозгового утомленія.

Но мы въ своихъ опытахъ нѣсколько видоизмѣнили способъ Гальтона, а именно, замѣнили полосу выдвигаемой изъ-подъ книги бумаги двустворчатыми дверцами или воротцами, стоящими вертикально на столѣ. За эти дверцы можно помѣщать или картонъ съ напечатанными или написанными словами, или рисунки и различные предметы. Воротца эти, быстро отворяясь, при надавливаніи на конецъ удерживающаго ихъ крючка, замыкаютъ токъ, и такимъ образомъ моментъ появленія слова,

рисунка, или предмета, передъ глазами отмѣчается на вертящемся барабанѣ; затѣмъ, испытуемый субъектъ, надавливая на рычагъ, размыкаетъ токъ въ моментъ воспріятія предмета и тотчасъ же снимаетъ палецъ съ рычага. Являющіяся у него идеи или представленія онъ долженъ называть громко и каждый разъ надавливать пальцемъ на рычагъ, размыкающій токъ; такимъ образомъ, мы получаемъ возможность точно опредѣлить время появленія отдѣльных ассоціацій. При этомъ наблюдатель записываетъ являющіяся у него ассоціаціи. Изъ немногихъ произведенныхъ мною опытовъ ясно вытекаетъ только одно, а именно: число ассоціацій бываетъ несравненно обильнѣе, и появленіе ихъ совершается гораздо быстрѣе, если, вмѣсто словъ, глазамъ испытуемыхъ представляются или рисунки, или еще лучше—предметы. Фактъ этотъ съ своей стороны доказываетъ, насколько важное значеніе имѣетъ наглядное обученіе. Само собой понятно, что всякое утомленіе, а тѣмъ паче мозговое, въ рѣзкой степени отражается на быстротѣ появленія ассоціацій и на числѣ ихъ, и въ виду того этимъ способомъ и можно пользоваться для опредѣленія первыхъ признаковъ мозгового переутомленія.

Опредѣленія быстроты различныхъ несложныхъ актовъ мышленія производятся посредствомъ нѣсколько видоизмѣненнаго способа для опредѣленія времени реакціи; а именно, испытуемымъ субъектамъ задается какая-нибудь задача, такъ, напр., отъ нихъ требуютъ, чтобы они надавливали на рычагъ только тогда, когда, изъ двухъ избранныхъ для этого мѣстъ кожи, электроды будутъ приложены къ одному опредѣленному. Или ихъ заставляютъ выбирать одну между пятью гласными и давать сигналъ только тогда, когда они слышатъ гласную, опредѣленную заранее. Кромѣ того, можно также замѣнить высказывающую искру появленіемъ какой-нибудь написанной фразы или задачи, которую испытуемый долженъ быстро прочесть или рѣшить, прежде чѣмъ онъ дастъ сигналъ подавливаніемъ на рычагъ. Зная обыкновенное время реакціи у даннаго субъекта, мы легко можемъ высчитать, сколько онъ затратилъ на тотъ или иной несложный актъ мышленія.

Въ виду того, что различные люди думаютъ, читаютъ, говорятъ съ различной быстротой, естественно является предположеніе, что въ каждомъ классѣ должны имѣться дѣти, которыя не могутъ надлежащимъ образомъ слѣдить за преподаваніемъ, потому что оно совершается для нихъ или слишкомъ быстро, или слишкомъ медленно. Вредныя послѣдствія подобнаго несоотвѣтствія понятны само собой, и потому было бы крайне желательно найти такіе приемы, которые бы давали возможность опредѣлять для каждаго субъекта ту скорость и ту медленность, какъ писаной, такъ и словесной рѣчи, при которой

она перестаетъ быть легко усваиваемой. Къ сожалѣнію, способъ изслѣдованія въ этомъ направленіи еще не имѣется вовсе, и ихъ придется еще создавать. Само собой понятно, что разъ подобные способы будутъ найдены, — они дадутъ намъ возможность опредѣлять также и мозговое утомленіе, такъ какъ утомленный мозгъ будетъ далеко не такъ быстро схватывать смыслъ прочитанной или произнесенной фразы. Для чтенія можно, пожалуй, употребить вертящійся барабанъ, на который помѣщаются печатныя или писанныя отдѣльныя фразы; весь барабанъ прикрывается неподвижнымъ футляромъ, снабженнымъ окошкомъ, черезъ которое и видѣются поочередно или отдѣльныя буквы, или отдѣльныя слова избранной для опыта фразы. Скорость вращенія барабана можетъ быть измѣняема по желанію, и затѣмъ придется опредѣлять, при какой скорости вращенія данный субъектъ будетъ всего вѣрнѣе схватывать смыслъ той или иной фразы. Для словесной рѣчи устроить подобнаго рода приспособленіе будетъ гораздо труднѣе, такъ какъ фонографъ произносить при извѣстной скорости такъ неясно, что ничего нельзя разобрать. Во всякомъ случаѣ, мы считали необходимымъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла, такъ какъ понятно, что дѣти, для которыхъ преподаваніе оказывается слишкомъ быстрымъ, при всемъ своемъ прилежаніи не въ состояніи будутъ поспѣвать за классомъ, и совершенно незаслуженно будутъ отнесены къ числу или лѣнивыхъ, или неспособныхъ учениковъ. Между тѣмъ, извѣстная медленность всѣхъ мозговыхъ процессовъ нисколько не исключаетъ возможности развитія въ данномъ субъектѣ значительныхъ мозговыхъ силъ, и для общества крайне невыгодно терять подобныя силы вслѣдствіе того, что преподаваніе не соответствовало индивидуальнымъ особенностямъ ихъ мозга. Не менѣе вредны могутъ оказаться послѣдствія и въ противоположномъ случаѣ, такъ какъ дѣти, для которыхъ преподаваніе окажется несоответственно медленнымъ, по-неволѣ станутъ невнимательными, по-неволѣ привыкнутъ ни на чемъ не сосредоточивать своего вниманія, а схватывать все на лету, мимоходомъ. Сосредоточить свое вниманіе на медленно текущей рѣчи человѣку, который вслѣдствіе индивидуальныхъ особенностей своей нервной системы думаетъ быстро, оказывается очень трудной задачей, и мы знаемъ взрослыхъ людей, у которыхъ подобнаго рода усиліе всегда оканчивается головной болью.

Разбирать подробно статистическіе и большинство физическихъ и химическихъ способъ изслѣдованія—совершенно излишне, такъ какъ они принадлежатъ къ числу общезвѣстныхъ. Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ изслѣдованіи кожный-но-сухожильнаго рефлекса и парадоксальнаго сокращенія Вест-

фала. Сухожильными рефлексами называются тѣ сокращенія мышцъ, которыя появляются при похлопываніи по сухожилію. Самымъ отчетливымъ оказывается рефлексъ, получаемый съ колѣннаго сухожилія, ударъ по которому вызываетъ отраженное сокращеніе мышцъ разгибателей бедра. Это явленіе имѣетъ особое значеніе, потому что при извѣстныхъ болѣзняхъ спинного мозга онъ бываетъ усиленъ, а въ другихъ ослабленъ. Въ то же время изслѣдованія Бергера, Эйленбурга, Блоха и Пелицеуса показали, что отсутствіе колѣнно-сухожильнаго рефлекса встрѣчается иногда также и у здоровыхъ, повидимому, субъектовъ. Въ Германіи, между прочимъ, изслѣдовано было болѣе 3,000 дѣтей въ школахъ по колѣнно-сухожильному рефлексу, и при этомъ оказалось, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ совершенно отсутствуетъ, у другихъ отсутствуетъ временно, исчезая вслѣдъ за тяжелыми истощающими болѣзнями и появляясь по мѣрѣ восстановленія силъ и здоровья; у третьихъ, наконецъ, отсутствіе этого рефлекса оказывалось, такъ сказать, перемежающимся; онъ, днями, то исчезалъ, то появлялся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ существовало наследственное предрасположеніе къ болѣзнямъ спинного мозга. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ естественно является предположеніе о томъ, что быть можетъ временное исчезновеніе колѣнно-сухожильнаго рефлекса находится въ тѣсной связи съ переутомленіемъ всей центральной нервной системы у дѣтей съ наследственнымъ предрасположеніемъ къ спинно-мозговымъ страданіямъ.

Что касается до парадоксальнаго сокращенія Вестфала, то явленіе это состоитъ въ слѣдующемъ: при расслабленіи мышцы, вслѣдствіе пассивнаго сближенія мѣстъ ея прикрѣпленія, она приходитъ въ судорожное сокращеніе и остается въ такомъ состояніи болѣе или менѣе долгое время, даже 27 минутъ. Особенно наглядно это явленіе получается на передней большеберцовой мышцѣ. Вестфаль и другіе наблюдатели (Эрленмейеръ, Мендельсонъ) приписываютъ этому явленію извѣстное значеніе въ діагностикѣ нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней, но для насъ важно то, что оно наблюдается часто при томъ нестойкомъ состояніи центральной нервной системы, которое извѣстно подъ названіемъ истеріи. Появленіе этого явленія у здоровыхъ дѣтей можетъ, пожалуй, оказаться цѣннымъ указаніемъ на присутствіе извѣстной нестойкости въ центральной нервной системѣ; но, конечно, пока это остается однимъ предположеніемъ. Нужны еще наблюденія для выясненія этого вопроса.

Прежде, чѣмъ покончить сдѣланное нами указаніе на существующіе приемы изслѣдованій для опредѣленія мозгового утомленія у дѣтей, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на одно обстоятельство, а именно, на то, что какъ при примѣненіи способа опредѣленія вре-

мени реакцій, такъ и при употребленіи психометрическихъ методовъ изслѣдованія, очень многое зависитъ отъ того, знаетъ или не знаетъ изслѣдуемый цѣль изслѣдованія; иначе при значительномъ преобладаніи субъективнаго элемента въ опредѣленіяхъ этого рода, легко могутъ появиться симуляціи, въ видахъ достиженія того или иного послабленія школьной дисциплины. Впрочемъ, опытный глазъ педагоговъ сзумѣетъ, конечно, отличить ложь отъ правды, тѣмъ болѣе, что произвольныя, намѣренныя замедленія легко могутъ оказаться неестественно великими.

Производя наблюденія въ школахъ по только-что указаннымъ способамъ, мы, конечно, современемъ можемъ получить, помимо прямо имѣющейся въ виду цѣли, еще много другихъ цѣнныхъ научныхъ фактовъ; и такимъ образомъ школа не останется въ долгу у тѣхъ наукъ, у которыхъ она принуждена будетъ заимствовать методы изслѣдованія; она съ лихвой возвратитъ имъ свой долгъ выясненіемъ такихъ вопросовъ въ фивіологій органовъ чувствъ и въ психофивіологій, которые безъ ея участія по необходимости должны оставаться темными.

М. МАНАССЕННА.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое февраля, 1884.

Колебанія во внѣшней политикѣ.—Князь Бисмаркъ и Эдуардъ Ласкеръ.—Особенности Ласкера, какъ оратора и парламентскаго дѣятеля.—Политическіе нравы «патріотовъ».—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Рабочій вопросъ.—Соціалистическія партіи и ихъ взаимное соперничество.—Политика рабочаго класса.—Мнимая ересь предсудомъ французскихъ академиковъ-экономистовъ.—Пропаганда опасныхъ идей, и отношеніе къ нимъ въ Англіи.

Политика имѣетъ свои приливы и отливы: то выступаетъ она шумно на первый планъ и завладѣваетъ общимъ вниманіемъ, то снова ступенывается и вытѣсняется заботами внутренней жизни государствъ. Теперь наступилъ отливъ. Последнія волны международныхъ отношеній улеглись въ Европѣ, и газетные толки о войнѣ прекратились на время. Никто уже не говоритъ о скоромъ нашествіи иноплемennыхъ. Нѣмецкіе и австрійскіе патріоты, обнаруживавшіе безпокойство по поводу невѣдомыхъ плановъ молчаливой Рос-

сія, успокоились отчасти послѣ примирительной поѣздки русскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Вѣну.

Почему же раньше толковали о неминуемомъ будто бы столкновеніи между Австріею и Россіею? Русскій министръ, въ разговорѣ съ редакторомъ одной вѣнской газеты, остроумно объяснилъ это обстоятельство тѣмъ, что австро-русской войны еще не было: то, чего люди не видѣли и не испытали, становится обыкновенно предметомъ любопытства и ожиданія, даже безъ всякихъ серьезныхъ къ тому мотивовъ. Притомъ русскій народъ представляется какимъ-то угрожающимъ сфинксомъ въ глазахъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Русскій народъ молчитъ,—значить, онъ задумываетъ нѣчто противъ Европы. Русскій народъ мало хлопочетъ о внутреннихъ дѣлахъ и преобразованіяхъ,—значить, въ немъ зрѣетъ рѣшимость броситься въ область вышнихъ предпріятій. Правительство заявляетъ вполне миролюбивыя намѣренія,—изъ этого выводять, что оно откладываетъ свои проекты до болѣе удобныхъ временъ, до устройства какого-нибудь союза или до окончанія военныхъ приготовленій. Миръ превращается въ постоянное перемиріе, и политическое равновѣсіе колеблется при малѣйшемъ признакѣ недовѣрія или натаанутости въ сферахъ дипломатіи. Самыя невинныя путешествія принцевъ и министровъ принимаются за симптомы настроенія государствъ, возводятся на степень важныхъ событій и, дѣйствительно, получаютъ серьезное значеніе,—ибо нѣтъ никакого правильнаго мѣрила для оцѣнки таинственныхъ предположеній и дѣйствій, приписываемыхъ кабинетамъ, при безучастной скромности народовъ. Иногда свиданія сановниковъ означаютъ миръ; иногда они предвѣщаютъ грозу; на этотъ разъ дѣло клонится къ затишью. Официозные органы Берлина ищутъ новый поводъ превозносить князя Бисмарка за „великія блага“ вооруженной безопасности, которыми онъ надѣлилъ нѣмецкую націю.

Но за отсутствіемъ жгучихъ вышнихъ вопросовъ общественное мнѣніе невольно направляется внутрь и находитъ замѣтную скудость въ политической жизни страны. Широкое національное теченіе, принесшее столько хорошихъ плодовъ въ Германіи, значительно съузилося и во многихъ случаяхъ даже изсякло, подъ вліяніемъ новой охранительной системы имперскаго канцлера. Около Бисмарка все болѣе увеличивается пустота; лучшіе люди ушли отъ него или устранины имъ отъ дѣлъ; наиболѣе видные бойцы объединенія и свободы принуждены были покинуть парламентскую арену или перейти въ пассивную оппозицію, уступивъ мѣсто безличнымъ карьеристамъ и недалекимъ консерваторамъ. Внутренняя политика получила характеръ однообразія и застоя; соціальныя реформы, предложенныя правительствомъ, не подвинулись ни на шагъ; клерикаль-

ная партія центра играетъ роль, далеко превышающую ея дѣйствительное значеніе въ народѣ. Бесплодность консервативной эры, сравнительно съ недавнимъ либеральнымъ прошлымъ, освѣтилась особенно ярко надъ свѣжею могилою Эдуарда Ласкера, одного изъ наиболѣе даровитыхъ дѣятелей нѣмецкаго либерализма. Надъ этою могилою даже самые вѣрные поклонники канцлера должны были почувствовать нѣчто въ родѣ раскаянія и сожалѣнія. Много ли выиграло правительство отъ того, что оттолкнуло отъ себя эту нравственную и умственную силу, этого безкорыстнаго и неутомимаго участника важнѣйшихъ законодательныхъ работъ въ обновленной Германіи?

Съ именемъ Ласкера связаны лучшія страницы новѣйшей германской исторіи,—время живого внутренняго обновленія, искренней вѣры въ будущее и дѣйствительнаго подъема духа въ обществѣ, время реформъ и улучшеній во всѣхъ сферахъ нѣмецкой жизни, время серьезнаго и честнаго парламентаризма. Въ небольшой сравнительно періодъ десятилѣтія, отъ второй половины шестидесятыхъ до половины семидесятыхъ годовъ, совершены почти всѣ тѣ преобразованія, которыми живетъ и дорожитъ нынѣшняя нѣмецкая имперія,—и въ этихъ преобразованіяхъ роль Ласкера была всегда на первомъ планѣ. Правда, съ тѣхъ поръ парламентаризмъ вышелъ изъ моды въ глазахъ Бисмарка и его сторонниковъ; министерская печать стала доказывать, что принципы народнаго представительства не вытекаютъ изъ „народнаго духа“ нѣмцевъ, что парламентаризмъ —искусственное растеніе, перенесенное изъ Англіи на „самобытную“ нѣмецкую почву, что онъ мѣшаетъ единству и крѣпости государственной власти. Вспоминая блестящую и плодотворную дѣятельность Ласкера, никто не повторитъ теперь этихъ фальшивыхъ разсужденій. Парламентаризмъ, конечно, мѣшаетъ очень многому; онъ помѣшалъ, напримѣръ, полному разгулу хищничества въ эпоху „учредительской“ горячки и своевременно сорвалъ маску съ официальныхъ дѣльцовъ, прикрывавшихъ своими именами неблаговидныя финансовыя операціи насчетъ казны и публики. Всѣмъ памятна смѣлая рѣчь Ласкера противъ желѣзно-дорожныхъ злоупотребленій и противъ высокопоставленныхъ покровителей ихъ, въ числѣ которыхъ оказались лица изъ ближайшей свиты князя Бисмарка. Тайный совѣтникъ Вагенеръ продолжалъ бы понижать свои хищенія, еслибы Ласкеръ не разоблачилъ его публично въ парламентѣ. Благодаря этой свободѣ публичнаго слова, не мало общественныхъ золъ было громко указано и отчасти устранено, къ несомнѣнной выгодѣ правительства. Знаменитыя февральскія филиппики 1873 года доставили Ласкеру необычайную популярность и создали ему массу влія-

тельныхъ враговъ; тогда же было впервые брошено сѣмя раздора между имперскимъ канцлеромъ и національно-либеральной партіею.

Отношенія къ князю Бисмарку составляютъ одну изъ слабыхъ сторонъ въ парламентской карьерѣ Ласкера; но они доказываютъ лишь, что искренность не всегда удобна въ политикѣ. Нѣмецкій народъ видѣлъ въ Ласкерѣ симпатичное олицетвореніе наиболѣе драгоценныхъ качествъ нѣмецкаго характера, — мужественной честности и прямоты, основательности и дѣльности въ мнѣніяхъ, твердости и точности въ дѣйствіяхъ, глубокой преданности отечеству въ лучшемъ и просвѣщенномъ смыслѣ этого слова. Въ то же время Ласкеръ воплощалъ въ себѣ идеалы средняго образованнаго класса Германіи; нѣмецкіе бюргеры видѣли въ немъ *своего* человѣка и съ гордостью сопоставляли „маленькаго Ласкера“ съ великимъ канцлеромъ. Въ прусской палатѣ депутатовъ, гдѣ онъ засѣдалъ съ 1865 года, онъ былъ энергическимъ и краснорѣчивымъ ораторомъ оппозиціи; послѣ битвы при Садовой, когда оппозиція была уже бесполезна и когда планы Бисмарка увѣнчались успѣхомъ, Ласкеръ вышелъ изъ партіи прогрессистовъ и вмѣстѣ съ Беннигсеномъ и Форкенбекомъ основалъ національно-либеральную партію. Національ-либералы, руководимые Ласкеромъ, сдѣлались главною опорою правительства въ парламентѣ и странѣ. Парламентаризмъ процвѣталъ, и вмѣстѣ съ нимъ процвѣтало законодательство; преобразовательная работа была въ полномъ ходу, не тратилась силъ на внутреннюю борьбу, не было ни томительной неопредѣленности, ни печальнаго застоя. Ласкера обвиняли въ томъ, что онъ сдѣлался союзникомъ князя Бисмарка и дѣйствовалъ за-одно съ нимъ по текущимъ политическимъ вопросамъ; этимъ объясняли его позднѣйшее паденіе. Изъ другого лагеря слышались противоположныя обвиненія; приверженцы канцлера не могли простить Ласкеру его самостоятельности, заставлявшей канцлера входить съ нимъ въ компромиссы и принимать во вниманіе его взгляды. Не было ли ошибкою со стороны Ласкера довѣрчивое поведеніе его въ этихъ случаяхъ? Очень можетъ быть, что онъ пошелъ далѣе, чѣмъ слѣдовало, въ такъ-называемой дружбѣ съ Бисмаркомъ, что онъ принималъ простую тактику за дѣйствительную программу правительства, что онъ предполагалъ убѣжденія тамъ, гдѣ были ловкіе приемы и обманчивые маневры. Но вмѣстѣ съ Ласкеромъ увлекался цѣлый народъ, и такое увлеченіе было вполне естественно послѣ колоссальныхъ политическихъ удачъ, приведшихъ къ созданію германской имперіи на развалинахъ французскаго могущества.

Говорятъ еще, что либеральный парламентъ, съ такими вождями какъ Ласкеръ и Беннигсенъ, служилъ помѣхою всякимъ социаль-

нимъ и экономическимъ мірамъ въ пользу низшихъ классовъ населенія. Въ этомъ аргументѣ, насколько онъ выставляется противъ парламентаризма вообще, замѣчается логическая неточность. Не слѣдуетъ смѣшивать парламентское управленіе съ господствомъ либерализма: палата народныхъ представителей есть только вѣрное, сосредоточенное отраженіе чувствъ, желаній и воззрѣній націи. Какія теченія преобладаютъ въ народѣ, такія выражаются и въ парламентѣ; либеральное большинство въ палатѣ свидѣтельствуетъ лишь о либеральномъ настроеніи большинства избирателей; когда въ странѣ берутъ верхъ консервативныя или радикальныя стремленія, то и выборная палата будетъ охранительною или радикальною. Ставить въ вину парламенту, что онъ либераленъ или консервативенъ—все равно, что винить зеркало за даваемые имъ изображенія. Рѣшенія парламента не могутъ быть долго въ антагонизмѣ съ истинными потребностями народныхъ массъ; рано или поздно эти народныя массы заявляютъ свои права и измѣняютъ составъ палаты, выбирая людей, имъ сочувствующихъ и преданныхъ. Да и помимо выборовъ, народное мнѣніе имѣетъ множество путей, чтобы проникнуть даже въ самый замкнутый, привилегированный парламентъ. Англійская палата общинъ, рекрутируемая изъ среды землевладѣльцевъ и капиталистовъ, имѣетъ уже въ своей средѣ партію радикаловъ и даже социалистовъ; важныя экономическія реформы упрямно стучатся въ дверь и мало-по-малу овладѣваютъ умами искреннихъ либераловъ, все болѣе уходящихъ влѣво, въ сторону общенародныхъ интересовъ. Если нѣмецкіе національ-либералы перестали быть выразителями мнѣній большинства народа, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что парламентаризмъ дѣйствуетъ плохо; напротивъ, именно періодическое обновленіе палатъ даетъ возможность знать, куда клонятся въ данное время народныя симпатіи. Партія Ласкера утратила популярность; либералы отвергнуты Бисмаркомъ и, въ качествѣ его бывшихъ сотрудниковъ, отвергаются также прогрессистами и всѣми вообще оппозиціонными элементами общества,—они обречены поэтому на безсиліе. Союзъ съ канцлеромъ лишилъ ихъ невинности въ глазахъ избирателей, и въ этомъ, быть можетъ, только и заключалась настоящая цѣль либеральныхъ вѣяній правительства. Одна партія потеряла значеніе, ее смѣнили другія,—палата измѣняется, но парламентаризмъ остается. Почему изъ упадка національ-либераловъ вытекаетъ упадокъ парламентаризма вообще,—это одна изъ загадокъ берлинскаго бюро печати. Для Бисмарка было, конечно, неудобно возиться съ различными парламентскими группами, выражающими различныя отбѣны мнѣній въ нѣмецкомъ обществѣ; онъ хотѣлъ обойтись безъ этого сложнаго механизма, соотвѣтствующаго сложно-

сти общественныхъ интересовъ, и потерпѣлъ въ своей попыткѣ несомнѣнное фіаско. Вслѣдствіи онъ не разъ сомнѣлся о разрывѣ съ національ-либеральной партіей и тщетно старался возобновить нарушенныя связи черезъ посредство фонъ-Бенингсена, болѣе уступчиваго и мягкаго, чѣмъ Ласкеръ.

Упреки, дѣлаемые либерализму съ социально-экономической точки зрѣнія, падаютъ на Ласкера только въ весьма незначительной мѣрѣ. Онъ былъ прежде всего выдающимся юристомъ и стоялъ во главѣ такихъ законодательныхъ предпріятій, которыя одинаково важны для всѣхъ классовъ населенія; онъ принималъ близкое и нерѣдко руководящее участіе въ составленіи новыхъ судебныхъ уставовъ, новаго германскаго уголовнаго уложенія, законовъ о промышленныхъ и рабочихъ ассоціаціяхъ, о прусской административной реформѣ, о печати, о желѣзно-дорожномъ управленіи и пр. По его почину учреждена также существующая нынѣ комиссія для составленія гражданскаго кодекса. Все это крупныя общія заслуги, цѣнность которыхъ не зависитъ нисколько отъ раздоровъ и разногласій между партіями. Самые непримиримые охранители прошлаго чувствуютъ на себѣ благотворное вліяніе новыхъ законовъ и порядковъ; они охотно, въ своихъ частныхъ и общественныхъ дѣлахъ, пользуются многочисленными улучшеніями, внесенными въ законодательство энергією и талантомъ Ласкера. Несмотря на это, или, быть можетъ, именно поэтому, они ненавидѣли его сильнѣе чѣмъ кого бы то ни было,—и эта ненависть преслѣдуетъ его даже за гробомъ, хотя и въ сдержанныхъ формахъ. Князь Бисмаркъ, по крайней мѣрѣ, уважалъ его, какъ даровитаго противника и неутомимаго парламентскаго дѣятеля; а усердные исполнители, по обыкновенію, оказываются *plus royalistes que le roi*, и не отдадутъ должнаго даже памяти умершаго. Что Ласкеръ не былъ врагомъ экономическихъ реформъ—это видно уже изъ упомянутой выше кампаніи его противъ учредительскихъ и желѣзно-дорожныхъ злоупотребленій. Его иниціативѣ обязана Пруссія устройствомъ строгаго государственнаго контроля надъ желѣзными дорогами; онъ первый подготовилъ почву для перехода дорогъ въ руки государства, что выставляется теперь какъ великій личный успѣхъ князя Бисмарка и его экономической программы. Въ августѣ 1880 года, окончательно разочарованный въ чувствахъ канцлера, онъ отдѣлился отъ національ-либераловъ, во главѣ которыхъ работалъ такъ успѣшно на пользу страны, и съ группою своихъ единомышленниковъ образовалъ новую партію, получившую названіе „сецессионистовъ“ или отщепенцевъ. Но парламентаризмъ былъ уже въ загонѣ; хроническая борьба между чиновниками канцлера и либеральною оппозиціею приняла мелкіе размѣры, за отсутствіемъ самого канцлера, все болѣе

уединявшагося въ Варцимъ или въ Фридрихсруэ. Бесплодныя словопренія и придирки низвели парламентскую арену съ ея прежней высоты; положительная работа стала почти невозможна для прогрессистовъ, при открытомъ пренебреженіи правительства къ палатамъ и къ общественному мнѣнію.

Ласкеръ скромно удалился со сцены, посвящая свои досуги литературѣ; но вскорѣ онъ заболѣлъ тифомъ, и за его болѣзнью все нѣмецкое общество слѣдило съ такимъ сочувственнымъ вниманіемъ, какое рѣдко достается на долю простого гражданина. Болѣзнь отняла у Ласкера единственное, что у него было и что составляло его силу и славу,—творческую способность ума, гибкаго и крѣпкаго, вооруженнаго знаніями и необычайною добросовѣстностью. Умъ этотъ ослабѣлъ, краснорѣчіе исчезло или давалось только по временамъ, привычка къ труду была подорвана въ корнѣ; врачи послали его путешествовать,—онъ отправился въ Америку, гдѣ имѣлъ брата, и поправился физически, но не духовно. Извѣстный писатель Поль Линдау, проведеній съ нимъ нѣсколько недѣль въ дорогѣ, описываетъ въ „Кельнской газетѣ“ свои грустные впечатлѣнія при видѣ Ласкера, мучительно искавшаго словъ въ разговорѣ и внезапно останавливавшагося съ глубокою скорбью въ лицѣ. Какъ раненный на смерть гладиаторъ оглядываетъ свидѣтелей своихъ прошлыхъ побѣдъ, такъ и недавній парламентскій предводитель безпомощно смотрѣлъ на людей, ожидавшихъ отъ него какихъ-нибудь изреченій. Ласкеръ превратился въ нѣжное, послушное существо, онъ на все соглашался и ни въ чемъ никому не отказывалъ. Нужно было настойчивое внимательство Линдау, чтобы удерживать американскихъ нѣмцевъ отъ постоянныхъ приглашеній Ласкера на банкеты и обѣды. Но Линдау не долго сопутствовалъ Ласкеру, и послѣдній не имѣлъ заботливаго опекуна, который могъ бы охранить его отъ назойливаго любопытства соотечественниковъ, не щадившихъ ни его видимаго нездоровья, ни его крайней, чисто дѣтской смущенности. Разбитое существованіе, тяжелое для самого Ласкера и для всѣхъ его окружающихъ, прекратилось неожиданно въ началѣ января, въ Нью-Йоркѣ. Смерть его повсюду въ Германіи произвела тяжелое впечатлѣніе,—вѣроятно также и въ Фридрихсруэ. Все болѣе рѣдѣютъ ряды талантливыхъ бойцовъ политической свободы и надъ ихъ могилами торжествуютъ мелочныя порожденія безплодной эпохи, самодовольныя бездарности, стремящіяся уловить мертваго за невозможностью задѣть живого.

Такіе люди, какъ Ласкеръ, драгоцѣнны болѣе своею нравственною чистотою, чѣмъ силою своихъ дарованій. Примѣръ челоуѣка, отдавшагося всецѣло интересамъ общенароднаго блага и жившаго въ бѣдности въ самую блестящую пору своего вліянія и популярности,

показываетъ наглядно, что могло сдѣлать въ Германіи самоуправленіе и представительство. Что былъ бы Ласкеръ безъ парламента? Онъ остался бы безвѣстнымъ ассесоромъ городского суда въ Берлинѣ, дѣйствовалъ бы въ спеціальной литературѣ и не могъ бы, при всемъ своемъ страстномъ желаніи, принести странѣ ту долю пользы, какую чувствовалъ себя въ силахъ принести. Принципъ народнаго представительства выносить этихъ людей на поверхность, даетъ просторъ и удовлетвореніе благороднѣйшимъ инстинктамъ человѣческой природы. Ласкеръ работалъ съ увлеченіемъ, не думая о своихъ личныхъ нуждахъ; онъ довольствовался скудною, почти студенческою обстановкою, не поддавался никакимъ постороннимъ соблазнамъ и не утилизировалъ своего имени даже для какого-нибудь доходнаго журнальнаго предпріятія, какъ это обыкновенно дѣлаютъ выдающіеся депутаты во Франціи и въ самой Германіи. Щепетильность Ласкера доходила до странности. Въ немъ не было честолюбія въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; онъ не мечталъ и не могъ мечтать о министерскомъ постѣ, хотя имѣлъ бы на это право по своему положенію въ парламентѣ; онъ никогда не заботился о себѣ лично въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ и твердо спорилъ съ княземъ Бисмаркомъ, когда находилъ это нужнымъ, рискуя испортить отношенія, которыя для другого были бы важнѣе всякихъ законодательныхъ уступокъ. Въ средѣ политическихъ дѣятелей, встрѣчая на каждомъ шагѣ примѣры легко добытыхъ состояній и льстивыя занискиванья финансовыхъ свѣтилъ, онъ остался чистъ и безупреченъ, — онъ жилъ и умеръ бѣднякомъ. Подобный типъ общественнаго дѣятеля растеть и зрѣеть только подъ широкимъ покровомъ свободныхъ учреждений, и если нѣкоторые нѣмцы отрицаютъ теперь согласіе этихъ учреждений съ „народнымъ духомъ“, то они, очевидно, клеветаютъ на свой народъ и на его духъ. Имя Ласкера представляетъ собою самую краснорѣчивую защиту прусско-германскаго парламентаризма за короткий періодъ его свободнаго развитія.

Великія качества парламентскаго дѣятеля — умѣнье сказать въ нужную минуту надлежащее слово, быстро схватывать и ясно устанавливать сущность вопроса, находчивость и остроуміе въ защитѣ и въ нападеніи — были свойственны Ласкеру болѣе чѣмъ кому-либо другому въ германскомъ парламентѣ. Какъ ораторъ, онъ отличался логичностью и стройностью своихъ разсужденій; изящество языка и дѣльность содержанія его рѣчей завоевывали слушателей, дѣйствуя почти исключительно на ихъ умы и рѣдко трогая сердца. Онъ былъ ораторомъ интеллигенціи и говорилъ для образованнаго класса населенія; у него не было рѣзкихъ приѣмовъ Евгенія Рихтера, ни сухости Беннингсена, ни грубоватости, или вѣрнѣе, откровенности князя

Бисмарка. Въ свои рѣчи онъ вносилъ литературный тактъ и литературную отдѣлку; когда онъ увлекался предметомъ обсужденія, онъ увлекалъ другихъ своею искреннею убѣжденностью, которою дышала вся его небольшая нервная фигура, съ блестящими черными глазами. Онъ говорилъ о честности съ тономъ человѣка, которому недоступны и непонятны безнравственные мотивы; вся натура его возмущалась противъ явленій, мимо которыхъ другіе проходили равнодушно. Въ этомъ случаѣ онъ находилъ признательный отголосокъ въ сердцахъ народа, гдѣ честность не затуманена еще житейскими софизмами и искушеніями, гдѣ она хранится какъ наслѣдіе, переходящее отъ одного поколѣнія къ другому. Силою слова очищать нравственную атмосферу общества отъ заражающихъ ее міазмовъ — лучшая задача оратора, понимающаго важность нравственной основы для политики. Ласкеръ оказался не на высотѣ своей практической эпохи; онъ былъ идеалистомъ въ политикѣ, будучи тонкимъ практикомъ въ законодательствѣ.

Пятнадцатилѣтняя парламентская служба Ласкера не давала ему средствъ къ жизни ¹⁾; награды и должности не получаются въ Пруссіи за подобную дѣятельность, какъ бы полезна она ни была для страны и для правительства. Награждаются лишь усердные выразители чужихъ мыслей, никому ненужные теоретики „доброго стараго времени“, хвалители всего совершаемаго княземъ Бисмаркомъ, враги его противниковъ и въ томъ числѣ Ласкера. Неуклюжіе газетные щелчки, которые посылались вслѣдъ за удалявшимся въ Америку Ласкеромъ, были ему наградой за долгіе безкорыстные труды. Однако и оффиціозная печать, при всей своей безразборчивости, не могла идти далѣе дешевыхъ остротъ насчетъ мнимаго нахѣренія большого депутата перейти въ американское подданство. Едва ли кто изъ самыхъ чистокровныхъ нѣмцевъ любилъ Германію такъ сильно и страстно, какъ Эдуардъ Ласкеръ, не смотря на его еврейское происхождение: это признають одинаково и друзья, и враги. Ласкеръ умеръ на 55-мъ году жизни. Тѣло его привезено изъ Нью-Йорка въ Бремергафенъ, а затѣмъ въ Берлинъ, гдѣ похоронено въ концѣ января съ подобающимъ почетомъ. Нью-Йоркъ проводилъ его торжественно; городской голова возложилъ на гробъ громадный лавровый вѣнокъ; бывшій американскій посланникъ въ Берлинѣ, нынѣ президентъ корнелевского университета, Андрю Уайтъ, произнесъ прощальную хвалебную рѣчь отъ имени Америки, а сенаторъ Карлъ Шурцъ — отъ имени американскихъ нѣмцевъ. Проводы были относи-

¹⁾ Члены прусской палаты депутатовъ и германскаго имперскаго сейма не получаютъ платъ за свои труды, — такъ же какъ и въ Англіи.

тельно скромные въ Германіи и особенно въ Берлинѣ; въ газетахъ говорилось сравнительно мало о покойномъ, — да и вообще Ласкеръ принадлежалъ уже прошедшему, и некогда было останавливаться на немъ торопливо бѣгущему настоящему.

По прежнему, безраздѣльный хозяинъ положенія въ Германіи — князь Бисмаркъ. Истолковывать его мысли считается первою обязанностью патріотовъ, скрывающихся подъ псевдонимами, знаками или звѣздочками, и положительно наводняющихъ собою значительную часть современной нѣмецкой журналистики. Читающая публика обыкновенно сразу угадываетъ смыслъ и источникъ патріотическихъ восторговъ невѣдомаго автора — и проходить мимо. Но часто усердные похвалы смахиваютъ на клевету въ устахъ нечистыхъ или невѣжественныхъ. Тогда сами министерскіе органы принуждены отерпчиваться отъ безтактныхъ дружескихъ услугъ. Такой именно казусъ случился — впрочемъ, не въ первый разъ, — съ анонимнымъ сотрудникомъ солиднаго журнала, „Deutsche Rundschau“, редакцію котораго нельзя заподозрить ни въ невѣжествѣ, ни въ чемъ-либо другомъ. Авторъ статьи, въ своемъ стремленіи превознести князя Бисмарка „превыше пирамидъ“, наговорилъ много лишняго, много такого, что удобнѣе было бы скрывать въ интересахъ правительства. Онъ настолько-моль убѣжденъ въ величіи извѣстнаго рода качествъ и поступковъ, что не замѣчаетъ вовсе ихъ весьма сомнительныхъ особенностей, — имѣющихъ, на языкѣ обыкновенныхъ смертныхъ, свое опредѣленное и едва ли благозвучное названіе. Очевидно, авторъ взваливаетъ на канцлера какія-то небылицы, совершенно неподходящія къ прямодушному и открытому характеру князя Бисмарка. Но для насъ поучительно видѣть, до какого извращенія нравственныхъ понатій могутъ доходить люди, привыкшіе выдавать за патріотизмъ льстивыя восхваленія и пустой „подъемъ чувствъ“. Для нашей цѣли достаточно будетъ привести только нѣкоторыя выдержки изъ фактической части разсужденія „объ иностранной политикѣ Германіи“, напечатаннаго въ январской книжкѣ названнаго журнала.

Въ статьѣ разсказывается, какъ въ 1864 году Бисмаркъ мастерски „провелъ“ австрійскаго министра графа Рехберга, представивъ ему союзъ съ Пруссіею какъ единственный оплотъ противъ революціи; „каждое утро боялся онъ, что Рехбергъ зайдетъ къ нему съ протоколомъ въ рукахъ для подписанія обоюднаго обязательства относительно Шлезвигъ-Гольштейнѣ“, — но австрійскій министръ довѣрялъ словамъ Бисмарка, который, такимъ образомъ, „совершилъ великое“, выйдя изъ Вѣны. Далѣе, князь Бисмаркъ искусно пользовался русскою „политикою чувства“ для привлеченія Россіи въ тройственный союзъ, и потомъ, чтобы помѣшать все-таки сближенію ея съ

Францію; онъ „открылъ ящикъ Пандоры съ восточнымъ вопросомъ“. Дѣло въ томъ, что „политика, которою Россія медленно и безъ жертвъ достигала своихъ цѣлей на Востокѣ, была не въ интересахъ Австріи и Германіи; а русская война противъ Турціи возлагала бы на Россію большія жертвы, помѣшала бы ея внутреннему укрѣпленію, которое въ финансовомъ отношеніи дошло уже до устраненія дефицита, и, въ концѣ-концовъ, Европа, и особенно Англія, все-таки не допустила бы, чтобы Россія достигла соотвѣтственныхъ войнѣ результатовъ;—успѣхъ оправдалъ вполнѣ эти предположенія“. Итакъ, наши друзья и союзники, какъ увѣряетъ поклонникъ князя Бисмарка, озабочены были тѣмъ, что русскіе финансы чересчуръ поправились; потребовалось поэтому разстроить наши дѣла и ослабить Россію, что мы и сдѣлали будто бы собственными руками, по наущеніямъ нѣмецкаго канцлера. Картина выходитъ слишкомъ нелѣпая, чтобы придавать ей значеніе. „Несомнѣнно, — продолжаетъ авторъ, что—канцлеръ давалъ развиваться кризису то мастерскимъ бездѣйствіемъ, то серьезнымъ вмѣшательствомъ“; онъ поддерживалъ мысль лорда Солсбери о константинопольской конференціи „именно потому, что желалъ войны“ для Россіи. Послѣ предвидѣнной и подготовленной Бисмаркомъ неудачи конференціи, „въ Петербургѣ вѣсы еще колебались; толчокъ изъ Берлина наклонилъ ихъ въ сторону войны“ (?). Русское правительство довѣрчиво обращалось еще къ своему „другу“ съ примирительными проектами; но германскій канцлеръ будто бы прямо сказалъ русскому посланнику, что „Россія не имѣетъ другого выбора, кромѣ войны“. Во время затрудненій подъ Плевною, возникъ вопросъ о вмѣшательствѣ Австріи; однако, „свиданіе съ графомъ Андраши въ Зальцбургѣ показало германскому канцлеру, что австрійское правительство слишкомъ добродушно или малодушно для того, чтобы воспользоваться русскими неудачами“. За то, при заключеніи мира, князю Бисмарку удалось „вырвать у Россіи лучшую часть добычи, не поставивъ на карту ни одного прусскаго гренадера и не промѣнявъ даже роли честнаго маклера на роль третейскаго судьи“. Такъ же точно поступаетъ канцлеръ съ другими союзниками и друзьями; онъ руководилъ и обходилъ графа Андраши, побуждалъ австрійскихъ министровъ „выражаться невѣжливо (!)“ противъ Италіи, съ которою самъ поддерживалъ интимную дружбу, и т. п.

Вездѣ авторъ находитъ коварную руку канцлера, даже тамъ, гдѣ ей быть неумѣстно. Приводя слова Гамбетты, что „соглашеніе между Англіею и Франціею прекратилось бы, еслибы кому-нибудь удалось просунуть свой палецъ между интересами обѣихъ державъ въ египетскомъ вопросѣ“, авторъ съ торжествомъ замѣчаетъ: „этотъ „кто-

нибудь" былъ германскій канцлеръ", это его палець торчалъ между двумя западными государствами въ ихъ отношеніяхъ къ Египту. Россія представляется „картою въ игрѣ Бисмарка"; Австрію онъ направляетъ куда угодно и бережетъ ее для Востока; другіе кабинеты онъ поочередно обманываетъ, даже безъ всякой надобности. И авторъ восхищается и ликуетъ. Чтобы яснѣе показать величіе канцлера, онъ изображаетъ государственныхъ людей другихъ державъ въ видѣ какихъ-то идіотовъ, безцѣльно и слѣпо идущихъ въ разставленные имъ ловушки. Даже Гладстонъ оказывается „недалекинтъ" и „легкомысленнымъ"; объ австрійскихъ и прочихъ министрахъ и говорить нечего. По представленію автора, ни одна изъ дружескихъ и даже враждебныхъ нѣмцамъ державъ не имѣетъ своей собственной политики или своихъ самостоятельныхъ взглядовъ; всякая изъ нихъ можетъ дѣйствовать и высказываться только по внушеніямъ князя Бисмарка. Но среди неразумныхъ младенцевъ и пассивныхъ автоматовъ не трудно было бы быть великимъ человѣкомъ,—такъ что карриатура, нарисованная авторомъ въ самомъ серьезномъ тонѣ, едва ли способна служить къ возвеличенію заслугъ нѣмецкаго канцлера.

Само собою разумѣется, что рядъ грубыхъ обмановъ и невѣроятныхъ коварствъ, описанныхъ авторомъ съ такимъ циническимъ самодовольствомъ, существуетъ только въ воображеніи людей, утратившихъ всякое нравственное чувство въ печальной школѣ „фонда пресмыкающихся". Характерно, однако, для нынѣшней охранительной эры въ Германіи появленіе подобныхъ нелѣпостей на страницахъ серьезнаго берлинскаго журнала. Ласкеры не нужны, они вытѣсняются и умираютъ, а на ихъ мѣсто развязно выходятъ элементы совѣтъ неопозволительные, топчущіе въ грязь то дѣло, которое берутся защищать. Таковы пока продукты внутреннего политическаго застоя, смѣнившаго собою въ Германіи эпоху плодотворныхъ реформъ.

Министры французской республики держатся, повидимому, того взгляда, что необходимо иногда придумывать искусственные политическіе вопросы, для удовлетворенія той страсти къ новизнѣ, которую французы унаслѣдовали еще отъ галловъ. Отсутствие вопросовъ, — хотя бы оно оказалось потому, что всѣ они уже рѣшены, — порождаетъ чувство скуки, а это чувство наиболѣе опасно для кабинета. Случное министерство не можетъ продержаться долго во Франціи; оно должно такъ или иначе давать матеріалъ общественному мнѣнію и печати, независимо отъ текущей будничной политики. Президентъ совѣта министровъ, Жюль-Ферри, счелъ своевременнымъ напомнить о пересмотрѣ конституціи, какъ о задачѣ законодательной сессіи на

настоящій годъ; и конституціонный вопросъ, многими уже забытъ, вновь выплылъ наружу и занялъ собою вниманіе политическихъ кружковъ. Между тѣмъ, Жюль-Ферри несомнѣнно ошибся: правительству нѣтъ надобности ставить себѣ задачи, которыми въ сущности никто не интересуется; сама жизнь всегда позаботится о томъ, чтобы не было недостатка въ дѣйствительныхъ проблемахъ, требующихъ серьезнаго и скораго рѣшенія. Прошло нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ какъ Ферри бросилъ газетамъ новую политическую тему, и эта тема уже опять почти не существуетъ: она вытѣснена болѣе реальною злобою дня, — движеніемъ среди парижскихъ рабочихъ, лишенныхъ работы.

Въ Парижѣ давно уже замѣчается избытокъ рабочаго населенія, вслѣдствіе постоянного прилива рабочихъ рукъ изъ провинціи. Нѣкоторыя отрасли промышленности не выдерживаютъ иностранной конкуренціи; мебель, ввозимая изъ Германіи по дешевой цѣнѣ, успѣшно вытѣсняетъ издѣлія парижской фабрикаціи; многія мастерскія закрылись, и рабочіе остались безъ дѣла. Наложить или возвысить пошлину на нѣмецкіе продукты нѣтъ возможности, такъ какъ франкфуртскимъ мирнымъ трактатомъ выговорены для нѣмцевъ „права наиболѣе благопріятствуемой націи“. Французскій рабочий, при хорошихъ качествахъ своего труда, не можетъ довольствоваться платою, которую охотно беретъ нѣмецъ или итальянецъ, ибо житейскія привычки француза гораздо выше, и способъ его жизни требуетъ болѣе значительнаго средняго заработка. Многочисленные иностранные работники, прибывающіе въ Парижъ, главнымъ образомъ, изъ Германіи и Италіи, предлагаютъ свой трудъ на болѣе выгодныхъ для хозяевъ условіяхъ, вслѣдствіе чего уменьшается спросъ на мѣстныхъ рабочихъ. Къ этимъ общимъ и постоянно дѣйствующимъ причинамъ присоединяются временныя и случайныя, какъ, напримѣръ, стѣсненіе трапичниковъ въ обычномъ собраніи мусора недавними санитарно-полицейскими мѣрами и т. п. Число рабочихъ, не имѣющихъ дѣла въ Парижѣ, опредѣляется различно, отъ 50 и даже до 150 тысячъ;— послѣдняя цифра, очевидно, преувеличена. Во всякомъ случаѣ, положеніе массы рабочихъ оказывается критическимъ. Соціалисты и революціонеры по профессіи пытались воспользоваться этимъ благодарнымъ матеріаломъ для возбужденія шумныхъ уличныхъ манифестацій; но практическое большинство рабочихъ требуетъ непосредственной реальной помощи, а не коренныхъ переворотовъ или отдаленныхъ плановъ. Недовѣріе рабочихъ къ соціалистамъ объясняется также расколомъ въ средѣ этой партіи, игравшей когда-то столь видную роль во всѣхъ народныхъ движеніяхъ Парижа.

Французскіе соціалисты распадаются на нѣсколько отдѣльных

группъ, которыя болѣе заняты взаимнымъ соперничествомъ, чѣмъ дѣйствительною защитою интересовъ рабочаго класса. *Анархисты* занимаются слишкомъ много теоретическими вопросами и потому имѣютъ сравнительно мало послѣдователей между рабочими. Сильные теоретики есть у этой партіи; таковы: извѣстный географъ Элизе Реклю и русскій эмигрантъ князь Крапоткинъ,—но арміи у нихъ нѣтъ. *Коллективисты* стоятъ ближе къ рабочему классу; какъ видно изъ самаго названія ихъ, они требуютъ коллективной, общественной организаціи производства, съ устраненіемъ личной собственности на орудія труда. Эта партія, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ враждующія между собою группы: *поссибилистовъ*, сторонниковъ мирнаго экономическаго преобразованія при помощи законодательныхъ мѣръ, въ предѣлахъ возможности (*possibilité*), и *коллективистовъ-революціонеровъ*, послѣдователей программы Маркса и бывшаго „международнаго общества рабочихъ“. Революціонеры этой послѣдней категоріи называются иногда также „гедистами“, по имени предводителя ихъ, Жюля Геда (*Guesde*). На общемъ конгрессѣ социалистовъ, собиравшемся въ С.-Этьеннѣ въ сентябрѣ 1882 года, это распаденіе социалистической партіи признано какъ существующій фактъ. Пререканія и столкновенія между представителями различныхъ группъ переходятъ нерѣдко въ кулачную расправу. Каждая изъ этихъ партій старается чуть ли не силою завоевать расположеніе рабочаго класса; борьба происходитъ обыкновенно на глазахъ собравшейся толпы, по поводу какого-нибудь митинга или съѣзда. Рабочіе, глядя на горячіе споры изъ-за ихъ симпатій, чувствуютъ себя какъ бы въ положеніи добычи, которую берутся дѣлить соперники; понятно, что большинство трудящихся покидаетъ эти сборища, чтобы не тратить времени попусту, или же смотритъ на нихъ, какъ на особаго рода развлеченія, не имѣющія никакой связи съ нуждами рабочихъ. Къ такому оригинальному результату приводитъ ожесточенная конкуренція между группами. Анархисты дѣйствуютъ обыкновенно вмѣстѣ съ коллективистами-революціонерами противъ поссибилистовъ, и наоборотъ. Когда одна какая-нибудь партія устраиваетъ митингъ, тотчасъ же являются приверженцы другихъ партій и стараются разнести собраніе, если не могутъ повернуть большинство на свою сторону. Между прочимъ, въ половинѣ января созванъ былъ въ Парижѣ большой митингъ „рабочихъ безъ дѣла“, по почину ремесленныхъ корпорацій, наиболѣе заинтересованныхъ въ облегченіи кризиса. Организаторы митинга принадлежатъ къ партіи поссибилистовъ, руководителемъ которой въ столицѣ считается членъ городского совѣта, Жоффранъ. Однако, рабочихъ этого направленія явилось очень мало,—члены корпорацій не

последовали призыву своихъ представителей; за то прибыло множество „гедистовъ“ и анархистовъ, которые специально для этого случая понаѣхали цѣлыми omnibusами изъ окрестностей Парижа. Большинство оказалось на сторонѣ прибывшихъ, и предполагаемое синдикатами собраніе получило совсѣмъ другой характеръ. Вѣсто обсужденія средствъ помощи рабочимъ, начались шумные возгласы въ пользу немедленной революціи, и революція была объявлена рѣшеніемъ собранія,—послѣ чего революціонеры, потолкавшись немного для убѣжденія всѣхъ и каждого въ серьезности своихъ замысловъ, разошлись спокойно по домамъ. Эти курьезныя сходы, гдѣ производится „промежь себя“ самая безобидная изъ революцій, могли бы въ былое время навести панику на правительство, вызвать исключительныя мѣры и пошатнуть государственный строй; теперь онѣ даютъ лишь пищу газетнымъ репортерамъ и повторяются почти ежедневно въ клубныхъ залахъ Парижа, безъ всякаго ущерба для общественнаго спокойствія. Большинство жителей столицы узнаетъ только изъ газетъ объ этихъ собраніяхъ, декретирующихъ революцію.

Тѣмъ не менѣе рабочей кризисъ несомнѣнно существуетъ въ Парижѣ и требуетъ облегчительныхъ мѣръ. Ремесленные синдикаты, вытѣсненные на митингѣ 14 января революціонерами, протестовали противъ ихъ рѣшенія и послали своихъ делегатовъ для представленія особой петиціи парламенту. Петиція была передана черезъ депутата Тони Ревильона и рассмотрѣна палатою одновременно съ общимъ обсужденіемъ вопроса. Очевидно палата не можетъ специально для парижскихъ рабочихъ предпринять на скорую руку какія-либо обширныя экономическія реформы; все что она можетъ сдѣлать—это разрѣшить выдачу ссуды нуждающимся и доставить рабочимъ известное количество заказовъ отъ казны. Сами рабочіе, смущаемые раздорами социалистическихъ партій, обнаруживаютъ крайнюю осторожность относительно обращающихся къ нимъ съ разныхъ сторонъ заступниковъ и покровителей. Делегаты, принеся петицію, были приглашены на слѣдующій день въ собраніе крайней лѣвой, во главѣ которой стоитъ, какъ намъ извѣстно, докторъ Клемансѣ. Делегаты отказывались представить какія-либо объясненія, ссылаясь на то, что интересы ихъ не имѣютъ ничего общаго съ политикою; одинъ изъ нихъ высказалъ прямо, что „рабочіе не желаютъ давать оружіе въ руки партіи Клемансѣ“. Рѣзкій и уклончивый тонъ ихъ отчасти смутилъ радикаловъ. Очевидно, рабочий классъ Парижа окончательно отрѣшился отъ политическаго радикализма, которому такъ легко подчинялся въ прежнія времена; онъ убѣдился горькимъ опытомъ, что радикалы въ сущности столь же чужды рабочимъ, какъ

и остальное среднее и высшее общество, и что они пользовались довѣрчивостію рабочихъ для пріобрѣтенія личной популярности. Подъ именемъ POSSIBILISTES вырабатывается ядро общей рабочей партіи, въ которой съ временемъ водворится полное единство, съ выдѣленіемъ постороннихъ элементовъ. Къ социалистамъ и революціонерамъ по профессіи рабочіе начинаютъ относиться съ явнымъ пренебреженіемъ и недовѣріемъ.

Нужно замѣтить, что значительныя перемѣны въ настроеніи рабочаго класса и въ теоріяхъ социалистовъ за послѣдній десятокъ лѣтъ прошли совершенно безслѣдно для официальной экономической науки во Франціи. Экономисты, засѣдающіе въ „академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ“, остановились на той точкѣ, которая казалась непогрѣшимой двадцать лѣтъ тому назадъ; они какъ-будто не замѣчаютъ происходящаго вокругъ и заранѣе отвергаютъ всякое новое направленіе, какъ не позволительную ересь. Извѣстная книга бельгійскаго ученаго Эмиля-де-Лавелея „о современномъ социализмѣ“ обсуждалась недавно въ академіи и подверглась строгому порицанію за отступленіе автора отъ пресловутаго принципа невмѣшательства государства въ экономическую жизнь. Курсель-Сенелль, Поль Леруа-Болье, Морисъ Блокъ и Поль Жанэ энергически возставали противъ „ереси“, которая успѣла уже сдѣлаться азбучною, общепринятою истиною не только въ Германіи, но и въ классической странѣ экономистовъ — Англіи. Трудно понять, какъ могутъ ученые теоретики настолько удалаться отъ жизни и оставаться въ такой мѣрѣ неподвижными среди всеобщаго движенія; они теперь буквально повторяютъ тѣ же фразы о „хозяйственныхъ гармоніяхъ“ и о „непреложныхъ законахъ политической экономіи“, которыя столь пространно и напыщенно разрабатывались Фредерикомъ Бастіа наканунѣ февральской революціи. Теперь социальная революція, конечно, не грозитъ французамъ; но странно слышать эти толки о необходимости уваженія къ существующимъ экономическимъ гармоніямъ, когда тутъ же въ Парижѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ находятся въ самой явной дисгармоніи съ „естественнымъ закономъ“, въ силу котораго всякій трудъ находитъ себѣ помѣщеніе и всякій ротъ получаетъ пищу. Неужели, по мнѣнію академиковъ, палата депутатовъ совершитъ ужасную ересь, если позволитъ себѣ вмѣшаться въ положеніе нуждающихся работниковъ посредствомъ какой-либо законодательной или финансовой мѣры? Экономисты, не желающіе признавать извѣстныхъ несомнѣнно существующихъ явленій, похожи на астронома, который не признавалъ бы солнечныхъ пятенъ, — на томъ основаніи, что пятна портятъ впечатлѣніе гармоніи. Отрицать то, что встрѣчается нами на каждомъ шагѣ, что повсюду составляетъ предметъ

законодательныхъ работъ и что не разъ грозило перевернуть весь общественный строй — это просто необъяснимая психологическая загадка. Это все равно, что, живя въ Парижѣ, отрицать Парижъ съ его хроническимъ рабочимъ броженіемъ, забыть прошлое, не видѣть настоящаго и закрыть глаза на будущее.

Громадная разниа существуетъ въ этомъ отношеніи между французскими теоретиками и англійскими. Французы придаютъ главное значеніе общей стройности и цѣльности теоріи; имъ кажется святотатствомъ пошатнуть хоть одинъ уголокъ установленнаго научнаго зданія, хотя бы этотъ уголокъ составлялъ уже пустое мѣсто въ дѣйствительности. Они подчиняютъ дѣйствительность своей логической системѣ, а факты непріятные они приписываютъ человѣческимъ ошибкамъ и увлеченіямъ. Совершенно наоборотъ поступаютъ англичане. Въ экономическихъ вопросахъ, какъ и въ социальныхъ и политическихъ, они главное вниманіе обращаютъ на требованія и условія жизни; они не жертвуютъ фактами ради теоріи, а, напротивъ, вступаютъ съ ними въ компромиссъ, оцѣниваютъ ихъ съ разныхъ сторонъ и стараются включить въ свою систему, хотя бы во вредъ ея архитектурному единству. Въ этой чертѣ характера заключается великое преимущество англичанъ передъ французами. Англичане почти не знаютъ доктринерства въ политикѣ и въ законодательствѣ; а для французовъ доктрина — впереди и выше всего, доктрина прямолинейная и послѣдовательная, не допускающая никакихъ уклоновъ или отступленій. То, что дѣлалось въ Англіи путемъ сдѣлокъ и уступокъ, достигалось во Франціи революціонными скачками. Англичане не боятся идей, даже самыхъ опасныхъ; они подходятъ къ нимъ близко, анализируютъ и берутъ у нихъ даже ту часть или подробность, которую могутъ утилизировать съ пользою. Французы, въ такомъ случаѣ, или волнуются и призываютъ полицію, или совершенно не обращаютъ вниманія, привыкнувъ къ данному факту.

Въ Англіи идетъ теперь сильная агитація противъ частной земельной собственности; американецъ Генри Джоржъ съ успѣхомъ проповѣдуетъ свою теорію, подкрѣпляя ее выдержками изъ евангелія. Движеніе принимаетъ все болѣе значительные размѣры; нѣтъ ничего удивительнаго, что масса англійскаго населенія вполне одобряетъ проектъ отнятія земель у лордовъ безъ всякаго вознагражденія... Что же дѣлаютъ лорды? Они также говорятъ рѣчи, только о другихъ предметахъ, или разсуждаютъ объ ограниченной аграрной реформѣ, или, наконецъ, спокойно молчатъ. Они хорошо знаютъ, что земельный вопросъ можетъ быть рассмотрѣнъ и рѣшенъ единственно

только въ парламентѣ, — а говорить о вопросѣ вообще можетъ кто угодно и какъ угодно. Въ газетахъ и журналахъ предметъ этотъ обсуждается съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, точно дѣло идетъ не объ основѣ всего соціального строя Англіи, а о чемъ-то совершенно безразличномъ. А главное, — явленіе не игнорируется и не отвергается, а добросовѣстно разбирается безъ всякаго раздраженія, иногда съ оттѣнкомъ добродушной ироніи. Въ полемикѣ участвуютъ многіе изъ публики; цѣлые столбцы „Times'a“ наполняются письмами въ редакцію, съ изложеніемъ разныхъ замѣчаній по поводу рѣчей Джоржа. Вопросъ, очевидно, интересуется общественное мнѣніе, и агитація американскаго экономиста дала только нѣкоторый толчокъ пропагандѣ, первое начало которой положено было классическими англійскими экономистами. Очень можетъ быть, что это новѣйшее движеніе облегчитъ законодательную постановку предположеннаго преобразованія земельныхъ отношеній въ Англіи, — такъ что фактъ, могущій самъ по себѣ считаться опаснымъ, окажется полезнымъ для англійскаго законодательства. Не даромъ наши московскіе „патріоты“ называли англичанъ „торгашами“, во время враждебнаго намъ министерства Биконсфильда: англичане, дѣйствительно, умѣютъ изъ всего извлекать пользу.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля, 1884.

— Основанія философіи, какъ спеціальной науки. *П. Милославскаго*. Томъ I. Казань, 1883.

Въ философской литературѣ давно уже идетъ сильная критическая работа—ломка старыхъ ученій и понятій, подѣ вліаніемъ новѣйшихъ успѣховъ естествознанія. Престарѣлыя системы и теоріи, увлекавшія мыслителей въ заманчивую область абсолютныхъ истинъ, отвергнуты и отчасти забыты; попытки разгадать великія тайны бытія не пользуются уже довѣріемъ. Философія, стоявшая такъ долго во главѣ наукъ, низведена на степень чего-то весьма неопредѣленнаго и сомнительнаго; она должна теперь доказывать даже самое право свое на дальнѣйшее независимое существованіе. Такую именно задачу поставилъ себѣ г. Милославскій: онъ старается „выяснить, что философія, какою она представляется, если собрать и разобрать ея подлинныя данныя, есть спеціальная наука, имѣющая опредѣленный и даже объективный предметъ“.

Трудъ г. Милославскаго значительно отличается отъ обыкновенныхъ философскихъ трактатовъ, съ ихъ неизбѣжною туманностью и схоластичностью. Изложеніе автора—живое и легкое; мысли его опираются большею частью на реальную научную почву и не претендуютъ на смѣлое творчество. Г. Милославскій приобрѣлъ уже нѣкоторое право на вниманіе своимъ прежнимъ трудомъ, вышедшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подѣ заглавіемъ: „Типы современной философской мысли въ Германіи“ (Казань, 1878). Авторъ держится направленія, сближающаго философію съ началами естественныхъ наукъ и не исключающаго, въ то же время, полной религіозности. Правда, въ этомъ послѣднемъ пунктѣ замѣчается у автора нѣкоторая неясность. Въ самомъ началѣ книги высказано мнѣніе, что „люди древняго міра удалялись отъ истины и блуждали до тѣхъ

поръ, пока христіанство не явилось съ авторитетомъ всеудовлетворяющей истины и не распутало безысходную религіозную, философскую и соціальную путаницу послѣднихъ временъ древней цивилизаціи"; однако „христіанство удовлетворяетъ умы по мѣрѣ вѣры, а человѣкъ ищетъ все-таки знанія, и если онъ не удовлетворяется истинами вѣры, то христіанство предоставляетъ ему полную свободу доходить до истины, какая только ему угодна, своимъ собственнымъ трудомъ и умомъ". Въ другомъ мѣстѣ авторъ выражается болѣе категорически: „когда явилось христіанство, оно побѣдило весь міръ, включая и науку съ философіею, такъ-что *вся* (?) древняя теоретическая и практическая мудрость оказалась несостоятельною, *лишеною смысла* (?); съ тѣхъ поръ человѣкъ, какъ христіанинъ, удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ къ *полной истинѣ* и совершенному благу, — вѣра открываетъ ему *все*, а божественная благодать возводитъ къ вѣчному блаженству" (стр. 57). Эти слова совершенно не вяжутся съ общимъ содержаніемъ и характеромъ труда г. Милославскаго. Въ дѣйствительности авторъ нисколько не отрицаетъ и не умаляетъ значенія древней философіи и культуры; онъ не можетъ не признать, что христіанская Европа обязана своимъ просвѣщеніемъ главнымъ образомъ великому умственному капиталу, оставленному ей языческою мудростью грековъ и римлянъ. Авторъ видитъ также, что и теперь люди удаляются отъ истины и блуждаютъ въ философскихъ потемкахъ, и что самые успѣхи современныхъ наукъ совершались не подъ вліяніемъ религіи, а напротивъ, при постоянной и иногда безчеловѣчной борьбѣ со стороны ея усердныхъ ревнителей. Не смотря на различныя оговорки, которыми обставлены приведенныя замѣчанія автора, изъ словъ его неизбѣжно вытекаетъ выводъ, что вѣрующій христіанинъ не можетъ и не долженъ заниматься научною философіею, — а такого взгляда не раздѣляетъ, конечно, г. Милославскій. Въ концѣ книги онъ нѣсколько ограничиваетъ свое указаніе на „всеудовлетворяющую" истину. „Пока человѣкъ остается жителемъ земли, — говоритъ онъ, — полного познанія истины не даетъ даже божественное откровеніе вѣрующему христіанину. Абсолютная истина и для христіанина пребываетъ непостижимой и открывается только какъ бы сквозь тусклое стекло гадательно" (стр. 429). Ненужныя противорѣчія устранялись бы сами собою, еслибы авторъ провелъ болѣе точную черту между вѣрою и знаніемъ, или оставилъ бы совершенно въ сторонѣ религію.

Предметомъ философіи, по опредѣленію г. Милославскаго, служить знаніе вообще, какъ фактъ существующій въ природѣ и составляющій особую категорію явленій. Авторъ придаетъ этой наукѣ рѣшающую роль не только въ умственной, но и въ нравственной жизни

человѣчества. „Какъ незнаніе вѣшной природы,—объясняетъ онъ,— всегда обращалось и обращается во вредъ человѣку, такъ и незнаніе самого знанія. При всѣхъ теоретическихъ успѣхахъ современной науки, человѣческое незнаніе еще такъ велико, что самые ученые люди *чаще всего* не въ состояніи отличить истину отъ заблужденія и лжи, не знаютъ какъ лучше поступить и осуществить въ жизни истинно-прекрасное и доброе“ (стр. 44—6). А если истинное знаніе недоступно даже „самымъ ученымъ людямъ“, то очевидно философія должна прійти къ нимъ на помощь, — она отыщетъ и укажетъ, по крайней мѣрѣ, лучший, вѣрный путь къ такому знанію. Но философія представляла до сихъ поръ гораздо меньше гарантій истинности, чѣмъ какая-либо другая наука; она заводила умы въ такіа добри, изъ которыхъ трудно было выбраться,—такъ-что ея помощь въ дѣлѣ отысканія истины представляется едва ли надежною. Г. Милославскій стоитъ какъ-будто между двумя противоположными теченіями, парализующими себя взаимно. Съ одной стороны, философія „постоянно оказывалась несостоятельною, изобиловала заблужденіями, и до сихъ поръ ея успѣхи не соотвѣтствуютъ усиліямъ и надеждамъ философовъ и вообще мыслящихъ людей“; она даже „не имѣетъ опредѣленнаго содержанія и значенія общепризнанной науки“ (стр. 55, 68 и др.). Съ другой стороны, безъ философіи „нельзя сдѣлать, что-нибудь въ наукахъ“; въ ней „скрыты лучшія сокровища познанія и лучшія блага личной и соціальной жизни“ (стр. 79, 188 и др.). Авторъ сознаетъ всѣ слабости „доселѣшней (sic) философіи“ и вѣсть съ тѣмъ ждетъ отъ нея исцѣленія всевозможныхъ человѣческихъ недуговъ. Для него очевидно, что „бѣдствія и страданія, тяготѣющія надъ человѣчествомъ, коренятся, главнѣйшимъ образомъ въ отсутствіи или недостаткѣ знанія, имѣющаго научную цѣнность“ (стр. 35); незнаніемъ объясняются даже такіа вещи, какъ эксплуатація чужого труда, безнравственность и т. п.

Чтобы доказать необходимость и важность философіи, г. Милославскій прибѣгаетъ къ совершенно излишнимъ и явнымъ натяжкамъ; онъ приписываетъ ей такіа дѣйствія и задачи, которыя не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Недостатокъ философіи, по его мнѣнію, ведетъ къ нравственному упадку общества, не смотря на высшее умственное развитіе его и на всѣ приобрѣтенія наукъ. Ученые и образованные люди поступаютъ часто безнравственно; это происходитъ будто бы потому, что у нихъ „при обиліи познаній мало философіи“. „Безъ философіи или при недостаточной философіи и образованный грекъ, и современный образованный человѣкъ одинаково выполняютъ грязное дѣло (?)“; во всей исторіи прошлаго, равно какъ и въ настоящее время, нравственная отсталость и наде-

ніе, вялость и искаженіе чувствованій совпадаютъ съ отсталостью или паденіемъ философіи“ (стр. 50—53). Не говоря уже объ исторической невѣрности такого обобщенія, достаточно напомнить автору, что хорошее или дурное вліяніе философіи зависитъ исключительно отъ ея внутреннего содержанія и направленія. Философія Эпикура дѣйствовала иначе, чѣмъ философія стоиковъ; пессимизмъ Шопенгауэра или Гартмана дѣйствуетъ иначе, чѣмъ оптимизмъ Гегеля. О какой же философіи говоритъ г. Милославскій, разсуждая объ ея благотворной нравственной силѣ? На этотъ естественный вопросъ авторъ не даетъ отвѣта. Невѣрно и произвольно также исходное предположеніе его, что дурные поступки людей зависятъ отъ незнанія. Чувства, потребности и страсти—болѣе сильныя пружины человѣческихъ дѣйствій, чѣмъ отвлеченное знаніе. Это прекрасно выражено въ извѣстныхъ словахъ Овидія: „Video meliora proboque, deteriora sequor“ (вижу и одобряю лучшее, а слѣдую худшему). Наконецъ, объясняя безнравственность „ученыхъ и образованныхъ людей“ недостаткомъ или слабостью философіи, авторъ незамѣтно для самого себя вводитъ какое-то принципиальное различіе между философскимъ знаніемъ и всякимъ другимъ. Онъ самъ же повторяетъ много разъ, что „каждый человѣкъ по природѣ философъ“ и что стремленіе къ философскому знанію свойственно всѣмъ вообще людямъ; откуда же могутъ явиться „ученые и образованные“ люди безъ философскихъ свѣдѣній и понятій? Не смѣшиваетъ ли авторъ ложной, по его личному мнѣнію, философіи съ отсутствіемъ или упадкомъ ея?

Опредѣляя философію, какъ „науку, изслѣдующую явленія человѣческаго знанія въ ихъ общемировыхъ отношеніяхъ и причинной связи“, г. Милославскій подробно объясняетъ, почему эта наука должна существовать отдѣльно отъ логики и психологіи, съ которыми соединяетъ ее кажущееся единство предмета. Трудно еще судить о положительномъ содержаніи философіи въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ее авторъ. Въ вышедшемъ первомъ томѣ, имѣющемъ вступительный характеръ, разработаны нѣкоторые вопросы, входящіе несомнѣнно въ область психологіи, и разработка ихъ едва ли удовлетворитъ тѣхъ специалистовъ, труды которыхъ часто упоминаются въ книгѣ. Намъ кажется, что, пользуясь данными психологіи и другихъ положительныхъ наукъ, философъ не долженъ поддаваться искушенію создавать что-либо новое въ этихъ специальныхъ отрасляхъ знанія. Г. Милославскій полагаетъ, что явленія знанія существуютъ не только во времени, но и въ пространствѣ; они представляются для познанія въ естественныхъ и искусственныхъ формахъ. „Естественныя формы—опредѣленные части нервной системы, опредѣленные колебанія воздуха, ощущаемыя слухомъ какъ членораздѣльные звуки

въ языкахъ всѣхъ народовъ, и т. д.; къ искусственнымъ формамъ слѣдуетъ отнести языкъ, безчисленные и разнообразнѣйшіе продукты культуры, особенно произведенія искусствъ и техники" (стр. 240—1). Едва ли кто согласится съ авторомъ, что „части нервной системы“ суть формы явленій знанія (!), а не органы психической дѣятельности. Столь же рискованныя разсужденія объ особомъ видѣ ощущеній, не открытомъ еще наукою психологіею,—а именно объ ощущеніяхъ знанія. Болѣе основательно разбираетъ авторъ вопросы логики, особенно вопросъ о причинахъ и послѣдствіяхъ и о взаимной ихъ связи, причемъ справедливо указаны нѣкоторые ошибки Милля.

По поводу сочиненія г. Милославскаго можно сказать вообще, что не слѣдовало бы тратить такъ много времени и силъ на доказательство того, что данная наука занимаетъ особое мѣсто въ ряду наукъ. Право на самостоятельное существованіе доказывается не общими разсужденіями, а положительнымъ содержаніемъ и успѣхами науки въ лицѣ ея представителей.

— Л. Гелленбахъ: Индивидуализмъ въ свѣтъ біологіи и современной философіи. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ *Владимира Соловьева*. Изданіе А. И. Аксакова, Спб. 1874.

Книга Гелленбаха проникнута самою пріятною и добродушною философіею, какую можно себѣ представить въ настоящее время. Какъ трогательно, напр., убѣждаетъ насъ авторъ въ необходимости бессмертія души! „Я не требую даже,—говоритъ онъ,—безусловнаго бессмертія; съ меня довольно и относительнаго, которое доступно для нашего ума и совершенно достаточно для того, чтобы съ вѣрою въ него посвятить себя общечеловѣческимъ интересамъ, смѣлѣе переносить превратности жизни и поступать съ своимъ ближнимъ какъ съ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ“ (стр. 249). „Подвергнемъ ли мы разбору данныя естествознанія, станемъ ли мы смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія различныхъ философскихъ системъ, или спросимъ только *человѣческое сердце*,—во всякомъ случаѣ должно будетъ признать допустимость и благотворное значеніе большей продолжительности индивидуальной функціи организующихъ силъ или существъ“ (стр. 203). Доказавъ, что его идея не противорѣчитъ даннымъ науки и не опровергается ими прямо, авторъ считаетъ уже несомнѣннымъ, что человѣкъ есть лишь временное воплощеніе нѣкаго „умопостигаемаго субъекта“, имѣющаго независимое реальное существованіе внѣ этого міра земной суеты и печали. Гелленбахъ не касается вовсе религіозной стороны вопроса; онъ хочетъ вывести свое положеніе изъ біологіи и философіи, путемъ цѣлаго ряда отри-

пательныхъ и положительныхъ доводовъ. Добродушіе автора сказывается и въ его полемикѣ, которая прорывается иногда самымъ оригинальнымъ образомъ среди серьезныхъ разсужденій. „Вся наша личность, все наше человѣческое „я“, — замѣчаетъ онъ, — есть лишь отраженный въ мозгу образъ дѣятельности умопостигаемаго субъекта. Во время сна и состоянія безсознательности наша чувственная машина прекращаетъ свое дѣйствіе, между тѣмъ какъ дѣятельность того субъекта продолжается безостановочно; онъ дѣятеленъ уже въ новорожденномъ ребенкѣ въ то время, когда нѣтъ еще слѣда его эмпирическаго „я“, которое развивается лишь со временемъ, и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, въ родѣ финансистовъ (?) и бюрократовъ, особенно же у оффиціальныхъ жрецовъ науки, нерѣдко обращается въ каррикатуру самохвальства и надутости (стр. 305—6). Доводы автора заключаются часто въ вопросахъ, которые онъ самъ себѣ ставитъ. „И почему было бы невозможно, — спрашиваетъ онъ, — чтобы я, т. е. истинный субъектъ моего существа, не имѣлъ другого бытія? Гдѣ доказательства этой невозможности?“ „Къ сожалѣнію, — сознается онъ въ другомъ мѣстѣ, — мы не имѣемъ абсолютной достовѣрности относительно того, можетъ ли міръ имѣть цѣль или не можетъ; и если даже онъ имѣетъ таковую, то во всякомъ случаѣ она можетъ нисколько не затрогивать нашего существованія... Но если наше бытіе дѣйствительно не должно имѣть никакой другой цѣли, кромѣ той жизни, которую мы знаемъ, и если эта жизнь во всѣхъ религіяхъ и системахъ признается, какъ сумма тяжелыхъ скорбей и иллюзій, тогда мы съ полнымъ правомъ можемъ поставить вопросъ: на какихъ такихъ принудительныхъ основаніяхъ должны мы предпочитать или даже прямо признавать необходимостью и истинною такое возмущающее нашъ умъ и чувства воззрѣніе?“ (стр. 121—2). При подобной постановкѣ вопроса, отвѣтъ является легкимъ для всякаго читателя. Если рѣшеніе зависитъ отъ нашего желанія или чувства, то мы, разумѣется, нисколько не затруднились бы сдѣлать надлежащій выборъ. Дѣло только въ томъ, что такое рѣшеніе едва ли можетъ имѣть научную цѣнность, какъ это обстоятельно доказываетъ самъ авторъ по отношенію къ противоположнымъ увлеченіямъ матеріалистовъ и философовъ-пессимистовъ. Ссылки на явленія спиритизма и на „четвертое измѣреніе“ пока еще мало убѣдительны.

Значительная часть книги посвящена критической оцѣнкѣ наиболѣе популярныхъ ученій объ органической жизни и главнѣйшихъ философскихъ системъ. Эта часть изложена бойко и не безъ остроумія; критика представляетъ несомнѣнные достоинства и читается

съ интересомъ. Авторъ подробно разбираетъ Спенсера, Геккеля, Йегера, Шопенгауэра и Гартмана; онъ останавливается также на теоріяхъ Лейбница, Гербарта, Фихте и другихъ. Только выводы Целльнера принимаются имъ безъ разсужденія; этотъ проповѣдникъ „четвертаго измѣренія“ служитъ для автора почти единственнымъ авторитетомъ, кромѣ Канта.

Что касается предисловія г. Вл. Соловьева, то оно состоитъ изъ изреченій, болѣе или менѣе сильныхъ и красивыхъ, но имѣющихъ мало общаго съ наукою. „Духъ человѣческій,—говоритъ, напริมѣръ авторъ,—создавши отвѣченную философію и отвлеченное естествознаніе, подъ конецъ долженъ убѣдиться, что эти сложныя и искусныя постройки имѣютъ одинъ серьезный недостатокъ: въ нихъ нѣтъ мѣста самому здѣчному“. Это вовсе не такъ, разумѣется,—нѣсто-то есть, да оно кажется намъ неподходящимъ. „Когда философствующій человѣкъ на основаніи имъ самимъ измышленнаго понятія о природѣ, признаетъ себя обреченнымъ на ничтожество, то—по словамъ г. Соловьева,—это похоже на судью, который самъ сочинилъ бы законъ и на основаніи этого закона самъ осудилъ бы себя на смертную казнь“ (стр. XII). Сравненіе это очень и очень хромаетъ; иснаніе истины, хотя бы непріятной, далеко не похоже на судъ или законодательство. Роль судьи или законодателя беретъ на себя только такой философъ, который, подобно г. Соловьеву, ставитъ свой ограниченный умъ на степень рѣшающаго критерія истины. Ему доступно „истинное понятіе о душѣ“ (стр. XIX), составляющее тайну для великихъ мыслителей; онъ ясно видитъ, что „присутствіе этой души необходимо для самыхъ первобытныхъ и простѣйшихъ формъ живой и одушевленной протоплазмы“ (XXI). Г-нъ Соловьевъ не доволенъ Гелленбахомъ; онъ возвращаетъ вопросу о душѣ обычный религіозный характеръ и совѣтуетъ философамъ не уклоняться отъ божественнаго откровенія. Очевидно, онъ не отличаетъ науки отъ религіи; его предложеніе „перенести философію изъ области человѣческихъ измышленій въ область божественной истины“ равносильно проекту упраздненія философской мысли для замѣны ея богословскою догматикою, что и существовало когда-то („philosophia—ancilla theologiae“). Странно, что при такомъ взглядѣ г. Соловьевъ считаетъ себя какъ-будто свободнымъ отъ общей ограниченности человѣческаго ума. „Всякая вообще *ограниченная голова*,—говоритъ онъ по поводу недовѣрія къ спиритизму,—можетъ не только довольствоваться, но и гордиться своею ограниченностью, украсивъ ее названіемъ здраваго смысла“ (стр. XXVI, примѣч.). Неужели авторъ исключаетъ себя изъ числа „ограниченныхъ головъ“ и приписываетъ себѣ

то, чего нѣтъ у большинства людей? Мы думаемъ, что это было бы гордостью, несоотвѣтствующею религіознымъ убѣжденіямъ г. Соловьева.—Л. С.

— К. Головинъ: Наше мѣстное управленіе и мѣстное представительство. С.-Петербургъ, 1884.

Книга г. Головина представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ программа одной изъ нашихъ партій по отношенію къ реформѣ мѣстнаго управленія и самоуправленія. Эта программа, всего болѣе сходная съ извѣстнымъ проектомъ московской земской комиссіи, можетъ быть сведена къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: сохраненіе сельско-общественнаго крестьянскаго управленія, но съ подчиненіемъ его „извѣстной опежѣ“, (alias—„властной рукѣ“); преждевременность сословной волости, какъ мелкой земской единицы; замѣна крестьянской волости волостью территоріальною, во главѣ которой стоялъ бы волостной мировой судья, какъ уполномоченный администраціи и земства, соединяющій въ себѣ власть судебную, полицейскую и хозяйственно-распорядительную; установленіе для волостныхъ мировыхъ судей того же ценза, имущественнаго и образовательнаго, какой существуетъ теперь для мировыхъ судей (съ нѣкоторымъ развѣ пониженіемъ имущественнаго ценза въ губерніяхъ черноземныхъ и повышеніемъ его въ другихъ мѣстностяхъ); избраніе кандидатовъ въ волостные мировые судьи уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, съ тѣмъ, чтобы утвержденіе въ должности одного изъ нихъ зависѣло отъ губернатора; сохраненіе нынѣ дѣйствующей земской избирательной системы, съ пониженіемъ только избирательнаго возраста до 21 года; расширеніемъ права передачи голоса другому лицу (землевладѣльцемъ — управляющему его имѣніемъ) и предоставленіемъ крупнымъ землевладѣльцамъ двухъ избирательныхъ голосовъ, вмѣсто одного; замѣна уѣздной земской управы коллегіею, состоящею изъ волостныхъ мировыхъ судей и уѣзднаго исправника, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, и сосредоточивающею въ себѣ функціи всѣхъ существующихъ теперь уѣздныхъ органовъ управленія, за исключеніемъ воинскаго присутствія и судебно-мирового сѣзда; соединеніе всѣхъ органовъ губернскаго управленія въ губернскомъ совѣтѣ, состоящемъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, представителей различныхъ вѣдомствъ (въ числѣ шести), губернскаго предводителя дворянства, мѣстнаго городского головы и пяти членовъ, избранныхъ губернскимъ земскимъ

собраніемъ; упраздненіе, сообразно съ этимъ, губернскихъ земскихъ управъ; сліяніе бюджетовъ земскаго и казеннаго, посредствомъ ежегодной ассигновки извѣстной суммы на земскіе расходы каждой губерніи и разверсткѣ ея—за вычетомъ расходовъ собственно губернскихъ—между уѣздами, или посредствомъ предоставленія нѣкоторыхъ налоговъ всецѣло въ распоряженіе земства. Нѣкоторые пункты этой программы не требуютъ обсужденія со стороны „Вѣстника Европы“; читателямъ нашего журнала давно уже извѣстно мнѣніе наше о всесословной, самоуправляющейся волости, о капитальныхъ недостаткахъ земской избирательной системы, о невозможности соединенія въ лицѣ, управляющемъ волостью, обязанностей судебныхъ и административныхъ. По вопросу о сліяніи функцій земскихъ и административныхъ для уѣзда—въ уѣздной управѣ, для губерніи—въ губернскомъ совѣтѣ, г. Головинъ примыкаетъ къ мнѣніямъ, высказаннымъ еще во время сенаторскихъ ревизій 1881 г. и находящимся на разсмотрѣніи Кахановской комиссіи; разобрать ихъ будетъ всего удобнѣе въ связи съ работами этой комиссіи. Ограничимся теперь нѣсколькими замѣчаніями, могущими дать понятіе объ общемъ духѣ книги г. Головина. „Для тѣхъ людей,—говоритъ авторъ,—которые мечтали объ идеальномъ самоуправленіи на широкихъ демократическихъ началахъ, всякое преобладаніе бывшихъ помѣщиковъ въ преобразованныхъ волостяхъ казалось чѣмъ-то въ родѣ язвы египетской; имъ мерещилось, наоборотъ, подчиненіе на равныхъ правахъ всѣхъ жителей волости общему выборному управленію, причемъ, конечно, участіе образованнаго класса позволяло обновить это управленіе въ прогрессивномъ духѣ; но подъ образованнымъ классомъ подразумѣвались ужъ не помѣщики, а такъ называемая интеллигенція, т.-е. фельдшера, ветеринары, сельскіе учителя и tutti quanti“.

Мы желали бы знать, кто и когда исключалъ всѣхъ помѣщиковъ изъ среды интеллигенціи или образованнаго класса, кто предлагалъ устранить ихъ отъ участія въ управленіи преобразованною волостью? Изъ словъ самого автора видно, что предметомъ опасеній было только преобладаніе помѣщичьяго элемента—а отъ участія до преобладанія еще очень далеко. Отдать волость въ руки привилегированнаго меньшинства, значило бы промѣнять теперь существующій порядокъ на нѣчто еще худшее; открыть этому меньшинству доступъ къ общему дѣлу, на равныхъ правахъ съ большинствомъ, значило бы, сдѣлать шагъ впередъ, давно уже требуемый обстоятельствами. Сельскіе учителя, земскіе врачи, даже фельдшера и ветеринары, безъ сомнѣнія, могутъ быть полезными членами волостного схода —

но въ такой же точно мѣрѣ, какъ и помѣщики, способные отрѣшиться отъ сословныхъ предразсудковъ. Ничѣмъ инымъ, кромѣ недоразумѣнія, нельзя объяснить и взглядъ г. Головина на земскую избирательную систему. Возставая противъ образовательнаго ценза, авторъ указываетъ на ничтожность, количественную и качественную, уѣздной „безземельной интеллигенціи“, составъ которой исчерпывается, въ его глазахъ, чиновниками — состоящими на службѣ или отставными — и служащими по найму у земства, различныхъ компаній и частныхъ лицъ. Первая ошибка автора — это смѣшеніе вопроса объ образовательномъ цензѣ съ вопросомъ о предоставленіи избирательнаго права „безземельной интеллигенціи“. Установить образовательный цензъ, значить открыть доступъ въ ряды избирателей не только врачамъ, фельдшерамъ, учителямъ и т. п., но и получившимъ высшее или среднее образованіе землевладѣльцамъ, поземельная собственность которыхъ не достигаетъ размѣровъ имущественнаго ценза. Между мелкими землевладѣльцами весьма много такихъ, которые, именно въ силу своего образованія, съ большою пользою для дѣла могли бы пополнить собою составъ землевладѣльческихъ избирательныхъ сѣздовъ. Вторая ошибка г. Головина — высокомерное отношеніе къ людямъ, близко стоящимъ къ народной жизни и способнымъ внести въ земство новый, весьма важный элементъ, теперь вовсе не представленный въ немъ или представленный весьма слабо. Для насъ непонятно, какимъ образомъ можно извѣрять интересъ къ земству исключительно цифрой платежа земскаго сбора, считать крупнаго землевладѣльца, никогда не заглядывающаго въ свое имѣніе, болѣе компетентнымъ въ рѣшеніи земскихъ вопросовъ, чѣмъ учителя или врача, благосостояніе котораго прямо зависитъ отъ болѣе или менѣе успѣшнаго хода земскаго дѣла. Земскіе врачи и учителя — вообще, повидимому, *bête noire* г. Головина, предметъ его особенной антипатіи; онъ полагаетъ, напримѣръ, что врачебные и учительскіе сѣзды „приносятъ гораздо болѣе пользы мѣстнымъ трактирщикамъ, чѣмъ наукѣ“. Не знаемъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь и были подобныя сѣзды; но такъ характеризовать ихъ *вообще* можетъ только человѣкъ, очень мало знакомый съ исторіей нашего земства. Задача сѣздовъ заключается, притомъ, не въ служеніи *науки*, выигрывающей отъ нихъ развѣ косвенно, а въ разрѣшеніи практическихъ вопросовъ, въ достиженіи практическихъ цѣлей. Если народные учителя познакомятся на сѣздѣ съ лучшими приѣмами преподаванія, то педагогія, какъ наука, подвинется отъ этого впередъ неименно, но обученіе въ начальныхъ школахъ значительно переимѣнится къ лучшему. Не блестяще знаніемъ дѣла и отзывъ г. Головина о земской статистикѣ: „боль-

шею частью, читаемъ мы въ предпоследней главѣ,—земствамъ пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ секретарямъ статистическихъ комитетовъ и въ концѣ-концовъ получать свѣдѣнія все изъ того же мутнаго источника—волостныхъ правленій^а. И рядомъ съ этимъ, ни на чемъ неоснованнымъ обобщеніемъ—ни одного слова о статистическихъ трудахъ московскаго, черниговскаго, тверскаго, вятскаго, рязанскаго земства! Одно только можно сказать съ достовѣрностью: для подобныхъ трудовъ, точно также какъ и для учительскихъ и врачебныхъ сѣздовъ, для земскихъ учительскихъ и фельдшерскихъ школъ, для всѣхъ лучшихъ проявленій земской дѣятельности, въ земствѣ, какъ его проектируетъ г. Головинъ, не останется мѣста. Избирательный сѣздъ, съ двойнымъ голосомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и съ замѣстительствомъ самихъ землевладѣльцевъ ихъ управляющими—волостные мировые судьи, какъ правительственные агенты, одинаково всемогущие въ волости и въ уѣздѣ—губернскій совѣтъ, съ значительнымъ перевѣсомъ бюрократическаго и сословнаго элементовъ надъ земскимъ—земскій бюджетъ, заранее вдвинутый въ опредѣленные границы—все это, взятое въ совокупность, составляетъ такое цѣлое, въ сравненіи съ которымъ можетъ показаться прелестнымъ даже настоящее провинціальное устройство.

— С. А. Приклонскій. Народная жизнь на Олонецъ. Москва, 1884.

Сочиненіе г. Приклонскаго — одна изъ лучшихъ книгъ, появившихся въ послѣднее время. Легкая, занимательная форма ничуть не вредитъ богатству и серьезности содержанія. Передъ нами проходитъ вся современная жизнь олоонецкаго крестьянина, освѣщенная, гдѣ нужно, очертаніями прошедшаго, ближайшаго и болѣе отдаленнаго. Три главы, посвященныя волостному владѣнію землею, личному владѣнію и первому передѣлу, составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ исторію общины на сѣверѣ. Особенно любопытенъ рассказъ автора о мѣрахъ, принятыхъ въ прошедшемъ вѣкѣ съ цѣлью улучшенія быта олоонецкихъ крестьянъ, путемъ восстановленія равновѣсія между богачами-скупщиками земли и обезземеленными бѣдняками. „Иные крестьяне, — писала, въ 1785 г., олоонецкая казенная палата, — по двумъ ревизіямъ плата подати, земли не имѣютъ, по причинѣ притѣсненія прочихъ крестьянъ, которые по купчимъ, закладнымъ, завѣщаніямъ, приданствомъ и насильствомъ завладѣвъ, во многихъ селеніяхъ пользовались

земляни, не допуская ихъ къ разрабатыванію удобныхъ мѣстъ, относилось къ собственности". Генералъ-губернаторъ (Туголминъ) распорядился „о раздѣлѣ всѣхъ между крестьянами, по ровному числу, земель“, съ тѣмъ, конечно, чтобы раздѣленные земли поступали не въ личное, а въ волостное владѣніе (особая, свойственная сѣверу форма общиннаго владѣнія). Это распоряженіе, съ радостью принятое большинствомъ крестьянъ, вызвало противодѣйствіе богатѣй, нашедшихъ себѣ поддержку въ олонецкомъ губернаторѣ—Державинѣ. Средства, пущенныя въ ходъ, напоминаютъ болѣе близкое къ намъ время: несогласію крестьянъ Пудожскаго погоста возвратить одному изъ богатѣй отобранную отъ него, въ силу распоряженія о передѣлѣ, землю былъ данъ характеръ „крестьянскаго бунта“, и передѣлъ, похъ этимъ предлогомъ, былъ пріостановленъ. Генералъ-губернаторъ продолжалъ настаивать на своемъ, но уклончивый указъ сената заставилъ и его дѣйствовать уклончиво; онъ предписалъ продолжать передѣлъ земли между крестьянами, но не утверждать передѣловъ, если противъ нихъ гдѣ-либо будетъ предъявленъ споръ. Послѣдствія этого распоряженія чувствуются еще до сихъ поръ; „часть земель, говоритъ г. Приклонскій, была поровну раздѣлена между крестьянами и съ того времени при каждой ревизіи вновь передѣляется, а другая часть земли до настоящей поры еще ни разу не подвергалась передѣлу, хотя и здѣсь крестьяне признаютъ въ принципѣ обязательность передѣловъ“. Къ ошибкѣ, сдѣланной столѣтъ тому назадъ, присоединились и присоединяются другія, тяжело отзывавшіяся на тяжеломъ уже и безъ того положеніи бѣднаго, суроваго края. Выдача владѣнныхъ записей не существующимъ издавна группамъ селеній или волостямъ, совмѣстно владѣющимъ землею, а отдѣльнымъ селеніямъ или поселкамъ, способствуетъ искусственному разрушенію волостнаго владѣнія, коренящагося, на сѣверѣ, въ способъ расселенія крестьянъ и въ подсѣчномъ хозяйствѣ ¹⁾ Подсѣчному хозяйству, до сихъ поръ необходимому для олонецкихъ крестьянъ наравнѣ съ трехпольнымъ, противодѣйствуютъ, съ своей стороны, распоряженія лѣснаго начальства, ставящія земледѣліе въ зависимость отъ произвола лѣсничихъ. При плохомъ свойствѣ почвы, единственнымъ обезпеченіемъ олонецкаго крестьянина противъ голода служить количество посѣва—а оно постоянно уменьшается, именно вслѣдствіе затрудненій, съ которыми сопряжены новыя подсѣки; въ

¹⁾ Подсѣчнымъ хозяйствомъ называется обработка подъ хлѣбъ участковъ земли, очищенныхъ изъ-подъ лѣса. Черезъ нѣсколько лѣтъ участки опять запускаются подъ лѣсную заросль.

продолженіе пятнадцати лѣтъ число высѣваемыхъ ежегодно четвертей хлѣба упало въ олоонецкой губерніи на десять с лишкомъ тысячъ четвертей. Въ довершеніе бѣды, составъ олоонецкаго земства крайне плохъ, дѣятельность его не выдерживаетъ никакой критики; оно ничего не умѣетъ сдѣлать для обезпеченія крестьянъ, въ голодные годы, продовольствіемъ и сѣменами. Нужно прочесть у г. Приклонскаго описаніе суррогатовъ хлѣба, употребляемыхъ олоонецкими крестьянами, или очеркъ положенія тулозерской волости, разоренной штрафами за лѣсныя порубки, чтобы повѣсть, до какой степени дошла нужда въ олоонецкомъ краѣ и какъ необходимы мѣры къ ея облегченію. Нѣкоторые изъ этихъ мѣръ указаны г. Приклонскимъ въ главѣ, озаглавленной: „Палліативы“.

Отсюда г. Приклонскаго объ олоонецкихъ „сельскихъ богачахъ“ знакомить насъ съ типомъ, вовсе, или почти вовсе, не существующимъ въ средней Россіи. Развившійся крестьянинъ центральныхъ губерній мало въ чемъ измѣняетъ свою внѣшнюю, житейскую обстановку, но совершенно порываетъ внутреннюю связь съ народомъ, старается сойтись съ „начальствомъ“ и болѣею частью помышляетъ перебраться въ городъ, записаться въ гильдію. Олоонецкій сельскій богачъ не бѣжитъ изъ деревни, не отдаляется отъ нея духомъ, хотя и заводитъ хорошій, чистый домъ, часто не уступающій помѣщичьему. „Онъ умѣетъ держать людей въ экономической зависимости, не стирая человѣческой личности ихъ, оставаясь сильнымъ между равными“. У него развивается охота къ чтенію; онъ получаетъ газеты, добываетъ книги, особенно старинныя. Онъ готовъ жертвовать на хорошее дѣло, строить на свой счетъ мосты, устраиваетъ и содержитъ школы; въ селеніи Ладвахъ, петрозаводскаго уѣзда, мѣстными богачами основано чуть ли не единственное въ Россіи сельское благотворительное общество. Лучшіе изъ богачей не идутъ въ земство, заслужившее въ олоонецкой губерніи худую славу, и отказъ ихъ отъ земской дѣятельности не только не роняетъ ихъ въ глазахъ крестьянъ, но еще болѣе сближаетъ ихъ съ массой. Тѣнныя стороны картины только слегка намѣчены г. Приклонскимъ. „Богачъ,—говоритъ онъ,—обдѣлываетъ свои дѣлашки посредствомъ эксплуатаціи труда крестьянъ, которые, подчинившись культурному превосходству эксплуататора, не замѣчаютъ дѣлаемаго имъ зла, или если и замѣчаютъ, то не сознаютъ въ себѣ достаточно силы для борьбы съ нимъ... Подъ обаяніемъ нравственнаго превосходства богачей, въ глазахъ крестьянъ застилается туманомъ громадный вредъ, который приносятъ тѣ же богачи невыносимо тяжелою эксплуатаціею крестьянскаго труда“. Нельзя не пожалѣть, что авто-

ромъ не изображены болѣе подробно виды и формы этой эксплуатаціи.

Изучая вліяніе народной школы, г. Приклонскій слишкомъ поспѣшно, какъ намъ кажется, дѣлаетъ общіе выводы изъ небольшого запаса фактическихъ данныхъ. Едва ли можно утверждать, что школа „разрушающимъ образомъ дѣйствуетъ на сложившійся изъ поколѣній вѣка строй рабочей и семейной жизни“. Броженіе, производимое ею, слишкомъ слабо, слишкомъ медленно, чтобы быть разрушительнымъ. „Культурныя потребности“, говоритъ г. Приклонскій, „такъ прочно прививаются къ рабочимъ, получившимъ нѣкоторое образованіе, что становится невозможностью отказаться отъ удовлетворенія этихъ нуждъ и по-неволѣ приходится изыскивать для того новыя средства, помимо обычнаго рабочаго труда“. Отсюда, по мнѣнію г. Приклонскаго, стремленіе бывшихъ учениковъ народной школы „захватить въ свои руки занятія, въ основѣ которыхъ лежитъ эксплуатация чужого труда“. Сомнительной кажется намъ самая прочность „культурныхъ потребностей“, выносимыхъ изъ школы; *размѣръ* ихъ, во всякомъ случаѣ, до того, болѣею частью, не великъ, что удовлетвореніе ихъ возможно, до поры до времени, и въ обычныхъ рамкахъ рабочей жизни. Переходъ крестьянъ, чему-либо научившихся, отъ земледѣльческаго труда къ занятіямъ болѣе прибыльнымъ, но менѣе почтеннымъ—явленіе временное и притомъ далеко не общее; оно сопровождается собою развѣ первый періодъ существованія начальной школы, когда число окончившихъ курсъ ученія еще весьма незначительно. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что центральная Россія и даже такія губерніи, какъ петербургская, новгородская, псковская вышли уже изъ этого періода, и что цѣль, намѣчаемая г. Приклонскимъ—поднятіе общаго уровня знаній въ народѣ—достижима и при господствующей роли земства въ дѣлѣ развитія народной школы. Мы отнюдь не возражаемъ противъ вмѣшательства въ это дѣло правительственной власти—напротивъ того, намъ неоднократно приходилось говорить о необходимости такого вмѣшательства; мы утверждаемъ только, что оно должно идти параллельно съ дѣятельностью земскихъ учреждений, что не настало еще время „изъять начальную школу изъ вѣденія земства“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить главные факты изъ исторіи нашей народной школы за послѣднее двадцатилѣтіе.

— А. Мальшинскій. Народное благосостояніе по демографическимъ даннымъ. Выпускъ первый. С.-Петербургъ, 1884.

Авторъ этой книги задался мыслью изучить движеніе населенія, т.-е. естественный приростъ его въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и опредѣлить, на сколько разница между процентомъ рождаемости и процентомъ смертности выражаетъ собою степень благосостоянія края. Поступаетъ онъ при этомъ слѣдующимъ образомъ: сначала устанавливаются, на основаніи примѣра западно-европейскихъ государствъ, пять категорій разницы, изъ которыхъ высшая — наиболѣе благоприятная — составляетъ 20 и болѣе; низшая — наименѣе благоприятная — не превышаетъ 8 на тысячу человекъ общаго населенія; затѣмъ, приводятся цифры дѣйствительной разницы, за 1880 г., въ различныхъ губерніяхъ Россіи (съ выдѣленіемъ въ особую таблицу царства польскаго, Финляндіи и Сибири), губерній распредѣляются между вышеозначенными пятью категоріями, и наконецъ, производится разборъ условій, поднимающихъ или понижающихъ въ каждой губерніи (начиная съ тѣхъ, которыя отнесены къ высшей категоріи) благосостояніе народа. Эта послѣдняя часть труда исполнена, пока мѣстъ, только по отношенію къ одиннадцати губерніямъ. Первое обстоятельство, уменьшающее, въ нашихъ глазахъ, значеніе изслѣдованія г. Мальшинскаго, заключается въ томъ, что цифры, на которыхъ онъ строитъ свои выводы — не среднія за довольно большое число лѣтъ, а относящіяся только къ одному году, и слѣдовательно въ значительной степени случайныя. Припомнимъ, напримѣръ, что для губерній саратовской и самарской 1880 годъ былъ неурожайный, слѣдовавшій за неурожайнымъ; удивительно ли, послѣ того, что въ свискѣ г. Мальшинскаго самарская губернія занимаетъ 19-ое, а саратовская — даже 40-ое мѣсто? Другое, не менѣе сильное сомнѣніе вытекаетъ изъ самаго дѣленія на категоріи. Состояніе народа, у котораго разница между процентомъ рождаемости и процентомъ смертности падаетъ ниже 8 съ 1,000, авторъ называетъ *блѣдственнымъ* — и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ намъ, что именно къ этой категоріи принадлежитъ *Франція* (разница — около *двухъ*, т.-е. гораздо ниже предѣла низшей категоріи)! Бельгія (съ разницей въ *восемь*) должна быть признана, по масштабу г. Мальшинскаго, *счетомъ*, Англія (съ разницей въ $11\frac{1}{2}$) — *шестеро* болѣе благоденствующею, чѣмъ Франція! Система, приводящая къ такимъ выводамъ, не внушаетъ намъ большого довѣрія. Движеніе населенія едва ли можетъ считаться вѣрнымъ показателемъ народнаго благосостоянія; правильнѣе, кажется,

было бы видѣть въ первомъ только *одно изъ условий*, которыя должны быть принимаемы въ расчетъ при опредѣленіи степени, достигнутой послѣднимъ. Увлеченіе автора становится еще болѣе очевиднымъ, если обратить вниманіе на то, что самое низшее мѣсто въ нижней категоріи занимаютъ у него губерніи московская и петербургская, конечно, въ силу того, что въ Петербургѣ и Москвѣ, подъ вліяніемъ особыхъ условий столичной жизни, число смертей превосходитъ число рожденій. Столичные губерніи очевидно являются, такимъ образомъ, *hors concours*, — но это не мѣшаетъ г. Мальшинскому спокойно заносить все населеніе ихъ въ категорію „бѣдственнаго состоянія“. Односторонность исходной точки не помѣшаетъ, однако, — судя по послѣднимъ главамъ книги, — интересу сравнительныхъ этюдовъ, посвящаемыхъ авторомъ отдѣльнымъ губерніямъ Россіи.

— Г. М. Герценштейнъ: Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи. Еще по поводу женскихъ врачебныхъ курсовъ. С.-Петербургъ, 1883.

Брошюра г. Герценштейна служитъ цѣннымъ дополненіемъ къ книгѣ г. Сушинскаго, о которой мы говорили въ іюньскомъ обзорѣ нѣ прошедшаго года. И та, и другая, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль — опроверженіе предразсудковъ и неосновательныхъ обвиненій, раскрытіе той пользы, которую принесли, приносятъ и могутъ принести въ будущемъ женщины-врачи. Весьма убѣдительно расцѣпъ, приводимый авторомъ въ подтвержденіе недостаточности числа врачей, которымъ въ настоящее время располагаетъ Россія (противники женскихъ врачебныхъ курсовъ ссылаются, между прочимъ, и на то, что потребность въ медицинской помощи вполнѣ удовлетворяется у насъ наличными врачами-мужчинами). „Если мы примемъ“, говоритъ г. Герценштейнъ, „что каждый житель европейской Россіи болѣетъ только 10 дней въ году — цифра, безспорно, многократно меньшая противъ дѣйствительности, — то и тогда мы получимъ, что число болѣзненныхъ дней для всего населенія составляетъ въ годъ 830 милліоновъ. Другими словами, ежедневно болѣетъ по 2.271,000 человекъ. Допуская, что одинъ врачъ можетъ ежедневно осмотрѣть даже до 50 больныхъ, мы увидимъ, что потребное число врачей для Россіи выразится громадной цифрой почти въ 50,000“, — а на самомъ дѣлѣ ихъ менѣе четырнадцать тысячъ! По справедливому замѣчанію автора, предположенное имъ число врачей было бы достаточно лишь

въ случай равномернаго распредѣленія ихъ, невозможнаго при разбросанности нашихъ поселеній. Изъ числа 13,515 врачей, числившихся по спискамъ въ концѣ 1879 г., только 8,500 (приблизительно) не состояли ни на казенной, ни на общественной службѣ. Ежегодно оканчивается курсъ около 600 врачей, умираетъ — около 400; избытокъ, слѣдовательно — не говоря уже о врачахъ, оставляющихъ свою профессію или вовсе не практикующихъ — далеко не такъ великъ, чтобы можно было опасаться прибавки къ нему ежегодно 30 — 40 женскихъ-врачей. Исслѣдованія гг. Сушинскаго и Герценштейна приводятъ къ слѣдующему несомнѣнному выводу: еслибы дальнѣйшая судьба женскихъ врачебныхъ курсовъ зависѣла только отъ разсужденій, основанныхъ на фактахъ, то она могла бы считаться совершенно обезпеченною.

— Д. М. Львовъ. Налогъ съ наслѣдства, по современному ученію финансовой науки. Казань, 1883 г.

Въ виду недавняго введенія у насъ въ дѣйствіе налога съ наслѣдствъ, брошюра г. Львова, дающая и сравнительно-историческій обзоръ этого налога, и очеркъ различныхъ о немъ мнѣній, является весьма кстати. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что налогу съ наслѣдствъ суждено, повидимому, вызывать въ нашей литературѣ верѣшительные, несвободные отъ противорѣчій отзывы. Годъ тому назадъ мы указали на такое противорѣчіе въ „Финансовомъ правѣ“ г. Лебедева ¹⁾; теперь намъ приходится констатировать его и у г. Львова. „Основаніе налога съ наслѣдства“, говоритъ авторъ, „чисто-податное (а не социальное, какъ утверждаютъ опровергаемые г. Львовымъ защитники теоріи государственнаго сонаслѣдія) и заключается въ обложеніи особаго рода приобрѣтенія, представляемаго наслѣдствомъ“. Почему же, въ такомъ случаѣ, допускается прогрессивный ростъ налога, по мѣрѣ отдаленности родства между наслѣдникомъ и наслѣдодателемъ? „Потому“, отвѣчаетъ г. Львовъ, что „чѣмъ дальше степень родства, тѣмъ меньше наслѣдство является приобрѣтеніемъ черезъ собственный трудъ, тѣмъ болѣе — счастливымъ случаемъ“. Эти доводы не лишены основанія, но едва ли можно признать за ними чисто-податное значеніе. Кромѣ наслѣдованія дѣтей послѣ родителей и жены послѣ мужа, наслѣдство всегда является

¹⁾ См. Литературное Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1882-й годъ.

всѣмъ обогащеніемъ, приобрѣтеніемъ ¹⁾), и, слѣдовательно, съ одной-сторонней финансовой точки зрѣнія, всегда подлежало бы обложенію, въ одинаковой пропорціи къ его цѣнности. Постепенное возвышеніе обложенія, по мѣрѣ отдаленности родства, оправдывается именно тѣми же самыми соображеніями, въ силу которыхъ право наследованія родственниковъ ограничено, въ нѣкоторыхъ государствахъ, извѣстною степенью родства, уступая мѣсто, за ея предѣлами, выморочному праву государства. Замѣтимъ, что самъ г. Львовъ допускаетъ, въ другомъ мѣстѣ, законность такого ограниченія, лишь бы только оно было установлено „съ большей осмотрительностью и не вдругъ“. „Ограниченія въ наследованіи“, говоритъ онъ, „должны быть вводимы съ извѣстной осторожностью, чтобъ не ослабить связь семейнаго союза—этой первоначальной основы нашего социальнаго и государственнаго строя“. Читая эти строки, можно подумать, что рѣчь идетъ объ ограниченіи правъ наследованія дѣтой, или, по крайней мѣрѣ, родственниковъ въ ближайшихъ боковыхъ степеняхъ—второй, третьей или четвертой. Дальше этихъ степеней, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, современная семья не простирается; поколебать ее или ослабить—отнять права наследованія въ отдаленныхъ степеняхъ родства, безъ сомнѣнія, не можетъ. Опасенія въ родѣ тѣхъ, которыя высказываются г. Львовымъ, могутъ только затруднить реформу, безъ того уже не легкую, несмотря на настоятельную ея необходимость.

— *Л. Владиміровъ. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Общая часть. Книга вторая. Харьковъ, 1888 г.*

Полезъ труда, предпринятаго г. Владиміровымъ, была уже указана нами при появленіи въ свѣтъ первой его книги ²⁾. Вышедшею теперь второю книгой заканчивается общая часть ученія объ уголовныхъ доказательствахъ; за нею послѣдуетъ особенная часть, т.-е. обзоръ отдѣльныхъ видовъ доказательствъ. Изложеніе г. Владимірова отличается строго-научнымъ характеромъ; исключеніемъ изъ общаго правила служатъ только двѣ небольшія экскурсіи въ постороннюю

¹⁾ Мы не принимаемъ, конечно, въ расчетъ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда долги, обременяющіе наследство, превышаютъ его цѣнность. По нашему закону въ такихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о взиманіи налога.

²⁾ См. Литературное Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

область, безъ всякой надобности присоединенныя къ разбору одного изъ основныхъ положеній автора („обвинитель не долженъ преувеличивать значенія имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ“). Первая изъ экскурсій направлена противъ нашей адвокатуры. Согласно съ г. Владиміровымъ, мы высоко цѣнимъ простоту, спокойствіе и сдержанность въ судебныхъ преніяхъ, не различая, въ этомъ отношеніи, обвиненія отъ защиты; но онъ идетъ слишкомъ далеко, уподобля доказываніе на судѣ „рѣшенію арифметической задачи“. Ни обвинитель, ни, въ особенности, защитникъ никакъ не могутъ забыть, что задача, ими рѣшаемая, связана съ участью человѣка. Нужно обладать совершенно исключительными нервами, чтобы доказывать виновность или невинность обвиняемаго тономъ учителя, доказывающаго теорему. Весь вопросъ сводится здѣсь къ тому, чтобы соблюсти чувство мѣры, удержаться отъ напиннаго, тѣмъ болѣе—отъ ложнаго пафоса. Намъ всегда казалось, что русская адвокатура, im Großen und Ganzen, остается вѣрною этому требованію; г. Владиміровъ держится иного взгляда, мотивируя его ссылкой на такіе отдѣльные случаи, по которымъ едва ли можно составить себѣ правильное понятіе объ обычномъ уровнѣ защитительныхъ рѣчей (клятвенное увѣреніе въ невинности подсудимаго и т. п.). Теперь, когда все касающееся новаго суда, безъ того уже не обрѣтается у насъ въ авантажѣ весьма тяжело встрѣчаться въ серьезной книгѣ съ такимъ отзывомъ о русской адвокатурѣ: „адвокаты какъ будто не считаютъ себя гражданами, членами общества, и стремятся составить опричину, для наѣздовъ которой не существуетъ нравственныхъ преградъ“. Адвокатовъ - опричникъ слѣдуетъ карать беспощаднымъ обличительнымъ словомъ—но не слѣдуетъ привлекать за нихъ къ отвѣту цѣлое сословіе. Не менѣе странной кажется намъ другая экскурсія автора, направленная въ область уголовной политики. „Здоровое общество“, восклицаетъ онъ, „должно чувствовать нравственное отвращеніе къ преступленію, ибо почти всѣ важныя преступленія имѣютъ своимъ источникомъ или безсердечный эгоизмъ, или жестокость (жестокость?), или нравственную распущенность субъектовъ, которые на жизнь смотрятъ не съ точки зрѣнія долга, а чувственного наслажденія. Жалости къ страданіямъ человѣка у этихъ людей нѣтъ, и юстиція должна вырывать ихъ изъ общества для того, чтобы оздоровлять его. Будущее уголовного правосудія въ Европѣ едва ли общаетъ поблажку злодѣямъ... Уже теперь раздаются въ наукѣ голоса, что юстиціи пора превратиться изъ наивнаго педагога въ грозную Немезиду“. Мысль автора совершаетъ здѣсь скачки вовсе не научнаго свойства. Законное отвращеніе въ преступленію внезапно обращается

у него въ отвращеніе къ преступникамъ, вслѣдъ за тѣмъ оказывающимися уже злодѣями. Глубокая нравственная испорченность, несомнѣнно составляющая источникъ *многихъ* преступныхъ дѣяній, неизвѣстно на какомъ основаніи провозглашается источникомъ почти *всѣхъ* важныхъ преступленій. Пророчество г. Владимірова относительно будущности уголовного правосудія въ Европѣ такъ же мало оправдывается содержаніемъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ, какъ титулъ „наивнаго педагога“ — характеромъ современной уголовной юстиціи. Или, можетъ быть, смертная казнь и каторжная работа — не что иное, какъ педагогическія мѣры?..

— Л. Н. Ниссоловичъ. Исторія заводско-фабричнаго законодательства россійской имперіи. Части первая и вторая. С. Петербургъ, 1883 и 1884.

Трудъ г. Ниссоловича, доведенный пока до конца царствованія императора Александра I-го, можетъ имѣть значеніе только какъ справочная книга. Его объемъ напрасно увеличивается буквальными цитатами изъ такихъ актовъ, содержаніе которыхъ вполнѣ достаточно было бы указать въ общихъ чертахъ или наложить своими словами. Авторъ касается почти исключительно официальной, внѣшней стороны законодательства, сообщая весьма мало свѣдѣній о дѣйствительномъ исполненіи правительственныхъ распоряженій, о вліяніи ихъ на бытъ населенія. Изъ числа немногихъ общенитересныхъ фактовъ, приводимыхъ г. Ниссоловичемъ, особенно выдаются тѣ, которые имѣютъ внутреннюю связь съ предпринятою въ послѣднее время, въ интересахъ рабочаго класса, реформой фабричнаго законодательства. Теперь надаютъ правила, ограничивающія фабричную работу малолѣтнихъ, проектируются, можетъ быть, такія же мѣры относительно фабричной работы женщинъ—а полтора вѣка тому назадъ и та, и другая, были вводимы самимъ правительствомъ. Привилегіей, данной въ 1718 г. на устройство игольныхъ заводовъ, заводчикамъ предоставлено было право набирать учениковъ изъ бѣдныхъ и *малолѣтнихъ*, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню. Въ 1719 г. предписано было для умноженія производства тонкихъ полотентъ отсылать на полотняные заводы въ Москвѣ виновныхъ бабъ и дѣвокъ, которыя содержатся для отбытія наказанія въ тюрьмахъ и острогахъ. Съ другой стороны, правительство Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ подавало примѣръ такой заботливости объ

участи фабричныхъ рабочихъ, которой напрасно было бы искать въ позднѣйшее, промежуточное время. Петръ Великій предписывалъ, чтобы фабриканты платили рабочимъ за ихъ трудъ „достойную плату“. При Аниѣ Ивановнѣ принимались мѣры къ обученію дѣтей фабричныхъ рабочихъ. Во время правленія принцессы Анны Леопольдовны составленъ былъ для суконныхъ фабрикъ регламентъ, имѣвшій, между прочимъ, цѣлю обезпечить здоровье рабочихъ и исправное получение ими заработной платы. Соответствовала ли практика буквѣ закона—это другой вопросъ; указанія на то, что стремленія правительства встрѣчали отпоръ со стороны фабрикантовъ, мы находимъ и у г. Ниссоловича, несмотря на неполноту его изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, при Александрѣ I распоряженіе о замѣнѣ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ непремѣнными мастеровыми вызвало противодѣйствіе заводчиковъ и было примѣнено на самомъ дѣлѣ только къ одному заводу.

— Д. Сентисбори: Краткая исторія французской литературы (переводъ съ англійскаго). С. Петербургъ, 1884.

Авторъ этой книги поставилъ себѣ трудно исполнимую задачу—написать такую исторію французской литературы, которая соединила бы въ себѣ краткость съ полнотою, въ которой не былъ бы пропущенъ ни одинъ выдающійся писатель, и было бы указано литературное направленіе каждаго изъ нихъ. Достигнуть этой цѣли ему не удалось; удовлетворительными можно назвать только первыя главы, посвященныя раннимъ періодамъ литературной исторіи, когда авторовъ и произведеній еще немного, и обзоръ ихъ можетъ быть краткимъ, не становясь поверхностнымъ. Позже характеристики писателей слишкомъ часто уступаютъ мѣсто простой номенклатурѣ или страдаютъ крайнею неопредѣленностью. Что полезнаго, напримѣръ, могутъ заимствовать читатели изъ слѣдующаго отзыва о Монтескьѣ: „Монтескьѣ былъ великій писатель и мыслитель. Въ своихъ „Lettres persanes“ онъ слѣдуетъ модѣ своего времени осмѣивать европейскіе обычаи и учрежденія устами восточнаго путешественника, и какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ своихъ менѣе значительныхъ сочиненіяхъ, дѣлаетъ нѣкоторыя уступки вкусамъ и модѣ. Но славу свою онъ упрочилъ своими болѣе серьезными сочиненіями: „Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence“, и „Esprit des lois“. Въ послѣднемъ Монтескьѣ одинъ изъ первыхъ въ

новѣйшей литературѣ примѣняетъ къ исторіи и политикѣ широкую систему философскаго изслѣдованія. Мѣстами слогу его можетъ показаться слишкомъ риторическимъ, обобщенія—слишкомъ широкими; но въ цѣломъ это все-таки замѣчательное произведеніе, способное расширить міровоззрѣніе и понятія, въ особенности у молодежи. Литературныя достоинства этой книги и независимый образъ мыслей автора дѣлаютъ чтеніе ея увлекательнымъ, не смотря даже на всѣми признанную шаткость нѣкоторыхъ его выводовъ. Вѣдь это чистѣйшій наборъ словъ, ничуть не знакомящій съ типическими чертами писателя, съ значеніемъ его произведеній. И то, и другое могло бы быть намѣчено гораздо лучше даже въ томъ числѣ строкъ, которое отведено у Сентсбери на долю Монтескье—а число это легко было и увеличить, сокративъ тѣ, ни къ чему не ведущіе перечни именъ, которыми полна, напримѣръ, 132-ая страница книги. Характеристика Монтескье и многія другія (напр., Расина, Беранже, Ламартина) только безцѣпны; встрѣчаются и такія, которыя грѣшатъ явною односторонностію или несправедливостію. Можно ли утверждать, напримѣръ, что янсенисты были „свободными мыслителями“, что „Тартюфъ есть не что иное, какъ воплощенное ханжество“, что французская литература XVIII-го вѣка, за исключеніемъ „Духа законовъ“ Монтескье, „не представляетъ ни одного сочиненія, которое соединяло бы въ высокой степени литературныя достоинства съ возвышенностію замысла и съ практическимъ значеніемъ содержанія“, что „Жозефъ Жуберъ былъ послѣднимъ великимъ мыслителемъ Франціи, которому едва ли можно даже ожидать преемника, пока въ мысляхъ и рѣчи не произойдетъ значительной перемѣны“; что Notre Dame de Paris—„самое невыдержанное изъ прозаическихъ сочиненій нынѣшняго вѣка“; что стремленіе современныхъ французскихъ натуралистовъ (т.-е. приверженцевъ натурализма въ романѣ), „говоря научно (?), состоитъ въ томъ, чтобы описать съ возможной полнотой и подробностію то, чего нельзя описывать“; что, по мнѣнію Зола, „въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ порока, растлѣнія, грубой погони за наслажденіями и посредственности“? Какъ матеріалъ для справокъ, книга Сентсбери имѣетъ нѣкоторое значеніе — но раскрыть передъ читателями духъ и смыслъ французской литературы она не можетъ.—К. К.

Письмо въ Редакцію,

По поводу книги: „Жизнь европейских народов“.

Рѣшаюсь просить васъ дать мѣсто въ вашемъ журналѣ моей замѣткѣ по поводу рецензій на мою книгу: „Жизнь европейских народов“, т. III-й, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ за январь 1884 г. ¹⁾.

Въ виду сдѣланныхъ въ этой рецензій замѣчаній, считаю необходимымъ объяснить: 1) въ моемъ трудѣ: „Жизнь европейских народов“ т. III, я имѣла цѣлю описать жизнь и культуру народовъ, населяющихъ Германію и Австро-Венгрію, слѣдуя общепринятому правилу выставлать какъ дурныя, такъ и хорошія стороны жизни и нравовъ названныхъ народовъ; причемъ, по плану моей книги, мнѣ не приходилось дѣлать никакихъ сравненій съ явленіями русской жизни. Мнѣ кажется, безпристрастное отношеніе въ дѣлу не можетъ вызвать въ читателѣ презрѣнія къ описываемому народу, а скорѣе поведеть къ развитію анализа и наблюдательности и по отношенію къ явленіямъ родной дѣйствительности. 2) Описаніе жизни нѣмецкой дѣвушки и женщины въ моей книгѣ основано на новѣйшихъ и лучшихъ сочиненіяхъ. Изъ числа ихъ укажу преимущественно на два замѣчательныхъ англійскихъ труда: первый—„German Home Life“ („Домашняя жизнь нѣмцевъ“, изд. въ 1878 г.), принадлежитъ перу англичанки и при появленіи въ свѣтъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе не только въ Англіи, но и въ Германіи. Эта писательница имѣла возможность основательно изучить общественную и домашнюю жизнь нѣмцевъ, воспитаніе и жизнь нѣмецкой дѣвушки, ея привычки и вкусы, жизнь замужней женщины и ея положеніе въ семействѣ (въ подтвержденіе сказаннаго въ моей книгѣ сошлюсь на главу: „Женщина“, стр. 169—196, а также на другую главу: „Супружество и дѣти“, стр. 225—258). Совершенно тождественно съ очерками автора „German Home Life“,—описаніе домашней жизни нѣмцевъ и положенія нѣмецкой дѣвушки и женщины въ другомъ капитальномъ сочиненіи, появившемся нѣсколько позже, а именно въ трудѣ Vize-telly: „Berlin under the new empire, its institutions, inhabitants, industry, social life, manners and amusements“. L. 1879, 2 vols (см. главу „Берлинецъ дома“, т. I-й, стр. 136—162). Мы нарочно ссылаемся на англійскія сочиненія, такъ какъ французскіе авторы могли бы быть заподозрѣны въ пристрастіи. 3) Сильное развитіе милитаризма

¹⁾ См. на оберткѣ январской книги: „Библиографич. Листокъ“.

въ Германіи и его вредное вліяніе на экономическое положеніе страны хорошо извѣстно каждому, и мы не находимъ нужнымъ ссылаться здѣсь на источники: желающіе найдутъ перечень ихъ въ концѣ нашей книги.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что каковы бы ни были мрачныя стороны нѣмецкой жизни, онѣ, само собою разумѣется, не исключаютъ въ ней и весьма хорошихъ сторонъ, на которыя и указано во многихъ очеркахъ моего труда. Но собственно говоря, я вовсе не имѣла цѣлю выставить на видъ исключительно тѣ или другія стороны народной жизни, а желала лишь вездѣ представить нравы народа, какими они являются въ дѣйствительности.—Е. Водовозова.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По поводу новаго стихотворенія Пушкина.

М. М.—Я получилъ изъ Штутгардта альбомъ покойной баронессы Гюгель, вдовы министра иностранныхъ дѣлъ въ королевствѣ виртембергскомъ, урожденной Александры Верещагиной, двоюродной сестры и близкаго друга М. Ю. Лермонтова.

Въ одномъ изъ альбомовъ находится много стихотвореній и рисунковъ Лермонтова, относящихся ко времени его пребыванія въ московскомъ университетѣ отъ 1830—32 года. Судя по всему, къ этой эпохѣ принадлежитъ и альбомъ. Между стихотвореніями, принадлежащими то извѣстнымъ поэтамъ, то разнымъ, теперь забытымъ лицамъ, я встрѣтилъ стихотвореніе съ надписью: „А. Пушкинъ“. Эта надпись, очевидно, принадлежитъ самому поэту и сдѣлана подъ восьмишестистишемъ, кажется, тоже писаннымъ его рукою, но только тщательно обыкновенныхъ, извѣстныхъ снимковъ съ его почерка. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Верещагина, выѣзжавшая въ свѣтъ и бывавшая въ лучшемъ обществѣ Москвы, познакомилась съ Пушкинымъ, и поэтъ, исполняя желаніе молодой дѣвушки, набросалъ ей

нѣсколько словъ. Между стихотвореніями Александра Сергѣевича оно мнѣ не попадалось, и интересно также и тѣмъ, что оно—переводъ, а у Пушкина ихъ немного. Оно и озаглавлено —

ПЕРЕВОДЪ.

*Въ кротости тѣноты сердечной
Ты жизнью друга назвала:
Приютъ безимный, еслибъ вѣчно
Живая молодость цѣла.
Къ мотыль все летитъ стрелою;
И ты моя, лаская вѣнецъ,
Зови не жизнью, но душою
Безсмертной, какъ моя любовь.*

А. ПУШКИНЪ.

Во всемъ альбомѣ только одно стихотвореніе отиѣчено 1833 годомъ.

Дарить, 1883.

П. ВИСКОВАТОВЪ

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е февраля, 1884.

Оправданіе Свиридова и Мельническихъ.—Возможность уменьшить шансы ошибокъ со стороны присяжныхъ.—Новый походъ противъ самостоятельности суда.—Дѣло г. Россицаго и странное отношеніе о немъ въ печати.

Наша предъидущая хроника уже печаталась, когда состоялись, одинъ за другимъ, оправдательные вердикты присяжныхъ по дѣлу Свиридова и по дѣлу Мельническихъ. Не трудно себѣ представить, сколько масла они подлили въ огонь, усердно раздуваемый врагами новаго суда. Спѣшимъ замѣтить, что оба приговора принадлежать къ числу тѣхъ, по отношенію къ которымъ безспорно возможна и законна критика общества и печати. Въ обоихъ случаяхъ наличность преступленія и совершеніе его обвиняемыми (если не въсѣми, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыми) не подлежали никакому сомнѣнію. Ни въ дѣлѣ Свиридова, ни въ дѣлѣ Мельническихъ, не было такихъ фактическихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ необходимо под-

робное знакомство со всѣми данными обвиненія и защиты, со всѣми впечатлѣніями судебного слѣдствія; ни въ томъ, ни въ другомъ не возникалъ и вопросъ о виѣяемости, требующій изученія, лицомъ къ лицу, нравственной и умственной природы обвиняемаго. Побужденія, заставившія присяжныхъ произнести оправдательный приговоръ, могли быть и тамъ, и тутъ, угадываемы съ такою степенью вѣроятности, которая почти равносильна достоверности. Отсюда широкій просторъ для разбора и оцѣнки — широкій, но все-таки не безпредѣльный. Удерживать печать въ извѣстныхъ границахъ должно было, прежде всего, то соображеніе, что приговоръ не вошелъ еще въ окончательную законную силу; что онъ можетъ подлежать обжалованію и отиѣнѣ; что избытокъ нападеній на присяжныхъ, рѣшившихъ дѣло, равносильнъ давленію на присяжныхъ, которымъ предстоитъ, быть можетъ, его пересмотръ и новое рѣшеніе. Не слѣдовало, дажѣ, упускать изъ виду, что между спокойнымъ, кабинетнымъ обсужденіемъ *дѣла* и постановленіемъ приговора объ участи *человѣка* лежитъ цѣлая пропасть. Прежде чѣмъ порицать, сурово и безпощадно, ошибку присяжныхъ — мы предполагаемъ, конечно, что рѣчь идетъ только объ *ошибкѣ*, — нужно пережить самому, хоть мысленно, тѣ минуты, которыя предшествуютъ произнесенію рѣшительнаго слова. Многіе ли изъ газетныхъ судей, столь быстрыхъ на осужденіе присяжныхъ, могутъ поручиться въ томъ, что на ихъ мѣстѣ они поступили бы иначе?.. Сдѣлавъ эти оговорки, мы не колеблемся признать, что приговоры по дѣламъ Свиридова и Мельницкихъ ¹⁾ произвели и на насъ тяжелое впечатлѣніе. Въ лѣтописяхъ суда присяжныхъ и мировыхъ судей можно встрѣтить на каждомъ шагу обвинительные приговоры надъ подсудимыми, несравненно менѣе виновными. И тамъ, и тутъ, преступленіе не оправдывается ни крайней нуждой, ни крайней неразвитостью; и тамъ, и тутъ, оно совершается не подъ вліяніемъ внезапнаго порыва или увлеченія, не съ цѣлью, сколько-нибудь извиняющею средства; и тамъ, и тутъ, оно продолжается довольно долго, слагаясь изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ дѣйствій. Безспорно, старшія дѣти Мельницкаго были вовлечены въ преступленіе отцомъ, авторитету котораго имъ трудно было противостоятъ даже на такой дорогѣ; но они не ограничились сокрытіемъ украденныхъ денегъ, а пользовались ими наравнѣ съ отцомъ или въ болѣе еще мѣрѣ. Что касается до Свиридова, то непростительная небрежность лицъ, его окружав-

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ здѣсь въ виду тѣхъ подсудимыхъ по послѣднему дѣлу, относительно которыхъ присяжными не признанъ доказаннымъ самый фактъ преступленія.

шихъ, могла служить объясненіемъ, но не оправданіемъ систематическаго расхищенія банковской кассы. Отсутствие контроля — этотъ обычный грѣхъ нашихъ административныхъ и общественныхъ учреждений — явленіе сложное, только отчасти простицающееся изъ легкомысленнаго отношенія къ дѣлу. Въ составъ его всегда почти входитъ довѣріе къ лицу или лицамъ — довѣріе, благодаря которому и становится возможнымъ преступленіе. Если и допустить, что соблазнъ, сопряженный съ слабымъ надзоромъ, уменьшаетъ вину преступника, то во всякомъ случаѣ ее увеличиваетъ злоупотребленіе довѣріемъ; оба противоположныя условія, по меньшей мѣрѣ, уравниваютъ другъ друга, оставляя свободный остатокъ — преступное стремленіе къ наживѣ. Какъ бы строго мы ни относились къ тѣмъ, по винѣ которыхъ вещь оказалась „плохо лежащей“, ихъ отвѣтственность не можетъ сдѣлать безотвѣтственнымъ того, кто примѣнилъ къ вещи, плохо лежащей, правило о вещи *ничьей* и присвоилъ ее себѣ на манеръ *primi occupantis*. Незавидно было бы положеніе общества, въ которомъ бремя охраненія имущества всецѣло перешло бы на владѣльца, и невнимательность или неловкость хозяина сдѣлалась бы предметомъ болѣе строгаго осужденія, чѣмъ ловкость и расторопность похитителя. Мы знаемъ очень хорошо, что распорядители кievскаго банка были не хозяевами, а только держателями, хранителями похищенныхъ денегъ — но мы вовсе и не намѣрены ихъ защищать или выгораживать; мы утверждаемъ только, что ихъ виновность не уничтожаетъ вины Свиридова. Для насъ понятно удивленіе кievскихъ присяжныхъ, увидѣвшихъ передъ собою *одного* Свиридова, понятно желаніе ихъ выразить это удивленіе въ своемъ приговорѣ; мы не нападаемъ на нихъ, не негодуемъ — и не идемъ дальше сожалѣнія, что одна сторона дѣла заслонила въ ихъ глазахъ другую, болѣе важную.

Критика, констатирующая ошибку присяжныхъ, была бы неполна, еслибы къ ней не присоединялась попытка опредѣлить источникъ самой ошибки. Въ дѣлѣ Свиридова на присяжныхъ подѣйствовало, повидимому, непривлеченіе къ отвѣтственности окружающихъ его банковыхъ дѣателей (мы прибавили бы: или *бездѣателей*, еслибы у насъ существовало это подсказываемое жизнью слово); мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на исходъ дѣла Мельницкихъ не остался безъ вліянія эпизодъ съ сыщиками, состоявшими на службѣ у Дорвойта. Въ одной изъ газетъ, всего болѣе волновавшихся по поводу оправданія Мельницкихъ, указано было, въ видѣ упрена предсѣдателю и прокурору, на рѣзкую, неприличную форму вопросовъ, съ которыми обращалась, будто бы, защита къ свидѣтелямъ, способствовавшимъ находкѣ украденныхъ денегъ. Въ нашихъ глазахъ зло-

употребленіе перекрестнымъ допросомъ, дѣлающее его нравственной пыткой для свидѣтеля, принадлежитъ къ числу наименѣе симпатичныхъ сторонъ англійской судебной практики, и мы всегда возставали противъ перенесенія его на нашу почву. Еслибы было доказано, что защитники по дѣлу Мельницкихъ издѣвались на судъ надъ свидѣтелями-сыщиками, осыпали ихъ придирчивыми, оскорбительными вопросами, то мы первые осудили бы такой образъ дѣйствій — но все-таки не согласились бы съ тѣми, кто сталъ бы видѣть въ немъ одну изъ причинъ оправдательнаго приговора. Не глумленіе надъ сыщиками, а самое появленіе ихъ передъ присяжными могло предрасположить послѣднихъ противъ обвиненія. Общественной совѣсти всегда претитъ обманъ, въ какую бы форму онъ ни облекался; къ людямъ, старающимся приобрѣсть чье-либо довѣріе, чтобы потомъ воспользоваться имъ во вредъ довѣряющему, судъ присяжныхъ всегда будетъ относиться неблагоприятно, хотя бы имъ и удалось обнаружить преступленіе. Между участіемъ въ дѣлѣ такихъ свидѣтелей и оправдательнымъ приговоромъ, конечно, нѣтъ прямой причинной связи — но оно легко можетъ стать той каплей, отъ которой переполняется сосудъ. Быть можетъ, присяжные рѣже поддавались бы вліянію обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ виновностью или невинностью обвиняемаго, еслибы имъ было предоставлено обращаться на эти обстоятельства вниманіе суда, помимо приговора, постановляемаго по существу дѣла. Представимъ себѣ, напримѣръ, что на вопросъ о виновности Свиридова присяжные могли бы отвѣтить такъ: „да, виновенъ, но виновны также и тѣ, небрежность которыхъ облегчила или сдѣлала возможнымъ совершеніе преступленія“; на вопросъ о виновности Дорвойта: „да, виновенъ, но мы жалѣемъ, что орудіемъ къ изобличенію его послужилъ тайный надзоръ со стороны служившихъ у него лицъ“ ¹⁾. Выразивъ, въ добавочныхъ къ отвѣту словахъ, назрѣвшее въ ихъ душѣ чувство, высказавъ все то, чего требовала отъ нихъ справедливость, присяжные легче могли бы воздать должное подсудимымъ; ихъ не остановила бы ни боязнь покарать одного, оставляя безнаказанными другихъ, ни опасеніе упрочить на будущее время способъ изслѣдованія, представляющійся имъ безнравственнымъ или вреднымъ. Намъ могутъ спросить, въ чемъ же заключались бы послѣдствія дополнительныхъ отвѣтовъ, данныхъ присяжными; для кого и въ какой мѣрѣ они бы имѣли обязательную силу? Въ большинствѣ случаевъ, ихъ значеніе было бы только нрав-

¹⁾ Существовалъ ли дѣйствительно такой надзоръ — этого мы рѣшить не беремся, не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ дѣла Мельницкихъ; для нашей тѣмъ достаточно предположить его существованіе.

ственное — но, повторяясь, въ одномъ и томъ же смыслѣ, все чаще и чаще, они могли бы приводить и къ существенно-важнымъ результатамъ: къ дополненію или измѣненію уголовныхъ законовъ, къ отказу отъ тѣхъ или другихъ судебныхъ обычаевъ или слѣдственныхъ пріемовъ. Чѣмъ шире свобода дѣйствій, предоставленная суду присяжныхъ, тѣмъ легче ему держаться на высотѣ своего призванія, тѣмъ меньше шансовъ для судебныхъ ошибокъ. Отлагая болѣе подробное развитіе нашей мысли до другого раза, замѣтимъ только, что въ основаніи вердиктовъ, всего болѣе возмущающихъ или изумляющихъ общественное мнѣніе, сплошь и рядомъ лежатъ именно невозможность совмѣстить въ одной формулѣ и справедливое рѣшеніе дѣла, и оговорку, подсказываемую къ нему совѣстью присяжныхъ.

Противники суда присяжныхъ, въ каждомъ его приговорѣ готовы видѣть ошибку, въ каждой ошибкѣ — доказательство его несостоятельности, исходятъ сами изъ двухъ совершенно ошибочныхъ положеній. Оправданіе *преступника* они смѣшиваютъ, сознательно или безсознательно, съ оправданіемъ *преступленія*; отдѣльный случай они принимаютъ за отличительную черту цѣлаго учрежденія. „Присяжные, — говоритъ авторъ письма, появившагося, по поводу дѣла Свиридова, въ одной изъ провинціальныхъ газетъ и съ почетомъ перепечатаннаго „Московскими Вѣдомостями“ — признавъ доказаннымъ совершеніе дѣйствія, называемаго воровствомъ, нашли, что дѣйствіе это не наказуемо, значить, не преступно. Люди съ такими убѣжденіями несравненно опаснѣе самого вора... Я не пушу своего сына на лекціи профессора, который исключаетъ воровство изъ числа преступленій; я буду бояться чиновника, который обѣлилъ завѣдомаго вора; я буду избѣгать какихъ бы то ни было сношеній съ ремесленникомъ или крестьяниномъ, который пришелъ къ убѣжденію, что судъ не долженъ карать за воровство“ (въ составѣ присяжныхъ по дѣлу Свиридова были, какъ извѣстно, и профессора, и чиновники, и ремесленники, и крестьяне). Логическая негодность этихъ разсужденій очевидна. Невмѣненіе даннаго, конкретнаго преступнаго дѣйствія въ вину даннаго лица не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ *всѣхъ* подобныхъ дѣйствій непреступными и ненаказуемыми. Можно оправдать этого *вора*, будучи глубоко убѣжденнымъ въ необходимости карать *воровство*. Приговоры присяжныхъ, особенно у насъ въ Россіи, почти никогда не бываютъ продуктомъ теоретическаго взгляда, обдуманной, цѣльной доктрины; они выражаютъ собою убѣжденіе или чувство, сложившееся въ душѣ присяжныхъ по отношенію къ отдѣльному случаю, подъ живымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго ими на судѣ. Тѣ же самые присяжные, которые сегодня оправдали убійцу или вора, завтра же пока-

рають безъ снисхожденія убійство или воровство, совершенное при другихъ условіяхъ, въ силу другихъ побужденій. Въ этомъ именно свойствѣ суда присяжныхъ — въ способности видѣть передъ собою дѣйствительный фактъ, со всей его реальной обстановкой, а не дѣланіе, соединяющее въ себѣ сумму извѣстныхъ легальныхъ признаковъ и подходящее подъ извѣстную статью уголовного закона — и заключается одно изъ главныхъ преимуществъ его передъ судомъ короннымъ, одна изъ главныхъ гарантій *жизненности* его вердиктовъ. Всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону; источникъ справедливыхъ рѣшеній можетъ, въ исключительныхъ случаяхъ, сдѣлаться источникомъ судебной ошибки — но гдѣ та форма суда, при которой ошибка была бы немислима? Мало ли неправильныхъ приговоровъ постановлялось, постановляется и теперь судами, устроенными совершенно иначе, чѣмъ судъ присяжныхъ? Уголовная статистика, давно уже снявшая съ присяжныхъ упрекъ въ излишней снисходительности, множество обвинительныхъ приговоровъ, произнесенныхъ ими единственно на основаніи косвенныхъ уликъ, воспоминаніе о старой теоріи доказательствъ, при которой шансы оправданія (или, что тоже самое, оставленія въ подозрѣніи) росли параллельно съ нравственною испорченностью обвиняемаго—все это систематически игнорируется, какъ только желанная случайность позволяетъ подставить ногу ненавистному учрежденію. Изъ-за оправданія Мельницкихъ забывается, напримѣръ—по справедливому замѣчанію одной московской газеты — осужденіе Мельницкаго - отца, безъ котораго было бы невозможно и самое преслѣдованіе его дѣтей, и возвращеніе похищенныхъ денегъ.

Съ точки зрѣнія нашихъ газетныхъ реакціонеровъ, основной, прирожденный и ничѣмъ не смываемый грѣхъ суда присяжныхъ—это его самостоятельность, безапелляціонность его рѣшеній. Еслибы усилія этой реакціи были направлены *только* противъ суда присяжныхъ, намъ предстояло бы доказать, что правильность его вердиктовъ достаточно обезпечена возможностью обжалованія ихъ и отмѣны въ кассационномъ порядкѣ; но предметомъ нападеній, ожесточающихся съ каждымъ днемъ, служить вообще *независимость* суда, все равно, какъ бы онъ ни былъ организованъ, и изъ кого бы ни былъ составленъ. Фанатики реакціи не хотятъ или не могутъ понять, какимъ образомъ послѣднее слово въ судебномъ дѣлѣ, при нашемъ государственномъ устройствѣ, можетъ принадлежать суду, хотя бы и высшему, хотя бы и назначаемому правительственной властью; они не хотятъ понять, какимъ образомъ „жаловаться на несправедливость суда можно только самому же суду, въ порядкѣ подчиненія его инстанцій, но на высшую инстанцію жаловаться некому кромѣ Бога“. Передъ ихъ

воображеніемъ не перестаетъ носиться, какъ нѣкій Эльдorado, старинный порядокъ, при которомъ можно было переносить судебныя дѣла, черезъ государственный совѣтъ, на усмотрѣніе верховной власти. Чтобы доказать недостаточность „жалобъ на судъ самому суду“, они сочиняютъ фантастическую судебную корпорацію, крѣпко сплоченную, солидарную во всѣхъ своихъ частяхъ, тяготящую надъ каждымъ своимъ членомъ всю тяжестью „коллективной силы“. Непокорныхъ этой силѣ „ожидаютъ ужасы нравственной пытки; ихъ выбросать за бортъ, обезславятъ, оклеветаютъ передъ цѣлымъ міромъ; съ нихъ взыщутъ всѣ грѣхи человѣческіе, имъ вѣнчаютъ всѣ слабости человеческой природы, не дадутъ покоя даже въ могилѣ“. Что это такое—характеристика чего-нибудь реальнаго, или сказка изъ „Тысячи и одной ночи“? Гдѣ, когда и какъ русская судебная корпорація казалась „непокорныхъ“, кому она не давала покоя при жизни и послѣ смерти? Скажемъ болѣе—гдѣ признаки самаго существованія русской судебной корпораціи, какъ одного органическаго цѣлаго? Проявились ли до сихъ поръ, въ средѣ новаго суда, отличительныя черты корпоративнаго духа, съ свойственными ему достоинствами и недостатками? Корпорація создается наслѣдственностью должностей или самоуправленіемъ, укрѣпляется временемъ, держится общностью традицій, обычаевъ и взглядовъ. Ни одно изъ этихъ условій не примѣнимо къ нашему судейскому персоналу, пополняемому и управляемому извнѣ, сложившемуся недавно, не успѣвшему выработать ни преданій, ни особаго склада характера и мысли. О тираніи нравовъ не можетъ быть и рѣчи, когда нѣтъ еще самихъ нравовъ. Пускай газета, такъ смѣло идущая наперекоръ истинѣ, укажетъ хоть на одно гоненіе, поднятое судебнымъ вѣдомствомъ противъ своихъ отщепенцевъ, назоветъ хоть одну жертву корпоративной нетерпимости суда! Къ разряду вымысловъ принадлежитъ, далѣе, солидарность судовъ, если понимать подъ этимъ словомъ намѣренную слѣпоту высшихъ инстанцій къ ошибкамъ низшихъ. Цифры рѣшеній, отмѣняемыхъ въ апелляціонномъ или кассационномъ порядкѣ, говорятъ сами за себя; онѣ показываютъ съ полною ясностью, что „жалоба на судъ, приносимая суду“ (т.е. жалоба на одинъ судъ, приносимая другому, высшему), не остается мертвой буквой, не составляетъ пустой формальности. Замѣчательно, что процентъ отмѣняемыхъ рѣшеній не слишкомъ малъ даже въ мировыхъ сѣздахъ, гдѣ всего скорѣе могъ бы восторжествовать девизъ: „рука руку моетъ“. Мы понимаемъ, что съ мыслью о *последней* судебной инстанціи, объ *окончательномъ* судебномъ рѣшеніи не можетъ помириться проигравшая дѣло сторона или осужденный подсудимый; но въ сущности и то, и другое, столь же неизбежно, какъ неизбеженъ конецъ во всякомъ дѣлѣ. Весь вопросъ сводится къ тому,

идя должны быть конецъ судебному процессу—въ судебной ли сферѣ, или въ какой-либо иной? Разрѣшеніе этого вопроса въ послѣднемъ смыслѣ установило бы, прежде всего, неравенство между дѣлами, а слѣдовательно и между лицами. Открыть доступъ къ верховной власти для *всякаго* тяжущагося или подсудимаго никто не предлагаетъ, потому что это физически невозможно; нужно обставить его различными условіями—т.-е., провести такую демаркаціонную черту, которою неизбежно нарушается цѣльность, послѣдовательность теорій. Еще важнѣе то, что въ силу такой же необходимости нужно создать особый органъ, черезъ посредство котораго дѣла восходили бы къ верховной власти. Времена обращенія къ монарху, какъ къ непосредственному источнику правосудія, прошли давно; сообразно съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, усложнились и функціи суда — и дубъ Людовика Святого отошелъ всецѣло въ область преданій. Надъ судомъ можетъ быть поставленъ, *de facto*, не *одинъ* верховный судья, а опять таки *судъ*, только иначе названный. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, и не случайно, судебная реформа 1864 г. завершила лѣстницу процесса—прежде поднимавшуюся до самой вершины государственнаго зданія — кассационными департаментами сената. Это былъ не отказъ отъ права—это было справедливое признаніе, что правомъ, при всемъ добромъ и искреннемъ желаніи, воспользоваться нельзя, что оно существуетъ только по имени, а не на самомъ дѣлѣ. Высшимъ, въ сущности, до-реформеннымъ судомъ былъ судебный департаментъ государственнаго совѣта, вмѣстѣ съ комиссіею прошеній—и былъ имъ, не соединяя въ себѣ тѣхъ условій, которыми долженъ удовлетворять судъ, хотя бы и не высшій. Возстановленіе этого порядка, достаточно испытаннаго на опытѣ и достаточно имъ осужденнаго, было бы рѣшительнымъ шагомъ назадъ, ничѣмъ не оправдываемымъ и не вызываемымъ.

Не одна только независимость суда—независимость, безъ сомнѣнія, только сравнительная и далеко неполная — вооружаетъ противъ него ревнителей регресса; они не могутъ свыкнуться съ его гласностью, даже въ тѣхъ предѣлахъ, къ какимъ она сведена въ послѣднее время. Чрезвычайно характеристичны, съ этой точки зрѣнія, сѣтованія „Московскихъ Вѣдомостей“, по поводу окончившагося недавно интендантскаго процесса (дѣла о г. Россинцкомъ и др., рѣшеннаго петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ 3-го января нынѣшняго года). Въ примѣръ нашему военному вѣдомству ставится образъ дѣйствій Англіи, послѣ крымской кампаніи, Сѣверной Америки послѣ междоусобной войны. „Нигдѣ безпорядки (по продовольствію войскъ въ военное время) не были предметомъ публичнаго судебного разбирательства; вездѣ военная администрація сумѣла справиться со

вломъ безъ народнаго представительства“. Ошибкой слѣдуетъ признать, по мнѣнію московской газеты, не только гласный разборъ, но и самое возбужденіе дѣла. Оно окончилось присужденіемъ обвиняемыхъ къ дисциплинарнымъ взысканіямъ—слѣдовательно, серьезностью обвиненія не выкупалось неудобство оглашенія „неурядицы, господствовавшей (въ 1877 г.) въ главной квартирѣ и въ штабѣ дѣйствующей арміи“. Порицанію подвергается, дальше, и способъ веденія дѣла. Начальникъ штаба письменно признаетъ заслуги членовъ товарищества (Грегера, Горвица и Когана), называетъ ихъ истинно-несчастными людьми,—а прокуроръ тѣмъ не менѣе обвиняетъ г. Россицкаго въ преступномъ стремленіи удовлетворить товарищество за доставленные имъ продукты. Обвиняемый въ оправданіе своихъ дѣйствій ссылается на одобреніе главнокомандующаго и начальника штаба — а прокуроръ, не смущаясь этимъ, „подвергаетъ критикѣ словесныя и письменныя показанія покойнаго начальника штаба, намекаетъ на то, что главнокомандующій могъ утвердить только то, что докладывалъ ему главный интендантъ“. Казна доплачиваетъ товариществу, по окончаніи войны, десять милліоновъ рублей — а обвинительная власть все стоитъ на томъ, что главный интендантъ, потворствуя товариществу, причинилъ казнѣ большіе убытки. Итакъ, уплата казною, въ силу контракта, громаднхъ суммъ устраняетъ возможность предполагать, что при заключеніи, исполненіи или измѣненіи этого контракта были допущены злоупотребленія? Итакъ, мѣриломъ для опредѣленія важности дѣла долженъ служить его результатъ, а не предметъ его и свойство?.. Что сказали бы всякій, что сказали бы въ особенности „Московскія Вѣдомости“ о прокурорѣ и обвинительной камерѣ, которые, при существованіи уважительныхъ поводовъ къ преданію кого-либо суду за грабежъ, прекратили бы дѣло или направили бы его къ мировому судѣ, на томъ основаніи, что присяжные, *можетъ быть*, найдутъ въ дѣйствіяхъ обвиняемаго только признаки самоуправства? Обвиненіе противъ г. Россицкаго потеряло на судѣ большую часть своей важности, — но это еще отнюдь не значитъ, что бывшаго главнаго интенданта вовсе не слѣдовало привлекать къ суду, что достаточно было подвергнуть его, безъ шума и огласки, дисциплинарному взысканію ¹⁾. Окончаніе *гражданскихъ* расчетовъ съ товариществомъ не могло остановить *уголовнаго* дѣла о должностныхъ лицахъ, разъ что они были заподозрѣны именно въ такихъ дѣйствіяхъ, послѣдствіемъ ко-

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что 16 мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости, съ ограниченіемъ правъ—наказаніе, къ которому приговоренъ г. Россицкій—нѣчто гораздо большее, чѣмъ дисциплинарное взысканіе.

торыхъ являлась тяжелая матеріальная отвѣтственность казны. Еще меньше вліянія на ходъ дѣла могли оказать *минія* главнокомандующаго и начальника штаба о дѣятельности товарищества и главнаго интенданта. Если прокуроръ не сложилъ оружія передъ отъѣздомъ высокопоставленныхъ лицъ, то это было съ его стороны не виной, а заслугой.

Менѣе безцеремонными и странными, но все же крайне далекими отъ истины, кажутся намъ разсужденія другой газеты по поводу того же интендантскаго дѣла. „Судъ чисто формальный, — читаемъ мы въ № 2.821 „Новаго Времени“, — непримѣнимъ къ дѣламъ по обвиненію интендантовъ. Лихоимство Россійскаго и К^о остается недоказаннымъ, т.-е. является судебною клеветою, тогда какъ на самомъ дѣлѣ одно только лихоимство полевого интендантства должно и можетъ подлежать суду... Интендантовъ можно наказывать только на войнѣ, и только за очевидное лихоимство, потому что во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ всего важнѣе избѣжать напрасныхъ платежей и убытковъ. Разъ же убытки невознаградимы, гоняться за призраками казовой нравственности ради торжества голой юстиціи—дѣло бесплодное, особенно если и оно стѣбитъ въ свой чередъ лишнихъ денегъ“. Числу выписанныхъ нами предложеній, по меньшей мѣрѣ, соответствуетъ число явныхъ ошибокъ. Военный судъ, хотя бы и въ мирное время, отнюдь не можетъ быть названъ судомъ чисто формальнымъ; между недоказаннымъ обвиненіемъ и „судебною клеветою“ нѣтъ ничего общаго—иначе всѣмъ прокурорамъ и членамъ обвинительныхъ камеръ пришлось бы прекратить свою дѣятельность, подъ опасеніемъ прослыть клеветниками; невознаградимость убытковъ никогда и нигдѣ не составляетъ для правительственной власти достаточнаго повода къ отказу отъ преслѣдованія. При дѣйствіи системы, предлагаемой авторомъ цитированной статьи, полевой интендантъ не подлежалъ бы отвѣтственности даже за „очевидное лихоимство“, если только оно обнаружено по окончаніи войны! А если онъ во время войны былъ бы уличенъ въ подлогъ, сдѣланномъ безъ корыстной цѣли — для сокрытія ошибки, для пріобрѣтенія права на отличие,—но имѣвшимъ вредное вліяніе на благосостояніе войска, на ходъ войны? Неужели и тогда онъ могъ бы оставаться свободнымъ отъ всякой отвѣтственности, съ замѣщеніемъ его только другимъ лицомъ, болѣе надежнымъ?.. Привилегированное положеніе интендантовъ возмутило бы общественную совѣсть; никто не могъ бы понять, почему ихъ не трогаетъ судъ, такъ усердно карающій солдатъ и офицеровъ? во имя чего набрасывается завѣса на грѣхи, нераскрытые во время войны? можетъ быть, только потому, что все вниманіе было обращено тогда на инныя, болѣе неотложныя задачи.

Незавидно было бы, съ другой стороны, и положеніе тѣхъ интендантскихъ чиновниковъ, на которыхъ пало бы напрасное подозрѣніе; непривлеченные къ отвѣту, они не могли бы доказать свою невиновность. Не будь суда надъ г. Россницкимъ, ему приписывалось бы много такого, въ чемъ теперь никто не подумаетъ обвинять его. Для торжества нравственности—не казовой, а настоящей (насколько это торжество зависитъ отъ суда)—одинаково важно и оправданіе невиновнаго, и осужденіе виновнаго. Издержки, которыхъ потребовало разслѣдованіе дѣла г. Россницкаго и другихъ интендантскихъ процессовъ, никакъ не могутъ считаться непроизводительными. Раскрытіе безпорядковъ и злоупотребленій, которыми страдала интендантская часть во время послѣдней войны, сбережетъ государству столько же милліоновъ, сколько оно стоило тысячъ—и, что еще важнѣе, сбережетъ множество человѣческихъ жизней,—если только урокъ, такимъ образомъ данный, не будетъ забытъ въ будущемъ, близкомъ или отдаленномъ, если новая опасность застанетъ насъ готовыми во всѣхъ смыслахъ этого слова.

Издатель и редакторъ: М. ОТАСЮЛЕНВІЧЪ

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1884.

Книга первая. — Январь.

стр.

Юношескій портрет Тургенева. — М. С.	5
Довольно! — Стихотвореніе на Тургеневскую тѣлу. — С. А. АНДРЕЕВСКАГО. . .	8
Наша семья и ея историческія судьбы. — Очерки. — I-V. — В. Я. СТОЮНИНА. .	16
По Испаніи. — Изъ путешествія. — I-V. — Д. Л. МОРДОВЦЕВА.	78
Стихотворенія. — Я. К. СТАРОСТИНА.	119
Сюжета Меттерниха. — По его письмамъ. — I-II. — А. Д. ГРАДОВСКАГО. . .	125
Народничество. — Статья первая. — А. Н. ПЫПИНА.	152
Жилка. — Изъ разсказовъ о золотѣ. — I-X. — Д. Н. МАМИНА.	183
Осада Лондона. — Повѣсть Генри Джесса-младшаго. — Часть первая. — Съ англійскаго. — А. Э.	277
Многогрудальный писатель. — Біографія, письма и пр., Ф. М. Достоевскаго. — К. К. АРСЕНЬЕВА.	322
Хроника. — Объ усиленіи производительности Россіи. — Одна изъ задачъ нашей интеллигенціи. — Д. ТОРОХОВА.	343
Внутреннее Овозрѣніе. — „Политическіе будни“, какъ девять минувшаго года. — Движеніе въ экономической сферѣ. — Полемика о государственномъ социализмѣ; отношеніе ея къ старому вопросу о либеральной партіи. — Наша консервативная печать. — Ученныя общества о вопросахъ дня. — Исполненіе росписи 1882 г. — Министерство финансовъ и его противники. — Судебная развязка кукуевской катастрофы.	379
Иностранное Овозрѣніе. — Общее политическое положеніе Европы въ 1883 году. — Ходъ дѣлъ во Франціи. — Нерѣшенные вопросы. — Жалобы на упадокъ „престижа“ и на вѣдшія неудачи. — Особенности колониальныхъ войнъ. — Критика Леруа-Болье и ея результаты. — Политическій застой въ Германіи. — Газетная полемика о войнѣ. — Ненормальное состояніе страны и возможный изъ него выходъ. — Дипломатія князя Бисмарка. — Австрійскія дѣла. — Соціальныя вопросы въ Англіи.	398
Литературное Овозрѣніе. — Сочиненія Павла Якушкина, изд. Вл. Михневича. — Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., Перетятковича. — Матеріалы для антропологическаго описанія Россіи. I. Мордва-Эрзя. В. Майнова. — Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литературы, И. Дмитревскаго. — Очерки Крыма, Евг. Маркова. — А. Н. — Шекспиръ, въ перев. А. Л. Соколовскаго: Гамлетъ. — К. К.	415
Замѣтка. — Еще объ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, г. Карѣва. — Л. С.	430
Изъ Овощиванной Хроники. — Разныя точки стоянія политическаго барометра. — Общественный контроль надъ приговорами присяжныхъ; пермская корреспонденція и дѣло Островцевой. — Г-нъ Маркевичъ и театально-литературный комитетъ. — Гр. Л. Н. Толстой, „сознающій слабость своихъ твореній“. — Женскіе врачебные курсы, побиваемые съ помощью беллетристики. — Обязательно ли исполненіе обязанности? — Новый Лермонтовскій Музей въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ.	433
Отъ редакціи. — Подписка на памятникъ И. С. Тургеневу.	448
Библиографическій Листокъ. — Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, въ X томахъ. Посмертное изданіе Глазунова. — Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, въ VIII т. Изданіе Глазунова. — Типы изъ „Записокъ Охотника“, въ скупкахъ, Елиз. Бѣжъ. — Очерки путешествія въ Гималаи, г-на и г-жи Верещагинскихъ, ч. I. — Жизнь европейскіхъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. III.	

Книга вторая.—Февраль.

СТР.

Молодость И. С. Тургенева.—1840—1856.—П. В. АННЕНКОВА	449
Наша семья и ея историческія судьбы.—Очерки.—VI-X.—Окончаніе.—В. Я. СТОЮНИНА	474
Столптвореніе.—Фантазія.—Н. МИНСКАГО.	512
Жизнь.—Изъ разсказовъ о золотѣ.—XI-XIV.—Д. И. МАМИНА	520
Система Меттерниха.—По его письмамъ.—III-VI.—Окончаніе.—А. Д. ГРАДОВСКАГО	566
Стихотворенія.—I. Въ театрѣ.—II. Весня развертывались силн.—III. Замѣтки.—IV. Въ одиночествѣ.—V. Мгновеніи мимо.—VI. Ранней осени подарокъ.—VII. Лишь вступить жизнь въ такую пору.—VIII. О томъ, какъ насъ судьба влечетъ.—IX. Отголосокъ.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	614
По Испаніи.—Изъ путешествія.—VI-IX.—Д. Л. МОРДОВЦЕВА.	621
Осада Лондона.—Повѣсть Генри Джамса-младшаго.—Часть вторая и послѣдняя.—Съ англійскаго.—А. Б.	658
Народничество.—Статья вторая и послѣдняя.—А. Н. ПЫПИНА	702
Стихотворенія.—I. Майскія ночи.—II. Надъ чуткой душой.—III. Полночь бизо.—А. М.—овъ	752
По пути.—Разсказъ.—А. А.	756
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Московское дворянское собраніе.—Затѣиye или регрессъ?—Государственная роспись на 1884 годъ: цифры ожидаемыхъ доходовъ; общаеое упорядоченіе сверхсѣтѣнныхъ расходовъ; предположенія относительно ближайшаго будущаго.—Вопросъ о способѣ погашенія восточныхъ займовъ и о сбереженіяхъ изъ остатковъ отъ ассигновокъ по системѣ государственнаго кредита.—Свѣта города Петербурга.—Проектируемое ограниченіе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ.—Первые шаги крестьянскаго повемельнаго банка	784
Мозговой утомленіе и способы опредѣленія его.—М. М. МАНАССЕИНОЙ.	812
Иностранное Овозрѣніе.—Колебанія во внѣшней политикѣ.—Князь Бисмаркъ и Эдуардъ Ласкеръ.—Особенности Ласкера, какъ оратора и парламентскаго дѣятеля.—Политическіе нравы «патріотовъ». Положеніе дѣлъ во Франціи.—Рабочій вопросъ.—Соціалистическія партіи и ихъ взаимное соперничество.—Политика рабочаго класса.—Минималъ ересь предъ судомъ французскихъ академиковъ-экономистовъ.—Пропаганда опасныхъ идей и отношеніе къ нимъ въ Англіи.	826
Литературное Овозрѣніе.—Основаніе философіи, П. Милославскаго.—Л. Галленбахъ: Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи, перев. съ нѣм., съ предисл. В. Соловьева.—К. Головина: Наше мѣстное управленіе и наше представительство.—С. А. Приклонскій: Народная жизнь на сѣверѣ.—А. Мальшинскій: Народное благосостояніе по демографическимъ даннымъ.—Г. М. Герценштейнъ: Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи.—Д. М. Львовъ: Налогъ съ наслѣдства, по современному ученію финансовой науки.—Л. Владиміровъ: Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ.—Л. Н. Ниссеновичъ: Исторія заводско-фабричнаго законодательства Россійской имперіи.—Д. Сентебери. Краткая исторія французской литературы.—Письмо въ редакцію, по поводу книги «Жизнь европейскихъ народовъ».—Е. Водовозовой.	844
Письмо въ редакцію по поводу новаго стихотворенія Пушкина.—П. А. ВИСКОВАТОВА.	867
Изъ Овощественной Хроники.—Оправданіе Свиридова и Мельничихи.—Возможность уменьшить шансы ошибокъ со стороны присяжныхъ.—Новый походъ противъ самостоятельности суда.—Дѣло г. Россипкаго и странное отзывы о немъ въ печати	868
Библиографическій Листокъ.—Полное собраніе сочиненій Козьмы Прутковъ.—Одиссея Гомера, А. Ларскаго.—Опытъ изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ, М. П. Щепкина.—Жизнь дѣтей, выпускъ III.—Исторія XIX-го вѣка, Мишле, т. II, перев. М. Цебриковой.—	

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

Полное собрание сочинений Козьмы Прутковъ. Съ портретомъ, fac-simile и биграфическими свѣдѣніями. Изданіе А. и В. Жемчужниковъ. Спб. 1884. Стр. 253. Ц. 2 р., въ папѣ, съ пересылкою.

Какъ рассказываютъ, существовавшій Кузьма Прутковъ никогда не писалъ (онъ былъ слугою одного изъ лицъ кружка, взявшаго его имя для псевдонима, за которыми скрывался этотъ самый кружокъ: Графъ А. К. Толстой и братья Жемчужниковы); такимъ образомъ, выходитъ, что писавшій Прутковъ, какъ физическое лицо, никогда не существовалъ. Гоноръ словами Пруткова, мы можемъ сказать, что онъ—человѣкъ „извѣстный“ и потому достаточно одного его имени, чтобы сказать все о „полномъ собраніи его сочиненій“. Имя его, дѣйствительно, очень популярно, и появленіе этого рода литературы въ первой половинѣ 50-хъ годовъ весьма характерно и знаменательно для исторіи нашей литературы. Въ то же время, Кузьма Прутковъ—типъ и до сихъ поръ не вымершій въ обществѣ, какъ то можно заключить изъ „биграфическихъ свѣдѣній“ о немъ, сообщаемыхъ издателями. Книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: „Досуги, и Пухъ и Перья“, гдѣ соединены всѣ стихотворенія и „Плоды раздумья“, т. е. мысли и афоризмы; затѣмъ, слѣдуютъ „Выдержки изъ записокъ моего дѣда“, и наконецъ—драматическія произведенія Кузьмы Пруткова.

Одиссея Гомера. Рассказалъ для дѣтей А. Ларскій. Съ рисунками Преллера. Спб. Стр. 141.

Мысль „рассказать“ дѣтямъ содержаніе Одиссеи не нова, но и не легкая—доказательствомъ тому служатъ опыты г. Ларскаго. Правда, по мнѣнію самого издателя, одобренный имъ трудъ г. Ларскаго стоитъ гораздо выше самого Фенелона и нѣмецкихъ авторовъ подобныхъ же рассказовъ; но это нѣсколько преувеличено, такъ какъ главное условіе всякаго „рассказа“—языкъ—и оно не вполне выдержано. Надобно думать, что переводъ Одиссеи Жуковского вѣнчался въ память автора, а потому въ его прозѣ очень часто можно встрѣтить такіе обороты рѣчи: „Странное, дочь моя, ты слово сказала“, и т. д. Это, конечно, испорченный стихъ, но испорченный стихъ не есть еще хорошая проза. Подобные обороты встрѣчаются у г. Ларскаго чуть не на каждомъ шагѣ; а иногда его проза является послѣднимъ экзаметромъ: „О, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный—малъ судьба осудила меня несласказно жестоко“, затѣмъ, внезапно слѣдуетъ проза, принимающая снова по временамъ складъ экзаметра, такъ что все походитъ на гладкую дорогу съ неожиданными ухабами. Издатель полагаетъ, что иллюстрирующій Гомера „долженъ самъ воспитать въ себѣ классицизмъ“ (опъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать обратное: долженъ быть самъ воспитанъ въ классицизмѣ); но классицизмъ, воспитанный въ г. Ларскомъ, подарилъ намъ только нѣкіи зинтеты, въ родѣ: „Зевесъ-громоушникъ“ и Афиноу, вмѣсто Аони. Зато приложеніе къ изданію рисунки съ классическихъ архивовъ Преллера составляютъ истинную заутю изданій—и выполнены превосходно по замѣчательнымъ клше.

Путь изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ. М. П. Щелкина. Ч. II. М. 1884. Стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.

обзору городскихъ налоговъ въ Москвѣ. Авторъ предпосылаетъ этому подробное и обстоятельное изученіе состоянія того же вопроса въ Англіи, Франціи и Германіи. Москва, оказывается, не составляетъ исключенія изъ общей картины неравномѣрности и неправильности обложенія обывателей въ нашихъ городахъ; въ ней недвижимыя имущества чуть не до хаты, торговля и промыслы до послѣдняго чернорабочаго—даютъ на каждыя 100 рублей 72 рубля, и только 28 руб. притекаютъ изъ разныхъ источниковъ; люди же достаточные и ихъ капиталы совершенно свободны отъ податей. При всемъ томъ, что налоги обременительны, богатѣйшій городъ въ Россіи, какъ Москва, имѣетъ дохода немного выше 4 милліоновъ,—какихъ-нибудь 10 милліоновъ франковъ!! А самая „обременительность“ этихъ налоговъ выражается тѣмъ, что въ Москвѣ на каждаго жителя приходится 5 р. 50 к., между тѣмъ какъ въ Парижѣ—33 р. 50 к.; въ Вѣнѣ—14 руб.; въ Берлинѣ—10 р.; въ Стокгольмѣ—13 р. 60 к.; въ Копенгагенѣ—9 рублей! Вторая половина выпуска посвящена исторіи московской полиціи; тутъ же напечатано и „открытое письмо къ Б. Н. Чичерину“, писанное авторомъ при утвержденіи его городскимъ головоу—съ pia desideria автора.

Жизнь дѣтей. Собраніе дѣтскихъ рассказовъ. Выпускъ III. Спб. 1883. Стр. 108. Ц. 30 к.

Новый выпускъ содержитъ въ себѣ два рождественскихъ рассказа: „Вноелемъ“ и „Дикая Роза“. Какъ и въ прежнихъ выпускахъ, неизвѣстный переводчикъ продолжаетъ съ тѣмъ же вкусомъ и умѣньемъ дѣлать свой выборъ изъ иностранной дѣтской литературы. „Вноелемъ“ даютъ намъ весьма живую, оригинальную и интересную не для однихъ дѣтей картину внутренняго быта еврейскаго общества въ эпоху рожденія І. Христа въ Вноелемѣ; именно, это мировое событіе и служитъ поводомъ къ самому рассказу англійскаго автора. „Дикая Роза“—старинная легенда, гдѣ дѣвушка этого имени жертвуетъ жизнью для спасенія своихъ согражданъ отъ нападѣнія врага; подробности рассказа вѣрно рассчитаны на дѣтское воображеніе и даютъ ему хорошую пищу.

Исторія XIX вѣка до 18-го вѣмкря. Мишле. Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой. Спб., 1883. Стр. 317. Цѣна 2 руб.

Достоинства Мишле, какъ историка-художника, слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было доказывать пользу появленія его послѣдняго труда въ хорошемъ русскомъ переводѣ. Кто захочетъ изучить фактически, во всей полнотѣ, переходную эпоху между революціею и Наполеономъ, тотъ обратится, конечно, къ болѣе объективнымъ изслѣдованіямъ Тьера, Баранта, Зибелля; но для того, кто уже знакомъ съ немъ, въ главныхъ чертахъ, образы, рисуемые Мишле, освѣтятъ ее новыми, яркими свѣтомъ. Безпристрастіе не составляетъ отличительнаго качества Мишле—но если онъ иногда черезъ-чуръ наклоняетъ всѣмъ въ одну сторону, то эти уравнивающіяся слишкомъ продолжительное уклоненіе ихъ въ другую. Обищать по достоинству хоть бы Массену—долго мѣшало поклоненіе передъ Наполеономъ и предубѣжденіе про-

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1884 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки ...	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою ...	17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкой ...	16 » — »	9 »	5 »	За-границей ...	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и **ОБЪЯВЛЕНІЯ** для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высылаютъ подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допущена выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ адреса* просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цифръ по государству.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на получение журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которъ приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр. 2 л. 7

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

APR 12 1965

